

СОВРЕМЕНИКЪ

1906

СОВРЕМЕНИКЪ

⁰⁵
С-56

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лассаля д. 3.

№ 4778 ж. 9

ТОМЪ LXXXI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

1860.

90.-6

ДЖУЛІА.

(СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО).

Законъ прогремѣлъ и труба раздалася.
То день новобранцевъ. Толпа собралася
Во храмъ; среди ея урна стоитъ:
Семь рекрутъ съ деревни должны быть добыты,
Семь жеребьевъ въ урнѣ таинственной скрыты,
И всякъ подходя къ ней робѣеть, дрожить.

Они итальянцы: такъ чтожь ихъ пугаетъ?
Когда ихъ отечеству врагъ угрожаетъ —
Ужели сражаться они не хотятъ?
О, нѣтъ, не отчизна ихъ помощи просить,
Ломбардія бремя ей чуждое носить,
Сыны ея въ рабствѣ, имъ палкой грозятъ!

Чего жь хочетъ вся эта масса народа,
Что въ храмъ тѣснится, что сжалась у входа,
Въ тоскѣ, что вдали ничего не видать?
Иль братьевъ насильно исторгнуть стремится?
Иль хочетъ за сабли, за вилы схватиться? —
Изгнать чужеземцевъ? къ свободѣ воззвать?

Работали въ полѣ; трубу услышали —
 И въ городъ, какъ дѣти на шумъ, прибѣжали.
 Зачѣмъ? за вѣстями, что день имъ принёсъ,
 Послушать рыданій и воплей прощальныхъ,
 А тамъ — обо всѣхъ этихъ сценахъ печальныхъ
 Рассказывать завтра безъ гнѣва и слёзъ.

А что же отцы? о, они прибѣгаютъ
 Въ тревогѣ, и горестно взгляды бросаютъ
 На плачущихъ женъ и невѣстокъ своихъ.
 Они на дѣтей, что съ зарею поднялись
 Сегодняшнимъ утромъ еще любовались.
 А ночью — увидятъ ли спящими ихъ?

Народъ и шумить, и толпится. Но что же
 За женщина это? на нихъ не похожа —
 Что больше въ ней — гнѣвъ или горе кипить?
 Она подъ вуалью лица не скрываетъ,
 Не ропщетъ, не плачетъ, лишь къ небу взираетъ,
 Не видя, не зная, кто возлѣ стоитъ.

То Джулія. Двухъ сыновей воспитала.
 Увы! одного ужъ изъ нихъ потеряла:
 Простился онъ съ родной жалкой своей,
 Никѣмъ не замѣченъ, онъ скрылся въ пустынь,
 И долго томился на дальней чужбинѣ....
 И вѣчно изгнанникъ на сердцѣ у ней!

Какую она тогда вынесла муку!
 А нынѣ съ другимъ уже сыномъ разлуку,
 Быть можетъ, готовить судьбы приговоръ;
 Онъ вступить въ ужасную эту ватагу,
 И съ боку привѣситъ австрійскую шпагу,
 И бѣлый надѣнетъ мундиръ, — о, позоръ!

И душой печальной несчастная хочетъ
 Узнать, что въ грядущемъ судьба ей пророчить:
 Она за трубою воинской идетъ,
 Она среди лагеря, умственнымъ взглядомъ
 Слѣдитъ за австрійскимъ военнымъ отрядомъ,
 Который спускается съ Альповъ. Но вотъ —

Вдали показалось войско другое, —
 Не то уже знамя надъ нимъ боевое, —
 Оно хочеть первому путь пересѣчь.
 Тамъ — крики свободы, гремя, раздаются,
 Здѣсь — въ рабствѣ держать нашу землю клянутся; —
 И врагъ на врага обнажаетъ свой мечъ.

Вотъ всадникъ помчался въ кровавую сѣчу,
 Другой къ нему съ саблей несется навстрѣчу,
 И ранять другъ друга. О, что за народъ!
 Какія движенья, какія проклятья!
 Несчастливая смотритъ и видитъ — то братья....
 Въ свирѣпыхъ бойцахъ сыновей узнаеть!

И, вздрогнувъ, отъ ужасовъ бури воинской
 Она отвращаетъ свой взоръ материнской
 Къ бѣдѣ настоящей: вотъ урна стоитъ,
 И къ урнѣ вниманье она устремила;
 Быстрѣе по жиламъ въ ней кровь заходила:
 Какой жребій Карлу судьба подарить?

Вотъ въ урну всѣ марки судьбы собирають,
 И смотрятъ на нихъ, и сурово рѣшаютъ
 Кого на рекрутство она обрекла.
 И шопоть замолкнулъ, не слышно ни слова,
 И глупая чернь веселиться готова,
 И жадное ухо свое подняла.

Взоръ Джуліи вспыхнулъ подъ черною бровью,
 И смотритъ на Карла съ такою любовью,
 Съ какой никогда не бывалъ устремленъ.
 Послышалось имя. Кто это? о, Боже!
 Не сынъ ли? — Не онъ! Вотъ другое — и тоже.
 Не онъ. Вотъ еще и еще — все не онъ!!

Вотъ пятое имя, а вотъ и шестое
 Сказали; о, счастье! то имя чужое;
 Быть можетъ, напрасенъ былъ Джуліи страхъ.
 Какъ воздухъ больнаго порой оживляетъ,
 Такъ внутренній голосъ ее утѣшаетъ:
 «Молитва твоя принята въ небесахъ!»

Она поддается отрадной надеждѣ,
И ждетъ не съ такимъ уже страхомъ, какъ прежде,
И тяжесть у ней отлегла отъ груди. —
Но жребій послѣдній зоветъ ея сына,
И завтра, на грезный призывъ властелина,
Уйдетъ онъ, съ австрійскимъ орломъ впереди!

Д. МИХАЛОВСКИЙ.

ДЯДЮШКА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ).

I.

— Войдти можно, m-lle Mélanie?

— Войдите, отвѣчала молодая дѣвушка, весело отворяя дверь и обращаясь къ вошедшему молодому человѣку.

— Извините, m-lle; вы желали сегодня видѣть меня — и я пришелъ.

— Фи, какой козакъ, какой варваръ!... Возможно ли такъ говорить съ женщинами? Отчего вы такъ грубы, мосье Александръ? Rardon, подобные вопросы съ моей стороны тоже не совсѣмъ милы. Садитесь лучше: я ужасно рада видѣть васъ.

— Гдѣ же мнѣ сѣсть — на креслѣ или на диванѣ, подальше или поближе?

— Гдѣ вамъ лучше, произнесла она, нахмурившись.

— А, мало ли чего, гдѣ лучше! Но вы не позволите сѣсть тамъ, гдѣ мнѣ хочется. Не правда ли?

— Отчего же? Ну, скажите мнѣ, гдѣ же вамъ хочется сѣсть?

— Вотъ тутъ, m-lle Mélanie, на этой скамеечкѣ, чтобъ ближе быть къ вашимъ ножкамъ.

— Садитесь, спокойно отвѣчала молодая дѣвушка.

Молодой человѣкъ, не торопясь, помѣстился около ея ножекъ.

Лицо у него было весьма неглупое и приятное, глазъ горѣлъ свѣтло и бойко, вообще вся наружность его была довольно оживленная и чрезвычайно добрая. Но вслѣдствіе ли маленькихъ неудачъ, или по другимъ причинамъ, юноша корчилъ видъ чело-вѣка, уже искушеннаго и недовѣрчиваго, утратившаго давно свѣжую мечту золотыхъ помысловъ. Но ложь слишкомъ была очевидна и дѣлала его смѣшнымъ.

— Вы усѣлись, мосье Александръ; что же, хорошо вамъ теперь? спросила Mélanie.

— Да какъ вамъ сказать? Вы тотчасъ по своему обыкновенію закричите: *cosaque, barbare!* Ахъ, кстати, растолкуйте мнѣ, какимъ это образомъ вся Франція затвердила эти глупыя слова? Какая, право, дрянь ваша Франція!

— Молчите, мосье Александръ, молчите! Belle France — вотъ ея названіе! Лучше страны этой нѣтъ въ мірѣ. О, Франція тѣмъ и высока, что мы жить безъ нея не можемъ.... Belle France, belle France — понимаете ли вы какой чудесный, дорогой для насъ звукъ? Вы еще не знаете, какъ я люблю нашу Францію, горячо, безъ памяти. Вы можете бранить моихъ знакомыхъ, ругайте всѣхъ: мосье Данглемона, мосье Дирекура, даже дялюшку позволяю вамъ бранить, но оставьте мнѣ мою Францію.

— Я ее не трогаю, замѣтилъ онъ, съ удовольствіемъ поглядывая на раскраснѣвшееся личико Mélanie. — Ужъ не думаете ли вы отправиться на баррикады?

— Пойду, если надо будетъ, твердо пропзнесла она. — Одна моя пріятельница, молоденькая и прехорошенькая собою, потеряла палецъ на баррикадахъ, и я съ удовольствіемъ цалую у ней этотъ изувѣченный пальчикъ. Она счастливица, хоть и безъ пальца.

— Конечно.... Можно жить даже и безъ ноги.

— Ахъ, какой вы каменный чело-вѣкъ, настоящій русский! Васъ ничто не трогаетъ и не изумляетъ. Скажите мнѣ, мосье Александръ, — *raison*, я нынче намѣрена сказать вамъ самую обидную дерзость: зачѣмъ вы живете?

При этомъ вопросѣ она дѣйствительно сконфузилась и готова была еще разъ извиниться.

— Я тутъ не вижу никакой дерзости и готовъ отвѣчать вамъ откровенно: я живу потому, что не пришелъ еще срокъ моей смерти.

И онъ нарочно принялъ равнодушно-унылый видъ.

— Вы хорошо слышите, если вернетесь къ себѣ, въ Россію, произнесла она съ досадою. — Только тамъ могутъ разсуждать съ такимъ ледянымъ чувствомъ и такъ безучастно ко всякому разговору. Развѣ вы разговариваете съ кѣмъ-нибудь — никогда! Вы только вслушиваетесь въ звуки собственнаго голоса.

При послѣднихъ словахъ она отвернулась.

— Послушайте, *m-lle Mélanie*, произнесъ онъ и поднялся съ своего мѣста. — Вы сами меня сбиди съ ногъ: католиковъ трогать не смѣй, Франціи не задѣвай, Скриба считай чуть-чуть не гениемъ за то только, что въ его пьесахъ лавочки и работники способны на великодушіе, женятся по страсти, распѣвають глупости. Какой вздоръ, какая неправда! Гдѣ же больше разчитываютъ, обманываютъ, какъ не здѣсь?

— Какъ это мило съ вашей стороны, мосье Александръ! Вы, по крайней мѣрѣ, хотя бы при мнѣ не говорили этого.

— Чтожъ дѣлать, извините, я дикарь. Вотъ, напримѣръ, дядюшка вашъ... но о немъ я не смѣю и говорить....

— Почему же?

— О дядюшкѣ? о мосье Ле-Гранѣ? помилуйте, *m-lle Mélanie*, онъ въ глазахъ вашихъ чуть не святой! Онъ имѣетъ свой приходъ, онъ каждое воскресенье декламируетъ проповѣди, онъ говоритъ о воздержаніи.... Этотъ-то мосье кюре, вашъ дядюшка, и загубилъ васъ: самъ толстѣетъ и наслаждается жизнью, а вы восхищаетесь его добродѣтелями, работаете за троихъ и, въ добавокъ еще, монастыремъ бредите.

— О нѣтъ, я въ монастырь не хочу.

— Давно ли, *m-lle Mélanie*, вы сами говорили мнѣ о прелестяхъ монастырской жизни?

— Я была тогда въ дурномъ расположеніи духа, поэтому и говорила вамъ о монастырѣ.

— Весьма радъ, а то признаюсь.... Вы совсѣмъ не парижанка, вовсе не парижанка!

— Я родилась въ деревнѣ, мосье Александръ, воспитывалась въ монастырѣ, потомъ жила въ провинціи, слѣдовательно, какая же я парижанка? Я Парижъ знаю очень мало.

— Ну, и кстати, я васъ ознакомлю съ нимъ. Я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ вы отправились сегодня со мною въ театръ, на веселенькую пьеску.

— Съ удовольствіемъ поѣду, я до смерти люблю театръ; ужь пусть себѣ дядюшка сердится, а я непременно поѣду съ вами, мосье Александръ. Какая же будетъ пьеса, хорошенькая?

— Премилая: *Monsieur, qui suit les femmes.*

— О, вотъ какъ! Ёду, ёду, съ удовольствіемъ. Я думаю встрѣтить тамъ сегодня своего знакомаго.

— Въ театрѣ?

— Нѣтъ, въ самой пьесѣ.

— Кого же?

— Васъ, мосье Александръ: вѣдь вы тоже всегда преслѣдуете женщинъ и лучшее вамъ названіе — *monsieur, qui suit les femmes.*

Онъ нѣсколько нахмурился.

— Вы думаете, я ничего не знаю? произнесла *Mélanie* съ улыбкою. — Вы вчера обѣдали въ Пале-Рояль и имѣли свиданье.

— Эхъ, *m-lle Mélanie*, какъ будто маленькое свиданіе мѣшаетъ молодому человѣку. Не такъ ли? говорилъ онъ, постукивая ногою и стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Нѣтъ, не такъ: если ужь имѣть свиданье, то не маленькое, которое черезъ минуту забывается; по моему, ужь лучше имѣть большое.

— Помилуйте, гдѣ вы отыщете такихъ женщинъ въ Парижѣ, гдѣ все продажно, — и красота, и сердце, и убѣжденіе.

— Полноте, мосье Александръ, у насъ есть и женщины, и мужчины, которыхъ не ослѣпишь никакими деньгами. Какъ вы можете такъ говорить, не зная вполнѣ нашего общества? На основаніи чего вы такъ судите? позвольте васъ спросить и позвольте доказать невѣрность вашихъ сужденій.

— Прекрасно, прекрасно, перебилъ онъ, нетерпѣливо махая руками. — Все у васъ хорошо, все у васъ неподобно: и Франція процвѣтаетъ, и правительство чудесное, и люди изумительные.... Извольте надѣвать вашу шляпку.

— Нѣтъ, не надѣну. Я передумала и остаюсь дома.

— Ахъ, какая вы капризная! Вѣдь мы опоздаемъ въ театръ.

— Благодарю васъ, я не поѣду.

Онъ закусилъ губу и сталъ ходить по комнатѣ.

— Въ первый разъ рѣшились ѣхать и тутъ же испугались... Видно вспомнили, что дядюшка сердиться станетъ, бормоталъ онъ.

— Конечно, не предупредивши дядюшку — сдѣлать это не возможно, но это не главное: я просто на васъ сердита, мосье Александръ. Вы, право, какой-то ужасный человѣкъ, говорила она, кокетливо опуская глаза. — Скажите, неужели на сѣверѣ все такіе характеры?

— У насъ, на сѣверѣ, отвѣчалъ онъ съ невольнымъ вздохомъ: — рождаются люди, вопреки окружающей ихъ природѣ, робкіе и хилые; имъ достаточно испытать кой-что, чтобы отвернуться отъ остального.

— Отчего же это такъ? съ удивленіемъ спросила она.

— Не знаю, но только такъ.

— Ахъ, полноте, мосье Александръ! Да у васъ у перваго такой характеръ, что вы и другими распоряжаетесь точно своими игрушками. Пожалуйста не прикидывайтесь человѣкомъ слабенькимъ, я вамъ не повѣрю. Немножко огня, побольше льду и еще больше желѣза — вотъ вамъ характеръ мосье Александра!

Онъ засмѣялся. Ему понравилась эта выходка, произнесенная съ очевидною горячностью и колкостью.

— Добавьте еще одно, m-lle Mélanie: когда я былъ ребенкомъ, мой дѣдъ, любившій меня до безумія, каждый день во время обѣда имѣлъ привычку непремѣнно ударить меня въ лобъ своею огромною, серебрянною ложкою, и я хоть бы одну слезинку проронилъ! Вотъ каковъ я, m-lle Mélanie.

— Ну, это вздоръ, отвѣчала она:—вы ужь важничаете. Однако, повторяю вамъ, я до сихъ поръ держусь прежняго моего мнѣнія: кто презрительно все трактуетъ, значитъ,—для него ничего нѣтъ задушевнаго въ мірѣ, онъ на все готовъ и ко всему равнодушенъ.

— Отчего-же вчерашняго дня, напримѣръ, я былъ очень неравнодушенъ и даже плакалъ, повѣрите-ли?

— Не повѣрю, никогда, никогда!

— Да, плакалъ, и плакалъ, какъ ребенокъ.

— Будто, мосье Александръ?.. Я бы желала это видѣть. Ну, заставьте себя плакать, но прежде пожалуйста достаньте изъ кармана вашъ носовой платокъ.

— Благодарю васъ, и безъ платка обойдется. Я лучше расскажу вамъ все, какъ было. Я плакалъ оттого, что на вчерашнемъ свиданіи въ Пале-Рояль, о которомъ вы такъ мило мнѣ намекнули, меня укусили за-ухо — и пребольно, до крови.

— О, эти слезы понятны! перебила она.

— То есть, вы хотите сказать, что отъ милаго предмета ни-что не больно, какъ-бы не такъ, m-lle Mélanie! Видите-ли, этотъ милый предметъ имѣетъ слабость кусать до-смерти.

— Ахъ, мосье Александръ, какой вы хвастунъ, я этого еще не знала.

— Я не хвастаюсь, m-lle Mélanie, я желаю только убѣдить васъ въ томъ, что подобные обычаи существуютъ въ вашемъ Парижѣ: не угодно-ли посмотрѣть, что сдѣлали съ моимъ бѣднымъ ухомъ.

Онъ откинулъ назадъ свои густые волосы и обнажилъ ухо, во всю длину котораго дѣйствительно проходилъ свѣжій и весьма значительный шрамъ.

Mélanie вспыхнула.

— А! произнесла она и замолчала. Я думала, начала она насмѣшливо:—что вы шутите, а между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вы....

— Договаривайте....

— Нѣтъ, я вамъ больше ничего не скажу, да и не имѣю права, отвѣчала она сухо. — Не хотите-ли лучше откушать со мною холоднаго гуся, который остался отъ вчерашняго ужина? Кстати, продолжала она: — и лялющка мой скоро придетъ.

Молодой человѣкъ, по русскому обычаю, медленно почесалъ себя въ затылкъ.

Ишь какая, думалъ онъ: такъ и наровить все на свадьбу. Нѣтъ, видно барышни вездѣ на одинъ покррой. Жаль только, что она не на такого напала.

Какъ вполне молодой и притомъ русскій человѣкъ, онъ терпѣть не могъ слова: *свадьба*, ибо нигдѣ нѣтъ столько холостяковъ, неизвѣстно для чего берегущихъ себя, какъ на православной Руси. Видѣ официальной невѣсты, свадьба — всегда дѣйствовали на нашего героя самымъ неприятымъ образомъ. «Джи. увѣрялъ онъ — и безъ того на свѣтѣ много, такъ зачѣмъ же давать клятву, на всю жизнь, выполнить которую большею частью бываетъ невозможно. Не лучше ли освящать бракомъ долги дружественныя отношенія, которыя протекли въ гармоніи, въ добромъ согласіи, безъ обмана и принужденія?»

Но это было не собственное его убѣжденіе, а говорилось такъ, изъ желанія хотя чѣмъ-нибудь да оправдать свою пустую и неопредѣленную жизнь.

Mélanie между тѣмъ ловко разставила на столѣ своей опрятной ручкою кусокъ холоднаго гуся, бутылку краснаго вина, хлѣбъ, фрукты и сыр.

— А представленіе-то, я думаю, въ театрѣ давно уже началось, сказала она, окончивъ свои занятія. — Мнѣ очень жаль, мосье Александръ, что вы потеряли сегодняшнее представленіе, заключила она, повидимому добродушно, но тономъ легкой и осторожной ироніи.

— Ничего, отвѣчалъ онъ: — я надѣюсь, что скоро придетъ сивьѳоръ Діоничи Монето: онъ совретъ что нибудь такое, что будетъ лучше всякаго представленья.

Дѣйствительно, скоро послышался звонокъ, но вошелъ не сивьѳоръ Діоничи, а мосье кюре Ле-Гранъ, въ своемъ длинномъ черномъ костюмѣ и съ бѣлою манжеткою на груди.

— Возвоіге, мосье Корутикіне, произнесъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку. — Какъ ваше здоровье?

— Очень хорошо, отвѣчалъ Коцыткинъ, протягивая ему руку. — Я давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, господинъ кюре, какъ поживаете?

— О, я здоровъ! Благодаря Бога, я всегда здоровъ, медленно проговорилъ кюре. — Mélanie, я, если не ошибаюсь, вижу у тебя на столѣ жаренаго гуся.

— Да, дядя... И ты, вѣроятно, тоже съ нами откушаешь?

— Благодарствуйте, моя племянница: тебѣ извѣстно, какъ дядя твой мало требуетъ отъ этой жизни. Развѣ вина выпить немного. Представьте, мосье Корутикіне, какія чудныя дѣла совершаются въ Божьемъ мірѣ.... Да что же ты, моя племянница, не похлопочешь на счетъ вина! Одной бутылки для троихъ мало.

— Подожди, я тотчасъ распоряджусь. Я не знала, что ты будешь ужинать дома.

Кюре искоса взглянулъ на племянницу и замѣтно хотѣлъ тутъ-же прочесть ей мораль, но удержался и только пошевелилъ своими крупными и жесткими губами.

— Да, чудныя дѣла, мосье Корутикіне, продолжалъ онъ, поглаживая свой гладко-выбритый подбородокъ. Сегодня умеръ на моихъ рукахъ одинъ богатѣйшій человѣкъ, въ улицѣ Saint-Lazare. Онъ былъ бразилецъ; порокъ и развратъ спеленали его съ дѣтства, онъ долженъ былъ погибнуть. Къ счастью, я случайно познакомился съ нимъ и убѣдилъ его, передъ самою кон-

чиною, покаяться и перейти въ католическую вѣру. Онъ послушался, умеръ какъ должно и отказалъ все свое состояніе въ пользу одного изъ монастырей нашихъ. Вы это можете прочесть въ газетахъ, — я заготовилъ объ этомъ еще со вчерашняго дня статейку. Разумѣется, тамъ сказано обо всемъ глухо, но мнѣ извѣстны всѣ мельчайшія подробности, даже то, что покойникъ подарилъ мнѣ вотъ эти великолѣпные часы.

— Часы прекрасные, замѣтилъ Копыткинъ.

— На 28-ми камняхъ, смиренно отвѣчалъ кюре. — Вы только взгляните, каковы часы! Я думаю, что и святѣйшій папа не отказался бы отъ подобнаго подарка. Посмотрите пожалуйста, говорилъ кюре, съ удовольствіемъ засучивая свои рукава: — вотъ эта одна верхняя пластинка имѣетъ въ себѣ 49-ть унцій чистѣйшаго золота. А эта нижняя — что за сумасбродъ былъ однако покойникъ! — тяжела, какъ конская подкова. А ключъ-то, ключъ! Чудо, что за ключикъ. Вотъ посмотрите его съ этой стороны. Осторожнѣе, мосье Коруткине; взгляните-ка теперь на цѣпочку: сколько на ней брелоковъ-то, печатокъ, камней.... о, какой дуракъ былъ этотъ бразилецъ! разъ, два, три, четыре, пять ... о, какіе удивительные часы! заключилъ кюре.

— Племянница, началъ онъ снова: — я думаю, что часы этого покойника пять тысячъ франковъ стоятъ.

— Не можетъ быть, дядя!

Mélanie съ большимъ любопытствомъ стала разсматривать часы.

— Да, пять тысячъ. Я это знаю навѣрное! такъ мнѣ сказалъ лучший парижскій часовщикъ, къ которому я нарочно зашелъ, чтобъ онъ сдѣлалъ надлежащую оцѣнку.

— Они и больше стоятъ, проговорилъ Копыткинъ, поглядывая то на дядю, то на племянницу, то на свою шляпу. До свиданья.

— Куда же вы? закричалъ хозяинъ. Поужинаемъ вмѣстѣ, а потомъ и въ пикетъ сыграемъ. Mélanie, приготовь намъ, дитя мое, карты. Карты у меня лежатъ въ кабинетѣ подъ книгою.

Mélanie вышла въ другую комнату.

— Ахъ, молодой человекъ! уходитъ отъ ужина и отъ общества дѣвницы — это значитъ уходитъ отъ всего лучшаго! развязно произнесъ кюре, понизивъ однако на значительную ноту свой голосъ. — Прежде, напримѣръ, я всѣмъ увлекался до смерти, а теперь — очень люблю играть въ карты. И вотъ недавно

съ своимъ товарищемъ, да еще съ однимъ кюре, мы рѣзались такъ, что просто ужасъ. А товарищъ мой — лихой малый: хоть онъ и доминиканецъ, но танцуетъ и волочится за барышнями, какъ придворный человекъ. Мы съ нимъ провели чудеснѣйшую ночь.

При послѣднихъ словахъ онъ еще болѣе понизилъ голосъ и оглянулся.

— Я не могу отыскать твоихъ картъ, дядя, сказала, входя, Mélanie.

— Не лежать же имъ среди комнаты! говорю тебѣ, дитя мое, что онѣ припрятаны у меня подъ книгою, въ уголку моего письменнаго стола. Я ни отъ кого не скрываюсь и не считаю грѣхомъ, моя племянница, если я проиграю, или выиграю у моего ближняго нѣсколько су. Мое правило такое, мосье Корукіне: выигралъ я десять франковъ — восемь отдаю въ кружку бѣдныхъ, а два оставляю себѣ на табакъ. И въ игрѣ благочестивый христіанинъ не долженъ забывать своихъ обязанностей.

Кюре, кряхтя, поднялся съ своего мѣста и отправился искать карты.

— Дядюшка вашъ нынче необыкновенно любезенъ, замѣтилъ Копыткинъ.

— Я весьма рада и люблю, когда онъ веселъ. Мой дядя человекъ изумительный; напримѣръ, это обращеніе бразильца на путь истины? Вѣдь это подвигъ! Заслуга передъ церковью и христіанскимъ обществомъ! произнесла она шопотомъ, но съ какою-то гордостью и съ замѣтнымъ увлеченіемъ.

Кюре довольно долго отыскивалъ свои карты. Наконецъ, онъ явился въ очкахъ, съ маленькою трубкою въ зубахъ и въ коротенькомъ замасленномъ пальто; въ одной рукѣ держалъ онъ ящикъ съ табакомъ, въ другой — карты, носовой платокъ и зеленый фукляръ отъ очковъ.

— Позвольте, сказалъ онъ: — прежде всего объ ужинѣ надо подумать. Если я не ошибаюсь, у меня есть хорошая ветчина, которую я купилъ сегодня, идучи домой. Чудесная ветчина, одинъ фунтъ — полтора франка стоитъ. Надо ее отыскать, мои дѣти.

Онъ вышелъ въ переднюю, снялъ съ вѣшалки свое верхнее платье и вытаскилъ изъ кармана огромную поросеночью и жирную ветчину.

Т. LXXXI. Отд. I.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лассалля, д. 3.

17479 Google

— Я вѣдь самъ все покупаю, кричалъ онъ изъ передней. Мы люди неизбалованные: что Богъ пошлетъ, тѣмъ и счастливы. Одно меня губить, mon cher Копыткинъ: желудкомъ постоянно я страдаю, но, смѣю васъ увѣрить, вкусъ у меня очень недуренъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ ему со смѣхомъ Копыткинъ.

Кюре дружески погрозилъ ему пальцемъ.

— Я всегда жилъ въ одиночку и ко всему привыкъ. Племянница, подай мнѣ масло, укxусъ и горчицу. Я приготовлю для васъ чудеснѣйшій ужинъ: ветчина сама по себѣ, да крокъ того и салатъ еще будетъ. Mélanie, достань изъ шкапа салатъ, кофейникъ и спиртъ, я хочу прибавить къ ужину еще нѣсколько яичекъ въ смятку. Ah! Bon Dieu, какую я чувствую, однако, жажду!

Копыткинъ понялъ намекъ и налилъ ему стаканъ вина. Мосье Ле-Гранъ осушилъ его залпомъ.

— Что съ тобою, дядя? Ты, кажется, кутить начинаешь?

— Какой тутъ кутежъ, дитя мое! Нашему брату не обвинѣ думать: работаешь цѣлый вѣкъ не для себя, а все для своего прихода и для монастырей различныхъ. Вотъ, хотя бы дѣло съ бразильцемъ — крокъ часиковъ ничего не получилъ.

— Правда, правда ваша, подхватилъ Копыткинъ, съ торжествомъ поглядывая на Mélanie. — Я тоже думаю, что на другомъ поприщѣ вы успѣли бы гораздо больше, мосье Ле-Гранъ. Отчего вы не поступили въ военную службу? добавилъ онъ, дружески трепая его по плечу и устремивъ насмѣшливый взглядъ на племянницу.

Кюре спохватился.

— O, que les jeunes gens sont méchants aujourd'hui!... Вѣдь я только такъ говорю. Я говорю вообще. Вся моя жизнь есть подвигъ и лишенія! твердилъ онъ, разрѣзывая на тоненькіе ломтики ветчину. — Въ Италіи я по три дня ничего не ѣдалъ, въ Австріи — былъ въ столкновеніи съ придворными людьми и ничѣмъ не пользовался, въ Парижѣ получилъ другое назначеніе — и не ропщу на Господа Бога моего.

И лицо его снова приняло свое спокойное, но хитрое выраженіе. Mélanie взглянула на него и опустила глаза. Копыткинъ весело улыбнулся. Онъ торжествовалъ.

— Вотъ вы и меня, мосье Ле-Гранъ, хотѣли въ католицизмъ обратить.... Признайтесь откровенно — дѣло теперь уже прошедшее — вѣроятно, и меня считали вы бразильцемъ.

Ле-Гранъ, пойманный врасплохъ, строго покачалъ головою.

— Mon cher Копыtkine, mon cher Копыtkine, твердилъ онъ съ укоромъ : — оставайтесь вы при вашихъ мнѣніяхъ, но не искушайте другихъ.

Разговоръ этотъ для Mélanie, ревностной католички, былъ страшно неприятенъ. Она взглянула чуть не съ бѣшенствомъ на Копыtkина и поняла ясно, что онъ хочетъ опрофанировать поступки дяди, которыми она такъ восхищалась. Задѣтая за живое, она разсердилась и приготовилась отвѣтить ему рѣзкимъ словомъ, но Копыtkинъ показывалъ видъ, что не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Не поворачивая головы въ ея сторону, онъ съ большою любезностью сталъ услуживать мосье Ле-Грану и не давалъ ей времени проговорить ни слова.

Ле-Гранъ мигомъ поправилъ все дѣло.

— Друзья мон, мимолетное слово, произнесъ онъ :—пушенное языкомъ на вѣтеръ, безъ связи, безъ знанія, изъ какихъ источниковъ оно вытекло, — ничего еще не доказываетъ. Словомъ можно ворочать, какъ угодно : оно, какъ проволока, гнется во всѣ стороны. Но человѣкъ сказывается не въ словѣ, а въ дѣлѣ, мон дѣти, и такого человѣка не сшибешь съ ногъ никакимъ словомъ. Мало ли чего человѣкъ не скажетъ—надо знать, что онъ подъ этимъ разумѣетъ и для чего это сказано было.... оба вы еще молоды и я извиняю вамъ промахи ваши. Садитесь ка лучше сюда, поближе, и станемъ ужинать. Я, клянусь честью, имѣю намѣреніе хорошенько выпить сегодня.

— За ваше здоровье, мосье Ле-Гранъ! Сама Минерва говорить вашими устами....

— Благодарствуйте, благодарствуйте проказникъ.

— И за ваше, m-lle Mélanie.

— За мое, пожалуйста, не пейте.

— Отчего-же?

— Вы злой и надменный человѣкъ, произнесла она съ жаромъ.

— Нѣтъ, моя маленькая, какой онъ злой! небрежно отвѣчала Ле-Гранъ.

— Вы безбожникъ, вы ни во что не вѣруете! твердила она и хорошенькіе глазки ея замскрились, какъ звѣздочки.

— Что ты говоришь, дитя мое, лѣниво отвѣчалъ кюре.— Тотъ часъ видно, что ты пріѣхала изъ провинціи. Какой онъ безбожникъ! Ты еще ничего не видала на своемъ вѣку....

— Покорно благодарю васъ, мосье Ле-Гранъ; вы одни только и берете мою сторону....

— Э, помилуйте, женщины всегда бываютъ несправедливы. Онѣ не могутъ ясно обсудить дѣла.

— Слышите, m-lle Mélanie, что говорить вашъ дядюшка?

— Дядюшка мой слишкомъ добръ: это отличительная его черта, серьезно отвѣчала она.

— А вы что бы сдѣлали со мною, m-lle Mélanie, неужели на костръ велѣли-бы сжечь?

— Зачѣмъ на костръ, вмѣшался кюре. — Его довольно въ уголь поставить, проказника. Mon cher, налейте-ка мнѣ еще вина. А какова ветчинка?

— Отличная.

— А салатъ какъ вамъ кажется?

— Превосходный.

— То-то, Ле-Гранъ не дуракъ и, клянусь честью, еслибъ захотѣлъ, то всѣхъ поваровъ въ мірѣ за поясъ заткнулъ-бы! А что же, сыграемъ мы въ пикетъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Копыткинъ, который былъ хотя нѣсколько въ раздраженномъ, но въ томъ странномъ настроеніи духа, когда пріятно помучить любимую женщину, а Копыткину Mélanie нравилась и нравилась не на шутку; — m-lle Mélanie, не угодно-ли и вамъ сыграть съ нами?

— Какъ вы хорошо помните мои привычки: развѣ я когда-либо играю?

— Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ! Всему причиною разсказъ вашего дядюшки: онъ утверждаетъ, что слова ничего не значать, слѣдовательно, хотя вы и говорили инѣ, что не играете, но я имѣлъ полное право не вѣрить вамъ и думать, что вы играете.

— Она не играетъ, провизнесъ Ле-Гранъ, тасуя карты и проницательно поглядывая на молодыхъ людей черезъ свои зеленые очки.

II.

Однажды Копыткинъ проснулся довольно рано и, лежа въ постели, мысленно разсуждалъ о томъ, отчего Ле-Гранъ вѣчно

косится на его посѣщенія и отчего всякій разъ, когда ни придетъ, онъ сидитъ дома. Съ Mélanie Копыткинъ успѣлъ давно помириться; но присутствіе дядюшки стѣсняло его до такой степени, что онъ началъ ходить рѣже.

— Мнѣ ужасно жаль ее! разсуждалъ онъ.—Я не имѣю никакихъ дурныхъ нахѣреній, а этотъ старый кюре слѣдитъ за нею, точно за ребенкомъ.... вѣдь она изъ дому выйти не смѣетъ.... вѣдь шагу, бѣдная, слѣлать не можетъ.... ну.... мнѣ ужасно жаль ее.

И Копыткинъ при этомъ вдохнулъ.

— Да, да, твердилъ онъ:—совсѣмъ погибаетъ бѣдная дѣвушка, ужъ глупѣть начинаетъ, ей-богу! Скажешь ей чтонибудь — не пойметъ! Развѣ не горько, что подобные люди, какъ этотъ кюре, приобрѣтаютъ такое вліяніе?

Онъ скинулъ съ себя одѣяло и хотѣлъ встать съ постели, какъ вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ статный господинъ, съ прекрасною окладистою бородою, одѣтый впрочемъ довольно бѣдно, но съ претензіями на франтовство. Концы тоненькаго галстука его продѣты были черезъ золотое колечко съ зеленымъ камышкомъ и красивые усы молодцовато засучены кверху.

— А! синьйоръ Діоничи-Монето! Здравствуйте, ласково произнесъ хозяинъ, протягивая ему руку.—Извините, я еще въ постели.

— Лежите, лежите, скороговоркою произнесъ Діоничи.—Это для васъ здорово.

— Какъ здорово? Третьяго дня вы увѣряли меня, что я болѣю собственно оттого, что лежу много.

— А что ваша грудь? спросилъ Діоничи, не обращая никакого вниманія на послѣднія слова.

И онъ постучалъ ему въ грудь съ такимъ серьезнымъ видомъ, что Копыткинъ не выдержалъ и раскинулся.

— Ахъ, Діоничи, вы ужъ нынче и за медницу беретесь!

— Вотъ вы смѣтаетесь, возразилъ съ важностью Діоничи:— а ей-богу вы умереть можете.

— Полно, любезный синьйоръ, вы вѣчно со своими штуками. Берите лучше сигару и сообщите, что новаго.

Синьйоръ взялъ сигару, раскурилъ ее самымъ тщательнымъ образомъ и вытянулся въ креслѣ. Онъ съ такою лѣнью опрокинулъ голову на спинку кресель, что казалось, лучшаго положе-

нія не могло для него быть. Копыткинъ его не трогалъ и сталъ одѣваться.

— Хотите, проговорилъ Діоничи, лѣниво поджимая ноги:—я къ этой лампѣ, что на столѣ стоитъ, стихи сочиню.

— Вы ужь лучше сочините на этотъ стаканъ....

— И на стаканъ можно, добродушно отвѣчалъ поэтъ. — Я вчера цѣлую ночь стихи писалъ.

— Опять хотите заболѣть?

— Нѣтъ, я теперь остороженъ: каждое утро по 80-ти только стиховъ пишу. Я читалъ кой-что мосье Ле-Грану — онъ хвалитъ....

— Эхъ, Діоничи, Ле-Гранъ надъ вами смѣется, а вы воображаете, что въ самомъ дѣлѣ вы поэтъ. Какой вы поэтъ, чортъ возьми! Вы добрый малый, Діоничи, такъ что-жь изъ себя шута дѣлать? Мало еще надъ вами смѣются? Ну, разберите сами: возможно-ли что-нибудь сочинить на сапогъ, на вилаку....

— Отчего-же, я въ Миланѣ на всѣ предметы сочинялъ, и стихи мои всѣмъ нравились?

Копыткинъ пожалъ плечами и замолчалъ.

— Какая досада, прознесъ Діоничи: вѣдь я сію минуту долженъ оставить васъ.

— Что такъ?

— У меня въ одиннадцать часовъ свиданье съ одною...

— Вѣроятно виконтессою, подсказалъ Копыткинъ.

— Да, да, съ виконтессою! Порази меня святой Илья громовою своею стрѣлою, если я говорю неправду.

— Конечно, правду....

— Позволяю себѣ три пальца отрубить, съ жаромъ увѣрялъ Діоничи: — если эта особа окажется не виконтессою!

— Еще-бы. Тутъ и сомнѣваться нечего.

— Ну, клянусь святою Маргаритою, особа эта навѣрное должна быть виконтесса. Какой у ней экипажъ и сама какъ одѣта! О, она изъ моихъ рукъ не ускользнетъ.... У меня записанъ ея адресъ.

— Чертовски везетъ вамъ, синьйоръ Діоничи. Вѣчно у васъ то графиня, то виконтесса, и какія все славныя исторіи....

— Что это за исторіи! съ увлеченіемъ прознесъ итальянецъ и вскочилъ съ святаго мѣста. — Со мною въ Миланѣ не такія бывади: я въ одинъ день по десяти свиданій, чуть не подъ носомъ мужей, съ первѣйшими красавицами имѣлъ. О, мосье! Діоничи

когда-то на всю Италию гремѣлъ.... Когда я принужденъ былъ бросить мое отечество, то всѣ мужья по всѣмъ кафе въ одинъ голосъ говорили: «Ну, благодаря Бога, еще жить можно, — Діоничи уѣзжаетъ!» Одинъ разъ чуть-чуть не убили меня...

— Будто?

— Да, чуть не убили, еслибъ только не суждено мнѣ было жить, то ужъ навѣрное давно меня не было бы на свѣтѣ. Вообразите себѣ: въ Миланѣ.... я вамъ, кажется, говорилъ, что у меня въ Миланѣ есть отецъ?

— Говорили, но только не въ Миланѣ, а въ Неаполѣ.

— Въ Неаполѣ.... ну, я, должно быть, ошибся... онъ живетъ въ Миланѣ.... Вотъ одинъ разъ, ночью, я иду по улицамъ Милана, прошелъ одну, прошелъ другую, на площадь выбрался и.... опять свернулъ въ улицу. Ночь была ясная, вѣдь у насъ луна лучше здѣшняго солнца: вотъ такъ и хочется гулять, да стихи импровизировать. Гляжу — карета ѣдетъ, стекла подняты, прислуга въ черномъ и лошади точно львы. Смотрю — стекло опускается, потомъ выглянула дама и сдѣлала мнѣ знакъ. Я привыкъ къ подобнымъ сценамъ и подхожу смѣло.... меня берутъ за руку и сажаютъ.... Я хочу говорить, всматриваюсь, не знакомая-ли какая, но дама дѣлаетъ знакъ, чтобъ я молчалъ. Я молчу. Такимъ образомъ мы выѣхали за городъ. Тутъ моя дамахватила меня за грудь и показала пистолеть. «Давайте деньги, синьйоръ» сказала она, и я тотчасъ по голосу догадался, что это былъ переодѣтый мужчина. Я отдалъ всѣ мои деньги, а у меня тогда ихъ было много.... только-что отъ отца получилъ.... Досихъ-поръ, чортъ побери, не прощу себѣ — зачѣмъ я не оказалъ сопротивления и даромъ отдалъ такую массу денегъ? Но мнѣ тогда въ голову пришло, что дѣло я имѣю не съ простымъ мошенникомъ, а съ однимъ изъ оскорбленныхъ мною супруговъ.... А у супруга этого, надо вамъ знать, я отбилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ жену и выдалъ ее потомъ за мужа за одного иностраннаго князя.

Копыткинъ безъ всякаго вниманія слушалъ разскащика: видно было, что исторіи эти повторялись часто и не имѣли для него никакого интереса. Самъ разскащикъ почувствовалъ это, закурилъ новую сигару и снова опустился въ кресло.

Молчаніе продолжалось не долго. Хозяинъ началъ читать газету, но Діоничи перебилъ его.

— Послушайте, сказалъ онъ: — опустите вашу руку въ мой карманъ. Можетъ быть, оттуда вы что нибудь пріятное для себя вытасчите.

— Не мѣшайте, Діоничи.

— Кромѣ шутокъ, опустите вану руку въ мой карманъ: тамъ есть маленькое письмецо отъ маленькой дамы.

— Отъ какой дамы?

— Я ничего не знаю, съ лукавою улыбкою проговорилъ итальянецъ. — M-lle Mélanie велѣла мнѣ передать....

— M-lle Mélanie? Отчего же вы до сихъ поръ не передаете и чортъ знаетъ что рассказываете!

— Я въ точности исполняю порученіе, лукаво отвѣчалъ Діоничи. — M-lle Mélanie велѣла потихоньку записочку вамъ передать. Ну, я и передаю потихоньку....

Копыткинъ нетерпѣливо кинулся къ нему. Діоничи засмѣялся, чрезвычайно довольный своею выходкою и тѣмъ интересомъ, который возбудили его слова. Не трогаясь съ своего мѣста, но лукаво улыбаясь, онъ подалъ Копыткину красивенькое письмецо. Это писала Mélanie. Содержаніе его было такое:

«Bonjour, m-r Alexandre! Записку эту вы получите, какъ только проснетесь, следовательно, мое привѣтствіе кстати. Записку передать вамъ снѣдьборъ. Но это только предисловіе, я вовсе не то хочу сказать: мнѣ скучно безъ васъ и я хочу непремѣнно съ вами видѣться. Отчего вы не приходите къ намъ? Приходите въ Champs-Elisée: я буду тамъ гулять съ своею маленькою кузною. Погода, полагаю, будетъ прелестная, потому именно, что мсьё Монето утверждаетъ противное. Прійдете, или нѣтъ? Приходите, но только, пожалуйста, не берите съ собою вашей холодной гримасы. Оставьте ее лучше дома. Прощайте. Надѣюсь, что вы не станете бранить меня за то, что я написала къ вамъ письмецо величинною съ утѣный носикъ.

МÉLANIE В.»

Копыткинъ чувствовалъ, ясно чувствовалъ, какъ стукнуло и зашевелилось у него сердце. Строчки, эти первыя строчки отъ любимой женщины, мягко и весело упали на его душу. Кто испыталъ это, тотъ знаетъ, сколько душевнаго блеска и аромата захватываетъ въ такія мгновенія молодая грудь.

— Діоничи, стойте Діоничи.... Мнѣ хочется.... Нельзя ли подѣ какимъ предлогомъ....

— Выгнать господина кюре изъ дому? услужливо подсказалъ Діоничи.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, развѣ это можно?

— Отчего же? Кюре большой бездѣльникъ! отвѣчалъ Монето. Я это устрою и, если надо, выгоню его на цѣлый день изъ Парижа.

— Bravo, Діоничи; вы понимаете его прекрасно.

— Еще-бы! Господинъ кюре самый отчаянный негодяй въ Парижѣ: я занимаюсь его дѣлами и онъ никогда десяти су на пиво мнѣ не дастъ. Вѣдь онъ всѣмъ мнѣ одолженъ: я проповѣди его переписываю и на биржу по дѣламъ его каждое утро бѣгаю. И бездѣльникъ этотъ, кромѣ обѣда, ничего больше мнѣ не даетъ.

Монето вздохнулъ. Копыткинъ снова перечитывалъ письмо.

— Да я въ Миланѣ, заговорилъ Монето: — у принца Фиданджери въ палаццо жилъ, и первый кусокъ мяса, лучшая ложка супу — прежде всего ко мнѣ въ ротъ попадали! А кюре что?... У бездѣльника пропасть денегъ, да что проку въ томъ? Я вѣдь все знаю, я у него почти живу: онъ каждое утро изъ-за курицаго пупка съ кухаркой ужасную ссору подымаетъ! Представьте, на новый годъ онъ всего только одинъ франкъ консьержѣ далъ! Я бѣденъ, и то десять франковъ ей подарилъ. «Ахъ, жсьѣ», сказала мнѣ консьержа, — «если бы не вы, то я давно господину кюре отъ квартиры отказала бъ».

Разсѣянно прислушиваясь къ его словамъ, Копыткинъ думалъ совершенно о другомъ.

— Который теперь часъ, Діоничи?

— Еще нѣтъ и одиннадцати. Ахъ, Боже мой, а мое свиданіе! воскликнулъ Монето, хватаясь за шляпу. Вѣдь время у меня дорого!...

— Ладно, оно у васъ даромъ не пропадетъ.... Пойдите въ кафе, я вамъ дамъ работу. Кстати, и позавтракаемъ вмѣстѣ.

— Позвольте, замѣтилъ синьоръ съ важностью:—я прежде забѣгу къ себѣ на квартиру и скажу своей консьержѣ, чтобъ она не приготавлила для меня завтрака. А впрочемъ говорить нечего: она сама догадается. Пойдемте, дорогою я чудесную вамъ исторію про отца моего расскажу.

III.

Гулянье въ Елисейскихъ-поляхъ давно уже началось. Все модное и примѣчательное въ Парижѣ разсѣлось по экипажамъ, картинно разлеглось на щегольскихъ подушкахъ, все ѣздило, сибѣлось, заглядывало, двигалось, болтало. Длинные аллеи, площадки съ бьющими фонтанами, громадныя тротуары, чистые и вспрыснутые водою — набиты были дѣтьми, солдатами, дамами, театрами, няньками и собачками. Боже, сколько милыхъ головокъ, веселыхъ, смѣющихся личицъ, подкрашенныхъ франтовъ, нарядныхъ платьевъ, шпионскихъ физиономій, прелестныхъ экипажей, нафабранныхъ усовъ!... И ни одного скучающаго лица, ни одной унылой физиономіи... даже какой-то бѣдный оборванецъ — и тотъ подбоченился такъ, точно управляетъ цѣлымъ міромъ....

Между экипажей скачутъ всадницы и всадники, несутся чудовищныя дилижансы, перебѣгаетъ черезъ дорогу блузникъ съ ребенкомъ въ рукахъ, проворно просовываетъ голову продавщица букетовъ и, схватившись на лету за ручку дверецъ, бѣжитъ вмѣстѣ съ экипажемъ, предлагая свои пахучіе цвѣты. Промежду аллеи мелькаютъ дѣтскіе театры и качели; слышенъ бойкій лепетъ шумливыхъ ребятишекъ; катится каретка, запряженная шестернею молодыхъ сѣренкихъ козлятъ, въ наборныхъ хомутикахъ, съ рѣзвою семьею маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Прижавшись къ дереву, въ сторонѣ, вскрикиваетъ уличный шарлатанъ, бренча своими металлическими кольцами. Противъ него стоятъ два французскихъ солдата, въ красныхъ, тугопнатыхъ штанахъ и съ франтовскими лорнетками на носу. Кой-гдѣ попадались загорѣлыя физиономіи наѣзжихъ иностранцевъ и французскихъ провинціаловъ, съ ихъ женами, воротничками, зонтиками и съ полураскрытыми ртами. Тутъ все перемѣшалось вмѣстѣ: здѣсь гулялъ и модный турокъ, набѣленный, кокетливый и торгующій, какъ скверная женщина, своими чувствами и любовью; тутъ бродилъ и рыжій англичанинъ, здоровый въ поступи, увѣренный, точно за плечами его плыветъ цѣлый британскій флотъ; здѣсь ползъ и китаецъ и подпрыгивавъ коренной парижанинъ, съ бородкою и вскинутымъ кверху глазомъ. Рѣзво и бойко, съ распущенными локонами и бѣлыми

кружевными юбками, порхали хорошенькія куртизанки, быстро устави́въ на толпу свои яркіе глазки.

Съ трудомъ, едва двигаясь отъ тѣсноты и усталости, медленно пробирался нашъ Копыткинъ.

Рука его, плотно зятанутая въ фіолетовую перчатку, безпрерывно поправляла галстухъ. Смѣло однако можно сказать, что объ галстухъ въ эту минуту онъ не думалъ. Онъ нетерпѣливо поглядывалъ во все стороны, онъ очень хотѣлъ видѣть m-lle Mélanie. Прошло болѣе часу — ея нигдѣ не было видно. Наконецъ его легонько толкнули. Оглянувшись, онъ увидѣлъ m-lle Mélanie и съ нею ея пятнадцатилѣтнюю кузину, остроносенькую Félicie. Обѣ онъ улыбался.

— Я васъ тотчасъ узнала, мосьё, сказала Félicie. — Ахъ, какой миленькій букетецъ! съ живостью вскрикнула она, замѣтивъ въ рукахъ проходившаго господина букетъ, но тутъ же сконфузилась и замолчала.

Господинъ приостановился и съ улыбкою протянулъ къ ней букетъ. Félicie вся покраснѣла, однако схватила букетъ, произнесла «merci» и отвернулась. Поощренный господинъ хотѣлъ-было раскрыть ротъ, но они двинулись дальше. Félicie весело расхохоталась.

— Ma petite Félicie, съ тобою ходить невозможно, съ укоромъ замѣтила Mélanie. — Ты до такой степени распустила свой вѣтранный язычокъ, что болтаешь на улицѣ, какъ у себя въ комнатѣ.

— О, Mélanie, какая ты еще провинціалка!... Ужь сдѣлай одолженіе, ты не пугайся, пролепетала она, бойко помахивая полученнымъ букетцемъ. — Видишь, мосьё этотъ ушелъ, а букетъ у меня!

— Bravo! произнесъ Копыткинъ. — Позвольте мнѣ вашу руку, m-lle Félicie, и вы также свою, m-lle Mélanie. Теперь мы сдѣлаемъ вотъ что: отыщемъ мою карету и поѣдемъ въ bois de Boulogne.

— О, это будетъ чудесно! подхватила Félicie. — Стоитъ ли здѣсь толкаться.... еще, пожалуй, какънибудь да изорвутъ мое платье: что я стану дѣлать тогда?...

Mélanie снова толкнула ее.

— Прелестно, прелестно! Продолжайте, m-lle Félicie! Вашъ характеръ чудо какой! проговорилъ Копыткинъ.

— О, да! я ничего не скрываю, со смѣхомъ пролепетала Félicie. — За то, мосье, мнѣ и достается часто: я сдѣлаю что нибудь маленькое, а мнѣ выговариваютъ, какъ за большое.

— Да полно тебѣ, проговорила Mélanie, — съ досадою чувствуя, что пятнадцати-лѣтняя кузина овладѣла всѣмъ разговоромъ.

— Да, да, быстро и звонко щебетала Félicie: — меня хотятъ увѣрить, что я еще слишкомъ маленькая. А между тѣмъ, какое противорѣчіе: всѣмъ прощаютъ, а меня бранятъ.

— Какая несправедливость! говорилъ Копыткинъ. — Я полагаю, что невозможно даже ничего сердитаго сказать такой, извините меня, миленькой барышнѣ, какъ вы.

— О, напротивъ, мосье, проговорила Félicie, кокетливо подымая на него свои глазки: — мнѣ постоянно твердятъ, что я дурнушка. Я должна вамъ сказать, мосье, что я никогда не вижу самое-себя: изъ моей комнаты унесли зеркало, мосье.

— Унесли зеркало? Скажите!...

— Да, унесли, жалобно лепетала кузина. — Я только имѣю право надѣть шляпку передъ зеркаломъ. Но отчего же другимъ можно цѣлый день глядѣться и даже маленькія зеркальца носить съ собою? Ахъ, вѣдь это ужасно! произнесла она такимъ серьезнымъ и обидчивымъ голоскомъ, что Mélanie невольно засмѣялась отъ словъ своей маленькой кузины.

Копыткинъ слегка прижалъ къ себѣ руку Mélanie, и, продолжая разговаривать съ ея кузиною, искалъ глазами карету. Но карету не такъ легко было отыскать. Толпа увеличивалась страшно. Впереди шли два какихъ-то господина и совершенно загородили дорогу: одинъ съ ленточкою почетнаго легіона, а другой съ какимъ-то краснымъ цвѣточкомъ въ петлицѣ, листики котораго такъ искусно были продѣты, что издали тоже производили впечатлѣніе орденской ленточки. Они непрерывно останавливались и съ жаромъ разсуждали:

— Онъ получилъ крестъ? кричала ленточка почетнаго легіона. — О, это храбрѣйшій человекъ въ цѣломъ мірѣ и грудь его достойна того, чтобъ носить отличіе: она только и бьется для битвъ, пороха и чести!!

— Другими словами, для всего высокаго! отвѣчалъ другой собесѣдникъ съ искусственными листиками въ петлицѣ. — И тетка его тоже необыкновенная женщина: она недавно получила монтионовскую премію за добродѣтель. Чрезвычайно добродѣтель-

ная женщина и вотъ ужъ въ третій разъ получаетъ награду за добродѣтель.

— Да, съ гордымъ убѣжденіемъ произнесъ первый: — мы, французы, тѣмъ и счастливы, что въ каждомъ французѣ, чортъ побери, сидитъ солдатъ, а въ каждой французенкѣ поль-солдата!!

— Позвольте, господа, замѣтилъ вѣжливо Копыткинъ: — пропустите моихъ дамъ.

Его тотчасъ пропустили съ самой утонченной деликатностью, но разговоръ въ подобномъ родѣ Копыткинъ услышалъ и въ другомъ мѣстѣ. Въ другое время, онъ обрадовался бы случаю и съ озлобленіемъ напалъ бы на Mélanie, но теперь ему было не до того. Ведя подъ руку Mélanie, нашъ юноша видѣлъ весь Парижъ въ розовомъ свѣтѣ и, подобно маркизу Поза, готовъ былъ воскликнуть: «о, королева, жизнь прекрасна!»

Черезъ полчаса они уже сидѣли въ каретѣ и ѣхали къ Булонскому лѣсу.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула Félicie, всплеснувъ руками: — Mélanie, ты ничего не замѣчаешь? Вѣдь мы ѣдемъ въ закрытой коляскѣ.

— Такъ что же изъ этого?

— Какъ что? Развѣ ты не знаешь, что такъ ѣздить только особы черезчуръ коротко знакомыя между собою? Мосье, что это значить? обратилась она сердито къ Копыткину.

— Ничего не значить, m-lle Félicie, это постоянный мой экипажъ, отвѣчалъ онъ, съ удивленіемъ пожимая плечами и рѣшительно не постигая, въ чемъ дѣло.

— О, это вовсе не резонъ, мосье! заговорила Félicie: — какъ будто я не знаю, что въ Парижѣ полиція останавливаетъ экипажи съ опущенными сторами.... Я это очень хорошо знаю....

— Ты ужъ слишкомъ много знаешь, замѣтила Mélanie, вспыхнувъ и покраснѣвъ за свою кузину. — О какихъ сторахъ ты толкуешь? Здѣсь стекла только приподняты. Ахъ, Félicie, думай, пожалуйста, что хочешь, но не высказывай своихъ глупыхъ соображеній.... Ты испортила всю нашу прогулку, взволнованно произнесла Mélanie и замолчала.

Сцена эта, происшедшая въ экипажѣ, дѣйствительно имѣла дурное вліяніе на прогулку. Все какъ-то не клеилось и не удавалось. Копыткину было досадно, но онъ не зналъ, какъ помочь горю. Mélanie пыталась было заговорить съ кузиною, но та не

отвѣчала ни слова и окончательно надулась. Къ счастью, разсѣянно постукивая своею тросточкою, Копыткинъ такъ неосторожно хватилъ себя въ щеку, что вскрикнулъ отъ боли. Для парижанина вообще и для парижанки въ особенности всякая неловкость есть вѣрнѣйшій поводъ къ безконечному смѣху. Félicie до того показалась забавною эта неловкость, что личико ея подернулось и занскрилось смѣхомъ. Прищуривъ свои глазки, она продолжала улыбаться, болтливо пересказавъ нѣсколько смѣшныхъ случаевъ въ такомъ же родѣ.

Несмотря на свои пятнадцать лѣтъ и коротенькое платьице, она замѣтно кокетничала съ Копыткинымъ, отвлекая вниманіе его отъ Mélanie, заигрывая съ нимъ и дѣлая даже глазки. Вслѣдствіе чего въ каретѣ завязалась новая сцена: Mélanie молчала и откинулась въ уголь экипажа, Копыткинъ въ душѣ проклиналъ маленькую кузину, маленькая кузина вертѣлась и была очень довольна. Она овладѣла всѣмъ разговоромъ.

— Разорвать ей платье, что ли, съ отчаяніемъ думалъ онъ: — авось заплачетъ и присмирѣетъ этотъ чертенокъ.

— Вотъ и Булонскій лѣсъ, произнесъ онъ, обращаясь исключительно къ Mélanie. — Но тамъ, за лѣсомъ, еще лучше: картина гораздо шире, внизу долина превосходная, течетъ Сена — чудо какъ хорошо! Позвольте, mesdames, свезти васъ туда: передъ нами будетъ Сен-Клу, какъ на ладони, и мы захватимъ на цѣлую недѣлю свѣжихъ закусокъ. Вѣдь это, право, стоить того, чтобъ съѣздить. Какъ вы думаете, m-lle Mélanie?

— Я тамъ еще никогда не была, отвѣчала она, поглядывая на Félicie. — Félicie, ты вѣроятно тоже никогда не была?

— О, нѣтъ, я была! Въ Сен-Клу жилъ родственникъ моей тетки, и мы къ нему каждую субботу ѣздили въ гости. Впрочемъ, если ты желаешь, Mélanie, я готова еще разъ побывать тамъ. Ты вѣдь желаешь этого? прибавила она, заскиваяющимъ тономъ и съ лукавою улыбкою поглядывая на Копыткина.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, торопливо заговорила Mélanie. — Я совершенно не знаю Парижа и его окрестностей. Одно меня останавливаетъ: боюсь, чтобъ мы не опоздали къ обѣду; дядюшка будетъ недоволенъ, а мнѣ, признаюсь, никакъ не хочется огорчить моего дядюшку.

— Мы не опоздаемъ, проговорилъ тихо Копыткинъ, взглянувъ на нее въ первый разъ съ ласковымъ и довѣрчивымъ чувствомъ.

Украдкой отъ Félicie, они легонько сжали другъ другу руки и оба весело разсмѣялись.

— Мосье Александръ, произнесла Mélanie: — посмотрите, пожалуйте, какъ здѣсь все красиво!

Торопливо вставивъ въ свой глазъ стеклышко, онъ долго глядѣлъ на открывшуюся передъ нимъ картину.

По небу плыли свѣтлыя тучки, длинно тянулись они, краснѣя и сгущиваясь, точно ихъ стягивали къ одному мѣсту. Большимъ сизымъ пятномъ подплывало съ другой стороны широкое облако; оно шло быстро, накрывая собою попадавшіяся алыя тучки. Чуть-чуть просвѣчиваясь, онѣ рдѣли и уходили подъ облако и снова тонкими цвѣтными лапками высывались изъ-подъ него. Оконечность лѣса и открывшіяся вдали горы волновались краснымъ паромъ и тою розовою, красивою пылью, которую можно видѣть только въ южныхъ странахъ. Въ числѣ другихъ деревьевъ, Копыткинъ замѣтилъ родную ёлку и сердце его дрогнуло шибко. Онъ чуть было не протянулъ къ ней руки. Но изъ каретнаго окна виды бѣжали; мелькая, они каждую минуту измѣняли свою физиономію. То покажется вдругъ каменная терраска съ уступами, то ударить прямо въ глаза косою лучъ солнца, то промелькнетъ изъ-за холма свѣтлый клочокъ дальней лазури, то выскочетъ щегольская дача, въ площь и зелени. Внизу, надъ самою Сеною, съ ея мутными и бурными берегами, раскинулся Сен-Клу съ домиками, ресторанами, церквями, желѣзной дорогою, каменнымъ мостомъ и omnibusами. Позади снѣжъ Булонскій лѣсъ и покатиисто спускалась внизъ тяжелая, пузатая гора, нависшая надъ рѣкою.

Передъ крылечкомъ небольшого ресторана курчавый метръ-д'отель во фракѣ и бѣломъ колпакѣ на головѣ, шумно спорилъ съ какимъ-то господиномъ.

— Я говорю вамъ, твердилъ онъ: — что никто ко мнѣ сегодня не прѣзжалъ изъ Парижа, никто.

При этомъ онъ съ достоинствомъ провелъ по своему бѣлому подбородку рукой, всѣ пальцы которой увязаны были кольцами. «Чтобъ я, да не зналъ, помиуйте, мосье!» прибавилъ онъ, опуская медленно руку въ карманъ.

— Въ такомъ случаѣ, гордо отвѣчалъ ему господинъ коверканнымъ французскимъ языкомъ: — подайте мнѣ еще бутылку пива и одну сигару, но пожалуйте перваго сорта сигару. Я дурныхъ не курю.

Въ это время показалась знакомая намъ карета и, высунувшись изъ окна, Копыткинъ съ изумленіемъ узналъ по голосу синьйора Монето. Синьйоръ соскочилъ съ своего мѣста и подбѣжалъ къ экипажу.

— Вотъ неожиданно! сквозь зубы произнесъ Копыткинъ, съ досадою подумавъ: «экой дуракъ, я просилъ его провести цѣлый день съ кюре, а онъ очутился здѣсь». Но Діоничи, шутовски ворочая глазами во всѣ стороны, незамѣтно, но одобрительно подмигивалъ ему.

— Послушайте, мосье Монето, что дѣлается у насъ дома? спросила Mélanie.

— Ничего; домъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, а Парижъ вашъ кланяется, съострилъ поэтъ и самъ засмѣялся отъ удовольствія, что такъ ловко съострилъ.

— Я васъ спрашиваю не о домѣ, а о дядюшкѣ.

— Ничего не слышу, не слышу! кричалъ Монето. — Я прѣхалъ сюда неожиданно и вдругъ встрѣтилъ васъ! Ба, и вы тутъ, m-lle Félicie.... Какъ я радъ, что мы встрѣтились, мосье Копыткинъ. А вамъ, m-lle Mélanie, я имѣю сообщить новость: дядюшка вашъ получилъ одно дѣловое письмо и на цѣлый день уѣхалъ въ Сень-Жерменъ. Ухъ, какъ онъ торопился, даже обѣда не заказалъ.

Отъ этого извѣстія Копыткинъ радостно встрепенулся, Mélanie замолчала, Félicie съ любопытствомъ наострила уши. Монето торжествовалъ, что выкинулъ такую чудесную штуку и повернулъ все дѣло посвоему. Озадачить и все сдѣлать на выворотъ, — составляло для него первое удовольствіе въ жизни.

— О, господинъ кюре давно не суетился такъ, какъ нынче! говорилъ онъ, ухмыляясь. — Но что жъ вы сидите?

И, не дожидаясь отвѣта, Діоничи отперъ дверцу.

— Позвольте, Діоничи, крикнулъ Копыткинъ. — Вы перепутали всѣ наши скромные планы. Не правда ли, mesdames, мы тотчасъ хотѣли отсюда вернуться въ Парижъ? Но теперь намъ надо подумать: я полагаю—лучше остаться здѣсь, какъ вы думаете, mesdames?

— Тутъ превосходно кормятъ! воскликнулъ Діоничи. — Метръ'-д'-отель—мой давнишній пріятель. Онъ все на свѣтѣ для меня сдѣлаетъ и раковый супъ такой изготовитъ, что вы языкъ проглотите отъ удовольствія. Слушайте: надо съ нимъ тотчасъ поговорить насчетъ обѣда.

— Прекрасно, отвѣчалъ Копыткинъ. — *M-me Mélanie*, вѣдь господинъ Монето правъ? Дядюшки вашего нѣтъ, такъ пообѣдаемъ здѣсь.

— Хорошо, отвѣчала она.

Комната наша прямо отправилась къ ресторану. Послѣ толковъ и преній съ метръ-д'отелемъ, рѣшено было идти гулять, но надвинувшіяся сѣрыя тучи и изрѣдка перепадавшія капли дождя предвѣщали перемѣну погоды. Оставалось одно—вернуться назадъ и идти въ отведенную комнату.

Комната была во второмъ этажѣ, очень свѣтлая и привѣтливая, съ зеркалами и картинами, съ маленькимъ роялемъ и съ мягкимъ пушистымъ ковромъ на полу. Изъ открытаго окна открывался видъ на всю долину.

— Ахъ, какъ здѣсь мило! сказала *Félicie*, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Чудо, чудо! твердилъ Копыткинъ. — Я хотѣлъ бы остаться здѣсь долго.

— Кажется, скоро дождь будетъ, замѣтила *Mélanie*. — Мосье Александръ, повѣсьте мою шляпку.

— И мою тоже, подхватила *Félicie*.

— Стойте! крикнулъ Монето. — Тутъ рояль есть. Я сейчасъ на немъ сыграю.

— Какъ? Вы тоже и по части фортепьянъ? съ удивленіемъ спросилъ Копыткинъ.

— Еще бы. Я маршъ недавно сочинилъ.

— Ну, играйте, играйте, Дюничи. *M-me Mélanie*, садитесь сюда. Нѣтъ, позвольте, я сяду къ вамъ, и мы послушаемъ музыку господина Монето. О, Монето—изумительный человѣкъ!

— Я послѣ обѣда лучше играю, возразилъ самодовольно Монето. — А теперь я думаю, какіе-бы стихи по случаю прогулки сочинить.

— *Pardon, mesdames et messieurs*, вино какое будете пить? спросилъ метръ-д'отель, просовывая свою голову изъ-за дверей.

— Какое вино? Бордо и шампанское! повелительно крикнулъ Монето. — Да пожалуйста поживѣе съ обѣдомъ. Намъ ждать некогда.

— Куда жъ вы это торопитесь? со смѣхомъ спросила у него *Mélanie*.

— Это такъ только говорится, понимаете. У бездѣльника этого непокушныя ноги. Мосье Коруткине, ваша сигарочка погасла.

Онъ торопливо шаркнулъ спичкою объ полу своего пальто и услужливо согнулся передъ Копыткинымъ. Затѣмъ, усѣдившись за рюмь, онъ запылъ :

Aujourd'hui nous appartient,
Et demain n'est à personne!

Между тѣмъ погода измѣнилась. Шелъ тихій, теплый дождь, безшумно падая на землю, и вся прежняя картина сѣро и смутно заволоклась вдали. Быстро угасали свѣтлыя тѣни дневнаго свѣта, небо окрашивалось сѣро-молочными цвѣтами, зеленый лугъ надъ рѣкою потемнѣлъ, но въ воздухѣ было много и тепло. Во всемъ и всюду слышалось, что это было послѣднее дыханіе умирающей весны, первое начало уже наущающаго лѣта, съ его тепломъ, синевой и красками. Послышался легкій перекалъ грома, дождикъ зачастилъ и вдругъ приостановился. Все тише и беззвучнѣе дѣлалось въ воздухѣ, цвѣтвой флагъ на сосѣдномъ маленькомъ замкѣ недвижно опустился внизъ, омоченный дождевыми крупинками. Сквозь сѣроватыя волны поблѣвшаго неба дугообразно сложилась и пробѣжала одна полоска, потомъ другая и—во всей своей миловидной красотѣ быстро вырѣзалась и вышла на поверхность свѣжая радуга, легко и цвѣтисто изогнувшись на одной части небосклона.

— Радуга, радуга! закричала Félicie. — Ахъ, еслибъ возможно было изъ такихъ цвѣтовъ сшить себѣ шляпку!

— Теперь еще лучше, проговорила Mélanie, высовывая голову изъ окна. — Посмотрите.

— Не хочу смотрѣть, я хочу съ вами говорить, шепнулъ ей Копыткинъ.

— Нѣтъ, прежде я должна сказать. Я имѣю сказать вамъ больше. Правда ли.... (Она остановилась, какъ бы обираясь съ духомъ.) Вы идете въ Россію?...

— Кто это вамъ говорилъ?

— Мой дядюшка.

— Онъ сказалъ вамъ неправду. Я остаюсь здѣсь, я даже больше вамъ скажу — я люблю васъ....

— Тѣмъ лучше, я ужасно рада, шепнула она.

Слова эти она произнесла безъ малѣйшаго жеманства. Только черные глаза ея, живыя розовыя губы, да загорѣвшійся ру-

мянецъ въ щекахъ — показывали, что не первый день накопило и созрѣло въ ней это чувство.

Оба они замолчали.

— Обѣдъ готовъ, обѣдъ готовъ! шумно прокричалъ Монето. — Какое вамъ угодно мѣсто занять, m-lle Mélanie?

Она, улыбаясь, посмотрѣла на Копыткина.

— Конечно здѣсь, отвѣчалъ онъ: — около меня, поближе къ окну.

— Къ окну? со смѣхомъ произнесла она. — А, понимаю; это для того, чтобъ скорѣе выпрыгнуть изъ него... Прекрасно, мосье Александръ! Садитесь же подальше отъ меня.

Щелестя своимъ хороненькимъ платьищемъ, весело опустила она на диванъ и, незамѣтно отъ другихъ, ловко притянула къ себѣ его стулъ.

Онъ улыбнулся этой выходкѣ.

— И дальше, и ближе! твердила она съ какимъ-то приятнымъ, молодымъ, нервическимъ смѣхомъ. — И дальше, и ближе! повторила она, шаловливо растягивая эти слова.

Обѣдъ прошелъ оживленно. Монето лгалъ, Félicie заливалась смѣхомъ, Mélanie ѣла много, и все казалось ей вкусно. Копыткинъ наклонился къ ней, напоятывалъ милые вздоры, — вздоры, скучные въ книжкѣ, но безпощечно-милые и вѣчно-запечатлѣнные въ жизни.

Но говорить никакой не было возможности: остроносенькая кузина лукаво и прощупательно поглядывала на нихъ.

— Чокнемся, m-lle Mélanie!

— Чокнемся, мосье Александръ.

— Миѣ очень весело сегодня.

— И миѣ тоже.

Они посмотрѣли другъ на друга, засмѣялись и разомъ поднесли къ своимъ губамъ бокалы. Имъ обоимъ, дѣйствительно, было весело.

Черезъ полчаса компанія наша подъѣзжала уже къ Парижу, быстро несясь по желѣзной дорогѣ. Монето до такой степени наѣлся и напился, что потерялъ сознание, и на вопросъ Félicie: «скоро ли мы приѣдемъ?» онъ отвѣчалъ: «въ Миланѣ? О, да, меня ничуть не удивитъ; я самъ у принца Филанджіери первымъ поваромъ служилъ».

IV.

Въ настроенномъ и счастливомъ расположеніи духа вернулась Mélanie домой (Монето побрелъ къ себѣ, Копыткинъ отвезъ кузину къ ея теткѣ).

Много вертѣлось въ головкѣ Mélanie и романическихъ плановъ, и живыхъ предположеній. Мысль, что Копыткинъ не католикъ, чуждая ея вѣрованій и убѣжденій — не казалась ей въ ту минуту страшною. «Ничего — думала она — я поговорю объ этомъ съ дядюшкою. Меня занимаетъ одно: если онъ женится... неужели душа его не будетъ пущена въ рай, потому только, что онъ не католикъ?... Помню... я гдѣ-то читала, книжка такая была темная, однако славная, католическая... Она много рассказывала страшнаго, но гдѣ же этотъ страхъ и отчего мнѣ теперь ничего не страшно? Впрочемъ, не буду думать: мой добрый дядюшка разрешитъ всѣ мои сомнѣнія».

Почти въ передней встрѣтилъ ее дядюшка Ле-Гранъ. Но что-то непривѣтливо и сердито было его старое лицо.

— Здравствуй, дядя. Ты давно ужь дома?

— Слишкомъ давно, такъ что даже имѣлъ время убѣдиться въ томъ, что для тебя больше значать старые башмаки, чѣмъ твой дядя.

— Что это съ тобою? Ты обѣдалъ?

— Какъ будто я только и живу, что обѣдомъ! недовольно проворчалъ дядюшка Ле-Гранъ. — Кажется, я мало ѣмъ, или ты думаешь, что кромѣ обѣда, для меня ничего болѣе не надо? Я искалъ тебя у тетки, спрашивалъ у м-ше Мари, я вездѣ тебя искалъ! прикрикнулъ онъ строго. — Гдѣ ты была?

— Мы были въ Сень-Клу.

— Въ Сень-Клу? Кто жь это мы?

— Я, Félicie, Монето и м-г Alexandre.

— Мосье Alexandre! насупившись проворчалъ дядюшка Ле-Гранъ. — Кто это мосье Alexandre? Я такого не знаю. Ужь не новый ли знакомый?

— Это мосье Коруткинъ.

— А, мосье Коруткинъ... Знаю, знаю, моя племянница.

— Что ты такъ странно говоришь, дядя?

— Фу, мнѣ Богъ знаетъ что приходило въ голову, глухо отвѣчалъ кюре. — Когда тебя нѣтъ, мнѣ все кажется, что я потерялъ тебя. Ей-богу кажется. Ради Бога, Mélanie, ты не выходи изъ дому.... Вѣдь я соскучился по тебѣ, моя Mélanie, моя племянница. Хотѣлъ проповѣдь писать — не пишется. Пожалуйста, не уходи изъ дому. Я старикъ.... конечно, я старикъ, но и у меня бьется къ тебѣ сердце.

И онъ съ нѣжностью схватилъ ее за подбородокъ.

— Милая моя!... Теперь я спокоенъ. Ты очень хороша, Mélanie, прибавилъ онъ съ разстановкою. — Дай, я обниму тебя, моя дурочка.... о, какая ты славная, какая у тебя шейка.... душенька Mélanie.... мой ангелъ.... полно тебѣ краснѣть, покажи-ка мнѣ, маленькая моя шалунья, свое плечико! Ахъ, я очень люблю такія бѣленькія, какъ у тебя, плечики....

Mélanie взглянула на него съ удивленіемъ.

— Дурочка! замѣтилъ ей необыкновенно ласково дядюшка Ле-Гранъ. — Ну, что такого показать свое плечико? Послушай, спусти-ка нарочно свой рукавчикъ, и я погляжу.... Пари держу, ты только занимаешься своими розовенькими ноготками, но ручонка должна быть у тебя.... скверненькая, худенькая ручонка. А?... Признайся, вѣдь я отгадалъ, какъ разъ отгадалъ? Ужъ у меня такой даръ все отгадывать.

— Какой ты нынче глупый, дядя!

— Нѣтъ, Mélanie, шепталъ онъ, стараясь любезно схватить ее за талью: — садись подлѣ меня. Я имѣю много тебѣ сказать. О, мой другъ, еслибъ ты сѣла ко мнѣ на колѣни.... Ну, посиди хоть немножко.

— Оставь меня пожалуйста! Какой ты вадоръ порешь. Я ушамъ своимъ не вѣрю.

— Чтожъ тутъ такого?, спокойно, но игриво отвѣчалъ дядюшка Ле-Гранъ. — Ну, сдѣлай же одолженіе, садись ко мнѣ, душенька.... Слушай, (онъ понизилъ голосъ и принялъ довольно строгое выраженіе), — послушай: ссориться съ тобою я не хочу, я вывезъ тебя изъ провинціи, далъ тебѣ положеніе въ свѣтъ, ты достаточно убѣдилась въ моихъ правилахъ.... Мой ангелъ, не смотри на меня такъ глупо, дѣло это слишкомъ обыкновенное. Ну, если хочешь, я тебя и замужъ выдамъ, порядочное приданое дамъ. Но выходить замужъ — не стоитъ душа моя, къ чему это? Отъ меня перейдетъ къ тебѣ все состояніе мое.

— Что ты говоришь, дядя? Я, право, тебя не понимаю.

— Эхъ, племянница, тебѣ все надо разговивать. Вотъ такая же чудачка была въ началѣ и твоя кузина, нынѣшняя м-ше Жоржетъ.

Онъ тихоюшко потрепалъ ее, далеко не сантиментально заглядывая ей въ глаза. Mélanie сняла шляпку и отошла отъ него подальше.

— А ты безъ шляпки еще милѣе! замѣтилъ дядюшка Ле-Гранъ, любуясь, какъ настоящій артистъ, ея смущеніемъ и растеряннымъ видомъ. Вотъ я былъ очень золъ на тебя, а теперь смягчился. Вижу, что ты доброе, благородное дитя, и хорошо понимаешь этого мосье Александра,—онъ глупъ, какъ мой сапогъ.

— Напротивъ, онъ чрезвычайно милый молодой человекъ, рѣзко отвѣтила Mélanie.

— Э, полно, душенька, какія глупости ты рассказываешь! Вѣдь ты съ нимъ, по обыкновенію, проскучала. О, моя милая кошечка! не для такого осла ты цвѣтешь. Скажи, голубушка, неужели тебѣ ни разу не приходило въ голову, что я тебя люблю безъ памяти? Но тѣмъ лучше, тѣмъ лучше.... О, въ женщинахъ милы, ужасно милы эти простодушные глаза, раскрытые какъ у дикой птицы. Я люблю эти глаза....

— Да ты пьянъ, что ли? вскрикнула Mélanie, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ей-богу не пьянъ, отвѣчалъ дядюшка Ле-Гранъ.—Но чортъ побери, какъ ты однако говоришь громко.

Онъ прихлопнулъ окно, стараясь казаться спокойнымъ. Только глаза у него горѣли ярко, какъ у голоднаго волка.

— Дядя! крикнула она, блѣдная, какъ смерть.

— Глупенькая! пробормоталъ онъ глухимъ тономъ.

— Послушай, дядя.... по зачѣмъ я называю тебя именемъ дяди? Мосье Ле-Гранъ, вы съ ума сходите?

— Да! кротко произнесъ онъ и съ нѣжностію протянулъ къ ней руки.

— Знаете ли вы, заговорила она, дрожа и рѣшительно не помня, что она говоритъ:—знаете ли вы, что я невѣста другаго? Я.... выхожу замужъ.... замужъ за г. Копыткина, вы это знаете?

Кюре отступилъ отъ нея и вытаращилъ свои глаза. Нѣсколько минутъ толстая голова его не шевелилась, точно окаменѣла.

— Какъ? проговорилъ онъ наконецъ. — За этого еретика? нечестивца? отверженца?... да васъ, m-lle.... Безстыдница! думать о бракъ съ еретикомъ, который надъ католицизмомъ издѣвается, который въ грѣхѣ родился, который грѣхомъ держится! Да васъ, m-lle, отлучить отъ церкви надо! заревѣлъ онъ съ бѣшенствомъ.... Онъ остановился и съ негодованіемъ посмотрѣлъ на племянницу. — Бракъ съ еретикомъ!... Какое поношеніе для нашей семьи.... Нѣтъ, я не вѣрю.... А, срамница, закричалъ онъ: — вѣдь ты не поняла моихъ словъ! Но теперь все для меня ясно. Я хотѣлъ только убѣдиться въ тебѣ, только испытать твою нравственность.... Ты глупа, нѣтъ, ты слишкомъ развратна, если ты приняла мои слова за наличную монету! Неужели ты могла, великій Боже, всему этому повѣрить?

Онъ строго, почти величественно вытянулся во весь свой ростъ и съ укоромъ глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Это была одна моя обязанность испытать тебя, сказалъ онъ. — Мнѣ нелегко это было. Но я радъ, очень радъ, что убѣдился, наконецъ, въ томъ, до какой степени мало въ тебѣ вѣры.... Давно уже родилось во мнѣ сомнѣніе, и я слѣдилъ, слѣдилъ, наконецъ достигъ—таки своей цѣли.... Такъ вотъ оно — вотъ твоя вѣра! Боже.... Отступница! грѣшница! Такъ молода и такъ развратна! заключилъ онъ съ волненіемъ, горестно всплеснувъ руками.

Но Mélanie все поняла, и отъ ужаса и негодованія она не могла произнести ни слова. Кровь ей ударила въ голову, завѣса спала съ глазъ, она видѣла передъ собою уже не прежній идеалъ, не прежняго дядю, а порокъ, въ его холодномъ и лицемерномъ видѣ.

Дядюшка Ле-Гранъ хотя и ловко далъ оборотъ потерянно-му для него дѣлу, но было уже поздно....

Съ помутившимися глазами она ушла къ себѣ въ комнату и заперлась на ключъ.

Страшную, невыразимо-тяжкую ночь провела молодая дѣвушка. Не смыкая очей, она плакала и рыдала, бродя по комнатѣ, и опять рыдавія подступали къ ней, давя однимъ лишь темнымъ отчаяніемъ, да мучительною тоскою. Внезапно нахлынувшая печаль росла, тоска дѣлалась жгучѣе, больнѣе, слезы текли, не принося никакого облегченія. Безсвязно цѣплялись мысли въ ея головѣ, только и шевелилось на душѣ печальное сознаніе обмана. «О, дядюшка долженъ разрѣшить всѣ мои

судивія!» Невольно приходили ей на память ея послѣднія слова, и какъ они были теперь горьки, эти слова.... Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ, разочарованіе слишкомъ гадко. Она чувствовала, что спаслась одною только ложью — именемъ Коныткина, не имѣя никакой надежды такъ смѣло рассчитывать на него. И что же подумаетъ онъ? да и какъ рассказать ему это? какъ, наконецъ, освободиться и выйти ей изъ этого положенія? Кому ей сказать и что сказать?

Въ такомъ положеніи застало ее наступившее парижское утро, когда шума еще нѣтъ, все спитъ, и на самыхъ лучшихъ улицахъ лежатъ безобразныя кучи обрѣзковъ, костей, масляной бумаги и т. п., въ ожиданіи громадно-уродливаго экипажа, который подбираетъ весь этотъ хламъ, еще съ вечера тщательно перерытый бѣдными ветошниками, въ какой-то вопіющей курткѣ, съ крючкомъ, съ фонаремъ и съ кошелкою за плечами.

Она позавидовала въ ту минуту и этимъ несчастнымъ людямъ.

V.

Мало-по-малу, день начиналъ пробуждаться, подымая на ноги людей и внося въ громадный городъ шумъ, крикъ, хлопотливую дѣятельность, веселую пѣсню и темную драму, прислужничество и блестящій ежедневный водевиль....

Ничего не подозревая, нашъ влюбленный думалъ себѣ о своей любви и, какъ всѣ влюбленные, былъ этимъ счастливъ. Онъ въ первый разъ испытывалъ доброе и серьезное чувство къ женщинѣ, вовсе не сознавая того, что это не всегда и не всякому выпадаетъ въ жизни.

Пятнадцатый день онъ просидѣлъ у себя дома, хорошо помня послѣднія слова Mélanie, при прощаніи сказавшей ему: «до свиданія; пожалуйста приходите къ намъ послѣзавтра на весь день.» — «Значить» — порѣшилъ онъ — «сегодня идти къ нимъ невозможно», и онъ провелъ этотъ день дома, даже не прошелъ мимо магазина, гдѣ не безъ успѣха онъ ухаживалъ прежде за хорошенькою продавщицею мужскихъ галстуховъ и перчатокъ.

Вдругъ дверь распахнулась и въ комнату вошелъ армейскій русскій подковникъ, о существованіи котораго Коныткинъ дав-

ныкъ давно позабылъ, познакомившись съ нимъ, съ годъ тому назадъ, на водахъ.

— А, батенька, Александръ Петровичъ! воскликнуть полковникъ, радостно протягивая къ нему руки.—Вѣдь я деньковъ восемь по Парижу бѣгаю, ищучи васъ. Помилуйте-сь, на водахъ мы съ вами душа въ душу жили...

Александра Петровича покорило и отъ словъ, и отъ неожиданнаго появленія полковника.

— Вы не можете себѣ вообразить, какое счастье встрѣтить въ чужихъ краяхъ своего соотечественника! Позвольте облобызаться... вѣдь мы, помните, изъ одного источника воду пили.

— Да, пили, сквозь зубы пробермоталъ Александръ Петровичъ.

Увы, полковникъ, имѣвшій необыкновенный даръ надѣлать дѣломъ и каждому, стоялъ передъ нимъ, съ совершенною готовностью надѣлать снова.

— Я-съ, Александръ Петровичъ, чрезвычайно радъ, что васъ встрѣтилъ. Я вѣдь къ вамъ дѣльце имѣю. Скажите пожалуйста: 8 франковъ и 50 сантимовъ можно платить за одну комнату, какъ вы полагаете?

— Можно, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, желая поскорѣе отъ него отдѣлаться.

— Что вы, батенька! Въ четвертомъ этажѣ, окнами на дворъ — и 8 франковъ да еще 50 сантимовъ? помилосердуйте! Вѣдь я не богатъ, батенька, лишнихъ денегъ не имѣю, съ раздраженіемъ твердилъ полковникъ.—Вы не входите въ мое положеніе, вы забываете то, что я одному дьячку, да-сь, дьячку! изъ нашей посольской церкви по пяти франковъ каждый день плачу.

— А ему-то за что?

— Какъ за что? безъ дьячка-то я пропасть-бы здѣсь окончательно! отвѣчалъ полковникъ тѣмъ же тономъ.—Онъ толмачемъ мнѣ служить и за меня съ французами разговариваетъ. Я французскаго языка, милостивый государь мой, совершенно не знаю, следовательно всякая шваль продать и перепродать меня можетъ. Позвольте, батенька, и дьячку поклониться въ ноги!

Полковникъ разгорячился, даже глаза у него засверкали и лицо его вдругъ приняло самое свирѣпое выраженіе. Въ это мновѣнїе, онъ какъ нельзя болѣе напоминалъ щекотливую кровную лошадь, надъ головою которой вдругъ пролетѣла мажор-

кая птичка, она фыркнула и испуганно-чутко приподняла уши.

— Можно, говорите вы.... Нѣтъ не можно, твердилъ онъ, вытягивая впередъ свои толстыя губы.—Вы не знаете того, Александръ Петровичъ, на какую исторію я ужъ нарѣзался. Первые три дня у меня толкачемъ-съ французипка, парикмахеръ былъ, по-русски болтаетъ, въ Москвѣ-съ долго жилъ.... Вотъ я и взялъ этого скота къ себѣ въ условіе. Что-же вы думаете, батенька? Онъ въ комнатѣ и въ моемъ присутствіи—въ шапкѣ сидитъ и руку изколить мнѣ протягивать! Ахъ ты каналья, цырулка поганый.... Я его за шиворотъ, да вонь.... Онъ комиссара привелъ, квартальный должно быть, что-ли — да какъ напустились на меня вдвоемъ! Вижу плохо, процессомъ, стало быть, грозятъ.... Вздрогнулъ, да пятисотъ-франковую бумажку и сунулъ парикмахеру въ руки, да еще прощенья у него, у парикмахера просилъ, а не то — въ судилище меня-бы потянули. Изволь съ ними вѣдаться, это не то, что у насъ. Вотъ оно какъ-съ, Александръ Петровичъ, что вы теперь скажете?

— Необыкновенно счастливо вы отдѣлались, рѣзкимъ тономъ отвѣчалъ Копыткинъ.—Этотъ парикмахеръ, право, снисходительный человѣкъ.

Полковникъ покосился и горестно вздохнулъ. Послѣ этихъ словъ, онъ безнадежно опустилъ руки и уныло покачалъ головою.

— Тяжело-съ по родинѣ, замѣтилъ онъ и опять вздохнулъ.

— Послушайте, г. полковникъ, переходите въ этотъ отель, тутъ не дорого.

— Я собственно для этого и пришелъ, радостно воскликнулъ полковникъ.—Признаюсь я сильно рассчитывалъ на благородство вашей души, черезъ часъ я къ вамъ переѣду, да и дьячку сегодня-же откажу.

— Нѣтъ, дьячку-то отказывать не слѣдуетъ, возразилъ Копыткинъ.—Я довольно часто отлучаюсь изъ дому.

— Такъ значить, вы со мною по Парижу гулять не будете? спросилъ полковникъ жалобнымъ тономъ.

— Сегодня я свободенъ и къ вашимъ услугамъ, а за остальные дни не ручаюсь.

— Экая досада, во всемъ мнѣ неудача! наивно воскликнулъ полковникъ.—Вѣдь я на васъ-то, батенька, какъ на каменную гору рассчитывалъ. Ужъ я сегодня бѣгалъ, бѣгалъ, хоть бери, да

попы ноги приставляй. А здѣсь, я знаю, надо ухо остро держать. Вотъ сию минуту дьячокъ мнѣ сказывалъ, что у одного его знакомаго, какого-то французскаго вопа, племянница безъ вѣсти пропала. Отправилась вчера въ Сен-Клу, что-ли, а теперь и со свѣчкой не отыщутъ. Полагають, заключилъ полковникъ: что она значительную сумму у своего дяди стянула.

— Какой вздоръ! замѣтилъ Копыткинъ, но почувствовалъ, что внутри у него что-то дрогнуло отъ такого страннаго столкновенія обстоятельствъ.— Не знаете ли вы, гдѣ этотъ французскій попъ живетъ?

— Не знаю, и на какой чортъ мнѣ о поповскихъ дѣлахъ и его племянницѣ заботиться! Прахъ ихъ возьми.... Александръ Петровичъ, сдѣлайте одолженіе — перевезите меня къ себѣ. По гробъ обяжете.

— Извольте. Я тотчасъ поговорю съ моимъ хозяиномъ и онъ приготовить для васъ небольшую комнату. Потомъ поѣдемъ къ вамъ и перевеземъ ваши вещи.

Полковникъ съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки. «Я даже названій улицъ не знаю, сказалъ онъ: такъ ужъ пожалуйста, вы потребуйте счетъ и скажите, сколько мнѣ слѣдуетъ заплатить».

Не обративъ никакого вниманія на извѣстіе, сообщенное полковникомъ, Александръ Петровичъ принялся устроить его. Часа черезъ полтора все было сдѣлано, и полковникъ, разложивъ на новой квартирѣ бритвенный приборъ, табакерку съ музикою и эстампъ съ мадонны Рафаэля, просилъ, чтобъ свести его на Вандомскую колонну, для обозрѣнія Парижа.

— Не стоитъ труда взбираться, полковникъ, слишкомъ высоко. Пойдемте, я покажу вамъ, гдѣ можно дешево обѣдать, гдѣ завтракать, какъ отыскать нашу улицу и квартиру.

— Ахъ, батенька, Александръ Петровичъ, вы точно угадали, что для меня надо! Главное—чтобъ я зналъ, куда пойти и какъ прійти, да чтобъ не дорого было. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Парижѣ, ни одного кусочка съ удовольствіемъ не проглотилъ. Тутъ все кошками кормятъ... видишь, что кошка, а молчишь, опереться не на кого. Но теперь другое дѣло: и по зубамъ, бездѣльничковъ, отщелкать можно.

— Фигъ, какъ вамъ не стыдно! Если вы такъ будете говорить, полковникъ, я съ вами плану никуда не сдѣлаю.

— Да ужь такъ, русскій человѣкъ, знаете, со смѣхомъ замѣтилъ полковникъ: — ну, и то сказать, французы озлобили меня. Корыстолюбія непомернаго. Тычковъ, тычковъ-то я бы съ удовольствіемъ имъ надавалъ!

— Видите-ли, г. полковникъ, произнесъ молодой человѣкъ, глядя прямо ему въ глаза. — У меня такое правило: я называю подлецомъ того, кто позволяетъ себѣ дѣлать подобныя вещи.

— Какъ-съ?

— Подлецомъ называю того, кто можетъ рѣшиться ударить другаго человѣка. Понимаете?

— Извините, пробормоталъ полковникъ, сконфузившись и опустивъ внизъ голову. «Чортъ возьми, мнѣ эдакъ еще никто не говорил!» подумалъ онъ и взглянулъ на Копыткина, который, задумавшись, стоялъ передъ окномъ.

Утромъ слѣдующаго дня, Копыткинъ торопливо одѣлся и вышелъ на улицу. Замѣтивъ, что слишкомъ было рано, чтобъ идти съ визитомъ къ г. Ле-Грану, молодой человѣкъ отправился на Итальянскій бульваръ, зашелъ въ Passage de l'Opera и купилъ великолѣпный букетъ. Не глядя на часы, онъ прямо оттуда отправился къ Ле-Грану. По парижскому обычаю, онъ прямо обратился къ консьержѣ:

— М-ше, мосье Ле-Гранъ дома?

— Нѣтъ, онъ ушелъ.

— А его племянница?

— Ея тоже нѣтъ.

Больше разспрашивать было неловко.

— А не знаете ли вы, когда вернется домой мосье Ле-Гранъ? спросилъ Копыткинъ.

— Онъ долженъ вернуться скоро. Въ два часа онъ обыкновенно завтракаетъ у себя.

Въ досадѣ и недоумѣнн Копыткинъ снова вышелъ на улицу, все еще держа въ рукахъ купленный букетъ. Ровно въ два часа, онъ опять заглянулъ во дворъ и снова услышалъ тотъ же отвѣтъ. «Что нибудь да есть» подумалъ онъ и, попросивъ позволенія закурить сигару, вошелъ въ комнату консьержи.

Это была небольшая конурка подъ воротами, но такая свѣтленькая и чистенькая, что чудо: съ каминомъ, зеркаломъ, съ свѣжею и мягкой постелью, съ двумя кресельцами и круглымъ столикомъ, на которомъ стояли два прибора и бутылка вина. Въ углу сидѣлъ мужъ консьержи и читалъ газету, вытирая съ

лица своего потъ, катившийся градошъ. Онъ только что кончилъ свои занятія; убралъ двѣ квартиры, обмелъ всѣ лѣстницы, переставилъ мебель въ первомъ этажѣ и окатилъ водою весь дворъ. Сложивъ свои шотки, метелки, тряпки, онъ отдыхалъ теперь за газетою и на остальное не обращалъ никакого вниманія.

Необходимо замѣтить, что всѣ тайны и секреты жильцовъ дома до-подготовной извѣстны привратницамъ и привратникамъ парижскимъ, и поэтому отъ нихъ весьма многое зависитъ. Они больше значатъ, чѣмъ хозяева дома, которыхъ никто въ глаза не видитъ. Но также надобно и то знать, что за какихъ-нибудь пять франковъ вы легко узнаете отъ нихъ до ниточки обстоятельства любого семейства. Вамъ скажутъ, сколько осталось денегъ у *m-me Virginie*, когда ея мужа не бываетъ дома, отчего у нихъ происходятъ ссоры и т. д.

— Послушайте, *m-me*, сказала Копыткинъ, обращаясь къ консьержѣ и взявъ ее за руку.—Вы, конечно, хорошо понимаете, что меня не слишкомъ тревожитъ отсутствіе г. Ле-Грана. Но скажите одолженіе, скажите, неужели нѣтъ дома *m-lle Melanie*?

— *M-lle Melanie*? Ея нѣтъ, мосье, могу васъ увѣрить.

— Что же это ей вздумалось въ такую пору гулять? продолжалъ юноша, довольно ловко сунувъ въ руки консьержи нѣсколько франковъ.

— *Mercie*, отвѣчала спокойно консьержа.—Видите ли, у нихъ что-то случилось вчера вечеромъ; что именно — не умѣю вамъ сказать, однако, *m-lle Melanie* встревожена что-то. Она чуть-свѣтъ ушла изъ дому; этого никогда прежде не случалось! Наконецъ, въ ея комнатѣ цѣлую ночь горѣла свѣчка; этого также никогда не бывало! Впрочемъ подождемъ завтрашняго дня: можетъ быть, я что-нибудь и узнаю. Выдумывать же — это не въ моихъ правилахъ.

Копыткинъ печально понурилъ голову и машинально своимъ сунулъ въ руку консьержи нѣсколько франковъ. Консьержа была дама чувствительнаго сердца и тронулась положеніемъ молодого челоудка, съ букетомъ въ рукахъ.

— *Vartiste*, крикнула она, обращаясь къ своему мужу.—Оставь ты свою газету. Не знаешь ли ты, *Vartiste*, чего нибудь новенькаго о мосье Ле-Гранъ? Ты тамъ сегодня былъ, новостей нѣтъ никакихъ.

— Никакихъ, отвѣчалъ Baptiste, подымаясь съ своего мѣста и кланяясь молодому человѣку.—Я знаю только то, Bichette, что мосье Ле-Гранъ озабоченъ теперь печатаніемъ своихъ проповѣдей.

— Да не о проповѣдяхъ рѣчь! перебила его она. — Baptiste, вѣдь я тебя, мой другъ, не объ этомъ спрашиваю.

— Я понимаю, Bichette, о чемъ ты меня спрашиваешь, но я больше ничего не знаю, отвѣчалъ Baptiste, принимаясь снова за газету.

Расклавываясь съ консьержею, Копыткинъ нашъ вышелъ на улицу въ самомъ мучительномъ и тревожномъ состояніи духа. Онъ рѣшительно ничего не понималъ. Догадки консьержи, отсутствіе Mélanie, вчерашнія нелѣпныя слова полковника, что все это значить? Голова Копыткина совершенно пошла кругомъ.

Съ какою-то лихорадочною дрожью поджидалъ онъ слѣдующаго дня, но и слѣдующій день не принесъ утѣшенія. Сердобольная Bichette объявила, что она пока ничего еще не разузнала, исключая того, что кухарка мосье Ле-Грана сказала ей по секрету, будто m-lle Mélanie много плакала, потомъ ушла куда-то, но всѣ ея вещи остались здѣсь.

— Неправда ли, Baptiste?

— Жена моя говоритъ вамъ совершенную правду, подтвердилъ Baptiste съ достоинствомъ.

— Вотъ и все! заключила Bichette.—Извините, мосье, болѣе ничего неизвѣстно. Выдумывать же — это не въ нашихъ правилахъ.

Копыткинъ вышелъ на улицу и болѣе не могъ удержаться: онъ чуть не плакалъ отъ боли и досады. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, чувство потери наполнило невыразимою тоскою и одиночествомъ все его существованіе. Изъ всѣхъ непріятныхъ чувствъ, это одно изъ тѣхъ, которое сильнѣе всего тревожитъ и бьетъ человѣка, потому что оно сопряжено съ неизвѣстностью. Копыткину показалось, что все ужъ кончено, и это такъ его испугало, что онъ быстро повернулъ назадъ, взошелъ по лѣстницѣ и что есть силъ позвонилъ у дверей Ле-Грана. Позвонилъ разъ — отвѣта никакого, другой — тоже; онъ еще сильнѣе хватилъ — и все тоже молчаніе, только звонокъ задрезжалъ и залился на всю лѣстницу. Изъ противоположныхъ дверей выскочила сосѣдка. «Не звоните, мосье, сказала она встревоженнымъ тономъ. Никого нѣтъ. Ah! mon Dieu!...

Мнѣ хорошо извѣстно, что никого нѣтъ, нѣтъ! И кухарки тоже нѣтъ. Она ушла на бульваръ du Temple!» Сосѣдка сердито захлопнула дверь и скрылась.

Поведеніе Копыткина произвело нѣкотораго рода скандалъ.

Изъ оконъ стали высовываться головы и перешопываться между собою.

Въ такомъ положеніи герой нашъ бродилъ по Парижу. Мало его проходило множество людей, но ему казалось, что ни у одного изъ нихъ нѣтъ горя, что одинъ онъ страдалецъ въ цѣломъ Парижѣ. Прежде онъ самъ бы посмѣялся надъ собою, но теперь чувство грусти до того было въ немъ искренно, что онъ готовъ былъ на всякую жертву, воображая, что Mélanie навсегда была для него потеряна. Вдругъ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ синьоромъ Монето.

— Здравствуйте, произнесъ птальянецъ, снимая шляпу. — Пойдемте въ кафе. Новостей бездна!

Схвативъ его подъ руку, синьоръ повернулъ въ первый попавшійся кафе, но тотчасъ сдѣлалъ гримасу и прибавилъ: «пойдемте лучше въ другой тутъ народу бездна. Я имѣю много кое-чего сообщить вамъ.»

Войдя въ другой кафе, Монето потребовалъ для себя двойную чашку шоколату, хлѣбъ, масло и началъ ѣсть съ какимъ-то остервенѣніемъ. Копыткинъ нетерпѣливо на него поглядывалъ.

— Какое мосье Ле-Гранъ! произнесъ Монето, съ трудомъ ворочая языкомъ. — Мосье Ле-Гранъ.... онъ.... отказываетъ мнѣ въ обѣдѣ. Я и вчера не обѣдалъ.

— Послушайте, рассказывайте же, нетерпѣливо замѣтилъ Копыткинъ, дергая его за полу.

— Сію минуту, сію минуту. Я расскажу вамъ все по порядку.

— Стало быть, m-lle Mélanie, допрашивалъ Копыткинъ: — дѣйствительно исчезла? Гдѣ же она теперь?

Дювичи раскрылъ ротъ и, кажется, въ первый разъ услышалъ эту новость.

— Не спѣшите, замѣтилъ онъ уклончиво, не зная самъ, что сказать.

— Да вы скажите мнѣ, гдѣ теперь m-lle Mélanie и что за исторія тамъ случилась?

— Исторія? О, мосье, не спѣшите....

— Да вы ничего не знаете, синьйоръ Монето, какъ я вижу! Скажите, чортъ побери, знаете ли вы что нибудь, или нѣтъ? По глазамъ вижу, что ничего не знаете. Прошу васъ, синьйоръ, перестаньте буффоничать. Слушайте лучше, что я вамъ скажу.

Монето бросилъ свою чашку и торопливо наострилъ уши. Копыткинъ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, досталъ изъ портмоне нѣсколько золотыхъ и подалъ синьйору, сказавши: «Діоничи, поѣзжайте куда хотите; можетъ быть, ваши розыски будутъ счастливѣе моихъ.»

Діоничи театрално кивнулъ головою, схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ изъ кафе. — Порученія подобнаго рода, въ особен-ности если они были сопряжены съ нѣкоторою выгодною, чрезвычайно нравились нашему синьйору. Въ настоящую минуту онъ былъ нѣсколько въ затруднительномъ положеніи.

— Я полагаю думалъ онъ: все дѣло вышло изъ-за нашей поѣздки въ Сен-Клу. Иначе съ какой стати этотъ бездѣльникъ кюре отказалъ мнѣ въ обѣдѣ и письменно извѣстилъ, чтобъ я не являлся къ нему? О, его надобно проучить!...

Однако рѣшимость Діоничи охладѣла и онъ предпочелъ дѣйствовать окольными путями. На это онъ былъ великій мастеръ и добился своей цѣли, какъ нельзя лучше. Онъ прямо отправился къ теткѣ кузины Félicie, началъ жаловаться на свою судьбу и, какъ будто мимоходомъ, спросилъ о Mélanie, увѣряя, что она причиною всѣхъ его несчастій. Félicie и ея тетка весьма недолюбливали свою родственницу: имѣя виды на кюре, онѣ считали ее большою препоною къ достиженію своихъ плановъ. При первыхъ словахъ Монето, тетка въ ту же минуту съ радостью объявила, что Mélanie уѣхала изъ Парижа къ своимъ роднымъ. «Теперь все пойдетъ прекрасно, заключила она. — Ле-Гранъ былъ у меня и просилъ, чтобъ я отдала ему свою Félicie, и я увѣрена, что черезъ годъ моя маленькая Félicie будетъ въ его домѣ полною хозяйкою.»

Монето, не столько пораженный этой отвратительно-цинической откровенностью, сколько неожиданными происшествіями, спѣшилъ раскланяться. Онъ прямо отправился на квартиру Копыткина.

— Ну, чтó? Ничего не узнали?

— Узналъ много, но мало хорошаго. M-lle Mélanie, началъ онъ съ разстановкою:—навсегда оставила Парижъ. Это устроили ея враги и теперь задумываютъ ужасныя....

— Да куда она уѣхала, скажите мнѣ?

— Она уѣхала вчера вечеромъ, въ провинцію, къ своимъ роднымъ. Дѣло ваше, мосье, чрезвычайно плохо.

— И вы не узнали адреса? Да какъ же называется эта провинція, деревня?

— Это я знаю; но отъ этого вамъ не легче. Деревня называется Люрренъ, отсюда далеко, болѣе десяти часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. У меня есть подробный адресъ, да чортъ ли въ немъ, когда все дѣло вверхъ ногами пошло!

— Отчего же, любезный Діоничи?... Мы завтра же поѣдемъ въ деревню Люрренъ!

— Регбассо! вѣдь это въ самомъ дѣлѣ справедливо, что мы можемъ туда поѣхать, съ изумленіемъ проговорилъ Діоничи.

— Я ужасно радъ, что она бросила лядюшку Ле-Грана, весело произнесъ Копыткинъ.—Спасибо вамъ, Діоничи, за добрую вѣсть.

— А я думалъ, что вѣсть эта вамъ не понравится, озадаченно пробормоталъ итальянецъ, — думавшій, что герой нашъ имѣлъ намѣреніе только приволокнуться за *Mélanie* и никакъ не ожидавшій, чтобъ онъ рѣшился ѣхать въ деревню Люрренъ.

Не раскрывая ему ни своихъ плановъ, ни намѣреній, Копыткинъ повеселѣлъ духомъ и, по какому-то внутреннему инстинкту, еще болѣе началъ уважать *Mélanie*. Искоса поглядывая на него, Монето понялъ всю важность извѣстія, имъ принесеннаго, и тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

— Вы не знаете, какихъ чертовскихъ трудовъ все это стоило! Вѣдь надо же было какимъ нибудь путемъ добиться!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ вы узнали? Это интересно.

— О, я всѣ мозги свои выворотилъ, чтобъ достать адресъ! Сперва обѣгалъ всѣхъ знакомыхъ Ле-Грана и, можете себѣ представить, какъ билось мое сердце передъ каждою дверью: ну, думаю, можетъ быть я застану здѣсь *m-lle Mélanie*, можетъ быть она у кого нибудь изъ знакомыхъ. Наконецъ отчаяніе овладѣло мною, нигдѣ нѣтъ! Я закрылъ глаза и мнѣ представилось, что она плаваетъ гдѣ нибудь въ Сенѣ. Какъ тигръ, кинулся я прямо къ Ле-Грану и по дорогѣ нарочно захватилъ съ собою сержента. «Послушайте, говорю я Ле-Грану: именемъ закона требую—скажите, гдѣ племянница ваша?»—Она уѣхала. «Куда?» спрашиваю. — Въ деревню, къ своимъ роднымъ. «Какъ называется эта деревня?» Онъ все и сказалъ. Я такъ припугнулъ его,

бездѣльника, что онъ еще мнѣ 30 франковъ, по прежнему счету уплатилъ.

— Молодецъ вы, Діоничи! воскликнулъ Копыткинъ, забывъ въ ту минуту, что Діоничи лгунъ и хвастунишка, и вполне повѣривъ ему, что только этимъ путемъ онъ могъ добиться адреса. — Mon cher Діоничи, вѣдь завтра мы сдѣлаемъ отличное путешествіе?

— Это моя страсть—путешествовать! радостно воскликнулъ Монето. — Только у меня клеенчатого плаща нѣтъ.

— На что вамъ плащъ?

— Какъ же, а въ случаѣ дождь пойдетъ!

— Извольте, я куплю съ удовольствіемъ.

— За-одно ужъ купите для меня и палочку изъ китоваго уса.

— А это на что?

— Ахъ, мосье, какъ вы мало знаете французскіе нравы! Вѣдь мы ѣдемъ въ деревню, а тамъ собакъ пропасть, оттого, что съ помощью ихъ, мужики овецъ караулятъ. И собаки огромныя, я это прекрасно знаю.

— Хорошо, хорошо. Палочку вы получите.

Монето засмѣялся, и засмѣялся тѣмъ чистымъ, дѣтски-лукавымъ смѣхомъ, которымъ способны смѣяться только одни итальянцы.

Въ подобныхъ разговорахъ много утекло времени, и Монето, по просьбѣ Копыткина, остался ночевать у него, разсуждая о завтрашнемъ путешествіи и о завтрашнихъ покупкахъ, которыхъ набралось уже довольно много. Только-что улегся Копыткинъ, какъ Діоничи съ неописаннымъ добродушіемъ подскочилъ къ постели и началъ растирать ему ноги. Тутъ онъ дѣйствовалъ безъ малѣйшей фальши, а просто изъ непритворнаго желанія угодить хоть чѣмъ нибудь человѣку.

— Что вы дѣлаете, Діоничи?

— Мнѣ кажется, что вы немного ноги простудили.

— Какой вздоръ! Я здоровъ совершенно.

— Ну, слава Богу, однако на всякій случай растереть надо.

— Перестаньте.

Монето пересталъ. Несмотря на всѣ свои пороки, Діоничи во многомъ былъ дитя, наивное, ласковое и нерассудительное.

— Намъ пора спать, замѣтилъ Копыткинъ, желая, чтобы онъ хотя на время оставилъ его въ покоѣ.

— А сигарочку изъ этого ящика закурить можно? спросилъ Діоничи.

— Курите, сколько вамъ угодно, да кромѣ того, завтра вы цѣлыхъ три сотни отъ меня получите.

— Три сотни? О, чортъ возьми, вы мнѣ во многомъ друга моего принца Филанджіери напоминаете! Хотите я васъ буду въ деревнѣ принцемъ называть?

— Не надо, я разсержусь, и сигаръ вы отъ меня не получите.

— Эхъ, мосье, вѣдь мы изъ Парижа въ деревню Люрренъ ѣдемъ: такъ отчего же, чортъ побери, хоть мнѣ не выдать себя за какого нибудь путешествующаго лорда! воскликнулъ Монето.

VI.

Деревня Люрренъ походила на всѣ французскія деревни. Она была чиста и опрятна, съ старою церковью, узенькими улицами общемо булочною, съ деревянными башмаками и синими блузами и кой-гдѣ съ висѣвшими на стѣнкахъ печатными объявленіями. Ни особенной бѣдности, ни особеннаго богатства — здѣсь не было. На улицѣ попадались крестьянки, погоняющія ословъ, навьюченныхъ кувшинами съ молокомъ и сметаною. Они торопились въ городъ и по сосѣднимъ дачамъ, съ своимъ вѣчнымъ припѣвомъ: «Voulez-vous quelque chose?» Пять-шесть домовъ принадлежали зажиточнымъ собственникамъ и отличались роскошными цвѣтниками, газонами, деревьями и чудесными огородами. Въ маленькомъ кабачкѣ, съ прилавкомъ, обитомъ жестью, было смирно, несмотря на то, что около десятка крестьянъ собралось въ особой комнатѣ, прихлебывая коньякъ и пиво. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кабачка была цирюльная лавка, гдѣ толстая французенка съ удивительнымъ мастерствомъ брила подбородки и стригла волосы. Она заранѣе пріучала къ своему ремеслу маленькую дочку, которой предстояло впоследствии также стричь и брить цѣлую деревню.

Въ концѣ деревни Люрренъ, вблизи полей и нивъ, стоялъ домъ въ два этажа, съ каменною лѣстницею, густымъ садомъ, съ колодцомъ и огородами. Тутъ жилъ господинъ Куртуа. Этотъ Куртуа, отецъ нашей Mélanie, бывшій парижскій профессоръ, давно уже поселился въ деревнѣ со всѣмъ семействомъ: съ женою, тремя дочерьми и сыномъ. Онъ имѣлъ свой клочокъ зем-

ли, небольшой виноградникъ, мельницу, пару лошадей, нѣсколь-
ко коровъ и козъ, и считалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ.
Какъ большая часть французовъ, онъ былъ необыкновенный
практикъ, скупой и расчетливый до крайности. Онъ страстно
обожалъ политику, какъ предметъ для разговора, и имѣлъ какое-
то врожденное чувство пренебреженія ко всѣмъ бѣднякамъ, хотя
на словахъ былъ вѣжливъ и остороженъ со всѣми. Жена его,
тихая и кроткая женщина, считала своего мужа гениальнѣйшимъ
ученымъ и, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, не переставала
ревновать его: въ этихъ случаяхъ она выходила изъ обычной
доброты и нерѣдко дѣлала ему сцены. Господинъ Куртуа чрез-
вычайно гордился этимъ.

Возвращеніе Mélanie изъ Парижа пришлось не по сердцу
отцу. Незадолго до того, онъ съ важностью твердилъ своимъ
пріятелямъ: «Моя дочь теперь въ Парижѣ, у своего дяди, зна-
менитѣйшаго проповѣдника, рѣчи котораго знаетъ самъ импе-
раторъ Наполеонъ III».

Неожиданный пріѣздъ дочери зажалъ ротъ старику. Онъ
разгорячился и сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— М-ше Куртуа, я всегда былъ того мнѣнія, что родствен-
никъ мой — безчувственный мошенникъ; покорнѣе прошу
васъ не поздравлять его впередъ съ праздниками.

Послѣ этихъ словъ, мосье Куртуа отправился къ своему мель-
нику, придрался къ какой-то несправности и довольно ловко
накинулъ на мельника пятьдесятъ лишнихъ франковъ, увѣряя,
что въ противномъ случаѣ онъ передастъ свою мельницу въ дру-
гія руки. Покончивъ съ этою статьею, онъ долго придумывалъ,
какимъ бы образомъ увеличить еще свои доходы, но какъ ни
бвлся, ничего не могъ однако придумать. Впрочемъ, довольный
сдѣлкою съ мельникомъ, онъ весело бродилъ по деревнѣ и, по-
нюхавши табаку, отправился на станцію желѣзной дороги, что
обыкновенно дѣлалъ онъ каждый день, несмотря ни на какую
погоду.

На станціи желѣзной дороги было пусто; только путеше-
ственники наши, Монето и Копыткинъ, сидѣли въ общей залѣ и
горячо толковали между собою. Они не знали подъ какимъ
предлогомъ явиться имъ въ домъ Куртуа и какъ устроить все
это поприличіе. Монето совѣтовалъ достать ружья и выдать
себя за охотниковъ, Копыткинъ сердился и нѣсколько разъ до-

вольно громко упомянулъ имя мосье Куртуа. Услыхавъ свое имя Куртуа приостановился и наострилъ уши.

— Извинитѣ, господа, сказалъ онъ, смѣло подходя къ разговаривающимъ. — Я слышу, что вы говорите о какомъ-то Куртуа. — Я единственный человекъ въ цѣлой здѣшной области, который называюсь этимъ именемъ! Признаюсь, очень желалъ бы знать, какіе Куртуа могутъ быть еще во Франціи, если только угодно вамъ удостоить меня своимъ отвѣтомъ.

Копыткинъ соскочилъ съ своего мѣста, вѣжливо поклонился и сказалъ въ нѣсколькихъ словахъ, что онъ русскій путешественникъ, имѣвшій честь познакомиться съ m-He Куртуа въ Парижѣ и теперь случайно проѣзжая черезъ Люрренъ, вспомнилъ, что здѣсь живетъ ея семейство, вслѣдствіе чего и разговорился съ своимъ пріателемъ.

— Дочь моя теперь здѣсь, она пріѣхала погостить къ намъ въ деревню.

— Какъ? дочь ваша здѣсь? съ притворнымъ удивленіемъ перебилъ Копыткинъ. — А я воображалъ, что буду имѣть удовольствіе, вернувшись въ Парижъ, сообщить ей объ этой счастливой встрѣчѣ....

— Вы, стало быть, бывали въ домѣ мосье Ле-Грана?

— Какъ же, весьма часто.

— Прекрасно, отвѣчалъ старикъ. — Если только вамъ угодно доставить сюрпризъ моей дочери, пойдите прямо ко мнѣ и вы увидите вашу парижскую знакомку, которая безъ сомнѣнія никакъ не ожидаетъ этого.

— О, мосье Куртуа, отъ такого лестнаго предложенія я считаю себя не въ правѣ отказаться и очень благодаренъ случаю, доставляющему мнѣ возможность познакомиться съ вашимъ семействомъ.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ въ подобномъ родѣ, мосье Куртуа взялъ подъ руку Копыткина, любезно обратился къ синьору Монето, и они втроемъ отправились къ нему. Копыткинъ отъ радости не слышалъ ногъ подъ собою и благословлялъ этотъ *необыкновенный* случай, хотя въ сущности необыкновеннаго тутъ ничего не было: старикъ Куртуа, ежедневно являясь на станцію желѣзной дороги, не разъ заводилъ знакомства подобнымъ образомъ.

— Вы знаете, мосье.... мосье.... позвольте узнать ваше имя, мосье?

— Копыткинъ.

— А, мосье Соруtkine.... Соруtkine.... Знаете-ли вы, мосье Соруtkine, мосье Сaramsin, а, этого славнаго писателя вашихъ сѣверныхъ странъ?

— Какъ же....

— Я очень люблю Россію, воскликнулъ старикъ. — Я долго былъ профессоромъ и знаю ея исторію. Я также знаю и вашего Петра Великаго: при немъ былъ стрѣлецкій бунтъ и онъ казнилъ своего сына, не правда ли?

— Правда.

— Я это все знаю! съ жаромъ восклицалъ Куртуа. — Вотъ, напримѣръ, Nicolas Gogol, вѣдь это вашъ писатель?

— Да, нашъ.

— О, Nicolas Gogol!... писатель этотъ — большой писатель: его перевели на французскій языкъ.

На этомъ историко-литературный разговоръ мосье Куртуа и прекратился. Онъ еще что-то хотѣлъ сказать о Россіи, но больше ничего уже не могъ сообщить, повтому, понюхавъ табаку, свелъ разговоръ на болѣе обыденные предметы.

— Вотъ и мой домъ, произнесъ онъ. — А вонъ мои виноградники, видите, гдѣ виднѣется мельница.... мельница тоже моя....

— Прекрасная мельница! подхватилъ Монето. — И, вѣроятно, она содержится въ самомъ лучшемъ порядкѣ?

— О, могу васъ увѣрить, въ самомъ лучшемъ! съ гордостью проговорилъ старикъ.

— У моего отца множество мельницъ, такъ я толкъ въ этомъ знаю, съ важностью произнесъ Монето. — Вы сведите меня на мельницу, такъ я тотчасъ все расскажу.

— А вашъ батюшка гдѣ изволить жить, тоже въ Россіи?

— Нѣтъ, мой отецъ живетъ въ Италиі, онъ миланецъ, имѣетъ прекрасную виллу и пропасть денегъ, а я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принужденъ былъ эмигрировать изъ своей родины и отказаться отъ богатѣйшаго наслѣдства.

Узнавъ, что Монето итальянецъ и при томъ эмигрантъ, Куртуа пересталъ обращать на него вниманіе и весь сосредоточился на Копыткинѣ. Но Монето шелъ такъ гордо и такъ презрительно поглядывалъ на г-на Куртуа, точно въ самомъ дѣлѣ у отца его была прекрасная вилла и пропасть денегъ....

Наконецъ они приблизились къ дому, рѣшотчатая металлическая дверь заскрипѣла, открылся широкой дворъ, выглянули

цвѣты, ступеньки крыльца были такъ близко... Въ эту минуту Копыткину все показалось мило: и бѣлый жилетъ г-на Куртуа, и зеленый плющъ, который вился по стѣнкѣ, даже колодезь получилъ въ его глазахъ какую то особенно-миловидную форму.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ и Mélanie. Изумленная и обрадованная, она протягивала ему руку и непрерывно спрашивала:

— Неужели это вы?

— Да, это я.

— Какъ это необыкновенно! твердила она.—А, и господинъ Монето съ вами.... здравствуйте, Монето, здравствуйте.

И она съ жаромъ подаловала его въ лобъ, засмѣялась и не знала, что больше сказать.

— М-ше, отвѣчалъ Монето:—деревня Люррентъ очаровательна и лучшаго уголка навѣрное нѣтъ въ цѣлой Франціи. Я имѣю причины думать, что и мой другъ, г. Копыткинъ, раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Ахъ, Монето, вы все такой-же забавный! Право, мнѣ кажется, будто я и не выѣзжала изъ Парижа, и слышу, и вижу, какъ вы говорите свои вздоры.

— Ну, они видно хорошо знакомы между собою, подумалъ старикъ Куртуа и незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

— М-ше Куртуа, говорилъ онъ шопотомъ въ другой комнатѣ, обращаясь къ своей женѣ.—У насъ въ домѣ иностранецъ....

— Какой иностранецъ?

— Русскій путешественникъ. Онъ знакомый Mélanie. Надобно, чтобъ онъ отобѣдалъ у насъ, и также надо, чтобъ жареная курица была къ обѣду.

— Ты ужь не хлопочи, отвѣчала жена, понявши съ материнскимъ инстинктомъ, въ чемъ дѣло.

— Надобно, началъ мосье Куртуа.... А ты ничего не слышала объ этомъ иностранцѣ отъ нашей дочери? съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчала она, хотя по глазамъ ея видно было, что она кой-что знаетъ, но не хочетъ говорить мужу. — Ради Бога, Непгіе, прибавила она съ просьбою: — не суетись только, ужь сколько ты испортилъ дѣлъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорилъ мосье Куртуа, тихонько вышелъ въ переднюю, надѣлъ ни-съ-того ни-съ-сего на голову себѣ

шляпу и сѣлъ на диванчикъ, съ мелкой суетливостью понюхивая табачокъ.

Въ это время Монето тоже вышелъ въ переднюю и, увидѣвъ старика, тотчасъ подсѣлъ къ нему.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Куртуа:—вы недавно познакомились съ этимъ русскимъ путешественникомъ?

— О, нѣтъ, мы съ нимъ старые друзья. Года три тому назадъ, когда я нуждался, онъ помогъ мнѣ и выслалъ двадцать тысячъ франковъ.

— Двадцать тысячъ франковъ?

— Что для него значить двадцать тысячъ франковъ, когда онъ первое лицо при петербургскомъ дворѣ.

— Неужели? съ изумленіемъ спросилъ Куртуа.

— О, еще-бы! Его положеніе слишкомъ завидно въ Россіи и я самъ надѣюсь, что, при его пособіи, получу мѣсто перваго маэстро при придворной капеллѣ.

— Онъ вамъ общалъ? шопотомъ спросилъ растерявшійся старикъ, никакъ не ожидавшій, что онъ принимаетъ у себя такую важную особу.

— Какъ же, самъ общалъ. «Mon cher Діоничи»—третьяго дня сказалъ онъ мнѣ — «не тужите, что вашъ отецъ отказываетъ вамъ въ наслѣдствѣ; я отправлю васъ въ Россію, и тамъ, при вашихъ талантахъ и достоинствахъ, вы большія деньги и большую славу наживете». Чортъ возьми, онъ совершенно сказалъ такъ, какъ я думалъ! Этотъ человекъ, какъ всѣ необыкновенные люди, чрезвычайно скромный, но мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно, что онъ недавно изъ Петербурга пять-сотъ тысячъ франковъ получилъ.

— Пятьсотъ тысячъ франковъ! нетерпѣливо перебилъ старикъ.—Боже мой, да вѣдь съ этими деньгами можно чудеса надѣлать.

— Зачѣмъ ему чудеса дѣлать, серьезно возразилъ Монето.— Мы съ нимъ сперва поѣдемъ въ Швейцарію и отдыхать будемъ, а тамъ и за коммерческія дѣла возьмемся.

— Помилуйте, помилуйте, твердилъ Куртуа:—всѣмъ и всѣмъ можно ворочать, коли такая сила въ карманѣ есть! Да я бы въ свои руки цѣлую здѣшнюю область захватилъ, и кромѣ жонхъ заводовъ, фабрикъ, мельницъ, театровъ — во всемъ округѣ другихъ бы здѣсь ужъ не было.

— Позвольте васъ остановить и замѣтить одно важное обстоятельство, упущенное вами изъ виду, замѣтилъ не безъ важности Монето и даже поднялъ при этомъ палецъ кверху. — Вы забываете одно, что мой другъ, мосье Копыткинъ, никакъ не можетъ заниматься мельницами, потому что онъ слишкомъ обремененъ государственными дѣлами.

— А, это другое дѣло, я этого не зналъ. Но чѣмъ же именно, смѣю васъ спросить, и какого рода государственными дѣлами онъ занятъ?

— Онъ чрезвычайно занятъ, таинственно отвѣчалъ Монето. — Однако, я не имѣю права всего рассказывать, потому что онъ терпѣть этого не можетъ, и я васъ прошу ни слова не говорить объ нашемъ разговорѣ. Онъ можетъ разсердиться на меня, а вы, надѣюсь, не захотите поссорить между собою двухъ друзей.

— О, будьте покойны, будьте покойны. Я слишкомъ дорожу вашей довѣренностью ко мнѣ и вашими дружескими отношеніями съ мосье Копыткинымъ.

— Отношенія наши такъ близки, съ восхищеніемъ перебилъ Діоничи, — что, скажу вамъ по секрету, онъ мнѣ чудесные подарки надѣлалъ.... подарилъ тѣ двадцать тысячъ франковъ, которые я ему былъ долженъ.

Старикъ суетливо потеръ себѣ руки и съ чрезвычайно привѣтливой улыбкой замѣтилъ: «вы тоже маленькій капиталистъ, и съ этими деньгами можно оборотѣ предпринять». Монето, оставшись одинъ, былъ счастливъ, что такъ ловко поднялъ свои собственные фонды въ глазахъ Куртуа. Онъ нисколько о томъ не заботился, что, возвышая своего друга, онъ могъ надѣлать и себѣ и ему большія неприятности и даже скандалы. «Видно я — думалъ онъ — двѣ капли воды похожъ на своего батюшку, который, бывало, зажжетъ одну свѣчку, а на другой день увѣряетъ, что у него горѣло четыре».

Между тѣмъ, совершенно другаго рода происходилъ разговоръ между Копыткинымъ и Mélanie.

Пріѣздъ его лучше всякихъ словъ убѣдилъ ее, что онъ дорожитъ знакомствомъ съ нею и что чувства его къ ней довольно серьезны. Сдѣлавъ такое открытіе, она была счастлива до безконечности.

— Итакъ, вы думали отъ меня уйти, говорилъ онъ съ укоромъ. — Возможно ли такъ неожиданно бросить Парижъ и даже не увѣдомить меня о своемъ адресѣ?

— Ахъ, мосье Александръ, хотите знать правду: я уѣзжала изъ Парижа съ мыслью, что никогда болѣе васъ не увижу, произнесла она съ улыбкой.

— Какъ это мило съ вашей стороны! По крайней мѣрѣ, вы ужь не говорили бы этого, возразилъ онъ печально.

— Будто, мосье Александръ, мое отсутствіе встревожило васъ? не переставала она дразнить его.— Какъ мнѣ пріятно слышать и убѣдиться, что вы такъ чувствительны...

Копыткинъ нахмурился. Но Mélanie, недовѣрчивая по природѣ и довольно притомъ кокетливая, хотѣла вознаградить себя за прошедшее, когда Копыткинъ обращался съ нею такъ небрежно, что ей подчасъ дѣлалось стыдно и неловко за свою симпатію къ нему. Поѣздка въ Сен-Клу болѣе всего сблизила ихъ, но послѣднее происшествіе съ дядюшкою Ле-Граномъ, оскорбило ея самолюбіе до такой степени, что она смотрѣла на себя, какъ на существо, надъ которымъ всѣ позволяютъ себѣ издѣваться.

— Вы сдѣлали мнѣ такой ласковый пріемъ въ присутствіи другихъ, и такой нестерпимо холодный, когда мы остались вдвоемъ! произнесъ онъ унылымъ тономъ.

— А вы желали, чтобъ это было совершенно наоборотъ? спросила она.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Хорошіе друзья всегда такъ дѣлаютъ.

— Послушайте, я вамъ благодарна, страшно благодарна, что вы посѣтили меня; но, право, нынѣшніе друзья.... Не вѣрю я въ этихъ друзей!

— Что это съ вами сдѣлалось? съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Ничего, я только поумнѣла немножко. Со мною ничего не случилось, но, мнѣ кажется, довольно подышать парижскимъ воздухомъ, чтобъ убѣдиться, что на свѣтѣ все ложь, ложь и ложь! Какъ вы думаете?

— Благодарствуйте, благодарствуйте, твердилъ Копыткинъ, окончательно разбитый и сляясь спокойно улыбнуться.

— Да, да, произнесла она съ прежней энергіей: — тяжело потерять вѣру въ человѣчество, но еще тяжеле — смотрѣть на него глупой овечкою и представлять себѣ все въ другомъ видѣ. Какъ пріятно, однако, придти къ подобнымъ заключеніямъ въ мои лѣта, съ горечью добавила она и вдругъ слезы закапали по

ея лицу. Закрывъ лицо руками, она расплакалась съ такою силою, что страшно было на нее взглянуть.

Пораженный Копыткинъ вскочилъ и засуетился. Mélanie остановила его слѣдующими словами : «Ради Бога извините; вы вѣрно не думали, что будете свидѣтелемъ подобнаго плаксиваго спектакля».

Она оправилась, вытерла платкомъ глаза и съ улыбкою прибавила : «пойдемте къ нашимъ».

Спустя полчаса онъ познакомился со всѣмъ семействомъ, но былъ не въ духѣ и мало обращалъ на остальныхъ вниманія, хотя старуха-мать была необыкновенно съ нимъ ласкова. За то Монето успѣлъ со всѣми сдружиться и рисовался истиннымъ парижаниномъ передъ провинціальными дѣвушками, то-есть передъ сестрами Mélanie, еще красивыми, но далеко уже немолодыми особами. Отъ-нечего-дѣлать и не желая обнаруживать своего смущенія, Копыткинъ тоже присоединился къ ихъ кружку. Такъ прошло время до обѣда.

За обѣдомъ господинъ Куртуа до такой степени ухаживалъ за своимъ русскимъ гостемъ и такія дѣлалъ ему льстивыя любезности, что жена просто краснѣла за своего неисправимаго супруга, имѣвшаго привычку накидываться на каждого молодого человѣка, съ цѣлю выдать за него одну изъ дочерей. Когда старшая дочь, сантиментальная Клера, обратилась къ гостю съ наивнымъ вопросомъ : есть ли у русскихъ поэзія и поэты, старикъ просто на нее закричалъ :

— Какъ же ты этого не знаешь, Claire! Россія такая же цивилизованная страна, какъ и Франція! Еще бы не быть тамъ поэтамъ.... Петербургъ — тотъ же Парижъ, и всѣ русскіе удивительно-хорошо говорятъ по-французски, тогда какъ ни одинъ англичанинъ не можетъ связать французской фразы. О, безъ всякаго сомнѣнія, Россія одна изъ первыхъ державъ!

Куртуа при этомъ утвердительно кивнулъ головою, точно онъ говорилъ о вещи, давно уже рѣшенной и, обращаясь къ гостю, съ самою любезною улыбкою прибавилъ :

— Не угодно ли вамъ взять это крылышко ?

— Позвольте.

— О, что касается до Россіи, то я имѣю объ ней достаточное понятіе, заключилъ Куртуа. — Мой другъ и товарищъ, виконтъ де-Пижонъ, пробылъ тамъ три года и до сихъ поръ не можетъ нахвалиться ею!...

Копыткинъ нечаянно взглянулъ на Mélanie и замѣтилъ, что она смущенно опустила внизъ голову, точно угадывала, какого рода впечатлѣніе производила на него болтовня старика.

— Смѣю васъ спросить, мосье Копыткинъ, вы давно здѣсь живете?

— Да, довольно давно.

— Какъ же вамъ показалась наша родина? допрашивалъ старикъ.

— Онъ ее не любитъ, съ улыбкой замѣтила Mélanie.

Куртуа сдѣлалъ удивленную гримасу.

— И напрасно ты, отецъ, съ живостью продолжала она: — сравниваешь Россію съ Франціею, — это для мосье Копыткина далеко не такъ лестно, какъ ты думаешь.

Копыткинъ внутренне поблагодарилъ Mélanie за ея отвѣтъ. Онъ взглянулъ на нее и улыбнулся. Старикъ, видя, что ему ищущають снять съ гостя допросно-учтивые пункты, тотчасъ на-шелся :

— М-me Куртуа, вотъ что значить, сказалъ онъ шутливымъ тономъ, обращаясь къ своей женѣ: — вотъ что значить позволять молодымъ дѣвушкамъ знакомиться съ иностранцами: дочь наша даже не удивляется, что можно равнодушно относиться къ Франціи, тогда какъ мы, старики, только и бредимъ ею...

Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ. Копыткинъ, желая выйти изъ своего неопредѣленнаго положенія, прямо обратился къ Mélanie, подаль ей руку, и, отставъ такимъ образомъ отъ остальнаго общества, они повернули въ одну изъ аллей.

— Намъ надо поговорить, произнесъ онъ рѣшительнымъ тономъ и стараясь казаться какъ можно спокойнѣе.

Она тревожно прислушивалась, но онъ, какъ нарочно, вдругъ замолчалъ.

— Отчего это вы какъ будто не въ духѣ? замѣтила она съ самой милой заботливостью. — Ради Бога, вы не придавайте никакого значенія ни моимъ слезамъ, ни моимъ словамъ. У меня есть одинъ страшный порокъ — недовѣрчивость къ собственному счастью, оттого и происходитъ такая неровность въ моемъ характерѣ. Въ первую минуту вашего пріѣзда я обрадовалась, потомъ тоской, и безотчетной, эта радость уменьшилась, а теперь...

— А теперь? спросилъ онъ.

— Теперь, право, смѣшно сказать: все вдругъ въ глазахъ моихъ повеселѣло, даже цвѣты эти кажутся какъ будто краси-

вѣе... Не случилось вамъ никогда, отъ-нечего-дѣлать, чертить планы въ головѣ и предлагать себѣ разные вопросы?

— Никогда.

— А я дѣлаю это очень часто. Одинъ разъ, глядя на кровельщика, который чинилъ сосѣднюю крышу, я задала себѣ вопросъ: какое лучшее занятіе въ мірѣ? И вообразите, перебрала всѣ занятія: портныхъ, столяровъ, живописцевъ, продавцовъ птицъ, пѣвцовъ, фотографщиковъ, и т. д., — два часа думала, и наконецъ пришла къ заключенію, что веселѣе всего быть кровельщикомъ.

— Отчего же?

— Такъ мнѣ показалось въ ту минуту: стоять себѣ на кровлѣ, попѣвать пѣсенки — это чудесно! Но потомъ мнѣ показалось, что кровельщикомъ хорошо быть только въ ясную погоду и гораздо лучше и милѣе быть садовницей. Сближеніе съ цвѣтами можетъ много доставить удовольствія и научить отличать все изящное, простое отъ привитаго. Видите, какой вздоръ приходитъ мнѣ иногда въ голову! заключила она съ веселымъ смѣхомъ.

Она остановилась, и вдругъ живо и ловко начертила на пескѣ кончикомъ своего зонтика какой-то цвѣтокъ.

— Что это такое?

— Мой цвѣтокъ, я сама его выдумала. Мнѣ кажется, что къ нашей флорѣ можно было бы прибавить нѣсколько лишнихъ цвѣтковъ, и даже очень красивыхъ.... Вотъ, на примѣръ, этому вредитъ то, что стебель слишкомъ высокъ, а самый цвѣтокъ распустилъ чашечку такъ неграціозно, точно пришибленный человѣкъ. Позвольте, я еще нарисую вамъ одинъ....

Она нагнулась и тутъ же растерла по песку неудавшійся рисунокъ своей ножкой.

— Извините, что я рассказываю вамъ подобныя глупости. Отъ-нечего-дѣлать я непрерывно чѣмъ-нибудь себя да занимаю...

— Нѣтъ, это не глупости; вы переходите отъ одного занятія къ другому, вы ищете настоящаго своего назначенія, съ жаромъ проговорилъ Копыткинъ: — а между тѣмъ самаго ближайшаго не видите.

— Что жь это такое? съ любопытствомъ спросила она и вытянула впередъ свою хорошенькую шейку.

— Эти воображаемые поиски и желаніе примѣнить къ себѣ то одно, то другое назначеніе—показываютъ, что оно кроется въ васъ самихъ и вамъ остается только отгадать его.

— Да что жь это такое? Все-таки я ничего не поняла.

— Это ясно: вамъ назначено быть прекраснѣйшей женою! съ убѣжденіемъ воскликнулъ Копыткинъ.

Она смутилась.

— Право, объ этомъ я менѣ всего думала, проговорила она.

— Не знаю, думали ли вы, или нѣтъ, но я думаю такъ, отвѣтилъ съ увлеченіемъ Копыткинъ, взявъ ее за руку и поцаловалъ. — Теперь я не пушу вашей руки, пока вы мнѣ ее не отдадите, или пока не оттолкнете отъ себя.

Она молча склонила свою голову на его плечо.

Черезъ два мѣсяца они были повѣнчаны и уѣхали въ Россію.

Старикъ Куртуа до сихъ поръ предлагаетъ всякому французу, отправляющемуся въ Россію, свою протекцію, увѣряя, что зять его первое лицо въ *сѣверной монархіи*.

Е. КОЛБАСИЧЪ.

ГАРАНЩИНА.

РАЗСКАЗЪ ПОЛИЦЕЙСКАГО ЧИНОВНИКА.

I.

По зачисленіи на службу въ штатъ Царево-Ханской градской полиціи, я получилъ приказаніе явиться къ младшему полицій-мейстеру, коллежскому совѣтнику Шаги-Ахмету Абдулкаримовичу Мирзоеву.

Утромъ я взялъ извозчика и отправился. Проколесивши версты полторы по негодной мостовой, возница мой остановился у крыльца прекраснаго дома, восточной архитектуры, выкрашеннаго зеленой краской. Въ передней стояло двое квартальныхъ, вытянутыхъ въ струнку, а на чугунной скамейкѣ сидѣлъ лакей съ азіатской фізіономіей, принявшій меня по платью за посѣтителя, о которомъ слѣдовало доложить. Этой ошибкѣ я былъ обязанъ тѣмъ, что меня скоро ввели въ обширный кабинетъ, комфортабельно меблированный: стѣны въ немъ были оклеены дорогими обоями и кругомъ обставлены роскошными диванами и кушетками; на полу разостланы персидскіе ковры; на этажеркахъ, между рѣдкимъ китайскимъ и японскимъ фарфоромъ, разбросаны разныя бездѣлушки, на конторкѣ палисандроваго дерева, работы Гамбса, красовалась чудная агатовая ваза, изъ которой выглядывали углы визитныхъ карточекъ. За небольшимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, въ волтеровскихъ

креслахъ сидѣлъ рослый мужчина лѣтъ сорока-пяти съ низко-стриженными вѣлосами, въ яркомъ халатѣ изъ тармаламы; смуглое лицо, выдавшіяся скулы, черные, неправильно вогнутые глаза, большой носъ и отвѣсившаяся нижняя губа обличали въ немъ монгольское происхожденіе, желчный темпераментъ и сильныя страсти съ преобладающимъ честолюбіемъ и азіатскою спѣсью.

— Хорошъ долженъ быть, подумалъ я, и громко проговорилъ обычную фразу: честь имѣю явиться и проч.

— Здравствуйте, любезнѣйшій! — забасилъ полиціймейстеръ съ рѣзкимъ татарскимъ произношеніемъ: ви къ намъ поступаети по распорядженію губернатора; знаемъ: меня объ васъ говорилъ правитель канцеляріи; ви гдѣ прежде служилъ?

— Это первая моя служба, отвѣчалъ я.

— Вы училися законовѣднію?

— Да, слушалъ право.

— Ну, теперь будетъ можно ваша теорія на практикѣ при-мѣнить. Купечно, на первый разъ вамъ не покажется у насъ, но ми даемъ вамъ хорошее мѣсто: здѣсь служить все народъ дрян-вѣ, пьяницъ, спусобныхъ мала, а дѣло бульна много, ми станемъ отличать хорошій человекъ; будешь привыкать наша пу-рядокъ, секретарь садимъ.

За тѣмъ послѣдовало наклоненіе головы знакъ, что аудіен-ція кончилась. Я раскланялся.

Такимъ образомъ, снискавши расположеніе всеильнаго Шаги-Ахмета Абдулкаримовича, я получилъ въ управленіе распорядительный столъ — мѣсто, какъ отзывались товарищи-со-служивцы, выгодное, хотя я тогда еще не понималъ, чѣмъ распорядительный столъ интереснѣе исполнительнаго, а мое мѣсто выгоднѣе мѣста Ваньки Полугарова. Дѣйствительно, кругъ за-нятій, составлявшихъ прямую мою обязанность, былъ самый ничтожный: работа не головомомная и не черная, а все, какъ выражался секретарь нашъ, добрѣйшій Иванъ Васильевичъ По-шлевкинъ, хлѣбная. Въ то время, когда сосѣдъ Ванька Полу-гаровъ скрѣплялъ сотни отношеній о не оказательствѣ кого нибудь, я важно расчеркивался подъ передаточными надписями билетовъ кредитныхъ установленій, контролировалъ рукоприкладства безграмотныхъ на актахъ, подлежащихъ свидѣтельству у мак-лера; наконецъ, мнѣ принадлежала Гаранщина, которой за-вѣдовали и Ванька Полугаровъ и Левъ Блаженный и Семеновъ

Гуськовъ, и даже секретарь губернскаго правленія Лихонцевъ.

Что такое гаранщина? спросятъ меня. Не каждый, и не вдругъ отгадаетъ, что такое гаранщина. Она имѣетъ право гражданства въ извѣстномъ толькo уголку и въ избранномъ кругу счастливицевъ. Между тѣмъ какъ любопытные стануть ломать голову надъ разрѣшеніемъ вопроса: откуда взялась на св. Руси гаранщина, — я брошу бѣглый взглядъ на первый шагъ мой на поприщѣ служебной дѣятельности.

Сначала все было для меня ново, и я съ любопытствомъ присматривался къ явленіямъ этой незнакомой для меня жизни; многое въ ней казалось мнѣ смѣшнымъ, а многое приводило въ ужасъ и негодованіе: взяточничество, развитое во всевозможныхъ видахъ и формахъ, отвратительныя картины самыхъ черныхъ дѣлъ, отсутствіе всякихъ человѣческихъ чувствъ, подлость и униженіе встрѣчались на каждомъ шагѣ.

Первая дѣловая бумага, которую мнѣ пришлось подписывать, была надпись на контрактѣ крестьянина Фролова съ купцомъ Овчинниковымъ. Надпись эта удостовѣряла, что Фроловъ дѣйствительно по безграмотности довѣрилъ вмѣсто себя росписаться канцеляристу Ярыжину. Помощникъ мой, губернской секретарь Зуй Дормидоновичъ Бальзамчиковъ, по предъявленіи контракта быстро прочитавъ договоръ, обратился къ коренастому, рыжему мужику въ синемъ азамѣ и спросилъ его: скоро-ли надо?

— Какъ-же, батюшка, ваше благородіе! товаръ-то наложили: къ ночи выѣдемъ — остановка за контрактомъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Договоръ на двѣ тысячи рублей, слѣдовательно отъ такой суммы можно раскошелиться? замѣтилъ Бальзамчиковъ, вопросительно взглянувъ на мужика.

— Знамо, почтеннѣйшій, безъ благодарности не оставимъ.

— Знаемъ мы вашу-то благодарность! Я люблю дѣло на чистоту: говори прямо: сколько дань?

— Двумя рубликами вашей милости поклонимся.

— Мало: три цѣлковыхъ на канцелярію непременно нужно: меньше нельзя.

— Ладно, сударь, за лишній рубль не стоимъ: только сдѣлайте божескую милость, отпустите поскорѣе.

— Черезъ четверть часа будетъ готово, сказалъ Зуй Дорши-
доновичъ, пряча въ карманъ трехъ-рублевый билетъ, но вдругъ
какъ будто вспомнивъ что-то, спросилъ: а свидѣтели есть?

— Нѣту-тѣ со мной никого.

— Какъ же быть? Смотри, теперь остановка не за нами.

— А безпремѣнно надо?

— Чудакъ же ты, братецъ мой! безъ свидѣтелей нельзя: под-
твердительная сказка отбирается при постороннихъ лицахъ.
Этотъ порядокъ не мы устали, а законъ.

— Нѣшто. Развѣ сбѣгать въ Мокрую да попросить двор-
ника Ефимку Косова. Да поди долго проходишь. Еще, чай, гра-
мотныхъ надо.

— Извѣстно, грамотныхъ. Да о чемъ ты хлопчешь? Возьми
здѣшнихъ, мигомъ подмахнуть.

— Сдѣлайте божескую милость, охлопочите, ваше благо-
родіе....

— Здѣшнимъ, вѣдь, свидѣтелямъ платятъ по четвертаку съ
рыла: такъ давай на троихъ 75 к. все равно и косою твой безъ
полуштофа не пойдетъ.

Мужикъ почесалъ затылокъ, полѣзъ въ карманъ, досталъ
кожаную кису, развязалъ, присѣлъ на корточки и началъ от-
считывать на полѣ зипуна мѣдныя гривны.

Бальзамчиковъ, хлоднокровно повѣривъ поданныя ему день-
ги, нахмурилъ брови и вскричалъ: пяти-алтыннаго нѣтъ! вишь-
ты, парень, видно продувной, обсчитывать вздумалъ.

— Довольно бы, кажись, сударь.

— Ну, ну, давай, не разсуждай.

Мужичекъ изъ рукава положилъ на столъ припрятанный на
случай пяти-алтынный, и когда мѣдныя гривны перешли въ
карманъ Бальзамчикова, заскрипѣли перья и пошла работа.

Во время этой сцены я сидѣлъ какъ въ огнѣ: кровь бросилась
мнѣ въ голову — и я ничего не видѣлъ, хотя безсознательно
глядѣлъ на сѣрые листы какого-то указа; металлическій голосъ
Бальзамчикова и звонъ мѣдныхъ гривенъ болѣзненно потрясали
мои нервы; положеніе было нестерпимое; я не зналъ, что дѣлать
и какъ поступить. Это былъ первый дебютъ моей службы, пер-
вое знакомство съ Царево-Ханскомъ. Но попытка тѣмъ не кон-
чилась. Спустя полчаса, производство по дѣлу Фролова было
готово; оставалось только подписать подтвердительную сказку

свидѣтелей: призванные отъ другаго стола двое приказныхъ съ безцвѣтными лицами и ароматовъ акцизно-откупнаго комиссіонерства бойко расчеркнули свои фамиліи, и протянувъ руки судорожно сжали брошенные Бальзамчиковымъ двѣ мѣдныя гривны. По окончаніи церемоніи рукоприкладства, Зуя Дормидонтовичъ поднесъ мнѣ для подписи договоръ, и, позвавъ мужика, воскликнулъ: что же ты, борода, столоначальнику, поди, за скрѣпу надо? Выпячивай-ка три рублика.

— Помилуй, родимый, за чтожь это еще? Не обидьте: мы люди заѣзжіе, завопилъ бѣднякъ.

Меня точно кипяткомъ обварило. Я не выдержалъ — вскочилъ со стула, бросился къ Бальзамчикову; но я невольно опустилъ поднятую руку, встрѣтивъ наивную улыбку Зуя Дормидонтовича. Я не помню, что ему сказалъ; должно быть — что-нибудь новое, потому что онъ, уставивъ на меня глаза, какъ-то осовѣлъ. Между тѣмъ я схватился за шляпу и хотѣлъ бѣжать. Первою моею мыслью было — явиться къ губернатору и объяснить ему, что я не могу жить въ этомъ вертепѣ грязи и не хочу служить съ этими людьми, но, пока я въ порывѣ негодованія передумывалъ, какими аргументами озадачить генерала, — подошелъ слѣдившій издали за мной Иванъ Васильевичъ и любезно спросилъ:

— Что, каково привыкаете къ занятіямъ? Поди, скучно, и сначала, я думаю, дико вамъ кажется? Полиція, отецъ родной, полиція. Послужите — привыкнете, а свыкнется — слюбится.

— Покорнѣйше васъ благодарю. Я служить здѣсь не намѣренъ, съ сердцемъ возразилъ я.

— Гмъ! чего не знаешь, почему знаешь? лаконически замѣтилъ секретарь и, подумавши минуту, прибавилъ: подпишите-ка эту бумагу, и пойдете затяпуться, если вы имѣете привычку курить; да кстати и поговоримъ.

Я молча подписалъ надпись на контрактѣ Фролова и безсознательно пошелъ за Поплевкинымъ. Пройдя регистратуру, дежурную, уголовное и гражданское отдѣленіе, мы очутились въ уютной комнаткѣ, прилично меблированной. За большимъ столомъ занимались двое молодыхъ людей, опрятно одѣтыхъ, съ дѣтски-беззаботной фізіономіей, а за особымъ столомъ сидѣлъ почтенной наружности старикъ съ строгими чертами лица, въ форменномъ, наглухо застегнутомъ вицмундирѣ, съ сигарой во рту: это была собственная канцелярія старшаго полиціймейсте-

ра полковника N, а господинъ почтенной наружности — его письмоводитель, коллежскій ассесоръ Добровъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій мы закурили сигары.

— Какъ вамъ нравится нашъ городъ? спросилъ меня Добровъ.

— Я здѣсь такъ недавно, что ничего еще не видалъ.

— А служба какъ?

— Хороша, нечего сказать. Я хочу просить объ увольненіи.

— Вполнѣ увѣренъ, что наша служба вамъ поглянуться не могла, однакожь, прошу васъ взглянуться въ нее по пристальнѣе. Вы увидите, что она не такъ черна, какъ, вѣроятно, вамъ показалась, и что съ вашей стороны едва ли будетъ благоразумно оставлять ее, замѣтилъ Добровъ.

— Почему вы такъ думаете, спросилъ я.

— Вотъ видите ли, согласно предложенію министра губернаторъ не можетъ васъ опредѣлить тамъ, гдѣ ему вздумается; отказать вы не можете. Если онъ васъ зачислилъ сюда, значить такова ваша судьба. Въ случаѣ отказа, ему наговорятъ разнаго вздору, и онъ, пожалуй, пошлетъ васъ куда набудь въ глушь — въ уѣздный городъ, да велитъ записать въ земскій судъ, или городническое правленіе — а такіе примѣры были; тогда каково будетъ? Цѣтью обука не перешибеши. Настоящее житье — куда лучше? Насъ здѣсь восемьдесятъ человекъ, не считая пяти частныхъ, пяти слѣдственныхъ приставовъ и пятнадцати квартальныхъ. Какъ видите, цифра значительная. Вглядитесь-ка хорошенько: вы тутъ встрѣтите и людей образованныхъ, и людей честныхъ, которыхъ судьба-мачиха забросила сюда, и отъявленныхъ негодяевъ. Вотъ тамъ, у дверей угольного стола, сидитъ высокая фигура во фракѣ съ бѣлыми пуговицами: кто подумалъ бы, что коллежскій совѣтникъ К., инспекторъ гимназій будетъ въ необходимости зарабатывать насущный хлѣбъ въ полиціи, переписывая чепуху, сочиненную безсмысленнымъ столоначальникомъ? Полиція, милостивый государь, какъ яма, куда бросаютъ всякій соръ: здѣсь найдете вы людей всѣхъ сословій — и дворовыхъ, и исключенныхъ дячковъ, и бывшихъ цаловальниковъ, и отставныхъ инвалидовъ, и самые рѣдкіе типы кровныхъ подъячичъ, и кандидатовъ на первыя уѣздныя должности.

— А какъ тутъ кандидаты попали? прервалъ я.

— Вот видите ли: что городъ, то норовъ, что край, то обычай, говорить пословица. Царево-Ханское полицейское управленіе съ тѣкъ поръ, какъ Шаги-Ахметъ Абдулкаримовичъ тутъ начальствуетъ, пользуется извѣстнымъ авторитетомъ, и на этомъ основаніи губернское правленіе присылаетъ сюда для испытанія тѣхъ кандидатовъ на мѣста становыхъ и исправниковъ, которые, для достиженія рая должны побывать въ чистялицѣ: это первая категорія кандидатовъ. Ко второму разряду причислены тѣ, которые попали подъ судъ и впредь до оправданія не могутъ исправлять должности; къ третьему... да впрочемъ здѣсь для наблюдательнаго человѣка обширное поле; но если съ настоящей точки зрѣнія смотрѣть на вещи, то эти люди со всей своей уродливостью не хуже другихъ братьевъ нашихъ по ремеслу. Что же касается меня, то я убѣжденъ, что хорошій человѣкъ вездѣ можетъ сохранить чистоту нравовъ.

— Я думаю, это очень трудно, возразилъ я.

— Да! подхватилъ Иванъ Васильевичъ, я съ вами согласенъ: впечатлѣнія быстро сглаживаются — и отъ чего человѣкъ сперва содрогался, на то послѣ смотритъ равнодушно. Привыкаютъ же къ тюрьмѣ, къ больничному воздуху, къ дурной пищѣ. Я увѣренъ, что и вы другими глазами будете смотрѣть на Зуя Доршидоновича, которому давеча чуть-чуть не дали затрещину за то, что онъ хотѣлъ доставить вамъ случай получить лишнихъ три рубля. Меня потѣшила эта сцена, а мужикъ тутъ ровно ничего не понялъ, или, вѣроятно, понялъ иначе, потому что быстро полѣзъ въ карманъ. Вотъ оно какъ. А между тѣмъ вся эта исторія, столько васъ взволновавшая, для насъ очень обыкновенна, потому что происходитъ изъ нашей жизни, изъ нашего положенія. Но неволь станешь придумывать, какъ бы когонибудь притянуть; а не возьму я, возьметъ другой. У насъ хоть и берутъ взятки, такъ все еще по человѣчески (кромѣ, конечно, частныхъ приставовъ); а посмотрите-ка въ пазатѣ, да въ консисторіи: тамъ просто открыто грабятъ. Не далеко указывать: надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ выстроилъ домъ тысячь въ тридцать цѣлковыхъ. Какъ вамъ покажется? Расскажу еще случай, котораго я былъ очевидцемъ, продолжалъ Иванъ Васильевичъ: какъ-то на дняхъ заѣзжаю по дѣлу къ столоначальнику консисторіи — Позоровскому. Приходятъ къ нему деревенскій причетникъ, назначенный въ село дьячкомъ и ожидающій указа консисторіи.

— Деньги принесть? воскликнул Позоровскій, завидя дьячка.

— Псалтину серебра спроворилъ, больше неоткуда достать; пожадѣйте: сирота! завопилъ бѣднякъ.

— Дуракъ, дуракъ! мнѣ что за дѣло, что у тебя нѣтъ? давай полтину и рукавицы подай сюда! Бѣдность, а еще въ рукавицахъ щеголяешь! да ступай въ кухню, переночуй, а утромъ встань пораньше, наруби дровъ, натаскай воды, да на толчекъ, на поденщину наймись, недѣлку проработаешь, — за каждыя сутки принесешь по четвертаку — тогда отпущу. А живетъ-то скаредъ свинья-свиньей, хуже Плюшкина. Вотъ это ужъ по моему варваръ. А съ подрядчика что не взять трехъ рублей, коли онъ самъ наживаетъ десять?

На устахъ Добрава мелькнула насмѣшливая улыбка. Я тоже не расположенъ былъ оспаривать теорію Поплевкина, и мы, докуривъ сигары, отправились къ занятіямъ.

Проходя мимо экс-инспектора, я съ любопытствомъ взглянулъ на отставнаго педагога, но въ безлично-апатическомъ старикѣ я на первый разъ ничего не замѣтилъ.

— Прикажете, ваше благородіе, отпустить. Девяносто лошадей кормимъ, заговорилъ Фроловъ, встрѣтивъ насъ при входѣ въ канцелярію.

— Ты съ контрактомъ? спросилъ Ивапъ Васильевичъ.

— Съ контрактомъ, съ утра жду.

— Паспортъ есть?

— На квартирѣ оставилъ.

— Вотъ видишь ли, любезнѣйшій: нужно, во-первыхъ, провѣрить письменные виды всѣхъ изъ вашей братьи, которыхъ имена значатся въ контрактѣ, нѣтъ ли просроченныхъ; а во-вторыхъ, нужно будетъ разсмотрѣть хорошенько, да сообразить съ закономъ обстоятельство касательно, знаешь, того.... понимаешь?.. что между вашими, большая часть удѣльныхъ крестьянъ, безъ дозволенія своего начальства неимѣющихъ права входить ни въ какія обязательства; слѣдовательно дѣло выходитъ дрянъ. Впрочемъ, приходи завтра, посмотримъ.

Мужикъ видимо растерялся.

— Вотъ оно какой оборотъ принимаетъ дѣло: цѣлковыкъ двадцать-пять будетъ ребятишкамъ на молочишко, шепнулъ мнѣ на ухо Ивапъ Васильевичъ, самодовольно ухмыляясь.

Я отворотился.

Наконецъ пробило три часа. Изъ присутствія вышелъ величественный Шаги-Ахметъ, загремѣли стулья, всѣ въ поясъ поклонились ему. Ни взглядомъ, ни движеніемъ головы не отвѣтилъ на этотъ поклонъ гордый татаринъ. Спустя пять минутъ въ канцеляріи было пусто; только сторожа сметали соръ со столовъ, да у амбразуры окна Поплевкинъ объяснялъ Фролову примѣнимость закона о договорахъ и обязательствахъ къ разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ.

Такъ кончился первый день моей службы.

II.

Прошло полгода. Настала весна. Въ одинъ прекрасный вечеръ я сидѣлъ у себя въ квартирѣ за самоваромъ, въ чрезвычайно-приятномъ расположеніи духа, и пилъ чай. Послышались шаги на лѣстницѣ; вставши отворить дѣрзь въ темный корридоръ, чтобы шедшій ко мнѣ гость не стукнулся лбомъ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ бравымъ бѣлокурымъ парнемъ въ кучерской одеждѣ.

— Здравствуй, Иванъ! что скажешь? спросилъ я.

— За вами пріѣхалъ, — баринъ къ себѣ просить, — отвѣчалъ онъ, помолившись иконамъ.

Я на-скоро одѣлся и отправился къ Когтеву, съ которымъ особенно сблизился въ послѣднее время.

Съ этой личностью я намѣренъ познакомить читателя. Сынъ отставнаго титулярнаго совѣтника, Андрей Андреичъ Когтевъ воспитывался въ гимназій и, не окончивши курса, исключенъ за особенную юркость, обозначавшуюся въ разныхъ шалостяхъ, на которыя всегда неблагосклонно смотрѣлъ инспекторъ Добронравовъ. Но хорошіе успѣхи и заступничество нѣкоторыхъ преподавателей долго спасали Андрея отъ бѣды, пока не обнаружилась новая черта его характера — дерзость. Тутъ ужъ не помогло никакое заступничество. Старикъ отецъ всегда мечталъ, какъ-бы сына скорѣе вывести въ люди. Для этого, по его понятіямъ была единственная дорога — служба гражданская, на которой онъ самъ подвизался долгое время и хотя не составилъ себѣ карьеры, но какъ-то особенно приятно вспоми-

наль тѣ счастливые годы, когда въ должности стряпчаго поставялъ отъ себя въ зависимость всѣ уѣздныя власти и былъ предметомъ всеобщаго уваженія и страха. Къ этой эпохѣ его службы относится покупка семнадцати ревизскихъ душъ съ землею и дома о пяти окнахъ въ уѣздномъ городѣ. Но послѣ вдругъ какъ — то не повезло, и старикъ вышелъ въ отставку. Поселившись въ своемъ имѣннн, онъ сталъ садить капусту и откармливать гусей. Исключенію сына изъ гимназій онъ почти обрадовался, какъ случаю, помогавшему осуществить завѣтныя мечты, и сейчасъ записалъ его въ уѣздный судъ, гдѣ, какъ выражался отставной стряпчій, лучшая школа для молодыхъ людей. Семнадцатилѣтній Когтевъ не имѣлъ тогда ни къ чему особеннаго стремленія. Онъ охотно вступалъ на бюрократическое поприще, но также охотно надѣлъ бы и военный мундиръ. Его страстная натура требовала кипучей дѣятельности, но избранный имъ путь не могъ ни осуществить мечты отца, ни удовлетворить стремленіямъ сына. Весело вошелъ Андрей Андреевъ въ грязное, заплевное общество уѣздныхъ подъячихъ, скоро постигъ онъ самыя трудныя задачи бюрократической мудрости. Изучивъ канцелярскія формулы, онъ съ любознательностью изслѣдовалъ всѣ тайныя пружины внутренняго механизма судебныхъ корпорацій. Ему хорошо были извѣстны источники благосостоянія жрецовъ Оемиды, онъ тщательно изучалъ роли главныхъ актеровъ на сценѣ, гдѣ ежедневно разыгрывались драмы, и достигнувъ въ три года возможнаго совершенства, но не удовлетворивъ ни честолюбію отца, ни своимъ собственнымъ стремленіямъ, Андрей Андреевъ не нашелъ себѣ въ тѣсной колѣѣ канцелярской жизни ничего, кромѣ скуки. За стѣнами суда, въ кружкѣ уѣздной молодежи шумнымъ кутежемъ отличалась пылкая натура Андрея. Жажда сильныхъ ощущеній бросала его изъ одной крайности въ другую: карты, вино и самый грубый развратъ поглощали окончательно остатки общечеловѣческихъ началъ, уплывшіе отъ удушливой атмосферы приказнаго міра. Но случай вырвалъ Когтева изъ этой среды на новое поприще. За потасовку, въ порывѣ вдохновенія, засѣдателя Щукина, Андрей Андреевъ уволили въ отставку. Дома онъ тоже не долго прогостилъ, и, получивъ отъ отца родительское благословеніе и вразумительное наставленіе, т. е. серебряный образокъ преп. Сергія и двадцать-пять нагаекъ на дорогу, сѣлъ на пароходъ и пустился искать счастья. Познакомившись съ пльв-

шимъ съ нимъ на одномъ пароходѣ подпоручикомъ Што-сиковымъ, путешествовавшимъ тоже по части сильныхъ ощуще-ній, Когтевъ проигралъ ему всѣ свои деньги; за тѣмъ пошли на карту вещи; Когтеву не повезло—и весь его багажъ перешелъ къ счастливому банкуету. При такихъ обстоятельствахъ прибылъ Андрей Андреевичъ въ Царево-Ханскъ. Здѣсь часто встрѣчали любители трактирныхъ увеселеній молодого, бѣлокурого чело-вѣка лѣтъ двадцати съ умными глазами и самыми рѣзкими чер-тами лица, не лишенными нѣкоторой пріятности, въ поношен-номъ форменномъ сюртукѣ о трехъ пуговицахъ съ полинялымъ зеленымъ воротникомъ, въ узкихъ штанахъ и сапогахъ съ про-рѣхами, — постоянно вертѣвшася въ бильярдныхъ залахъ, въ ожиданіи..... Еще рассказываютъ, что видѣли разъ, какъ этотъ молодой челоуѣкъ почивалъ возлѣ кабака на навозной кучѣ, и черная жучка облизывала ему губы; да мало ли чего не говорилъ, только достоверно то, что со времени определе-нія Когтева въ Царево-Ханскую полицію никто не видалъ его ни въ бильярдной, ни на навозной кучѣ.

Служба Когтеву сначала немного обѣщала. Его посадили въ гражданскій столъ, назначили семь рублей жалованья, заста-вили переписывать разныя бумаги и больше не обращали на него вниманія. Богъ вѣсть, сколько пришлось бы Когтеву такъ сидѣть, еслибы случай не помогъ ему выйти изъ этого положенія. Въ Царево-Ханскѣ по одному казусному дѣлу пріѣхалъ на слѣдствіе важный челоуѣкъ, которому поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ обревизовать нѣкоторыя присутственныя дѣла. Для канцеляріи ревизора понадобилось нѣсколько пис-цовъ — и къ нему вмѣстѣ съ другими представили Когтева, владѣвшаго красивымъ почеркомъ. Андрей Андреичъ явился въ чистенькомъ черномъ сюртукѣ, на-глухо застѣгнутомъ, чер-ныхъ брюкахъ и черномъ галстукѣ. Блѣдное, умное лице моло-дого челоуѣка бросилось въ глаза важной особы, и она, эта важ-ная особа, обратила на него особенное вниманіе. Возвращаясь въ Петербургъ, ревизоръ хотѣлъ—было взять Когтева съ собою; но внезапная болѣзнь не позволила Когтеву воспользоваться единственнымъ, можетъ быть, въ жизни случаемъ. Важный че-лоуѣкъ навѣстилъ больного, наградилъ его пятидесятью рубля-ми, и передалъ подъ особенное покровительство Мирзоеву, какъ подающаго большія надежды.

Но выздоровленіи, Когтева опредѣлили кварталнымъ надзирателемъ, а черезъ два мѣсяца назначили секретаремъ полиціи. Это ужъ была обширная арена, на которой Андрей Андреевичъ могъ выказать себя въ надлежащемъ видѣ — и онъ вполнѣ оправдалъ надежды своего покровителя. Съ утра до глубокой ночи блѣдная физиономія во все черное одѣтаго секретаря мелкала по всѣмъ угламъ канцеляріи; вездѣ водворился порядокъ: комнаты были чисто выметены и окурены; на столахъ разостланы зеленыя сукна; сидящіе на новыхъ стульяхъ писцы какъ-то робко осматривались; запаха сивухи не было слышно; въ дежурной поставлены для просителей диваны, обтянутые клеенкой; у дверей присутствія стоялъ молодцоватый вахмистръ, увѣщенный медалями; добровольныя приношенія принимались съ нѣкоторой солидарностью и вмѣсто мѣдной—серебряной монетой. Но не столько еще поражала реформами внѣшняя обстановка, сколько внутренняя. Андрей Андреевичъ оказался замѣчательнымъ изобрѣтателемъ новыхъ финансовыхъ мѣръ. Мѣсто секретаря, дававшее обыкновенно до тысячи рублей, стало приносить пять тысячъ. Контора акцизно-откупнаго комиссіонерства, платившая предмѣстнику Андрея Андреевича полтора ста рублей, поставлена была въ необходимость учетверить кушъ. Старообрядческой староста, ограничивавшійся прежде мѣшкомъ-другимъ крупчатки, нашелся вынужденнымъ замѣнить это приношеніе пятью-стами рублями. Цехъ мясниковъ, по замѣченнымъ злоупотребленіямъ при освидѣтельствovanіи пригоняемыхъ гуртовъ, обложенъ былъ пошлиною въ семь-сотъ рублей. Трактиры, торговля бани и другія для общественной пользы устроенныя заведенія къ обыкновеннымъ своимъ расходамъ прибавили лишнихъ шесть сотъ рублей. Содержатель перевоза какъ-то тоже поставленъ былъ въ зависимость отъ секретаря. Частные пристава, проклинаемая реформы, платили ему по пяти рублей въ мѣсяцъ. Наконецъ, при церемоніи поздравительныхъ визитовъ въ годовые праздники почетное купечество тоже не забывало Андрея Андреевича. Между тѣмъ, работая день и ночь, Когтевъ успѣлъ установить возможный порядокъ, правильность въ дѣлопроизводствѣ и очистить запущенія своихъ предмѣстниковъ. Три регистратора не успѣвали записывать номера бумагъ, отсылаемыхъ въ разныя мѣста; безобразныя кучи разныхъ дѣлъ и переписокъ, разбросанныя прежде въ хаотическомъ безпорядкѣ, при Андрѣ Андреевичѣ въ красивыхъ картонкахъ успокоились на полкахъ шкафовъ; въ

отдѣленіяхъ уголовномъ и гражданскомъ, управляемыхъ особенными приставами, введевъ порядокъ судебнаго дѣлопроизводства: составлялись докладныя записки и вносились въ присутствіе на разсмотрѣніе; вызваннымъ изъ-за прилавокъ ратманамъ поставлено было въ непрѣвѣнную обязанность присутствовать во время засѣданій, придерживаясь поговорки: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. При обревизованіи денежныхъ документовъ найдено до семи сотъ векселей и другихъ актовъ, лежавшихъ много лѣтъ безъ всякаго движенія. Въ кладовыхъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ казначея полиціи Хопикова, открылось, что мыши съѣли семнадцать пудовъ свинцу, секвестрованного у купца Кузикова, три мѣста чаю и двѣ знотовыя шубы. Неугомонная дѣятельность секретаря не давала никому покоя. Частные и слѣдственные пристава, видя явное стремленіе его къ преобладанію, угрожающее ихъ интересамъ, заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ, стараясь всѣми силами уничтожить опаснаго врага. Не тутъ-то было: союзники на всѣхъ пунктахъ разбиты, уничтожены; коалиція расторгнута. Андрей Андреевичъ торжествовалъ и какъ нельзя лучше воспользовался плодами побѣды: одни потеряли свои мѣста, а другіе купили миръ, заплативъ огромную контрибуцію. Благодарность начальства и должность пристава гражданскихъ дѣлъ была наградою побѣдителя. Въ молодомъ, щеголеватомъ приставѣ, катающемся на породистомъ рысакѣ, любители трактирныхъ увеселеній не узнавали прежняго посѣтителя бильярдныхъ.

Прошло семь часовъ, когда я вошелъ въ кабинетъ Когтева. Андрей Андреичъ лежалъ на кушеткѣ и насвистывалъ какой-то мотивъ; въ углу на диванѣ сидѣла mademoiselle Надина, — хорошенькая блондинка съ голубыми глазами и играла съ красной болонкой, привѣтствовавшей меня оглушительнымъ лаемъ. Горѣвшая на столѣ лампа бросала пріятный полусвѣтъ.

— Здравствуй, Подолниъ. Ты что-то давно у меня не былъ.

— Что же тутъ удивительнаго? отвѣчалъ я. Ты знаешь, что я никуда почти не выхожу.

— Хочешь, поѣдемъ сегодня къ Поцлевкину?

— Пожалуй.

— Только немного погода, темеръ не могу: сейчасъ ко мнѣ заявится гаранщикъ, а этимъ визитомъ пренебрегать не слѣдуетъ; ты самъ, я думаю, понимаешь.

— Понимаю, да плохо. Кстати, скажи пожалуйста, Андрей Андреичъ, что такое особеннаго въ этой гаранщиѣ яли гаранщиѣ? Откуда происходитъ это слово? Миѣ извѣстно только, что гаранщиной называютъ вообще лѣсныхъ издѣлія; но я рѣшительно не понимаю, какая тутъ особенность, а между тѣмъ, съ приближеніемъ весны у насъ всѣ безъ исключенія стали бредить гаранщиной. Мой Зуй Дермидоновичъ какъ-то особенно празднично смотритъ, а Попаевкинъ чрезвычайно пріятно облизывается.

— Эхъ ты простота, простота! Шестъ мѣсяцевъ служишь, и не знаешь, что у тебя подъ носомъ дѣлается, да ты просто ни къ чему не годенъ. Слушай, я тебѣ объясню: Царево-Ханскъ одинъ изъ первыхъ торговыхъ и богатыхъ городовъ Россіи по числу капиталистовъ. Обороты здѣсь значительные, а въ ряду предметовъ нашей промышленности гаранщина занимаетъ не послѣднее мѣсто: слишкомъ на полтора милліона серебромъ ежегодно отсюда отправляется гаранщины; болѣе двадцати чело-вѣкъ исключительно занимаются этой торговлей: Гаранщикамъ по закону дозволяется на торгахъ и базарахъ закупать помелочно у крестьянъ лѣсныхъ издѣлія; они и точно скупаютъ: но много-ли мужикъ возитъ на базаръ? какихъ-нибудь пудовъ двадцать мочалъ, полсотню рогожъ и цыновокъ, десятка два-три кульковъ и лопать, столько же ободьевъ, дугъ и другаго хлама. Положимъ, въ продолженіе зими наберется тысячь на сто; оно, какъ видишь, до полутора милліона далеко не хватаетъ. Но это не бѣда. Гаранщики имѣютъ свои сдѣлки съ лѣсничими, нанимаютъ ловкихъ маклеровъ-кулаковъ, скупаютъ гуртомъ изъ казенныхъ дачъ, у кого и какъ попало, мочало и лѣсъ, устраиваютъ заводы и выработываютъ что кому надо; при приближеніи же навигаціи выправляютъ билеты. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: купецъ-гаранщикъ подаетъ въ полицію просьбу, что вотъ, молъ, я закупилъ на торгахъ и базарахъ города Царево-Ханска помелочно у крестьянъ вотъ то-то и то-то, тутъ излагается названіе и количество товара; что эту закупку, дескать, могутъ подтвердить за присягою свидѣтели, здѣшніе мѣщане такіе-то, что товаръ этотъ миѣ нужно сплавить вверхъ и внизъ по рѣкѣ и для того потребно примѣрно сорокъ билетовъ, которые прошу миѣ выдать. Тутъ, знаешь, получивши подобное требованіе, и принимаешь въ разсчетъ, во первыхъ, стоимость товара, во-вторыхъ то, что у каждаго гаранщика на лѣ-

по вдвое противъ показаннаго имъ, а въ-третьихъ, что товаръ этотъ выдѣланъ на собственныхъ ихъ заводахъ или купленъ оптомъ безъ билетовъ, а свидѣтели, на которыхъ ссылаются гаранщики, обыкновенно подставные. Вотъ и торгуешься съ нимъ, слупища, сколько возможно, по двѣ и по три копѣйки съ рубля, а тамъ составишь актъ, что такого-то числа и мѣсяца членъ полиціи такой-то, вмѣстѣ съ дѣсничимъ производили свидѣтельство купленныхъ мелочно такимъ-то купцомъ дѣсныхъ издѣлій, которыхъ оказалось дѣйствительно то самое количество, какое обозначено имъ въ прошеніи, — и отдашь ему. Тогда онъ отправляется съ этимъ актомъ къ дѣсничему для подписи, — тотъ опять съ него дуется, затѣмъ уже начинается производство. Столоначальникъ съ своей стороны сдеретъ съ купчика щетинку и выдастъ подставнымъ свидѣтелямъ присяжный листъ; тѣ съ этимъ листомъ идутъ куда слѣдуетъ, — тамъ тоже не даютъ потачки, — даромъ вѣдь, подписывать присяжные листы рука портится. Послѣ всего этого составляется уже журналъ, и тогда гаранщикъ обыкновенно платитъ на канцелярію отъ десяти до двадцати-пяти рублей. Тамъ опять къ казначею, у котораго хранятся бланки на билеты, присланные изъ палаты государственныхъ имуществъ, у того тоже рука не дрогнетъ и вмѣсто слѣдующихъ въ казну пятнадцати копѣекъ возьметъ по три рубля за штуку; еще въ регистраурѣ нужно дать за записку въ исходящій реэстръ и приложение казенной печати — хоть положимъ по двугривенному за каждый билетъ. Наконецъ, когда гаранщикъ уходитъ обшпаный, какъ гусь, его окружаетъ толпа сторожей, поздравляетъ съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и проситъ на чайшко — опять деньги. Понялъ теперь?

— Понялъ какъ нельзя лучше. Но вѣдь это ужасно.

— Совсе нѣтъ тутъ ничего ужаснаго. Чтобы понять это, стоитъ только смотрѣть на вещи съ настоящей точки, и это дѣло покажется не такъ безчестно, какъ ты думаешь. Отъ большой суммы бросить тысячи долторы-двѣ ничего не значить; а сколько гаранщики наживаютъ сами, какъ мошенничаютъ, опустошаютъ казенныя дачи, надуваютъ бѣдныхъ крестьянъ? Это просто разбойники, которыхъ жалѣть не стоитъ. Ты обрати вниманіе хоть на то, что имъ круглымъ числомъ цыновка обходится восемь-десять копѣекъ, а въ Москвѣ-то она шестьдесятъ копѣекъ: какіе они получаютъ проценты, а?

— А какъ называется по твоему поступокъ людей, потакающихъ и прикрывающихъ казнокрадство, мошенничество и всѣ возможные плутни? спросилъ я.

— У людей практическихъ это называется умнѣеишь пользоваться обстоятельствами; впрочемъ эта статья особенная и къ дѣлу нейдетъ.

Каждый, поступающій въ наше братство, на порогъ оставляетъ всѣ эти предразсудки; у насъ все дѣлается или по личнымъ, чисто эгонистическимъ побужденіямъ, или по приказанію начальства....

— Миѣ страшно слушать все это. Неужели и ты придержи-ваешься этихъ правилъ?

— Иногда. Впрочемъ я могу составлять исключеніе.

— Не въ гаранщиѣ-ли?

— Ну, нѣтъ, мое почтеніе; къ гаранщикамъ я неумолимъ. Кстати, ты не хочешь брать съ гаранщиковъ денегъ.

— Не хочу.

— Лжешь ты, не можешь отказаться.

— Кто же можетъ заставить меня поступать противъ моихъ убѣжденій?

— Обязанности, которыя принялъ ты въ лицѣ столоначальника,—хранить интересы твоихъ подчиненныхъ; ихъ семь человѣкъ, жаждущихъ гаранщины, какъ спасенія отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ.

— Я въ такомъ случаѣ подамъ рапортъ о болѣзни; чортъ возьми вашу гаранщину, возразилъ я.

— Охъ, голова ты голова, голова неразумная! Подумай хорошенько да поразсуди толкомъ: есть-ли въ твоёмъ намѣреніи хоть капля здраваго смысла? Ну, на твое мѣсто поставятъ сейчасъ другаго, который вдвое сдеретъ, и ты никому не можешь, а себѣ досадишь. Выбрось ты всѣ эти глупости изъ головы. На чемъ возу сидишь, того пѣсенку пой; будь ты хоть разчестнѣйшій человѣкъ, этому никто не повѣритъ. На насъ ужъ такъ смотрятъ; если нашего брата и принимаютъ гдѣ, то по необходимости. Явись невзначай полицейскій чиновникъ къ какому-нибудь мирному гражданину, — весь домъ переполошишь! Что касается до новыхъ идей, то онѣ для насъ еще несовершенны и ни къ чему не годятся. Возьми, примѣръ близко: старшій полиціймейстеръ у насъ — человѣкъ честный, взятковъ не бе-

реть, — это не подлежит сомнѣнію; за то младшій беретъ вдвое, и за себя, и за него. Одинъ ничего не сдѣлаешь, зато-чуть въ грязь. Ты лучше послушайся меня, чѣмъ глупости затѣ-вать. Хочешь, я тебя научу, какъ надо тутъ дѣйствовать.

— Ну.

— Ну, такъ слушай.

— Говори, слушаю.

— Завтра гаранщики станутъ предъявлять требованія на билеты. Ты ужь ни во что не вмѣшивайся, знай только подпи-сывай, когда скажутъ. Твое дѣло я принимаю на себя, а тебѣ дамъ изъ своихъ денегъ шестьсотъ рублей.

— Не надо мнѣ твоихъ денегъ! воскликнулъ я.

— Вздоръ, ты не имѣешь права отказываться. Вообрази, что я, какъ старшій членъ полиціи, даю тебѣ награду за усерд-ную службу, вотъ пока половина, и Когтевъ подалъ мнѣ три сторублевыхъ билета.

Раздался звонокъ; слуга доложилъ, что пришелъ прося-тель. Мы вышли въ залу: у порога стоялъ маленькій, худень-кій и какъ нельзя болѣе на видъ плутоватый прикащикъ и низ-ко кланялся.

— Что хорошаго, Потапычъ, скажешь? спросилъ Андрей Андренчъ.

— Къ вашему высокоблагородію отъ Ивана Михайлыча на счетъ билетовъ-съ. Приказали кланяться и просили не оста-вить.

— Садись.

— Помилуйте-съ.

— У лѣсничаго былъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Впередъ къ вашему высокоблагородію, а Августъ Ивановъ намъ рука, поладимъ.

— На много ли товару?

— Почитай тысячь на сорокъ наберется.

— А выметка есть?

Прикащикъ проворно вынулъ изъ-за пазухи полулистъ ис-писанной бумаги и подалъ Когтеву.

— Девяносто тысячь цыновокъ, сто-семьдесятъ-пять ты-сячь рогожь, сто тысячь кульковъ, двѣнадцать тысячь ободь-евъ, двадцать тысячь дровней, сорокъ тысячь оглобель, шест-

надцать тысячъ дугъ и пять тысячъ лопатъ. Гм! на сорокъ тысячъ! Да тутъ и въ полтора ста не уберечь.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, какіе тутъ полтора ста? Только будто бы счетъ, а товарецъ—то такъ себѣ, съ грѣхомъ пополамъ. Хотѣли совсѣмъ дѣло бросить — не стоитъ шкурка выдѣлки. Въ прошломъ году почитай тысячъ на тридцать убытку понесли. Гдѣ ни повернешься — вездѣ расходъ: дистанціонные на каждомъ шагу одолеваютъ, въ нижегородской цѣны были низки — послали въ Рыбинскъ; а тутъ просто задаромъ свалили — разоренье да и только. Нынче Иванъ Михайлычъ совсѣмъ намѣревались прекратить... да кой-какіе расчеты съ гаранщиками, и вновь-то набрали мало-толико: грѣшно отказать — сами на дворъ везутъ....

— Ты мнѣ эти басни не рассказывай, Потапычъ, а садись лучше да говори путемъ. Ты вѣдь плутъ старинный; но, небойсь, меня на бобахъ не проведешь; знаемъ мы, гдѣ раки-то зимуютъ. Скажи-ка, сколько твой Иванъ Михайлычъ думаетъ?

— Право, Андрей Андреевичъ, и не изъ чего бы, да хозяинъ такъ ужъ по обыденціи изъ уваженія жертвуетъ четыре сѣренскихъ.

— Что? грозно закричалъ Когтевъ. — Двѣсти рублей? Ахъ вы ракальи, дурака нашли, что ли? Двѣ тысячи, ни гроша меньше! Ты смотри, Потапычъ, не финти, а то я васъ упеку. Скажите пожалуйста, подлецы какіе! обратись ко мнѣ, воскликнулъ Когтевъ. — Да я васъ въ тюрьму, мошенниковъ, запрячу. Разбойники, душегубцы вы такіе! Не знаю я вашихъ продѣлокъ, что ли? Со мной, братъ, не съ Зюзинымъ шутить. Ты скажи своему рыжему чорту, что онъ у меня запоетъ: «чѣмъ тебя я огорчила». Не ты ли, животное, намеднись отъ Мишки Сухорѣцкаго тысячъ на пятнадцать перетаскалъ рогожъ и цыновокъ безъ билетовъ? Завтра же опечатаю все, запляшете вы у меня, хриstopродавцы такіе!

Между тѣмъ Потапычъ, отретировавшись къ порогу и низко кланаясь, почтительно слушалъ страшные раскаты брани. Замигивъ, наконецъ, что вспышка стала утихать, проговорилъ:

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, напрасно изволили прогнѣваться; наше дѣло сторона, воля хозяйская. Такъ и быть ужъ тысячу рубликовъ....

— Вонъ, мошенникъ! тоная ногами заревелъ Когтевъ.

И Потапычъ скрылся за дверьми.

— У васъ всегда такъ обращаются съ просителями? спросилъ я.

— Какъ придется, смотря по обстоятельствамъ, сухо отвѣчалъ Андрей Андреечъ и быстро зашагалъ по комнатѣ. — Двѣсти рублей! Ну, задамъ же я имъ двѣсти рублей!

— Онъ послѣ тысячу рублей давалъ, замѣтилъ я.

— Молчи, коли ничего не понимаешь. Тысячу! великое дѣло тысячу. Вѣдь изъ гаранщиковъ одинъ только Кожииковъ посильнѣе его, да Рожковъ туда-сюда, а остальные все шваль: кто на двадцать тысячъ, кто на десять, а кто и на пять ведетъ обороты. Отъ этихъ-то, пожалуй, и сотню-другую за глаза, а съ этого бестии не содрать двухъ тысячъ — грѣхъ будетъ.

— А со всѣхъ, я полагаю, составитя кушъ порядочный?

— Годъ на годъ не приходитъ. Да кто какъ поведетъ дѣло: въ прошломъ году этимъ заправлялъ Зюзинъ и все перепакостилъ — рублей по семи сотъ только пришлось на брата. Извѣстно, половину прижалъ.

— Какъ это прижалъ? спросилъ я.

— Ахъ, Господи, что ты за человекъ? каждую малость объясняй тебѣ, какъ ребенку. Ну, прижалъ да и только; иначе укралъ, утаилъ, или какъ хочешь назови. Дадутъ ему триста рублей, онъ говоритъ, что полтора; не пойдешь справки наводить. Подлецъ такой, что бѣда; но я его тоже въ свою очередь понагну почище. Теперь надѣюсь тысчонокъ восемь-девять зашибить. Изъ нихъ нужно дать тысчонокъ одну-другую Зюзину, да Поплевкину.

— А Шаги-Ахметъ Абдулкаримовичъ? прервалъ я.

— Онъ въ это дѣло не мѣшается: ему отдай положенный оброкъ, а тамъ обдѣлывай какъ самъ знаешь, лишь бы на законномъ основаніи, да жалобъ не было.

— А много ли оброку?

— Смотри по мѣсту. Нѣкоторые частные пристава даютъ тысячи по полторы цѣлковыхъ, а другіе только триста рублей. Мѣсто мѣсту розъ: есть у насъ кварталные, которые получаютъ тысячъ шесть годового дохода, а другой и приставъ, да половины этого не увидитъ. Посмотри-ка на Федора Николаева.

вича Шнабса : у него тысячь пятьдесятъ въ банкѣ, а на конюшнѣ лихая четверка; а съ мѣста его не сдвинешь и архимедовымъ винтомъ. Сколько разъ предлагали ему должность частнаго пристава? Покорнѣйше благодарю, говорить, за честь; мнѣ и кварталнымъ живется.

— Ну, а съ тебя сколько Мирзоевъ оброку беретъ ?

— Гм ! произнесъ Андрей Андреичъ, двусмысленно улыбувшись. — Я составляю исключеніе изъ общаго правила. Я ничего не плачу, и въ добавокъ пользуюсь особеннымъ его довѣріемъ. Это опять мои личныя преимущества...

Вошедшій въ это время въ комнату, средняго роста, среднихъ лѣтъ, съ краснымъ лицомъ и сѣрыми глазами, мужчина прервалъ нашъ разговоръ.

— А, Иванъ Михайлычъ, добро пожаловать ! привѣтствовалъ Когтевъ гостя. — Какъ поживаете ?

— Вашими святыми молитвами.

— Покорнѣйше прошу садиться. Не прикажете ли чаю? Эй, Иванъ, чаю !

— Благодарствуемъ, некогда. Я къ вамъ, Андрей Андреичъ, на минуточку за дѣломъ на счетъ того, знаете.... хотѣлось бы сегодня покончить.

— Къ вашимъ услугамъ. Я сказалъ давеча вашему прикащику....

— Нельзя ли, государь мой, маленько спустить. Больно ужъ круто вы нашего брата поворачиваете.

— Никакъ нельзя, добрѣйшій Иванъ Михайлычъ, право нельзя; душевно бы радъ васъ уважить; но вѣдь я не одинъ. Если мнѣ взять съ васъ менѣе двухъ тысячь, то самому придется въ убытокъ.

— Ну, хоть не въ убытокъ, возразилъ Иванъ Михайлычъ. — Тысячки полторы было бы довольно.

— Не торгуйтесь, Иванъ Михайлычъ, не могу уступить.

— Хоть сотенки двѣ скостите.

— Вотъ-те Богъ свидѣтель, не могу.

— Спаси меня Пресвятая Богородица имѣть съ вами въ другой разъ дѣло, сказалъ Иванъ Михайлычъ, и вынувъ изъ за-саленнаго бумажника пачку билетовъ, положилъ на столъ.

Андрей Андреичъ, пересчитавъ деньги, унесъ въ кабинетъ.

На другой день въ девять часовъ утра въ канцеляріи все пришло въ движеніе. Зуй Дормедоновичъ въ новенькомъ сюртукѣ шоколаднаго цвѣта, съ коротенькими рукавами, въ бѣлой съ голубыми мушками изъ ярославскаго пике жилеткѣ, сърыхъ суконныхъ шароварахъ, въ свѣтлозеленомъ галстучкѣ, съ торчащими до ушей воротничками, разговаривалъ съ писцомъ Зябликовымъ, котораго плюгавепькая небритая физиономія выражала самое пріятное расположеніе духа; у дверей стояли три гаранщика, вредъявившихъ требованія на билеты, и тихо вели бесѣду о тяжелыхъ временахъ.

— Бывало, Климъ Карпычъ, говорилъ знакомый намъ Потапычъ, обращая рѣчь свою къ сѣденькому старичку въ лисьей шубѣ: — при жизни покойнаго, царство ему небесное! Михайла Савича, у насъ дѣла были большія: одной цыновки въ Макарьевскую сплавляли тысячь на двѣсти, да кое-чего помелочи, тысячь на триста съ залншкомъ; а придетъ время, нужны билеты, вотъ и сходишь къ лѣсничему, къ полиціймейстеру, снесешь сотни по четыре ассигнаціями, и ладно. Да какъ довольны: рады бы тебя за пазуху посадить, а теперича, прости Господи, какой нибудь ледащій стрекулисть наровить содрать съ тебя кожу, а все считай ему на серебро. Тьфу! провалитесь вы, окаянные! А крещеный народъ кричитъ, что цѣну набавляете, что дорого продаете. Поди, толкуй съ ними.

— А сколько съ васъ сорвалъ этотъ аспидъ? спросилъ Иванъ Маркычъ, молодой кудреватый приказчикъ купца Кожикова.

— Двѣ тысячи цѣлковыхъ, отвѣчалъ Потапычъ, да еще полтораста, молъ, надо столоначальнику.

— У, у! чисто! воскликнулъ Климъ Карпычъ.

— Говори еще слава Богу, сегодня утромъ хозяинъ нашъ три тысячи сvezъ, возразилъ Иванъ Маркычъ.

— Ваши-то дѣла не супротивъ нашихъ, отвѣчалъ Потапычъ.

— Какая сила ему далась! замѣтилъ Климъ Карпычъ:—точно лопатой деньги гребеть.

— Вишь онъ всѣмъ дѣломъ заправляетъ, башка-то ужъ больно дошлая, собаку съѣлъ, добавилъ Маркычъ.

— Статочное ли дѣло давать такую волю, молвилъ Потапычъ.

Въ это время въ присутствіи Поплевкинъ съ Зюзинымъ вели одушевленный разговоръ о томъ же Когтевъ.

— Счастье человѣку, подумаешь, говорилъ Зюзинъ, а много ли служить? чуть-чуть чинишка схватилъ, и пошелъ всѣмъ вочасть.

— Хорошо тому жить, у кого бабушка умѣетъ ворожить, замѣтилъ Иванъ Васильичъ.

— Досадно, батенька, мы ужъ съ вами не первый десятокъ служимъ: я вотъ непремѣннымъ засѣдателемъ нѣсть лѣтъ на одномъ мѣстѣ сидѣлъ; а тутъ какой нибудь выскочка, мальчишка, съ позволенія сказать ярыжка, какія дѣла заправляетъ, а нашего брата ни въ грошъ ставитъ? вчера, напримѣръ, прошу покорно, въ присутствіи швырнулъ мнѣ журналъ объ освобожденіи на поруки заподозрѣннаго въ грабежѣ мѣщанина Зарѣзова; кричитъ: вы не законно сдѣлали, я не согласенъ, не подпишу, и если не перемѣните, доложу полиціймейстеру, что вводите его въ отвѣтственность. Я было туда-сюда; не хочу говорить, да и баста. А я то, съ мужика двадцать пять цѣлковыхъ сорвадъ. Вотъ какая шельма этотъ Когтевъ. А какое ему дѣло, подумаешь, до уголовного слѣдопроизводства? вѣдь приставомъ-то оныхъ дѣлъ я, не мѣщающийся ни въ какія распоряженія его по гражданскому отдѣленію. Нѣтъ, поди разсудидай съ нимъ; больно шустрый: знай нашихъ, молъ.

— Оно такъ, да Шаги-Ахметъ души въ немъ не чаешь, и это не просто. У нихъ заведены шашни. Знаю я кое-что, да языкъ прикусишь по неволѣ, таинственно произнесъ Иванъ Васильичъ.

Вошелъ Когтевъ, и оба собесѣдника, привѣтливо поклонившись, бросились пожимать руку молодому приставу. Это пожатіе рукъ, обыкновенно похожее на лобзаніе іудино, на этотъ разъ было искреннее: Зюзинъ и Поплевкинъ ожидали отъ Когтева слѣдовавшей имъ части выручки съ гараншиковъ. Когтевъ догадывался объ этомъ, и началъ прямо съ дѣла.

— Не нужно ли денегъ? спросилъ Андрей Андреичъ, вольноприсительно взглянувъ на Зюзина.

— Какъ, батинька Андрей Андреичъ, не надо? праздникъ на дворѣ, а въ карманахъ-то вѣтры буйные дуютъ, отвѣчалъ тотъ.

— А сколько въ сборѣ? подозрительно взглянувъ на Когтева, спросилъ Иванъ Васильичъ.

— Три тысячи рублей, отвѣчала тотъ. Тысяча отъ Ивана Михайлыча, тысячу двѣсти далъ Кожиковъ, а восемьсотъ Рожковъ.

— Гм! немного.

— Пора бы и честь знать, Иванъ Васильичъ, возразилъ съ досадой Андрей Андренчъ. Въ прошломъ году, когда вы съ Зюзинымъ собрали тысячу-двѣсти со всѣхъ, то я былъ доволенъ и ничего не говорилъ, а теперь, когда отъ троихъ выжалъ три тысячи, то стало мало.

— Нѣтъ, нѣтъ душка Андрюша, не сердись, я такъ просто сказалъ.

— Ну что тамъ за счеты? прервалъ Зюзинъ, потирая руки; отведи-ка душу, Андренчъ, дай деньжонокъ.

Когтевъ вынулъ бумажникъ и отсчиталъ каждому по тысячѣ рублей.

— Дай Богъ тебѣ здоровья, продолжалъ расчувствовавшийся до нелзя Зюзинъ, пряча деньги въ карманъ, съ шрадликомъ сдѣлалъ.

— А что, сколотимъ еще тыщонки три? спросилъ Иванъ Васильичъ.

— Надо бы, оно еще осталось человѣкъ двадцать гаранщиковъ, да все мелюзга.

Между тѣмъ въ комнатѣ, заваленной бумагами, между ворохомъ переплетенныхъ журналовъ, входящихъ и другихъ очень назидательныхъ канцелярскихъ премудростей, валяющихся на полу въ поэтическомъ безпорядкѣ, сидѣло четверо самыхъ несчастныхъ тружениковъ: трое молодыхъ и одинъ старикъ съ краснымъ носомъ, вооруженнымъ очками. Горькая судьба была этихъ людей, проводившихъ жизнь въ записываньи номеровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ и собираньи разныхъ справокъ: жалованье они получали маленькое, кто шесть, кто пять, а кто и четыре рубля, а добровольныхъ приношеній почти не было: просители съ этимъ отдѣленіемъ никакихъ столкновеній не имѣли, развѣ какъ случайно перепадетъ которому нибудь въ мѣсяцъ гривецникъ, а много четвертачекъ. Но вотъ явилась гаранщина, и они пошли разсуждать.

— А что, Самсонычъ, какъ думаешь, сойдется-ли намъ чтонибудь отъ гаранщины, али нѣтъ? спросилъ молодой человекъ съ перомъ за ухомъ, обращаясь къ сосѣду съ желтымъ лицомъ.

— Кто знаетъ, можетъ, капнетъ какая-нибудь гривна, а можетъ, и не капнетъ; на все это Божья воля, отвѣтилъ Самсонычъ.

— Должно быть будетъ, только не плошай, ребята, отозвался старикъ въ очкахъ.

— А оно бы ладно къ празднику, замѣтилъ первый.

— Еще бы не ладно, говорилъ третій: вамъ то еще туды-сюды вы одиноки, а мнѣ горегорькому куда бы хорошо. Я ужь о многомъ не хлопочу: рублишко на хлѣбецъ, а то жаловань-ишка, пожалуй, и не причтется, прибавилъ Самсонычъ.

— Не зѣвайте, ребята, идутъ, воскликнулъ старикъ. Къ столу подошли Потапычъ, Карпычъ и Маркычъ, и спросили:

— Что, молодцы, записали требованія?

— Какъ же, все готово, — въ одинъ голосъ отвѣчали старикъ и двое молодыхъ, кромѣ Самсоныча; послѣ чего старикъ, подавая одной рукой объявленія и другую протягивая, произнесъ плаксивымъ голосомъ: что же, господа, къ признаку Христову благоволите?...

— Хорошо ребята, нечего съ вами дѣлать, по рублику на брата дадимъ, сказалъ Клима Карпычъ.

— Чувствительно благодаримъ, проговорили хоромъ всѣ кромѣ Самсоныча.

— А тебѣ, парень, магарычишко надо? спросилъ Самсоныча Маркычъ.

— Покорнѣйше благодарю, Иванъ Маркычъ, на добромъ словѣ. Вы и такъ своими благодѣянiями не оставляете моихъ дѣточекъ: вотъ недавно ваша супруга, дай ей Богъ здоровья, пожаловали на платице моей Леночкѣ.

— Молчи, молчи, лишняго не говори, всѣ подъ Богомъ ходимъ, сказалъ Маркычъ, и обратясь къ товарищамъ, прибавилъ: вы ужь, господа, убоготорите молодцовъ, а этому я самъ дамъ: онъ мнѣ знакомѣе, да и бѣдность-та не довиди Господи. Дѣточекъ пятеро, хмѣльнаго и въ ротъ небереть, а ѣсть нечего, — ш щедрый прикащикъ купца Кожикова положилъ предъ Самсонычемъ десяти-рублевый билетъ.

— Коли паревъ хорошій да семейный, и бѣдность одолѣла тебя, то и мы не цѣстимъ, дружокъ, дадимъ пудикъ—другой мучки, да еще кое-чего по домашности.

— И наша кофѣйка не щерба, и мы фунтишко чаю жертвуемъ, заходи опасля службы, сказалъ Потанычъ.

Тронутый Самсонычъ не могъ проговорить слова.

Другаго рода сцена происходила въ кабачкѣ подъ вывѣской «Бальзамъ». За стойкой стоялъ рослый съ зелеными глазами и раздувшимися губами цаловальникъ, постукивая пустымъ стаканомъ объ столъ. У стойки стояли два человекъ съ бараньими физиономіями и подбитыми глазами.

— Давай-же, Миронъ Михайлычъ, косушку, говорилъ одинъ.

— Давай деньги.

— Денегъ-то теперь нѣту, но получимъ, отдадимъ, вѣдь намъ, кажись, теперича повѣрить можно, гаранщину выправляемъ.

— Денегъ нѣту — вѣна нѣтъ, отвѣчалъ цаловальникъ.

— На вотъ тебѣ въ залогъ присяжный листъ и батька подписалъ, — давай полуштофъ: не бойся, выкупимъ.

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашимъ листомъ. Скидавай опояску, дажь косушку.

— Ну, ладно, давай.

Такъ прошла страсная недѣля, прошла и гаранщина. Насталъ свѣтлый Христовъ праздникъ. Ударили колокола, повалили въ храмы Божіи пестрыя толпы горожанъ и горожанокъ, между ними кое-гдѣ мелькали испитыя фигуры приказныхъ. Гоголемъ пронесся студентъ-повѣса, поковылялъ старый ветеранъ съ густо-нафабранными усами; на лихой парѣ прокатилъ городской голова, за нимъ вереницей потянулась цѣлая ватага купцовъ съ медалями и безъ медалей, спѣшившихъ съ поздравительными визитами. Пѣсни владимірскихъ артельщиковъ громко раздавались, сливаясь съ гуломъ колоколовъ. Тамъ и сямъ у кабачка скользила, какъ тѣнь, физиономія нищенки; вотъ проскочилъ туда ухорскій солдатикъ, шатаясь потащились подставные свидѣтели; а на другомъ концѣ города, въ трактирѣ Гнѣдина, коренастый татаринъ, лукаво улыбаясь, немилосердо пи-

лил на скрипкѣ камаринскаго мужика. Гулъ, крикъ, шумъ, пляска — все сливалось и представляло истинно-сатанинскій концертъ.

— Вина сюда, эй, вина! кричалъ Зуй Дормидонтовичъ.

— Шарманокъ! пицалъ дискантомъ Зябликовъ.

Но минулъ праздникъ, все пришло въ нормальное положеніе. Только на пристани раздавалась заунывная пѣсня рабочихъ, нагружающихъ барки гараншиковъ.

ПОДОЛНЪ.

ЖЕНЩИНЫ

ИХЪ ВОСПИТАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

Coupez le câble!

SIEYÈS.

III.

Въ чемъ же, по мнѣнію современныхъ старовѣровъ, заключается это прирожденное нравственное несовершенство женщины, мѣшающее ей занимать въ обществѣ и въ семействѣ равное съ мужчиною мѣсто? Они окончательно рѣшили, что женщина лишена всякой инициативы, что всѣ хорошія общественныя качества приобрѣтены ею лишь подъ вліяніемъ мужчины. Оставьте ее внѣ этого вліянія, и она дѣлается существомъ вполнѣ безнравственнымъ. Въ ней самой нѣтъ сознанія силы и разума, сознанія, которое одно образуетъ нравственный характеръ, внушаетъ отвагу, даетъ энергію воли, заставляетъ отвращаться отъ лжи, ненавидѣть несправедливость, дѣлаетъ противнымъ всякое подчиненіе и всякое преобладаніе.

Все это хорошо на словахъ; но такъ ли выходитъ на дѣлѣ? Женщина (мы это видимъ и въ прошедшемъ и въ настоящемъ) находится въ постоянномъ подчиненіи у мужчины. Но дѣйствительно ли чувство справедливости, присущее одному мужчине, установило та-

кія отношенія? Я уже говорилъ, что подчиненіе и зависимость, два совершенно различныя понятія, постоянно смѣшиваются большинствомъ, что на первыхъ порахъ человѣчества, когда каждый шагъ его на землѣ былъ опасностью и борьбой, когда физическая сила была главнымъ обезпеченіемъ самаго существованія, зависимость между мужчиной и женщиной была вполне неизбѣжна и отвѣчала требованіямъ справедливости. Если, даже при полномъ равенствѣ физическихъ силъ между обоими полами, какое мы видимъ у низшихъ животныхъ и какое вправѣ предположить въ первобытномъ человѣкѣ, мужчина и имѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстные сроки преимущество передъ женщиною въ дѣлѣ охраненія племени, то въ этомъ преимуществѣ не могло быть ничего обиднаго, деспотическаго. Въ другихъ случаяхъ, въ другіе сроки такое преимущество принадлежало женщинѣ. Если мужчина, будучи защитникомъ женщины во время ея беременности, во время родовъ и кормленія грудью ребенка, и чувствовалъ порой свое важное значеніе для дитяти и матери, все-таки не могъ же онъ не сознавать великой важности участія женщины въ дѣлѣ продолженія рода. Въдъ только инстинктивное стремленіе продлить свое существованіе въ дѣтяхъ и заставляло мужчину заботиться о безопасности своей подруги. Жизнью управлялъ еще стихійный фатализмъ. Любовь была еще вполне роковою силой, крѣпко связывавшей чету, державшей въ равновѣсіи взаимныя отношенія. Она была и первою зжидательницею общества. «Любовь къ женщинѣ», говоритъ геніальный германскій мыслитель нашего времени: — «есть основа всеобщей любви. Кто не любитъ женщины, не любитъ и человѣка». Тоже можно сказать и о любви женщины къ мужчинѣ, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его потомствѣ.

Но съ развитіемъ общественности, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, взаимнѣ любви, женщину съ мужчиной стали часто соединять матеріальные интересы, домашнее равновѣсіе нарушилось, и физическая сила мужчины, дѣятельность которой не прерывалась періодически, какъ у женщины, ношеніемъ, рожденіемъ и кормленіемъ дѣтей, взяла перевѣсъ. Она продолжала еще быть главнымъ залогомъ безопасности и благоденствія.

При отсутствіи прочно связующей любви, чтобы удержать за собою власть, мужчинѣ приходилось все болѣе и болѣе ограничивать свободу женщины. Стѣсненіе ея обезпечивало притомъ большую свободу ему самому. И такимъ-то образомъ совершилось странное и до нынѣ несокрушимое раздѣленіе нравственности на мужскую и на женскую, вмѣстѣ съ такимъ же раздѣленіемъ и всякаго знанія и всякой дѣятельности. Что считалось если не вполне законнымъ, то по

крайней мѣрѣ дозволеннымъ, прощительнымъ для мужчины, за то женщину наказывали и казнили изгнаніемъ, побіеніемъ камнями, сожженіемъ, наказываютъ и казнятъ и теперь не менѣ жестокою казнью общественнаго мнѣнія.

И послѣ этого можно говорить, что стоитъ только оставить женщину внѣ мужскаго вліянія, она окажется существомъ вполне безнравственнымъ? И послѣ этого можно дѣлать такъ высоко инициативу мужчины въ дѣлѣ устройства семейныхъ и общественныхъ отношеній? Не его ли господствующее вліяніе, низводя женщину на степень то рабы, то наложницы, породило къ ней и всѣ свойственныя рабству пороки — лицемеріе, ложь, робость и прочее?

Прудонъ насчитываетъ и еще не мало безнравственныхъ сторонъ въ характерѣ женщины; но всѣ эти пороки, такъ тщательно исчисляемые имъ, на столько же, если не гораздо больше, проявляются въ мужчинѣ. Разберемъ главные.

«Раснущенность характера», говорится въ книгѣ *De la justice*: «яснѣе всего видна въ любви женщины. Говорятъ, что по какому-то инстинкту самки животныхъ выбираютъ преимущественно старыхъ самцовъ, самыхъ злыхъ и безобразныхъ: женщина, если она слѣдуетъ лишь своему влеченію, ведетъ себя такъ же. Мы ужь не говоримъ о высшихъ качествахъ, въ выборѣ которыхъ женщины облачаютъ самую странную причудливость, посмотримъ, что предпочтается ими въ качествахъ нравственныхъ. Въ этомъ отношеніи женщина всегда предпочтетъ какогонибудь хорошенькаго (это не высшее качество?) и милаго манскена, сладенькаго любезника чело­вѣку честному. Женщина — это сокрушеніе чело­вѣка справедливаго (*); какойнибудь волокита, негодяй можетъ всего отъ нея добиться. Преступленіе, совершенное для нея, трогаетъ ее въ высшей степени; и наоборотъ — у ней не найдется ничего, кромѣ презрѣнія, къ чело­вѣку, способному любовь свою принести въ жертву совѣсти. Это Венера, посреди всѣхъ боговъ избирающая Вулкана, хромоногаго, заплыва­шаго жиромъ, покрытаго грязью, и потомъ утѣшающаяся съ Марсомъ или съ Адонисомъ».

Не кажется ли вся эта сердитая тирада насмѣшкой надъ читателемъ? Надо предполагать въ немъ большую недалекость, чтобы думать, что онъ почти вездѣ не замѣнитъ тутъ слово «женщина» словомъ «мужчина» и наоборотъ. Вся разница въ томъ, что мужчина не плѣняется наружнымъ безобразіемъ. Да и женщина, сколько

(*). Вотъ эта фраза въ подлинникѣ: «La femme est la désolation du juste». Чѣмъ это хуже восклицанія знаменитаго апологета, что «женщина — врата дьявола?»

мы знаемъ, не особенно его цѣнить безъ ума и нравственныхъ достоинствъ. Ужь если пужно было шепремѣнно бравъ примѣръ у Гомера, такъ не лучше ли было бы съ Олимпа спуститься на землю и обратить тутъ вниманіе на «многоумную старца Икарія дочь» Пенелопу? Кажется, одна эта примѣрная хранительница супружескаго долга могла бы служить кодафайницей за нравственность смениться передъ строгимъ философомъ. Но тогда не было бы такой діатрибы противъ французскихъ *émancipées*; а онѣ пришлись виднѣ очень содло нашему мыслителю. Объ успѣхѣ въ любви воложить и негодовать, о преступленіяхъ, совершаемыхъ любви ради, мы столько читали у Поль-де-Кока и у романистовъ нестовой ашюлы, что не чувствуемъ никакой охоты возвращаться къ этому предмету. Даже и эти не совсѣмъ-то крѣпкіе въ мышленіи господа всю бѣду сваливаютъ или на нелѣпую наивность женщинъ, тщетельно воспитанную въ нихъ съ дѣтства, въ исключительной домашней сферѣ, или на развивающіи воображеніе, безъ пищи чувству, романтизмъ.

Не мужчина ли наоборотъ проваляется въ отношеніи женщины ту безнравственность, за которую нападаетъ на нее Прудонъ? Что, дажде до настоящей норы, цѣнится мужчиною въ женщинѣ болѣе всего? Често внѣшніи качества ея, которыя говорятъ только чувственности. Всѣ почти нравственные недостатки и пороки въ женщинѣ, льстившіе мужской похоти, или утверждавшіе мужскую власть надъ женщиной и ставившіе ее въ положеніе вполнѣ подчиненное мужчине, находили въ немъ не только нестойнное оправданіе, но и поощреніе. Не слышите ли вы чуть не каждый день отъ людей, которые и сами считаютъ себя развитыми и нравственными, да и другіи считаются таковыми же, не слышите ли вы отъ нихъ безпрестанно, что женщина безъ кокетства не стоитъ вниманія, что это и не женщина вовсе? Говоря проще, она не заигрываетъ съ нами, не раздражаетъ въ насъ животной чувственности, стало быть не можетъ быть нашею рабой; а мы хотимъ эгонистическаго наслажденія, хотимъ господства.

Гдѣ же это живущее въ душѣ мужчины чувство справедливости, томительное стремленіе къ уравненію социальныхъ отношеній, нравъ и проч., эта лучшая добродѣтель его?

Женщину обвиняютъ въ полномъ отсутствіи этой добродѣтели. Говорятъ, что въ ней что-то постольвно возмущается противъ требованій равенства, что ей неперемѣнно хочется предпочтенія, что мечты ея направлены на то, какъ бы быть хоть на минуту исключеніемъ изъ числа другихъ, какъ бы поцарствовать, погосподствовать, что она понимаетъ лишь привилегіи и преимущества, а не понимаетъ права.

Опять недостатки, выросшіе изъ ограниченнаго со всѣхъ сторонъ, рабскаго положенія женщины. Эти мечты, свойственныя дѣтскому неразвитію, вполне понятны при постоянномъ гнетѣ со стороны мужчинъ. Человѣкъ, засажанный въ тюрьму, въ крѣпость, тоже мечтаетъ, какъ бы хоть денекъ побыть на полной свободѣ, подышать чистымъ воздухомъ, побродить по полю — надъ головой только глубокое ясное небо, подъ ногами только пышная зеленая трава....

«Oh! but to breathe the breath
Of the cowslip and primrose sweet —
With the sky above my head,
And the grass beneath my feet!»

А будь онъ на свободѣ, онъ готовъ отказаться отъ «аромата весеннихъ луговъ» для темной, лишенной и солнца и свѣжаго воздуха рабочей комнаты, въ которой удерживаетъ его полезный по его мнѣнію трудъ.

Не такъ ли и женщина, со своими розовыми мечтами о томъ, какъ бы хоть на денекъ стать царицей (dame, princesse, reine ou fée), могла бы, при желанномъ расширеніи воспитанія и правъ, обратить уже не мечты, а мысль свою на полезную общественную дѣятельность, соответствующую ея силамъ и способностямъ? Не видимъ ли мы женщинъ часто и теперь (и еще какъ часто!) несущими съ изумительной твердостью обязанности, наложенныя на нихъ большею частью воображаемымъ, или принятымъ на вѣру долгомъ? Чего же должно ждать отъ нихъ, когда ихъ призываетъ къ дѣлу законная дѣйствительность, когда долгъ будетъ имъ указываться разумомъ и укрѣпляться въ нихъ сознаніемъ?

Но и эта энергія воли, которой не могутъ не признать даже и раборцы мужчинъ противъ женщинъ, объясняется ими въ дурную сторону. Это, по ихъ мнѣнію, не энергія, а просто жалкая пассивность, врожденное женщинѣ чувство покорства, которое и обрекаетъ ее на вѣчное подчиненіе. Замки нашихъ теремовъ не обезпечивали однакожь неприкосновенности ихъ обитательницъ; примѣры же этого будто бы жалкаго, пассивнаго покорства встрѣчаются лишь при большей свободѣ, данной женщинѣ.

Мнѣ кажется странно опровергать еще одно, самое грязное изъ обвиненій, взводимыхъ на женщину, именно въ томъ, что она лишена стыда, что она вся живетъ чувственностью; но нельзя оставить этихъ обвиненій не разобранными, потому что несмотря на свою дикость, они повторяются въ болѣе или менѣе грубой формѣ очень

многими. «Женщина создана для любви». Это мнѣніе съ перваго разу и грубымъ даже не покажется; напротивъ, сколько поэтовъ повторило его на всѣхъ ладахъ, на всѣхъ языкахъ, начиная съ какого нибудь древне-индійскаго Джаядевы и кончая хоть бы какимъ нибудь русскимъ Подолинскимъ или Туманскимъ! Послѣ такого долговременнаго повторенія, послѣ всѣхъ цвѣтовъ поэзіи, которыми она окружалась, фраза даже какъ будто не представляетъ никакого особенно дурнаго смысла. Но стѣбитъ только выразиться пояснѣе, и всѣ пожалуй обидятся. Скажите: «женщина создана служить игрушкой мужской похоти», и всѣ возстанутъ противъ такого мнѣнія, хотя оно въ сущности тоже, что и высказанное въ льстивой фразѣ: «женщина создана для любви». Любовь въ этомъ случаѣ поставляется цѣлью жизни, а не одною изъ тѣхъ зжидительныхъ силъ, которыя организуютъ жизнь, вносятъ въ нее строй и порядокъ. Говоря, что по строгомъ разборѣ оказывается, будто «у женщины нѣтъ иной наклонности, иной способности, кромѣ любви», Прудонъ разумѣетъ именно чисто чувственную, не озаренную сознаніемъ любовь, то «темное наслажденіе», въ которомъ живутъ и безслѣдно для будущаго поколѣнія умираютъ всѣ другія животныя породы....

Alle die andern
Armen Geschlechter
Der kinderreichen
Lebendigen Erde.

«У звѣрей (говоритъ авторъ книги «О справедливости») самка ищетъ самца и подаетъ ему знакъ; надо признаться, что тоже самое видимъ мы и въ женщинѣ, въ ея естественномъ состояніи, въ которомъ застаеъ ее общество. Вся разница между ею и другими самками та, что время любви у нея не прерывается (que son rut est permanent), и иногда длится всю жизнь. Она *кокетка*; не все ли сказано этимъ словомъ? И не лучшее ли средство понравиться ей — снять съ нея трудъ объясненія: такъ глубоко сознаеъ она свою похотливость».

Эти слова разомъ ставятъ насъ посреди самого омута современныхъ нравственныхъ понятій. Не все ли мѣшается передъ вами въ темный хаосъ лжи и призрачности? Абсолютной справедливости, сокрушавшей неправду въ другихъ сферахъ жизни, какъ не бывало; эта справедливость оказывается вдругъ въ полномъ согласіи съ философій тѣхъ аскетическихъ мудрецовъ, которые казались уже окончательно пораженными на смерть. Нѣтъ! имъ можно еще подняться; изъ того, что осталось живаго отъ ихъ морали, можно опять возсоздать и все остальное.

Я тоже называю кокетство однимъ изъ гнуснѣйшихъ пороковъ, потому что это — ложь, стараніе придать себѣ такія достоинства, какихъ въ насъ нѣтъ, желанье слуги угодить господину, ложь притомъ корыстная, разсчитанная. Но что вызвало ее? Не постоянное ли господство мужчины, требовавшее отъ женщины безгласности, не дававшее ей никакой опоры для самостоятельнаго существованія, отнимавшее у нея всякое право на общественное значеніе, отказывавшее ей даже въ личной свободѣ.

Единожды признавъ женщину человѣкомъ (или и это стало въ наше время сомнительнымъ?), признавъ за нею даже сравнительно меньшія передъ мужчиной способности нравственныя, умственныя и физическія, будемъ по крайней мѣрѣ на столько послѣдовательны, чтобы считать порокъ порокомъ въ комъ бы онъ ни проявлялся. Считаю женщинъ какими-то недоковченными природою существами, проявивъ столь высокую въ насъ силу разума, столь неумытное чувство справедливости хоть въ томъ, что найдемъ облегчительныя обстоятельства женскимъ винамъ.

Но нѣтъ! ложь овладѣла нами слишкомъ деспотически, и тоже ложь глубоко-корыстная, глубоко-разсчитанная. Мы хотимъ свиду казаться совсѣмъ не тѣмъ, что мы въ сущности. Темныя пополюзованія свои мы одѣваемъ въ блестящія разумности; эгоистическія стремленія къ преобладанію маскируемъ заботами о порядкѣ общества. Правду, прямое выраженіе мыслей и чувства мы готовы называть безстыдствомъ; жалкая безстрастность ставится нами въ законъ жизни, потому что съ тѣми исключительно-животными страстями, которыя владѣютъ нами, нельзя показаться на дневной свѣтъ, не утративъ невозвратно своего человѣческаго достоинства.

«Отчего, спрашиваетъ Прудонъ: независимо отъ причинъ экономическихъ и политическихъ, проституція несравненно значительнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ? Отчего въ общей жизни націй, многоженство такъ часто встрѣчается, а многомужство такъ рѣдко?»

И это доказательства безнравственности женщинъ! На свое «отчего» Прудонъ отвѣчаетъ: «оттого, что естественное назначеніе женщины прежде всего — дѣтороженіе, и она всѣми силами существа своего стремится къ этой единственной цѣли».

Но проституція есть лучшее средство удалиться отъ этой цѣли. Что же могло развратить женщину, кромѣ причинъ экономическихъ и политическихъ, если дѣйствительно у нея одна цѣль и одни стремленія.

О многоженствѣ нечего и говорить. Оно свидѣтельствуетъ прямо о животности мужчины, которому хотѣлось бы, чтобы у женщи-

ны былъ въ самомъ дѣлѣ «*gut permanant*» и она не становилась не способною для удовлетворенія его чувственности во все время беременности и кормленія грудью ребенка. За подтвержденіемъ можно обратиться къ большей части гигиенъ для беременныхъ женщинъ, написанныхъ мужчинами: рѣдкая рѣшительно заврещаетъ продолженіе супружескихъ отношеній во время беременности; говорится обыкновенно лишь объ умѣренности. Что это, какъ ни глубочайшій развратъ?

Чтобы окончателно проститься съ мнѣніями многоупоминаемаго Прудона о безнравственности женщинъ, я выпишу заключительныя слова его разсужденія (*). Обращаясь къ защитницамъ женщинъ, онъ восклицаетъ:

«Ахъ, не говорите пожалуйста о позорномъ заточеніи, которому такъ долго подвергалась женщина, о куплѣ и продажѣ ея личности, о всѣхъ препятствіяхъ, противопоставленныхъ ея волѣ, ея движеніямъ. Факты эти окажутся лишь свидѣтельствомъ неспособности ея ума и неблагородства ея сердца. *Такъ слѣдуетъ обратиться къ этимъ печальнымъ правамъ? Нѣтъ*, говорить это — значитъ клеветать на оба пола. У моралиста одна цѣль: проникнуть въ смыслъ правовъ и учреждений. Смыслъ этотъ теперь *всякому* ясенъ: посмотрите на женщинъ на востокѣ и во всѣхъ странахъ полуцивилизированныхъ или варварскихъ; вспомните исторіи Сары, Ревекки, Руеци, Вирсавіи и всѣхъ этихъ *примосилъ самокъ* (*gentes femelles*), которые ложатся только-что взглянетъ на нихъ мужчина; вспомните, что первые законы, говоря о прелюбодѣянніи, не обращаются къ женщинамъ; перечитайте наконецъ учителей первыхъ временъ нашей эры, и вы поймете побудительную причину отверженія, такъ долго тяготѣвшаго надъ женскимъ поломъ».

Отвѣтъ на все это есть уже въ томъ, что было сказано мною выше. Я замѣчу теперь только, что если брать мѣрою справедливости долговѣчность и живучесть извѣстныхъ законовъ и учреждений, то придется отдать преимущество именно тѣмъ, которые наименѣе выражаютъ человѣческое достоинство, потому-что явились и утверди-

(* Я не цитировалъ бы такъ часто мнѣній Прудона, еслибъ они не повторялись иногда и у насъ. Недавно въ сочиненіи г. Лазрова: «Очеркъ исторіи личности» было сказано: «Несмотря на краснорѣчивыя страницы, писанныя въ разные времена о семействѣ, едва ли кто такъ *высоко поставилъ его значеніе*, едва ли кто съ такою строгостью защищалъ святость брачнаго союза, какъ этотъ писатель, котораго представляютъ врагомъ всякой человѣческой связи». Мнѣ слова эти кажутся ироніей; но можетъ быть не всё увидать въ нихъ ироническій смыслъ.

лись на степени животной грубости и невѣжественности человѣчества. Самое древнее изъ всѣхъ правъ — право сильного. Съ менѣйшимъ наеосомъ можно было бы воскликнуть: «Взгляните на ходъ человѣческаго развитія! Что торжествовало у всѣхъ народовъ полудивилизованныхъ или варварскихъ? Физическая сила. Кому принадлежать и власть и господство? Физической силѣ». Но этотъ наеосъ никого не убѣдитъ.

Остановимся еще на поименованныхъ Прудонъ женщинахъ еврейскаго востока. Этотъ списокъ не полонъ: слѣдовало бы къ нему прибавить еще хоть дочерей Лота, хоть Фамарь. Но въ опущеніи такихъ именъ ясно проглядываетъ тонкій рассчетъ.

Дочери Лота напомнили бы непременно Содомъ съ его погубелью и звѣрскою животностью, какой не представляетъ да и не можетъ намъ представить исторія женщинъ. Содомъ не басня, какою можно считать лесбосскую любовь женщинъ, не видя ей повторенія; содомія повторилась въ Греціи, въ Римѣ, на всемъ азиатскомъ востокѣ; отъ этого ужаса не изъяты и новѣйшія общества. Прудонъ говоритъ объ этомъ пороки очень много въ своей книгѣ; но онъ вовсе не служитъ ему для обвиненія мужицны въ безнравственности, тогда какъ продажу Сары онъ ставитъ въ число обвинительныхъ статей противъ женщинъ.

Вѣроятно тоже побужденіе, что и въ первомъ случаѣ, заставило его умолчать о Фамари. Это преданіе очень характеристично. Оно представляетъ довольно наглядно мужскую и женскую нравственность временъ, на которыя ссылается Прудонъ. Одинъ изъ мужей Фамари далъ имя другому тайному пороку, противъ котораго неустанно ратуетъ медицина нашего времени, пороку опять-таки по преимуществу мужскому. Но не на это главнымъ образомъ хотѣлъ я указать въ исторіи Фамари.

Она была бездѣтна при первомъ мужѣ, бездѣтна при второмъ, который самъ не хотѣлъ продолжать семя перваго мужа Фамари, своего старшаго брата. Свекоръ, по смерти и втораго мужа, обѣщаль жевить на ней своего третьяго сына, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія; но какъ тотъ подросъ, раздумалъ. Забота о продолженіи рода была тогда главною и существеннѣйшею нравственною заботой челоуѣка. Всѣ историческія и поэтическія преданія свидѣтельствуютъ объ этомъ. Фамарь сокрушалась своимъ безплодіемъ, и выдумала хитрость. Она узнала, что свекоръ ея отправляется стричь овецъ, нарядилась, покрыла себѣ лицо, чтобъ онъ не узналъ ея, и сѣла на распутьѣ, по обычаю блудницъ. Свекоръ, проходя, замѣтилъ ее, и, не узнавши, кто она, подошелъ къ ней, и сдѣлалъ ей предъ

женіе, на которое она немедленно согласилась. Кто въ этомъ случаѣ невнимательнѣе съ нравственной точки зрѣнія Прудона? Ужъ конечно не «пригожая самка», которая ложится, только-что взглянулъ на нее мужчина; а этотъ старый самецъ, отецъ трехъ взрослыхъ дѣтей, который тоже ложится, едва взглянувши на женское платье, потому что и лица-то Тамари онъ не видалъ. Свою правоту онъ докажетъ впоследствии еще тѣмъ, что когда придуть ему сказать о беременности вдовой невѣстки, онъ скажетъ: «взять ее да сжечь!» и только тогда умиловится, какъ узнаетъ, что это плодъ его собственной *шалости*.

Вообще духомъ великой терпимости къ подобнымъ мужскимъ «шалостямъ» проникнута большая часть законовъ древняго міра; за то рядомъ съ этой терпимостью постоянно идетъ жестокая гроза на женщинъ, позволяющихъ себѣ то, что позволено мужчинамъ. Между тѣмъ нигдѣ въ исторіи не видимъ мы рѣзкихъ фактовъ, которые вызывали бы со стороны женщинъ такой гнетъ. Во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, во всѣхъ древнихъ поэмахъ, во всѣхъ летописяхъ мы видимъ лишь отдѣльные случаи явной или потаенной мести за угнетеніе, случаи, свидѣтельствующіе не о безнравственности женщины, а о всегда жившей въ ней жадѣ свободы.

Я не думаю, чтобы нужно было перечислять по именамъ всѣхъ женщинъ древняго и новаго міра, которыхъ представляетъ намъ исторія героинями нравственныхъ началъ какъ въ семейныхъ, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Народная память всюду благоговѣнно сохраняла образъ и дѣла такихъ женщинъ, какъ Юдифъ, какъ Жанна д'Аркъ, хотя дѣятельность ихъ выходила за предѣлы сферы, предначертанной имъ и преданіями и правами.

Кончивъ разборъ мнѣній о тройной, физической, умственной и нравственной неспособности женщинъ къ гуманному развитію, я могъ бы теперь перейти къ разсмотрѣнію современныхъ понятій, мѣшающихъ такому развитію; но мнѣ кажется не лишнимъ обратиться сначала къ дохристіанскому міру и къ тому кругу нравственныхъ началъ, который дѣлалъ нормальными отношенія свекра Тамари къ его невѣсткѣ. Многое изъ этихъ началъ вошло и въ понятія новѣйшаго времени; многое въ нихъ служило образцомъ морали и для нашихъ предковъ. Достаточно указать на «Домострой.»

IV.

Наружно помятія эти какъ-будто отжили; но при нѣкоторой проницательности не трудно замѣтить слѣды ихъ въ нашихъ нра-

вахъ. Мало того—къ источнику этихъ понятій обращаются за подкрѣпленіемъ своихъ требованій даже защитники и защитницы женской эманципации. Нечего и говорить, что на него опираются люди, повторяющие фразы въ родѣ: «женщина создана для домашней жизни; назначеніе ея—воспитаніе обществу полезныхъ гражданъ», и проч.; а между тѣмъ вся эта хваленая мораль сводится, на одинъ законъ: «женщина есть самка, вещь, принадлежащая мужчине».

На всѣхъ путяхъ жизни какой-то страхъ передъ преданіемъ, передъ тѣмъ, что жило такъ долго и стало быть такъ упрочилось, останавливаетъ успѣхи общества; эта робость поддерживается болѣе всего незнаемъ. То, что казалось съ чужихъ словъ кладеземъ премудрости, окажется вопіющею дикостью при ближайшемъ анализѣ; и вотъ почему такой анализъ настоятельно нуженъ для пользы общества.

Общественные философы, идущіе очень далеко въ отрицаніи, тѣмъ не менѣе болѣею частью пропитаны еще ветхими понятіями, о которыхъ я хочу говорить. Сознательно или безсознательно, но они во многихъ случаяхъ повторяютъ эту дряхлую ветошь, которую давно бы пора оставить въ покоѣ. Мнѣ кажется, въ этомъ странномъ ослѣпленіи играетъ немаловажную роль эгоизмъ мужчины. Какъ ни горячо толкуетъ онъ о равенствѣ, а все таки разстаться со своими привилегіями ему тяжело. Человѣка, владѣющаго невольниками, трудно убѣдить, что освобожденіе ихъ принесетъ существенную пользу и ему самому.

Посмотримъ, въ чемъ заключаются эти хваленыя нравственныя понятія, отразившіяся на византійскихъ и русскихъ «Домострояхъ», а чрезъ нихъ и на жизни.

Что такое глава семейства, мужчина, отецъ и мужъ? Полный владыка. Ему принадлежитъ право на жизнь и смерть всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Мы видѣли, что онъ можетъ велѣть съечь свою невѣстку. Тутъ ужъ даже и узъ крови нѣтъ, а власть его такъ велика. Что же въ отношеніи своихъ дѣтей? Онъ можетъ приносить ихъ въ жертву, можетъ продавать дочерей своихъ въ рабство, можетъ отдавать ихъ въ развратъ. Послѣдующее законодательство запретило отцу развращать своихъ дочерей, но оно утверждаетъ продажу дочери въ замужство. Разница оказывается не велика. У продаваемой не спрашиваютъ о согласіи. Изъ комментаторовъ этого закона видно, что дозволялось употреблять искусственныя средства для ускоренія физической зрѣлости дочери: купеческій разсудокъ о скорѣйшемъ сбытѣ съ рукъ товара, Продажа не всегда была прочна. Множество престодушныхъ повѣствованій доказываютъ,

что никого не удивляло, если отецъ отниметь у мужа свою дочь, которую продалъ ему въ замужество.

Мужчинамъ позволялось имѣть сколько угодно женъ, отъ одной и двухъ хоть до тысячи, а пожалуй и больше. Сколько можетъ ихъ купить, столько и ладно. Женщина, считаясь сама товаромъ, вещью, разумѣется, не могла пользоваться подобнымъ правомъ. Да если бы ея положеніе и было свободно, мы навѣрное не встрѣтили бы подобнаго съ ея стороны служенія своей похоти. Ее остановили бы, положимъ, и не нравственныя причины, а просто обязанности матери, налагаемыя на нее физическою природою; но это еще одно изъ доказательствъ, что въ существѣ своемъ женщина не могла и не можетъ быть такъ распутна, какъ мужчина. Многоженство воспрещалось только жрецамъ.

Купивъ себѣ жену, какъ вещь, мужъ конечно имѣлъ право и распоряжаться ею, какъ вещью. Если она не угодила ему, пришла ему не по нраву, онъ могъ изгнать ее. Единственное улучшение въ этомъ законѣ то, что впоследствии, при изгнаніи неугодной жены, мужу имѣлось въ обязанность дать ей письменный отпускъ, нѣчто въ родѣ аттестата объ отставкѣ, вѣроятно не особенно рекомендовавшей ее. Разбора и суда въ этомъ дѣлѣ не предполагалось. Облеченный неограниченной властью надъ своей женою, мужъ не обязанъ былъ никому отдавать отчета, въ чемъ провинилась передъ нимъ жена, чѣмъ не понравилась ему.

Совсѣмъ иное дѣло—когда мужъ могъ быть несноснымъ деспотомъ. Жена, какъ его собственность, не имѣла права сама отойти отъ него. Ей представлялось тогда лучшимъ средствомъ разорвать ненавистную связь, разумѣется, стараться всѣми мѣрами раздражить мужа, возстановить его противъ себя и заставить выгнать ее изъ дому. Повяло, какое нравственное достоинство сообщалось женщинамъ необходимою прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобы вздохнуть посвободнѣе.

Какое было положеніе такимъ образомъ освобожденной женщины, ясно и безъ аргументовъ. Сама исключительная собственность мужчины, она не могла имѣть никакой собственности. Страхъ погибнуть отъ совершеннаго недостатка средствъ къ жизни долженъ былъ заставлять женщину волей-неволей покоряться гнету, и лишь въ отчаянныхъ случаяхъ прибѣгать къ средству выводить мужа изъ терѣнія. Наружное покорство при внутреннемъ возмущеніи прикрывало, разумѣется, многое множество тайныхъ уклоненій отъ предписаній закона, хитростей и пороковъ, которыя съ нашей точки зрѣнія представляются лишь томительнымъ исканіемъ выхода

нѣтъ рабскихъ узъ. Но едва ли тайна, которою облекались нарушенія закона, вызывала наказанія не чаще, чѣмъ предвѣренная ихъ лживость. И съ того времени, когда законодательство это укоренилось въ нравахъ и развивалось и объявлялось интроумными казуистами, сохранились свидѣтельства, что одного подозрѣнія достаточно было мужу, чтобы уничтожить жену. Въ случаѣ заирательства ея (хотя бы и отпираться было не отъ чего), ее подвергали постыднымъ испытаніямъ, пыткамъ. Любопытна тутъ слѣдующая подъяческая уловка. Чтобы подозрѣвать жену, довольно было *слышать* отъ кого нибудь, что жена оставалась наединѣ съ человекомъ, съ которымъ мужъ запретилъ ей говорить. Степень вѣроятія донощика не входила въ разсмотрѣніе. Отъ кого бы ни услышалъ мужъ — все равно, хоть отъ *птицы перелетной*. Это ужъ тонкость, достойная хоть бы и нашего утонченнаго времени. Женщину, признававшуюся въ простукѣ, побивали камнями.

И все это основывалось опять-таки на чувствѣ мужскаго расчета и эгоизма, а не на требованіи какой нибудь чистоты брачнаго союза. Мужья пользуются красотой своихъ жень, какъ средствомъ пріобрѣтенія; за подарки они уступаютъ на время свое право на жену. И хроника рассказываетъ о случаяхъ подобнаго постыднаго торга безъ негодованія, какъ о другихъ обстоятельствахъ, противныхъ нравственнымъ началамъ, въ которыхъ жилъ дѣтонецъ; и законъ, умѣвшій предвидѣть часто неосуществимыя тонкости, хранить совершенное молчаніе относительно этого обычая, какъ бы признавая и освящая его своимъ умолчаніемъ. Вотъ она—благородная инициатива мужчины!

Заботы законодателя о чистотѣ женской нравственности постоянно имѣютъ въ виду не самую женщину, а полнаго и законнаго владѣльца ея, мужчину и его интересы, и все-таки интересы корыстные или чувственные. Это опять товаръ, который надо лицомъ продать. Отчего нужна невинность дѣвушкѣ? Оттого что отцу нужно продать ее повыгоднѣе. А для такой продажи необходимо подчинить ее своей волѣ, воспитать ее въ рабствѣ, въ безгласности. Отчего за обиду невѣсты законъ опредѣляетъ наказаніе обидѣвшему? Не оттого, что онъ дѣшитъ нравственное достоинство женщины, а оттого, что наносится вредъ или ущербъ мужской собственности.

Могло случиться, что мужъ нашелъ жену свою не дѣвственною, и публично обвинилъ ее. Тутъ требовалось доказать свое обвиненіе. Если оно оказывалось несправедливымъ, жена не освобождалась отъ обязательства жить съ мужемъ. Напротивъ онъ принужденъ былъ держать ее до конца жизни, и неимѣлъ права сослать ее изъ дому своего ни за какія вины. Не опять ли всякая забота о женщинѣ бы-

да устранена, хотя повидимому за нее и заступились? Всюду тотъ же взглядъ на женщину, какъ на вещь. Не все ли равно вещи, кому принадлежать? Возвратить неправо обвиненную отцу — значило бы навязать ему потерявшій свою цѣну товаръ. И вотъ ее отдають мужу, который послѣ первой выходки своей, разумеется, не можетъ внушать никакого довѣрія женѣ. Въ сущности наказываютъ не его, а ее. Развѣ то считать наказаніемъ, что онъ обязанъ былъ заплатить извѣстную сумму тестю за несправедливо опороченный товаръ? У отца могли быть еще дочери, и обвиненіе зятя могло отвадить покупателей отъ его лавочки.

Женщина не имѣла собственности, была исключена изъ права наслѣдованія; даже подарками, которые вызывала ея красота, пользовалась не сама она, а мужъ. Это правило, переходя въ письменный законъ, было нарушено лишь однимъ исключеніемъ: дочь могла наслѣдовать послѣ отца, если у него не оставалось сыновей. Но зато она не могла уже выйти замужъ за чловѣка не изъ своего племени.

Какъ дочь, какъ жена и какъ мать, женщина была обречена на безвыходное рабство. Это клеймо отверженія тяготѣло на ней съ самаго рожденія. Если родился мальчикъ, мать считалась нечистою семь дней, если дѣвочка—четырнадцать дней. Послѣ рожденія сына для очищенія матери полагалось тридцать три дня, а послѣ рожденія дочери—ровно вдвое, шестьдесятъ шесть дней.

Не позволяя женщинѣ владѣть какимъ либо имуществомъ, законъ предоставлялъ мужчинѣ право распоряжаться и нравственнымъ ея достояніемъ. Такъ, напримѣръ, женщина могла произнести обѣтъ, но въ то же время воля отца или мужа могла немедленно уничтожить его; тогда какъ съ мужчины подобнаго обѣта ничто не снимало.

Положеніе вдовы было тоже очень печально. Если она была бездѣтна, законъ волей неволей обрекалъ ее на союзъ съ братомъ покойнаго мужа, для продолженія племени его.

Но если вещь считалась женщина «свободная», то каково должно было быть униженіе рабыни? И точно, мы видимъ, что госпожа, будучи неплодною, могла отнять и присвоить себѣ дитя рабыни, прижитое съ мужемъ госпожи. Нечего и говорить, что изгнать изъ дому рабыню было еще легче, чѣмъ жену; а мы видѣли, что послѣднее не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Мало того, что цѣна дѣвственности и право продажи дочери принадлежало отцу, даже пѣни за нанесенныя ей оскорбленія или раны вознаграждали не ее, а отца или мужа.

Достаточно этого бѣглаго обзорѣнія, чтобы видѣть, что за женщиною не признавалось никакой нравственной силы. Но это непри-

знаніе было лишь наружное, какъ при всякомъ господствѣ грубой физической силы. Какъ только дѣло доходило до нарушенія этихъ жестокихъ законовъ, опутывавшихъ волю женщины, законодатель видѣлъ въ женщинѣ существо стоящее нравственно въ уровень съ нимъ.

Будучи лишена всякихъ семейныхъ и общественныхъ правъ, всякаго значенія, будучи низведена на степень движимой собственности, женщина вдругъ является отвѣтственнымъ лицомъ, когда ее приходится судить за преступленія и наказывать. Это не логично, какъ нелогично было бы судить и казнить безсловесныхъ домашнихъ животныхъ. Но этотъ карающій страхъ происходитъ прямо изъ смутнаго, не прояснивагося сознанія нравственнаго достоинства женщины.

Новые народы, принимая космогонію общества, жившаго подъ этими законами, считали это общество исключительнымъ представителемъ всего человѣчества. Понятно, что при такомъ взглядѣ, остались нетронутыми, какъ непогрѣшительныя, понятія о вѣчномъ и роковомъ антогонизмѣ между мужчиной и женщиной. Долгое господство неравныхъ отношеній развило въ высокой степени мелкіе, но тѣмъ болѣе чувствительные пороки женщины, и заставляли мужчину еще болѣе сѣзавать свою тиранническую мораль. Говоря о взглядѣ нашихъ предковъ на женщину, вытекавшемъ изъ древней книжной премудрости и изъ глухой реакціи женщины на направленію этой премудрости, справедливо замѣчаетъ г. Забѣлинъ (*): «Само собою разумѣется, что кругъ этихъ понятій о женщинѣ создавался постепенно; постепенно пріобрѣтая новыя силы, новую опору, и въ явленіяхъ дѣйствительности, и въ ученіи книжниковъ, съ особеннымъ стараніемъ выбиравшихъ свои апогеи отвсюду; какъ медъ съ цвѣтовъ человѣческой мудрости, шедшей отъ вѣка. Мимомедшіе вѣка, въ лицѣ грубаго эгоизма мужчины съ одной стороны, и въ лицѣ прележныхъ, трудолюбивыхъ книжниковъ въ другой — успѣли вполне, окончательно доказать, что женщина, собственно жена, а не женщина, что красота и доброта ея есть собственно источникъ соблазна, нравственнаго растлѣнія, гибели душевной. Изъ доказательствъ возникли крѣпкія убѣжденія... Женщина также убѣдилась во всемъ, что ни толковали о ней книжные мудрецы и учителя. Униженная, загнанная мнѣніемъ вѣка, она дѣйствительно многое утратила изъ своей человѣческой природы, и большею частью оправдывала составленныя о ней ходячія понятія. Но если легко

(*) «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ». (Рус. Вѣст. 1887, № 9.)

было доказать и еще легче убѣдиться и убѣдить, то есть совершенно извратить понятіа толпы и понятіа самой женщины, то было не только трудно, но и рѣшительно невозможно остановить въ женщинѣ естественныя, въ высшей степени законныя стремленія къ нравственной самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороться и она сама, вполне убѣжденная, что стремленія эти есть преступленіе противъ нравственныхъ положеній вѣка, что наиримѣръ непокореніе, непослушаніе домовладыкѣ во всякомъ случаѣ есть беззаконіе и грѣхъ. Здѣсь-то и возникла та отчаянная борьба между мужемъ и женой, между понятіями толпы и дѣйствіями жены, выражавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистью, озлобленіемъ существа слабого, поработеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельныхъ своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уколовъ, гдѣ способности ея, неимѣвшія другаго выхода, изощрились въ неимовѣрной силѣ. Какъ бы въ отищеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, между мужемъ и женой, женщина явилась мужчиноѣ въ образѣ злой жены. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. Злая жена явилась результатомъ древнихъ возрѣвій на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той дѣйствительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято отъ жены, злая жена явилась терновымъ вѣнкомъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ человѣческихъ отношеній къ женѣ. И мужчина глубоко чувствовалъ это зло, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе изливалось въ нескончаемыхъ апогеммахъ, изрѣченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихся, и злую жену, и собственную его бѣду. Съ какою-то озлобленною радостью онъ выбираетъ эти изрѣченія отвсюду, и изъ писанія, и отъ *вѣстныхъ* мудрецовъ, приводитъ въ свидѣтельство бездну повѣстей, анекдотовъ, исторій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ неистовыхъ краскахъ.»

Изъ приводимыхъ г. Забѣлинымъ цитатъ мы видимъ слѣдующее опредѣленіе женщины: «Что есть жена? Сѣтъ сотворена, прельщающаи челоуѣка (въ сластехъ) свѣтлымъ лицомъ, высокою выею, очами назирающаи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словеси чарующи, ризы повлачающаи, ногами играющаи... въ добротѣ женской многи прельщаются, и отъ той

(доброты) любовь же была возгарелася... Отецъ женою своею грѣшу и тѣмъ вси утрасахъ... Много бо бѣушомоуше въ женохъ... и т. д.

Этотъ взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности древнихъ русскихъ книжниковъ. Западная Европа представляетъ намъ ту же практическую философію (*). Иначе и быть не могло! Нужно было или отказаться отъ первобытныхъ преданій, изъ которыхъ логически развились такія понятія, или оставить преданія неприкосновенными, принять и произведенный ими въ жизни результатъ. Были, правда, попытки къ примиренію традицій съ естественными человѣческими требованіями, но онѣ должны были необходимо остаться безъ плода. Такъ практическіе философы, въ родѣ Корнелія Агриппы Неттесгеймскаго или Лоттихія, старались показать не только право женщины на равенство съ мужчиной, но и на преимущество предъ нимъ тѣмъ, что твореніе шло прогрессивно, за созданіями низшаго разряда слѣдовали все высшія и высшія творенія, и что женщина, какъ созданная послѣ мужчины, есть вѣнецъ созданія, а стало быть и существо совершеннѣйшее. Но что могли значить такія утвержденія, когда имъ противорѣчилъ весь ходъ жизни, сохраненный преданіемъ, когда не только мораль прежняя, наружно отвергнутая, но и мораль новая, признанная, говорила противное!

Къ числу наиболѣе укорененныхъ предрасудковъ принадлежитъ мнѣніе, что господствующимъ нынѣ понятіямъ обязана женщина тѣмъ менѣе унизительнымъ мѣстомъ въ семьѣ и обществѣ, на которомъ мы видимъ ее въ наше время. Нѣтъ сомнѣнія, что въ понятіяхъ этихъ былъ зародышъ гуманнѣйшаго развитія общества, что они и явились какъ потребность человѣка возвысить и очистить свое нравственное достоинство (какъ примѣнились они къ жизни — это другой вопросъ); но женщина была все-таки забыта. Достоинствомъ ея считалось не общее человѣческое достоинство; фальшивый идеализмъ, вмѣсто того, чтобы приблизить ее къ интересамъ человѣческой жизни, отводилъ ей какія-то фантастическія сферы. Сначала женщина была просто рабою; а тутъ это рабство начали

(*). Вотъ напримѣръ что говорятъ одинъ западный мудрецъ: «*O piores cujus genus non solum est luxuriosum, sed venenosum et avarissimum. Mulier enim est fœx malorum, artifex scelerum, propter cujus incontinentiam tot adulteria et stupra vexantissima in civitatibus committuntur. Est enim origo peccati, mater delicti, arma diaboli, expulsio paradisi, induit homines ad confusionem et vocatur impedimentum viri, vas adulterii, animal pessimum, pondus gravissimum, aspis insanabilis, janua diaboli, cauda scorpionis, vulnus insanabile, bestia insatiabilis, societas continua, naufragium incontinentis viri, foetor continuus.*»

украшать цвѣтами, вручили ей помянутому нѣкоторое господство, и этимъ самымъ только способствовали ея униженію. Одинъ здравый смыслъ спасалъ женщину. Не будь его, давно можно бы одурѣть, хуже восточныхъ одалискъ, отъ рыцарскаго «любовнаго служенія» и отъ новой «галантерейности».

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

N. B. Въ первую статью вкрались двѣ значительныя опечатки: на стр. 480 строка 7 (сверху) вмѣсто Агантовъ, читай *Агассизовъ*; на стр. 499 строка 8 (сверху), вмѣсто: Письмѣ изъ Парижа — *Картины Парижа*.

ИЗЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ПРАВСТВЕННОСТИ.

Summum jus summa injuria.

Устность и гласность судебного дѣла, присяжные и адвокаты все это слышало такъ много панегириковъ отъ нашей литературы, что мы наконецъ можемъ, кажется, говорить о нихъ безпристрастно, и даже указать ихъ дурныя стороны, не опасаясь возбудить подозрѣніе, что намъ хочется уронить значеніе jury, поддержать безгласность, канцелярскіе крючки, и т. д. Знаемъ мы, что у насъ хуже, а на западѣ лучше; знаемъ, что канцелярская тайна и бумажная формалистика хуже устнаго и гласнаго судопроизводства. Мы очень благодарны тѣмъ, черезъ кого мы въ первый разъ познакомились, хотя поверхностно, съ европейскими судебными учрежденіями. Но вотъ бѣда: очень многіе (да кажется, и тѣ сами, которые прежде всѣхъ принялись знакомить насъ съ этими учрежденіями) вообразили, что тутъ-то и есть философскій камень человѣческаго благосостоянія. «Судъ присяжныхъ! Адвокаты! Гласность и устность!» кричали благородные просвѣтители русской публики. — «Гласность и устность! Присяжные и адвокаты!» вопіяли за ними новопросвѣщенные, — и всѣ воображали, что стоитъ только приобрѣсти и водворить у себя эти прекрасныя вещи, — и идеалъ совершенства человѣческихъ обществъ будетъ вполне достигнутъ. Въ этихъ увлеченіяхъ было, конечно, болѣе смѣшнаго, нежели вреднаго, потому что они, — какъ и все почти, о чемъ толкуютъ въ печати наши публицисты, — до сихъ поръ не переходили въ практическую сферу. Но все-таки, за-

тѣмъ же быть и смѣшнымъ, безъ всякой надобности, зачѣмъ же вѣчно оставаться наивнымъ ребенкомъ? Безусловное восхищеніе и необдуманные восторги всегда ведутъ къ авторитетамъ и кумирамъ. Отсюда происходитъ то, что когда и является возможность перенести къ себѣ полезный обычай или учрежденіе, то переносятся они со всѣми ихъ недостатками. А извѣстно, конечно изъ всякой исторіи, — хоть бы и изъ нашей, напримѣръ, что въ подобныхъ случаяхъ недостатки — то именно прежде всего и принимаются, пускаютъ ростки и нерѣдко заглушаютъ всѣ достоинства новаго учрежденія. Взрослому человѣку стыдно забывать объ этомъ...

Въ «устности и гласности» насъ приманиваетъ внѣшняя форма производства дѣлъ. Форма дѣйствительно очень хороша. Но едва ли кто нибудь не въ состояніи будетъ разсудить, что вѣдь эта форма, какъ и всякая другая, зависитъ въ своей сущности отъ существующаго законодательства и господствующихъ правилъ и понятія страны. Отчего же на эту сторону дѣла такъ мало обращается вниманія нашими публицистами? Еслибъ она была хорошенько разъяснена, то мы бы, конечно, яснѣе увидѣли и то, на какомъ мѣстѣ, въ ряду вожделѣнныхъ намъ благъ, стоитъ адвокатура съ устностію и гласностію....

Являясь, въ качествѣ любопытнаго, на какое нибудь публичное разбирательство, человѣкъ незнакомый ни съ статьями закона, ни съ юридическими тонкостями, дѣйствительно можетъ увлечься представившимся врѣщаніемъ и воспылать надеждами на безошибочное рѣшеніе, столь естественное при такомъ обстоятельствѣ.

Мрачныя залы, въ главѣ со святыней, во имя которой творится правда, мѣста для присяжныхъ и судей, скамьи для адвокатовъ, подсудимыхъ и свидѣтелей, скамьи для праздно толпы; мрачныя лица въ черныхъ плащахъ и такихъ же шапкахъ, мрачныя же и страдальческія, глупо смѣшныя, тупо-спокойныя или наконецъ нагло-смѣлыя лица обвиненныхъ, жандармы и полиція, ученые, остроумныя насмѣшныя рѣчи, шорохъ и трепеть, слезы, стоны и обмороки, смѣхъ и радость, окровавленные ножи и травки... Вотъ при канонѣ обобцѣннѣ жизни раскрываетъ здѣсь свои тайны, насильно исторпаемыя у ней въ силу различныхъ болышю частью до сихъ поръ, еще коротенько не выясненныхъ началъ. Передъ нами является здѣсь только послѣдній актъ комедіи или драмы, одна смѣшная или тяжелая развязка ея; о томъ, что произошло прежде, ведутъ передъ нами только подробную повѣсть, доирациваютъ, кричатъ съ мелодраматическимъ пафосомъ, глупымъ упрекомъ или грубымъ презрѣніемъ. А что не досказывается, то мы должны довести сами, въ оправданіи и въ

жизнь, слезамъ и стонамъ, въ мертвомъ спокойствіи, или безосмысленномъ добродушіи.

И действительно, часто одинъ звукъ, одно слово, сказанное среди всей этой театральной обстановки, раскрываетъ въ нашемъ воображеніи цѣлую вереницу прошлыхъ событій, о которыхъ мы не знали и не думали до сего часа. Намъ беретъ то смѣхъ, то жалость, то страхъ, чаще всего негодованіе, кровь то приливаетъ къ лицу, то къ сердцу, и много становится тогда понятно, и необъясненное ясно, и мы можемъ быть даже готовы спросить себя: отчего же мы сами не сидѣли на скамьѣ обвиненныхъ?

Но не будьте наивнымъ ребенкомъ, — помните, что вы здѣсь не въ интимномъ дружескомъ кружкѣ, а въ святилищѣ права. Здѣсь мы съ вами должны забыть, что мы также люди; вмѣсто живаго сердца съ четырьмя желудочками полными крови, мы должны имѣть между легкимъ только мертвую книгу закона, въ которой напередъ рассчитано всякое движеніе души и опредѣлена соотвѣтствующая ему мѣра возмездія. Заглушите эту борьбу закона, идущаго на перекоръ человѣку, и человѣка, который не можетъ вдругъ понять своего закона, и поглядите на черные плащи и шапки, которые вѣрно лучше намъ понимаютъ свое дѣло. За стѣнами этой комнаты они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ; но здѣсь, посмотрѣвши на нихъ, вы сильно удивитесь, чтобъ это были живые люди, подверженные страстямъ, слабостямъ и ошибкамъ: такъ величаво, строго и безстрастно взираютъ они на собраніе, такъ непреклонно олицетворяютъ въ себѣ законъ, — такъ отважно противопоставляютъ его букву внушеніямъ собственной совѣсти.

И за то какіе сложные и мудреные процессы возникаютъ при помощи юристовъ, изъ самыхъ простыхъ фактовъ, относительно которыхъ для простаго, неюридическаго ума — даже и вопроса быть не можетъ, которые рѣшаются имъ, при самомъ слабомъ соображеніи, въ пять минутъ! Не хотите ли полюбоваться однимъ изъ такихъ занимательныхъ процессовъ.

Въ концѣ генваря текущаго года соединенныя палаты императорскаго суда въ Парижѣ были призваны къ рѣшенію довольно простаго вопроса, если судить его по человѣчески, но съ юридической точки оказавшагося весьма труднымъ и запутаннымъ; задача состояла въ томъ, можно ли удовлетворить требованію женщины, которая вышла замужъ за освобожденнаго каторжника, сама не зная того, требовала потомъ признанія брака недействительнымъ.

Вотъ подробности дѣла. Въ 1857 г. дѣвица Эолъ Х.... модистка по положенію, обладательница 20,000 фр., нажитыхъ ею въ предѣлѣ

женіи осемнадцати лѣтъ бѣднымъ и честнымъ трудомъ, вышла замужъ за нѣкоего Берг....

Берг... женившись, продолжалъ заниматься прежнимъ ремесломъ. Деньги были помѣщены къ одному банкиру и все по видимому шло, какъ нельзя лучше. Вскорѣ однако Берг.... началъ жаловаться на невѣрныя женѣ бразныя планы и предположенія довольно страннаго свойства. Сперва дѣло шло о томъ, чтобъ сдѣлаться ростовщикомъ, а другой разъ Берг.... заговорилъ о контрабандѣ. Такія рѣчи сильно озадачили его жену и тещу, которая жила вмѣстѣ съ дочерью. Разъ какъ-то наконецъ всѣ вмѣстѣ читали въ одномъ судебномъ журналѣ извѣстіе о какомъ то кассирѣ, который былъ приговоренъ къ трехлѣтнему заключенію за утайку суммъ ввѣренныхъ его храненію. «Отлично обдѣлано», восклицаетъ Берг.... въ концѣ чтенія, «онъ выси- дитъ свои три года и будетъ жить послѣпроцентами. Къэтимъ странностямъ присоединялись знакомства Берг.... съ разными темными лицами, которыхъ онъ не называлъ, и при спросѣ о которыхъ мѣш- шался и не зналъ что отвѣчать.

Среди такого положенія вещей въ одинъ день именно 12 октября 1857 г. Берг.... вынулъ деньги, принадлежавшія женѣ и отира- вился на какіе-то похороны. Къ вечеру Берг.... не вернулся, вмѣсто того онъ прислалъ женѣ записку, въ которой увѣдомлялъ ее, что при- ятель, котораго онъ похоронилъ сегодня, умеръ неожиданно и скоро- постижно, оставивъ жену и дочь безъ одного близкаго лица во всемъ городѣ; что это ставитъ его въ необходимость проводить несчастную вдову до г. Тура, откуда онъ незамедлительно вернется. Берг... однако не возвращается. Жена тревожится. Мать ея идетъ къ брату Берг.... черезъ котораго узнаетъ, что рассказъ о похоронахъ пустой вымы- селъ. Обстоятельство это усиливаетъ общее безпокойство, среди ко- торого таже мать направляется къ другому лицу, знавшему ея зятя, нѣкому Мерк.... Последний встрѣчаетъ ее словами. — Ну что жъ! Онъ уѣхалъ! — Да, на похороны, отвѣчаетъ г-жа Х..... — Какъ на похороны? Онъ въ Бельгіи и вмѣстѣ съ приданымъ. Вы развѣ не зна- ли? онъ не могъ жениться..... Смущенная мать требуетъ откровен- ныхъ подробностей, но Мерк.... отказывается отвѣчать обстоятель- нѣе. На завтра однако при содѣйствіи жены Мерк.... теща узнаетъ, что Берг.... былъ приговоренъ къ галерамъ на 15 лѣтъ, которыя вынесъ и что онъ такимъ образомъ ни менѣе, ни болѣе, какъ осво- божденный каторжникъ. Официальныя справки слишкомъ положи- тельно, къ несчастью, подтверждаютъ это извѣстіе.

Вотъ что оказывается изъ нихъ между прочимъ, относительно предыдущей жизни Берг.... Родившись въ Валенсѣ и получивъ кой-какое образованіе онъ былъ опредѣленъ, моложе шестнадцати

лѣтъ, въ кентору одного стряпчаго, послѣ чего вскорѣ былъ пойманъ въ двухъ покушеніяхъ на кражу, изъ коихъ послѣднее сопровожда-лось взломомъ и поджигательствомъ. Обвиненный по этимъ дѣламъ онъ былъ посаженъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму, гдѣ свелъ знакомство съ двумя почтенными мошенниками — одного звали Дюруль, другаго Гюльгермонъ. По окончаніи срока заточенія они не разстались. Берг... поступилъ секретаремъ къ Дюрулю. Нѣсколько времени спустя на мосту Сентъ-Валье былъ убитъ человѣкъ и сброшенъ въ Рону. Виновниками этого дѣла оказались Дюруль и Гюльгермонъ, а Берг... ихъ помощникомъ. Оба первые были приговорены къ смерти, Берг... же, во вниманіе къ его молодости и сознанию, сосланъ на галеры, гдѣ провелъ 15 лѣтъ, послѣ чего вернувшись въ Парижъ и сочтясь бракомъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Баба все это стало извѣстно жевѣ, какъ та рѣшилась требовать неоправданности брака.

Узнавъ въ свою очередь настоящее положеніе дѣла Берг. пишетъ къ жевѣ — письмо длинное, напыщенное, полное мело-драматическаго пафоса, гдѣ словами совершеннаго романиста, передаетъ ей свои признанія и мученія. «Когда я переносусь мыслью къ тому времени, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ, писалъ онъ, и остававшись надъ приговоромъ, который былъ произнесенъ надъ моею головою, мое сердце не бьется скорѣе, я остаюсь равнодушенъ, невозмутимъ при этихъ воспоминавіяхъ и ни одинъ мускуль не дрожитъ въ лицѣ моемъ, но когда я думаю о томъ негодованіи, о томъ презрѣніи, которымъ ты меня клеймишь — я блѣднѣю и шатаюсь, мнѣ кажется, что первый ударъ топора входитъ въ мое сердце....

«Я призывалъ на помощь пьянство, сонъ и смерть и все мнѣ измѣнило».... Но интереснѣе всего, какъ измѣнила Берг... смерть, «смерть оставалась одна, пишетъ онъ, послѣ этого ты могла переимѣнить имя, но для того чтобы переимѣнить имя, тебѣ нужно было выйти за мужъ, принадлежать другому, при этой мысли un puage rouge passa devant nos yeux, и какъ я не хотѣлъ болѣе сна, я незахотѣлъ смерти....

«Я брожу по улицамъ, какъ осужденная душа, вхожу въ церковь и прошу пощады у Бога за то, что обманулъ тебя....

«Зоя, Зоя! ты была солнце, которое освѣщало мнѣ жизнь, ты была воздухомъ, который меня живилъ, я дышалъ твоей любовью и т. д., и т. д.

Такое краснорѣчивое посланіе осталось однако безъ всякихъ послѣдствій и не измѣнило намѣреній обманутой жены. Она рѣшительно требовала формальнаго разрыва ея отношеній къ Берг..., здѣсь то именно мы приходимъ къ самому интересному моменту дѣла.

Спрашивается, какимъ путемъ Золя Х... могла достигнуть этого разрыва?

Несуществуй во Франціи на этотъ предметъ вовсе писаннаго закона, подлежи требованіе Золя Х... рѣшенію совѣсти и будь оно предложено не передъ судьями, а присяжными, даже французскими, оно вѣроятно не встрѣтило бы ни малѣйшаго препятствія и для всѣхъ бы можетъ быть было сразу понятно, что женщина въ положеніи Золя Х... имѣетъ полное право не хотѣть оставаться женою г. Берг.... Съ этимъ соглашался и прокуроръ защищавшій Берг..., соглашался генеральный прокуроръ, соглашались вѣроятно и сами судьи. Но, какъ извѣстно, на землѣ существуетъ писанное гражданское законодательство и Франція имѣетъ счастье имъ пользоваться, существуютъ судьи и еще французскіе судьи, которые очень много слышали о святости и ненарушимости писаннаго закона и которымъ вовсе нѣтъ дѣла до внутренняго голоса правды, говорящаго иногда въ человѣкѣ. Сообразивъ все это становится отчасти уже ясно, что процессъ Золя Х... легче было выиграть передъ совѣстью, чѣмъ передъ судомъ, что изъ простаго яснаго дѣла онъ могъ стать изумительнымъ судебнымъ вопросомъ, потребовать длинныхъ и глубокихъ преній и рѣшиться все-таки противъ нее. Въ самомъ дѣлѣ, сколько логическаго труда, натяжекъ и юридическихъ *tour-de-force* приходится въ глазахъ судебной аудиторіи, по случаю такого простаго требованія, какъ трудно пройти ему сквозь тѣсныя уши писанной правды, съ каимъ трудомъ судебная процедура тащитъ этотъ вопросъ по скользкой тинистой плоскости юридическаго формализма и какъ безуспѣшно, какъ торжественно обрывается онъ наконецъ разрывающаяся безсмыслицей передъ требованіями мертвой буквы. Во всемъ этомъ кроется столько комизма и столько сатиры, что по волюѣ становится и смѣшно и досадно и все дѣло приобретаетъ особенный поучительный смыслъ.

Для того, чтобы понять приблизительно, какъ рискованы были въ юридическомъ отношеніи домогательства Золя Х... нужно обратиться къ логикѣ французскаго права, по вопросу о святости и неразрѣшимости брачнаго союза, къ постановленіямъ гражданскаго кодекса по этому предмету. Съ начала нынѣшняго столѣтія до 1816 г. Франція пользовалась однимъ изъ наиболѣе логическихъ правилъ по этому предмету. Опасностямъ, которымъ подвергались лица рѣшившіяся связать себя законными узами гименея, законъ предоставлялъ три средства спасенія, три отдѣльные пути для развязки брачныхъ цѣпей.

- 1) Признаніе брака несостоявшимся.
- 2) Разводъ.

3) Separation par corps.

Бракъ могъ быть признанъ несостоявшимся:

— Когда не были соблюдены предписанныя на этотъ случай закономъ формальности, — когда не было обоюднаго согласія супруговъ, — когда была ошибка въ самоличности, хотя одного изъ супруговъ. Разводъ допускался въ слѣдующихъ случаяхъ:

— Въ случаѣ прелюбодѣянiя одного изъ супруговъ.

— Въ случаѣ тяжкихъ обидъ и дурнаго обхожденiя со стороны одного изъ супруговъ.

— Въ случаѣ приговора одного изъ супруговъ къ одному изъ наказанiй, сопряженныхъ съ лишенiемъ чести.

— И наконецъ, самое главное, въ случаѣ настоятельнаго обоюднаго объясненiя супругами, что жизнь вмѣстѣ имъ стала невыносима, если оно выражено въ установленной закономъ формѣ и подтверждено предписанными на этотъ случай испытанiями.

Separation par corps допускалось, какъ дополнительное средство избѣжать взаимныхъ стѣсненiй для супруговъ, до воспослѣдованiя окончательнаго развода, во всѣхъ случаяхъ, когда искъ о разводѣ основывался на одной изъ опредѣленныхъ закономъ причинъ, но не на одномъ взаимномъ согласiи.

Послѣднее условiе имѣло свой частный смыслъ, такъ какъ супруги требовавшiе развода на основанiи одного взаимнаго нежеланiя оставаться въ бракѣ, должны были выдерживать годовой испусть взаимной вражды и ненависти, для того, чтобы ихъ желанiе могло стать законною причиною къ разводу; separation par corps же прямо противорѣчило бы въ этомъ случаѣ глубокой цѣли законодательства.

Законъ 8 мая 1816 года, тремя параграфами измѣнилъ всю логику стараго права, и по своей краткости и неопредѣленности внесъ совершенную запутанность въ законодательство. Сущность его заключалась въ трехъ положенiяхъ: разводы уничтожаются; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ таковыя допускались по опредѣленной причинѣ они замѣняются черезъ separation par corps, всѣ домогательства развода по обоюдному согласiю считаются ничтожными.

Неопредѣливъ такимъ образомъ положительно своего отношенiя къ прежнему праву, онъ оставлялъ совершенно на произволь практикѣ рѣшить, какiе параграфы должны были удержать свою силу и какiе считаться уничтоженными. Отсюда эта часть законодательства осталась по сіе время самой неопредѣленной и несовершенной съ иѣвшей стороны. Но не въ томъ все-таки главное. Не говоря уже о томъ, что законъ этотъ съ одной стороны уничтожалъ всякую силу и значенiе свободной воли и взаимнаго согласiя въ дѣлѣ, на которое законодательство можетъ смотрѣть, какъ на свободный договоръ.

стоитъ взвѣсить послѣдствія развода сравнительно съ послѣдствіями простаго *separation par corps*, чтобы понять, что одно ни какъ не могло логически замѣнить другаго, не говоря уже о формальной пунтиці, которую вызывало на практикѣ.

Разводъ, въ гражданскомъ смыслѣ слова, есть расторженіе договора; такъ онъ былъ понятъ и составителями кодекса. Уничтожая брачный договоръ, онъ освобождаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно волю, которая имъ была связана, и ставить ее внѣ всякихъ стѣсненій лежавшихъ на ней, какъ послѣдствія брачнаго условія. Такъ, напримѣръ лицо состоящее въ бракѣ не можетъ вступить въ новый; послѣ развода оно приобрѣтаетъ это право; жена носить имя мужа, разводъ снимаетъ съ нее это условіе и т. д.

Совершенно иначе въ отношеніи простаго *separation par corps*, — это не болѣе, какъ законное дозволеніе супругамъ развѣхаться, сопровождаемое правда раздѣломъ имущества (*separation de biens*), но не болѣе. Мало того, законъ смотритъ на это разъединеніе супруговъ, какъ на простой фактъ, и законное мѣстожителство жены остается все-таки при мужѣ, являясь какъ юридическій вымыселъ (*factio*). Возьмемъ теперь любую опредѣленную причину развода по старому праву, ну хоть преступленіе связанное съ лишеніемъ чести, и спросимъ, справедливо ли въ отношеніи къ другому изъ супруговъ лишать его, въ этомъ случаѣ, правъ, которыя прежде ему прямо предоставлялъ разводъ и можетъ ли довольствоваться невинная сторона однимъ *separation par corps*?

Обращаясь къ нравственной сторонѣ вопроса или той цѣли, которую имѣло законодательство 1816 г., мы не можемъ не сознаться, что желая оградить неприкосновенность брака и тѣмъ поддержать значеніе какъ самаго установленія, такъ и охранить общественныя нравы отъ слишкомъ легкихъ и шаткихъ отношеній въ дѣлѣ супружества, замѣна разводовъ черезъ *separation par corps* является едвали не одною изъ самыхъ тупыхъ и несчастныхъ въ логическомъ отношеніи выдумокъ, надъ которыми когда либо останавливался законодательное воображеніе. Разъединяя супруговъ только *de facto*, *separation par corps* соблюдаетъ правда, весь внѣшній порядокъ, все театральное приличіе, но съ другой стороны, прямо иотворствуетъ незаконнымъ связямъ и запрещенному сожитію, даже можно сказать, просто вынуждастъ его. Цѣль нравственнаго союза никогда не можетъ состоять въ одной забавѣ формальностями, въ однихъ шуткахъ съ закономъ. Кромѣ своей законной, формальной стороны, онъ имѣетъ другую, социальную и эта важнѣе первой, она то и составляетъ сущность и содержаніе его. Разъ происходитъ нарушеніе какого хотите нравст-

вешнаго союза de facto, бытіе его уже подорвано съ самой живою и реальною стороны, соціально оно перестаетъ существовать; спрашивается: къ чему можетъ служить стараніе удержать его какъ юридическій вымыселъ, какъ обманъ? Соціальный элементъ сильнѣе формальною вездѣ, объ этомъ нѣтъ спору, итакъ разъ произшедшій соціально разводъ при separation par corps возымѣетъ неизбежно всѣ соціальныя послѣдствія настоящаго развода т. е. освобожденные супруги, каждый съ своей стороны, незатруднятся также соціально вступить въ новую связь, которая будетъ ускользать уже отъ всякаго вліянія закона, не будетъ имъ ни защищена, ни оправдана; но тѣмъ хуже, она будетъ имъ вынуждена. Иначе, конечно, тамъ гдѣ законъ, не признавая вовсе фактическаго разъединенія (separation par corps), недонускаетъ возможности разрыва и съ соціальною или фактической стороны; здѣсь же, противорѣчіе факта и права, прямо превращая послѣднее въ мертвую форму, роняетъ его до вопиющаго комизма и нужно много педантизма и слѣпоты, чтобъ не понять и не увидѣть такихъ послѣдствій.

Иначе думало новѣйшее законодательство, и какъ ни жалки были сами по себѣ постановленія 1816 года для Франціи, они имѣютъ силу дѣйствующаго закона; потому въ разсужденіи процесса, о которомъ идетъ рѣчь, онѣ стояли замысловатыми рогаками, пошито которыхъ дѣло Зои *** не могло быть выиграно. Оставалось опредѣлить, какія средства могла здѣсь найти обманутая жена, на какомъ параграфѣ основать свои требованія.

Одною separation par corps для нея было слишкомъ мало, разводъ запрещенъ, и такъ оставалось искать *несостоятельности брака*. Здѣсь, какъ сказано, три законныя основанія, — несоблюденіе формальности, отсутствіе свободной воли и еггот personae. Формальности брака въ настоящемъ случаѣ были всѣ на лицо, свободная воля заявлена безвозвратно, и такъ оставалось ухватиться за еггот personae.

Въ такомъ смыслѣ дѣйствительно былъ начатъ искъ и проигранъ въ первой инстанціи, въ такомъ же смыслѣ онъ былъ повторенъ теперѣ передъ императорскимъ парижскимъ судомъ.

Процессъ этотъ занялъ два слишкомъ засѣданія, многочисленныя публики наполняли постоянно залу. Этого достаточно для доказательства его мѣстнаго интереса. Не желая утомлять читателя подробностями, мы удержимъ изъ рѣчей сказанныхъ pro и contra только то, что для насъ показалось особенно любопытно.

Адвокатъ Зои*** Бетмонъ, изложивъ обстоятельства дѣла и рѣшеніе суда первой инстанціи, прямо обратился къ объясненію 180 ст. С. С., опредѣляющей несостоятельность брака въ случаѣ еггот

реговое, и такимъ образомъ показалъ, что подведение обстоятельствъ настоящаго дѣла подъ опредѣленіе этой статьи онъ считаетъ единственнымъ средствомъ выиграть дѣло передъ закономъ. «Статья эта, сказалъ онъ, не относится вовсе къ заблужденію на счетъ *физическаго лица*, послѣднее было возможно только по древнему праву, допускаяшему браки по поручительству, при тѣхъ же предосторожностяхъ, которыя установлены на сей случай дѣйствующими законами, оно болѣе невѣроятно. Статья эта говоритъ о заблужденіи на счетъ лица гражданскаго — это мнѣніе ученыхъ толкователей закона, и мало того, это мнѣніе самаго закона, который хотѣлъ предоставить рѣшенію судей признать въ данномъ случаѣ, присутствіе етго *personae* или нѣтъ, а потому и выразился такъ обще и глухо».

«Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся боязливые умы, которыя побоятся признать такую свободу сужденія и захотятъ лучше придать тѣснѣйшій ограниченный смыслъ закону. Это было бы дѣйствительно справедливо, если бы законъ прямо выразился, что несостоятельность брака признается только въ случаѣ заблужденія на счетъ *физическаго лица*. Но онъ не сдѣлалъ этого, напротивъ того, онъ какъ бы хотѣлъ сказать: вы будете сами опредѣлять границы и смыслъ етго *regovae*, слѣдуя ходу вещей, успѣхамъ нравственности и потребностямъ общества, вы не отклоните отъ себя эту обязанность, потому только что она тяжела, и не назовете задачу неразрѣшимую потому только, что она не легка».

«Я нехочу этимъ сказать, чтобы вы должны были признавать несостоятельность брака на случай заблужденій всякаго рода. Безъ сомнѣнія вы будете въ состояніи отицать безразсудныя требованія, и не стѣснитесь обманами мелкаго самолюбія, но вы придете на помощь страшнымъ ошибкамъ, которыя отравляютъ жизнь и остановитесь предъ заблужденіями, которыя удержали бы свободное согласіе на заключеніе брака, если бы только онъ были узаны. Вотъ что хотѣлъ казаться сказать законъ и что я убѣждаю васъ подтвердить, подобно тому какъ это было сдѣлано въ однородныхъ случаяхъ другими судами».

Адвокатъ приводитъ два примѣра признанія браковъ не дѣйствительными по приговорамъ *судовъ*, шъ *можъ* однимъ процессомъ несостоятельность брака, по случаю подлога одной стороной въ опредѣленіи своихъ правосостояній.

Далѣе Бетмонъ продолжаетъ: «Признаніе браковъ подобнаго рода неприкосновенными прямо противорѣчило бы смыслу другихъ постановленій кодекса. Обратимся къ статьѣ 232, что мы заѣтъ *находимъ*?

«Бракъ замеченъ, обѣ стороны ведутъ себя безукоризненно. Послѣ болѣе или менѣе долгаго сожитія, среди взаимной привязанности, одна изъ нихъ лишается чести по суду — бракъ разрушается. По этому, если преступленіе совершено послѣ брака, разводъ нейдетъ нѣтъ; послѣ до брака мужъ овладеетъ своею рукою еще невѣжливую въ крови и обмываетъ невѣсту на очагъ своей невинности, бракъ неразрушимъ!... Это кажется нехорошо!

«И въ настоящемъ случаѣ, есть ли заблужденіе на счетъ лица, когда дѣвушка выходитъ за освобожденнаго каторжника? и что такое, освобожденный каторжникъ? Это человѣкъ, который не можетъ быть ни свидѣтелемъ, ни опекуномъ, не только постороннихъ, но безъ особаго разрѣшенія даже собственныхъ дѣтей, это лицо, которое потерпѣло въ полномъ смыслѣ *capitis diminutio*.

«Обращаясь съ другой стороны къ послѣдствіямъ брака съ такимъ лицомъ, что мы здѣсь находимъ? Эта женщина, которая находитъ средства существованія только въ Парижѣ, должна будетъ слѣдовать повсюду за своимъ мужемъ. Но вѣдь это условіе предполагаетъ, что жена будетъ имѣть всегда благодѣтельное вліяніе на мужа и въ состояніи будетъ удержать его отъ всякаго безразсуднаго переселенія. Спрашивается, можетъ ли она имѣть такое вліяніе на освобожденнаго каторжника? — Нѣтъ, онъ подѣ надзоромъ высшей полиціи, завтра явится предъ нимъ человѣкъ, скажетъ ему идти богъ вѣсть куда и она должна будетъ за нимъ слѣдовать. Развѣ она приняла бы такія условія, если бы знала прошедшую жизнь своего мужа? Нѣтъ ли во всемъ этомъ бездны обмановъ и противорѣчій, которыя слѣлаютъ для нея невыносимымъ существованіе? Отсюда ясно, что заблужденіе здѣсь касалось самой главной стороны лица, главныхъ его качествъ, знаніе которыхъ никогда не допустило бы настоящаго брака. Вглядываясь въ подробности дѣла, ясно также, что поступки Берт... не могутъ быть объяснены увлеченіемъ молодости, что настоящій Берт... и прошлый одинъ и тотъ же человѣкъ, вселяющій одинаковое отвращеніе; послѣ чего можно ли еще сомнѣваться, что если бы извѣстный Мерк... въ то время, какъ Золя** давала согласіе на замужество, рѣшился объявить правду, которая была ему слишкомъ извѣстна, всѣ разбѣжались бы въ ужасъ и бракъ бы несостоялся. И даже спрашивается, можетъ ли быть подтвержденъ союзъ этого рода?

«Могутъ сказать конечно: да, это большое несчастье; но жена можетъ требовать еще *separatim ratione contr.* Замѣчаніе это требуетъ еще нѣсколькихъ словъ: разъ бракъ будетъ признанъ состоявшимся, онъ можетъ быть измѣненъ, нарушенъ въ какой бы то ни было степенн, только въ силу новыхъ, будущихъ обстоятельствъ, про-

шедшее же не может логически имѣть на него вліянія. Я не могу принять на себя отказаться отъ этого послѣдняго средства, которое мнѣ бросаютъ наъ жалости, но юридически, послѣдовательно, имѣетъ ли на него право жена въ настоящемъ случаѣ послѣ того, какъ бракъ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ признанъ дѣйствительнымъ? Вотъ чего я не могу признать.»

Нельзя сказать, чтобы такая рѣчь истощила всѣ средства для защиты требованій Зои ***. Само законодательство по настоящему предмету, при его тѣсномъ формализмѣ, такъ мало окончено въ художественномъ отношеніи, такъ мало заключаетъ архитектурнаго совершенства, которымъ бредятъ истые юристы, по просту, такъ много содержитъ противорѣчій, что не выходя изъ предѣловъ юридическихъ комбинацій, ораторъ могъ легко опутать одинъ законъ другимъ и противопоставляя одну статью кодекса другой, сбить даже формальную тѣсно-юридическую состоятельность дѣйствующихъ постановленій. Въ одномъ мѣстѣ онъ былъ даже такъ близокъ къ одной изъ явныхъ нецѣлостей, рождающихся при прямомъ пониманіи дѣйствующаго закона, что становится даже странно, какъ она ускользнула отъ его вниманія. «Послѣдующее преступленіе разрушаетъ бракъ, говоритъ онъ, невѣдѣніе же со стороны Зои *** о предыдущихъ преступленіяхъ, не можетъ имѣть никакого вліянія»? Стоило поставить вопросъ немного иначе и спросить, можетъ ли невѣдѣніе не только Зои ***, но невѣдѣніе вообще о совершенныхъ преступленіяхъ служить причиной несостоятельности брака, если послѣдующее преступленіе имѣетъ на него вліяніе.

Берт.... могъ за нѣсколько лѣтъ до свадьбы совершить убійство, которое стало извѣстно суду и полиціи только послѣ брака. Невѣдѣніе въ этомъ послѣднемъ случаѣ никакъ не могло быть отнесено къ винѣ Зои ***, а скорѣе къ винѣ полиціи или обстоятельствъ. Бракъ былъ бы заключенъ и тогда только стало бы ясно, что Берт.... преступникъ; спрашивается, какія были бы права въ этомъ случаѣ, Зои ***? Могла ли бы она требовать несостоятельности брака, или также только искать *separation par corps*, какъ въ тѣхъ случаяхъ когда преступленіе совершено послѣ брака?

Умѣли ли бы французскіе юристы, сильные въ юридической техникѣ, воспользоваться здѣсь юридическимъ вымысломъ, и догадаться, что Берт.... не могъ вступать въ бракъ, что онъ фактивно кагоржникъ съ того момента когда убилъ, или на основаніи 28 ст. Уголовнаго кодекса признали бы и здѣсь *degradation civique* только со времени окончательнаго приговора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бракъ законно состоявшимся? Послѣднее, какъ оно ни нецѣло, вѣроятнѣе,

конечно; но оне также достаточно странно чтобы недорвать возможное довѣріе къ буквальному примѣненію закона.

Самое главное, что можно сказать въ пользу этой рѣши, это то, что на ея сторонѣ совѣсть, что защищающія требованія Зои *** она защищаетъ чисто человѣческія требованія и тѣмъ меньше чести токованіямъ закона, которыя не находятъ готоваго отвѣта на эти требованія. Далѣе мы не встрѣтимъ ничего, кромѣ защиты самаго убогаго формализма, который дѣйствительно въ послѣдующей части дѣла, забывая всю свою уродливость и неловкость, не скромно суется впередъ и предъявляетъ свои требованія съ цинизмомъ кролика, у котораго срѣзали верхній мозгъ.

Обращаясь къ другимъ рѣчамъ, мы видимъ съ первыхъ словъ подтвержденіе справедливости только что изложенныхъ требованій и опроверженіе этихъ требованій закономъ. Это-то противорѣчіе для насъ исполнено особеннаго комизма.

«Если бы рѣшеніе, которое предстоитъ произнести суду», сказалъ Трульбертъ, адвокатъ Берг...., зависѣло отъ участія, которое внушаетъ положеніе Зои *** моя задача была бы невозможна; но въ этомъ обстоятельствѣ я вижу побочный интересъ, который можетъ быть принятъ въ соображеніе единственно на столько, на сколько оны не нарушаютъ требованій закона. Дѣло не въ томъ, заслуживаетъ ли Зоя *** сожалѣнія. Никто болѣе меня не сочувствуетъ ей, не порицаетъ поведенія Берг....; мнѣ ея жаль въ особенности по случаю лишней непріятности, которую она на себя навлекаетъ, давая гласность настоящему дѣлу въ напрасномъ процессѣ».

Затѣмъ ораторъ старается подтвердить слѣдующія положенія въ отвѣтъ противнику. Во первыхъ, Берг.... вовсе не такой дурной человѣкъ. Онъ никогда не настаивалъ на бракѣ и не торопилъ его, напротивъ, выказалъ въ этомъ случаѣ нѣкоторую нерѣшительность. Относительно приданаго онъ не требовалъ общенія имущества и даже послѣ катастрофы предлагалъ возвратить его вполне. Онъ пользовался всѣми гражданскими правами, необходимыми для заключенія брака, о своемъ же прошедшемъ не былъ обязанъ передъ закономъ объявлять женѣ. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе вины на сторонѣ его противниковъ, которымъ стоило только обратиться къ официальной справкѣ, чтобы узнать правду, и которыя пренебрегли всѣми средствами предосторожности. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ юридической сторонѣ вопроса, гдѣ логика адвоката оказывается довольно простою. Статья опредѣляющая етотъ *personaе* разумѣть лицо физическое. Такое тѣсное значеніе она имѣла въ древнемъ правѣ, откуда взята послѣдующимъ законодательствомъ, которое поэтому и не могло придать ей другаго смысла.

Дальше, общій духъ законодательства стремится какъ можно болѣе ослѣпить неприкосновенность брака и сдѣлать случаи расторженія его, какъ можно болѣе рѣдкими. Отсюда, вѣроятно волею толкованіе статьи стремящееся къ расширенію ея буквальнаго смысла, прямо противорѣчитъ общему духу законодательства по настоящему вопросу.

Все это перемѣщено разными сиривками съ учеными авторитетами и критическими толкованіями отдѣльных мнѣній, которыя для насъ мало интересны. Въ результатѣ Золя ***, конечно, не права передъ закономъ, но и Берг.... также не правъ совершенно. Послѣ суроваго приговора нужно было сдѣлать уступку; безъ нея простое отрицаніе иска казалось адвокату слишкомъ негѣпой суровостью и эта-то уступка всего забавише. Берг.... не правъ передъ женою, какъ вы думаете въ чемъ? Попробуйте догадаться. Не въ томъ, что обманулъ ее не объявивъ ей, что онъ каторжникъ, а въ томъ, что давалъ ей свое имя да en la condamnant à la stérilité онъ нанесъ ей обиду способную дать ей право на *separation par corps*. Понимаете, въ чемъ секретъ? Чувствуя, что ничего не дать противнику безсовѣстно, дать все—противно буквѣ, нужно было рѣшиться на половинную сдѣлку—эта сдѣлка возможна только въ видѣ *separation par corps*. Последнее же допускается только въ опредѣленныхъ и вамъ извѣстныхъ случаяхъ; нужно было бы во чтобы то ни стало отыскать эти случаи въ дѣлѣ, и такъ оказалась здѣсь и тяжкая обида и осужденіе на бесплодіе, о которыхъ никто не гадалъ и не заикнулся до сихъ поръ, даже противная сторона. Смотрите сколько натяжки, сколько негѣпой хитрости и гаерскаго искусства для того, чтобы пройти между закономъ и совѣстью, которые сошлись между собою, какъ день съ ночью, и не уколотъ ни того, ни другаго. Какая дѣтская игра въ этомъ стараніи, для соблюденія одного параграфа, во чтобы-то ни стало растянуть другой, потому что безъ этой натяжки вышло бы какъ-то ужъ черезъ-чуръ не человѣчно и нельзя было бы въ заключеніе всей проповѣди сказать послѣднюю негѣпость; которая какъ нельзя лучше характеризуетъ духъ націи и общества, которому говорится. «Я содрогнулся при разсказѣ о страданіяхъ Золя ***, кончилъ адвокатъ, но когда я прочелъ законъ хладнокровно и серьёзно, все исчезло и передо мной остался одинъ принципъ; во имя котораго я и прошу судъ отвергнуть домогательство г-жи Берг....»

Подобное заключеніе однако по видимому никому не показалось удивительнымъ и генеральный адвокатъ разрѣшился рѣчью въ подобномъ же смыслѣ:

«Мы также, началъ онъ, вникая въ подробности этого дѣла были тронуты глубокимъ несчастіемъ апеллирующей, мы спрашивали себя,

есть ли въ законѣ суровости, осуждающій женщину на вѣчную связь съ каторжникомъ? Для того чтобы признать это, нужно чтобы слишкомъ сильныя раскаяніе, заставивъ судью заглянуть въ себя чувство жалости и участія и отступившись отъ частнаго факта, какъ бы онъ ни былъ дословно вниманіе, думать только о законѣ, который притвѣ и ограждаетъ совокупность общественныхъ отношеній.»

«Нужно ли спрашивать также, говоритъ онъ, дѣйствительно ли была ³⁰⁴ *** въ надѣвшіи дѣлъ фактовъ, которые подали поводъ настоящему дѣлу?... Какая женщина наконецъ, самая совращенная, согласилась бы выйти за освобожденнаго каторжника! Но нужно признать также, что въ настоящемъ случаѣ небрежность ея была велика. Отсюда начинается поворотъ въ рѣчи противъ *амелирующей*. Объяснивъ неосторожность, ораторъ переходитъ къ вопросу права. Разборъ конечно начинается со статьи объ *et hoc persona*. Прежде всего здѣсь окаривается, что мнѣнія ученыхъ толкователей, распространенная смѣсь ея не на одно физическое лице, разумѣли всю совокупность особенностей гражданскаго лица; и въ этомъ только случаѣ признавали *et hoc persona* за причину неосостоятельности брака. «Позже же дозаторы, въ ихъ презрѣніи къ Порталису, Камбасересу и Маллеадю, рѣшились сказать: если вы допускаете заблужденіе на счетъ гражданскаго лица, какъ законную причину неосостоятельности брака, вы должны признать тоже дѣйствіе и за каждымъ отдѣльнымъ качествомъ гражданскаго лица. Таковы были Маркаде, Демоломбъ. Но допустить подобное толкованіе значило бы явно подвергнуть существованіе брака всѣмъ случайностямъ произвола.»

«Переходя за тѣмъ къ примѣрнымъ рѣшеніямъ судовъ, адвокатъ кончаетъ отрицательнымъ приговоромъ, произнесеннымъ въ подобномъ случаѣ еще недавно собраніемъ парижскихъ адвокатовъ и наконецъ досказываетъ: «Сколько смятеній въ бракахъ! сколько мыслей, противныхъ ихъ продолжительности, сколько попытокъ, которыя одинъ могутъ навсегда погубить будущее спокойствіе супруговъ, и что станетъ съ дѣтьми во всѣхъ случаяхъ, когда причина неосостоятельности откроется послѣ ихъ рожденія? И такъ двѣ дороги открыты передъ вами: одна проста, справедлива и законна; она опирается на неоспоримыя положенія общественнаго права, на мудрость старыхъ временъ, на высокій авторитетъ доктрины, на 1500 лѣтъ юриспруденціи и наконецъ лежитъ въ текстѣ и духѣ закона; другая полна противорѣчій, случайностей и произвола, и ведетъ къ полному пренебреженію неприкосновенности брака. Мы надѣемся по этому, кончилъ онъ, что судъ долженъ подтвердить рѣшеніе первой инстанціи.»

Его надежды были справедливы.

Вотъ это рѣшеніе суда 4 февраля 1860 г.

«Судъ:

«Имѣя въ виду, что законъ ограничиваетъ случаи несостоятельности брачнаго договора заблужденіемъ на счетъ лица, съ которымъ бракъ заключается;

«Что выраженіе *erreur dans la personne* имѣетъ болѣе обширный смыслъ чѣмъ *erreur dans l'individu*, которое было отвергнуто составителями 180 ст. кодекса;

«Что послѣднее выраженіе, еслибъ оно было принято, разумѣло бы одно только физическое лицо;

«Что выраженіе *personne* разумѣетъ и гражданское лицо, но что въ обоихъ случаяхъ необходимо, чтобы заблужденіе касалось совокупности всѣхъ особенностей лица, а не одного изъ отдѣльных его качествъ;

«Что въ настоящемъ случаѣ личность Верт... не была предметомъ обмана, что онъ при совершеніи договора назвался своимъ настоящимъ именемъ и явился къ тому въ сопровожденіи своего семейства;

«Что если онъ не объяснилъ своего прошедшаго, то тѣмъ нарушилъ конечно требованія чести и обманулъ семейство, съ которымъ вступилъ въ свойство, на счетъ своего положенія и своихъ качествъ, но не на счетъ своей личности физической или гражданской;

«Что судъ первой инстанціи справедливо объяснилъ, что признаніе заблужденія, на счетъ отдѣльныхъ гражданскихъ свойствъ лица, за причину несостоятельности брака, открыло бы дорогу опаснымъ толкованіямъ закона и нарушило бы семейное спокойствіе; и что во избѣжаніе этого именно, законъ опредѣлилъ точнымъ образомъ причину несостоятельности брака и не подчинилъ этого договора общимъ правиламъ въ этомъ отношеніи для другихъ условій, —

«Подтверждаетъ рѣшеніе первой инстанціи т. е. отвергаетъ искъ Зон ...»

Таково рѣшеніе произнесенное въ странѣ, которая считается передовою въ дѣлѣ образованности и гражданственности, которая пользуется для многихъ образцовымъ законодательствомъ и образцовыми судами.

Юридическая мудрость удовлетворена; спрашивается, что же далѣе? Далѣе, женщина приговоренная дѣлать нѣмъ, столъ, домъ и ложе — *thorum et mensam* съ каторжникомъ, который лвно бредитъ, то долей ростовщика, то контрабандиста, далѣе дѣти и цѣлый безлюдный рядъ дней, исполненныхъ семейнаго счастья, взаимной любви и главнаго уваженія.

Если мы возьмемъ этотъ простой фактъ со стороны психическихъ послѣдствій, если мы допустимъ къ сужденію вѣролотность и

извѣстны тѣ явленія, которыя могутъ родиться со временемъ, невозможны-вынужденныя подобныя приговоромъ, явно шотрасабицишъ, оскорбительныя и мщительныя для женщины, противъ которой онъ произнесенъ, для дѣтей, которыя должны будутъ носить имя которой: не восхитываются: шодъ его: ошецей и: вліяніемъ, мы: койдемъ; могутъ ли вынуждаться и оправдываться иногда преступленія вліяніемъ тѣхъ самыхъ условій, которыя повидимому должны быть на-правлены къ предупрежденію ихъ: Спрашивается, что можетъ породить въ человѣкѣ оскорбленное чувство справедливости, на всегда осужденное: жить: подъ тяжестью осмунительнаго осердикта, - кромѣ оаюбленія и: потерн: икры въ нравственное достоинство закона и: судодъ: Какъ не разорваться или ослабѣть подъ таковыя ударомъ уваженію ко всѣмъ связямъ, которыя приновиваютъ человѣка къ обществу? А когда эти связи прерываютъ, человѣкъ естественно будетъ считать себя однимъ среди кучи враговъ и чужихъ, и искать въ себѣ одному нравственного закона и оправданія.

Къ чему можетъ онъ считать себя обязаннымъ передъ людьми и обществомъ, которое было такъ безчеловѣчно къ нему? Будетъ ли онъ гордиться сколько нибудь чужимъ счастьемъ и правомъ послѣ того, какъ его собственное было явно растоптано съ такими пренебреженіемъ? Богъ, кто уже принявъ разъ незаслуженный ударъ на собственную голову, равнодушно встрѣтитъ его на чужой и невольно подумаетъ: «отъ чьего не случится тому же съ другими?» Въ немъ совершилась уже психическая перемѣна, дружба къ людямъ въ немъ смѣнилась равнодушіемъ, если не враждой. Спрашивается, чего же можетъ ждать общество отъ судебной логики, которая творитъ ему ежедневно новыхъ враговъ, какое нравственное мнѣніе найдетъ оно въ собственныхъ установленіяхъ? Начавъ разъ съ угнетенія и уничтоженія довѣрія къ себѣ, оно преслѣдуетъ потомъ преступленія, которыхъ само было тайнымъ виновникомъ, само опутываетъ собственныя порядки и обращается противъ людей, благо которыхъ составляетъ своимъ девизомъ. Откуда это противорѣчіе, въ чемъ здѣсь корень заблужденія? отвѣтить на это мы считаемъ удобнымъ случаемъ по поводу настоящаго дѣла.

Нѣтъ сомнѣній, что извѣстная доля неудовлетворительности при-говоромъ по бракоразводнымъ дѣламъ во Франціи можетъ быть объяснена католицизмомъ; не винять въ сего требованія здѣсь не наше дѣло. А глупѣе, что въ настоящемъ случаѣ требованія каноническаго права нисколько не стѣсняли суда. Дѣло было обсуждено и решено на основаніи чисто гражданскихъ постановленій; на безполезно глупѣе же постановленій оно могло бы быть рѣшено иначе, при иномъ взглядѣ на относительное значеніе закона. Вся малая сторо-

на судебной техники заключалась въ крайнѣйшій формализмъ, въ слѣпцѣмъ проклоненіи передъ юридическими принципами, которыми такъ богата судейская теорія. Объ этомъ те формализмъ и несостоятельности отвлеченныхъ тенденцій юридическаго міра передъ требованіями правды и человѣческой критики, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Часть этогъ не есть явленіе случайное или мѣстное; онъ довольно общъ и законъ и слѣшкомъ мало сознается вообще истыми юристами, чтобы не стоить вниманія.

Дѣйствительно, разбирая судебную хронику западныхъ судовъ, какъкъ хотите, разбирая догматическую литературу права, вы только будете искать взгляда, который, въ законодательныхъ постановленіяхъ того или другаго рода, прежде всего имѣлъ бы въ виду людей, въ которомъ ясно было бы сознаніе, что все что ни установлено положительнымъ правомъ отдѣльной страны, прежде всего установлено для защиты и блага человѣка. У всѣхъ толкователей, ученыхъ и судей, напротивъ того, впереди всего стоитъ какое нибудь кабаллистическое слово, или принципъ, созданный ветхой слабостью къ неяснымъ отвлеченіямъ, къ постоянной діалектической игрѣ въ мірѣ темныхъ логическихъ мнѣевъ. Защиту этихъ то словъ и отвлеченій, никогда ясно несознаваемыхъ, они считаютъ единственной задачей и серьезнымъ дѣломъ закона и потому ежегодно увеличиваютъ книжную громаду старыхъ толковъ и разсужденій, никогда не договариваясь до настоящаго практическаго значенія законодательныхъ правилъ.

Если мы обратимся теперь къ самымъ этимъ выпысламъ, назначаемымъ для руководства практической жизнью людей, то мы увидимъ, что это — не болѣе какъ логическія отвлеченія, созданныя ученой техникой, и потому только въ ней одной могутъ имѣть нѣкоторую жизнь и мѣсто; а на самомъ дѣлѣ имѣющія столь же мало реального бытія, какъ и всѣ мнѣи. Мы не думаемъ сказать что нибудь новое, объявивъ этимъ, что на самомъ дѣлѣ никто еще не увидѣлъ этихъ созданий ученаго воображенія, да вѣроятно никогда не увидитъ, что въ дѣйствительности есть частные факты, болѣе или менѣе одвообразные и продолжительные, частые и рѣдкіе, простые и сложныя, а дѣйствительнаго бытія юридическихъ мнѣевъ намъ еще не объяснили, пока да и врядъ ли объяснить когда нибудь. Мы даже считаемъ возможнымъ выдержать настоящее сравненіе юридическихъ тенденцій съ настоящими языческими образами, отбрасывая всѣхъ сторонъ, свойствъ и особенностей, относительно ихъ подавляющаго вліянія на здравость ученой логики и самаго источника, въ зарождепіи. Эта робость и боязнь сознанія передъ собствен-

ными выдумками, какъ сладствіе влеченія; его по всему тону, хорошо исполняемому, во всякой баснѣ, болѣе или менѣе очущенной, есть понятная дань періоду дѣтства и юности; но въ зрѣломъ возрастѣ, когда всякую минуту, во всемъ и вездѣ трусливое воображеніе думаетъ имѣть дѣло съ духами, съ неваримыми силами и полагаетъ всю жизнь и всю дѣятельность въ борьбѣ съ ними. Слѣдя за умственной жизнью человѣка, мы съ трудомъ будемъ искать угла, гдѣ бы онъ не спряталъ для себя страшнаго и не перевязалъ бы нѣжко ручки и ногамъ свою волю. Раздѣляясь мало по малу съ домовыми и при, хватаясь за здравый смыслъ и логику, онъ здѣсь опять соиздавалъ фантастическіе образы, изъ другаго матеріала, впрочемъ, но столь же лишенные положительнаго бытія и правды, какъ и прежніе боги и дугага; ученая миеологія, въ которой логическія отвлеченія заимались преждичь между и кобальтовъ, опутывала жизнь и сознаніе, дуралча самыхъ умныхъ, ей опять строились свои алтари и ставя гододъ велись на закланіе и терѣли въ полной увѣренности, что иначе нельзя и что, все это дѣйствительно нужно. Сколько въ юности прошло на объясненіе этихъ логическихъ выдумокъ и еще недогаданныхъ въ чемъ тутъ дѣло.

Въ чаду этой миеологіи живетъ еще большая часть савнихъ ученыхъ людей, шеголяющихъ до сихъ поръ въ парнищѣ и сумрѣ, и потому неудивительно, что она предъявляетъ права свои съ полнымъ двизмомъ, который въ придачу рѣдко кого поражаетъ. До сихъ поръ сплошь и рядомъ встрѣтите умницъ, которые съ глубокимъ наэосомъ будутъ кричать передъ вами, пересчитывая цѣлый лексиконъ юридическихъ отвлеченій и которые не поймутъ васъ, если вы у нихъ хладнокровно спросите, что они хотятъ этимъ сказать, и ужъ ни за что не повѣрятъ, что ихъ слова лишены вовсе содержания. Какъ всякій баснословный образъ, какъ всякое отвлеченіе, созданное ученымъ бредомъ изъ любви къ ученой слѣпотѣ, всѣ эти юридическіе вымыслы должны держать человѣка въ страхѣ.

Послѣ этого становится понятно, въ какомъ смыслѣ можетъ быть объяснена послѣдовательность судебной логики, откуда идетъ и какое имѣетъ значеніе это служеніе принципу, выраженное въ рѣшеніи изложеннаго нами дѣла. Послѣ этого понятно также, отчего въ частномъ дѣлѣ человѣческой интересъ не вправѣ бороться съ умными миеами; и отчего Зола^{***} должна остаться женою каторжника, во что бы то ни стало.

Для тѣхъ же, которые не поймутъ этого, есть одинъ отвѣтъ, — именно, что этого понять собственно говоря невозможно, что какъ всякая темнота не терпитъ разсужденій и духовной зоркости, такъ и юридическая миеологія также доступна только върующимъ; а тотъ,

кто воображаетъ себя умнѣе вѣковъ, кто считаетъ, хотя въ наукѣ, ползаніе на четверенькахъ не нормальной походкой для человѣка, тотъ надменный софистъ и плохой юристъ прежде всего.

Такова идеальная сторона теоріи принциповъ. Не какъ всякая сказка имѣть свое дѣйствительное основаніе, то и юридическое базисное имѣть свою реальную почву. Эта реальная сторона лежала неизбѣжно въ общемъ источникѣ, изъ котораго выросло все роскошное дерево права, — человѣкъ родился съ журавлинымъ желудкомъ и еще болѣе жадными глазами съ одной стороны, и съ другой съ странной способностью совокушаться на производство себѣ подобныхъ во всякое время года, дня и ночи. Обогащивъ силы внѣшней природы, человѣкъ обогатилъ свои собственныя страсти, выдѣлъ ихъ въ логическія отвлеченія, увѣровалъ въ ихъ индивидуальность, — сталъ передъ ними на колѣни и перевязалъ себя собственными выдумками. Въ немъ было такъ много природной трусости и такъ мало ума, что это было вовсе не трудно. Наука довершила остальное. И вотъ теперь, прожэнся рѣшеніе въ данномъ случаѣ и слыша голосъ совѣсти и правды, онъ прежде всего спрашиваетъ, не оскорбитъ ли этотъ голосъ какую нибудь изъ его басень и думая оправдать себя, презноситъ злою сатирю надъ собственными тенденціями, самымъ повторяя: *Suum cuique jus vitiosa injuria.*

Ю. ЖУКОВСКИЙ.

ПОЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРОЦЕССЪ МЕНЬШЕВЪМОНТАНСКАГО СЕМЕЙСТВА.

Приверженцы новыкъ политическихъ и общественныхъ идей постоянно жалуются на то, что ихъ предшественники и предводители подвергались и подвергаются преслѣдованіямъ, какъ враги общественнаго спокойствія, люди вредные для общества. Но жаловаться тутъ ровно не на что. Преслѣдованіе — натуральная участь новизны не въ однихъ общественныхъ идеяхъ, а рѣшительно во всемъ: и въ отвлеченной наукѣ, и въ искусствѣ. Вспомнимъ: огромное большинство врачей очень долго называло нелѣпностью открытіе Гарве, что кровь не стоитъ, а течетъ въ нашихъ жилахъ; вспомнимъ: огромное большинство математиковъ и натуралистовъ очень долго называло нелѣпностью законъ тяготѣнія, открытій Ньютономъ. Смотри потому, къ какой сферѣ относится новизна, различна бываетъ и форма возбужденнаго его преслѣдованія. Если дѣло относится къ отвлеченной наукѣ, человекъ вводящій новую идею заслуживаетъ репутацію невѣжды и сумасброда; если дѣло относится къ невиннымъ, безвреднымъ и бесполезнымъ искусствамъ, человекъ за новизну идей провозглашается лишенымъ изящнаго вкуса, безталаннымъ фантазеромъ, — такимъ долго считали Грѣза, вздумавшаго ввести простоту и человѣческое чувство во французскую аффектированную и холодно-сладоострастную живопись. Если дѣло относится къ обществу, къ политикѣ, то, конечно, и отрицательное воздаяніе должно имѣть административный и юридическій характеръ. Этому такъ и

слѣдуетъ быть, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи общества. Быть можетъ, когда состояніе массы измѣнится, когда она будетъ руководиться собственными, а не чужими внушеніями въ своихъ мнѣніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, — очень можетъ быть, что тогда будетъ иначе; но это время еще очень далеко, а до той поры новыя общественныя идеи должны по всѣмъ возможнымъ основаніямъ и расчетамъ подвергаться преслѣдованію, какъ бы полезны въ сущности ни были.

По нашему разсказу о фактахъ, составлявшихъ такъ называемую исторію въ первые годы іюльской монархіи, можно уже достаточно судить о томъ, каковы были существенныя потребности французской націи, хорошо ли удовлетворялись онѣ и много ли заботились о ихъ удовлетвореніи существовавшія тогда власти. Мы видѣли, что народъ, пробужденный изъ своей обычной летаргіи іюльскими днями, ежедневно грозилъ возстаніемъ, что уже и было довольно много попытокъ возстанія въ Парижѣ и Лионѣ, единственныхъ двухъ пунктахъ, гдѣ масса народа такъ велика, что можетъ, хотя по временамъ, одушевляться сознаніемъ своихъ силъ. Мы видѣли, что половина всѣхъ правительственныхъ заботъ тратилась на подавленіе возстаній, а другая употреблялась на устройство личныхъ отношеній Луи-Филиппа; у правительства не оставалось времени позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыми вызывались смуты, подвергавшія опасности его существованіе; а между тѣмъ смуты возникали изъ тяжелыхъ обстоятельствъ массы. Для облегченія судьбы народа не было ничего дѣлано правительствомъ; она почти не занимала и либеральную часть палаты, увлеченную въ споры противъ правительства по вопросамъ; быть можетъ очень интереснымъ для образованныхъ и зажиточныхъ сословій, но не имѣвшимъ никакого прямаго отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ массы народа. При такой беззаботности правительства и самихъ депутатовъ о народѣ, надобно было заняться заботою о его судьбѣ людямъ, не имѣвшимъ никакого officialнаго характера, никакой власти, такъ называемымъ теоретикамъ. Первая теорія объ улучшеніи народнаго быта, обратившая на себя большое вниманіе во французскомъ обществѣ, стала известна подъ именемъ сенъ-симонизма, хотя самъ Сенъ-Симонъ положилъ только общія, очень неопредѣленные основанія ей, а школа людей, гордившаяся названіемъ его учениковъ, переработала и развила мысли учителя такъ, что придала имъ значеніе, какого онъ самъ не имѣли у самого Сенъ-Симона.

Первыя проявленія новыхъ общественныхъ стремленій всегда имѣютъ характеръ энтузіазма, мечтательности, такъ, что болѣе по-

ходятъ на поэзію, чѣмъ на серьезную науку. Таковъ былъ и характеръ сенъ-симонизма. Чтобы понять, какимъ образомъ могли дойти до фантастическихъ грезъ въ своихъ реформаторскихъ идеяхъ люди, оказавшіеся впоследствии очень практичными дѣльцами, мы должны нѣсколько ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе французскаго общества.

Теперь французъ только по преданію знаетъ о порядкѣ дѣлъ, господствовавшемъ до временъ большой революціи. Хорошо или дурно новый порядокъ вещей, но нація уже свыклась съ нимъ и безвозвратно отбѣлилась мыслью отъ дореволюціонной старины. Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ было не то: въ націи оставались еще живыя воспоминанія о феодальной старинѣ, о средневѣковомъ бытѣ, уничтоженномъ революціею. Революція не исполнила всѣхъ надеждъ, ею возбуждавшихся; не уничтожила бѣдности народа, давъ ему политическія права. У многихъ родилась мысль, что новый порядокъ, оставляющій каждаго на произволъ судьбы, хуже прежняго, при которомъ простолюдинъ, находясь въ гражданской зависимости отъ аристократа, пользовался его покровительствомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ старину, и бѣдствія настоящаго расплачались придавать серьезное значеніе старинному преданію о покровительствѣ отъ высшаго низшему. Конечно, это расположеніе идеализировать старинныя отношенія всего скорѣе могло обольстить собою челоуѣка происходившаго изъ аристократіи. Ученіе Сенъ-Симона, основанное на мысли, что опека высшихъ надъ низшими можетъ быть полезна для низшихъ, показываетъ намъ въ реформаторѣ герцога, потомка феодаловъ, наследника средневѣковыхъ воззрѣній.

Челоуѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкаго благородства, полный искренняго состраданія къ бѣдствіямъ массы, Сенъ-Симонъ видѣлъ передъ собою ту самую картину, какую и теперь видитъ каждый; но чужія несчастія и общественныя несообразности, не возмущающія душевнаго спокойствія людей съ обыкновеннымъ сердцемъ, мучили его.

Повсюду вокругъ себя онъ видѣлъ ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбытъ товара, борьбу работниковъ между собою за полученіе работы, борьбу фабриканта съ работникомъ за размѣръ платы, борьбу бѣдняка противъ машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежній кусокъ хлѣба; эта война называется конкуренціею и насъ увѣряютъ, что она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; очень можетъ быть; но страданія ею приносимыя не менѣе велики, потому что она губитъ всѣхъ слабѣйшихъ въ каждомъ званіи, въ каждомъ промыслѣ. У кого больше капитала, тотъ богаче, а всѣ другіе раззоряются: изъ самой свободы возникаетъ

еть монополія милліонеровъ, порабащающихъ себя все; земли обременены долгами; ремесленники, сами бывшіе хозяевами, замѣняются наемными рабочими; духъ спекуляціи влечетъ общество къ отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждаго противоположна выгодѣ другихъ людей и каждый родъ занятій враждебенъ другому. Рынки завалены товарами не находящими сбыта, фабрики запираются и рабочіе остаются безъ хлѣба. Всѣ открытія науки обращаются въ средства порабощенія и оно усиливается самымъ прогрессомъ: пролетаріи дѣлаются просто рукояткою машины и безпрестанно бываетъ принужденъ жить милостынею; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ остается безъ всякихъ средствъ къ жизни; его дочь продаетъ себя отъ голода, его сынъ съ семи лѣтъ дышитъ загрязненнымъ воздухомъ фабрикъ. Таково было матеріальное положеніе общества, представлявшееся Сень-Симону.

Тотъ же самый хаосъ видѣлъ онъ и въ нравственной жизни общества: оно не имѣло никакихъ твердыхъ убѣжденій, оно только привыкло слышать, что все вздоръ, кромѣ личной денежной выгоды. Самый бракъ сталъ просто коммерческою сдѣлкой, денежнымъ расчетомъ: жепихъ продаетъ себя, невѣсту продаютъ. При такомъ началѣ невозможно хорошее продолженіе супружеской жизни: мужъ всегда невѣренъ жепѣ, жена почти всегда измѣняетъ мужу, супружеское счастье — рѣдкость, которой никто даже не вѣритъ; едва умираетъ человѣкъ, надъ его трупомъ начинаются ссоры и процессы изъ-за наслѣдства: общественная жизнь наполнена жесточайшею враждою между родными; эта гнусность простирается до того, что безпрестанно возникаютъ тяжбы у дочери съ отцемъ за нищество матери, у сына съ матерью за нищество отца. Вотъ какова семейная жизнь зажиточныхъ сословій. Для простолюдина съ каждымъ днемъ уменьшается возможность имѣть семейство: молодой человѣкъ не имѣетъ средствъ содержать жену, дѣвушка находитъ любовника, но не находитъ мужа; супружество замѣняется наложничествомъ. А если бѣднякъ по безразсудству женится, онъ принужденъ не воспитывать дѣтей, а дѣлать ихъ орудіями, помогающими прокормленію семьи: маленькіе мальчики и дѣвочки уже работаютъ на фабрикахъ, погибая тѣломъ отъ чрезмѣрной работы, погибая душою отъ преждевременнаго разврата: имъ нужно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ, поиграть, а они заперты въ душной мастерской, въ которой перемѣшаны оба пола и происходятъ грязныя сцены. Каждый день въ пять часовъ утра тѣснится у дверей фабрикъ толпа этихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, слабыхъ, съ потусклымъ взоромъ, съ спиною уже сгорбленною, какъ у стариковъ. Шарль Дюженъ уже докладывалъ палатѣ Перовъ, что изъ тысячи молодыхъ

людей, призываемыхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ на очередь по конскрипціи, 898 человекъ оказываются неспособными къ военной службѣ по болѣзненности или изуродованности.

Мы уже видѣли, чѣмъ были поглощены силы правительства: не заботами объ общественномъ благѣ, а личными интригами, отчаянными усиліями поддержать свое существованіе, бесплодными для народа турнирами ораторскаго краснорѣчія; мы видѣли, что депутаты были представителями одного зажиточнаго сословія, находившаго выгоду себѣ при общественномъ устройствѣ, столь тяжеломъ для массы; они не имѣли и мысли преобразовать его; притомъ же въ числѣ депутатовъ было столько чиновниковъ, безусловно зависящихъ отъ правительства, что министры всегда и во всемъ имѣли за себя большинство, и не могло пройти черезъ палату ничто не поддерживаемое министрами.

Все это возмущало Сенъ-Симона. Онъ сталъ думать о необходимости совершенно перестроить общественный бытъ. Онъ былъ потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, герцога, богачъ; онъ пожертвовалъ всемъ для изслѣдованій о средствахъ улучшить положеніе страдавшихъ простолюдиновъ. Прежде всего, онъ считалъ нужнымъ изучить природу человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ самыхъ изысканныхъ до самыхъ грубыхъ, отъ самой высокой добродѣтели до низкихъ пороковъ. Самъ будучи человѣкомъ чистѣйшей нравственности, онъ вошелъ въ развратнѣйшіе круги, чтобы изучить, какими причинами и влеченіями обольщаются порочные люди; серьезный ученый, онъ сдѣлалъ свой домъ центромъ легкомысленныхъ забавъ аристократическаго общества, чтобы видѣть, почему становится человѣкъ пустымъ и легкомысленнымъ. Блестящія балы сдѣлались у него собраніями ученыхъ, потому что онъ хотѣлъ также наблюдать, какимъ образомъ проявляется въ человѣкѣ стремленіе къ знанію. Изучивъ самымъ близкимъ наблюденіемъ высшія потребности человѣка и уклоненія, возникающія отъ изысканной цивилизаціи, онъ захотѣлъ узнать, что такое бѣдность; тутъ наблюденіе казалось ему недостаточнымъ, нуженъ былъ собственный опытъ и притомъ серьезный, а не шуточный: онъ преднамѣренно, обдуманно, расчетливо раззорился и конецъ своей жизни провелъ къ величайшей бѣдности, добывая пропитаніе ремесломъ переписчика. Такая жизнь свидѣтельствуетъ объ экзальтаціи филантропической любознательности, о фанатической преданности дѣлу, похожей на монорманію. Эта черта отразилась и на теоріи, которую изложилъ онъ изъ своихъ изумительныхъ опытовъ.

Сенъ-Симонъ видѣлъ въ исторіи человѣчества прогрессивное движеніе и замѣчалъ, что по временамъ оно чрезвычайно уси-

ливается, а потомъ человекъ ищетъ отдыха въ состояніи временной почти совершенной неподвижности, чтобы, собравъ силы въ этомъ отдыхѣ, снова броситься въ стремительное движеніе. Но этому онъ раздѣлялъ исторію на два разряда періодовъ, сѣняющихся одинъ другимъ: періоды, въ которыхъ владычествуютъ какая нибудь система понятій и учрежденій, вышедшая изъ предыдущей эпохи движенія; эта система представляетъ и что связаное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всѣхъ своихъ частяхъ; отдыхающее человечество подчиняется этой системѣ; такіе эпохи Сенъ-Симонъ называлъ органическими. Собравъ силы, человечество принимается передѣлывать прежнюю систему своихъ понятій и учрежденій, является отрицаніе, разрушеніе, борьба защитниковъ старины съ нововводителями во всѣхъ отрасляхъ жизни; такіе эпохи передѣлки онъ называлъ критическими. Онъ видѣлъ органическую эпоху въ язычествѣ до Сократа, потомъ критическую эпоху разрушенія язычества, сѣяныя его христіанскими понятіями и учрежденіями; когда христіанство окончательно восторжествовало въ Европѣ, западное человечество снова успокоилось въ органической эпохѣ, продолжавшейся до Лютера; съ Лютера снова началась и до сихъ поръ продолжается критическая эпоха. Задача Сенъ-Симона состояла въ томъ, чтобы найти систему понятій и учрежденій, на которыхъ снова могло бы успокоиться общество.

Онъ замѣчалъ, что общество дѣлится на трудящихся и праздныхъ; ему казалось, что созвразна съ стремленіями общества будетъ только такая система, въ которой будутъ господствовать трудящіеся. Для этого необходимо имъ организоваться. Первымъ основаніемъ организациіи трудящихся Сенъ-Симонъ находилъ ихъ распредѣленіе на три разряда по тремъ главнымъ способностямъ, которымъ соотвѣтствуетъ ихъ трудъ. Человѣкъ чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ; Сенъ-Симонъ раздѣлялъ трудящихся на артистовъ, трудъ которыхъ дѣйствуетъ на чувство, на ученыхъ, развивающихъ человеческую мысль, и на промышленныхъ людей (*les industriels*), исполняющихъ потребности, удовлетворяемые матеріальною дѣятельностью. Тенерь надобно было найти законъ, по которому опредѣлялись бы взаимныя отношенія этихъ классовъ.

Въ мысляхъ, внушившихъ Сенъ-Симону рѣшеніе этого вопроса, видны сильныя слѣды католическихъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ: его теорія приходила къ полному отрицанію католичества; такъ же какъ и всѣхъ формъ протестантства, но выросла она на почвѣ католичества. Ему казалось, что до Лютера католичество въ самомъ дѣлѣ служило очень сильной нравственной связью между всѣми народами и сословіями западной Европы, какъ увѣряютъ ка-

толическіе писатели; ему казалось, что католичество до Лютера въ самомъ дѣлѣ было элементомъ прогресса въ исторической жизни, имѣло на нее благотворное вліяніе. Онъ думалъ, будто бы паденіе этой предполагаемой нравственной снѣжи, никогда не бывшей дѣйствительно сильною въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ей Сень-Симонъ, — будто бы это паденіе оставило въ сердцахъ чловѣка и въ общественныхъ учрежденіяхъ пустоту, которую надобно заполнить новымъ подобнымъ учрежденіемъ. Разумѣется, это мнѣніе было фантазмагоріею: чловѣчество ровно ничего не потеряло отъ замѣны папской власти въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ властью духовенства, не признававшего папу, хотя (надобно признаться) мало и выиграло отъ той формы, какую приняла реформація въ Германіи и Англіи, потому что лютеранство и англиканство сохранили въ себѣ прежній католическій духъ. Власть надъ умами необразованныхъ сословій и немыслящаго большинства образованныхъ сословій, принадлежавшая католичеству до Лютера, осталась и послѣ Лютера у католичества въ южной Европѣ, подобнаго католичеству протестантства въ сѣверной Европѣ; а малочисленные мыслящіе люди, непризнающіе этихъ опеку, не признавали и католической опеки въ Среднихъ вѣкахъ. Можетъ быть, число такихъ людей постепенно увеличивается; но это возрастаніе самостоятельной части общества просто слѣдствіе постепеннаго развитія и распространенія наукъ, и эти люди уже не могутъ быть возвращены подъ умственную опеку, какъ не возвращались подъ нее и въ Средніе вѣка.

Сень-Симону казалось иначе. Онъ думалъ, будто бы католичеству принадлежала власть надъ развитыми умами и будто бы можно возстановить надъ ними владычество авторитета; онъ думалъ, что этимъ возстановленіемъ внесется въ общество гармонія понятій, что изъ гармоніи понятій возникнетъ гармонія стремленій и дѣйствій, которая приведетъ людей къ благоденствію. Какимъ же способомъ создать эту власть надъ умами?

Сначала Сень-Симону казалось, что она должна возникнуть изъ сословія ученыхъ и онъ придумалъ очень фантастическій способъ помочь ея возстановленію. Въ «Письмахъ жителя Женевы къ его современникамъ» онъ предлагалъ открыть подписку на гробъ Ньютона; участвовать въ этой подпискѣ призывались бы всѣ: богатые и бѣдные, мужчины и женщины; каждый далъ бы сколько можетъ и хочетъ, и, давая свое пожертвованіе, назначалъ бы нѣсколькихъ людей изъ числа ученыхъ и художниковъ, авторитету которыхъ онъ наиболѣе вѣритъ; по проекту Сень-Симона, онъ долженъ былъ назначить трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физиологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ

музыкантовъ. Собранныя подпискою деньги распредѣлились бы между учеными и артистами, получившими известное число голосовъ, а тѣ двадцать одинъ человекъ изъ ученыхъ и артистовъ, которые получили наибольшее число голосовъ, составили бы «Ньютоновъ Совѣтъ», который взялъ бы въ свои руки умственное и нравственное управление народами, направлялъ бы ихъ къ одной общей цѣли и водворялъ бы повсюду гармонию понятій.

Само собою разумѣется, что эта наивная фантазія никого не очаровала. Видя неуспѣхъ, Сень-Симонъ сталъ доискиваться его причинъ и ему показалось, что онѣ заключаются не въ самой сущности его мысли, совершенно не пригодной къ исполненію, а только въ подробностяхъ придуманнаго имъ способа. Ему показалось, что напрасно онъ обратился къ ученымъ, потому что ученые — сословіе безжизненное, сухое, не имѣющее инициативы, неспособное развивать новыя мысли, а только принимающее идеи, выработанныя другими сословіями. Живой элементъ въ обществѣ составляетъ промышленность; она быстро развивается и ведетъ общество куда хочетъ. Сень-Симонъ подумалъ, что исполнителями его мыслей будутъ промышленные люди. Онъ придумалъ проектъ общественнаго устройства, по которому правитель былъ бы не главою бюрократическаго принципа, не представителемъ государства въ дипломатическихъ и военныхъ дѣлахъ, а главою промышленныхъ людей; министрами его были бы посвященные промышленники; заботою ихъ было бы обращать государственные доходы на развитіе промышленности; система налоговъ была бы устроена такъ, чтобы давать трудящимся людямъ совершенный перевѣсъ надъ праздными въ государственной жизни. Но черезъ нѣсколько времени, Сень-Симонъ увидѣлъ несостоятельность и этого плана: промышленные люди, подобно ученымъ, оказались неспособными осуществить мысли реформатора и ему оставалось только обратиться къ артистамъ.

Съ каждою передѣлкою Сень-Симонъ пополнялъ свою теорію и въ этой послѣдней передѣлкѣ она получила наконецъ тотъ видъ, въ которомъ послужила основаніемъ такъ называемаго сень-симонизма, развиваго, какъ мы замѣтили, не самимъ родоначальникомъ школы, а ужъ его учениками.

Коренною идеею Сень-Симона въ послѣднемъ видѣ его теоріи служить любовь. При нынѣшнемъ положеніи общества обязанность любить ближняго какъ брата должна состоять въ заботѣ онаискорѣйшемъ возможномъ улучшеніи матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Въ этомъ и состояла цѣль папской власти, пока папы оставались вѣрны своему назначенію: тогда они и господствовали надъ ми-

ромъ. Но въ самомъ основномъ принципѣ папства былъ уже важный недостатокъ, портившій все дѣло. Католичество учило, что власть папы ограничивается только религіозною, умственною, нравственною жизнью человѣка, а мірскія, матеріальныя дѣла подлежатъ вѣдомству свѣтской власти. Изъ этого возникъ дуализмъ папы и императора, характеризующій Средніе вѣка. Лишенная заботы о матеріальныхъ интересахъ людей, католичество тратило свои силы въ безплодныхъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ, неприносившихъ никакой матеріальной пользы людямъ. Въ своемъ безсиліи надъ матеріальною жизнью, папство дошло до того, что обратило въ принципъ, въ нравственную обязанность свое пренебреженіе къ этой сторонѣ жизни, отнятой изъ подъ его вѣдомства свѣтскою властью, стало говорить, что человѣкъ долженъ презирать свое тѣло. Единственнымъ утѣшеніемъ для многочисленнѣйшаго класса, страдающаго отъ матеріальныхъ нуждъ, папство выставило фразу: «терпѣніе есть добродѣтель, физическое страданіе ведетъ къ духовному наслажденію;» оно обольщало людей фантазмагорією, потому что не въ силахъ было оказать имъ дѣйствительной помощи. Этого утѣшенія, по мнѣнію Сень-Симона, могло быть достаточно для тѣхъ временъ, когда свѣтская власть обнаруживалась только войною и завоеваніями. Но пришло другое время, когда она стала развиваться путемъ промышленности: тогда католичество было потрясено до самыхъ основаній, потому что для промышленности нужна была новая наука, а католичество не давало ея, и господство надъ умами перешло въ руки мірянъ. Кеплеръ, Гуттенбергъ, Медичи, родоначальники и покровители новой науки, новыхъ искусствъ, были міряне; математика, физика, физиологія, астрономія развивались трудами мірянъ и свѣтское общество получило господство надъ человѣческими понятіями; тогда католичество должно было пасть, явился Лютеръ и прежняя власть папы надъ умами исчезла. Папа утратилъ свое значеніе, когда свѣтское общество повело людей по пути улучшенія участи многочисленнѣйшаго класса. Но и Лютеръ въ свою очередь не возстановилъ истиннаго значенія духовной власти, потому что подчинилъ ее свѣтской власти. Притомъ же онъ изгналъ изъ протестантства артистическій элементъ, соотвѣтствующій одной изъ трехъ главныхъ способностей человѣка — чувству. Протестантство разрушило папскую власть, но само оказалось неудовлетворительнымъ, и общество нуждается теперь въ духовной власти, которая обнимала бывшій потребности человѣка и вела бы людей къ цѣли христіанства, къ улучшенію судьбы многочисленнѣйшаго класса, дѣйствуя на чувство черезъ артистовъ, на умъ черезъ ученыхъ, на матеріальныя дѣла черезъ промышленныхъ людей; эта власть должна создать си-

стему, по которой устремляла бы она всѣхъ людей къ одной общей цѣли посредствомъ силы своего тонкаго чувства, глубокой науки и неутомимой дѣятельности. Сень-Симонъ думалъ, что найдетъ теорію этой власти и призванъ создать ее.

Намъ нѣтъ нужды объяснять передъ читателями, что вся его теорія возникаетъ изъ ошибочныхъ представлений о рели, будто бы принадлежавшей католичеству, и о возможности держать умъ развитыхъ людей подъ опекою авторитета. Сень-Симонъ называлъ свою теорію новымъ религіознымъ ученіемъ и дѣйствительно отвергалъ католическіе догматы; но догматическая разница не мѣшала его системѣ принадлежать къ тому же самому разряду нравственныхъ явленій, къ какому относилось католичество. Проникнутый его духомъ, Сень-Симонъ не замѣчалъ, что притязанія католичества на власть надъ умами всегда были неудачны, даже въ Средніе вѣка: люди назывались католиками, исполняли католическіе обряды, потому что ихъ заставляли дѣлать это, или по машинальной привычкѣ; но въ сущности каждый руководился или житейскими или учеными понятіями совершенно иного рода: люди и въ Средніе вѣка хлопотали о богатствѣ, о почестяхъ или бились изъ-за куска хлѣба; они ненавидѣли другъ друга въ случаѣ столкновенія выгодъ, они безпрестанно сражались между собою, хотя и носили одинаковое имя католиковъ; каждый изъ нихъ всегда радъ былъ послушаться папскаго приказанія, противорѣчащаго его выгодамъ, если только имѣлъ хотя какую нибудь возможность послушаться. Сами прелаты помогали папѣ только потому, что находили въ томъ свою выгоду; всѣ умные люди между ними смѣялись въ душѣ, а часто и открыто смѣялись надъ католичествомъ, сановниками котораго были только по житейскому расчету. Сень-Симонъ хотѣлъ возстановить то, чего никогда не было, съ наибольшимъ энтузіазмомъ повѣривъ пустому самохвалству папизма. А если бы и существовала когда нибудь въ Средніе вѣка та власть надъ умами, въ существованіе которой онъ вѣрилъ, то въ наши времена существовать ей невозможно; впрочемъ напрасно мы сказали «въ наши времена»: существовать ей невозможно ни въ какія, ни даже въ самыя псевдисторическія времена. Авторитетъ существуетъ въ рутинѣ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ не участвуетъ разумъ; разумъ знаетъ факты, убѣждается доказательствами, но ничего не принимаетъ по авторитету. Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ часто можетъ не бывать смысла, но если они совершаются съ участіемъ смысла, они бываютъ результатомъ собственнаго самостоятельнаго соображенія обстоятельствъ и доказательствъ, а не внушеніемъ авторитетовъ. Думать иначе, вѣрить въ возможность авторитета, которому свободно подчинялся бы развитый разумъ, могъ только энтузіастъ, эк-

зальтированный фальшивыми разказами о прежней благотворительности панизма. Кому угодно, тотъ можетъ хотѣть надъ такою невинностью; но серьезный человекъ, не станетъ обращать большаго вниманія на ошибочныя гипотезы, посредствомъ которыхъ Сень-Симонъ развивалъ свою основную идею, не станетъ много заищаться разоблаченіемъ фантастичности тѣхъ средствъ, какими онъ думалъ осуществить ее: всѣ эти слабыя стороны очевидны каждому, на доведенному экзальтаціею до мономаніи. Нѣтъ, серьезный человекъ скорѣе посовѣтуетъ обратить вниманіе на основную идею, которая лежитъ подъ всѣми этими заблужденіями, выкупаетъ всѣ ошибки и странности теоріи Сень-Симона. Эта идея проста и чиста: «для успокоенія общества необходимо наискорѣйшее возможное улучшение матеріальной и нравственной жизни многочислѣннѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Обязанность каждаго хорошаго гражданина, каждаго честнаго человека состоятъ въ томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы этому дѣлу».

Сень-Симонъ умеръ за пять лѣтъ до юльскихъ событій, не доживъ до такого времени, когда сильное возбужденіе общественныхъ мыслей могло бы расположить общество къ оцѣнкѣ попытокъ коренной общественной реформы и когда простолюдины, начавъ предъявлять свои требованія, заставили бы образованное общество обратить вниманіе на способы улучшить ихъ судьбу. Самоотверженный труженикъ умеръ почти не замѣченный обществомъ, имѣя только немногихъ учениковъ; но онъ умеръ исполненный вѣры въ успѣхъ своего ученія. «Жатва созрѣла, вы соберете ее», было его послѣднее слово окружавшимъ его постомъ пламеннымъ послѣдователямъ. Энтузіасты прогресса ошибаются въ одномъ: въ томъ, что цѣль ихъ будетъ достигнута ихъ путемъ; но они правы, не сомнѣваясь въ томъ, что она будетъ достигнута. Такъ не исполнилась и надежда Сень-Симона на то, что обновленіе общества будетъ произведено его ученіемъ; но мы видимъ, что съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе влечется общество къ исполненію задачи, служенію которой онъ посвятилъ себя.

Но если уцѣлѣла только основная идея и исчезла форма его стремленій, то и самая форма исчезла не безъ слѣда, не безъ замѣтнаго вліянія на развитіе европейскаго общества. У него самаго ученіе оставалось еще отвлеченною теоріею, не принимало практическаго характера; это внесли въ его теорію ученики, принявшіеся за осуществленіе своего восторженнаго стремленія съ такимъ блескомъ, что изумленное общество стало вслушиваться въ ихъ рѣчи, присматриваться къ ихъ дѣламъ и, удивляясь имъ или смѣясь надъ ними, превозносилъ или порицалъ ихъ, все равно не могло не запомнить

коренного смысла ихъ словъ и дѣлъ, освоилось черезъ нихъ съ самолюбіемъ, улучшеніемъ общественныхъ учрежденій сообразно съ потребностями простолюдиновъ, начало понимать, что эта задача имѣеть въ себѣ настоятельность, неотступность, и стало нѣсколько яснѣе прежняго понимать, изъ-за чего же волнуются діонскіе ткачи и жители Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Далеко время, когда исполнится то, что нужно для благосостоянія простолюдиновъ; понять еще не значить сдѣлать: можно почитать и не хотѣть сдѣлать; а что не можетъ захотѣть, тотъ не способенъ и порядочно понять. Таково нынѣшнее положеніе дѣла, первая громкая рѣчь о которой принадлежала ученикамъ Сентъ-Симона: іудеямъ кажется оно соблазномъ, а эллинамъ безумствомъ. Очень не многіе люди изъ образованныхъ сословіи сочувствуютъ ему на столько, чтобы въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только хотѣть его исполненія: всѣ остальные порицаютъ его, не понимая, потому что не жаждутъ понять. Много еще времени нужно ему идти до успѣха. Но все-таки уже довольно много приблизилось онъ къ успѣху и тѣмъ самымъ, что сдѣлалось предметомъ, всѣхъ занимающимъ, каждому извѣстнымъ, стало на очереди уже въ числѣ важнѣйшихъ заботъ общества.

Въ числѣ людей близкихъ къ Сентъ-Симону находились такіе, имена которыхъ знамениты въ наукѣ. Секретаремъ Сентъ-Симона былъ Огюстенъ Тьерри, ученикомъ Огюсть Контъ, основатель положительной философіи, единственной философской системы у французовъ вѣрной научному духу, одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей нашего времени. Но не они остались намѣстниками учителя въ осиротѣвшемъ кругу друзей. Главою школы признанъ былъ Олиндъ Родригесъ, который скоро добровольно отрешился отъ этого титула, сказавъ, что Анфантенъ и Базаръ достойнѣе его занимать вмѣстѣ первое мѣсто, — тотъ, кто знаетъ силу тщеславія надъ человекомъ, обыкновенное упорство самолюбія, изъ этого одного случая можетъ видѣть, какой высоты достигалъ энтузіазмъ у главныхъ послѣдователей Сентъ-Симона: самому сказать «есть люди умнѣ меня, вотъ они, я уступаю имъ мѣсто», — это такой фактъ, на который гораздо рѣже у людей достаетъ нравственной силы, чѣмъ на пожертваніе жизнью. Теорія Сентъ-Симона принимала средствомъ къ своему осуществленію авторитетъ, подчиненіе руководству старшинъ. Школа, оставшись вѣрна этому началу, предоставила разработку своего ученія признаннымъ его главамъ Анфантену и Базару, которые во всемъ совѣтовались съ Олиндомъ Родригесомъ, считавшимся за человѣка наиболѣе посвященнаго во всѣ мысли покойнаго учителя; изъ изслѣдованія и размысленія придали ученію школы такое развитіе:

Принимая раздѣленіе людей на артистовъ, ученыхъ и промышлен-
 ленныхъ людей, по преобладанію въ нихъ чувствъ, разсудка или
 дѣятельной силы, сень-симониты завялились точнѣйшимъ изъяснен-
 ніемъ того, что говоритъ исторія о ходѣ развитія этихъ трехъ сто-
 ронъ нравственной жизни.

Они находили, что въ развитіи чувства человечество идетъ отъ
 ненависти къ любви, отъ противоборства къ товариществу. Исто-
 рія показываетъ, что побѣжденные сначала были истреблены во-
 бѣдителями; потомъ побѣдитель сталъ довольствоваться обраще-
 ніемъ побѣжденнаго въ рабство; рабство замѣнилось крѣпостнымъ
 состояніемъ (servage); крѣпостные люди были нанесладокъ сдѣла-
 ны свободными, — вотъ одна черта постепеннаго ослабленія свирѣ-
 кой ненависти, перехода отъ вражды и угнетенія къ хорошимъ
 чувствамъ. Другая черта этого развитія, постепенное исчезновеніе
 силъ источниковъ вражды, постепенная замѣна ея товарище-
 ствомъ, союзомъ, видна въ образованіи государствъ. Сначала жи-
 вутъ дикари, разрозненными семействами, родами, которые въ
 воюютъ между собою. Эти семейства и роды мирятся, основываютъ
 города, изъ которыхъ каждый составляетъ союзомъ многихъ се-
 мействъ и родовъ; города, сначала враждебные между собою, сли-
 ваются въ государство, союзъ, который обнимаетъ всѣхъ ихъ; на-
 послѣдокъ государства сливаются въ федерацію. Исторія свидѣ-
 тельствуетъ, говорили сень-симониты, что человѣческій родъ идетъ
 къ всеобщему товариществу, основанному на любви.

Въ этомъ отдѣлѣ теоріи мы уже видимъ переходъ отъ фантасти-
 ческой идеализаціи къ понятіямъ болѣе сообразнымъ съ наукою. Но
 галлюцинація сохранила свою силу въ понятіи сень-симонитовъ о
 развитіи науки и о томъ, какой элементъ жизни былъ ея представите-
 лемъ въ давней исторіи. Они говорили, что развитіе цивилизаціи по-
 степенно уменьшаетъ преобладаніе физическаго насилія, замѣняя его
 владычествомъ ума; но, подобно своему учителю, они воображали ка-
 толичество представителемъ и руководителемъ умственнаго явленія
 въ Средніе вѣка. «Какимъ величественнымъ зрѣлищемъ было католи-
 чество, организованное независимо отъ свѣтской власти, говорили
 сень-симониты: духовная власть внушала повиновеніе себѣ умствез-
 нымъ убѣжденіемъ и собственными заслугами, между тѣмъ, какъ свѣт-
 ская налагала свое владычество завоеваніемъ и насильственностью.
 Папа свободно избирался изъ простыхъ монаховъ и до самаго
 Льва X, который окружилъ себя дворомъ, какъ свѣтскій госу-
 дарь, духовная власть затмѣвала свѣтскую и господствовала надъ
 ней. Поучителенъ этотъ примѣръ: монахъ, выходя изъ своей
 кельи на папскій престолъ, заставляетъ самыхъ гордыхъ на-

сдѣлать вѣдѣтелей цаловать свою туфлю. Исторія папства въ Средніе вѣка показываетъ, что человѣчество идетъ въ такой организаціи, въ которой каждому будутъ давать по его способностямъ, а способность будутъ дѣлать по дѣламъ ея. Риска утомить читателя повтореніемъ, мы снова скажемъ, что папство никогда не играло такой роли. Папа, какъ папа, никогда не господствовалъ надъ свѣтскими государями. Обыкновеннымъ примѣромъ преобладанія духовной власти приводятъ борьбу Гогенштауфеновъ съ римскими первосвященниками, особенно борьбу Генриха IV съ Григоріемъ VII. Но тутъ дѣйствовали побужденія совершенно иного рода, чѣмъ послушность повелѣніямъ духовной власти: Гогенштауфены имѣли противъ себя въ Германіи нѣсколько могущественныхъ герцогскихъ династій, которыя воювали противъ нихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ; итальянцы вели противъ нѣмецкихъ завоевателей національную борьбу; у папы были союзники, находившіе житейскую выгоду поддерживать его; когда папа съ своими союзниками дѣлался врагомъ императора, другіе враги конечно ободрались, какъ ободрится всякая держава, видя, что государство, воюющее съ ней, подвергается нападенію новыхъ враговъ. О благочестіи, о повинненіи духовной власти тутъ такъ же напрасно говорить, какъ напрасно считать добродѣтельными лютеранскаго исповѣданія тѣхъ французскихъ государей, которые воювали съ Австріею и поддерживали нѣмецкихъ протестантовъ въ то самое время, когда жгли на кострахъ французскихъ протестантовъ. Религіозныя фразы въ борьбѣ противъ Гогенштауфеновъ служили только благовиднымъ прикрытіемъ для династическихъ расчетовъ нѣмецкихъ герцоговъ, для національныхъ и муниципальныхъ стремленій итальянскимъ городамъ. Когда папа не прятался подъ защиту этихъ житейскихъ интересовъ, его буллы и проклятія оказывались совершенно безсильны; такъ было въ спорахъ папъ съ французскими королями, не грозившими порабощеніемъ итальянцамъ и умѣвшимъ поладить съ своими вассалами: папа проклинаетъ короля, французы не обращаютъ на это никакого вниманія; король посылаетъ въ Римъ небольшой отрядъ войска, солдаты врасплохъ арестуютъ папу и предводитель ихъ даетъ папѣ пощачину въ наказаніе за буйство. Но неудачный выборъ примѣра не мѣшаетъ справедливости мысли, которую напрасно подтверждали сентиментальныя исторіи папства, а не анализомъ общаго вліянія, оказываемаго развитіемъ просвѣщенія на общественныя нравы: исторія дѣйствительно говоритъ, что развитіе ума ведетъ къ лучшей оцѣнкѣ личныхъ заслугъ, къ замѣненію насилія убѣжденіемъ.

Въ промышленности законъ прогресса такъ же очевиденъ; продолжали сень-симонисты. Промышленные привычки постоянно усиливаются, а вопиющія привычки ослабляются. Самыя войны, которыя прежде велись для грабежа областей, стали потомъ вестись для распространенія торговли съ этими областями. Римскія завоеванія имѣли не тотъ характеръ, какой имѣють англійскіе. Итакъ человечество идетъ къ организаціи промышленности.

Изъ этихъ историческихъ изслѣдованій выводились три сармады, въ которыхъ, какъ и въ самыхъ изслѣдованіяхъ, основная мысль не всегда находитъ удачную форму для своего выраженія; вотъ эти выводы:

Человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви. Оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ. Оно идетъ къ организаціи промышленности.

Человѣчество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, принимающей въ промышленныхъ дѣлахъ форму конкуренціи, товариществомъ, союзомъ. Но совершенно напрасно ожидать, что основаніемъ этого союза можетъ служить любовь: любовь бываетъ только результатомъ, возникающимъ изъ согласія интересовъ, а основаніемъ хорошихъ отношеній служитъ расчетъ, выгода. Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ; да и то можетъ побуждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все таки остается подъ властью расчета или рутинны, обычая, т. е. того же расчета, только одѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ давно и усвоеннаго намъ по воспитанію. Изъ за любви иные люди могутъ утопиться, застрѣлиться, — рѣшимость очень сильная, но обнимающая собою очень не долгое время. Но чтобы любовь измѣняла характеръ человѣка и его дѣйствій на цѣлую жизнь, этого никогда не бывало: тѣ случаи, въ которыхъ молодой человѣкъ, полюбивъ достойную женщину, отставалъ отъ дурнаго общества или отъ прежнихъ пороковъ, показываютъ только, что встрѣча въ молодыхъ лѣтахъ съ благороднымъ человѣкомъ оказываетъ хорошее вліяніе на человѣка, который имѣетъ доброе сердце и предавался порокамъ не по внутреннему влеченію къ нимъ, а только отъ неумѣнья управлять собою и по недостатку хорошихъ людей между своими прежними знакомыми. Точно такое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ и простое сближеніе молодого человѣка съ хорошимъ пріителемъ или руководителемъ, не имѣющее никакого оттѣнка сантиментальности или экзальтаціи. Но сень-симонисты, бу-

лучи энтузиастами подобно своему учителю, ошибочно думали, что энтузиазмъ можетъ имѣть надъ всеми людьми постоянно такую же власть, какую имѣлъ тогда надъ ними: они не предчувствовали, что даже и въ ихъ, соединившихся въ ученики Сень-Симона (по особенной наклонности къ энтузиазму, эта горячка экзальтации скоро пройдетъ и они обратятся въ обыкновенныхъ людей, дѣйствующихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ, станутъ изъ сенъ-симонистовъ купцами и банкирами, какъ Перейра, водовиллистами, какъ Дюверье, фабрикантами и администраторами промышленныхъ предприятий, какъ Казонъ самъ Авантесть, профессорами и учеными, какъ Мишель Шевалье, Жанъ Рено, Пьерръ Леру.

Въ своемъ энтузиазмѣ они не замѣтали, что вторая формула выражена у нихъ самымъ одностороннимъ образомъ, такъ что вмѣсто водворенія всеобщаго благосостоянія она своимъ осуществленіемъ только упрочивала бы нынѣшнія страданія огромнаго большинства людей. Право человѣка пользоваться житейскими удобствами они основывали только на его способностяхъ, забывая, что человѣкъ имѣетъ уже житейскія права просто какъ человѣкъ, независимо отъ того, уменъ онъ или глупъ;—на обширности результатовъ его дѣятельности, забывая о томъ, что у человѣка съ крѣпкими и съ слабыми мускулами желудокъ одинаково требуетъ пищи. «Каждому по его способности»: если — такъ, Ньютонъ долженъ получить сотни милліоновъ, —на что ему они? ему довольно простаго благосостоянія; для него и для другихъ людей было бы не выгодно, если бы его обратить въ Ротшильда, да онъ и не сумѣлъ бы справиться съ ротшильдовскими дѣлами; но учитель ариметики въ приходской школѣ, человѣкъ бѣдныхъ дарованій, едва самъ выучившійся тройному правилу, долженъ быть нищимъ, потому что онъ человѣкъ очень ограниченнаго ума. А что же будетъ съ большинствомъ людей всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему кромѣ механическаго исполненія рутинны, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ умственныхъ правъ? Но мало того, что каждому дается по его способности, —сама способность измѣряется дѣлами: что же тогда будетъ съ людьми пораженными парализмомъ, или другими хроническими болѣзнями, или увѣчными?—они не имѣютъ никакого права на самое сохраненіе жизни.

Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно расширяетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздать ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ расчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго бла-

господства; но прежде всего каждый человек имеет право на удовлетворение своих человеческих потребностей; общество только потому и существует, что предполагается надобность его для обеспечения каждому из его членов полнѣйшаго удовлетворения человеческихъ нуждъ.

Две верныя формулы сенъ-симонизма оказываются не удовлетворительными. Да и третья формула удовлетворительна только въ своемъ общемъ выраженіи, какое мы видаемъ, а не въ томъ болѣе опредѣленномъ смыслѣ, какимъ сенъ-симонисты думали осуществить ее. «Организація промышленности.» Это такъ, это возможно и нужно, это неизбѣжно. Но какимъ способомъ промышленность получить и будетъ сохранять свою организацію? Сенъ-симонисты извлекали этотъ способъ изъ своей фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ, какъ господствовалъ будто бы католицизмъ и господствовать будто бы съ пользою для людей. Они придумывали правила и хотѣли, чтобы люди исполняли эти правила не по расчетливому убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и по преданности къ людямъ провозглашающимъ эти правила, повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: люди обремененные авторитетомъ сами должны были стоять выше всѣхъ правилъ, ихъ воля должна была служить верховнымъ и безусловнымъ правиломъ для другихъ, какъ воля папы будто бы служила верховнымъ закономъ для католиковъ въ Средніе вѣка. Мы не станемъ дѣлать уже ни какихъ замѣчаній о дикости этой фантазіи: нелѣпость тутъ очевидна.

Но каковы бы ни были недостатки способовъ, которыми сенъ-симонисты предполагали вести человечество къ благоденствію, высочайшее основнаго стремленія ихъ школы вынуждала все, и потому къ ученикамъ Сенъ-Симона присоединилось довольно много даровитѣйшихъ людей изъ молодого поколѣнія. Замѣчательно то, что почти всѣ они были люди самаго серьезнаго образованія, главнымъ образомъ воспитанники Политехнической Школы, математики, инженеры, натуралисты. Конечно, это надобно объяснять тѣмъ, что, несмотря на второстепенныя нелѣпости развитія, коренная мысль, работа объ улучшеніи была простою и прямою, имѣла справедливость и настоятельность, такъ что тѣмъ развитѣе былъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ предпочесть сенъ-симонизмъ всѣмъ другимъ тогдашнимъ ученіямъ, упускавшимъ изъ виду самую основную черту общественнаго положенія. До юльской революціи пропаганда шла тихо, но возбужденная волна июльскихъ событій энергія общественной мысли дала сильный ускореніе ученикамъ Сенъ-Симона. Школа считала уже нѣсколько десят-

ковъ членовъ и могла приступить къ изданію газеты. Нужна была значительная сумма, чтобы основать газету: Фурнель и его жена пожертвовали на это свое состояніе. Газета эта, le Globe, была предпріятіемъ совершенно безкорыстнымъ и номера ея раздавались даромъ. Но еще сильнѣе газеты возбуждали вниманіе Парижа публичныя засѣданія или лекціи школы въ улицѣ Тебу. Огромная зала была устроена въ видѣ театра съ тремя рядами ложъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ въ театрѣ бываеетъ оркестръ, стояли въ три ряда лавки для послѣдователей школы; партеръ и ложи предназначались для любопытныхъ. Каждое воскресенье являлись въ засѣданіе ученики Сень-Симона, молодые и серьёзные; въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ. Они являлись при этихъ случаяхъ своей официальной костюмъ: у мужчинъ онъ былъ голубого цвѣта, у дамъ бѣлаго съ фіолетовыми шарфами. Когда члены заняли свои мѣста, главы школы, Анфантенъ и Базаръ, вводили въ залу оратора, который долженъ былъ читать лекцію на этотъ разъ. При появленіи «верховныхъ отцовъ» (Pères suprêmes), какъ назывались Анфантенъ и Базаръ, ученики вставали; между многочисленными зрителями воцарялось глубокое молчаніе и ораторъ начиналъ изложеніе теоріи. Многіе изъ зрителей слушали его сначала съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица, по пламенная рѣчь, полная любви къ людямъ постепенно увлекала все собраніе и они скептики выходили изъ залы глубоко тронутые, серьёзно размышляя объ удивительномъ явленіи.

Сама школа вся была предана своему дѣлу; устроился въ ней общій столъ, какъ первая попытка братской жизни. Младшіе члены называли старшихъ отцами, мужчины называли женщинъ матерями, сестрами или дочерьми. Школа посылала своихъ ораторовъ и въ провинціальныя города для распространенія теоріи. Сначала провинціалы принимали ихъ, какъ и парижане, съ насмѣшкой, но результатомъ лекцій и въ провинціяхъ бывало сильное впечатлѣніе.

Пріобрѣтая вышній успѣхъ, теорія продолжала развиваться внутри самой школы; но съ развитіемъ дошла наконецъ до такихъ вопросовъ, по которымъ обнаружилось разногласіе между главными членами школы. Цѣлью теоріи было доставить трудящимся преобладаніе надъ праздными; формулою своею она избрала соразмѣрность между способностями человѣка и матеріальными средствами, какія предоставляются ему въ распоряженіе обществомъ. При такихъ воззрѣніяхъ сенъ-симонисты необходимо должны были дойти до попятія о томъ, что вышнѣе распределеніе собственности неудовлетворительно и что должны измѣниться правила, по которымъ она переходитъ отъ однихъ людей къ другимъ. Они думали, что государство, обратившись въ сенъ-симонистскую ассоціацію, должно посте-

ненно выкупить у частныхъ лицъ недвижимую собственность; помещельную и всякую другую; они предполагали, что это дѣло должно совершаться медленно, почти незамѣтно и безъ всякаго нарушения чѣмъ бы то ни было денежныхъ интересовъ. Такогообразно имущество частныхъ лицъ, по ихъ теоріи, должно было состоять только въ доходахъ съ капитала, а самый капиталъ долженъ быть вѣчно оставаться собственностью общества. Имѣя въ своихъ рукахъ всю національную недвижимую собственность, государство должно было имѣть очень большую массу доходовъ за надѣломъ своихъ трудящихся членовъ по размѣру ихъ труда. На этотъ остатокъ оно производило бы тѣ улучшения и содержало бы тѣ нужныя для общаго блага учрежденія, которыя по своей огромности не могутъ быть устраиваемы и поддерживаемы частными средствами. Одною изъ его заботъ было бы обезпеченіе хорошаго воспитанія всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ своихъ гражданъ. А если каждый видитъ судьбу своихъ дѣтей обезпеченною, то исчезаетъ разсудительная надобность оставлять имъ наслѣдство, которое тогда послужило бы только во вредъ имъ, давая имъ средство жить въ правдѣ, то есть подвергаться нравственной порчѣ, быть въ тягость самимъ себѣ и обществу, — участь всѣхъ праздныхъ людей. Въ такомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ всѣ были согласны; но съ наслѣдствомъ тѣсно связано самое существованіе семьи въ нывѣшнемъ ея видѣ, и вотъ возникъ въ школѣ вопросъ о бракѣ. Главная связь между родителями и дѣтьми — наслѣдство; если родители не передаютъ дѣтямъ наслѣдства, если воспитаніе и судьба дѣтей обезпечены и помимо родительской заботы, тогда, конечно, ослабляется важнѣйшее изъ соображеній, на которыхъ основываютъ теперь надобность въ прочности брачнаго союза. До какой степени должны остаться неприкосновенными супружескія отношенія — въ этомъ никакъ не могли сойтись два главныя лица сенъ-симонизма, Базаръ и Анфантенъ. Восторженность доходила у всѣхъ сенъ-симонистовъ до галлюцинаціи, но все-таки была между ними разница по степени восторженности, и нѣкоторые могли называться людьми разсудительными, по сравненію съ другими, хотя и сами были очень горячіе энтузіасты. Изъ двухъ «верховныхъ отцевъ» Базаръ былъ разсудительнѣе Анфантена; онъ былъ очень счастливъ въ своей супружеской жизни, имѣлъ взрослыхъ дочерей, которыхъ нѣжно любилъ; онъ никакъ не могъ переварить мысли, что такія семейныя отношенія, которыми были счастливъ и онъ, и его жена, и дѣти, несовѣстны съ теоріей. Во Франціи католики не признаютъ полнаго развода; Базаръ не понималъ серьезности брака при существованіи развода. Но Анфантенъ не ограничивался защитою развода: онъ находилъ, что вліяніе правителей

сенъ-симонистскаго общества должно простирается и на супружескія отношенія. Эта мысль Аффантена служитъ обыкновенною характеристикою сенъ-симонистскаго ученія; многіе только то и слышали о немъ, будто бы оно хотѣло, чтобы правители могли имѣть связь со всѣми женщинами, съ какими имъ вздумается. Но Аффантенъ хотѣлъ вовсе не того: его мысль была только идеализаціею тѣхъ будто бы благотворныхъ и чистыхъ отношеній, разсказанъ о которыхъ онъ по своей фантастичности вѣрилъ и которыя будто бы существовали между дамами и рыцарями въ средніе вѣка и будто бы существуютъ между набожными католическими и ихъ нравственными содѣлчиками іезуитскаго ордена. Извѣстно, что іезуиты съ своими собратіями необыкновенно любятъ вышнваться въ семейныя дѣла; Аффантенъ хотѣлъ, чтобы то же дѣлали сенъ-симонистскіе правители, только дѣлали съ чистымъ безкорыстіемъ, между тѣмъ какъ іезуиты хлопочутъ для выманыванія денегъ. Сенъ-симонисты думали, что надобно дать женщинамъ всѣ тѣ права, какими пользуется мужчина, открыть ей доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, наравнѣ съ мужчинами. Аффантенъ выводилъ изъ этого, что кромѣ правителей должны быть и правительницы; отношеніе этихъ правительницъ къ семейной жизни подчиненныхъ имъ людей онъ представлялъ себѣ въ родѣ того вліянія, каковымъ по преданію пользовались дамы надъ своими рыцарями въ Средніе вѣка. Онъ вѣрилъ въ дѣйствительности того, чѣмъ восхищается мы въ романсѣ Пушкина о бѣдномъ, застѣчивомъ и скромномъ рыцарѣ, который, развѣ увидѣвъ какое то таинственное существо, земную женщину или что-то высшее, трудно и рѣшится, написалъ ей девизъ на своемъ щитѣ и рубился въ ея славу съ саракинами, одушевляя себя произнесеніемъ ея имени въ минуты опасности, и ни разу больше не видѣлъ ея всю свою жизнь, и во всю свою жизнь не взглянулъ уже ни на одну женщину:

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
 Непостижное уму,
 И глубоко сновидѣнье
 Въ душу врѣзалось ему.
 Съ той поры, сгорѣвъ душою,
 Онъ на женщинъ не глядѣлъ;
 Молвить слова ни съ одною
 Онъ до гроба не хотѣлъ.
 Полею чистую любовью,
 Вѣренъ пламенной мечтѣ,
 А. М. Д. своею кровью.
 Написалъ онъ на щитѣ, и т. д.

У Базара еще оставалось настолько разсудительности, что онъ понималъ невозможность подобныѣхъ отношеній, которыя переходятъ въ матеріальную связь, какъ скоро перестаютъ быть пустыми, врандными словами. Анфантенъ вѣрилъ, что все будетъ такъ, какъ представляется его разгоряченному воображенію, обманутому сказочными преданіями. Споры были безмолвны, исполнены увлеченій и потрясеній, которыя сами по себѣ уже свидѣтельствовали объ экзальтаціи близкой къ бреду. Изъ нѣсколькихъ десятковъ полныѣхъ приверженцевъ сень-симонизма, составлявшихъ такъ называемое «семейство» (famille), нѣсколько человекъ главныхъ образовали такъ называемую коллегію, верховный совѣтъ, гдѣ предварительно разбирались вопросы, рѣшеніе которыхъ объявлялось потомъ всему «семейству». Когда подымались между Базаромъ и Анфантеномъ разногласія о неразрывности брака, о томъ, въ какія отношенія въ обществу и къ правителямъ будутъ правительницы и нужны ли онѣ, о вмѣшательствѣ правителей и правительницъ въ супружескія отношенія, бурныя засѣданія коллегіи стали продолжаться по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что члены коллегіи часто падали въ обморокъ среди пылкихъ споровъ. Однажды Олиандръ Родригесъ упалъ бездыханнымъ, какъ будто пораженный апоплексіей, когда Рено отвѣчалъ ему «не думаю» на вопросъ, думаетъ ли Рено, что онъ говоритъ по вдохновенію. Онъ оправился, но его жизнь была въ опасности, такъ что Рено по совѣту доктора долженъ былъ успокоить его словами, что вѣрить ему. Въ другой разъ Базаръ, чувствуя, что Анфантенъ уничтожаетъ всѣ его возраженія своею диалектикою, упалъ замертво послѣ спора, продолжавшагося цѣлую ночь. Нравственное потрясеніе было такъ сильно, что здоровье Базара уже не востановилось: черезъ нѣсколько времени онъ умеръ, какъ хилый старикъ.

Большинство членовъ сень-симонистскаго «семейства» долго не знало ничего положительнаго объ этомъ приближавшемся разрывѣ; наконецъ онъ сталъ необходимъ, и 19 ноября 1831 года было созвано общее собраніе «семейства». Анфантенъ, изложилъ причины разногласія между нимъ и Базаромъ, объявилъ однако же, что не считаетъ своего мнѣнія окончательнымъ закономъ сень-симонистской теоріи, потому что, по самому предмету спорныхъ вопросовъ, нельзя рѣшить ихъ одному мужчине безъ участія женщины; а сень-симонизмъ, имѣя въ немъ верховнаго отца (онъ уже получилъ первенство надъ Базаромъ), еще не имѣетъ верховной матери; когда явится она, она откроетъ истинный законъ; до той поры теорія нравственныхъ отношеній, развиваемая Анфантеномъ, еще не имѣетъ такой достовѣрности, чтобы можно было отступать

оды обыкновенныхъ нравственныхъ обычаевъ, опираясь на нее. «До той поры всякій поступокъ въ лонѣ ученія, который заслуживалъ бы порицанія по вѣрамъ и понятіямъ окружающаго насъ міра, былъ бы поступкомъ безнравственнымъ, потому что нанесъ бы вредъ всему ученію, — такъ заключилъ Анфантенъ свою рѣчь: — и лично я считалъ бы такой поступокъ величайшимъ свидѣтельствомъ нелюбви ко мнѣ, какое только можетъ быть со стороны моихъ дѣтей». Но разсудительнѣйшая часть школы находила это речительство совершенно не достаточнымъ: «по моему мнѣнію позволительно и даже нужно дѣлать вотъ что, но я прошу васъ изъ уваженія ко мнѣ не дѣлать этого» — ожидать, что кто нибудь будетъ остановленъ такою просьбою, значитъ совершенно забывать законы дѣйствительной жизни. Большинство главныхъ членовъ сенъ-симонистскаго общества ужасались послѣдствій эминенципации, которой хотѣлъ Анфантенъ. Пьерръ Леру горячо перервалъ его и, протестуя отъ имени всей коллегіи противъ его мнѣнія, сказалъ, что удалится изъ его общества. Абель Трансонъ горько упрекалъ Анфантена за то, что онъ раскрываетъ, какъ часто нарушается супружеская вѣрность въ нынѣшнемъ обществѣ, какъ мало вѣрныхъ, — не только мужей (вѣрныхъ мужей изъ милліона наберется развѣ только десять — это знаетъ каждый мужчина), но и вѣрныхъ женъ, какъ мало замужнихъ женщинъ, положеніе которыхъ не было бы очень тяжело. «Отецъ Анфантенъ думаетъ (вскричалъ Жанъ Рено), что женщина явится узаконить правила нѣмъ возвѣщенія, и потому онъ стоитъ, смѣло поднимая голову; но я вѣрю, что женщина сотретъ главу его. Я боюсь вліянія отца Анфантена на людей, приведенныхъ нами къ нашему ученію; потому я не уйду отъ него, буду подлѣ него, чтобы показывать имъ, каковъ онъ.» — «Ваше ученіе возводитъ прелюбодѣланіе въ законъ», сказалъ Анфантену Карро. — «Вы восхваляете развратъ», сказалъ Дюжье. Анфантенъ, въ своемъ фанатизмѣ никогда не терявшій спокойной и ласковой самоувѣренности, кротко выслушивалъ всѣ рѣзкія укоризны и только говорилъ, что радуется самостоятельности и откровенности, съ какою высказывается противное ему мнѣніе. Почти всѣ члены коллегіи были противъ него; но находилось довольно много и пламенныхъ защитниковъ, если не его мнѣнія, то его лица. Однимъ изъ нихъ былъ Мишель Шевалье, нынѣ сенаторъ французской имперіи: удивительно, что можетъ выйти со временемъ изъ восторженнаго эдоши. «Обязую вамъ, сказалъ Талабо, указывая на Анфантена, что этотъ человекъ руководитель человечества». — «Съ печалью вижу я, воскликнулъ Барро, обращаясь къ Абелю Трансону, что ты, Трансонъ, знаменосецъ нашего ученія, ты, рядомъ съ которымъ

шелъ я, отдѣляешься отъ насъ. Нѣтъ, Трансонъ, ты не можешь покинуть насъ, потому что ты любишь простолюднѣвъ, бѣднѣкъ и страдающихъ». Анфантенъ, ни на минуту не терявшій гордой ясности духа, наконецъ распустилъ бурное собраніе, торжественнымъ голосомъ сказавъ: «пронсходящее теперь имѣеть великую пользу для всѣхъ; но я желаю скорѣе кончить это. Мы снова соберемся въ понедѣльникъ. Очевиденъ тотъ фактъ, что есть изъ насъ люди, которые должны на время удалиться и успокоиться».

Школа собралась на новое засѣданіе; тутъ уже не было нѣкоторыхъ изъ числа значительнѣйшихъ членовъ. Анфантенъ съ нѣсколькими вѣрными послѣдователями спѣшилъ перейти отъ прежнихъ теоретическихъ разсужденій къ практическому осуществленію системы. Какъ только онъ остался полнымъ распорядителемъ по удаленіи Базара, онъ повелъ дѣло впередъ съ чрезвычайною быстротою. Подлѣ его президентскаго кресла въ этомъ засѣданіи уже стояло другое кресло, пустое: оно показывало, что для полвой организациі общества должна явиться подлѣ верховнаго отца верховная мать. Всталъ Олинъ Родригесъ, управлявшій хозяйственною стороною школы. Съ восторженностью, обычною въ ней, онъ возвѣстилъ, что начинаетъ великое дѣло, передъ которымъ померкнуть всѣ прежнія дѣла промышленности, торговли и кредита. «Ротшильдъ и Лафитъ не предпринимали ничего столь великаго, сказалъ онъ: ихъ время кончается, начинается мое». И онъ изложилъ планъ хозяйственной организациі сенъ-симонистскаго общества; главными чертами ея онъ постановлялъ: 1) совершать, исключительно мирными средствами, улучшение нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго быта многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса; 2) устроить воспитательныя дома для дѣтей сенъ-симонистовъ; эти дѣти должны воспитываться всѣ одинаково, безъ различій по богатству и знатности; 3) основать промышленныя ассоціациі для работниковъ, принявшихъ ученіе сенъ-симонизма; 4) давать на первое время денежныя пособія этимъ ассоціациямъ; 5) распространять ученіе, чтобы замѣнить нынѣшнюю промышленную анархію рабочею ассоціациею. Анфантенъ уже всталъ, считая собраніе конченнымъ, когда Рено сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить; онъ былъ въ величайшемъ волненіи и вскричалъ: «ваши деньги, отецъ Анфантенъ, не могутъ имѣть нравственнаго вліянія, потому что вы разрушаете прежнюю нравственность, не имѣя новой.» — «Развѣ не имѣли вы новой нравственности, когда провозглашали вмѣстѣ со мною лѳонскому народу наступленіе новой эпохи?» — вскричалъ, обращаясь къ нему, Лоранъ. — «Отецъ мой былъ пролетарій, воскликнулъ Анри Бо. Трудомъ своимъ онъ собралъ богатства. Когда

слово Сенъ-Симона было услышано мной, я почувствовалъ, что долженъ отказаться отъ моей привилегіи и я сталъ пролетаріемъ; тогда семья моя отреклась отъ меня, но вся суровость ея не охладитъ мою любовь къ ней. Своими дѣлами я заставляю ея возвратити мнѣ свою любовь. Рено! ты часто говорилъ: голосъ народа, голосъ Божій! — чего же требуютъ эти люди, населяющіе самый трудовой изъ нашихъ городовъ? Какой крикъ раздастся подъ знаменемъ смерти? (читатель вспомнитъ, что незадолго передъ этимъ собраніемъ, бывшимъ въ концѣ 1831 г., происходило лионское возстаніе подъ чернымъ знаменемъ съ девизомъ: «жить трудомъ или умереть въ бою»). Рено! Рено! они требуютъ хлѣба. Пролетаріи, слышащіе меня! рука моя не разъ жала ваши руки, загрузившія отъ труда, и чувствовала, что вы отвѣчаете на ея пожатіе. Успокойтесь же! Богъ не допуститъ, чтобы человѣкъ могъ являться передъ людьми съ такимъ спокойнымъ и яснымъ лицомъ, въ такомъ величіи, такой красотѣ, чтобы служить на обольщеніе и пагубу ихъ. А вамъ, женщины, скажу я: здѣсь нѣтъ той, которая носила меня подъ сердцемъ, она не слышитъ меня; дайте же въ вашихъ сердцахъ мѣсто материнской любви ко мнѣ, чтобы увидѣвъ ту, которая по волѣ Бога родила меня, утишить скорбь безплодія, въ которую впала она. Скажите ей, чтобы смягчить ее, какую печаль долженъ чувствовать сынъ, подобный мнѣ, лишившись ея объятій, ея слова, ея присутствія».

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ за тѣмъ, чтобы читатель могъ судить по немъ объ экзальтаціи, въ какой находились сенъ-симонисты. Эта пламенная безсвязица похожа на бредъ ошьянѣнія или на вопли помѣшаннаго. Трудно повѣрить, что люди, такъ говорившіе и вообще производившіе надъ собою такія сцены, были люди очень умные и почти всѣ оказались впоследствии людьми очень разсудительными. Весь періодъ ихъ принадлежности къ школѣ былъ длиннымъ припадкомъ экстаза, чѣмъ-то въ родѣ монуманій, которымъ подвергались фанатики среднихъ вѣковъ, основатели и знаменитости босоногихъ, нищенствующихъ, капуциновъ и траппистовъ.

Засѣданіе кончилось достойною своего начала сценою: увлеченное рѣчью Анри Бо, собраніе встало въ волненіи, многіе бросились обнимать Анфантена; другіе навсегда удалились изъ общества, безусловнымъ руководителемъ котораго онъ остался. Естественно было, что онъ побѣдилъ Базара и другихъ, еще сохранявшихъ искру разсудительности: весь сенъ-симонизмъ былъ экзальтаціею, презиравшею всѣ внушенія разсудка, и кто былъ болѣе экзальтированъ, тотъ былъ вѣрнѣе духу ученія.

Мы не умѣемъ рѣшить, была ли въ Анфантенѣ черта шарлатанства, разсчитывающаго, если не на денежные выгоды, то на шумъ и зловѣ. Все, что ны читася о немъ, склоняетъ къ такому предположенію; если такъ, то надъ сень-симонизмомъ повторилась очень частая исторія, что добросовѣстные фанатики попадаютъ подъ вліяніе ловкихъ обманщиковъ. Но свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, недостаточны для возведенія естественной догадки въ полную увѣренность. Анфантенъ постоянно держалъ себя какъ отличный актеръ, ни на минуту не измѣнивъ роли, которая была наложена на него убѣжденіемъ, или которую наложилъ онъ на себя по расчету: онъ постоянно являлся вдохновеннымъ жрецомъ; его рѣчь всегда была торжественна и медленна, чтобы слушатели чувствовали важность каждаго слова; его движенія, позы, жесты были величественны и всегда спокойны, какъ будто онъ неизмѣримо выше всего окружающаго міра со всѣми его вдохновеніями. Въ англичанинѣ, въ нѣмцѣ, въ русскомъ по этимъ признакамъ безошибочно можно было бы узнать шарлатана; но французы болѣе насъ или англичанъ приучаются обычаями своего общества театральничать безосознательно. То, что бываетъ аффектаціею у людей сѣверной Европы, у французовъ очень часто дѣлается совершенно искренно и, быть можетъ, мы напрасно оскорбляемъ Анфантена, видя въ немъ не одну задумчивую восторженность, какая была въ другихъ сень-симонистахъ, а также и сильную примѣсь актерства. Какъ бы то ни было, но то направленіе, представителемъ котораго былъ Анфантенъ, одержало совершенный верхъ надъ болѣе умѣренными мнѣніями другихъ главныхъ людей школы; школа распалась, всѣ отдѣлившіеся отъ Анфантена остались раздроблены между собою и скоро изъ сень-симонистовъ сдѣлались обыкновенными людьми; у благородныхъ между ними—а почти всѣ отдѣлившіеся были люди безукоризненнаго благородства,—сохранилось отъ прежняго увлеченія сень-симонизмомъ только живое сочувствіе къ судьбѣ простолюдиновъ и болѣе широкое понятіе, чѣмъ у другихъ тогдашнихъ либераловъ и радикаловъ, о томъ, какія преобразованія матеріальныхъ отношеній нужны для удовлетворенія потребностямъ бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса, для его успокоенія, т. е. для успокоенія всего французскаго общества, снова начинавшаго потрясаться волненіями пролетаріевъ, совершившихъ переворотъ въ концѣ прошлаго вѣка.

Изъ осьмнадцати человекъ главныхъ членовъ школы только шестеро остались вѣрны Анфантену. Очень скоро по отдѣленіи Базара, отдѣлился отъ него и Огюстъ Родригесъ, управлявшій хозяйственными дѣлами общества. Небольшой кружокъ, оставшійся около Анфантена и считавшій уже очень мало замѣчательныхъ людей въ

своемъ составѣ, скоро долженъ былъ подвергнуться денежнымъ затрудненіямъ, потому что кредитъ его поколебался по удаленіи Родригеса. Другою еще неизбѣжнѣйшею причиною скорого распада и этой горсти людей, состоявшей уже всего изъ сорока или пятидесяти человѣкъ, должно было послужить то обстоятельство, что экзальтація ихъ дошла до крайней степени напряженія, которое не можетъ держаться въ человѣкѣ долго: они должны были впасть въ нравственное изнуреніе, обратиться къ отдыху въ обыкновенной жизни. Но въ первое время энтузіазмъ господствовалъ надъ ними со всею силою, развившеюся въ страстной борьбѣ съ болѣе умѣренными прежними товарищами и энергія ихъ возвышалась сознаніемъ побѣды надъ отпавшими отъ нихъ, немѣвными духа идти такъ далеко, какъ они. Анфантенъ хотѣлъ воспользоваться этою порою крайняго одушевленія, чтобы придать себѣ и своей школѣ новый блескъ передъ ея паденіемъ.

У Анфантена былъ въ Менильмонтанскомъ предмѣстьѣ, на краю Парижа, домъ съ садомъ: онъ рѣшился перевести туда своихъ вѣрныхъ послѣдователей, чтобы они показали міру примѣръ новой жизни, основанной на братствѣ и на сочетаніи матеріальнаго труда съ умственнымъ. 20 апрѣля 1832 года, въ страстную пятницу, объявляя о прекращеніи газеты *le Globe*, служившей органомъ сентъ-симонизма и падавшей теперь отъ недостатка денежныхъ средствъ, онъ говорилъ: «Милыя дѣти, нынѣшній день празднуется какъ великій день въ теченіе осьмнадцати вѣковъ; въ этотъ день умеръ божественный освободитель рабовъ. Въ память святой годовщины да начнется наше отшельничество и да исчезнетъ изъ среды насъ послѣдній слѣдъ рабства—домашняя прислуга.»

Сорокъ учениковъ послѣдовали за Анфантенomъ на Менильмонтанъ и начали новую жизнь, которая казалась имъ великимъ подвигомъ самоотверженія. Ихъ общество состояло изъ поэтовъ, музыкантовъ, инженеровъ; эти люди, высоко развитые и привыкшіе къ почетному положенію въ свѣтѣ, стали сами исполнять для себя всѣ обязанности домашней прислуги, стали какъ черные рабочіе заниматься самымъ грубымъ и простымъ матеріальнымъ трудомъ: они поправляли домъ, подметали комнаты, подметали дворы, копали землю въ саду и въ огородѣ, усыпали аллеи пескомъ, который сами копали и привозили. Ихъ винили въ нечистыхъ понятіяхъ о бракѣ и эманципаціи женщинъ: доказывая, что ихъ идеи не были внушеніемъ сластолюбивыхъ наклонностей, они постановили правиломъ себѣ неприкасаться къ женщинамъ во все время своего отшельничества и строго сохранили этотъ законъ. Каждое утро, каждый вечеръ они собирались слушать поученія своего верховнаго

отца или читать жизнеописанія святыхъ, которыхъ брали себѣ примѣромъ: Феликсъ-антъ Давидъ, нынѣ ставшій знаменитымъ композиторомъ, а тогда бывшій однимъ изъ ихъ товарищей, писалъ музыку для гимновъ, рѣшіемъ которыхъ одушевляли они себя, исполняя свою черную работу. Въ пять часовъ вечера собирались всѣ они къ общему столу и садились обѣдать, пропѣвъ хоромъ молитву. Все это дѣлалось публично: каждый желающій могъ смотрѣть, какъ проводить свой день менильмонтанскіе подвижники.

Торжественное вступленіе сенъ-симонистовъ въ новый порядокъ жизни происходило 6 іюня 1832 года, въ тотъ самый день, когда сосѣдніе кварталы Парижа были театромъ республиканскаго возстанія, возбужденнаго процессією похоронъ Ламарка. Безмятежно приступая къ своей внутренней организаціи среди грома пушшью, истреблявшихъ малочисленные отряды инсургентовъ, сенъ-симонисты какъ будто показывали, что нѣтъ имъ никакого дѣла до старыхъ радикальныхъ партій, идущихъ къ преобразованію общества путемъ, который сенъ-симонисты считали ошибочнымъ, и даже не понимающимъ, какія реформы нужны для общества: отрекаясь отъ стараго міра, они отреклись даже и отъ людей, которые больше всѣхъ другихъ въ старомъ мірѣ хотѣли добра простолюдинамъ. Понятія этихъ людей были по мнѣнію сенъ-симонистовъ слишкомъ узки и фальшивы, способы ихъ дѣйствія ни къ чему негодны. Въ половинѣ втораго часа менильмонтанское семейство стало кружкомъ передъ своимъ новымъ жилищемъ; около этого круга, состоявшаго изъ пламеннѣйшихъ энтузіастовъ, обрекавшихъ себя на новую жизнь, стоялъ другой кругъ ихъ сотоварищей, не имѣвшихъ такой рѣшимости и остававшихся въ мірѣ. Далѣе находилась толпа зрителей, толпа немногочисленная, потому что парижанамъ 6 іюня было не до того, чтобы заниматься сенъ-симонистами. Но зрители, собравшіеся тутъ, видѣли картину гораздо болѣе новую и странную, чѣмъ сцены междоусобной войны, раздиравшей Парижъ.

Происходила церемонія облаченія въ новый костюмъ, служившій символомъ отреченія отъ старой жизни. Костюмъ былъ страненъ, какъ и все, что придумывали сенъ-симонисты: человѣку нельзя было дѣлаться въ немъ на улицѣ, не навлекая на себя всеобщихъ насмѣшекъ; но рѣшимость переносить ихъ служила испытаніемъ твердости духа адептовъ новаго ученія. Подъ голубою курткой, застегивавшеюся спереди, былъ жилетъ, застегивавшійся на спинѣ; бѣлые панталоны стягивались кожанымъ поясомъ; шея оставалась открыта: сенъ-симонисты отвергли галстухъ, за то отпускали бороду, что было тогда странною новостью; на головахъ они носили красную шапочку. Чтобы придать болѣе эффекта обряду облаченія, Анфантенъ,

три дня передъ тѣмъ проволъ запершись, не показываясь своимъ ученикамъ: онъ и они готовились къ водвигу удивительными размышленіями. Когда ученики заняли свои мѣста въ кругу и все было готово, явился верховный отецъ. Лица пророковъ просіяли восторгомъ при его появленіи и они пропѣли хоромъ пріветствіе своему главѣ:

Salut, Père, salut.
Salut et gloire à Dieu!

Онъ подходилъ къ нимъ медленнымъ и величественнымъ шагомъ, съ открытой головой, съ сіяющимъ лицомъ. «Я далъ Буффару полномочную довѣренность располагать всѣмъ, что принадлежитъ мнѣ по мірскимъ законамъ, сказалъ онъ. Я теперь уже не кочу и не могу совершать никакихъ гражданскихъ актовъ, относящихся къ имуществу; люди, котящіе идти по моему пути, также откажутся отъ этого права: мы всѣ освобождаемся отъ мірскихъ узъ, отрицаемся сатаны и всей гордыни его, чтобы пріобрѣтать насущный хлѣбъ нашъ своимъ трудомъ, жить рабочею платою, какъ живетъ народъ». Послѣ этой рѣчи верховный отецъ, при помощи одного изъ учениковъ надѣлъ новый костюмъ; переодевшись, онъ въ свою очередь помогъ одѣться въ него ученику, который прежде помогалъ ему. Надѣвая жилетъ, онъ объяснилъ смыслъ его оригинальнаго покроя: «Этотъ жилетъ символъ братства, сказалъ онъ: его нельзя надѣть одному безъ помощи брата, и каждый разъ онъ напоминаетъ необходимость товарищества». Вслѣдъ за Анфаненомъ стали облачаться другіе адепты. Съ этого дня начиналась ихъ трудовая жизнь, проводимая въ черной работѣ, въ плотничествѣ, земледѣліи, домашней службѣ и т. д.; они своимъ примѣромъ возстановляли достоинство черной работы, показывали необходимость ея соединенія съ умственнымъ трудомъ въ одномъ человѣкѣ. Само собою разумѣется, что вся эта торжественная комедія заключала въ себѣ ребяческаго и смѣшнаго гораздо больше, чѣмъ высокаго, хотя была со стороны сень-симонистовъ совершенно серьезна. Всѣ смѣялись надъ дикостью поступковъ менильмонтанскаго семейства, въ которомъ ученые и артисты служили другъ другу лакеями и возмись надъ прѣстонародными ремеслами, къ которымъ стали способны по всей своей предшествующей жизни. Все дѣло походило на забаву праздныхъ людей, которые отъ нечего дѣлать вздумали развлечь себя небывалою шалостью. Менильмонтанскіе штукатуры, огородники, землекопы напоминали собою аристократовъ времени Людовика XV, которые любили писать съ себя шортреты въ костюмѣ пастушекъ. Этотъ маскарадъ, поддерживаемый

только крайнею экзальтаціею, не могъ тнуться долго: нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ нѣсколько недѣль, и онъ надеѣль бы всѣмъ своимъ участникамъ, они разошлись бы, какъ разошлись отъ нихъ прежніе ихъ товарищи; подобно этимъ прежнимъ товарищамъ сожалѣя о забавномъ безразсудствѣ, до котораго увлеклись, сами сознавая, что заслуживали всеобщихъ насмѣшекъ. Но консерваторы и реакціонеры, составлявшіе кабинетъ Луи-Филиппа, сдѣлали ошибку, обыкновенно дѣлаемую реакціонерами: они не дали восторженному порыву дойти до своего натуральнаго конца, не дали сенъ-симонистамъ распастся по вліянію внутренней несообразности ихъ новѣлки съ холоднымъ разсудкомъ, не дали имъ дожить въ менильмонтанѣ до того, чтобы они сами разошлись, упрекая другъ друга и каждый самого себя за слишкомъ наивное самообольщеніе. Министры Луи-Филиппа разсудили поступить иначе: они подвергли менильмонтанское седейство преслѣдованію и дѣло кончилось для сенъ-симонистовъ торжествомъ вмѣсто пристыженія, до котораго довело бы ихъ, будучи предоставлено своему нестѣсенному ходу.

Министры уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ распорядились, чтобы дѣйствія сенъ-симонистовъ были подвергнуты формальному обвиненію; слѣдствіе тянулось довольно долго; нѣсколько разъ въ менильмонтанскій домъ являлась полиція съ солдатами производить обыски, совершенно излишніе. Наконецъ, матеріалы для юридическаго обвиненія были собраны, и главные распорядители сенъ-симонистской школы: Анфантенъ, Мишель Шевалье, Барро, Дюверье, Олиндъ Родригесъ, были потребованы къ суду, который долженъ былъ начаться 27 августа. Обвинительными пунктами противъ нихъ выставлялось: 1) нарушеніе 292 статьи уголовного кодекса, запрещающей учреждать безъ правительственнаго разрѣшенія какія бы то ни было общества, имѣющія болѣе 20 членовъ; 2) нарушеніе правилъ общественной нравственности и оскорбленіе морали. Неразсчитливость обвиненія видна уже изъ того, что въ число обвиненныхъ былъ включенъ Олиндъ Родригесъ, отставшій отъ Анфантена. Дѣло съ самаго начала имѣло видъ придирки.

Анфантенъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ, какое получалъ отъ напраснаго преслѣдованія. Онъ пошелъ въ судъ торжественною процессіею. Всѣ глаза обратились на него, когда онъ явился въ залу суда, переполненную любопытными зрителями. Церемоніальнымъ маршемъ шли за нимъ сенъ-симонисты въ своихъ костюмахъ; онъ шелъ впереди въ такомъ же костюмѣ, на груди его куртки были вышиты слово «отецъ». Въ менильмонтанскомъ домѣ жили только одни мужчины, чтобы отвратить всякую возмож-

ность нечистыхъ подозрѣній; но раздѣлять съ своими братьями по духу судебную опасность явились двѣ женщины безукоризненной репутаціи: Аглая Сентъ-Илеръ и Сесилія Фурнель сопровождаемыя своими мужьями. Важно сѣвъ на скамью обвиненныхъ, Анфантенъ медленно обозрѣвалъ все собраніе, какъ будто знакомясь съ людьми, господствовать надъ которыми скоро онъ будетъ. Зрители удивлялись восторженному уваженію, съ которымъ смотрѣли на него всѣ члены семейства, и торжественному спокойствію, съ которымъ онъ давалъ свои странные отвѣты на вопросы президента и прокурора. «Правда-ли, что вы называете себя отцемъ человечества? Правда-ли, что вы признаетесь за живое воплощеніе закона?» спросилъ президентъ. — «Да», отвѣчалъ онъ съ равнодушіемъ, какъ будто говорилъ самую обыкновенную вещь. Начался допросъ свидѣтелей; почти всѣ они были сентъ-симонисты и первый, котораго пригласили присягнуть, чтобы начать формальныя показанія, обратился къ Анфантену со словами: «отецъ, могу ли я присягнуть?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Анфантенъ, и свидѣтель сказалъ, что не можетъ давать показаній; тоже повторилось со всѣми слѣдующими свидѣтелями, принадлежавшими новому ученію. Генераль-адвокатъ Деслапаль изложилъ развитіе сентъ-симонизма, который называлъ фетишизмомъ, и объявлялъ Анфантена человѣкомъ, который доведенъ тщеславіемъ до сумасбродства. Онъ сильно порицалъ сентъ-симонистскую ассоціацію за то, что она принимала денежныя пожертвованія отъ своихъ приверженцевъ; онъ доказывалъ, что сентъ-симонизмъ не можетъ быть признанъ религіозной сектой, впадая въ явное противорѣчіе съ собственными своими словами, винившими сентъ-симонистовъ въ суевѣріяхъ: доказать, что они не составляютъ секты, нужно было для того, чтобы подвести ихъ подъ 292 статью уголовного кодекса, подъ которую не подходятъ секты и на которой основывалось требованіе наказать ихъ за самовольное составленіе общества, имѣвшаго болѣе 20 челоѣкъ. Переходя ко второму обвиненію, къ обвиненію въ безнравственности, генераль-адвокатъ спрашивалъ, можно ли не признать противнымъ нравственности ученіе, оправдывающее непостоянство отношеній между мужчинами и женщинами, говорящее объ эманципаціи тѣла, подвергающее супружескія отношенія вышательству своихъ правителей и правительницъ. «Но, господа, сказалъ генераль-адвокатъ, эти губительныя правила не остались безъ противорѣчія: когда отецъ Анфантенъ провозгласилъ ихъ, его слова были услышаны женщиной, душа которой возмущалась гнусными его понятіями и она, слабая, робкая, встала и энергически протестовала». При этихъ словахъ Сесилія

Фурнель, о которой говорилъ генераль-адвокатъ, незнавшій ее въ лицо, поднялась съ своего мѣста и вскричала: «мнѣ приписываютъ такую роль несправедливо....» — «Замолчите», перервалъ ее президентъ; но не слушая его она продолжала, что, разъяснивъ себѣ понятія Анфантена, убѣдилась въ ихъ невинности и чистотѣ. «Если вы не замолчите, сердито сказалъ президентъ, я прикажу вывести васъ». Эта выходка противъ дамы окомпрометировала и судей и обвинителей въ общемъ мнѣніи: зрители были теперь расположены въ пользу обвиняемыхъ. Такое же дѣйствіе произвела неловкость, о которой мы уже говорили: министры поступили неразсчитливо, допустивъ, чтобы одному обвиненію съ Анфантенонъ подвергался Олиндъ Родригесъ, разошедшійся съ Анфантенонъ по тѣмъ самымъ вопросамъ, за безнравственное мнѣніе о которыхъ обвинялся Анфантенъ. Олиндъ Родригесъ даже не оправдывался: онъ только защищалъ память Сень-Симона, на котораго нападалъ генераль-адвокатъ, не захотѣвшій понять, что Сень-Симонъ никогда не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго тому, за что обвинялись сень-симонисты, уже долго спустя по смерти своего учителя заявившіеся вопросами объ эманципаціи женщинъ и семейныхъ отношеніяхъ. Послѣ Олинда Родригеса стали говорить обвиненные меншьмонтанскаго семейства. Они доказывали, что могутъ называться сектою и потому не подходятъ подъ 292 статью уголовного кодекса; очень легко имъ было доказать неосновательность обвиненія въ фетишизмѣ, въ самомъ дѣлѣ смѣшнаго въ примѣненіи къ извѣстнымъ математикамъ, инженерамъ, къ лучшимъ воспитанникамъ политехнической школы. Отъ защиты своихъ понятій они перешли къ строгимъ нравственнымъ порицаніямъ противъ жизни и понятій общества, осуждавашаго ихъ за безнравственность.

Рѣчи Мишеля Шевалье, Дюверье, Барро и ихъ адвокатовъ наполнили собою засѣданіе 27 августа. Зрители были потрясены строгимъ нравственнымъ судомъ надъ ихъ жизнью, произносимымъ отъ людей, которыхъ они почли было проповѣдниками шаткой нравственности. Судьи были смущены.

На другой день, 28 августа, сталъ говорить Анфантенъ. По своему обычаю, онъ произносилъ слова медленно, съ разстановками, и во время этихъ паузъ пристально всматривался своими пронизательными глазами, то въ президента и судей, то въ генераль-адвоката, то въ зрителей. Мучимый этимъ взглядомъ, президентъ думалъ избавиться отъ него и смутить Анфантена, сказавъ: «Вы часто останавливаетесь; вы должно быть не совсѣмъ приготовились; вамъ надобно обдумать рѣчь». — «Мнѣ нужно видѣть, какіе люди меня окружаютъ и нужно, чтобы они смотрѣли на меня. Кромѣ

того, я желаю, чтобы г. генерал-адвокат неопалъ могущество нашего тѣла, могущество формы, чувствъ, и для этого даю ему испытывать могущество взгляда, отвѣчалъ онъ. Раздраженный президентъ сказалъ: «намъ не время ждать, пока вы обдумываете вашу рѣчь». Анфантенъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: «Вотъ новое доказательство тому, что они не способны быть нашими судьями. Они отрицаютъ нравственное могущество чувствъ, а я однимъ своимъ взглядомъ заставляю ихъ джигаться спокойствія, приличнаго ихъ должности». Онъ былъ человѣкъ очень краснорѣчивый и чрезвычайно смѣльный діалектикъ. Тѣ мысли, которыя наканувѣ были выражены его учениками, онъ повторилъ еще съ 'большою силою, такъ что торжество обвиненныхъ надъ обвинителями было поразительно. Разумѣется, это не помѣняло процессу кончиться осужденіемъ обвиняемыхъ. Анфантенъ, Дюверье и Мишель Шевалье были приговорены къ годичному заключенію въ тюрьму. Неловкость обвинять вмѣстѣ съ ними Оливида Родригеса была такъ очевидна, что его присудили только къ штрафу въ 50 франковъ, чтобы не компрометировать себя полнымъ его оправданіемъ. Такимъ же штрафомъ ограничилось наказаніе пятого обвиненнаго, Барро.

Этимъ процессомъ былъ положенъ насильственный конецъ сенъ-симонизму, который и безъ того скоро скончался бы естественною смертію, было доставлено очень эффектное торжество учению уже погибавшему отъ внутреннихъ своихъ недостатковъ, были возведены, какъ страдальцы за убѣжденія, люди, которые безъ того скоро омазались бы жалкимъ образомъ опомнившимися отъ ребяческой наивности или стали бы изобличать другъ друга въ тщеславіи.

Читатель видитъ, что мы вовсе не сочувствуемъ той формѣ страданія къ общественнымъ реформамъ, которая называется сенъ-симонизмомъ. Это ученіе кажется намъ галлюцинаціею, сформировавшеюся изъ ошибочной идеализаціи католицизма и кроющей того носившею какой-то приторный характеръ изыщной аристократичности, аффектирующей замашки сантиментальнаго демократизма. Сенъ-симонисты разыгрывали въ лицахъ идиллію г-жи Дезульеръ. Это были свѣтскіе люди, хотѣвшіе не терять своего щегольства, выискивая на себя мужичество. Они напоминаютъ намъ знаменитый золотой лавотъ, лежащій, какъ говорятъ, на рабочемъ столѣ одного изъ нашихъ миллионеровъ, 'разыгрывающаго роль русскаго мужичка, напоминаютъ фантастическіе бархатные костюмы, въ которыхъ щеголяютъ нѣкоторые наши поклонники народности, имѣющіе съ нашимъ народомъ гораздо меньше общаго, нежели всякій французъ или нѣмецъ. Сенъ-симонизмъ смѣшитъ нашъ разумъ

своею фантастичностью, возмущает наше чувство своимъ благонамѣреннымъ іезуитизмомъ, своею апотеозою авторитета, своими попозновеніями къ артистичности. Балетная танцовщица можетъ быть очень хороша на своемъ мѣстѣ, но она стала бы противна, если бы, выдѣлывая свои антрапа, говорила намъ о страданіяхъ бѣдныхъ мужичковъ. Сень-симонисты были салонные герои, подвергавшіеся припадку филантропизма.

Но называя приторной ту форму, которую имѣло первое проявленіе мысли о преобразованіи общества, мы, конечно, должны цѣнить историческую важность этого перваго ея проявленія. Оно важно, какъ признакъ того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый разъ въ этой неудовлетворительной формѣ. Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бывають уже не восторженною забавою, а дѣломъ собственной надобности; а когда станеть разсудительно заботиться о своемъ благосостояніи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сень-симонисты, тогда вѣроятно будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Давнымъ давно тебя дохоронилъ я,
И надъ могилою твоею пронеслась
Зима съ морозами и вьюгами своими;
И свѣтлая весна фіалками одѣла
И ландышами бѣлыми покрывала
Ея зеленый, бархатный коверъ;
А на душу мою живительное время
Спустило то тревожное забвенье,
Съ которымъ мысль о прошломъ горѣ легче,
Но новыя печали безъисходнѣй.

И мнѣ сказали: ты была преступна.
Какъ будто ты смѣялась надо мною,
Какъ будто Смерть, щеки твоей касаясь,
Проклятый поцалуй на ней оледенила.
И я задумался.... И мысли отнесли
Тебя въ какое-то чудесное пространство,
Въ пространство дальнее безъ времени и мѣста,
И я пошелъ къ тебѣ. И шелъ я долго,
И много царствъ прошелъ и много лѣтъ,
И больше видѣлъ я, чѣмъ мудрый Калиостро,
Чѣмъ тотъ проклятый жидъ, что не далъ пить Христу.
Когда онъ шелъ съ народомъ на распятыя.

Въ пути моемъ — на темныхъ небесахъ
Сіянья трепетно и ярко загорались,
Кружились длинными, зелеными столбами,
Потоками сибирскихъ малахитовъ,
На неподвижной и сквозной лазури

Всплывали мѣсяцы и снова потухали,
 Лѣса сосновые качали головами,
 А на вѣтрахъ холодныхъ приносились
 Съ окрестныхъ кладбищъ стоны и угрозы.

Вся разодѣтая, какъ кукла нашей сказки
 Царевна сонная, лежала ты на дожѣ.
 А ложе было пышно; храмина сіяла
 Огнемъ и золотомъ, и тысячи лампадъ
 Горѣли и дымились, а со сводовъ
 Смотрѣли чьи-то выпцѣвшіе лики,
 Горя окладами и яркой позолотой,
 И пады гранитные держали
 Ряды колоннъ въ оглавіяхъ желѣзныхъ.
 Твоя одежда въ неподвижныхъ складкахъ
 Блистала камнями и дорогимъ виссономъ.
 И долго надъ тобой стоялъ и думалъ,
 И подсмотрѣть въ чертахъ лица старался,
 И живъ ли слѣдъ проступка и обмана.
 И свѣжъ былъ твой румянецъ на щекахъ,
 И сонъ твой былъ такъ дѣвственъ и прозраченъ,
 И вѣло отъ лика твоего
 Якою свѣтлою, спокойною весною —
 И грѣшной мысли зла и преступленья
 Передъ тобой родиться не могло.

Но вдругъ, гляжу — ты вѣки поднимаешь,
 Раскрыла тихо длинныя рѣсницы
 И, вмѣсто глазъ, двѣ впадины открылись —
 Глубокія и кровью налитыя.
 И понялъ я, кто обольстилъ тебя,
 И для кого ты другу измѣнила....
 И сталъ я звать таинственную Смерть,
 Какъ заклятаго, кровнаго врага,
 На грозный бой, — но Смерть не появлялась.
 На голось мой пошевельнулись своды,
 Шатнулись идолы и лики заморгали,
 Огнемъ тревожнымъ вспыхнули лампы
 А въ грудь мою втѣснилась злая боль,
 Сознаніе ничтожества, безсилья, —

И эта боль мнѣ внутренность пронзала,
И въ томъ мученіи восторгъ какой-то былъ,
Болѣзненно-живое замираше.
И мнѣ казалось, будто подо мной
Земля и небо быстро укатились;
А на обломкахъ міра возсѣдалъ
Какой-то грозный, неподвижный призракъ
Въ вѣщицѣ изъ звѣздъ кровавыхъ и кометъ,
Осыпанный изсохшими костями,
И освѣщаемый порой зловѣщимъ блескомъ
Изъ бездны ночи — мрачной и пустой!

К. СЛУЧЕВОЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Очерки вопросовъ практической философіи. Соч. П. Л. Даврова. I. Личность. Спб. 1860 г.).

II.

Словомъ «наука» (science) у англичанъ называются далеко не всѣ тѣ отрасли знанія, которыя у насъ и у другихъ континентальныхъ народовъ обнимаются этимъ выраженіемъ. Англичане называютъ науками математику, астрономію, физику, химию, ботанику, зоологію, географію, — тѣ отрасли знанія, которыя называются у насъ «точными» науками и тѣ, которыя очень близко подходятъ къ нимъ по своему характеру; но они не разумѣютъ подъ выраженіемъ «наука» ни исторіи, ни психологіи, ни нравственной философіи, ни метафизики. Надобно сказать, что дѣйствительно существуетъ громадная разница между этими двумя половинами знаній по качеству понятій, господствующихъ въ той и другой. Изъ одной половины каждый сколько нибудь просвѣщенный человѣкъ уже удалилъ всякія основательныя предубѣжденія и всѣ разсудительные люди уже держатся въ этихъ предметахъ одинаковыхъ коренныхъ понятій. Знанія

наши и по этимъ отраслямъ бытія очень не полны; но по крайней мѣрѣ каждый тутъ знаетъ, что намъ извѣстно основательнымъ образомъ, что еще неизвѣстно и что, наконецъ, несомнѣннымъ образомъ опровергнуто точными изслѣдованіями. Попробуйте, напримѣръ, сказать, что человѣческому организму нужна пища или нуженъ воздухъ, — съ вами никто не будетъ спорить; попробуйте сказать, что еще неизвѣстно, тѣ ли одни вещества могутъ служить пищею человѣку, какими теперь онъ питается, и что можетъ быть найдутся новыя вещества, пригодныя для этой цѣли, — съ вами также никто изъ просвѣщенныхъ людей не станетъ спорить и каждый прибавитъ только, что если новыя вещества для пищи и будутъ найдены, если и очень вѣроятно, что они будутъ найдены, то до сихъ поръ они еще не найдены и человѣкъ пока можетъ питаться только извѣстными веществами, въ родѣ хлѣбныхъ растений, мяса, молока или рыбы; вы въ свою очередь совершенно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ и спора тутъ у васъ быть не можетъ. Спорить вы можете только о томъ, какъ велика или мала вѣроятность скорого открытія новыхъ питательныхъ веществъ и къ какому роду вещей скорѣе всего могутъ принадлежать эти новыя еще не открытыя вещества; но въ этомъ спорѣ вы и вашъ противникъ одинаково будете знать и признаваться, что выражаете только догадки, не имѣющія полной достовѣрности, могущія оказаться болѣе или менѣе полезными для науки впоследствии времени (потому что догадки, гипотезы даютъ направленіе ученымъ изслѣдованіямъ и ведутъ къ открытію истины, подтверждающей или опровергающей ихъ), но еще вовсе не входящія въ число научныхъ истинъ. Попробуйте сказать, наконецъ, что безъ пищи человѣкъ существовать не можетъ, — и тутъ каждый съ вами согласится, и каждый понимаетъ, что это отрицательное сужденіе находится въ неразрывной логической связи съ положительнымъ сужденіемъ «человѣческому организму нужна пища»; каждый понимаетъ, что если принять одно изъ этихъ двухъ сужденій, то непременно надобно принять и другое. Совсѣмъ не то, напримѣръ, въ нравственной философіи. Попробуйте сказать, что хотите — всегда найдутся люди умные и образованные, которые станутъ говорить противное. Скажите, напримѣръ, что бѣдность вредно дѣйствуетъ на умъ и сердце человѣка, — множество умныхъ людей возражать вамъ: «нѣтъ, бѣдность изощряетъ умъ, принуждая его прискивать средства къ ея отвращенію; она облагораживаетъ сердце, направляя наши мысли отъ суетныхъ наслажденій къ доблестямъ терпѣнія, самоотверженія, сочувствія чужимъ нуждамъ и бѣдамъ». Хорошо; попробуйте сказать наоборотъ, что бѣдность выгодно дѣйствуетъ на человѣка, — опять такое же множество, или

еще большее множество умныхъ людей возражать: «нѣтъ, бѣдность лишаетъ средствъ къ умственному развитію, мѣшаетъ развитію самостоятельнаго характера, влечетъ къ неразборчивости въ употребленіи средствъ для ея отвращенія или для простаго поддержанія жизни; она главный источникъ невѣжества, пороковъ и преступлений.» Словомъ сказать, какой бы выводъ ни вздумали вы сдѣлать въ нравственныхъ наукахъ, вы всегда найдете, что и онъ, и другой противоположный ему выводъ и кромѣ того множество другихъ выводовъ, не клещащихся ни съ вашимъ, ни съ противоположнымъ ему выводомъ, ни другъ съ другомъ, имѣютъ искреннихъ защитниковъ между умными и просвѣщенными людьми. То же самое въ метафизикѣ, то же самое въ исторіи, безъ которой ни нравственныя науки, ни метафизика не могутъ обойтись.

Такое положеніе дѣлъ въ исторіи, нравственныхъ наукахъ и метафизикѣ заставляетъ многихъ думать, что эти отрасли знанія не даютъ или даже и вовсе не могутъ никогда дать намъ ничего столь достовѣрнаго, какъ математика, астрономія и химія. Хорошо, что намъ случилось употребить слово «бѣдность»: оно наводитъ насъ на память о житейскомъ фактѣ, совершающемся ежедневно. Какъ только какойнибудь господинъ или какаянибудь госпожа изъ многочисленнаго семейства достигнетъ хорошаго положенія въ обществѣ, онъ или она тотчасъ же начинаетъ вытягивать изъ бѣдности, изъ ничтожества своихъ родственниковъ и родственницъ: около важнаго или богатаго лица появляются братья и сестры, племянники и племянницы, всѣ примыкаютъ къ нему и, держась за него, выльзакуютъ въ люди. Припоминаютъ родство свое съ важнымъ или богатымъ лицомъ даже такіе господа и госпожи, которыя не хотѣли и знаться съ нимъ, пока оно было не важно и не богато. Иныхъ оно въ глубинѣ души и не долюбливаетъ, а все-таки помогаетъ имъ, — нельзя, вѣдь все-же родственники и родственницы, — и съ любовью къ роднымъ или съ досадою на нихъ, оно все-таки измѣняетъ ихъ положеніе къ лучшему. Точно такое же дѣло происходитъ въ области знаній теперь, когда нѣкоторыя науки успѣли изъ жалкаго положенія выбиться до великаго совершенства, до ученаго богатства, до умственной знатности. Эти богачки, помогающія своимъ жалкимъ родственницамъ, — математика и естественныя науки. Математика была въ хорошемъ положеніи давно, но чрезвычайно много времени было у ней занято заботою объ одной ближайшей ей родственницѣ, астрономіи. Тысячи четыре лѣтъ, если не больше, прошло въ этой вознѣ. Наконецъ, во время Коперника, астрономія была поставлена на ноги математикою, а съ Ньютона она получила блистательное положеніе въ умственномъ мірѣ. Едва переставъ сокрушаться день и ночь о

бѣдственномъ состояніи своей сестры астрономіи, едва получивъ по нѣкоторомъ устройствѣ ея судьбы нѣсколько свободы подумать о другихъ родственницахъ, математика принялась помогать разнымъ членамъ семейства, до сихъ поръ остающагося въ нераздѣльномъ владѣніи родовымъ имуществомъ подъ именемъ физики: акустика, оптика и нѣкоторыя другія изъ сестеръ, носящихъ родовое имя физики, особенно воспользовались милостями математики; очень недурно стало положеніе и многихъ другихъ членовъ той же многолюдной семьи. Дѣло тутъ шло уже гораздо быстрее, чѣмъ съ выведеніемъ астрономіи изъ жалкаго положенія: помогать другимъ математика уже выучилась, возившись съ своею ближайшею родственницею, и кромѣ того хлопотала теперь уже не одна, а имѣла въ ней хорошую адъютантку. Когда онѣ вдвоемъ придали человѣческой видъ многочисленнымъ особамъ семейства физики, пресмыкавшимся прежде въ жалчайшей нищетѣ и погрязавшимъ въ гнуснѣйшихъ научныхъ порокахъ, математика уже имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлое племя, стала президентшею довольно большаго и благоденствующаго государства. Въ концѣ прошлаго вѣка это умственное государство было въ такомъ же состояніи, какъ Соединенные Штаты въ политическомъ мірѣ около того же времени. Оба общества растутъ съ той поры одинаково быстро. Чуть не каждый годъ прибавляется какая нибудь новая область къ молодому Сѣверо-Американскому государству, становится изъ дикой пустыни цвѣтущимъ штатомъ, и все дальше и дальше отгѣняются просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ пародомъ жалкія племена, нехотящія принимать цивилизаціи, и все больше и больше захватываетъ онѣ въ свой союзъ другія племена, ищущія цивилизаціи, но не умѣвшія найти ея безъ его помощи: луизианскіе французы и испанцы Сѣверной Мехики уже присоединились и въ немногіе годы уже прониклись духомъ новаго общества, такъ что не отличить ихъ отъ потомковъ Вашингтона и Джефферсона. Милліоны пьяныхъ ирландцевъ и не менѣе жалкихъ нѣмцевъ стали въ Союзѣ людьми порядочными и зажиточными. Такъ и союзъ точныхъ наукъ подъ управленіемъ математики, то есть счета, мѣры и вѣса, съ каждымъ годомъ расширяется на новыя области знаній, увеличиваются новыми пришельцами. После химіи къ нему постепенно присоединились всѣ науки о растительныхъ и животныхъ организмахъ: физиологія, сравнительная анатомія, разныя отрасли ботаники и зоологіи; теперь входятъ въ него нравственныя науки. Съ ними дѣлается нынѣ то самое, что мы видимъ надъ людьми тщеславными, но погрязавшими въ нищетѣ и невѣжествѣ, когда какой нибудь дальній родственникъ, не гордящійся какъ они высокимъ происхожденіемъ и не-

слыханными добродѣтелями, а просто человѣкъ простой и честный, пріобрѣтаетъ богатство: кичливые гидальго долго усиливаются смотрѣть на него свысока, но бѣдность заставляетъ ихъ пользоваться его подачками; долго они живутъ этой милостыней, считая низкимъ для себя обратиться при его помощи къ честному труду, которымъ онъ вышелъ въ люди; но съ улучшеніемъ ихъ пищи и одежды пробуждаются въ нихъ мало по малу разсудительныя мысли, слабѣетъ прежнее пустое хвастовство, они понемногу становятся людьми порядочными, понимаютъ, наконецъ, что стыдъ не въ трудѣ, а въ хвастовствѣ и напоследокъ принимаютъ нравы, которыми вышелъ въ люди ихъ родственникъ; тогда, опираясь на его помощь, они быстро пріобрѣтаютъ хорошее положеніе и начинаютъ пользоваться уваженіемъ разсудительныхъ людей не за фантастическія достоинства, которыми прежде хвастались, не имѣя ихъ, а за свои новыя дѣйствительныя качества, полезныя для общества — за свою трудовую дѣятельность.

Еще не такъ далеко отъ насъ время, когда нравственныя науки въ самомъ дѣлѣ не могли имѣть содержанія, которымъ бы оправдывался титулъ науки, имъ принадлежавшій, и англичане были тогда совершенно правы, отнявъ у нихъ это имя, котораго онѣ не были достойны. Теперь положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Естественныя науки уже развились на столько, что даютъ много матеріаловъ для точнаго рѣшенія нравственныхъ вопросовъ. Изъ мыслителей, занимающихся нравственными науками, всѣ передовые люди стали разрабатывать ихъ при помощи точныхъ пріемовъ, подобныхъ тѣмъ, по которымъ разрабатываются естественныя науки. Когда мы говорили о противорѣчіяхъ между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишнихъ, наиболѣе распространенныхъ, но уже оказывающихся отсталыми, понятіяхъ и способахъ изслѣдованія, а не о томъ характерѣ, какой получаютъ нравственныя науки у передовыхъ мыслителей; о прежнемъ рутинномъ характерѣ этихъ знаній, а не о нынѣшнемъ ихъ видѣ. По нынѣшнему своему виду нравственныя науки различаются отъ такъ называемыхъ естественныхъ собственно только тѣмъ, что начали разрабатываться истинно научнымъ образомъ позже ихъ и потому разработаны еще не въ такомъ совершенствѣ, какъ онѣ. Тутъ разница лишь въ степени: химія моложе астрономіи и не достигла еще такого совершенства; физиологія еще моложе химіи и еще дальше отъ совершенства; психологія, какъ точная наука, еще моложе физиологіи и разработана еще меньше. Но, различаясь между собою по количеству пріобрѣтенныхъ точныхъ знаній, химія и астрономія не различаются ни по достовѣрности того, что узнали, ни по способу,

которымъ идутъ къ точному знанію своихъ предметовъ: факты и законы, открываемые химіею, такъ же достовѣрны, какъ факты и законы, открываемые астрономіею. То же надобно сказать о результатахъ нынѣшнихъ точныхъ изслѣдованій въ нравственныхъ наукахъ. Очерки предметовъ, даваемые астрономіею, физиологіею и психологіею, — это все равно, что карты Англій, Европейской Россіи и Азіатской Россіи: Англія вся снята превосходными тригонометрическими измѣреніями; въ Европейской Россіи тригонометрія покрыла своею сѣтью еще только половину пространства, другая половина снята способами, не столь совершенными; въ Азіатской Россіи остаются пространства, въ которыхъ только мимоѣздомъ опредѣлено положеніе нѣсколькихъ главныхъ пуцтковъ, а все лежащее между ними наносится на карту по глазомѣру, способомъ очень неудовлетворительному. Но тригонометрическая сѣть съ каждымъ годомъ растягивается все дальше и дальше, уже не очень далеко время, когда она охватитъ и Азіатскую Россію. А до той поры мы все-таки уже знаемъ объ этой странѣ многое довольно хорошо, нѣкоторые пункты даже очень хорошо, и всю ее уже знаемъ на столько, что легко открыть слишкомъ грубые промахи въ старинныхъ картахъ ея; а если бы кто нибудь вздумалъ насъ увѣрять, что Иртышъ течетъ къ югу, а не сѣверу или что Иркутскъ лежитъ подъ тропиками, мы только пожали бы плечами. Кому угодно, тотъ можетъ и до сихъ поръ повторять рассказы нашихъ старинныхъ космографій о народахъ предѣла Симова и о «нѣмыхъ языкахъ», живущихъ за Печерою, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ и запертыхъ синклитовыми воротами, неподдающимися ни огню, ни желѣзу; но мы уже знаемъ, что надобно думать объ этихъ рассказахъ, основанныхъ только на фантазіи.

Первымъ слѣдствіемъ вступленія нравственныхъ знаній въ область точныхъ наукъ было строгое различеніе того, что мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ. Астрономъ знаетъ, что ему извѣстна величина планеты Марса и столь же положительно знаетъ, что ему неизвѣстенъ геологическій составъ этой планеты, характеръ растительной или животной жизни на ней и самое то, существуетъ ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто нибудь вздумалъ утверждать, что на Марсѣ находится глина или гранитъ, существуютъ птицы или молюски, астрономъ сказалъ бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете. Если бы фантазеръ зашелъ въ своихъ предположеніяхъ дальше и сказалъ бы, на примѣръ, что живущія на Марсѣ птицы не подвержены болѣзнямъ, а молюски не нуждаются въ пищѣ, астрономъ при помощи химика и физиолога доказалъ бы ему, что этого даже и быть не можетъ.

Точно такъ же и въ нравственныхъ наукахъ темерь строго разграничено извѣстное отъ неизвѣстнаго и на основаніи извѣстнаго доказана несостоятельность нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній о томъ, что еще остается неизвѣстнымъ. Положительно извѣстно, напримѣръ, что всѣ явленія нравственнаго міра происходятъ одно изъ другаго и изъ внѣшнихъ обстоятельствъ по закону причинности, и на этомъ основаніи признано фальшивымъ всякое предположеніе о возникновеніи какого нибудь явленія, не произведеннаго предъидущими явленіями и внѣшними обстоятельствами. Поэтому нынѣшняя психологія не допускаетъ, напримѣръ, такихъ предположеній: «человѣкъ поступилъ въ данномъ случаѣ дурно, потому что захотѣлъ поступить дурно, а въ другомъ случаѣ хорошо, потому что захотѣлъ поступить хорошо». Она говоритъ, что дурной поступокъ или хорошій поступокъ былъ произведенъ непременно какимъ нибудь нравственнымъ или матеріальнымъ фактомъ, или сочетаніемъ фактовъ, а «хотѣніе» было тутъ только субъективнымъ впечатлѣніемъ, которымъ сопровождается въ нашемъ сознаніи возникновеніе мыслей или поступковъ изъ предшествующихъ мыслей, поступковъ или внѣшнихъ фактовъ. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ дѣйствій, ни на чемъ не основанныхъ кромѣ нашей воли, представляется такой фактъ: я встаю съ постели; на какую ногу я встану? захочу на лѣвую, захочу на правую. Но это только такъ представляется поверхностному взгляду. На самомъ дѣлѣ факты и впечатлѣнія производятъ то, на какую ногу встанетъ человѣкъ. Если нѣтъ никакихъ особенныхъ обстоятельствъ и мыслей, онъ встаетъ на ту ногу, на которую удобнѣе ему встать по анатомическому положенію его тѣла на постели. Если явятся особенныя побужденія, превосходящія своею силою это физиологическое удобство, результатъ измѣнится сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ. Если, напримѣръ, въ человѣкѣ явится мысль: «стану не на правую ногу, а на лѣвую», онъ сдѣлаетъ это; но тутъ произошла только простая замѣна одной причины (физиологическаго удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость), или, лучше сказать, побѣда второй причины, болѣе сильной, надъ первой. Но откуда явился эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость отъ внѣшнихъ условій? Она не могла явиться безъ причины, она произведена или словами собесѣдника, или воспоминаемъ о прежнемъ спорѣ, или чѣмъ нибудь подобнымъ. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что человѣкъ, когда захочетъ, можетъ ступить съ постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положенію тѣла на постели, а на другую ногу, — этотъ фактъ свидѣтельствуетъ вовсе не то, чтобы человѣкъ безъ всякой причины могъ ступить на

ту или другую ногу, а только то, что вставаніе съ постели можетъ совершаться подѣ влияніемъ причинъ болѣе сильныхъ, чѣмъ влияние анатомическаго положенія его тѣла передѣ актомъ вставанія. То явленіе, которое мы называемъ волею, само является звеномъ въ ряду явленій и фактовъ, соединенныхъ причинною связью. Очень часто ближайшею причиною появленія въ насъ воли на извѣстный поступокъ бываетъ мысль. Но опредѣленное расположеніе воли производится также только опредѣленною мыслью: какова мысль, такова и воля; будь мысль не такова, была бы не такова и воля. Но почему же явилась именно такая, а не другая мысль? Опять отъ какой нибудь мысли, отъ какого нибудь факта, словомъ сказать, отъ какой нибудь причины. Психологія говоритъ въ этомъ случаѣ то же самое, что говоритъ въ подобныхъ случаяхъ физика или химія: если произошло извѣстное явленіе, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустымъ отвѣтомъ: оно произошло само собою, безъ всякой особенной причины—«я такъ сдѣлалъ, потому что такъ захотѣлъ». Прекрасно, но почему же вы такъ захотѣли? Если вы отвѣчаете «просто, потому что захотѣлъ», это значитъ то же, что говорить: «тарелка разбилась, потому что разбилась; домъ сгорѣлъ, потому что сгорѣлъ». Такіе отвѣты вовсе не отвѣты: ими только прикрывается лѣньность доискиваться подлинной причины, недостатокъ желанія знати истину.

Если при нынѣшнемъ состояніи химіи кто нибудь спроситъ, почему золото имѣетъ желтый цвѣтъ, а серебро бѣлый, химики прямо отвѣчаютъ, что до сихъ поръ еще не знаютъ этой причины, то есть еще не знаютъ, въ какой связи находится желтизна золота или бѣлизна серебра съ другими качествами этихъ металловъ, по какому закону, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что вещество, принявшее форму золота или серебра, приобрѣло въ этой формѣ качество производить на нашъ глазъ впечатлѣніе желтизны или бѣлизны. Это прямой, честный отвѣтъ; но онъ, какъ видимъ, состоитъ просто въ признаніи своего незнанія. Богатому человѣку легко сознаваться, что у него въ данномъ случаѣ не нашлось денегъ, — полегко въ этомъ сознаваться только тогда, когда всѣ увѣрены, что онъ дѣйствительно богатъ; напротивъ, человѣку, который хочетъ прослыть за богача, будучи въ сущности бѣденъ, или человѣку, кредитъ котораго поколебался, не легко сказать, что у него въ нынѣшнее время не случилось денегъ: онъ всяческими хитростями будетъ скрывать истину. Таково было до недавняго времени состояніе нравственныхъ наукъ: онѣ стыдились говорить: у насъ нѣтъ объ этомъ достаточныхъ знаній. Теперь къ счастью не то: психологія и нравственная философія выходятъ изъ прежней своей научной нищеты,

у нихъ уже большой запасъ богатства и онѣ прямо могутъ говорить «мы еще не знаемъ этого», если дѣйствительно не знаютъ.

Но если нравственныя науки на очень многіе вопросы должны еще отвѣчать теперь «мы этого не знаемъ», то ошибемся мы, предположивъ, что къ числу вопросовъ, остающихся для нихъ неразрѣшными нынѣ, принадлежатъ тѣ вопросы, которые по одному изъ господствующихъ мнѣній признаются неразрѣшимыми. Нѣтъ, незнаніе этихъ наукъ совершенно не таково. Чего не знаетъ, напри- мѣръ, химія? Она не знаетъ теперь, чѣмъ будетъ водородъ, перешедшій изъ газообразнаго состоянія въ твердое, металломъ или не металломъ; есть сильная вѣроятность предполагать, что онъ будетъ металломъ, но справедлива ли такая догадка, это еще неизвѣстно. Химія не знаетъ также, дѣйствительно ли простое тѣло фосфоръ или сѣра, или они будутъ со временемъ разложены на простѣйшіе элементы. Это случай теоретическаго незнанія. Другой родъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ для нея теперь, представляютъ многочисленныя случаи неумѣнья исполнить практическія требованія. Химія умѣетъ изготовлять синильную кислоту, уксусную кислоту, но изготовить фибринъ она еще не умѣетъ. Тѣ и другіе неразрѣшимые для нея нынѣ вопросы, имѣютъ, какъ видимъ, характеръ совершенно спеціальнаго, характеръ такой спеціальнаго, что и въ голову они приходятъ только людямъ уже порядочно знакомымъ съ химіей. Точно такъ же вопросы, остающіеся нынѣ еще не разрѣшенными для нравственныхъ наукъ. Психологія, напри- мѣръ, открываетъ слѣдующій фактъ: при слабомъ умственномъ развитіи человѣкъ не въ состояніи понимать жизни, различной отъ его собственной жизни; чѣмъ сильнѣе развивается его умъ, тѣмъ легче ему бываетъ представлять себѣ жизнь не похожую на его жизнь. Какъ объяснить этотъ фактъ? При нынѣшнемъ состояніи науки строгаго научнаго отвѣта еще не найдено, а существуютъ только разныя догадки. Скажите теперь, кому изъ людей незнакомыхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ психологіи приходилъ въ голову такой вопросъ? Почти никто кромѣ ученыхъ даже не замѣчалъ и факта, къ которому относится этотъ вопросъ: это все равно, что вопросъ о металличности или не-металличности водорода: люди незнакомые съ химіей не знаютъ не только этого вопроса о водородѣ, но не знаютъ и самаго водорода. А для химіи чрезвычайно важенъ этотъ водородъ, существованіе котораго было бы не замѣтно безъ нея. Точно такъ для психологіи чрезвычайно важенъ фактъ неспособности неразвитаго человѣка и способности развитаго понимать жизнь различную отъ его жизни. Какъ открытіе водорода повело къ усовершенствованію химической теоріи, такъ и открытіе этого психологиче-

скаго факта имѣло своимъ послѣдствіемъ построение теоріи антропоморфизма, безъ которой ни шагу теперь нельзя ступить въ метафизику. Вотъ другой психологическій вопросъ, также не разрѣшимый точнымъ образомъ при нынѣшнемъ состояніи науки: дѣти имѣютъ склонность ломать свои игрушки; отчего это происходитъ? Надобно ли считать эту ломку только неловкою формою желанія пересоздавать вещи по своимъ надобностямъ, неловкою формою такъ называемой творческой дѣятельности человѣка, или тутъ есть слѣдъ чистой склонности къ разрушенію, приписываемый человѣку нѣкоторыми писателями? Таковы почти всѣ теоретическіе вопросы, точнаго рѣшенія которыхъ еще не даетъ наука. Читатель видитъ, что они принадлежатъ къ разряду вопросовъ, надобность и важность которыхъ открывается только наукою, понятна только для ученыхъ, къ разряду такъ называемыхъ техническихъ или специальныхъ вопросовъ, которые вовсе не интересны для простыхъ людей, часто кажутся имъ даже ничтожными. Это все вопросы въ родѣ тѣхъ, изъ какого старо-славянскаго звука произошло у въ словѣ «рука»: изъ простаго у или изъ юса, и по какому закону образуется существительное «возъ» изъ глагола «везу»: зачѣмъ тутъ буква е замѣнилась буквою о? Для филолога эти вопросы очень важны, а для насъ не-филологовъ они, можно сказать, не существуютъ. Но не будемъ опрометчиво смѣяться надъ учеными, которые заняты изслѣдованіемъ такихъ мелочныхъ по видимому вещей: отъ открытія истины въ подобныхъ по видимому неважныхъ фактахъ возникали результаты важные и для насъ простыхъ людей: разъяснялись понятія о цѣломъ рядѣ важныхъ фактовъ, измѣнялись важныя житейскія отношенія. Изъ того, что нѣкоторые люди разъяснили нашу фонетику открытіемъ значенія юсовъ, явилось болѣе разумное обученіе грамматикѣ, и нашихъ дѣтей будутъ меньше мучить за нею, чѣмъ мучили насъ, и будутъ лучше выучивать ей, чѣмъ выучивали насъ.

Итакъ теоретическіе вопросы, остающіеся неразрѣшенными при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ наукъ, вообще таковы, что даже не приходятъ въ голову почти никому, кромѣ специалистовъ; неспециалистъ съ трудомъ понимаетъ даже, какъ могутъ ученые люди заниматься изслѣдованіемъ такихъ мелочей. Напротивъ, тѣ теоретическіе вопросы, которые обыкновенно представляются важными и трудными для неспециалистовъ, вообще перестали быть вопросами для нынѣшнихъ мыслителей, потому что чрезвычайно легко разрѣшаются несомнѣннымъ образомъ при первомъ прикосновеніи къ нимъ могущественныхъ средствъ научнаго анализа. Половина такихъ вопросовъ оказывается происходящими просто отъ непривычки къ мышленію, другая половина находитъ себѣ отвѣтъ въ

явленіяхъ знакомыхъ каждому. Куда дѣвается пламя, носящееся надъ свѣтильною горящей свѣчи, когда мы гасимъ свѣчу? Неужели химикъ согласится назвать эти слова вопросомъ? Онъ просто называетъ ихъ бессмысленнымъ наборомъ словъ, возникающимъ изъ незнакомства съ самыми коренными, самыми простыми фактами науки. Онъ говоритъ: горѣніе свѣчи есть химическій процессъ; пламя есть одно изъ явленій этого процесса, одна изъ сторонъ его, одно изъ качествъ его, выражаясь простымъ языкомъ; когда мы гасимъ свѣчу, мы прекращаемъ химическій процессъ; само собою разумѣется, что съ его прекращеніемъ исчезаютъ и его качества; спрашивать, что дѣлается съ пламенемъ свѣчи, когда гаснетъ свѣча, значитъ то же самое, что спрашивать о томъ, что осталось отъ цифры 2 въ числѣ 25, когда мы зачеркнемъ все число, — ровно ничего не осталось ни отъ цифры 2, ни отъ цифры 5: вѣдь онѣ обѣ зачеркнуты; спрашивать это можетъ только тотъ, кто самъ не понимаетъ, что значитъ написать цифру и что значитъ зачеркнуть ее; на всѣ вопросы такихъ людей существуетъ одинъ отвѣтъ: другъ мой! вы не имѣете понятія объ ариѳметикѣ и сдѣлаете хорошо, если станете учиться ей. Предлагается, на примѣръ, очень головоломный вопросъ: доброе или злое существо человѣкъ? Множество людей потѣются надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, почти половина потѣющихся рѣшаютъ: человѣкъ по натурѣ добръ; другіе, составляющіе также почти цѣлую половину потѣющихся, рѣшаютъ иначе: человѣкъ по натурѣ золъ. За исключеніемъ этихъ двухъ противоположныхъ догматическихъ партій, остаются вѣскольکو человѣкъ скептиковъ, которые смѣются надъ тѣми и другими и рѣшаютъ: вопросъ этотъ неразрѣшимъ. Но при первомъ приложеніи научнаго анализа вся штука оказывается простою до крайности. Человѣкъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго, — это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ сказуемомъ тутъ просто повторяется подлежащее: А есть А, пріятное для человѣка есть пріятное для человѣка, непріятное для человѣка есть непріятное для человѣка. Добръ тотъ, кто дѣлаетъ хорошее для другихъ, золъ — кто дѣлаетъ дурное для другихъ, — кажется, это такъ же просто и ясно. Соединимъ теперь эти простыя истины и въ выводѣ получимъ: добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для полученія пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ; злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ. Человѣческой природы нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отношеній. Если извѣстныя отношенія имѣютъ характеръ постоянства, въ человѣкѣ сформировавшемся подъ ними оказывается сформировавшею-

ся привычка къ сообразному съ ними способу дѣйствій. Потому можно находить, что Иванъ добръ, а Петръ золь; но эти сужденія прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, какъ прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще понятія о привычкѣ тесать доски, умѣть ковать и т. д. Иванъ плотникъ, но нельзя сказать, что такое человѣкъ вообще: плотникъ или неплотникъ; Петръ умѣетъ ковать желѣзо, но нельзя сказать о человѣкѣ вообще, кузнецъ онъ или некузнецъ. Тотъ фактъ, что Иванъ сталъ плотникомъ, а Петръ кузнецомъ, показываетъ только, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Ивана, человѣкъ становится плотникомъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Петра, становится кузнецомъ. Точно такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ человѣкъ становится добръ, при другихъ золь.

Такимъ образомъ съ теоретической стороны вопросъ о добрыхъ и злыхъ качествахъ человѣческой природы разрѣшается столь легко, что даже и не можетъ быть названъ вопросомъ: онъ самъ въ себѣ уже заключаетъ полный отвѣтъ. Но другое дѣло, если вы возьмете практическую сторону дѣла, если, напримѣръ, вамъ кажется, что для самаго человѣка и для всѣхъ окружающихъ его людей гораздо лучше ему быть добрымъ, чѣмъ злымъ, и если вы захотѣли бы позаботиться, чтобы каждый сталъ добръ: съ этой стороны дѣло представляетъ очень большія трудности; но онѣ, какъ замѣтитъ читатель, относятся уже не къ наукѣ, а только къ практическому исполненію средствъ, указываемыхъ наукою. Психологія и нравственная философія находятся тутъ опять точно въ такомъ же положеніи, какъ естественныя науки. Климатъ въ сѣверной Сибири слишкомъ холоденъ; если бы мы спросили, какимъ способомъ можно сдѣлать его теплѣе, естественныя науки не затруднятся отвѣтомъ на это: Сибирь закрыта горами отъ теплой южной атмосферы и открыта своимъ склономъ къ сѣверу холодной сѣверной атмосферѣ; если бы горы шли по сѣверной границѣ ея, а на южной не было горъ, страна эта была бы гораздо теплѣе. Но у насъ еще недостаетъ средствъ исполнить на практикѣ это теоретическое рѣшеніе вопроса. Точно такъ же и у нравственныхъ наукъ готовъ теоретическій отвѣтъ почти на всѣ вопросы, важные для жизни, но во многихъ случаяхъ у людей недостаетъ еще средствъ для пракческаго исполненія того, что указываетъ теорія. Впрочемъ, нравственныя науки имѣютъ въ этомъ случаѣ преимущество надъ естественными. Въ естественныхъ наукахъ всѣ средства принадлежатъ области такъ называемой внѣшней природы; въ нравственныхъ наукахъ только одна половина средствъ принадлежитъ этому разряду, а другая половина средствъ

заключается въ самомъ человѣкѣ; стало быть половина дѣла зависить только отъ того, чтобы человѣкъ съ достаточною силою почувствовалъ надобность въ известномъ улучшеніи: это чувство уже даетъ ему очень значительную часть условій, нужныхъ для улучшенія. Но мы видѣли, что однихъ этихъ условій, зависящихъ отъ состоянія впечатлѣній самого человѣка, еще недостаточно: нужны такъ же матеріальныя средства. Относительно этой половины условій, относительно матеріальныхъ средствъ, практическіе вопросы нравственныхъ наукъ находятся въ положеніи еще гораздо выгоднѣйшемъ, нежели относительно условій, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ. Прежде, при неразвитости естественныхъ наукъ, могли встрѣчаться во внѣшней природѣ непреодолимыя затрудненія къ исполненію нравственныхъ потребностей человѣка. Теперь не то: естественныя науки уже предлагаютъ ему столь сильныя средства располагать внѣшнею природою, что затрудненій въ этомъ отношеніи не представляется. Возвратимся для примѣра къ практическому вопросу о томъ, какимъ бы способомъ люди могли стать добрыми, такъ чтобы не добрые люди стали на свѣтѣ чрезвычайной рѣдкостью и чтобы злыя качества потеряли всякую замѣтную важность въ жизни по чрезвычайной малочисленности случаевъ, въ которыхъ обнаруживались бы людьми. Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишиться чѣго нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной. Напримѣръ, въ случаѣ неурожая, когда пищи не достаточно для всѣхъ, число преступленій и всякихъ дурныхъ поступковъ чрезмѣрно возрастаетъ: люди обижаютъ и обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба. Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ; самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать; но предметъ, нужный для ея удовлетворенія, находится человѣкомъ почти во всѣхъ положеніяхъ въ достаточномъ изобиліи, потому изъ потребности воздуха почти никогда не возникаетъ дурныхъ поступковъ. Но если встрѣтится исключительное положеніе, когда этого предмета оказывается мало для всѣхъ, то возникаютъ также ссоры и обиды; напримѣръ, если много людей будетъ заперто въ душномъ помѣщеніи съ однимъ окномъ, то почти всегда возникаютъ ссоры и драки, могутъ даже совершаться убійства изъ-за пріобрѣнія мѣста у этого окна. Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить.

Въ предметахъ для порядочнаго удовлетворенія этой потребности очень часто, очень у многихъ людей встрѣчается недостатокъ и онъ служитъ источникомъ самаго большаго числа всѣхъ дурныхъ поступковъ, почти всѣхъ положеній и учреждений, бывающихъ постоянными причинами дурныхъ поступковъ. Если бы устранить одну эту причину зла, быстро исчезло бы изъ человѣческаго общества, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ всего дурнаго: число преступленій уменьшилось бы въ десять разъ, грубые нравы и понятія въ теченіе одного поколѣнія замѣнились бы человѣческими, отнялась бы и опора у стѣснительныхъ учреждений, основанныхъ на грубости нравовъ и невѣжествѣ и скоро уничтожилось бы почти всякое стѣсненіе. Прежде исполнить такое указаніе теоріи было, какъ насъ увѣряютъ, невозможно по несовершенству техническихъ искусствъ; не знаемъ, справедливо ли говорятъ это о старинѣ, но безспорно то, что при нынѣшнемъ состояніи механики и химіи, при средствахъ даваемыхъ этими науками сельскому хозяйству, земля могла бы производить въ каждой странѣ умѣреннаго пояса несравненно больше пищи, чѣмъ сколько нужно для избытка продовольствія числа жителей, въ десять и двадцать разъ большаго чѣмъ нынѣшнее населеніе этой страны (*). Такимъ образомъ со стороны внѣшней природы уже не представляется никакого препятствія къ снабженію всего населенія каждой цивилизованной страны избыточною пищею; задача остается только въ томъ, чтобы люди сознали возможность и надобность энергически устремиться къ этой цѣли. Въ риторическомъ слогѣ можно говорить, будто они на самомъ дѣлѣ заботятся объ этомъ какъ слѣдуетъ; но точный и холодный анализъ науки показываетъ пустоту пышныхъ фразъ, часто слышимыхъ нами объ этомъ предметѣ. Въ дѣйствительности еще ни одно человѣческое общество не приняло въ сколько нибудь обширномъ размѣрѣ тѣхъ средствъ, какія указываются для приданія успѣшности сельскому хозяйству естественными науками и наукою о народномъ благосостояніи. Отчего это происходитъ, почему въ человѣческихъ обществахъ господствуетъ беззаботность объ исполненіи научныхъ указаній для удовлетворенія такой настоятельной потреб-

(*) Въ самой Англійской землѣ можетъ прокормить по крайней мѣрѣ 150,000,000 человѣкъ. Панегирики удивительному совершенству англійскаго сельскаго хозяйства справедливы въ томъ отношеніи, что дѣло это тамъ быстро улучшается; но ошибочно было бы думать, что оно и теперь пользуется въ удовлетворительномъ размѣрѣ пособіями науки; это только что еще начинается и девять десятыхъ частей земли воздѣлываемой въ Англійской воздѣлывается по рутинѣ, совершенно не соотвѣтствующей нынѣшнему состоянію сельско-хозяйственныхъ знаній.

ности, какъ потребность пищи, почему это такъ, какими обстоятельствами и отношеніями производится и поддерживается дурное хозяйство, какъ надобно измѣнить обстоятельства и отношенія для замѣны дурнаго хозяйства хорошимъ, — это опять новые вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ очень легко; и опять практическое осуществленіе научныхъ рѣшеній обуславливается тѣмъ, чтобы человекъ проникся извѣстными впечатлѣніями. Мы, впрочемъ, не станемъ здѣсь излагать ни теоретическаго рѣшенія, ни практическихъ затрудненій по этимъ вопросамъ; это завело бы насъ слишкомъ далеко, а намъ кажется, что уже довольно и предъидущихъ замѣчаній для разъясненія того, въ какомъ положеніи находятся теперь нравственные науки. Мы хотѣли сказать, что разработка нравственныхъ знаній точнымъ научнымъ образомъ только еще начинается; что по этому еще не найдено точнаго теоретическаго рѣшенія очень многихъ чрезвычайно важныхъ нравственныхъ вопросовъ; но что эти вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ еще не найдено, имѣютъ характеръ чисто техническій, такъ что интересны только для специалистовъ, и что наоборотъ, тѣ психологическіе и нравственные вопросы, которые представляются очень интересными и кажутся чрезвычайно трудными для неспециалистовъ, уже съ точностью разрѣшены и притомъ разрѣшены чрезвычайно легко и просто, самыми первыми приложеніями точнаго научнаго анализа, такъ что теоретическій отвѣтъ на нихъ уже найденъ; мы прибавляли, что изъ этихъ несомнѣнныхъ теоретическихъ рѣшеній возникаютъ очень важныя и полезныя научныя указанія о томъ, какія средства надобно употребить для улучшенія человѣческаго быта; что изъ этихъ средствъ нѣкоторыя должны быть взяты во внѣшней природѣ, и при нынѣшнемъ развитіи естественныхъ знаній внѣшняя природа уже не представляетъ этому препятствія, а другія должны быть доставлены разсудительною энергіею самаго человека и нынѣ только въ ея возбужденіи могутъ встрѣчаться трудности, по недоброжелательству, невѣжеству и апатіи людей, и вообще по власти предрасудковъ надъ огромнымъ большинствомъ людей въ каждомъ обществѣ.

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлью объяснить, какимъ образомъ нынѣшнее высокое развитіе естественныхъ наукъ помогаетъ возникновенію точныхъ наукъ по такимъ отраслямъ бытія и по такимъ отдѣламъ теоретическихъ вопросовъ, которые прежде были только предметомъ догадокъ, иногда основательныхъ, иногда неосновательныхъ, по ни въ какомъ случаѣ не дававшихъ точнаго знанія. Таковы нравственные и метафизическіе вопросы. Ближайшимъ предметомъ нашихъ статей служить теперь человекъ, какъ отдѣльная

личность, и мы попробуемъ изложить, какія рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этому предмету, найдены точною научною разработкою психологіи и нравственной философіи. Если читатель помнитъ характеръ нашей первой статьи, онъ, конечно, будетъ ожидать, что лишь только мы дали это обѣщаніе, какъ тотчасъ же измѣнимъ ему и впадимся въ длинное отступленіе, вовсе нейдущее къ дѣлу. Читатель не ошибется. Мы отлагаемъ на время въ сторону психологическіе и нравственно-философскіе вопросы о человѣкѣ, займемъ физиологическими, медицинскими, какими вамъ угодно другими, и вообще не будемъ касаться человѣка какъ существа нравственнаго, а попробуемъ прежде сказать, что мы знаемъ о немъ, какъ о существѣ имѣющемъ желудокъ и голову, кости, жилы, мускулы и нервы. Мы будемъ смотрѣть на него пока только съ той стороны, какую находятъ въ немъ естественныя науки; другими сторонами его жизни мы займемъ послѣ, если позволитъ намъ время.

Физиологія и медицина находятъ, что человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью. Процессъ этотъ такъ многосложенъ, а предметъ его такъ важенъ для насъ, что отрасль химіи, занимающаяся его изслѣдованіемъ, удостоена за свою важность титула особенной науки и названа физиологіею. Отношеніе физиологіи къ химіи можно сравнить съ отношеніемъ отечественной исторіи къ всеобщей исторіи. Разумѣется, русская исторія составляетъ только часть всеобщей; но предметъ этой части особенно близокъ намъ, потому она слѣлана какъ будто особенною наукою: курсъ русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ читается отдѣльно отъ курса всеобщей, воспитанники получаютъ на экзаменахъ особенный баллъ изъ русской исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что эта виѣшняя раздѣльность служитъ только для практическаго удобства, а не основана на теоретическомъ различіи характера этой отрасли знанія отъ другихъ частей того же самаго знанія. Русская исторія понятна только въ связи съ всеобщею, объясняется ею и представляетъ только видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ силъ и явленій, о какихъ разсказывается во всеобщей исторіи. Такъ и физиологія только видоизмѣненіе химіи, а предметъ ея только видоизмѣненіе предметовъ разсматриваемыхъ въ химіи. Сама физиологія не удержала всѣхъ своихъ отдѣловъ въ полномъ единствѣ подъ однимъ именемъ: нѣкоторыя стороны изслѣдуемаго ею предмета, т. е. химическаго процесса, происходящаго въ человѣческомъ организмѣ, имѣютъ такую особенную интересность для человѣка, что изслѣдованія о нихъ, составляющія часть физиологіи, сами удостоились именъ особенныхъ наукъ. Изъ этихъ сторонъ мы назовемъ одну: из-

слѣдованіе явленій производящихъ и сопровождающихъ разными уклоненіями этого химическаго процесса отъ нормальнаго его вида; эта часть физиологіи названа особаннымъ именемъ — медицина; медицина въ свою очередь раздѣляется на множество наукъ съ особенными именами. Такимъ образомъ часть, выдѣлившаяся изъ химіи, выдѣлила изъ себя новыя части, которыя опять раздѣляются на новыя части. Но это явленіе точно того же порядка, какъ раздѣленіе одного города на кварталы, кварталовъ на улицы: это дѣлается только для практическаго удобства и не должно имѣть жно забывать, что всѣ улицы и кварталы города составляютъ одно цѣлое. Когда мы говоримъ: Васильевскій Островъ, или Невскій проспектъ, мы вовсе не говоримъ, чтобы дома Васильевскаго Острова и Невскаго проспекта не входили въ составъ Петербурга. Точно такъ медицинскія явленія входятъ въ систему физиологическихъ явленій, а вся система физиологическихъ явленій входитъ въ еще обширнѣйшую систему химическихъ явленій.

Когда изслѣдуемый предметъ очень многосложенъ, то для удобства изслѣдованія полезно дѣлать его на части; потому физиологія раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе; подобно великому другому химическому процессу вся эта система явленій имѣетъ возникновеніе, возрастаніе, ослабленіе и конецъ. Поэтому физиологія разсматриваетъ, будто бы особыя предметы, процессы дышанія, питанія, кровообращенія, движенія, ощущенія и т. д.; зачатія или оплодотворенія, роста, дряхлѣнія и смерти. Не тутъ опять надобно помнить, что эти разные періоды процесса и разные стороны его раздѣляются только теоріею, чтобы облегчить теоретическій анализъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно неразрывное цѣлое. Такъ геометрія разлагаетъ кругъ на окружность, радіусы, и центръ, но въ сущности радіуса нѣтъ безъ центра и окружности, центра нѣтъ безъ радіуса и окружности, да и окружности нѣтъ безъ радіуса и центра,—эти три понятія, эти три части геометрическаго изслѣдованія о кругѣ составляютъ всѣ вмѣстѣ одно цѣлое. Нѣкоторые изъ частей физиологіи разработаны уже очень хорошо; таковы, на примѣръ, изслѣдованія процессовъ дышанія, питанія, кровообращенія, зачатія, роста и одряхлѣнія; процессъ движенія разъясненъ еще не такъ подробно, а процессъ ощущенія еще меньше; довольно сравнительно можно показать, что такъ же мало изслѣдованъ процессъ нормальной смерти, происходящей не отъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаевъ или специальныхъ разстройствъ (болѣзней), а просто отъ истощенія организма самымъ теченіемъ жизни. Но это потому,

во первых, что наблюдениямъ медиковъ и физиологовъ представляется не очень много случаевъ такой смерти: изъ тысячи человѣкъ развѣ одинъ умираетъ ею, организмъ остальныхъ преждевременно разрушается болѣзнями и гибельными внѣшними случаями; во вторыхъ, и на эти немногіе случаи нормальной смерти ученые до сихъ поръ не выѣли досуга обратитъ такое вниманіе, какое привлекаютъ болѣзни и случаи насильственной смерти: силы науки по вопросу о разрушеніи организма до сихъ поръ поглощаются врисканіемъ средствъ къ устраненію преждевременной смерти.

Мы сказали, что нѣкоторыя части процесса жизни еще не разъянены такъ подробно, какъ другія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы уже не знали положительнымъ образомъ очень многого и о тѣхъ частяхъ его, изслѣдованіе которыхъ находится теперь даже въ самомъ несовершенномъ видѣ. Во первыхъ, если даже предположить, что какая нибудь сторона жизненнаго процесса въ своей особенной специальности остается до сихъ поръ и совершенно недоступною точному анализу въ духѣ математики и естественныхъ наукъ, то характеръ ея приблизительно былъ бы намъ уже извѣстенъ изъ характера другикъ частей, которыя уже довольно хорошо изслѣдованы. Это была бы случай такого же рода, какъ опредѣленіе вида головы млекопитающаго по костлямъ его ногъ: извѣстно, что по одной какой нибудь лопаткѣ или ключицѣ животнаго наука довольно точно возсоздаетъ всю его фигуру и въ томъ числѣ голову, такъ что когда находится потомъ полный скелетъ, онъ подтверждаетъ вѣрность научнаго вывода о цѣломъ по одной его части. Мы знаемъ въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе; изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, опущеніе: питаніе и опущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другаго. Въ прошлой статьѣ мы уже говорили, что такіа заключенія о неизвѣстныхъ частяхъ по извѣстнымъ частямъ имѣютъ и особенную достовѣрность и особенную важность въ отрицательной формѣ: А тѣсно связано съ X; А есть B; изъ этого слѣдуетъ, что X не можетъ быть ни C, ни D, ни E. Напримѣръ, найдена лопатка какого-то допотопнаго животнаго; къ какому именно разряду млекопитающихъ оно принадлежало, этого, можетъ быть, мы не сумѣемъ опредѣлить безошибочно, быть можетъ ошибемся, если причислимъ его къ породѣ кошекъ или лошадей; но уже по одной найденной нами лопаткѣ мы безошибочно знаемъ, что оно не было ни птицею, ни рыбою, ни черепахою. Мы сказали, что эти отрицательные выводы имѣютъ большую важность во всѣхъ наукахъ. Не въ особенности они важны въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что уничтожаемая ими ошибка имѣла особенную прак-

тическую гибельность въ этихъ наукахъ. Если встарину по плохому развитію естественныхъ наукъ ошибочно считали кита рыбой, а летучую мышь птицей, отъ этого, вѣроятно, не пострадалъ не одинъ человѣкъ; но отъ ошибокъ, имѣвшихъ такой же источникъ, т. е. происходившихъ отъ неумѣнія подвергнуть предметъ точному анализу, произошли въ метафизикѣ и въ нравственныхъ наукахъ ошибочныя мнѣнія, надѣлавшія людямъ гораздо больше зла, чѣмъ холера, чума и всѣ заразительныя болѣзни. Сдѣлаемъ, на примѣръ, гипотезу, что праздность пріятна, а трудъ непріятенъ; если эта гипотеза станетъ господствующимъ мнѣніемъ, каждый человѣкъ будетъ пользоваться всѣми случаями, чтобы обезпечить себѣ праздную жизнь, заставивъ другихъ работать за себя; изъ этого произойдуť всѣ виды порабощенія и грабежа, начиная отъ собственно такъ называемаго рабства и отъ завоевательной войны до вынужденныхъ болѣе тонкихъ формъ тѣхъ же явленій. Эта гипотеза дѣйствительно была сдѣлана людьми, дѣйствительно стала господствующимъ мнѣніемъ; и дѣйствительно произвела немало страданій. Теперь попробуемъ приложить къ понятію пріятности или удовольствія выводы изъ точнаго анализа жизненнаго процесса. Феноменъ пріятности или удовольствія принадлежитъ той части жизненнаго процесса, которая называется ощущеніемъ. Предположимъ пока, что собственно объ этой части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной части, еще нѣтъ у насъ точныхъ изслѣдованій. Посмотримъ, нельзя ли чегонибудь заключить о ней изъ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія приобрѣла наука о питаніи, дыханіи, кровообращеніи. Мы видимъ, что каждое изъ этихъ явленій составляетъ дѣятельность нѣкоторыхъ частей нашего организма. Какія части дѣйствуютъ при феноменахъ дыханія, питанія и кровообращенія, это мы знаемъ, знаемъ и то, какъ они дѣйствуютъ; быть можетъ мы ошиблись бы, если бы стали изъ этихъ свѣдѣній дѣлать выводы о томъ, какія именно части организма и какими именно образомъ дѣйствуютъ при феноменѣ пріятнаго ощущенія; но мы уже прямо видѣли, что только дѣятельность какойнибудь части организма даетъ возникновеніе тому, что называется явленіемъ человеческой жизни; мы видимъ, что когда есть дѣятельность, то есть и феноменъ, а когда нѣтъ дѣятельности, то нѣтъ и феномена; изъ этого видимъ, что и для пріятнаго ощущенія непременно нужна какаянибудь дѣятельность организма. Теперь анализируемъ понятіе дѣятельности. Для дѣятельности необходимо существованіе двухъ предметовъ, дѣйствующаго и подвергающагося дѣйствию и дѣятельность состоитъ въ томъ, что дѣйствующій предметъ обращаетъ свои силы на переработку предмета подвергающагося дѣйствию. На-

примѣръ, грудь и легкія перемѣщаютъ и разлагаютъ воздухъ при феноменѣ дыханія, желудокъ переработываетъ пищу при феноменѣ питанія. Итакъ, пріятное ощущение такъ же должно непремѣнно состоять въ томъ, что силою человѣческаго организма передѣлывается какой нибудь внѣшній предметъ; какой именно предметъ и какимъ именно способомъ переработывается, этого мы еще не знаемъ, но мы уже видимъ, что источникомъ удовольствія непремѣнно должна быть какая нибудь дѣятельность человѣческаго организма надъ внѣшними предметами. Попробуемъ теперь сдѣлать отрицательный выводъ изъ этого результата. Праздность есть отсутствіе дѣятельности; очевидно, что она не можетъ производить феноменовъ такъ называемаго пріятнаго ощущенія. Теперь становится намъ совершенно понятно, почему во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на непріятность жизни. Эта жалоба совершенно справедлива. Богачу такъ же непріятно жить, какъ и бѣдняку, потому что по обычаю внесенному въ общество ошибочною гипотезою, съ богатствомъ соединена праздность, то есть вещи, которыя должны были бы служить источникомъ удовольствія, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствие. Кто привыкъ къ отвлеченному мышленію, тотъ впередъ укрѣпитъ, что наблюденіе надъ житейскими отношеніями не будетъ противорѣчить результатамъ научнаго анализа. Но и люди непривычные къ мышленію будутъ приведены къ такому же заключенію соображеніемъ смысла тѣхъ фактовъ, которые представляетъ такъ называемая свѣтская жизнь: въ ней нѣтъ нормальной дѣятельности, т. е. такой дѣятельности, въ которой объективная сторона дѣла соответствовала бы субъективной его роли, нѣтъ дѣятельности, которая заслуживала бы имени серьезной дѣятельности; чтобы избѣжать субъективнаго разстройства въ организмѣ, избѣжать происходящихъ отъ неподвижности болѣзней, избѣжать тоски, свѣтскій человекъ принужденъ создавать себѣ взаимѣнъ нормальной дѣятельности фиктивную: онъ лишенъ движенія, имѣющаго объективную разумную цѣль, и потому «дѣлаетъ моціонъ», т. е. убиваетъ на пустое размахиваніе ногами столько же времени, сколько слѣдовало употребить на дѣловую ходьбу; онъ лишенъ физическаго труда и потому «занимается гимнастиккою для гігіены» т. е. машетъ руками и качается корнусомъ (забѣльбардомъ, за токарнымъ станкомъ, если не въ гимнастической залѣ) столько же времени, сколько слѣдовало бы ему заниматься физической работой; онъ лишенъ дѣльныхъ заботъ о себѣ и своихъ близкихъ, потому занимается слѣтнями и интригами, т. е. хлопотетъ тщеславно надъ вздоромъ столько же, сколько слѣдовало бы хлопотать о дѣльныхъ вещахъ. Но всѣ эти искусственныя средства ни какъ не мо-

гутъ доставить потребностямъ организма такого удовлетворенія, какое нужно для здоровья. Жизнь проходитъ у нынѣшняго богача такъ, какъ идетъ она у китайца, кушающаго опиумъ: противоположенное раздраженіе смѣняется летаргіею, напряженное пресыщеніе пустою дѣятельностью, оставляя послѣ себя все ту же пустую тоску, спасенія отъ которой ищутъ въ немъ.

Мы видимъ, что если даже предположить совершенный недостатокъ точныхъ изслѣдованій о какой нибудь части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной спеціальной части, то нынѣшнее состояніе точныхъ знаній о другихъ частяхъ того же самаго жизненнаго процесса уже даетъ намъ приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ этой неизвѣстной части, даетъ намъ прочную опору для важныхъ положительныхъ и для еще болѣе важныхъ отрицательныхъ выводовъ о ней. Но, конечно, мы только для разъясненія дѣла, *argumenti causa*, предположили совершенное отсутствіе точныхъ изслѣдованій по нѣкоторымъ частямъ жизненнаго процесса; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни одной части жизненнаго процесса, о которой наука не приобрѣла болѣе или менѣе обширныхъ и точныхъ знаній, спеціально относящихся именно къ этой части. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ. Результатами этихъ спеціальныхъ изысканій подтверждаются выводы получаемые изъ общихъ наблюденій надъ цѣлымъ жизненнымъ процессомъ и надъ частями его, болѣе изслѣдованными.

До сихъ поръ мы говорили о физиологіи, какъ о наукѣ занимающейся изслѣдованіемъ жизненнаго процесса въ человѣческомъ организмѣ. Но читатель знаетъ, что физиологія человѣческаго организма составляетъ только часть физиологіи, или, точнѣе сказать, часть одного ея отдѣла—зоологической физиологіи. Замѣтивъ это, мы поправимъ ошибку сдѣланную на предъидущихъ страницахъ: напрасно мы говорили, что феномены дыханія, питанія и другихъ частей жизненнаго процесса въ человѣкѣ составляютъ предметъ физиологіи: предметъ ея составляютъ явленія этого процесса во во всѣхъ живыхъ существахъ. Физиологія человѣка существуетъ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ географія Англій, въ смыслѣ одной главы изъ состава цѣлой книги, — главы, которая можетъ сама разрастаться въ цѣлую книгу.

Когда мы поверхностнымъ образомъ обозрѣваемъ двѣ страны, очень далекия по развитію одна отъ другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованнаго народа, намъ кажется, будто бы въ одной изъ нихъ нѣтъ даже и слѣда тѣхъ явленій, какія поражаютъ насъ своимъ колоссальнымъ размѣромъ въ другой. Въ Англій мы

видимъ Лондонъ и Манчестеръ, доки наполненные пароходами и желѣзныя дороги, а у какихъ нибудь якутовъ нѣтъ повидимому ничего соотвѣтствующаго этимъ явленіямъ. Но загляните въ основательное описаніе жизни якутовъ и оно уже самымъ оглавленіемъ своимъ наведетъ насъ на мысль, что поверхностное заключеніе наше было ошибочно: оглавленіе книги о якутахъ точно таково же, какъ оглавленіе книги объ англичанахъ: почва и климатъ; способы добыванія пищи; жилища; одежда; пути сообщенія; торговля и т. д. Какъ? спрашиваете вы себя: — неужели у якутовъ есть и пути сообщенія и торговля? Да, разумѣется есть, какъ и у англичанъ; разница только та, что у англичанъ эти явленія общественной жизни сильно развиты, а у якутовъ они развиты слабо. У англичанъ есть Лондонъ, — но и у якутовъ есть явленія возникающія изъ того же самаго принципа, которымъ созданъ Лондонъ: на зиму якуты, бросая кочевую жизнь, поселяются въ землянкахъ; эти землянки вырыты по сосѣдству одна отъ другой, такъ что составляютъ какую-то группу, — вотъ вамъ и зародышъ города; въ самой Англии дѣло началось съ того же: зародышемъ Лондона была такая же группа такихъ же землянокъ. У англичанъ есть Манчестеръ съ гигантскими машинами, которыя называются бумаго-прядильною фабрикою; но въдѣ и якуты не довольствуются звѣриными шкурами въ ихъ натуральномъ видѣ, они шиваютъ ихъ, они дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ; отъ валянія войлока уже не далеко до тканья; отъ иголки не далеко до веретена, а Манчестеръ составляетъ просто накопленіемъ десятковъ миллионъ верегенъ съ удобною для нихъ обстановкою; въ работѣ якутскаго семейства надъ изготовленіемъ одежды лежитъ уже зародышъ Манчестера, какъ въ якутской землянкѣ зародышъ Лондона. Дѣло иного рода, насколько гдѣ развилось извѣстное явленіе; но явленія всѣхъ разрядовъ въ разныхъ степеняхъ развитія существуютъ у каждаго народа. Зародышъ одинъ и тотъ же; онъ развивается повсюду по однимъ и тѣмъ же законамъ, только обстановка у него въ разныхъ мѣстахъ различна, оттого различно и развитіе: берлинскій кислый виноградъ тотъ же самый виноградъ, какой растетъ въ Шампани и въ Венгрии; только климатъ разный, потому съ практической точки зрѣнія можно говорить, что берлинскій виноградъ, который ни на что не годится, вещь совершенно иного рода, чѣмъ виноградъ Токая или Эперне, изъ котораго дѣлаютъ дивныя вина; такъ, разница огромная, явная для всякаго, но согласитесь, что ученые люди поступаютъ справедливо, утверждая, что нѣтъ въ токайскомъ виноградѣ такихъ элементовъ, которыхъ не нашлось бы въ берлинскомъ виноградѣ.

Намъ нужно обозрѣть всю область природы, чтобы дойти до человѣка; а до сихъ поръ мы говорили только о такъ называемой неорганической природѣ и о царствѣ растеній, еще ничего не сказавъ о царствѣ животныхъ. Въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно отличается отъ растеній; но читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія такъ называемой животной жизни изъ растительной: есть растенія и животныя почти ничѣмъ не отличающіася другъ отъ друга, такъ что трудно сказать, къ какому царству отнести ихъ. Если нѣкоторыя животныя почти ничѣмъ не отличаются отъ растеній въ эпоху полнаго развитія своего организма, то въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста: зародышемъ животного и растенія одинаково служатъ ячейка; ячейка, служащая зародышемъ животного, такъ похожа на ячейку, служащую зародышемъ растенія, что трудно и отличить ихъ. И такъ мы видимъ, что всѣ животныя организмы начинаютъ съ того же самаго, съ чего начинается растеніе, и только впоследствии нѣкоторыя животныя организмы пріобрѣтаютъ видъ очень различный отъ растеній и въ очень высокой степени проявляютъ такія качества, которыя въ растенія такъ слабы, что открываются только при помощи научныхъ пособій. Такъ, напримѣръ, и въ деревѣ есть зародышъ движенія: соки въ немъ движутся, какъ въ животныхъ; корни и вѣтви тянутся въ разные стороны; правда, это перемѣщеніе происходитъ только въ частяхъ, а цѣлый организмъ растенія не перемѣняетъ мѣста; но и поливъ такъ же не перемѣняетъ мѣста: подвигаясь способностью перемѣщенія не превосходитъ дерево. Но есть даже и такія растенія, которыя перемѣняютъ свое мѣсто: сюда принадлежатъ нѣкоторыя виды семейства *Mimosa*.

Не вадобно обижать никого; мы нанесли бы животнымъ обиду, если бы, замѣтивъ, что они не должны считать себя существами иной природы, чѣмъ растенія, понизивъ ихъ на степень только особенной формы той же жизни, какая видна въ растеніяхъ, не сказали нѣсколькихъ словъ и и въ честь ихъ. Дѣйствительно, научный анализъ открываетъ несправедливость голословныхъ фразъ, будто животныя вовсе лишены разныхъ почетныхъ качествъ, какъ напримѣръ нѣкоторой способности къ прогрессу. Обыкновенно говорятъ: животное всю жизнь остается тѣмъ, чѣмъ родилось, ничему не научается, не идетъ впередъ въ умственномъ развитіи. Такое мнѣніе разрушается фактами известными каждому: медвѣдя научаютъ плясать и выкидывать

разныя штуки, собакъ подавать повоску и танцовать; слоновъ даже выучиваютъ ходить по канату, даже рыбъ приучаютъ собираться въ данное мѣсто по звонку, — этого всего обученныя животныя не дѣлали безъ ученя; ученье даетъ имъ качества, которыхъ безъ него не имѣли бы они. Не только человекъ учитъ животныхъ — сами животныя учатъ другъ друга; известно, что хищныя животныя учатъ своихъ дѣтей ловить добычу; птицы учатъ своихъ дѣтей летать. Но, говорить намъ, это наученье, это развитие имѣетъ известный предѣлъ, дальше которыхъ неидетъ животное, такъ что каждая порода неподвижна въ своемъ развитіи, которое относится только къ отдѣльнымъ членамъ ея; отдѣльное животное можетъ имѣть свою исторію, но порода остается безъ исторіи, понимая подъ исторію прогрессивное движеніе. Это также не справедливо; на нашихъ глазахъ совершенствуются цѣлыя породы животныхъ: напримѣръ, улучшается порода лошадей или рогатаго скота въ известной странѣ. Человекъ имѣетъ пользу отъ развитія однихъ только экономическихъ качествъ животного: отъ увеличенія силы у лошади, шерсти у овцы, молока и мяса у коровы и быка; потому мы и совершенствуемъ цѣлыя породы животныхъ только въ этихъ высшихъ качествахъ. Но все-таки изъ этого уже видно, что животныя доступны развитію не только индивидуумами, а цѣлыми породами. Этого одного факта было бы уже достаточно для несомнѣннаго заключенія о томъ, что и умственныя способности животныхъ каждой породы не стоятъ неподвижно на одной данной точкѣ, а такъ же измѣняются: естественныя науки говорятъ, что причина производящая перемѣну въ мускулахъ, т. е. измѣненіе качествъ крови, непремѣнно производитъ нѣкоторую перемѣну и въ нервной системѣ; если при перемѣнѣ въ составѣ крови, питающей мускулы и нервы, измѣняется питаніе мускуловъ, то должно измѣняться и питаніе нервной системы; а при различіи въ питаніи непремѣнно измѣняются качества и дѣйствія питающейся части организма. Лошадь улучшенной породы непремѣнно должна имѣть впечатлѣнія нѣсколько иныя, чѣмъ простая лошадь: вы видите, что ея глазъ блестеть болѣе живымъ огнемъ; это значитъ, что зрительный нервъ ея воспримчивѣе, чувствительнѣе; если такъ измѣнился зрительный нервъ, то произошла нѣкоторая перемѣна и во всей нервной системѣ. Это вовсе не гипотеза, это положительный фактъ, известный, напримѣръ, изъ того, что жеребенокъ отъ домашней лошади, отъ благовоспитанной лошади, если можно такъ выразиться, гораздо скорѣе и легче приучается ходить въ упряжи, чѣмъ жеребенокъ отъ табунной лошади, отъ дикой, невоспитанной лошади; это значитъ, что умственныя способности у одного болѣе развиты въ известномъ отношеніи,

чѣшь у другаго. Но тутъ дѣло идетъ для цѣлей человѣка, а не для потребности самаго животнаго; это развитіе касается только низшихъ сторонъ умственной жизни, какъ всякое развитіе налагаемое цѣлями посторонними самому развивающемуся. Гораздо яснѣе обнаруживается въ животныхъ способность къ прогрессу, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побужденію. Наши домашнія животныя, привыкшія къ своему рабству, развившись въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя нужны для нихъ господина, вообще поглупѣли отъ рабства. Они стали трусливы, ненаходчивы въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Но, выходя на свободу, они возвращаются къ находчивости и смѣлости вольнаго состоянія. Одичавшія лошади приучаются защищаться отъ волковъ, приучаются выбивать траву изъ подъ снѣга зимой. Дикія животныя вообще умѣютъ приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ: книги о нравахъ животныхъ наполнены разсказами о томъ, какъ умѣютъ ирринаровлять свою жизнь къ новой обстановкѣ осы, пауки и другія насѣкомыя, посаженныя подъ стеклянный колпакъ. Сначала насѣкомое пробуетъ поступать по прежнему; постепенныя неудачи показываютъ ему неудовлетворительность прежняго метода, оно пробуетъ новые методы, и если обстоятельства не губятъ его, оно наконецъ устраиваетъ свою жизнь по новому способу. Медвѣдь, нашедши боченокъ съ виномъ, умѣетъ наконецъ догадаться, какъ выбить дно. Мы не станемъ приводить безчисленныхъ отдѣльныхъ анекдотовъ о находчивости животныхъ и замѣтимъ только одинъ общій фактъ, относящійся къ цѣлымъ породамъ: при появленіи человѣка въ пустынной странѣ, птицы еще не умѣютъ остерегаться его; но постепенно опытъ научаетъ ихъ быть осторожными, предусмотрительными относительно этаго новаго врага, и всѣ породы дичи научаются обходиться съ охотникомъ умнѣе прежняго, избѣгать его, обманывать его.

Мы употребляли выраженіе «умственные способности», говоря о животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать въ нихъ ни памяти, ни воображенія, ни мышленія. О памяти нечего и говорить: каждому извѣстно, что нѣтъ ни одного млекопитающаго, ни одной птицы безъ этой способности, и у нѣкоторыхъ породъ она развита очень сильно; память собаки чрезвычайно велика: она узнаетъ человѣка, видѣннаго ею очень давно, умѣетъ находить дорогу въ хозяйскій домъ изъ очень отдаленнаго мѣста. Воображеніе непременно должно существовать, если есть память, потому что оно только соединяетъ въ новыя группы разныя представленія, хранимыя памятью. Если существуетъ нервная дѣятельность, т. е. если происходитъ непрерывная смѣна ощущеній и впечатлѣній, то прежнія

представленія непременно должны безпрестанно попадать въ сочетанія съ новыми, а этотъ феноменъ уже и есть то самое, что называется воображеніемъ. Положительнымъ образомъ существованіе фантазіи въ животномъ доказывается тѣмъ, что кошка видитъ сны: она во снѣ часто бываетъ похожа на лунатика: то сердится, то радуется. Впрочемъ, нѣтъ надобности слишкомъ дорожить этимъ частнымъ фактомъ, способностью кошки имѣть сновидѣнія: существованіе фантазіи у животныхъ обнаруживается другимъ гораздо болѣе общимъ фактомъ, расположеніемъ всѣхъ молодыхъ животныхъ забавляться посредствомъ игры надъ вышними предметами, которые не могли бы служить предметомъ такой игры, если бы не представлялись играющему животному чѣмъ-то въ родѣ куколъ. Молодая кошка забавляется какоюнибудь щепочкою или кусочкомъ шерсти, какъ будто мышью: она бросаетъ клочекъ шерсти, чтобы онъ какъ будто бѣжалъ, сама принимаетъ подстерегающее положеніе, потомъ прыгаетъ и ловитъ воображаемую мышь, — это прямо игра въ куклы, только кукла тутъ имѣетъ роль не жениха и не вѣсты, не барышни и служанки, а роль мышки: что дѣлать, каждое существо даетъ предметамъ такую роль, какая для него интересна.

Мышленіе состоитъ въ томъ, чтобы изъ разныхъ комбинацій ощущеній и представленій, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, выбирать такія, которыя соответствуютъ потребности мыслящаго организма въ данную минуту, въ выборѣ средствъ для дѣйствія, въ выборѣ представленій, посредствомъ которыхъ можно было бы дойти до извѣстнаго результата. Въ этомъ состоитъ не только мышленіе о житейскихъ предметахъ, но и такъ называемое отвлеченное мышленіе. Возьмемъ въ примѣръ самое отвлеченное дѣло: рѣшеніе математической задачи. У Ньютона, заинтересованнаго вопросомъ о законѣ качества или силы, проявляющейся въ обращеніи небесныхъ тѣлъ, накопилось въ памяти очень много математическихъ формулъ и астрономическихъ данныхъ. Чувство его (главнымъ образомъ одно чувство — зрѣніе) безпрестанно приобрѣтали новыя формулы и астрономическія данныя изъ чтенія и собственныхъ наблюденій; отъ сочетанія этихъ новыхъ впечатлѣній съ прежними возникали въ его головѣ равныя комбинаціи, формулы цифръ; его вниманіе останавливалось на тѣхъ, которыя казались подходящими къ его цѣли, соответствующими его потребности найти формулу даннаго явленія; отъ обращенія вниманія на эти комбинаціи, т. е. отъ усилія энергіи въ неравномъ процессѣ при ихъ возвленіи, онѣ развивались и разрастались, пока, наконецъ, равными силами и превращеніями ихъ произведенъ былъ результатъ, къ которому стремился нервный процессъ, т. е. найдена была формула

формула. Это явление, т. е. сосредоточение нервного процесса на удовлетворяющих его желанію въ данную минуту комбинаціяхъ ощущений и представленій, непременно должно происходить, какъ скоро существуютъ комбинаціи ощущений и представленій, иначе сказать, какъ скоро существуетъ нервный процессъ, который самъ и состоитъ именно въ рядѣ разныхъ комбинацій ощущения и представленія. Каждое существо, каждое явление разрастается, усиливается при появленіи данныхъ, удовлетворяющихъ его потребности, прилѣпляется къ нимъ, питается ими, — а собственно въ этомъ и состоитъ то, что мы назвали выборомъ представленій и ощущений въ мышленіи, а въ этомъ выборѣ ихъ, въ прилѣпленіи къ нимъ и состоитъ сущность мышленія.

Само собою разумѣется, что когда мы находимъ одинаковость теоретической формулы, посредствомъ которой выражается процессъ происходившій въ нервной системѣ Ньютона при открытіи закона тяготѣнія и процессъ того, что происходитъ въ нервной системѣ курицы, отыскивающей овсяныя зерна въ кучѣ сора и пыли, то не надобно забывать, что формула выражаетъ собою только одинаковую сущность процесса, а вовсе не то, чтобы размѣръ процесса былъ одинаковъ, чтобы одинаково было впечатлѣніе производимое на людей явленіями этого процесса, или чтобы обѣ формы его могли производить одинаковый внѣшній результатъ. Мы говорили напримѣръ, въ прошлой статьѣ, что хотя трава и дубъ растутъ по одному закону, изъ однихъ элементовъ, но все-таки трава никакъ не можетъ производить такихъ дѣйствій, давать такихъ результатовъ, какъ дубъ: изъ дуба человѣкъ можетъ строить себѣ огромныя дома и корабли, а изъ травы можно только маленькой птичкѣ свить свое гнѣздо; или, напримѣръ, въ кучѣ гнилушки происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ печи громадной паровой машины; но дуча гнилушки никого не перевезетъ изъ Москвы въ Петербургъ, а паровикъ съ своею печью перевозитъ тысячи людей и десятки тысячъ пудовъ товаровъ. Муха летаетъ тою же самою силою, по тому же самому закону, какъ орелъ; но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она взлетала такъ высоко, какъ орелъ.

Говорятъ, будто бы животныя не разсуждаютъ, — это чистый вадеръ. Вы поднимаете палку на собаку; собака поджимаетъ хвостъ и бѣжитъ отъ васъ; отчего это? Оттого, что у ней въ головѣ построился слѣдующій силлогизмъ: когда меня бьютъ палкою, мнѣ бываетъ неприятно; этотъ человѣкъ хочетъ побить меня палкою; такъ, удаюсь отъ него, чтобы не получить болѣзненнаго ощущенія отъ его палки. Смѣшно и слышать, когда говорятъ, будто собака въ этомъ случаѣ убѣжала только по инстинкту, машинально, а

не по разсужденію, не сознательно: нѣтъ, инстинктъ; машинальность есть тутъ, но не все дѣло произошло инстинктивно, машинально: по инстинкту, по машинальной привычкѣ собака поджала хвостъ, когда побѣжала отъ васъ, а побѣжала она по сознательной мысли. Въ дѣйствіяхъ каждаго живаго существа есть сторона безсознательной привычки или безсознательнаго движенія органовъ; но это не мѣшаетъ участію сознательной мысли въ томъ дѣйствіи, которое сопровождается и нѣкоторыми движеніями, происходящими безсознательно. Когда человѣкъ испугается, мускулы его лица безсознательно, инстинктивно принимаютъ выраженіе испуга; но тѣмъ не менѣе происходитъ въ головѣ этого человѣка другая часть явленія, принадлежащая области сознанія: онъ сознаетъ, что онъ испуганъ, онъ сознаетъ, что сдѣлалъ движеніе выражающее испугъ; отъ этой сознательной стороны факта происходятъ новыя послѣдствія: человѣкъ можетъ быть постыдился себя за то, что испугался, можетъ быть приметъ мѣры къ оборонѣ отъ испугавшаго предмета, а можетъ быть поспѣшитъ удалиться отъ него.

Но мы забыли: вѣдь, говорятъ, что у животныхъ нѣтъ сознанія, что они не сознаютъ своихъ ощущеній, своихъ мыслей, умозаключеній, а только имѣютъ ихъ. Какимъ образомъ понять это, какимъ образомъ могутъ понимать эти слова сами тѣ люди, которые говорятъ ихъ, всегда было для насъ загадкою. Не сознавать своего ощущенія — скажите, есть ли смыслъ въ этой фразѣ? скажите, какимъ образомъ можно составить себѣ отчетливое представленіе о комбинаціи понятій, которую хочеть она возбудить? Ощущеніемъ вѣдь именно и называется такое явленіе, которое чувствуется; имѣть безсознательное ощущеніе значило бы имѣть нечувствуемое чувство, значило бы то же самое, что видѣть невидимый предметъ или по знаменитому выраженію «слышать молчаніе.» Есть очень много выраженій совершенно бессмысленныхъ, составленныхъ изъ сочетанія словъ соотвѣтствующихъ неклеящимся между собою понятіямъ; произносить ихъ каждый можетъ, но каждый, кто произноситъ ихъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что, или самъ не понимаетъ, что говоритъ, или хочеть шарлатанить. Говорятъ, напримѣръ, «невѣсомая жидкость»: но что такое жидкость, какая бы то ни была? Она все-таки тѣло, все-таки нѣчто матеріальное; всякое вещество имѣеть свойство называемое притяженіемъ или тяготѣніемъ, состоящее въ томъ, что каждая частичка матеріи притягиваетъ къ себѣ другія частицы и сама притягивается ими; на землѣ это свойство обнаруживается вѣсомъ, т. е. тяготѣніемъ къ центру земли; итакъ, всякая жидкость непременно имѣеть вѣсъ, а «невѣсомая жидкость», бессмысленное сочетаніе звуковъ въ родѣ выраженій свиній звукъ,

сахарная селитра и т. п. Если въ физикѣ такъ долго употреблялось безсмысленное выраженіе «невѣсомая жидкость», то не удивительно изобиліе подобныхъ выраженій въ психологіи, которая разработана меньше физики; научный анализъ показываетъ вздорность ихъ и одна изъ сторонъ развитія науки состоитъ въ томъ, чтобы отбрасывать ихъ.

Еще забавнѣе становится пустая гипотеза объ отсутствіи сознанія въ животныхъ, когда принимаетъ какой-то нелѣпо-возвышенный тонъ, подраздѣляя феноменъ сознанія на два разряда: простое сознаніе и самосознаніе, говоря, что животные имѣютъ простое сознаніе, а самосознанія не имѣютъ. Тутъ дѣло доходитъ до такой мудрости, съ которою можетъ сравниться лишь слѣдующая диллѣма: скрипка издаетъ только синій звукъ, а самосиняго звука издавать не можетъ, его издаетъ виолончель. Кто пойметъ этотъ тонкій выводъ о качествахъ звука скрипки и виолончели, для того будетъ совершенно ясно, что ощущеніе въ животныхъ сопровождается сознаніемъ, но не сопровождается самосознаніемъ, иначе сказать, что животные имѣютъ ощущеніе о виѣшнихъ предметахъ, но не чувствуютъ, что имѣютъ ощущеніе, иначе сказать, имѣютъ чувства, которыхъ не чувствуютъ. Послѣ этого слѣдуетъ заключить: вѣроятно: во животныхъ ѣдятъ зубами, которыми не ѣдятъ, ходятъ ногами, которыми не ходятъ. Теперь для насъ очевидно существованіе итѣчьяго молока: птицы имѣютъ молоко, котораго не имѣютъ; такъ какъ онѣ его имѣютъ, то оно существуетъ, а такъ какъ онѣ его не имѣютъ, то простонародная поговорка справедливо полагаетъ, что достать его нигдѣ нельзя. Кто убѣжденъ въ справедливости всѣхъ этихъ столь основательныхъ мнѣній, тому остается только просидѣть Иванову ночь надъ папоротникомъ и онъ получитъ двѣ точки невидимку.

Прикоснемся точнымъ анализомъ къ факту ощущенія и вся фантазмагорія исчезаетъ отъ перваго прикосновенія. Ощущеніе не самой натурѣ своей непременно предполагаетъ существованіе двухъ элементовъ мысли, связанныхъ въ одну мысль: во первыхъ, тутъ есть виѣшний предметъ, произвождающій ощущеніе, во вторыхъ существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе; чувствуя свое ощущеніе, оно чувствуетъ извѣстное свое состояніе; а когда чувствуется состояніе какого нибудь предмета, то, разумеется, чувствуется и самый предметъ. Напримѣръ, я чувствую боль въ лѣвой рукѣ; виѣсть съ этимъ я чувствую и то, что у меня есть правая рука; виѣсть съ этимъ я чувствую, что существую я, часть котораго составляетъ эта лѣвая рука, и по всей вѣроятности чувствую такъ же, что эта рука болитъ у меня; или я не чувствую, что она болитъ,

у меня? или, когда я чувствую боль въ рукѣ, то я чувствую, что рука болитъ не у меня, а у какого нибудь китайца въ Кантонѣ? Не смѣшно ли разсуждать о подобныхъ вещахъ, разсуждать о томъ, солнце ли есть солнце, рука ли есть рука, и о тому подобныхъ мудреныхъ задачахъ?

Чѣмъ отличается Ротшильдъ отъ бѣдняка? тѣмъ ли, что двугривенный въ корманѣ бѣдняка есть простое серебро, а груды серебряной монеты, лежащія въ подвалахъ Ротшильда, вычеканены изъ самосеребра, которое гораздо лучше серебра? Если бы Ротшильдъ былъ человѣкъ не богатый, а только тщеславный, онъ могъ бы придумывать подобныя вздоры въ доказательство своего превосходства надъ бѣднякомъ. Но, какъ человѣкъ дѣйствительно богатый, онъ не имѣетъ надобности въ такихъ вздорныхъ фантазіяхъ и прямо говоритъ бѣдняку: мое серебро точно такое же какъ ваше; но у васъ сто одинъ золотникъ, а у меня много тысячъ пудовъ, потому-то, измѣрля богатствомъ право на уваженіе, я нахожу себя заслуживающимъ гораздо большаго уваженія, чѣмъ вы.

Говорятъ также, будто бы у животныхъ нѣтъ тѣхъ чувствъ, которыя называются возвышенными, безжорыстными, идеальными. Надобно ли замѣчать совершенную несообразность такого мнѣнія съ общезвѣстными фактами? Привязанность собаки вошла въ пословицу; лошадь проникнута честолюбіемъ до того, что когда разгорячится, обгоняя другую лошадь, то уже не нуждается въ хлыстѣ и шпорахъ, а только въ удилкахъ: она готова надорвать себя, бѣжать до того, чтобы упасть замертво, лишь бы обогнать соперницу. Намъ говорятъ, будто бы животные знаютъ только кровное родство, а не знаютъ родства, основаннаго на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія. Но насѣдка высидѣвшая цыплятъ изъ яицъ снесенныхъ другою курицею, не имѣетъ съ этими цыплятами никакого кровнаго родства: ни одна частичка изъ ея организма не находится въ составѣ организма этихъ цыплятъ. Однако же мы видимъ, что въ заботливости курицы о цыплятахъ не бываетъ никакого различія отъ того обстоятельства, свои или чужія яйца высидѣла насѣдка. На чемъ же основана ея заботливость о цыплятахъ, высидѣнныхъ ею изъ яицъ другой курицы? На томъ фактѣ, что она высидѣла ихъ, на томъ фактѣ, что она помогаетъ имъ дѣлаться курами и пѣтухами, хорошими, здоровыми пѣтухами и курами. Она любитъ ихъ, какъ нянька, какъ гувернантка, воспитательница, благодѣтельница ихъ. Она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственнаго существа — не матеріальнаго существа, нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови, — нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразу-

мія, своей опытности въ куриныхъ дѣлахъ; это отношеніе чисто нравственное.

Вообще замѣчаютъ, что дѣти, достигшіе совершеннолѣтія, гораздо менѣе привязаны къ родителямъ, чѣмъ родители къ дѣтямъ. Главное основаніе этого факта открыть очень легко: человекъ любить прежде всего самъ себя. Родители видятъ въ дѣтяхъ результатъ своихъ заботъ о нихъ, а дѣти ничѣмъ не участвовали въ воспитаніи родителей, не могутъ видѣть въ нихъ результатъ своей дѣятельности. При нынѣшнемъ устройствѣ общества нравственныя отношенія совершенно-лѣтнихъ дѣтей къ родителямъ состоятъ почти только въ томъ, чтобы содержать ихъ на старости, да и эту обязанность исполняли бы очень не многіе дѣти по собственному влеченію, если бы не принуждались къ ея исполненію тѣмъ чувствомъ повинненія общественному мнѣнію, которое принуждаетъ ихъ вообще не держать себя неприличнымъ образомъ, невозбуждать своими дѣйствіями общаго негодованія. Въ тѣхъ породахъ животныхъ, которыя не составляютъ обществъ, конечно, нѣтъ и общественныхъ отношеній, вынуждающихъ исполненіе подобнаго дѣла. Мы не знаемъ, какъ проводятъ свое дряхлое время жаворонки, ласточки, кроты и лисицы. Ихъ жизнь такъ необезпечена, что по всей вѣроятности очень не многія изъ этихъ животныхъ доживаютъ до дряхлости: вѣроятно они скоро дѣлаются добычею другихъ животныхъ, когда ослабѣваетъ въ нихъ сила улетать, убѣгать или защищаться. Говорятъ, что едва ли хотя одна рыба умираетъ естественной смертію, не бываетъ пожрана другими рыбами. То же надобно думать о большей части дикихъ птицъ и млекопитающихъ. Тѣ немногіе индивидуумы, которые доживаютъ до дряхлости, вѣроятно умираютъ отъ голода нѣсколькими часами или днями раньше, чѣмъ могли бы умереть; имѣя подлѣ себя пищу. Но изъ этого забвенія ихъ дѣтей о дряхлыхъ отцахъ и матеряхъ не будемъ выводить слишкомъ рѣзкаго сужденія объ отсутствіи дѣтской привязанности между животными: мы тутъ обязаны быть снисходительными, потому что наше сужденіе объ этомъ предметѣ почти вполне примѣнилось бы и къ людямъ.

Когда говоришь безъ всякаго плана, самъ не отгадаешь, куда приведетъ тебя рѣчь. Вотъ мы видимъ теперь, что договорились до нравственныхъ или возвышенныхъ чувствъ. Но вопросу объ этихъ чувствахъ практическіе выводы изъ обыкновеннаго житейскаго опыта совершенно противорѣчили стариннымъ гипотезамъ, приписывавшимъ человѣку множество разныхъ безкорыстныхъ стремленій. Люди видѣли по опыту, что каждый человекъ думаетъ все только о себѣ самомъ; заботится о своихъ выгодахъ больше, нежели о чужихъ; почти всегда приноситъ выгоды, честь и жизнь другихъ въ

жертву своему расчету, словомъ сказать, каждый изъ людей видѣлъ, что всѣ люди эгоисты. Въ практическихъ дѣлахъ всѣ разсудительные люди всегда руководились убѣжденіемъ, что эгоизмъ — единственное побужденіе, управляющее дѣйствіями каждаго, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Если бы это мнѣніе, ежедневно подтверждаемое опытомъ каждаго изъ насъ, не имѣло противъ себя довольно большаго числа другихъ житейскихъ фактовъ, оно, конечно, скоро одержало бы верхъ и въ теоріи надъ гипотезами, утверждавшими, что эгоизмъ есть только испорченность сердца, а неспорченный человѣкъ руководится побужденіями противоположными эгоизму: думаетъ о благѣ другихъ, а не о своемъ, готовъ жертвовать собою для другихъ и т. д. Но вотъ именно въ томъ и состояло затрудненіе, что гипотеза о безкорыстномъ стремленіи человѣка служить чужому благу, опровергаемая сотнями ежедневныхъ опытовъ каждаго, по видимому подтверждалась довольно многочисленными фактами безкорыстія, самопожертвованія и т. д.: тамъ Курцій бросается въ пропасть чтобы спасти родной городъ, тутъ Эмпедоклъ бросается въ кратеръ чтобы сдѣлать ученое открытіе, тутъ Дамонъ спѣшитъ на казнь, чтобы спасти Писидаса, тутъ поражаетъ себя кинжаломъ Лукреція, чтобы возстановить свою честь. До недавняго времени не было научныхъ средствъ точнымъ образомъ вывести оба эти разряда явленій изъ одного принципа, подвести подъ одинъ законъ факты противоположные между собою. Камень падаетъ на землю, паръ летитъ вверхъ, и въ старину думали, что законъ тяжести, дѣйствующій въ камнѣ, не дѣйствуетъ надъ паромъ. Теперь извѣстно, что оба эти движенія, происходящія по противоположнымъ направленіямъ, паденіе камня на землю и подвѣтіе пара вверхъ отъ земли, происходятъ отъ одной причины, по одному закону. Теперь извѣстно, что сила притяженія, вообще стремящая тѣла внизъ, обнаруживается при извѣстныхъ обстоятельствахъ тѣмъ, что заставляетъ нѣкоторые тѣла подниматься вверхъ. Много разъ мы говорили, что нравственныя науки еще не разработаны съ такой полнотою, какъ естественныя; но и при нынѣшнемъ, вовсе не блистательномъ ихъ состояніи, уже разрѣшенъ вопросъ о подведеніи всѣхъ часто различающихся между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ, какъ разрѣшены вообще почти всѣ тѣ нравственные и метафизическіе вопросы, въ которыхъ путались люди до начала разработки нравственныхъ наукъ и метафизики по строгому научному методу. Въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ его жизни, имѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собою, а все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій

къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той же природы, по одному и тому же закону.

Мы не ставемъ говорить о тѣхъ дѣйствіяхъ и чувствахъ, которые всѣми признаются за эгоистическія, своекорыстныя, происходящія изъ личнаго разсчета; обратимъ вниманіе только на тѣ чувства и поступки, которые представляются имѣющими противоположный характеръ: вообще надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіяся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все-таки лежитъ таже мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство называемое эгоизмомъ. Очень мало найдется случаевъ, когда эта основа сама не напрашивалась бы сама на замѣчаніе даже человѣку не очень привычному къ психологическому анализу. Если мужъ и жена жили между собою хорошо, жена совершенно искренно и очень глубоко печалится о смерти мужа, но только вслушайтесь въ слова, которыми выражается ея печаль: «на кого ты меня покинулъ? что я буду безъ тебя дѣлать? Безъ тебя тошно жить на свѣтѣ!» Подчеркните эти слова «меня, я, мнѣ»: въ нихъ смыслъ жалобы, въ нихъ основа печали. Возьмемъ чувство еще гораздо высшее, чистѣйшее, чѣмъ самая высокая супружеская любовь: чувство матери къ ребенку. Ея плачь о его смерти точно таковъ же: «ангелъ мой! Какъ я тебя любила! Какъ я любовалась на тебя¹, ухаживала за тобою! Сколькихъ страданій, сколькихъ бессонныхъ ночей ты стоилъ мнѣ! Погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость?» и тутъ опять все тоже «я, мое, у меня». Столь же легко открывается эгоистическая основа въ самой искренней и нѣжной дружбѣ. Не многимъ затруднительнѣе тѣ случаи, въ которыхъ человѣкъ приноситъ жертву для любимаго предмета: хотя бы онъ жертвовалъ для него самою жизнью, все-таки основаніемъ пожертвованія служитъ личный разсчетъ, или страстный порывъ эгоизма. О большей части случаевъ такъ называемаго самопожертвованія не стоитъ говорить, какъ о самопожертвованіи: имъ неприлично это имя. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не отдаться живыми въ руки Аннибала, — геройство достойное удивленія, но совершенно одобряемое эгоистическимъ разсчетомъ: они привыкли жить свободными гражданами, не терпѣтъ никакихъ обидъ, уважать себя и видѣть уваженіе отъ другихъ; Карагенскій полководецъ продалъ бы ихъ въ рабство, ихъ жизнь была бы рядомъ несноснѣйшихъ мученій; они поступили въ томъ же родѣ, какъ дѣлаетъ человѣкъ, вырывающій у себя больной зубъ: они предпочли одну минуту страшной смертельной муки нескончаемымъ годамъ мученій; въ средніе вѣка еретики, сожигаемые медленнымъ огнемъ на кострахъ изъ сы-

раго лѣса, старались разорвать свои цѣпи чтобы броситься въ пламя: легче задохнуться въ одну минуту, чѣмъ терпѣть задушеніе нѣсколь-ко часовъ. Дѣйствительно, таково было положеніе жителей Сагунта. Мы напрасно предположили, что Аннибаль удовольствовался бы обращеніемъ ихъ въ рабство: они все равно были бы истреблены если не своими, то Карагенскими руками, но Карагеняне стали бы долго мучить ихъ варварскими пытками, и здравый расчетъ ихъ справедливо предпочелъ легкую и быструю смерть медленной и тяжелой. Лукреція закололась когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она также поступила очень расчетливо; что ожидало ее впереди? Мужъ могъ бы наговорить ей много успокоительныхъ и ласковыхъ словъ, но въѣдъ всѣ подобныя слова чистый вздоръ, свидѣтельствующій о благородствѣ говорящаго ихъ, но нисколько не измѣняющій непремѣнныхъ послѣдствій дѣла. Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя по прежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обидѣе холодности, горьче побоевъ и ругательства. Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи унижительномъ по сравненію съ тѣмъ, къ какому она привыкла. Чистоплотный человѣкъ охотнѣе будетъ терпѣть голодъ, чѣмъ прикоснется къ пищѣ оскверненной какою нибудь гадостью; для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія.

Читатель понимаетъ, что мы говоримъ все это вовсе не къ уменьшенію великой похвалы, какой достойны жители Сагунта и Лукреція: доказывать, что геройскій поступокъ былъ вмѣстѣ умнымъ поступкомъ, что благородное дѣло не было безразсуднымъ дѣломъ, вовсе еще незначить, по нашему мнѣнію, отнимать цѣну у героизма и благородства. Отъ этихъ геройскихъ дѣлъ перейдемъ къ образу дѣйствій болѣе обыкновенному, хотя все еще слишкомъ рѣдко: у, разберемъ такія случаи, какъ преданность человѣка отказывающагося отъ всякихъ удовольствій, отъ всякой свободы въ распоряженіи своимъ временемъ для того, чтобы ухаживать за другимъ человѣкомъ, нуждающимся въ его заботливости. Другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больного друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ если бы отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свобо-

ду въ жертву своему чувству дружбы, — замѣтимъ же, *своему* чувству; оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ большую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій и отъ самой свободы; а нарушая его, оставляя безъ удовлетворенія, чувствовалъ бы больше непріятности, чѣмъ сколько получаетъ отъ стѣсненія себя во всѣхъ другихъ потребностяхъ. Точно таковы же случаи, когда человѣкъ отказывается отъ всякихъ наслажденій и выгодъ для служенія наукъ или какомунибудь убѣжденію. Ньютонъ и Лейбницъ, отказавшіе себя во всякой любви къ женщинѣ, чтобы нераздѣльно отдать все свое время, всѣ свои мысли ученымъ изслѣдованіямъ, конечно совершали всю свою жизнь очень высокой подвигъ. Точно то же надобно сказать о политическихъ дѣятеляхъ, называемыхъ обыкновенно фанатиками. Тутъ опять мы видимъ, что извѣстная потребность развилась въ человѣкѣ такъ сильно, что удовлетворять ей пріятно для него даже съ пожертвованіемъ другими очень сильными потребностями. По своему предмету эти случаи очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ фактовъ расчета, въ которыхъ человѣкъ жертвуетъ очень большою суммою денегъ для удовлетворенія какойнибудь низкой страсти, но по теоретической формулѣ всѣ они подходятъ подъ одинъ законъ: сильнѣйшая страсть беретъ верхъ надъ влеченіями менѣе сильными и приноситъ ихъ въ жертву себѣ.

При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится расчетомъ, великимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія большій выгоды, большаго удовольствія. Конечно, этою одинаковостью причины, изъ которой происходятъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними: мы знаемъ, что алмазь и уголь — все одинъ и тотъ же чистый углеродъ, но тѣмъ не менѣе алмазь есть алмазь, вещь чрезвычайно драгоцѣнная, а уголь все-таки уголь, вещь очень малоцѣнная. Великая разница между добрымъ и злымъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Мы начнемъ съ анализа этихъ понятій, чтобы увидѣть, какими обстоятельствами развивается или ослабляется добро въ человѣческой жизни.

Очень давно было замѣчено, что различные люди въ одномъ обществѣ, называютъ добрымъ, хорошимъ, вещи совершенно различные, даже противоположныя. Если наприимѣръ, ктонибудь отказываетъ свое наслѣдство постороннимъ людямъ, эти люди находятъ его

поступокъ добрымъ, а родственники, потерявшіе наслѣдство, очень дурнымъ. Такая же разница между понятіями о добрѣ въ разныхъ обществахъ и въ разные эпохи въ одномъ обществѣ. Изъ этого очень долго выводилось заключеніе, что понятіе добра не имѣетъ въ себѣ ничего постояннаго, самостоятельнаго, подлежащаго общему опредѣленію, а есть понятіе чисто условное, зависящее отъ мнѣній, отъ произвола людей. Но точнѣе всматриваясь въ отношенія проступковъ, называемыхъ добрыми, къ тѣмъ людямъ, которые даютъ имъ такое названіе, мы находимъ, что всегда есть въ этомъ отношеніи одна общая, непремѣнная черта, отъ которой и происходитъ причисленіе поступка къ разряду добрыхъ. Почему посторонніе люди, получившіе наслѣдство, называютъ добрымъ дѣломъ актъ, давшій имъ это имущество? Потому, что этотъ актъ былъ для нихъ полезенъ. Напротивъ, онъ былъ вреденъ родственникамъ завѣщателя, лишеннымъ наслѣдства, потому они называютъ его дурнымъ дѣломъ. Война противъ невѣрныхъ для распространенія мусульманства казалась добрымъ дѣломъ для магометанъ, потому что приносила имъ пользу, давала имъ добычу; въ особенности поддерживали между ними это мнѣніе духовные сановники, власть которыхъ расширялась отъ завоеваній. Отдѣльный человѣкъ называетъ добрыми поступками тѣ дѣла другихъ людей, которые полезны для него; въ мнѣніи общества добромъ признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членовъ; наконецъ, люди вообще безъ различія націй и сословій называютъ добромъ то, что полезно для человѣка вообще. Очень часты случаи, въ которыхъ интересы разныхъ націй и сословій противоположны между собою или съ общими человѣческими интересами; столь же часты случаи, въ которыхъ выгоды какого нибудь отдѣльнаго сословія противоположны національному интересу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возникаетъ споръ о характерѣ поступка, учрежденія или отношенія, выгоднаго для однихъ, вреднаго для другихъ интересовъ: приверженцы той стороны, для которой онъ вреденъ, называютъ его дурнымъ, злымъ; защитники интересовъ, получающихъ отъ него пользу, называютъ его хорошимъ, добрымъ. На чьей сторонѣ бываетъ въ такихъ случаяхъ теоретическая справедливость, рѣшить очень не трудно: общечеловѣчскій интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго. Въ теоріи эта градація не подлежитъ никакому сомнѣнію, она составляетъ только примѣненіе геометрическихъ аксіомъ, «цѣлое больше своей части», «большее количество больше меньшаго количества» къ общественнымъ вопросамъ. Теоретическая ложь непремѣн-

но ведетъ къ практическому вреду; тѣ случаи, въ которыхъ отдѣльная нація попираетъ для своей выгоды общечеловѣческіе интересы, или отдѣльное сословіе интересы цѣлой націи, всегда оказываются въ результатѣ вредными не только для стороны, интересы которой были нарушены, но и для той стороны, которая думала доставить себѣ выгоду ихъ нарушеніемъ: всегда оказывается, что нація губить сама себя, поработая человѣчество, что отдѣльное сословіе приводитъ себя къ дурному концу, принося въ жертву себѣ цѣлый народъ. Изъ этого мы видимъ, что при столкновеніяхъ національнаго интереса съ сословнымъ, сословіе, думающее извлечь пользу себѣ изъ народнаго вреда, съ самаго начала ошибается, ослѣпляется фальшивымъ расчетомъ. Иллюзія, которою оно увлекается, имѣетъ иногда видъ очень основательнаго расчета; но мы приведемъ два или три случая этого рода, чтобы показать, какъ ошибоченъ бываетъ такой расчетъ. Мануфактуристы думаютъ, что запретительный тарифъ выгоденъ для нихъ; но въ результатѣ оказывается, что при запретительномъ тарифѣ нація остается бѣдна и по своей бѣдности не можетъ содержать мануфактурную промышленность обширнаго размѣра; такимъ образомъ самое сословіе мануфактуристовъ остается далеко не столь богато, какъ бываетъ при свободной торговлѣ: всѣ фабриканты всѣхъ государствъ съ запретительнымъ тарифомъ, вмѣстѣ взятые, конечно, не имѣютъ и половины того богатства, какое приобрѣли фабриканты Манчестера. Землевладѣльцы вообще думаютъ имѣть выгоду отъ невольничества, и другихъ видовъ обязательнаго труда; но въ результатѣ оказывается, что землевладѣльческое сословіе всѣхъ государствъ, имѣющихъ несвободный трудъ, находится въ раззоренномъ положеніи. Мы привели такіе случаи, въ которыхъ расчетъ отдѣльнаго сословія вредитъ для своей выгоды общему національному интересу имѣетъ но видимому чрезвычайно твердое основаніе; но и тутъ результатъ показываетъ, что основаніе только казалось твердымъ, а въ сущности было невѣрно, что сословіе вредившее народу само обманывалось относительно своихъ выгодъ. Это не можетъ и быть иначе: французскій или австрійскій мануфактуристъ все-таки французъ или житель Австріи, и все то, что вредно для государства, къ которому онъ принадлежитъ, сила котораго служить опорой его силы, богатство котораго служить опорой его богатства, — все это послужитъ во вредъ и ему самому, иссушая источники его силы и богатства. Точно то же надобно сказать о случаяхъ противоположности между интересами отдѣльной націи и общимъ человѣческимъ благомъ: и тутъ всегда оказывается, что совершенно ошибоченъ былъ расчетъ націи, думавшей

извлечь себѣ пользу изъ нанесенія вреда человѣчеству. Завоевательные народы всегда кончали тѣмъ, что истреблялись и порабощались сами. Монголы Чингисхана жили въ своихъ степяхъ такими бѣдными дикарями, что повидимому трудно было имъ прійти въ положеніе худшее прежняго; но какъ ни дурно было состояніе дикихъ ордъ, пошедшихъ на завоеваніе земледѣльческихъ государствъ южной и западной Азіи и восточной Европы, а все-таки вскорѣ по совершеніи завоеванія эти несчастные люди, надѣлавшіе столько вреда другимъ для своего обогащенія подверглись судьбѣ болѣе плачевной, чѣмъ даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести ихъ соотечественники, оставшіеся въ своихъ родныхъ степяхъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончили татары золотой орды: конечно, цѣлая половина ихъ погибла при завоеваніи Россіи и при неудачныхъ нашествіяхъ на Литву и Моравію; остальная половина, сначала награбившая себѣ много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими. Ученые доказываютъ, что изъ нынѣшнихъ крымскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ татаръ едва-ли есть хоть одинъ человѣкъ, происходящій отъ воиновъ Батыя, что нынѣшніе татары, потомки прежнихъ племенъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ до Батыя и покоренныхъ Батыемъ, какъ были покорены русскіе; и что пришельцы-завоеватели всѣ исчезли, всѣ были истреблены ожесточеніемъ порабощенныхъ. Германцы при Тацитѣ жили немногимъ лучше монголовъ до Чингисхана; но и они мало выиграли отъ завоеванія римской имперіи. Остъ-готы, лангобарды, герулы, вандалы — всѣ погибли до послѣдняго человѣка. Отъ вестъ-готовъ осталось имя, но только имя; франковъ не успѣли перерѣзать порабощенными ими племена только потому, что франки перерѣзались сами при Меровингахъ. Испанцы, опустошивъ Европу при Карлѣ V и Филиппѣ II, сами раззорились, впали въ рабство и наполовину вымерли отъ голода. Французы, опустошивъ Европу при Наполеонѣ I, сами подверглись завоеванію и раззоренію въ 1814 и 1815 годахъ.

Все это мы говорили къ тому, чтобы *показать* что понятіе добра вовсе не расшатывается, а напротивъ укрѣпляется, опредѣляется самымъ рѣзкимъ и точнымъ образомъ, когда мы открываемъ его истинную натуру, когда мы находимъ, что добро есть польза. Только при этомъ понятіи о немъ мы въ состояніи разрѣшить всѣ затрудненія, возникающія изъ разнорѣчія разныхъ эпохъ и цивилизацій, разныхъ сословій и народовъ о томъ, что добро, что зло. Наука говоритъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, о человѣкѣ, а не о французѣ или англичанинѣ, не купцѣ или бюрократѣ. Только то, что составляетъ натуру человѣка, признается въ наукѣ за истину; только то, что полезно для человѣка вообще, признается за истину.

ное добро; всякое уклоненіе понятій извѣстнаго народа или сословія отъ этой нормы составляетъ ошибку, галлюцинацію, которая можетъ надѣлать много вреда другимъ людямъ, но больше всѣхъ надѣлаетъ вреда тому народу, тому сословію, которое подверглось ей, занявъ по своей или чужой винѣ такое положеніе среди другихъ народовъ, среди другихъ сословій, что стало казаться выгоднымъ ему то, что вредно для человѣка вообще. «Погибоша аки Обре»—эти слова повторяетъ исторія надъ каждымъ народомъ, надъ каждымъ сословіемъ впадшимъ въ гибельную для такихъ людей галлюцинацію о противоположности своихъ выгодъ съ обще-человѣческимъ интересомъ.

Если есть какая нибудь разница между добромъ и пользою, она заключается развѣ лишь въ томъ, что понятіе добра очень сильнымъ образомъ выставляетъ черту постоянства, прочности, плодотворности, изобилія хорошими, долговременными и многочисленными результатами, которая, впрочемъ, находится и въ понятіи пользы, именно этою чертою отличающемся отъ понятій удовольствія наслажденія. Цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій состоитъ въ полученіи наслажденій. Но источники изъ которыхъ получаютъ нами наслажденія, бываютъ двухъ родовъ: къ одному роду принадлежать мимо-летныя обстоятельства, не зависящія отъ насъ, или, если и зависящія, то проходящія безъ всякаго прочнаго результата; къ другому роду относятся факты и состоянія, находящіяся въ насъ самихъ прочнымъ образомъ или внѣ насъ но постоянно при насъ долгое время. День хорошей погоды въ Петербургѣ — источникъ безчисленныхъ облегченій въ жизни, безчисленныхъ пріятныхъ ощущеній для жителей Петербурга; но этотъ день хорошей погоды — явленіе мимо-летное, лишенное всякаго основанія и не оставляющее никакого прочнаго результата въ жизни петербургскаго населенія. Нельзя сказать, чтобы этотъ день составлялъ пользу, онъ составляетъ только удовольствіе. Полезнымъ явленіемъ бываетъ хорошая погода Петербургѣ только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ и только для тѣхъ немногихъ людей, когда она довольно продолжительна и когда, благодаря этой продолжительности, успѣетъ прочнымъ образомъ поправиться здоровье нѣсколькихъ больныхъ. Но тотъ, кто переселяется изъ Петербурга въ хорошій климатъ, получаетъ себѣ пользу въ отношеніи здоровья, въ отношеніи наслажденія природой, потому что этимъ переселеніемъ онъ приобрѣтаетъ себѣ прочный источникъ долговременныхъ наслажденій. Если человѣкъ получилъ приглашеніе на хорошій обѣдъ, онъ получаетъ только удовольствіе, а не пользу въ этомъ приглашеніи (разумѣется, и удовольствіе только въ томъ случаѣ, когда онъ находитъ наслажденіе въ гастрономіи).

Но если этотъ человѣкъ, имѣющій гастрономическія наклонности, получаетъ большую сумму денегъ, онъ получаетъ пользу, то есть долговременную возможность пользоваться наслажденіемъ хорошихъ обѣдовъ. Итакъ полезными вещами называются, такъ сказать, прочныя принципы наслажденій. Если бы при употребленіи слова «польза» всегда твердо помнилась эта коренная черта понятія, не было бы рѣшительно никакой разницы между пользою и добромъ; но, во первыхъ, слово «польза» употребляется иногда легкомысленнымъ, такъ сказать, образомъ о принципахъ удовольствія, правда не совершенно мимолетныхъ, но и не очень прочныхъ, а во вторыхъ, можно эти прочныя принципы наслажденій раздѣлить по степени ихъ прочности опять на два разряда: не очень прочныя и очень прочныя. Этотъ послѣдній разрядъ собственно и обозначается названіемъ добра. Добро, это какъ будто превосходная степень пользы, это какъ будто очень полезная польза. Докторъ возстановилъ здоровье человѣка, страдавшаго хроническою болѣзью, — что онъ принесъ ему, добро или пользу? Одинаково удобно тутъ употребить оба слова, потому что онъ далъ ему самый прочный принципъ наслажденій. Наша мысль находится въ настроеніи безпрестанно вспоминать о вѣшной природѣ, которая будто бы одна подлѣжитъ вѣдомству естественныхъ наукъ, составляющихъ будто бы только одну часть нашихъ знаній, а не обнимающихъ собою всей ихъ совокупности. Кромѣ того, мы замѣтили, что эти статьи свидѣтельствуютъ о чрезвычайной сухости нашего сердца, о пошлости и низости нашей души, во всемъ ищущей только пользы, все оскверняющей отысканіемъ матеріальныхъ основаній, непонимающей ничего высокаго, лишенной всякаго поэтическаго чувства. Намъ хочется замаскировать этотъ постыдный недостатокъ поэтичности въ нашей душѣ. Мы ищемъ чего нибудь поэтическаго для украшенія нашей статьи; подъ вліяніемъ мысли о важности естественныхъ наукъ, отправляемся искать поэзіи въ область матеріальной природы и находимъ въ ней цвѣты. Украсимъ же одну изъ нашихъ сухихъ страницъ поэтическимъ сравненіемъ. Цвѣты, эти прекрасные источники благоуханія, эти столь быстро увядающія очарованія нашего глаза — это удовольствія, наслажденія; растеніе, производящее ихъ — это польза; на одномъ растеніи много цвѣтовъ, увядаютъ одни, распускаются на мѣсто ихъ другіе; такъ полезною вещью называется то, изъ чего вырастаетъ много цвѣтовъ. Но есть однолѣтнія цвѣтушія растенія; и есть также розовыя деревья, алеандры, живущія очень много лѣтъ и каждый годъ снова дающія много цвѣтовъ — вотъ такъ добро превосходитъ свою долговѣчностію другіе источники наслажденій, которые называются

просто полезными вещами, но не удостоиваются имени добра, как фиалки не удостоиваются имени деревьев: онѣ предметы того же разряда вещей, но все еще не такъ велики и долговѣчны.

Изъ того, что добромъ называются очень прочные источники долговременныхъ, постоянныхъ, очень многочисленныхъ наслаждений, сама собою объясняется важность, приписываемая добру всѣми разсудительными людьми, говорившими о человѣческихъ дѣлахъ. Если мы думаемъ, что «добро выше пользы», мы скажемъ только «очень большая польза выше не очень большой пользы», — мы скажемъ только математическую истину, въ родѣ того, что 100 больше 2, что на александръ бываетъ больше цвѣтовъ, чѣмъ на фиалкѣ. Читатель видитъ, что методъ анализа нравственныхъ понятій въ духѣ естественныхъ наукъ, отнимая у предмета всякую напыщенность, переводя его въ область явленій очень простыхъ, натуральныхъ, даетъ нравственнымъ понятіямъ основаніе самое непоколебимое. Если полезнымъ называется то, что служитъ источникомъ множества наслаженій, а добрымъ просто то, что очень полезно, тутъ уже не остается ровно никакихъ сомнѣній относительно цѣли, которая предписывается человѣку, — не какиминибудь посторонними соображеніями или внушеніями, не какиминибудь проблематическими предположеніями, таинственными отношеніями къ чемунибудь еще очень невѣрному, — нѣтъ, предписывается просто разсудкомъ, здравымъ смысломъ, потребностью наслаженія: эта цѣль — добро. Разсчетливы только добрые поступки; разсудителенъ только тотъ, кто добръ и ровно на столько, на сколько добръ. Когда человѣкъ не добръ, онъ просто нерасчетливый мотъ, тратящій тысячу рублей на покупку грошовой вещи, тратящій на получение малаго наслаженія нравственныя и матеріальныя силы, которыхъ достало бы ему на приобрѣтеніе несравненно бѣльшаго наслаженія.

Но въ томъ же понятіи о добрѣ, какъ объ очень прочной пользѣ, мы находимъ еще другую важную черту, помогающую намъ открыть, въ какихъ именно явленіяхъ и поступкахъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ добро. Вышшіе предметы, какъ бы тѣсно ни были привязаны къ человѣку, все-таки слишкомъ часто разлучаются съ нимъ: то человѣкъ разстается съ ними, то они измѣняютъ человѣку. Родина, родство, богатство, все можетъ быть покинуто человѣкомъ или покинуть его; отъ одного никакъ не можетъ онъ отдѣлаться, пока остается живъ, одно существо неразлучно съ нимъ, — это онъ самъ. Если человѣкъ полезенъ другимъ людямъ

по своему богатству, онъ можетъ перестать быть полезенъ, лишившись богатства; но если онъ полезенъ людямъ по качествамъ своего собственного организма, по своимъ душевнымъ качествамъ, какъ обыкновенно говорится, то онъ можетъ развѣ только зарѣзать себя, но пока не зарѣжетъ, не можетъ перестать дѣлать пользу людямъ, — не дѣлать ея выше его силъ, не въ его власти. Онъ можетъ сказать себѣ: буду золь, буду вредить людямъ; но исполнить этого онъ уже не можетъ, какъ умный не можетъ не быть умнымъ, елибѣ и не желалъ. Не только по постоянству и долговѣчности, но и по обширности результатовъ добро, приносимое качествами самого человека, гораздо значительнѣе добра, дѣлаемаго человекомъ только по обладанію вѣшными предметами. Доброе или дурное употребленіе вѣшныхъ предметовъ случайно; всякія матеріальныя средства также легко и часто бываютъ обращаемы на вредъ людямъ, какъ и на пользу имъ. Богатый человекъ, принося своимъ богатствомъ выгоду нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредитъ другимъ или даже и тѣмъ же самымъ людямъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, богатый человекъ можетъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ, развить въ нихъ здоровье, умъ, дать имъ множество знаній; это вещи полезныя для нихъ; но будутъ ли они сдѣланы или нѣтъ, это еще неизвѣстно, и часто этого не бываетъ, а напротивъ, дѣти богача получаютъ такое воспитаніе, что дѣлаются отъ него людьми хилыми, болѣзненными, слабоумными, пустыми, жалкими. Дѣти богача вообще приобрѣтаютъ привычки и понятія невыгодныя для нихъ самихъ. Если таково вліяніе богатства на людей, счастіемъ которыхъ наиболѣе дорожитъ богачъ, то, конечно, оно еще замѣтнѣе приноситъ вредъ другимъ людямъ, не столь близкимъ сердцу богача.... Но если возможно нѣкоторое сомнѣніе относительно того, равняется ли вредное вліяніе богатства на этихъ отдѣльныхъ людей пользѣ, получаемой ими отъ него, то можно спорить о томъ фактѣ, что въ дѣйствіи богатства отдѣльныхъ людей на цѣлое общество вредныя стороны гораздо сильнѣе полезныхъ. Это съ математическою достовѣрностью обнаруживается тою частью нравственныхъ знаній, которая раньше другихъ стала разрабатываться по точной научной системѣ и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своихъ разработана уже довольно хорошо наукою о законахъ общественнаго матеріальнаго благосостоянія или обыкновенно такъ называемою политическою экономіею. Итакъ, дѣйствительнымъ источникомъ совершенно прочной пользы для людей отъ дѣйствій другихъ людей остаются только тѣ полезныя качества, которыя лежатъ въ самомъ человеческомъ организмѣ; потому собственно

этимъ качествамъ и усвоено названіе добрыхъ, потому и слово добрый настоящимъ образомъ прилагается только къ человѣку. Въ его дѣйствіяхъ основаніемъ бываетъ чувство или сердце, а непосредственнымъ источникомъ ихъ служить та сторона органической дѣятельности, которая называется волею; потому, говоря о добрѣ, надобно специальнымъ образомъ разобрать законы, по которымъ дѣйствуютъ сердце и воля. Но способы къ исполненію чувствъ сердца даются волѣ представленіями ума и потому надобно такъ же обратить вниманіе на ту сторону мышленія, которая относится къ способамъ имѣть вліяніе на судьбу другихъ людей. Не обѣщая ничего навѣрное, мы скажемъ только, что намъ хотѣлось бы изложить точныя понятія нынѣшней науки объ этихъ предметахъ. Очень можетъ быть, что намъ и удастся сдѣлать это.

Но мы едва не забыли, что до сихъ поръ остается не объяснено слово антропологическій въ заглавіи нашихъ статей; что это за вещь, «антропологическій принципъ въ нравственныхъ наукахъ?» Что за вещь этотъ принципъ, читатель видѣлъ изъ характера самыхъ статей: принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру, чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или если она оказывается специальнымъ отправленіемъ какогонибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ. Кажется, это требованіе очень простое, а между тѣмъ только въ послѣднее время стали понимать всю его важность и исполнять его мыслители, занимающіеся нравственными науками, да и то далеко не всѣ, а только нѣкоторые очень не многіе изъ нихъ, между тѣмъ какъ большинство сословія ученыхъ, всегда держащееся рутины, какъ большинство всякаго сословія, продолжаетъ работать по прежнему фантастическому способу пенатурального дробленія человѣка на разныя половины, происходящія изъ разныхъ натуръ. За то и всѣ труды этого рутиннаго большинства оказываются теперь, такимъ же хламомъ, какимъ оказались труды Эмина и Благина по русской исторіи, Чулкова по собиранію народныхъ пѣсенъ, или въ наше время труды гг. Погодина и Шевырева: кое-что похожее на правду попадаетъ и въ нихъ, — въѣдъ г. Погодинъ совершенно справедливо говоритъ, что Ярославъ былъ князь Кіевскій, а не Краковскій, что Ольга приняла въ Константино-

полѣ православіе, а не лютеранство, что Алексѣй Петровичъ былъ сынъ Петра Великаго; вѣдь г. Шевыревъ справедливо замѣтилъ, что русскій народъ употребляетъ скудную и неудобоваримую пищу, что между ямщиками попадаются красивые парни и отыскалъ въ пансіевскомъ сборникѣ довольно любопытное свидѣтельство о русскомъ языкѣ. Но всѣ эти прекрасныя и совершенно вѣрныя вещи засыпаны въ книгахъ ученой четы покойнаго Москвитянина такимъ множествомъ вздорныхъ мнѣній, что отдѣлить въ нихъ правду отъ пустяковъ—трудъ столь же тяжелый, какъ отыскивать годныя на выдѣлку бумаги тряпки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изслѣдуются зоркими глазами и ловкимъ крючкомъ ветошниковъ; потому люди обыкновенные поступаютъ лучше всего, если совершенно откажутся отъ столь непріятнаго дѣла, предоставляя его привычнымъ къ нему труженикамъ; но труженики эти, специалисты идущіе въ уровень съ понятіями нынѣшней науки, находятъ, что въ книгахъ подобныхъ сочиненіямъ гг. нами названныхъ и ихъ предшественниковъ даже и ученаго тряпья отыскивается слишкомъ мало, такъ что чтеніе ихъ составляетъ совершенную трату времени, ведущую только къ засоренію головы. Вотъ тоже самое надобно сказать почти о всѣхъ прежнихъ теоріяхъ нравственныхъ наукъ. Пренебреженіе къ антропологическому принципу отнимаетъ у нихъ всякое достоинство; исключеніемъ служатъ творенія очень немногихъ прежнихъ мыслителей, слѣдовавшихъ антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявшихъ этого термина для характеристики своихъ воззрѣній на человѣка: таковы, напримѣръ, Аристотель и Спиноза.

Что касается до самаго состава слова «антропология», оно взято отъ слова *anthropos*, человѣкъ, — читатель, конечно и безъ насъ это знаетъ. Антропология, это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса не говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемые ею феномены, что качества феноменовъ обуславливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы. Естественныя науки еще не дошли до того, чтобы подвести всѣ эти законы подъ одинъ общій законъ, соединить всѣ частныя формулы въ одну всеобъемлющую формулу; что дѣлать, намъ говорятъ, что и сама математика еще не успѣла довести нѣкоторыхъ своихъ частей до такого совершенства: мы слышали, что еще не отыскана общая формула интегрированія, какъ найдена общая формула, умноженія или возвышенія въ степень. Отъ

этого, конечно, затрудняются ученые изслѣдованія: мы слышали, будто бы математикъ очень быстро совершаетъ всѣ части своего дѣла, но какъ дойдетъ до интегрированья, ему приходится сидѣть цѣлыя недѣли и мѣсяцы надъ дѣломъ, которое можно были бы исполнить въ два часа, если бы уже найдена была общая формула интегрированья. Такъ еще больше въ нравственныхъ наукахъ. До сихъ поръ найдены только частные законы для отдѣльныхъ разрядовъ явленій: законъ тяготѣнія, законъ химическаго сродства, законъ разложенія и смѣшенія цвѣтовъ, законъ дѣйствій теплоты, электричества; подъ одинъ законъ мы еще не умѣемъ ихъ подвести точнымъ образомъ, хотя существуютъ очень сильныя основанія думать, что всѣ другіе законы составляютъ нѣсколько особенныя видоизмѣненія закона тяготѣнія. Отъ этого нашего неумѣнья подвести всѣ частные законы подъ одинъ общій законъ чрезвычайно затрудняется и затягивается всякое изслѣдованіе въ естественныхъ наукахъ: изслѣдователь идетъ ощупью, наугадъ, у него нѣтъ компаса онъ принужденъ руководиться не столь вѣрными способами къ отыскиванію настоящаго пути, теряетъ много времени въ напрасныхъ уклоненіяхъ по окольнымъ дорогамъ на то, чтобы вернуться съ нихъ къ своей исходной точкѣ когда видитъ, что онѣ не ведутъ ни къ чему и чтобы снова отыскивать новый путь; еще больше теряется времени въ томъ чтобы убѣдить другихъ въ дѣйствительной непригодности путей оказавшихся непригодными, въ вѣрности и удобствѣ пути, оказавшагося вѣрнымъ. Такъ въ естественныхъ наукъ, точно такъ же и въ нравственныхъ. Но какъ въ естественныхъ, такъ и въ нравственныхъ этими затрудненіями только затягивается отыскиваніе истины и распространеніе убѣжденности въ ней когда она найдена; а когда найдена она, то все-таки очевидна ея достовѣрность, только пріобрѣтеніе этой достовѣрности стоило гораздо большаго труда, чѣмъ будутъ стоить такія же открытія нашимъ потомкамъ при лучшемъ развитіи наукъ, и какъ бы медленно не распространялось между людьми убѣжденность въ истинахъ отъ вывѣшной малой приготовленности людей любить истину, т. е. цѣнить пользу ея и сознавать непремѣнную вредность всякой лжи, истина все-таки распространяется между людьми, потому что, какъ ни думай они о ней, какъ ни бойся они ея, какъ ни любя они ложь, все-таки истина соотвѣтствуетъ ихъ надобностямъ, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, что будетъ принято людьми, какъ бы не ошибались они отъ принятія того, что налагается на нихъ необходимостью вещей. Станутъ ли когданибудь хорошими хозяевами русскіе сельскіе хозяева, до сихъ поръ бывшіе плохими хозяевами? Разумѣется, станутъ; эта

увѣренность основана не на какихъ нибудь трансцендентальныхъ гипотезахъ о качествахъ русскаго человѣка, не на высокомъ понятіи о его національныхъ качествахъ, о его превосходствѣ надъ другими по уму или трудолюбію или ловкости, а просто на томъ, что настаетъ надобность русскимъ сельскимъ хозяевамъ вести свои дѣла умнѣе и разсчетливѣе прежняго. Отъ надобности не уйдешь, не отвертись. Такъ не уйдетъ человѣкъ и отъ истины, потому что по нынѣшнему положенію человѣческихъ дѣлъ оказывается съ каждымъ годомъ все сильнѣйшая и неотступнѣйшая надобность въ ней.

НОВЫЯ КНИГИ.

Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемые *Николаемъ Тихонравовымъ*. Книжка первая, вторая и третья. Москва, 1859.

Библиографическія изслѣдованія русской литературы наши наконецъ для себя специальное изданіе въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова, посвященныхъ исключительно изученію русской старины, и особенно старинной литературы, изданію и объясненію памятниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что потребность подобнаго изданія существовала; наши ученые принуждены печатать свои крупныя и мелкія изысканія въ журналахъ, и они часто бывали тамъ вовсе не на мѣстѣ. Особенныя трудности представляетъ до сихъ поръ печатаніе старинныхъ памятниковъ; въ официальныхъ изданіяхъ археографической коммиссіи, да чтеній московскаго общества, — занятыхъ впрочемъ больше исторіей, — оно почти невозможно; мы забыли назвать еще «Извѣстія» академіи, но ихъ уже такъ давно не видно и не слышно, что мы не увѣрены въ ихъ существованіи. Г. Тихонравовъ рѣшился помочь этому затрудненію своимъ журналомъ, который, судя по первымъ вышедшимъ книжкамъ, будетъ необходимъ всякому, занимающемуся русской словесностью, преимущественно древней, и конечно болѣе полезенъ, чѣмъ «исторія» означенной словесности, недавно снова появившаяся на свѣтъ.

Кромѣ изслѣдованій о древней и новой литературѣ г. Тихонравовъ издаетъ много самыхъ памятниковъ, начиная съ старинныхъ сборни-

ковъ, повѣстей, драматическихъ произведеній и кончалъ документами прошлаго и даже нынѣшняго столѣтія. Въ вышедшихъ теперь книжкахъ, замѣтны особенно статьи г. Буслаева о русской поэзіи XI и XII вѣка, о пѣсняхъ собранныхъ г. Якушкинымъ, и разборъ смоленской легенды о св. Меркуріи; г. Тихонравовъ напечаталъ съ объясненіями старинную книгу «Луцидаріусъ», старыя драматическія пьесы, называвшіяся «интерлюдіями», одну трагедію комедію половины прошлаго столѣтія, старую переводную повѣсть объ Аполонѣ Тирскомъ; по археологіи помѣщены статьи г. Герца о византійской эмали, о Софійской церкви въ Константинополѣ; далѣе въ Лѣтописяхъ находится библиографія важнѣйшихъ русскихъ изданій по этнографіи и археологіи и иностранныхъ специальныхъ журналовъ, много выписокъ изъ рукописей, мелкихъ замѣтокъ и нѣскольکو документовъ, касающихся Новикова, Ломоносова, Вольнскаго, Брюса, Кантемира; по новой литературѣ помѣщены статьи г. Н. Попова о придворныхъ проповѣдяхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, изслѣдованія г. Лыжина о Карамзинѣ и Жуковскомъ.

Въ статьѣ о русской поэзіи одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія г. Буслаевъ старается по нѣсколькимъ фразамъ Слова о Полку Игоревѣ возстановить русскую поэзію, предшествовавшую этому памятнику. При совершенномъ отсутствіи поэтическихъ памятниковъ и прямыхъ свидѣтельствъ, г. Буслаевъ долженъ былъ ограничиться одними предположеніями, болѣе или менѣе вѣроятными, но конечно мало достигающими цѣли. Гораздо лучше статья его о смоленской легендѣ, написанная по поводу новыхъ лекцій г. Шевырева, въ которыхъ, вмѣсто литературы XIII столѣтія говорится о *герояхъ отечества и святыхъ по жизни*. «Современникъ» говорилъ уже достаточно о взглядахъ г. Шевырева; г. Буслаевъ съ своей точки зрѣнія доказываетъ то же самое, т. е. полную несостоятельность бывшаго ученаго профессора. При всей скромности своей критики г. Буслаевъ пришелъ къ тому заключенію, что авторъ Исторіи русской словесности своимъ разборомъ статей и легендъ, сдѣланнымъ не критически и наполненнымъ грубыми ошибками и анахронизмами, «оказываетъ такую же плохую услугу исторіи русской церкви, какъ и исторіи народной поэзіи», — въ чемъ мы и не сомнѣваемся. Самый разборъ смоленской легенды, сдѣланный г. Буслаевымъ, есть — сколько мы знаемъ — первый образецъ правильной научной критики нашихъ старинныхъ житій; авторъ очень удачно по нашему мнѣнію опредѣляетъ ихъ значеніе догматическое и литературное, котораго до сихъ поръ не понимаютъ ученые, описывающіе «героевъ отечества.» Въ предисловіи къ новымъ пѣснямъ, напечатаннымъ въ «Лѣтописяхъ» изъ богатаго собранія г. Якушкина, г. Буслаевъ

доказываетъ необходимость введенія въ эстетическую теорію эпоса чисто народнаго, которій до сихъ поръ еще не получилъ въ ней должнаго мѣста: эстетика должна совершенно иначе опредѣлять свой предметъ, къ которому относятся не только произведенія литературы искусственной, но и памятники непосредственнаго народнаго творчества: въ нихъ есть свое прекрасное и свои идеалы, интересные тѣмъ больше, что они создаются цѣлымъ народомъ и отражаютъ въ себѣ его характеръ. Затѣмъ авторъ говоритъ объ историческомъ развитіи идеаловъ русскаго эпоса.... Статьи г. Буслаева отличаются обыкновенными ихъ достоинствами, прекраснымъ знаніемъ памятниковъ народной поэзіи, остроумными аналогіями, легкимъ изложеніемъ, — это лучшія статьи въ журналѣ; но онѣ не лишены и обыкновеннаго недостатка ихъ: въ разборѣ памятниковъ онъ почти всегда остается исключительно теоретикомъ, прежде всего онъ старается подвести памятникъ подъ разныя эстетическія условія народнаго эпоса и очень мало говоритъ о томъ, какое отношеніе имѣла повѣсть или пѣсня къ самому быту; напримѣръ здѣсь, въ духовныхъ стихахъ его занимаютъ гораздо больше миѣчскіе обломки, сохранившіеся въ нихъ, чѣмъ современныя религіозныя понятія народа, которыя не меньше въ нихъ участвуютъ; онъ объясняетъ больше внѣшнюю поэтическую форму и образы народнаго эпоса, чѣмъ настоящую дѣйствительность, которая подъ ними скрывается, между тѣмъ какъ эта форма, столь богатая прежде миѣчскимъ смысломъ, теперь стала для народа просто условнымъ приѣмомъ, привычной фразой.

Г. Тихонравовъ составилъ дѣльный, хотя еще не полный комментарий къ «Луцидарію», книгѣ очень извѣстной въ старой литературѣ, составленной отчасти по апокрифическимъ источникамъ; онъ напечаталъ и самый текстъ рукописи, за который ему конечно благодарны будутъ любители старины. Не лишены занимательности и напечатанныя имъ *интерлюдіи*, комическія пьесы стариннаго русскаго театра, въ которыхъ встрѣчаются любопытныя черты нравовъ. Отрывки изъ нихъ были напечатаны еще прежде въ «Современникѣ», въ статьѣ г. Пекарскаго о русскихъ мистеріяхъ; г. Тихонравовъ, изъ забавной *jalousie du metier* вѣроятно, весьма рѣзко отзывается о трудѣ г. Пекарскаго, будто бы *искажавшаго* эти интерлюдіи. Дѣло въ томъ, что г. Пекарскій приводитъ только выписки изъ нихъ, которыя можетъ быть сокращены по независящимъ обстоятельствамъ; г. Тихонравовъ возстаетъ противъ этого, какъ строгій жрецъ библиографіи.... Мы впрочемъ нисколько не ставимъ ему въ вину нападенія на нашего почтеннаго сотрудника; усердіе издателя «Лѣтописей» нѣсколько горячо, но заслуживаетъ похва-

Т. LXXXI. Отд. III.

ды. Изъ напечатанныхъ имъ матеріаловъ замѣчательно забавенъ отрывокъ «Петриды или описанія стихотворнаго смерти Петра Великаго, Императора Всероссійскаго», поэмы Кантемира, начатой имъ въ 1730 году и оставшейся неконченною. Приводимъ нѣсколько стиховъ, которые дадутъ понятіе о цѣломъ отрывкѣ; Кантемиръ начинаетъ введеніемъ, гдѣ говоритъ о себѣ слѣдующими стихами:

Я той, иже нѣкогда забавными слоги,
 Не волю, устремляя свои съ охотою роги,
 Боя иль злонавія мерскіе преступки
 Иль обычаемъ ствердомы не въ пользу поступки, —
 Печаль неутѣшную Россіи рыдаю:
 Смѣху давъ прежде вину, къ слезамъ побуждаю;
 Плачу гибель чрезмѣру въ Роксолянъ народѣ,
 Юже введе смерть Петра перва въ царскомъ родѣ....

Чтобы придать поэзіи мрачному сюжету своего стихотворнаго описанія, Кантемиръ выдумалъ ввести въ поэму олицетвореніе той болѣзни, отъ которой умеръ Петръ Великій. Кантемиръ рассказываетъ, что архангелъ сошелъ въ адъ, чтобы взять оттуда одну изъ болѣзней для пораженія Петра; читатель узнаетъ сейчасъ, кого онъ выбралъ:

.... Одна чрезмѣрно люта стоитъ вдалѣ неспѣла,
 Яже неспѣшно свою покажетъ злобу,
 Показавши чрезмѣрно, люто ведетъ къ гробу;
 Странгуріо имя есть, Римляне ужъ дали,
 Запоромъ мочи Россы (впредь себѣ) звать стали.
 Сію разсмотрѣвъ сильный Михаилъ подробну,
 Къ исполненію велѣнныхъ удобну
 Изобрѣлъ....

Онъ беретъ ее съ собой и приноситъ въ жилище Петра; потомъ разрѣшаетъ оковы ея, и —

..... Якоже левъ жадный,
 Когда агнца усмотритъ, бѣдный сей скотъ стадный
 Трещеть весь, тойже люте, нань (то есть на него) ся
 устремляеть,
 Веселяся добычи, съ гнѣвомъ нападаетъ,
 Безгласнаго терзая, и углубивъ грубы
 Когти въ немъ, злохитные насыщаетъ зубы:
 Такъ Странгуріо пріявъ власть, во вредъ намъ ей даву,
 Устремися на Петра, и видя прерванну
 Неволю свою, гордо смѣетъ обладати.
 Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бѣ дати.

На этомъ оканчивается первая книга поэмы: спрашивается, до чего могла бы дойти эта нелѣпица, если бы Кантемиръ нашелъ время продолжать описаніе свирѣпости Странгурио?

Г. Поповъ разсматриваетъ дѣятельность проповѣдниковъ при дворѣ императрицы Елизаветы, указываетъ отношеніе ихъ проповѣдей къ тогдашней жизни и намекаетъ на вліяніе, какое имѣли они на дѣйствія императрицы. Проповѣдь вошла въ особенную моду по восшествіи Елизаветы на престолъ; въ первое время каждое воскресенье въ придворной церкви говорились поучительныя слова; ораторы, раздраженные прежнимъ порядкомъ вещей, всей силой своего краснорѣчія вооружались противъ чужеземныхъ расхитителей, напавшихъ на Россію и восхваляли мужество и добродѣтели дочери Петра, избавившей отечество отъ конечной гибели. Восхваленіе Елизаветы было существеннымъ предметомъ ихъ ораторства; по собственному признанію Стефана Калиновскаго, одного изъ проповѣдниковъ, «сколько почти поучительныхъ проповѣдей здѣ и въ Москвѣ и по всей Россійской имперіи съ того времени (съ 1742 г.) говорено, столько природное ея къ коронѣ и престолу россійскому право показуемо было; сколько похвальныхъ рѣчей или письменно сложено, или наизусть произнесено, столько о правахъ ея, монаршаго престола и короны предостойныхъ, засвидѣтельствовано». Придворные ораторы, которыхъ появилось тогда очень много, играли ту же роль, какъ сочинители безчисленныхъ одъ: въ различной формѣ они повторяли ту же лесть и обваруживали тоже безсиліе общества и литературы передъ фактами. Г. Поповъ, кажется намъ, видитъ въ этихъ проповѣдяхъ больше важности, чѣмъ они имѣли на дѣлѣ; если онъ находитъ, что иногда содержаніе проповѣдей совпадаетъ съ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ льготъ церкви и духовенству, то во-первыхъ, нѣтъ особенной заслуги въ заботахъ о частныхъ интересахъ сословія, во-вторыхъ, совпаденіе очень могло быть случайнымъ. Что же сдѣлали проповѣдники прочнаго въ другомъ смыслѣ? При Елизаветѣ имъ было очень удобно гремѣть противъ «скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ», противъ «права и ума эпикурейскаго, фреймассонскаго» и требовать казни тѣмъ, кто уже и безъ того былъ наказанъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ораторовъ того времени, Дмитрій Сѣченовъ вспоминалъ, что прежніе правители такъ благочестивыхъ людей устрашили, что «уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается». Г. Поповъ справедливо думаетъ, что въ этихъ словахъ проповѣдника таится сознаніе, что поздняя борьба не есть заслуга, и что равнодушіе и страхъ

во время опасности не возбуждать къ себѣ особенной симпатіи въ слушателяхъ: обыкновенно проповѣдники избѣгали этихъ щекотливыхъ воспоминаній. Самъ Сѣченовъ не сдѣлался осторожнѣе отъ прежнихъ опытовъ; въ послѣдствіи онъ встрѣтилъ великолѣпную рѣчь восшествіе на престолъ Петра III, а потомъ при Екатеринѣ говорилъ: «если бы всемогущій Богъ не отклонилъ во время того великаго удара, который готовилъ намъ Петръ, то мы лишились бы и праваго и лѣваго уха, — не могли бы слышать рѣчей о нашей вѣрѣ». Г. Поповъ нашелъ бы, конечно, много и другихъ фактовъ подобнаго рода, и ими нравственное и общественное значеніе этого краснорѣчія опредѣлилось бы гораздо яснѣе. Проповѣдь, въ томъ видѣ, какъ она существовала у насъ въ прошломъ столѣтіи и теперь, не была общественнымъ двигателемъ; эту мірскую работу она предоставила другимъ и взяла себѣ иную, чисто духовную задачу, которая болѣе прилична мирнымъ служителямъ церкви; она не вмѣшивается въ суету жизни, но, сколько можетъ, борется съ нею.

Къ исторіи новой литературы принадлежать еще статьи г. Лыжина, который занимается философскимъ опредѣленіемъ идей Карамзина и Жуковскаго. О философіи Карамзина гораздо основательнѣе писалъ впрочемъ г. Галаховъ, указывавшій ея ближайшіе источники. Г. Лыжинъ не удовольствовался простымъ сближеніемъ понятій Карамзина съ тѣми писателями, которыхъ указываетъ самъ Карамзинъ, и старается убѣдить насъ въ тѣсной связи идей нашего историографа съ идеями Канта: въ этомъ невѣроятномъ сближеніи г. Лыжина не остановилъ и тотъ весьма извѣстный фактъ, что нашъ писатель никогда не былъ строгимъ философомъ; если въ эклектизмѣ Карамзина онъ находитъ что нибудь похожее на мысли въ сочиненіяхъ Канта, то подобную параллель онъ можетъ отыскать у Карамзина для какого угодно философа. Доказательства г. Лыжина состоятъ въ слѣдующихъ сравненіяхъ: «способности и рѣшимость сопротивляться сильному, но несправедливому врагу, пишетъ Кантъ, и называется мужествомъ, а относительно врага въ насъ самихъ — добродѣтелью, которая есть нравственная сила въ исполненіи обязанностей» (см. Канта, ученіе о добродѣтели и пр.). «Имя добродѣтели, — читаемъ у Карамзина, — происходитъ отъ сдѣлы: человѣкъ добродѣтельный находится постоянно въ военномъ положеніи и долженъ постоянно вступать въ бой съ самимъ собой.» Карамзинъ возлагалъ на правителей обязанность не плѣняться ни блескомъ силы военной, ни однимъ матеріальнымъ развитіемъ націи, а любить ее; а Кантъ именно говоритъ: «любовь, какъ долгъ относительно человечества — не есть эстетическое чувство, заставляющее насъ радоваться при видѣ совершенства другихъ людей: она есть максима

доброжелательности, влекущая за собою добрых дѣла.» Г. Лыжина приводитъ еще два-три сравненія въ томъ же родѣ и прямо выводитъ заключеніе, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на западѣ, и знакомый съ сочиненіями Руссо, не могъ не остановиться на Кантѣ, формулировавшемъ его идеи практической философіи. «Впрочемъ, замѣчаетъ онъ, влияние мыслей Руссо не ограничилось Кантомъ и Карамзиньимъ, а распространилось и на другихъ замѣчательныхъ мыслителей (Карамзинъ также замѣчательный мыслитель?) послѣдней четверти XVIII и первой XIX столѣтія. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Фихте, окончательное развитіе практической философіи котораго вертится около того же года, въ которомъ написанъ альбомъ Карамзина». Замѣчательный въ самомъ дѣлѣ фактъ! Статья о «знакомствѣ Жуковского со взглядами романтической школы» написана гораздо разсудительнѣе, хотя въ ней говорится больше не о знакомствѣ Жуковского съ романтизмомъ, но объ извѣстномъ его другѣ Бокъ: въ статьѣ г. Лыжина разсказаны любопытныя черты изъ его біографіи.

Въ «Лѣтописяхъ» напечатано также довольно выписокъ изъ рукописей, преимущественно по народной повѣствовательной литературѣ, изданъ любопытный сборникъ пѣсенъ г. Якушкина, составляющій часть его большаго собранія пѣсенъ, изъ котораго онъ напечаталъ еще новыя пѣсни въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ».... Мы будемъ возвращаться къ «Лѣтописямъ» г. Тихонравова, когда выйдутъ слѣдующія книжки ихъ; не знаемъ впрочемъ, когда это будетъ: журналъ г. Тихонравова выходитъ очень прихотливо: послѣ первой книжки вышла третья, за ней уже въ нынѣшнемъ году вышла вторая, — а г. Тихонравовъ продолжаетъ объявлять на оберткѣ журнала, что «Лѣтописи» выходятъ въ пятьдесятъ-девятомъ году, каждые два мѣсяца по книжкѣ.

Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. Изданіе Александра Марковича. 2 части. Москва. 1859.

Недавно изданы были у насъ записки Державина, «Библіотека для Чтенія» напечатала новыя отрывки изъ давно уже извѣстныхъ записокъ Болотова, мы вспомнили забытые мемуары Дашковой, теперь г. Марковичъ издалъ еще два тома записокъ изъ XVIII столѣтія; повидимому пора было бы прекратить старинныя жалобы на недостатокъ русскихъ мемуаровъ, которыя слышатся иногда и до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ для исторіи осмнадцатаго столѣтія

найдется у нас весьма значительное число мемуаровъ. Раньше, отъ семнадцатаго столѣтія нельзя было бы и ожидать «записокъ»: въ нашемъ смыслѣ этого слова: въ жизни XVII вѣка было очень много непосредственнаго, люди жили, не задумываясь много надъ тѣмъ, что выносить они изъ жизни, и не требовали отъ нея отчетовъ; сегодня было похоже на вчера, быть опредѣлился въ строгіе обычай и правила, и собраніе такихъ правилъ, въ родѣ стараго «Домостроя», уже представляло собой много прожитыхъ существованій, для которыхъ не нужна была дальнѣйшая исторія. Собственно мемуары или записки появляются у насъ только въ осьмнадцатомъ столѣтіи; хотя прежній строй жизни былъ еще крѣпокъ, монотонный обычай сохранялъ свое господство надъ людьми, но въ жизни уже начиналось броженіе, заходившее дальше и дальше, общественный бытъ представлялъ гораздо больше разнообразія, чѣмъ прежде, нравы измѣнялись, эффектные событія быстро смѣнялись одно другимъ, любопытство современниковъ было возбуждено и они старались сохранить впечатлѣніе, запомнить интересныя факты и сберечь ихъ въ поученіе потомству: таково было начало нѣкоторыхъ мемуаровъ нашихъ въ осьмнадцатомъ столѣтіи, писанныхъ людьми наблюдательными и болѣе или менѣе близко видѣвшими ходъ нашей общественной и государственной жизни. Конечно, не всѣ сочинители нашихъ мемуаровъ руководились такими серьезными мотивами; другіе хотѣли передать по крайней мѣрѣ то, что они видѣли и сдѣлали сами, описывали безъ претензій свою исторію, прохожденія по службѣ, кампаніи; третьи, еще менѣе требовательные, писали только для себя, совѣщая въ своихъ запискахъ весь свой житейскій обиходъ, по тому же простому побужденію, по которому Иванъ Никифоровичъ записывалъ, съ кѣмъ и когда была съѣдена дыня. Такимъ образомъ составилось довольно обширное количество русскихъ мемуаровъ, которое могло бы удовлетворить нашихъ историковъ литературы, затрудняющихся наполнить этотъ отдѣлъ: вспомнимъ записки Шереметева, Данилова, Болотова, Семена Порошина, Фонтъ-Визина, Державина, кн. Шаховскаго, Бибикова, Храповицкаго, Лопухина, кн. Дашковой. Но этого намъ мало: только записки Дашковой намъ нравятся; мемуары Державина насъ не удовлетворяютъ, отъ Храповицкаго мы желали бы большаго. Въ сущности, все это недовольство совершенно несправедливо, потому что прикладываетъ къ нашимъ мемуарамъ мѣрку, по которой ихъ невозможно мѣрять. Но княгиня Дашкова? книга ея выдерживаетъ конечно критику, какъ интересное и смѣлое изображеніе эпохи, но княгиня Дашкова и не писала своихъ записокъ по-русски, и не думала издавать ихъ въ первые годы текущаго столѣтія. Мы хотимъ имѣть своихъ Сегуровъ и

Сейт-Сидмоновъ, и забываемъ, что въ XVIII столѣтїи у насъ не было для того ни достаточной общественной свободы, ни достаточно развитой личной независимости. Сочинители мемуаровъ должны были, конечно, и въ запискахъ оставаться тѣмъ, чѣмъ они были въ жизни, а въ жизни они были одинъ — генераломъ, другой болѣе или менѣе важнымъ чиновникомъ, третій — пожалуй честнымъ, но недалекимъ патриотомъ, четвертый — дѣланнымъ помѣщикомъ, и почти всѣ вообще людьми весьма малаго гражданского мужества, а этихъ качествъ безъ сомнѣнїя мало для того, чтобы сдѣлаться вѣрными живописцемъ всей жизни и нравовъ, отъ хижины до дворца: если имъ и удастся иногда одна часть картины, то другая никогда. Положеніе человѣка, настроеннаго нѣсколько независимо или занятаго серьезнымъ дѣломъ, было очень трудно и въ жизни и въ литературѣ: трудно было не только Новикову, Лопухину, Радищеву, но и сочинителямъ мемуаровъ, Порошину, Храповицкому. Нѣкоторыя времена были положительно неблагопрїятныя для подобныхъ занятїй. На Порошина подыались уже сплетни и наушничества, и въ концѣ своего журнала онъ пишетъ: «хотя и была у меня съ его высочествомъ экспликація, однако послѣ тѣхъ интрижекъ и наушничествъ все еще не примѣчаю я къ себѣ со стороны его высочества той довѣренности, той горячности и тѣхъ отличностей, которыя прежде были. Отъ его превосходительства Никиты Ивановича (Панина) поднесенныхъ ему тетрадей моихъ записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мишнїя, ни худаго, ни добраго, не слыхалъ отъ его превосходительства.... При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если они не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть».... Черезъ нѣсколько времени онъ и въ самомъ дѣлѣ его покинулъ. Храповицкій, конечно, не рассчитывалъ писать для современниковъ; онъ пишетъ до такой степени осторожно и мудрено, вставляетъ иногда такіе іероглифы, что теперь ихъ разберутъ только люди, близко знакомые съ тѣмъ временемъ: очевидно, писать иначе было бы не безопасно для него самого. Большинство остальныхъ писателей и не брало на себя обширной задачи; оставляя въ сторонѣ важные предметы, оно довольствовалось своимъ кругомъ жизни, да и въ немъ держало себя осторожно: резонерство было не въ модѣ. Такимъ образомъ за сочиненіе мемуаровъ брались по большей части люди или не серьезные, или несмѣвшіе имѣть своего сужденїя; общество было такъ молодо, что очень часто не сознавало того, что надъ нимъ дѣлается, и только принимало къ свѣдѣнїю случившіеся факты. Оттого въ нашихъ мемуарахъ, относящихся къ половинѣ прошедшаго столѣтїя, и нельзя ожидать безпристрастной и свободной оцѣнки событїй и дѣлъ.

ствующихъ лицъ: сочинителямъ было не до того, они или и вовсе не рѣшались говорить, или говорили только о своемъ страхѣ, какъ князь Шаховской, — при каждомъ новомъ переворотѣ они торопятся только приладиться къ новымъ временщикамъ и владыкамъ, о чемъ самъ наивно рассказываетъ. Для контраста можно сослаться на записки иностранцевъ, Манштейна, Миниха, Беркгольца и т. д. При всемъ томъ, хотя наши авторы и не сдѣлались сами вѣрными историками своего времени, записки ихъ будутъ имѣть всегда свою историческую цѣну.

Записки генеральнаго подскарбіа Якова Марковича также не поднимаются надъ общимъ уровнемъ нашихъ записокъ XVIII столѣтія. Онѣ начинаются еще при Петрѣ въ 1716 году и кончаются при Екатеринѣ въ 1767 г., и обнимаютъ слѣдовательно цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ прошедшаго столѣтія, весьма любопытныхъ въ нашей исторіи; дѣйствіе ихъ въ Малороссіи, внутренній бытъ которой еще мало извѣстенъ намъ за то время. Имѣя передъ собой записки человека, занимавшаго довольно видное мѣсто въ тогдашнемъ малороссійскомъ чиновначаліи и оттого видѣвшемъ на своемъ вѣку много людей, писавшаго почти каждый день свои замѣтки, мы могли бы ожидать отъ нихъ неистощимаго матеріала для изученія малорусскаго быта того времени, его отношенія къ тогдашнему русскому міру, для исторіи нравовъ и т. д., но записки Марковича только до нѣкоторой степени оправдываютъ наши ожиданія. Какъ записки, писанныя имъ только для себя, онѣ коротки, отрывочны, наполнены незначительными свѣдѣніями, и большей частью двумя-тремя словами только говорятъ о вещахъ, имѣющихъ дѣйствительный интересъ. Какъ историческій матеріалъ, онѣ доставятъ не мало данныхъ для историка Малороссіи, но для обыкновеннаго чтенія онѣ тяжелы и утомительны.

Въ предисловіи издатель сообщаетъ объ авторѣ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ отчасти изъ этихъ же записокъ. Яковъ Марковичъ, сынъ генеральнаго обознаго, родился 7 октября 1696 г. Въ молодости онъ учился въ кievской академіи и пользовался тамъ особеннымъ вниманіемъ Теофана Прокоповича, тогда ректора академіи, который не забывалъ своего ученика и впоследствии и поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія; у наслѣдниковъ Марковича сохранялась его переписка съ Теофаномъ, которая впрочемъ пропала послѣ по одному несчастному случаю. Марковичъ началъ свою службу знатнымъ войсковымъ товарищемъ и находился, какъ тогда говорили, при боку гетманскомъ, то есть при его особѣ. Въ 1721 году онъ исправлялъ должность отца своего Андрея, ходившаго въ ладожскій походъ, и былъ Лубенскимъ полковникомъ. За

тъмъ, въ царствованіе Петра I, онъ служилъ при Румянцовѣ, имѣвъ отъ царя важное порученіе въ Малороссіи, ходилъ съ дн. Голыцинымъ въ походъ до турецкой границы; съ 1725 до 1727 г. онъ находился въ Гиланской экспедиціи. Онъ участвовалъ потомъ въ разныхъ дѣлахъ по военному управленію Малороссіи, а при императрицѣ Аннѣ ходилъ съ козаками, подъ начальствомъ Миниха, противъ турокъ и татаръ, до Хотина. По восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы, онъ посланъ былъ вмѣстѣ съ другими депутатами отъ Малороссіи для поздравленія и присутствовалъ при коронаціи. Наконецъ въ 1762 г., за слабостью здоровья, онъ уволенъ былъ отъ всѣхъ службъ въ отставку генеральнымъ подскарбіемъ, и умеръ въ 1770 г. Въ дополненіе къ тому, что читатель находитъ о Марковичѣ въ его запискахъ, и что не всегда говорить въ его пользу, издатель обращаетъ вниманіе на похвальныя стороны его характера и жизни; говорить о его «безпорочной» службѣ, любви къ чтенію и умственнымъ занятіямъ, его хозяйственной предпримчивости, бывшей въ то время полезнымъ примѣромъ: онъ самъ занимался хозяйствомъ и торговлей, его волы продавались въ Гданскѣ, горѣлка шла въ Астрахань и даже въ Персію; оттуда онъ получалъ тамошніе товары, изъ Крыма ему возили соль, изъ Черкаска рыбу и пр. Притомъ онъ былъ и практической филантропъ: въ деревнѣ своей онъ устроилъ больницу для одержимыхъ заразительною болѣзнію и принималъ въ нее больныхъ безденежно, — это дѣйствительно дѣлаетъ честь его филантропіи.

Поводъ къ веденію записокъ дали Марковичу хронологическія замѣтки объ историческихъ событіяхъ, писанныя рукой извѣстнаго Полуботка; онъ началъ продолжать ихъ, но потомъ съ 1723 года началъ свои правильныя записки и велъ ихъ очень прилежно, дома, въ походахъ и путешествіяхъ. Издатель составилъ изъ нихъ напечатанный текстъ его мемуаровъ, изъ котораго исключено очень многое, имѣвшее интересъ только для самаго автора. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ онѣ заключаютъ много свѣдѣній, очень незначительныхъ, которыя можно было бы выбросить безъ потери для читателя. Нѣкоторыя выдержки изъ дневника Марковича дадутъ читателю достаточно ясное понятіе о его характерѣ и о томъ, сколько можно извлечь изъ него для знакомства съ малорусскими нравами прошлаго столѣтія. Главнымъ предметомъ вниманія Марковича былъ прежде всего его собственный домашній бытъ; онъ записываетъ всѣ семейныя дѣла, родины, свадьбы, похороны, такъ что читатель узнаетъ подробно всю его родню на нѣсколько колѣнъ. Родственныя связи были тогда гораздо тѣснѣе нынѣшняго: Марковичъ прилежно слѣдилъ за своей родней, оказывалъ большое

уваженіе старшинъ, требовалъ себѣ такого же уваженія отъ младшихъ, дѣлалъ имъ «реприманды» за небрежность въ атомъ случаѣ, несылалъ имъ подарки и помогалъ имъ въ случаѣ бѣдности. Это была общая черта того времени и въ Малороссіи и у насъ, и въ дневникѣ Марковича она выставляется очень ярко. Онъ никогда не пропускалъ записать, кто и когда прислалъ ему хустку (платокъ) отъ сговора или свадьбы, родинный взварецъ отъ какой нибудь родственницы, чѣмъ онъ отдаривалъ самъ, или сколько далъ «отгѣзднаго» за посѣщеніе. Столь же правильно записываетъ онъ и всѣ малѣйшія подробности своего хозяйства; читатель также хорошо познакомятся и съ количествомъ горѣлки и дѣнами, по которымъ онъ ее продавалъ, съ числомъ его воловъ и овецъ, съ его пчеловодствомъ, словомъ со всѣми хозяйственными оборотами; онъ записываетъ даже, какой кафтанъ далъ своему хлопцу, какое платье сшилъ кучеру и т. д. Совершенно — мемуары старосвѣтскаго помѣщика. Онъ не забываетъ описывать и препровожденіе времени, въ слѣдующемъ родѣ: въ 1724 году, на примѣръ, онъ замѣчаетъ — «у архіерея обѣдъ кушали и довольно *гуляли*», — «Алексѣй Македонскій, пѣвчій княжій, былъ у меня и игралъ на *клавцимбаль*» (фортепьяно), — «лѣкарство на ипохондрію началъ принимать», — «Комаровскій *рисовалъ* многихъ на папирѣ», — «ввечеру заѣзжалъ до пана Петра Апостола, гдѣ *фабулу* слышалъ о Турандоктѣ и Калѣфѣ»; а вслѣдъ за тѣмъ пишетъ извѣстіе другаго рода: «Василій Жуковскій, сотниченко Глинскій, отъ своихъ подданныхъ Волошиновскихъ забить, пробить, поколотъ и носъ ему отрѣзанъ», — подъ первымъ апрѣля записано однажды: «брата Марка посылаю до сестры съ обманомъ, то есть листомъ, будто откуда-то писаннымъ, а въ ономъ только было 1-та aprilis». Свои служебныя занятія онъ описываетъ менѣе подробно, чѣмъ хозяйственныя, но постоянно сообщаетъ извѣстія по военному управленію: кто произведенъ въ есаулы, сотники, обозные, какіе вышли новые указы и постановленія, когда назначались походы, сколько приказывали заготовлять провіанта и т. д.; но, къ сожалѣнію, все это въ высшей степени отрывочно и безсвязно, какъ и всѣ его свѣдѣнія. Очень охотно рассказываетъ онъ о разныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, на примѣръ, при выборѣ или встрѣчѣ гетмана, или въ столицѣ при поздравленіяхъ императрицы; подробно записываетъ, какія награды давались важнымъ придворнымъ лицамъ, которыхъ онъ даже и не зналъ, — ему просто пріятно было заносить въ свой журналъ громкія имена: одинъ разъ онъ вписываетъ даже рѣчь персидскаго посла къ императрицѣ.

Обыкновеннымъ веселымъ препровожденіемъ были карты и особенно попойки. Записки Марковича наполнены множествомъ записокъ этого рода; вотъ, напримеръ, нѣсколько дней изъ его жизни въ Петербургѣ и Москвѣ, куда онъ ѣздилъ съ малорусской депутаціей для поздравленія Елизаветы, и гдѣ онъ имѣлъ также и другія удовольствія:

«Февраля 1. Были у князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, генерала Кейта и у князя Александра Борисовича Куракина, который насъ напоилъ и накормилъ съ особливою своею *похвальною склонностію*.»

«4.... Заходили мы до Игната Кириловича Полтавцева, и у него покамовъ по нѣсколько вина выпивали, *подъ шумомъ* въ свою квартиру пріѣхали.

«7... Вечеру были у духовника государыни отца Федора Дублянскаго, ради именинъ его, у котораго, такожь онъ него зашедши, у Полтавцева *подпіяхомъ*.

«8... Были во дворцѣ на операхъ, гдѣ дѣвки италіянки и кастратъ пѣли съ музикою.»

Въ Москвѣ продолжается тоже: онъ бываетъ въ церемоніяхъ и у знакомыхъ, дома «куликаетъ» съ дворцовыми пѣвчими и слѣпымъ бандуристомъ, былъ также и въ театрѣ:

«Вечеру ѣздили во дворецъ и были на оперѣ въ оперной залѣ, гдѣ въ изъясненіе милосердныхъ комитетовъ ея величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ, и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ наущенія Вителлія, дочери убіеннаго Вителлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и пр., при презрѣдномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ».

Попойки происходили безпрестанно, и Марковичъ, напивавшійся у начальства, у знакомыхъ, у архіереевъ и протопоповъ, конечно, не былъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ; за недостаткомъ другихъ увеселеній, «банкеты» давались очень часто и Марковичъ не отказывался отъ нихъ до самой старости, когда его уже одолѣвали недуги. Примеръ подавалъ самъ гетманъ, съ которымъ случилось однажды такое несчастье: «ясневельможный, по вчерашнемъ банкетѣ княземъ, *шуменъ* будучи, возвратясь къ себѣ, упалъ на землю, т. е. на полъ и забилъ правый бокъ, отчего и заболѣлъ». Тогдашнія здоровыя природы выдерживали подобныя увеселенія очень легко: они были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Впрочемъ среди его однообразныхъ разсказовъ выдаются иногда любопытныя черты нравовъ. На гиланскомъ походѣ онъ рассказы-

вѣсть, напримѣръ, о кулачныхъ бояхъ у козаковъ, которые ихъ любили по видимому не меньше великорусскаго народа: «съ обозу Гамалѣева козаки вызывали нашихъ на кулачный бой, а когда наши вышли биться съ ними, то при нашихъ побѣда осталась и едва могли ихъ отъ того бою разогнать», или: «кулачный жестокий былъ бой между полками: Полтавскимъ, Лубенскимъ и Черниговскимъ, которыхъ Якимъ Горленко едва разогналъ, а Андрей Горленко Петракія канчукомъ уталъ». На томъ же походѣ «Кочубей получилъ вѣсть, что коней его татары захватили и человекъ ранили; отъ сего Кочубей былъ въ *иньель генеральскомъ*. Тогда же онъ «купилъ трехлѣтняго татарчука у лицкихъ козаковъ за семь рублей»; въ старинныхъ барскихъ домахъ это была очень извѣстная роскошь, — маленькій татаринъ, какъ видно дальше изъ записокъ, служилъ для потѣхи его компаніи; татары и калмычата замѣняли также негровъ, которыхъ держатъ теперь въ важныхъ домахъ. Въ описаніи гилъскаго похода любопытенъ также у Марковича реестръ городовъ и деревень, сожженныхъ тогда русскими на Кавказѣ: Марковичъ считалъ ихъ съ обыкновенной своею аккуратностью.

Владѣльческія отношенія и отношенія властей къ управляемымъ отличались большой простотой. Записки Марковича доставляютъ не мало примѣровъ этого; у него было, напримѣръ, дѣло съ козаками Калюженками, которые оспаривали у него — и кажется не совсѣмъ справедливо — одну маестность; дѣло еще не было рѣшено, но между тѣмъ онъ пишетъ: «Левенець присылалъ ко мнѣ слугу своего сказать, что когда козаки Калюженки сегодня пану гетману кланялись, то онъ позволилъ имъ меня въ хуторѣ моемъ *грабить*»; черезъ два дня онъ замѣчаетъ: «пять возовъ сѣна моего, везеннаго изъ Ясмани, близъ Глухова, завернули гайдуки гетманскіе во дворъ и скидано тамъ». Это, впрочемъ не было исключеніемъ для одного гетмана; въ другой разъ у него на селѣ пограбили коней черныцы, и староста спрашиваетъ только Марковича: *отграбить ли?* Въ случаѣ споровъ иногда только употребленіе кулачнаго права могло заставить обѣ стороны обратиться къ суду за юридическимъ рѣшеніемъ несогласій; такіе случаи бывали и съ Марковичемъ, у котораго грозили однажды спалить его хуторъ.

О томъ, какія отношенія могли существовать тогда между великорусской и малорусской народностями, трудно извлечь что нибудь изъ записокъ Марковича, хотя онъ часто отличаетъ ихъ, и хотя у него замѣтенъ малорусскій патриотизмъ. Онъ съ удовольствіемъ говоритъ, напримѣръ, что Разумовскій «ихъ малороссіянину», и хвалитъ *умѣренность* Бярятинскаго, прѣхавшаго управлять Малороссіей: «его асистовали (сопровождали) обозный гене-

ральный со знакомъ, съ бунчуковыми, верхомъ, прочіе старшина генеральная и господа великороссійскіе колесками. Князь въѣхалъ прямо въ домъ гетманской и тамъ со многими и съ нами кушалъ обѣдъ. Умѣренности своей въ началѣ видъ показалъ тѣмъ, что великороссійскихъ персонъ по правой себѣ сторонѣ, а малороссійскую генеральную старшину по лѣвой сторонѣ у стола посадилъ и про здравіе пить общалъ къ обозному генеральному, и прочимъ слѣдовательно» (по порядку). Въ чемъ находилъ Марковичъ «неумѣренность» и что ему не нравилось со стороны великороссійскихъ господъ, остается неизвѣстно; онъ хладнокровно записываетъ фактъ, и больше ничего: весь кievскій магистратъ за что-то берутъ въ Глуховъ, Танскаго схватываютъ и везутъ въ Москву, Минихъ обходитъ черезъ-чуръ дерзко съ нимъ самимъ и малороссійской канцеляріей, онъ не выражаетъ обо всемъ этомъ никакого собственнаго мнѣнія.

Также равнодушно говоритъ онъ и о правительственныхъ перемѣнахъ, которыхъ такъ много совершилось на его вѣку. Смерть Петра Великаго, правленіе императрицы Екатерины, Петра II, Анны, приняты имъ совершенно одинаково, безъ участія, ожиданій и сожалѣній; даже паденіе Меншикова, которымъ онъ не имѣлъ причинъ быть довольнымъ, записано подобной индифферентной фразой: «князь свѣтлѣйшій, герцогъ, генералиссимусъ, рейхсъ-маршалъ, фельдмаршалъ, многихъ орденовъ кавалеръ, А. Д. Меншиковъ, спаде съ столь высокаго степени и высланъ по указу изъ Санктпетербурга со всѣмъ домоу». Эпоха Бирона не вызвала никакихъ разсужденій съ его стороны, она проходитъ незамѣтной въ его запискахъ; о казни Вольнскаго онъ говоритъ только: «видѣлъ манифестъ о казни оберъ-егермейстера Вольнскаго, тайнаго совѣтника Платона Мусина-Пушкина» и т. д. Только одинъ разъ онъ былъ, кажется, заинтересованъ дворцовыми происшествіями; паденіе правительницы Анны и вступленіе на престолъ Елизаветы были пріятнымъ для него событіемъ: съ этимъ извѣстіемъ присланъ былъ въ Малороссію Бутурлинъ и «старшина генеральная и полковники дарили генерала Бутурлина за вѣдомость сію: двѣ тысячи рублей отнесли». Въ томъ, что было прежде писано имъ въ журналѣ о правительницѣ и принцѣ Іоаннѣ, титулы ихъ зачеркнуты и вырѣзаны листы: было ли это усердіе или осторожность? Извѣстно, что по вступленіи на престолъ Елизаветы старались уничтожить всѣ слѣды правленія принцессы Анны, уничтожали манифесты, грамоты, книги, монеты, вышедшія при ней, и Марковичъ можетъ быть просто боялся оставить ея полныя титулы въ своихъ запискахъ.

Останавливаемся на этомъ, потому что было бы скучно приводить другія отрывочныя извѣстія, наполняющія журналъ Марковича. Несмотря на весь интересъ описываемаго времени, записки генеральнаго подскарбія читаются очень тяжело, но въ ихъ сыромъ лѣтописномъ матеріалѣ будущій историкъ Малороссіи найдетъ не одну любопытную черту правды.

Пермскій Сборникъ, повременное изданіе. Книжка II.
Москва. 1860.

Мы уже говорили прежде о первомъ выпускѣ этого изданія и отдали справедливость его дѣльному составу; вторая книжка столько же серьезна и опять сообщаетъ много свѣдѣній объ исторіи, этнографіи и сельскомъ бытѣ Пермскаго края. Впрочемъ, исторіи, которыя рассказываются здѣсь, не очень стары; они относятся уже къ восемнадцатому столѣтію и къ нашему благополучному времени, и конечно, не проигрываютъ отъ этого въ интересѣ. Въ «Сборникѣ» приведено нѣсколько документовъ о Пугачевскомъ бунтѣ, объ осадѣ города Кунгура въ 1774 году; передается біографія архимандрита Іакинфа, дѣятельность котораго относится ко второй половинѣ прошедшаго столѣтія; г. Зыряновъ рассказываетъ о смутахъ, происходившихъ въ Шадринскомъ уѣздѣ въ 1842 году, — все домашнія исторіи, въ которыхъ хорошо отражается внутреннее положеніе страны, отдаленной отъ центра государства и часто дѣлавшейся жертвой безурядицы. По словамъ статьи объ архимандритѣ Іакинфѣ, «въ прошедшемъ пермскаго края было много личностей, которыя по разнымъ причинамъ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя старины: поставленныя внѣ всякихъ условій умомъ, нерѣдко деньгами, а иногда просто грубою физическою силою, они творили чудеса, которымъ теперь съ трудомъ вѣришь». Къ числу такихъ личностей принадлежалъ Іакинфъ, бывший настоятелемъ Долматовскаго, а потомъ Пыскорскаго монастырей; съ именемъ его тѣсно связаны воспоминанія о народныхъ волненіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Дубинщины» и о Пугачевщинѣ въ зауральской части Пермской губерніи. Іакинфъ, сынъ священника, переселившася въ Тобольскую губернію изъ Великороссіи, былъ человекъ неученый, но отличался безпокойной жадной дѣятельности, способностью хозяйничать и держать въ ежевыхъ рукавицахъ своихъ подчиненныхъ, что, конечно, обратило на него вниманіе начальства, и оно скоро воспользовалось его талантами. Онъ былъ сначала экономомъ архіерейскаго дома въ Тобольскѣ, потомъ сдѣланъ былъ ар-

хивандритомъ и принималъ большое участіе въ управленіи епархіей; особенное умѣнье водворять порядокъ убѣжденіемъ и мѣрами строгости онъ показалъ въ 1762 году, въ эпоху «Дубинщины», когда обнаружилось сильное волненіе въ монастырскихъ вотчинахъ, желавшихъ освободиться отъ монастырской власти. Недовольные были такъ озлоблены, что хотѣли истребить всѣхъ монаховъ Долматовскаго монастыря, а въ особенности архимандрита Іакинфа; крестьяне вооружились чѣмъ попало и держали монастырь въ страхѣ, — но архимандритъ не еробѣлъ, призвалъ во время военную команду и бунтъ былъ укрощенъ съ обыкновенной жестокостью: больше полутора ста человекъ были нещадно биты кнутомъ и плетью. Пугачевщина снова подняла недовольное населеніе этого края, и подъ стѣнами Долматова явилось до трехъ тысячъ русскихъ и башкирцевъ; имъ хотѣлось овладѣть укрѣпленнымъ монастыремъ, который былъ бы для нихъ выгоднымъ военнымъ пунктомъ: мятежники встрѣчены были множествомъ простаго народа, который съ бѣлыми перевязями черезъ плечо, стоялъ толпами по обѣимъ сторонамъ дороги. Но Іакинфъ заранѣе позаботился укрѣпить монастырь сильнѣе прежняго, и хотя самъ онъ, можетъ быть изъ предосторожности, еще прежде выѣхалъ изъ монастыря, Долматовъ выдержалъ осаду. Онъ воротился туда уже послѣ водворенія спокойствія, но все-таки съ военнымъ конвоемъ. Заботясь о монастырѣ, Іакинфъ несмотря на отчисленіе вотчинъ отъ монастырей, счумѣлъ удержать за Долматовомъ разныя угодья, не забывая при этомъ и своихъ собственныхъ выгодъ. Управление его было совершенно деспотическое. Въ 1765 году дошли до Петербурга съ жалобами двое изъ его духовенства на жестокое обращеніе архимандрита, который *наказавъ ихъ плетью, принудилъ въ окровавленныхъ одеждахъ совершать литургію*. Въ Петербургѣ, разумѣется, велѣли изслѣдовать дѣло на мѣстѣ, а мѣстная канцелярія, конечно, признала эти жалобы клеветою. Еще нѣсколько разъ жаловались на Іакинфа, но дѣло опять кончалось ничѣмъ, извѣты объявлялись *затѣяливыми*; жаловались на него и въ Пермь, но намѣстническое правленіе отсылало его подчиненныхъ къ нему же, совѣтуя только растворять строгость «благоснисхожденіемъ». Кончилось тѣмъ, что архимандритъ былъ въ 1793 г. убитъ крестьянами. Біографія этого архимандрита любопытна вовсе не какъ исключеніе, но какъ довольно обыкновенная черта изъ нашей провинціальной жизни, прошлаго столѣтія. Исторія нашей областной администраціи и крестьянскаго быта богата примѣрами подобнаго необузданнаго самовластия, долго и безнаказанно угнетавшаго не только простой народъ, но и другія сословія и наконецъ вызывавшаго всеобщее раздраженіе: восемнадцатое сто-

лѣтіе имѣло въ этомъ отношеніи свои корни въ семнадцатомъ вѣкѣ и вообще въ старой Россіи, и передало свои результаты позднѣйшимъ поколѣніямъ. Въ этой исторіи мы найдемъ много фактовъ для объясненія народнаго характера, какъ онъ представляется намъ въ настоящую минуту. Разсказъ г. Зырянова о событіяхъ въ Шадринскомъ уѣздѣ въ 1842 году передаетъ современную исторію въ томъ же родѣ: крестьяне возмущались цѣлыми селами, потому что между ними разнесся слухъ, что ихъ хотятъ продать *подъ барина*; они по своему поняли распоряженія правительства, обвиняли своихъ головъ и писарей въ предательствѣ и отказывались отъ повиновенія. Виною всѣхъ беспорядковъ были, конечно, притѣсненія ближайшихъ властей, которыя не имѣютъ довѣрія поселянъ и отъ которыхъ послѣдніе не ожидаютъ добра: оттого и благодѣтельныя распоряженія часто не достигаютъ своей цѣли. Шадринцы прежде всего заподозрили своихъ сельскихъ и окружныхъ начальниковъ.... Они, впрочемъ, скоро были усмирены военною командою, которая ихъ вразумила.

Нынѣшній выпускъ «Сборника» заключаетъ также много любопытныхъ этнографическихъ матеріаловъ. Г. Роговъ составилъ довольно подробное описаніе быта пермяковъ, первую часть котораго онъ напечаталъ прежде въ журналѣ «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Настоящая статья посвящена описанію ихъ матеріальнаго быта, свадебныхъ и другихъ обычаевъ, праздниковъ и т. д. При этомъ авторъ приводитъ много пѣсень, конечно, не пермяцкихъ, а русскихъ, перенятыхъ пермяками. Г. Бурдинъ, крестьянинъ Пермской губерніи, сообщилъ «причитанья» по покойникамъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ; г. П—ій напечаталъ много свадебныхъ пѣсень, съ описаніемъ обрядовъ, сохранившихся въ Чердынскомъ уѣздѣ. Несмотря на то, что у насъ издано уже много свадебныхъ пѣсень, пермскія пѣсни останавливаютъ на себѣ вниманіе людей, занимающихся изученіемъ народнаго быта, потому что весьма хорошо сохранились: въ пермскихъ заголустьяхъ народныя обычаи имѣли, конечно, больше возможности остаться нетронутыми въ ихъ старинной формѣ; вмѣстѣ съ ними и пѣсни меньше подверглись нововведеніямъ и порчѣ, которые приходятъ съ новыми обычаями. Во многихъ изъ этихъ пѣсень еще слышится особенно живо связь съ народнымъ бытомъ, съ которымъ они еще не расходятся, какъ это случается въ другихъ мѣстахъ. «Въ сказкахъ и притчахъ», записанныхъ г. Зыряновымъ, находятся разсказы о донскихъ казакахъ, воевавшихъ съ басурманскимъ султаномъ, объ лѣсовикахъ, богатырѣ Аксѣнкѣ и легенды въ родѣ изданныхъ г. Аванасьевымъ, о солдатахъ и нечи-

егомъ духъ, о наказаніи неблагодарныхъ дѣтей и т. п. Ихъ, впрочемъ, собрано немного.

Въ третьемъ отдѣлѣ «Сборника», посвященномъ промышленности и торговлѣ Пермскаго края, приведены свѣдѣнія объ ирбитской ярмаркѣ, ея исторіи и торговыхъ оборотахъ въ настоящее время. Теперь, это главный торговый пунктъ между Россією и Сибирью; по суммѣ оборотовъ ирбитская ярмарка уступаетъ только нижегородской. Въ 1854 г., до Крымской войны, сумма привоза превышала 37,000,000 руб. сер.; во время войны она сильно упала и въ 1856 г. доходила только до двадцати милліоновъ. Не меньше интересна другая статья, представляющая «примѣры изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи». Авторъ статьи въ самомъ началѣ отказывается слѣдовать официальнымъ статистикамъ въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія крестьянъ, и приводитъ тому совершенно благоразумныя основанія. Вотъ какъ рассказываетъ онъ о собраніи официальныхъ статистическихъ свѣдѣній.

«Статистическія свѣдѣнія о посявахъ у крестьянъ хлѣба, урожаехъ, числѣ скота и прочихъ предметахъ экономіи крестьянской, собираемыя по распоряженію правительства, рѣдко бываютъ вѣрны, даже приблизительно. Это происходитъ частію отъ нежеланія крестьянъ выказать настоящее свое имущество по разнымъ причинамъ, частію отъ неумѣнія ихъ выразить употребительными мѣрами количество и число предметовъ, коиъ они къ тому же сами почти ни когда не мѣряютъ, почитая это нѣкоторымъ образомъ за грѣхъ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ человѣкъ-крестьянинъ никогда не скажетъ, сколько у него чурокъ (ульезъ) въ лѣсахъ и ни за что ихъ не укажетъ, изъ боязни, чтобъ злой глазъ не *изурочилъ* (то-есть не сглазилъ). Точно также *лысникъ* (звѣреловъ, охотникъ) только тогда покажетъ шкурки добытыхъ имъ звѣрей, когда привезетъ ихъ снятыми и высушенными на рынокъ, и то старается продать въ разницу, дабы не удивлялись большому числу шкурокъ, которыя онъ даже и самъ боится считать. Если векошника встрѣтите въ лѣсу, то ни за что не узнаете, сколько у него бѣлокъ въ *пестерѣ* (ранецъ, плетѣный изъ лыка), а куница завернута у него въ нѣсколько тряпокъ и такъ укрыта, что ее не скоро и найдешь въ немъ. Даже застрѣленнаго на облавѣ и убитаго въ теветахъ волка, — при чемъ бываетъ множество *тенетчиковъ, ревуновъ* (загонщиковъ) и стрѣлковъ, — тотчасъ положить на развални, покроятъ сѣномъ и тенетами, и такъ провезутъ, молча и безъ всякаго шума, въ деревню до дому, гдѣ обыкновенно *принимаютъ шкуры*. Такая скрытность необходима, по мнѣнію крестьянъ, для будущаго успѣха ловли. Иначе, если не принадлежащіе къ облавѣ люди, особенно въ деревняхъ бабы и дѣвки, обѣхаютъ и изурочатъ убитаго волка, то другіе въ тенеты уже никогда болѣе попадать не будутъ. Предразсудки эти такъ глубоко укоренились въ народѣ, что отъ нихъ несвободны даже довольно образованные люди. Мнѣ

знакомъ одинъ священникъ, — искусный и дѣятельный пчеловодъ и вмѣстѣ почтенный и набожный человекъ. «Сколько же у васъ добыто нынѣ меду?» спросилъ я его однажды. — Да такъ, слава Богу, есть немного! — «Да сколько же?» — Бадьшки съ двѣ... А между тѣмъ мнѣ извѣстно было, что кладовая его заставлена полными бадьями! Какъ же тутъ добраться до истины?... Причины, глубоко укоренившія скрытность въ характерѣ нашего крестьянина, замаскированную, въ свою очередь, дикими и бессмысленными на первый взглядъ предрассудками; лживы въ наше время для всякаго мыслящаго человека; а потому я, проходя ихъ молчаніемъ, прямо обращаюсь къ результатамъ этой скрытности, на сколько они относятся къ русской статистикѣ.»

Мы еще недавно читали въ газетахъ, какимъ образомъ собиравсь еще въ нынѣшнемъ году статистическія свѣдѣнія въ Калужской губерніи: собиравшій изъ грамотѣй счелъ долгомъ поставить цифры во всѣхъ графахъ присланной вѣдомости, и въ одномъ маленькомъ городкѣ, принадлежащемъ, конечно, исключительно греко-русской церкви, насчиталъ нѣсколько десятковъ человекъ католическаго и протестантскаго духовенства обоего пола, а въ особомъ примѣчаніи замѣтилъ, что такового въ городѣ совсѣмъ не найдется; въ числѣ раскольниковъ отмѣтилъ сколько-то евреевъ и т. п. Авторъ статьи въ «Сборникѣ», чтобы исполнить свою задачу, оставилъ всѣ официальные пути и собиралъ свѣдѣнія частнымъ образомъ черезъ людей, не состоящихъ къ крестьянамъ въ начальническихъ отношеніяхъ, и потому довольно надежныхъ. Онъ дѣлитъ крестьянъ на нѣсколько разрядовъ по степени ихъ достаточности, для каждаго беретъ нѣсколько примѣровъ и подробно перечисляетъ доходы и расходы каждой семьи, принятой имъ за образчикъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ онъ, что для точности данныхъ о силѣ и достаткѣ крестьянъ нужно брать въ расчетъ весь годовою оборотъ прихода и расхода крестьянъ и по денежному и по матеріальному капиталу ихъ, собирать свѣдѣнія не къ сроку, а постепенно, чтобы можно было характеризовать хозяйственный бытъ крестьянъ въ періоды многолѣтніе, а не только годичные. Въ видѣ опыта представляетъ онъ свои матеріалы, и сознается опять, что и при этомъ способѣ болѣе вѣрно можетъ быть частное, а не официальное изслѣдованіе.

Въ смѣси помѣщено много любопытныхъ мелкихъ статей и замѣтокъ о пермскихъ нравахъ, народныхъ промыслахъ и хозяйствѣ и проч. «Сборникъ» вообще остался вѣренъ своему дѣльному наравленію и мы отъ души желаемъ успѣха предпріятію его редакціи.

Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. Исмаилова. Москва. 1860 г.

Наша литература начинаетъ все больше и больше поощрять гласность; до сихъ поръ уже многіе авторы воспользовались ей для открытія частныхъ и общественныхъ недостатковъ, которые они выставляли впрочемъ по большей части съ такой осторожностью, что трудно бывало понять, о комъ или о чемъ идетъ рѣчь; теперь г. Исмаиловъ (отчего же не Исмаиловъ?), изъ принципа, предастъ гласности собственную прошедшую жизнь. Г. Исмаиловъ родился, по его словамъ, въ 1794 году, и принадлежитъ слѣдовательно къ людямъ стараго вѣка; тѣмъ утѣшительнѣе видѣть у него такое сочувствіе къ современнымъ тенденціямъ. Задумавши бросить взглядъ на собственную прошедшую жизнь, онъ не хотѣлъ подражать разнымъ знаменитымъ людямъ, писавшимъ свои автобіографіи, а слѣдовалъ внушеніямъ собственной благонамѣренности. На слѣдующемъ послѣ заглавія листѣ онъ напечаталъ крупными буквами:

«Ко всякой эпохѣ моей жизни прикосновенны многія немаловажныя обстоятельства. За отсутствіемъ гласности, онѣ погибли бы въ рѣкѣ забвенія: вотъ причина, почему я исповѣдую себя предъ публикою.»

Мы ожидали отъ книги послѣ этого объявленія какихъ нибудь особенныхъ признаній, думали, что авторъ какимъ нибудь способомъ дѣйствительно видѣлъ на своемъ вѣку какія нибудь немаловажныя обстоятельства, — но разумѣется ошиблись. На этотъ разъ авторъ впрочемъ даетъ только начало своей исповѣди, заключающее время его воспитанія и образованія; онъ доходитъ до двадцатишестого года своей жизни, и къ этому времени еще не было прикосновенно особенныхъ немаловажныхъ обстоятельствъ, которыя бы стоило предавать гласности. Онъ рассказываетъ довольно обыкновенныя вещи о своемъ домашнемъ воспитаніи, переходитъ потомъ къ школѣ и подробно описываетъ методу своего семинарскаго ученія, достаточно намъ извѣстную, говоритъ о нашествіи Наполеона, поступленіи своемъ въ московскую духовную академію и доходитъ до окончанія курса. Быть можетъ, во всемъ рассказѣ найдется нѣсколько интересныхъ мелочей для исторіи нашихъ духовныхъ школъ. Это повѣствованіе могло бы быть особенно занимательно развѣ потому, что по немъ можно было бы сдѣлать сравненіе училищъ стараго времени съ нынѣшними. Мы увидѣли бы, что прочный порядокъ ученья, установленный для школъ со временъ славяно-греко-латинской академіи, гдѣ началъ учиться г. Исмаиловъ,

хорошо учились и до нашего времени; что духовные ученые в настоящее время обладают впрочем большими сведениями, но удержали старинный характер науки, не смущаясь теми новыми направлениями, которые появляются в ней в настоящее время, что они также мало, как и прежде, обращают внимания на мирские потребности светского общества, от которого всегда держали себя далеко; мы увидели бы, что и в педагогических приемах они во многом остались верны старине. Многим конечно не поврались бы эти археологические принадлежности пыльных духовных училищ. Но г. Исмаилов такая параллель не приходила в голову, да если бы и случилось ему сделать подобное сравнение, он остался бы им совершенно доволен, потому что нынешние училища духовные кажутся ему вполне достигающими своей цели: светского образования г. Исмаилов не любит, как и слѣдует человеку стараго вѣка. В цели его рассказовъ непременно входило написать апологию пѣкоторыхъ спорныхъ сторонъ духовнаго образования и духовенства, которыя, по словамъ его, подвергаются теперь клеветамъ и несправедливымъ нареканіямъ. Въ собственной биографіи его не нашлось пока «незначительныхъ обстоятельствъ», которыя нужно спасать изъ рѣчки забвенія, и онъ, заговоривши о своемъ духовномъ образовании, воспользовался случаемъ опровергнуть клеветы и нареканія: мы подозреваемъ, что собственно на этотъ конецъ сочинена и вся книжка. На цѣль десятка страниць г. Исмаиловъ разсуждаетъ о томъ, что всѣ толки о преобразованіяхъ духовнаго управления, образования и т. д., совершенно неосновательны и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Упомянувши о преобразованіи духовныхъ училищ послѣ 1812 года, г. Исмаиловъ такимъ образомъ переходитъ къ своему разсужденію о духовенствѣ:

«Нѣтъ сомнѣнія, говорить онъ, что преобразование духовныхъ училищ имѣло цѣлю возвысить духовенство въ понятіяхъ о своихъ обязанностяхъ и умножить число просвѣщенныхъ священнослужителей. Однако говорятъ, что эта цѣль или мало, или совсѣмъ не достигается: находятъ, что духовенство худо знаетъ свои обязанности, и даже не понимаетъ значенія своего въ обществѣ; что священники вообще козрыстолюбивы, а сельскіе, сверхъ того, грубы, невѣжественны и держатъ себя вязко. Печальная гласность нынешняго времени такъ характеризуетъ служителей православной вѣры, — это важное въ государствѣ, и скажу, въ царствѣ Христовомъ, словіе, — и громить ихъ не только предъ лицомъ Россіи, но и за границею.

«Главными причинами численныхъ недостатковъ составляютъ: 1) управленіе дѣлами Церкви монастырствующихъ; 2) несоотвѣтственное бѣлому духовенству воспитаніе и образованіе; и 3) содержаніе клира

отъ олтара, а не изъ государственной казны или отъ десятины съ прихожанъ, установленной закономъ.

«Православному христіанину горько читать неблаговидные и кажется не совсѣмъ благонамѣренные (почему же?) отзывы о своихъ духовныхъ отцахъ. Гласность, разсѣивающая такіе отзывы по свѣту, къ чему служить? Разумѣется больше къ тому, что остановить распространеніе православія и усилить вредный для духовнаго преуспѣнія виднѣферевтизмъ, и т. д.»

Мы позволяемъ себѣ думать, что онъ опровергаетъ всѣ эти обвиненія нѣсколько неудачно, но спорить съ нимъ не будемъ, отчасти потому, что «Современникъ» уже высказалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, отчасти потому, что не знаемъ той напечатанной за границей книжки, на которую нападаетъ г. Исмаиловъ. Мы передадимъ только мнѣнія г. Исмаилова, которыя довольно хорошо говорятъ за себя сами, но предупреждаемъ, что мы сами не касаемся этого вопроса; если мы приводимъ его мнѣнія, то только для того, чтобы показать, что защищая подобнымъ образомъ дѣло, г. Исмаиловъ только унижаетъ его. На первое обвиненіе онъ отвѣчаетъ напрѣтвми доводами, что вопервыхъ «монахъ образованіе священника» и что монахи у насъ больше пишутъ ученыхъ книгъ, чѣмъ священники; вовторыхъ, монахъ «честнѣе» (собственныя слова г. Исмаилова), потому что имѣетъ меньше поводовъ къ соблазну; въ третьихъ, онъ забываетъ о дѣлахъ мірскихъ и опытнѣе въ дѣлахъ вѣры, слѣдовательно способнѣе управлять духовною паствою (г. Исмаиловъ забылъ только, что духовная паства состоитъ изъ мирянъ, и слѣдовательно заботясь о ней, нужно бы быть знакомымъ и съ мірскими дѣлами); въ четвертыхъ, «монахъ холоденъ ко всему, что мы называемъ свѣтскими обычаями, правилами приличія (?), комфортомъ; не заботится о нѣрахъ цивилизаціи (!), не принимаетъ участія въ прогрессѣ (!); чуждъ горя и радостей семейныхъ и не сочувствуетъ вдовству и сиротству (!)» (ужь не начинается ли самъ г. Исмаиловъ клеветать на монашество?); но это ничего не значитъ по мнѣнію г. Исмаилова,—зато онъ никому въ этихъ общественныхъ отношеніяхъ и не мѣшаетъ; зато онъ самый нѣрный исполнитель велѣній верховной власти, которую онъ понимаетъ въ точномъ смыслѣ обезавѣтнаго ученія церкви и которой повинуются если не изъ сердечнаго убѣжденія въ пользу закона, то по убѣжденію разума, что повиноваться должно (стр. 79). Но г. Исмаиловъ еще мало наговорилъ на свою голову. Дальше онъ сознается, что управленіе монашества тяжело для клира, что во всемъ обезпеченные монахи не радѣютъ объ его нуждахъ, и управляемый ими клиръ послѣ долговремен-

ныхъ трудовъ остается безъ вознагражденія (стр. 80 — 81). Но какъ же помочь этому, спрашиваетъ авторъ: если дать участіе въ управленіи и свѣтскому духовенству, тогда явилась бы духовная аристократія, духовныя *барыни и барышники*, и истиннымъ православнымъ странно было бы видѣть ихъ въ театрахъ и публичныхъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ они привыкли смотрѣть на духовенство какъ на сословіе, въ которомъ, по словамъ г. Исмаилова, все, кромѣ челоуѣчества и закона, *вопреки* свѣтскому обществу. Послѣднее такъ и должно быть, по его мнѣнію.... Повторяемъ, что мы не хотимъ сами ничего говорить противъ монашескаго управленія церкви; не хотимъ спорить съ авторомъ, потому что у насъ нѣтъ съ нимъ общей почвы: спорные вопросы онъ считаетъ рѣшенными, и то, въ чемъ мы да и самъ онъ видимъ недостатокъ и злоупотребленіе, онъ намъ приводитъ какъ прямое доказательство противъ неблагонамѣренныхъ толковъ!

Также рѣшительно вооружается онъ на другое обвиненіе: онъ никакъ недопускаетъ, чтобы духовныя лица могли получать университетское образованіе. «Когда я кончилъ курсъ ученія, разсказываю г. Исмаилову, а кончилъ я его 25 лѣтъ, первую мою мысль было возблагодарить Бога, что я русскій, слѣдовательно православный..., что образовался въ духовныхъ училищахъ, слѣдовательно голова моя не *забита* суетными науками и вольнодуміемъ. Говорю это откровенно, по чистой совѣсти. Можетъ быть и всякой хвалить свою долю, какъ куликъ свое болото». Патриотизмъ автора похваленъ, но для собственнаго интереса онъ могъ бы удержаться отъ излишней откровенности, до которой дошелъ въ послѣднихъ строкахъ. И такъ, онъ полагаетъ, что нашему духовенству вовсе не нужно университетскаго образованія; и безъ того оно пользуется уваженіемъ, и этого достаточно. Свою мысль онъ подкрѣпляетъ по обыкновенію весьма оригинальнымъ примѣромъ: «уваженіе къ священному сану, также какъ и ко власти — въ характерѣ людей истинно православныхъ, и въ русскомъ царствѣ оно составляетъ одну изъ существенныхъ чертъ народности: ксензъ и пасгоръ, чтобъ заслужить уваженіе отъ ислѣдниковъ папизма и протестантизма, непременно должны быть милостивы поучительны, снисходительны и благотворительны, иначе ихъ поставятъ на ряду съ людьми свѣтскими, — русскій же чтитъ своего священника и безъ этихъ качествъ». Послѣ подобнаго разсужденія излишне разумѣется объяснять, что въ томъ и заключается вопросъ, что духовенству слѣдуетъ поддерживать это врожденное уваженіе къ нему православнаго челоуѣка: въ народѣ и въ обществѣ бывають конечно прекрасныя привычки, но и они пропадаютъ иногда отъ времени и обстоятельствъ. Г. Исмаиловъ имѣ-

еть и другое возраженіе противъ университетовъ: въ богословскіе факультеты университетовъ пошли бы только люди, особенно преданные ихъ предмету, — но «много ли вы найдете призванных?» спрашиваетъ авторъ, и своимъ вопросомъ даетъ намъ право думать, что и въ духовныя училища идетъ по этому много непризванныхъ, отъ чего училища конечно не выигрываютъ. Онъ впрочемъ поправляется и увѣряетъ, что въ рукахъ монашескихъ, духовныя заведенія достигаютъ всей возможной степени совершенства. Ни одно возраженіе не заставитъ его задуматься: онъ соглашается, что метода преподаванія дурна, мальчиковъ заставляютъ не учиться; а зубрить уроки наизусть, — но это такъ и быть должно по мнѣнію автора, потому что двѣнадцатилѣтній мальчикъ ничего не понимаетъ; онъ допускаетъ, что въ академіяхъ преподаваніе устарѣло и не даетъ свободнаго развитія мысли, — это правда (стр. 93), но для того-то люди, готовящіеся въ духовное званіе и учатся въ академіи, а не въ университетѣ или въ гимназіи. Такъ онъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ.

Еще основательнѣе отвѣчаетъ г. Исмаиловъ на обвиненіе въ вѣвѣжествѣ, въ неприличномъ сану обращеніи сельскаго духовенства и въ неправильномъ денежномъ отношеніи къ прихожанамъ. И это справедливо, — духовенство дѣйствительно принуждено собирать свои доходы лестію, потворствомъ, вымогательствомъ, вообще разными *непозволительными* средствами (см. ст. 95): но авторъ думаетъ, что есть болѣзни неизлечимыя, которыя излечить нельзя, а можно только замѣнить другою, еще болѣе опасною болѣзнию, и что въ такомъ случаѣ лучше оставить дѣло какъ есть. Теперь священникъ исполняетъ требы, потому что это ему выгодно, но «обезпечьте содержаніе сельскимъ причтамъ, и запретите имъ выпрашивать, вынуждать или *какимъ бы то ни было образомъ вымогать* у поселанина за исправленіе произвольныхъ требъ: священникъ не пойдетъ на зовъ и найдетъ много предлоговъ къ уклоненію, даже если и не запретить вымогательство, — въ такомъ случаѣ онъ пойдетъ только къ щедрому и богатому. Хорошо ли это будетъ, и согласно ли съ духомъ православія?» (стр. 79). Словомъ, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы денежныя отношенія духовенства съ мірянами остались хоть частію въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Съ этимъ можно было бы пожалуй согласиться, потому что привычка давняя и укоренилась въ народныхъ нравахъ и понятіяхъ, но способъ доказательства автора приводитъ насъ въ совершенное недоумѣніе: какимъ образомъ, говоря подобнымъ языкомъ и дѣлая подобныя признанія, упрекаетъ онъ другихъ за неблаговидные отзывы о духовенствѣ. Мы не думаемъ, чтобы даже въ самой лейпцигской или парижской книжкѣ говорилось о

духовенствѣ болѣе рѣзкими фразами, чѣмъ въ приводимыхъ нами мѣстахъ изъ книги г. Исмаилова. Мы гораздо лучшаго мнѣнія о нашемъ духовенствѣ, чѣмъ этотъ защитникъ его: мы надѣемся, что если русское духовенство сознаетъ свои недостатки, оно будетъ стараться исправить ихъ, а г. Исмаиловъ уже видитъ эти недостатки, но хочетъ закрѣпить ихъ на вѣки вѣчные. Это кажется намъ болѣе неблагонамѣреннымъ, чѣмъ лейпцигская книжка; г. Исмаиловъ дурно рекомендовалъ бы свои привязанности и своихъ друзей, если бы спросить ихъ по извѣстной пословицѣ: скажи маѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и прочее.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Г. ПОГОДИНУ О ЖМУДСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г. явилось «Отложенное до печати дополненіе къ диспуту» г. Погодина. Буду отвѣчать на него слово за слово.

Г. Погодинъ дѣлаетъ мнѣ вопросы, на которые отвѣчаетъ самъ. Въ такой формѣ составлена его статья. Изъ отвѣтовъ, какіе онъ самъ даетъ на свои вопросы, естественно выходитъ, что все мое мнѣніе, какъ онъ выразился, есть non-sens; теперь мнѣ остается только вмѣсто отвѣтовъ, предложенныхъ г. Погодинымъ, поставить свои.

Г. Погодинъ говоритъ:

«Вы говорите, что Рюрикъ, Труворъ и Синеусъ, пришли изъ Жмуди. Позвольте мнѣ спросить, есть извѣстіе о томъ въ русскихъ лѣтописяхъ?»

Онъ отвѣчаетъ:

«Нѣтъ».

А я отвѣчаю ему:

Не сказано въ лѣтописяхъ, что они пришли изъ Жмуди, а сказано, что пришли изъ Руси — варяговъ; по моему соображенію, Русь — это Жмудь. Вѣдь не сказано, что они пришли изъ Скандинавіи, но вы производили ихъ оттуда, потому что они варяги, варягами же звали скандинавовъ.

Далѣе г. Погодинъ спрашиваетъ:

«Ну, въ лѣтописяхъ литовскихъ?»

Отвѣчаетъ: — «нѣтъ».

А я отвѣчаю:

Лѣтописей литовскихъ не существуетъ.

«Нѣтъ ли въ лѣтописяхъ сосѣднихъ?» продолжаетъ мой соперникъ и отвѣчаетъ: — «нѣтъ».

Въ лѣтописяхъ сосѣднихъ нѣтъ вовсе о призывѣ князей откуда бы то ни было.

Подобный отвѣтъ я долженъ дать на два слѣдующіе затѣмъ вопроса: нѣтъ ли о томъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ? О такомъ отдаленномъ времени не сохранилось ни преданій, ни пѣсень; а потому и ссылаться на это не затѣмъ.

По крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ преданіяхъ русскихъ, литовскихъ? спрашиваетъ Погодинъ и отвѣчаетъ: — нѣтъ нигдѣ.

А я отвѣчаю ему: — во множествѣ хронографовъ, составляющихъ между прочимъ значительную часть и вашего собраннаго и проданнаго въ Публичную Библіотеку книгохранилища.

Далѣе г. Погодинъ находитъ слабымъ мое доказательство, что въ XI вѣкѣ устье Нѣмана называлось русскимъ; и спрашивая: а прежде? отвѣчаетъ: — прежде не встрѣчается; задаетъ потомъ вопросъ: такъ по какому жь праву вы можете выводить оттуда Русь IX вѣка, кто вамъ сказалъ, что Нѣманъ не началъ такъ называться гораздо позднѣе? И вслѣдъ затѣмъ произноситъ такой приговоръ:

«Ну вотъ, все ваше мѣшье и подкопано подъ корни!»

Имя Руси давалось странѣ, прилегавшей къ устью Нѣмана еще въ X вѣкѣ, и я полагаю, что оное назывался точно такъ и въ IX вѣкѣ; именно потому, что мнѣ никто не сказалъ, чтобы Нѣманъ сталъ называться Русью только съ поздняго времени, потому, что я не знаю никакого историческаго событія, которое бы такъ измѣнило наименованіе страны. Если съ X вѣка до нашего времени, эта страна носитъ такое имя непрерывно, при всѣхъ измѣненіяхъ, какія испытывала она втеченіе многихъ вѣковъ, то кажется можно считать болѣе чѣмъ вѣроятною, мысль, что лѣтъ сто съ лишнимъ прежде того времени, какъ это названіе намъ становится извѣстнымъ, оно уже существовало.

Г. Погодину, «по законамъ исторической критики», кажется болѣе вѣроятнымъ, что туда переселились жители изъ вѣсть нашей Россіи около Новгорода, изъ Кіева, изъ-за Кіева, носившихъ названіе Руси. Можесть быть по законамъ какой-то исторической критики, на которую ссылается г. Погодинъ, это вѣроятнѣе, но оно противно нашей лѣтописи, которая ведетъ — имя Руси изъ варягъ на русскій материкъ, а не обратно.

«Но какому нраву, на какомъ основаніи, говорить г. Поподинъ— вы можете принять эту Жмудь въ состояніи удовлетворить ихъ желаніямъ порядка и безопасности? гдѣ свидѣтельства о такомъ превосходствѣ ея передъ славянами? Ихъ опять тамъ нѣтъ нигдѣ. А есть совершенно противоположныя: мы находимъ Литву, по свидѣтельству ея собственныхъ лѣтописей (любопытно было бы видѣть эти собственныя ея лѣтописи) платящею дань славянамъ лыками и вѣшниками въ гораздо поздиѣйшее время. Мы находимъ князей литовскихъ въ состояніи дикости и язычества въ XIII столѣтіи, и даже въ XIV, — слышите, черезъ пять сотъ лѣтъ. Какъ же хотите вы увѣрить насъ, что въ IX столѣтіи нашлись между ними вожделенные правители, и хранители и распорядители, для пространнаго владѣнія, если не для государства?»

Во-первыхъ, Литва внутренняя не то, что Русь, хотя послѣдняя и литовскаго племени. Приморскіе народы этого племени въ глубокой древности, сколько извѣстно, не стояли на степени дикости. У нихъ была сложная, развитая мифологія, жреческое сословіе, они знали земледѣліе, имѣли осѣдлыя жилища, строили суда и, по свидѣтельству Адама Бременскаго, плавали по морю, вели торговлю и знакомились посредствомъ ея съ иноземными предметами цивилизаціи, какъ это показываютъ вещи, находимыя въ древнихъ могилахъ; вторыхъ, славяне призывавшіе князей вовсе не думали о сильныхъ правителяхъ и основателяхъ государства: они призывали только къ себѣ княжескій родъ, потому что не поладили между собою внутри; точно такъ какъ новгородцы, псковичи и полочане призывали къ себѣ вѣдѣльскіе рюриковичей и литовскихъ князей. Имъ нужно было не героевъ, а такой родъ, который былъ бы для всѣхъ равно особымъ и не подлежалъ враждѣ партій. Это сознаніе единого рода, проходило чрезъ всю нашу исторію и неоднократно удерживало Рюриковичей въ качествѣ правителей.

Такъ въ драгоценной повѣсти о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи рассказывается, что муромцы прогнали своего князя, но бояре стали оспаривать другъ у друга первенство, началось междоусобіе и народъ рѣшился опять призвать выгнаннаго князя. Такъ Новгородъ никакъ не могъ оставаться безъ князя, потому что какъ скоро не было князя, партіи терзали страну и новгородцы спѣшили запасть хоть какимъ-нибудь, даромъ что этотъ князь былъ совершенною игрушкою вѣча. Вѣдъ и Михаилъ Феодоровичъ отличался не Богъ-знаетъ какими достоинствами и не возвышался предъ другими родами знатностію — и его выбрали ради спокойствія края. То же было и въ IX вѣкѣ. Для этого не нужно было, чтобъ Жмудь, какъ требуетъ г. Поподинъ, непременно была силь-

нѣ Новгородѣ. Что же связывало тогда славянъ съ литовцами — это уже я объяснялъ въ первой своей статьѣ.

Г. Погодинъ говоритъ, что «мѣсто нашего лѣтописца, «пошли за море къ варягамъ-руси, такъ назывались эти варяги Русью, какъ другія — шведами, англичанами, готами, мурманами» надобно будетъ, принявъ мнѣніе о литовскомъ происхожденіи, такъ понимать: пошли за море къ Литвѣ-Руси; такъ называлась эта Литва Русью, какъ другая называлась шведами, третья англичанами, готами, мурманами, то есть англичане, шведы, готы принадлежали къ литовскимъ племенамъ. «Видите ли — уродождается г. Погодинъ — какой выйдетъ поп-сепс изъ этого ясного несторова мѣста вслѣдствіе вашего толкованія!»

Г. Погодинъ навязываетъ на меня никогда не высказанную мною мысль, будто бы подъ всякимъ варягами слѣдуетъ разумѣть Литву. Г. Погодинъ конечно знаетъ, что я этого не говорилъ и не скажу. Я понимаю мѣсто нашего лѣтописца такъ, какъ бы оно было сказано слѣдующимъ образомъ: пошли къ прибалтійцамъ (варягамъ) Руси: такъ назывались эти прибалтійцы Русью, какъ другіе прибалтійцы назывались шведами, англичанами и проч.

Г. Погодинъ приводитъ мѣста изъ нашей лѣтописи, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что въ понятіе о варягахъ не могли входить литовскія племена. Объ этомъ уже прежде было говорено, и я въ своемъ возраженіи, читанномъ на диспутѣ, высказалъ свое мнѣніе. Г. Погодинъ не опровергаетъ меня, а повторяетъ прежнее. Я не стану повторять того, что уже высказалъ: это скучно.

Извѣстія о Руси у греческихъ писателей очевидно относятся къ Руси южной, кievской; изъ Константина Порфироднаго слишкомъ ясно, какую Русь разумѣли греки. Они не говорятъ, откуда это названіе пришло на югъ нынѣшней Россіи, и поэтому въ нашемъ вопросѣ не могутъ быть ни за меня, ни за г. Погодина.

Далѣе г. Погодинъ передѣлываетъ мои слова и выводитъ безсмыслицу изъ того, что я предполагаю, что при исчисленіи племенъ въ нашей лѣтописи, вмѣсто Жмуди стоитъ Русь. Г. Погодинъ говоритъ: «племена жмуди онъ (лѣтописецъ) не упоминаетъ; ну, вотъ къ ней, говоритъ г. Костомаровъ, и пошли славяне звать къ себѣ князей. Станный и новый способъ разсужденія. Чего нѣтъ, то-то и есть».

Я этого не говорилъ и нельзя добросовѣстно извлечь изъ моихъ словъ такихъ умозаключеній. Слова мои приведены г. Погодинымъ и онѣ достаточно его опровергаютъ. Я полагаю, что словомъ русь названъ народъ, который назывался послѣ жмудь, а во все не думалъ и не думаю, что потому-то и слѣдуетъ искать князей

нашихъ въ жмуди, что названія этого нѣтъ въ лѣтописи. Недавно г. Шпилевскій въ «Иллюстраціи» привелъ важныя доказательства общности имени Руси въ литовскомъ краѣ. Они подтверждаютъ мое предположеніе, что это въ древности принималось для наименованія жмуди вообще.

Отчего литовцы называютъ насъ gidas — едва ли можетъ рѣшить г. Погодинъ, какъ и я. Но ужь вѣрно не отъ того, что къ намъ пришли скандинавы, еслибъ они даже и приходили. Нѣскольکو особъ норманскаго происхожденія едва ли соедненному народу могли дать названіе для огромнаго народа, къ которому они пришли, если самъ этотъ послѣдній народъ его не усвоилъ.

Г. Погодинъ говоритъ: «спутники Аскольда и Дира, да вѣроятно и сами они, крестились. Между дружиной Игоря было много христіанъ. Ольга (чистая латвинка, чистая славянка) ходила креститься въ Константинополь. Володимеръ принялъ христіанскую вѣру вмѣстѣ съ другими варягами-христіанами, а въ Литвѣ до позднѣйшаго времени остается язычество».

Пришедшіе къ намъ руссы скоро потеряли свою литовскую народность и сдѣлались славянами. Въ ихъ новомъ отечествѣ уже не было въ этомъ отношеніи ничего общаго съ старымъ. Довмонтъ крестился въ Псковѣ, а въ его прежнемъ отечествѣ еще долго было язычество.

Г. Погодинъ говоритъ: «Гедиминъ и Ольгердъ являются въ Кіевѣ съ языкомъ русскимъ, а не съ литовскимъ: въ какой же мѣрѣ самито они были, слѣдовательно, литовцами, даже въ XIV вѣкѣ?»

Я не понимаю, въ какой степени это обстоятельство можетъ служить опроверженіемъ моей теоріи.

«Но довольно» — говоритъ г. Погодинъ и съ презрѣніемъ называетъ мое мнѣніе «картофельнымъ домикомъ»: «съ которой стороны вы ни прикоснитесь къ нему пальцемъ, онъ и разсыплется». Г. Погодинъ не хочетъ употребить, какъ хотѣлъ прежде, тяжелой артиллеріи на такой гуллі-городокъ. Но однако, сказавши: довольно, опять возобновляетъ свои опроверженія.

Онъ нашелъ несправедливымъ, что я на диспутѣ не сталъ излагать, подобно ему, своей теоріи. Но для чего же, повторю еще — сталъ бы я утомлять публику тѣмъ, что ей уже извѣстно: безъ сомнѣнія тѣ, которые явились на диспутѣ съ участіемъ къ дѣлу, читали мою статью «Начало Руси», ибо изъ ней только могли узнать, за что у насъ возникъ поединокъ. Притомъ же назадъ тому два мѣсяца, я читалъ объ этомъ лекцію, ее посѣтили вѣроятно многіе изъ тѣхъ лицъ, которые наполняли залу 19 марта. Я явился на диспутѣ не для того, чтобъ вновь читать уже прочитанную прежде лекцію, а

также не для того, чтобъ рисоваться передъ публикою своимъ мнѣніемъ, а для того, чтобъ защищать его противъ нападеній г. Погодина.

Для повѣрки названій въ Скандинавіи звучащихъ на подобіе Руси посовѣтуемъ г. Погодину обратиться къ сочиненію г. Ливдстрема, природнаго шведа, который очень ясно доказалъ, что названіе Руси вовсе было несвойственно въ древности скандинавскому міру и между прочимъ, что такъ называемый Рослагенъ назывался въ древности Sjöland, а имя Рослагенъ явилось не прежде какъ въ концѣ XIII вѣка, во время короля Биргера; слѣдовательно лѣтописецъ нашъ не могъ и знать его.

Относительно древности знакомства литовскаго племени съ скандинавскимъ я не спорю, хотя этотъ предметъ не можетъ быть порѣшенъ одною выпискою изъ Шафарика. Но если бы слова литовскія, которыя я привожу, и были сходны съ норманскими, то все-таки я считаю себя вправѣ принимать скорѣе литовскія, чѣмъ норманскія, потому что на берегу Нѣмана искать родины нашихъ князей уполномочиваетъ меня наша лѣтопись, какъ я ее понимаю, а искать ее въ Скандинавіи не имѣю основанія. Напрасно г. Погодинъ говоритъ, что у меня только приведены въ параллель къ русскимъ именамъ литовскія слова; пусть онъ прочтетъ внимательнѣе мою статью и увидитъ, что многія изъ этихъ словъ имѣли въ литовскомъ мѣрѣ значеніе собственныхъ именъ. Но и сходство между именами и простыми словами вовсе не поп-зепс, какъ продолжаетъ выражаться г. Погодинъ. Если позже не видимъ такихъ именъ, то развѣ не могли они быть прежде въ старину? Притомъ я уже говорилъ и теперь продолжаю повторять, что я приводилъ параллель между русскими именами и литовскими словами не съ цѣлю доказать, что непременно всѣ сходныя съ литовскими корнями имена дѣйствительно были то, что теперь приводимыя для сраженія слова, а чтобъ показать, что вытекающее изъ прямого смысла нашей лѣтописи происхожденіе князей и ихъ дружинъ не противорѣчитъ отношенію чуждыхъ нашему языку именъ пришельцевъ къ языку того племени, изъ котораго, по всей вѣроятности, они происходили.

Г. Погодинъ говоритъ: «вопросъ о литовскомъ языкѣ есть вопросъ нетронутый, а употреблять языка съ голоса непозволительно! Почитайте хоть Шафарика. Въ литовскихъ нарѣчіяхъ по исчисленію филологовъ, считается по трети и болѣе готскихъ и вѣмедкихъ словъ (см. Кеппенову статью о происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ ст. 180)».

Можетъ быть для насъ съ Михайломъ Петровичемъ Погодинымъ этотъ вопросъ не тронуть, но для другихъ, болѣе насъ свѣдущихъ,

этотъ вопросъ очень тронуть! Благодарить г. Погодина за совѣтъ почитать Шафарика, а ему въ свою очередь можно посовѣтовать почитать многое, многое по части филологіи, археологіи и этнографіи индо-германскихъ народовъ, прежде чѣмъ повторять приговоры о третнихъ, половинныхъ и т. п. дробныхъ количествахъ готскихъ и нѣмецкихъ словъ, заключающихся въ литовскомъ языкѣ.

Г. Погодинъ говорить:

«Вы допускаете сношенія варяговъ-норманновъ со времени Владимира въ X и XI вѣкахъ, а изъ прежнихъ сношеній, вамъ мѣшающихъ, вы же отказываетесь, говоря: подъ которыми именемъ извѣстны были норманны при Олегѣ, при Игорѣ, при Святославѣ ни вы, ни я, не можемъ этого рѣшить. Нѣтъ, возражаетъ г. Погодинъ, можемъ и должны по законамъ самой строгой исторической критики».

Но строгая историческая критика г. Погодина основывается единственно на томъ, что Владимиръ бѣжалъ за море и Игорь послалъ по варяговъ за море, привлекая ихъ на грековъ, а объ Аскольдѣ и Дирѣ говорится, что они ходили на грековъ и въ ихъ войскѣ были варяги.

А мнѣ строгая историческая критика говоритъ совсѣмъ не то, что г. Погодину. О Владимирѣ и Ярославѣ я въ вижу скандинавскихъ сагахъ преданіи о томъ, что эти князья имѣли сношенія съ скандинавами, и слѣдовательно признаю, что упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ, и относящіеся къ этому времени варяги—скандинавы, а о прежнихъ не могу положительно того же сказать, ибо о сношеніяхъ того времени славянъ русскихъ съ скандинавами не имѣю ясныхъ свѣдѣній. Слово же варяги, принимаемое въ смыслѣ географическомъ, въ какомъ они принималось во время составленія нашей лѣтописи, слишкомъ неопредѣленно, для того, чтобъ я могъ признать упоминаемыхъ при Аскольдѣ и Игорѣ варяговъ непременно тѣмъ или другимъ народомъ. Но если бы игоревы варяги и были скандинавы, что же изъ этого? Вѣдь объ нихъ не говорится, что эти варяги — русь. Могли быть это и Свое, и Урмяне, и Англяне, и Гѣте, — но тѣ, изъ которыхъ происходилъ Игорь — были Русь.

Развѣ я отвергалъ или отвергаю сношенія норманновъ съ нашимъ древнимъ отечествомъ? Но развѣ, съ другой стороны, изъ этого слѣдуетъ, что непременно и тѣ, которыхъ призывали славяне, были одни и тѣже, которые послѣ являлись?

Г. Погодину извѣстно мѣсто изъ Олафовой Саги, гдѣ Торгній вспоминаетъ о томъ, какъ скандинавы владѣли сѣверо-западной стороною русскаго материка и сожалѣть о томъ, что потеряли власть надъ тамошними народами. Если бы послѣ изгнанія варяговъ-скандина-

вошь призвали снова таковыкъ же, неужели Торгнй промолчалъ бы объ этомъ? А какъ кстати шло объ этомъ сказать!

Договоры Олега и Игоря не имѣютъ въ себѣ ничего норманскаго. Самые походы русскихъ князей совершались, какъ указываютъ эти древнѣйшіе наши памятники, не на тѣхъ основаніяхъ, какъ норманскіе; это не грабежи, не разбои, это войны возникшія между сосѣдями по поводу какихъ то недоразумѣній, нарушившихъ прежнія мирныя сношенія. Договоры эти носятъ такой характеръ, какъ будто бы не было никакого прилива чуждаго народонаселенія.

Г. Погодинъ говоритъ, что ему стыдно распространяться такъ много, стыдно за себя, за русскую науку, за наше время, за университетское образованіе, впадѣть, что общій уровень такъ низокъ и мы безпрестанно имѣемъ нужду возвращаться къ своимъ задачамъ, повторять свою азбуку. Но потомъ онъ оговаривается, что мнѣніе жмудское не можетъ быть «отнесено въ предосужденіе г. Костомарову» и «въ полное оправданіе» мое г. Погодинъ сравнилъ меня съ Шлецеромъ, (выше чести, говоритъ онъ, я сказать ему не могу), который утверждалъ, что аскольдова русь была особая русь *sui generis*, а не кievская!

Напрасно—скажу я г. Погодину—береть онъ на себя оправдывать меня въ моемъ грѣхопаденіи; съ одной стороны я не считаю себя достойнымъ такой высокой чести, чтобы быть поставленнымъ на одну доску съ Шлецеромъ, а съ другой не хочу подвергаться такому униженію, чтобы нуждаться въ оправданіи хотя бы отъ г. Погодина за то (какъ изъ его словъ слѣдуетъ), что нанесъ стыдъ русской наукѣ и университетскому образованію.

Теперь перейдемъ собственно къ первой части статьи г. Погодина «Отчетъ московскимъ друзьямъ».

Г. Погодинъ говоритъ, что сначала онъ счелъ мое мнѣніе «мимолетною прихотью ученаго, которому захотѣлось на минуту потѣшиться пріисканіемъ доказательствъ въ пользу несбыточнаго парадокса». Дурное, чрезвычайно дурное мнѣніе, я имѣлъ несчастіе заслужить отъ г. Погодина, какъ видно изъ его словъ! Прежде г. Погодинъ думалъ обо мнѣ хуже, чѣмъ послѣ диспута; ибо въ концѣ своей статьи онъ приписываетъ мнѣ только какое-то затиѣніе, а тогда считалъ меня умышленнымъ лгуномъ въ дѣлѣ науки. Я бы себя презиралъ, еслибъ рѣшился провозгласить съ кафедры, а потомъ напечатать въ видѣ ученой статьи мнѣніе для потѣхи. Я могъ заблуждаться, и г. Погодинъ, или кто другой, могъ открыть мнѣ глаза новыми доказательствами, но отчего же г. Погодинъ могъ подозревать меня въ недобросовѣстности?

...Г. Погодинъ говоритъ: «Я былъ увѣренъ, что прочтатъ и обдуматъ мое письмо, г. Костомаровъ согласится со мною, и чтобы облагородить ему согласіе и дать удобный случай сказать нѣсколько удачныхъ словъ въ отвѣтъ, я предложилъ ему дуэль».

Беру теперь на себя смѣлость сказать почтенному моему антагонисту, что одно только жалшинее самолюбіе могло вынудить ему такую увѣренность.

Меня могли принудить къ соглашенію съ Погодинымъ только новые, болѣе ясные доводы съ его стороны, но онъ явился съ старымъ, тысячу разъ повтореннымъ, и имъ самимъ и многими другими прежде его, Г. Погодинъ долженъ же былъ предполагать, что всѣ до того времени нанечатанныя доказательства въ пользу норманскаго происхожденія мнѣ были навѣстны и если не убѣдили меня, прежде, то почему могли убѣдить теперь, оставалось все тѣми же, какими прежде были?

Или г. Погодинъ думаетъ, что личность его одарена какимъ то животнымъ магнетизмомъ, такъ что одно явленіе его заставитъ покориться все несогласное съ нимъ? Какъ великодушный побѣдитель, г. Погодинъ даже думалъ заранѣе о томъ, чтобы побѣда надъ мною не была слишкомъ чувствительна для побѣжденнаго врага, и потому предложилъ мнѣ дуэль единственно для того, чтобы я могъ сказать нѣсколько удачныхъ словъ!!

И на какомъ основаніи онъ могъ предполагать, что сдѣлаетъ мнѣ благодареніе, даровавши мнѣ возможность сказать нѣсколько удачныхъ словъ?

Для чего же г. Погодинъ не высказалъ тогда своей цѣли вызова меня на дуэль? Для чего онъ высказываетъ ее теперь? кто же можетъ теперь ему повѣрить?

Далѣе г. Погодинъ пишетъ:

«Это было ничто иное какъ шутка. Что это была шутка, это, каждаго, выразилъ я ясно въ словахъ, слѣдующихъ за предложеніемъ: безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или въ академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ?»

Во первыхъ, г. Погодинъ протидорѣчитъ самъ себя; сказавши, что это была шутка, онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ мнѣсто изъ своего вызова, мѣсто, начинающееся словомъ *безъ шутокъ*. Во вторыхъ, если въ самомъ дѣлѣ это было шутка, то г. Погодину слѣдовало бы сказать объ этомъ тогда же. Я бы никогда не принялъ его вызова; какъ предметъ науки, такъ и подобныя мѣста, какія избиралъ г. Погодинъ для публичнаго разсужденія, въ моемъ понятіи.

ти изъять отъ шутокъ. И если г. Погодину угодно было съ кѣмъ нибудь (только не со мною) шутить публичнымъ разсужденіемъ о варяжскомъ вопросѣ, то умѣстнѣе было бы устроить публичное разсужденіе въ балаганѣ на адмиралтейской площади, или лѣтомъ на крестовскомъ островѣ. Тамъ приличное мѣсто всякаго рода шуткамъ, а не въ университетѣ, не въ географическомъ обществѣ, не въ академіи!

Г. Погодинъ говоритъ, что для него было неожиданно услышать мое согласіе на вызовъ. Для меня теперь еще болѣе неожиданно услышать отъ г. Погодина, что все это была съ его стороны шутка. Г. Погодинъ поступилъ со мною очень неумѣстно, скрывши отъ меня, что предлагаемый вызовъ сдѣланъ мнѣ только для шутки.... Я на столько не былъ догадливъ, чтобы проникнуть въ тайный смыслъ его предложенія; я слишкомъ много уважалъ тогда Погодина, чтобы допустить себѣ мысль о томъ, чтобъ онъ рѣшился шутить и надъ наукою и надъ публикою. Я принялъ его вызовъ совершенно серьезно. Г. Погодинъ говоритъ: не могъ же я сказать ему, будто струсили: я пошутилъ! Отчего жъ онъ теперь это говоритъ? Если теперь можетъ сказать, то могъ и тогда: по крайней мѣрѣ онъ вывелъ бы меня изъ заблужденія относительно его намѣреній.

Г. Погодинъ несправедливо говоритъ, будто бы мысль объ арбитражѣ явилась на сцену въ тотъ вечеръ, когда мы были приглашены къ г. Калачову. Осмѣлюсь напомнить ему, что тотчасъ послѣ вызова, сдѣланнаго мнѣ г. Погодинымъ въ публичной библиотекѣ, я предложилъ ему въ посредники Калачова, Кавелина и Буслаева, и онъ согласился; самое собраніе у г. Калачова случилось именно потому, что хозяинъ былъ однимъ изъ приглашаемыхъ мною въ посредники. Г. Погодинъ даетъ моему предложенію о посредникахъ совсѣмъ другой смыслъ, а не тотъ, какой я имѣлъ, дѣлая это предложеніе; я не думалъ вовсе въ посредникѣ видѣть судей, которые бы рѣшили: откуда пришли наши варяги? Я хотѣлъ только, чтобъ посредники сказали: чьи доказательства убѣдительнѣе. Г. Погодинъ сначала согласился на арбитровъ именно тѣхъ самыхъ, на которыхъ я указалъ, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе, очевидно потому, что началъ ожидать отъ избираемыхъ лицъ не того, чего бы желалъ. Указанные мною посредники, люди въ высшей степени добросовѣстные и осторожные, какъ оказалось въ послѣдствіи, хотя и не признали бы моего предложенія о происхожденіи Руси изъ Жмуди несомнѣнною истинною, но тоже не украсили бы побѣднымъ вѣнкомъ норманскіе доводы г. Погодина. Самъ г. Погодинъ косвенно сознается въ этомъ теперь: я понадеялся, сказать правду, говоритъ онъ, что большинство (собранныхъ у г. Калачова) скажетъ намъ: о чемъ же вамъ спорить, госпо-

да? Дѣло ясно. Но это большинство, по выраженію Погодина, забывало старыя основанія, или не познакомились внимательно съ новыми, или увлеклось толькомыслію о спорѣ, независимо отъ содержанія; иначе, г. Погодинъ увидѣлъ, что норманское происхожденіе для многихъ вовсе не такая неоспоримая истина, какою хочетъ ее сдѣлать г. Погодинъ. Тогда г. Погодинъ отдѣлался отъ посредниковъ отвѣтомъ, посланнымъ имъ въ типографію на другой день, отвѣтомъ, въ которомъ отстранилъ посредниковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что эти люди, слишкомъ къ нему близкіе по университетской памяти, едва ли возмутся принять на себя окончательное рѣшеніе. — Сколько мнѣ извѣстно, всѣ три избираемые мною посредника удостоили согласіемъ сдѣланное мною имъ предложеніе, не стѣсняясь близостью къ г. Погодину по университетской памяти.

Всѣ три — слишкомъ благородны и слишкомъ добросовѣстны для того, чтобы быть одержимыми рабскимъ уваженіемъ къ авторитету бывшаго своего профессора и не смѣть пикнуть противъ него, если бы дѣло науки этого требовало.

Г. Погодинъ далѣе говорить, что онъ съ неудовольствіемъ увидѣлъ въ печати одно заключеніе своего письма. Но въ этомъ его вина. Прежде, чѣмъ объявленіе о вызовѣ было напечатано, онъ самъ просматривалъ корректуру и дѣлалъ измѣненія и прибавки; слово дуэль замѣнилъ словомъ ученый поединокъ; отвѣтъ объ арбитрахъ написанъ имъ былъ уже въ корректурѣ. Г. Погодинъ имѣлъ возможность переимѣнить свои выраженія какъ угодно, и даже вовсе не печатать своего вызова и не начинать предполагаемаго поединка: все было въ его волѣ.

Я оканчиваю свой споръ съ г. Погодинымъ навсегда и равнымъ образомъ рѣшаюсь на будущее время уклоняться отъ отвѣтовъ на чѣмъ бы то ни было возраженія, если они основаны только на прежнихъ, давно извѣстныхъ и ни къ чему положительно не ведущихъ доводахъ о норманствѣ, ибо я уже высказалъ свое мнѣніе объ этихъ доводахъ. Дальнѣйшіе толки объ одномъ и томъ же будутъ пустымъ словопрѣніемъ. Остаюсь при убѣжденіи, что, по самой большой вѣроятности, наши князья происходятъ изъ литовскаго міра; г. Погодинъ можетъ оставаться при своемъ норманствѣ какъ ему угодно: и безъ шутокъ и для шутокъ!

Н. КОСТОМАРОВЪ.

ЗАМѢЧАНІЕ НА «ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Г. ПОГОДИНУ»,

Г. КОСТОМАРОВА.

Г. Погодинъ, заговоривъ о разныхъ предшествовавшихъ диспуту его съ г. Костомаровымъ переговорахъ и объясненіяхъ, даетъ и другимъ лицамъ полное право разсказать публикѣ, что они тогда говорили. Я хочу привести свою лепту въ сокровищницу воспоминаній объ этомъ достопамятномъ своею странностью явленіемъ.

Г. Костомаровъ долженъ теперь видѣть справедливость моего мнѣнія объ ученыхъ трудахъ и пріемахъ г. Погодина, которое я ему выражалъ на словахъ во время совѣщаній о предстоявшемъ диспутѣ и еще раньше того при разныхъ случаяхъ, которое однажды выразилось печатно въ статьѣ «Современника» о VII томѣ «Лекцій» и т. д. г. Погодина, — статьѣ, написанной впрямемъ не мною, — и съ которымъ г. Костомаровъ имѣлъ ошибку не соглашаться. Надѣмся, теперь онъ не имѣеть возможности оспаривать это мнѣніе. Вотъ оно :

Ученые труды г. Погодина не имѣютъ ровне никакого ученаго значенія, а между тѣмъ г. Погодинъ очень долго пользовался репутаціею человѣка, оказавшаго важныя услуги русской исторіи, — такъ долго пользовался этою репутаціею, что самъ сталъ наконецъ вѣрить, будто она по справедливости заслужена имъ. Когда человѣкъ, не имѣющій заслугъ, считаетъ себя имѣющимъ заслуги, онъ становится несносенъ тщеславіемъ и наглостью. Человѣкъ тщеславный и наглый бываетъ неразборчивъ на средства. Г. Погодинъ

обнаружилъ это свойство въ своихъ будто ученыхъ возраженіяхъ гг. Соловьеву и Кавелину, возраженіяхъ, наполненныхъ бранными выраженіями и высококомѣрными назиданіями людямъ, уже и тогда далеко превосходившимъ его ученостью и учеными заслугами. Кромѣ высококомѣрныхъ и бранныхъ назиданій, его статьи противъ гг. Кавелина и Соловьева имѣли нѣкоторыя черты, встрѣчаемыя въ особенномъ родѣ литературы, въ которомъ столь усердно упражнялся встарину Булгаринъ, а въ недавнее время г. Ксенофонтъ Полевой, и къ которому вообще былъ наклоненъ «Москвитяинъ» подъ редакціею господина Погодина въ союзѣ съ господиномъ Шевыревымъ: тутъ были намеки на либерализмъ, на недостатокъ патриотизма, на неуваженіе къ тому, что долженъ уважать хороший гражданинъ и т. д. Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ г. Погодинъ занимался публицистикою. Онъ описывалъ разныя московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ московскихъ и другихъ росейскихъ сановниковъ и г. Кокорева. Этою публицистикою пріобрѣлъ онъ извѣстность совершенно особеннаго рода, вовсе незавидную. Приемы, составлявшіе увеселеніе читателей въ его публицистическихъ статьяхъ, онъ переносилъ также въ свои ученые труды, такъ что и они многими своими страницами пребуддали веселое чувство, въ немногихъ читавшихъ ученыхъ сочиненіяхъ г. Погодина. Словомъ сказать, г. Погодинъ давно былъ извѣстенъ, какъ — положимъ хоть, какъ забавникъ.

Когда онъ сдѣлалъ вызовъ на диспутъ, нѣкоторые изъ людей, знакомыхъ г. Костомарову, и въ томъ числѣ я, убѣждали г. Костомарова не принимать вызова. Я могу говорить только за себя и только о томъ, на что имѣю свидѣтелей, кромѣ Костомарова и самого себя; потому упоминаю лишь о собраніи у одного изъ профессоровъ здѣшняго университета, дня за два до собранія бывшаго, у г. Калачова: лица, находившіяся тутъ, могутъ припомнить, что я тогда говорилъ г. Костомарову. Я говорилъ вотъ что: «Г. Погодинъ вызываетъ васъ на шутовство. Онъ самъ имѣетъ такую репутацію, что уже не можетъ ничѣмъ испортить ее; но человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, какимъ пользуетесь вы, не удобно связываться съ г. Погодинымъ: вы компрометируете себя черезъ это и увидите, что г. Погодинъ принудитъ васъ къ объясненіямъ, очень непріятнымъ для васъ, человѣка не любящаго полемики даже и приличной, а не только такой, какую имѣетъ обычай вести г. Погодинъ». Я смягчаю для печати выраженія, которыя употреблялъ тогда. Читатель можетъ дополнить ихъ воображеніемъ.

Г. Костомарову не угодно было тогда согласиться съ людьми, старавшимися удержать его отъ появленія передъ публикою въ об-

щества г. Погодина. Изъ оснований, мѣшавшихъ ему, по его словамъ, отвергнуть вызовъ г. Погодина, только одно могло быть признано до нѣкоторой степени справедливымъ; всѣ остальные создавались только излишнимъ желаніемъ г. Костомарова цѣнить ученое достоинство даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ, а есть только бездарное труженничество. Онъ говорилъ, что нельзя пренебрегать г. Погодинымъ, какъ ученымъ, до такой степени, до какой довожу я мнѣніе о немъ. Это, и нѣкоторыя другія возраженія подобнаго рода не имѣли никакой дѣйствительной силы въ моихъ глазахъ. Но нельзя было назвать неосновательнымъ одного изъ соображеній, приводившихся г. Костомаровымъ въ оправданіе рѣшимости принять вызовъ г. Погодина. Г. Костомаровъ говорилъ: «если я откажусь, онъ станетъ разглашать, что я почувствовалъ свое безсиліе спорить съ нимъ». Это правда; поступки г. Погодина послѣ диспута, на которомъ онъ былъ рѣшительно пристыженъ, — не г. Костомаровымъ, нѣтъ, собственнымъ своимъ невѣжествомъ, — доказываютъ, что онъ сдѣлалъ бы именно такъ. Мнѣ казалось однако, что и это соображеніе не имѣетъ достаточной силы, чтобы перевѣсить неудобство вступать въ дѣло съ г. Погодинымъ для такого человѣка, какъ г. Костомаровъ. Мнѣ казалось, что лучше было бы для г. Костомарова снести самохвалство г. Погодина, нежели рисковать уваженіемъ публики, связываясь съ такимъ компаньономъ. Результатъ показалъ, что я ошибался. Уваженіе публики къ г. Костомарову такъ велико и онъ держалъ себя на диспутѣ съ такимъ достоинствомъ, что даже появленіе въ товариществѣ съ г. Погодинымъ не заставило публику смѣяться надъ г. Костомаровымъ, какъ я того опасался. Но г. Костомаровъ вѣроятно самъ чувствуетъ теперь, что рискъ былъ очень великъ.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о самомъ диспутѣ. Я не такой знатокъ русской исторіи, чтобы брать на себя оцѣнку тѣхъ отягчающихся къ ней мнѣній, которыя требуютъ специальныхъ занятій для выраженія согласія или несогласія съ ними. Но убѣжденіе, которое защищалъ г. Погодинъ, не принадлежитъ къ числу такихъ мнѣній. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о сравнительной филологіи и о законахъ исторической критики, видитъ совершенную нелѣпость доказательствъ, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси. Во времена Шлёцера еще не было ни Гримма, ни Боппа съ ихъ сподвижниками и Шлёцеру естественно было дѣлать филологическіе промахи, какіе находимъ у него. Но теперь повторять подобныя вещи можетъ только невѣжда. Я не былъ высокаго мнѣнія объ учености г. Погодина, но, признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ него такихъ поразительныхъ наивностей, какими угощала онъ насъ на диспутѣ: «вѣдъ онъ съ г. Шевыревымъ перевелъ грам-

матку Добровскаго, думалъ я, стало быть долженъ имѣть хотя какое нибудь понятіе о филологическихъ приемахъ». Онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія: послѣ того, что я слышалъ на диспутѣ, для меня становится непостижимо, какимъ же образомъ могъ г. Погодинъ быть переводчикомъ грамматики Добровскаго? Я рѣшительно не умѣю отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Быть можетъ кто нибудь изъ людей, бывшихъ студентами московскаго университета во время изданія этого перевода, разъяснитъ намъ загадку. Я имѣлъ случай видѣть турецко-татарскую грамматику, переведенную съ французскаго студентомъ одного изъ нашихъ университетовъ и носящую на заглавномъ листѣ на русскомъ языкѣ имя профессора того же русскаго университета. Но этотъ профессоръ имѣлъ по крайней мѣрѣ добросовѣстность объяснить настоящій ходъ дѣла въ предисловіи книги, которую издалъ подъ своимъ именемъ.

Не менѣе филологическихъ подвиговъ были замѣчательны историческія понятія, обнаруженныя г. Погодинымъ. Ольга гордо держала себя при константинопольскомъ дворѣ, потому она была норманка; Олегъ плавалъ по морю на лодкахъ, потому былъ норманнъ. Я не понимаю одного: какимъ образомъ г. Костомаровъ могъ продолжать спорить съ человѣкомъ, удивившимъ насъ такими диковинными заключеніями? Я на его мѣстѣ сказалъ бы послѣ этихъ словъ г. Погодина: «Милостивый государь! спорить мнѣ съ вами объ историческихъ вопросахъ такъ же неумѣстно и неприлично, какъ неприлично и неумѣстно было бы какому нибудь ориенталисту спорить со мною о синтаксическихъ правилахъ сіамскаго языка. Поэтому я принужденъ кончить диспутъ». Г. Костомаровъ не сказалъ этого и теперь подвергся совершенно заслуженной неприятности печатать полемическія объясненія.

Очень можетъ быть, что г. Костомаровъ найдетъ это мое мнѣніе о г. Погодинѣ слишкомъ жесткимъ; очень можетъ быть, что онъ будетъ недоволенъ такимъ сужденіемъ объ авторѣ неполнаго и невѣрнаго алфавитнаго указателя къ Русскимъ Лѣтописямъ, изданнаго подъ именемъ «Лекцій и т. д. о Русской исторіи», — вѣдь выражалъ же онъ мнѣ свое неудовольствіе за статью Современника о седьмомъ томѣ лекцій г. Погодина, говоря, что г. Погодинъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія (впрочемъ, я и самъ недоволенъ этою статью, только съ другой стороны: она еще слишкомъ мягка). Но если я и навлеку на себя неудовольствіе г. Костомарова, то не огорчусь этимъ, потому что неправъ будетъ онъ.

Изъ дѣла г. Погодина съ г. Костомаровымъ выводится одно заключеніе, полезностью своей искупающее всю странность диспута, на который согласился г. Костомаровъ по ошибочному уваженію къ

г. Погедину: пора намъ дѣятельнѣе прежняго приклясться за перетряску хлама многихъ ученыхъ и другихъ нашихъ знаменитостей; чтобы всѣмъ стало видно, что это именно хламъ; ничего не стоящій, ни къ чему не годный, и чтобы не мѣшала этотъ хламъ дѣятельности тѣхъ немногихъ хорошихъ ученыхъ, которыхъ, къ счастью, мы уже имѣемъ. Пора намъ наконецъ раздѣлаться съ пустыми репутаціями, мѣшающими намъ сосредоточивать наше вниманіе исключительно на мѣнѣяхъ дѣльныхъ людей.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Петербургская весна и фразы по ея поводу. — Цифровая выставка. — Дачная мебель на выставкѣ. — Журналъ «Садоводства». — Опять мой увлекающійся другъ. — Мой разговоръ съ нимъ подъ тѣнью банана. — Воспоминаніе о графѣ Хвостовѣ. — Нѣсколько словъ объ обществахъ любителей словесности, академіяхъ, и прочее. — Протоколы общества и рѣчи г. Хомякова. — Шумскій. — Открытіе англійскаго клуба въ новомъ помѣщеніи и обѣдъ 31 апрѣля. — Сипко. — О частныхъ объявленіяхъ въ газетахъ и журналахъ. — Чтеніе г. Тургенева о Пушкинѣ. — Биржа и биржевыя лавки. — Воздухоплаватель Бергъ. — Перестройки Публичной Библиотеки. — Пятипроцентные билеты. — Городской общественный банкъ. — Отправленія за границу. — Почтмейстеръ-стихотворецъ.

Весна.... 1 и 2 мая у насъ было три градуса тепла при ледяномъ вѣтрѣ — хороша весна! — Пусть воспѣвають эту весну газетные фельетоны, это ихъ дѣло. Къ тому же я думаю всѣ... даже самые отдаленные читатели газетъ и журналовъ знаютъ уже наизусть, что весною по Петербургскимъ улицамъ тянутся обозы съ мебелью, что Петербургская публика весною гуляетъ въ Лѣтнемъ саду, что 1 мая — бываетъ екатерингофское гулянье, что когда проходитъ ладожскій ледъ, наводятъ Троицкій мостъ, что за тѣмъ на островахъ открываются различныя увеселительныя заведенія, подъ названіемъ виллъ, въ которыхъ поютъ цыгане, тирольскіе и французскіе пѣвцы и пѣвицы, что въ Павловскѣ появляется Штраусъ съ своимъ оркестромъ и прочее, и прочее.

Петербургская весна до сихъ поръ была только въ экзерциргаузѣ у Зимняго дворца, на выставкѣ цвѣтовъ, которая въ нынѣшнемъ году была устроена еще великолѣпнѣе и изящнѣе, чѣмъ въ прошломъ. Это устройство дѣлаетъ большую честь вкусу г. Боссе.

Экзерциргаузъ превращенъ былъ въ великолѣпный садъ съ прудами, въ которомъ плавали утки, съ фонтанами, съ гротами, съ бесѣдками, съ большимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ прудъ, съ пригорками и площадками, съ лужайками изъ моха, съ рѣдкими деревьями и растениями, съ удивительными цвѣтами, съ неслыханной величины плодами, фруктами, и прочее. Этому великолѣпному саду не доставало только бездѣлицы—свѣта и голубаго неба, или покрайней мѣрѣ стеколь, сквозь которыхъ бы проглядывало хотя мутное, сѣренькое петербургское небо. — Каменный выбѣленный потолокъ подавлялъ чудную весеннюю картину, цвѣточной выставки, а окна съ боковъ, особенно въ несоличный день давали очень мало свѣту.

Для такого рода выставокъ необходимы стеклянные дворцы и Петербургу пора было бы завестись такимъ дворцомъ.

Прекрасный садъ выставки былъ уставленъ дачною мебелью гг. Кумберга и Брейера: металлическими, плетеными изъ дерева, тростниковыми съ мѣдной проволокой стульями, креслами, столами, диванами, вазами и разными садовыми украшеніями. Мебель удобна для дачъ, легка и красива, но доступна по цѣнѣ только для людей богатыхъ: небольшой диванъ стоитъ 25 р. с., кресло 8 р. и такъ далѣе. Самые простые деревянные стулья безъ всякихъ украшеній 12 р. с. за дюжину...

— Отчего же это такъ дорого? спросилъ я у прикащика.

— Да въѣдъ это заграничныя.... Пошлины дороги, отвѣчалъ онъ.

Бесѣдка г. Кумберга, вѣроятно тоже заграничная, была очень мило обмелбирована и въ ней стоялъ между прочимъ столъ съ кипсеками, лампы, этажерки и проч.

Судить о выставкѣ въ подробности могутъ только спеціалисты, мы только представляемъ здѣсь ея общее впечатлѣніе. Занимающіеся садоводствомъ говорятъ, что къ числу самыхъ замѣчательныхъ садовниковъ принадлежатъ г. Егоровъ (садовникъ Таврическаго сада), г. Сѣверинъ (одинъ изъ садовниковъ Батоническаго сада), г. Эусмайеръ (садовникъ в. к. Елены Павловны) и г. Одинцовъ, садовникъ г. Громова, оранжерея котораго на его дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, устроена удивительно и привлекаетъ множество любопытныхъ.

Общество садоводства издаетъ съ нынѣшняго года ежемѣсячный журналъ — подъ названіемъ «Вѣстникъ Россійскаго (лучше бы русскаго) общества садоводства въ С. Петербургѣ». Первая книжка этого журнала представляетъ слѣдующія статьи, кромѣ оффиціальной части:

Описанія Рододендрона Іенкинза съ раскрашенными рисунками, Краснолиственного барбариса, гладкаго могущника, тонколистного курильского чая, *Monstera deliciosa*, о видахъ драценъ и коргилянъ, встрѣчаемыхъ въ петербургскихъ садахъ и о способахъ ихъ разведенія въ комнатахъ и оранжереяхъ, объ уходахъ за комнатными растеніями и о новыхъ садовыхъ и огородныхъ растеніяхъ. Въ концѣ между прочимъ помѣщены разныя мелкія извѣстія и замѣчанія по части садоводства. Въ концѣ книжки помѣщена краткая библиографія, въ которой разсматриваются «Извѣстія императорскаго московскаго общества испытателей природы» (*Bulletin de la Société Impériale de Moscou. 1859. 1 vol*) ; Садовникъ и огородникъ, ежемѣсячная газета, издающаяся въ Москвѣ съ 1860 г., подъ редакцію Л. Муратова и проч. Книжка заключается краткими біографическими извѣстіями.

Говорятъ, что выставка садоводства была ежедневно посѣщаема утромъ и вечеромъ многочисленною публикою....

Въ ту минуту, когда я остановился на мосту надъ бассейномъ, чтобы полюбоваться съ верху общей картиной — меня кто-то дернулъ за пальто, — я обернулся. Передо мною стоялъ мой увлекающійся другъ, извѣстный уже читателямъ. Онъ за три недѣли до этого уѣхалъ въ Москву и я не зналъ о его возвращеніи.

— Давно ли вернулся? спросилъ я.

— Сегодня утромъ.... Всѣ наши пріятели тебѣ отъ души кланяются.... Я очень весело провелъ время въ Москвѣ.... Какое тамъ движеніе, сколько жизни!... Но это какво? это-то! продолжалъ онъ съ энтузіазмомъ, глядя на садъ — вѣдь это прелесть! Я пари держу, что ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ не бываетъ лучшихъ цвѣточныхъ выставокъ. Нѣтъ, что вы не толкуйте, братцы, а мы сдѣлали большіе шаги впередъ.... да развѣ это не прогрессъ? И онъ указалъ на утокъ и на клумбу съ розами....

— Вѣдь это волшебный садъ изъ Тысячи и одной ночи!... Членъ общества садоводства, съ которымъ я сейчасъ говорилъ здѣсь, обѣщалъ меня свести въ одну оранжерею, гдѣ цвѣтеть теперь Рододендронъ Іенкинза. Онъ привезенъ сюда изъ Душана. Мы завтра же поѣдемъ туда....

— Да, съ какихъ поръ ты сдѣлался любителемъ садоводства? спросилъ я его....

— Любезный другъ, возразилъ онъ съ нѣкоторымъ упрекомъ, я вовсе не любитель садоводства, но меня радуютъ и интересуютъ успѣхи въ чемъ бы то ни было.... Точно такъ же, какъ я радуюсь появленію какой нибудь хорошей повѣсти, дѣльной ученой статьи въ вашихъ журналахъ, новой желѣзной дороги, и прочее, также точно меня интересуетъ новый небывалый у насъ цвѣтокъ, вывезенный

изъ Гваталамы или изъ Перу какимъ нибудь ботаникомъ, можетъ быть съ опасностію жизни.

— Счастливыи ты человекъ! Сколько у тебя радостей и интересовъ въ жизни!... Но скажи пожалуйста, что намъ за дѣло до Рододендроновъ Ленкина, до какого нибудь *Monstera deliciosa* и прочее? Все это роскошь, все это хорошо для оранжерей какихъ нибудь золото-промышленниковъ, откупщиковъ и вообще богатыхъ и сильныхъ міра сего! Мы съ тобой никогда не будемъ имѣть оранжерей; намъ, которымъ надо хлопотать о насущномъ хлѣбѣ, едва ли есть время развѣзаться по оранжереямъ и увлекаться Рододендронами Ленкина.

Мой увлекающійся другъ нѣсколько нахмурился и я поспѣшилъ изгладить неприятное впечатлѣніе, произведенное на него моимъ замѣчаніемъ....

— Ну, что же Москва? спросилъ я его, — ты, кажется, сказалъ, что тамъ необыкновенное какое-то движеніе, жизнь....

— Ну да, отвѣчалъ онъ, — публичныя лекціи, засѣданія разныхъ обществъ.... и всѣ эти лекціи и засѣданія биткомъ набиты любопытными. Ясно, что публику начинаютъ интересовать вопросы науки, что публика наша невидимо растетъ; съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, становится серьезнѣе, дѣльнѣе!... Что говорили, напримеръ, въ московскомъ англійскомъ клубѣ пять лѣтъ назадъ тошю и что говорятъ теперь? Прежде бывало только и толковъ о городскихъ спектакляхъ, о томъ, кто сколько проигралъ или выигралъ, кто не платитъ, и проч. а теперь послушай-ка.... Самый пустѣйшій изъ пустѣйшихъ заводитъ рѣчь о современныхъ вопросахъ — объ освобожденіи крестьянъ, о желѣзныхъ дорогахъ, объ акціонерныхъ обществахъ, о какомъ нибудь послѣднемъ засѣданіи общества сельскаго хозяйства или общества любителей словесности, о полемикѣ между Лонгиновымъ и Селивановымъ.... Люди, которые прежде ничего не читали кромѣ полицейскихъ газетъ, теперь по неволѣ начинаютъ заглядывать во всѣ журналы, боясь прослыть невѣждами; что вы ни толкуйте, а это явленіе многозначительное, отрадное....

— Сядемъ-ка подъ тѣнь вотъ этого банана; я усталъ, сказалъ я моему увлекающемуся другу.

Мы спустились съ моста.

— Такъ ты увлеченъ также и московскимъ обществомъ любителей словесности? спросилъ я моего друга, когда мы усѣлись.... и посмотрѣлъ на него внимательно.

— А почему же нѣтъ? возразилъ онъ, — я нахожу, что это общество можетъ принести большую пользу.... Прочти протоколы его засѣданій, печатающіеся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ты увидишь изъ нихъ дѣйствія общества.... Уже оно однимъ тѣмъ прино-

снѣтъ пользу, что въ него начали заглядывать по временамъ люди, немѣвшіе понятія о литературѣ, не бравшіе въ руки ничего кромѣ картъ. Въ томъ засѣданіи, въ которомъ я былъ, я видѣлъ тамъ.... даже одного извѣстнаго московскаго шулера.... Смѣйся, — это дѣйствительно смѣшно, но это фактъ.... Разумѣется, шулеру это не принесетъ никакой пользы, но тутъ дѣло не въ шулерѣ, а въ томъ, что этотъ шулеръ служитъ доказательствомъ того, что людей самыхъ невѣжественныхъ стали занимать въ послѣднее время предметы серьезные и эти публичныя чтенія въ обществахъ и публичныя лекціи служатъ къ распространенію просвѣщенія. На лекціяхъ у Бабста, въ прошлый, много было людей изъ простаго класса — приказники, сидѣльцевъ....

— Все это прекрасно, замѣтилъ я, — я, конечно, не противъ публичныхъ чтеній и публичныхъ лекцій, я убѣжденъ, что московское общество любителей словесности имѣетъ похвальное намѣреніе подвизаться на пользу отечественнаго слова, хотя и не читалъ протоколовъ его засѣданій, но я все-таки полагаю, что слишкомъ увлекаться это похвальными намѣреніями и принимать ихъ серьезно нельзя... Я былъ лѣтъ 25 назадъ тому на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ у покойнаго графа Хвостова и этотъ вечеръ такъ сильно вѣзался въ моей памяти, что до сихъ поръ мѣшаетъ мнѣ восхищаться сходками такъ называемыхъ любителей словесности. Мнѣ все почему-то кажется, что эти сходки должны немного походить на литературный вечеръ графа Хвостова, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразными съ настоящимъ временемъ. Я, впрочемъ, исключая изъ этого сравненія засѣданія московскаго общества любителей словесности.

— Мой увлекающійся другъ покачалъ отрицательно и недовѣрчиво головой и прошепталъ: «какой вздоръ»!

— Позволь мнѣ однако рассказать тебѣ о литературномъ вечерѣ графа Хвостова, сказалъ я. — Ну, а ты мнѣ расскажешь потомъ о нынѣшнихъ литературныхъ сходкахъ вообще, и о засѣданіяхъ возобновленнаго московскаго общества любителей Россійской словесности.... въ особенности. Слушай же. — Вотъ какъ я попалъ на литературный вечеръ къ графу Хвостову.

Графъ Хвостовъ сидѣлъ на скамейкѣ Лѣтняго сада. Это было въ первыхъ числахъ мая 1835 года. Я сѣлъ возлѣ него на скамейку, зная, что это Хвостовъ, потому что кто же его не зналъ? — Знакомъ я съ нимъ не былъ.

Онъ сначала посмотрѣлъ на меня довольно пристально, потомъ сказалъ, обратясь ко мнѣ:

— Позвольте спросить, молодой человек, — ваше имя, отчество и фамилию.

Я сказалъ.

— А вы любите отечественную литературу? продолжалъ онъ.

— Да, очень.

— Вы знаете — кто я?

— Знаю.

— А какой родъ словесности вы избрали для себя? продолжалъ допрашивать меня сановный поэтъ....

— Я еще не избралъ себѣ никакого рода.

— Почему же?... очень радъ съ вами познакомиться. Милости прошу ко мнѣ. Двери мои открыты для всѣхъ, кто любитъ отечественную словесность. У меня по вторникамъ литературные вечера.... а позвольте узнать мѣсто вашего жительства.... Я пришлю вамъ полное собраніе моихъ сочиненій.

Онъ вынулъ портфель, записалъ мой адресъ и въ тотъ же вечеръ прислалъ мнѣ свои сочиненія.

Въ слѣдующій за тѣмъ вторникъ я отправился къ нему на литературный вечеръ.

Меня ввели въ залу.

Въ залѣ стоялъ по срединѣ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ. Предсѣдательское кресло, которое занималъ самъ хозяинъ, съ высокой спинкой, передъ нимъ, огромный колокольчикъ — по правую руку отъ него — какой-то господинъ въ богатомъ китайскомъ костюмѣ и въ шапкѣ съ шариками наверху. Направо и надѣво сидѣло въ почтительныхъ позахъ человекъ до семи молодыхъ и пожилыхъ людей въ вице-мундирахъ.... Засѣданіе еще не началось. Я поклонился графу.

— Ахъ! очень радъ, сказалъ онъ и потомъ черезъ минуту прибавилъ:

— А какъ ваша фамилія?

— Я отвѣчалъ ему на вопросъ и замѣтилъ, что имѣлъ честь получить отъ него его сочиненія и приношу ему за нихъ чувствительнѣйшую благодарность.

— Садитесь, милый... и онъ указалъ мнѣ на стулъ. Мы сейчасъ откроемъ засѣданіе, а вы будьте внимательны. Здѣсь вы услышите отъ старшихъ и уже опытныхъ литераторовъ много поучительнаго и полезнаго для васъ.

Я сѣлъ.

«Прежде открытія засѣданія, — началъ графъ, позвольте мнѣ, милостивые государи, обратить ваше вниманіе на костюмъ китайскаго мандарина, вывезенный изъ Китая г. Д*, принявшимъ на

себя званіе секретаря нашего. Я просилъ г. Л., чтобы онъ надѣлъ на себя этотъ костюмъ, дабы вы, мм. гг., могли удобнѣе рассмотреть его.»

Г. секретарь въ костюмѣ китайскаго мандарина пріятно улыбнулся и затѣмъ всѣ присутствовавшіе стали подходить къ секретарю, въ подробности оглядывая его костюмъ и ощупывая матерію.

Когда всѣ осмотрѣли и оцунали мандаринское платье, хозяинъ дома, обратясь къ присутствовавшимъ произнесъ:

— Засѣданіе открыто, мм. гг.,—и прибавилъ, относясь къ секретарю:

— Прошу покортѣе прочесть протоколъ сегодняшняго засѣданія.

— Ваше сіятельство, сказалъ секретарь, — позвольте мнѣ снять прежде этотъ костюмъ. Въ немъ неудобно.

И съ этими словами онъ вышелъ, возвратясь черезъ минуту въ вице-мушкетрѣ.

— Протоколъ имѣющаго быть засѣданія, произнесъ онъ громко и съ нѣкоторою торжественностію: 1) его сіятельствомъ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ будетъ прочитано новое его стихотвореніе на возобновленіе кандитерской Вольфа и Беранже, у Полицейскаго моста, 2) г. О. прочтетъ разсужденіе объ огнѣ.... 3) г. Н. нѣсколько лирическихъ стихотвореній и отрывокъ изъ поэмы, 4) г. Г. прозаическій разсказъ «Видѣніе» и такъ далѣе....

По окончаніи чтенія протокола, хозяинъ дома началъ свое стихотвореніе, изъ котораго я запомнилъ только два стиха....

«Вотъ Вольфъ и Беранже
Несутъ къ намъ бламанже....»

Стихотвореніе это было, принято единогласнымъ одобреніемъ, выразившимся словами: «прекрасно! превосходно!...» жестами, умильнымъ выраженіемъ лица, восторженными минами, и различными ужимками.

Затѣмъ, господинъ лѣтъ 50, въ огромномъ бѣломъ жабо, съ педантическимъ выраженіемъ въ лицѣ, глубокомысленно прочелъ о вредѣ и бѣдствіяхъ, которыя причиняетъ огонь, безъ котораго, какъ онъ справедливо замѣтилъ въ заключеніе, человѣчеству обойтись однако нельзя.

Г. Н. прочелъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, принятыхъ съ большимъ одобреніемъ. Особенно понравилось графу стихотвореніе «Къ безвременно погибшей дѣвицѣ.»

— Ваше сіятельство, сказалъ молодой человѣкъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—это стихотвореніе мнѣ удалось, потому что

въ немъ я описалъ истинное событіе... Я убійца этой дѣвицы, ваше сіятельство.

У графа затряслась голова при этомъ словѣ...

— Какъ убійца! воскликнулъ онъ, — что это вы говорите, молодой человѣкъ? Можно ли произнести такое необдуманное и странное слово.... Такими словами не шутятъ.. Мы не потеряли бы въ нашей средѣ убійцу.... Вы клевете на самого себя.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, возразилъ молодой поэтъ, — дѣйствительно убійца и недостойнъ быть въ вашемъ обществѣ....

— Что такое.... объяснитесь, молодой человѣкъ, произнесъ испуганный графъ, между тѣмъ, какъ господинъ читавшій диссертацию объ огнѣ надѣлъ очки и съ глубокомысленнымъ любопытствомъ осматривалъ молодого человѣка.

Въ эту минуту дверь въ залу отворилась и на порогъ появилась дама въ чепцѣ. Это была графиня.

— Ахъ, матушка, оставьте насъ, сказалъ графъ, оборнувшись на скрипъ двери, — здѣсь совсѣмъ не ваше мѣсто, мы занимаемъ чрезвычайно дѣлами....

Когда чепецъ исчезъ, графъ обратился къ молодому поэту:

— Объяснитесь, мы бы можемъ оставаться въ недоразумѣніи....

Молодой человѣкъ со слезами и дрожащимъ голосомъ разсказалъ о томъ, что онъ, будучи воспитанникомъ воспитательнаго дома, самъ не зная какъ, возбудилъ къ себѣ любовь одной изъ воспитанницъ; что она къ нему написала нѣсколько писемъ, на которые онъ не отвѣчалъ и она думая, что онъ ее не любитъ, бросилась съ лестницы строившейся тогда въ воспитательномъ домѣ церкви.

Объ этомъ происшествіи въ свое время много говорили въ Петербургѣ. Молодой человѣкъ послѣ того поступилъ въ дерптскій университетъ и тамъ окончилъ курсъ.

Когда онъ кончилъ свой разсказъ, графъ успокоился немного.

— Это другое дѣло, произнесъ онъ, — вы не такъ выразились, вы не убійца; бѣдная дѣвица погибла конечно отъ васъ, но вы не хотѣли ее погубить и не знали о ея намѣреніи, а если бы знали, то безъ сомнѣнія, предупредили этотъ необдуманный ея поступокъ, доведя объ этомъ до свѣдѣнія начальства.... Это происшествіе конечно должно оставить въ васъ тяжелое впечатлѣніе и вы, по моему мнѣнію, должны отслужить панихиду объ успокоеніи ея грѣшной души. Стихи же ваши къ ней — показываютъ, что вы владѣте поэтическимъ даромъ: рифмы у васъ звучныя, версификація правильная. Читайте больше нашихъ знаменитыхъ, классическихъ отечественныхъ поэтовъ, усвоивайте себѣ ихъ манеру. — и тогда вы на нашемъ парнасѣ займете видное мѣсто....

Графъ обратился къ секретарю.

— Господинъ секретарь, — покорнѣйше прошу васъ приготовить экземпляръ моихъ сочиненій моему юному собрату по музамъ.

Молодой человекъ выразилъ свою благодарность графу низкими поклонами и нѣсколькими несвязными словами и сѣлъ.

— Кто теперь на очереди? спросилъ графъ у секретаря.

— Г. З*, отвѣчалъ секретарь.

— Извольте читать, сказалъ графъ взглянувъ на З*, — мы слушаемъ.

Г. З* — молодой, худенькой и подслѣповатый сочинитель началъ не безъ робости чтеніе своего разсказа.

Разсказъ этотъ, сколько мнѣ помнится, былъ такого содержанія:

Авторъ вечеромъ при лунѣ сидѣлъ въ своей комнатѣ и предавался мечтаніямъ. Дверь въ садъ была отворена. Изъ двери неслись благоуханія цвѣтовъ. Комнату освѣщала лунный свѣтъ. Все это описывалось съ подробнымъ краснорѣчіемъ....

Графъ слушая пріятно покачивалъ головой и по временамъ говорилъ:

— Очень хорошій слогъ.... Языкъ правильный, чистый и плавный....

Авторъ продолжалъ:

....«Въ это мгновеніе вдругъ очутилась передо мною легкая, какъ воздухъ, неуловимая, какъ мечта — женщина вся въ бѣломъ — и я затрепеталъ....»

— Ну это ужъ напрасно, перебилъ графъ, — женщина въ сумерки, въ комнатѣ молодаго и холостаго человека.... это не хорошо, это безнравственно — и графъ погрозилъ автору пальцемъ.

— Нѣтъ-съ, ваше сіятельство, — произнесъ авторъ смѣшавшись.... — вы изволите увидѣть.... это собственно не женщина.... это такъ безтѣлесное существо-съ.... позвольте дочесть.... Я вотъ сейчасъ кончу-съ.

Оказалось дѣйствительно, что это была *муза*, явившаяся къ автору для того, чтобы призывать его къ поэтической дѣятельности.

Графъ остался очень доволенъ этимъ окончаніемъ и предложилъ автору изъяснить благодарность за его разсказъ, что секретаремъ и было внесено въ протоколъ.

Я ужъ не помню, чѣмъ окончился этотъ литературный вечеръ....

Но мудрено, что предсѣдатель, секретарь и чтецы этого литературнаго сходбища принимали такое времяпровожденіе серьез-

но, придавали ему важность и воображали, что они дѣлаютъ дѣло и подвизаются на пользу и славу отечественной литературы. Все это было 25 лѣтъ назадъ тому и предсѣдателемъ этихъ любителей литературы былъ графъ Хвостовъ! Нѣсколько уже страннѣе то, что люди болѣе серьезные, составлявшіе почти въ то же время разныя общества любителей російской словесности, занимались почти такими же невинными времяпровожденіями, какъ графъ Хвостовъ, читали и хвалили сочиненія другъ друга, издавали свои творенія подъ именемъ *образцовыхъ* и такъ далѣе — и тоже воображали, что они оказываютъ великія услуги литературѣ.... Но скажи, по совѣсти, что оставили послѣ себя эти различныя общества любителей? Можно ли развернуть теперь безъ улыбки ихъ такъ называемыя *образцовыя* сочиненія?

Но.... началъ мой увлекающійся другъ.

— Позволь мнѣ высказать тебѣ откровенно мое мнѣніе.

Мнѣ кажется, всѣ эти общества любителей, начиная даже съ высшихъ — съ Французской и другихъ академій, порожденные для удовлетворенія мелочнаго людскаго самолюбія и тщеславія, котораго нечѣзвѣтны люди ученые и талантливые, не принесли большой пользы ни человѣчеству, ни отечеству, ни литературѣ. Мы слабые смертные постоянно стремимся отличить себя чѣмъ нибудь отъ толпы, возвыситься надъ нею и составляемъ ареонаги для избранныхъ, приготовивъ тамъ заранѣе мѣсто для самихъ себя. Я членъ такой-то академіи.... Я членъ такого-то общества! — Это уже придаетъ мнѣ важность и пріятно звучитъ въ ухахъ.... Я произношу красно-рѣчивыя рѣчи, или читаю ученую статью, или декламирую стихотворенія передъ публикою — и въ эти мгновенія какъ-то неволью вырастаю въ собственныхъ глазахъ. Мнѣ кажется, что я великанъ, сравнительно съ тѣми, которые пришли меня слушать и рукоплескать мнѣ.... А черезъ нѣсколько времени явится въ газетѣ протоколъ засѣданія, въ которомъ будетъ красоваться мое имя: такой-то произносилъ рѣчь, такой-то читалъ то-то, или сдѣлалъ такое-то предложеніе, принять былъ громкими рукоплесканіями и такъ далѣе. Имя мое безпрестанно повторяется въ газетахъ и уже однимъ этимъ я приобретаю въ публикѣ значеніе и уваженіе. Когда я показываюсь въ обществѣ, при моемъ появленіи начинаютъ многіе господа и госпожи шушукаться между собою.... «Это такой-то... Онъ произносилъ третьяго дня рѣчь въ Обществѣ....» «А! такъ это онъ!» И любопытныя взгляды устремлены на меня, а я прохожу такъ, какъ будто не замѣчая ничего этого. Можетъ быть внутри меня повременамъ и пробуждается нѣкоторое слабое сознаніе, что вся

моя литературная или ученая дѣятельность въ обществахъ, всё эти рѣчи, декламаціи и проч. только годны на то, чтобы пріятно щекотать мое мелочное самолюбіе, но я стараюсь заглушить въ себѣ это сознаніе и увѣрить себя и другихъ, что я моими декламаціями приношу существенную пользу человѣчеству вообще и отечественному слову въ особенности.... Я льщу моимъ сочленамъ, чтобы тѣ въ свою очередь льстили мнѣ....

Я не утверждаю, чтобы всѣхъ въ такихъ случаяхъ руководило одно мелочное самолюбіе. Есть люди просто жаждущіе какой нибудь дѣятельности и не знающіе за что взяться, не приготовленные ни къ какой серьезной дѣятельности, потому что

Мы всё учились по немвогу,
Чему нибудь и какъ нибудь,

и наши взгляды и убѣжденія до крайности шатки, — да къ тому же и поприще нашей дѣятельности еще очень сжато и ограничено. Вотъ для такихъ-то людей, жаждущихъ дѣятельности и способныхъ удовлетворяться какою бы то ни было дѣятельностію, — общества любителей словесности—кладъ.... И жажда дѣятельности, какъ будто удовлетворена, ну и самолюбіе успокоено....

Ты говоришь (я потрепалъ по плечу моего увлекающагося друга), что московское общество любителей словесности приноситъ пользу. Прекрасно, но я желалъ бы прежде знать, какая разница найдется между нѣкогда существовавшимъ въ Петербургѣ обществомъ Бесѣды любителей русскаго слова, или бывшимъ московскимъ обществомъ любителей словесности и настоящимъ возобновленнымъ обществомъ? Чѣмъ отличаются протоколы этихъ старыхъ обществъ отъ протоколовъ новаго общества? Какой прогрессъ совершили въ теченіи 30 лѣтъ любители словесности?...

— Вы, господа, во всемъ сомнѣваетесь, — сказала мнѣ мой увлекающійся другъ — и бросаете тѣнь на самыя отрадныя явленія.... Какая разница? ты спрашиваешь.... Ну прочти протоколы общества и рѣчи его предсѣдателя, напечатанныя въ только что полученной здѣсь Русской Бесѣдѣ — тогда увидишь разницу.

— Непремѣнно. Это меня очень интересуетъ. А развѣ Русская Бесѣда возобновилась?

— Да, но только вмѣсто 4-хъ въ нынѣшнемъ году выйдутъ только двѣ книжки. Да развѣ ты еще не видалъ первой книжки?

— Нѣтъ.

— Хорошо, а еще литераторъ? Я и не литераторъ, а успѣлъ прочесть ее отъ доски до доски.

— Что же хороши рѣчи председателя-то?

— Очень умныя, дѣльныя.... Ну да Хомяковъ мастеръ говорить — это извѣстно. Они отзываются разумѣется славянофильствомъ, но вѣдь это не бѣда, потому что и славянофильство имѣетъ свою хорошую сторону — и очень!... Э! да какъ мы засидѣлись, воскликнулъ мой увлекающійся другъ, взглянувъ на часы, — а мнѣ еще надо въ нѣсколько мѣстъ....

— Вотъ завидная дѣятельность-то! замѣтилъ я, посмотрѣвъ съ чувствомъ на моего друга, — ты гораздо дѣятельнѣе даже членовъ общества любителей словесности.... Куда же ты? вѣрно какое нибудь новое коммерческое предпріятіе?

— Да ты не смѣйся, братъ, возразилъ мнѣ мой другъ, я не шути затѣваю вещь, которая должна привести огромныя выгоды.... Вотъ когда я сдѣлаюсь милліонеромъ, такъ ты перестанешь смѣяться....

— Въ чемъ же дѣло-то?...

— Это покуда еще секретъ.... Я теперь все хлопочу, какъ бы попасть въ собраніе главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, которое будетъ казаться 5 июня. Вотъ будетъ любопытное собраніе! Переира ужъ пріѣхалъ.... Оппозиція готовится сильная.... Я воображаю, что произойдетъ!...

И мой увлекающійся другъ потеръ руки отъ удовольствія и заключилъ:

— Нѣтъ, теперь еще, слава Богу, можно жить!...

Возвратясь съ выставки, я тотчасъ же принялся за «Московскія Вѣдомости» и «Русскую Бесѣду», чтобы имѣть удовольствіе познакомиться съ дѣятельностію московскаго общества любителей Россійской словесности, о которомъ съ такимъ чувствомъ отзывался мой увлекающійся другъ.

Первые протоколы попавшіяся мнѣ на глаза были слѣдующіе:

«.... 1859 года октября 29 дня, подъ председательствомъ временнаго председателя М. П. Погодина и въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ (поименовано 17 лицъ), многочисленныхъ посетителей и посетительницъ, общество имѣло сто-тридцать первое публичное засѣданіе, на которомъ по прочтеніи протокола приготовительнаго собранія 23 октября, были читаны:

1) Г. временнымъ председателемъ М. П. Погодинымъ «Рѣчь объ обязанностяхъ общества противодѣйствовать искаженію языка въ оффиціальныхъ актахъ, публичныхъ извѣщеніяхъ и т. п.»

2) Д. членомъ *А. А. Фетомъ* стихотворенія его: а) «Тороль» и б) четыре пьесы изъ Гафиза: «Звѣзда», «Птичка», «Свѣча» и «Возрожденіе», съ предисловіемъ переводчика къ нимъ.

3) Д. членомъ *М. Н. Ломоносовымъ* отрывки изъ первой главы написаннаго имъ «Очерка жизни графа Сперанскаго».

4) Д. членомъ *С. П. Шевыревымъ* «Рѣчь въ память Шиллера», которой посвящена была вторая часть засѣданія.

5) Монологъ 4 дѣйствія, 1 явленія трагедіи Шиллера «Вильгельмъ Тель» д. ч. *Миллеромъ*, въ его переводѣ.

6) Д. членомъ *Д. Е. Минномъ* отрывки изъ переведенной имъ поэмы Шиллера «Художники».

7) *Н. П. Чернышевымъ* монологи: пролога и 4-го дѣйствія 1-го явленія трагедіи Шиллера «Орлеанская дѣва», въ переводѣ *В. А. Жуковскаго*.

8) Д. членомъ *М. Н. Ломоносовымъ* баллада Шиллера, «Торжество побѣдителей», въ переводѣ *В. А. Жуковскаго*.

Г. временный предсѣдатель объявилъ собранію, что въ 4 часа пополудни отправлена въ Лейпцигъ телеграфическая депеша, съ поздравленіемъ тамошняго комитета для устройства праздника въ честь Шиллера и съ извѣщеніемъ, что общество собралось въ засѣданіе для празднованія столѣтней годовщины дня рожденія его.

Г. временный предсѣдатель предложилъ обществу избрать въ члены *Николая Васильевича Гербеля*, переводчика и біографа Шиллера и издателя полнаго собранія его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей.

1859 года ноября 28 дня, подъ предсѣдательствомъ временнаго предсѣдателя и въ присутствіи дѣйствительныхъ 16 членомъ, общество имѣло сто тридцать второе (обыкновенное) засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее:

1) Читаны и подписаны протроколы 130, 131 публичныхъ засѣданій.

2) При сужденіи о дѣлѣ, о правѣ общества на собственную цензуру своихъ изданій, положено, сообразно съ предложеніемъ временнаго предсѣдателя: окончательное сужденіе по этому предмету отложить до возвращенія г. предсѣдателя Хомякова.

3) Б. временный секретарь представилъ поступившія на приходъ деньги за дипломатическія дѣйствительныхъ членомъ: *К. С. Аксакова* 10 р. с. и *Д. Е. Мина* 10 р. с., всего 20 р. с.

Положено: означенныя деньги 20 р. с. записать на приходъ и отдать на храненіе г. казначею.

4) Г. временный секретарь представилъ три счета; по которымъ слѣдуетъ уплатить: а) ему г. секретарю, за издержки по публичному засѣданію 29-го октября 5 р. сер., б) письмоводителю общества за издержки по тому же засѣданію и по другимъ предметамъ 15 р. 87 к. с. и в) ему же жалованья, съ 1 іюля по 1 декабря 1859 года, 31 р. 25 к., всего пятьдесятъ два рубля двѣнадцать коп. сер.

Положено: означенныя деньги 52 р. 12 к. с. уплатить изъ суммъ общества.

5) Г. временный предсѣдатель вручилъ дипломы гг. д. членамъ: Д. Е. Мину и В. М. Ундольскому.

6) На основаніи §§ 5 и 8 Устава, избранъ въ дѣйствительные члены, по предложенію г. временнаго предсѣдателя М. П. Погодина, заявленному въ публичномъ засѣданіи 29 октября, *Николай Васильевичъ Гербель*.

Положено: имя г. новоизбраннаго внести въ общій списокъ членовъ и изготовить для него дипломъ.

7) Г. временный предсѣдатель представилъ обществу принесенныя оному въ даръ книги: а) отъ д. члена С. П. Шевырева «Исторію Русской Словесности» изд. 2 ч. I. «Рѣчь въ память Шиллера», б) отъ д. члена М. Н. Лонгинова «Очеркъ жизни графа Сперанскаго» и в) отъ П. В. Шейна «Стихотворенія Красова» и «Русскія былины и пѣсни». Положено: принять съ признательностію и передать въ бібліотеку общества.

Если бы сравнить приведенные мною протоколы съ протоколами Московскаго общества любителей россійской словесности двадцатыхъ годовъ, — большой разницы вѣроятно бы не оказалось.

Возобновленное московское общество походитъ на тѣхъ сказочныхъ героевъ, которые спятъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и просыпаются въ полной увѣренности, что они проспали только нѣсколько часовъ и проснувшись добродушно продолжаютъ свою обычную дѣятельность, не видя и неподозрѣвая, что въ эти десять лѣтъ все измѣнилось, все ушло впередъ и что *россійская словесность*, которая нынѣ называется просто русскою, перешла изъ младенческаго въ отроческій возрастъ и приходитъ въ сознаніе.

Краснорѣчіе предсѣдателя возобновленнаго общества, выразившееся въ рѣчахъ его и въ отвѣтахъ на вступительныя слова новыхъ членовъ, также рѣзко не отличается отъ краснорѣчія предсѣдателя общества любителей россійской словесности за 40 лѣтъ.

Предсѣдатель возобновленнаго общества допускаетъ обличенія въ литературѣ, говоря, что «обличеніе есть священный долгъ для литературы» (въ отвѣтъ на вступительное слово г. Селмазова, обличавшаго съ такою смѣлостію стеновыхъ и различныхъ приваивыхъ).

«Ея голосъ (то есть литературы), краснорѣчиво замѣчаетъ предсѣдатель, — «есть признакъ освобождающагося дыханія и въ то же время есть глубокий стонъ, если я такъ смѣю сказать, изъ сердца и *подоплеки народной*»....

Подоплека народная! Какое смѣлое выраженіе! Такое слово, конечно не дерзнули бы употребить въ ораторской рѣчи сорокъ лѣтъ назадъ тому. Это прогрессъ.

Предсѣдатель возобновленнаго общества въ то же время въ отвѣтъ на вступительную рѣчь Л. Н. Толстаго, говорить:

«Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостію привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля *чисто художественной* литературы. Это чисто художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всѣми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. *Странно было бы*, если бы общество вамъ не сочувствовало въ этомъ»....»

Въ рѣчи о причинахъ учрежденія общества любителей словесности въ Москвѣ, читанной 26 апрѣля 1859 г., г. предсѣдатель, ссылаясь на авторитеты Ломоносова и Карамзина, объявляетъ, что «писанное и говоренное слово общественное въ Россіи есть слово не только русское, но *собственно московское*». — Онъ подтверждаетъ это и наблюденіями г. Берга.

«Гдѣ бы мы ни были,» восклицаетъ краснорѣчивый предсѣдатель, — «отъ границъ стараго Галича и Финляндіи до острововъ Северо-Западной Америки, вездѣ гдѣ раздается слово Русское, какъ слово общественной мысли, общественнаго просвѣщенія, мы находимся въ области *рѣчи собственно Московской*. Быть можетъ, на западѣ и югозападѣ ей еще суждено перейти теперешніе предѣлы, и сдѣлаться живою, мысленною связью для всѣхъ нашихъ разрозненныхъ братьевъ, Славянъ. Но какое бы ни было ея будущее, и какъ бы мы объ немъ не гадали, во всякомъ случаѣ можно признать, что и теперешній удѣлъ его уже довольно славенъ и великъ. Не случайность назначила этотъ удѣлъ Москвѣ и ея нарѣчію.»

И далѣе:

Да, мм. гг., чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе Русское, и въ отношенія къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся мы, что именно въ ней постоянно совершаются серьезный размысль мысли, что въ ней создаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу Русской земли; но сдѣлаться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ, мысль общественная можетъ только здѣсь. Русскій чтобы сдуматься, столкнуться съ Русскими, обращается къ Москвѣ. Въ ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается застраиваемая мысль Русскаго общества. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Вся убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникшія ее, возникали въ Москвѣ. Этимъ объясняются многія явленія, которыя иначе объяснить не могутъ; наиримѣръ то, что иногда человекъ, не оставившій послѣ себя никакого великаго труда, никакого памятника своей дѣятельности, пользовался славою во всемъ пространствѣ нашего отечества, и дѣйствовалъ, прямо или косвенно, на строй умовъ и на убѣжденія людей, никогда съ нимъ не встрѣчавшихся въ жизни, — или то, что люди, которые сами не трудились на путяхъ словесности, но по своему положенію могли здѣсь содѣйствовать или вредить ей успѣхамъ, получали всеобщую извѣстность, тогда какъ другіе, дѣйствовавшіе на томъ же поприщѣ, но въ иныхъ областяхъ, оставались неизвѣстными никому, кромя тѣхъ, съ которыми они находились въ прямыхъ сношеніяхъ; — или то, наконецъ, что иногда человекъ, ни по завитимъ, ни по положенію не участвовавшій въ движеніи словесности, получалъ въ некоторую славу въ краяхъ даже отдаленныхъ отъ Москвы только потому, что около него здѣсь собиралась живая и серьезная бесѣда. Вамъ всѣ эти примѣры извѣстны. Мысль возникаетъ или вырабатывается въ Москвѣ и переносится уже въ друія русскія области; тамъ, если эта мысль односторонняя, она уже, такъ сказать, донашивается и иногда изнашивается въ тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у насъ. Для убѣжденія въ этомъ, стоитъ только вспомнить весь ходъ журналистики русской, и всѣ параллели, преобладающія въ ней поочередно, и даже имена ее замѣчательнѣйшихъ двигателей отъ самаго начала нынѣшняго столѣтія. Въ этой постояннѣйшей конфиденціальности, которая создается характеристику московской умственной жизни, находится и причина послѣдней борьбы мнѣній въ московской словесности и необходимо, хотя, можетъ быть, грустнаго, ожесточенія, которымъ эта борьба часто сопровождается; ибо, къ несчастію, добро никогда не является безъ со-

провожденія зла, истекающаго изъ одного съ нѣмъ источника. Я ска-
залъ, что все исторія нашей журналистики и нашей словесности сви-
дѣтельствуетъ истинѣ моихъ словъ; а въ доказательство позвольте
вамъ напомнить, что еще недавно, когда началось великое и благо-
творное движеніе умовъ, по важнѣйшему изъ общественныхъ вопро-
совъ, одна Москва для нея создала новые журналы, и живыми раз-
личною мысли подвинула его впередъ къ будущему законному разрѣ-
шенію. Теперь же, когда другое, бесконечно важное, нравственное
движеніе возникаетъ въ общественной жизни народа (я разумѣю то,
что нынѣ ошибочно называютъ обществомъ трезвости, а что скорѣе
можно назвать согласіемъ общаго отрезвленія), къ Москвѣ же обраща-
ются вопросы о томъ: какаѣ именно тайна заключается въ этомъ
движеніи, и какія проявляются въ немъ силы и побужденія.... Такъ
было и такъ будетъ всегда».

Эта прекрасная рѣчь, пропитанная до крайняго увлеченія мст-
ными патріотизмомъ, напоминаетъ мнѣ столь же краснорѣчивое сло-
во произнесенное знаменитымъ московскимъ ученымъ, бывшимъ
профессоромъ—г. Шевыревымъ, на обѣдѣ, данномъ въ честь г. Гра-
новскаго, послѣ его публичныхъ лекцій.

Этотъ обѣдъ достоинъ быть присутствіемъ и гг. славянско-
любъ.

Послѣ завтрака, за гг. Грановскаго, Шевырева и за Московскій
Университетъ, предложена была, К. С. Александровымъ, гости за Москву
и прочтены были г. Александровымъ его стихи, начинавшіеся такъ:

Столица древняя, святая,
Тебя ль не вѣдаетъ страна?
Тебя назвать — и Русь святая
Съ тобой вмѣстѣ названа....

Въ минуту предложенія этого госта, заудалъ колоколъ въ ве-
черни....

Г. Шевырева тронуло это до глубины души и онъ произнесъ съ
торжественностію:

Славяне ли, господа, маиовскіе полкола отиѣтвуютъ! На
кого гость....

Изо-во (изъ такъ называемыхъ западниковъ) предложилъ гость
за всю Русь....

Услышавъ это, почтенный профессоръ московской словесности,
поднялся съ своего мѣста и произнесъ.... (слова его глубоко заѣв-
чались въ мою память):

«Милостивые государи!»

«Я полагаю, что тостъ предложенный сейчасъ, лишній:—въ тостѣ за Москву заключался тостъ всей Россіи, ибо Москва ея сердце, ея представительница. Назвать Москву значитъ назвать Россію, какъ выразился превосходно въ стихахъ своихъ К. С. Аксаковъ.... Москва, какъ онъ же справедливо замѣтилъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ Московскихъ вѣдомостяхъ (г. Шевыревъ указалъ на номеръ), поминала на вечерней переключкѣ своей всю Русь, всѣ русскіе города....» и прочее.

— Москва не поминала на переключкѣ своей, — осмѣлился замѣтить я — Петербурга, по той причинѣ, что онъ тогда не существовалъ. За что же вы хотите исключить Петербургъ изъ тоста въ честь Россіи?...

Московскій ученый въ отвѣтъ на это чокнулся съ моимъ бокаломъ, и сказалъ:

— Я охотно выпью за ваше здоровье.

За Петербургъ онъ не хотѣлъ пить.

Бѣдный Петербургъ!...

И какъ упорно несправедливы къ нему московскіе мыслители! Я вывѣтъ съ многими думалъ въ простотѣ сердца моего, что въ настоящее время, когда.... Москва уже не питаетъ болѣе враждебности къ Петербургу; что она наконецъ вышла изъ предѣловъ своего, если такъ можно сказать, кремлевскаго патриотизма, перестала гордиться доречью, нами своею дарь-пушкой и другими тому подобными древностями, и не думаетъ уже серьезно будто только изъ всей Руси въ одной Москвѣ могутъ родиться мыслители, поэты, художники, различнаго рода таланты и прочее...

Но увы! надежды наши не сбылись — это доказываетъ московское общество любителей руссійской словесности и его почтенный предѣдатель, это доказываютъ не только господа московскіе славянофилы, но и такъ называемые западники. Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ вовсе нераздѣляющихъ славянофильскихъ убѣжденій, при разборѣ «Тысячи душъ» г. Писемскаго, автору этого романа поставлено въ упрекъ то, что онъ заставилъ своего героя воспитываться въ московскомъ университетѣ, потому что изъ московскаго университета должны выходить непременно все люди идеальнаго благородства.

Такой патриотизмъ имѣеть уже что-то комическое. Кто изъ насъ отрицаетъ заслуги московскаго университета? Кто сомнѣвается въ томъ, что московская литература и особенно журналистика очень

много способствовала къ развитію въ насъ обществ. человѣческихъ идей?..

Я вовсе не имѣю особенной симпатіи къ Финскому замѣту и Петербургу; но я убѣжденъ, что и въ Петербургѣ могутъ являться мыслители, поэты, художники и т. д. не хуже московскихъ, что люди рождающіеся въ Петербургѣ столько же русскіе сколько и тѣ, которые рождаются въ Москвѣ, что рожденные въ Петербургѣ могутъ любить Россію и русскій народъ также горячо, какъ и самые пламенные москвичи, несмотря на то, что въ Петербургѣ нѣтъ Кремля, царь-пушки и прочаго....

Мой увлекающійся другъ черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія нашего на выставкѣ садоводства, спросилъ меня:

— Ну что ты прочелъ протоколы общества любителей руссійской словесности и рѣчи Хомякова?

— Прочелъ.

— Чтоже?

— Да какъ тебѣ сказать? По моему мнѣнію, это общество прекрасное. Оно доставляетъ очень пріятное времяпровожденіе своимъ членамъ и возможность несерьезнымъ людямъ казаться серьезными... Оно можетъ пожалуй принести современемъ и нѣкоторую пользу литературѣ, которая впрочемъ теперь легко могла бы обойтись и безъ него. Это собственно литературная прихоть, роскошь, — это тоже что цвѣтчаная выставка, на которой мы съ тобой были. Рѣчи Хомякова очень хороши и мѣстами исполнены цвѣтовъ краснорѣчія, но мы вѣдь легко бы могли обойтись и безъ нихъ; точно такъ же какъ мы обошлись бы безъ великолѣпныхъ цвѣтовъ Родендрона Іенкина и *Monstera deliciosa*! Все это для немногихъ избранныхъ. Дайте намъ прежде насущнаго хлѣба, а потомъ угощайте цвѣтами, выводимыми въ теплицахъ искусственно.

Я удивляюсь краснорѣчію г. Хомякова, я люблюсь какимъ какимъ нибудь *Monstera deliciosa*—но что же изъ этого?... И если уже сравнивать эти цвѣты краснорѣчія съ цвѣтами выставки, то по справедливости слѣдуетъ замѣтить, что они имѣютъ мало свѣжести и благоуханія — и могутъ быть уподоблены только цвѣтамъ нѣсколько дней постолявшимъ подъ душнымъ каменнымъ потолокомъ зерцалъгауза. Кстати я замѣчу—и это твоя вина, ты навелъ меня на этотъ предметъ, — что полемика между гг. Лонгиновымъ и Селивановымъ, обратившая въ послѣднее время вниманіе на московское общество любителей руссійской словесности, отзывается какою-то

формалистикой и бюрократизмом, которые бы, кажется не следовало вносить в литературные общества....

— Ну да, это, если хочешь, отчасти справедливо, забыть мой увлекающийся другъ.

— Пора однако перейти мнѣ къ этому бѣдному Петербургу, который Москва никакъ не хочетъ признать русскимъ городомъ.... Некоторые московскіе литераторы, убѣждены, говорятъ что всѣ мы живущіе несчастіе жить въ Петербургѣ, *Пльмцы*... даже и тѣ, въ жилищъ которыхъ нѣтъ ни одной капли нѣмецкой крови. Любопытно бы знать... неужели напримѣръ эти господа и нашего Мартынова, который гостилъ въ Москвѣ, причисляютъ также къ нѣмцамъ? Я знаю, что вообще гостепріимная Москва приняла радушно Мартынова, но мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе объ немъ тѣхъ московскихъ мыслителей, которые уже не признаютъ ничего выходящаго изъ Петербурга.

Каковъ бы ни былъ Петербургъ, но онъ всегда принимаетъ талантливыхъ московскихъ людей съ искреннею и полною радостію. Онъ видитъ въ нихъ русскихъ людей, своихъ братьевъ—и гордится ими не менѣе Москвы.

Это могутъ засвидѣтельствовать Щепкинъ и Садовскій. Последній имѣлъ, если я не ошибаюсь, нѣкоторое московское предубѣжденіе противъ петербургской публики, но оно должно было изгладиться, въ немъ послѣ появленія его на петербургской сценѣ.

Петербургская публика и петербургскіе журналы съумѣли не хуже Москвы одѣнать этотъ великій талантъ.

Г. Шумскій можетъ также сказать о насъ доброе слово. Онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ большое сочувствіе своему прекрасному сценическому дарованію.

Къ сожалѣнію, я видѣлъ его только въ одной московской пиесѣ подъ названіемъ: «Пріемышь.»

Мнѣ бы очень хотѣлось отозваться объ этой пиесѣ съ похвалою, именно потому что авторъ ея москвичъ, но несмотря на это и на то, что она имѣла, говоритъ, огромный успѣхъ на московской сценѣ, сдѣлать это нѣтъ никакой возможности.

«Пріемышь» князя Кугушева — скучный и длинный доведенъ безъ куплетовъ, съ претензіями на комедію. Въ этой, такъ называемой, комедіи нѣтъ ни тѣнъ нравовъ и характеровъ, все въ ней задумано и выполнено плохо и разрѣшается она тандеръ, сдунувшимъ, которая возбуждаетъ даже нѣчто въ родѣ состраданія къ ея автору.

Г. Шумскій играетъ въ этой пьесѣ роль брызгливаго старика графа, ревнующаго свою молодую жену.

Амплуа г. Шумскаго на московской сценѣ соотвѣтствуетъ амплуа г. Самойлова на петербургской... и конечно г. Шумскій (если можно судить по одной этой роли) неуступаетъ г. Самойлову.

Родъ таланта г. Шумскаго, если я не ошибаюсь, совершенно совпадаетъ съ родомъ таланта г. Самойлова, о которомъ я говорилъ уже много разъ.

Г. Шумскій повидимому съ такимъ же мастерствомъ, какъ и г. Самойловъ, переноситъ лица встречаемыхъ имъ въ дѣйствительной жизни на сцену и передаетъ ихъ съ вѣрностію и тонкостію удивительною. Лицо представляемое имъ въ «Пріемышѣ», какъ будто знакомо намъ, какъ будто мы гдѣ-то встречали его въ обществѣ, какъ будто лицо это изъ какого нибудь московскаго салона перенесено на сцену и начало, само не подозревая того, развѣгивать персону близкой сцены своей домашней жизни. Г. Шумскій выдерживаетъ свою роль безукоризненно — и вѣроятно ему-то обязанъ авторъ успѣхомъ «Пріемыша»....

30 апрѣля англійскій клубъ праздновалъ свое новоселье. О новомъ помѣщеніи клуба говорили подробно всѣ газеты. Оно гораздо удобнѣе прежняго. Особенно замѣчательна обѣденная зала клуба. Обѣдъ въ этотъ день былъ болѣе нежели на 300 человекъ и обѣдъ великолѣпный,....

— Вообразите себѣ, говорилъ одинъ старичокъ другому за table d'hôte'омъ у Шотана, — самый изящнѣйшій, тончайшій обѣдъ на 300 человекъ.... Вѣдь это почти баснословно! Ну разсудите вы, что можетъ стоить такой обѣдъ! И что удивительнѣе всего, какъ все это устроено. Прислуга дѣйствовала примѣрно. Всѣ гости были такъ удовлетворены и довольны, какъ будто за обѣдомъ было не 300, а 6 человекъ! Ну, признаюсь, честь и слава господамъ директорамъ!

На триста человекъ такой обѣдъ, какъ вы говорите, — это замысловато, повторилъ другой старичокъ, качая глубокомысленно головой.

— И какую прекрасную рѣчь отъ имени дипломатическаго корпуса сказалъ французскій посланникъ за женою!

— Французской рѣчи-то говорилъ, возразилъ другой старичекъ.... — Уже эти французы мастера говорить — нечего сказать... У насъ только развѣ одинъ Николай Ивановичъ Гречъ можетъ назваться ораторомъ.

— Еще бы! Очень жаль, что Николай Ивановичъ не возобновилъ въ нынѣшнемъ году своего билета въ клубъ, очень, очень

жалко. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ безъ него какъ-то неловко.

Поворотъ обѣда клуба былъ действительно превосходенъ. Члены были тронуты. Они съ большимъ чувствомъ благодарили гг. директоровъ и 5 мая дали въ честь ихъ другой обѣдъ, но подписки (протиранился до 25 р. с.) Въ этомъ обѣдѣ участвовало болѣе 200 членовъ. Заимствуемъ подробности объ этомъ обѣдѣ изъ «Сѣверной Пчелы», куда доставлены они однимъ изъ членовъ клуба, г. А. К.

«Въ назначенный день члены клуба, участвовавшіе въ торжествѣ, числомъ 213 человекъ, начали собираться съ 4-хъ часовъ, хотя въ англійскомъ клубѣ всегда, кромѣ лѣтняго сезона, съ 1 июня по 1 сентября, садятся за столъ ровно въ пять часовъ. Безъ десяти минутъ въ пять часовъ почти всѣ участвующіе въ обѣдѣ уже были налицо, кромѣ почетныхъ гостей, старшинъ, и черезъ пять минутъ всѣ члены вышли въ сосѣднія комнаты и ожидали своихъ почетныхъ гостей тамъ и у широкой раздвояющейся лѣстницы, гдѣ была назначена встрѣча. Оркестръ конно-гвардейскаго полка, въ полномъ строѣ стоялъ на просторной нижней площадкѣ лѣстницы, прямо противъ дверей подъезда. Начинаетъ бить пять часовъ, разъ, два— оркестръ зашевелился, режиссеръ махнулъ рукой, музыка загремѣла, — вошли почетные гости; поднялись рукоплесканія, и, среди шума привѣтствій, виновники праздника поднялись по лѣстницѣ и, окруженные толпою своихъ благородныхъ собратьевъ, вошли въ комнаты, гдѣ ожидала ихъ другая толпа — новыя рукоплесканія. Старшіе по лѣтамъ и званію, встрѣчавшіе нашихъ гостей у самой лѣстницы, повели ихъ, а за ними и насъ всѣхъ въ особую большую комнату, гдѣ былъ накрытъ длинный столъ, уставленный закусками; затѣмъ отправились въ великолѣпную обѣденную залу, черезъ зимній садъ, раздѣляющій двѣ эти столовыя. Эхо оркестра еще раздавалось по внутреннимъ покоемъ, расблуженнымъ отъ Фонтанки до Караванной. Только-что открылись двери въ обѣденную залу, какъ гостей привѣтствовалъ другой оркестръ бальной музыки г. Ядова. Размѣстились за восемью столами, симметрически разставленными, какъ на бывшемъ обѣдѣ 29 апрѣля, и прекрасно убранными.

«Великолѣпная зала эта стоитъ того, чтобъ сказать о ней въ-сколько словъ. Длинною въ 14 сажень, шириною въ 7, вышиною въ 3, съ 9-ю широкими и высокими окнами, она представляетъ рѣдкое явленіе въ частныхъ домахъ. Залю оканчивается сѣверная часть дома, къ Караванной. Внутреннее убранство ея вполне соответствуетъ архитектурному достоинству. Лѣтная работа придаетъ ей

много украшенія и дѣлаетъ честь художнику, ее-продизайнеру. На противоположныхъ концахъ залы красуются два камина; надъ которыми вдѣланы въ стѣны два огромныя зеркала. Между ними, въ прямой же линіи, висятъ три большія люстры; въ простѣнкахъ бра. Все это придаетъ великолѣпной залѣ весьма эффектный видъ. По случаю торжества 6 мая, на западномъ лѣвомъ концѣ залы было выстроено возвышеніе для оркестра г. Лядова и живописно убрано зеленью, цвѣтами и довольно большими деревьями.

«Почетныхъ гостей посадили рядомъ за первымъ столомъ; лицомъ къ публикѣ; возлѣ нихъ заняли мѣста, за этимъ же столомъ, почтенные, заслуженные сочлены клуба. Обѣдъ начался, при неперестававшей музыкѣ, и совершенно удался, благодаря усердію гг. распорядителей. Онъ продолжался два часа. Въ шесть часовъ, извѣстнымъ химическимъ способомъ г-на Шишко, мгновенно были зажжены всѣ свѣчи въ люстрахъ и бра, спустили шторы, и зала получила новый блескъ; эффектъ отраженія огней въ двухъ противоположныхъ зеркалахъ, — огней, уходящихъ въ безконечную даль, былъ по истинѣ поразителенъ.

«За третьимъ блюдомъ предложенъ былъ тостъ. Одинъ изъ распорядителей, М. А. Вакаръ, всталъ, музыка замолкла, всѣ взоры обратились на него. Онъ громко прочелъ слѣдующій адресъ, написанный членомъ Н. А. Некрасовымъ и подписанный 213 членами.

«Взявъ на себя заботу о перемѣщеніи англійскаго собранія, гг. старшины выполнили свое дѣло съ полнымъ успѣхомъ. (*Правда, великая правда!*) Если припомнимъ, что перемѣщенію одного семейства съ квартиры на другую не обходится безъ хлопотъ и непріятностей, то поймемъ, сколько труда должны были употребить гг. старшины при перемѣщеніи огромнаго, сложнаго хозяйства и приспособленія новаго дома къ потребностямъ многочисленныхъ членовъ собранія. Не забудемъ также, что этотъ трудъ сопровождался обремененіями, способными охладить самое горячее рвеніе: для примѣра, укажемъ на исходъ двухъ балатировокъ, по поводу изысканія средствъ къ перемѣщенію клуба. Но гг. старшины англійскаго собранія въ этомъ случаѣ поступили какъ дѣтели истинно общественныя (*браво! браво!*): не давъ мѣста личному неудовольствію въ дѣлѣ общемъ (*браво! браво!*), они настойчиво продолжали и блистательно довершили дѣло, необходимость котораго сознавалась почти единодушно членами собранія (*браво, рукоплесканія*).

«Нынѣшнее помѣщеніе англійскаго собранія съ изумительною предусмотрительностью соображено во всѣхъ отношеніяхъ съ по-

требности членовъ и соответствуетъ вполне своему назначенію. (*Правда!*).

«Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, нижеподписавшіеся члены англійскаго собранія долгомъ считаютъ засвидѣтельствовать свою глубочайшую благодарность гг. старшинамъ, нынѣ состоящимъ въ этомъ званіи:

- «Николаю Матвѣевичу Толстому;
- «Семену Семеновичу Викулину;
- «Барону Николаю Антоновичу Зальца;
- «Роберту Логиновичу Прену;
- «Барону Борису Андреевичу Фридриксу;
- «Графу Николаю Трофимовичу Баранову;
- «Графу Владиміру Алексѣевичу Бобринскому;

(*при всякомъ имени продолжительныя рукоплесканія*), равно и вы- бывшимъ изъ старшинъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, но принимав- шимъ участіе въ первоначальныхъ распоряженіяхъ и трудахъ по перемѣщенію собранія:

- «Князю Павлу Павловичу Гагарину;
- «Алексѣю Николаевичу Свистунову;
- «Князю Владиміру Андреевичу Долгорукову;
- «Ивану Ивановичу Жадимировскому

(*продолжительныя рукоплесканія и ура!*)

«За тѣмъ предложенъ былъ М. А. Вакаремъ тостъ за здоровье именованныхъ гг. старшинъ, причѣмъ громное ура и рукоплеска- нія были очень продолжительны; довольныя лица гг. старшинъ еще болѣе поддерживали выраженіе всеобщаго примѣтствія, громнаго, шумнаго и искренняго.

«Послѣ этого тоста всталъ старшина Н. М. Толстой и сказалъ: «Господа! Мы всѣ отъ души старались успокоить нашу добрую семью; не считаемъ этого за великую услугу. Мы искренно благодаримъ за сдѣланную намъ честь, и будьте увѣрены, что мы всегда за честь себя поставимъ быть полезными въ дѣлѣ общественномъ, особенно во всемъ, что касается до благолюбиваго намъ англійскаго собра- нія!» Общія восклицанія *ура!* и рукоплесканія приняли эти слова.

«Распорядителями обѣда были: гр. Ѳ. В. Орловъ-Дашковъ; М. А. Вакаръ, П. Д. Золотницкій, А. П. Мусинъ-Пушкинъ, В. И. Денъ и И. А. Бартеневъ.»

Обѣды Англійскаго Клуба нѣсколько дней занимали избранное мужское петербургское общество.

Дамское же избранное общество занимали чтенія г. Тургенева, — г. Тургеневъ читалъ въ залѣ г. Бернардаки о Пушкинѣ. Я не былъ на этихъ великодушскихъ литературныхъ вечерахъ и потому ничего немогу сказать о нихъ. Второе чтеніе о Пушкинѣ, говорятъ, было особенно замѣчательно. Здѣсь впервые передъ этимъ избраннымъ обществомъ произнесено было имя Бѣлинскаго.

На многія оно произвело же совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе.

Я слышалъ, будто одинъ изъ литературныхъ авторитетовъ стараго времени замѣтилъ Тургеневу послѣ чтенія, что присоединеніе имени Бѣлинскаго къ именамъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя — очень дико, да и что бы ни говорили, а по его мнѣнію, Бѣлинскій все-таки былъ не болѣе, какъ невѣжественный крикунъ.

Я не ручаюсь за подлинность этихъ словъ... Мало-ли что говорятъ?...

Въ Петербургѣ устроивается городскою думою городской общественной банкъ, для залога городскихъ земель и домовъ. Проектъ этого банка, въ которомъ приняты въ соображеніе труды комиссіи объ устройствѣ частныхъ банковъ, былъ единогласно одобренъ въ засѣданіяхъ членовъ совѣта 21, 22 и 25 апрѣля и избрана комиссія для того, чтобы составить проектъ устава этого банка. Членами ея избраны: гг. Сафоновъ (сенаторъ), Лихонинъ, Брюнъ, Пель, П. Самсоновъ, Л. Степановъ, А. Кусовъ, И. Глазуновъ, Н. Погребовъ, П. Нерлингъ, А. Крыльвъ, И. Комаровъ, Е. Малковъ и Семеновъ.

Комиссія эта уже приступила къ трудамъ и вскорѣ надѣется представить свой проектъ на разсмотрѣніе совѣта. Гг. Ламанскій (Е.) и В. П. Безобразовъ обѣщали комиссіи свое содѣйствіе....

Кавказскій герой Мегметъ-Аминъ очень мало возбуждалъ любопытство петербургскихъ жителей, послѣ Шамиля. О Мегметѣ почти никто и не говорилъ. Только появленіе его на парадѣ возбудило толки; но за то нѣкоторыхъ петербургскихъ господъ очень занималъ герой другаго рода, — герой мошенничества, такъ называемой *Сипко*, замѣшанный въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ. Его прѣбрали и приходили смотрѣть множество любопытныхъ, въ томъ числѣ и литераторы, вѣроятно съ точки зрѣнія психологическихъ наблюдений.

Вотъ какъ описывается Сипко въ Иллюстраціи.

«Всякій разъ, какъ привозятъ его къ тюрьмы въ полицію для допросовъ, у подъѣзда всѣмъ извѣстнаго зданія въ Морской, увидите порядочную массу народа, интересующуюся этою личностью, ко-

Т. LXXXI. Отд. III.

торая упорно отстаивает свое самозванство и до сихъ поръ не открываетъ настоящаго своего имени. Судя по его польскому выговору, слѣдователи признаютъ Сипко полякомъ. Физиономія преступника не отличается ни чѣмъ особенно типичнымъ: она не бросается въ глаза ни умнымъ выраженіемъ, ни жесткими чертами. Сипко — росту небольшого; фигурка непрезентабельная, скорѣе мизерная, тщедушная, чѣмъ *геройская*. Зато Сипко большой красноречивъ и любитъ порисоваться, какъ предъ своими слѣдователями, такъ и предъ посетителями, вступающими съ нимъ въ разговоры. Красноречіе его отзывается однакоже гадкимъ хвастовствомъ. Особенно противенъ цинизмъ его въ разсказахъ о женитбѣ на несчастной дѣвушкѣ, увлеченной, безъ всякаго сомнѣнія, офицерскою формою, не пренебрегая многихъ нашихъ барышень, гоняющихся за наружными блестящими и готовыхъ выйти замужъ за перваго встрѣчнаго, ради его параднаго мундира. Будетъ ли только прокъ отъ этого горькаго и тяжелаго урока? Сипко оказался безчувственнымъ, когда слѣдователь прочиталъ ему письмо жены, присланное въ Петербургъ, на имя одного изъ судей, въ которомъ бѣдная жертва спрашиваетъ совѣта, что ей предпринять въ такомъ безотрадномъ положеніи. Сипко пренебрежно сказалъ: «я увлекся!» Хорошо увлеченіе! кто знаетъ, до чего возрасли бы многосложныя предпріятія этого героя, еслибъ ему удалось еще годъ — другой постранствовать по Россіи, подъ разными фамиліями. Годъ передъ этимъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ двадцатью копейками, и въ нѣсколько мѣсяцевъ, сумѣлъ такъ одурачить разныхъ особъ, что могъ располагать нѣсколькими тысячами рублей. Онъ тогда же подбирался къ одному изъ петербургскихъ акціонерныхъ обществъ и чуть было не успѣлъ уговорить директоровъ довѣрить ему до тридцати тысячъ, на устройство фабрики для приготовления трюфелей въ Россіи, именно въ Подольской губерніи, гдѣ они рождаются въ большомъ количествѣ. Онъ сумѣлъ ловко расположить въ свою пользу общество распущенными слухами о томъ, что будто онъ самъ подольскій помѣщикъ и что, въ одномъ его имѣніи, не оберешься трюфелей. Но, говорятъ, многіе изъ участниковъ его шайки стали завидовать его успѣхамъ и недовѣрчиво смотрѣли на его видимое преимущество надъ ними: это заставило осторожнаго и предусмотрительнаго плута бѣжать изъ Петербурга въ глушь, — чтобы тамъ свободнѣе и просторнѣе ловить рыбу въ мутной водѣ. Неудивительно, что при такой жизни, Сипко дошелъ до цинизма. Онъ даже, въ присутствіи слѣдователей, подсмѣивается надъ своею будущностью и жалѣетъ о некомфортности настоящей тюремной обстановки въ такъ называемомъ секретномъ отдѣленіи. «Этакая вѣдь до-

сада, сказалъ онъ недавно, курить непозволяютъ». — «Вась ожидаетъ горькая будущность», — замѣтили ему. — «Это ничего, а вотъ, что гадко: тѣло-изуродуютъ, — терпѣть не могу тѣлеснаго безобразія». — Что будетъ дальше съ этимъ героемъ, безъ сомнѣнія, узнаемъ изъ оффиціальныхъ приговоровъ, которые конечно будутъ обнародованы. Жаль, что у насъ не заведено обыкновеніе печатно объявлять всѣ подробности подобнаго судопроизводства и допросовъ».... Говорятъ, жена Сипцо въ настоящую минуту находится въ Петербургѣ.

Въ № 175 «Экономическаго Указателя» въ отдѣлѣ «Слухи и Вѣсти» пишутъ: «каждому промышленнику и другимъ лицамъ, которымъ приходилось печатать въ газетахъ *объявленія*, извѣстны тѣ затрудненія и издержки, съ которыми соединены печатаніе и разсылка ихъ, а также и та потеря времени, которая происходитъ отъ медленнаго ихъ печатанія. Повременная литература наша не разъ обращала на это вниманіе, и въ свое время мы представляли факты, доказывающіе важность объявленій и вредъ отъ монополіи на нихъ («Указ. Экон.» № 161). Теперь есть надежда избавиться отъ этого затруднительнаго положенія: редакторы здѣшнихъ газетъ составили соглашеніе, по которому они принимаютъ на себя обезпеченіе Академіи Наукъ въ ея теперешнемъ доходѣ съ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ тѣмъ, чтобы право печатать объявленія предоставлено было всѣмъ здѣшнимъ русскимъ газетамъ, какъ оно предоставлено иностраннѣйшимъ и провинціалнѣйшимъ».

Отъ такого разрѣшенія можно ожидать огромной пользы для всѣхъ жителей столицы, въ настоящее время столь нуждающихся въ дешевыхъ и частыхъ извѣщеніяхъ. Привилегіи не должны быть для того препятствіемъ, и монополюная система — образцемъ и исходною точкой.

Весна нынѣшняя, какъ я сказалъ въ началѣ, самая плачевная: холодъ, дождь и даже снѣжокъ попархиваетъ. Обезьяны въ скверѣ на биржѣ и тропическія птицы мерзнутъ въ своихъ клѣткахъ, несмотря на то, что закутаны тройными рогожами... Свинцовое небо, свинцовая вода... Мелкій какъ изъ сита дождь... все безотраднo и мертво кругомъ, на деревьяхъ биржеваго сквера едва едва виднѣются почки... Жизнь и движеніе только въ биржевыхъ скверахъ Елисѣева и Колчина... Туда подѣзжаетъ экипажъ за экипажемъ. Тамъ раздаются пышныя женскіе голоса, слышатся французскія застольныя пѣсенки, изъ дверей высовываются какія-то багровыя фізіономіи и кричатъ: «Еще устрицы!»... Оттуда выходятъ женщины, небрежно влачащія хвосты своихъ пышныхъ и толстыхъ шелковыхъ платьевъ и съ хохотомъ садятся въ свои кареты, дружески кивая головами своимъ побагровѣвшимъ кавалерамъ. Они и не замѣчаютъ дождя, холода, —

ихъ не давить это свиноего себе... Для этихъ милыхъ господъ и госпожъ вѣчная весна...

Вотъ еще весенняя новость... г. Бергъ послѣ 15 мая пометитъ на исполковскомъ шарѣ, который вмѣщаетъ въ себя отъ 30 до 40 чельвицъ, со двора 7 кадетскаго корпуса.

Вотъ что говорить аэиша г. Берга:

«Шаръ, называющійся С.-Петербургъ, по своей величинѣ первый въ Европѣ, изготовленъ изъ 3,400 аршинъ плотной персидской матеріи; имѣетъ въ окружности 203 фут. (87 арш.) и 68 фут. (29 арш.) въ діаметръ; будучи наполненъ, онъ содержитъ 150,000 кубическихъ футовъ водороднаго газа.

«Большой шаръ «Москва», въ которомъ я имѣлъ честь подниматься въ Москвѣ въ 1856 году, по случаю торжественнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и послѣ того въ С.-Петербургѣ, вмѣщала только 21,000 кубическихъ футовъ водороднаго газа, следовательно, новый небывалый шаръ подъ названіемъ С.-Петербургъ превышаетъ его въ 7 разъ.

«Не включая персонъ, шаръ съ сѣтью и всѣми принадлежностями содержитъ всего 40 пудъ, подъемная же его сила простирается до 150 пудъ; шаръ этотъ можетъ пройти въ часъ 70 верстъ, самое же плаваніе можетъ продолжаться до 16 часовъ.»

Г. Бергъ прибавляетъ, что это 128-й его полетъ.

Императорская Публичная Библиотека заставлена деревянными заборами, со стороны площади и Большой Садовой. — Она готовится къ перестройки. Въ ней будетъ устроена новая зала, для чтенія, гораздо обширнѣе существующей, съ двумя отдѣльными кабинетами, какъ для занятій художествами, такъ и для чтенія рукописей и рѣдкихъ книгъ. Предположено также ввести новый порядокъ для выдачи посѣтителамъ книгъ, которыя будутъ выдаваться уже не по запискамъ, какъ было, но тотчасъ же, по первому словесному требованію. Въ этой новой читальной залѣ постоянно будетъ находиться болѣе десяти тысячъ томовъ различныхъ справочныхъ книгъ, на разныхъ языкахъ, въ особенности требующихъ читателей, и они составятъ такимъ образомъ особенную библиотечку. Для изученія лучшаго устройства читальной залы, посланъ былъ за границу, по высочайшему повелѣнію, старшій библиотечаръ императорской публичной библиотеки, г. Соболевъ, который осматривая всѣ главныя европейскія библиотечки, принялъ моделью для новаго моряда и для постройки у насъ новой читальной залы, громадную, двадцати-саженную въ діаметръ, круглую залу британскаго музея.

Она освѣщается сверху и посреди ея находится возвышенное мѣсто для дежурныхъ бібліотекарей, выдающихъ книги, отъ котораго, какъ радиусы отъ центра расходятся столы для занимающихся. Кроме желанія императорской публичной бібліотеки, доставить посѣтителямъ удобство и комфортъ, устройство этой залы показывается также и необходимость увеличить размеры помещенія при постоянно увеличивающемся стеченіи любителей просвѣщенія, что доказывалось лишнею противъ прошлаго года цифрой 438 особъ въ числѣ 4,151 читателя. Книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ было вытребовано читателями 72,371 томъ. Большинство требованія (въ числѣ 20,875 экземпляровъ) касалось русскихъ книгъ, относящихся до полиграфіи. Въ числѣ прочихъ многочисленныхъ ревнителей просвѣщенія всѣхъ возможныхъ чиновъ и сословій: залы бібліотеки посѣтили и пятьдесятъ семь особъ женскаго пола....

Пяти-процентные кредитные банковые билеты уже заготовлены въ значительномъ количествѣ коммерческимъ банкомъ — во 100 р., 150 р. — 500 р. — 1,000 р. — 5,000 р. — 10,000 р. и 25,000 р.

Каждый изъ классовъ имѣетъ свой особенный цвѣтъ:

Билеты во	100 р.	—	песочнаго	цвѣта.
—	—	150	—	— синяго
—	—	500	—	— зеленаго
—	—	1,000	—	— розоваго
—	—	5,000	—	— лиловаго
—	—	10,000	—	— жолтаго
—	—	25,000	—	— сѣраго

Эти билеты величиною съ почтовую бумагу самого большого формата.

За границу отъѣзжающихъ множество.... Тургеневъ уѣхалъ 24 апрѣля, — Гончаровъ 7 мая... Всѣ разъѣзжаются...

Сегодня показалось солнце и какъ будто бы пахнуло весною.... Экипажи мчатся на острова...

Еще нѣсколько дней и Петербургъ опустѣетъ...

Въ заключеніе вотъ любопытное письмо, адресованное однимъ изъ подписчиковъ Петербургскаго журнала въ контору этого журнала, которое я чуть было не забылъ сообщить читателямъ.

Подписчикъ увѣдомляетъ контору, что онъ получилъ три послѣднія книжки журнала растрепанные и съ вырѣзанными листами... Вырѣзаны изъ книжекъ стихотворенія. Онъ проситъ прислать ему другія книжки въ замѣнъ этихъ и говоритъ, что онъ подозреваетъ, что книжки растрепаны ихъ почмейстеромъ, который большой охотникъ до литературы, страстно любитъ стишки и самъ кропаетъ ихъ.

Любовь къ литературѣ дѣло похвальное, но зачѣмъ же книжки трепать и стишки вырѣзывать?

Что если бы всѣ гг. почтмейстеры — заразились любовью къ литературѣ и поступали съ журналами подобно почтмейстеру, о которомъ упоминаетъ подписчикъ?

Такая любовь къ просвѣщенію почтового вѣдомства была бы очень невыгодною для издателей журнала.

ПОЛИТИКА.

СЕНЦІЙСКІЯ ДѢЛА. — КОНСТИТУЦІЯ, ПОЛУЧЕННАЯ АВСТРІЕЮ. —
ЛИБЕРАЛИЗМЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЕНАТА. — ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА
ВЪ АНГЛІИ.

«16 мая 1860 года.»

Одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка, Гоббсъ, удивлялъ друзей тѣмъ, что съ пренебреженіемъ откладывалъ въ сторону книги по ихъ мнѣнію очень интересныя; наконецъ онъ удостоилъ отвѣта пріятелей, порицавшихъ его за отсутствіе любознательности, странное въ такомъ глубокомысленномъ и великомъ ученомъ: «если бы я читалъ такъ много книгъ, какъ другіе, я сталъ бы такъ же глупъ, какъ другіе». До того, до чего дошелъ онъ по принципу, безъ намѣренія доходишь просто по досадѣ: противно читать большую часть книгъ, потому что на каждой страницѣ въ нихъ встрѣчаешь неизвѣстно съ чего взятые мнѣнія, которыми авторъ угощаетъ васъ будто аксіомами, на которыхъ основываетъ всѣ свои соображенія, прикрашиваніемъ подъ цвѣтъ которыхъ искажаетъ всѣ факты. Вотъ, напримѣръ, хотя бы мнѣніе о нынѣшнемъ итальянскомъ народѣ. Попробуйте заглянуть въ какую угодно книгу или статью объ итальянцахъ, писанную до очень недавняго времени: повсюду вы найдете одно и тоже: «итальянцы, за исключеніемъ однѣхъ сардинцевъ, народъ отжившій или по крайней мѣрѣ надолго утра-

тивней способность дѣйствовать энергически или настойчиво; они облѣнились, избѣжались, испортились; какое сравненіе съ англичанами или хотя бы французами, нѣмцами. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ мужина въ полномъ смыслѣ слова; итальянецъ — существо женоподобное, быть можетъ доступное горячимъ минутнымъ порывамъ, но лишенное всякой инициативы, всякой способности къ настойчивому труду, всякаго довѣрія къ своимъ силамъ; онъ годенъ быть только опернымъ пѣвцомъ, кардиналомъ или лацпарони, онъ не въ силахъ быть гражданиномъ». Каждый, разсуждавшій объ итальянцахъ, толковалъ на основаніи этой мнимой аксіомы, и человѣку, требующему доказательствъ на предлагаемыя ему мысли, несомненно было читать пошлыя разсужденія, основанныя на этомъ мнѣніи, которое само неизвѣстно на чемъ было основано. Теперь вѣроятно ни одинъ изъ писавшихъ или говорившихъ подобныя вещи не можетъ безъ стыда вспомнить, какую чепуху писалъ или говорилъ онъ. Итальянцы изумляютъ своею гражданскою дѣятельностью всю либеральную Европу, печалатъ всѣхъ консерваторовъ. Обстоятельства сложились такъ, что самымъ яркимъ образомъ выставилась въ итальянскомъ характерѣ именно та самая черта, которую въ немъ отрицали, выказалась съ такою силою и настойчивостью, какой могли бы позавидовать и англичане, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, и выказалась именно какъ черта всего народа, цѣлой массы населенія, а не какихъ нибудь немногихъ руководителей. Нѣтъ, руководителей не было у итальянцевъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыми удивили они Европу, — напротивъ, люди поставленные такъ, чтобы служить имъ руководителями, дѣлали все для подавленія національной энергіи. Вспомнимъ центральную Италію и Кавура. Ободрилъ ли Кавуръ тосканцевъ и романьоловъ стать подъ національное трехцвѣтное знамя? Нѣтъ, онъ говорилъ имъ въ апрѣлѣ, въ маѣ, въ юнѣ прошлаго года: «будьте смѣрны, не компрометируйте насъ; вы можете повредить нашему общему дѣлу своимъ возстаніемъ, которое прогнѣваетъ нашего союзника; а помощи мы вамъ дать никакой не можемъ, намъ это не позволено». Лишенные всякой помощи, всякой надежды на помощь, тосканцы и романьолы все-таки сдѣлали то, чего хотѣли. Вотъ они могутъ располагать собой и просить уже не помощи, а только того, чтобы Сардинія взяла на себя распоряженіе ихъ войскомъ, ихъ деньгами, ихъ усердіемъ къ національному дѣлу. Кавуръ не согласенъ и на это; ему говорятъ: «вы не хотѣли помочь намъ, теперь вы готовы помогать намъ»; онъ отвѣчаетъ: «мы не можемъ принять вашей помощи; она компрометируетъ насъ; она прогнѣваетъ нашего союзника. Лучше мы останемся сами по себѣ, а вы оставайтесь сами по себѣ. Пре-

жде я не могу помочь вамъ, но теперь дамъ вамъ полезный советъ: навъ союзникъ желать бы составить изъ васъ королевство для принца Наполеона; онъ посылается къ вамъ во Флоренцію; чтобы познакомиться съ нимъ, полюбилъ его, попросилъ его быть вашимъ королемъ; вы такъ и сдѣлайте; иначе вы погибнете, можете быть поубиты и насть. Опять—таки народъ центральной Италиі сдѣлать по своему: сказать, что хочетъ присоединиться къ Сардиніи, а другаго ничего не хочетъ. Сколько времени отталкивала отъ себя Сардинія центральную Италию, сколько разъ объявляла, что не можетъ согласиться на ея присоединеніе, — все напрасно, народъ центральной Италиі настоялъ таки на своемъ. Мы не порицаемъ Кавура: если мы уназывать именно на него, а не на какихънибудь Ламармору и Дабринду, это потому, что онъ все-таки гораздо рѣшительнѣе и тверже ихъ. И не къ тому мы припоминаемъ событія, относящіяся къ центральной Италиі, чтобы хвалить поступки ея населенія: напротивъ, мы очень хорошо знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ судить о нихъ, — мы знаемъ, что должны судить слѣдующимъ образомъ: вѣрность составляетъ первую обязанность подданнаго; тосканцы не соблюли ее; ихъ возстаніе должно считаться ними за дѣло непростительное. Нѣсколько извинительнѣе отложеніе Романьи отъ папы, потому что папское правительство уже слишкомъ дурно. Но если о рамавольдахъ можно судить снисходительнѣе, нежели о тосканцахъ, то все-таки оправдывать ихъ никакъ нельзя: намъ: измѣна все-таки измѣна, бунтъ все-таки бунтъ; то есть великое преступленіе и тяжкій грѣхъ. Подданные папы должны были съ терпѣніемъ ждать, пока законное ихъ правительство увидитъ надобность облегчить ихъ судьбу и найдетъ способы сдѣлать это безъ нарушенія своей системы, основанной на принципахъ самыхъ благотворныхъ, хотя къ сожалѣнію имѣющихъ нѣкоторыя темныя стороны, какъ напримеръ; враждебность къ просвѣщенію, къ правосудію и ко всякой законности. Надобно было переносить неудобства этой системы съ надеждою, что когданибудь она смягчится влѣкъ самаго папы. Мы знаемъ, что нельзя намъ сказать, будто бы поступки жителей центральной Италиі были хороши; напротивъ, они были очень дурны, — такъ мы должны сказать. Мы только хотѣли замѣтить, что народъ центральной Италиі выказалъ тутъ всѣ качества, которыя отрицались въ немъ: смѣлую и настойчивую инициативу, непреклонную энергію, гражданское мужество; пусть мы обязаны сказать, что эти качества выказались въ дурномъ направленіи: мы обращаемъ вниманіе не на то, въ какомъ направленіи, а только на то, въ какомъ размѣрѣ они выказались! Будучи, какъ читатель знаетъ, порицателями итальянскаго движенія, мы не должны однако же скрывать отъ себя практи-

человѣческихъ способностей въ людяхъ, поступки которыхъ порицаемъ. Точно то же самое теперь мы видимъ въ сицилійскомъ возстаніи. Не боясь прослыть реакціонерами, мы прямо должны сказать, что громко порицаемъ его, и никакіе либеральныя толки не даютъ намъ возможности выразить много сужденія о немъ. Будемъ прямо говорить такъ, какъ принуждены, къ сожалѣнію, говорить. Толкуютъ о несносныхъ будто бы притѣсненіяхъ, которымъ подвергались сицилійцы. Какой вздоръ! Гдѣ же тутъ несносность, когда переносилась эта несносность въ теченіи цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, почти цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, съ лѣта 1848 года, когда была усмирена сицилійская революція? Къ чему употреблять риторическія фразы? Того, что переносится, нельзя называть несноснымъ. Будемъ же говорить скромнѣе: «положеніе сицилійцевъ было тяжело;» это можно сказать; это правда, потому что они постоянно жаловались, а если люди жалуются, значить они недовольны, а если недовольны, значить имъ дурно. Итакъ, мы согласны, что положеніе сицилійцевъ было тяжело. Но, что за эгоизмъ, что за низость чувства нарушать свои обязанности къ правительству изъ-за непріятности своего положенія! Развѣ того требуетъ правительство? Развѣ неаполитанское правительство само не знало, хорошо или дурно сицилійцамъ? Нѣтъ, оно знало, что имъ дурно. Почему же оно дѣйствовало такъ, что имъ было дурно? Развѣ кто вѣдудь дѣлаетъ безъ надобности что бы то ни было, дурное или хорошее, все равно? Значить, неаполитанскому правительству была надобность дѣлать тѣ распоряженія, которыми были недовольны сицилійцы. Теперь: не признакъ ли безразсудства порицать кого вѣдудь за то, что онъ поступаетъ, какъ требуетъ его надобность? Сицилійцы были очень безразсудны, порицая неаполитанское правительство. Оно поступало, какъ ему слѣдовало поступать. Они должны были порицать самихъ себя за то, что не поступали такъ, какъ имъ слѣдовало поступать. Какъ же слѣдовало поступать имъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ трудно, потому что каждому извѣстна пословица: «чужую бѣду по пальцамъ разведу, а къ своей ума не приложу». Давать совѣты легко, но каково исполнять ихъ? Исполнять такъ трудно, что обыкновенно и сами мудрые совѣтчики не дѣлаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ. Впрочемъ теперь уже и нѣсколько поздно давать сициліанцамъ совѣты о томъ, какъ они должны были поступать въ 1859 году, или въ 1849, или въ 1839. Можно только сказать одно: если бы прежде поступали они, какъ имъ слѣдуетъ, то не находились бы они въ началѣ нынѣшняго года въ такомъ положеніи, въ какомъ находились, не имѣли бы причинъ быть недовольными. Мы порицаемъ сицилійцевъ за то, что они возстали весною 1860 года, потому что люди должны быть

последовательны въ своихъ поступкахъ: развѣ въ мартѣ нынѣшняго года стало имъ хуже, нежели было прежде? Нѣтъ, этого ни кто не говоритъ; самые горячіе партизаны сицилійскаго восстанія говорятъ, что и въ мартѣ, и въ февралѣ, и въ январѣ нынѣшняго года сицилійцамъ было вовсе не тяжелѣе, чѣмъ въ мартѣ, февралѣ, январѣ 1859, и 1858, и 1857 и т. д. Тогда они находили, что имъ можно терпѣть и мирно ждать улучшеній въ своей судьбѣ отъ своего законнаго правительства: почему же не продолжали они терпѣливо ждать ихъ и теперь? Отношенія правительства къ нимъ не перемѣнились. Ясно, что они или дурно поступали во все предшествовавшее время, или дурно поступаютъ теперь. Эту дилемму нельзя устранить никакими софизмами. Пусть каждый рѣшаетъ ее какъ хочетъ, а мы знаемъ, что должны сказать: съ одной стороны мы видимъ матеріальныя потребности, мечты о свободѣ, о національномъ единствѣ, съ другой стороны видимъ обязанность вѣрности, обязанность уваженія къ существующимъ законамъ, обязанность хранить общественное спокойствіе; каждый можетъ дѣлать выборъ по собственному разсудку, а намъ кажется, что выборъ ясенъ. Мы не можемъ не сказать, что обязанность должна быть для хорошаго гражданина выше всего. Итакъ, мы должны сказать, что сицилійцы дурные граждане.

Очень можетъ быть, что это разсужденіе навлечетъ на насъ такія же укоризны, какъ наше разсужденіе о Поэріо. Что дѣлать, надобно имѣть нѣкоторое мужество или по крайней мѣрѣ нѣкоторое равнодушіе къ чужимъ отзывамъ о себѣ тому, кто хочетъ по мѣрѣ своего умѣнья и своей возможности говорить правду. Мы оставались равнодушны даже тогда, когда слышали укоризны себѣ отъ людей, которыхъ уважаемъ болѣе, чѣмъ кого нибудь; надѣмся остаться равнодушными къ порицаніямъ противъ насъ и впередъ, пока будемъ сами чувствовать, что хотѣли говорить правду и можетъ быть успѣли достигъ того, чтобы въ нашихъ словахъ была хоть тѣнь ея, хотя какое нибудь самое неполное и слабое указаніе на нее, которое будетъ понято хотя однимъ изъ десяти между нашими читателями, понято хотя не въ ту минуту, когда онъ читаетъ наши попытки говорить ее, а хотя когда нибудь: этого для насъ уже довольно, чтобы чувствовать, что мы исполняемъ свой долгъ лучше, чѣмъ, напримѣръ, хотя бы сицилійцы, которыхъ почти всѣ хвалятъ, а мы порицаемъ, какъ людей, не имѣвшихъ твердости исполнять свой долгъ такъ, какъ слѣдовало. Но каковы бы ни были наши сужденія о фактахъ, мы не станемъ скрывать фактовъ, какова бы ни была ихъ наружность, обольщающая поверхностнаго наблюдателя. Впрочемъ мы не будемъ съ ложнымъ самохвальствомъ

утверждать, будто бы вовсе и не хотѣли срывывать фактовъ неприятныхъ для насъ или компрометирующихъ защищаемые нами принципы! нѣтъ; мы очень желали бы утаить ихъ, мы даже вслѣдствіе утаивали ихъ, пока можемъ. Но эта возможность, къ сожалѣнію, непрочна, обманчива, измѣнчива: знаніе о фактахъ распространяется противъ нашей воли и мы съ досадою видимъ себя поставленными въ необходимость упоминать о нихъ: молчаніе, столь любимое нами, уже бесполезно. Читатель отдастъ намъ ту справедливую часть, что до прошлаго мѣсяца мы рѣшительно не хотѣли знакомить его съ положеніемъ дѣлъ въ Неаполѣ и Сициліи. Мы всегда отдульжались отъ этого предмета самыми неопредѣленными и краткими фразами; но теперь всѣ говорятъ о немъ и наше молчаніе не скрываетъ бы ничего ни отъ кого. Впрочемъ, и теперь мы постараемся не распространяться объ этой вещи, о которой говорить намъ очень тяжело. Французскія, нѣмецкія, верхне-итальянскія газеты наполнены описаніями примѣровъ дурнаго управленія, существующаго въ Неаполѣ, и обыкновенно сопровождаютъ эти рассказы, уже и сами по себѣ слишкомъ поразительные, громкими фразами, которыя скорѣе ослабляютъ, нежели усиливаютъ впечатлѣніе, когда одни голые факты говорятъ уже довольно ясно. Но мы не читали обвиненій болѣе сильныхъ, чѣмъ какія находятся въ слѣдующихъ очень умѣренныхъ словахъ неаполитанскаго корреспондента «Times'a».

«Неаполь, 24 апрѣля.

«По временамъ очень сурово говорилъ я о неаполитанцахъ, какъ о людяхъ почти недостойныхъ свободы, для полученія которой не дѣлаютъ они ни какихъ усилій; но должно принять въ соображеніе и затруднительность ихъ обстоятельствъ. Безчисленное множество препятствій поставлено ихъ соединенію не только для политическихъ, но даже для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей; а при невозможности соединенія, какъ имъ составить или выполнить какое нибудь предпріятіе для освобожденія своей стороны? Правительство такъ убѣждено въ выгодности этого, что вотъ цѣльмъ пятнадцать лѣтъ его энергія направлялась на разслабленіе и разъединеніе. Еще на моей памяти время, когда 30,000 учащихся съѣзжались въ Неаполь для своего образованія; законъ или полицейскій приказъ прогналъ ихъ назадъ въ ихъ провинцію, осудилъ ихъ на скучное ученіе, даваемое провинціальными лицеями и коллегіумами, а многіе столичные профессора были лишены должностей или посланы въ ссылку. Этимъ были достигнуты двѣ важныя цѣли: уничтоженъ центръ политическихъ преній и согласія и сдѣланъ большой шагъ въ состоя-

нню, которое очень нравится здѣсь, къ обращенію общественнаго мнѣнія въ необходимость. Не одни учащіеся, но и люди доухъ сословій поставлены въ фактически невозможность покидать свои провинціи и подѣлать столицу: общественныя сношенія подавлены, такъ, что знакомые, живущіе въ нѣсколькихъ миляхъ другъ отъ друга, раздѣлены между собою будто десятками тысячъ миль; купцы, личныя возможности сношеній съ центрами автовои торговли, принуждены думать только о поддержаніи своего существованія и часто разоряются. Неаполитанскіе негоціанты говорятъ мнѣ, что результатъ раздѣленія провинцій одна отъ другой и отъ столицы обнаруживается унылымъ торговлей въ столицѣ. Гдѣ запрещены всякія сношенія, тамъ разумѣется не нужно желѣзныхъ дорогъ; и дѣйствительно, постройка ихъ затрудняется всѣми способами: онѣ артовыми здѣшней системѣ. Разъединеніе, преднамѣренно здѣсь производимое, совершенно задерживаетъ матеріальное развитіе страны. При подавленіи всякихъ сношеній между людьми, подъ предлогомъ охраненія интересовъ порядка, установлена такая свирѣбая и зоркая полицейская система, что человекъ опасается вѣрить своему брату и трещеть собственной тѣни. Мнѣ показались интересны слѣдующія слова въ письмѣ одного изъ тѣхъ людей, которые въ началѣ марта были изгнаны во Флоренцію: «Я все еще не могу привыкнуть къ такому новому положенію, пишетъ онъ. Я все еще боязливо оглядываюсь, какъ оглядываемся мы въ Неаполѣ, лишь только услышу за собой чей нибудь голосъ». Не называйте этихъ людей трусами: страшная вещь, когда васъ безъ всякаго повода арестуютъ въ вашемъ домѣ и на два, на три, на четыре года и больше бросаютъ въ тюрьму. Англичане храбрые люди, но я не поручусь за то, какое дѣйствіе произвела бы на нихъ долговременная система такого рода. Къ этой нравственной пылкѣ прибавьте легіоны вооруженныхъ сбировъ, армію, имѣющую болѣе 100,000 человекъ, форты и стѣны, изъ которыхъ вѣютъ пушки, и вы увидите, что нельзя сурово говорить о трусости неаполитанцевъ. Да, они разъединены, но имъ нѣтъ ни нравственной, ни физической возможности соединиться; да, они испорчены, но Бурбоны испорчили ихъ, и если нынѣшняя система продолжится, нація возвратится къ варварству».

Такая вещь, какъ систематическое устраненіе всякихъ улучшеній, даже въ чисто матеріальномъ бытѣ населенія, свидѣтельствуетъ о ненормальности господствующей системы еще гораздо сильнѣе, чѣмъ какой полицейскій произволъ, вражда къ просвѣщенію, установленіе политическихъ нравъ. Безъ сомнѣнія, не въ хорошемъ положеніи находятся люди, спасающіеся просвѣщеніемъ и свободой: но когда люди находятъ, что даже постройка желѣзныхъ дорогъ, даже

развитіе промышленности, даже процвѣтаніе торговли было бы вредно для нихъ, то нечего уже и разсуждать. Дѣйствительно, непольитанскія отношенія были такъ ненормальны, что даже для короля, графъ Сиракузскій, впрочемъ давно извѣстный за приверженца либеральныхъ учреждений, почелъ своею обязанностью оффициально, публично предостеречь своего племянника. Вынужденный крайностью забыть и почтительность къ главѣ своей фамиліи, и условія придворныхъ отношеній, и уваженіе къ проницательности правительствующаго лица, онъ 3 апрѣля послалъ ему письмо, безъ сомнѣнія извѣстное нашимъ читателямъ изъ газетъ. Мы просимъ читателя еще разъ просмотрѣть этотъ документъ, надѣлавшій такого шума, чтобы имѣть новый примѣръ того, какъ неосновательны и неумѣстны бываютъ вообще совѣты, даваемые людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи, людьми, положеніе которыхъ хорошо.

«Государь! Моя привязанность къ вамъ, ставшему нынѣ главою нашего семейства, долгій мой опытъ въ людяхъ и людскихъ дѣлахъ, любовь къ отечеству дають мнѣ достаточное право въ нынѣшнія критическія минуты повергнуть къ подножію престола осторожныя мнѣнія о будущихъ судьбахъ королевства, — мнѣнія, внушаемыя мнѣ тѣмъ же чувствомъ, какое связываетъ васъ, государь, съ счастьемъ вашихъ народовъ.

«Принципъ итальянской національности, въ теченіе вѣковъ остававшійся въ области идей, энергически вступилъ теперь въ область дѣйствій. Было бы безумнымъ ослѣпленіемъ намъ однимъ не признавать такого факта, когда мы видимъ, что всѣ въ Европѣ или могущественно помогаютъ ему, или принимаютъ его, или, наконецъ, покоряются ему, какъ неодолимой необходимости вѣка.

«Піемонтъ, по своему географическому положенію и своимъ династическимъ преданіямъ держащій въ своихъ рукахъ судьбу при-альпійскихъ народовъ, пользуется теперь этимъ политическимъ средствомъ, становясь защитникомъ новаго принципа, отвергнувъ старинныя муниципальныя идеи, и расширяетъ свои границы до долины По. Но этотъ національный принципъ, развиваясь, дѣйствуетъ теперь по всей Европѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу того, что благопріятствуетъ ему, въ пользу того, кто принимаетъ его, и на того, кто подчиняется ему.

«Франція должна хотѣть, чтобы ея покровительственное дѣло не погибло; она будетъ огненнымъ заботиться, чтобы увеличивать свое вліяніе въ Италіи и во что бы то ни стало не потерять плодовъ прелитой крови, потраченнаго золота и важности, данной союзу ея

Піэмонту. Ницца и Савойя достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, Англія, которая, принимая національное развитіе Италіи, должна однако же противиться французскому вліянію, также будетъ стараться дипломатическими средствами расширить свое вліяніе на полуостровъ и пробуждать усыпленные страсти партій въ пользу своихъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ. Уже англійская трибуна и пресса говорятъ, что должно противопоставить Франціи въ Средиземномъ морѣ вліяніе гораздо болѣе важное, чѣмъ вліяніе Ниццы и Савойи у подножія Альпъ.

«Австрія, отброшенная судьбою войны въ границы Венеціанской Области, ежечасно чувствуетъ колеблющуюся свою непрочную власть и хотя, быть можетъ, понимаетъ, что только отреченіе отъ этой провинціи могло бы возвратить ей потерянную силу, но не имѣетъ мужества отказаться отъ надежды со временемъ возвратить себѣ господство въ Италіи. Напрасно было бы говорить вашему величеству объ интересѣ, нынѣ принимаемомъ сѣверными державами въ произошедшихъ на нашемъ полуостровѣ перемѣнахъ, и созданіе могущественнаго государства въ сердцѣ Европы для нихъ болѣе полезно, нежели неприятно, потому что оно будетъ имъ гарантіею противъ могущихъ образоваться западныхъ коалицій.

«Какое истинное интересъ вашего народа и вашей династіи, государь, при этомъ столкновеніи политическихъ вліяній?

«Франція и Англія, стараясь уравновѣсить другъ друга, кончатъ тѣмъ, что приобретутъ здѣсь вліяніе столь могущественное, что спокойствіе страны и права престола будутъ сильно потрясены ими. Австрія, не имѣющая силъ возстановить потерянный перевѣсъ и желающая вовлечь ваше правительство въ солидарность съ собою, была бы намъ еще гибельнѣе, чѣмъ Англія и Франція, потому что ей пришлось бы бороться съ національнымъ отвращеніемъ, съ арміями Наполеона III и Піэмонты и съ британскимъ равнодушіемъ. Какое же средство остается намъ, чтобы спасти страну и династію, которыми грозятъ столь великія опасности?

«Средство одно: національная политика, которая, основываясь на истинныхъ интересахъ государства, естественно влечетъ королевство Южной Италіи къ союзу съ королевствомъ Сѣверной Италіи, которому не можетъ воспротивиться Европа, потому что онъ совершился бы между двумя частями одной страны, равно свободными и независимыми другъ отъ друга. Только этимъ путемъ, ваше величество, освобождаясь отъ всякаго иностраннаго тяготѣнія, вы можете, въ политическомъ соединеніи съ Піэмонтою, быть благороднымъ направлятелемъ развитія тѣхъ гражданскихъ учрежденій, которыя

давалъ намъ обновитель нашей монархіи, когда, освободивъ королевство отъ австрійскаго вассальства, основывая на поляхъ Веллётрійской битвы могущественнѣйшее изъ итальянскихъ государствъ.

«Неужели мы предпочтемъ роковое муниципальное раздѣленіе національной политикѣ?»

«Муниципальное раздѣленіе не только подвергаетъ насъ иностранному тяготѣнію, но, что еще хуже, оно, предавая страну внутреннимъ раздорамъ, сдѣлаетъ ее легкою добычею партій. Тогда насиліе будетъ верховнымъ закономъ; но сердце вашего величества несомнѣнно отвергаетъ мысль сдерживать только силою моральную страсти, которыя можетъ смягчить и обратитъ на добро благовѣренность молодого короля, дѣйствуя на вражду забвеніемъ; протекшая дружескую руку королю другой части Италіи и утверждала зрѣнь Карла III на основаніяхъ, которыми владѣетъ ими, которыя требуютъ цивилизованная Европа.

«Да благоволятъ ваше величество принять эти искренніе слова съ такимъ же благоволеніемъ, съ какою искреннею привязанностію я снова увѣряю ваше величество, что остаюсь любящимъ васъ дядею. Леопольдъ, графъ Сиракузскій. Неаполь. 3 апрѣля 1860.»

Хорошо графу Сиракузскому говорить такія вещи: онъ смотритъ на дѣло со стороны; не на его плечахъ лежитъ тяжесть управленія государствомъ, его слова не ведутъ ни къ чему и потому онъ безопасно можетъ говорить, что хочетъ. Дѣйствительно, повидному онъ самъ не знаетъ, что говорить, и заботится только о звучности фразъ, а не о томъ, можетъ ли король исполнить его совѣты, и что было бы, еслибы король сталъ исполнять ихъ. Письмо краснорѣчиво, но съ первыхъ же строкъ видно, что совѣтникъ едва ли не хуже того, кому совѣтуетъ, понимаетъ положеніе дѣлъ. Разберемъ всѣ его мысли одну за другою. Начать съ того, что онъ воображаетъ, будто бы неаполитанское правительство не понимаетъ, что итальянцы хотятъ національнаго единства. Оно очень хорошо знаетъ это, но видитъ, что стремленіе къ единству противно его интересамъ. Графъ Сиракузскій воображаетъ, что говоритъ съ младенцами; но люди, къ которымъ онъ обращается, гораздо опытнѣе и практичнѣе его самаго. Король неаполитанскій молодъ, быть можетъ неопытенъ; но онъ окруженъ очень опытными сановниками, интересы которыхъ одинаковы съ его интересами и которыхъ поэтому онъ никакъ не захочетъ удалить отъ себя. Да еслибъ и не было такъ, то наслѣдственные преданія, призывъ покойнаго родителя и руководство матери, женщины очень практичной, замѣняютъ ему

опытность. Вся обстановка его такова, что очень удобно ему идти по пути, проложенному отцомъ, лишь бы хотѣлъ онъ, и невозможно сойти съ этого пути, если бы онъ и захотѣлъ сойти, а сойти онъ не захочетъ, потому что это было бы, какъ мы увидимъ, вовсе не расцелливо для него. Всѣ европейскія державы принимаютъ фактъ итальянскаго національнаго единства, продолжаетъ графъ Сиракузскій и нѣсколькими строками ниже самъ опровергаетъ себя, говоря, что Австрія вовсе не принимаетъ его, а только не имѣетъ силъ въ настоящую минуту подавить его военною силою и выжидаетъ времени, когда это можно будетъ сдѣлать. Какъ же графъ Сиракузскій не замѣчаетъ, что этимъ обстоятельствомъ отнимается всякое основаніе у его совѣтовъ? Племянникъ, если бы захотѣлъ отвѣчать ему, сказалъ бы: «Австрія выжидаетъ времени, и я выжидаяю времени; теперь для Австріи тяжелая минута, но австрійскіе дипломаты очень практичны; они полагаютъ, что скоро возвратятъ себѣ перевѣсъ въ Италию; а вѣрю имъ и не нахожу нужнымъ отступаться отъ этихъ вѣрныхъ моихъ современниковъ, интересы которыхъ одинаковы съ моими, чтобы закидывать дружбу державы, которая никакъ не будетъ вѣрить мнѣ и выгоды которой прямо противны моимъ выгодамъ. Вы хотите, чтобы я былъ малодушенъ, чтобы измѣнилъ своимъ принципамъ при видѣ минутной опасности. Я не хочу быть такимъ трусомъ». Король былъ бы совершенно правъ, и какъ же графъ Сиракузскій не понимаетъ этого? Впрочемъ, если онъ далеко уступаетъ совѣтникамъ своего племянника практичностью и опытностью, то ни мало не уступаетъ имъ привязанностью къ династическимъ интересамъ: въ этомъ отношеніи онъ достойный братъ покойнаго короля, достойный дядя нынѣшняго. Читатель замѣтитъ, съ какой точки зрѣнія смотритъ на все графъ Сиракузскій. Онъ тревожится не какими нибудь иными мыслями и страданіями, а собственно только опасностями, угрожающими по его мнѣнію королевской власти и личному положенію его племянника. Даже эти опасности онъ понимаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ: видитъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, и едва вскользь упоминаетъ о дѣйствительныхъ опасностяхъ, да и то лишь какъ о препятствіяхъ къ отвращенію иныхъ, созданныхъ его наивными догадками. Первою опасностью для неаполитанскаго короля онъ воображаетъ стремленіе императора французовъ утвердить свой перевѣсъ въ Италию, тогда какъ именно только французскій императоръ и держалъ до сихъ поръ неаполитанскаго короля на престолѣ: если бы не было извѣстно каждому итальянцу, что Наполеонъ III запрещаетъ думать о низверженіи неаполитанскаго короля и если бы французскій корпусъ въ Римѣ не отрѣзывалъ южную Италию отъ сѣверной, Неаполь еще лѣтомъ

домъ національныхъ интересовъ, сдѣлался бы опаснѣйшимъ соперникомъ-пизмонтской династїи; онъ этою переменною лицалъ бы ее надежды: царствовать надъ всѣмъ полуостровомъ. Дѣло ясное, что пизмонтская династїя постаралась бы столкнуть этого соперника, отдавши его ей въ руки, пока онъ еще не успѣлъ упрочить въ надинъ дѣлѣхъ къ себѣ. Викторъ-Эммануэль и Франческо не могутъ быть союзниками, потому что династїя Виктора-Эммануэля считаетъ себя призванною царствовать надъ цѣлымъ полуостровомъ. Графъ Сиракузскій ребячествуеетъ, воображалъ, что союзъ съ Пизмонтомъ былъ бы выгоденъ для его племянника: союзъ этотъ губилъ бы Франческо. Но все равно, наконецъ, хотя бы и возможно было доброжелательство Пизмонта къ Неаполю: допустимъ всѣ мечты графа Сиракузскаго, посмотримъ, можетъ ли Франческо желать исполненїя даже мечтанїй, кажущихся его дядѣ столь полезными для племянника; посмотримъ, что дядя обѣщаетъ за перемену системы? Онъ обѣщаетъ племяннику такое же положенїе, какое защищаетъ Викторъ Эммануэль. Можетъ ли это положенїе быть привлекательно для Франческо? Не унижился ли бы онъ въ своемъ мнѣнїи, принявъ его? Не лишился ли бы онъ благъ, кажущихся ему самыми драгоценными? Франческо очень набоженъ, онъ не можетъ жить безъ благословенїя папы, ему прїятно слушаться духовенства; Викторъ Эммануэль подвергается проклятію папы, духовенство въ непримиримой враждѣ съ нимъ. Такія отношенїя были бы Франческо столь же тяжелы, какъ тяжело было бы Виктору Эммануэлю дурное состоянїе пизмонтской арміи. Посмотримъ, какую власть имѣетъ Викторъ Эммануэль. Можетъ-ли онъ заключить въ тюрьму кого почитаетъ нужнымъ? Можетъ ли онъ издать законъ, какой захочетъ? Нѣтъ, не только посадить въ тюрьму, даже удалить изъ палаты депутатовъ не можетъ онъ людей ему непрїятныхъ. Онъ не можетъ дѣлать ничего кромѣ того, что считаютъ нужнымъ министры, которыхъ назначаетъ онъ не по своему выбору, которые даются ему волею нацинъ. Онъ былъ во враждѣ съ Кавуромъ, Кавуръ наговорилъ ему оскорбительныхъ вещей при заключенїи Виллафранкскаго перемирїя, а вотъ Кавуръ первымъ министромъ, и управляетъ королевствомъ не Викторъ Эммануэль, а Кавуръ. Исполнять волю нацинъ, а не свою волю, выслушивать вслїя мнѣнїя о своихъ дѣствїяхъ, не имѣть произвольной власти ни надъ кѣмъ, ни надъ чѣмъ въ своемъ государствѣ, — нѣтъ, такое положенїе было бы мучительно и унижительно для Фердинанда. Викторъ Эммануэль можетъ находить это положенїе сноснымъ, даже прїятнымъ, даже гораздо почетнѣйшимъ, чѣмъ положенїе Франческо; но Викторъ Эммануэль воспитанъ въ другихъ понятїяхъ, у него не тотъ характеръ, не тѣ мысли: его честь — без-

честь для Франческо, его совесть — безбожіе для Франческо, его удовольствіе противно Франческо, каждый изъ нихъ гнушается тѣмъ, чѣмъ извѣстна и наслаждается другой.

Но графъ Сиракузскій далеко отъ мыслей своего племянника, только потому, что увлекается пустыми фантазіями, неосуществимости которыхъ понятна королю неаполитанскому и его совѣтникамъ; въ сущности, по основанію своихъ мыслей, только спутываемыхъ этими мечтами, графъ Сиракузскій не даромъ носитъ имя Бурбона: онъ можетъ считать себя либераломъ, но это невинная шутка, которую не слѣдуетъ ставить ему въ преступленіе, потому что къ глубинѣ души онъ остался человекомъ благомыслящимъ, проникнутымъ тѣми идеями, которыхъ держится неаполитанское правительство. Первая и главная мысль его объ интересахъ династіи; все остальное цѣнить онъ только по отношенію къ этимъ интересамъ. Если онъ рекомендуетъ союзъ съ Пизмонтомъ, онъ рекомендуетъ его только потому, что находитъ его выгоднымъ для династіи; если въ концѣ письма онъ двумя-тремя очень неопредѣленными словами рекомендуетъ какія то «гражданскія учрежденія», намекая вѣроятно на что нибудь либеральное, но не рѣшаясь даже употребить слово «либеральный»; если онъ рекомендуетъ прекращеніе произвольныхъ преслѣдованій, онъ рекомендуетъ все это только потому, что воображаетъ нужнымъ для выгоды династіи. Онъ человекъ оболочечный, но въ глубинѣ души сохранившій святыню наследственныхъ убѣжденій: докажите ему, что онъ ослѣпленъ, и онъ исправится; объясните ему, что его племянникъ хорошо понимаетъ и соблюдаетъ династическіе интересы, и онъ одобритъ племянника. Мы попробуемъ сдѣлать это, конечно не для образумленія графа Сиракузскаго, который едва-ли читаетъ русскіе журналы, а для оправданія короля неаполитанскаго, совершенно напрасно порицаемаго за притѣснительность его правительства.

Короля Неаполитанскаго называютъ жестокимъ. Но все, что мы знаемъ о личныхъ свойствахъ Франческо, вовсе не ведетъ къ предположенію, чтобы онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ особенно энергическихъ натуръ, которыя любятъ излишекъ въ добрѣ или въ злѣ, смотря не тому на что направлятъ. Его представляютъ человекомъ очень обыкновеннымъ, съ очень умѣренными или вѣрнѣе сказать слабыми страстями; скорѣе слѣдуетъ назвать его апатичнымъ, нежели увлекающимся. Онъ элегматикъ; личный его характеръ скорѣе можно порицать за вялость, чѣмъ за наклонность къ чему нибудь сильному. Такие люди безъ крайней необходимости не дѣлаютъ ничего особенного дурнаго и даже не любятъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ можетъ вынуждать ихъ только необходимость, тяжкая для нихъ самихъ. Если

такой человек охраняетъ стѣны, а потому съестъ у себя на тарелочку предположить, что она не забываетъ о своихъ обязанностяхъ. Дѣйствительно, это такъ. Известно, какъ много изъ насъ издана предвѣднута образованная часть подданныхъ короля Великобританскаго. Эта исторія начинается съ самаго 1814 г. Оказавъ отъ насъ допустить въ составленія законовъ своей династии, а также и въ законодательствахъ конституціонныхъ въ юности, несомненно для государя невоспитаннаго въ нихъ. Надобно было прибѣгнуть къ извѣстному и въ нравѣ для обузданія такой злонаправленности. Съ той поры дѣло шло и слѣдовало сѣдо сѣхъ поръ не несколько разъ образованныя сословія не политическаго королевства вставали для отъсѣненія короля конституціоннаго, но всегда ждали только первой удобной минуты, чтобы возобновить свои попытки. Въ такомъ положеніи строгая система истребленія злоумышленниковъ составляетъ не капризъ короля, но слѣдствіе его природной суровости. — Итъ, она составляетъ необходимость для него, быть можетъ тяжелой, прикормную, но необходимую. Кто откажется отъ своихъ правъ, особенно, когда возобладала такая, что считаетъ ихъ благотворными не для себя одного, а для всего общества? Кто не считаетъ своимъ обязанностію защищать свои права? Кого можно порицать за это? Именно это дѣлаетъ, и потому оно дѣлаетъ неаполитанскій король, держась своей системы. Имя его права; для либераловъ должны потонуть. Кто же усомнится въ справедливости его правъ для общества? Его советы совершенно чисты; они подавляютъ идеи, которыхъ считаетъ гибельными. Они просвѣждаютъ людей, которыхъ считаетъ злодѣями; обвиняемыми и некривомадыными и корыстолюбивыми, но во всякомъ случаѣ злодѣями. Ослабленію или заразы злоумышленности подвергается въ Неаполѣ люди черезъ просвѣщеніе; натурально, просвѣщеніе должно быть умереннымъ въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Отъ этого видно, что развитіе торговли, промышленности, усиленіе сношеній между людьми ведетъ къ просвѣщенію; потому прикормная необходимость составляетъ неаполитанскую систему принимать и брать, приносящую щія этихъ вредныхъ для нея вещей. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно предполагать, что неаполитанскія правительства не самопринимать эти и бры, что они не влеченно сержанъ держали своей системы? Положимъ, просвѣщеніе можетъ даже казаться лично не себя вѣщью неприятною; но кому радость просвѣдывать торговлю, промышленность, что за неприятность управлять государствомъ? Обидна и слабая? Конечно, правителямъ было бы пріятно имѣть обширныя финансовыя средства, но что же дѣлать? Необходимость заставить человека отказываться и отъ увеличенія своего богатства. Никто не можетъ сомнѣваться, что такая необходимость для великаго

глупаго присовѣдника: что быдлости и оную да некто чье слово, а не тотъ фактъ, что неаполитанская система находить нужнымъ препятствовать развитію торговли и промышленности, служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что неаполитанскіе правители дѣйствуютъ по закону необходимости, неизбежному для нихъ. А кто можетъ оуждать челоѣка, когда онъ оправдывается необходимостью?

Конечно, разъясняя необходимость возникновенія извѣстныхъ послѣдствій, или извѣстныхъ положеній, мы ни мало не думаемъ проносить свое сужденіе о томъ, хороше или дурно это положеніе. Такой вопросъ каждый принимаетъ къ своему; можно вообще считать только одною изъ извѣстныхъ челоѣкъ старается удержаться въ извѣстномъ положеніи, а если онъ падаетъ, для того никакъ не удивляйся, что это значить, что онъ находитъ свое положеніе хроннымъ для себя; а если бы наши люди, которые стали бы думать иначе, это прѣстѣ значить, что нѣтъ выгоды несогласны съ самимъ собою, по времени, изъ котораго возникаютъ невыгодныя для нихъ послѣдствія. Конечно, неаполитанскій торговый и промышленный классъ, конечно, неаполитанское образованное сословіе жалуются, что имъ слѣдуетъ изъ этихъ жалобъ, что ими доказывается Итъ доказывается ясно, что существующая въ Неаполѣ система стѣснительна для торговли, промышленности и просвѣщенія. Но въ видѣ этого никто не оспариваетъ. Само неаполитанское правительствѣ не задаетъ своею властью, какою нибудь республиканскую или конституционную; оно не двоедуичастно; не обобщаетъ права нишипривакамъ; оно послушаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступать и не думаетъ скрывать своихъ качествъ или дѣйствій: напротивъ, оно гордится ими и гордится справедливо съ своей точки зрѣнія, потому что дѣйствуй логически и исследователью и живетъ въ совершеннѣйшемъ мирѣ съ своимъ совѣстью. Безуміемъ было бы требовать или ожидать, чтобы люди могли дѣйствовать противъ своей выгоды и противъ совѣсти; всегда жкъ выгода и совѣсть согласны между собой, и въ случаѣ разногласія, и въ случаѣ противорѣчія, совѣсть всегда побѣждаетъ. Они были бы напрасны, если бы каждый изъ насъ пришло прямо смотрѣть на вещи. Но большинство людей любятъ прикрашивать себя и швирятьныя истины пустыми фразами, отвращаясь отъ существа дѣла, прикрашивать ее риторикой. Мы вѣдемъ станами только и стараемся дѣйствовать устранимъ этой дурной привычки къ пустымъ риторическимъ вещамъ. Что хорошо и худо дурно, пусть судитъ самъ читатель, — мы полагаемъ, что у каждаго не меньше разсудка, чѣмъ у насъ; но не мажвий имѣть случай заниматься собираніемъ тѣхъ извѣстій, которыя мы

перечитываемъ по своей обязанности и извлеченія изъ которыхъ стараемся передавать читателю, какъ умѣемъ и какъ можемъ. Мы беремъ на себя только одно: сказать читателю, въ чемъ сущность дѣла и сообщить ему тѣ выписки изъ газетъ, въ которыхъ есть интересныя подробности; а рассуждать о томъ, чему сочувствовать и что показывать, мы предоставляемъ самому читателю.

Переходя теперь къ выпискамъ изъ газетъ о сицилійскихъ дѣлахъ, мы должны три раза повторить «къ сожалѣнію». Къ сожалѣнію, мы не можемъ уклониться отъ ознакомленія читателя съ этими дѣлами, очень неприятными для насъ. Къ сожалѣнію, представляетъ намъ наши выписки изъ газетъ всѣ принадлежатъ направленію несогласному съ тѣмъ взглядомъ, какой мы изложили: они писаны людьми, находящими, что неаполитанское правительство поступаетъ не такъ, какъ и слѣдуетъ поступать ему. Къ сожалѣнію, наконецъ, эти извѣстія до сихъ поръ очень не полны и до сихъ поръ мы остаемся почти безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Сициліи послѣ прибытія волонтеровъ Гарибальди: рассказы газетъ, которые мы имѣемъ, когда пишемъ это, останавливаются, какъ увидитъ читатель, на той минутѣ, когда волонтеры только-что вступили въ Марсалу, оставивъ свои пустые пароходы во власть неаполитанскимъ крейсерамъ. Дѣлать нечего, удовольствуемся тѣмъ, что имѣемъ.

Начнемъ пополненіемъ извѣстій о томъ времени, котораго уже касались въ прошлый разъ. Тогда мы находили только отрывочныя извѣстія объ отдѣльныхъ чертахъ начала борьбы между инсургентами и королевскими войсками около Палермо. Теперь мы нашли въ Times'ѣ связныя дневникъ о первыхъ дняхъ возстанія. Его сообщаетъ флорентійскій корреспондентъ Times'a. Читатель знаетъ, что Палермо служилъ центромъ заговора; что инсургенты съ самаго начала думали не начинать битвы въ столицѣ, гдѣ сила гарнизона и господство крѣпостныхъ батарей надъ всѣмъ городомъ останавливали у нихъ всякую надежду на успѣхъ, а хотѣли вести партизанскую войну, для которой гористый характеръ острова представляетъ большое удобство; но что въ самомъ Палермо были у нихъ собраны нѣкоторые военные запасы въ Гуанчскомъ монастырѣ; что полиція узнала объ этомъ и внезапнымъ нападеніемъ на монастырь помѣшала заговорщикамъ вывезти въ поля хранившееся въ монастырѣ оружіе. Лишенные этимъ части своихъ оборонительныхъ средствъ, инсургенты начали однакоже войну по самому тому плану, какой имѣли до этой потери. Вотъ свѣдѣнія о первыхъ дняхъ борьбы, полученные флорентійскимъ корреспондентомъ Times'a.

Флоренція, 27 септ.

Некоторые из моих сицилійских друзей пишутъ вамъ, люди въ правдивости которыхъ я безусловно увѣренъ, сообщая мнѣ въ несколько частныхъ писемъ, содержащихъ подробный отчетъ о страшныхъ событіяхъ, совершавшихся въ послѣднее время на ихъ несчастномъ островѣ. Риска давая только повтореніе свидѣній, уже извѣстныхъ вамъ, я все-таки считаю полезнымъ представить эти подробности англійской публикѣ, во первыхъ потому, что сицилійское возстаніе было предметомъ безчисленнаго множества ошибившихъ увѣреній, а во вторыхъ потому, что Сицилія вовсе не успокоена, какъ насъ увѣряютъ, и въ ней должны еще произойти новыя катастрофы, когда придетъ туда Гарибальди, на днѣхъ отправившійся изъ Генуи.

По дневнику, который я буквально перевожу вамъ, возстаніе въ Палермо успѣхнуло 4 апрѣля. Оно было возвѣщено народу громкимъ ружейнымъ объявленіемъ. Полиція, зная, что собрались люди и собраны запасы оружія и боевыхъ снарядовъ въ Гуанчскомъ монастырѣ, окружила монастырь и штурмовала его. На берегу противъ монастыря были поставлены пушки для разбитія воротъ. Ворота были сбиты первыми залпомъ и штурмовавшая войска вѣстѣ съ полицією бросились во дворъ монастыря; они были встрѣчены ружейными выстрѣлами, но число всѣхъ защищавшихъ монастырь было только сбѣжкъ человекъ; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе переранены; нѣкоторымъ удалось убѣжать черезъ кровлю; другіе искали спасенія себѣ въ могильныхъ склепахъ подъ церковью. 13 человекъ были взяты въ плѣнъ и, обремененные цѣпами, отведены въ тюрьму вѣстѣ съ монахами, которыхъ арестовали человекъ 30. Въ церкви и въ кладовыхъ были найдены боевые снаряды, ружья и деревянная пушка, сбита желѣзными обручами. Овладевъ монастыремъ, солдаты разграбили и зажгли его. Эти усердные католики разломали въ куски серебрянное распятіе, дѣла его между собою. Они взяли золотой ковчежець изъ дарохранительницы, стоявшей на престолѣ, и выбросили на полъ находившіяся въ немъ святыя дары. Въ кварталѣ Пурраци инсургенты сражались еще нѣсколько времени и выстрѣлы слышались по улицамъ этой части города до самыхъ воротъ св. Антонина. Черезъ нѣсколько часовъ огонь прекратился и крики «да здравствуетъ король!» возвѣстили полную побѣду войскъ. Солдаты, прогнавъ малочисленныхъ инсургентовъ, стрѣляли потомъ безъ всякой нужды по всѣмъ домамъ улицъ этой части города, или изъ собственной трусости, или для того, чтобы навести страхъ на жителей, вовсе не нарушавшихъ спокойствія. Аббатисса женскаго монастыря Basta del Monte была схвачена и отведена въ

тюрьму за то, что во время драки былъ въ ея монастырѣ обыкновенно-нѣе благовѣстѣ къ обителю; за то же самое охватили священника въ иномъ обладаніи и также бросили въ тюрьму.

«5 апрѣля войска снова стрѣляли по Пуррации, гдѣ не оставалось уже ни одной живой души; также стрѣляли изъ пушекъ по вилламъ Фурно и Монтеня, предварительно ограбивъ ихъ, потомъ зажгли эти виллы и пожаръ продолжался цѣлыхъ три дня. Тутъ солдаты между прочимъ нагнали женщину, обжавшую отъ нихъ съ ребенкомъ: бни убили и мать и младенца, бывшаго у нея на рукахъ. Кроме того они убили семь женщинъ въ ихъ собственныхъ домахъ, стрѣляя въ окна, хотя уже давно не было нигдѣ передъ ними противниковъ.

«6 апрѣля человекъ пятьдесятъ инсургентовъ подняли трехцвѣтное знамя надъ селомъ Баидою, миляхъ въ двухъ къ западу отъ Палермо, на горѣ у Баидскаго монастыря; на нихъ пошелъ стрѣлковый батальонъ. Перестрѣлка продолжалась четыре часа; но убитыхъ не было ни съ той, ни съ другой стороны, потому что солдаты, несмотря на свою многочисленность, держались дальше ружейнаго выстрѣла отъ инсургентовъ. Наконецъ инсургенты сняли свое знамя и въ стройномъ порядкѣ отступили на вершину Monte Sussio, очень крутую гору болѣе тысячи метровъ вышиною, стоящую надъ Монреале. Солдаты выместили свою злобу на несчастномъ Баидскомъ монастырѣ и на больницѣ, принадлежащей къ нему, дровя, что монахи дали переночевать у себя инсургентамъ и подавали имъ дѣтъ. Двое изъ монаховъ были убиты; въ госпиталѣ больные были сброшены съ кроватей и кровати были опрокинуты на нихъ. Побѣдосное войско расположилось лагеремъ въ Bocca di Falco.

«8 апрѣля было нападеніе на Фавориту; въ двухъ миляхъ къ северу отъ Палермо. Довольно много солдатъ утало отъ выстрѣловъ инсургентовъ. Войска въ безпорядкѣ побѣжали, преслѣдуемые инсургентами до Леония, гдѣ получили большее подкрѣпленіе и тогда отбѣснли инсургентовъ.

«9 числа отрядъ инсургентовъ изъ Милисмери и Багерии (мѣста въ горахъ на югъ и юго-востокъ отъ Палермо) напали на войска въ Колоннель и Villa Giulia. Успѣхъ былъ на сторонѣ инсургентовъ; но паровой фрегатъ, посланный на выручку войскъ, заставилъ инсургентовъ удалиться отъ берега, начавъ стрѣлять картечью. Впрочемъ, инсургенты не потеряли большой потери.

«10 числа были посланы двѣ сильныя колонны въ холмы, которыми владѣли инсургенты. Одна изъ нихъ долла сухимъ путемъ.

другая половина морить въ Монделло (костел на сферригъ берегу, иди-
лихъ въ 12 втг города). Колонны эти не встрѣтили никакого сопроти-
вления, но вальшиво говоря, будто бы стрѣляли не только изъ рево-
люцныхъ винтовъ на дорогѣ, но начали свое дѣло разрушенія; грабили и
жгли дома, разрушали деревни пушками. Такъ было сожжено семь
деревень: Верона, Парети, Беллиа, Бордонаро, и еще три, именъ ко-
торыхъ я не узналъ. Пожарный дымъ былъ виденъ изъ Палермо, —
видъ былъ такой, какъ будто выжигаютъ всю окрестную страну.
Санъ-Лоренцо совершенно истреблено, не осталось въ немъ камня
на камень.

11 апреля было вторичное нападеніе на Банду; на горакъ наль
веро разбиты три италійскія треххвѣстныхъ знамени. Битва про-
должалась два сѣ часовъ. Инсургентны еловѣзавме мнопом
численностью солдаты, отступили.

12 числа было нападеніе на Монреале; отънка происдоила
близъ этого города, на мѣстности, называемой il Biarro. Мы слы-
шали жаркую перестрѣлку, съ пушечными выстрѣлами, и стали думать,
что наконецъ пришли тѣ тысячи инсургентовъ, о которыхъ явля-
лись такъ долго говорили. Въ Палермо господствовало сильное волненіе.
Но вдругъ, въ половинѣ 5-го, огонь прекратился, а мы не видѣли
бѣгущихъ солдатъ. Инсургенты были побѣждены, 25 человекъ изъ
нихъ было взято въ плѣнъ, нѣсколько человекъ ранено, убитъ де-
билъ ни одинъ. Солдаты было убито, говорятъ, до 30 человекъ.
Палермиты стали думать, что возстаніе не удалось, что придется от-
казаться отъ борьбы. Полиція отвязала языки у всѣхъ кодокодовъ,
на церквахъ, боясь набата.

13 у горожанъ еще достало мужества, пробы, сдѣлать всеобщую
мирную демонстрацію. Генераль Сальцано, въ своемъ приказѣ этого
числа, говорить, что жители Палермо враждебны инсургентамъ. Въ
ответъ на это, все мужское населеніе города въ 5 часовъ вечера вы-
шло на улицы, а всѣ женщины стояли въ окнахъ и махали платоч-
ми, и всѣ кричали: «Viva Italia! Viva Vittorio Emanuele! Viva la li-
beria!» Эта демонстрація удивила тѣхъ самыхъ, которые участвовали
въ ней, потому что никто не готовилъ ее, она составляла самосо-
бою, неизвѣстно какъ. Полицію также застала она въраспыхъ; де-
лудейскіе думали, какъ бы имъ махастъ на народъ, до начала, какъ
это начать. Въ 6 часовъ все кончилось; народъ безопасно разошелся
по домамъ.

14 апреля Аресты продолжаютъ. Солдаты и полицейскіе на-
блюдатели въ своей власти. Они всячески стараются возмечь на
родъ въ драку, и въ концѣ концовъ въ мѣсто, гдѣ они находятся

Вотъ еще нѣкоторыя доподлинныя свѣдѣнія о томъ же времени и о слѣдующихъ дняхъ до прибытія волонтеровъ Гарibaldi, переводимыя нами изъ неаполитанской корреспонденціи Times'a и изъ письма одного палермскаго купца, которое было помѣщено въ *Indépendance Belge*.

«Неаполь, 24 апрѣля.

«Вотъ уже много дней мы не имѣемъ изъ Сициліи ни какихъ извѣстій кромѣ тѣхъ, какими благоволятъ жаловать насъ официальная газета. Въ ней мы, разумѣется, читаемъ, что всѣ смуты кончились, что голубиный миръ царствуетъ на всемъ островѣ: кажется, будто добрая бабушка говоритъ съ своими внучатками. Но отъ времени до времени эти милыя иллюзіи разлетаются и до насъ доходятъ пракчески истины.»

Корреспондентъ тутъ сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о стычкѣ 18 апрѣля близъ Карини и о свирѣпостяхъ при занятіи этого города, и возвращаясь къ тому же предмету въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25 апрѣля, онъ, ссылаясь, какъ солдаты въ Сициліи и въ самомъ Неаполѣ поощряются къ рѣзбѣ и къ грабежу пирушками, денежными наградами, виномъ и другими милостями, продолжаетъ:

«Разскажу вамъ одинъ фактъ, переданный мнѣ чловѣкомъ, въ словахъ котораго я не могу сомнѣваться: вы увидите, какія услуги оказываются этими достословными героями. Каждый шагъ войскъ былъ ознаменованъ грабежемъ, — грабежемъ, который былъ имъ обѣщанъ, къ которому они поощрялись своими начальниками, въ которомъ участвовали сами начальники, — это прямо говорится въ официальныхъ депешахъ. Монотонность ихъ разсказовъ разнообразится нѣкоторыми случаями, произошедшими при взятіи Карини. Солдаты тутъ перепились и вотъ одна изъ сценъ ими произведенныхъ. Армейскій докторъ увидѣлъ солдата, который заноситъ штыкъ на женщину, бывшую въ шестомъ или седьмомъ мѣсяцѣ беременности; онъ бросился остановить солдата, но солдатъ оборотился на него, ударилъ его штыкомъ въ грудь, потомъ занялся снова женщиной, убилъ ее штыкомъ и обобралъ ея тѣло. Офицеры генеральнаго штаба встрѣтили солдатъ, уносившихъ награбленныя вещи изъ одного дома; они хотѣли остановить ихъ: «это вещи не наши, сказали солдаты: онѣ взяты капитаномъ NN.» Я передаю вамъ эти факты, какъ слышалъ ихъ отъ людей достовѣрныхъ, и судя по тому, что вообще дѣлается здѣсь, я совершенно вѣрю имъ: въ нихъ нѣтъ ничего новаго, чрезвычайнаго; это случаи безпрестанно здѣсь повторяющіеся, служащіе необходимымъ слѣдствіемъ здѣшней системы.»

Въ другомъ мѣстѣ письма отъ 24 апрѣля, корреспондентъ «Times'a» сообщаетъ имена 13 человекъ, разстрѣлянныхъ въ Палермо 14 апрѣля. Вотъ они: Себастьяно Камавроне, Доменико Кушмичотте, Коріо Камьяни, Николо Лоренцо, Гаэтано Галандро, Джованни Рисо, Піетро Вассалого, Микеле Фавара, Андреа Кафераро, Джузеппе Феррери, Микеле Анджело Брионе, Франческо Вентимилья, Витторіо Ваттоне. Въ прибавленіе къ этому приводитъ онъ отрывокъ изъ письма, говорящаго слѣдующее: «имена 13 лицъ, разстрѣлянныхъ 14 апрѣля, напечатаны въ Палермской газетѣ въ спискѣ людей, умершихъ естественною смертью.—Газета говоритъ правду, замѣчаетъ корреспондентъ «Times'a», смерть, которую они умерли: совершенно естественна при нынѣшней системѣ».

«Неаполь, 28 апрѣля.»

«Нѣсколько дней правительство не печатало никакихъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Сициліи и агенты его увѣряли насъ, что «островъ спокоенъ и на немъ господствуетъ совершенный порядокъ», какъ и говорило послѣднее изъ предшествующихъ оффиціальныхъ извѣстій. Но всю эту недѣлю ходили въ Неаполѣ слухи противоположнаго характера и съ большою точностью сообщались имена мѣстъ, въ которыхъ происходили стычки. Говорятъ, что инсургенты раздѣлены на три отряда; одинъ изъ нихъ, подъ командою барона Сантанны, тревожитъ окрестности Палермо, другой, подъ командою Монгано, держится въ окрестностяхъ Чефалу (*). Главная квартира третьяго отряда въ центрѣ острова близъ Кастроджовани (**). Говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ была упорная стычка, въ которой королевскія войска были разбиты. Но все это только слухи, за достовѣрность которыхъ я не ручаюсь.» — «Видно однакоже, продолжаетъ переводимое нами письмо, что инсургенты довольно сильны, потому что безпрестанно отправляются изъ Неаполя новыя войска въ Сицилію.» Продолжая свое письмо черезъ нѣсколько часовъ, корреспондентъ Times'a говоритъ :

«Вчера Eletttrico привезъ письма, которыми въ значительной степени подтверждаются ходившіе въ городѣ слухи и выводимыя изъ

(*) Чефалу лежитъ на сѣверномъ берегу Сициліи, въ палермскомъ округѣ близъ границы Мессинскаго округа, верстахъ въ ста отъ Палермо и верстахъ въ двухъ стахъ отъ Мессины.

(**) Кастроджовани находится въ самомъ центрѣ Сициліи, на половинѣ большой дороги изъ Мессины въ Палермо, которая входитъ въ глубь острова вмѣсто того, чтобы идти вдоль сѣвернаго берега.

дому управленія тысячи лошадей въ конно-Еск. дивизіи въ городѣ Карини. Мы сдѣлаемъ докладъ о всѣхъ этихъ событіяхъ въ ближайшіе дни. Вы можете судить по слѣдующему факту. Секретарь французскаго посольства въ Палермо живетъ на дачѣ подлѣ самаго города. Однажды, когда онъ былъ въ городѣ солдаты пришли обыскивать его домъ; но садовникъ сказалъ имъ, что тутъ ничего спрятаннаго нѣтъ, и не нашедши ничего они уходили со двора, какъ вдругъ изъ сосѣднихъ домовъ брошено было въ нихъ нѣсколько камней. Они воротились въ домъ секретаря, убили двухъ мужчинъ, троихъ дѣтей и одну женщину, ограбили и зажгли домъ. Другую женщину спрятанную въ постель, они сожгли. Воротившись черезъ нѣсколько времени, секретарь нашелъ обгорѣлое тѣло женщины на полусгорѣвшей кровати, а тѣла другихъ убитыхъ были зарыты солдатами въ садъ. Всѣми известіями, получаемыми мною, официально подтверждается то, что я писалъ вамъ о звѣрскихъ убійствахъ совершенныхъ въ Карини. Городъ былъ сожженъ и ограбленъ; женщины и дѣти были перерѣзаны солдатами, которымъ предварительно было дано разрѣшеніе грабить и которые официально поощряются ко всѣмъ звѣрствамъ. Посылаю вамъ слѣдующій официальный документъ писанный чиновникомъ неаполитанскаго правительства; выраженія этого рапорта, посылаемаго правительству достаточно подтверждаютъ то, что рассказывается о свирѣпостяхъ произведенныхъ въ Карини. Вотъ этотъ рапортъ:

19 апрѣля. Посылаю отчетъ о дѣйствіяхъ летучей колонны, состоящей изъ одного дивизиона 14-й батареи, 4-хъ ротъ 4-го линейнаго полка и 2-хъ ротъ 2-го стрѣльцоваго батальона. Колонна вышла изъ Куатрвентіи 17 апрѣля въ два часа по полудни, по горной дорогѣ, направилась къ Карини по полученному извѣстію, что тамъ собираются зачинщики возстанія съ обогорченными своими людьми. Ночью одинъ батальонъ 5-го линейнаго полка былъ посланъ моремъ, чтобы высадиться на берегу близъ Карини. Было также сдѣлано распоряженіе, чтобы колонна генерала Катальдо, находившаяся въ

Нарцанко, заняла вершины сосѣднѣхъ горъ. Вчера рано нѣотру первая колонна была уже передъ Карини, а батальонъ 6-го линейнаго полка высажлся на берегъ. Сдѣлавъ рекогносцировку, первая колонна одна штурмовала Карини, что было очень затруднительно по характеру мѣстности и способу постройки домовъ. Сначала была употреблена въ дѣло артиллерія; сопротивленіе очень было упорно, но пѣхота, послѣ долгой перестрѣлки, ударила въ штыки и послѣдовало чрезвычайное значительное истребленіе (*eccidio considerevolissimo*). Городъ Карини былъ преданъ пламени и остатки митезинковъ бѣжали въ горы. Артиллерія хорошо исполняла свой долгъ и особенно отличился старшій сержантъ Джуліо Базиліо.

«21, 22 и 23 апрѣля происходили стычки въ окрестностяхъ Палермо.

«Королевская армія владѣеть городами, но какъ только выходитъ изъ своихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, имѣеть дѣло съ сильными вооруженными отрядами партизановъ. Неаполитанская оффиціальная газета и прокламаціи палермскаго губернатора напрасно объявляли, что жители Палермо остались чужды борьбѣ. Каждый, кто имѣлъ оружіе, дѣйствовалъ имъ. Инсургенты, вытѣсненные изъ Гуанчскаго монастыря числительнымъ превосходствомъ войскъ, отступили въ стройномъ порядкѣ черезъ Терминскія ворота и ушли въ Багарію; находившіеся въ Багаріи два эскадрона заперлись отъ нихъ въ казармы и послали за помощью въ Палермо. На слѣдующій день генераль Сурисъ съ батальономъ пѣхоты долженъ былъ штурмовать каждый домъ въ Багаріи, идя освободить запертые гарнизоны. Освобдивъ ихъ, пѣхота съ сильною потерею отступила въ Палермо. 7 числа войска снова напали на эту деревню, но были отбиты инсургентами: первый выстрѣлъ по войскамъ былъ сдѣланъ женщиною, которая потомъ бросилась на непріяеля и черезъ нѣсколько минутъ была убита. Инсургенты не ослабѣвають мужествомъ, но не достаетъ у нихъ ружей: они имѣють ихъ не больше восьми сотъ; впрочемъ, за каждымъ имѣющимъ ружье стоитъ нѣсколько товарищей, готовыхъ смѣнить его, когда онъ упадетъ. 8 апрѣля нѣсколько сотъ инсургентовъ разбили у Колли (на западъ отъ Палермо) цѣлый батальонъ съ четырьмя орудіями: солдаты бѣжали и офицеры напрасно кололи ихъ шпагами, чтобы остановить. Отвага инсургентовъ такъ велика, что, напримѣръ, 5 апрѣля у Макетскихъ воротъ четыре человѣка бросились на двѣ роты и дрались, пока были изрублены въ куски. Битва въ Палермо и его окрестностяхъ кончилась 9 апрѣля тѣмъ, что инсургенты израсходовали весь свой порохъ и только поэтому отступили».

Читатель понимает, что мы не можем оставить эти отзывы безъ некоторыхъ замѣчаній. Факты изложены вѣрно, добросовѣстно, но сужденія о нихъ неудовлетворительны. Корреспонденты страннымъ образомъ дѣлятся крутості и вѣрѣ, принимаемъ ихъ военными и полицейскими начальствами противъ людей, не только сдѣлавшихся инсургентами, но только думающихъ когда нибудь перейти на сторону инсургентовъ, или даже и не думающихъ это, а только сочувствующихъ этому, или только не выражающихъ ненависти къ сочувствующимъ. Корреспонденты удивляются рѣзвѣ стариковъ, дѣтей, женщинъ, какъ будто тутъ что нибудь чрезвычайное, какъ будто подобныя отношенія не всегда сопровождаются точно такими же фактами. Это явная ошибка. Ничего иного и не слѣдуетъ ожидать отъ неаполитанскихъ начальствъ, поступать иначе они не могутъ. Возьмемъ хотя мессинскія дѣла, подробности о которыхъ помѣстимъ въ прошедшемъ обзорѣ. Городъ совершенно спокоенъ, жители совершенно покорны; генералу Руссо извѣстно, что самыя горячія головы изъ горожанъ не думаютъ поднимать смуть въ Мессинѣ; а Руссо нѣсколько ночей сряду стрѣляетъ по улицамъ, пули бьютъ больныхъ женщинъ, лежащихъ въ постели, солдаты врываются въ мирныя дома, грабятъ и рѣжутъ. На поверхностный взглядъ это можетъ казаться очень странно; но разберемъ хорошенько, и мы найдемъ, что все происходитъ тутъ совершенно какъ слѣдуетъ. Мессинцы спокойны, но они тайкомъ посылаютъ помощь инсургентамъ; и такъ они враги, а враговъ по правиламъ военнаго искусства слѣдуетъ истреблять или по крайней мѣрѣ запугивать страшными примѣрами, чтобы они не смѣли шевельнуться. Руссо вѣроятно находилъ даже въ своемъ образѣ дѣйствій чрезвычайную кротость и снисходительность: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ не истребилъ всѣхъ жителей, какъ могъ истребить и какъ они того заслуживали по его мнѣнію, а только поугалъ ихъ. Быть можетъ совѣсть упрекаетъ его за то, что онъ не вполне совершилъ свою обязанность уничтожать враговъ, а навѣрное онъ и его начальники будутъ жалѣть объ этомъ, если инсургенты успѣютъ овладѣть Мессиною. Но ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ мучиться совѣстью за то, что стрѣлялъ по мирнымъ домамъ. Конечно, судя по чловѣчеству жаль нѣсколькихъ несчастныхъ и невинныхъ, погибшихъ тутъ. Да вѣдь и онъ самъ навѣрное жалѣетъ о ихъ судьбѣ. Но что же дѣлать? Примѣръ былъ нуженъ. Развѣ полководецъ не жалѣетъ о непріятельскихъ солдатахъ, истребляемыхъ на полѣ битвы его картечью; но что же ему дѣлать?—и онъ съ спокойной совѣстью приказываетъ усилить огонь. Правда, передъ Руссо были не войны, а безоружные мирные граждане; но вѣдь они хуже всякихъ непріятельскихъ солдатъ для него: съ непріятелемъ

можно и примириться и подружиться, а между людьми неаполитанской системы и сицилийцами невозможно примиреніе. Ихъ отношеніямъ нѣтъ другаго исхода, кромѣ истребленія той или другой стороны.

Точно то же надобно сказать и объ истребленіи деревень около Палермо, и о взятіи Карини, и о всѣхъ эпизодахъ этихъ торжествъ неаполитанской системы. Правда, въ дѣлѣ о судьбѣ города Карини оказывается даже, что городъ не былъ занятъ войсками послѣ упорной битвы, какъ объявляли неаполитанскія начальства, чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе: войска вошли въ городъ безъ сопротивленія, спокойно стали рѣзать и жечь по обдуманному холодному расчету. Но можно понять и этотъ расчетъ, можно понять и надобность скрыть его выдумкою небывалаго штурма: къ сожалѣнію, люди вообще слабонервны; надобно щадить ихъ неразборчивую чувствительность и ложь была тутъ филантропіею, вознаграждавшею за нѣкоторую суровость распоряженій относительно Карини. О, если бы люди не были слабонервны! Тогда, конечно, не дѣлалось бы на свѣтѣ такихъ вещей, какія видимъ теперь.

Но какъ быто ни было, хорошо или дурно поступали неаполитанскія начальства съ сицилийцами, дѣло состоитъ въ томъ, что болѣе мѣсяца сицилийцы оставались безъ всякой помощи. Королевскія войскамъ въ началѣ апрѣля были уже многочисленны въ Сициліи, такъ что сицилийцамъ нужна была чрезвычайная отвага на возстаніе. Потомъ эти войска получали ежедневныя сильныя подкрѣпленія. А унисургантовъ не только не было артиллеріи, не только не было конницы, у нихъ было очень мало пороха и всего нѣсколько сотенъ ружей. Однако же они безъ всякой надежды на чью нибудь помощь начали свое дѣло и, что еще важнѣе, слишкомъ мѣсяць держались, не ослабѣвая духомъ. Какой настойчивости, какой отваги требовала эта долгая борьба, можно понять только изъ того, какимъ отчаяннымъ подвигомъ показалаcя Европѣ даже экспедиція Гарибальди, которая была изобильно снабжена оружіемъ и состояла изъ отборныхъ людей, гораздо лучшихъ самого лучшаго корпуса какой бы то ни было западно-европейской арміи. Гарибальди кажется довольно извѣстенъ за человека очень смѣлаго; но всѣ говорили, что самыя отважныя изъ прежнихъ его экспедицій далеко не были такъ рискованны, безнадѣжны, какъ эта. Если корпусъ хорошо вооруженныхъ, закаленныхъ въ бою солдатъ выказывалъ слишкомъ рѣдкую даже въ немъ храбрость, идя на эту войну, то что же надобно сказать о рѣшимости рекрутъ волонтеровъ, почти безоружныхъ, начавшихъ и цѣлый мѣсяць продолжавшихъ ее въ окрестностяхъ Палермо и Мессины?

Объ отправленіи экспедиціи Гарибальди изъ Генуи мы имѣемъ уже довольно удовлетворительныя свѣдѣнія. Теперь положительно извѣстно, что всѣ сборы производились не только безъ содѣйствія сардинскаго правительства, а противъ его воли, наперекоръ всевозможнымъ препятствіямъ, какія только могъ поставить этому дѣлу Кавуръ. Въ самомъ дѣлѣ, экспедиція ставила его въ самое неприятное положеніе къ французскимъ и другимъ дипломатамъ, расположеніемъ которыхъ онъ такъ дорожитъ. Она компрометировала его подозрѣніемъ въ потачкѣ революціонерамъ, съ которыми онъ не хочетъ имѣть ничего общаго. Читатель знаетъ, что Гарибальди прошлою осенью возбудилъ въ Италіи подписку для вооруженія волонтеровъ, или такъ называемую подписку на миллионъ ружей. Она доставила очень большія суммы, которыми распоряжается особый комитетъ, находящійся въ Миланѣ. Гарибальди потребовалъ, чтобы комитетъ выдалъ ему деньги для снаряженія экспедиціи. Комитетъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія правительства и обратился съ вопросомъ къ Кавуру. Кавуръ запретилъ выдавать Гарибальди деньги, пожертвованныя итальянцами по довѣрью къ тому же самому Гарибальди для предпріятій, которыя захочетъ вести все-таки тотъ же Гарибальди. Заботливость Кавура сохранить свою чистоту передъ европейскими дипломатами была такъ велика, что онъ не поколебался нарушить, — не какіе нибудь политическіе законы, нѣтъ, гражданскіе законы объ имуществахъ: по гражданскимъ законамъ Гарибальди имѣлъ полное право считать собранныя подпискою деньги находящимися въ его безусловномъ распоряженіи. Были употреблены всѣ возможныя полицейскія мѣры, чтобы помѣшать переѣзду волонтеровъ Гарибальди съ Генуэзскаго берега на корабли, чтобы задержать эти корабли, даже силою оружія, если понадобится. Волонтеры должны были отправиться ночью, тайкомъ, чтобы укрыться отъ сардинскаго правительства, и Кавуръ не поколебался сказать: «корабли не были задержаны только потому, что волонтеры овладѣли ими тогда, когда они стояли очень далеко отъ берега, вѣвъ выстрѣловъ береговыхъ батарей». Итакъ онъ хотѣлъ стрѣлять по Гарибальди и его волонтерамъ, но, къ сожалѣнію, ядра не долетали бы до ослушниковъ. Увидѣвъ, что корабли волонтеровъ ушли изъ-подъ ихъ пушекъ, сардинскія начальства тотчасъ же послали за ними два военные парохода, которые впрочемъ уже не могли нагнать ихъ. Да и прежде того, генуэзскому губернатору было приказано вывести войска, чтобы арестовать по дорогамъ къ берегу людей, которые показались бы волонтерами. Но губернаторъ не былъ такъ рѣшителенъ, какъ министръ, и написалъ Кавуру, что атака войскъ на волонтеровъ произвела

бы народное возмущеніе, да и войска вѣроятно возмущались бы. Именно только это ожиданіе народнаго возстанія въ случаѣ арестованія Гарибальди и помѣшало Кавуру посадить Гарибальди въ тюрьму или съ полицейскимъ конвоемъ выслать изъ сардинскихъ владѣній. Не успѣвъ, къ великому своему прискорбію, задержать корабли, на которыхъ отправился Гарибальди съ первымъ отрядомъ, Кавуръ былъ счастливѣе въ слѣдующіе дни : онъ успѣлъ недопустить отправленіе втораго корпуса волонтеровъ, готовившихся ѣхать на подкрѣпленіе Гарибальди, и справедливо ставить себѣ это въ большую заслугу передъ дипломатами. Да и первый корпусъ, при которомъ находился самъ Гарибальди, успѣлъ перебраться съ берега на корабли только при соблюденіи величайшихъ осторожностей противъ сардинской полиціи. Предосторожность надобно было довести до того, что волонтеры собирались не въ Генуѣ и не всѣ вмѣстѣ, а небольшими отрядами по нѣскольکو десятковъ человекъ въ разныхъ деревушкахъ около Генуи : они приходили къ берегу, какъ будто по непріятельской странѣ, и ночь своего отъѣзда провели въ какихъ-то избушкахъ, шалашахъ и сараяхъ, какъ будто собирались не на помощь соотечественникамъ, а на какое нибудь преступное дѣло.

Гарибальди извѣстенъ искусствомъ хранить свои планы и движенія въ непроницаемой для враговъ тайнѣ. Въ послѣднюю войну, когда онъ дѣйствовалъ въ сѣверо-западной Ломбардіи, ни австрійцы, ни французы по нѣскольکو дней не знали, гдѣ онъ ; такъ онъ дѣйствовалъ и теперь. До той самой минуты, когда онъ высадился въ Марсалѣ, никто не зналъ, куда именно отправился онъ : въ Абруццо, Калабрию, въ Сицилію или куда нибудь въ Папскую Область. Догадки были различны, и если передъ отправленіемъ экспедиціи преобладало мнѣніе, что она пойдетъ въ Сицилію, то по ея отъѣздѣ изъ Генуи получили для на два перевѣсъ другіе слухи : стали говорить, что Гарибальди хочетъ проникнуть въ Абруццо черезъ Папскую Область. Это возникло изъ того, что эскадра приставала къ берегу въ Таламоне, на южной части тосканскаго берега, верстахъ въ двадцати-пяти отъ границы папскихъ владѣній. Но это было сдѣлано только затѣмъ, чтобы купить на берегу съѣстныхъ припасовъ. Жители Таламоне приняли волонтеровъ съ патриотическимъ сочувствіемъ и устроили для нихъ праздникъ. Строгость Кавура въ желаніи сохранить чистоту передъ дипломатами простиралась до того, что таламонскій синдикъ долженъ былъ оправдываться передъ начальствомъ за свои дѣйствія въ этомъ случаѣ. Отправившись изъ Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая, Гарибальди 11 мая въ 2 часа дня высадился въ Марсалѣ, довольно большомъ городѣ, лежащемъ на са-

мой западной оконечности сѣвераго берега Сициліи, верстахъ въ полтораста на западъ отъ Палермо. Объ этой высадкѣ мы имѣемъ слѣдующее письмо, присланное въ «Globe» англійскими купцами О'Бирнамп, которымъ случилось въ это самое время заходить на нѣсколько часовъ въ марсальскую гавань по своимъ торговымъ дѣламъ:

«Мы вышли на берегъ и часа въ три по полудни сидѣли въ кофейной; вдругъ вошли нѣсколько человекъ, изъ которыхъ одни были въ красныхъ мундирахъ, другіе въ статскомъ платьѣ, но все вооруженные ружьями со штыками. Посѣтители, бывшіе въ кофейной, встрѣтили ихъ съ радостью. Мы спросили, что это за люди; намъ отвѣчали, что Гарибальди высадился на берегъ. Мы тотчасъ же пошли изъ кофейной въ городъ и нашли, что онъ уже въ рукахъ отряда Гарибальди. Мы хотѣли отправиться на прогулку въ поле, но командовавшій офицеръ, очень красивый мужчина, сказалъ намъ, что выйти изъ города нельзя безъ приказа Гарибальди. Потому мы воротились на пристань, чтобы ѣхать назадъ на нашъ корабль, и встрѣчали по дорогѣ много солдатъ Гарибальди. При входѣ на гавань насъ остановили и послали спросить, разрѣшить ли генералъ пропустить насъ; получивъ разрѣшеніе, насъ пропустили. Въ гавани мы видѣли солдатъ, продолжающихъ высаживаться на берегъ съ оружіемъ и военными запасами. Намъ говорили, что въ городъ уже отправлены 2000 человекъ и что придутъ еще новые экспедиционные отряды. Пріѣхавшіе волонтеры желали поскорѣе встрѣтиться съ неаполитанскими войсками. Почти все они имѣли атлетическую наружность. Они высаживались изъ двухъ пароходовъ въ виду двухъ неаполитанскихъ пароходовъ и одного неаполитанскаго паруснаго корвета, крейсировавшихъ у берега. Самый малый изъ этихъ неаполитанскихъ кораблей одинъ могъ бы легко помѣшать высадкѣ, но неаполитанцы боялись нападать на волонтеровъ. Когда волонтеры высадились на берегъ и уже были вне выстрѣловъ съ моря, неаполитанцы приблизились и начали стрѣлать по нѣсколькимъ волонтерамъ, оставшимся позади товарищей на пристани. Это была напрасная трата пороха, потому что рѣдкое ядро достало до берега. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неаполитанцы могли бы захватить еще до высадки, если не оба парохода Гарибальди, то по крайней мѣрѣ одинъ, шестій сзади; но они не осмѣлились подойти къ нимъ. Они взяли брошенные волонтерами пароходы уже въ половинѣ сѣлаго, да и то послѣ долгихъ колебаній.

«Мы отправляемся въ Мальту. Одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ и парусный фрегатъ стрѣляютъ по городу, который не отвѣчаетъ. Не умѣемъ сказать, есть ли у Гарибальди пушки; мы не

видѣли у нихъ пушекъ. Неаполитанскихъ войскъ въ городѣ не было. Неаполитанскія большія суда не могли подойти близко къ берегу, потому что былъ отливъ».

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ высадившагося отряда мы имѣемъ кромѣ телеграфическихъ депешъ только немногія отрывочныя извѣстія. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ; они были сообщены въ «Patrie»:

«Высадившись въ Марсалѣ, волонтеры Гарибальди разставили аванпосты на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ. Вечеромъ отрядъ отборныхъ людей сдѣлалъ сильную рекогносцировку по направленію къ Трапани и возвратился въ лагерь, узнавъ, гдѣ расположены королевскія войска.

«Мѣсто высадки было опредѣлено заранее, но выборъ этотъ хранился въ тайнѣ; однако же о немъ было сообщено всѣмъ предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ, и ночью они прибыли въ лагерь, чтобы условиться о планѣ дѣйствій. На другой день отряды сицилійскихъ инсургентовъ присоединились къ экспедиціонному корпусу и было рѣшено двинуться впередъ на разсвѣтъ 13 мая. Съ той поры возстаніе начало усиливаться.

«Командиръ королевскихъ войскъ, узнавъ о происходящемъ, увидѣлъ невозможность войскамъ держаться въ Трапани и другихъ второстепенныхъ пунктахъ и сосредоточилъ все свои силы въ Палермо.

«Экспедиціонный корпусъ находится уже въ Монреале, въ пяти километрахъ (верстахъ) отъ Палермо, и можно сказать, что инсургенты владѣютъ всѣмъ островомъ, кромѣ Палермо и Мессины, въ которыхъ держатся королевскія войска. Обѣ эти крѣпости очень сильны, но положеніе королевскихъ войскъ очень затруднительно, потому что Сицилія имѣетъ около 2,000,000 населенія и предводители возстанія организуютъ его очень энергически.»

Въ другомъ письмѣ (напечатанномъ также газетою Patrie) говорится:

«Извѣстія, полученныя нами изъ южной Италіи, идутъ до 15 мая.

«Въ Сициліи положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Корпусъ волонтеровъ Гарибальди, по послѣднимъ извѣстіямъ кажется, хотѣлъ оставить Алькамо въ лѣвой рукѣ приблизиться къ Черрарѣ, чтобы соединиться съ отрядомъ въ 1,200 человекъ, организованнымъ въ Мессинской провинціи (*). Съ другой стороны по словамъ капи-

(*) Алькамо лежитъ на большой дорогѣ изъ Марсалы въ Палермо въ одномъ переходѣ отъ Калатафини, гдѣ была битва, ближе къ Палермо. Слова о движеніи къ Черрарѣ на соединеніе съ мессинскимъ отрядомъ вѣроятно основаны на какой нибудь ошибкѣ, потому что это было бы слишкомъ большимъ промахомъ.

тановъ купеческихъ судовъ, пришедшихъ изъ Сициліи, крѣпость Трапани не оставлена королевскими войсками, напротивъ, ея гарнизонъ получаетъ подкрѣпленія съ моря. Этотъ фактъ важенъ, потому что волонтеры не могутъ пренебречь неприятелемъ, который, опираясь на столь сильную крѣпость, какъ Трапани, сталъ бы угрожать ихъ тылу, держась между Трапани и Калатафини (*).

«Возстаніе развившееся отъ появленія волонтеровъ Гарибальди, располагаетъ по видимому большими средствами. Жалованье и продовольствіе солдатамъ выдаются исправно. Въ послѣдніе дни стали полагать, что самъ Гарибальди не высадился на берегъ и что онъ скоро пріѣдетъ съ подкрѣпленіями. Достоверно то, что въ Марсаль, гдѣ много англичанъ и иностранныхъ купцовъ, никто изъ нихъ его не видалъ и всѣ приказы отдаются начальникомъ его штаба, который подписываетъ ихъ «за генерала, по его порученію». Какъ бы то ни было, но имя Гарибальди сильно дѣйствуетъ на островѣ».

По телеграфическимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что 15 мая была стычка у Калатафини на половинѣ пути изъ Марсалы въ Палермо, что неаполитанцы были тутъ разбиты, хотя сначала неаполитанское правительство и объявляло о побѣдѣ. Послѣ этого волонтеры Гарибальди подошли къ самому Палермо и неаполитанскія официальныя депеши опять объявляютъ, что королевскія войска разбили ихъ. На сколько справедливо это вторичное увѣреніе, читатель будетъ уже знать, когда выйдетъ книжка. Онъ знаетъ также, что король неаполитанскій предлагаетъ сицилійцамъ амнистію, отдѣльное управленіе и, что всего любопытнѣе, обѣщаетъ разрѣшить построеніе желѣзныхъ дорогъ на островѣ, какъ будто это такъ же составляетъ для него важную жертву. Это объявленіе не произвело никакого дѣйствія на инсургентовъ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ слѣдующій разъ мы вѣроятно будемъ уже имѣть положительныя извѣстія о томъ, гдѣ находится Гарибальди и какого успѣха надобно ожидать сицилійскому возстанію. Теперь мы знаемъ только, что весь островъ возсталъ противъ Франческо, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, находящихся подъ пушками крѣпостей съ сильнѣйшимъ гарнизономъ; главные изъ этихъ пунктовъ Мессина, Палермо, Трапани; инсургентамъ не легко будетъ овладѣть ими, пока неаполитанское правительство сохраняетъ господство на морѣ и можетъ присылать подкрѣпленія своимъ войскамъ, число

(*) Трапани лежитъ къ сѣверу отъ Марсалы, верстахъ въ двадцати пяти по прямой линіи. Въ Калатафини сходятся дороги, идущія въ Палермо изъ Марсалы и изъ Трапани.

которыхъ въ Сициліи простирается теперь, вѣроятно, до 45 или 50 тысячъ. Несмотря на невозможность возстать, жители Палермо выражаютъ свое сочувствіе инсургентамъ демонстраціями, которыхъ не можетъ остановить полиція. Особенно замѣчательна была демонстрація 9 мая, служившая отвѣтомъ на слова коменданта крѣпости генерала Сальцано, что жители Палермо не сочувствуютъ инсургентамъ. Въ тотъ день, когда явился приказъ говорившій это, все мужское населеніе Палермо было въ пять часовъ вечера на улицахъ съ криками «да здравствуетъ Италия! да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль!» Эта манифестація произошла сама собою, безъ всякаго предварительнаго условія, такъ что сами участвовавшіе въ ней удивлялись, увидѣвъ себя не одинокими, а составляющими одну сплошную массу по всѣмъ улицамъ.

Въ самомъ Неаполѣ происходятъ подобныя манифестаціи и ежедневно возникаютъ слухи о возстаніи въ Абрुццо или въ Калабріи. Раза два случалось, что слухъ этотъ разносился по всей Европѣ, но до сихъ поръ онъ оказывался преждевременнымъ. Нечего говорить о томъ, какъ легко можетъ возникнуть новая война между сильнѣйшими европейскими державами, подобная прошлогодней войнѣ, изъ неаполитанскихъ дѣлъ. По общему мнѣнію, готовится столкновеніе и въ центральной Италиі: Ламорисьеръ желаетъ увѣнчать себя лаврами и стяжать благословеніе пашы, а папа исполненъ надеждъ на своего рыцаря. Папскія войска, переформированныя Ламорисьеромъ, собираются на границахъ Романьи и съ каждымъ днемъ можно ожидать, что они пойдутъ возвращать заблудшихъ овецъ подъ управленіе добраго пастыря. Въ надеждѣ на успѣхъ, римское правительство возвышаетъ голосъ; мы на мрбу переведемъ статейку оффиціальной римской газеты о путешествіи Викторъ-Эммануэля по Романьи. Королю пришлось объѣзжать свои новыя владѣнія въ такое время года, когда въ сѣверной и центральной Италиі бываютъ проливные дожди. Тоскану онъ успѣлъ объѣзжать еще до начала или при началѣ ихъ, но въ Романьи они встрѣтили его со всею своею силою и непрерывностью, такъ что пришлось ему сократить поѣздку и отложить до другаго времени посѣщеніе многихъ городовъ. Тонъ переводимой нами статьи вообще восхваляетъ пашу; жаль только, что она вдается въ нѣкоторую фантазію, называя роковымъ знаменіемъ гнѣва небеснаго на Викторъ-Эммануэля эти дожди, которые бываютъ въ такое время каждый годъ, съ той поры, когда еще не было на свѣтѣ на Викторъ-Эммануэля, ни Болоньи, ни самаго Рима. Напрасно также называется она оскверненіемъ храма св. Петронія очень благочестивое молельство, въслуш

шанное въ немъ королемъ: храмъ, конечно, не осверняется молтвами.

«Замолкли крики газетъ Центральной Италіи о приѣмѣ, дѣлаемомъ королю Виктору Эммануэлю въ Романьи. Поѣздка этого монарха была явленіемъ метеора, вспыхивающаго и исчезающаго и едва могла своею ослѣпительностью поразить взоры, отуманенные страстью или въроломствомъ.

«Въ Тосканѣ король былъ долго: онъ посѣтилъ много городовъ. Романья имѣла иную судьбу. Болонья, городъ великихъ воспоминаній, едва привлекла взглядъ, измѣрившій всю ее съ окружающихъ высотъ.

«Вступивъ въ Болонью, король не нашелъ обѣщаннаго ему приѣма. Люди, имѣвшіе выгоду поднимать и поддерживать шумъ, были прогнаны яростью непогодъ, разрушившихъ декораціи, перемочившихъ знамена, изорвавшихъ драпировку, и рады были найти убѣжище въ храмѣ Св. Петронія. Тутъ многочисленная шайка эмигрантовъ, студентовъ и горсть космополитныхъ священниковъ произвела богохульственное святотатство и осквернила, огласивъ своими криками и воплями, священные своды величественнаго храма.

«Но изъ всѣхъ бывшихъ тутъ духовныхъ, только семь человекъ были болонцы. Они одни имѣли своему долгу въ многочисленномъ духовенствѣ апархін, имѣющей болѣе 400,000 жителей, и города, считающаго до 80,000 жителей. Но никто не удивился тому: эти священники уже и прежде были людьми погибшими въ общественномъ мнѣніи, одни по явному своему слабоумію, другіе по дурному образу жизни. Въ теченіи двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньѣ, Викторъ Эммануэль оставался углубленъ въ самого себя, занятый глубокими и почти разстроенными мыслями.

«Земля Романьи какъ будто жгла ноги этого государя на каждомъ шагу его по ней. Онъ не захотѣлъ быть въ богатой Феррарѣ и бросить взглядъ на дворецъ Эсте, на виллу, бывшую Аеннами Италіи, сохраняющую столько славныхъ воспоминаній объ Аріосто, Гуарини, Тассо и Вербо. Военственный король не захотѣлъ доѣхать и до Равенны, историческаго города, бывшаго резиденціею послѣднихъ западныхъ императоровъ, гдѣ онъ увидѣлъ бы гробъ Теодорика, пернаго задумавшаго основать Итальяно-Готское государство, и трофеи храбрости Велизарія и Нарзеса, знаменитыхъ воеводъ Византійскаго законодателя, и гробницу Данте, въ сердцѣ котораго было столько любви къ Италіи. Быть можетъ, вписывая свое имя въ книгу, въ которую съ почтеніемъ вписали свои имена сотни другихъ монарховъ, онъ увидѣлъ бы, что священная и святая рука;

принимая дань уваженія великому поэту, написала въ этой книгѣ три года тому назадъ пророческій терцетъ:

«Шумъ свѣта — дуновение вѣтра, несущагося то отсюда, то оттуда, и перемѣняющаго имена по перемѣнѣ направленія».

Этотъ азартъ слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ о намѣреніи начать войну. Сѣверно-итальянское правительство сосредоточиваетъ для своей обороны войска на южной границѣ своихъ провинцій. Эту армію командуетъ Чальдини, который приобрѣлъ себѣ хорошую военную извѣстность въ прошломъ году.

Австрія помогаетъ папѣ вербовать солдатъ въ нѣмецкой части имперіи и даетъ солдатъ герцогамъ Моденскому и Тосканскому, которые собираются сдѣлать вторженіе въ свои бывшія владѣнія; удастся ли имъ исполнить эту мечту, неизвѣстно; но охота у нихъ есть и австрійцы думаютъ воспользоваться этими столкновеніями, чтобы двинуться на подавленіе и обобраніе Сѣверно-итальянскаго королевства; какъ только позволитъ императоръ французовъ. Съ цѣлью привести свои внутреннія дѣла въ порядокъ, допускающій внѣшнюю войну, австрійское правительство дѣлаетъ недовольнымъ подданнымъ своимъ уступки, поражающія неслыханнымъ либерализмомъ: надобно полагать, что скоро оно по любви къ свободѣ заткнетъ за поясъ и Бельгію, и Англию, и самую Швейцарію. Мѣсяца два или три тому назадъ Европа была сконфужена изумительнымъ извѣстіемъ, что въ Австріи, вотъ на дняхъ, будетъ введена конституція. Европа не вѣрила своимъ ушамъ, а между тѣмъ обѣщаніе исполнено теперь самымъ блистательнымъ образомъ. Надобно знать то, чего никто не зналъ доселѣ, именно то, что въ Австріи существуетъ родъ пятого колеса въ скрипучей телѣгѣ, но колеса самаго маленькаго, совершенно незамѣтнаго. Это пятое колесо называется государственнымъ совѣтомъ. Вотъ этотъ самый государственный совѣтъ и есть конституція. До сихъ поръ въ немъ было человекъ пятнадцать и назначались они императоромъ безъ разбора того, кто откуда родомъ; когда было такъ, то разумѣется конституціи не было. Теперь вздумали назначить еще человекъ сорокъ пять членовъ, принимая въ уваженіе, чтобы тутъ были знатные люди изъ всѣхъ провинцій. Дурнаго тутъ нѣтъ ничего: государственный совѣтъ собирается въ помѣстительной залѣ, почему же не сидѣть въ ней вышюю пятнадцати особъ шестидесяти особамъ?—а если такъ, то конечно Австрія стала конституціоннымъ государствомъ: въ ея государственнымъ совѣтѣ, какъ можетъ видѣть каждый изъ списка членовъ, находятся представители всѣхъ провинцій. Въ одномъ мѣскольکو ошиблись австрійскіе конституціонисты, то есть правдолюбные іезуиты и духовные потомки Меттерниха: они не почли нуж-

нымъ предварительно спросить у назначаемыхъ лицъ, захотятъ ли они носить даваемый имъ титулъ, захотятъ ли принадлежать къ почтенной компаніи, называемой государственнымъ совѣтомъ. Кабинетъ рассчитывалъ, что такъ какъ вводится конституція и назначаема лица должны совершенно замѣнить собою всякихъ депутатовъ, то не посмѣютъ не быть совершенно независимыми отъ правительства представителями своихъ областей, чтобы не попасть въ тюрьму за ослушаніе, и будутъ заниматься въ государственномъ совѣтѣ отважною оппозицію по приказанію министерства, которому нужна и оппозиція въ числѣ другихъ принадлежностей свободы. Вышло не такъ: венгерскіе магнаты, назначенныя въ государственный совѣтъ, отказались идти, хотя были выбраны изъ самыхъ благонадежныхъ людей. Ихъ примѣру послѣдовали многія значительныя лица изъ другихъ частей имперіи. Увы! безъ нихъ въ государственномъ совѣтѣ не будетъ оппозиціи, — то есть оппозиція будетъ, потому что найдутся послушные люди, чтобы спорить противъ правительства по его приказанію и указанію, но эта оппозиція, столь серьезная и благотворная, не будетъ получать надлежащаго вліянія на общественное мнѣніе, лишившись громкихъ именъ. Впрочемъ, усердіе не нуждается ни въ какихъ именахъ: говорятъ, что новый государственный совѣтъ на дняхъ начнетъ свои засѣданія, не смущаясь тѣмъ, что члены его не пойдутъ въ эти засѣданія и уже отказались отъ званія членовъ. Можно даже видѣть въ этомъ хорошую сторону: такимъ образомъ новый государственный совѣтъ будетъ чисто идеальнымъ совѣтомъ, безъ всякихъ слѣдовъ матеріальнаго существованія, будетъ идеаломъ государственнаго совѣта, а идеалъ — это уже непременно что нибудь очень хорошее. Что уже дано цѣлой имперіи въ видѣ государственнаго совѣта, то обѣщано Венгріи подъ именемъ сейма. Читатель знаетъ, что венгры проникнуты живѣйшею любовью къ императору и въ награду за это данъ имъ правителемъ Бенедекъ, известный генералъ, родомъ венгерецъ, въ родѣ того, какъ Евгений Савойскій, такъ отлично бывший французъ, былъ родомъ французъ. Онъ тѣмъ и началъ, какъ только пріѣхалъ въ Пештъ, что объявилъ собравшимся венгерцамъ: «я вашъ соотечественникъ и очень люблю Венгрію; но у меня люди дѣлятся на два разряда: покорные и непокорные. Итакъ я прошу васъ не быть непокорными, которымъ я спускать не люблю». Впрочемъ, онъ говорилъ это на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно изъ венгерскаго патріотизма, чтобы не осквернять благородную мадырскую рѣчь прожиганіемъ на ней такихъ словъ. Но настоящему было бы за- глаза довольно и такой милости, какъ назначеніе безграничнымъ властителемъ Венгріи столь пламеннаго мадыра, тѣмъ болѣе, что подѣ

команду ему прислано нѣсколько корпусовъ войска. Но кто можетъ море удержать брегами, пучинѣ положить предѣль?—кто можетъ положить предѣль расхолодившемуся либерализму австрійскаго правительства? Король неаполитанскій обѣщаетъ сицилійцамъ самоуправленіе, чуть не республиканскую свободу, и даже разрѣшеніе строить желѣзныя дороги: неужели австрійскій императоръ отстанетъ отъ него на пути столь искреннихъ уступокъ? И такъ явилось императорское письмо, обѣщающее возстановить въ Венгріи комитатскіе сеймы и даже общій венгерскій сеймъ. Мадыары пришли въ такой восторгъ, что не выразили его ни однимъ словомъ: чтожь, слишкомъ сильное чувство, какъ извѣстно, не находитъ словъ для своего выраженія. Но редакторъ оффиціальной пештской газеты Buda — Pesthi Hírlap не понималъ этого и сталъ выпрашивать, чтобы какойнибудь мадыаръ выразилъ свое мнѣніе о данныхъ обѣщаніяхъ. Нашелся наконецъ и такой мадыаръ, человѣкъ очень преданный Габсбургскому дому, только, вѣроятно, не проникнутый такимъ энтузіазмомъ къ мадыарской народности, какъ Бенедекъ, потому что отвѣтъ его, помѣщенный въ газетѣ, не имѣетъ того букета, какъ рѣчь патриотическаго намѣстника. Вотъ что онъ пишетъ:

«Вы просите, чтобы я, какъ честный и прямодушный мадыаръ, откровенно сказалъ вамъ, какое впечатлѣніе на меня и на другихъ жителей нашей стороны произведено императорскимъ письмомъ, обѣщающимъ самоуправленіе, комитатскіе сеймы и общій сеймъ королевства. Сначала я хотѣлъ отвѣчать на ваше письмо уклончиво, но, поразмысливъ, скажу вамъ, каковы мои мысли и по всей вѣроятности мысли огромнаго большинства моихъ соотечественниковъ.

«Вы спрашиваете моего мнѣнія объ обѣщаніяхъ, данныхъ намъ 19 апрѣля. Мы согласно съ его величествомъ думаемъ, что необходимо возстановленіе политическихъ учрежденій, существовавшихъ въ Венгріи до 1848 года. Мы думаемъ, что конституціонная монархія единственное спасеніе для насъ. Мы готовы умереть за нее и радостно пожертвуемъ своею кровью и своимъ имуществомъ за короля, который будетъ сохранять и защищать конституцію. Но императорское письмо 19 апрѣля не произвело энтузіазма. Нація осталась холодна и молчалива; причиною холодности было не то, что написано въ письмѣ, а то, чего въ немъ не написано. Соловья баснями не кормятъ. Намъ нужно знать, что такое разумѣетъ письмо подъ именемъ сейма и когда будутъ возстановлены прежнія учрежденія. Слово «конституція» различно истолковывается разными людьми въ разныхъ странахъ. Мы знаемъ, что Франція имѣетъ конституцію, но не имѣетъ конституціонной свободы. Мы не хотимъ одну скорлупу безъ зерна. Скорлупа намъ показана, но не сдѣлано въ ней прорѣзовъ, чтобы

видно было, есть ли подъ ней зерно. Мы хотимъ знать, какъ будутъ приведены въ согласіе съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣль комитатскіе сеймы, спрашиваемъ другъ у друга, какіе законы будемъ имѣть для огражденія нашего самоуправленія? Но я твердо убѣжденъ, что всѣ препятствія можно устранить, если только серьезно захотятъ устранить ихъ. Газетамъ не дозволяютъ свободно высказывать мнѣніе объ обѣщаніяхъ, находящихся въ императорскомъ письмѣ, и мы не можемъ особенно вѣрить въ конституцію, которая не въ состояніи выдержать критики. Тотъ способъ, по какому поступаютъ съ газетами, показываетъ намъ, что дѣла останутся почти въ такомъ же, или даже совершенно въ такомъ положеніи, какъ теперь. Въ послѣднемъ нашемъ номерѣ вы говорите «о дружественныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Венгріи». Убѣдите насъ, что правительство дѣйствительно и искренно намѣрено сдерживать свои обѣщанія и мы будемъ душою и сердцемъ принадлежать вамъ.»

Мы привели это письмо вовсе не потому, чтобы соглашались съ авторомъ: онъ очевидно заблуждается. Францъ Іосифъ любитъ Венгрію, Венгрія любитъ Франца Іосифа, — что уже тутъ толковать, какое тутъ возможно недовѣріе съ той или другой стороны? Вотъ, если сицилійцы не вѣрятъ Франческо, это иное дѣло: сицилійцы мятежники; а когда не были мятежниками, и они вѣрили. Стало быть и венгерцы должны вѣрить, если не хотятъ быть мятежниками. — Все бы хорошо въ Австріи, еслибъ только не было въ ней одного: привычки воровать казенныя деньги. Газеты до сихъ поръ занимаютъ процессомъ о покражѣ суммъ комиссаріатскаго вѣдомства и смертью барона Брука, бывшею однимъ изъ послѣдствій этого процесса. По поводу самоубійства барона Брука была помѣщена въ Times'ѣ не совсемъ дурная статья, которую мы переведемъ:

«Есть для государствъ предзнаменованія гораздо страшнѣйшія кометы и затмѣнія. Есть признаки слабости и приближающагося паденія еще достовѣрнѣйшіе, чѣмъ потери сраженій и отпаденіе областей. Передъ взрывомъ 1848 года во Франціи собирались тучи и какал-то особенная духота наполняла атмосферу нѣсколько мѣсяцевъ. Въ обществѣ было смутное и душное ожиданіе грозящаго бѣдствія, возбуждавшее чувство, что правители поражены умственной слѣпотой, что высокіе сановники деморализованы и нечестивы. Несчастная Австрійская имперія имѣетъ теперь предзнаменованія такого же рода. Для людей мыслящихъ открытое теперь гигантское воровство ужаснѣе потери Милана и грозящаго венгерскаго возстанія. Не въ томъ дѣло, что вѣтви государства отрываются бурей народной страсти, а въ томъ, что медленная болѣзнь сушитъ корень, и все дерево становится безжизненнымъ, гнилымъ. Извѣстіе, нынѣ печатаемое

нами, омрачаетъ эту и безъ того уже мрачную исторію. Мы знаемъ теперь печальныя обстоятельства смерти барона Брука. Этотъ государственный человѣкъ, справедливо считавшійся однимъ изъ даровитѣйшихъ австрійскихъ министровъ, единственнымъ министромъ способнымъ поправить государственныя финансы, прекратилъ свою жизнь въ тоскѣ и отчаяніи и стыда. Читатель помнитъ, что нѣсколькими тому назадъ было объявлено объ отставкѣ барона Брука; вслѣдъ за тѣмъ пришла вѣсть о его смерти. Таинственная связь этихъ извѣстій, возбуждавшая столько подозрѣній, теперь совершенно объяснена и уже бесполезно молчать о ней. Министръ былъ отставленъ за участіе въ системѣ покражъ, простиравшейся отъ Богеміи до Триюта, и заплатилъ за свою вину тѣмъ, что зарѣзался, принявъ ядъ.

«Судьба этого замѣчательнаго сановника — одно изъ страшныхъ происшествій, оставляющихъ слѣдъ въ исторіи. Министръ финансовъ великаго государства, довѣренный совѣтникъ древняго престола, другъ европейскихъ государственныхъ людей, чтимый гость государей во всѣхъ столицахъ, покровитель промышленности и торговли измѣнилъ своему долгу, обокралъ свою страну и только самоубійствомъ избѣжалъ воздаянія за преступленіе, — это такое событіе, которое не забудется. Его дипломатическая и министерская карьера была чрезвычайно успѣшна, и когда, пять лѣтъ тому назадъ, онъ оставилъ мѣсто посланника въ Константинополѣ, принявъ управленіе финансами Австрійской имперіи, онъ вошелъ на высочайшую степень почестей. Къ несчастію въ то же время началась и система воровства, нынѣ обнаружившаяся. Мы не умѣемъ сказать, на сколько Брукъ участвовалъ въ немъ: былъ-ли онъ руководителемъ въ этомъ плутовствѣ, или только смотрѣлъ сквозь пальцы на незаконныя выгоды другихъ. Но теперь не остается сомнѣнія въ томъ, что дѣло изслѣдуемое нынѣ длилось нѣсколькими лѣтъ. Вѣнскіе и Триестскіе милліонеры роскошествовали на деньги украденныя у государства, это теперь извѣстно.

«Мы читаемъ, что императоръ австрійскій ведетъ изслѣдованіе и наказаніе преступленій съ строгостью, переходящею въ жестокость. Ривольтеля, близкій другъ Брука и одинъ изъ главныхъ триестскихъ негоціантовъ, схваченъ, брошенъ въ тюрьму и съ нимъ обращаются какъ съ самымъ низкимъ преступникомъ. Два другіе магната коммерческаго міра, Грамбилья и Мандольеро, подверглись такой же бѣдѣ. Но не въ одномъ Триестѣ велось воровство. Промышленныя аресты въ разныхъ частяхъ имперіи и съ обвиняемыми повсюду поступаютъ столь же сурово. Въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Триестѣ учреждены комиссіи для изслѣдованія этого дѣла. Можно сказать,

что терроризмъ владычествуетъ въ австрійскомъ обществѣ. Человѣкъ съ чистой совѣстью можетъ не бояться за себя; но онъ не знаетъ, чистъ ли его сосѣдъ отъ заразы воровства, наказывать которую пришлося правительству такъ неохотно. Подробности грабежа еще удерживаются правительствомъ въ глубокой тайнѣ; но извѣстно, что размахъ его громаденъ, что онъ обнималъ собою почти всю имперію, что замѣшано въ немъ множество людей, что эти люди занимали высшія положенія. Мы въ Англіи имѣемъ также тяжкія преступленія, но одною вещью мы можемъ гордиться: какъ ни искусительно богатство, но высшій правительственный міръ давно уже не подвергается у насъ ни уликамъ, ни даже подозрѣнію въ грабежѣ казны. Вышніе гражданскіе и военные сановники одинаково чисты отъ этого стыда».

Читатель помнитъ, какими неистовыми похвалами превозносили несчастнаго министра годъ или два тому назадъ. Теперь по обыкновенію вдругъ нашли, что онъ былъ министръ опрометчивый, легкомысленный, чуть-чуть не бездарный: всѣ газеты наполнены такими отзѣвами объ немъ. Мы не дивились его мудрости, когда всѣ превозносили ея; за то не будемъ и теперь повторять пошлыя порицанія, которыми всегда награждается несчастный оборотъ въ дѣлахъ человѣка, бывшаго кумиромъ во время своего счастья. Брукъ былъ человѣкъ даровитый — это остается безспорно, хотя и каждый видитъ теперь, что онъ ни мало не поправилъ австрійскихъ финансовъ. Дѣло въ томъ, что свои таланты обратилъ онъ на служеніе врагу рода человѣческаго: человѣкъ, продавшій душу сатанѣ, не можетъ сдѣлать ничего хорошаго. При томъ порядкѣ, какой существуетъ въ Австріи, не только Брукъ, а и самъ Робертъ Пиль, самъ Сюзанн не могли бы поправить финансовъ. Правда, они бы и не взялись поправлять ихъ, потому что не могли бы принять на себя званіе министровъ такой системы. Онъ долженъ былъ давать финансовыя средства для угнетенія, для оффиціального разбоя, для истребленія всего честнаго и добраго, для мотовства, ханженства, мракобѣсія. Для такой системы не достанетъ никакихъ финансовыхъ средствъ и при ней изсякаютъ всѣ источники финансовыхъ средствъ, потому что убивается энергія народа и раззоряется страна. Тутъ не поможешь ни сдѣлками съ французскимъ *Crédit Mobilier*, ни банкирскими оборотами, ни продажою государственныхъ имуществъ, ни возвышеніемъ налоговъ, — ни чѣмъ не поможешь. Но самъ по себѣ Брукъ былъ даже — чему теперь никто не хочетъ вѣрить — человѣкъ честный. Онъ вошелъ богатымъ купцомъ въ министерство, жилъ такъ скромно, что не имѣлъ ни собственныхъ лошадей, ни серебрянныхъ сервизовъ, ни даже такого платья, какое носятъ са-

мые небогатые свѣтскіе люди; всей серебряной посуды въ его домѣ не было и пятнадцати фунтовъ, ни одной бутылки вина не нашлось въ его погребѣ, не было у него и любовницъ. Стало быть онъ не моталъ деньги, а все его имущество оказалось непростирающимся и до 375,000 рублей: навѣрное онъ былъ богаче, когда вступалъ въ министерство. Отчего же его смерть, откуда этотъ скандалъ, эта постыдная отставка, эти приготовленія тащить его въ тюрьму, какъ вора, весь этотъ позоръ, котораго онъ не вынесъ? Все оттого, что онъ былъ, каковъ бы онъ ни былъ, гораздо лучше другихъ австрійскихъ министровъ. Онъ сколько могъ противился слишкомъ крайнимъ реакціоннымъ мѣрамъ, не любилъ іезуитовъ, не шелъ къ восстановленію средневѣковаго порядка, потому всѣ остальные министры ненавидѣли его: онъ былъ помѣхою ихъ благимъ намѣреніямъ. Да, его несчастная кончина — событіе примиряющее насъ съ нимъ: жизнь свою онъ употребилъ на служеніе злодѣямъ, но умеръ за то, что самъ не былъ злодѣемъ. А громадное систематическое воровство? Не при немъ оно началось, не ему было остановить: такъ было въ Австріи искони вѣковъ, такъ будетъ продолжаться, пока будетъ держаться нынѣшняя система. Теперь въ Австріи честивѣйшій сановникъ можетъ только не воровать самъ (Брукъ самъ и не воровалъ), но не можетъ помѣшать воровству другихъ, какое бы высокое мѣсто не занималъ. Брука обвинили за то, что по его вѣдомству дѣлалось при немъ то, что всегда дѣлалось и дѣлается въ Австріи по всѣмъ вѣдомствамъ: подрядчики и поставщики давали взятки, чтожь тутъ особеннаго? Каждому въ Австріи всегда было извѣстно, что безъ этого не бываетъ въ Австріи никакихъ подрядовъ и поставокъ.

Кому теперь была бы охота слушать рассказы о внутреннихъ дѣлахъ какого нибудь государства, если эти дѣла не служатъ еще слишкомъ явнымъ указаніемъ на близость потрясеній, подобныхъ итальянскимъ? Потому мы только двумя словами упомянемъ, что во Франціи все чаще и чаще повторяются факты, сами по себѣ не важные, но показывающіе, что пробужденіе національной жизни, начавшееся года три тому назадъ, продолжается, не задерживаясь даже такими крайними средствами къ развлеченію отъ внутреннихъ дѣлъ, какими была прошлогодняя война и какимъ вѣроятно будетъ скоро какаядь-нибудь другая война, на Рейнѣ или въ Италіи, на востокъ или на западныхъ моряхъ. Потребность возвратить утраченные политическія права постоянно усиливается. Представить новое доказательство тому недавно потрудился, — кто бы вы думали? — французскій сенатъ. Читателю извѣстно, что Франція недовольна тою гласностью, которою теперь пользуется, и хочетъ какого-то иного простора для

совѣщаній о національныхъ дѣлахъ. Въ прошломъ году мы нѣсколько разъ приводили факты, относящіеся къ этому стремленію, и помѣстили объ одномъ изъ нихъ отдѣльную довольно большую статью. Если мы не каждый мѣсяцъ упоминаемъ о подобныхъ новыхъ фактахъ, то лишь потому, что было бы утомительно каждый разъ возвращаться къ одному предмету; а стремленіе это каждый мѣсяцъ выражается нѣсколькими признаками, постоянно усиливающимися, хотя и до сихъ поръ все еще не очень сильными. Зараза дурнаго желанія распространилась до того, что коснулась даже императорскаго сената: онъ рѣшилъ, что будетъ, когда ему покажется нужно, печатать произносимыя въ немъ рѣчи вполнѣ и въ подлинномъ видѣ, а не въ сухихъ и невѣрныхъ извлеченіяхъ, какія исключительно печатались до сихъ поръ. Отъ французскаго сената нельзя ждать рѣчей, которыя стоили бы быть напечатанными; но важность не въ томъ, что кому нибудь любопытно или полезно читать рѣчи французскихъ сенаторовъ, а въ томъ, что даже эти сенаторы обнаруживаютъ претензію вести совѣщанія способомъ достойнымъ парламента, а не тѣмъ, какими ведутъ ихъ теперь.

По всему видно, что пора было бы во Франціи приступить къ удовлетворенію требованій подобнаго рода. Быть можетъ, общество желаетъ вещей вредныхъ для государства, или по крайней мѣрѣ губительныхъ для существующаго порядка; быть можетъ, для государства, или по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ находящихся въ странѣ людей, было бы гораздо полезнѣе, если бы нація довольствовалась гласностью; но что дѣлать? удовлетворить усиливающемуся требованію все таки было бы лучше даже и для этихъ людей, считающихъ подобныя требованія неосновательными, потому что черезъ это они избавились бы отъ непріятностей, гораздо чувствительнѣйшихъ, какими обыкновенно сопровождается для упорствующаго процессъ вѣдѣнія у него безъ его согласія тѣхъ вещей, которыхъ онъ не уступаетъ добровольно, когда обязанъ уступить. Объ этомъ довольно справедливо рассуждаетъ Times по поводу рѣчи, произнесенной Бульверомъ, изъ плохихъ романистовъ обратившимся въ плохаго, но очень краснорѣчиваго государственнаго человѣка. Читатель знаетъ, что военныя опасенія отвлекли вниманіе англійской націи отъ внутреннихъ дѣлъ, и что поэтому дѣло о парламентской реформѣ идетъ очень вяло: тори надѣются даже замаять его, думая, что націи недостанетъ спрашивать у нихъ отчета за то. Въ числѣ другихъ поднялся и Бульверъ, одинъ изъ упорныхъ тори. Вотъ что замѣчаетъ на его слова Times, который самъ тоже не желаетъ парламентской реформы, потому что пишется людьми изъ тѣхъ сословій и для людей тѣхъ сословій, которымъ хорошо при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ.

«Сэръ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ предсказываетъ, что новые избиратели будутъ злоумышлять противъ свободы Англiи, продавать свои голоса врагамъ ея, захватятъ власть, уничтожатъ налоги, обанкротятъ казну, размножатъ число должностей и унижатъ политику до ремесла самыхъ пошлыхъ людей въ обществѣ. Предсказанiя страшныя; но если и совершенно принять ихъ справедливость, все-таки остается вопросъ о томъ, не представляется ли необходимость сдѣлать значительный шагъ по демократическому направленiю? Развѣ парламентская реформа предметъ отвлеченныхъ соображенiй? Нынѣшнее положенiе вещей, требующее реформы, составляетъ послѣдствiе реформы 1832 года. Тогдашнiе противники ея говорили тоже, что говорилъ вчера сэръ Эдуардъ; они предсказывали отъ нея шаткость правительства, затруднительность парламентской дѣятельности, увеличенiе избирательныхъ подкуповъ, неизбѣжность дальнѣйшихъ уступокъ и множество подобныхъ вещей. Положимъ, что все это такъ, а все-таки безспорно, что мы должны сдѣлать парламентскую реформу. У насъ нѣтъ свободы выбора въ этомъ случаѣ.

«Да весь вопросъ между людьми имѣющими власть и людьми требующими ея приводится къ вопросу о силѣ. Католики, диссиденты, евреи получили политическiя права не потому, чтобы люди, имѣвшие тогда власть, считали ихъ требованiя справедливыми, не потому чтобы находили, что парламенту и администрацiи полезно будетъ допущенiе католиковъ, диссидентовъ и евреевъ къ должностямъ, а просто потому, что нельзя было не сдѣлать этого. Опытъ послѣднихъ пяти или шести лѣтъ убѣдилъ всѣхъ разсудительныхъ людей, — не въ томъ, что выборы улучшатся отъ увеличенiя числа избирателей, но въ томъ, что улучшится отъ этой реформы составъ парламента, а въ томъ, что надобно согласиться на эту реформу, хотя бы она и не обѣщала пользы, хотя бы даже она была вредна. Теперь національныя дѣла затруднены. Теперь во власти радикаловъ поднять знамя реформы и собрать вокругъ себя столько недовольныхъ, что парламентское большинство разрушается и разстроивается парламентская дѣятельность. Нынѣшнее положенiе дѣлъ, мало того, что дурно, оно невыносимо, потому что оно не допускаетъ ничего дѣлать. Самъ сэръ Эдуардъ со всею консервативною партiею помогаетъ дѣлу парламентской реформы, — разумѣется, не по любви къ нему, а все-таки помогаетъ. Пусть мистеръ Врайтъ или какой нибудь другой реформаторъ, имѣющій въ парламентѣ значенiе только потому, что требуетъ реформы, — пусть онъ захочетъ низвергнуть министерство виговъ, — онъ всегда можетъ рассчитывать на поддержку со стороны тори и такимъ образомъ тори постоянно придадутъ въ весь его требованiю, чтобы а

дана была реформа. Да, тутъ вопросъ состоитъ только въ силѣ, и мы должны принимать ее въ расчетъ, какъ мореходецъ принимаетъ въ расчетъ силу вѣтра и теченій. Мы должны рассчитать, какую уступку должны мы сдѣлать, какая уступка будетъ достаточна, чтобы отдѣлаться намъ отъ этого вопроса и обезоружить реформаторовъ. Сила мистера Брайта въ томъ, что онъ требуетъ реформы, въ томъ, что онъ, какъ только захочетъ, можетъ вынудить министровъ внести въ парламентъ билль о реформѣ. Сдѣлайте умѣренную реформу и онъ потеряетъ силу въ парламентѣ.

«Все краснорѣчіе сэра Эдуарда ведетъ только къ тому, что значительное увеличеніе числа избирателей имѣетъ свою дурную сторону,—въ этомъ мы совершенно согласны съ нимъ. Онъ говоритъ, что опасность находится въ легковѣрїи, невѣжествѣ и опрометчивости рабочихъ классовъ; въ томъ, что жизнь ихъ тяжела, что работа не даетъ имъ времени на умственное развитіе, на приобрѣтеніе здравыхъ понятій; въ томъ, что они находятся въ зависимомъ положеніи, что единственный выгодный шансъ для нихъ потрясеніе общественныхъ отношеній. Правда. Мы видимъ, мы чувствуемъ теперь, что это правда: рабочіе классы оставовили законодательную дѣятельную дѣятельность, поочередно низвергаютъ лорда Пальмерстона и лорда Дерби. Что же намъ дѣлать? Сэръ Эдуардъ не говоритъ намъ этого. Но качества, по мнѣнію сэра Эдуарда вредныя въ избирателяхъ, не менѣе вредны и въ людяхъ, неимѣющихъ голоса на выборахъ. Рабочіе классы хотятъ политическихъ правъ; это не доказательство ихъ достоинства пользоваться правами, но это причина тому, что мы должны дать имъ права, достойны ли они или недостойны. Если поднимать отвлеченный вопросъ о достоинствѣ, то кто изъ насъ достоинъ? Король Неаполитанскій думаетъ, что всѣ его подданные недостойны политическихъ правъ, но они, какъ видимъ, не способны и жить безъ нихъ.»

Очень умно. Вотъ хорошо было бы, если бы всѣ такъ разсуждали. Но въ томъ и штука, что не всѣмъ возможно имѣть такой разсудительный взглядъ на вещи. Почему Times имѣетъ силу хладнокровно понимать необходимость уступки, которой самъ не желаетъ, выгоду скорѣе исполнить дѣло, которое ему непріятно, но отъ исполненія котораго не уйдешь никакими отвиливаніями, и отвиливанія отъ котораго приведутъ только къ чувствительнѣйшимъ непріятностямъ? Потому, что для самаго Times'a, для газеты и для публицистовъ, пишущихъ въ ней, прямого вреда отъ парламентской реформы не будетъ: вліяніе журналистики на общественное мнѣніе не уменьшится, число подписчиковъ не уменьшится, положеніе публи-

цистовъ не станеть хуже. А кому дѣло приносить личный вредъ, тѣ никогда и никакъ не сѹмѣють во время понять его неизбѣжность и непремѣнно затянуть его до того, что подвергнутся изъ за него неприятностямъ, еще гораздо худшимъ для нихъ, чѣмъ само это дѣло. Это уже такъ водится на свѣтѣ.

Р. S. 19 мая. Прочитавъ депешу, говорящую, что Гарибальди вступилъ въ Палермо, мы разумѣется совершенно измѣняемъ свое понятіе о сицилійцахъ, и отрекаемся отъ всего, что говорили о нихъ въ предъидущей статьѣ, кромѣ словъ, которыми отдавали справедливость ихъ мужеству. Мы могли порицать ихъ, пока они не достигли успѣха. Но успѣхъ дѣла измѣняетъ и названіе его. Если бы Козьма Миничъ Сухорукій не имѣлъ успѣха, мы называли бы его безпокойнымъ, безумнымъ, а теперь каждый изъ насъ знаетъ, что онъ былъ спаситель отечества. Точно также, мы теперь совершенно отрекаемся отъ столь основательно изложеннаго нами мнѣнія въ защиту неаполитанской системы. Мы теперь прозрѣли и увидѣли, что она несостоятельна.

Мы полагали, что это отреченіе прійдется намъ сдѣлать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Читатель видитъ, что развязка пришла быстро, чѣмъ ожидали мы.

Р. P. S. *Черезъ два часа послѣ предъидущей приписки.* Справившись духомъ отъ перваго потрясенія, произведеннаго въ насъ извѣстіемъ о взятіи Палермо, мы возвращаемся къ прежнимъ нашимъ принципамъ, отъ которыхъ легкомысленно отреклись—было на минуту. Неаполитанская система хороша. Сицилійцы — ослѣпленною безумцы. Гарибальди — разбойникъ. Беззаконіе торжествуетъ въ Сициліи, можетъ восторжествовать и въ Неаполѣ, какъ восторжествовало въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Романѣ, можетъ восторжествовать на всемъ Западѣ. Но мы стоимъ на скалѣ, которой не коснутся волны его.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ. — НОВЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ О КАЗЕННЫХЪ ВОСПИТАНИЦКАХЪ И НѢКОТОРЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. — ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ СТАТЬЯХЪ РЕКРУТСКАГО УСТАВА. — ВВЕДЕНІЕ ОБРОЧНАГО ПОЛОЖЕНІЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОДСКОМЪ. — ИНОСТРАННЫЕ КОЛОНИСТЫ ВЪ РОССИИ. — НѢСКОЛКО ПЕЧАЛЬНЫХЪ ФАКТОВЪ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧАГО И ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СОСЛОВІЯ ВЪ РОССИИ. — ИВЖИНСКІЕ ГРЕКИ. — ЕЩЕ ОБЪ ОТКУПАХЪ И ОТКУПНЫХЪ КОМАНДАХЪ.

Дѣло воскресныхъ школъ, о которомъ было упомянуто въ прошломъ обзорѣнн, продолжаетъ развиваться. Теперь на него уже обращено официальное вниманіе, и слѣдовательно въ развитіи его нужно ждать новыхъ фазисовъ. Но что бы ни было впереди, мы считаемъ любопытными уже и тѣ факты, которые до сихъ поръ обнаружались въ этомъ дѣлѣ.

Честь перваго открытія воскресныхъ школъ принадлежитъ студентамъ кievскаго университета, которые, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора П. В. Павлова (безъ него, по словамъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей» (*), и не состоялись бы воскресныя школы), пожелали безкорыстно потрудиться на благо народа. Въ Кіевѣ существуютъ теперь двѣ такихъ школы: Подольская и Новостроенская. Первая открыта 11, вторая 25 октября прошлаго года. При открытіи первой пришло учиться до 50 человѣкъ, при открытіи второй — 34 человѣка; затѣмъ число записавшихся въ По-

(*) № 9, 13 января; литературный отдѣлъ: Кіевскія письма.

дольскую школу дошло до 110 человекъ и еженедѣльно въ ней бывало среднимъ числомъ 67—80 учениковъ; въ Новостроенской же школѣ записавшихся — 148, а число являвшихся для ученья въ каждый воскресный день доходить до 60. Между учащимися въ обѣихъ школахъ есть православные, католики, лютеране, малороссы, великороссы, поляки, евреи, нѣмцы; крестьяне помѣщичьи и казенные, козаки, однодворцы, вольноотпущенные, кантонисты, мѣщане, купцы и дворяне; — изъ нихъ слишкомъ 30 человекъ уже взрослые, отъ 20 до 30 лѣтъ. Мѣстный элементъ преобладаетъ: между учениками воскресныхъ школъ всего болѣе малороссовъ (196 чел.). По сословіямъ первое мѣсто занимаютъ помѣщичьи крестьяне (101 чел.); затѣмъ идутъ мѣщане (58 чел.), кантонисты (34 чел.), казенные крестьяне (31 чел.), дворяне (10 чел.), купцы (6 чел.), однодворцы (4 чел.), козаки (3 чел.) и вольноотпущенные (2 чел.) (*). Напечатанные въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (**) отчеты гг. Проценко и Слѣпушкина, наблюдавшихъ, по отъѣздѣ изъ Кіева профессора Павлова (переведеннаго въ Петербургъ), за ходомъ преподаванія въ школахъ, представляютъ весьма утѣшительные результаты: въ 20 учебныхъ дней нѣкоторые ученики сдѣлали такіе успѣхи, что знаютъ даже всѣ четыре дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ. Кстати здѣсь сказать, что при преподаваніи ариѳметики имѣлось въ виду развитіе въ учащихся навыковъ къ быстрому умственному счисленію. Кромѣ того, предполагается ознакомить тѣхъ изъ учащихся, кому это будетъ особенно полезно, съ правилами: тройнымъ, учета векселей, товарищества, смѣшенія, а также со счисленіемъ на счетахъ. Вообще молодые наставники въ воскресныхъ школахъ трудились весьма усердно: это замѣтно не только по успѣхамъ учениковъ, но и по методамъ, выбраннымъ для преподаванія, — такъ гг. Вороной и Шульженко, занимавшіяся совершенно неграмотнымъ отдѣленіемъ, сами придумали особые методы. Всѣ формы и приемы школьной жизни вырабатывались постепенно, пока не достигли своего настоящаго положенія. «Всякая новая мѣра, говорить г. Слѣпушкинъ: — всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ педагогическомъ совѣтѣ, происходившемъ во время уроковъ вѣроученія. Послѣ обсужденія дѣла, раскрывавшаго различныя стороны вопроса, большинствомъ голосовъ принималось определенное рѣшеніе. Вообще эти совѣты, какъ равно и школа, независимо ближайшихъ результатовъ, были въ высшей степени полезны,

(*) Здѣсь кстати сказать, что приемъ и увольненіе учениковъ не сопровождается никакими формальностями, кромѣ только обыкновенной записки въ книгу.

(**) №№ 17 и 21.

развивая въ участвующихъ педагогическій смыслъ, и приготовляя многихъ изъ нихъ къ будущей педагогической дѣятельности. На совѣтахъ и при занятіяхъ присутствовали также профессоръ Павловъ, которому вмѣстѣ со мною былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія». Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ подробности о нѣкоторыхъ изъ педагогическихъ соображеній, которыми руководствовались при преподаваніи въ воскресныхъ школахъ. «При практическомъ взглядѣ нашего народа на образованіе, говоритъ онъ: — нужно обратить особенное вниманіе на то, чтобы количество знаній учениковъ было какъ можно очевидно для ихъ родителей и близкихъ. Поэтому, какъ ни желательно обратить особенное вниманіе на классъ чтенія, чтобы вызывать, при встрѣчѣ разныхъ словъ, учениковъ на размышленіе, что способствовало бы ихъ развитію, по должно остерегаться, чтобы погнавшись за большимъ, не потерять малаго: отецъ можетъ спросить сына, чему учили его въ школѣ сегодня, а сынъ не покажетъ ему осязательно своихъ свѣдѣній. Оттого признаю за лучшее, тѣхъ учениковъ, которые еще плохо читаютъ, учить просто читать, а съ тѣми, которые уже бойко читаютъ, читать популярно-утилитарныя книги и здѣсь уже прямо излагать свѣдѣнія болѣе подробныя, нежели въ книгѣ, если это покажется нужнымъ, и вступать въ разсужденія. *Народное Чтеніе* своими статьями по географіи, исторіи и естественнымъ наукамъ можетъ служить хорошимъ основаніемъ для подобныхъ уроковъ. Очень жаль, что другихъ книгъ хорошихъ для народа нѣтъ, или есть, да дороги. Напримѣръ, полезны были бы *Миръ Божій*, г. Разина, и *Природа и Люди*, но цѣна ихъ такъ высока (*Миръ Божій* — 3 р. 75 коп., а *Природа и Люди* за выпускъ, меньше, чѣмъ въ палецъ толщиной, — 1 р. 50 к.), что при небольшихъ средствахъ школы, онѣ почти недоступны. Мы думаемъ, что даже цѣна *Печерскаго Края*, издавна г. Щепкинымъ, (60 к.) дорога. Книжки же г. Золотова, приложенныя имъ къ своей методѣ обученія чтенію, совершенно неудовлетворительны: въ нихъ помѣщено нѣсколько басенъ Крылова и пѣсенъ Кольцова, нѣкоторые вовсе неинтересныя стихи Жуковскаго (*Гроза, пѣсня Бѣдника*, и проч.), между тѣмъ, какъ ученики съ жадностью бросаются на разказы и свѣдѣнія по географіи и естественнымъ наукамъ» (*).

(*). Конечно, въ дѣлѣ народнаго образованія, существенно-важный вопросъ заключается въ томъ также, чтобы доставить обученному грамотѣ простолюдину хорошее чтеніе. Въ подольской школѣ недавно стала образовываться изъ добровольныхъ пожертвованій бібліотека, г. Слѣпушкинъ надѣется, что скоро въ ней будетъ достаточное количество книгъ.

Любопытно, какимъ образомъ дѣло воскресныхъ школъ принимается хозяевами мастерскихъ.

Противъ кievскихъ воскресныхъ школъ ясно выразилось ихъ неудовольствіе. Нѣкоторые осмѣлились вовсе не пускать мальчиковъ въ школы, а иные не давали обуви; кромѣ того, они грозили мальчишкамъ. Такъ хозяйка одной мастерской сказала своимъ ученикамъ: «ходите въ школу, если хотите, но вы должны будете лишній годъ служить мнѣ даромъ — я за васъ плачу». Бѣднаги-ученики, рассказавшіе про это, просили не говорить хозяйкѣ, — а то «катовать будетъ». Изъ другихъ мастерскихъ мальчики тоже жаловались, а на вопросъ, можно ли поговорить хозяйинѣ? отвѣчали: — «ничего! двухъ кожъ не сдереть». «Вообще, говорятъ, — сообщаетъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» — мальчики, посѣщающіе школу, не пользуются благоволеніемъ хозяевъ». Этого и надо было ожидать отъ нашихъ хозяевъ-ремесленниковъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ представляющихъ образецъ невѣжества. Давно когда-то, въ дѣтскіе годы свои, сами они натерпѣлись вдоволь горя и нужды — и зло дало свой плодъ: ихъ такъ и тянетъ теперь выместить на другихъ все, что сами испытали; имъ уже недоступно сознаніе чловѣческаго достоинства, развитіе котораго такъ много зависитъ отъ образованія.

Были извѣстія, что въ Кіевѣ въ скоромъ времени будетъ открыто при пансіонѣ г. Нельговской женская воскресная школа, и что съ января начнутся воскресныя чтенія для народа, которыя уже и разрѣшены, — однако, впослѣдствіи намъ уже не попадались извѣстія объ этомъ и, надо думать, что, какъ женская воскресная школа, такъ и воскресныя чтенія для народа еще не осуществились на дѣлѣ. Особенно жаль, что не состоялись послѣднія: они могли бы замѣнить недостатокъ дешевыхъ книгъ для народа.

«Харьковскія Губернскія Вѣдомости» (*) сообщали, что нѣкоторые изъ студентовъ тамошняго университета, слѣдуя примѣру своихъ кievскихъ собратьевъ, ходатайствуютъ тоже о дозволеніи открыть въ Харьковѣ воскресныя школы для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще для неграмотныхъ людей; но затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ предпріятіи мы уже не встрѣчали.

Въ южной Россіи дѣло учрежденія воскресныхъ школъ идетъ довольно успѣшно: въ Елисаветградѣ, Симферополѣ и Одессѣ онѣ уже открыты, въ Кишеневѣ просятъ объ открытіи двухъ школъ: для мужчинъ и для женщинъ; въ Керчи готовятся къ ихъ устройству. Въ Одессѣ открыто всего пять школъ и всѣ они пользуются боль-

(*) №№ 3 и 7-я.

шить сочувствіемъ народа: такъ, напримѣръ, въ школу при 2-й гимназіи явилось вдругъ болѣе 100 мальчиковъ, взрослыхъ мужчинъ и даже женщинъ. Многіе изъ нихъ знаютъ уже грамоту, но хотятъ приобрести и еще кое-какія, полезныя для нихъ свѣдѣнія, а нѣсколько молодыхъ людей пожелали учиться французскому языку. Замѣчательно то уваженіе, какое простомудрыя и бѣдные люди оказываютъ къ воскреснымъ школамъ: всѣ они являются въ школы въ опрятномъ видѣ и соблюдаютъ такую чистоту въ классахъ, что по словамъ сельтониста «Одесскаго Вѣстника», многіе и грамотные люди могли бы научиться у нихъ въ этомъ отношеніи. Въ февралѣ мѣсяцѣ открыта воскресная школа въ Рязани. Съ разу поступило въ нее 22 мальчика, и хотя нашлись между хозяевами-ремесленниками такіе, которые, какъ и въ Кіевѣ, не пускаютъ своихъ учениковъ въ школу, однако многіе другіе хозяева содѣйствовали учрежденію ея денежными средствами. Послѣдній фактъ доказываетъ, что и въ классѣ нашихъ ремесленниковъ-хозяевъ, несмотря на всѣ крайне неблагоприятныя обстоятельства ихъ быта, обуславливающія грухъ бость понятій и закоренѣлое невѣжество, нѣтъ общаго противодѣйствія дѣлу образованія. Недавно студенты нѣжинскаго лицея тоже изъявили желаніе учредить воскресную народную школу. Директоръ лицея уже представилъ объ этомъ попечителю округа. Не знаемъ, отчего именно зависить остановка въ учрежденіи воскресныхъ школъ въ Москвѣ: «Акціонеръ», уже слишкомъ два мѣсяца тому назадъ, извѣщавъ, что въ Москвѣ, по примѣру Кіева, открываются бесплатныя воскресныя школы, преимущественно для ремесленнаго и мѣщанскаго сословія, и что обученіе въ этихъ школахъ приняли на себя студенты московскаго университета; однако все еще нѣтъ свѣдѣній объ открытіи школъ. Есть тоже и въ Казани предположеніе учредить воскресныя школы для ремесленниковъ и вообще неграмотныхъ людей. Преподавать въ нихъ будутъ студенты подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ университета. Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (*) говоритъ, что учредители приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы поступленіе въ школу не было сопряжено съ формальностями. Желали бы мы знать, въ чемъ состоятъ эти мѣры, посредствомъ которыхъ учредители казанскихъ воскресныхъ школъ хотятъ избавиться отъ формальностей.

Въ 72 номерѣ «Сѣверной Пчелы» напечатанъ слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній:

«Въ нѣкоторыхъ городахъ, для распространенія грамотности и развитія нравственности въ ремесленномъ классѣ, признано полезнымъ

(*) № 49-й.

учредить воскресныя школы для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ. Такимъ образомъ, въ Архангельскѣ оказалось возможнымъ открыть воскресную школу для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы по воскресеньямъ, послѣ ранней обѣды, обучать ихъ не болѣе полутора часа грамотѣ по простой методѣ, преподавать правила христіанской вѣры и занимать учениковъ воскреснымъ чтеніемъ. Для этой школы назначено бесплатное помѣщеніе въ домѣ архангельскаго женскаго попечительнаго о бѣдныхъ общества. По распоряженію мѣстнаго духовнаго начальства, назначается каждое воскресенье въ школу одинъ учитель изъ высшихъ классовъ семинаріи, для занятія съ мальчиками. Преподавателямъ этимъ не опредѣлено особой платы, но если деволютъ средства попечительнаго общества о бѣдныхъ, предположено выдать за преподаваніе вознагражденіе изъ суммъ общества. Подобнымъ образомъ, въ С.-Петербургѣ дозволено открыть нѣсколько таковыхъ школъ, для обученія чтенію, письму, закону Божию, ариметикѣ, черченію и основнымъ познаніямъ въ ремеслахъ: помѣщенія для школъ отводятся въ квартирахъ городскихъ училищъ, а на содержаніе ихъ, составляющее незначительную ежегодную издержку, отпускаются деньги изъ суммъ цеховаго общества.

«Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ, и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ (по С.-Петербургу и Архангельску), можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, я, по соглашеніи съ г. министромъ народнаго просвѣщенія, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городахъ, то соображенія ваши по сему предмету не оставьте сообщить въ министерство, для дальнѣйшихъ распоряженій. При начертаніи соображеній объ учрежденіи воскресныхъ школъ, необходимо принять въ основаніе, что школы эти должны состоять въ вѣдѣніи мѣстныхъ училищныхъ начальствъ, и что самыя предположенія объ устройствѣ школъ подлежатъ предварительно сообщать на заключеніе губернскихъ директорамъ училищъ, коимъ по уставу училищъ подчинены всѣ училища въ губерніяхъ, и которымъ ближе всего извѣстны потребности учебныхъ заведеній, по части учебной и воспитательной, и общее направленіе ихъ къ одной цѣли.»

Въ циркулярѣ этомъ оговорено, что губернаторы должны сообщать въ министерство свои соображенія объ учрежденіи воскресныхъ школъ только въ томъ случаѣ, если по мѣстнымъ обстоятельствамъ «представляется возможность» завести такія школы. Будемъ желать, чтобы подобная возможность представилась во всѣхъ городахъ и городкахъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ циркулярѣ признается, что устройство воскресныхъ школъ можетъ

быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, — значить, *мѣстныхъ обстоятельствъ* не могутъ представлять въ этомъ случаѣ затрудненій.... Такое простое дѣло, каково устройство воскресной школы, не требуетъ, при доброй волѣ, особенныхъ хлопотъ и соображеній : школа эта можетъ помѣщаться даромъ при гимназій, уѣздомъ или приходскомъ училищѣ, когда не бываетъ въ нихъ классныхъ занятій для постоянныхъ учениковъ; учебные предметы: книги, бумага, карандаши, перья и проч. стоятъ такую бездѣлицу, что ненадо *изыскивать* особыхъ средствъ для удовлетворенія этой потребности и самая скудная городская дума можетъ доставить ихъ безъ обремененія своего бюджета. Нельзя тоже опасаться недостатка въ преподавателяхъ : опытъ уже показалъ, что охотно явятся люди, желающіе способствовать посильнымъ трудомъ своимъ распространенію въ народѣ грамотности ; надо только наблюдать, чтобы въ среду ихъ не проскользнули тѣ ревностные педагоги, какіе еще господствуютъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, педагоги, считающіе необходимымъ, при передачѣ учащемуся юношеству плодовъ науки, пускать въ ходъ дисциплину, вооруженную пучками розогъ....

Надѣмся, что прекрасный примѣръ кіевскихъ студентовъ вызоветъ и дальнѣйшее соревнованіе къ учрежденію воскресныхъ школъ; но мы совѣтовали бы въ такомъ случаѣ придавать гласность самому началу предпріятія, то есть : когда начато ходатайствованіе объ открытіи школы, какими путями пошло и идетъ оно и проч. — все это должно быть интересно для общественнаго мнѣнія.

Относительно воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, состоялись въ послѣднее время, между прочимъ, слѣдующія облегчительныя распоряженія :

Воспитанники московскаго ремесленнаго учебнаго заведенія, кончившіе курсъ въ рабочемъ разрядѣ, съ званіемъ мастеровъ или подмастерьевъ, изъяты отъ личной рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія, примѣняясь къ статьѣ 246 Св. Зак. Т. XI. Уст. о Промышл. (изд. 1857 г.), по которой преимущество это даровано обучающимся въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, съ соблюденіемъ при этомъ, относительно воспитанниковъ ремесленнаго учебнаго заведенія, и условий, сею статьею узаконенныхъ.

Сокращеніе срока обязательной службы за воспитаніе въ константиновскомъ межевомъ институтѣ и школѣ межевыхъ топографовъ, для казенныхъ воспитанниковъ на пять лѣтъ, а своекоштнымъ предоставлено пользоваться правами заведенія безъ всякаго обязательнаго срока.

Предоставлено министерству внутренних дѣлъ увольнять безъ особенныхъ взысканій и обязательствъ, медицинскихъ пансіонеровъ въ гимназіяхъ, которые, по окончаніи курса, не чувствуя въ себѣ способностей и призванія къ медицинѣ, будутъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ обязанности посвятить себя изученію медицинскихъ наукъ.

Этими постановленіями признано, что человекъ, получившій, хоть бы и на казенный счетъ, образованіе, можетъ принести существенную пользу обществу и безъ обязанности прослужить въ теченіе извѣстнаго срока. Обязанность эта была тягостна тѣмъ особенно, что лишала человека, получившаго на казенный счетъ образованіе, возможности свободно выбирать себѣ по силамъ и средствамъ своимъ какую либо дѣятельность.

Нѣкоторыя статьи Устава Рекрутскаго измѣнены и дополнены мнѣніями государственнаго совѣта, Высочайше утвержденными:

Въ участкахъ, отправляющихъ рекрутскую повинность по очередямъ семействъ, при раздѣлѣ многорабочаго семейства на два или болѣе, прежняя рекрутская послуга предоставляется остающейся на прежнемъ мѣстѣ части семейства, если часть эта по числу ревизскихъ душъ мужескаго пола составляетъ большую половину всей семьи и если общество участка признаетъ оставленіе за нею послуги нужнымъ. Это же правило наблюдается и въ случаѣ перечисленія нѣкоторыхъ членовъ семьи въ другіе участки или званія; кромѣ того соблюдаются при этомъ правила 98 статьи Устава Рекрутскаго, а статья 74 сего устава о томъ, что при раздѣлѣ семейства въ каждой части его должно быть не менѣе трехъ работниковъ, къ дѣламъ сего рода не относится.

Когда вслѣдствіе семейнаго раздѣла должна уничтожиться прежняя рекрутская послуга, то раздѣлъ дозволяется не иначе, какъ при согласіи на обій старшихъ членовъ всѣхъ частей семьи.

Въ участкахъ, отправляющихъ рекрутскую повинность по жеребьевому порядку, при опредѣленіи правъ на изыятія отъ призывовъ къ жеребью по семейному положенію, — состоящіе въ семействахъ незаконнорожденные считаются наравнѣ съ прочими членами семьи, примѣняясь къ правиламъ о приемышахъ, — если только эти незаконнорожденные приписаны къ семейству установленнымъ порядкомъ, были воспитаны въ немъ, и участвуютъ, вмѣстѣ со всѣми односельянами, въ отправленіи лежащихъ на семействѣ повинностей и въ доставленіи принадлежащихъ къ оному средствъ содержанія.

Дарованное государственнымъ крестьянамъ право передавать въ казну квитанціи, выданныя имъ за ратниковъ бывшаго государ-

ственного подвижного ополченія, распространяется и на приобретателей ратническихъ квитанцій изъ прочихъ сословій свободного состоянія.

Въ случаѣ, если незаконно-отданный обществомъ въ рекруты, изъявитъ желаніе остаться на службѣ до истеченія общаго срока; для солдатъ положеннаго, или умереть на службѣ, или же безъ вѣсти пропадетъ и по публикаціи не отыщется, то другой рекрутъ, вмѣсто его, не требуется, но съ общества, незаконно его отдавнаго, взыскивается сто-пятьдесятъ руб. сер. и деньги эти вручаются: когда незаконно-отданный состоитъ на лицо, — ему самому, а когда онъ умеръ или безъ вѣсти пропалъ, — его семейству.

Опредѣленіе положенія незаконнорожденныхъ въ семействахъ, состоящихъ въ участкахъ, отправляющихъ рекрутскую повинность по жеребьевому порядку, дополняетъ существенный пробѣлъ въ Уставѣ Рекрутскомъ. Замѣчательны также постановленія: опредѣляющее порядокъ зачета послугъ въ семействахъ раздѣлившихся и то, которое полагаетъ взысканіе съ общества за незаконно-отданнаго въ рекруты — въ пользу именно этого незаконно-отданнаго или въ пользу его семейства. При нынѣшнихъ порядкахъ отправленія обществами рекрутской повинности, сколь возможно точнѣйшее опредѣленіе правилъ, по которымъ должна она производиться, составляетъ совершенную необходимость, тѣмъ болѣе важную, что, при неразвитости у насъ въ общинахъ самоуправления, при немѣннѣ ихъ законно отстаивать свои интересы, обращается для нѣкоторыхъ въ повинность тягостную. Составленіе жеребьевыхъ списковъ съ участіемъ чиновниковъ, издержки обществъ на доставленіе рекрутовъ въ мѣста, гдѣ производится наборъ, издержки на ставку ихъ и на полученіе квитанцій — все это по необходимости ведетъ къ расходамъ. Уничтоженію злоупотребленій въ дѣлѣ отправленія рекрутской повинности, конечно, много должны способствовать точнѣйшія правила Рекрутскаго Устава.... Было бы желательно также, чтобы, при пересмотрѣ этого Устава, отмѣненъ былъ законъ, дозволяющій семействамъ, состоящимъ на рекрутской очереди, нанимать за себя такъ называемыхъ «охотниковъ». Наемъ этихъ охотниковъ въ рекруты сопровождается при частныхъ сдѣлкахъ такими злоупотребленіями, которыхъ предупредить, кажется, нельзя никакими административными мѣрами. Во всѣхъ губернскихъ городахъ существуютъ цѣлыя шапки «сводчиковъ», людей, торгующихъ приискиваньемъ охотниковъ. Конечно, крѣпостное право много помогало этому постыждному торгу, но не одни крѣпостные дѣлались и дѣлаются жертвами этого торга, — въ сѣти «сводчиковъ» много попадало и попадетъ

загулявшихъ ремесленниковъ, сиротъ мѣщанъ, исключенныхъ изъ духовнаго званія, оставшихъ приказныхъ, не имѣющихъ еще класнаго чина. Наемъ охотниковъ всегда сопровождается обманомъ, подлогами, даже насильемъ: смертное пьянство и самый грязный, буйный развратъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль или даже мѣсяцовъ, занимаютъ тутъ первое мѣсто. Подробности этого дѣла, съ которыми было бы неудобно знакомить здѣсь, истинно-возмутительны, — мы скажемъ только о его результатахъ, которые, надѣемся, не такого свойства, чтобы оправдать торгъ охотниками. Обыкновенно наниматель охотника («хозяинъ», какъ его называютъ) тратитъ втрое, вчетверо болѣе той суммы, за какую онъ нанимаетъ его: разгулъ охотника лежитъ на его обязанности, а тутъ онъ долженъ угощать не его одного, но и его пріателей, сводчика, помощниковъ сводчика, а все это недешево стоитъ; съ своей стороны, сводчикъ, кромѣ условенной платы за труды свои, всегда съумѣетъ вытлупить и еще много денегъ на разныя хлопоты. И тутъ еще не конецъ, — послѣднее мытарство горше первыхъ: «ставка» охотника ведетъ къ особымъ огромнымъ расходамъ.... Но это еще счастливый исходъ дѣла: часто случается, что охотникъ, взявши задатки да погулявши вдоволь на счетъ нанимателя, или скрывается, или затѣваетъ ссору и отказывается отъ исполненія договора. Обездоленный «хозяинъ» начинаетъ тѣжбу объ этомъ, которая тянется—тянется, чуть не десятки лѣтъ тянется безплодно, а между тѣмъ дѣло не терпитъ отлагательства, — надо тотчасъ же опять хлопотать о наймѣ другаго охотника и хлопотать все по-прежнему. Бываетъ нерѣдко, что послѣ такого найма, «хозяинъ» до-гла разоряется. Неладно сводитъ свои счеты и охотникъ. Во все время разгула своего, пьянства, буйства и разврата страшно надрываетъ онъ свои силы: тѣлесныя и душевныя, надрываетъ именно къ тому времени, когда онъ особенно ему нужны, ибо на первыхъ же порахъ нелегкой вылучки рекрутской жутко ему придется отъ своего брата-солдата, который обыкновенно недоброжелательно смотритъ на охотника, продавшаго свою волюшку за деньги. Да и кровныя денежки, взятая охотникомъ съ «хозяина», нейдутъ ему въ прокъ: растрчиваются они за разбитую во время пьянства по трактирамъ посуду, уходятъ и еще на худшія траты.... Только сводчики, ихъ помощники, да тѣ люди, которые окончательно «прикладываютъ руку» къ этому позорному дѣлу, только они и остаются въ барышакъ. Въ газетѣ «Амуръ» (№ 2) мы нашли два мѣстныхъ административныхъ распоряженія, которыя отчасти указываютъ на нѣкоторыя особенныя стороны найма охотниковъ. Въ первомъ изъ нихъ говорится, что въ иркутское рекрутское присутствіе часто пред-

ставляются, для предварительнаго освидѣтельствованія въ годности къ военной службѣ, охотники или наемщики *молодые узаконенные* *льготы*. Для предупрежденія въ этомъ случаѣ напрасныхъ расходовъ со стороны наемателей, мѣстное начальство сдѣлало известнымъ по Иркутской губерніи, что охотники, которымъ нѣтъ 20 лѣтъ по ревизскимъ сказкамъ, не будутъ допускаемы къ предварительному освидѣтельствуванію въ рекрутскомъ присутствіи. Значитъ, бывали опыты, что спозаранку нанимались въ охотники, люди несовершеннолѣтніе, неокрѣпшіе разумомъ и волею. Хороши же послѣдствія должны выходить изъ всего этого! «Но дѣламъ рекрутскаго присутствія, — говорится въ упоминаемой нами газетѣ, — видно, что наематели рекрутъ, мѣщане и крестьяне, при заключеніи условія съ охотниками означаютъ въ нихъ задатку 30 руб., но остальные деньги не всѣ представляютъ въ рекрутское присутствіе, показываютъ, что большая часть ихъ оставлена на содержаніе семейства охотника, или уплату долговъ его разнымъ лицамъ. На самомъ же дѣлѣ рѣдко бываетъ это вспоможеніе и эта уплата долговъ, а только пишется такъ въ условіи. Давно известно, что зажиточные крестьяне и мѣщане нанимаютъ для себя въ военную службу охотниковъ, часто несовершеннолѣтнихъ бѣдняковъ, и бываетъ такъ, что еще прежде заключенія условія, всѣ условенныя деньги, или почти всѣ, уже взяты охотникомъ и промотаны; а потому, при приемѣ въ службу, наемщики получаютъ количество денегъ самое незначительное. Городскія же думы, волостныя правленія и прочія мѣста, свидѣтельствуя условія, заключаемыя охотниками и наемателями, удостовѣряютъ только, что оныя дѣйствительно заключены и подписаны тѣми лицами, какія въ нихъ означены, и въ той самой силѣ, какъ написаны». Поэтому мѣстное рекрутское присутствіе нашло необходимымъ, чтобы сумма, за которую нанимать рекрутъ, или часть ея, выговоренная въ пользу его семейства, а также слагающаяся на уплату долговъ его, обезпечивались: или условеннымъ залогомъ, или поручительствомъ не менѣе трехъ лицъ и съ тѣмъ еще; чтобы поручители по участкамъ крестьянъ были однихъ волостей съ наемателями, а по участкамъ мѣщанъ одного съ ними общества, и чтобы благонадежность ихъ свидѣствовалась въ первомъ случаѣ волостнымъ правленіемъ, а въ послѣднемъ городскою думою или радушею, какъ это требуется примѣчаніемъ къ 399 ст. IV т. Устава Рекрутскаго.

Мы не думаемъ, чтобы рекрутское присутствіе, — нѣсто приема рекрутовъ — и только, — имѣло право дѣлать такія распоряженія.... однако, нельзя не отдать ему справедливость за то, что оно обратило вниманіе на горькое положеніе охотниковъ, обратило вниманіе

маніе хоть отчасти на тѣхъ стороны темнаго дѣла, въ которыхъ скрывается и не одно зло проматыванья денегъ. Очевидно, впрочемъ, что не такимъ образомъ можно уничтожить злоупотребленія по найму охотниковъ. Не удобнѣе ли было бы замѣнить его дозволеніемъ семействамъ, съ которыхъ долженъ слѣдовать ревертъ, вносить за освобожденіе отъ этой повинности известную сумму денегъ?

Мы уже имѣли случай говорить о полезной дѣятельности Варшавскаго общества сельскаго хозяйства. На февральскомъ съѣздѣ оно занималось рѣшеніемъ чрезвычайно важнаго вопроса о примѣненіи оброчнаго положенія къ крестьянамъ, до сихъ поръ состоявшимъ на барщинѣ.

По поводу этого важнаго вопроса, г. NN помѣстилъ въ 74 № Спб. Вѣд. письмо, въ которомъ, признавая, что «оброчное положеніе крестьянъ составляетъ нынѣ въ Царствѣ Польскомъ предметъ первой важности», весьма краснорѣчиво и гуманно рассуждаетъ о томъ, что едва ли помѣщики успѣютъ разрѣшить задачу оброчнаго положенія удовлетворительно, потому дескать, что крестьяне, сами не хотѣвъ этого (*).

«Не надо слишкомъ далеко углубляться въ основанія оброчнаго положенія (говоритъ г. NN), чтобы видѣть трудность соглашенія ихъ съ интересами крестьянъ. Оно едва ли по душѣ придется крестьянину за тѣмъ, что не давая ему осязательныхъ преимуществъ, потребуетъ отъ него на каждомъ шагу денегъ, разлучиться съ которыми ему весьма трудно, особенно если того требуетъ не жидь-шинкаръ, а кто-нибудь другой. Потерявъ на барщинѣ понятіе о значеніи и достоинствѣ труда, мужичокъ ставитъ его ни во что и лучше согласится работать лишній день, даже и больше, только бы не платить долга наличными деньгами. Еслибъ онъ былъ развитъ, хоть до такой степени, что могъ бы понимать, что усиленный трудъ, примѣненный къ своему клочку земли, не только доставитъ ему возможность уплатить долгъ, но и остаться въ барышахъ, тогда бы онъ ни за что не платилъ долговъ барщичною. По у него еще нѣтъ вѣры въ трудъ; до сихъ поръ онъ такъ плохо трудился, что приобрѣлъ убѣжденіе въ неблагодарности земледѣльческихъ занятій:

(*) Частные крестьяне въ Царствѣ Польскомъ раздѣляются: на *оброчныхъ туземцевъ* (272,181 чел.), въ распоряженіи которыхъ находится 27,869 волокъ земли; *оброчныхъ иностранцевъ* (32,036 чел.) съ 3,501 волоками земли; *оброчно-барщинныхъ туземцевъ* (169,164 чел.) съ 16,918 волоками земли; *оброчно-барщинныхъ иностранцевъ* (20,428 чел.) съ 1,828 волоками земли; и *барщинныхъ туземцевъ* (748,049 чел.) съ 61,659 волоками земли. Всѣхъ частныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ 1.241,878 чел.; на себя они обрабатываютъ 111,773 волокъ земли. Замѣчательно, что пришельцы, — большею частію нѣмцы, — никогда не остаются на барщинномъ положеніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики охотнѣе имъ отдають землю, чѣмъ туземцамъ.

плодовъ, всей его дѣятельности едва хватало на проподаскиваніе горда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Если бы земля составляла его собственность, онъ мало-по-малу привыкъ бы заниматься ею, какъ слѣдуетъ, старался бы удобрить ее, увеличить производительность, и наконецъ бы средства выплатить все слѣдующее помѣщику. Мысль сдѣлаться независимымъ владѣльцемъ земли подкрѣпляла бы его изнемогавшія силы, онъ видѣлъ бы, что его потомство не пойдетъ съ сумою и зналъ бы, для чего и для кого работаетъ. А тутъ что за стать ему надсаживаться: обезпеченіи на благосостояніе семьи выжить, а тягостей и повинностей пропасть. Будучи на барщинномъ положеніи, онъ бесплатно пользовался дѣломъ на постройки и топливо, пастбищами и лугами, а теперь за все это плати. Прежде помѣщикъ давалъ ему, смодъ рабочій и земледѣльческія орудія, а теперь за нихъ надо задлатить. Прежде рѣдко приходилось имѣть дѣло съ полицейскими властями, а теперь онъ будетъ у крестьянина на шеѣ, и за малѣйшую недонку станутъ выжимать изъ него послѣдніе жизненные соки. *Этимъ мы все не думаемъ доказывать, что барщинное положеніе лучше оброчнаго.* Но, почувствовавъ на шеѣ больше тягостей, крестьянинъ по неволѣ вздохнетъ о прошломъ, и чтобы пользоваться старинными льготами, да не имѣть дѣла съ полиціей, тихомолкомъ станетъ работать на помѣщика. Разумѣется, богатій крестьянинъ этого не сдѣлаетъ изъ уваженія къ труду, доставившему ему возможность сдѣлаться независимымъ. А бѣдный... о, чего не сдѣлаетъ бѣдность! Но дайте бѣдному крестьянину землю, и онъ сдѣлается богаче, и приобрететъ отвращеніе къ барщинѣ. Уходя за своимъ кровнымъ клочкомъ сдѣлаетъ его нравственнѣе; онъ забудетъ покрайней мѣрѣ о дикихъ праздничныхъ оргіяхъ, на которыхъ заливадается горе...

Если замѣчанія г. NN о польскомъ крестьянинѣ справедливы, то надо заключить, что положеніе польскаго крѣпостнаго крестьянина было гораздо хуже, чѣмъ нашего: нашъ крѣпостной крестьянинъ вездѣ и всегда стремился перейти на оброкъ, — это фактъ постоянно встрѣчавшійся и всѣмъ извѣстный. Намъ не совѣмъ вѣрится, чтобы и польскій крестьянинъ, — какъ бы ни былъ онъ деморализованъ своимъ положеніемъ, — былъ настолько уже неспособенъ оцѣнить свои выгоды, что не пожелалъ бы въ настоящее же время перейти къ оброчному положенію...

Впрочемъ, дѣло перехода польскихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ оброчному положенію, надо считать уже конченнымъ, такъ какъ Варшавское Общество Сельскаго Хозяйства заявило твердо свое мнѣніе въ пользу немедленнаго перехода къ этому положенію...

Въ прощомъ обзорѣи мы говорили о превосходно ссобранныхъ провѣтъ Тверскаго поземельнаго банка (*), дѣлъ котораго пре-

(*) Въ 93 № «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» есть слѣдующее предположеніе на счетъ участіа этого проекта: «Дѣло Тверскаго поземельнаго банка, вѣст. Т. LXXXI. Отд. III.

имущественно заключается въ томъ, чтобы дать крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, средства на выкупъ земли въ свою собственность. Тверская губернія не считается у насъ въ числѣ богатыхъ, во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ мѣстные помѣщики должны обладать большими средствами, чѣмъ Тверскіе, на устройство поземельныхъ банковъ, но Тверская губернія сдѣлавши свое дѣло, кажется, не увлекла другихъ прекрасными примѣрами своими. Правда, въ Петербургѣ и Москвѣ составились проекты банковъ: но то банки акціонерные, а не поземельные; были тоже слухи, что составляются банки въ Пензенской, Тульской и Кіевской губерніяхъ, но какіе: акціонерные или поземельные? — объ этомъ еще ничего неизвѣстно. Значитъ, ни тузы — помѣщики, ни дворяне средней руки, ни мелкота помѣщичья, не особенно заботятся о развитіи внутренняго кредита на новыхъ началахъ. Можетъ, все думаютъ да надумываются? Можетъ, въ толкѣ еще не возьмутъ, что такое «развитіе внутренняго кредита на новыхъ началахъ»? Можетъ, дожидаются, что все само какъ нибудь сдѣлается, а, пожалуй еще, — услышатъ Богъ грѣшныя молитвы, — такъ и по старому все пойдетъ?... Да! для нѣкоторыхъ людей ни уроковъ, ни примѣровъ какъ будто и не существуетъ!... Хоть бы о томъ подумали, что негдѣ имѣнія закладывать.... (*)

А между тѣмъ относительно самой страны нашей постоянно встрѣчаемъ мы въ газетахъ и официальныхъ журналахъ такія извѣстія, изъ которыхъ оказывается, какъ много у насъ средствъ подъ рукой и какъ мы можемъ благоденствовать, ежели только захотимъ.

Вотъ, напримѣръ, извѣщаютъ, что земледѣльцы Франціи и Пруссіи переходятъ въ Россію и поселяются на помѣщичьихъ земляхъ. Они становятся къ помѣщикамъ въ такія же или почти въ такія же отношенія, въ какихъ пока еще находятся въ нашихъ барщинныхъ имѣніяхъ крѣпостные крестьяне: таже трехдневная

ятно, остановится, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ земель. Къ сожалѣнію, мы не можемъ присоединить къ этому никакихъ разсужденій. Между тѣмъ въ № 7 «Русскаго Вѣстника» обнаружена ошibка этого проекта и полный текстъ нѣкоторыхъ главъ его.

(*) Впрочемъ, недавно въ «Политико-Экономическомъ Указателѣ» было напечатано извѣстіе, что во многихъ губерніяхъ уже готовятся проекты поземельныхъ банковъ. Намъ позавалось же сообщить достовернымъ это извѣстіе: вонъ, какъ дѣйствительно составлялся проектъ тверскаго поземельнаго банка, такъ главная цѣль его и разныя подробности немедленно же сдѣлались извѣстны: публикѣ, — а тутъ ужь что-то черезъ чуръ таинственно дѣйствуютъ эти проекты губерній. Да и по чему бы ихъ не назвать?

барщина мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, таже бабья барщина въ садахъ и огородахъ, тоже подать бараномъ.

Прусскіе работники, поселившіеся въ Россіи на помѣщичьихъ земляхъ, находятъ, что теперешнее ихъ положеніе лучше прежнего на родинѣ, по этому отъ сельскихъ работниковъ Восточной Пруссіи поступило уже много просьбъ о принятіи ихъ въ Ковенской губерніи:

«Эти работники и работницы отличаются по газетнымъ извѣстіямъ прилежаніемъ и подаютъ истиннымъ крестьянамъ хорошій примѣръ своимъ поведеніемъ, опрятностію въ жилищахъ, одеждѣ, бѣльѣ и приготовленіи пищи и нѣкоторою промышленною развитіемъ: работницы хорошо придутъ ленъ и ткнутъ широкія полотна, работники не безъ ловкости въ иныхъ ремеслахъ. Относительно успѣшности и точности производства полевыхъ работъ, они имѣютъ преимущество передъ русскими работниками: прусскій батракъ вымолочиваетъ въ день десятину, и вымолочиваетъ 15 четвертей ржи; двѣ работницы сжилаютъ, связываютъ въ снопы и складываютъ въ копны десятину посѣва въ одинъ день (*). Размѣръ работы тоже замѣчательнъ: съ 20 апрѣля по 20 августа работа идетъ отъ восхожденія до захожденія солнца, за исключеніемъ одного часа на завтракъ и двухъ часовъ на обѣдъ и раздыхъ; въ прочее же время года работа продолжается 12 часовъ въ день.

Вы можете выбрать какой угодно изъ этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ, — восхитительный или отрицательный, — но факты переселенія иностранныхъ земледѣльцевъ дѣйствительно ум-

(*) Эти свѣдѣнія сообщаетъ «Сѣверная Пчела». Вотъ что по поводу ихъ замѣчаетъ «Московскій Вѣстникъ» (№ № 16 и 17): «Объ этихъ работникахъ и работницахъ пишутъ совершенно несодѣяныя чудеса, которыми, разумѣется не повѣритъ ни одинъ человекъ, сколько нибудь знающій сельское хозяйство: такъ напримѣръ, говорятъ, что прусскій работникъ *вымолочиваетъ* въ день *пятнадцать* четвертей ржи!!!.. Это похоже на стопудовыя палицы, которыми сказачные богатыри играли, какъ тросточкой... При отличномъ умолотѣ, на обыкновенной Бутеноповской молотилкѣ, четыре заводскихъ кобылы никакимъ образомъ не вымолотятъ въ день болѣе тридцати четвертей ржи; стало-быть, *одинъ* прусскій работникъ, простымъ пѣмомъ, дѣлаетъ то, что едва могутъ сдѣлать *дѣль* сильныхъ лошади при пособіи молотильной машины. Мы очевидно возвращаемся ко временамъ Еруслава Лазоревича! Судя по такимъ слухамъ, и работницы прусскія не уступаютъ своимъ мужьямъ: онѣ похожи не на теперешнихъ женщинъ, а на древнюю Настасью-Корошевицкую, супругу багновословнаго Дулая...» Въ продолженіе одного дня, *дѣль* прусскихъ работницы *сжилаютъ*, *связываютъ* въ снопы и *складываютъ* въ копны десятину посѣва, — т. е. дѣлаютъ то, что *дѣлается* *восемью* русскими работницами съ *найма*, а не съ барщины: на барщинѣ же ставилось по десяти и даже по двѣнадцати работницъ на тридцатую десятину.

ножаются и могут навести на некоторые серьезные размышления.

Въ «Журналь Министерства Государственныхъ Имуществъ» (№ 3) сообщены условия прусскихъ и французскихъ земледельцевъ, поселяющихся на помещичьихъ земляхъ въ Россіи. Въ заключеніе французскихъ условий, заключенныхъ чрезъ тулузскаго капиталиста Феликса д'Эскюдье де Виллетана, прибавлено, что этотъ господавшъ на такихъ условияхъ предлагаетъ русскимъ помещикамъ достигнуть сколько угодно французскихъ земледельцевъ.

Нерѣдко у насъ выражалось опасеніе, что, при освобожденіи крестьянъ, во многихъ помещичьихъ имѣніяхъ, расположенныхъ въ мѣстностяхъ скудно вознаграждающихъ земледѣльческій трудъ при теперешнихъ его условияхъ, окажется крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; что съ предоставленіемъ крѣпостнымъ крестьянамъ свободы переселенія, нынѣ мѣстности совсѣмъ обезлюдятъ. «Сѣверная Пчела» (№ 75) въ заключеніе извѣстія о переселеніяхъ прусскихъ и французскихъ работниковъ на помещичьи земли остроумно замѣчаетъ, что еслибы и въ самомъ дѣлѣ оказался кой гдѣ въ помещичьихъ имѣніяхъ недостатокъ въ туземныхъ рабочихъ, то стоитъ только обратиться къ г. д'Эскюдье де Виллетану и онъ населитъ эти имѣнія французскими рабочими и наши степныя унылыя мѣста оживятся веселыми французскими пѣснями. Но отбрасывая всякія шутки въ сторону, мы увѣрены, что опасеніе некоторыхъ черезъ чуръ боязливыхъ людей не оправдается, какъ только безобидно устроятся для крестьянина новыя отношенія его къ землевладѣльцу, какъ только онъ увидитъ на дѣлѣ, что личность и трудъ его уже не зависятъ отъ дикаго произвола: кому неизвѣстно, что крестьянинъ нашъ, часто отирающийся на дальнюю сторону для трудныхъ заработковъ, страстно любитъ свою родину? Нѣтъ причинъ предполагать, что крестьяне изъ родныхъ, хоть и скудныхъ мѣстъ поднимутся поголовно для переселенія въ далекія и неизвѣстныя мѣста. Къ такимъ переселеніямъ можетъ ихъ вынудить только особенно трудная и тѣсная жизнь на родинѣ...

Колонизація — дѣло чрезвычайно важное для Россіи, гдѣ такъ много мѣстъ, богатыхъ и привольныхъ, пропадаютъ за даромъ, или не приносятъ того, что могли бы принести, если бы были заселены какъ надо. Но вообще до сихъ поръ колонизація у насъ плохо удалась, не смотря на льготы, щедро расточаемыя иностраннымъ колонистамъ. Такъ въ новороссійскомъ краѣ, куда преимущественно была направлена колонизація, результаты ея очень слабы: всѣхъ иностранныхъ колонистовъ пшцовъ и болгаръ, образующихъ 258

колоній (нѣмецкихъ 207, болгарскихъ 51) считается только 192,109 душъ обоого пола. Между тѣмъ прошло уже цѣлое столѣтіе, (*) какъ стали выселяться въ богатія мѣста Новороссійскаго-края, обильныя прекрасными землями, пастбищами, прилегающія къ двумъ морямъ и орошаемая нѣсколькими большими рѣками, — толпы германскихъ выходцовъ, отчасти выжитыхъ изъ своего отечества религіозными и политическими бурями, отчасти же увлеченныхъ общаанными мнѣніемъ правами и привилегіями и подстрекаемыхъ къ переселенію посланными за границу агентами; а вскорѣ послѣ нихъ подступили толпы несчастныхъ болгаръ, которымъ такъ тѣсно было жить на родинѣ. Щедрыя льготы даны были колонистамъ: каждое семейство получило тридцать десятинъ удобной прекрасной земли со всѣми угодьями; на казенный счетъ построены были имъ дома со всѣми удобствами въ хозяйственномъ отношеніи, дарованы денежныя пособія и разныя обширныя льготы на тридцать лѣтъ по устройству фабрикъ, заводовъ, торговъ, ярмарокъ и по отправленію податей и повинностей (**). И все таки, при всѣхъ этихъ условіяхъ, иностранная колонизація далеко не сильно развилась.

Значитъ, безъ особеннаго успѣха потрачены были огромныя суммы на привлеченіе въ Россію иностранныхъ колонистовъ. Надо думать, что своя туземная колонизація шла бы успѣшнѣе, и безъ динящихъ для этого пожертвованій... Недавно послѣдовало разрѣшеніе всѣмъ вообще городскимъ обывателямъ переходить въ сословіе сельскихъ обывателей (**): мы думаемъ, что послѣ этого разрѣшенія туземная колонизація могла бы доставить лучшіе результаты, чѣмъ иностранная. Уничтоженіе крѣпостнаго права тоже должно будетъ дѣйствовать на заселеніе многихъ привольныхъ мѣстъ, гдѣ, конечно, при новыхъ условіяхъ сельскаго быта, народонаселенія, приращеніе должно значительно усилиться. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о положеніи въ нашемъ отечествѣ иностранныхъ колонистовъ, возбуждающемъ противорѣчивыя мнѣнія, съ которыми мы и познакомимъ нашихъ читателей.

Въ 23 и 24 №№ «Одесскаго Вѣстника» напечатана статья «Историческій очеркъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи», въ которой съ блестящей стороны представлено положеніе иностранныхъ колоній съ ихъ самоуправленіемъ, подъ наблюденіемъ только комитета.

(*) Мандаты со позволеніемъ всѣмъ иностранцамъ безпрепятственно выходить въ Россію и селиться гдѣ кто пожелаетъ послѣдовали въ 1762 и 1763 годахъ.

(**) Казенный долгъ былъ разсрочиваемъ колонистамъ неоднократно и погашенъ спустя болѣе полу столѣтія послѣ займа.

(***) Мы уже говорили объ этомъ въ прошломъ обзорѣни.

«Внутренняя администрація колоній установлена была слѣдующимъ образомъ: въ каждой колоніи сельскій приказъ (Шульценамтъ) подъ предсѣдательствомъ сельскаго головы (шульца) и изъ двухъ бейзицеровъ, избираемыхъ обществомъ по большинству голосовъ на два года. При нѣсколькихъ сельскихъ приказахъ—окружный приказъ, подъ предсѣдательствомъ окружнаго головы или окружнаго выборнаго обершульца и двухъ окружныхъ или выборныхъ бейзицеровъ. Эти должностныя лица избираются изъ среды лицъ имѣющихъ собственныя хозяйства, прилежныхъ и искусныхъ въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ, разсудительныхъ и добрыхъ въ поведѣніи. Судъ и расправа надъ колонистами, а также полицейскій шорядокъ предоставлены разбору сельскихъ шульцевъ (первая инстанція) и окружныхъ обершульцевъ (вторая инстанція), — исключая всякихъ насильственныхъ отнятій чужаго, воровства, жестокихъ побой и обидъ, сдѣланныхъ шульцомъ, что представляется разбору конторы попечительства.

«Развитіе сельскаго и домашняго хозяйства въ колоніяхъ возложено на попеченіе шульцевъ, которые должны не только *поощрять* колонистовъ къ улучшенію той или другой отрасли хозяйства, но даже принуждать ихъ, къ этому; въ особенности же стараться о размноженіи въ колоніяхъ разнаго рода фабрикъ и рукодѣлій. Значеніе шульца такъ велико, что въ лицѣ его сосредоточиваются почти всѣ виды правительства на развитіе въ краѣ сельскаго хозяйства и фабричной промышленности.

«Инструкціею о внутреннемъ распорядкѣ и управленіи колоній установлена сельская община съ правомъ голоса и апелляціи; въ предѣлы ея не должна проникать никакая посторонняя власть, кромѣ конторы попечительства и то въ случаяхъ особенной важности; жизнь общины, ея цѣлость, безопасность, интересы, администрація, юрисдикція, проявляются и преслѣдуются такъ, какъ этого желаетъ міръ въ лицѣ набраннаго имъ шульца. Отъ этого быть колоніи и внутреннее благосостояніе ихъ, оставаясь неприкосновеннымъ предметомъ собственныхъ ихъ заботъ, быстро развились такъ, что въ настоящее время каждая колонія представляетъ благоустроенное село, а обитатели его — зажиточныхъ, довольныхъ поселянъ. Попечительный комитетъ поддерживаетъ достоинство и значеніе колоніальныхъ общинъ, уважая всѣ ихъ законныя требованія о нуждахъ общества, выражаемыхъ въ мірскихъ приговорахъ».

Таково положеніе колоній, какъ рисуетъ его авторъ упоминаемой нами статьи, г. Звѣржанскій. Съ особенной похвалою отзываясь онъ о попечительномъ комитетѣ, какъ объ учрежденіи, гдѣ не имѣли мѣста взяточничество и неуваженіе къ правдѣ и закону. «Эти обстоятельства, говоритъ авторъ—привлекали на службу въ попечительный комитетъ молодыхъ людей, большею частію получившихъ образованіе въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Правда, по случаю скуднаго жалованья они оставались тамъ недолго, но весьма явными помыслами о долгахъ и общемъ благе оказывали свое влияние на дѣлопроизводство». Однако г. Звѣржанскій желаетъ, чтобы попечительный комитетъ, какъ глава колонизаціи Новороссійскаго края и Бессарабіи, былъ менѣе бюрократическимъ присутственнымъ мѣстомъ и обратилъ бы отнынѣ главное вниманіе на развитіе въ колоніяхъ правильныхъ системъ сельскаго хозяйства, со всѣми его отраслями, а также заводской и фабричной промышленности, что и составляетъ преимущественно цѣль колонизаціи южнаго края Россіи. «Этими только путями, говоритъ онъ, колоніальное народонаселеніе сдѣлается дѣйствительно полезнымъ для края и привлечетъ въ уединенныя, изолированныя цѣны колоніи, остальное народонаселеніе края, чтобы посмотреть, поучиться и, при случаѣ, воспользоваться примѣромъ».

Значить, въ блестящей картинѣ есть и темныя пятна. Начнемъ съ тѣхъ, на которыя указываетъ г. Звѣржанскій. «Попечительный комитетъ — говоритъ онъ, можетъ только удовлетворять общимъ видамъ правительства въ отношеніи колонистовъ, то есть, чинить между ними судъ и расправу, отстанавть ихъ привилегіи, удовлетворять ихъ частнымъ просьбамъ и т. п.; но развивать въ колоніяхъ правильныя системы сельскаго хозяйства, заводскую и фабричную промышленность, не можетъ, хотъ и уполномоченъ на это: во первыхъ, не можетъ потому, что слишкомъ обремененъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ (*); во вторыхъ, потому, что въ штатѣ его не полагается чиновниковъ, спеціалистовъ въ сельскомъ хозяйствѣ и разныхъ техникавъ, которые могли бы обсудить тотъ или другой вопросъ, кромѣ чисто юридическихъ. Наконецъ, попечительный комитетъ непосредственно зависитъ отъ министерства государственныхъ имуществъ. Уединенность и особенность колоніальнаго управленія въ край имѣли въ свое время цѣлью болѣе водвореніе огромнаго числа переселявшихся, чѣмъ управленіе ими; теперь же, когда переселенцы водворены, колоніи устроены, когда пришло время ждать отъ нихъ пользы для края, это уединеніе служитъ преградой къ достиженію предполагаемой цѣли — колонизаціи южнаго края Россіи, развитія въ немъ земледѣлія и промышленности».

(*) Вотъ нѣсколько цифръ исходящихъ бумагъ въ окружныхъ колоніальныхъ управленіяхъ: въ Любимовскомъ, до 6½ тысячъ; въ Клястицкомъ, до 2½ тысячъ; въ Маріупольскомъ колонисткомъ до 7 тыс.; въ Березанскомъ — до 4 тыс.; въ Верхнебуджанскомъ — до 8½ тыс.; въ Молочанскомъ меннонисккомъ до 9½ тыс. Ужь такой у насъ вездѣ и во всемъ порядокъ заведенъ: многописанію нѣтъ конца. Вотъ попечительный комитетъ — благоустроенное учрежденіе, а не могъ же обойтись безъ этой лавы многописанія.

Г. Леопольдовъ («Сѣверная Пчела», № 53) впрочемъ и явнѣе возражаетъ о положеніи иностранныхъ колонистовъ. Колонисты эти при благоприятныхъ для нихъ условіяхъ, отъ которыхъ въ продолженіе слишкомъ девятидесяти лѣтъ народонаселеніе ихъ почти учетверилось и живетъ не только въ довольствѣ, но даже въ богатствѣ, — по словамъ г. Леопольдова, ровно никакой пользы не принесли русскому земледѣлію.

«Многіе изъ нихъ говорятъ онъ, пришедши въ Россію, не умѣли приняться за соху или плугъ, и должны были сами учиться земледѣлію у русскихъ. Въ девятидесяти лѣтъ, колонисты ничего образцоваго по части земледѣлія не завели и не заводятъ. Колонисты одно только имѣютъ преимущество передъ русскими: они, сверхъ посѣва хлѣбомъ, занимаются еще производствомъ табака и получаютъ отъ того хорошія выгоды. Но это зависитъ больше отъ качества мѣстнаго грунта, а частью отъ привычки заниматься этою отраслью хозяйства еще на своемъ родинѣ. Русскіе рѣшительно ничему отъ колонистовъ не научились, по самой простой причинѣ — учиться нечему. Если же колонисты, впрочемъ далеко не всѣ, и живутъ лучше русскихъ крестьянъ, такъ это единственно отъ того, что у нихъ несравненно лучше угодыя, и несравненно больше льготъ, чѣмъ у русскихъ....

Мнѣніе г. Леопольдова можетъ быть слишкомъ рѣзко и преувеличено. Но нельзя не согласиться, что несмотря на всѣ усилія правительства, которыя не дешево намъ стоили, колонизація не дала тѣхъ результатовъ, на какіе рассчитывали, въ чемъ виноваты впрочемъ, конечно, не колонисты: они свое дѣло сдѣлали и сколько могли — принесли пользу краю, гдѣ поселились, — уже и тѣмъ, что сами живутъ очень порядочно и аккуратно, гораздо лучше крестьянъ. Мы думаемъ, что колонизація пустынныхъ и богатыхъ странъ нашего отечества была бы гораздо успѣшнѣе, если бы въ ней участвовали наши русскіе люди, — но само собою разумѣется, что для этого нужны бы были тѣ, впрочемъ, не Богъ знаетъ какія мудреныя условія, при которыхъ колонизація вездѣ удавалась и удается, при которыхъ удавалась она и нашимъ старымъ новгородцамъ, а именно: полная свобода передвиженія, и льгота отъ всякаго почитательства надъ зараждающимися поселеніями.... Нельзя сомнѣваться, что при тѣхъ условіяхъ новыя колоніи скоро бы развернулась.

Еще два извѣстія, изъ которыхъ одно касается мелочей уже существующихъ, а другое — до колонизаціи далекаго западнаго Амурскаго края. Вотъ что пишутъ въ «Саратовскій Губернскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Дѣло о банкахъ идетъ впередъ. Въ ожиданіи открытія городского банка въ Саратовѣ, въ нашихъ колоніяхъ учреждаются мѣсто-

вспомогательныя кассы, такъ давно ожидаемыя всѣми. 29 декабря 1859 года правительство разрѣшило: 1) открыть вспомогательныя кассы при тѣхъ колонистскихъ друггахъ саратовско-самарскихъ колоній, въ которыхъ имѣются въ наличности мирскіе или сиротскіе и другіе принадлежанія колонистамъ капиталы, въ количествѣ не менѣе 1000 руб. сереб. на оную. 2) Применити къ этимъ кассамъ, въ которыхъ соединяются операціи приѣма вкладовъ и выдачи ссудъ, положеніе о крестьянскихъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассахъ, съ допущеніемъ, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, измѣненій, могущихъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, быть признанными полезными, преимущественно въ отношеніи цѣны ссудъ, должноствующей, въ виду обстоятельствъ и степеней благосостоянія колонистовъ, быть увеличенною противъ опредѣленнаго для государственныхъ крестьянъ размѣра.

Въ № 3-мъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщено слѣдующее извѣщеніе: «Иркутскъ, 12 января. Въ 1862 году вновь приобрѣтенный амурскій край откроется для частной золотопромышленности, и, какъ слышали мы, на основаніяхъ болѣе свободныхъ, и притомъ съ цѣлью не одной выгоды отъ металлическаго богатства, но и съ цѣлью заселенія края.

Въ настоящее время, когда стремленіямъ правительства такъ много способствуютъ наши публицисты, разъясняющіе современные вопросы, неизлѣнно бы подготовити матеріалы касательно правилъ золотопромышленности на Амурѣ. Наши золотопромышленники, близко знакомые съ существующими правилами, ихъ выгодами и ихъ вытекомъ, могли бы оказать большое пособіе изложеніемъ нечуждымъ своимъ мнѣній и предположеній. Смѣемъ думать, что высшее начальство приметъ съ благодарностью всякое полезное указаніе къ осуществленію благихъ намѣреній правительства. Сообщаю».

«Саратовскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что благонравныя офицеры, колонисты, ия съ того ни съ чего, вдругъ заразились прививкою прусскаго бродяга, *Иванова*, *некоммлящихъ родства*, и стали провадать безъ вѣсты. Но замѣчательно, что эта эпидемія побѣдоносно шла только въ одномъ округѣ: «Причины побѣдоносности нашихъ Ивановъ, прибавляютъ «Саратовскія Губернскія Вѣдомости», болѣею частью извѣстны всѣмъ, о нихъ нечего и говорить. Неужели же эти причины существуютъ, и въ этомъ одномъ округѣ? Если такъ, то ихъ слѣдуетъ отстранить; пока есть возможность. Даромъ бѣгать не стануть, особенно въицы».

«Дау не убѣгутъ даромъ съ какой нибудь работы люди, привлеченныя сюда на работѣ нужды. Не даромъ бѣгутъ благо-

правные нѣмцы изъ своихъ благоустроенныхъ колоній, недаромъ бѣгутъ и поремьичные русаки съ работъ на Волжско-донской желѣзной дорогѣ. Вотъ что напечатано объ этомъ въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»:

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ одномъ изъ выпусковъ прошлаго года, В. А. Кокоревъ, отъ себя лично, и, помнится, отъ имени многоуважаемаго совѣта Волжско-донской желѣзной дороги, благодарилъ «Саратовскія Губернскія Вѣдомости» за то, что онѣ своими замѣчательными обратили его вниманіе на нѣкоторыя злоупотребленія людей, названныхъ за постройкою этой дороги. Онъ говорилъ, что удручающимъ нищѣ и содержанію, рабочіе обязаны въ этомъ случаѣ «Саратовскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», которыхъ обнаружили, что рабочихъ кормятъ «гнилой солониной» (помнится, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ было сказано, что рабочихъ на этой дорогѣ кормятъ такой говядиной, изъ которой падаютъ черви, — это было лѣтомъ). Желая снова быть чѣмъ нибудь полезнымъ въ этомъ дѣлѣ, мы просимъ читателей обратить вниманіе на то обстоятельство, что съ работъ Волжско-донской дороги рабочіе бѣгаютъ (или бѣжали), точно съ каторги. Въ настоящемъ номерѣ «Губернскихъ Вѣдомостей», въ официальной части, въ статьѣ о розыскѣ по Имперіи бѣжавшихъ и отсутствующихъ, публикуется, по рапорту царьцымскаго (земскаго) суда, о розыскѣ четырнадцати человекъ, бѣжавшихъ съ работъ Волжско-донской желѣзной дороги. Замѣчательно, что бѣжавшіе всѣ принадлежатъ къ крестьянамъ Смоленской губерніи, Смоленскаго и Гжатскаго уѣздовъ, деревень: Костина, Погребцова, Вязьки, Лещевиковъ, Каренской, Подберезокъ, Кобалева и Барашникова. Между ними есть старшии около шестидесяти и болѣе пятидесяти лѣтъ, которые, какъ намъ кажется, не бѣгаютъ для шутки ради удовольствія бѣгать: шестидесятилѣтнему не легко заставить полицію повѣрить, что онъ Иванъ — не помнящій родства; да и старыя кости его требуютъ покоя, а не мыкашья по бѣлу свѣту. Изъ этого прямое заключеніе, что имъ было скверно, нестерпимо скверно — они и бѣжали, зная, что ихъ ждетъ уже не гнилая солонина, а березовая каша, или еще что нибудь неудобоваримѣе. Между бѣжавшими есть и молодежь, лѣтъ восемнадцати и двадцати. Этихъ именъ еще не умаяла.

Навѣрное, и въ настоящемъ случаѣ г. Кокоревъ расскажетъ намъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ мнѣнія и исповѣди его всегда находятъ радушный приемъ, что нибудь особенно блистательное о новыхъ распоряженіяхъ своихъ по новоду приведенной выше замѣтки «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Намъ думается, что это будетъ вотъ какъ: сначала г. Кокоревъ съ похваляемъ отно-

сетя о гласности, потомъ важно, какъ и отъдѣлаетъ тузу-человѣку, капиталисту и откупщику, опять похвалитъ «Саратовскія Губернскія Вѣдомости», — а тамъ и дѣлу конецъ, и все долей съ г. Кокорева, какъ съ гуся вода.... Впрочемъ, и мы съ своей стороны рѣшаемся поразказать о положеніи рабочихъ на Волжско-донской желѣзной дороги.

Приключенія съ этими горемыками начались еще съ весны прошлаго года, съ извѣстной исторіи съ подрядчикомъ *Гладинымъ*, въ Самарѣ.

Первое похождение рабочихъ на Волжско-донскую желѣзную дорогу, кончилось довольно благополучно въ Самарѣ, въ томъ же крайней мѣрѣ, отношеніи, что ихъ не сочли бунтовщиками и не поступили съ ними, какъ обыкновенно поступается у насъ въ подобныхъ случаяхъ но за то въ то же время; началось второе похождение, тоже не легкое, и отъ послѣдствій котораго наши бѣдлагы нѣтъ уже не отдѣлялись: ихъ оторвали въ путь отъ Самары до Саратова, снабдивъ хлѣбомъ *по полубунту* на человѣка, и то рассчитавъ на благопріятное плаваніе, то есть когда путь этотъ окончился бы въ четверо сутокъ. «Такимъ образомъ, говоритъ «Сѣверная Пчела» (№ 50), на водахъ Волги, въ виду огромныхъ пространствъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, въ виду многочисленныхъ городовъ и значительныхъ хлѣбныхъ пристаней, двѣ тысячи народа, по челоѣкелюблю и заботливости общества Волжско-донской дороги, испытали такіе бѣдствія, какія во благости Божіей, рѣдко приходится испытывать и мореходцамъ на безбрежномъ океанѣ. Поездъ рабочихъ былъ такъ строгъ, что по сознанию одного изъ учредителей общества почетнаго члена правленія и владѣльца одной трети всѣхъ акцій, В. А. Кокорева, «они, на пути къ самому Саратову, питались за неимѣніемъ хлѣба — *жеваньемъ* сухой крупы» (*).

Добравшись до мѣста назначенія, рабочіе въ Царицынскомъ уѣздѣ приступили къ работамъ. Тутъ началось третье похождение: ихъ стали кормить говядиной, изъ которой вымалывались черешки...

Кромѣ того оказывается изъ словъ самаго же г. Кокорева, что для рабочихъ не было предварительно заготовлено ни помѣщенія, ни кухонь — словомъ ничего. Они были привезены, высажены на берегъ и пущены въ голую, бесплодную степь, а затѣмъ ихъ размѣстили въ ямахъ, гдѣ устроены по обѣимъ сторонамъ нары, на которыхъ нѣтъ ни соломы, ни рогожекъ: подъ бокомъ доска, въ головѣ кулакъ.... Но за то въ видахъ какой-то безопасности — рабочихъ, что ли, мы не знаемъ — подрядчикъ *Гладины* разставилъ ко-

(*) «Русск. Вѣст.» 1870 г. № 21 стр. 40.

заковъ съ саблями и нагайками, не только по всѣмъ пунктамъ пребыванія рабочихъ, но даже и у лазарета.

И вотъ несчастные рабочіе, бѣгутъ, говорить г. З. Альбицкій (Сѣверная Пчела № 50), не смотря на козаковъ съ нагайками и саблями, бѣгутъ не смотря на то, что они, по сознанию Василя Александровича (Кокорева), безъ одежды и обуви, бѣгутъ, не прельщаясь винной порціей... (*), бѣгутъ, не смотря на то, что ѣдятъ говядину безъ червей, ибо таковыхъ зимой не позагаются...

Ужъ не тоска-ли по родинѣ, Василю Александровичъ?

Нѣтъ, не тоска по родинѣ, а положеніе скотовъ, въ которое ихъ поставили, близость вѣрной смерти, и безвыходность изъ страшной, возмущающей душу обстановки, въ которую ихъ поставили — вотъ отъ чего они бѣгутъ...

Чѣмъ же кончатъ эти несчастные рабочіе? Сколько ихъ зарюютъ по берегу Волги между Самарою и Царицынымъ?... Что будетъ съ тѣми, и стариками шестидесяти лѣтними и съ восемнадцати лѣтними парнями, которые рѣшились бѣжать? Дѣло, какъ видно, пошло административнымъ порядкомъ: ихъ разыскиваютъ, посредствомъ печатныхъ объявленій — тутъ уже земская полиція виѣшалась. И вѣроятно ихъ разыщутъ... Что же тогда будетъ? Кто же виноватъ оставшихся и кто правъ? И будетъ ли предано суду общественнаго мнѣнія окончаніе дѣла о горемычныхъ рабочихъ, убѣжавшихъ съ линіи Волжско-Донской желѣзной дороги?..

Но вотъ еще замѣчательное извѣстіе въ этомъ же родѣ нашли мы въ 67 № «Сѣверной Пчелы».

«Въ Псковскомъ уѣздѣ, сказано въ этой газетѣ, между рабочими подрядчика генераль-адыютанта Огарева, по постройкѣ моста черезъ рѣку Череху на линіи Петербурго-Варшавской дороги, собравшимися изъ разныхъ сословій и губерній въ числѣ до ста человекъ, возникло смятеніе и буйство, которое въ послѣднее время начало развиваться въ крайней степени, такъ что жители окрестныхъ селеній приведены были ихъ поступками и нападеными въ совершенный ужасъ. Для прекращенія сего и для произведенія формальнаго изслѣдованія, отправлено на мѣсто происшествія временное отдѣленіе земскаго суда и какъ собственныя средства полиціи оказались безуспѣшны къ тому, по многочисленности и чрезвычайной дерзости рабочихъ, то, по представленію временнаго отдѣленія, была отряжена въ его распоряженіе военная команда изъ двадцати пяти человекъ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона и восьми жандармовъ, и только означенными мѣрами толпа эта усмирена и четыре главные виновника буйства арестованы.»

(*) Г. Кокоревъ назначилъ на счетъ общества винную порцію по стакану передъ ужиномъ: водку берутъ изъ содержимаго имъ Маршицкаго откупа.

Въ послѣднее время вотъ какія происшествія были описаны въ періодической литературѣ (*). Въ этихъ происшествіяхъ отражаются характеристическія черты нашего быта.

«Тульскаго уѣзда, села Бѣлякова, помѣщичій крестьянинъ Иванъ Николаевъ, восьмидесяти лѣтъ, умеръ 8-го февраля отъ удара рукою въ грудь, нанесеннаго ему квартировавшему въ домъ его прапорщикомъ Добольскаго пѣхотнаго полка *Иевлевимъ*.»

«Въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ 17-го февраля тамошній помѣщикъ *Владимиръ Стромилловъ*, проѣжая по дорогѣ отъ деревни Мартусовъ къ деревнѣ Череды, встрѣтился съ ѣхавшимъ крестьяниномъ деревни Мартусовъ, Гавриломъ Никифоровымъ, и какъ сей послѣдній не успѣлъ своротить съ дороги свою лошадь, то Стромилловъ, выскочивъ изъ саней, хотѣлъ прибить за это Никифорова; но Никифоровъ убѣжалъ отъ него, и Стромилловъ началъ бить жену Никифорова Дарью Иванову, у которой была на рукахъ грудная дочь Анисья. Въ слѣдъ за этимъ ребенокъ, бывшій на рукахъ у крестьянки Ивановой, оказался мертвымъ. По изслѣдованію открыто, что означенный младенецъ умеръ отъ задушенія, нанесеннаго, вѣроятно въ то время, когда крестьянка Иванова заступилась отъ нанесенныхъ ей Стромилловымъ побоевъ.»

«Курской губерніи Старооскольскаго уѣзда селенія Среднихъ Опочка казенный крестьянинъ Стершмовъ 2 го февраля умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Бороковскимъ волостнымъ головою *Гладковимъ*»

Безъ всякаго сомнѣнія законная кара будетъ въ полной строгости примѣнена въ отношеніи *Ивлева*, *Стромилова* и *Гладкова*. Мы надѣемся тоже, что, и до окончанія суда надъ ними, приняты относительно ихъ всѣ повелѣваемые закономъ мѣры.

— Недавно попадались кое-какія свѣдѣнія о другомъ еще, извѣстномъ своею промышленною дѣятельностію, племени, именно о грекахъ. Въ Одессѣ съ хорошей стороны проявляется ихъ стремленіе къ образованію. Основаніе одесскаго греческаго училища — примѣръ достойный подражанія. Подъ помѣщеніе училища этого пожертвованъ частнымъ лицомъ домъ, находящійся въ лучшей части города, въ самомъ средоточіи его торговой дѣятельности; кромѣ того, училищу принадлежатъ еще два дома въ другихъ мѣстахъ города. Отъ найма этихъ трехъ зданій выручается до 10.000 руб. ежегодно; понятно, что одесское училище можетъ покрывать всѣ свои нужды безъ посторонней помощи, — не такъ какъ пашн уѣзды и приходскія училища, которыя, не будь этой помощи, какъ разъ должны закрываться. За то иѣживское греческое общество со всею энергіей отдѣляется отъ учрежденія женоваго училища, — не хотяты да и только. Это упорство возбуждаетъ въ корреспондентѣ «Съ-

(*) «Съверная Пчела» № № 70 и 71.

верной Пчелы» (№ 71) следующую мысль: «как ни справедливы самъ по себѣ принципы самоуправленія, но бываютъ случаи, когда вмешательство правительства въ дѣла общества становится настоятельною потребностію».

Самоуправленіе, видите, виновато, — а не крайняя отсталость греческаго общества, которое не умѣетъ пользоваться данными ему привилегіями. Мы собственно объ этой отсталости не будемъ здѣсь говорить, а приведемъ только мнѣніе корреспондента Сѣверной Пчелы о необходимости соединить греческое пѣжинское общество въ одинъ составъ съ городскимъ. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ предметѣ, все выдерживая свою точку зрѣнія на самоуправленіе.

«Нѣживскіе греки, когда-то богатые и торговые, следовательно связанные въ одно своими коммерческими нуждами, теперь обѣдѣли. Люди съ капиталами и съ знаніемъ торговаго дѣла разсѣлились на дальнія расстоянія въ разныхъ городахъ Россіи, преимущественно южныхъ. Ихъ стремленія и желанія обособились и разрозннились. Что было бы съ такимъ городскимъ обществомъ, члены котораго, разбросанными по разнымъ пунктамъ государства, были бы приурочены къ какому нибудь идеальному пѣлму? Кто назоветъ подобный фактъ существованіемъ особаго общества? Въ такое же положеніе неизбежная сила времени привела и пѣжинскихъ грековъ. Но скажутъ, можетъ быть, что греки, живущіе въ Нѣжинѣ, имѣютъ національную индивидуальность? Ничего не бывало; даже мало изъ нихъ, умѣющихъ говорить по гречески; образъ жизни переродился въ чисто русскій. Наконецъ въ настоящее время прекращенія всякихъ привилегій нельзя не замѣтить, что греки въ Нѣжинѣ пользуются особыми правами. Такъ между прочимъ они имѣютъ право свободной торговли въ Нѣжинѣ и во всей Черниговской губерніи. Чѣмъ оправдать въ настоящее время это преимущество, принадлежащее людямъ, которые своею почти ничтожною торговлею не приносятъ никакой существенной пользы краю? Грекъ открываетъ лавку и не платитъ гильдіи. Греки свободны отъ квартирной повинности, следовательно все бремя постоя, уже само по себѣ тяжелое, лежитъ на прочихъ домовладѣльцахъ. Постоянно сильныя жалобы на эту льготу, пользуясь которою, греки имѣютъ огромное преимущество предъ всѣми остальными городскими жителями. Итакъ, если уже не уничтожать самого греческаго общества, то прекращеніе его привилегій, не согласныхъ ни съ началами права, ни съ здравой политической экономіей, будетъ дѣломъ самой вопіющей необходимости. — Какъ одно изъ доказательствъ разложенія общества нѣжинскихъ грековъ, можно привести недавнее возобновленіе внутреннихъ раздоровъ и доносовъ, столь часто терзающихъ его, и главнымъ поводомъ къ междоусобнымъ бранямъ служить отсутствіе контроля въ распоряженіи общественными капиталами».

Очевидно, что во всемъ этомъ принципъ самоуправленія ровно ничѣмъ не виноватъ. Это разложеніе греческаго общества и его вну-

трение раздоры зависятъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ. Видно греческое общество не умѣло хорошо воспользоваться даннымъ ему самоуправленіемъ; односторонне и исключительно развивалась его внутренняя жизнь, — что, конечно, зависѣло отъ тѣхъ привилегій, которыми оно даромъ было осыпано. Эгоистическое преслѣдованіе одной только цѣли — наживаться да наживаться на счетъ мірской, соединенное съ совершеннымъ непониманіемъ обязанности способствовать дружными усиліями къ развитію общаго благосостоянія отечества, рано или поздно приводитъ къ разьединенію интересовъ, къ узкости понятій, мелочности видовъ, къ взаимнымъ ненавистямъ и къ разложенію общества. Не отъ того ли зависятъ эти доносы, такъ терзающіе, по словамъ корреспондента, нѣжинское греческое общество?... Упадокъ матеріальнаго благосостоянія въ нѣжинскомъ греческомъ обществѣ, тоже весьма замѣтенъ. За чѣмъ же привилегіи общества этого (*), не приносящія и ему самому пользы, — тяготѣютъ надъ цѣлымъ краемъ, тяготѣютъ надъ мелкой туземной промышленностью, свободное развитіе которой особенно важно для упроченія благосостоянія страны? Уничтоженіе этихъ привилегій греческаго общества заставило бы его обратиться къ разумному пониманію своихъ правъ и обязанностей, къ правильной общественной дѣятельности; тогда, и безъ вмѣшательства правительства, прекратились бы и эти внутренніе раздоры и эти доносы, которые терзаютъ теперь общество....

Коснувшись отчасти нашей промышленности и торговли, мы невольно обращаемся къ русской промышленности, по преимуществу къ виннымъ откупамъ, представившимъ въ послѣднее время еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ въ извѣстномъ родѣ.

«При «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» и Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, — пишутъ въ «Акціонерѣ» (№ 13) съ середины прошлаго года стали появляться во временахъ объявленія о торгахъ на винные откупа тѣхъ городовъ, содержатели которыхъ оказались несправными. Мы считаемъ не лишнимъ слѣдить за ними, какъ и за всякимъ другимъ явленіемъ экономической жизни, не входя впрочемъ въ большія подробности. Въ Вологодской губерніи городъ Соль-Вычегодскъ, отданный на общихъ торгахъ 1888 года, за 47,100 руб., пошелъ нынѣ на частномъ торгѣ за 26,300 руб., то есть съ пониженіемъ противъ прежняго на 44 процента; городъ Яренскъ, вмѣсто прежней цѣны 14,100, пошелъ нынѣ за 9,025 руб., то есть съ пониженіемъ 36 процентовъ. Астраханской губерніи городъ Царевъ, отданный на общихъ торгахъ за 204,800 руб., отданъ

(*) Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: всѣ члены Нѣжинскаго греческаго общества пользуются правами купцовъ 1 и 2 гильдій; ихъ дома въ г. Нѣжинѣ освобождены отъ военного постоя; имъ дозволено торговать безъ платежа гильдейскихъ пошлинъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ Черниговской губерніи.

теперь за 132.000 руб., то есть съ пониженіемъ 35 $\frac{1}{2}$ процентовъ. Рязанской губерніи городъ Ряжскъ, пошедшій въ 1858 году, за 106,100 руб., отданъ нынѣ за 96,130 руб., то есть съ пониженіемъ 9 $\frac{1}{2}$ процентовъ.

«На торги являлось весьма много охотниковъ, въ числѣ которыхъ замѣчено нѣсколько совершенно новыхъ личностей, и хотя поименованные города взяты съ значительнымъ противъ прежняго пониженіемъ цѣны, но все-таки, какъ говорить, еще довольно высоко, следовательно, невыгодно. Торги, произведенныя на содержаніе откуповъ по губерніямъ Ковенской и Виленской, еще не утверждены.»

Другое извѣстіе касается *откупной команды*, о которой мы говорили въ прошломъ обзорѣ. Вотъ что г. О. Хозровскому рассказывалъ объ этомъ предметѣ г. Аршеневскій, помѣщикъ села Куровщины, Кирсан. уѣзда, Тамбовской губерніи: («Моск. Вѣдом.» № 81):

«Изъ моего винокуреннаго завода (говорить г. Аршеневскій) откупъ сдѣлалъ казарму, помѣстивши до двѣнадцати человѣкъ своихъ повѣренныхъ и кордонныхъ въ самомъ заводѣ, и все изъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ: мало того — деревня вся оцѣплена: тутъ же до 15-ти человѣкъ разъѣздныхъ, подъ названіемъ какой-то стражи, а всѣ эти люди безъ паспортовъ, народъ буйный, нетрезвый, вооруженный ужасными пиками, подъ названіемъ шуцы, и дѣйствительно, Боже сохрани несчастнаго, котораго они пощупаютъ; ни днемъ, ни ночью прохода и проѣзда рѣшительно нѣтъ. А я не смѣю ихъ выгнать изъ своего собственнаго имѣнія... и теперь подалъ становому приставу объявленіе, прося его снабдить меня законнымъ удостовѣреніемъ, въ правѣ ли они то дѣлать. Живя мирно въ деревнѣ, невинно попадешь подъ судъ, и будутъ судить, какъ буйнаго владѣльца за самоуправство; а невозможно: всякій ко мнѣ идетъ съ жалобой, какъ къ владѣльцу. — одного остановили, сняли тулупъ; другаго обобрали совсѣмъ; несчастные, которые купили у меня барду съ завода, отказались отъ денегъ, потому что проѣзду нѣтъ отъ пристотра за корчемствомъ упомянутой стражи. Теперь начато мною дѣло. Чѣмъ оно кончится, неизвѣстно. У меня случился въ это время становой, и я это все ему пересказалъ. Человѣкъ онъ горячій, военный, вскочилъ, говорить: быть этого не можетъ. И что же? какъ нарочно являются къ нему съ жалобой, что проѣзжающаго остановили и обобрали. Это фактъ, потому что онъ пощелъ самъ, лично увидѣлъ — и посадилъ двухъ стражей подъ свою уже стражу.»

Этимъ любопытнымъ фактомъ мы можемъ и закончить нынѣшнее обзорѣе.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

5

ОГОВОРКА.

Время на время не приходитъ: такъ точно и свистъ на свистъ не приходится. Вотъ теперь, напримѣръ, говорятъ, майская погода, а что ее отличить отъ декабрьской? Известно, что въ декабрѣ всегда въ Петербургѣ Нева проходитъ, ледъ идетъ по ней, сверху каплетъ что-то подходящее больше къ дождю, чѣмъ къ снѣгу, франты и дѣвицы скачутъ на тройкахъ за городъ, по улицамъ чиновники въ полной парадной формѣ развѣзжаютъ съ визитами на яликахъ. И теперь тоже самое: Нева прошла и ледъ по ней до сихъ поръ временами крадется, пылкія природы точно также стремятся за городъ, и перевозятъ свою подвижность на вѣрныхъ коняхъ, ничуть не уступающихъ въ удобствѣ знаменитымъ зимнимъ тройкамъ, сверху льется такой холодный дождь, что такъ и думаешь: онъ навѣрное — либо былъ, либо будетъ снѣгомъ... А ежели чиновники на яликахъ не катаются, такъ за то они по грязи шлепаютъ — тоже самое и выходитъ... Такъ вотъ подите же, скажите, что теперь декабрь: никто вѣдь не повѣритъ. «Какъ же, скажутъ, а счетъ-то, а календарь-то»? Рутинна — скажу я вамъ, милостивые государи, — одна рутинна. и свист.

больше ничего! По нашему—пригрѣло солнышко въ декабрѣ, получили награду къ празднику, знаменитаго литератора увидѣлъ, прекрасной жены лишился—вотъ и май,—и отправляйся себѣ въ Екатерингофъ! А какъ ежли и въ маѣ—да пробереть тебя Чернышевскій вдвоемъ съ Костомаровымъ, или придется тебѣ почитать «Весенніе звуки» да «Весеннія ночи» въ русскихъ журналахъ или какъ въ Москву попадешь, да тамъ при тебѣ о г-жѣ Свѣчиной заспорятъ, такъ тутъ такой тебѣ май покажется, что декабря запросишь: по крайности тотъ ужъ послѣдній мѣсяць; съ новымъ-то годомъ, авось моль, и получше что будетъ... Но всѣ эти здравыя убѣжденія, хотя всякому понятныя и весьма наглядно изложенныя, — ни на кого не подѣйствуютъ, — мы въ этомъ увѣрены. Затвердили себѣ, что май есть май, да и конечно: по закону тождества, говорить, такъ выходитъ. А какое тутъ тождество? У людей май бываетъ свѣтелъ и радостенъ; а у насъ что? Только и есть радости, что иной разъ, статейку о «Наканунѣ» получишь. Ну, пока ее читаешь, и весело, и забавно; а потомъ опять темно на душѣ дня на три, пока не принесутъ въ какомъ нибудь журналѣ или газетѣ еще статейку о «Наканунѣ». Тоска, да и только. А все маемъ зовется...

Такъ-то вотъ и «Свистокъ»: не всегда онъ въ себѣ тождество имѣетъ. Вы не думайте, что ужъ коли свищетъ человекъ, такъ ему и весело. Конечно, мы благонравные юноши и болѣе по кротости душевной свистимъ, подобно птенцамъ неопытнымъ; но иной разъ — не только благонравный юноша, а даже деликатная дѣвица вдругъ отъ чего нибудь въ ужасъ придетъ, такъ вѣдь какъ — не то что за свищетъ, а просто завизжитъ! А то возьмите хоть на пароходѣ свистокъ: такъ хватить, что уши зажмешь, да и то не знаешь, куда дѣваться. По настоящему, это ужъ и не свистъ, а вой какой-то; а все свистомъ называютъ. Что станешь дѣлать? Скажешь только съ почетомъ: «что имя? звукъ пустой», да съ тѣмъ и останешься.

«Свисткомъ» назвался, такъ свищи. Хорошо; но только ужъ извините насъ; если мы свистъ теперь пустимъ немножко особенный. Мы въ беспокойномъ состояніи теперь находимся: получили репримандъ неожиданный. Вообразите: 58 ученыхъ и литераторовъ, обиженныхъ послѣднимъ нашимъ свисткомъ (кто-то высчиталъ, что тамъ обижено 58 персонъ, а ужъ мы какъ кажется, старались, чтобы вести дѣло безобидно!) самоотверженно рѣшались взаимно произвести другъ друга въ Чацкина и Горвица, т. е. обнародовать противъ насъ «Учено-литературный протестъ», говорятъ съ эниграфомъ: «мало насъ?» И вдругъ — о горе! — нашелся кто-то 59, тоже обиженный, но только не въ «Свисткѣ», а въ «Современникѣ», — и разговорились сонмъ пятидесяти-осьми! Протестъ разлетѣлся, какъ

дымъ, какъ утренній туманъ! Повѣрьте, о читатели, что отъѣздъ Хлестакова не такъ сильно поразилъ дѣвственное сердце Марьи Антоновны Сквозникъ-Дмухановской, какъ поразила насъ безвременная кончина протеста, послѣдовавшая при самомъ его зачатіи!...

Другое обстоятельство, которое насъ тревожитъ, это всеобщіе раздоры, возвѣщающіе обыкновенно конецъ міра и наступленіе осени (послѣднее для журналистовъ). Оглянитесь только вокругъ себя, на политическое и литературное положеніе Европы, и вы согласитесь что мы правы, что есть отъ чего въ отчаянье придти. Считите только: папа почти отлучилъ Виктора Эммануэля; г. докторъ медицины Росновскій въ отвѣтъ г. Ханкипу на рецензію «Категорической классификаціи болѣзней, сочинилъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: «о девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ туттифруттикахъ»; г. Селивановъ вышелъ изъ московскаго общества любителей словесности, о чемъ г. Хомяковъ узналъ съ удовольствіемъ; генералъ Венедекъ не хотѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ Эйцоттеномъ; Брукъ дошелъ до того, что руки на себя наложилъ; «Русскій Вѣстникъ» сдѣлалъ выговоръ г. Утину; г. Козловъ вздумалъ уродовать Байрона, Антонели выпускать романоэльскихъ бродягъ, содержащихся въ римскихъ тюрьмахъ, Н. Ф. Павловъ съ цѣлымъ сонмищемъ Даргановъ, Власевыхъ, русскихъ женщинъ — преслѣдовать г. Тургенева, испанцы пошли на Марокко, г-жа Туръ на г-жу Свѣчину, редакція «Русскаго Вѣстника» — на г-жу Туръ... Намъ кажется даже, что «Атевей» пошелъ бы на редакцію «Русскаго Вѣстника», если бы былъ живъ.... «Ужасный вѣкъ! Ужасныя сердца!» А еще говорятъ, что весна, а еще г. Крестовскій съ кѣмъ-то проливаетъ слезы надъ весенней страницей Фета! Нѣтъ, это время больше на осень похоже, по горечи своихъ плодовъ! Или, можегъ быть, это еще только цвѣточки, а ягоды будутъ послѣ? Неужели будутъ? Неужели и изъ цвѣтовъ изящнаго краспорѣчія Н. Ф. Павлова будутъ ягоды? Неужели и изъ норманскихъ цвѣтовъ г. Погодица произойдутъ плоды? Неужели вырастеть что нибудь и изъ цвѣточныхъ стишковъ г. Крестовскаго, Княжецкаго, Кроля и всѣхъ имъ подобныхъ, которыхъ нынче развелось такъ много, что и не перечесть, и изъ которыхъ иные извѣстны читателямъ «Современника»?... Нѣтъ, нѣтъ, читатели, будемъ питать себя сладкою надеждою, что это все пустоцвѣтъ.

Но не всегда и пустоцвѣтъ бываетъ пріятнымъ и вожделѣннымъ явленіемъ: намъ, напримѣръ, добродушнымъ и довѣрчивымъ юношамъ, очень не хотѣлось, чтобы оказались пустоцвѣтомъ три предмета, особенно живо занимавшіе насъ: 1) величіе г. Кокорева, сравненнаго съ Юстиніаномъ въ извѣстной книгѣ русскаго гизота Николая де Жеребцова; 2) Волжско-донская желѣзная дорога, на которую

говорилъ рѣчи нашъ другъ и союзникъ.— академикъ Погочинъ, второй акціи имѣлъ неосторожность взять одинъ изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ; 3) благодѣтельная россійская гласность, всеобщающая исправить и исцѣлить подъ рукою, втихомолку и понемножку... И вдругъ, представьте— всѣ наши жалюзіи по каждому изъ трехъ означенныхъ предметовъ разрушены въ недавнее время! Да вѣдь какъ разрушены-то! Вѣрить бы не хотѣлось тому, что самимъ же разбирать пришлось. Мы уже разъ двадцать принимались восклидывать стихи Пушкина:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающей обманъ!

Думали,— не легче ли будетъ... Нѣтъ, ничто не беретъ.

Попробовали мы свистнуть, но и свистъ вышелъ какой-то странный, дикій и печальный... Да иначе и нельзя: во первыхъ, погода майская (*), во вторыхъ, всеобщія распри и волненія, и наконецъ въ третьихъ, посмотрите сами, что дѣлается на свѣтѣ, хотя и подъ толстымъ покровомъ благодѣтельной гласности.

I.

ОПЫТЪ ОТУЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ НИЩИ.

Чудные обла, огромно, озорно, стозѣвно и — ладі!
ТРЕДЬКОВСВІЙ.

ОТЧЕГО НЕОГДА ЛЮДИ ИДУТЪ, КАКЪ МУХИ?

В. А. Кокоревъ увѣряетъ, будто оттого, что телеграфы не вездѣ существуютъ. Да притомъ, — прибавляетъ онъ, — какъ же не умереть людямъ, которыхъ не кормятъ по нѣскольку дней, привозятъ и пускаютъ въ голую, бесплодную степь, безъ хлѣба, безъ всякихъ запасовъ, на 40° жару, не заготовивши имъ никакихъ помѣщеній, не пославши съ ними ни лѣкаря, ни медикаментовъ.... Какъ тутъ не умереть человѣку?...

Правда, совершенная правда! Какъ тутъ не умереть человѣку? И дивиться нечего: дѣло совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбѣжное.... Напротивъ, удивительно было бы, если бы при такихъ условіяхъ не умирали люди, — хотя бы даже и телеграфы были повсюду: ибо извѣстно, что медики, лѣкарства, хлѣбъ и помѣщенія — по телеграфу не пересылаются....

(*) Едва была написана эта статья, какъ погода сдѣлалась невыносимо жаркою: новое доказательство благотворной силы гласности, которая немедленно исправляетъ все, до чего коснется.

Но скажите пожалуйста, гдѣ же это подвергаютъ людей такимъ отчаяннымъ пыткамъ, такой ужасной смерти? На чье это жестокое сердце и злостное наваждаетъ г. Кокоревъ, съ обычнымъ своимъ практическимъ смысломъ? Какому варвару доказываетъ онъ, что болѣзнь и смертность составляютъ необходимое послѣдствіе безумныхъ и ужасныхъ распоряженій, или перечисленныхъ?

Погодите, господа, приходитъ въ ужасъ: никакого варвара и злодѣя тутъ нѣтъ, а просто г. Кокоревъ совершаетъ похвальный актъ самообличенія и покаянія. Благоразумныя распоряженія, проваждавшія въ цѣлой массѣ рабочихъ людей болѣзнь и смертность, совершались въ обществѣ Волжско-донской желѣзной дороги, котораго г. Кокоревъ былъ учредителемъ, и въ распоряженіяхъ этихъ онъ признаетъ себя значительно повиннымъ. Исторія всего дѣла довольно длинна, но мы попробуемъ рассказать ее съ нѣкоторою подробностью, и въ заключеніе прибавимъ новыя свѣдѣнія по дѣлу рабочихъ Волжско-донской желѣзной дороги, — послѣдовавшія уже послѣ покаянія г. Кокорева.

Извѣстно, что общество Волжско-донской дороги открылось въ декабрь 1858 года и въ первомъ же собраніи своемъ заявило себя рѣчами, полными любви къ русскому человѣку. Такъ г. Кокоревъ сказалъ рѣчь, въ которой между прочимъ провозгласилъ:

«Мы желали заказать пароходы для Дона въ Россіи, чтобы вынскоую изъ-за границы не причинять себѣ гражданскаго стыда, но по немѣннѣю у насъ въ достаточномъ количествѣ механическихъ заведеній, должны были, изъ желанія ускорить плаваніе по Дону, обратиться къ заводчикамъ на Дунаѣ. Не будемъ скрывать того, что это обстоятельство пробуждаетъ во всѣхъ насъ (то есть въ комъ же именно?) чувство стыда, и чѣмъ глубже его сознаніе, тѣмъ ярнѣе въ немъ кроется сила грядущаго обновленія». («Моск. Вѣд.» 1859 г. № 3).

Вотъ патріотизмъ—то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало, хочется ему имѣть пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, немилые у насъ механическіе заведенія заставляютъ его обратиться за границу.... А то бы онъ, во славу патріотизма, непремѣнно гдѣ нибудь у себя заказалъ.... Вотъ что значить имѣть высшія соображенія въ коммерческомъ дѣлѣ: не ищи, гдѣ бы купить лучше и дешевле, а думай о томъ, чтобы покупка въ извѣстномъ мѣстѣ не навлекла «гражданскаго стыда» на любезное отечество!...

И видно, что общество исполнѣ прониклось патріотизмомъ г. Кокорева, — только повернуло его немножко въ другую сторону. Не имѣя возможности похвастаться предъ иностранцами своими меха-

ническими заведениями, оно рѣшило, какъ видно, чего-нибудь нашимъ національнымъ богатствомъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что (по свѣдѣніямъ правленія общества, въ «Спб. Вѣд.» 1859 г. № 257), пароходы, заказанные для донскаго пароходства на заводѣ Лерда; обходятся обществу въ 750—800 рублей за силу, тогда какъ мы въ акціонерной полемикѣ послѣдняго времени привыкли постоянно встрѣчать цифру 400—500 р. за пароходную силу. Да еще прибавьте къ этому, что и заказы-то были вовсе не нужны, и что они, какъ и дунайскіе заказы, сдѣланы были еще тогда, когда только-что предполагалось приступить къ изслѣдованіямъ о плаваніи по Дону и когда еще были одни смутныя предчувствія о необходимости очисти донскихъ гирь.... Все это произведено было силою патріотическихъ стремленій....

Но заказы пароходовъ, какъ и вся «искусственная» часть дѣла до насъ съ г. Кокоревымъ не относятся, и потому оставимъ ихъ въ сторонѣ. Гораздо ближе нашему сердцу рѣчь г. Погодина, который говоритъ безъ обиняковъ: люблю русскаго человѣка, за то, что въ немъ много довѣрчивости, безъ которой намъ всѣмъ пришлось бы положить зубы на полку.... Рѣчь эта — о важности довѣрія до сихъ поръ еще не оцѣнена по достоинству; а между тѣмъ она есть такой памятникъ нашего ораторскаго искусства, который въ будущемъ изданіи Хрестоматіи г. Галахова долженъ блистательно замѣнить рѣчь г. Морошкина о томъ, что наше «уложеніе» есть «результатъ всемірнаго стремленія народовъ къ единству». По мнѣнію г. Погодина, все должно быть основано на «довѣрїи особаго высшаго рода» все должно дѣлаться «по душѣ», — то есть надо вѣрить всему, что объявятъ тѣ, у кого въ рукахъ дѣло.

Отчетовъ никакихъ не нужно, — увѣряетъ г. Погодинъ, — ибо гдѣ отчетность, тамъ по большей части и неправда.... Отчетность и хороша, — проговаривается онъ при этомъ, — но по нашему (то есть г. Погодина — съ кѣмъ еще?) характеру, имѣетъ свои неудобства и невыгодныя стороны.... Поэтому, говоритъ, лучше намъ не отдавать никакихъ отчетовъ.... то есть нѣтъ.... онъ сказалъ: лучше намъ не требовать никакихъ отчетовъ, и предаться вполне въ руки учредителей. Вотъ теперь намъ нужно, говоритъ, директоровъ выбирать; но что мы тутъ смыслимъ, кого выберемъ? Напугаемъ только. Нѣтъ, поклонимся-ко лучше учредителямъ, да попросимъ ихъ сказать намъ, кого надо назначить директорами. Такъ оно и будетъ, какъ они рѣшатъ. «Мнѣ кажется, — увѣрялъ маститый профессоръ, — что лучше всего мы соблюдемъ наши выгоды, сказавъ нашимъ учредителямъ съ ихъ будущими директорами, какъ говаривали наши дѣды: если вы не оправдаете нашей довѣренности, съжми!»

насъ обмануте, то вамъ будетъ стыдно... И если они насъ обманутъ, то имъ будетъ стыдно».

Все это, какъ видите, говорилось во имя русской народности, въ видѣхъ уваженія къ отцамъ и дѣдамъ, въ увѣренности на счетъ вышнихъ, сердечныхъ качествъ русскаго человѣка. Представителемъ русскихъ людей былъ въ числѣ учредителей г. Кокоревъ; къ нему тотчасъ и обратились съ предложеніемъ директорства. Но онъ, «по многообразности своихъ занятій», отказался отъ этого званія; тогда избрали его почетнымъ членомъ правленія. Съ избраніемъ его, для общества обезпечивалось присутствіе русскаго элемента въ дѣлѣ, обезпечивалась, кромѣ того, *полная и безусловная гласность*, которой такъ ревностно служить г. Кокоревъ. Такъ г. Кокоревъ и говорилъ въ собраніи акціонеровъ: «поведемъ это дѣло не по одѣмъ только форменнымъ колеямъ, а при содѣйствіи *спасительной гласности, по широкой дорогѣ современнаго и истиннаго человѣческаго взгляда на общественныя нужды*».

Поговоривши такимъ образомъ, начали дѣло. Въ первые мѣсяцы все было хорошо. Никто ничего не говорилъ противъ общества; къ спасительной гласности не прибѣгалъ даже г. Кокоревъ, не ранѣе, какъ въ концѣ ноября объявившій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (№21), каково было истинное положеніе дѣла при его началѣ. При открытіи общества онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Погодинымъ, все восхищался тѣмъ, что акціи общества разобраны, не смотря на соперничество *гарантированныхъ* акцій Главнаго Общества Русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ ноябрѣ г. Кокоревъ пропечаталъ, что къ открытію Волжско-донскаго общества акцій было разобрано только двѣ трети, остальную же *треть*. т. е. болѣе чѣмъ на 2¹/₂ милліона рублей, г. Кокоревъ взялъ на себя и на своихъ знакомыхъ — *единственно по необходимости, чтобы предпріятіе могло состояться*. Если такъ, то позволительно усомниться въ основательности восторговъ, съ которыми въ декабрѣ 1858 г. гг. Кокоревъ и Погодинъ отзывались объ успѣшномъ расходѣ акцій: ясно, что все дѣло устроено было единственно пособіемъ г. Кокорева, который одушевленъ былъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, любовью къ дѣлу, къ *національной пользѣ* предпріятія, а никакъ не расчетами собственныхъ выгодъ. Не даромъ же его и директоромъ выбирали, и почетнымъ членомъ правленія избрали!...

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое безкорыстное дѣло въ дурную сторону. Такъ и здѣсь: нашлись господа, утверждавшіе, что акція шла вовсе не такъ плохо, и что заботливость г. Кокорева объ устройствѣ дѣла была уже слишкомъ предудредительна. По этому, по собственнымъ словамъ гласнолюбиваго

г. Кокорева, «многие укоряли его за то, что онъ *однакомъ въ себѣ* много акцій, и даже видѣли въ этомъ *дѣйствіе, заключающее другія* возможности получить акціи». Но давно уже извѣстно, что г. Кокоревъ все побѣждаетъ своимъ великодушіемъ: на эти укоры (предававшіеся, вѣроятно, въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 года), онъ торжественно отвѣчалъ въ 21 № Русскаго Вѣстника, выпущеннаго 29 ноября 1859 года (т. е. когда уже видно стало, что дѣло ведется очень плохо, и когда акціи стали обѣщать явный убытокъ). Отвѣчалъ онъ слѣдующимъ аргументомъ: «я уже сказалъ, что такую громаду акцій я оставилъ за собою по необходимости, и *дѣйствительность этого могу подтвердить тѣмъ, что я готовъ половину изъ нихъ перепустить желающимъ, когда угодно*». Объявленіе это, при всемъ своемъ великодушіи, могло показаться нѣсколько позднимъ, и потому г. Кокоревъ удостоилъ даже войти въ объясненіе о томъ, что *теперь* (въ концѣ ноября 1859 г.) акціи *интересныѣ*, чѣмъ годъ тому назадъ, ибо предпріятіе уже приблизилось къ открытію дороги, *а съ первыми семистакомъ на ней* (не о нашемъ ли «Свисткѣ» думалъ г. Кокоревъ?) употребленный на акціи капиталъ будетъ приносить уже сборъ денегъ». Изъ всего этого очевидно слѣдовало, что ежели В. А. Кокоревъ и рѣшается продавать свои акціи, то единственно по гуманности своей природы, по состраданію къ *меньшимъ братьямъ* (по карману, кто-то выразился), которымъ тоже хочетъ предоставить участіе въ выгодахъ, приходящихся на долю его, г. Кокорева!...

Послѣдствія не оправдали гуманныхъ надеждъ г. Кокорева: съ начала нынѣшняго года акціи быстро падали, и теперь публикуются 75 рублей ниже паря; но и за эту цѣну никто не беретъ ихъ. Дошло до того, что въ общемъ собраніи общества, бывшемъ въ концѣ апрѣля, положено ограничить цѣну акцій, вмѣсто предполагаемыхъ 500, только четырьмя стами рублемъ (Спб. В. № 95), — и все-таки владельцы акцій не знаютъ куда дѣваться съ ними. Но этихъ позднѣйшихъ фактовъ конечно не предвидѣлъ г. Кокоревъ: иначе онъ вѣроятно не сталъ бы предлагать такъ любезно свое великодушіе, которое, можетъ быть, и увлекло кого нибудь, и обошлось не дешево тому, ктѣ имѣлъ неслугоразуміе имъ воспользоваться...

Это одна сторона гуманности и гласнолюбія г. Кокорева, въ дѣлѣ построенія Волжско-донской желѣзной дороги. Но есть еще другая, за которую давно уже слѣдили мы, и о которой только теперь рѣшаемся рассказать, такъ какъ дѣло уже нѣсколько разъяснено разными статьями, появившимися на этотъ счетъ въ послѣднее время въ газетахъ. Эта другая сторона уже не въ отношеніяхъ г. Кокорева къ образованной публикѣ, а въ дѣлѣ съ рабочими. Трагическая сторона этого дѣла должна бы даже не позволить ему быть въ «Свисткѣ»

во «Свѣстокъ» на этотъ разъ берется только указать все шарлатанство, которое въ обстановкѣ была трагедія съ рабочими, и уступаетъ внутреннему обозрѣнію «Современника» серьезную сторону этой исторіи.

Посреди всеобщаго благожелательства къ предпріятію волжско-донской дороги, вдругъ въ маѣ прошлаго года появилась въ «Самарскихъ Вѣдомостяхъ» статья, подъ названіемъ: «Небывалое возмущеніе». Статья эта была потомъ перепечатана въ «Русскомъ Дневникѣ» (№ 109), и потому, можетъ быть читатели помнятъ ее, но мы все-таки сдѣлаемъ изъ нея небольшую выдержку, чтобы удобнее было сличать послѣдующія показанія. Вотъ существенная часть статьи:

«Наканунѣ 28 числа апрѣля прибылъ въ Самару сверху пароходъ соединеннаго общества *Кавказъ и Меркурій*, «Адашевъ», буксировавшій на трехъ баржахъ складъ лѣснаго матеріала, принадлежностей для производства земляныхъ работъ по устройству желѣзной дороги между Волгою и Дономъ, какъ-то: тачекъ, чугуновыхъ колесъ и проч., и до 2,600 человекъ рабочихъ, которые размѣщались на палубѣ. Оставивъ баржи съ рабочими людьми въ виду города, на серединѣ рѣки, пароходъ причалилъ къ пристани, запасся дровами, принялъ пассажировъ и въ тотъ же день, вечеромъ, отправился, чтобы принять баржи и слѣдовать далѣе. Но на другой день, 29 го числа, въ 6 часовъ утра, командиръ парохода «Адашевъ», баронъ Медемъ явился къ вѣдшему губернатору и объявилъ, что означенные работники взбунтовались, не даютъ подымать якорей, потому, судно бы, что ихъ не спускаютъ на берегъ, гдѣ онѣ хотятъ пьянствовать. Поэтому, просилъ наказать болѣе виновныхъ зачинщиковъ. Его сопровождалъ прикащикъ купца Гладина, молоденькій мужчина, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ физиономіи, которую обычно привыкли называть плутовскою. Разумѣется, этому послѣднему предложенъ былъ вопросъ, нѣтъ ли другой причины сопротивленія крестьянъ, и достаточно ли онѣ ихъ содержать? на что прикащикъ отвѣчалъ, что онъ даетъ имъ хлѣба по 4 ф. на человекъ въ сутки. Необходимо было удостовѣриться и разобратъ, въ чемъ дѣло; для этого отправленъ былъ изъ города полиціимейстеръ съ городскимъ ратманомъ и козаками. Эти лица нашли на трехъ баржахъ, какъ мы уже сказали, до 2 тысячъ человекъ, размѣщенныхъ на палубахъ; это были крестьяне разныхъ вѣдомствъ, набранные въ разныхъ мѣстностяхъ и посаженные на баржи въ разныхъ пристаняхъ Волги: у нихъ не было образовано ни артелей, ни избрано десятниковъ, однимъ словомъ, — все было предоставлено произволу наемныхъ прикащиковъ, привыкшихъ къ извѣстному обращенію съ народомъ. Рабочіе о причинѣ неповиновенія командиру объявили посланнымъ, что нанявшій ихъ для работъ на желѣзной дорогѣ повѣренный купца Гладина, *Иванъ Головкинъ*, говорилъ имъ при наймѣ, что переѣздъ ихъ до Царицына будетъ продолжаться до 15 апрѣля, а съ этого дня будутъ получать жалованье. Во время пути онѣ

обязался давать имъ въ пищу *черный хлѣбъ съ постнымъ масломъ и солью*, при остановкахъ же въ юрдахъ покупать *ситный хлѣбъ*. Такъ онъ исполнялъ условіе до Самары. Когда же хотѣли отчалить отъ адѣшняго города, рабочіе объявили командиру, что *они не пойдутъ до того времени, пока подрядчикъ не выполнитъ условія*, и что *если имъ дадутъ хлѣбъ, то безъ масла и соли, притомъ негодный, подернувшійся плесенью и черствый*. Хлѣбъ найденъ, действительно, такой, какъ показывали рабочіе; онъ купленъ былъ прикащикомъ за шесть дней въ Нижнемѣ, тогда какъ можно было заготовить болѣе свѣжій въ Казани и другихъ городахъ. Посланные лица нашли между тѣмъ подъ замкомъ складъ весьма хорошаго хлѣба, и прикащику приказано было тутъ же удовлетворить справедливую жалобу рабочихъ — *купить масло и соль, выдать своей хлѣбъ, а испорченный возвернуть*. Само собою, жаловавшіеся, видя удовлетвореніе своему дѣлу, ни мало не медля согласились продолжать путь и тотчасъ отчалили. Но этимъ не ограничивались притѣсненія со стороны прикащиковъ. Крестьяне объявили еще полиціи-мейстеру, что они просили спустить на берегъ хотя одного изъ нихъ для покупки табаку; но прикащики и этого имъ не позволяли, желая, чтобы рабочіе покупали табакъ у нихъ по дорогой цѣнѣ. Такъ иногда, не разобравъ дѣла, можно лать ему совершенно иной видъ. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи и о наказаніи виновныхъ; а оказалось, что не было и тѣхъ возмущеній.

Въ этомъ извѣстіи не только не упомянуто имя г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится противъ общества Волжско-донской дороги, а только разсказывается поведеніе прикащика купца Гладина. Но г. Кокоревъ, прочитавъ самарское извѣстіе, немедленно воспылалъ любовью къ гласности и напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 132) горячее посланіе. Мы приведемъ и это посланіе, но прежде спросимъ читателей: какъ же они понимаютъ сущность дѣла, изложеннаго въ «Самарскихъ Вѣдомостяхъ»? Намъ кажется, что тутъ разногласій быть не можетъ: рабочимъ назначенъ былъ *черный хлѣбъ съ солью и постнымъ масломъ*; и того имъ не давали: масла и соли вовсе не было, хлѣбъ же былъ негодный, до того залежавшійся, что покрылся плесенью. Рабочіе хотѣли курить, имъ и этого не дали. Вообще прикащики были такъ грубы и бессмысленны, что при первомъ удобномъ случаѣ рѣшились даже обвинить рабочихъ въ бунтѣ, зная, безъ сомнѣнія, чему обвиненные за это могутъ подвергнуться и какой ущербъ подобная исторія можетъ сдѣлать самымъ работамъ, на которыя везли этихъ людей.... Все это ясно изъ самарскаго описанія; но посмотрите, какъ на это смотритъ и что изъ этого дѣлаетъ г. Кокоревъ. Вотъ его документецъ:

«Въ № 109 «Русскаго Дневника» заимствовано извѣстіе изъ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» о томъ, что плывшіе мимо Самары рабочіе на Волжско-донскую желѣзную дорогу *не получили въ Самарѣ*

млеко сытное хлѣбъ (?), что имъ предлагали въ пищу хлѣбъ черствый и только черкны (II) и что во всемъ этомъ уличень на мѣстѣ прикащика подрядчика Гладина, взявшаго на себя земляныя работы на желѣзной дорогѣ.

По прочтеніи означеннаго извѣстія, съ разу чувствуется прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцію «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Безъ гласности, когда бы мы узнали о томъ, что рабочіе люди, эти двигатели всякаго устройства, такъ плохо содержались во время пути? Если бы у нихъ и былъ хорошій сытный хлѣбъ, то и этого недостаточно. Развѣ можно рабочаго, идущаго на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную) кормить однимъ хлѣбомъ? Нужно шить мясо и кашу. Я никакъ не ожидалъ, чтобы подрядчикъ, извѣстный, по отзывамъ рабочихъ, приготовленіемъ хорошей пищи для нихъ, могъ такъ дурно содержать людей въ пути. Я буду очень радъ, если гласность, не ограничиваясь надзоромъ за путевымъ содержаніемъ рабочихъ, распространитъ свое наблюденіе и на мѣста работъ. Всякій голосъ, который раздастся съ мѣста о пищѣ и жилищахъ рабочихъ и о медицинскихъ пособіяхъ имъ, принесетъ свою пользу не только обществу Волжско-донской желѣзной дороги, но и вообще русской жизни.

«Основывая мое понятіе о Гладинѣ на хорошемъ отзывѣ о немъ рабочаго сословія, я хлопоталъ о томъ, чтобы подрядъ остался за нимъ, даже противъ цѣнъ, выпрошенныхъ другими подрядчиками. Не понимаю, какъ могло случиться, что рабочіеплыли безъ мясной пищи. Я ставлю въ вину не одно неимѣніе свѣжаго хлѣба, но и неимѣніе мяса. Подрядчикъ Гладинъ долженъ объяснить публикѣ свой поступокъ, а прикащика, провожавшаго партію рабочихъ и не заботившагося объ ихъ продовольствіи, уволить. Фамилія его должна быть печатно объявлена, чтобы всякій зналъ, какъ называется тотъ человекъ, который въ составѣ держитъ на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратіи.

«Состоящее въ Петербургѣ правленіе Волжско-донскаго общества, вѣроятно, выведетъ наружу всѣ подробности этого дѣла и огласитъ ихъ печатно, съ показаніемъ виновныхъ. Я пишу эти строки въ Москвѣ, а потому не могу сказать навѣрное, что предпринято правленіемъ. По полученіи мною свѣдѣнія о фамиліи виновнаго прикащика, я пришлю дополненіе къ этой статьѣ въ «Московскія Вѣдомости».

Письмо это, какъ видите, написано черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія. Какъ почетный членъ правленія, какъ любитель русскаго человека, г. Кокоревъ не долженъ былъ цѣлый мѣсяцъ оставаться въ невѣдѣніи о такомъ вопіющемъ дѣлѣ. Посторонніе люди, какъ напр. редакція «Русскаго Дневника», успѣли разузнать о дѣлѣ изъ мѣстныхъ извѣстій и заинтересовались имъ: какъ же г. Кокореву не слѣдить было за дѣломъ, которое, какъ оказывается, имъ же и было устроено, потому что онъ хлопоталъ, чтобы подрядъ остался за Гладинимъ, даже противъ цѣнъ выпрошенныхъ другими подрядчиками!... Но положимъ, г. Кокоревъ, «по многосложности своихъ за-

матій», могъ выпустить изъ виду ходъ устроеннаго имъ подряда.... Онъ же такъ надѣялся на подрядчика Гладина.... Но чѣмъ объяснить ту невнимательность, съ которою прочиталъ онъ самарское извѣстіе? Отъ чего могло зависѣть странное извращеніе фактовъ и понятій, находимое нами въ письмѣ г. Кокорева? По его словамъ, самое ужасное во всей исторіи было то, что рабочіе въ Самарѣ (забудьте, не на дорогѣ, а только въ Самарѣ) не получили никакого ситнаго хлѣба. Не правда ли, какъ это мяко? Не мудроно, что прибавши такую фразу, для выраженія мысли о томъ, что рабочихъ дорого кормили инилымъ хлѣбомъ, не давая къ нему даже соли и масла, — не мудроно, что г. Кокоревъ «съ разу почувствовалъ прямую пользу гласности». Въ «Самарскія-то Вѣдомости» и «Русскій Дневникъ» кто-то еще заглянетъ; а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ письмѣ съ подписью г. Кокорева, всякій прочтетъ, и подивится гуманности этого человѣка, возмущеннаго тѣмъ, что рабочіе получили въ Самарѣ не совсѣмъ мягкій хлѣбъ.... Но это еще ничего не значить, — г. Кокоревъ приходитъ въ паеосъ и требуетъ для рабочихъ мяса и каши, прибавляя, что рабочіе суть «двигатели всякаго устройства». Какъ жаль, что этотъ паеосъ не снизошелъ на г. Кокорева нѣсколькими мѣсяцами раньше: тогда бы онъ, можетъ быть, возымѣлъ практическія послѣдствія. А то въдъ письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже всѣ рабочіе были переправлены, слѣдовательно, можно было требовать, чтобъ рабочихъ кормили въ дорогѣ дичью, трюфелями, посылали имъ обѣды отъ Дюссо, съ рейнвейномъ и шампанскимъ: все это ровно ничего уже не стоило, и, главное, рабочимъ-то отъ этого не было ни сыто, ни голодно.

Далѣе г. Кокоревъ энергичски требуетъ объявленія имени прикащика, — «чтобы всякій зналъ, какъ называется человѣкъ, который въ состояніи держать на одномъ черствомъ хлѣбѣ своихъ собратій». Опять таже мякость словесная: главное, видите ли, въ черствости хлѣба, а гнилость его, а то, что даже масло и соль не выдавались людямъ, что ихъ заставляли переплачивать на табакѣ, что ихъ хотѣли подвести подъ наказаніе, какъ бунтовщиковъ, — это все ничего!...

Такія-то свойства гласнолюбія, правдивости и гуманности выкажутся въ письмѣ г. Кокорева, даже при бѣгломъ его разсмотрѣніи. Но оно получаетъ еще новую цѣну, по сравненію съ извѣстіями, сообщенными впоследствии, — самимъ г. Кокоревымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и г. Ал. Козловымъ, на дняхъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 102, 6 мая).

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляетъ панегирикъ подрядчику Гладину, и по ея даннымъ онъ выходитъ изъ всего

правъ, чуть не святъ, къ вѣщшему, разумѣтся, обвиненію г. Кокорева. Въ подобныхъ дѣлахъ, гдѣ гласность попадаетъ въ такія руки, какъ у г. Кокорева съ братією, гдѣ и медвѣдь реветъ, и корова реветъ, — разсудить между двумя почтенными лицами бываетъ, разумѣтся, трудно. Но мы должны сказать, что статья г. Козлова не имѣетъ прочнаго значенія до тѣхъ поръ, пока мы не знаемъ, кто такой этотъ господинъ. Изъ статьи его не видно, участникъ ли онъ въ работахъ по желѣзной дорогѣ, чиновникъ ли самарскій, производившій слѣдствіе о мнимомъ бунтѣ рабочихъ, прикащикъ ли, сопровождавшій баржи (послѣднее имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, какъ сейчасъ увидимъ), или просто пріятель г. Гладина, какъ можно думать по двумъ-тремъ мѣстамъ статьи. Намъ очень прискорбна эта неопредѣленность, потому что изъ-за нея мы не можемъ давать твердой вѣры фактамъ, сообщаемымъ въ статьѣ г. Козлова. Впрочемъ, надѣясь, что онъ приметъ на себя отвѣтственность за сообщенныя имъ свѣдѣнія, мы введемъ въ свой разсказъ тѣ данныя, которыя положительно имъ утверждаются, какъ свидѣтелемъ и самовидцемъ.

По словамъ г. Козлова, г. Гладинъ, обязавшись поставить 2,000 рабочихъ обществу, вовсе не обязанъ былъ принимать на себя ихъ доставленіе на мѣсто. Подрядчикъ всегда обязывается нанять рабочихъ и производить имъ жалованье и харчевое содержаніе со дня поступления ихъ на работу; болѣе ему ни до чего дѣла нѣтъ. Но Гладинъ, «имѣя въ виду скорѣйшій успѣхъ работъ и желая въ тоже время слѣдять доброе дѣло, рѣшился доставить рабочихъ съ назначеннаго сборнаго пункта къ мѣсту работъ въ Царицынъ — *на свой счетъ*». По разсчету, это должно было стоить Гладину всего-на-все-го около 30 рублей на человѣка, — т. е. на 2,000 рабочихъ до 60000 р. с. — Не зная, въ какой степени вѣрить г. Козлову, мы не можемъ рѣшить, какъ велико тутъ было дѣйствительное великодушіе г. Гладина; но основаніе факта мы готовы допустить: г. Гладинъ дѣйствительно могъ хлопотать о скорѣйшей отправкѣ рабочихъ и даже для этого жертвовать деньгами, если онъ зналъ, какъ тяжело въ волжскихъ степяхъ работать въ лѣтніе жары и какъ неизбѣжны тамъ побѣги рабочихъ, въ то время, какъ наступитъ уборка полей. Онъ хотѣлъ, конечно, выиграть удобство и время для работъ и для того пораньше доставить людей на мѣсто. Но тутъ опять является на сцену г. Кокоревъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, г. Кокоревъ состоитъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ обществу «Кавказъ и Меркурій». Поэтому неудивительно, если произошелъ фактъ, о которомъ г. Козловъ разсказываетъ слѣдующее:

«В. А. Кокоревъ, прослышавъ о безкорыстномъ намѣреніи Гладина принять на свой счетъ отправку рабочихъ, явился къ нему и съ задумчивою улыбкою любезно предложилъ на этотъ счетъ услуги общества «Кавказъ и Меркурій», выгоды котораго были очень близки къ лѣвой сторонѣ его филантропіи. Вслѣдствіе этого было заключено условіе, которымъ общество *Кавказъ и Меркурій* обязалось предъ Гладиннымъ принять его рабочихъ на три баржи 15 апрѣля и доставить ихъ на мѣсто, т. е. въ Царицынъ, въ теченіи семи дней, — къ 23 апрѣля, за 7000 р. с.»

Выходить, стало быть, что г. Кокоревъ не только устроилъ подрядъ съ Гладиннымъ, но даже самъ предложилъ и способъ отправленія. Тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, тѣмъ заботливѣе долженъ былъ упражнять въ этомъ случаѣ свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокоревъ, заключивши условіе съ Гладиннымъ и доставивъ обществу «Кавказъ и Меркурій» 7000 р. доходу съ перевозки, считалъ свое дѣло поконченнымъ. Вышло не совсѣмъ такъ.

На семь дней пути Гладинъ заготовилъ, по словамъ г. Козлова, на каждого человѣка по 1 пуду ржанаго и $\frac{1}{2}$ пуда бѣлаго хлѣба, — пропорція болѣе нежели достаточная даже для 14 дней. Но онъ не рассчиталъ на удивительную распорядительность и аккуратность правленія общества «Кавказъ и Меркурій», недавно въ такихъ яркихъ чертахъ изображеннаго г. Севастьяновымъ (Сиб. Вѣдомостей № 53), и въ особенности на оригинальную дѣятельность г. Брылкина, управляющаго нижегородскою конторою общества. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по извѣстію самаго г. Кокорева (Рус. Вѣст. стр. 49), г. Брылкинъ продержалъ въ Балахнѣ рабочихъ десять (а по увѣренію г. Козлова — 12) дней, не имѣя въ готовности баржей, которыя должны были быть по контракту у берега. Въ это время весь хлѣбъ-то заготовленный и съѣли. Затѣмъ, по мнѣнію г. Кокорева, нужно было посылать впередъ хлѣбопековъ и кашеваровъ на мѣста привала, и вся бѣда произошла оттого, что такого распоряженія не было дѣлано. Но г. Козловъ справедливо возражаетъ, что при запасѣ хлѣба на весь путь о хлѣбопекахъ и думать было нечего, потому что хлѣбъ заготовленъ былъ печеный. Хотя это тоже не веселое кушанье — хлѣбъ, заготовленный на семь дней, въ теплую весну, въ пизовьяхъ Волги, — но по крайней мѣрѣ все-таки хлѣба *достало бы!*, если бы не оригинальное поведеніе г. Брылкина. И по всей вѣроятности, рабочіе не стали бы даже претендовать на *чорствость* хлѣба, которая такъ возмущаетъ г. Кокорева: имъ вѣдь это не въ диковинку. Но имъ задано было испытаніе еще получше: перспектива остаться вовсе безъ хлѣба.... Тогда-то они и возроптали. Еще въ Козьмодемьянскѣ за-

несъ весь истощился, и, по словамъ г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: «приваливаютъ, идутъ за печенымъ хлѣбомъ на базаръ и находятъ тамъ только пять пудовъ». Къ счастью, г. Брылкинъ распорядился заготовить здѣсь 700 пудовъ печенаго хлѣба, съ которыми рабочіе и плыли до Самары. В. А. Кокоревъ замѣчаетъ, что «Николай Александровичъ Брылкинъ сдѣлалъ это какъ бы въ покрытіе вины своей передъ Гладинымъ». Но г. Козловъ находитъ здѣсь поводъ для слѣдующихъ остротъ: «Брылкинъ, говоритъ онъ, заботился о заготовкѣ хлѣба въ Козьмодемьянскѣ, рассчитывая на то, что при такомъ излишнемъ простотѣ людей Гладина хлѣбъ понадобится, и его можно будетъ спустить съ хорошей выгодой. Гдѣ же тутъ покрытіе вины, Василий Александровичъ? Вотъ если бы вы купили этотъ хлѣбъ на свой счетъ, да роздали рабочимъ, это было бы другое дѣло, а такъ какъ за хлѣбъ этотъ получена съ Гладина приличная сумма денегъ, то вся эта операція не на *покрытіе вины*, а на что-то болѣе *виное* смахиваетъ». Не смотря на плоскость этого наламбура, разъясненіе того, какъ г. Брылкинъ покрывалъ свою вину предъ г. Гладинымъ — очень любопытно.

До Самары плыли рабочіе съ хлѣбомъ. Въ Самарѣ нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточнаго количества хлѣба. Это и было поводомъ къ «возмущенію» рабочихъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ г. Кокоревъ: (Рус. Вѣстн. стр. 49).

«По прибытіи въ Самару, прикащикъ подрядчика Гладина напелъ на рынкѣ только сто пудовъ печенаго хлѣба, и закупивъ его, хотѣлъ съ нимъ отваливать, *ибо пароходъ не могъ стоять и ждать, пока самарскій рынокъ запасется новымъ печенымъ хлѣбомъ*. Тутъ рабочіе не позволили снаться съ якоря, видя, что сто пудовъ хлѣба, т. е. 4000 фунтовъ составляетъ на 2000 человекъ по 2 фунта на каждого, а плыть съ этимъ запасомъ до Саратова надо четыре дня».

Такъ вотъ до какой крайности доведены были рабочіе, вотъ отчего наконецъ выказали они *неповиновеніе*, ужаснувшее прикащика Гладина. Имъ предстояло питаться двумя фунтами хлѣба четверты сутки, а по предшествующему плаванію они знали, что къ хлѣбу имъ ничего не дастся. Послѣ этого съ какимъ умиленіемъ должны мы повторять возгласы г. Кокорева о масѣ и кашѣ...

И не смотря на все вытерпѣнное въ пути, рабочіе понесли отъ Самары съ недостаточнымъ количествомъ хлѣба. Приближаясь къ Саратову они, по словамъ г. Кокорева, «питались жевавіемъ сухой крупы!!» «Такимъ образомъ, — приведемъ здѣсь слова статейки г. Альбицкаго объ этомъ же предметѣ (Сѣв. Пч. № 50), — на водахъ Волги, въ виду огромныхъ пространствъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, въ виду многочисленныхъ городовъ и знаменитыхъ хлѣбныхъ пристаней,

двѣ тысячи народа, по челоуѣколюбію и заботливости общества Волжско-донской дороги, испытали такіа бѣдствія, какія, по благодати Божіей, рѣдко приходится испытывать и мореходцамъ на безбрежномъ океанѣ».

Печатавъ въ ноябрѣ объ апрѣльскомъ происшествіи, г. Кокоревъ говорилъ о фактахъ нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ въ маѣ. Но оназывается, что онъ могъ бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что повѣрку дѣла производить трудно, онъ могъ бы *ею отпернуть*, какъ сдѣлалъ другой поборникъ гласности, противникъ г. Кокорева, г. Ал. Козловъ. Этотъ почтенный защитникъ—не только Гладина, но и всѣхъ его прикащиковъ, увѣряетъ теперь,—черезъ годъ послѣ событія, что все извѣстіе «Самарскихъ Вѣдомостей» вздоръ, что и сами признанія Кокорева—произведенія его собственной фантазіи. По увѣренію г. Козлова, «вся причина жалобъ рабочихъ заключалась именно въ томъ, что ихъ съ 25 — 50 рублевыми задатками слишкомъ уже тянуло къ родному *сельничку-березничку*», куда ихъ прикащики не пускали. Мнѣніе свое г. Козловъ доказываетъ довольно оригинально. Онъ употребляетъ такой смелогизмъ: если бы рабочихъ кормили гнилымъ хлѣбомъ, то оказался бы на баржахъ запасъ такого хлѣба; а между тѣмъ при осмотрѣ баржъ найдены только остатки черного хлѣба съ плесенью въ рукахъ рабочихъ, въ запасѣ же гнилаго хлѣба не найдено, а найденъ свѣжій. «Какъ же это такъ?» побѣдоносно восклицаетъ онъ, и переходитъ къ приведенному выше объясненію. Какъ видите, ни внимательностью, ни логикой г. Козловъ не можетъ похвалиться. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что въ Самарѣ закупленъ былъ хлѣбъ именно потому, что прежній весь вышелъ, и что уже послѣ этого, узнавъ о недостаточномъ количествѣ закупленныхъ припасовъ, рабочіе подняли ропотъ, объясненный прикащиками какъ бунтъ. Такъ гдѣ же могли найтись запасы гнилаго-то хлѣба, и какимъ образомъ г. Козловъ не понимаетъ, откуда взялся въ запасѣ свѣжій хлѣбъ, когда у рабочихъ въ рукахъ былъ гнилой? Хорошій адвокатъ и слѣдователь г. Ал. Козловъ,—нечего сказать... Далѣе, въ оправданіе Гладина и его прикащиковъ, онъ объявляетъ, что «жеваніе крупы» выдуманно фантазією В. А. Кокорева, ибо во все время плаванія баржъ съ рабочими до Саратова на нихъ «какой бы то ни было крупы ни зерна не имѣлось». И такъ — и крупы не было: даже и жалкій суррогатъ пищи, представленный г. Кокоревымъ, исчезаетъ въ *оправданіи* г. Козлова.

Какъ однако же легко черезъ годъ отречься отъ факта, пользуясь тѣмъ, что онъ не во всѣхъ подробностяхъ засвидѣтельствованъ былъ формальнымъ порядкомъ! Жаль, что г. Кокоревъ поторопился

съ своей гласностью. Впрочемъ, кто жь ему помѣшаетъ и теперь сказать, что по тщательномъ изслѣдованіи дѣла оказалось все дѣло пуфомъ, выдумкой пьяныхъ мужиковъ...? И право, это не будетъ ни лучше, ни хуже того, что говорилъ г. Кокоревъ, въ порывѣ негодованья, о мясѣ, о кашѣ, о черствомъ хлѣбѣ. Результаты рѣшительно одни и тѣже. Жаль только, что г. Кокоревъ такъ натужится, чтобы всѣмъ показать, какой онъ любитель гласности и русскаго человѣка.

А натуги, дѣйствительно — не малы! Въ письмѣ приведенномъ выше г. Кокоревъ старается, между прочимъ, увѣрить всю Россію, что онъ поручилъ подрядъ г. Гладину, даже въ ущербъ выгодамъ общества, единственно потому, что зналъ его хорошее обращеніе съ рабочими и общую любовь ихъ нему. Между тѣмъ въ своихъ «Вѣсткахъ», напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (стр. 61 — 62) онъ приводитъ такіа слова г. Гладина, изъ которыхъ видно совершенно противное. По увѣренію г. Кокорева, г. Гладинъ рѣшительно не понимаетъ, какъ можно даже толковать о неудобствѣ помѣщенія рабочихъ на Волжско-донской дорогѣ. Онъ, по увѣренію г. Кокорева, говорилъ вотъ что: «да у меня на Борисовской дорогѣ 15,000 рабочихъ: подите-ко, посмотрите, какъ они живутъ въ землянкахъ—то осенью, по колѣно въ грязи. Да вотъ я работалъ шоссе около Бреста, такъ выпало такое неудачное мѣсто, что изъ 700 рабочихъ половина померла. Нѣтъ, ужъ тутъ ничего не сдѣлаешь, коли начнутъ умирать; а коли не начнутъ—все хорошо: у меня въ Варшавѣ нонѣ всѣ здоровы. А вотъ, какъ пошли по дорогѣ изъ Питера въ Москву, что, чай, болѣе шести тысячъ зарыли».

Положимъ, что ничего этого г. Гладинъ и не говорилъ г. Кокореву, какъ увѣряетъ г. Козловъ (Сѣв. Пч. № 102); положимъ, что онъ даже никогда и не работалъ на шоссе около Бреста. Но все-равно—вѣдь г. Кокоревъ влагаетъ такіа слова въ уста г. Гладина: значитъ, у него составилось о Гладинѣ именно такое понятіе, какое выражается въ этихъ словахъ. А нѣтъ такое понятіе о человѣкѣ и считать его очень заботливымъ и добрымъ для рабочихъ подрядчикомъ, это ужъ такая наивность, которую подозревать въ В. А. Кокоревѣ мы даже не имѣемъ права. Чѣмъ же могъ такъ понравиться г. Гладинъ г. Кокореву? Неужели тѣмъ, что «рабочіе отзываются о Гладинѣ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, только прикащиками его недовольны и такъ мало вѣрятъ имъ, что боятся даже за свой расчетъ»? Вѣдь это значитъ, что Гладинъ просто злодѣй и губитель своихъ рабочихъ: самому ему все равно,—мрутъ люди, такъ мрутъ, такъ видно, надобно; вдоровы, такъ ладно,—мѣсто, видно, хорошее.. А прикащики у него постоянно такіе, что отъ нихъ житья нѣтъ: гнилымъ хлѣбомъ кормить, въ бунтѣ обвиняютъ, расчетъ задерживаютъ;

ставятъ на работахъ козаковъ... Это все къ Гладину не относится: онъ человѣкъ добрый, и г. Кокоревъ нарочно хлопочетъ, чтобы подрядъ остался именно за нимъ.... Чѣмъ объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тѣмъ, что въ его положеніи очень выгодно защищать великаго главнаго распорядителя, сваливая всю вину на подчиненныхъ? Въ свою очередь и г. Кокоревъ долженъ быть такъ же точно оправданъ и восхваляемъ, не смотря на всѣ вопиющіе ужасы, которые совершаются въ подвѣдомыхъ ему дѣлахъ.. Вѣдь не онъ самъ дѣлаетъ всѣ эти ужасы; онъ, напротивъ, человѣкъ добрый,—хлопочетъ о мясѣ для рабочихъ, а не только о хлѣбѣ: онъ даже и популярность между ними приобретаетъ, ибо раздаетъ имъ полупшубки,—взятые изъ кладовыхъ Гладина же (Свѣ. Пч. № 102). А въ какой степени зависятъ отъ него всѣ безпорядки, притѣсненія и мерзости, совершаемыя другими въ его вѣдѣніи и въ его интересахъ, до этого кто же станетъ добираться...

Но великодушію г. Кокорева нѣтъ никакихъ предѣловъ, а самообличеніе посредствомъ гласности сдѣлалось у него чѣмъ-то въ родѣ хронической болѣзни. Бываютъ, говорятъ, организмы, чувствующие особенный, страстный трепетъ отъ удара плетью или розгами; такой же сладкій трепетъ и возбужденіе ощущаетъ, повидимому, г. Кокоревъ отъ оглашенія какого нибудь изъ своихъ недостойныхъ поступковъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: доказавъ очень ясно, почему и для чего выбралъ онъ Гладина, и почему на него положился, онъ вдругъ переходитъ къ самообличенію, въ такомъ тонѣ:

«Въ непредусмотрительной перевозкѣ рабочихъ нельзя по совѣсти обвинять подрядчика Гладина: онъ руководствуется прежнимъ образомъ дѣйствій и не можетъ имѣть понятія о *требованіяхъ новыхъ* (т. е. кормитъ рабочихъ не гнилымъ хлѣбомъ, это *новое требованіе!*), за исполненіе которыхъ должно отвѣчать правленіе,—и я, *разумеется, раздѣляю вину съ прочими, какъ учредитель*. Мы считаемъ себя *умные, образованные* подрядчиковъ (вольно же вамъ!), слѣдовательно мы и должны были подумать, какъ бы перевезти рабочихъ безъ всякихъ затрудненій».

Видите, какое смиреніе, какая готовность обвинить себя! Конечно, говорить, это собственно не наше дѣло; но мы такъ умны, такъ пронырливы новыми требованіями, что должны бы взять на себя трудъ наблюдать за дѣйствіями *меньшихъ братьевъ* (т. е. подрядчиковъ), которымъ недоступны новыя требованія. Мы этого не сдѣлали и мы—виноваты; казните насъ—за то, что мы умѣе другихъ...

Такъ говорить г. Кокоревъ; но чтобы вы въ самомъ дѣлѣ не подумали, что онъ виноватъ, онъ сейчасъ находитъ другую, весьма уважительную причину, отъ которой произошли всѣ бѣдствія рабо-

чихъ, и которая отъ него уже рѣшительно не зависить. Вотъ эта причина:

«За тѣмъ многа неудобства надобно отнести къ неимѣнію на Волгѣ телеграфа, при котарамъ всегда бы можно было телеграфировать о заготовленіи не только печенаго хлѣба, но и мяса».

Причина эта никому не приходила въ голову, но для г. Кокорева она служитъ полнѣйшимъ оправданіемъ. Какъ человѣкъ европейскій, привыкшій къ *новымъ требованіямъ*, онъ воображалъ, разумѣется, что на Волгѣ есть телеграфъ, по которому если нельзя пересылать хлѣба, то можно по крайней мѣрѣ телеграфировать о заготовленіи *не только печенаго хлѣба, но и мяса*. Въ этой сладкой увѣренности, онъ и не подумалъ обратить свою заботу на заготовленіе—*не только мяса, но и печенаго хлѣба*. Какъ же вы хотите иначе? Передовой человѣкъ,—онъ не можетъ никакъ свыкнуться съ невѣжествомъ и грубостью нашихъ нравовъ. Телеграфовъ нѣтъ! Фу! Да какъ же послѣ этого удивляться, что люди сидятъ безъ хлѣба, хвораютъ оттого и мрутъ въ несоразмѣрномъ количествѣ! О невѣжественные россияне! Заведите прежде телеграфы по Волгѣ, и тогда уже претендуйте на свѣжіи хлѣбъ, на соль и постное масло!..

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что г. Кокоревъ, какъ другъ профессора Погодина, и здѣсь не дѣлаетъ высокому чувству патриотизма: онъ разумѣетъ, очевидно, не иностранные телеграфы, а русскіе, которыми извѣстія передаются, извѣстно, съ какою скоростью. Что именно о такихъ телеграфахъ хлопочетъ г. Кокоревъ, это видно изъ соображенія быстроты собственныхъ его дѣйствій. Письмо о самарскомъ проишествіи и о прикащикахъ Гладина писано имъ 30 мая; а затѣмъ подробнѣйшее изслѣдованіе дѣла было имъ произведено только въ половинѣ іюля,—черезъ полтора мѣсяца, когда онъ самъ пріѣхалъ въ Царицынъ. При этомъ оказалось, что положеніе рабочихъ вполнѣ плохо; значитъ, для нихъ ничего не было сдѣлано ни обществомъ, ни г. Кокоревымъ, съ тѣхъ поръ, какъ благотѣльная гласность обнаружила ихъ положеніе. Да и что же было еще дѣлать? Написали въ газетахъ гуманное посланіе, съ азартомъ, съ новыми требованіями... Чего же еще? Дѣло-то дѣлать?—это еще погодите, это впереди. А нынче —

Нынче время не такое:

Прощаетъ гласность.

Голодали рабочіе дорогой: черезъ мѣсяць это было любопытнымъ предметомъ для гласности. Хворали и мерли люди на работахъ все лѣто: въ концѣ іюля г. Кокоревъ сочинилъ «Царицынскія записки», а въ ноябрѣ нанечаталъ всю исторію своей поѣздки въ «Русскомъ»

Вѣстникѣ», этомъ знаменитомъ поборникѣ гласности. И прекрасно: мы очень довольны!...

А что нашелъ г. Кокоревъ на работахъ, и что онъ сдѣлалъ тамъ? Хотите знать, такъ мы расскажемъ и это, только вкратцѣ, потому что не слѣдъ вводить въ «Свистокъ» такую матерію во всей ея полнотѣ.

По прибытіи въ Царицынъ, рабочіе опять голодали, потому что «скудный царичинскій рынокъ не могъ удовлетворить спросу». Для рабочихъ буквально ничего не было заготовлено, и даже главная царичинская контора съ управляющимъ своимъ г. Позѣнковскимъ прибыла въ Царицынъ *черезъ три недѣли послѣ рабочихъ*. Все это время рабочіе должны были обходиться собственными средствами—сами устраивали себѣ балаганы, кухни, кладовыя для провизіи. Тутъ же и начались болѣзни. Царицынская контора принялась писать въ контору подрядчика разныя предписанія объ устройствѣ лазаретовъ и пр., но сама ничего не дѣлала, и только, по прекрасному выраженію г. Кокорева, «насмѣхалась надъ священными обязанностями человѣколюбія, которыя въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ выгодами общества». Дѣйствительно, выгоды общества соблюлись бы тутъ лучше, если бы рабочихъ не такъ пренебрегли; а то, по свидѣтельству г. Кокорева, въ первый же день по прибытіи на мѣсто у Гладна ушло 300 человѣкъ! Господинъ Козловъ, разумѣется, негодуетъ за это на рабочихъ и приписываетъ ихъ бѣгство желанію зажить полученный задатокъ и получить хорошіе заработки у донцовъ на сѣвокосѣ. Но нетрудно сообразить, какую роль играло въ этомъ случаѣ положеніе рабочихъ по прибытіи въ Царицынъ, послѣ питанія жеваніемъ крупы....

Наконецъ, по словамъ г. Кокорева, рабочіе *устроились*. Вотъ нѣкоторыя указанія на то положеніе, въ какомъ находились они около половины іюля, когда посѣтилъ ихъ гласнолюбивый и гуманнорѣчивый почетный членъ правленія:

Рабочіе живутъ въ выкопанныхъ въ землѣ ямахъ; въ ямахъ этихъ устроены по обѣимъ сторонамъ нары, и на нихъ лежатъ или соломы, или роюжекъ; подъ бокомъ доска, въ головѣ кулакъ». (Стр. 50).

«Шалаши сдѣланы съ такою же небрежностью, низки, тѣсны и безъ отверстій для воздуха. Шалашей сдѣлано мало: по 20 человѣкъ лежатъ въ каждомъ изъ нихъ, а когда число заболѣвшихъ возрастаетъ и привозятъ новыхъ людей, имъ приходится *лежать на землѣ и ждать*, пока не состроятъ новаго помѣщенія, а въ такомъ случаѣ постройка идетъ скорая и кое-какъ. *Нятъ соломы, нятъ роюжекъ и войлоковъ*, чтобы смягчить для больного ложе. Нѣкоторые лежатъ на мѣшкахъ съ сѣномъ, а большіе на своихъ же шубахъ». (Стр. 51—52).

«Распорядители нашли нужнымъ разставить военныхъ козачковъ по *самымъ нужнымъ* *пробывалия* *рабочихъ*, и даже около лазарета стоять два козака съ саблями и *нозайками*». (Стр. 53).

«Конопляное масло во многихъ мѣстахъ *горькое*: Война для скота одна; съ нея приходится возить мясо за 25 верстъ; отчего оно при *здѣшнихъ* *жарахъ* *можетъ* подвергнуться порчѣ. На 59 верстѣ, гдѣ находится 300 человекъ рабочихъ, оказалась овсяная крупа дурной выдѣлки: въ ней много овса. На 48 верстѣ мы нашли очень дурной горохъ, черныи, *неразваривающійся* и жидкий». (Стр. 55).

«Больныхъ возить на одной телегѣ четверыхъ, по пыльной, знойной степи, за 25 верстъ. Лазаретъ—просто *собачьи конуры*». (Стр. 56).

Такія свѣдѣнія даетъ самъ г. Кокоревъ, а мы уже видѣли, какъ въ его устахъ самыя страшныя вещи *смягчаются*, когда онъ этого хочетъ. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ онъ, можетъ быть, и не смягчалъ ничего, потому что вслѣдъ за указаніемъ зла онъ вездѣ предписываетъ и дѣкарство, Правда, онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что все это «прилично было бы говорить въ февралѣ, а не въ юлѣ» (стр. 57); но съ другой стороны, отчего же и въ юлѣ не поговорить? Это избавить насъ отъ обязанности говорить о томъ же въ слѣдующемъ февралѣ. Февраль мы промолчимъ, а тамъ въ юнѣ, юлѣ или августѣ опять примемся, съ прищѣвомъ: еще въ юлѣ прошлаго года говорилъ я...

Есть, правда, и маленькія недоразумѣнія въ «Запискахъ» В. А. Кокорева. Напримѣръ, онъ увѣряетъ, что прежде у рабочихъ солонина была не всегда свѣжая, а съ Петрова дня солонину замѣнили свѣжимъ мясомъ. При этомъ г. Кокоревъ благодаритъ «Саратовскія Вѣдомости», обнаружившія гнилую солонину: «здѣсь опять видна польза гласности», опять прибавляетъ онъ, какъ школьный учитель, задолбившій одинъ афоризмъ и безпрестанно, кстатн или некстатн, огорошивающій имъ своихъ питомцевъ. Мы, разумѣется, приходимъ въ восторгъ отъ твердости г. Кокорева въ своемъ принципѣ; но вдругъ находятся люди, утверждающіе, что здѣсь у г. Кокорева гласность *является* съ своимъ особымъ способомъ выраженія, точно такъ, какъ и въ разказѣ о не совсѣмъ мягкомъ хлѣбѣ. Такъ г. Альбицкій въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 50) сильно преслѣдуетъ г. Кокорева и на солонинѣ, и на гласности, и на мясѣ. Мы приводимъ его соображенія, такъ какъ они довольно остроумны.

«Въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ, говоритъ г. Альбицкій, — было сказано, что рабочіе бѣдствуютъ, что ихъ кормятъ прогудлою говядиной, *изъ* *которой* *вываливаются* *черви*. Статья эта не перешла почему-то въ столичныя газеты, а губернскія вѣдомости кто же читаетъ? Вотъ и ловко было Василю Александровичу, говоря, что «введеніемъ свѣжаго мя-

са рабочіе не мало обязаны Саратовскимъ *Вѣдомостямъ* и возлага на общее собраніе акціонеровъ обязанность благодарить редакцію этой газеты за обнаруженіе невниманія къ рабочимъ, — сказать публично неправду. Саратовскія Вѣдомости говорили, что рабочіе ѣдят *протухлую говядину съ червями*, а Василій Александровичъ сказалъ, что рабочіе кормили «солониной, которая была не всегда свѣжая, а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ (?) *вовсе не ѣли*.» Что же они ѣли? На 51-й страницѣ статьи своей онъ замѣчаетъ, что «главная причина *развитія хворости и труднаго излеченія больныхъ* — вода.» Не черви ли съ говядиной да не каша ли изъ такого пшена сваренная, что и умирающій отъ голода ее ѣсть не въ состояніи?

«Впрочемъ, вотъ какъ объясняютъ разногласіе Василія Александровича съ Саратовскими Вѣдомостями,

«Василій Александровичъ говорилъ, что рабочіе въ мясоѣдъ отъ Пасхи до Петрова поста кормили *солониной, которая по отзыву ихъ была не всегда свѣжая*, а каша была изъ пшена, которую по непривычкѣ *вовсе не ѣли*.

«Но Саратовскія Вѣдомости говорятъ объ июльскомъ мясоѣдѣ, продолжаящемъ отъ Петрова дня до перваго Спаса.

«На этотъ мясоѣдъ Василій Александровичъ ипшенную кашу замѣнилъ гречневой, а гнилую солодину *свѣжимъ (?) мясомъ*. (Стр. 51.)

«Это-то самое свѣжее мясо и *было съ червями*, какъ говорятъ Саратовскія Вѣдомости, редакцію которыхъ вѣрный и неизмѣнный поборникъ гласности, Василій Александровичъ, счелъ долгомъ благодарить за такое правдивое извѣщеніе.

«Слѣдовательно, разногласія Василія Александровича съ Саратовскими Вѣдомостями нѣтъ. Ясно, что онъ распорядился *замѣнить для рабочихъ гнилую солодину протухшимъ мясомъ съ червями*.

«Въ 9-мъ параграфѣ Памятной Записки, данной г. Кокоревымъ г. Головкину и напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ, происхождение червей объясняется весьма естественно: «Бойня для скота одна, говоритъ Василій Александровичъ. Съ нея приходится возить мясо за двадцать пять верстъ, отчего оно при здѣшнихъ жарахъ можетъ подвергаться порчѣ. Мясо (приказываетъ онъ) развозить, покрывши.» Вести мясо *болѣе чѣмъ* двадцать пять верстъ надо цѣлый день, вѣдь не на почтовыхъ же его возили. При царичинскихъ жарахъ было бы не естественно, если бы не завелись черви въ говядинѣ, остающейся цѣлый день на солнцѣ непокрытой и облеенной миазмами мухъ.

«Впрочемъ и больныхъ рабочіе по четверо въ одной телегѣ, не защищенныхъ ни чѣмъ отъ страшнаго солнечнаго припека, тамъ тоже возятъ за двадцать пять верстъ. (§ 15-й Памятной Записки.)

«Такъ зачѣмъ же было говорить «теперь солодина замѣнилась *свѣжимъ мясомъ*, которое получается съ бойни скота, особо устроенной *посреди линіи*?

«И зачѣмъ это сокращать разстояніе провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на среднѣй линіи. Отъ бойни въ одинъ конецъ везутъ говядину за двадцать пять верстъ. Слѣдовательно оба края линіи

другъ отъ друга за *пятьдесятъ верстъ*: А въ 10-мъ § Памятной Записки вы говорите, что на *пятьдесятъ девятой верстѣ*, гдѣ было 300 рабочихъ, вы нашли дурную вращу. Стало быть непокрытую говядину взяли не за двадцать пять, а за тридцать верстъ, да можетъ быть и больше.»

Изъ замѣчаній г. Альбицкаго вытекастъ весьма естественное заключеніе, что дѣятельность г. Кокорева на работахъ Волжско-донской дороги была не такъ благотворна, какъ онъ самъ жемаетъ это представить. По крайней мѣрѣ, насчетъ мяса почтенный сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» расписался такъ же неудачно, какъ и насчетъ мягкаго хлѣба въ Самарѣ. Но все это ничего не значитъ въ сравненіи съ *винной порціей*, изобрѣтенной г. Кокоревымъ для процвѣтанія здоровья рабочихъ. Вотъ гдѣ геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и общества Волжско-донской дороги, — кого именно, разобрать впрочемъ нельзя. Дѣло, видите, въ чемъ. Г. Кокоревъ, описывая разныя улучшенія, сдѣланныя имъ и г. Мельниковымъ, упоминаетъ о приглашеніи *содержателя трактира Добровольскаго для доставленія большому чаю два раза въ день* (зачѣмъ тутъ *содержатель трактира*, — тоже мудрено понять), и потомъ говоритъ: «зачѣмъ общество распорядилось выдавать всѣмъ рабочимъ на линіи по чаркѣ водки каждодневно, передъ ужиномъ». Тотчасъ нашлись зложелатели, которые начали уже увѣрять, что эта винная порція назначена собственно въ пользу Царицынскаго откупа, содержимаго самимъ же г. Кокоревымъ. (Сѣв. Пч. №№ 50, 102). Этому бы и можно повѣрить, если бы мы не знали великодушія г. Кокорева; но благодаря благотѣльной гласности мы очень хорошо знаемъ этого великаго русскаго мужа. Въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ даже весьма трогательный видъ: г. Кокоревъ, владѣлецъ одной трети акцій общества, споритъ съ двумя другими о великодушіи. Въ статьѣ, напечатанной 28 ноября, онъ говоритъ: «общество распорядилось выдавать по винной порціи», а въ «Обзорѣ дѣйствій», вышедшемъ въ то же самое время, правленіе общества говоритъ: «для поддержанія силъ рабочихъ, по совѣту медиковъ, В. А. Кокоревъ назначилъ на свой счетъ ежедневныя выдачи винныхъ порцій людямъ, работающимъ въ предѣлахъ Царицынскаго уѣзда, а правленіемъ сдѣлано такое же распоряженіе относительно прочихъ землекоповъ, работавшихъ въ землѣ Войска-Донскаго». Не удивительно ли? Г. Кокоревъ говоритъ, что общество покупаетъ водку для рабочихъ, и другіе тоже подтверждаютъ, а правленіе скромно отклоняетъ отъ себя такое великодушіе и прославляетъ г. Кокорева, дающаго людямъ водку на свой счетъ!... Какъ любопытно было бы узнать, кто кого побѣдитъ въ великодушіи; т. е. кто заплатитъ за водку?...

Впрочемъ, одинъ ли былъ великодушнѣе втораго, или другой великодушнѣе перваго, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, какія послѣдствія развились отъ винной порціи. Въ половинѣ юля, до назначенія чарки, больныхъ, по словамъ самаго г. Кокорева, было 140, да умершихъ 40. Послѣ того число больныхъ стало быстро возрастать и доходило по словамъ г. Козлова, до 600 человекъ, — цифра на 2,000 человекъ въ самомъ дѣлѣ ужасающаая! Г. Козловъ дѣдаетъ при этомъ такое замѣчаніе: «давать винную порцію рабочимъ при 15° — 20° мороза — вещь полезная; но полезно ли дѣлать то же самое при 45° жару, — предоставляемъ рѣшить врачамъ».

Да вѣдь винная порція и прописана была г. Кокоревымъ «*по советамъ медиковъ*»? Да, можетъ быть; но тутъ опять идетъ свидѣго рода исторія. Лѣкарь Шергандъ оказывается какимъ-то фаворитомъ г. Кокорева. По увѣреніямъ г. Козлова, — *самъ г. Кокоревъ* замѣнилъ врача, опредѣленнаго обществомъ (за 3,000 руб. сер. въ годъ), другимъ врачомъ, болѣе дешевымъ (1,200 руб. сер.), а главное — ему одному извѣстнымъ, г. Шергандомъ. Несмотря на свою дешевизну, врачъ этотъ, по мнѣнію г. Кокорева, былъ превосходенъ и, какъ видно изъ Записки, «вполнѣ соглашался» съ мѣрами, предлагавшимися г. Кокоревымъ. Съ своей стороны, и г. Кокоревъ заботился о немъ и требовалъ отъ прикащика Гладина, чтобы онъ «далъ доктору Шерганду въ его распоряженіе пару хорошихъ лошадей съ легкимъ тарантасомъ и кучеромъ». За то и дѣятельность доктора была неутомима: подумайте въ самомъ дѣлѣ, — взять на себя 600 пациентовъ, растянутыхъ на шестидесятиверстной линіи! Это стоитъ чегонибудь! Г. Козловъ выражаетъ мнѣніе, что докторъ Шергандъ, видя такое странное развитіе болѣзней, долженъ былъ непременно и *официально* пригласить на линію, для консилиума, другихъ врачей. Но зачѣмъ же это, когда г. Шергандъ и одинъ справлялся? Да притомъ еще нужно замѣтить, что совсѣмъ больныхъ и слабыхъ часто отпускали съ работъ домой. Такъ даже въ «Памятной запискѣ» г. Кокорева прикащику Гладина сказано, что слѣдуетъ отпустить домой, *въ Тверскую губернію*, — пятерыхъ рабочихъ: трехъ стариковъ, одного слабого ногами и одного переломившаго себѣ спинную кость.... При такомъ заведеніи, подъ покровительствомъ гуманнаго гласнолюбца, — отчего не лѣчить всѣхъ одному? Умрутъ бѣднаки, не велика бѣда. Ежели и узнаютъ-то объ этомъ родные умершаго, такъ и то лишь по милости г. Кокорева, который въ § 19 своей памятки чужому прикащику набожно заповѣдуетъ: «объ умирающихъ надобно извѣщать ихъ семейства, посылая письма въ деревни, дабы тамъ поминали ихъ по долгу христіанскому». Вотъ до

чего доходить любовь г. Кокорева «къ простому, сѣро-одѣтому русскому человѣку» (Рус. Вѣст. стр. 61).

Что же однако сдѣлалъ г. Кокоревъ для упроченія благосостоянія рабочихъ? Какой результатъ можно вывести изъ всѣхъ «Царицынскихъ записокъ» и «Вѣстей»? Это уже сдѣлано весьма добросовѣстно, въ статьѣ г. Альбицкаго, изъ которой мы и беремъ окончательные выводы.

«Для устранения зла, Василиій Александровичъ сдѣлалъ слѣдующее:

А. Относительно больныхъ.

- 1) Учредилъ отъ общества чай по два раза въ день.
- 2) Больныхъ тифомъ отдѣлилъ отъ другихъ.
- 3) Старался удалить двухъ козаковъ, приставленныхъ съ саблями и нагайками къ лазарету (Русс. Вѣстн. 1859 г. № 21, стр. 53), но не былъ въ состояннн устранить такой новый методъ леченія. Этотъ методъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василиій Александровичъ говоритъ, что онъ по контракту обязался содержать лазареты.

4) По причинѣ недостатка одного лазарета устроилъ другой.

5) Такъ какъ больные валялись на землѣ, даже не на соломѣ и не на рогожкѣ, распорядился купить рогожки, и надѣлать больше шалашей съ койками для больныхъ, такъ какъ заготовленныхъ лазаретомъ шалашей оказалось весьма недостаточно, вѣроятно по причинѣ той давнящейся хворости, о которой Василиій Александровичъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

Б. Относительно здоровыхъ.

1) Приказалъ варить протухлую говядину съ червями вмѣсто гнилой солонины.

2) Замянулъ пшеничную кашу, которой рабочіе не ѣли, гречневою, которую однако замянули въ нѣкихъ мѣстахъ дурными, черными, не разваривающимся горохомъ и крушой съ неободранными овсомъ.

3) Назначилъ на счетъ общества винную порцію по стакану передъ ужинами. Водку берутъ изъ кабаковъ царицынскаго откупа, содержащаго Василиемъ Александровичемъ.

4) Написалъ къ г. Головкину, что надо бы дать рабочимъ одежду — вѣдь они пойдутъ домой осенью и доберутся до домовъ 10-го декабря, а у нихъ нѣтъ ни одежды, ни обуви. Исполнилъ ли это нѣжно любимый рабочими г. Гладинъ — неизвѣстно.

5) Написалъ къ г. Головкину, что на зиму *остается 500 рабочихъ съ стѣнъ, безъ зимнихъ квартиръ, на морозъ* и что поэтому надо подумывать о квартирахъ. Думалъ ли г. Головкинъ — неизвѣстно.

6) Но если они перемрутъ, то непремѣнно извѣстить о томъ *ихъ семейства, посылая письма съ деревни, дабы тамъ упоминали ихъ по долгу христіанскому.*

7) Купилъ въ Одессѣ шесть колоколовъ для рабочихъ.

8) Отпустилъ домой въ Тверскую губернію двухъ рабочихъ *по старости*, одного *по преклонной старости*, одного *по слабости ногъ* и одного *переломившаго спинную кость (!!!)* — На которой станціи отъ Царицына они умерли — намъ неизвѣстно.

9) Учредилъ особую должность смотрителя за лазаретами и за *сбереженіемъ силы рабочихъ*.

Прибавимъ къ этому, что относительно одежды, обуви и зимнихъ квартиръ рабочимъ — такъ и до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Благодарственная гласность умаялась предшествовавшими похождениями, и теперь молчитъ.

Не молчатъ только Саратовскія губернскія Вѣдомости. Онѣ еще въ февралѣ дѣлали новое извѣщеніе о побѣгахъ съ работъ Волжско-донской дороги, и притомъ въ такое время, когда вовсе нѣтъ сомнѣнительныхъ заработковъ въ лугахъ у донцовъ. Въ числѣ бѣжавшихъ были преклонные старики: отчего бы, кажется, этимъ-то бѣжать? Имъ только нужно беречь свои силы; а г. Кокоревъ на царицынскихъ работахъ сочинилъ даже особую должность «смотрителя за сбереженіемъ силы рабочихъ», и опредѣлилъ въ эту должность нѣкоего г. Милашевича, — замѣчательнаго тѣмъ, что «изъ длиннаго ряда его писемъ къ г. Кокореву можно ознакомиться со всѣми затрудненіями, представляющимися при исполненіи предпріятій въ отдаленныхъ мѣстностяхъ». Какъ видно, и этотъ господинъ служить тоже спасительной гласности, и мы скоро, можетъ быть, будемъ имѣть удовольствіе читать его письма въ «Русскомъ Вѣстникѣ», рядомъ съ письмами г. Матала объ Америкѣ и статьями г. Фердинанда Кана о розахъ.

А въ чемъ же состоятъ затрудненія? Г. Кокоревъ этого не объясняетъ; но дѣло говорить само за себя: какъ же, помилуйте! — во первыхъ телеграфовъ нѣтъ; во вторыхъ г. Брылкинъ, вмѣстѣ съ «Кавказомъ и Меркуріемъ», ставитъ ни во что заключенные контракты; въ третьихъ мяса, мяса варенаго, мяса не даютъ рабочимъ; въ четвертыхъ козаки съ нагайками присутствуютъ на работахъ, въ пятыхъ вода, въ шестыхъ... да ужъ что и говорить въ шестыхъ? Одна вода чего стоитъ!... По мнѣнію г. Кокорева, по мнѣнію *самого доктора* (Шерганда?) главная причина развитія хворости и труднаго излѣченія больныхъ (по царицынскимъ работамъ) *вода и непременно вода*... Г. Козовъ съострилъ по этому поводу, что для устраненія гибельности воды надо вставить въ нее первую букву фамиціи г. Кокорева. Но г. Кокоревъ не на шутку такъ поступилъ съ водою и рабочими, — только результаты были плохіе.

А кромѣ того, какое затрудненіе для благотворныхъ предпріятій г. Кокорева представляетъ неразвитость и апатія окружающей среды! «Сами рабочіе не понимаютъ своей пользы», — говоритъ г. Кокоревъ, — подрядчики соблюдаютъ свои выгоды, а инженеры считаютъ своею обязанностью заботиться только за исполненіемъ работъ, сообразно съ чертежами. *Здѣсь возникаетъ вопросъ: виноваты ли инженеры за то, что они не требуютъ отъ подрядчика энергически улучшенія быта рабочихъ?»* Задавши такой законодательный вопросъ, отъ разрѣшенія котораго можетъ зависѣть по малой мѣрѣ увольненіе инженера отъ должности, г. Кокоревъ меланхолически продолжаетъ: «я думаю, что виноваты не они, а система нашего воспитанія, внушающая равнодушіе къ простому русскому человѣку; многіе у насъ считаютъ какъ бы постороннимъ то, что должно бы быть близко ихъ сердцу». («Рус. Вѣст.» стр. 52). Въ другомъ мѣстѣ статьи почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что «всему мѣшаетъ рутинна и недостатокъ любви къ простому, сѣроодѣтому русскому человѣку» (стр. 61). Да, съ послѣднимъ нельзя не согласиться: исторія рабочихъ Волжско-донской дороги доказываетъ это лучше всѣхъ разглагольствій.

А между тѣмъ при этомъ способѣ веденія дѣла, не угодно ли знать, сколько истрчено денегъ собственно на административную часть предпріятія? 141,000 руб. сер., то есть десятая часть всѣхъ бывшихъ расходовъ, и въ этомъ числѣ, по управленію собственно работами желѣзной дороги издержано 55,825 р., да кромѣ того, на жалованье директоровъ и другихъ служащихъ и т. п. — израсходовано 52,000. И это — не забудьте, въ томъ обществѣ, одинъ изъ учредителей котораго и владѣлецъ цѣлой трети акцій постоянно шумитъ противъ *форменности и бюрократизма*, и прославляетъ *дѣловое коммерческое веденіе предпріятія!* Не знаемъ, хороша ли это коммерція для г. Кокорева, но для «двигателей всякаго устройства», какъ онъ выражается, она должна быть не болѣе пріятна, какъ и благотѣльная гласность, пользу которой «съ разу чувствуетъ» г. Кокоревъ.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лѣто.... Не узнали мы, что сдѣлано съ рабочими осенью и зимой; можетъ, не узнаемъ ли, что съ ними будетъ въ предстоящее лѣто? Г. Кокоревъ давно уже не печаталъ о благотѣльной гласности: это добрый знакъ. Можетъ, такъ выдаться лѣто, что г. Кокоревъ нынче и въ Царицынѣ не поѣдетъ, и рабочіе винной порціей обольщаться не будутъ, и даже работать станутъ безъ козаковъ съ нагайками? Аль гдѣ ужь?...

II.

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ,

ОБЪЦАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗИЮ.

Прежде всего воскликнемъ съ Карамзинимъ:

Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ;
На минуту позабудемъ
Въ чарованьи красныхъ вымысловъ!

Успокоившись такимъ авторитетомъ, обращаемся къ дѣлу и рекомендуемъ читателямъ юное дарованіе, которое можетъ, какъ говоритъ г. Григорьевъ о г. Случевскомъ, или распасться прахомъ, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаемъ, какъ думать о юномъ поэтѣ, и помѣщать ли его въ «Современникъ», или въ «Свисткѣ»; но рѣшаемся на первый разъ лучше въ «Свисткѣ»: а то въ Современникѣ—то большею частію какъ—то несчастливы бывають—черезъ два—три мѣсяца уже не могутъ концы съ концами свести.... Въ «Свисткѣ» не то: посмотрите, какъ твердо г. Лиліеншвагеръ стоитъ на своемъ пути!... А юное дарованіе г. Капелькина будетъ поразнообразнѣе таланта Лиліеншвагера. Да вотъ, прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаемъ, не скрывая его юношеской наивности: гласность, такъ ужъ гласность, полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мнѣ 20 лѣтъ. Я съ юныхъ годовъ одержимъ невыносимою любовью къ поэзіи. 12-ти лѣтъ я уже писалъ весьма хорошіе стихи. Вообще я развился весьма рано. Вотъ первое стихотвореніе, которое я счелъ достойнымъ печати: я написалъ его, будучи 12-ти лѣтъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Вечеръ. Въ комнаткѣ уютной
Кроткій полусвѣтъ.
И она, мой гость минутный....
Ласки и привѣтъ,

Абрисъ миленькой головки,
 Страстныхъ взоровъ блескъ,
 Распускаемой шнуровки
 Судорожный трескъ....
 Жаръ и холодъ нетерпѣнья...
 Сброшенный покровъ...
 Звукъ отъ быстрого паденья
 На полъ баншачковъ....
 Сладострастныя объятя,
 Поцалуи нѣмой, —
 И стоящій надъ кроватью
 Мѣсяць золотой....

1853.

Это стихотвореніе попало къ отцу моему, и онъ, признаюсь вамъ, чуть меня за него не высѣкъ. Напрасно увѣрялъ я его, что ничего подобнаго не видывалъ и не чувствовалъ, что это все есть подражаніе разнымъ поэтамъ (я никогда не подражалъ одному): отецъ не хотѣлъ вѣрить — такъ велика была сила таланта и живость изображенія предмета!...

Но какъ ни увѣренъ я былъ въ своемъ дарованіи, а перспектива быть высѣченнымъ вовсе мнѣ не нравилась, и я немедленно переѣхалъ родъ своей поэзіи. Въ то время наше отечество боролось съ англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами объ огромности Россіи и о высокомъ чувствѣ любви къ отечеству. Я увлекся и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ.

О моя родина грозно-державная,
 Сердцу святая отчизна любимая!
 Наше отечество, Русь православная,
 Наша страна дорогая, родимая!

Какъ широко ты, родная, раскинулась,
 Какъ хороша твоя даль непроглядная!
 Грозно во всѣ концы міра раздвинулась
 Мошь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нѣтъ во вселенной такого оратора,
 Чтобы прославить твое протяженіе:
 Съ полюса тянешься ты до экватора,
 Смертныхъ умы приводя въ изумленіе.

Ты занимаешь пространство безмѣрное,
 Много обширнѣ древняго Рима ты.

Русской земли населеніе вѣрное
Чувствуетъ всѣхъ поясовъ земныхъ климаты.

Рѣки, озера твои многоводныя
Льются, подобно морямъ, безконечнымъ;
Необозримы поля хлѣбородныя,
Неизъяснимы красы твои вѣчныя!

Солнце въ тебѣ круглый годъ не закатится,
Путникъ тебя не объѣдетъ и въ три года:
Пусть ямщикамъ онъ на водку потратится, —
Только лишь откупъ будетъ тутъ выгода....

О моя родина, Богомъ хранимая!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Сколько таятся въ тебѣ, о родимая!
Неизъяснимаго и непонятнаго!...

1854.

За это стихотвореніе отецъ похвалилъ меня, и я послѣ того написалъ еще десятка четыре подобныхъ пьесъ. Но признаюсь, ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться въ звучности съ выше приведеннымъ. Поэтому я и не сообщаю ихъ вамъ, а перехожу къ новой эпохѣ моей поэтической дѣятельности.

Въ 1854—1855 отечество наше было въ печальномъ положеніи: военныя неудачи, обнаруженіе внутреннихъ неурядицъ, все это терзало сердце истиннаго русскаго и вводило его въ мизантропію. И я дѣйствительно предался мизантропіи, разочаровался; все мнѣ опостыгло, и я произвелъ слѣдующую пьесу:

КУДА ДѢВАТЬСЯ?

Отъ людской любви и дружбы
Въ лѣсу дремучій я бѣжалъ,
Сталъ кореньями питаться,
Мыться, бриться пересталъ.

Съ отверженьемъ и проклятьемъ,
Я въ лѣсу одинъ брожу.
Но увы! здѣсь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце съ неба дружелюбно
На меня бросаетъ лучъ;
И поитъ меня съ любовью
Межъ деревьевъ бѣгущій ключъ.

Соловьи поютъ влюбленно,
 Лобзываются цвѣты,
 И блестятъ любви слезою
 На деревьяхъ всѣ листья.

Дружно по небу гуляютъ
 Золотыя облака,
 И грозить любовь и дружба
 Мнѣ изъ каждаго сучка....

Въ каждой травкѣ, въ каждой мошкѣ,
 Въ каждой капелькѣ росы
 Обитаеть духъ незримый,
 Полный ангельской красы

И старается мнѣ сердце
 Чувствомъ нѣжнымъ размягчить,
 Чтобы дружбой и любовью
 Цѣлый вѣкъ мой отравить....

И въ лѣсу, въ борьбѣ тяжелой,
 Силы падаютъ мои....
 О, куда жь, куда сокроюсь
 Я отъ дружбы и любви?

1853.

Вы угадываете, чѣмъ разрѣшилось это мизантропическое настроеніе? Любовью, самой пылкой любовью, — страстью до того пламенной, что я не знаю, какъ еще я не сгорѣлъ совсѣмъ. Тогда-то производилъ я по 7¹/₂ стихотвореній въ день круглымъ счетомъ; съ особенною силою выразилась страсть въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое я считаю вполне достойнымъ печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНІЯ ЗВѢЗДЪ.

Какъ твои уста въ веселомъ разговорѣ,
 Чуть смыкаясь, — снова раскрываются;
 Какъ любовь и радость въ этомъ свѣтломъ взорѣ
 Перелетнымъ блескомъ разгораются; —
 Такъ на свѣтломъ небѣ въ этотъ мигъ мерцаютъ
 Купы звѣздъ, живыя, разноцвѣтныя.
 Иль въ любви и звѣзды глазками играютъ
 И другъ другу рѣчи шлютъ привѣтныя?...
 Иль любовью нашей съ неба голубаго
 Хоры ихъ привѣтливо любятся?
 Иль въ виду набитка счастья земнаго
 Ихъ лучи завистливо волнуются?

Нѣтъ, любви дышанье такъ во мнѣ широко,
 Такъ изъ груди сильно выражается
 И, раздвинувъ воздухъ такъ летитъ высоко,
 Что зѣврь далекий полыхается, —
 И съ его напоромъ звѣздныя громады
 Въ дружное приходятъ колебаніе....
 Оттого-то въ ночи нѣги и отрады
 Веселѣй и чаще ихъ мерпаніе....

1856.

Но скоро любовь моя прошла, или по крайней мѣрѣ, слѣвавшись больше и приобрѣтя серьезный взглядъ, я пересталъ уже тратить драгоценное время на описаніе любовныхъ чувствъ. Вокругъ меня волновалась общественная дѣятельность, все было полно новыхъ надеждъ и стремленій, все озарено было самыми свѣтлыми мечтами. Весь міръ представлялся намъ въ радужныхъ краскахъ. Въ такомъ настроеніи услышалъ я однажды заунывную крестьянскую пѣсню. У меня тотчасъ родился вопросъ: «отчего же она уныла, когда все кругомъ такъ весело?» Нѣтъ, — сказалъ я самъ себѣ, — я долженъ, во что бы то ни стало, отыскать въ ней веселые звуки. И представьте силу таланта — отыскалъ! И не только отыскалъ, но и воспроизвелъ! Въ Москвѣ говорили, что не дурно. Что вы еще скажете? Вотъ эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ.

Знаю васъ давно я, пѣсни заунывныя
 Руси необъятной, родины моей!
 Но теперь вдругъ звуки, радостно-призывные,
 Полные восторга, слышу я съ полей!
 Пусть все тѣ же пѣсни — долгиа, тоскливыя,
 Съ той же тяжкой грустью, пахарь нашъ поетъ.
 Долю его горькую, думы терпѣливыя
 Пусть напѣвъ протяжный мнѣ передаетъ.
 Но въ восторгѣ сердца, подъ святымъ вліаніемъ
 Гласности, прогресса, современныхъ думъ,
 Полнь благоговѣнья къ свѣтлымъ начинаніямъ,
 Жадно всюду внемля новой жизни шумъ, —
 Не хочу я слышать звуковъ горькой жалобы,
 Тяжкого рыданья и горячихъ слезъ....
 Сердце бы изсохло, мысль моя упала бы,
 Еслибъ я оставилъ область сладкихъ грезъ....
 Все свѣтло и благо, все мнѣ улыбается,
 Всюду дней блаженства вижу я залогъ, —
 И напѣвъ тоскливый счастьемъ отзывается,
 Въ грустной пѣснѣ льется радости потокъ.

Пусть все тѣ же пѣсни ваши заунывные,
 Но не то ужь слышно въ нихъ душѣ моей:
 Слышу я въ нихъ звуки радостно-привѣтные,
 Чую наступленье новыхъ, свѣтлыхъ дней!...
 1857.

Вслѣдъ за тѣмъ у меня родилась потребность самому быть общественнымъ дѣятелемъ, и я изобразилъ свое настроеніе въ нѣсколькихъ звучныхъ пьесахъ, изъ коихъ вотъ одна:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Я ѣхалъ на вечеръ. Веселыми огнями
 Привѣтливо сіялъ великолѣпный домъ;
 Видѣлась зала въ немъ съ зелеными столами
 И бальной музыки изъ окошъ неся громъ.

А у воротъ стоялъ, богъзнаенный и блѣдный,
 Съ морозу синій весь, съ заплаканнымъ лицомъ,
 Въ лохмотьяхъ и босой, какой-то мальчикъ бѣдный
 И грошикъ дать на хлѣбъ молилъ меня Христомъ.

Я бросилъ на него взоръ, полный состраданья,
 И въ залу бальную задумчиво вошелъ,
 И дѣтямъ суеты, среди ихъ ликованья,
 О бѣдномъ мальчикѣ печально рѣчь повелъ.

Въ кадрилихъ говорилъ о немъ я дѣвамъ нѣжнымъ,
 Межъ танцевъ подходилъ я къ карточнымъ столамъ;
 Восторженно взывалъ я къ юношамъ мятежнымъ
 И скромно толковалъ почтеннымъ старикамъ.

Но глухи были всѣ къ святымъ моимъ призывамъ....
 И проклялъ я тогда бездушный этотъ свѣтъ,
 За то, что онъ такъ чуждъ возвышеннымъ порывамъ —
 И тутъ же мстить ему я далъ себѣ обѣтъ.

Я скоро отомстилъ: за ужиномъ веселымъ,
 Лишь гости поднесли шампанское къ губамъ,
 Я тостомъ грянулъ вдругъ, для ихъ ушей тяжелымъ:
 «Здоровье бѣдняка, страдающаго тамъ!»

И показала я имъ на лицу рукою.
 Смутились гости всѣ, настала тишина.
 Не стали пить.... Но я, — я пилъ съ улыбкой злою,
 И сладокъ для меня былъ тотъ бокалъ вина!...
 1858.

Но вы сами знаете, какъ тяжело бороться противъ общественной апатіи, безгласности, мрака предрасудковъ. Я все это извѣдалъ горькимъ опытомъ, и вотъ какъ выразилось мое новое, общественное разочарованіе:

РЫЦАРЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА

(современная элегія.)

Исполнясь мужества и помолвившись Богу,
 Я рано выступилъ въ опасную дорогу.
 Тропинка узкая лежала предо мной,
 Сливаясь при концѣ въ какой-то мракъ густой.
 Безмолвна даль была, какъ темная могилъ;
 Высокая трава лишь съ вѣтромъ говорила
 Да слышалось вдали, вводя меня въ тоску,
 Кукушки горестной зловѣщее куку.
 Я былъ одинъ, одинъ... вокругъ ни души живой....
 Но я пошелъ впередъ отважною стопой!
 Миѣ въ платьѣ яростно вонзался тернъ колючій,
 Я ноги обжигалъ себѣ кропивою жгучей,
 Ложилась пыль на миѣ отъ каждаго куста
 И паутина миѣ садилась на уста;
 Но я все шелъ впередъ, свой страхъ превозмогая,
 О пѣли странствія прилежно размышляя.
 А путь — чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался страшнѣй:
 Жужжали вокругъ меня десятки осъ, шмелей;
 Надъ головой моею кружились вереницы
 Какой-то скаредной и безобразной птицы;
 И что-то длинное, подобное виѣ,
 Уарѣлъ вдругъ на своей я темной колеѣ....
 И страхъ меня объялъ... Сталъ день мрачнѣе ночи,
 Упалъ я на траву, смеживъ въ испугѣ очи....
 И долго я лежалъ, недвижно, какъ мертвецъ;
 Но смирно было все, и всталъ я наконецъ.
 Взглянулъ окрестъ себя: природа улыбалась,
 Все солнцемъ радостно и ярко озарилось;
 Кузнечикъ стрекоталъ и прыгалъ по травѣ,
 И птички рѣяли въ воздушной синевѣ,
 Порхали бабочки на солнечномъ сіяньи,
 И въ воздухъ несло въ благоуханье.
 А то, что миѣ виѣй представила мечта,
 То кѣмъ-то брошенный обрывокъ былъ кнута...
 Дорога прежняя опять меня манила,
 И сердце о пути миѣ громко говорило,
 И жажда славныхъ дѣлъ проснулася въ груди,
 И цѣль великая видѣлася впереди!...
 И вновь я двинулся.... Но что со мною случилось?!...
 Нѣтъ прежнихъ силъ во миѣ... отвага потерялась....
 Я не могу идти... Я немогъ и слабъ;
 Сомнѣній горестныхъ теперь я жалкій рабъ.

Мечты высокія, стремленія мысли здравой —
 Бесплодный анализъ обильнѣ злой отравой....
 Я сталъ умнѣй теперь. Всѣ трудности пути
 Я опытомъ узналъ.... Теперь бы мнѣ идти....
 Но дорого мнѣ сталъ мой опытъ безразсудный,
 Я силы истощилъ, и на дорогѣ трудной
 Съ тоской, съ презрѣніемъ къ себѣ теперь стою
 И не въ травѣ, — въ себѣ я чувствую змѣю....

1839 г.

Теперь я не знаю, куда мнѣ идти, за что приняться. Въ головѣ пусто, совершенно пусто; въ мірѣ ничто не привлекаетъ; сердце иссохло отъ разочарованія. Оживите меня, вложите надежду въ грудь отчаяннаго, опредѣлите мнѣ цѣль жизни: есть ли у меня талантъ, долженъ ли я заниматься поэзіей, или поступить въ военную службу, чтобы ѣхать на восточный Кавказъ и искать смерти въ битвѣ съ племенемъ Адыге, которое, какъ слышно, еще не совсѣмъ покорилось.

Отъ васъ жаждущій жизни или смерти
 АПОЛЛОНЪ КАПЕЛЬКИНЪ.

Р. S. Слѣдующій мнѣ гонорарій вышлите мнѣ по адресу, который вамъ сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

III.

ОТЪЪЗЖАЮЩИМЪ ЗА-ГРАНИЦУ.

Призваніе свистка широко: онъ долженъ усладять слухъ почтенной публики остающейся дома, и можетъ сопровождать приличными звуками отъѣзжающихъ за-границу. Онъ это понимаетъ—но на послѣднее онъ рѣшится только тогда, когда самъ побываетъ въ Европѣ и посмотритъ, въ какой мѣрѣ и съ какой стороны почтенные наши сограждане, тамъ проживающіе, заслуживаютъ свиста. А между тѣмъ теперь все ѣдетъ за-границу; мѣста въ почтовыхъ экипажахъ забраны за два мѣсяца впередъ; на пароходахъ давка. Не сказать ничего этимъ почтеннымъ людямъ, покидающихъ отечество, а слѣдовательно нуждающимся въ утѣшеніи—было бы не хорошо. И мы очень рады, что подвернулся человѣкъ, который прислалъ намъ свой «Первый шагъ въ Европу». Стихотвореніе какъ видно писано уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но благая мысль, руководившая почтеннымъ авторомъ, понятна безъ объясненій; ее можно перевести извѣстной нашей поговоркой: «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ». Но

не въ мысли дѣло, въ произведеніи такъ написанномъ могло бы и вовсе не быть мысли и все-таки оно было бы превосходно: такъ необыкновенна его форма! Это что-то Дантовское. Давно уже рѣшено, что мы имѣемъ великихъ писателей по всѣмъ отраслямъ и во всѣхъ родахъ, но русскаго Данта еще не было. Пушкинъ написалъ нѣсколько подражаній Данту, но это не болѣе какъ попытка. Майковъ нѣсколько удачнѣе воспроизвелъ манеру Данта въ своемъ «Отрывкѣ»; но пальму первенства въ этомъ родѣ мы рѣшительно отдаемъ автору «Перваго шага». Жизненность содержанія даетъ ему силу, пусть читатель самъ судить...

ПЕРВЫЙ ШАГЪ ВЪ ЕВРОПУ.

Письмо первое.

Какъ дядю моего Ивана Ильича
Нечаянно сразилъ ударъ паралича,
Въ его наслѣдственномъ имѣніи Корсунскомъ,—

Я памятникъ ему воздвигнулъ сгоряча,
А души заложилъ въ совѣтъ опекунскомъ.

Мои домашніе, особенно жена
Пристали: «жизнь для насъ на родинѣ скучна»;
Кто: «ангелъ!» кто: «злодѣй! вези насъ за границу!»

Я крикнулъ старосту Ивана Кузмина,
Имѣнье сдать ему и — укатилъ въ столицу.

Въ столицѣ получивъ немедленно паспортъ,
Я сѣлъ на пароходъ и уронилъ за бортъ,
Горячую слезу, невольный даръ отчизнѣ....

«Утѣшься», прошепталъ насъ увлекавшій чортъ
«Отраду ты найдешь въ нѣмецкой дешевизнѣ» —

И я утѣшился.... И тутъ ужъ не долга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Сянемюнде,

Приѣхали въ Берлинъ — и обрѣли врага
Въ Луизѣ-Августѣ-Фернандѣ-Кунигундѣ.

Такъ горничная тварь въ гостинницѣ звалась.
Но я предупредить обязанъ прежде васъ,
Что Лидія — моя дражайшая супруга —

Ужасно горяча: какъ будто родилась
Подъ небомъ Африки; въ ней дышутъ страсти юга!

Въ отечествѣ она не знала ниъ узды:
 Покорно ей вручивъ правленія бразды,
 Я скоро подчинилъ ей волю и разсудокъ

(Въ сочельникъ крошки въ ротъ не бралъ я до звѣзды,
 Хотя голоду терпѣть не можетъ мой желудокъ),

И всякъ за мною вслѣдъ во всемъ ей потакалъ,
 Противорѣчь никто не раздражалъ
 Изъ опасенья слезъ, трагическихъ истерикъ....

Въ гостинницѣ едва я умываться сталъ,
 Варугъ слышу: Лидія бушуетъ словно Терекъ.

Я бросился туда. Вотъ что случилось съ ней...
 О ужась! о позоръ! Въ небрежности своей
 Луиза Лидію съ дороги раздѣвая,

Царавнула слегка булавкой швою ей,
 А Лидія моя, не долго размышляла....

Но что тутъ говорить? Тутъ нужны не слова,
 Тутъ громы нужны бы.... Недвижна, чуть жива
 Стояла Лидія въ какой-то думѣ новой.

Растрепана коса, поникла голова:
 «На натискъ пламенный ей былъ отпоръ суровой!...»

Слова моеи жены: «е, другъ, Иванъ Ильичъ!»
 Миѣ вспомнились тогда: «адъсь грубость, мракъ и дичь
 «Здѣсь жить я не могу — вези меня въ Европу!»

Ахъ! лучше бъ, душечка, въ деревнѣ дѣвокъ стричь
 Да надирать виски безглавому холопу!

И тяжело я вдахнулъ о родинѣ моей....

.

Болѣе нѣтъ ничего. Но судя по тому, что въ началѣ означено: *письмо первое*, мы въ правѣ надѣяться продолженія. Жаль, что авторъ не выставилъ своего имени: любопытно бы знать, кому принадлежит такое дарованіе. Но съ другой стороны какъ подумаешь, то увидишь, что онъ и не могъ выставить имени. Онъ уже и такъ принесъ большую жертву гласности обнаруженіемъ факта, и такимъ образомъ кромѣ литературнаго достоинства произведеніе его имѣетъ цѣнну общественной заслуги.

«Свистокъ» радуется, что ему удалось напечатать такую вещь, въ которой счастливо сочетались оба эти качества.

IV.

КЮВЬЕ — ВЪ ВИДЪ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА.

Въ № 67 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 25 марта, то есть ровно черезъ шесть дней послѣ диспута гг. Погодина и Костомарова, появилась восторженная статейка г. Сѣверцова, въ которой между прочимъ было сказано :

«Кювье, тридцать лѣтъ направлявшій безпримѣрно до-тѣхъ-поръ быстрые успѣхи зоологіи, объявилъ, что предъль назначенъ, что наука еякъ должна оставаться на этой же степени развитія, только обогащаясь подробностями. Жофруа Сентъ-Илеръ отстоялъ начатой имъ, теперь уже сдѣланный, новый шагъ науки, и мы видимъ для нея, благодаря этому протесту противъ осужденія на застой, хоть бы великимъ Кювье, такую необъятную будущность, что свѣдѣнія удвоенныя противъ казавшихся почти окончательными въ 1830 году теперь являются слабымъ началомъ дальнѣйшаго развитія.

«Этотъ плодотворный протестъ противъ застоя былъ, какъ намъ показалось... и проч.»

Это было сказано собственно не въ обиду Кювье или кому нибудь, — статейка имѣетъ тонъ восторженный, до обиды ли тутъ? — а въ похвалу настоящему времени, когда... когда происходятъ такіа явленія, какъ диспутъ гг. Погодина и Костомарова, который очень понравился г. Сѣверцову. Однако три академика, гг. Баръ, Брандъ и Миддендорфъ, поняли дѣло иначе и черезъ три дня (замѣтьте, какая поспѣшность — тотчасъ видно, что вопросъ нешуточный, не то, что дѣло о двухъ тысячахъ голодающихъ и мрущихъ рабочихъ, въ которомъ г. Кокоревъ допускалъ паузы по мѣсяцу и болѣе), именно 29 марта, помѣстили въ 69 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» слѣдующій протестъ:

ПРОТЕСТЪ**ПРОТИВЪ НАПАДКИ НА КЮВЬЕ.**

«Въ № 67 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года, въ желетонной статьѣ: *Два слова о диспутѣ гг. Погодина и Костомарова*, авторъ ея приписываетъ великому Кювье, будто онъ объявлялъ: что»

предъявъ успѣхамъ зоологическаго назначенія, что наука въкъ должна оставаться на той же степени развитія, только обогащаясь подробностями, и что Жюфруа де Сентъ-Илеръ успѣшно протестовалъ противъ такого осужденія на застою, произнесеннаго великимъ Кювье.

«Мы, нижеподписавшіеся, считаемъ долгомъ торжественно объявить, что заключающееся въ этихъ словахъ обвиненіе прямо противорѣчить всему духу твореній Кювье, и что мы съ сожалѣніемъ видимъ такіе слишкомъ-неосторожные отзывы, оскорбляющіе память великихъ преобразователей науки. Даже еслибы у гениальнаго естествоиспытателя случайно когда-либо вырвались подобныя выраженія, то не должно пользоваться ими, чтобы вводить публику въ заблужденіе относительно значенія Кювье въ исторіи науки.»

БЭРЪ, БРАНДЪ, МИДЛЕНДОРФЪ.

«Свистокъ», нѣкогда пришедшій въ умиленіе отъ протеста противъ г. Зотова въ пользу гг. Чацкина и Горвица, не могъ не умилиться этимъ новымъ протестомъ, не могъ не воскликнуть :

О, гласность русская! ты быстро зашагала,
 Какъ бы въ восторженномъ какомъ-то забытьѣ:
 Живаго Чацкина ты прежде защищала,
 А нынѣ добралась до мертваго Кювье.

И хорошо, очень хорошо вышло! Кювье человекъ мертвый, — ему ничего: у всякаго достанетъ ума сообразить, что и почему съ нимъ дѣлаютъ: умерь, защищаться не можетъ, такъ вотъ его и защищаютъ. Если посмотримъ съ другой стороны, то и г. Сѣверцеву тоже ничего: онъ выскользнулъ изъ рукъ лкихъ коканцевъ и живъ остался, такъ что ему три академика? Словомъ, очень хорошо, безобидно вышло, — такъ хорошо, что мы не отдали бы новаго протеста за десять зотовскихъ, не отдали бы ни за что, развѣ

За споръ о Свѣчиной Каткова
 Съ Евгенією Туръ!

V.

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА.

Всякое дѣло имѣетъ свой конецъ. Поэтому въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ послѣдовала и развязка знаменитому диспуту о происхожденіи Руси. И представьте, оказалось, что все дѣло собственно направлено

было несповѣданными судьбами ни къ чему иному, какъ къ возвеличенію «Свистка!» Сами событія такъ сказать сложились въ торжественный гимнъ его пронизательности. Онъ не вѣрилъ въ серьезность диспута, онъ утверждалъ, что не можетъ быть ничего серьезнаго тамъ, гдѣ г. Погодинъ, и вотъ вышла 1-я на нынѣшній годъ книжка «Русской Бесѣды» и г. Погодинъ объявилъ въ ней, что онъ «шутить!» Шутить, когда дѣлалъ вызовъ г. Костомарову, шутить, когда читалъ корректуры этого вызова въ «Слѣб. Вѣдомостяхъ», шутить, когда возражалъ г. Костомарову, при многочисленном собраніи публики въ университетѣ, встрѣчавшей многіе изъ его словъ шиканьемъ и свистомъ (какъ ужъ тутъ у него доставало духу шутить, мы даже не понимаемъ), — шутить, все шутить и молчалъ! Скажите, добрыя люди, для чего все это дѣлалось, какъ не для того, чтобъ доставить торжество «Свистку», который въ своемъ отчетѣ о дненути, — вы помните, — чуть не ударился даже въ ученость, что было какъ нельзя болѣе кстати въ то время, когда ученый мужъ разшутился. Да, несповѣдимость судьбъ умиленительная!

Это шутовство, угаданное «Свисткомъ» за мѣсяць до сознанія г. Погодина, теперь никому не тайна: стоитъ взять «Русскую Бесѣду» и прочесть личное сознаніе шутившаго. Въ этомъ номерѣ «Современника» гг. Костомаровъ и Чернышевскій показали публикѣ значеніе «шутки» г. Погодина и намъ объ этомъ распространяться нечего. Что касается до насъ, то пассажъ, сочиненный г. Погодинымъ, привелъ насъ въ умиленіе, а когда мы приходимъ въ умиленіе, то пишемъ стихи, и обыкновенно такъ бываетъ, что авторчикъ нашего умиленія является и героемъ пѣсни. Такъ случилось и теперь. Вотъ нашъ новый романъ г. Погодину.

ПРИЗВАНІЕ.

(М. П. Погодину отъ рыцарей «Свистоплоски»).

Пусть Чернышевскій говорить, что хочетъ,
И Костомаровъ пусть тебя разитъ;
Пусть надъ тобой ученыхъ судъ грохочетъ,
Пусть ими будешь ты и презрѣвъ и забытъ.

Не унывай! Годовъ криютъ тебѣ вѣселій:
Не даромъ пописалъ ты на своемъ вѣку,
Не даромъ шуткою ты сдѣлалъ споръ тяжелый
И ревностно служилъ наукѣ и «Свистку».

Не унывай! Прочь Несторъ, прочь норманнъ,
Прочь жамскій параллель Европы и Руси!

Владѣнія «Свистка» обильны и пространны:

Тебѣ въ нихъ мѣсто есть, — свой трудъ туда, десни!

Умѣешь ты мѣшать со вздоромъ небылицы,

Смѣшить съ ученымъ видомъ знатока:

Иди же, наполний веселья страницы

Великодушнаго игриваго «Свистка!»

Ты о «Свисткѣ» писалъ съ презрѣньемъ величавымъ,

Въ намѣреніи его жестоко оскорбить.

Но онъ давно простилъ рѣчамъ твоимъ неправымъ:

Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить.

Иди же къ намъ! Въ «Свисткѣ» мы памятникъ построимъ

Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и водвилкамъ твоимъ,

Ученость дряхлую мы свистомъ усложимъ

И слухъ твой ласковымъ романсомъ уладимъ.

Н. В. Само собою разумѣется, что поэтическое произведеніе не должно быть понимаемо буквально: если бы г. Погодинъ видалъ нашему голоду, то разумѣется творенія его могли бы появиться въ «Свисткѣ» только выдержавъ строгую критику, которою редакция руководствуется при выборѣ матеріаловъ для «Свистка». Всѣмъ можно шутить, но «Свисткомъ» мы не шутимъ!

VI.

КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЮ ПРУТКОВА.

Поклонники искусства для искусства! Рекомендуемъ вамъ драму г. Прутова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ТВОРЕНІЙ МОЕГО ОТЦА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Здравствуй, читатель! Я знаю, ты радъ снова увидѣть меня въ печати; — это хорошо; это показываетъ твой вкусъ; хвалю тебя! Ты помнишь, — разумѣется, помнишь мое обѣщанье въ «Современникѣ» 1854 года, въ апрѣльской книжкѣ, познакомить тебя съ твореньями моего отца и доказать, что весь мой родъ занимался литературой? — Радуйся: я исполняю свое обѣщанье!

У меня много превосходныхъ сочиненій отца; но между ними довольно неоконченнаго (d'ınachevé). Если хочешь, издамъ все; а пока довольно съ тебя одной оперетты.

Есть у меня еще комедія: «Амбиція», которую отецъ написалъ въ молодости. Державинъ и Херасковъ одобрили ее; но Сумароковъ составилъ слѣдующую эпиграмму:

«Ликуй, парнасскій богъ! Прутковъ ужъ нынѣ вѣтъ,
Для русскихъ зрѣлищей «Амбицію» чертить;
Хотѣлъ онъ, зная, своей комедіей робятской
Предъ свѣтомъ образецъ явить амбициі хватской;
Но Аполлонъ за то, собравъ прутковъ длиннѣе,
Его съ Парнаса — возъ, чтобъ былъ онъ поскромнѣе!»

Не скрываю этой эпиграммы, потому что она порождена явною завистью! Ты согласишься, когда самъ прочтешь «Амбицію».

Представляю на твой судъ оперетту: «Черепословъ, сирѣчь Френологъ», которая написана отцемъ уже въ старости. Шинковъ, Дмитріевъ, Хмѣльницкій достойно оцѣнили ее. А ты обрати вниманіе на несвойственную старику веселость, живость, остроу и соль этой оперетты! Убѣжденъ, что по слогу и формѣ она много опередила вѣкъ! Умный Дмитріевъ написалъ къ отцу слѣдующую надпись:

«Подъ снѣжной сѣдиной въ немъ музы веселятся,
И старости — увы! — печальные года
Столь нѣжно, дружно въ немъ съ веселостью родятся,
Что — ахъ! — кабы такъ было всегда!»

Несмотря на такую тонкую оцѣнку нашего поэта-критика, я все еще не печаталъ «Френолога». Но недавно я прочелъ это произведеніе генералъ-майору Ульяновскому и тайному совѣтнику Рябову: — лестные отзывы ихъ превосходительствъ ободрили меня, — я рѣшился! Читатель, если будешь доволенъ, благодари ихъ! — До свиданья!

Твой доброжелатель

Кузьма Прутковъ.

11 го апрѣля
1856 г. (annus, i).

ЧЕРЕПОСЛОВЪ, СИРЪЧЪ ФРЕНОЛОГЪ.

Оперетта въ 3-хъ картинахъ. Соч. Петра Федотыча Пруткова
(отца).

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЧЕРЕПЪ ЖЕНИХА.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ПЫТКА.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

СУЖЕНЫЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шишкингольмъ — френологъ; старикъ, плѣшивый съ шишковатымъ черепомъ.

Миша Христіановна — жена его; сѣдая, но дряхлая.

Лиза — ихъ дочь; полная, съ волнистыми свѣтлыми волосами и съ свободнымъ голосомъ.

Ивановъ — фельдшеръ, проживающій у Шишкингольма.

Фрицъ { нѣмцы 16-ти лѣтъ, обучающіеся подъ надзоромъ Иванова; они
Густавъ } въ курткахъ, безъ галстуковъ, съ отложными воротничками.

Касимовъ — отставной гусарь; въ венгеркѣ, лысый. } Женихи Лизы.

Вихоринъ — гражданскій чиновникъ; въ парикѣ. }

Иронимусъ Амалия фонъ-Курцгалопъ — гидропатъ; лѣтъ 46-ти, худой, длинный, лицо морщинистое, волосы жидкіе, вылѣзшіе; оттого лобъ его выскіи.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЧЕРЕПЪ ЖЕНИХА.

Комната въ домѣ Шишкингольма. Задняя стѣна въ книгахъ; надъ средней дверью огромный бюстъ Галля, съ крупной позолоченной подписью нѣмецкими буквами. — ШИШКЕНГОЛЬМЪ, въ креслѣ посреди сцены, разсматриваетъ черепъ, исчерченный по системѣ Галля. — МИША ХРИСТІАНОВНА, вправо отъ него, вяжетъ чулокъ. ЛИЗА сидитъ влѣво за столомъ, задумавшись, приложивъ перо къ губамъ, и по временамъ, всматриваясь въ стоящій передъ нею черепъ, перелистываетъ книгу. Въ глубинѣ — фельдшеръ ИВАНОВЪ, упершись спиною на полки съ книгами и скрестивъ руки на груди, дремлетъ, свѣсивъ голову немного на сторону. Передъ нимъ, по краямъ стола, на которомъ тоже черепъ, стоятъ ФРИЦЪ и ГУСТАВЪ и твердятъ полу-

шопотомъ изъ своихъ тетрадей. — Типина нарушается только шопотомъ Фрица и Густава и легкимъ храпѣишемъ Иванова; это продолжается довольно долго.—Вдругъ Ивановъ, поскользнувшись, едва удерживается позади себя обѣими руками за полки, черезъ что роняетъ нѣсколько толстыхъ фольянтовъ. Онъ пугается, плюетъ; всѣ вздрагиваютъ и оборачиваются къ нему съ испугомъ.

ИВАНОВЪ.

Разъ!

(Поднимаетъ книги).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Dummer Mensch! скотъ! Такъ-то ты руководишь моихъ шитомцевъ?

(Опять начинаютъ заниматься. — Типина. — Ивановъ снова, скрестивъ руки, опирается на полки съ книгами, засыпаетъ, поскользается и опять роняетъ нѣсколько фольянтовъ. Всѣ вздрагиваютъ и вскакиваютъ съ испугомъ. Фрицъ и Густавъ фыркаютъ со смѣху).

ИВАНОВЪ (съ отчаянiемъ).

Тьфу! Второй!

(нагибается за книгами).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Опять?! Я тебя выгоню!... глупецъ!...

ЛИЗА (слобнымъ голосомъ, презрительно).

Русскiй мужикъ)...

(оба садятся въ негодованiи).

(Ивановъ, выдравъ за волосы Фрица и Густава, вновь складываетъ руки на груди и опирается на полки.—Опять тишина. — Но Ивановъ снова поскользается и снова роняетъ книги.—Всѣ вскакиваютъ въ совершенномъ негодованiи.)

ИВАНОВЪ.

И въ третiй!...

ХОРЪ (приступая къ Иванову).

Спокойствiе занятiй

Ты трижды прерывалъ....

Прiйми же тьмы проклятiй, —

Чтобъ чертъ тебя побралъ!

Geht weg! — и въ память Галлiа,

Къ намъ больше ни ногой!

Hinaus, packt dich podalg!

Найметса къ намъ другой!...

(Отворачиваются отъ него и, обращаясь другъ къ другу:)

Расправу кончивъ съ дерзкимъ,

Приступимъ вновь къ трудамъ...

(Медленно возвращаются къ своимъ мѣстамъ.)

ИВАНОВЪ (злобно указывая на Шишкенгольма).

Обиженный смѣхъ мерзкимъ,

Ужо я вамъ задамъ!...

(Выходить, захлопнувъ дверь.—Настаетъ совершенная тишина.—Всѣ занимаются.— Вдругъ раздается стукъ въ двери.)

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (за дверью).

Дома почтеннѣйшій профессоръ Шишкенгольмъ?

ХОРЪ (подбѣгая къ авансценѣ).

О, Галль! мудрецъ великій!

Спаси ты насъ....

Услышь ты наши клики,

Хоть въ этотъ разъ!

За что судьбы гоненье? —

Несчастный рокъ!

Вѣдь этакъ все ученье

Пойдетъ не впрокъ!...

Лишь вздумаешь заняться,

А тутъ гляди, —

Ужъ въ дверь къ тебѣ стучатся!...

Учись — поди!...

ВИХОРИНЪ и КАСИМОВЪ (поютъ въ дверяхъ, нѣтъ замѣчаемые).

Что слышимъ? Лизинъ голосъ!

ХОРЪ (мрачно).

Судьбины гнѣтъ

Мышленья срѣзалъ колось!...

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (въ восторгѣ фальшивать).

Она поетъ!...

(всѣ къ нимъ оборачиваются; они, робѣя.)

Фальшиво?... извините....

Мы второпяхъ!...

ХОРЪ (строго).

Зачѣмъ вы здѣсь, скажите, —

А не въ сѣняхъ?!

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (провой).

Мы... мы... мы опять... хотѣли просить руки....

ВСЪ (съ гнѣвомъ, кромѣ Лизы).

Руки?!

ЛИЗА (жеманно).

Папаша, они ко мнѣ!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (дѣлая строгій знакъ Лизѣ).

Молодые люди! я уже нѣсколько разъ вамъ отказывалъ; я уже говорилъ вамъ, что вы не любите Лизы.... Говорилъ я вамъ это?

КАСИМОВЪ.

Но вѣдь и я вамъ говорилъ, что люблю...

(Заслоняетъ и оттакиваетъ Вихорина, который тоже хочетъ говорить.)

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (важнѣе и важно началъ указательнымъ перстомъ, въ видѣ малышка, противу своего носа).

Тсъ!... Молчать!... я уже много разъ доказывалъ, что вы оба не любите Лизы.... Слышите? Ни слова болѣе!... (съ достоинствомъ) Мнѣ кажется, профессоръ френологіи можетъ безошибочно узнавать, кто способенъ и кто не способенъ любить женщину; — вы не способны любить женщину, и потому вы не любите моей Лизы! Слышите? Я наблюдалъ вашъ черепъ — я знаю!...

КАСИМОВЪ.

Но мнѣ ли не знать, г. Шишкенгольмъ, что вы ошибаетесь?...

ВИХОРИНЪ (пробиваясь изъ-за Касимова, который его заслоняетъ.)

Клянусь... клянусь, вы ошибаетесь!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (строго и гордо.)

Я ошибаюсь?!.. (ощупываетъ у нихъ обонхъ затылки). Ни за что!... (уходитъ большими шагами въ боковую дверь; Фрицъ и Густавъ за нимъ.)

МИНА ХРИСТИАНОВНА.

Вы слышали? Пошли—вонъ!...

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ.

Мина Христиановна, матушка! клянусь, онъ ошибается!

МИНА ХРИСТИАНОВНА (строго и гордо.)

Онъ ошибается?!.. (ощупываетъ у нихъ обонхъ затылки) Ни за что!... (уходитъ въ ту же дверь и также большими шагами).

(Молчаніе.)

ВИХОРИНЪ (приложивъ пальецъ ко лбу, въ полголоса.)

Придумалъ!... (радостно). Я въ парижѣ. (нагнуто подымаетъ парикъ за виски). Подобью его подкладной, а въ подкладку — шишекъ

изъ ваты, да побольше!... Браво!... До свиданія, Лизавета Ивановна! *(уходитъ также большими шагами, но въ среднюю дверь.)*

КАСИМОВЪ (печально.)

Лизавета Ивановна!...

(поеть.)

Природа видно подшутила,
 Когда меня произвела; —
 Она любовь въ меня вложила,
 Любви же шишекъ не дала!
 Что дѣлать? право я не знаю!...
 Уговорите-ко отца....
 Готовъ я въ адъ, лишуся раю,
 Отказъ же сгубитъ молодца!...

(падаетъ на колѣни.)

ЛИЗА (съ достоинствомъ.)

Отецъ мой все по шишкамъ мѣритъ,
 Людямъ свою цѣну даетъ;
 Онъ вашей страсти не повѣритъ,
 Коль шишекъ страсти не найдетъ!...
 Къ тому жъ, по Галя наставленьямъ,
 Васъ изучала я сама *(щупаетъ его голову)*.
 Судя по ямкамъ, возвышеньямъ,
 У васъ нѣтъ сердца, нѣтъ ума, —
 Къ искусствамъ нѣтъ у васъ влеченья,
 Нѣтъ памяти у васъ, терпѣнья....
 И жару вовсе нѣтъ въ крови!...

(Отталкиваетъ его и отступаетъ съ ужасомъ.)

Такого мужа не хочу я;
 О нѣтъ!... уйдите отъ меня!..

КАСИМОВЪ (вставая, сквозь слезы.)

Увы! — Любви огонь почуя,
 Я мнилъ: когда дождуся дня,
 Чтобъ тѣсно съ вами породниться!..
 И что же? вдругъ я узнаю,
 Что страсть безъ шишекъ не годится!...
 О, какъ мнѣ илѣсть судьбу свою!...

(Рыдаетъ.)

Какъ зло природа подшутила,
 Когда меня произвела:
 Она мнѣ въ грудь любовь вложила,
 Любви же шишекъ не дала!...

(Убѣгаетъ въ среднюю дверь, закрывъ лицо платкомъ.)

ЛИЗА (словно, но печально.)

Несчастный! — Но что же дѣлать?... А можетъ быть—онъ и въ самомъ дѣлѣ?... Нѣтъ!... *(со вздохомъ)* Я сама пробовала!... А впрочемъ.... Пойду спрошу папашу! *(идетъ большими шагами въ боковую дверь.)* Папаша! Папаша!

(Декорация перемѣняется.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ПЫТКА.

Комната Касимова; на стѣнѣ: гусарская сабля, лядунка, портретъ Касимова въ гусарскомъ мундирѣ масляными красками; у двери трубка.

КАСИМОВЪ въ креслѣ; ИВАНОВЪ оканчиваетъ брить его голову.

КАСИМОВЪ *(встаетъ съ обритой головой и прохаживается по авансценѣ, потирая руки.)*

Да! ужъ теперъ, какъ тамъ ни верти, а отдадутъ за меня Лизу!... Ты, Ивановъ, говоришь, что Вихоринъ заказалъ тебѣ парикъ съ шишками?... Такъ что жъ? Все-таки наша возьметъ!... А если что, такъ я и парикъ-то сдерну; — пусть видятъ! Хе, хе, хе!... Знай нашихъ! *(продолжаетъ ходить, радостно потирая руки.)*

ИВАНОВЪ.

Извольте садиться, ваше благородіе; пора....

КАСИМОВЪ *(въ нерѣшимости).*

Ой-ли?... А знаешь, Ивановъ, какъ-то страшно! Ей-Богу!... *(Помолчавъ).* Ну, была не была!... *(выдвигаетъ кресло на авансцену и садится.... Ивановъ пододвигаетъ ставчикъ, на которомъ тазъ съ водой, накрываетъ плечи Касимова полотенцемъ и становится сзади съ молоткомъ надъ его головой.)*

КАСИМОВЪ *(поетъ.)*

Судьба обидѣла гусара!
Но вотъ ужъ млатъ надъ нимъ виситъ,
И съ каждымъ отзывомъ удара
Талантъ съ небесъ къ нему слетитъ!...
Мужайся, воинъ — и терпи!...
Палачъ! свой первый даръ вѣщи!...

ИВАНОВЪ *(бьетъ молоткомъ по его головѣ и тотчасъ же прищипываетъ губкой.)*

Вотъ шишка славы!

КАСИМОВЪ *(морщась.)*

Величавый волдырь на маковку взлетѣлъ!...

Да, — не легка ты, шишка славы! —
Не даромъ мало славныхъ дѣлъ!...

ИВАНОВЪ.

Сюда вотъ память надо вбить!

КАСИМОВЪ.

Ну, точно, — память! нѣту спора!
Ея во вѣкъ мѣ не забыть!...

ИВАНОВЪ.

Музыка здѣсь!

КАСИМОВЪ.

Какъ бы въ два хора...
Я оглушенъ!... Я понялъ, други,
И фисъ, и дисъ — и всякій прахъ!...
Ну, право, отъ подобной фуги
Вѣкъ цѣлый прозвенить въ ухахъ!...

ИВАНОВЪ.

Познаемъ мѣсто и ученью!

КАСИМОВЪ (сквозь слезы).

Ой, ой! ученость налетѣла!...
Коли судить по оглавленью, —
Она ужь больно тяжела!...

ИВАНОВЪ.

Ума здѣсь органъ, убѣжденій!

КАСИМОВЪ (всклипывая).

У-ухъ! Я убѣжденъ насквозь!
О, Боже! столько потрясеній
Сразить хоть бы кого, небось!...

ИВАНОВЪ.

Тутъ — сила духа!

КАСИМОВЪ (едва усидѣвъ).

Тише!... Больно!...

Какъ сильно захватило духъ!...
Ивановъ, милый! — ну, довольно!...
Ей-ей не выдержу, мой другъ!...

ИВАНОВЪ.

Чувствительность!

КАСИМОВЪ.

Туда жь, въ подмогу! (плачетъ.)

Страдальцы! понимаю васъ!...
Я тронуть такъ, что ну, ей-Богу, —
Расплачусь, какъ дитя, сейчасъ!...

ИВАНОВЪ (отрицательно).

Вотъ, — живопись!

КАСИМОВЪ.

Э-э-э, вскочила!...

И тѣнь и свѣтъ я понялъ вдругъ!

Въ глазахъ какъ будто заребрило, —

И словно радуги вокругъ!...

ИВАНОВЪ.

А вотъ, — терпѣнье!

КАСИМОВЪ.

Опоздало!...

Охъ, — рокъ мнѣ строить все на выхъ!

Терпѣнье надо бы сначала,

А не въ конецъ, не позже выхъ!...

ИВАНОВЪ (бьетъ со всей силой).

Теперь, — любовь!

КАСИМОВЪ (вскакивая).

Ой-ой! умру я!...

(Въ изнеможеніи падаетъ въ кресло.)

Отъ маковки до самыхъ пятъ

Я ощущаю страсть такую,

Что ночь переживу наврядъ!...

ИВАНОВЪ.

Довольно съ васъ!

(Собираетъ инструменты, снимаетъ съ Касимова полотенце и отходитъ въ глубину сцены, вытирая молотокъ.)

КАСИМОВЪ (тяжело выдыхая).

Конецъ мученій!...

(Послѣ небольшого отдыха подходитъ къ авансценѣ и ощущиваетъ свою голову.)

Чтохватишь — то талантъ въ рукѣ!

Какъ я умею; я просто гений;

Въ какомъ я чудномъ пишиакѣ!...

Теперь я счастливъ!... Маршъ, къ Лизетѣ!...

Она любить меня должна;

Лишь укажу на пишики эти. —

И мигомъ Лиза влюблена!...

(Суетъ фельдшеру деньги, сбрасываетъ халатъ, надѣваетъ венгерку, ермолку, фуражку и идетъ къ двери.)

ИВАНОВЪ (почтительно кланяясь).

Желаемъ счастья вашему благородью! При случаѣ не забудьте, —
пристройте опять къ Шишкенымъ!...

КАСИМОВЪ (самоуваженно).

Хорошо, братъ, хорошо! Пристроимъ, любезный, пристроимъ!...

(Уходитъ.)

(Декорация перемѣняется.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

СУЖЕНЫЙ.

Комната первой картины. ШИШКЕНГОЛЬМЪ, за нимъ МИНА ХРИ-
СТИАНОВНА, ЛИЗА, КАСИМОВЪ, ВИХОРИНЪ, ФРИЦЪ и ГУСТАВЪ
почти выбѣгаютъ, встревоженные, изъ боковой двери; ИВАНОВЪ робко
входитъ въ среднюю дверь и останавливается у прихожки. МИНА ХРИ-
СТИАНОВНА, запыхавшись, падаетъ на диванъ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (сердито).

Нѣтъ, это дерзко!... Вонъ!... вонъ!... (Указываетъ Касимову и
Вихорину на дверь.) Не вѣчу такія шипскі!... Вонъ!...

(Касимовъ и Вихоринъ пристають къ Лизѣ
съ просьбами и объясненіями; она хочетъ
уйти; Касимовъ, желая удержать ее, не-
волью дѣлаетъ съ нею въ родѣ тура галона
по комнатѣ.)

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (изъ себя).

О, это уже слишкомъ! (бросается къ нимъ и, вырвавъ Лизу отъ
Касимова, поетъ:)

Что задралъ такъ кверху носъ, ты?

Какъ ты смѣешь танцовать?!..

Нѣтъ, повѣрь, не такъ мы просты,

Чтобъ какіе-то наросты

Стали шишками считать!...

(Лизу, едва освобожденную отъ Касимова,
подхватываетъ Вихоринъ и тоже, удержи-
вая ее, неволью пробѣгаетъ съ нею въ родѣ
тура галона по комнатѣ.)

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (освобождая Лизу отъ Вихо-
рина, поетъ).

Невпопадъ и ты проворенъ!...

Не смотри, что я старинъ,

Если будешь ты, Вихоринъ,

Танъ невѣжливъ и упоренъ,

И какъ разъ стащу парикъ!...

ЛИЗА (усталая, падая въ кресло, слобными
головами).

Господи, какіе безстыдники!...

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (обращаясь къ Шишкен-
гольму, поютъ).

Ну, — не вѣрьте нашимъ шишкамъ,
Но уважьте въ насъ года,
Намъ вѣдь по сороку слишкомъ, —
Угрожать намъ, какъ мальчишкамъ,
Не позволимъ никогда!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (виѣ себя).

Въ разговорахъ мало толку;
Васъ съ умъю выгнать я!...

(идеть къ нимъ).

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (отступая отъ него).

Обругать васъ стоитъ колко!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (настигаетъ ихъ и выбрасы-
ваетъ за окно ермолку съ Каси-
мова и парикъ съ Вихорина).

Съ васъ парикъ.... а съ васъ ермолку!...

Подымайте ихъ!...

КАСИМОВЪ и ВИХОРИНЪ (посмотрѣвъ съ любо-
пытствомъ въ окно).

Свинья!...

(уходятъ; но въ дверяхъ сталкиваются съ Курцгаломъ, который переступаетъ задомъ черезъ порогъ, дѣлая разные знаки четыремъ оставшимъ солдатамъ; которые вносятъ за нимъ купальный шкафъ).

КУРЦГАЛОМЪ (испугавшись).

Тьфу! черти нагнаны!... Чуть съ ногъ не сбили!...

(солдатамъ)

Ставьте вотъ сюда, сюда вотъ; такъ!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ и ДРОНІЕ (съ удивленіемъ).

Это что? кто это?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (разсерженный).

Что это вы принесли сюда?

КУРЦГАЛОМЪ.

Не твое дѣло!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Какъ не мое дѣло? Позвольте!...

КУРЦГАЛОМЪ (поетъ) (*).

Я только что купался, —

Совсѣмъ продрогъ!...

(*) Читатель! я пробовалъ пѣть эти куплеты на голосъ: «Un jour maître corbeau»; — выходитъ отлично! испытай! Прим. Д. Прутковъ.

Но славно пробьжался; —
 Не слышу ног!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (прерывая его).
 Да позвольте же узнать?

КУРЦГАЛОПЪ (не слушая его).
 Vivat водолеченню!

Живи, народы!...

А все плоды ученья; —
 Mein Gott, mein Gott!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (опять прерываетъ).
 Да кто же вы такой?

КУРЦГАЛОПЪ (продолжаетъ).
 Ерôнимусъ Амалья

Фонъ-Курцгалопъ, —

Давно безъ обливанья
 Сошелъ бы въ гробы!...

ЛИЗА (отцу, жеманясь).

Папаша, — какой веселый мужчина!...

НИИИЕНГОЛЬМЪ.

Но скажите, наконецъ, зачѣмъ вы пришли?

КУРЦГАЛОПЪ (не слушая его, обидитая).
 И оставилъ шинтъ? Ну, хорошо; ступайте!...

ЛИЗА (матери, своимъ голосомъ).

Ахъ, мамаша, какой славный мужчина!

КУРЦГАЛОПЪ (обращаясь къ нимъ).
 Доложите полковнику Ковырину, что шканъ принесенъ.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (разсерженнымъ).

Милостивый государь! полковникъ Кавыринъ живетъ не здѣсь,
 а внизу!

КУРЦГАЛОПЪ.

Какъ! А здѣсь кто живетъ?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (съ достоинствомъ).

Здѣсь живетъ профессоръ-эренологъ Юганъ фонъ-Шискен-
 гольт!

КУРЦГАЛОПЪ (радовано).

О Боже, какая случайность! Нетъ Шискенгольтъ, знаменитый
 эренологъ?

ЛИЗА (отцу).

Папаша, какой умный мужчина!...

КУРЦГАЛОПЪ.

Честъ мнѣю рекомендоваться: фонъ — Курцгалопъ, известный гидропатъ!

ВСѢ (радоуясь).

О Боже! какое счастье! Нег Курцгалопъ, знаменитый гидропатъ?
(знакомится).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (съ лукавой улыбкой).

Нег Курцгалопъ! вы умный и хитрый человекъ!... Вы нарочно зашли сюда; — благодарю васъ за ошибку!... (сильно жметъ ему руку). Другъ Миша, благодари за ошибку!... (Миша Христиановна присѣдаетъ). Лиза, благодари за ошибку!...

ЛИЗА (своимъ голосомъ отцу).

Ахъ, папаша, какой красивый мужчина!...

КУРЦГАЛОПЪ (въ сторону).

Какой у нея сдобный, жирный голосъ!

(Лиза востычиво присѣдаетъ Курцгалопу, который почтительно кланяется ей; оба долго и страстно смотрятъ другъ на друга).

КУРЦГАЛОПЪ.

Я право, очень радъ.... не могу увѣрить.... вовсе печально!... Мнѣ полковникъ Кавыринъ заказалъ шапъ, и я...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

О, хитрый, хитрый молодой человекъ!... (беретъ Лизу за руку). Лиза, успокой его, займи разговоромъ.... Ты видишь кокетку молодого человека. — Нег Курцгалопъ, еще разъ рекомендую: дочь моя!...

(Курцгалопъ нѣжно целуетъ ея руку).
(Поютъ).

ЛИЗА (жемаиась).

Теперь нашли вы къ намъ дорогу?

КУРЦГАЛОПЪ (кокетничая).

Нашель, — быть можетъ, не впадеъ?

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Пришли вы кстати къ еренологу; — Я гидропату очень радъ!

ЛИЗА (въ сторону).

Какъ мнѣ понравился, ей-Богу,
Сей бодрый, крѣпкій гидропатъ!...

КУРЦГАЛОПЪ (Лизѣ).

Вы обливааетесь водою?

ЛИЗА.

Я? да! Я моюсь еще утрамъ.

КУРЦГАЛОУЪ.

Холодной? Теплой? Какою?

ЛИЗА.

Холодной съ теплой пополамъ!

КУРЦГАЛОУЪ (въ сторону).

Мила!... (помолчалъ, съ замѣшательствомъ)

А что, — спросить я смѣю, —

Вы обливаете?

ЛИЗА.

Скажу —

Я обливаю руки, шею....

КУРЦГАЛОУЪ (прерывая рѣшительно).

Руки я вашей попрошу!...

ШИШКЕНГОЛЬМЪ и МИНА ХРИСТИАНОВНА (почти подбѣгая къ Курцгалону) ошупываютъ его затылокъ).

О, счастье!... Мы согласны! Благословляемъ васъ!... (Благословляютъ) Шампанскаго скорѣй!

КУРЦГАЛОУЪ.

А мнѣ воды!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ.

Ну, такъ и всѣмъ намъ воды; оно и дешевле!

(Ивановъ бросается въ двери).

ШИШКЕНГОЛЬМЪ и МИНА ХРИСТИАНОВНА (обращаясь къ Курцгалону).

Подите же сюда, нашъ сынъ!...

(Курцгалонъ подбѣгаетъ съ нѣжностью. — Они начинаютъ целовать его. — Лиза смотритъ съ завистью).

ИВАНОВЪ (разливая воду въ бокалы).

Ужь простите и насъ на радости!

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (Лизѣ и Курцгалону).

Дѣти! простить его?

ЛИЗА (гладкокровво, своимъ голосомъ).

Простите, папаша.

ШИШКЕНГОЛЬМЪ (Иванову).

Благодари ее! (Ивановъ цалуетъ руку Лизы. — Всѣ берутъ бокалы и пьютъ).

ХОРЪ.

За здравье еренологин,

Мудрейшей изъ наукъ!

Хоть ей не вѣрятъ многіе,

Но, зная, ихъ разумъ тугъ!

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Она руководителемъ
 Должна служить, ей-ей,
 При выборѣ родителемъ
 Мужевъ для дочерей!
 Ура черепословію!
 Ура наукъ сей!
 До капли нашей кровію
 Пожертвуемъ мы ей!
 (Лиза снимаетъ шейный платокъ).
 ШИПЕНКОЛЬМЪ (съ испугомъ).

Что это ты, Лиза?

ЛИЗА (будто ни въ чемъ не бывало).
 Въ шкафъ, папаша, купаться!

ВСЬ (торопливо).

Подожди, Лиза, безстыдница; — дай спустить занавѣсь!...

Занавѣсь опускается.

(Со сцены раздаются крики слобнымъ гласомъ: А! А-хъ! Ахъ!
 происходящія, вѣроятно, отъ слишкомъ холодной воды).

63
0.50

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лассала, д. 3.

№ 773 ж. ф.

ТЯЖЕЛЫЙ ТРУДЪ.

ПОВЕСТЬ.

6747 м.

—

I.

НАЕМЪ КВАРТИРЫ.

— Позвольте спросить, гдѣ тутъ отдается комната?

Этотъ вопросъ сдѣлалъ молодой человѣкъ, взобравшись въ одно морозное двадцати градусное московское утро съ нѣсколькими отдыхающими по скверной лѣсницѣ во второй этажъ деревяннаго дома улицы Грачѣвки и вѣжливо раскланиваясь предъ пожилой растрепанной женщиной, вполонину отворившей на его стукъ запертую дверь и очень подозрительно посмотрѣвшей на молодого человѣка.

— Это вы такъ стучали? спросила въ свою очередь растрепанная женщина.

— Я-съ, робко отвѣчалъ молодой человѣкъ. Мнѣ нужна-съ комната. Она здѣсь отдается?

— Здѣсь она отдается.... какъ-то въ раздумьи сказала женщина и еще пристальнѣе взглянула на не богатое пальто молодого человѣка.

— Позвольте посмотреть.... робко началъ онъ и слегка взялся за дверную скобу.

Т. LXXXI. Отд. I.

12

— Да вѣдь у меня деньги впередъ... сказала женщина не рѣшаясь впустить къ себѣ такое бѣдное пальто.

— Хорошо-съ. Они вошли.

Довольно длиннымъ, мрачнымъ, низенькимъ и обладающимъ кухоннымъ запахомъ корридоромъ, они прошли въ отдающуюся въ наемъ комнату. Это была комната высокая, большая и, отъ множества широкихъ оконъ, похожая на сквозной фонарь. Стѣны комнаты были обклеены дешевенькими старыми обоями, на которыхъ нарисованы были какія-то китайскія вазы съ полинявшими цвѣтами. Въ лѣвой отъ входа стѣнѣ была вдѣлана дверь — въ слѣдующую комнату. Къ окошкамъ были подвязаны бутылки съ отбитыми горлышками, а по подоконнику были проведены къ бутылкамъ тоненькія верѣвки. На окошкахъ была вода, въ углахъ комнаты плесень, воздухъ въ комнатѣ сырой и холодный:

Молодой человекъ остановился въ раздумьи въ дверяхъ комнаты, прищурилъ свои большіе, близорукіе глаза, чтобы яснѣе рассмотреть такую не веселую, не здоровую обстановку комнаты, усиленно потянулъ въ себя сырой, гнилой воздухъ и, слегка вздохнувъ, вошелъ въ комнату. А женщина между тѣмъ стала по серединѣ комнаты, подпёрлась одной рукой въ бокъ и очень не дружелюбно глядѣла на молодого человека.

— А сколько стоитъ эта комната? спросилъ онъ пристально всматриваясь съ какой скоростью сбѣгала по верѣвочкамъ въ бутылки оконная вода.

— Семь рублей.

— Это очень много, вѣдь эта комната сырая....

— Что вы говорите — сырая, злобно перебила женщина, это вамъ такъ съ холоду кажется, морозъ большой на дворѣ, а то она пресухая-сухая!

— Нѣтъ-съ, дорого, возьмите пять рублей. И молодой человекъ обернулся къ двери.

— Постойте, постойте! да какъ же можно пять рублей? забормотала женщина, загоразивая собой молодому человеку къ дверямъ дорогу. Вы разочтите: женщина подняла свои руки почти къ самому лицу молодого человека и стала перебирать указательнымъ пальцемъ правой руки пальцы лѣвой: — разочтите: дрова, прислуга, мебель поставлю, кровать дамъ, самоваръ, комната веселая — оконъ сколько! прислуга — дѣвочки, и сосѣди дѣвочки! и она лукаво прищурилась на молодого человека.

Молодой человѣкъ грустно улыбнулся, въ какомъ-то безсознательномъ раздумьи посмотрѣлъ на убеждающую женщину и спросилъ:

— А кто жь сосѣди? вы говорите—дѣвушки, какія же это дѣвушки? и какъ-то подозрительно-насмѣшливо посмотрѣлъ на женщину.

— Вы думаете — какія дѣвушки?... протянула женщина, нѣтъ у меня не такія, у меня мастерицы, я бѣлошвейка! вотъ не угодно-ли посмотрѣть? и женщина растворила дверь въ другую комнату.

Это была комната гораздо большаго формата и гадчайшаго достоинства нежели первая. Въ ней сидѣло очень тихо за пальцами на старыхъ стульяхъ нѣсколько наклоненныхъ, блѣдныхъ и изнуренныхъ женскихъ головъ. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на блѣдныя женскія лица, и блѣдныя женскія лица въ свою очередь тоже разсѣянно взглянули на пришельца и опять усиленно заслѣдили за своими мелькающими иглами.

— Ну вотъ видите.... началъ молодой человѣкъ, выйдя опять въ первую комнату, у васъ и не удобно.... а я человѣкъ дѣловой, постоянно занимаюсь.... проходъ будетъ черезъ мою комнату.... а вы еще такъ дорого просите? и онъ не рѣшительно взглянулъ на женщину.

— Что за дорого?... начала опять энергически убеждать женщина. — Что за дорого? — вотъ тѣмъ-то и хорошо, что проходъ будетъ черезъ вашу комнату.... вы будете постоянно въ хорошемъ обществѣ. И женщина лукаво улыбнулась.

— Нѣтъ, я семь рублей не дамъ, рѣшительно отвѣтилъ молодой человѣкъ и пошелъ къ двери.

— Стойте, стойте, сколько же вы дадите?

— Пять рублей, уже въ корридорѣ отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Ну, давайте шесть, — ужъ Богъ съ вами!

— Нѣтъ, пять.

— Ну, ну, пять съ половиной.

Молодой человѣкъ постоялъ въ раздумьи и лѣниво просунулъ свою руку въ карманъ пальто.

— Ну, хорошо-съ, сказалъ онъ. — Вотъ вашъ задатокъ, да чтобъ не было шумно....

— Нѣтъ, нѣтъ, шуму у меня никакого нѣтъ; пойдемте ко мнѣ въ комнату, тамъ отдадите задатокъ! и женщина повела его въ темную, боковую изъ корридора дверь.

— Молодой человѣкъ вошелъ въ маленькую, душную комнату. Больше половины комнаты занимала русская печь, остальная половина была занята широкой кроватью и развѣшенными по стѣнѣ женскими платьями и не чистыми юбками. Когда хозяйка съ молодымъ человѣкомъ вошла въ эту комнату, съ кровати поднялось толстое, пьяное лицо женщины и бессмысленно улыбнулось гостю.

— Рекомендую — мой сожитель, Николай Федоровичъ, развязно обратилась хозяйка къ гостю.

— Ояъ мужъ вашъ?

— Нн...ада; и она торопливо обернулась за чѣмъ-то къ печкѣ.

— Такъ вотъ вамъ задатокъ, сказалъ молодой человѣкъ, подавая хозяйкѣ рубль.

— Хорошо-съ, когда вы переѣдете?

— Сегодня вечеромъ. Прощайте!

— Прощайте; и хозяйка пошла провожать гостя.

— За водочкой не послать-ли?... услышался въ слѣдъ молодому человѣку робкій, пьяный шопотъ. Молодой человѣкъ обернулся и увидѣлъ толстое лицо сожителя, наклоненное къ самому уху хозяйки и противно-глупо улыбающееся; и также увидѣлъ какъ хозяйка, въ отвѣтъ на этотъ сдержанный, смѣшной шопотъ, поднесла своему сожителю въ самыя губы злую фигу. Молодой человѣкъ улыбнулся и вышелъ.

«А скверная квартира», подумалъ онъ, шагая по занесенному снѣгомъ тротуару и безпрестанно наступая на работающія метлы дворниковъ. «Очень скверна», сказалъ онъ почти въ слухъ, и тутъ же въ слѣдъ получилъ въ отвѣтъ: «смотри, ты, ротозѣй!». Но молодой человѣкъ, не обращая вниманія ни на работающія метлы дворниковъ, ни на выразительные эпитеты хозяевъ этихъ метель, продолжалъ самъ себѣ говорить: «да, пожалуй заболѣешь... Ахъ, не дай Богъ, если я заболѣю»... и лицо молодого человѣка приняло очень озабоченное выраженіе. «Ну нужно жь гдѣ нибудь жить?... Эхъ, вотъ жизнь-то!»... добавилъ онъ какъ-то грустно-весело и продолжалъ все чаще и чаще шагать и шагать.

Вечеромъ пьяный писарь квартала — кажется Срѣтенской части, постоянно тыкаясь носомъ въ разложенную на столѣ сальную книгу, сквернѣйшимъ почеркомъ писалъ: *въ доме Колкина у швеи Зайцовой прожъиваить съ настоющаго числа уволенный изъ Москоковскаго университета Дворецкъ Паромоновъ* и тутъ же за чѣмъ-то прибавилъ *руку приложилъ* и разчеркнулся.

II.

СНЫ ПАШИ.

«Такъ вотъ, Сашенька, лежу я, а все вижу... и вѣдь чудо-то какое, я вѣдь не спала, мнѣ все слышно было: слышно какъ и ты ворочалась, слышно было какъ и жилецъ писалъ, слышно какъ и дворникъ колотилъ по тротуару, а проснуться не могу — да и только! такъ вотъ, вотъ мнѣ все и кажется какъ на яву. Постой, не перебивай меня! дай мнѣ сказать! такъ вотъ я лежу, Сашенька, да все и смотрю на нее, мою голубушку, а она вся такая свѣтлая... въ бѣломъ одѣяніи стоитъ передо мной, да такъ какъ-то грустно улыбается... а у меня ужь силушки вѣтъ и глядѣть-то на нее.... хотѣлось бы вскрикнуть, да не могу... вотъ она посмотрѣла, посмотрѣла на меня, да и показала рукой къ образу, а сама мнѣ кивнула головой, да и поманила меня другой-то рукой.... чтожь бы ты думала, Сашенька?... вѣдь я встала съ постели, сама почувствовала, что встала! да и хочу къ ней идти... да ужь спасибо ты, моя душечка, проснулась да и окликнула меня, а то бы я и не знаю чтобы со мной было....»

— Полно, Паша, полно душечка, зачѣмъ ты все думаешь о своей матери? Вѣдь она ужь у тебя давно померла — ну и Богъ съ ней! Не думай, дурочка! И русая головка Саша жарко прильнула къ груди Пашеньки.

Это говорили двѣ молодыя дѣвушки, старшія мастерицы той хозяйки, у которой сталъ на квартиру Паромоновъ. Они обѣ сидѣли на постели и готовились лечь спать. Передъ ними стоялъ на кривоногомъ стулѣ мѣдный подсвѣчникъ съ сальнымъ огаркомъ и освѣщаль довольно странную картину: по комнатѣ были разставлены въ беспорядкѣ пальцы съ недошитымъ полотномъ, которое красивыми складками спускалось съ палецъ почти до полу. Между пальцами, на холодномъ полу, лежали завернутыя

въ какія-то тряпки младшія мастерицы хозяйки, и видны были ихъ еще очень молодыя, но уже блѣдныя лица, и слышно было ихъ сонное, ровное дыханье. На стѣнахъ тускло обозначались китайскія вазы, и отъ перебѣгающихъ тѣней, сильно нагорѣвшей свѣчи, казались какъ будто пляшущими. Стулья тоже выдѣлывали какія-то странныя па: тѣнь ляжетъ на правой бокъ стула, и онъ перекосятся — выдвинетъ впередъ, какъ будто на показъ, свою лѣвую сторону; тѣнь ляжетъ на лѣвую сторону, — правая сторона выдвинется; тѣнь ляжетъ по срединѣ — стулъ покажется огромнымъ, гадкимъ, зѣвающимъ ртомъ. Въ комнатѣ, по обыкновенію, было сыро и чрезвычайно холодно. Разговаривающія дѣвочки тѣсно прижались другъ къ другу и отъ холода дрожали. Одна изъ нихъ, Паша, была высокаго роста двадцати лѣтняя брюнетка, съ большими черными глазами, съ продолговатымъ смуглымъ лицомъ. Но лицо Пашин на первый взглядъ не было красиво, оно было очень серьезно и, отъ этаго, могло показаться даже злымъ. Только послѣ, пристальнѣе всмотрѣвшись въ него, можно было отыскать такъ много добродушія, такъ много этой женственной, пріятной мечтательности, такъ много ума и чувства въ большихъ, черныхъ глазахъ, что уже лицо Пашин изъ злаго, съ разу переходило въ очень милое и любимое лицо. Другая — Саша, была толстенькая, низенькая блондинка, ей было лѣтъ двадцать пять, лицо ея было круглое, веселое, очень доброе, — чисто русское лицо.

Такъ двѣ дѣвочки дрожали отъ холода и говорили:

— Ахъ, Саша, полно милочка, ну, какъ не думай? вѣдь этотъ сонъ чтонибудь да значить? И Паша своей большой, но стройной рукой, отняла отъ груди голову Сашин и тревожно взглянула въ ея добрые, веселые глаза.

— Ну, полно, душечка, ну что будетъ значить какойнибудь пустой сонъ? И Саша очень серьезно и очень убѣдительно старалась смотрѣть на Пашу.

Паша опустила свою голову и задумалась.

— Нѣтъ, ты вотъ что мнѣ скажи, Паша, продолжала Саша, желая развлечь свою подругу, — ты вотъ что мнѣ скажи, дружокъ, что это у насъ за странный жилецъ? и Саша весело засмѣялась.

— А что? спросила Паша, смотря съ грустной улыбкой на смѣющееся лицо Сашин.

— Да какъ же, все что-то пишеть, никуда не выходить, и смотреть такимъ звѣремъ!... послѣднія слова Саша протянула и звонко захохотала.

— Что ты хохочешь, Саша, вѣдь онъ услышитъ?... скороговоркой, тревожно, проговорила Паша.

— Гдѣ ему теперь слышать.... онъ чай спитъ.... день-то написался! и Саша продолжала смѣяться, но уже гораздо тише.

— Что онъ такое пишеть?... въ раздумьи проговорила Паша.

— Ха, ха, ха, что пишеть? — Разумѣется бумаги переписываетъ. — Какая ты глупенькая! и Саша подаловала Пашину щеку.

Паша задумалась, дѣвочки долго молчали.

— Не... начала Саша.

— Зачѣмъ онъ такъ много пишеть? съ какой-то грустной задумчивостью перебила Паша. — Все пишеть и пишеть.... цѣлый день все пишеть! Какъ мнѣ его жалко....

— Да и мнѣ, Пашенька, признаться сказать его жалко, хоть онъ и смотритъ такимъ медвѣдемъ.... Да вѣдь и то сказать — нужно же чѣмъ нибудь добывать хлѣбъ; и Саша комически вздохнула.

— А какой онъ страшный.... продолжала съ прежней мечтательностью Паша и какъ будто вздохнула.

— Нѣтъ, не говори этого, душечка; онъ вовсе не страшный; онъ, если посмотришь хорошенько, такъ прехорошенькій! только смотреть волкомъ.... и Саша снова весело засмѣялась.

— Я боюсь мимо его ходить.... продолжала Паша, — онъ всегда такъ на меня посмотреть, такъ посмотреть, что мнѣ дѣлается не ловко....

— Вотъ видишь ты, Паша, какая странная.... а я такъ люблю, когда онъ на меня смотритъ; право, вѣдь это первый жилецъ у нашей хозяйки такой хорошенькій, да и смиренный.... Всѣ были такіе пьяницы!

— А въ немъ что хорошаго? съ прежней задумчивостью спросила Паша.

— Какъ, что хорошаго, душечка? онъ такой молодой.... смиренный.... и Саша какъ будто старалась припомнить лицо жильца.

Паша помолчала, какъ будто пождала отъ подруги, что она скажетъ о жильцѣ, пристально посмотрѣла на ее лицо, слегка вздохнула и спросила:

— Ты, Саша, кончила работу?

— Нѣтъ, дружочикъ.... грудь немножко заболѣла, завтра кончу! и Саша вздохнула.

— Вотъ какая ты.... а что скажетъ завтра хозяйка? вѣдь и у меня грудь болитъ.... давно болитъ.... а я же работаю? и Паша очень не весело засмѣялась.

— Вольно же тебѣ быть такой труженицей, Паша!

— Вольно же.... а оброкъ чѣмъ будешь платить?... хорошо, ты — вольная!

Дѣвушки замолчали.

— Пора, Паша, спать.... что мы сидимъ?...

— Да спать-то еще не хочется.... И Паша, грустно улыбаясь, наклонила голову къ плечу Саши.

— Посмотрика, Паша, какъ Анютка-то разметалась.... да никакъ плачетъ.... вѣдь ей что нибудь должно сниться! и Саша порывисто встала съ постели — и пошла къ Анюткѣ, заснувшей не далеко отъ нихъ, между пальцами. Паша тоже вытянула впередъ личико и жадно присматривалась къ лицу Анюты.

— Встань, встань, Аннушка.... стала будить дѣвочку Саша. О чемъ ты плачешь?

— Мм.... это ты, Саша? мнѣ приснилось что-то страшное.... пролетела дѣвушка, приподнимаясь на своихъ тряпкахъ.

— Экая дура какая!... перебила Саша. — Ну, проснись теперь, да Богу-то молилась ли?

— Молилась.... и дѣвочка, глухо закашлявшись, улеглась на другой бокъ.

— Давай спать, Паша; сказала Саша, вернувшись къ постели и стараясь стащить съ плечъ Паши наброшенный бурнусъ. — Пора!

— Да я какъ-то боюсь.... нехочется! добавила очень скоро послѣднее слово Паша.

— Вздоръ, вздоръ, чего бояться.... какая ты дуручка... Ну, раздѣвайся! и Саша не безъ труда раздѣла свою подругу.

— Ну, спи, Богъ съ тобой! сказала Саша, погасивъ свѣчу и крѣпко обнимая свою подругу. — Да не думай ни о чемъ!

Въ комнатѣ стало слышаться только сонное дыханье, да временамъ удушливый кашель. Черезъ нѣсколько минутъ Паша приподнялась на локоть, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ взглянула на лицо спящей Саши и, сдержаннымъ шопотомъ, слегка взявъ ее за руку, спросила: «Сашенька, ты спишь?» и не полу-

чивъ отвѣта, тяжело вздохнула. «Господи! — какъ сердце воетъ...» сквозь слезы прошептала она, опустилась снова на постель и укуталась съ головой въ одѣяло. Она задремала.

Но вотъ, черезъ полчаса, руки ея судорожно вытянулись, голова какъ-то странно откинулась назадъ, губы задрожали, по лицу забѣгали судороги, около ресницъ показались слезы, — она увидѣла сонъ. И снится ей, что будто она проходитъ комнатою жильца, что будто сидѣвшій у стола жилецъ, при ея появленіи, отнялъ отъ своего лица руки и Паша увидѣла на его глазахъ слезы. Дѣвушка остановилась и не знала идти ей впередъ или назадъ. Жилецъ всталъ, отошелъ отъ стола, и медленно приближаясь къ ней, чуть слышно шепталъ: «О, не уходи отъ меня!... не уходи! ты только моя отрада!» и хочетъ будто бы обнять дѣвушку. — «Ты видишь, какъ я несчастливъ, — полюби меня, милая дѣвушка!...» «Пусти, пусти меня!...» шептала дѣвушка, какъ-то вся корчась подъ тяжелымъ кошмаромъ. — «Что я тебѣ сдѣлала?...» не связно бормотали полураскрытыя губы. «Матушка! матушка!» почти громко крикнула Паша. «Спаси меня!... А!...»

— Что ты, что ты, Паша?... тревожно, еще соннымъ голосомъ проговорила разбуженная крикомъ Саша, вскакивая съ испугомъ съ своей постели и дергая за руку спящую дѣвушку. — Что съ тобой, голубушка?... Что ты видѣла? опять мать?

— Оставь меня! недовольно-плаксивымъ тономъ сказала очнувшаяся Паша, и снова закуталась въ одѣяло.

— Ну, Богъ съ тобой, коли не хочешь.... и сама уже спала.

Паша не могла больше спать, она всю ночь промучилась и продумала о приснившемся; и на другое утро, какъ не распрашивала Саша — что она видѣла, она постоянно отвѣчала — была!

А между тѣмъ она этотъ сонъ помнила, и долго помнила ... ей еще страшнѣе сталъ страшный жилецъ.

III.

ПАРАМОНОВЪ.

Парамоновъ былъ, какъ говорится, мужчина видный и очень красивый. Высокій ростъ, отличная сформировка тѣла,

прекрасные пепельные волосы, большіе выразительные сѣрые глаза, умное румяное лицо, маленькія руки и ноги, — все это давало ему право на названіе красавца. Это наружная сторона Парамонова; разберемъ внутреннюю: природа дала ему довольно талантовъ, — онъ былъ очень не глупъ, имѣлъ доброе сердце, даже очень доброе; но это сердце было такъ странно какъ-то устроено, столько на немъ было дурныхъ пятенъ, что всматриваясь въ него, не вольно задаешь себѣ вопросъ — чтобы могло испортить эту честную, благородную натуру? Природа ли не хотѣла дать ему полного совершенства, или эти дурныя пятна натерлись обстоятельствами и людьми. Последнее кажется скорѣй всего можно предположить. Рожденный въ бѣдности, онъ имѣлъ несчастіе воспитываться въ домѣ выше своего состоянія. Какой-то сіятельный князь, крестный отецъ Парамонова, взявъ его маленькаго отъ обремененнаго другими дѣтьми роднаго семейства, и, конечно корча изъ себя покровителя и защитника бѣдныхъ и сирыхъ, ввелъ его въ свои велико княжескія покои будто-бы съ цѣлью воспитать его на равнѣ съ своими дѣтьми. Ввести-то его — ввелъ, а воспитать-то его такъ какъ нужно, по обыкновенію, и не воспиталъ. Впрочемъ, если разсудить хладнокровно, такъ князь не совсѣмъ былъ виноватъ, — онъ своихъ дѣтей воспитывалъ скверно. Такъ мальчикъ съ разу отъ страшной бѣдности, отъ дячковскаго букваря, попалъ въ кружокъ князьковъ и расфранченныхъ гувернеровъ. Ну, разумѣется, и началось воспитаніе... воспитаніе ужъ кажется слишкомъ извѣстное!... Энергическая, воспріимчивая натура мальчика живо усвоила себѣ всѣ трудныя термины свѣтскости и пустой болтовни, и также отлично хорошо замѣтила, къ несчастію... впрочемъ нельзя было и не замѣтить — слишкомъ рѣзко бросилось въ глаза даже и мальчику! — такъ отлично замѣтила, что обѣщанное-то княземъ равенство было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Князьки и гувернеры, нужно имъ отдать полную справедливость, съ разу вбили въ голову мальчику — какая огромная разница была, есть и будетъ между бѣднымъ, ничтожнымъ дворяниномъ и богачемъ-княземъ. Съ этихъ поръ, т. е. съ вѣрныхъ и положительныхъ доказательствъ о непреоборимой параллели между богатствомъ и бѣдностью, ничтожествомъ и знатностью, и начали наростать на сердцѣ маленькаго Парамонова всѣ эти гадкія темныя пятна. Сперва завилась себѣ гнѣздо зависть, потомъ гордость, потомъ пренебреженіе и не вниманіе не только къ окружающимъ, но

даже и къ роднымъ, потому, съ возрастающими годами конечно, ненависть ко всему что было выше его и очень часто — ненависть къ самому себѣ... — а это, смѣю васъ увѣрить, прескверное положеніе! и тѣмъ болѣе скверное, что началось съ такихъ равныхъ лѣтъ. Изъ мальчика Парамоновъ сдѣлался юношей, поступилъ въ университетъ, а темныя пятна все росли и росли. Ни что не могло сгладить ихъ, этихъ темныхъ пятенъ, ни образованіе, ни врожденный умъ, ни доброта сердца, — они развивались съ чудовищной быстротой. Въ университетѣ онъ былъ окруженъ тѣми же князьками и тѣми же милостями князя, — онъ воспитывался на его счетъ, и слѣдовательно все больше и больше видѣлъ свое тягостное, мучительное положеніе; а отъ прочной прививки темныхъ пятенъ, оно казалось вдвойнѣ мучительно. Но вѣдь всему на свѣтѣ есть конецъ, а тѣмъ болѣе сдерживаемой злобѣ, и Парамоновъ прорвался.... Какъ-то въ гостинной князя сказано было очень не осторожно о не благодарности людей — къ людямъ, которыхъ нужно благодарить, о забывчивости людей къ людямъ и вещамъ, которыхъ не слѣдуетъ забывать, и молодой человѣкъ вспылалъ.... а вѣдь кажется вспылить-то и не слѣдовало-бы, — во первыхъ: это было говорено вообще, а не объ немъ одномъ; а во вторыхъ: что и дѣйствительно, къ несчастію такихъ умныхъ сіятельныхъ покровителей, ихъ что-то не долго помнить.... но какъ бы то ни было — молодой человѣкъ разгорячился и вспылалъ. На него, разумѣется, съ разу обрушился цѣлый возъ упрековъ чудовищной неблагодарности. Называли его... да впрочемъ, что намъ за дѣло до названій? Названія всѣ были очень гармоническія!... Дѣло-то однакожъ кончилось тѣмъ, что молодой человѣкъ не только не захотѣлъ остаться въ университетѣ на иждивеніи князя, но даже и не послушался любимыхъ товарищей, которые совѣтовали ему перейти на медицинскій факультетъ и быть казенно-коштнымъ воспитанникомъ. «Не хочу быть въ однихъ стѣнахъ съ этими болванами!» сказалъ онъ въ отвѣтъ товарищамъ, намекая не извѣстно почему такъ обидно на завитыя головки своихъ названныхъ братцевъ; а когда ему предложили переѣхать въ другой городъ, онъ тутъ уже не основательно сказалъ — «не хочу съ ними носить одинъ мундиръ!» Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, можетъ быть, что и иначе, безъ торной тропы, пробьетъ себѣ дорогу, — неизвѣстно; знаю только, что онъ просилъ увольненія изъ университета. Его (разумѣется тутъ много помогла протекція князя...) живо уволили.

Онъ оставилъ въ домѣ князя все; и, насильно снабженный отъ товарищей, знавшихъ бѣдность по горькому опыту, нѣсколькими рублями, въ одномъ пальто и сюртукѣ, въ одной рубашкѣ, имѣлъ честь (какъ мы уже и видѣли) быть подъ перомъ пьянаго писаря, кажется Сретенской части. Вотъ что надѣлали темныя пятна!... И зажилъ онъ у швеи Зайцовой, и понесъ, какъ навьюченный воль, всю горечь жизни. Объ родныхъ онъ и слышать не хотѣлъ, и далъ себѣ слово — не писать къ нимъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ себѣ карьеры. Впрочемъ князь, какъ благодѣтель и вполне приличный человекъ, написалъ къ его матери письмо (отца у Парамонова не было и мать жила однимъ пенсіономъ), въ которомъ яркими красками описывая дерзкую, не обузданную натуру бывшаго питомца, совѣтовалъ отъ чистаго сердца не обращать ни малѣйшаго вниманія на блуднаго сына... Но нужно же и дѣло дѣлать Парамонову, нужно же попробовать добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, нужно же начать, какъ онъ предположилъ — свою какую-то блестящую карьеру.... «по крайней мѣрѣ не буду въ этомъ обязанъ ни кому». . самонадѣянно подумалъ онъ и началъ.

Владѣя нѣсколькими языками, при помощи товарищей (эта помощь была оказано тайно, — онъ былъ до такой степени самодѣянно-гордъ, что твердо рѣшился не заискивать ни у кого) онъ отрекомендовался кой-кому изъ редакторовъ журналовъ, которые разумѣется приняли его съ выпученной впередъ грудью и презрительными взглядами и досталъ переводныхъ статей. Началась работа. Самонадѣянный юноша работаетъ безъ усталы, не хочетъ продолжать знакомства ни съ кѣмъ, на вопросы очень рѣдко встрѣчаемыхъ друзей—гдѣ онъ живетъ? отвѣчаетъ: «а ей Богу, домъ позабылъ... тамъ гдѣ-то....» и, махнувъ не терпѣливо рукой на знаменитую улицу Грачевку, учашенно шагаетъ отъ друга дальше. Друзья какъ ни привыкли къ нему, какъ ни знали твердо его прекрасное сердце, но получая всегда одинаковые отвѣты, начали мало-по-малу отставать отъ него, и подвѣломъ.... терпѣніе лопнетъ же когда нибудь! — И школьная дружба остываетъ, а вѣдь она самая искренняя и продолжительная!

Такъ переводить и переводить Парамоновъ. Редакторы разумѣется даютъ ему за это деньги, но какія деньги! когда и какъ даютъ!... И замѣчаетъ Парамоновъ, что переводами жить скверно, что ихъ достать даже трудно — такъ много подобныхъ ему труженниковъ. И онъ рѣшился попробовать писать

что нибудь свое. И началъ; и пишетъ онъ въ настоящее время что-то такое свое, и ласкаетъ и лелѣетъ это только-что рождающееся чадо, и строитъ на немъ замки, лѣтаетъ за облака, и счастливъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что забываетъ на время свое гадчайшее положеніе. Мы увидимъ въ послѣдствіи какъ это новорожденное чадо подрастетъ, созрѣетъ, отдастся на оцѣнку правдивому третейскому суду и будетъ ли съ своимъ чадомъ Пармоновъ счастливъ. — Увидимъ! а теперь покуда скажемъ, что онъ все пишетъ и пишетъ, ужъ цѣлый мѣсяцъ все пишетъ.

IV.

ЗНАКОМСТВО ДВУХЪ КОМНАТЪ.

— Можно къ вамъ войти? проникъ въ уши Пармонова, занятая какимъ то чрезвычайно глубокимъ анализомъ его идеала— женщины, знакомый голосъ растрепанной хозяйки. — Можно-съ войдти? повторила громче хозяйка, видя наклоненную къ столу голову Пармонова и слыша скрипъ его пера.

— Можно, идите! отвѣтилъ рѣзко Пармоновъ, не оборачивая головы и продолжая скрипѣть перомъ. «Какая надоѣдливая женщина»... подумалъ онъ. — Ну, что вамъ угодно? и обернулся.

Хозяйка фертомъ подошла къ столу, долго съ улыбкой смотрѣла на серьезнаго Пармонова, и вдругъ, порывисто наклонившись, поцаловала его въ глазъ.

Пармоновъ никакъ не ожидалъ такой любезности и отъ изумленія вскочилъ со стула.

— Ну, что вы все занимаетесь, глазки испортите.... сказала нѣжно хозяйка дребезжающимъ голосомъ и протянула губы для новаго поцалуя.

Пармоновъ почувствовалъ непріятный запахъ водки, и понялъ отъ чего хозяйка ужъ слишкомъ любезна.

— Полноте, хозяйка, ну къ чему мы нѣжничаемъ? сказалъ молодой человекъ, стараясь сдерживать досаду и отстраняя рукой хозяйку. — Вы точно молоденькая!

— А что жь, я не молоденькая, что ли?—Ахъ, вы, Василій Васильчъ (хозяйка въ первый еще вечеръ узнала какъ зовутъ Пармонова) вы, сударь, зарылись!... послѣднее слово хозяйка

протянула, и отвратительно засмѣявшись, протянула снова руки къ молодому человѣку.

— Послушайте, полноте, однако жъ.... сквозь зубы бормоталъ Парамоновъ, едва сдерживая себя.

— Да вы ее хорошенько, Василий Васильчъ!... слышался въ дверяхъ гнѣвный мужской голосъ. Василий Васильчъ обернулся и увидѣлъ всклоченную толстую голову сожителя.

— Вы ее хорошенько, сударь! еще сердитѣе проговорилъ сожитель и вплылъ въ комнату. Гнѣвная фигура его была такъ комична, что Василий Васильчъ не могъ не улыбнуться.

— Видите, хозяйка, вы шалите, а онъ васъ ревнуетъ, проговорилъ сквозь смѣхъ Василий Васильчъ.

Между тѣмъ сожитель подплылъ къ хозяйкѣ и глупо уставилъ на нее свои большіе, красные глаза. — Ты дура! проговорилъ онъ сердито. — Вѣчно вѣшается на шею!

Хозяйка приняла опять свою любимую позу — фертъ, и насмѣшливо смотрѣла на сожителя.

— А вѣдь я думала—ты спишь.... насмѣшливо проговорила она и лукаво подмигнула молодому человѣку.

— Спишь.... какъ же стану я спать, а ты шлаться.... нѣтъ, ужь сдѣлай одолженіе! Пойдемъ, пойдемъ, тебѣ тутъ не мѣсто! И сожитель взялъ хозяйку за руку.—Вы, батюшка, извините ее, баба глупая.... добавилъ онъ, оборачиваясь къ молодому человѣку спиной.

— А вотъ не пойду же! вскрикнула хозяйка, топнула ногой и выдернула изъ руки сожителя свою руку.

Парамонову стала надоѣдать эта сцена, а она была не первая, только до сегодняшняго дня поцалуевъ-то еще не было, и онъ, глухо засвиставъ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Душенька! хорошеикій баринъ! кричала хозяйка, стараясь стать противъ лица молодого человѣка, — сдѣлайте одолженіе, выгоните этого пьяницу....

— Хозяйка, сдѣлайте одолженіе, оставьте меня... Гдѣ вы это такъ напильсь?... сказалъ Парамоновъ, раскраснѣвшись отъ досады.

— Какъ.... я напильсь? я напильсь? затянула хозяйка. Да вы что-ли меня напоили? чѣмъ бы угостить меня для воскресенья, а вы еще попрекаете! и хозяйка зло засмѣялась.

Парамонову очень хотѣлось вытолкать эту парочку, но молодой человѣкъ зналъ, что прошелъ срокъ платежа за второй мѣсяцъ квартиры, а онъ еще не платилъ.

— Я бы васъ угостилъ, хозяйка.... сказалъ онъ принуждая себя быть ласковымъ, но у меня еще нѣтъ денегъ.... я еще не ходилъ за деньгами.... послѣ! и молодой человѣкъ чуть не заплакалъ отъ злости и отъ досады на самого себя.

— Ну, то-то послѣ.... отъ того я и не спрашиваю, что вы хорошенькій баринъ... хоть и досадно этому болвану... хозяйка взглянула на сожителя, а сожитель дѣйствительно стоялъ страшнымъ болваномъ и чадилъ немилосердно спиртомъ: — знаю что вы отладите!

— Отдамъ, непременно отдамъ.

— Да нора бы.... забормоталъ насупясь сожитель.

— А тебѣ что за дѣло? крикнула хозяйка. Вотъ избаловала тебя, скота.... и денегъ не беру съ полъ-года.... Пойдемте ко мнѣ, Василій Васильичъ.... продолжала хозяйка, положивъ свою грязную руку на рукавъ молодого человѣка.—Я его прогону.... а вы.... добавила какъ-то нерѣшительно хозяйка и значительно кашлянула.

Парамонова покоробило отъ этихъ нѣжностей и намековъ; однако жъ, чтобы избавиться скорѣй отъ этой нѣжной четы, онъ счелъ за лучшее пожертвовать полчасомъ и сходить въ первый, и, какъ онъ рѣшилъ—послѣдній разъ къ хозяйкѣ.

— Знаете, за что я васъ полюбила... иди корридоромъ, лепетала нѣжно хозяйка и испускала благовоніе подъ самые ноздри молодого человѣка. — Знаете, за что я васъ полюбила?... Иди ты, осель! крикнула хозяйка на сожителя, вздумавшаго было уменьшить свои шаги и старающагося подслушать разговоръ сожительницы.—Иди скорѣй! видишь, наплу лапы то свои волочишь.... Сожитель съ досады нествова ринулся впередъ. — Такъ знаете за что я васъ полюбила? за то, что вы хорошенькій, да смиренный.... продолжала хозяйка, и не пьяница; а не то что этотъ скоть.... я вѣдь сама мало пью.... (хозяйка старалась взглянуть въ глаза молодому человѣку) это вѣдь я нынче только выпила.... для праздника.

— Благодарю васъ, хозяйка, что вы меня любите.... какимъ то плаксивымъ тономъ проговорилъ Парамоновъ.

— Да нельзя васъ не любить... нельзя! вы такой смиренный... ну, да и деньги-то заплатите, вѣдь я вижу, что вы работаете....

только неужели вы все переписываете? — должно — сами сочиняете.... протянула хозяйка и пожалала молодому человѣку руку.

— Нѣтъ, какой я сочинитель!... покраснѣвъ и почему-то взбѣсясь отъ справедливыхъ предположеній, почти закричалъ молодой человѣкъ.— Мнѣ-ли сочинять, я только переписываю... дабавилъ онъ очень тихо и почти грустно.

— Отъ чего же-съ?... заговорила хозяйка, отворяя дверь въ свою комнату. — Мой племянникъ на суконной фабрикѣ сочинилъ же для фабричныхъ дѣвокъ пѣсню.

Молодаго человѣка очень неприятно кольнуло такое безцеремонное сравненіе его самаго съ племянникомъ хозяйки, и его, какъ онъ предполагалъ — гениальнаго труда съ хороводной пѣснью. Парамоновъ въ досадѣ замолчалъ.

А между тѣмъ они были уже въ хозяйской комнатѣ.

Въ слѣдствіе праздника, дѣвушки не работали и, отъ страшнаго холода и сырости въ рабочей комнатѣ, перешли всѣ въ хозяйскую комнату. Младшія изъ нихъ сидѣли на горячей печкѣ, а Паша и Саша сидѣли на хозяйской кровати и чинили свое старое платье. Въ комнатѣ былъ удушливый запахъ говяжьихъ щей и горячаго хлѣба; на столѣ на тарелкѣ лежала дымившаяся говядина и стоялъ графинъ водки.

— Садитесь-ка, садитесь; сказала хозяйка усаживая гостя къ столу.— Николай Федорычъ, подчуй! добавила она и лукаво подмигнула Парамонову.

— Николай Федорычъ, какъ бульдогъ, огрызаясь и бормоча что то себѣ подъ носъ, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на слова хозяйки и полѣзъ на печку.

— Вы.... подвиньтесь! забормоталъ онъ на дремяющихъ на печкѣ дѣвушекъ, очищая себѣ мѣсто.

— Экой дуракъ.... тихонько хихикая пробормотала хозяйка. Кушайте, Василій Васильчъ, водочки выкушайте! и хозяйка стала наливать рюмку.

Парамоновъ не слышалъ просьбы хозяйки, онъ смотрѣлъ на починяющихъ старое платье дѣвушекъ и думалъ, что еще много есть на свѣтѣ несчастныхъ и труженниковъ кромѣ его.

— Что же, вы, Василій Васильчъ! а.... вотъ вы куда заглядываете?... проговорила насмѣшливо хозяйка.— На моихъ дѣвушекъ засмотрѣлись.... а вѣдь онѣ молоденькія, да хорошенькія.... а?... и хозяйка какъ-то дерзко захохотала.

— Молодой человекъ вздрогнулъ.—Что вы, хозяйка? спросилъ онъ.

— Я говорю, на дѣвушекъ моихъ засмотрѣлись и водочки не хотите со мной выпить! и хозяйка продолжала смѣяться.

— Благодарю васъ, я не пью водки, сказалъ немного сконфузившись молодой человекъ.

— Ну вотъ вздоръ, со мной выпейте.... и хозяйка проглотивъ налитую рюмку, налила ее снова.

— Нѣтъ, благодарю васъ.... а вы вотъ лучше познакомьте меня съ дѣвушками вашими, я еще съ ними не знакомъ, хоть вижу ихъ и каждый день....

— Вольно жъ вамъ быть такимъ медвѣдемъ.... не говорить съ нами цѣлый мѣсяцъ.... сказала Саша весело взглянувъ своими добрыми глазами на Парамонова. — А вы бы намъ почаще папирость предлагали, вотъ бы мы и познакомились.... и она звонко захохотала.

Паша изподлобья взглянула на смѣющуюся Сашу и отъ чего-то покраснѣла.

— Я не зналъ, что вы курите, я очень радъ.... и молодой человекъ торопливо пошелъ въ свою комнату.

— Какая ты смѣлая.... едва внятно произнесла Паша, наклонивъ голову ближе къ шитью.

— Какая ты дурочка, да чего жъ его бояться—то? вѣдь онъ не медвѣдъ же въ самомъ дѣлѣ.... и Саша снова стала хохотать.

Хозяйка молча и зло на нихъ смотрѣла.

— Вотъ, сдѣлайте одолженіе, курите, торопливо говорилъ молодой человекъ, внеся съ десятокъ папирость.

— Саша взяла пять. — «Съ меня будетъ, сказала она: подчуйте Пашу».

— Пожалуйста.... какъ-то не ловко сказалъ молодой человекъ, поднося остальные папирсы Пашѣ.

Паша нерѣшительно взяла одну папиросу.

— Что ты, что ты, вѣдь ты знаешь,—у насъ папирость нѣтъ, смѣясь сказала Саша, чѣмъ же и разорять мужчинъ какъ не папирсами. — Бери всѣ! — вѣдь она васъ боится.... протянула Саша.

— Меня боится? изумленно спросилъ Парамоновъ.

— Да, она говорить, что вы страшный!... и Саша захохотала.

Парамоновъ пристально взглянулъ на Пашу. Паша сидѣла очень блѣдная и не поднимала съ шитья глазъ. Парамонову рѣзко бросилась въ глаза эта печальная, сумрачная дѣвушка и на душѣ его что-то шевельнулось. Онъ жадно сталъ разсматривать черты Пашы. «Отъ чего она меня боится?...» подумалъ онъ.

— Что вы это такъ на Пашу засмотрѣлись? прокаркала какъ ворона хозяйка.

— Какъ ихъ зовутъ? спросилъ Парамоновъ Сашу, не обращая вниманія на вопросы хозяйки.

— Паша. Вѣдь вы знаете?.. и Саша по обыкновенію захотала.

Паша подняла голову и своими большими черными глазами какъ-то странно взглянула въ глаза Парамонову.

— Нѣтъ.... я хотѣлъ знать ихъ имя и отечество.... робко, подъ вліяніемъ Пашина взгляда, проговорилъ молодой человекъ.

— На что вамъ? рѣзко спросила Паша.

Парамонова озадачилъ рѣзкій тонъ дѣвушки и онъ не терпѣливымъ тономъ отвѣтилъ:

— Нужно жь, какъ нибудь васъ звать....

— Не нужно, чуть слышно прошептала Паша, и въ этомъ тихомъ шопотѣ, Парамонову послышалась слезливая нота.

— Ха, ха, ха! Какая она дурочка... Боже мой! залилась Саша.— Хотите я вамъ скажу, какъ ее зовутъ? — Ее зовутъ Парасковья Васильевна! а она и говоритъ не хочетъ.... ха, ха, ха!

Паша съ какимъ-то грустнымъ упрекомъ взглянула на Сашу и вышла изъ комнаты.

Парамонова поразила странная манера дѣвушки, онъ долго молчалъ. «Какая она грубая... странная....» мелькнули въ одно и то же время въ его головѣ эти два названія.

— Что же вы водочки-то?... покрививалъ отъ стола голосъ хозяйки.

— Скажите пожалуйста, не больна ваша подруга? — спросилъ Парамоновъ Сашу.

— Нѣтъ, а что?

— Да она какъ будто сердится....

— Да она всегда такая, протянула Саша.

Парамоновъ помолчалъ.

— Куда же она пошла?

— А Богъ ее знаетъ.... должно быть въ рабочую.

— Ну-съ, хозяйка, покорно васъ благодарю за гостеприимство, проговорилъ послѣ не большой паузы молодой человѣкъ, подходя къ столу.

— Какъ такъ ! да вѣдь вы свою рюмку-то не выпили !

— Не могу, я совсѣмъ не пью водки, да мнѣ и дѣломъ нужно заниматься, прощайте! и молодой человѣкъ вышелъ изъ комнаты.

Хозяйка долго смотрѣла на захлопнувшуюся за Парамоновымъ дверь. — «Ты, дуракъ!» прокричала она, оборотивъ свое красное лицо къ печкѣ, — давай мы съ тобой пить, эта дрянь тоже важничаетъ, и она съ досадою толкнула тарелку.

— То-то несть.... а ты вѣшаешься.... забормоталъ сожитель, слѣзая съ печи. — Видно вѣрнѣе меня не будетъ.... и его толстое лицо слѣдало самую умильную улыбку, и его красные глаза ласкали налитую рюмку.

Парамоновъ, идя корридормъ въ свою комнату, два раза прошепталъ: «странная дѣвушка, очень странная!... а складъ головы не глухой....» и ему почему-то очень захотѣлось взглянуть еще на Пашу.

А Паша между тѣмъ ушла не въ рабочую комнату, а накинувъ на плечи худенькій бурнусикъ, пошла въ эту жестокую стужу за версту къ своей старшей сестрѣ и во всю дорогу часто всхлипывала и постоянно твердила: нужно уйдти отъ него.... уйдти!...

V.

ЛИХОРАДОЧНО-РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ ОБЪИХЪ КОМНАТЪ.

Парамоновъ пишетъ и пишетъ. Исписанные, исчерченные и перечеркнутые лянты лежатъ около него и на столѣ, и на стульяхъ, валяются и на полу. Чернильные пятна покрываютъ половину когда-то крашенаго пола, на которомъ стоитъ его единственный, дѣловой столъ, какъ нарочно сдѣланныя крапины на искусныхъ карнизахъ спаленъ толстыхъ купчихъ. На окошкахъ валяются вмѣстѣ съ табачной золой не очиненные и уже слишкомъ исчищенные гусиные перья. Въ его какой-то зеленой чернильницѣ постоянно торчатъ обгрызокъ пера и онъ съ жаромъ выхватываетъ его изъ чернилицы, крѣпко прижимаетъ изма-

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лассаля, д. 3.

44773

ранными въ чернилахъ пальцами, и строчить и строчить.... Мимо его проходить въ рабочую комнату хозяйка, ходять дѣвочки-мастерицы, заглядываютъ въ дверь его комнаты толстое, пьяное лицо сожителя, — онъ ничего не видитъ и не слышитъ, строчить себѣ да и только. Строчить до тѣхъ поръ, пока въ его головѣ не сдѣлается хаосъ, пока всѣ сцены, которые его разгоряченное воображеніе рисуетъ сначала довольно постепенно и правильно, не заплещутъ передъ нимъ, не закружатся въ какомъ-то бѣсовскомъ вихрѣ всѣ эти лица, которыя создаетъ его труженическое перо; не задрагуются языкомъ въ какомъ-то безуміи его идеальныя женщины; однимъ словомъ, строчить до тѣхъ поръ, пока лихорадочная дѣятельность не смѣнится, какъ и слѣдуетъ, страшнымъ припадкомъ безсилія и чрезвычайно печальнаго изнуренія; до тѣхъ поръ, пока измаранные его пальцы уже не въ состояніи держать обгрызка; до тѣхъ поръ, пока всѣ эти его любимыя идеалы и лица, не покажутся ему хуже рвотнаго порошка; тогда онъ съ какой-то безсильной злобой вытаскаетъ опять обгрызокъ въ зеленую чернилицу, тяжело, какъ измученный волъ, вздыхаетъ и, потирая скорченныя отъ натягутаго, продолжительно-неестественнаго положенія руки, встаетъ съ надломленнаго стула, и часто, въ то время когда встаетъ Парамоновъ, стулъ падаетъ, какъ будто также тяжело измученный; Парамоновъ съ болѣзненной гримасой наклоняется, подымаетъ стулъ, прошепчетъ какое нибудь рѣзкое слово и закуриваетъ папиросу.

И бродить по комнатѣ молодой человѣкъ, часъ, два; бродить и разминаетъ свои измученныя кости. Сначала онъ, въ какомъ-то безсознательномъ раздумьи, слѣдитъ за вылетающими изъ папироски голубоватымъ дымкомъ, любитъ на его причудливыя волны, и потомъ, прослѣдивши до самаго конца какую нибудь особенно странную, извилистую струю, не совсѣмъ-то со смысломъ улыбнется, и съ чрезвычайнымъ аппетитомъ снова начнетъ кормить себя горькимъ дымомъ съ очень не благоуханнымъ запахомъ. Но папироска докуривается, молодой человѣкъ подходитъ къ окну. И посмотреть онъ на окно безсознательно, безцѣльно: не полюбуется онъ ни на причудливыя морозныя узоры, ни на высокія трубы и колокольни, видѣющіяся сквозь маленькую оконную проталину. Не посмотритъ на оконныя веревочки и не слѣдитъ съ какой скоростью сбѣгаетъ по нимъ въ безъгорлышечныя бутылки — вода. Не взглянетъ въ верхній

уголъ окна и не поглядитъ съ участіемъ на замершаго въ своихъ жалкихъ, прорванныхъ временемъ и сыростью, тенѣтахъ — лаука. Онъ стоитъ у окна, и только. А на высокомъ лбу его между тѣмъ тучи еще не разогнаны, да и разогнутся ли когда нибудь?... Слишкомъ замѣтная, рѣзкая, продолговатая морщинка, все еще видна на этомъ лбу, да и сгладится ли она когда нибудь?... Темнорусые брови сурово нависли на прищуренные, большіе сердитые глаза, да и повеселяются ли когда эти глаза?... Довольно полныя, отлично прорѣзанныя и посинѣлыя отъ холода губы сжались въ какую-то блѣзненно-сердитую складку, плотно закрыли бѣлые, ровные, стиснутые зубы, и слишкомъ хорошо выражаютъ собой, что ужъ врядъ ли когда нибудь веселый, звучный хохотъ раскроетъ ихъ. Молодой человѣкъ, повидимому довольно покойный, стоитъ у окна долго, очень долго; а въ душѣ и головѣ его буря.... И припоминаетъ его бѣдная голова всѣ сцены своей жизни — сцены очень тяжелыя и грустныя! И видитъ себя Парамоновъ, еще очень маленькимъ мальчикомъ; видитъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей немного его старшей сестрой, въ страшную стужу, въ затрапезномъ халатикѣ, въ изодранной шапкѣ, почти босикомъ бѣгаетъ съ букваремъ подъ мышкой къ сосѣду-дьячку. Видитъ, какъ заплетенная жиденькая коса сердито болтается у дьячка, когда онъ выслушиваетъ не твердый урокъ мальчика. Слышитъ, какъ тихо, урывками, сестра старается подсказать ему урокъ, и видитъ, какіе злые глаза бросаетъ на нее за это дьячекъ. Мальчикъ тихонько толкаетъ сестру — онъ боится, чтобы изъ-за него ее не оставили безъ обѣда. Но вотъ они возвращаются отъ дьячка домой, онъ такой веселый, она такая грустная. «О чемъ ты, Маша, грустишь?» говоритъ весело мальчикъ сестрѣ, подшвыривая попавшуюся подъ ноги щепку. — «Ахъ, Васинька, отчего ты не зналъ урока?... вѣдь онъ тебя отиѣтилъ незнающимъ и мамаша запретъ тебя безъ обѣда въ чуланъ».... «Вотъ бѣда!» весело прокрикиваетъ мальчикъ, и старается все выше и выше подкинуть щепку. — «Я знаю, что ты принесешь....» добавляетъ онъ, нисколько не заботясь, ни объ отиѣткахъ дьячка, ни о мамашиномъ чуланѣ. «Только впередъ ты мнѣ не подсказывай, а то мы оба будемъ безъ обѣда, какъ намеднясь.... помнишь?» И братъ и сестра отъ слова: намеднясь смѣются долго и весело.

На лицѣ у Парамонова, при пролетѣ этой сцены, тоже отразилась какъ будто веселая улыбка. «Что она теперь подѣлыв-

васть?» прошепталъ онъ и задумчиво лѣниво провелъ рукой по лицу. Но вѣдь сцены мѣняются и бѣгутъ чрезвычайно скоро, и вотъ Парамоновъ увидѣлъ себя въ домѣ князя, почти юношей, съ завитой для однообразія головкой и въ щегольскомъ полуфрачкѣ; и слышитъ онъ постоянно около себя французско-гармоническое жужжанье и видитъ смѣшныя, педантически-глупыя фигуры гувернеровъ. Онъ отчетливо помнитъ, какихъ трудовъ и усилій стоило ему отказаться отъ своего прежняго дѣтски-веселаго характера и привыкнуть носить маску совершенно не юношескаго равнодушія и душевной мертвенности. Видитъ, какъ сіятельный покровитель, входя въ классную, обыкновенно показываетъ гувернерамъ глазами на мальчика и отчетливо слышитъ: ужъ вы пожалуйте изъ человѣколюбія обдѣляйте его.... выведите изъ дикости.... и гувернеры изъ человѣколюбія обдѣлываютъ его. Видитъ, какъ сіятельные князьки презрительно-гордо обращаются съ нимъ, и слышитъ, какъ они мило лепечутъ пріѣзжимъ гостямъ-барышнямъ: это бѣдный.... панаша взялъ его изъ состраданія.... Вспомнилъ, какъ онъ, будучи уже пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, почувствовалъ дѣтскую горячую привязанность къ одной красавицѣ-сосѣдкѣ, такой же молоденькой, но только далеко не такой же бѣдной, и вспомнилъ, какъ онъ долго страдалъ отъ этой привязанности и не смѣлъ ее высказать. Вспомнилъ, какъ однажды, гуляя въ саду и мечтая о хорошенькой сосѣдкѣ, онъ нечаянно, въ темной аллеѣ, услышалъ вотъ этотъ ничтожный разговоръ, такъ рѣзко очерчивающій и будущій характеръ говорившихъ и направленіе воспитанія:

— Ахъ, князь, неужели вы думаете, что я займусь этимъ Парамоновымъ, что за идея?.... голосъ Парамонову показался очень знакомымъ, онъ остановился и сталъ вслушиваться:

— Однакожь согласитесь, княжна (сосѣдка къ несчастію тоже была княжна) согласитесь, что онъ васъ интересуется.... Вы на него очень часто смотрите.... а онъ кажется и глазъ съ васъ не спускаетъ?

— Ха, ха, ха! да вѣдь я смотрю на него оттого, что онъ такой смѣшной.... а то неужели вы думаете, что я стану заниматься имъ — противный нищій!

Парамонова точно кипяткомъ обдало, онъ больше не слушалъ и, какъ безумный, побѣжалъ изъ сада. «Нищій! нищій!» шепталъ онъ тогда, шепчетъ онъ это отъ воспоминавшаго

тенирь и, круто повернувшись отъ окна, снова зашагалъ по комнатѣ.

Но вотъ волненіе утихаетъ, тяжелыя воспоминанія улеглись въ душевной неизмѣримой глубинѣ затѣмъ, чтобы опять когда нибудь съ новой яростію кружить его бѣдную, горячую голову; его ноги уже устаютъ ходить, онъ натывается на разбросанные на полу листы, глаза его, сначала разсѣянно, потомъ внимательно и внимательно исматриваются въ разбросанный по стульямъ и столу начатый и далеко еще не конченный трудъ; прежняя энергія пробуждается. «По крайней мѣрѣ не пройду я тѣню по землѣ....» шепчетъ онъ, и снова кипитъ его работа....

А сосѣдняя комната тоже не дремлетъ. Рабочая комната устлана вся пальцами съ надшитымъ полотномъ. Дѣвушки, завернувшись отъ холода въ разнообразныя тряпки, подуваютъ въ свои красныя, замерзшія руки и ускоренно тыкаютъ и тыкаютъ иглами. Въ комнатѣ стоитъ полузамерзшій паръ отъ дыханья работающихъ, молодыхъ, но уже надорванныхъ грудей и слышится только по временамъ удушливый кашель, шуршанье полотна, да развѣ когда нибудь молоденькій робкій голосъ обратится съ просьбой къ сосѣдкѣ — подвинуть пальцы, или передать игольникъ. Тишина невозмутимая, и работа страшная! — Въ комнатѣ сама хозяйка. Она, какъ адскій церберъ, съ самымъ живымъ участіемъ слѣдитъ и за подвигающей впередъ вышивкой полотна, и за нѣкоторыми красными пальцами, тыкающими отъ усталости и холода, какъ ей кажется, очень медленно своими иглами. — «Скорѣй, скорѣй», шепчетъ зло хозяйка, какой нибудь измерзшей труженицѣ, — «а не то хлѣба не дамъ», и ее зеленые глаза, какъ глаза эхидны, съ невыразимой злобой и угрозой сверкаютъ изъ подъ нависшихъ посѣделыхъ бровей на несчастную жертву. И жертва работаетъ и кашляетъ, кашляетъ и работаетъ. «Смотри ты, Васѣнка!» кричитъ хозяйка, повернувъ свою всклокоченную голову къ какой нибудь Васѣнкѣ. «У меня чтобъ дошита была рубашка, а не то я тебя, дурище.....» и Васѣнка, какъ-то урывкой вдохнувши, порывисто наклоняется къ шитью, старается зажать невольный кашель, и скоро-скоро, копошится замерзшими пальцами. Но вотъ подходитъ часъ обѣда, хозяйка всегда имѣетъ обыкновеніе уходить изъ рабочей комнаты ранѣе полчасомъ, для того, чтобы послѣ такой трудной работы — надыра, освѣжиться и приготовить свой аппетитъ; и дѣвушки остаются однѣ. По уходѣ хозяйки, прежде

всего, сдерживаемый такъ долго кашель раздражается съ страшной силой. Молодые груди такъ долго и мучительно кашляютъ, что на глазахъ у дѣвушекъ выступаютъ слезы, такъ тяжело и трудно переводится дыханье этихъ рудей при каждомъ припадкѣ кашля, что дѣвушки судорожно прижимаютъ руки къ своимъ исхудалымъ бокамъ и сидятъ какія-то позеленелыя.... очень долго сидятъ! Но вотъ мало-по-малу кашель утихаетъ, пальцы разминаются, на изнуренныхъ лицахъ грустно замелькали какія-то признаки веселыхъ улыбокъ, и дѣвушки заводятъ межъ собой разговоръ.

— Вотъ такъ вѣдьма—хозяйка! просто вздохнуть не даетъ... обыкновенно начинается лѣнница, веселая Саша. — Паша, что ты работаешь, брось! добавляетъ она своей подругѣ.

Младшія мастерицы, при словѣ — вѣдьма хозяйка, робко хихикаютъ.

— Брось, я тебѣ говорю.... продолжаетъ Саша, вырывая работу изъ рукъ Паши. — Грудь заболитъ!

— Ахъ, оставь, пожалуйста, отвѣчаетъ Паша: — ты, видишь, нужно кончить.... и она беретъ изъ руки Паши полотно.

— Экая дурочка.... продолжаетъ Саша, нетерпѣливо повертываясь на своемъ кривоногомъ стулѣ, — говорю тебѣ—брось! Ты видишь, какъ ты это время похудала, тебя работа такъ измучила!

Паша печально-лукаво взглянула на Сашу и покачала головой.

— А что жь? не работа что ли? продолжаетъ съ жаромъ Саша. — Работа, сударыня, работа. — Вѣдь я вижу, какъ ты жилишься.... «Чтобъ чортъ побралъ ихъ.... мучаютъ людей да и только!» добавила Саша, смотря отъ Паши совершенно въ противоположную сторону.

— Да вѣдь я, Саша, на оброкъ заработала, сказала Паша, смотря съ любовью на свою подругу.

— Такъ о чемъ же ты хвычешь? съ жаромъ подхватила Саша. — Ну, хочешь, я тебѣ пѣсню спою? И она запѣла какую-то пѣсню, но на первыхъ же словахъ оборвалась, и глухо покашливая, замолчала. — И у меня дѣвушки грудь болятъ.... сказала она какъ-то весело печально, не обращаясь въ особенности ни къ кому.

Паша тяжело вздохнула и долго съ участіемъ смотрѣла на свою подругу.

— А гдѣ ты, сударыня, въ воскресенье вечеромъ была? собравшись съ силами спросила Саша.

— У сестрицы.

— Охота шляться въ такой морозъ, что у насъ мало что ли своего-то холоду? и Саша весело разсмѣялась. Дѣвушки захихикали смѣлѣй.

— А въ самомъ дѣлѣ, душечки... заговорила Аннушка, — что это хозяйка такъ мало топить? ужь положимъ—мы, а то и жилецъ, я думаю, смерзъ.

Паша, при словѣ жилецъ, какъ будто нечаянно вздрогнула.

— Ну, что ему дѣлается, заговорила весело Саша, мужничьто и нужно морозить, они всѣ такіе гадкіе, вѣдь вотъ не предложилъ же мнѣ папирось, а ужь я разъ пять проходила черезъ его комнату.... Сидитъ себѣ медвѣдемъ, да пишетъ; а вѣдь обѣщался!

— Ахъ, Саша, можетъ быть у него ихъ нѣтъ, какъ-то порывисто сказала Паша и отчего-то раскраснѣлась и съ досадою закусила нижнюю губу.

— Какъ нѣтъ? онъ долженъ работать, а папиросы для дѣвушекъ все-таки должны быть, когда ими нуждаются... съ жаромъ проговорила Саша.

Дѣвушки смѣлись.

— Дѣвушки, обѣдать пожалуйста! сказалъ соннымъ голосомъ сожителъ, вкатываясь, какъ грязный шаръ въ рабочую комнату.

— Ну, пойдете, дѣвки, вишь бурмистръ за нами пришелъ! сказала весело Саша.

Дѣвушки шумно поднялись изъ-за палецъ и всѣ стали съ любопытствомъ проходить комнатою медвѣдя-жильца.

Парамоновъ, когда проходили дѣвушки, сурово обернулся отъ стола, взглянулъ на дѣвушекъ и замѣтилъ, что черные глаза Паши съ какимъ-то грустнымъ участіемъ посмотрѣли на него и сейчасъ же, какъ только встрѣтили глаза Парамонова, опустились въ полъ. У Парамонова опять что-то шевельнулось на сердцѣ, и онъ невольно далъ себѣ слово познакомиться по короче съ сумрачною дѣвушкой.

VI.

ЗНАКОМСТВО ОБЪИХЪ КОМПАТЪ УПРОЧИВАЕТСЯ.

Сидитъ Парамоновъ и пишетъ, но во время отдыха, вмѣстѣ съ тяжелыми воспоминаніями, выжидающими терпѣливо своей очереди кружить его бѣдную голову, стала часто, очень часто, шелькать ему сумрачная фигура дѣвушки-Паши. И ужь не работаетъ теперь такъ лихорадочно прилежно Парамоновъ, и ужь не сердится, когда проходятъ по его компатѣ дѣвушки, онъ сидитъ, пишетъ, и очень часто посматриваетъ на дверь сосѣдней комнаты. Вотъ выходитъ Саша и какъ-то сердито лукаво смотритъ на жильца, а жилецъ уже вспомнилъ, что Саша любить и сейчасъ же предлагаетъ ей папиросу.

— Да что это вы все работаете?... говорить съ участіемъ веселая Саша, тронутая проснувшейся наконецъ любезностью жильца. — Что вы все работаете, вы бы отдохнули....

— Да вѣдь скучно безъ работы, отвѣчаетъ Парамоновъ, расправляя свои уставшіе члены.

— Вотъ скучно.... Ну, къ намъ бы пришли, мы бы поговорили.

— Я боюсь вамъ помѣшать....

— Вздоръ, вздоръ, вы намъ не помѣшаете, вѣдь мы не пишемъ.

— Все-таки.... продолжаетъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, это вы оттого не хотите придти, что либо вамъ нѣкогда, либо горды....

— Ахъ, нѣтъ, прерываетъ жилецъ, но мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы вы у меня посидѣли.... Право!... и Парамоновъ отчего-то покраснѣлъ.

— Нѣтъ, нельзя.... у насъ работа спѣшная....

— Да когда же можно?

— А вотъ въ враздникъ.

— Ну, хорошо, я подожду до праздника.

Саша уходитъ и весело передаетъ закуренную папиросу Пашѣ.

— Тебѣ жилецъ далъ! спрашиваетъ Паша и какъ-то неприятно смотреть на Сашу.

— Да, онъ такой что-то сталъ добрый, и медвѣдемъ больше несмотритъ.... говорить Саша, не замѣчая Пашина взгляда.

— Зачѣмъ ты его беспокоишь? не довольнымъ тономъ продолжаетъ Паша и пристально смотритъ на дымящуюся папиросу.

— Вотъ дурочка! да кто жъ его беспокоитъ? онъ самъ предложилъ.... Ступай ты, онъ и тебѣ дастъ.

— Какъ же, пойду я.... отвѣчаетъ брюзгливо Паша и, передавая папиросу, берется снова за иглу.

Но въ сердцѣ Паши что-то не хорошо, голова занята мыслью—отчего же до этихъ поръ онъ мнѣ не предложилъ папироску? и дѣвушка безпокойно повертывается на стулѣ.

А Парамоновъ все посматриваетъ и посматриваетъ на дверь. Вотъ вышла хозяйка изъ рабочей комнаты и увидя въ первый разъ улыбку на губахъ молодаго человѣка, сама какъ-то радостно-кисло улыбулась. Молодой человѣкъ плюнулъ, когда прошла мимо его хозяйка, и съ остервененіемъ принялся за свое перо.

— Ну, давайте же намъ папиросъ!... послышался около ушей его веселый голосъ. Парамоновъ обернулся и увидѣлъ около себя смѣющуюся Сашу и сумрачную Пашу. Паша глядѣла на одно изъ оконъ Парамонова.

— Сдѣлайте одолженіе.... радостно заговорилъ молодой человѣкъ, бросая обгрызокъ пера и выдвигая столовый ящикъ.— «Сдѣлайте одолженіе; Прасковья Васильевна, не прикажите ли?... и молодой человѣкъ подаль въ беспорядкѣ нѣсколько папиросъ.

— Благодарю васъ, мнѣ не хочется курить, я иду обѣдать, отвѣчаетъ Паша, несмотря на Парамонова. — Саша, пойдѣмъ скорѣй! и она пошла къ двери.

— Погоди.... да возьми папироску, послѣ обѣда покуримъ! кричитъ Саша идущей дѣвушкѣ.

— Такъ лучше послѣ обѣда возьму.... говоритъ она уже въ корридорѣ, но тутъ же раскраснѣлась, закусила губу,—прошептала: «какая я глупая» и дала себѣ слово не брать папиросу и послѣ обѣда.

Парамоновъ, по уходѣ дѣвушки, подумалъ: «что это за странная дѣвушка.... и какъ будто сердится на меня....» И ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда пройдетъ Паша его комнатой.

Паша идетъ, но она идетъ почему-то одна, должно быть раньше всѣхъ вышла изъ-за стола, и рѣшительно не обращаетъ никакого вниманія на Парамонова.

— Прасковья Васильевна! Прасковья Васильевна! вѣдь вы хотѣли взять у меня папиросу? говоритъ молодой человѣкъ, загоразивая собой Пашѣ дорогу. — «Пожалуйста покурите!» и въ тонѣ Парамонова слышна была какая-то тревожная нота.

Паша остановилась передъ молодымъ человѣкомъ, подняла свои глаза до уровня его глазъ и долго, очень долго смотрѣлась въ нихъ. По тѣлу молодого человѣка пробѣжалъ трепетъ, онъ весь какъ-то потерялся. Паша не отвѣчая ему, стала проходить мимо его.

— Что же папироску? бормоталъ несвязно молодой человѣкъ, протягивая въ слѣдъ дѣвушки приготовленную папиросу.

— Послѣ, прошептала, продолжая идти, Паша.

— Пожалуйста.... безсознательно умаливалъ Парамоновъ.

— Паша остановилась, взяла папиросу и, раскраснѣвшись вся, вошла въ рабочую комнату.

Молодой человѣкъ долго, въ раздумьи, смотрѣлъ на дверь.

— Ну, что же вы стоите передъ дверью? смѣясь сказала съзади его Саша. — Идите къ намъ!

Молодой человѣкъ сконфузился, — онъ не слышалъ какъ вошла дѣвушка. — «Нѣтъ, мнѣ некогда....» пробормоталъ онъ и сурово подошелъ къ столу.

Саша пристально посмотрѣла на него и подумала: «Опять сталъ медвѣдемъ.»

— Ну, такъ дайте папироску, сказала она.

Молодой человѣкъ вынулъ папиросу и подалъ Сашѣ.

— Да отчего же вы такой сердитый?... спросила Саша, шаркая спичкой.

Парамоновъ постарался улыбнуться. — Вы, извините меня, — сказалъ онъ, я такой всегда.

— Вотъ, какъ Паша.... отвѣтила Саша, смотря разсѣяннo на загорающуюся спичку.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ. — Развѣ Прасковья Васильевна, тоже постоянно серьезна? спросилъ онъ.

— Всегда.

Они замолчали. Парамоновъ думалъ, что и кромѣ его есть люди, которые Богъ знаетъ отчего и на кого сердятся....

— Ну, мнѣ некогда, — сказала Саша, и пошла изъ комнаты.

— Когда же вы посидите у меня?.. проговорил молодой человекъ.

— Я сказала вамъ, что въ праздникъ.

— И Просковья Васильевна посидитъ? невольно сказалъ молодой человекъ и совершенно сконфузился.

— Ха, ха, ха! не знаю; на что же вамъ Прасковья Васильевна?... я думала, что вы, хотите, чтобы я сидѣла одна... и Саша остановилась около дверей и весело-лукаво смотрѣла на Парамонова.

— Такъ.... веселѣе будетъ....

— Не знаю, я ей скажу. И Саша съ хохотомъ вошла въ рабочую.

— Вообрази, Паша, продолжая хохотать, говорила Саша:— жилецъ въ тебя влюбился....

Дѣвушка вся вспыхнула и строго посмотрѣла на Сашу.

— Право, ужь я тебѣ говорю.... и Саша продолжала смѣяться.

— Чѣмъ говорить вздоръ, ужь лучше работай!... сказала сердито Паша.

— Ну вотъ, работай, ужь и посмѣяться нельзя.

— Можно, да только дѣлу...

— А это не дѣло что-ли, медвѣдь влюбился въ медвѣдя.... и Саша снова громко захохотала.

Паша встала съ своего стула. Дѣвушки смѣялись.

— Ну, ну, не сердись, душечка... вѣдь я шучу... пожалуйста не сердись! Ты видишь, какая я глупая.... ну, прости меня.... и Саша стала насильно усаживать Пашу на стулъ.

— Пожалуйста оставь.... сквозь слезы проговорила Паша.

— Ну вотъ и слезы.... ну, пожалуйста, прости.... онъ только такъ, только спросилъ, о тебѣ... просилъ чтобы въ праздникъ мы пришли къ нему посидѣть... Прости же! Фу какая я! — и Саша стала хлопотать около почти-плачущей дѣвушки. Паша усѣлась опять за работу, но ей очень хотѣлось узнать, какъ о ней спрашивалъ жилецъ? и она часто посматривала на Сашу какъ будто съ цѣлью завязать разговоръ.

Парамоновъ между тѣмъ усѣлся за столъ, но не бралъ въ руки пера, а подперши голову рукой, думалъ о Пашѣ.

VII.

дѣловой визитъ хозяйки.

Работаетъ Парамоновъ, работаетъ какъ волъ. Не замѣчаетъ онъ ни страшной нищеты своей, ни страшной грязи около себя. Его голова и сердце, — все въ бумагѣ! Но часто молодой человѣкъ, въ минуты отдыха, свои утомленные глаза обращаетъ на сосѣднюю дверь и часто, очень часто, эти глаза принимаютъ какъ будто радостный отблескъ. Столовый ящикъ уже больше не затворяется и Саша распоряжается въ немъ какъ полная хозяйка; а Паша все еще дика, а молодой человѣкъ все еще какъ будто конфузится, когда начинаетъ говорить съ Пашей, особенно въ присутствіи Саши — она такая насмѣшница! и кажется, къ несчастію замѣтила не ловкое положеніе молодыхъ людей. Но молодые люди все больше и больше привыкаютъ другъ къ другу, хотя праздникъ еще и не приходилъ.... все чаще и чаще встрѣчается надобность Пашѣ проходить комнатою жильца и все дальше и дальше стала не дошиваться Пашина работа, а этого съ ней ни когда не бывало!... Хозяйка въ претензіи на Пашу, она кажется по провицательнѣ Саши.... Молодые дѣвушки съ любопытствомъ посматриваютъ и на Парамонова и на Пашу, и дѣйствительно они оба замѣтно измѣнились. А между тѣмъ трудъ Парамонова еще далеко не конченъ; деньги за квартиру пора бы заплатить, хозяйка становится съ нимъ все гордѣе и гордѣе, и даже вѣчно пьяный сожитель, даже и тотъ какъ будто принялъ дерзкій, нахальный видъ.

— Здравствуйте, Василій Васильчъ, — сказала хозяйка, взоидя раннимъ утромъ къ Парамонову. — «Полноте-ка писать-то, поговоримте со мной!...» и хозяйка, протянувъ послѣднее слово, стала въ своемъ любимомъ фертѣ противъ Парамонова.

— Что вамъ угодно, хозяйка? спросилъ робко молодой человѣкъ. — Онъ предчувствовалъ что-то не доброе.

— А вотъ что-съ, деньжонокъ-бы нужно... и хозяйка какъ-то скверно прищурилась на молодаго человѣка.

— Денегъ, хозяйка? — да потерпите еще не много, у меня теперь такъ мало... я вамъ отдамъ...

— Да помилуйте, Василій Васильевичъ, сколько же мнѣ терпѣть? вѣдь на мнѣ же не ждутъ? сказала рѣзко хозяйка.

Молодаго человѣка покорило отъ этаго тона, онъ еще не привыкъ ко всѣмъ сладостямъ бѣдной жизни.

— Да потерпите... началъ Парамоновъ.

— Да сколько же терпѣть? перебила хозяйка; вѣдь вотъ мѣсяцъ скоро кончится, а вы знаете — въ Москвѣ деньги впередъ....

Молодой человѣкъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Такъ когда же?... продолжала хозяйка, перебирая толстыми пальцами бахраму своей грязной шали и какъ будто любуясь на смущеніе молодаго человѣка. — «Такъ когда же вы заплатите?»

— Черезъ недѣлю, непременно.

— Да что мнѣ, батюшка, черезъ недѣлю... закричала хозяйка. Молодой человѣкъ вздрогнулъ. — Что мнѣ чрезъ недѣлю... мнѣ сей-часъ нужно... слышите? — сей-часъ!

При этихъ грозныхъ крикахъ хозяйки, дверь Парамонова отворилась, и въ комнату вилыль какъ вѣрный бульдогъ пьяный сожитель.

— Что вамъ нужно, Николай Федорычъ? спросилъ громко молодой человѣкъ, взбѣшенный и крикомъ хозяйки и дерзкимъ приходомъ сожителя. — Что вамъ нужно?

— А тебѣ, батюшка, что за дѣло? отвѣчалъ дерзко сожитель, уставя свои красныя глаза на Парамонова. — Ишь, денегъ не платить, а туда же хорохорится...

Молодой человѣкъ отъ безсильной злобы тяжело опустился на стулъ.

— Такъ что же вы усѣлись?... продолжала кричать хозяйка, не обращая вниманія ни на дерзость сожителя своего, ни на горькое положеніе молодаго человѣка и держа руки по прежнему — фертомъ. — Что же вы усѣлись? Давайте деньги!

— Идите, ради Бога, вонъ хозяйка! — сказалъ молодой человѣкъ, чуть не плача отъ злости. — Идите! или иначе я за себя не отвѣчаю....

— Что? что? ахъ, ты жуликъ... да я за квартальнымъ пошлю... Николай Федорычъ, иди за квартальнымъ!

— Вонъ пошли, мерзавцы! закричалъ, что было силы молодой человѣкъ. — Вонъ пошли! — Я вамъ нынѣ же отдамъ деньги и уѣду съ квартиры!

— А... а... ну, хорошо; отдайте... сказала озадаченная сердитымъ крикомъ Парамонова, хозяйка. — «Отдайте.... а что вы

перейдете съ квартиры, такъ Богъ съ вами!... И хозяйка, презрительно махнувъ рукой, пошла изъ комнаты; проходя мимо сожителя, дернула его за полу грязнаго халата и сожитель, какъ истый бульдогъ, огрызаясь и ворча, послѣдовалъ за ней.

«Что мнѣ теперь дѣлать? — Что мнѣ теперь дѣлать?» отчаянно шепталъ молодой человѣкъ, шагая изъ угла въ уголъ по комнатѣ. «Гдѣ я возьму денегъ?... ахъ Боже мой!... И столько дерзостей, сколько гадкихъ сценъ изъ за какихъ нибудь пяти рублей....» продолжалъ онъ шептать. — «Нѣтъ, нужно кажется покончить съ жизнью...» добавилъ онъ горько-насмѣшливо и подошелъ къ окну. И стоитъ онъ по обыкновенію у окна долго, лицо у него кажется такое спокойное, почти бессмысленное, а между тѣмъ въ головѣ-то, въ головѣ-то.... мятелица! Но изъ всѣхъ мелькающихъ и мелькнувшихъ сценъ, ни одна не удерживается правильно и долго, всѣ они сбиваются въ какую-то безпорядочную кучу и, изъ всей этой кучи, по странной прихоти, мелькаетъ въ его головѣ все чаще и чаще дуло пистолета... «Но вѣдь не на что и его-то купить.....» шепчетъ онъ и горько улыбается.

— Я вамъ не помѣшаю, Василій Васильичъ?... робко спрашиваетъ съ-зади его молодой женскій голосъ.

Парамоновъ порывисто обернулся, лицо его стало сглаживаться, передъ нимъ стояла Паша, но такая печальная, черные глаза ея съ такой мольбой, съ такой грустью, смотреть на Парамонова!..

— Конечно-нѣтъ, Прасковья Васильевна, — сказалъ радостно молодой человѣкъ, протягивая дѣвушкѣ руку. — Конечно-нѣтъ, вы всегда для меня лучшей гость!

Дѣвушка покраснѣла и какъ-то болѣзненно улыбнулась.

— Не хотите-ли папирску? сказалъ молодой человѣкъ, выдвигая столовый ящикъ, но увя! въ немъ папирсъ больше не было. Парамоновъ смѣшался и покраснѣлъ....

— Не безпокойтесь, Василій Васильичъ, сказала нѣжно дѣвушка, видя и замѣшательство Парамонова и причипу этого замѣшательства и сама невольно краснѣя. — Не безпокойтесь.... я къ вамъ не курить пришла... мнѣ нужно съ вами поговорить....

— Сдѣлайте одолженіе, Прасковья Васильевна... садитесь вотъ сюда.... здѣсь будетъ покойнѣе.... Парамоновъ сбросилъ со стула исписанные листы. — А то отъ окна дуетъ!... Что же

вы хотѣли сказать? и лицо молодого человѣка приняло любящее выраженіе.

— Знаете что... начала какъ-то не ловко Паша. — Знаете что.... (Молодой человѣкъ былъ весь вниманіе). — Мнѣ хочется... о чемъ вы кричали съ хозяйкой?... Парамоновъ вспыхнулъ. Ему живо представилась вся сцена съ хозяйкой и что всю эту сцену слышали дѣвушки. Молодой человѣкъ молчалъ и только все больше и больше краснѣлъ.

Паша очень конфузилась сама, и хотѣла встать со стула.

— Куда же вы, Прасковья Васильевна? сказалъ прійдя въ себя, молодой человѣкъ. — Сдѣлайте одолженіе, посидите... а то я безъ васъ кажется съ ума сойду.... добавилъ онъ тихо, и легко притронулся своей рукой къ рукѣ дѣвушки.

Оба они долго молчали.

— На что же вамъ знать мой разговоръ съ хозяйкой? — Вы его должно быть весь слышали?... какъ-то болѣзненно спросилъ молодой человѣкъ, лаская робко руку дѣвушки.

— Мнѣ нужно....

— Вамъ? за чѣмъ же?

— Вы ей должны.... начала тверже Паша.

— Ну такъ что же? — Я ей сегодня же отдамъ....

— А я думала.... я хотѣла... и Паша остановилась.

— Что думали? Что хотѣли? — скороговоркой спросилъ Парамоновъ.

— Я думала васъ одолжить... и Паша совершенно растерялась.

— Какъ одолжить? — Что одолжить? изумленно спросилъ молодой человѣкъ.

Паша вынула изъ подъ корсажа десяти рублевую бумажку и робко протянула ее Парамонову. — Вотъ... прошептала она и чуть не заплакала.

Молодой человѣкъ остолбенѣлъ. Онъ пристально-долго смотрѣлъ на дѣвушку, — но что было за выраженіе его глазъ! И, рыдая, припалъ къ рукѣ Паши.

— Вы чудо!.. вы ангелъ!.. лепеталъ безсвязно Парамоновъ, жадно цалуя руку дѣвушки. Дѣвушка наклонилась къ самой головѣ Парамонова. — Вы рѣдкая женщина!..

— Возмите же... прошептала Паша.

— Нѣтъ, нѣтъ, Паша.... позвольте мнѣ назвать васъ Пашей! — Я люблю васъ какъ сестру... нѣтъ, гораздо больше сес-

тры!... Вы мой ангелъ! ангелъ! лепеталъ все безсвязиѣ Парамоновъ.

Паша бессознательно шевелила волосами Парамонова, а Парамоновъ положилъ голову на колѣни дѣвушки и плакалъ. «Меня никто такъ не любилъ....» шепталъ онъ, цалуя ее платье.

— Возьмите же скорѣй, сказала Паша, освобождаясь отъ Парамонова и вставая со стула. — А не то придуть.... и дѣвушка вытирала руками свои мокрые глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ, Паша.... Прасковья Васильевна.... нѣтъ, я не могу отъ васъ взять денегъ... вѣдь они у васъ трудовыя.... послѣднія.... И молодой человѣкъ сталъ опять цаловать руки дѣвушки.

— Пожалуйста.... если ты.... если вы.... любите меня.... и личико Паши приняло умоляющее выраженіе.

Парамоновъ опустился на стулъ, положилъ голову на столъ и плакалъ.... Нервы молодого человѣка были слишкомъ раздражены.

Паша тихонько вышла изъ комнаты, прошла сѣня и сѣла на холодныхъ ступенькахъ крыльца.

Долго Парамоновъ сидѣлъ у стола, долго плакалъ. Но нервы успокоились и молодой человѣкъ порывисто всталъ со стула. «Что это за благородная дѣвушка!» сказалъ онъ громко, топчя безъ милосердія разбросанные по полу листы. — «О, какъ я люблю тебя съ этихъ поръ.... уважаю!... Нѣтъ, нужно во что бы то ни стало достать завтра денегъ и отдать Пашѣ». «Моя милая, милая Паша!». «Я отъ тебя не уѣду, ни за что не уѣду!» И молодой человѣкъ, вспомнивъ что-то непріятное, судорожно схватилъ оставленную дѣвушкой депозитку и побѣжалъ мѣряться съ хозяйкой. Парамоновъ остался на этой же самой квартирѣ.

VIII.

РАЗГОВОРЪ ДВУХЪ ПОДРУГЪ.

Сальный огарокъ какъ прежде освѣщалъ сырую холодную комнату. Какъ и прежде пальцы съ недошитымъ полотномъ загромоздили всю комнату. Какъ и прежде въ разнообразныхъ тряпкахъ валялись на полу младшія мастерицы швен Зайцовой. Какъ и прежде, тѣни отъ нагорѣвшей свѣчи выдѣлывали фан-

тастическія формы, и на пальцахъ, и на стульяхъ, и на полу, и на заплесневѣлыхъ стѣнахъ. Точно также, какъ и прежде, двѣ молодыя дѣвушки, старшія мастерицы Зайцовой, сидѣли на своей общей постелькѣ, дрожали отъ холода и говорили:

— Такъ вотъ, Сашенька, ужь что ты ни говори, а я не могу его выкинуть изъ головы, да и только....

— Полно, дуручка, ну ты сама посуди, къ чему поведеть твоя любовь? добро бы онъ былъ какой мастеровой.... али ужь по крайности прикащикъ! а то баринъ....

— Ужь и не говори.... я и сама не знаю, что мнѣ дѣлать. И Паша припала головкой къ плечу Саши и заплакала.

— Ахъ, Боже мой.... вотъ бѣда-то стряслась!... Ну полно, дуручка, полно; расскажи лучше за что ты его полюбила?... Не плачь!

— Я и сама не знаю, за что.... продолжая тихонько всхлипывать, говорила Паша. — И сама не знаю, за что!... Сначала онъ мнѣ показался такой дикій.... такой страшный.... я и смотрѣла на него, какъ-то боязно!... Ну, а потомъ.... мнѣ стало его жаль.... зачѣмъ онъ такъ много работаетъ.... и что онъ такой бѣдный, вѣдь бѣднѣе, кажется, насъ!... Онъ что-то и обѣдать-то пересталъ ходить!... вотъ я и пожалѣла его, да и нельзя и не пожалѣть-то?... какъ-то съ энергіей проговорила послѣднѣе слово Паша; онъ такой добрый.... добрый, ужь видно, что добрый!... Саша при этихъ словахъ своей подруги, въ раздумьи, грустно улыбнулась. Ну, а потомъ, эта хозяйка.... Паша не могла болѣе продолжать и громко зарыдала.

— Ну, полно, душечка.... полно, ты моя глупенькая.... угваривала Саша свою подругу, приподымая отъ своего плеча заплаканное личико дѣвушки. — Полно плакать-то! скажи ты мнѣ лучше — знаетъ ли онъ, что ты его любишь?...

— Кажется знаетъ.... сквозь слезы прошептала Паша.

— Ну, а онъ-то тебя любить ли?... продолжала сама чуть не плачущая Саша.

— Любить.... дайча, когда я ему давала деньги.... онъ такъ плакалъ.... такъ плакалъ!

— Какія деньги? кому давала?

Паша спохватилась и замолчала.

— Кому же ты деньги давала? Что жь ты не говоришь?

— Ему.... чуть слышно прошептала Паша.

— Зачѣмъ? изумленно спросила Саша.

— Да как же.... онъ такъ нуждался....

— Глупенькая ты моя!... Ахъ ты, добрая моя! и Саша стала цаловать подругу. — Ну, какъ же послѣ этого ему не любить-то тебя.... вѣдь звѣрь, и тотъ полюбитъ!... Деньги-то вѣдь это были у тебя послѣднія.... оброчныя!... и Саша чуть не задушила поцалуями Пашу.

— Такъ что же, что.... начала говорить Паша, слегка освобождаясь отъ поцалуевъ Саши, и очень довольная, что она на нее не сердится.

— Какъ что?... а чѣмъ же ты теперь оброкъ-то заплатишь?... и Саша тревожно глядѣла въ глаза своей подруги.

— Буду работать, грустно, съ болѣзненной улыбкой проговорила Паша. — Мнѣ не привыкать стать!...

— Ахъ, какая же ты дурочка.... да что жъ ты въ могилу что ли хочешь лечь?... и Саша укоризненно покачала головой. — Ты посмотри-ко на себя — какая ты слабенькая!... и она не вытерпѣла — снова зацаловала Пашу.

— А хоть и умру..... что жъ тутъ? — Я рада.... и Паша продолжала улыбаться, но улыбалась такъ, что у Саши сердце надорвалось.

— И не говори! закричала Саша. — Если ты умрешь, я и сама умру! и она крѣпко, очень крѣпко обняла свою подругу.

— Не кричи такъ.... онъ услышитъ!... шопотомъ проговорила Паша, стараясь освободиться отъ объятій подруги.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Да что же съ тобой будетъ моя душечка! прошептала Саша, качая своей заплаканной головой, и судорожно сжимая свои пальцы. — Что съ тобой будетъ? — да знаетъ ли онъ по крайней мѣрѣ, что ты такой ангелъ! прокричала опять какъ-то безумно Саша, и порывисто обняла свою подругу.

Паша улыбнулась и стала отнимать Сашины руки.

— Давай лучше спать, Саша.... Что мы такъ кричимъ.... сказала недовольнымъ тономъ дѣвушка и легла на постель.

Но Саша немогла никакъ успокоиться, она стала на колѣни и съ необъяснимымъ чувствомъ глядѣла въ глаза своей подруги.

— Ну, полно Саша, что ты не спишь? сказала дѣвушка, насильно отворачиваясь отъ любящихъ глазъ своей подруги.

— Я думаю вотъ о чемъ Паша.... какъ-то твердо и рѣзко сказала Саша. — Думаю — будетъ ли онъ любить тебя такъ, какъ я люблю тебя!

Паша молчала. Она думала: какая я счастливица вездѣ-то меня любить!

— А знаешь ли, что Паша, пришло мнѣ въ голову? продолжала Саша, все еще стоя на колѣняхъ. — Знаешь что? только ты не дугайся! — Мнѣ пришелъ на память твой сонъ.... помнишь? мать-то....

Паша судорожно вдрогнула, приподнялась на локоть въ постелѣ, и тревожно, пугливо, смотрѣла на Сашу.

— Ну, полно, полно.... Ахъ какая дура я! сказала Саша, вставая съ колѣнъ и укладывая опять въ постель свою подругу. — Вотъ дура-то, что на умѣ, то и на языкѣ.... Прости меня! Теперь тебѣ бояться нечего, онъ тебя защититъ!

Но Паша не слышала словъ Саши, она закуталась съ головою въ одѣяло и судорожно рыдала.... ей отчетливо и ясно припомнились оба сна, и о матери и о жильцѣ.

— Вотъ, вотъ.... лепетала Саша, мечась безпокойно около постели. — Вотъ что я надѣлала.... Ахъ я дура, дура! и Саша сжатымъ кулакомъ ударила себя въ грудь. — Прости, прости меня! Ты видишь — я сѣумасшедшая!

Паша мало-по-малу успокоивалась.

— Ну, усни, усни, моя милая, Богъ съ тобой! лепетала Саша, нѣжно отнимая отъ головы дѣвочки одѣяло и тревожно заглядывая въ ее сжатые, заплаканные глаза. — Усни, Богъ съ тобой! и Саша погасивъ свѣчу, прижалась къ своей подругѣ.

Паша почти не спала всю ночь, въ ее разгоряченномъ, больномъ воображеніи, постоянно мелькали: то покойница мать, то ласкающій ее руку жилецъ. Только къ утру она какъ будто забылась; но и въ этомъ легкомъ утреннемъ снѣ, можно было прочесть то грустной улыбки, то по временамъ пугливо сжатому лицу, — какія сны тревожили ее бѣдную головку.

IX.

школьный другъ.

Парамоновъ на другое утро, послѣ заключеннаго прочнаго мира съ хозяйкой, всталъ радостный, веселый. «Она меня любить.... я любимъ....» шепталъ онъ, какъ мело-драматическій герой, порывисто надѣвая свои давно уже нечищенные сапоги.

«Вѣдь вотъ любить же меня и кромѣ родныхъ», сказалъ онъ и эгоистично улыбнулся. Улыбка не оставляла его лица и въ продолженіе его незатѣйливаго туалета и молодой человѣкъ надѣвая скюрткукъ слышалъ въ боковомъ карманѣ звонъ серебряныхъ денегъ — слишкомъ вѣрное отъ такой бѣдной дѣвушки доказательство любви. «А какая благородная дѣвушка...» продолжалъ онъ мечтать, закуривая одну изъ вновь купленныхъ папирсъ. «И умная какая. Однако жъ, гдѣ же я возьму денегъ?» и лицо молодаго человѣка приняло свое прежнее суровое, недовольное выраженіе. «А нужно достать... непременно нужно достать! хотя бы пришлось заложить это послѣднее пальто». И молодой человѣкъ торопливо сталъ надѣвать пальто, висѣвшее очень смиренно на гвоздикѣ около его жалкой постели. И пошелъ Парамоновъ добывать денегъ, пошелъ такъ порывисто-скоро, что даже не рѣшился и посмотрѣть на своего благодѣтеля — Пашу, хотя ему этого и очень хотѣлось. Идетъ Парамоновъ тротуаромъ, смотритъ разсѣянно на предлагающихъ на всевозможные тоны и манеры — свои услуги извозчиковъ, идетъ и разсчитываетъ, къ кому бы обратиться съ просьбой о деньгахъ... не на долго конечно... много — на недѣлю. Черезъ недѣлю молодой человѣкъ думалъ кончить свой трудъ и получить за него, какъ онъ предполагалъ, какъ за чрезвычайно рѣдкую геніальность, огромные деньги. «Скоро я буду богатъ, и Пашу, за эти десять рублей, золотомъ осыплю...» самонадѣянно гордо подумалъ молодой человѣкъ и рѣшительнѣе и смѣлѣе зашагалъ по тротуару. Но вѣдь денегъ все-таки нужно достать и эта мысль умѣрила смѣлые и рѣшительные шаги молодаго человѣка. Такъ къ кому же бы обратиться? къ друзьямъ? — Они конечно не откажутъ, но за то подумаютъ, что вѣрно бѣдному Парамонову плохо пришлось: не можетъ достать своимъ трудомъ и десяти рублей. «Нѣтъ», отвергнувъ эту мысль молодой человѣкъ, «лучше пойду къ журналисту, онъ мнѣ такъ скверно платилъ за переводы, можетъ быть и сочтетъ себя должникомъ, дастъ мнѣ рублей двадцать; а особенно когда узнаетъ, что скоро выйдетъ въ свѣтъ мой романъ...» И Парамоновъ повернулъ къ журналисту. «О, хорошо быть сочинителемъ!» продолжалъ мечтать молодой человѣкъ, «всѣ эти люди, которые теперь такъ нахально толкаютъ тебя, раздадутся.... снимутъ шапки.... и дадутъ ширскую, очень широкую дорогу!» — Смотри, барчнн!... лотокъ сбиль...» протянулъ плаксивымъ тономъ мальчишка, вертясь

съ замороженными блинами около ногъ Парамоновъ. Парамоновъ слетѣлъ съ облаковъ и дѣйствительно увидѣлъ, что чуть не наступилъ на иззябшаго мальчика. «А ты, дуракъ, что тутъ вертись», сердито проговорилъ онъ и зашагалъ еще скорѣе и сердитѣе. Но вѣдь мечты, если уже только они разъ слетѣли на какую нибудь несчастную жертву, ни за что не рѣшаются покинуть ее, и тѣшатъ и мучаютъ и бѣсятъ ее — безмилосердно. Такъ случилось и съ Парамоновымъ. Молодой человѣкъ шелъ около великолѣпныхъ магазиновъ и собравшаяся около нихъ толпа, любующаяся на вывѣшенные дагеротипы извѣстныхъ русскихъ людей, навела его опять на прежніе мечты. «Скоро, можетъ быть, и мной будутъ такъ любоваться», подумалъ онъ и покраснѣлъ. Мечты его естественно обратились къ Пашѣ. — «За то она, какъ будетъ гордиться, что любить меня, какъ ей будутъ завидовать!» «Б-р-и-сь!» крикнулъ около его ушей рѣзкій, звонкій голосъ. Парамоновъ обернулся и чуть было не попалъ подъ колеса наѣхавшей на него кареты; онъ и самъ не зналъ, какъ очутился вмѣсто тротуара на срединѣ дороги. Парамоновъ взобравшись снова на тротуаръ, далъ себѣ слово болѣе до поры до времени не фантазировать, это было и кстати, квартира журналиста была почти передъ его носомъ.

Денегъ журналистъ ему не далъ, а о романѣ сказалъ: «принесите, если вамъ угодно; я посмотрю».

Идетъ Парамоновъ домой отъ журналиста — идетъ совершенно потерянный. Самолюбіе его было изранено, денегъ не досталъ, а впереди ему рисовалось: милый образъ Паши и какъ ему будетъ стыдно и не ловко передъ Пашей. «Положимъ, она не редакторъ и не хозяйка....» насмѣшливо шепталъ онъ. «Не будетъ приставать ко мнѣ объ отдачѣ долга.... но вѣдь это для меня гораздо хуже». Лицо молодаго человѣка приняло плачущее выраженіе. «Какъ, взять у бѣдной дѣвушки деньги и не отдать ихъ сейчасъ же?... О, нѣтъ! продолжалъ онъ шептать съ возрастающей энергіей. Пѣтъ, нужно скинуть съ себя все.... всел!» и молодой человѣкъ презрительно осмотрѣлъ свою грудь. «Баринъ, подайте — Христа-ради....» протянулъ возлѣ его плачущій, стариковскій голосъ. Парамоновъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на старика, посмотрѣлъ на его дряхлую, трясушуюся, протянутую къ нему руку, и положилъ ему на эту руку одну изъ монетъ — подарокъ Паши. «Бѣдный....» прошепталъ молодой человѣкъ, шагая ускоренно по тротуару. «Онъ еще несчаст-

нѣ меня, онъ старикъ, и его вѣрно никто не любитъ». «Вро-чемъ, отчего жъ онъ несчастнѣе?» невольно спросилъ онъ себя. «Онъ проситъ милостыни.... онъ разсчитываетъ на состраданіе людей.... имѣетъ право разсчитывать! потому что онъ старикъ, а я....» и лицо молодого человѣка приняло злое, горькое выраженіе. «А вѣдь, пожалуй, и сомной тоже подъ старость будетъ», продолжали мелькать въ его головѣ такія неутѣшительныя мысли. «Пожалуй, и я когда нибудь протяну руку.... О нѣтъ.... я тогда убью себя!» съ жаромъ, почти громко сказалъ молодой человѣкъ и, въ эту минуту онъ ненавидѣлъ и жизнь и себя.

— Стой, стой! Парамоновъ! Парамоновъ! крикнулъ съ середины дороги молодой, звонкій голосъ. — Параммоновъ!! закричалъ что было силы этотъ голосъ.

Парамоновъ испуганно обернулся къ дорогѣ и увидѣлъ своего стараго университетскаго пріятеля, краснощекаго и толстаго Мишу Зубова, важно возсѣдающаго на извозничьихъ санкахъ и уже спустившаго съ санокъ одну ногу, чтобы соскочить и броситься къ глухому другу. — Парамоновъ! кой чортъ, ты оглохъ что ли? сказалъ Зубовъ, видя обращенное наконецъ къ нему лицо молодого человѣка.

— Здравствуй, Зубовъ. Извини, братъ, меня; мнѣ нѣкогда... и Парамоновъ учашенно зашагалъ по тротуару.

— Да, какъ бы не такъ! пробормоталъ Зубовъ, и догнавъ Парамонова и схватилъ его за пальто.

— Вотъ такъ другъ.... запыхавшись бормоталъ Зубовъ. — Не хочеть и руки пожать. Ну, здравствуй! какъ поживаешь?...

— Хорошо, благодарю; отрывисто отвѣтилъ молодой человѣкъ, слегка сжимая руку Зубова. — Но ты меня извини, мнѣ ей-Богу нѣкогда!... и лицо молодого человѣка приняло бодрѣнное выраженіе, онъ постарался улыбнуться.

— Да куда жъ ты торопишься?

— Домой, дѣла....

— А гдѣ твой домъ?

— Я живу.... протянулъ Парамоновъ, раздумывая сказать, или не сказать адресъ квартиры, — я живу на Грачевкѣ.

— А, ну вотъ и прекрасно; я самъ туда же ѣду. — Ѣдемъ, братецъ вмѣстѣ, поговоримъ.... и Зубовъ повернулся къ санкамъ.

Парамоновъ разсчитывалъ—принять или не принять предложеніе друга. — Ну, что жъ? Ѣдемъ!... закричать Зубовъ, посмо-

трѣтъ на Парамонова уже около своихъ санокъ и вида медленности молодого человѣка. — Ъдемъ! повторилъ онъ.

Парамоновъ нехота пошелъ къ санкамъ.

— А ты, братецъ, сдѣлался умнѣйшій человѣкъ, говорилъ Миша Zubovъ, умѣстившись съ своимъ другомъ въ санкахъ и ныряя изъ ухаба въ ухабъ. — Ты, братецъ, переводишь.... я вижу тебя подъ Диккенсомъ.... Да полно и самъ не сочиняешь ли? — И Zubovъ какъ-то комично почтительно взглянулъ въ лицо Парамонову.

— Ахъ, оставь, пожалуйста.... какой я сочинитель? Я горькій сочинитель!... И Парамоновъ зло засмѣялся.

Zubovъ изумленно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Однако жь.... забормоталъ было онъ и остановился. Такъ неприятно отозвался въ ухахъ его смѣхъ Парамонова.

— А ты, какъ живешь? спросилъ Парамоновъ, прерывая не ловкое молчаніе и понимая, что нужно надѣть веселую маску, чтобы скрыть свои раны. — Ты какъ живешь? расскажи ка мнѣ. И Парамоновъ съ насильственной улыбкой посмотрѣлъ на Zubova.

— Что, братецъ, я живу?... моя жизнь извѣстная.... отозвался Zubovъ съ оттѣнкомъ все еще неприятнаго вліянія смѣха Парамонова. — Учусь, братецъ, себѣ.... доучиваюсь; вѣдь я, братецъ, дураковать! какъ-то спохватившись добавилъ Zubovъ. — А теперь, братецъ, кучу; наслѣдство недавно получилъ, тетушка умерла и Zubovъ превесело захохоталъ.

Парамоновъ улыбнулся. — И большое наслѣдство оставила? спросилъ онъ.

— Да таки, братецъ, порядочное.... тысячь пятьдесятъ budgetъ.

Парамоновъ молчалъ, онъ думалъ, что есть же людямъ счастье.

— Да вотъ, братецъ мой, продолжалъ весело Zubovъ. — Всѣхъ друзей угостилъ. Всѣ поздравили меня съ наслѣдствомъ, одинъ только ты....

— Нѣтъ, ужь меня-то избавь! насмѣшливо перебилъ молодой человѣкъ.

Zubovъ понялъ въ голосъ Парамонова насмѣшку. — Ну, да, сказалъ онъ. — Ты вѣдь исключеніе изъ друзей, ты вѣдь теперь уже не школьникъ.... лицо самостоятельное! и Zubovъ неприятно засмѣялся.

— Вообще не потому! возразилъ, сконфузясь, молодой человекъ. — Я все такой же школьникъ.... даже еще хуже школьника! а потому.... потому что не для чего тебѣ изъ-за меня раззоряться. Молодой человекъ долго прискивалъ словъ оправдать себя.

— Ха, ха, ха! не оправдывайся, братъ! весело закричалъ Зубовъ, смотря въ глаза Парамонову. — Я вѣдь, братъ, знаю тебя, ты, гордецъ! хоть и добрейшій малый.... в Зубовъ обнялъ Парамонова.

— Ну, хорошо, хорошо.... только не обвиняй, братецъ, на улицѣ.... сказалъ, улыбаясь, молодой человекъ, слегка отводя отъ себя руки Зубова.

— Вотъ вздоръ! возразилъ Зубовъ. — Я вѣдь братецъ, люблю тебя! ей-Богу, люблю! Люблю за этотъ дьявольскій, строптивый характеръ. Какъ ты отдѣлалъ князя.... ха, ха, ха! Миѣ бы не отдѣлать!...

— Очень благодаренъ, что ты меня любишь.... почему-то грустно сказалъ молодой человекъ.

— А вотъ, ты, такъ меня не любишь?... возразилъ Зубовъ, смотря во всѣ свои добрые глаза на Парамонова.

— Почему ты это знаешь? Я всѣхъ люблю....

— Вотъ то-то и есть, что всѣхъ.... это значить никого! — А докажи миѣ, что ты меня любишь?...

— Чѣмъ?

— Поѣдемъ, братецъ ты мой, со мной обѣдать... протянулъ Зубовъ.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Отчего?

— Занять. — Дѣлъ много!

— Вотъ то-то и есть — дѣлъ много.... Вотъ и видно, что не любишь!

— Какъ, оттого, что не хочу съ тобой обѣдать? в молодой человекъ невольно разсмѣялся.

— Да, оттого, съ увѣренностію сказалъ Зубовъ. — Если бы ты меня любилъ, то не отказалъ бы миѣ въ этой глупости, пожертвовать для меня какихъ нибудь полчаса! в Зубовъ вопросительно посмотрѣлъ на Парамонова.

Парамоновъ подумалъ, что можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ нибудь за обѣдомъ разсѣется.... придумаетъ по луч-

не обдѣлать свои дѣла — относительно залога своего Обдѣнаго костюма, и рѣшился.

— Ну, хорошо. Если ты хочешь, я поѣду....

— Вотъ и ладно. Въ Московскую! закричалъ восторженно Зубовъ извощику. — Поворачивай въ Московскую гостинницу, пояснилъ онъ оторопѣлому и остановившемуся было извощику. Тамъ, братецъ, я всегда обѣдаю, сказалъ онъ обернувшись къ Парамонову. — Знаешь, какъ-то вольнѣе.... добавилъ онъ метнувъ своимъ указательнымъ пальцемъ по воздуху.

— Живо.... обѣдать! и вина.... знаешь? всякаго! отдавалъ Зубовъ приказанія рѣзкимъ тономъ половому. — Я, братецъ, какъ-то проголодался.... протянулъ онъ отнесясь къ Парамонову.

Онѣ сѣли обѣдать. — Что жъ ты вина? сказалъ Зубовъ молодому человѣку, наливая ему полный стаканъ.

Парамоновъ машинально протянулъ руку и выпилъ. На лицѣ у него свѣтилась какая-то не добрая, насмѣшливая улыбка.

— Ванька! а цыганки есть? шопотомъ спросилъ Зубовъ у половаго.

— Есть-съ. — И Ванька ухмыльнулся.

— Парамоновъ, хочешь цыганокъ? спросилъ Зубовъ своего пріятеля, скатывающаго разсѣянно и все съ той же не хорошей улыбкой шарики изъ хлѣба.

— А?...

— Хочешь цыганокъ? говорю я тебѣ.... Да что жъ ты, братецъ, не пьешь? — Ну, давай, чокнемся! За здоровье и славу университетскихъ друзей, закричалъ Зубовъ, урра!... — Ванька кричи ура! — Урра! заревѣлъ хохочущій Ванька.

— Ну, вотъ такъ.... А теперь давай цыганокъ.... или нѣтъ, постой, я самъ туда пойду. Парамоновъ! хочешь выбрать себѣ цыганочку?

— Ахъ, нѣтъ, оставь, пожалуйста, меня, сказалъ молодой человѣкъ, продолжая катать шарики.

— Вотъ кислотина! отозвался энергически Зубовъ. — Ну, когда не хочешь, давай пить! и Зубовъ налилъ снова полные стаканы.

— Да, давай лучше выпьемъ! въ память прошлыхъ дней.... грустно добавилъ Парамоновъ, и безъ отдыха выпилъ полный стаканъ.

Зубовъ крикнулъ, не сталъ пить, оставилъ отъ себя далеко стаканъ и вопросительно посмотрѣлъ на Парамонова.

— Парамоновъ, ты не тотъ, проговорилъ онъ, ужоризненно покачивая головой на своего пріятеля.

— Ахъ, оставь лучше меня... давай пить! и молодой человекъ протянулъ руку къ бутылкѣ.

— Нѣтъ, я тебѣ пить не дамъ, сказалъ рѣшительно Зубовъ, отнимая отъ Парамонова бутылку. — Не дамъ до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не выскажешь, что у тебя на сердцѣ, у тебя что-то нехорошее...

— Къ чему? проговорилъ чуть не плача Парамоновъ. Вино еще больше раздражило его нервы.

— Какъ, къ чему? Къ тому, что я тебѣ другъ. Другъ я тебѣ, или нѣтъ?

— Ну, такъ что жъ?

— Какъ, что жъ? Парамоновъ! ты меня пугаешь... и Зубовъ принялъ позу провинціального трагика.

— Эхъ! отрывисто сказалъ молодой человекъ и опустилъ голову на столъ.

— Ванька, пошелъ вонъ! сказалъ рѣзко Зубовъ и подошелъ къ пріятелю.

— Парамоновъ! что съ тобою? Расскажи пожалуйста, говори дружескимъ тономъ Зубовъ своему пріятелю. Расскажи, сдѣлай одолженіе; повѣрь, я не изъ пустаго любопытства спрашиваю тебя; я тебѣ другъ, товарищъ! и Зубовъ обнялъ молодого человека.

Только этого и недоставало. Душа молодого человека была слишкомъ полна самыми неприятными ощущеніями, слишкомъ много горечи и желчи накопилось во время его короткой еще, трудной жизни, слишкомъ много онъ видѣлъ гадкихъ сценъ эгоизма и невѣжества, рука друга съ самаго начала трудовой его жизни еще не касалась его такъ во время и такъ человѣчески откровенно, онъ не могъ равнодушно этого вынести, легкія судороги стали подергивать его тѣло, глаза замигали, замигали часто, онъ заплакалъ....

Зубовъ опустилъ руки. Онъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобъ не въ романѣ, а въ дѣйствительности, мужчина, а тѣмъ болѣе Парамоновъ, котораго онъ почему-то считалъ всегда верхомъ совершенства, могъ плакать и такъ горько плакать!...

— Парамоновъ, голубчикъ, что съ тобой? что съ тобой? ты не здоровъ? не хочешь ли вина? безсознательно и безсвязно леще-

галь Зубовъ. — Открой мнѣ, голубчикъ, что у тебя болятъ? отчего ты такъ плачешь?

Парамоновъ поднялъ заплаканную голову и, смотря на Зубова раздражительно зло, сказалъ: «Ты хочешь знать, отчего я плачу? хочешь знать? такъ слушай! Оттого, что кругомъ меня згоняютъ и невѣжество; оттого, что люди всѣ или глупы, или злы; оттого, что молодому человѣку, такому какъ я, никогда, никогда не пробить себѣ между ими дорогу, они не поймутъ его, затопчутъ, измараютъ всего грязью и, въ заключеніе, уморятъ съ голода! Слышалъ? кажется довольно причинъ плакать.... и молодой человѣкъ порывисто всталъ со стула.

Зубовъ слушалъ Парамонова розиня ротъ, но изъ всего этого монолога понялъ только, что его пріятеля хотятъ морить голодомъ.

— Парамоновъ, голубчикъ, сказалъ онъ робко и какъ-то весь трясясь, — не нуждаешься ли ты въ деньгахъ? Скажи, пожалуйста....

Парамоновъ вздрогнулъ, въ какомъ-то раздумьи посмотрѣлъ на Зубова, и гордо сказалъ: нѣтъ, я всѣмъ доволенъ; и взялся за шапку.

— Постой, постой, минутку.... затараторилъ Зубовъ, бѣгалъ по комнатѣ. — Постой, я тебя провожу!

— Не нужно; я отъ сюда пойду одинъ.

— Экой какой.... ну, погоди! и Зубовъ шмыхнулъ изъ комнаты.

Зубовъ вбѣжалъ въ переднюю и сталъ торопливо осматривать развѣшанные на вѣшалкѣ пальто и шинели.

— Которая наша одежда? спросилъ онъ подвернувшася половаго.

— Вотъ эта-съ, и половой показалъ на студенческій воротникъ.

— А это моего пріятеля?

— Точно такъ-съ.

— Давай бумаги! и Зубовъ сталъ писать записку.

— Ну, вотъ... Ванька... ты, смотри... я ему положу въ карманъ деньги... я ему долженъ... а онъ не хочетъ брать... такъ ты не ошибись, подай ему самъ пальто... слышишь? и Зубовъ, завернувъ въ свой носовой платокъ деньги съ запиской, сунулъ ихъ въ карманъ Парамонову. А это тебѣ на водку... добавилъ

онъ, всовывая въ руки полового трехъ рублевую бумажку. И по-бѣжалъ опять въ нумеръ.

— Что ты такъ долго? спросилъ брюзгливо Парамоновъ, обтирая свои замоченные отъ только что вышитаго вина губы. Что ты такъ долго? Миѣ пора идти...

— Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ Зубовъ; и, о чемъ-то тяжело вздохнувъ, посмотрѣлъ на Парамонова. — Разсчитывался... добавилъ онъ, выходя въ переднюю.

— Счетъ за мной, сказалъ онъ низко кланявшемуся буфетчику. — Подай пальто!

Половой подалъ пальто. Зубовъ внимательно осмотрѣлъ Парамонова.

— Тебѣ, братецъ, нужно ѣхать... Я бы поѣхалъ съ тобой самъ, но... но голова болитъ, сказалъ онъ пріятелю, выходя на улицу.

Парамоновъ подумалъ, что ужь кутить такъ кутить... и приказалъ подать санки.

— Ну, прощай, братъ, Парамоновъ... говорилъ Зубовъ, крѣпко обнимая своего друга. — Прощай! чтобы ты ни прочелъ... ни услышалъ, добавилъ скороговоркой Зубовъ, — не сердись, пожалуйста на меня... вѣдь я тебя люблю... очень люблю! и онъ съ слезами на глазахъ сѣлъ въ санки своего извозчика. — Пошелъ! Парамоновъ, не оброни изъ своего кармана! закричалъ Зубовъ, повернувъ на противоположную отъ друга улицу.

А Парамоновъ ѣхалъ и думалъ: «приду домой, сейчасъ же пошлю Николая Федорыча продать пальто... десять рублей дадутъ!... а тамъ... тамъ что Богъ дастъ!» и молодой человѣкъ бессмысленно улыбнулся. Онъ не понималъ словъ Зубова.

— Куда же васъ вести, баринъ? спросилъ отъѣхавшій съ полверсты извозчикъ.

— На Грачевку... лѣниво отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, вотъ-тэкъ... а мы ѣдемъ за Москву рѣчку... и извозчикъ, тпрукая и осаживая лошадь, повернулъ къ знаменитой Грачевкѣ.

Парамоновъ, убаюканный лѣнивыми ныряньемъ изъ ухаба въ ухабы, мечталъ: «нужно скорѣй кончить романъ... скорѣй... слава нужна, слава! Ахъ, какъ хороша слава...» и, молодой человѣкъ мечтая о славѣ, продолжалъ улыбаться.

— Пріѣхали... пробормоталъ лѣниво извозчикъ. — Гдѣ ваша квартира?

Парамоновъ очнулся. — «Вонъ», сказалъ онъ и показалъ лѣниво на покачнувшійся, старый, высокій деревянный домъ — гдѣ на черной доскѣ была нарисована вся особа швеи Зайцовой.

Извозчикъ подъѣхалъ къ швеѣ Зайцовой, Парамоновъ слѣзъ. Сколько стоятъ? спросилъ онъ.

— Рублишка... протянулъ прищурясь извозчикъ, онъ думалъ: не завросилъ ли слишкомъ мало.

Парамоновъ безъ ропота полезъ въ карманъ сюртука и отдалъ рубль.

Вошелъ въ комнату Парамоновъ и сейчасъ же хотѣлъ позвать сожителя. «Да, нужно прежде освидѣтельствовать карманы... пѣтъ ли чего?» подумалъ молодой человѣкъ и просунулъ руку въ карманъ пальто. Онъ вытащилъ оттуда носовой платокъ Зубова. «Что это?» прошепталъ молодой человѣкъ, развертывая платокъ. — «Чей это?..» тутъ ему бросилась въ глаза сто рублевая бумажка и записка слѣдующаго содержанія: «Парамоновъ, не сердись! прійми отъ друга... ты мнѣ заплатишь когда разбогатишь»...

твой зубовъ.

Парамоновъ разсѣянно посмотрѣлъ и на деньги и на записку, положилъ ихъ въ столъ и, не думая болѣе о своемъ пальто, легъ на постель и сейчасъ же заснулъ... Онъ былъ пьянъ.

X.

ПРАЗДНИКЪ.

Морозы какъ будто угомонились. Имъ какъ будто уже надоѣло щѣлкать по выставленнымъ, для ихъ потѣхи, носамъ. Всевозможные воротники шубъ и пальто уже болѣе не носились кибитками. Ближники и извозники, приглашая къ себѣ прохожій людъ, уже болѣе безсвязно не шамкали своими скомканными, оледенѣлыми губами; они, довольно картинно разчесавъ свои бороды, только что слегка подѣрнутые серебристой пылью, отчетливо и ясно выговаривали: «пожалуйте-сь... у меня лучшіе-сь...» или «прокатиться нужно... извозника должно-надобно...» и все это говорилось такимъ яснымъ, положительнымъ, не требующимъ ни малѣйшаго возраженія тономъ, что прохожему дѣла-

лось стыдно, если онъ не соблазнялся такими заманчивыми предложеніями. Колокола тоже какъ будто обрадовались, что вырвались наконецъ изъ тѣснѣйшихъ объятій надоѣдливаго друга—жороза, и звонили, и кричали на всевозможные тоны и манеры своими густыми и тонкими голосами такъ, какъ будто не только что въ Москвѣ, но и на сто верстъ кругомъ Москвы, жили все одни глухіе. Но кто болѣе всѣхъ обрадовался отдыху нашего, дорогаго, русскаго гостя-хозяина,—это дѣвушки бѣлошвейки. Ужъ не бѣгали они теперь въ запуски по улицамъ, придерживая подъ мышкой своими оледенѣлыми пальцами огромную картонку, ужъ не постукивали, не подплясывали такъ весело-энергично своими и маленькими и большими ножками, одѣтыми всегда очень щепетливо, у дверей магазиновъ, выжидая пока имъ вынесутъ заказы, или отдадутъ заработанные деньги; ужъ не пробѣгали они, сломя голову, мимо любующагося на легкость перетянутаго стана, оторопѣлаго своего какого нибудь друга, говоря ему обыкновенно при своемъ быстромъ пролетѣ: «здравствуй, нѣкогда, приходи ко мнѣ...» а останавливались, кружили своей стянутой красотой еще болѣе голову друга и входили во всѣ подробности предлагаемаго по случаю праздника, дружескаго угощенія.

Обрадовалась и Паша, вставъ раннимъ утромъ съ своей постельки и отчетливо видя въ оттаявшія стекла и высокія трубы и высочайшія колокольни,—обрадовалась и дала себѣ слово сходить къ обѣднѣ и къ сестрѣ. Встала Паша съ постели, поцаловала нѣсколько разъ какъ-то особенно горячо лѣнивицу спящую Сашу и стала одѣваться. «Проснулся ли жилецъ?...» было первой мыслью дѣвушки, и она, полу-одѣтая, съ приложеннымъ къ губамъ пальчикомъ, съ дѣтски-лукавой улыбкой, стала подходить къ сосѣдней двери; и слушаетъ Паша у двери и слышитъ, что жилецъ спитъ, да и только. «Что это онъ такъ долго спитъ?...» шепчетъ какъ-то недовольно дѣвушка. «Вчера какъ пришелъ, такъ и легъ... и не работалъ... даже и со мной не поздоровался!» и слезы уже навертывались на глаза дѣвушки. «Ужъ здоровъ ли онъ?...» продолжала шептать Паша, жадно прислушиваясь въ дверную щель къ жильцу. «Какой онъ... право!...» шептали брюзгливыя губки. «Хоть бы сказалъ...» и дѣвушка бессознательно стала потихоньку отворять дверь.

— Паша, Паша! ну что ты, безстыдница, дѣлаешь? со смѣхомъ сказала Саша, приподнимая отъ подушекъ свое розовое,

заспанное лицо. — Что ты дѣлаешь? или покурить захотѣла... добавила она, видя сконфуженное, почти плачущее личико дѣвушки. «Такъ вотъ у меня есть... Куря!» и Саша вынула изъ подъ подушки обкурившую папироску.

— Я думала, ты спишь... пробормотала разкраснѣвшаяся дѣвушка и взяла папироску.

Саша какъ-то лукаво-грустно улыбнулась и зажгла спичку.

— Что это, ты, такъ рано встала? вѣдь нынѣ праздникъ, можно спать до обѣда... И Саша сладострастно потянулась на постелѣ.

— Хочу къ обѣдни идти...

— Вотъ... возразила атеистка Саша. — Въ такой холодъ... можно и дома помолиться... И она закуталась съ головой въ одѣяло.

— Какой холодъ?... ты посмотри-ка... всѣ окна оттаяли...

— О?... и Саша выглянула изъ подъ одѣяла. Такъ и я, пожалуй, пойду... сказала она, какъ будто раздумывая идти или не идти.

— Пойдемъ... да вставай! вставай! И Паша стала съ легкимъ смѣхомъ сдергивать одѣяло. — Ты, посмотри, всѣ дѣвушки встаютъ.

Младшія дѣвушки, корчась и гримасничая, дѣйствительно стали приподыматься одна за другой съ своихъ убогихъ ложъ.

Зазвонили къ поздней обѣднѣ и двѣ дѣвушки подружки отправились въ церковь.

— Что это, жилецъ-то все спитъ, да спитъ; брюзгливо проговорила Саша, проходя комнатою жильца. — Вѣрно вчера въ гостяхъ былъ... И не раздѣвался совсѣмъ-то...

— Я ужъ и не придумаю... грустно отвѣтила Паша.

— Вотъ дурочка! о чемъ же ты горюешь? — продолжала Саша, выйдя на крыльцо. — Проснется же когданибудь!... «Не было печали, такъ черти цакали...» добавила она такъ тихо, что Паша не слышала.

Парамоновъ спалъ до самой достойной. Съ послѣднимъ ударомъ сердитаго сосѣдняго монастырскаго колокола, его всклокоченная голова заерзала по подушкѣ, ноги и руки стали выправляться, потягиваться, слипшіеся отъ неестественно-долгаго сна глаза его открылись, и онъ безмысленнымъ взглядомъ окинулъ свою, какъ будто улыбающуюся благодаря случайному солнечному лучу — комнату. Долго не могъ придти

въ себя Парамоновъ, наконецъ голова стала все яснѣй, яснѣй, и ему отчетливо припомнился весь вчерашній день. Какъ дикій вепрь вскочилъ Парамоновъ и бросился къ столу, тамъ лежала вчерашняя записка Зубова и сто рублей. Парамоновъ покраснѣлъ ужасно. «Вѣдь это милостыня...» прошепталъ онъ сердито.—«Какъ онъ осмѣлился... Какъ онъ осмѣлился оставить въ моемъ карманѣ деньги!...» бормоталъ онъ, выкинувъ депозитку на столъ и перечитывая десятый разъ записку. «Впрочемъ... что жъ тутъ такого...» продолжалъ онъ насмѣшливо. «Онъ видѣлъ... я такъ бѣдно одѣтъ... и, кажется, плакалъ». И Парамоновъ отъ воспоминанія что плакалъ, готовъ былъ опять заплакать. «Нѣтъ, нужно его отыскать... швырнуть ему эти деньги въ лицо!...» продолжалъ бормотать молодой человекъ, шагая не одѣтый изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— Ахъ, вы еще не одѣты? сказала въ дверяхъ вѣжливый тономъ хозяйка и скрылась какъ стыдливая вишфа. Что вы это такъ поздно пынѣ встаете... протянула она за дверью.

Парамоновъ вздрогнулъ. Визитъ хозяйки далъ спасительный толчекъ его воспламенившейся головѣ, и онъ бросился надѣвать сюртукъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, хозяйка... говорилъ молодой человекъ, застегиваясь на всѣ пуговицы.—Сейчасъ, и онъ отворилъ дверь.

Что, вамъ, нужно? спросилъ онъ довольно ласково, направляя рукой свои всклокоченные волосы.

— Да вы заспались Василій Васильевичъ... Помилуйте, дѣвушки проходили, проходили мимо васъ... думали, что вы угостите папироской, а вы спите да и только! — и хозяйка, лукаво подмигнувъ молодому человекъ, вошла къ нему въ комнату.

Парамоновъ покраснѣлъ, ему стало стыдно, что дѣвушки видѣли его спящимъ, не одѣтымъ; онъ всегда вставалъ раньше ихъ.

— Да... я проспалъ... пробормоталъ онъ, закуривъ вишфоску.

— Ахъ, да у васъ деньги!... протянула хозяйка. — Сто рублей... да вы богачъ! и хозяйка приторно-ласково стала смотрѣть на Парамонова.

— Это не мои, чужія... безсвязно пролепеталъ молодой человекъ и сунулъ ихъ опять въ столъ.

— Ну, я не хочу вамъ мѣшать... продолжала хозяйка все угощая Парамонова своимъ ласковымъ взглядомъ и выкидывая

ему какія-то уморительные, почтительные поклоны. — Не хочу мѣшать, — вамъ сейчасъ самоваръ подадутъ! и хозяйка шмыгнула изъ комнаты, чтобы сообщить своему сожителю, что жилецъ разбогатѣлъ.

Парамоновъ остался одинъ и все еще чувствуя на себѣ вліяніе приторныхъ глазъ хозяйки, невольно подумалъ: «Что значать деньги... имъ чуть ли не больше поклоняются, чѣмъ слава...» и горько улыбувшись, открылъ опять столъ и со вниманіемъ перечиталъ письмо Зубова.

«Впрочемъ... чтожь тутъ такого... тутъ, кажется, ничего нѣтъ обиднаго... и я бы на его мѣстѣ сдѣлалъ тоже самое...» бормоталъ молодой человѣкъ, держа письмо Зубова передъ своими широко-открытыми, близорукими глазами. «Разумѣется—я ему заплачу!» — сказалъ онъ рѣзко и гордо и, какъ-то самодовольно потеръ руками. Мысли молодого человѣка теперь уже приняли болѣе веселое направленіе. Ему живо представилась какая-то модная картинка и онъ, со вниманіемъ разсмотрѣвъ воображаемую фигуру, далъ себѣ слово сейчасъ же купить модный фракъ. Потомъ уже ему представилась и радостная, самодовольная сцена съ Пашей: какъ онъ ей отдастъ вмѣсто десяти рублей — двадцать, — «вѣдь она бѣдная дѣвушка, ей нужно отдать съ процентами...» пробормоталъ онъ улыбаясь, и какъ она обрадуется, что человѣкъ котораго она полюбила, нашелъ и всегда найдетъ средства не только поддержать себя въ жизни, но еще и поддержитъ свою подругу.... Не хорошія мысли стали мелькать въ головѣ у Парамонова.

Молодой человѣкъ сталъ одѣваться и поѣхалъ въ магазины. Купилъ онъ тамъ фракъную пару, бѣлье, и пріѣхалъ уже домой когда Паша побывала и у сестры, и отобѣдала, и вполне наслушалась отъ хозяйки—какъ жилецъ сталъ богатѣть, «да и будетъ богатѣть!.. помяните мое слово!..» говорила хозяйка слушающимъ ее дѣвушкамъ. Какая-то необъяснимая тоска глодала сердце дѣвушки; да и Саша не была весела, она, выслушавъ хозяйку, постоянно ворчала: «вѣдь онъ баринъ.... что жь ему дѣлать, какъ не богатѣть?» — и съ какой-то грустью посматривала на свою подругу.

— А... а... вотъ вы и пріѣхали... сказала хозяйка Парамонову, услыша сей часъ же шарканье калошъ по корридолу и порывисто высовываясь изъ своей двери. — Гдѣ побывали?...

— Такъ... Ыдилъ, — отвѣтилъ нехотя Парамоновъ и прошелъ не останавливаясь въ свою комнату.

— Дѣвушки! дѣвушки! вещей накупила! сказала шопотомъ хозяйка, затворяя свои двери.—Пойдемте смотреть!—и она обратилась въ фертъ.

— Ступайте... какъ-то грубо сказала Саша.

— А вы?

— Разумѣется, мы не пойдемъ... чего намъ надо?

— Ну, миѣ одной какъ-то не того... я еще съ нимъ не хорошо помирилась...

— А мы не пойдемъ! продолжала отрывисто Саша. — Паша, пойдемъ въ гости къ Лизѣ!

Паша очень грустно и пристально взглянула на свою подругу, но увидя ее рѣшительныя манеры, стала машинально надѣвать бурнусъ.

— Дѣвушки! дѣвушки! заговорилъ весело Парамоновъ, порывисто растворяя хозяйскую дверь.—Не угодно-ли папирсъ?... сейчасъ привезъ.—Прасковья Васильевна, пойдемте! и онъ подалъ Пашѣ руку.

Паша вся задрожала, радость слишкомъ ясно выразилась во всей ея фигурѣ, она торопливо протянула Парамонову свою руку.

Недовольная Саша, ворча что-то про себя, пошла въ слѣдъ за ними. Хозяйка тоже было хотѣла идти, но вспомнивъ, что жилецъ разбогатѣлъ и не приглашаетъ ее, осталась и на кого-то злобно стиснула кулакъ.

— Вотъ-съ-папирсы... курите! сказалъ молодой человѣкъ, вынимая изъ стога пачку довольно дорогихъ папирсъ.

— Прасковья Васильевна, миѣ нужно съ вами поговорить.... сказалъ онъ почти шопотомъ дѣвушкѣ, смотрѣвшей на него все это время съ невыразимой пѣжностью.

— Паша! нѣ, вотъ, огня! Чтожь ты не закуриваешь?... сказала весело Саша, подавая Пашѣ, свою зажженную папирсу.— Теперь, мы, у васъ посидимъ... добавила она, смотря лукаво на молодого человѣка.—Праздникъ....

— Очень радъ! отрывисто сказалъ Парамоновъ и поморщился. Ему хотѣлось остаться одному съ Пашей.

— Паша, чтожь ты не сядишься?... продолжала Саша, разваливаясь очень комфортабельно на единственномъ порожнемъ стулѣ.—Сбрось эти бумаги... продолжала она съ хохотомъ, кивнувъ

головой на разбросанные въ безпорядкѣ по стульямъ бумаги. — Василий Васильичъ вѣрно работать въ праздникъ не будетъ.... добавила она.

— Я работаю когда мнѣ вздумается... сказалъ сухо Пармоновъ. Ему очень хотѣлось, чтобъ Саша ушла.

Но Саша какъ будто и не замѣчала сухаго тона молодого человѣка и продолжала себѣ весело посиживать, да покуривать.

Пармоновъ нетерпѣливо сталъ ходить по комнатѣ.

— А вы новинокъ накупили?.. Покажите-ка... сказала Саша и подошла къ брошенной на постель связкѣ.

— Прасковья Васильевна, останьтесь, ради Бога, когда она уйдетъ... прошепталъ нетерпѣливо молодой человѣкъ.

— За чѣмъ?

— Мнѣ... мнѣ очень нужно!

— Что это вы тамъ шепчетесь? а?—Паша, смотри ты у меня!.. и Саша засмѣялась.

— Я... мнѣ бы нужно поговорить съ Прасковьей Васильевной... сказалъ какъ-то конфузясь молодой человѣкъ.

— Ну, такъ чтожь? говорите при мнѣ.

Пармоновъ замолчалъ и зашагалъ опять по комнатѣ.

— А хорошенькое бѣлье вы купили, сказала Саша, отходя отъ связки и принимаясь за новую папиросу.

Пармоновъ молчалъ. Паша какъ-то тоскливо смотрѣла на свою подругу.

— Что вы все ходите.... точно маятникъ.... садитесь! продолжала Саша.

— Александра Григорьевна...—Вы меня извините...—Позвольте мнѣ на минутку остаться одному съ Пашей, сказалъ молодой человѣкъ, умоляющимъ тономъ.

— Да вѣдь, я знаю, о чемъ вы хотите говорить? Говорите! сказала Саша.

Пармоновъ вспыхнулъ. — Какъ, сказалъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на Пашу.

— Ну, да. — Вы хотите отдать ей долгъ, продолжала Саша.

Молодой человѣкъ взбѣсился. «Она хвалится, что меня одолжила....» подумалъ онъ, и торопливо досталъ деньги.

— Вотъ-съ, Прасковья Васильевна, вамъ долгъ... сказалъ онъ какимъ-то дрожащимъ голосомъ, и подаль Пашѣ двадцати-пяти рублевую бумажку.

Паша, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ замѣтила гнѣвное нетерпѣніе Парамонова, мучилась сама ужасно; а теперь, при видѣ отдачи денегъ и слыша что-то рѣзкое, непріятное въ голосѣ Парамонова, растерялась и расилакалась.

Парамоновъ былъ озадаченъ слезами Пашини. Онъ стоялъ съ вытянутой впередъ рукой, въ которой торчала денежная бумажка.

— Что, вы, надѣлала?—Что, вы, надѣлали?—скороговоркой проговорила Саша, бросааясь къ своей подругѣ. — Вы ее обидѣли!

— Чѣмъ же я ее обидѣлъ?... какъ-то бессмысленно проговорила молодой человѣкъ, смотря на плачущую дѣвушку.

Саша только взглянула на него и ничего не отвѣтила.

— Пойдемъ. Паша... ты нездорова, душенька... сказала Саша, взявъ свою подругу подъ руку. — Пойдемъ, тебѣ нужно лечь... и она повела ее къ двери.

Парамоновъ какъ-то безсознательно смотрѣлъ на всю эту сцену. Когда дѣвушки вышли, онъ схватилъ себя за голову и отчаянно прошепталъ: «Какой я дуракъ!.. какой я дуракъ!..— вѣрно не всѣ модистки похожи на модистокъ...» и далъ себѣ слово сегодня же попросить прощенія у Пашини.

Паша, когда пришла къ своей постелькѣ, съ глубокой укоризной взглянула на свою подругу и прошептала: «что ты надѣлала?... Зачѣмъ ты его разсердила?..» и она снова зарыдала.

— Ничего глупенькая... сказала рѣшительно Саша.—Я хочу тебя лѣчить....—лучше плачь!... вѣдь такая любовь не можетъ кончиться хорошо!.. и, перекрестивъ дѣвушку, вошла опять къ Парамонову.

— Василій Васильчъ, я хочу съ вами поговорить... сказала Саша.

— Ахъ, Александра Григорьевна... я обидѣлъ Пашу... я каюсь... простите меня... бормоталъ молодой человѣкъ, порывисто бросааясь къ Сашѣ.

— Ничего... не то.. сказала Саша, поправляя одной рукой свои волосы, а другой легко касаясь слишкомъ близкой груди Парамонова. — Не то... а скажите мнѣ откровенно, вы любите Пашу?...

— Разумѣется, люблю... очень люблю!... съ жаромъ сказалъ молодой человѣкъ, и сказалъ въ эту минуту совершенную правду.

— Что же вы хотите?... то есть какіе виды...

— Какъ, какіе виды? изумленно перебилъ Парамоновъ.

— Ну да, что вы сдѣлаете изъ этой любви?... Скажите мнѣ, какъ благородный человѣкъ!

Парамоновъ разстерялся, ему еще не приходилъ серьезно этотъ вопросъ въ голову.

— Я вамъ прежде всего должна сказать, что она дѣвушка какая-то рѣшительная... большая! добавила она послѣднее слово съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ: — и очень васъ любить... (Парамоновъ вздрогнулъ). Такъ теперь отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливой, или несчастной...

— Я на ней непременно женюсь! проговорилъ рѣшительно молодой человѣкъ. Позвольте мнѣ видѣться съ ней и высказать это откровенно... И Парамоновъ торопливо пошелъ въ рабочую комнату.

«Ну, ему можно повѣрить»... подумала Саша, идя въ слѣдъ за Парамоновымъ. «Онъ кажется человѣкъ добрый и благородный»...

Парамоновъ между тѣмъ подошелъ къ постели Паши, сталъ на колѣни и обнялъ все еще плачущую дѣвушку.

— Паша... ангелъ мой!... шепталъ молодой человѣкъ. — Ты теперь моя навсегда... Прости меня, что я тебя обидѣлъ!... Прости!...

Паша приподнялась на постелѣ и съ какими-то испугомъ смотрѣла и на Парамонова и на Сашу.

— Онъ проситъ твоей руки, Паша... проговорила Саша, сама чуть не плача.

Паша все еще продолжала смотрѣть безмысленно, только одна рука ее какъ-то невольно легла на голову Парамонову.

— Ты моя будешь жена... шепталъ молодой человѣкъ, все крѣпче и крѣпче обнимая дѣвушку. Ты теперь моя невѣста!... И онъ сталъ цаловать ея лицо и руки.

— Я только знаю, что я тебя очень люблю... прошептала чуть слышно дѣвушка, и взяла руку Парамонова и поцаловала ее.

— Ну, полно вамъ... сказала какъ будто раздосадованная Саша. — Идите, Василій Васильичъ! Ну, кто насъ застанетъ!

Парамоновъ отошелъ отъ постели и, неговоря ни слова, пошелъ въ свою комнату. Онъ былъ очень взволнованъ.

— Это я тебѣ всѣмъ обязана... проговорила Паша обнимая свою подругу.

— Ну, ладно, ладно! сказала какъ-то отрывисто съ постоянно моргающими глазами дѣвушка и, прошептавъ что-то, перекрестила Пашу.

XI.

ТРУДЪ ПОДВИГАЕТСЯ КЪ КОНЦУ.

Оттепель продолжается. Оттепель и въ сердцѣ у Парамонова. И теперь, когда Парамоновъ высказался весь Пацѣ и узналъ все отъ Пашы, когда онъ сталъ имѣть цѣль и когда ему казалось, цѣль самую лучшую и благородную — соединить свою судьбу съ судьбою бѣдной любящей дѣвушки, энергическая, порывистая натура молодого человѣка, съ удвоенными силами бросъ лась къ избранному имъ труду. И работаетъ Парамоновъ, работаетъ какъ говорится — и руками и ногами. И мечтаетъ онъ и объ огромной славѣ для своей подруги, — нужно отдать ему справедливость, теперь мечтаетъ больше о славѣ для Пашы, нежели для себя: «Пусть она бѣдная, необразованная дѣвушка»... мечтаетъ онъ: «но за то любящая и вполне благородная... она стоитъ всѣхъ этихъ красавицъ!» и при этомъ, не извѣстно, что подразумѣвая подъ словомъ «этихъ красавицъ», губы его складываются въ презрительную гримасу. И мечтаетъ онъ о несмѣтныхъ богатствахъ — какъ необходимомъ слѣдствіи славы, — это онъ такъ предполагалъ, хотя и очень хорошо зналъ біографію Шиллера, и какъ онъ все это богатство отдастъ въ самыя достойныя, въ самыя не корыстолюбивыя руки своей подруги. И мечтаетъ онъ о жизни тихой, семейной, радостной, гдѣ онъ, окруженный любимой женщиной, нравственно еще болѣе развившейся подъ его руководствомъ — въ этомъ онъ далъ себѣ слово! Окруженный хорошенькими и умненькими дѣтьми, похожими какъ двѣ капли воды на мать, окруженный своими любимыми книгами, а главная вещь мечтами, будетъ — какъ въ сказкахъ говорится — жить да поживать. Вообще мечты молодого человѣка были самыя радужныя.

Паша тоже мечтала, но она мечтала со всѣмъ иначе.

Ея бѣдная голова совершенно отуманилась отъ счастья. «За что онъ меня полюбилъ?» думала Паша, — «меня, бѣдную, необразованную дѣвушку... да еще и въ добавокъ крѣпостную!..»

и при этомъ, грустная, какая-то не совсѣмъ довѣрчивая улыбка мелькала на лицѣ дѣвушки и она качала головой. «Вѣдь я думаю, его всякая полюбитъ...» продолжала Паша, — «Подикась какъ на него засматриваются чай всѣ эти щеголихи... а бнѣ такія красавицы!» И дѣвушка порывисто вскакивала съ своего мѣста, подбѣгала къ своему маленькому, красненькому сундучку, поставленному подъ общей кроватью, выхватывала торопливо грубое зеркало и долго, очень долго смотрѣлась въ него.

— Ты, Паша, стала такая щеголиха... обыкновенно замѣчала Саша, заставляя ее съ зеркаломъ въ рукахъ. Постоянно стала смотрѣться въ зеркало, да ужъ и одѣваешься-то какъ-то не такъ!...

Наша очень конфузилась и торопливо прятала опять зеркало.

— Поди-ка, я тебя поцалую, моя душечка... продолжала Саша. — Что это ты какъ будто грустна... Я тебя вѣдь такъ люблю, Паша, какъ... какъ... добавляла Саша, крѣпко обнимая свою подругу и принскивая въ своей головѣ сравненія — какъ не будутъ любить сто Васильевъ Васпльичей! оканчивала она, и какъ-то торжественно смотрѣла въ лицо своей подруги.

Паша улыбалась, и ея глаза отъ дружескаго участія подруги становились все веселѣй и веселѣй.

— Была ли ты у него? спросила Саша.

— Была, отвѣчаетъ потупясь и краснѣя Паша.

— Ну, что же онъ?

— Все пишетъ и пишетъ, говорить — все это для меня!

— А хозяйка-то какая вѣдьма стала!... продолжаетъ неловкая Саша.

— А что?

— Да говорить: пусть, пусть по-амурничаютъ, авось, говорить, къ-Святой и прибыль будетъ...

— Что это — прибыль, Саша? спросила подруга и при этомъ инстинктивно вздрогнула.

— Ничего... глупости, моя милая... и Саша, какъ будто припоминая что-то неприятное, провела рукой по своему лицу и долго тревожно смотрѣлась въ лицо своей подруги. Ты, Паша, безъ меня съ нимъ никуда не ходи... окончила она и въ голосъ ея слышалась какая-то грустная нота.

— Куда же я пойду?

— А онъ тебя ни куда не зоветъ?

— Нѣтъ... только вчера намекнулъ, что повезетъ меня въ театръ какъ кончить писать.

— Ну, это хорошо, какъ-то положительно сказала Саша. «Хорошій человекъ»... прошептала она тихо.

— А мнѣ, Саша, какъ стыдно передъ хозяйкой-то... начала конфузаясь Паша.

— Чѣмъ?

— Да какъ же... она мнѣ все постоянно твердитъ: «барыня, барыня... говоритъ — скоро работать не будешь»... да такъ-то не хорошо все улыбается... протанула Паша.

— Да плюнь ты на нее, моя душечка, возразила съ энергической Саша. — Что она тебѣ?...

— И этотъ, пьяница-то... Николай-то Федорычъ... тоже все смѣется... продолжала нахмурясь дѣвушка.

— Ну вотъ, нашла на кого обратить вниманіе... презрительно говорила Саша.

— Я теперь, Саша, буду работать еще больше; — твердо говорила дѣвушка.

— За чѣмъ?

— Да какъ же... чтобы показать хозяйкѣ, что я не барыня...

— Полно, глупенькая, улыбаясь сказала Саша. — За чѣмъ мучить себя... Вѣдь ты посмотри-ка, какая ты худенькая!... да и кашляла что-то долго нынче ночью... добавила озабоченно Саша, пристально смотря на лицо подруги.

— Ничего... это пройдетъ... у меня вотъ ужъ другая весна такъ начинается... а потомъ и проходить.

— Ну, дай Богъ, кабы прошло... И подруги безъ милосердія тыкали по натянутому полотну.

Но Паша не такъ долго и старательно работаетъ какъ говорить, ея голова занята со всѣмъ другимъ; и она, какъ только уходитъ хозяйка изъ рабочей комнаты, входитъ къ жильцу.

А Парамоновъ во все время своей работы постоянно прислушивается къ сосѣдней двери, и, какъ только хлопнетъ дверь, его какъ будто заспанное, утомленное лицо начинаетъ сглаживаться и онъ съ улыбкой оборачивается къ постоянно притягивающей его занятую голову двери. Но часто выходитъ изъ интересной двери и не Паша, тогда молодой человекъ сурово повертывается на стулѣ и начинаетъ опять мучить бѣдную бумагу.

Но вотъ входитъ Паша... Парамоновъ бросаетъ перо и радостно протягиваетъ руки къ любимой дѣвушкѣ.

— Что это ты такъ долго?... съ какой-то вѣжной укоризной говорить молодой человѣкъ: — я тебя просто заждался!

Папа улыбается и садится противъ Парамонова, около его рабочаго, единственнаго стола.

— Вѣдь знаетъ, что мнѣ она необходима... и не приходитъ... брюзгливо продолжаетъ молодой человѣкъ.

— Я работаю....

— Ну вотъ, работаю, а кто проентъ?... Вѣдь мы скоро будемъ богаты... и молодой человѣкъ старается притянуть къ себѣ дѣвушку.

— Да вѣдь я и вамъ мѣшаю ..

— Вотъ, опять это «вамъ!» — недовольнымъ тономъ замѣчаетъ Парамоновъ. — Скоро-ли же ты начнешь звать меня «ты».

— За чѣмъ?... и дѣвушка краснѣетъ.

— Какъ за чѣмъ? — Что это за зачѣмъ?... И молодой человѣкъ покраснѣлъ. Я думаю — никто не имѣетъ большаго права звать меня «ты» кромѣ тебя...

— Мнѣ и такъ хорошо....

— Ахъ, Боже мой! да нужно же учиться быть лучше, развязнѣе въ манерахъ; нужно привыкать ко мнѣ... п молодой человѣкъ цалуетъ лицо Паши. Скоро ли я тебя выучу! оканчивается онъ какъ-то укоризненно-весело.

Дѣвушка потихоньку освобождается отъ ласкъ Парамонова.

— Вотъ видите... Вы при мнѣ и не работаете...

— Опять это «вы»? вскрикиваетъ сердито Парамоновъ и встаетъ со стула.

— Ну... ты... начинаетъ робко дѣвушка, — и не работаешь при мнѣ, я мѣшаю...

— Полно, душечка, полно, миленькая... лепечетъ обрадованный Парамоновъ, прижимая къ себѣ дѣвушку. Ты и сама не знаешь — какую пользу мнѣ приносишь, вѣдь ты возрождаешь мои силы!.. восторженно добавляетъ молодой человѣкъ.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на молодаго человѣка.

— Это... это... продолжалъ Парамоновъ, видя непонятливость Паши, это значить... что ты сильнѣе подвигаешь вперед мой трудъ!.. молодой человѣкъ не зналъ какъ яснѣе растолковать Пашѣ, что значить—возраждать силы. Появля теперь?..

— Поняла... робко протягиваетъ Паша.

Парамоновъ прошелся по комнатамъ и невольно подумалъ: «однакожь около нея будетъ мнѣ много хлопотъ... Наша жаднымъ взглядомъ слѣдила за Парамоновымъ, она какъ будто догадалась — о чемъ думаетъ молодой человѣкъ».

— Ну что же ты поддѣлывала моя голубушка?... спрашиваетъ молодой человѣкъ, незная какъ начать разговоръ.

— Шла... протягиваетъ грустно дѣвушка.

— Ну, и много вышла?

— Нѣтъ... я все думала... и Паша остановилась.

— О чемъ думала? Что думала? весело спрашиваетъ молодой человѣкъ и цѣлуетъ ея глаза.

— О... васъ...

Молодой человѣкъ неприятно отшатнулся.

— О тебѣ; тверже произносить Паша и съ мольбой смотреть въ глаза Парамонову.

— Что же ты думала обо мнѣ, моя милая?... и молодой человѣкъ взявъ руку дѣвушки и гладилъ ее.

Паша молчала.

— Такъ, что же ты обо мнѣ думала?... протягиваетъ лѣниво молодой человѣкъ и все нѣжнѣе и нѣжнѣе ласкаетъ руку дѣвушки.

— Будешь ли ты меня любить... протягиваетъ Паша, какъ-то вся судорожно вздрагивая.

— Вотъ вздоръ,—милочка... продолжаетъ еще лѣнивѣе молодой человѣкъ. Какъ же мнѣ тебя не любить... вѣдь, ты моя здѣсь единственная отрада... звѣздочка моя ясная... я безъ тебя здѣсь съ ума бы сошелъ отъ скуки!.. добавляетъ онъ эгонистично, и все крѣпче и крѣпче прижимается къ дѣвушкѣ.

— Но Паша владѣеть собой и какъ-то нетерпѣливо, отходить отъ Парамонова.

— Куда же ты?..

— Пойду работать...

— Когда же прійдешь?..

— Скоро...

— Останься... посиди еще!

— Нѣтъ, нѣтъ, хозяйина будетъ ругаться... и дѣвушка нехота уходитъ въ рабочую комнату.

Парамоновъ, оставшись одинъ, сидитъ долго, очень долго, и ничего не дѣлаетъ; только лицо у него становится какое-то неприятное. Но мало по малу сладострастное впечатлѣніе сгла-

живается, мысли молодого человека опять начинают работать и онъ, прошептавъ «только очень ужъ не образована», беретъ въ руки перо и начинаетъ отдѣлывать свой любимый идеалъ — такую нибудь бѣдную, но образованную дѣвушку. И работаетъ Парамоновъ, работаетъ какъ будто дѣйствительно съ новыми, возродившимися силами. И описываетъ онъ природу такъ, какъ не бывала она никогда, да и не можетъ быть никогда, — такъ природа у него хороша; и — что значить любовь! — описываетъ онъ женщинъ такъ, какъ будто онъ ужъ и не женщины, а просто нація-то духи, слетѣвшіе съ неба и не сидящіе на шеѣ у смертныхъ, а какъ будто сами еще посажіе на шеяхъ своихъ этихъ смертныхъ. И описываетъ онъ жизнь такъ, какъ будто она у него, прежде начатая великимъ постомъ, перешла потомъ въ нескончаемую масляницу со всевозможными блинами, коруселями, и прочими разными удовольствіями...

Бѣдовая дѣла выдѣлываетъ любовь!.. Но трудъ все таки ушелъ далеко и подвигается къ концу. Парамоновъ торжествуетъ и все чаще и чаще прибѣгаетъ къ своему вспомогательному средству — сосѣднѣй комнатѣ.

ХІІІ.

БОЛЕЗНЬ ПАШП.

Морозъ какъ будто испугался, что слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ нѣжностяхъ; съ яростію защелкалъ по выставленнымъ уродливымъ и не уродливымъ носамъ и носы пугались, прятались и съ глубокимъ отчаяніемъ посматривали на такого надобдливаго господина; поднялъ опять воротники шубъ кибитками, скомкалъ, смялъ въ скверные складки мохнатые рты извощниковъ и блишниковъ; еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, обнялъ надобдливые, плачущіе колокола; и, заставивъ еще шибче бѣгать по улицамъ щепетильныхъ бѣлошевокъ и еще нетерпѣливѣе и рѣзче отвѣчать ихъ милымъ дружкамъ: «нѣкогда... приходи ко мнѣ»... дохнулъ всею своею безцеремонною суровостію на обѣ рабочія комнаты. — Молодая, но уже разслабленная дѣвушка, выдерживая съ страшными усиліями нѣжности такого непріятнаго любезника, завернулась опять въ свои всевозможныя тряпки и подувала на свои красныя руки и сильнѣе кашляла и, какъ-то безтолковѣе, тыкала по пятающему полотну.

Паша сильнѣе всѣхъ почувствовала на себѣ такой рѣзкій переходъ отъ обманчивой теплоты къ черезъ чуръ уже не обманчивой и правдивой стужѣ. — Она давно уже надорвалась и въ этой блѣдной жизни, сложившейся совершенно не по ея натурѣ, и въ этой сырой комнатѣ у заботливой хозяйки, швеи Зайцевой, у которой она была уже давно, лѣтъ пять, еще прежде ученицей, а потомъ мастерицей, и которая совершенно замучила ее работой. Да впрочемъ и не ее одну, всѣмъ сестрамъ было по сергашъ, и всѣ сестры были надорваны, только всѣхъ слабѣе изъ нихъ оказалась Паша... Такъ Паша при такомъ рѣзкомъ переходѣ климата сдѣлалась болѣе и серьезнѣе болѣе.

Мигаешь, жмурится, пляшетъ, по сырой, холодной комнатѣ вечеромъ сальный огарокъ какъ и прежде; какъ и прежде лежали между пальцами измершія, завернутыя въ тряпки и гладшія мастерицы швеи Зайцевой; но только далеко не такъ, какъ и прежде сидѣли и говорили между собой, на общей постелькѣ, старшія мастерицы. Паша обложенная кругомъ подушками, сидѣла очень блѣдная, прислонясь къ стѣнѣ, возлѣ нея сидѣла Саша, а около ея ногъ стоялъ печальный Парамоновъ.

— Такъ вотъ милый... тебѣ теперь и не нужно будетъ выкупать меня на волю... говорила какъ-то странно-весело Паша, прерывая слова свои болѣзненнымъ кашлемъ.

Парамоновъ ничего не отвѣтилъ, только все пристальнѣе всматривался въ похудѣлое лицо дѣвушки.

— Ты будешь... богатъ... счастливъ... продолжала Паша по прежнему весело. — А я... тебя и тамъ не забуду... со мной вѣдь будетъ вотъ это... и Паша жадно поцаловала на своемъ исхудаломъ пальчикѣ золотое кольцо подарокъ Парамонова. Я съ нимъ не разстанусь... добавила она, жадно рассматривая это кольцо. Вѣдь оно обручальное!..

Парамоновъ плакалъ.

— Полно, Паша, ну къ чему ты это говоришь?... возразила сердито Саша. Ты только разстроишь Василья Васильича... Вѣдь ты выздоровѣешь!..

Паша грустно улыбнулась и прижала свои исхудалыя руки къ груди. Раздался удушливый, глухой кашель.

— Я завтра тебѣ другаго доктора привезу, Паша... сказалъ Парамоновъ, всматриваясь въ судорожно-сжатые, засохшія губы дѣвушки. — Этотъ не хорошъ.

— На что мнѣ докторъ... хозяйка меня въ больницу отправить...

— Какъ она смѣетъ?.. вспыхнулъ молодой человѣкъ.

→ И я скажу, что лучше, Василій Васильичъ.... сказала Саша.—Вѣдь вы сами посудите можно ли въ этой квартирѣ вылѣчиться?

Парамоновъ потупилъ голову и замолчалъ. Онъ отдалъ бы въ это время полъ-жизни, чтобы имѣть деньги и богатую квартиру.

— А ты будешь ко мнѣ ходить въ больницу, Вася?.. спрашиваетъ больная дѣвушка. Болѣзнь ее совершенно развязала.

— И не спрашивай лучше, Паша... отвѣчалъ молодой человѣкъ. Неужели ты думаешь, что я могу тебя оставить?..

— Радостная улыбка мелькнула на лицѣ у дѣвушки.—И похоронишь меня?.. продолжаетъ она, смотря въ лицо Парамонову.

Парамоновъ отвернулся.

— Какая ты странная, Паша... сказала почти плачущая Саша. — Ну зачѣмъ ты это говоришь?.. Вѣдь тебѣ докторъ велѣлъ много говорить!

— Въ самомъ дѣлѣ, Вася... иди... иди, мой милый... я заболталась... тебѣ нужно работать... говоритъ Паша, протягивая свою руку Парамонову и стараясь сдержать кашель.

Парамоновъ беретъ руку и жадно цалуетъ. — Позволь мнѣ еще побыть у тебя.... печально говоритъ онъ, и самая покорная просьба видна во всей его фигурѣ.

Паша оставляетъ руку въ рукѣ Парамонова и прижимается своей горячей головой къ его плечу. — «Побудь».... Чуть внятно шепчетъ она: «о, какъ я люблю тебя»!... и ея губы цалуютъ его скрютъкъ.

— Полноте вамъ.... говоритъ печальная Саша. — Василій Васильичъ, идите домой!... Вѣдь вы знаете, Пашѣ будетъ хуже... какъ вчера...

— Прощай, Паша... прощай, моя милая... шепчетъ молодой человѣкъ, цалуя послѣдній разъ руки дѣвушки. — Выздаравливай къ завтраму! и грустный уходитъ въ свою комнату.

И остается Парамоновъ въ своей комнатѣ одинъ, совершенно одинъ! Не ждетъ онъ болѣе къ себѣ свою вѣчно-печальную, сумрачную дѣвушку, не ласкаетъ страстно и долго ея руки, и не высказываетъ ей своихъ плановъ. Она живетъ съ нимъ рядомъ,

но какъ жить и долге-ли проживетъ! Мрачныя мысли опять замелькали въ головѣ молодаго человѣка, отдохнушаго было отъ нихъ подъ сладостнымъ дыханьемъ любви. — И думаетъ онъ, что вотъ и опять онъ останется въ мѣрѣ сиротой, и опять не съ кѣмъ будетъ подѣлиться и радостью и горемъ. — Родные... но онъ объ нихъ и думать не хотѣлъ — карьера еще не сдѣлана; онъ былъ такъ не хорошо самолюбивъ, что ему даже стыдно было написать въ такой бѣдной комнатѣ и при такой печальной обстановкѣ къ нимъ письмо. — Одна Паша была вся его отрада. — Правда, она не понимала вполне мысли молодаго человѣка, но она по крайней мѣрѣ знала его положеніе, любила его — какъ можетъ быть никто не будетъ его любить, и, главное, онъ передъ ней не надѣвалъ маски, высказывался весь: и раны свои и самолюбивыя, эгоистичныя мечты свои. — Очень грустно Парамонову. — Онъ хочетъ забыться въ усиленной дѣятельности, беретъ въ руки перо, но не только мысли, даже приличной фразы не придумаетъ его опечаленная голова. — Такъ передъ нимъ и вертится рабочая комната. — «Боже мой! отъ чего я не богатъ?» шепчетъ онъ раздражительно. «Отчего вдвое меня глуше люди пользуются всѣмъ, всѣмъ... а я... нищій!...» «О, какъ бы я желалъ вылѣчить свою Пашу... вѣдь она мнѣ необходима... совершенно необходима! — Я бы изъ нее сдѣлалъ совершеннѣйшее созданіе!...» безумно продолжаетъ молодой человѣкъ. — «Я бы показала людямъ, что можетъ сдѣлать умный человѣкъ изъ простой, не испорченной натуры... Она у меня была бы царица всѣхъ женщинъ!...» И молодой человѣкъ отъ раздраженія плакалъ какъ ребенокъ.

А Паша, оставшись съ Сашей вдвоемъ, долго молчала и тяжело переводя дыханье, пристально смотрѣла на свою подругу.

— Пашенька, усни, голубчикъ мой... Пора!

— Скажи мнѣ, Саша... спрашиваетъ дѣвушка, не обращая вниманія на слова своей подруги. — Скажи мнѣ — любила-ли ты когда?...

Саша вздрогнула, стыдливо отвернула свои глаза отъ глазъ спрашивающей подруги и съ глубокой тоской прошептала: на что тебѣ?...

— Такъ... мнѣ нужно.

— Любила... и Саша заплакала.

— Любила-ли ты такъ... какъ я люблю.

— И не говори, Паша, и не говори... перебила плачущая дѣвушка. — Я любила хуже тебя... те есть нѣтъ... нѣтъ... я любила также какъ и ты... даже лучше тебя... но онъ былъ не хорошъ!... И Саша, громко зарывавъ, упала на подушки.

— Онъ измѣнилъ тебѣ?... спросила вся задрожавъ дѣвушка.

— Да... измѣнилъ... и... и хуже... обезчестилъ... и Саша рыдала и рыдала.

Дѣвушки долго молчали.

— Вотъ... оттого-то я и спросила... начала опять Паша. — Мнѣ кажется лучше... если я умру.

Саша бессмысленно взглянула на свою подругу и тихо прошептала: можетъ быть...

— Я вѣдь знаю... продолжала Паша. — Я ему ужъ надоѣла... онъ всегда со мной такой не покойный... капризный... онъ бы меня разлюбилъ, Саша?... и Паша съ тревожнымъ вопросомъ смотрѣла на свою подругу.

— Нѣтъ... онъ тебя, кажется, любить...

— А я знаю, что онъ бы меня разлюбилъ... съ какими-то твердымъ, инстинктивнымъ убѣжденіемъ настаивала Паша. — Вѣдь я ему не пара!...

Саша разсѣянно слушала свою подругу и думала о своей прошлой горькой любви.

— А вотъ теперь... когда я умру... я увѣрена, что онъ меня еще любить... мнѣ вѣдь это легче, Саша!...

— Что легче, моя душечка?...

— Что я любимой то умру... вѣдь умереть лучше... нежели видѣть измѣну?...

— Правда, моя душечка, правда... ты ее все равно бы не вынесла!... И Саша стала целовать руку своей подруги.

— Такъ вотъ, я теперь и рада... продолжала, какъ то воодушевившись, больная дѣвушка. — И рада, что все это хорошо покончится... а то... Но Паша не могла уже болѣе продолжать; спальный припадокъ кашля, подавленный минутнымъ воодушевленіемъ, сжалъ ее бѣдную грудь; она наклонилась къ подушкамъ и глухо застонала.

— Полно, моя голубушка... не говори ты, мой дружочикъ!... залепетала Саша, приподымая отъ подушки судорожно ежатое лицо дѣвушки. — Не говори ты больше... Вѣдь ты убьешь себя за ранѣ!... И дѣвушка бережно положила свою подругу на постель.

Паша вся вытянулась и лежала какъ мертвая, только прижатая къ груди руки ея судорожно царапали пальцами прилипшую къ тѣлу рубашку.

Саша съ страшной тоской, съ необъяснимымъ отчаяніемъ, смотрѣла на свою подругу, и бессознательно шептала молитву...

Но припадокъ проиоль, дѣвушка открыла глаза.

— Давай спать... моя душечка... ангелъ мой! сказала Саша и крѣпко прижалась къ своей подругѣ. — «Господи! хоть бы меня-то съ ней вмѣстѣ ты прибралъ»... съ глубокой мольбой проговорила она. — «Ну, что наша за жизнь?»... И глаза дѣвушки были полны слезъ.

Всю ночь лежать такъ дѣвушки, и всю ночь смотреть Саша своей подругѣ въ глаза. — Ея дружескіе, любящіе глаза ни навинути не забудутся, ее уши слышать малѣйшую неровность дыханія въ больной груди подруги, и она, при каждомъ новомъ припадкѣ кашля, шепчетъ: «Господи! возьми и меня... возьми и меня!»

XIII.

ТРУДЪ КОНЧЕНЪ И ОТНОСИТСЯ НА ОЦѢНКУ.

Трудъ конченъ. Парамоновъ торжествуетъ. И прочитываетъ и пересматриваетъ онъ эти исписанные листы—твореніе рукъ своихъ, съ такимъ наслажденіемъ, какъ будто онъ изобрѣлъ новую, улучшенную систему производить человѣческой родъ. — Всмотривается въ каждую отдѣльную черту описываемаго лица, и добавляетъ и отнимаетъ у него разнообразныя, характеристическіе оттѣнки. — Забылъ и о больной Пашѣ, у него подъ рукою дѣла важнѣе — онъ самъ создатель! Прочитавъ до пятидесяти разъ свое гениальное произведеніе, онъ придумываетъ какой бы журналъ ошастливить имъ. — Мысль, разумѣется, прежде всего на-вернулась на знакомаго ему скупаго редактора. — «Онъ не стоитъ этого...» прошептала молодой человѣкъ съ презрительной гримасой. — «Развѣ для того только, чтобы удивить его...» добавилъ онъ послѣ раздумья. — «А вотъ бы удивился-то... а?... Вотъ бы сталъ извиняться-то...» Но тутъ же, припомнивъ, какъ гордъ и какъ глупъ редакторъ, и какъ накаленъ его лакей, оберегающій заповѣдныя покои, твердо рѣшилъ отнести свой трудъ

въ другой журналъ. — Молодой человѣкъ сталъ поспѣшно одѣваться и, передъ уходомъ, съ толстой тетрадью подъ мышкой, завернулъ къ больной, любящей его подругѣ.

— Кончено, Паша... сказалъ онъ, радостно подавая руку дѣвушкѣ.

Паша замаялась и грустно взглянула въ лицо Парамонову.

— Милочка моя... продолжалъ молодой человѣкъ, опечаленный грустнымъ, больнымъ видомъ дѣвушки. — Не отчаивайся... проживи въ этой гадкой комнатѣ, хоть еще дня два... а тамъ... тамъ я найму для тебя богатую квартиру и ты выздоровѣешь!

Паша улыбнулась.

«Хоть ты былъ бы счастливъ...» прошептала она.

Парамонову въ голосѣ Паша показалось, какъ будто она сомнѣвается въ возможности имѣть богатую квартиру.

— Ты думаешь, имѣ мало заплатить? сказалъ онъ, какъ-то насмѣшливо. — Не безпокойся, еще ни одинъ журналъ не имѣлъ такого образца глубокой мысли и чувства...

— Я знаю, Вася, но... но врядъ ли все это для меня нужно...

— Какъ, для тебя не нужно?...

Паша грустно взглянула на него и какъ-то странно улыбнулась. — Молодой человѣкъ понялъ улыбку дѣвушки, и въ его сердце вкралась, вмѣсто энергій и надеждъ, тоска смертная.

— Такъ неужели ты не доживешь до счастливыхъ дней?... печально прошептала онъ, и прижалъ руку дѣвушки къ своимъ, складывавшимся для слезъ, губамъ.

— Врядъ ли....

Парамоновъ долго молчалъ.

— Я буду молиться за тебя! почти крикнулъ онъ. — Буду молиться... неужели Богъ не услышитъ меня? если онъ только можетъ слышать!... Неужели онъ тебѣ не дастъ нѣсколько дней счастья! — И молодой человѣкъ, поцаловавъ горячо руку дѣвушки, гордо и торопливо вышелъ изъ комнаты.

И пошелъ Парамоновъ, гордый и печальный, къ другому журналисту.

Извозчики и бляшники, видя гордую, разгнѣванную фигуру молодого человѣка, преисполнились такимъ страхомъ, что даже и не заикнулись предложить ему свои соблазнительныя услуги. Встрѣчающіяся бѣлошвейки съ испугомъ отшатывались отъ него

и давали ему широкую, очень широкую дорогу... Прохожіе мужчины, озадаченные такимъ неестественнымъ, натянутымъ выраженіемъ лица Парамонова, пристально, немного насмѣшливо, окидывали глазами съ головы до ногъ молодого человѣка, и даже, съ такимъ же точно вниманіемъ, посматривали ему и вслѣдъ. Словомъ: Парамоновъ, какъ и самъ того желалъ, не догадываясь, обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

А молодой человѣкъ самымъ скорымъ, торжественнымъ шагомъ, идетъ все впередъ и впередъ, къ своей цѣли. По дорогѣ ему встрѣтился играющій шарманщикъ, и молодой человѣкъ, настроенный и къ грусти и къ честолюбивымъ мечтамъ, невольно остановился, съ глубокимъ вниманіемъ дослушалъ до конца какой-то слезливый вальсъ, бросилъ шарманщику двугривенный, и пошелъ скорѣе все впередъ и впередъ, шепча: «когда нибудь чувство задушитъ меня»... и дѣйствительно, глаза молодого человѣка, послѣ выслушаннаго вальса, были полны слезъ. Но до квартиры журналиста было уже не далеко, а время еще было раннее, (молодой человѣкъ поднялся чуть ли не съ пѣтухами) и Парамоновъ, соблазнился весело-печальнымъ треньканьемъ церковныхъ колоколовъ и чувствуя себя полнымъ спяльныхъ ощущеній, зашелъ въ церковь. Прошелъ молодой человѣкъ въ самый темный уголокъ церкви и, не обращая вниманія на сильную атаку нищихъ и не слушая гнусливое, сонное пѣнье дьячка, сталъ на колѣни передъ образами и молился... Обо всемъ онъ молился! но и молитва-то его была какаля-то особенная, странная. Молился онъ и о Пашѣ, молился онъ и объ исполненіи своихъ плановъ, мелькала у него и нехорошая, эгонстичная молитва на своихъ недоброжелателей и враговъ, но главнымъ смысломъ всѣхъ этихъ сбивчивыхъ молитвъ была странная молитва о своей смерти... Жизнь ему въ это время была какъ-то особенно непріятна! Предчувствовала ли его душа бурныя, разрушительныя волны на только еще открывающемся для него житейскомъ морѣ, или уже молодой человѣкъ успѣлъ сломиться и захлебнуться и отъ маленькой ряби въ мелководномъ заливѣ, съ котораго онъ началъ плыть, только онъ молился что-бы Богъ его взялъ... взялъ!... и горько плакалъ.

— Смотри-ка, Василиса, какъ баренокъ-то убивается... сказала одна, молодая еще нищая, другой старой, сморщенной нищей, показывая своей грязной рукой на плачущаго молодого человѣка. — Должно, несчастье какое стряслось...

Василиса торопливо обернулась.—А... дай Богъ!... можетъ и богатую милостыню подастъ... прошептала она какъ-то радостно, и стала поближе къ молодому человѣку.—Ступай сюда и ты! сказала она молодой нищей, открывшей прежде ея такую богатую находку.—Ступай!... мы будемъ первыя!... и жадно стала смотрѣть на молодого человѣка.

Парамоновъ молнясь долго, но нервы его мало по малу успокоились.

— Подайте, Христа-р-а-а-а-ди... затянули на разные голоса двѣ отвратительныя нищія.—Христа-р-а-а-а-ди, тянули они, видя, что молодой человѣкъ, не обращая на нихъ вниманія, сталъ выходить изъ церкви.—Сирынь! убогимъ! продолжала въ особенности надоедливая, старая нищая, придерживавъ молодого человѣка слегка за пальто.

Парамоновъ остановился, разсѣянно, съ глазами еще не успѣвшими остынуть отъ горячихъ слезъ, вынулъ, несмотря, монету изъ кармана и подалъ добившейся-таки своего нищей.

— Мотри-ка... полтинникъ далъ! радостно почти вскрикнула старая вѣдьма, показывая молодой нищей на своей грязной ладони монету.—Пойдемъ... теперь будетъ съ насъ! И они вышли вслѣдъ за Парамоновымъ.

Парамоновъ вошелъ въ квартиру редактора.

— Что вамъ угодно? обыкновенно нахальнымъ тономъ спросилъ было молодого человѣка лакей, смотря въ полуотворенную дверь на бѣдное его пальто.

Парамоновъ не сказалъ ни слова лакею. Онъ сталъ невольно болѣе и болѣе практиковаться на трудной житейской дорогѣ и, новидимому довольно покойно, вошелъ въ двери.

— Возьми! сказалъ онъ повелительно, сбрасывая съ себя пальто и оставаясь, съ своей тетрадью подъ мышкой, въ новомъ, довольно хорошемъ фракѣ.

— Дома редакторъ?

— Дома-съ... пожалуйста... какъ прикажете доложить? скороговоркой тараторилъ лакей, чувствуя на себя вліяніе хорошаго костюма.

— Парамоновъ.

Лакей скрылся, оставивъ гостя въ приѣмной.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и, почтительно сказавъ: «прослѣть-съ въ кабинетъ-съ...» повелъ молодого человѣка къ очамъ геніальнаго мужа.

Парамоновъ нашелъ этотъ редакторскій кабинетъ точно въ такомъ же строѣ и порядкѣ, какъ и знакомый ему кабинетъ — гдѣ онъ такъ унижалъ себя. Въ редакторѣ только была разница — онъ былъ не въ бухарскомъ халатѣ, а въ приличномъ сюртукѣ. Ну, да вѣдь и журналъ то былъ дѣйствительно хорошъ.

Редакторъ вѣжливо раскланывался передъ Парамоновымъ.

— Я принесъ къ вамъ мой романъ... началъ, конфузаясь, молодой человѣкъ, и радуясь, какъ ребенокъ, что его фигура произвела на редактора такое приятное впечатлѣнiе.

— Очень радъ... очень радъ! любезно проговорилъ редакторъ, взявъ одной рукой рукопись, а другой вожима руку молодого человѣка. — Мы его прочтемъ!

— Мнѣ бы хотѣлось... я бы смѣлъ васъ просить... несишло началъ молодой человѣкъ: — чтобы вы по возможности скорѣе прочли его... и въ голосѣ молодого человѣка слышна была тревожная просьба.

— Развѣ это вамъ очень нужно? спросилъ редакторъ, разсѣянно перебирая листы рукописи.

— Очень... иначе я не смѣлъ бы васъ просить...

— Хорошо-съ, пожалуйста черезъ недѣлю.

Молодой человѣкъ невольно поморщился.

— Нельзя ли... началъ онъ: — немного раньше...

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ черезъ четыре дня, рѣшительно и сухо отвѣтилъ редакторъ. — Раньше не могу.

Молодой человѣкъ началъ откланиваться. — Такъ черезъ четыре дня, я увѣренъ... и приду за отвѣтомъ? спросилъ онъ, тревожно всматриваясь въ желтоватое редакторское лицо.

— Будьте покойны, отвѣтилъ опять сухимъ, рѣшительнымъ тономъ редакторъ, и проводилъ молодого человѣка до дверей прiемной. — Иванъ! громко крикнулъ онъ; молодой человѣкъ вздрогнулъ, обернулся, но уже редакторъ исчезъ опять къ своимъ статуэткамъ и разбросаннымъ въ картинномъ безпорядкѣ книгамъ и журналамъ.

Лакей, услыша барскій крикъ, порывисто выскочилъ изъ своей лакейской комнаты, подавъ почтительно пальто молодому человѣку и, съ низкими поклонами, проводилъ его за дверь.

«Какой милый человѣкъ...» прошепталъ Парамоновъ, шагая по направленiю къ своей знаменитой Грачевкѣ. «Право... удивительно любезенъ и милъ этотъ редакторъ»... «А когда прочтеть мой романъ, то-то я думаю разсыплется мнѣ въ компли-

шентахъ»... и лицо молодого человѣка приняло самодовольное выраженіе.

Съ радостной улыбкой шелъ Парамоновъ до самой своей квартиры, съ радостной улыбкой вошелъ онъ и въ квартиру; въ дверяхъ его комнаты встрѣтилась съ нимъ Саша.

— Ахъ, Василій Васильичъ... вотъ и кстати... а я только-что собралась отвезить Пашу въ больницу... отвеземте вмѣстѣ... И дѣвушка отвернула отъ Парамонова свое заплаканное лицо.

Парамонова обдало какъ кипяткомъ, на его лицѣ какъ не бывало радостной улыбки.

— Какъ, неужели сейчасъ?... испуганно залепеталъ молодой человѣкъ.— Неужели нельзя побыть Пашѣ здѣсь дня два?...

— Нельзя, нельзя, Василій Васильичъ... здѣсь ей все дѣлается хуже и хуже... докторъ говоритъ, что нужно непременно отвезти!... И Саша громко расплакалась.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой! скороговоркой залепеталъ молодой человѣкъ и заметался по комнатѣ. — Ну, такъ что же?... Ну, такъ какъ же?... И онъ бессмысленно сталъ смотрѣть на Сашу.

— Пойдемте къ Пашѣ и сведемте ее вмѣстѣ съ лѣстницы, а тамъ на извожикѣ и отвеземъ...

Парамоновъ, какъ убитый, вошелъ къ Пашѣ.

— А я заждалась тебя... мой милый... протянула радостно дѣвушка, смотря пристально на Парамонова своими свѣтящими-ся больными глазами. — Счастливъ ли ты?... чуть слышно прошептала она, видя глубокую печаль Парамонова.

Парамоновъ молчалъ.

— Ну, давайте, Василій Васильичъ... помогите мнѣ! какъ-то раздражительно сказала Саша, взявъ подъ одну руку свою подругу.

Парамоновъ машинально взялъ другую руку Паши, и они стали сводить ее съ лѣстницы.

— Ты теперь не ѣди со мной... а пріѣзжай завтра... говорила чуть слышно дѣвушка, положивъ свою больную головку на его плечо и постоянно смачивая свои запекшіяся губы. — А завтра пріѣдешь?... Я знаю, что пріѣдешь... добавила она положительно, и своими горячими губами ловила длинную, щекочущую ей лицо, прядь волосъ Парамонова.

Пашу усадили въ санки, съ ней сѣла Саша и крѣпко обняла ее. — А вы, Василій Васильчъ, на другомъ извозчикѣ... стала было говорить Саша.

— Не нужно... не нужно! раздражительно, кашляя, сказала Паша.

Парамоновъ махнулъ рукой и, захлебываясь отъ слезъ, пошелъ въ свою комнату.

У него не хватило силъ отвезти въ больницу другой, умирающій, совсѣмъ особаго рода, гораздо тяжелѣйшій трудъ!

XIV.

ВОЛЫНЦА.

Положили Пашу въ больницу, окружили ее всевозможными пузырьками и баночками, нагѣпили на ея разслабленную грудь огромный пластырь, и лежитъ бѣдная дѣвочка и посматриваетъ на своихъ такихъ же искалеченныхъ сосѣдокъ.

Раннее утро. Комната большая, квадратная, отъ закрытыхъ шторами оконъ почти темная, обставленная около стѣнъ заурядными кроватями и маленькими столиками. Щеголекъ, манерный фельдшеръ, обходитъ съ своимъ помощникомъ свои владѣнія, и присматривается и прислушивается къ своимъ покорнымъ вассаламъ.

Въ комнатѣ воздухъ чрезвычайно спертый, такъ и пахнетъ смертью. Подходить поочередно фельдшеръ къ каждому изъ своихъ больныхъ вассаловъ и обнюхиваетъ и общупываетъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ.

— Что, у тебя кашель былъ все еще сильный? спрашиваетъ онъ обыкновенно которую нибудь изъ больныхъ, посматривъ прежде внимательно на исписанную надъ кроватью черную доску, на которой между прочими словами отчетливо и крупно всѣхъ написано: Tuberculosis pulmonum. — И грудь болитъ?... а?... добавляетъ онъ, скользя въ разсѣянно своими глазами по поставленнымъ на столѣ разнокалибернымъ пузырькамъ и устремивъ потомъ пристальный, равнодушный взглядъ на потное лицо ученицы, и притрогиваясь пальцемъ къ ее высоко и медленно подымающейся груди.

— Былъ кашель, а?...

— Былъ, чуть слышно, хриплымъ шепотомъ отвѣчаетъ больная.

— А лекарство принимала?... а?...

Больная долго молчитъ и замѣтно собирается съ силами отвѣтить.

— Принимала?... а?... повторяетъ громче прежняго фельдшеръ.

— Принимала... еще тише и еще хрипѣе протягиваетъ больная.

Но чуткое ухо фельдшера привыкло ко всевозможнымъ шепотамъ, оно, кажется, уже по однимъ складкамъ рта можетъ узнать, что больная хочетъ говорить, а потому, еще не дослушавъ до конца тянувшееся хриплое слово — «принимала», она быстро отвертывается отъ медленной больной, скорыми шагами подходитъ къ другому номеру и, сказавъ по дорогѣ своимъ равнодушнымъ, холоднымъ тономъ: «ну, принимай, принимай!» производить точно такую же операцію осмотра, общупыванія и обспрашиванія, какъ и съ номеромъ первымъ. Доходитъ очередь и до Наши.

— Это та, что вчера привезли? спрашиваетъ фельдшеръ своего помощника.

— Та, соннымъ голосомъ отвѣчаетъ помощникъ.

— Докторъ не видѣлъ ее?

— Нѣтъ, — еще отрывочнѣе и еще соннѣе отвѣчаетъ помощникъ.

Фельдшеръ покойно проходитъ мимо нея, и идетъ дальше и дальше ощупывать, осматривать, и выспрашивать.

Паша смотритъ во всѣ свои блестящія, широко открытыя, больные глаза на путешествіе фельдшера отъ номера къ номеру и чутко вслушивается въ каждое его слово; но, странная вещь, она этимъ не печалится, не раздражается; она судорожно прижала свою правую руку съ золотымъ кольцомъ къ больной груди и постоянно шевелила своими запекшимися губами. Бѣдная, она кажется молилась за Пармонова...

Черезъ часъ во уходѣ фельдшера, въ комнату входятъ толстая, сердатая, старая женщина; она вноситъ съ собой огромный мѣдный тазъ съ накаленнымъ въ немъ кирпичомъ и большую бутылку водъ мышкой. Женщина ставитъ тазъ посреди нѣ компаты, льетъ на раскаленный кирпичъ жидкость изъ бу-

тылки и скрывается сама вся въ голубоватомъ пару; по комнатамъ проносится неприятный, уксусный запахъ.

Окончивъ операцію обливанія куврича уксусомъ, женщина выноситъ тазъ за дверь и возвращается съ умывальникомъ и не совсемъ чистымъ полотенцемъ.

— Ну, кому умываться?... грубо спрашиваетъ женщина, остановившись среди комнаты и обѣгая своими сердитыми рысиными глазами по всемъ номерамъ кроватей. Говорите — кому?... а не то унесу... и женщина съ минуту стоитъ нетерпѣливо все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Мнѣ... слышится откуда нибудь тихій, хриплый голосъ, и въ слѣдъ за словомъ «мнѣ» протягиваются къ женщинѣ костлявыя, изсохшія руки.

Женщина быстро подходитъ къ костлявымъ рукамъ, намачиваетъ полотенце водой, кое-какъ третъ и костлявыя, холодныя руки, и потное лицо.

— Еще кому? говорите! снова спрашиваетъ женщина, очутившись опять на срединѣ пола.

И опять откуда нибудь слышится слово «мнѣ» и опять женщина третъ руки и лицо.

Но эта операція продолжается очень не долго. Многія больныя или не хотятъ совсемъ умыться, или не могутъ произнести даже и это тихое — «мнѣ».

Послѣ умыванья, женщина вноситъ швабру и начинаетъ мести комнату; но вѣдь и мести-то почти не зачѣмъ, очень не многія ходятъ по этой комнатѣ человѣческія ноги! Черезъ полчаса все убирается, уносится, и больныя, до пріѣзда доктора, остаются совершенно однѣ; въ комнатѣ дѣлается тихо, только слышится частое шелканье маятника въ стѣнныхъ часахъ, да хриплый, глухой кашель.

Почти передъ обѣдомъ входитъ докторъ, а съ нимъ фельдшеръ, помощникъ, и сердитая женщина съ чистымъ полотенцемъ въ рукахъ. Нюхнувъ нѣсколько разъ жаркій, спертый воздухъ комнаты, онъ торопливо подходитъ къ первому номеру кровати, равнодушно взглядываетъ на больную, выхватываетъ изъ-подъ исписанной кроватной доски такъ называемый скорбный листъ — всегда подорожную (по крайней мѣрѣ въ этой комнатѣ) въ царство праотцевъ; спрашиваетъ фельдшера — не было ли перемѣны? и, получивъ отрицательный отвѣтъ, ставитъ на этой подорожной нѣсколько латинскихъ словъ съ разнообразнѣ-

ми каракулями, означающими грани, дозы, и прочее, разное — такое, чѣмъ обыкновенно напикиваются расслабленные смертные и чѣмъ такъ богаты наши больничныя аптеки.

Подходитъ онъ еще торопливѣе и къ другому номеру и на вопросъ: не было ли перемѣнъ? получивъ опять отрицательный отвѣтъ, чертитъ грани, дозы, и сердито спрашиваетъ фельдшера: отчего же ей не лучше?... хотя ни въ какомъ случаѣ ей лучше и не можетъ быть; во-первыхъ, что она слишкомъ больна; а во-вторыхъ, что грани и дозы, направляемые на слишкомъ или старья, или дешевенькія лѣкарства, оказываются конечно не дѣйствительны. Но докторъ, для порядка, все таки спрашиваетъ фельдшера: отчего же ей не лучше? — и, не дождавшись отвѣта (впрочемъ фельдшеръ и не думаетъ отвѣчать) отходитъ отъ втораго номера и подходитъ къ слѣдующему и къ слѣдующему... Отходить и подходить чрезвычайно скоро и внимательно!

Доходить очередь до Пашни. Докторъ, взглянувъ на новое, незнакомое лицо больной, беретъ назадъ протянутую было машинально свою руку къ кроватной доскѣ, стоитъ передъ кроватью въ какомъ-то недоумѣніи и вопросительно взглядываетъ на фельдшера.

— Эту вчера только привезли... говорить официальнымъ тономъ фельдшеръ.

— Дежурный лекарь принималъ? спрашиваетъ докторъ.

— Принимали-сь.

Докторъ внимательно смотритъ на больную.

— Что у тебя болитъ? спрашиваетъ онъ, наклонясь къ ее лицу.

Больная усленно мигаетъ своими рѣсницами, жиденькая краска разлилась по всему ея лицу, видно было, что она собирается отвѣчать погромче.

— Все... протягиваетъ больная.

— Какъ все? и докторъ насмѣшливо улыбается.

— Грудь болитъ... поясняетъ громче больная и, какъ будто для доказательства, хрипло кашляетъ и судорожно схватывается за грудь.

— Принеси трубку! повелительно и сухо обращается докторъ къ фельдшеру.

Фельдшеръ выходитъ и черезъ минуту приноситъ слуховую трубку.

— Подыми ее!

Фельдшеръ вмѣстѣ съ помощникомъ и сердитой женщиной поднимають на кровати больную.

Докторъ засучиваетъ рукава своего фрака, выказываетъ блестящія запонки своей рубашки, беретъ въ руки трубу и подходитъ къ груди больной. Стучитъ докторъ по хрящевой груди прежде однимъ пальцемъ, потомъ всѣми пятью, и часто прикладываетъ трубку къ груди, и прислушивается къ глухому грудному звуку и скрипу какъ будто нѣсколькихъ десятковъ блуждающихъ намазанныхъ телегъ. Прислушивается и стучитъ долго и какъ будто съ наслажденіемъ. Зайдетъ онъ и къ спинѣ больной, и на спинѣ больной докторскіе пальцы барабанать, и трубка жадно, съ наслажденіемъ, прижимается. Поворотить больную на бокъ и на боку тоже самое выдѣлывается. Стучитъ и слушаетъ до тѣхъ поръ, пока не устанетъ; потомъ отдастъ трубку фельдшеру, тяжело, какъ измученная лошадь вздохнетъ, обетретъ руки о чистое полотенце и, прочитавъ на латинской подошмой, кто такая больная, чѣмъ она больна, когда заболѣла и какіе симптомы и періоды болѣзни, пересчитываетъ, какъ будто въ умѣ, нацарананные грани и дозы и, прошептавъ: «все въ порядкѣ», идетъ дальше и дальше отъ номера къ номеру.

Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ доктора принесятъ лекарство, а потомъ и обѣдъ. Но рѣдкія больныя хлебнуть невкуснаго, жиденькаго бульона, онъ уносится сердитой женщиной почти весь цѣлый обратно въ кухню.

Потомъ больныя остаются однѣ, потомъ вечеръ—приносится ужинъ, потомъ опять больныя остаются однѣ на цѣлую ночь до неизбежнаго ранняго визита фельдшера, потомъ одно и тоже, одно и тоже!...

Такъ лежитъ бѣдная Паша въ больницѣ, глухо, со скрипомъ кашляетъ и посматриваетъ на сосѣдокъ и видитъ, что и сосѣдки съ неменьшимъ, грустнымъ вниманіемъ посматриваютъ на нее. А Парамонова вѣтъ, какъ пѣтъ. «Отчего онъ такъ долго?..» безпрестанно шепчутъ зашекшія губы и вскудалая рука съ золотымъ кольцомъ на пальцѣ все крѣпче и крѣпче прижимается къ сердцу.

Но Парамоновъ, вмѣстѣ съ Сашей, уже вышелъ изъ своей квартиры и торопливыми шагами приближается къ больницѣ.

— Ахъ, Василій Васильевичъ, говоритъ по дорогѣ Саша грустному молодому человѣку:—ужь и не говорите... вѣдь я лю-

блю ее больше самой себя!... и дѣвушка прижимаетъ свой бѣленькій платокъ къ мокрымъ глазамъ.

— Да хорошо ли ее тамъ положили?... какъ-то глухо спрашиваетъ молодой человѣкъ.

— Извѣстно какъ... хорошо...

— Не нужно ли ей чегонибудь тамъ?...

— Чего ей нужно?... Я думаю, кромѣ васъ ничего не нужно... и Саша готова совсѣмъ расплакаться.

Парамоновъ съ своей предводительницей входитъ на больничное крыльцо.

Бѣдкій аптечный запахъ неприятно щекочетъ ноздри молодого человѣка даже еще и на крыльцѣ; фельдшера и ученики, пропитанные насквозь какимъ-то особеннымъ, больнымъ запахомъ, постоянно съ веселымъ смѣхомъ бѣгаютъ мимо его по высокой лѣстницѣ; ему по дорогѣ встрѣчаются мертвенно-грязноватые лица больныхъ; встрѣчаются въ изорванныхъ, въ изсаженныхъ балахонахъ красныя, неумытыя лица служителей; Парамоновъ торопливо проходитъ мимо всего этого и, идя длиннымъ корридормъ и поглядывая по временамъ вопросительно на Сашу, разсѣянно читаетъ черныя доски, привѣшенныя надъ дверьми каждой комнаты и имѣетъ удовольствіе понимать, что въ этой комнатѣ лежатъ ушибенные, а вотъ въ этой — золотушные, а вотъ въ этой — глазные, горячечные, а вотъ ужъ въ этой — чахоточные... Парамоновъ остановился передъ словомъ «чахоточные» и, вопросительно взглянулъ на Сашу.

— Нѣтъ, нѣтъ, рядомъ, Василий Васильичъ... запыхавшись, проговорила Саша (такъ молодой человѣкъ спѣшилъ) — рядомъ.

Парамоновъ подошелъ къ сосѣдней двери и, прочитавъ особенно крупнымъ шрифтомъ написанное «неизлѣчимые»... молодой человѣкъ вздрогнулъ, сердце его завыло...

— Ну, что же вы, пойдете! сказала раскраснѣвшая отъ быстрой ходьбы Саша, видя какой-то столбнякъ молодого человѣка: — пойдете! — Вѣдь она насъ ждетъ... и губы Саши стали опять складываться для слезъ.

Парамоновъ машинально взялся за дверную скобку и вошелъ въ комнату.

— Паша... голубушка... мы пришли... сказала тихо Саша, подойдя къ кровати дѣвушки и видя судорожно сжатые ея глаза.

Паша какъ-то торопливо открыла глаза, взглянула на Сашу и Парамонова, и протянула къ нимъ свои исхудалыя руки. Радость была видна во всемъ ея лицѣ.

— Какъ ты себя чувствуешь, голубушка? начала Саша, покрывая поцалуями потное лице дѣвушки.

— Что ты долго... прошептала Паша, не обращая вниманія на слова и ласки своей подруги и стараясь притянуть къ себѣ держащаго какъ-то безсознательно ея руку Парамонова.

— Я заждалась... проговорила она, хрипло кашляя и цалуя оставленную въ ея рукѣ руку молодого человѣка.

— Мы и такъ спѣшили... проговорила Саша, постоянно утираясь посовымъ платкомъ.

— Сядь со мной... снова начала больная, слабо притягивая руку Парамонова къ своей постели.

Молодой человѣкъ сѣлъ, долго все еще безсознательно всматриваясь въ глаза своей подруги, потомъ сталъ часто мигать, мигать и заплакалъ...

— Ну вотъ... сказала Паша. Объ чемъ, ты?... вѣдь здѣсь мнѣ весело... и она прижала руку Парамонова къ своей залепленной пластыремъ груди.

Слезы облегчили молодого человѣка, онъ внимательно сталъ смотрѣть и на постель бѣдной дѣвушки и на окружающихъ ее собесѣдокъ.

— Ты смотришь... туда?... сказала больная дѣвушка, поймавъ брошенный Парамоновымъ взглядъ на пустую, безъ всякой постели, вторую отъ Паши, кровать. «Ее унесли...» и какая-то странная улыбка заиграла въ глазахъ Паши.

Парамоновъ судорожно вздрогнулъ и съ тоскливымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на свою подругу.

Паша закрыла глаза и, какъ будто припоминая что-то, шептала: «и меня унесутъ»... и радостная улыбка не оставляла ея лица.

И долго сидятъ такъ молодые люди, и внимательно смотрятъ одинъ на другаго; наконецъ вечеръ; толстая сердитая женщина приходитъ съ ужиномъ и проситъ посѣтителей уйдти.

— Ты... вѣдь... придешь завтра?... какъ-то захлебываясь отъ душащаго кашля, говоритъ больная дѣвушка:— Придешь?... и она судорожно сжимаетъ своими скользкими, потными руками руку молодого человѣка.

Парамоновъ наклоняется, жадно цалуетъ глаза и губы больной дѣвушки и торопливо, не оборачиваясь назадъ, выходитъ изъ комнаты.

И идетъ онъ еще шибче чѣмъ прежде по длинному корридо-ру; мимо его опять мелькаютъ и исписанныя доски, и лица больныхъ, и замасленные балахоны служителей, но онъ ихъ теперь не замѣчаетъ, глаза его въ какомъ-то туманѣ...

А Паша опять остается одна, одна на пѣлую, длинную, больничную ночь!...

И шелкаетъ и стучитъ въ стѣнныхъ часахъ маятникъ, и хрипятъ и кашляютъ около ея сосѣдки, и мигаетъ на нее и пляшетъ передъ ней поставленный среди пола желѣзный ночникъ, а дѣвушка лежитъ себѣ съ широко-открытыми блестящими глазами, смотреть повидному на все такъ внимательно, а между тѣмъ въ головѣ и сердцѣ у ней одинъ только Парамоновъ...

Вотъ пробили на лѣстницѣ часы, лѣстничнымъ часамъ отвѣчаютъ корридорные часы, корридорнымъ часамъ вторятъ комнатные часы, и пошолъ гулъ по всей огромной больницѣ.

Паша лежитъ себѣ и вслушивается.... но она сбилась въ счетъ, ей кажется, что и конца не будетъ тоже какъ будто хриплому, глухому бою часовъ; она считаетъ: двѣнадцать... пятнадцать... двадцать... и наконецъ совсѣмъ перестаетъ считать и, только безсмысленно улыбается...

Но вотъ и утро. Щеголекъ-фельдшеръ снова начинаетъ ходить отъ номера къ номеру, и снова Паша смотритъ на него своими внимательными, ни на минуту не заснувшими глазами, и снова шепчетъ: «да скоро ли онъ придетъ... скоро ли?..»

XXV.

ТРУДЪ ОЦѢНЕНЪ.

Прошли четыре дня; Парамоновъ кое-какъ прожилъ ихъ, и много въ эти четыре дня прожилъ онъ, очень много! И думаетъ молодой человекъ, вставъ по своему обыкновенію раннимъ утромъ, что «вотъ нынѣ я и узнаю, какъ приняли мой романъ... услышу много лестнаго о моемъ талантѣ... получу много денегъ... а подѣлиться-то всѣмъ этимъ мнѣ и не съ кѣмъ!» Одѣвается Парамоновъ, но уже одѣвается далеко не такъ весело какъ прежде, когда относилъ трудъ на оцѣнку.

Больная Паша не выходит уже у него из головы. «Нужно взять у ней что нибудь на память»... шепчет сивозъ слезы молодой человекъ. «Какъ это я до этихъ поръ не догадался!»... И какая-то грустно-насмѣшливая улыбка мелькнула у него на губахъ. «Отрѣжу непременно ужъ локонь волосъ... а какіе волосы-то у ней чудесные»... все болѣе и болѣе вдавался въ думу о Пашѣ молодой человекъ. «И все это умереть... все это засыпаютъ землей... Что изъ нея будетъ? Что со мной будетъ!» И свинцовая тяжесть сдвинула его грудь. «Вчера, когда я ей сказала, что завтра буду богатъ... отчего она на меня такъ хорошо посмотрѣла?... зачѣмъ прошептала: ты меня забудешь... О, Паша, Паша! Какъ ты меня мало знаешь!»... И молодой человекъ схватился руками за свои волосы. «А вѣдь это странно... что люди умираютъ»... вдавался все болѣе и болѣе въ свои мечты Парамоновъ. «Странно... неужели и я умру?... Такъ зачѣмъ послѣ этого жить и теперъ... за чѣмъ?... чтобы послѣ меня сказали: жилъ когда-то Парамоновъ... не стоитъ жить!» И молодой человекъ съ самымъ грустнымъ, съ самымъ тяжелымъ чувствомъ вышелъ на улицу.

И пошелъ онъ къ журналисту, и не мечталъ болѣе ни о славѣ, ни о деньгахъ. Онъ рѣшительно ни о чемъ не думалъ; голова его была какъ-то пуста.

Извозчики, видя смиренную, какую-то убитую фигуру молодого человека, только равнодушно посматривали на него и даже и не подумали предложить ему свои услуги: они совершенно основательно рассчитывали — денегъ нѣтъ... Правда, одинъ было молодой, еще не совсѣмъ напрактиковавшійся извозчикъ заикнулся было что, дескать, извозчика должно — надобно, но тутъ же, увидя брошенный на него молодымъ человекомъ печальный взглядъ, оборвался, проглотилъ послѣднее слово — «надобно» и, сконфуженный, повернулся задомъ къ молодому человеку. Молодому извозчику стало стыдно, что онъ такъ не практиченъ. Мимо идущія бѣлошвейки, встрѣтивъ безсознательный, печальный взглядъ молодого человека, останавливались, долго смотрѣли съ участіемъ ему въ слѣдъ и, проходя дальше, тяжело вздыхали, — они понимали, что это идетъ бѣдность и горе. Прохожіе мужчины, поймавъ тоже на себѣ случайно брошенный, печальный взглядъ Парамонова, насмѣшливо и сурово отвертывались отъ него и грубо шептали: «вѣрно попрошайка!»

Но Парамоновъ идетъ себѣ къ журналисту, рѣшительно ни о чемъ не думаетъ и ничего незамѣчаетъ; шагаетъ себѣ по тротуару точно какъ какойнибудь объѣвшійся и опившійся модный левъ,—также глупо и пусто.

Но вотъ и дверя редактора, Парамоновъ вошелъ въ нихъ.

Намасленная, прилизанная голова лакея удержала въ своемъ жиденькомъ мозгу фигуру молодого человѣка и безъ всякихъ возраженій впустила его въ квартиру.

— Дома?.. нехотя спросилъ молодой человѣкъ и протянулъ рукавъ пальто къ лакею.

— Дома-съ... отвѣчалъ лакей, стаскивая пальто и внимательно посматривая на такого страннаго, печальнаго молодого человѣка.—Пожалуйте-съ!—п лакей повелъ его въ кабинетъ.

— Господинъ Парамоновъ!—сказалъ громко лакей въ дверяхъ редакторскаго кабинета.

Въ кабинетѣ что то зашевелилось, и молодой человѣкъ увидѣлъ желтое, геморроидальное лицо редактора.

— Пожалуйте-съ... Пожалуйте-съ... милости прошу!—сказалъ вѣжливо редакторъ, взявъ за руку молодого человѣка.

Парамоновъ разсѣянно вошелъ въ кабинетъ, разсѣянно взглянулъ на этотъ кабинетъ и на сидящихъ въ немъ за разложенными на столѣ журналами двонхъ мужчинъ, тоже съ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица, и вопросительно посмотрѣлъ на редактора.

— Мы вашъ романъ прочли... началъ редакторъ, вычищая большимъ ногтемъ правой руки меньшей ноготь лѣвой руки. — Но... но извините, онъ намъ не совсѣмъ понравился.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, тревожно взглянулъ на редактора и невольно покраснѣлъ.

— Онъ хорошъ... продолжалъ протяжно редакторъ, поймавъ на себѣ тревожный взглядъ молодого человѣка.—Онъ хорошъ... да только не современенъ... въ немъ высказываются одни только чувства... нѣтъ, знаете... Пальцы правой руки редактора какъ то слегка замахали по воздуху. — Нѣтъ, знаете... того, что мы обыкновенно называемъ животрепещущими—общественными вопросами! освободился наконецъ редакторъ. (Кстати замѣчу: всѣ журналисты сблизь-было тогда на одну мѣрку).

— Какъ, нѣтъ общественныхъ вопросовъ? съ недоумѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Ну да... нѣтъ, знаете, того... гдѣ бы видна была въ настоящее время наша гражданственная и политическая жизнь... все одна любовь, да любовь; а согласитесь сами—кто нынѣ обращаетъ вниманіе на любовь?

— Да помилуйте... возразилъ съ полнымъ сознаниемъ и неинного насмѣшливо Парамоновъ.—Вѣдь я писалъ романъ, а не статью...

— Все это такъ... да видите-ли, вы хоть бы гдѣ нибудь коснулись этого... этого общественнаго-то... И пальцы редактора снова слегка замахали по воздуху.

Парамоновъ и разсердился и опечалился. Онъ никакъ не ожидалъ такого отзыва о своемъ романѣ.

— А то вездѣ романъ хорошъ, очень хорошъ; его можно бы напечатать... продолжалъ редакторъ.

— Да вы, извините меня, странныя вещи толкуете... началъ, покраснѣвъ отъ досады, молодой человѣкъ. — Что вы, хотите общественнаго?... да наконецъ объ этомъ общественномъ то у каждаго свое мнѣніе...

Редакторъ вопросительно, съ недоумѣніемъ, взглянулъ на молодаго человѣка. Онъ подумалъ: «Что онъ глупъ, что-ли?»

— Какъ, у каждаго свое мнѣніе... началъ редакторъ насмѣшливо.—Я думаю, объ этомъ должно быть совершенно одно—общее мнѣніе... Какое же ваше мнѣніе?—И редакторъ улыбулся.

— Мое мнѣніе... сказалъ, взбѣшенный его насмѣшливымъ тономъ, молодой человѣкъ,—то, что больной организмъ не лѣчать съ пальца...

Погруженные въ чтеніе журналовъ, геморроидальные господа подняли свои головы на Парамонова и вопросительно взглянули на него.

— Какъ это?—какъ это? залепеталъ редакторъ.

— А такъ... отозвался опомнившійся Парамоновъ.—Угодно вамъ принять мой романъ, или нѣтъ?.. И лицо молодаго человѣка приняло опять тревожное выраженіе.

Редакторъ замаялся.—Я пожалуй приму.

Парамоновъ обрадовался, но сумѣлъ скрыть свою радость и хладнокровно спросилъ:

— По чемъ же вы платите съ листа?

— Да какъ вамъ сказать... началъ опять насмѣшливо редакторъ. — Мы платимъ отъ 10-ти до 200 рублей.—Но я полагаю, вы не возьмете съ меня денегъ?..

— Отъ чего же-съ..?

— Ваше сочиненіе—первое сочиненіе, вы еще неизвѣстны.

— Но мнѣ очень нужны деньги... И молодой человѣкъ, какъ ребенокъ, чрезвычайно просительно взглянулъ на редактора.

Редакторъ помялъ въ рукѣ часовую цѣпочку.

— Хорошо-съ, сказалъ онъ какъ-то презрительно. — Вы получите деньги, когда напечатается вашъ романъ.

У Парамонова сердце ёкнуло, онъ почти сквозь слезы взглянулъ на редактора.

— Вѣдь это будетъ очень долго... жалобно протянулъ онъ.

— Около года,—сухо отвѣтилъ редакторъ.

— А мнѣ деньги нужны именно сейчасъ...

— Нѣтъ, вамъ денегъ впередъ ни одинъ журналъ не дастъ... съ прежней насмѣшливостью сказалъ редакторъ.

Парамоновъ молчалъ и не зналъ, что говорить и что дѣлать.

— Да наконецъ... снова началъ редакторъ. — Вы позвольте мнѣ кое-что переименовать въ вашемъ романѣ... (молодой человѣкъ вздрогнулъ)—безъ этого нельзя-съ!.. добавилъ редакторъ, замѣчая, что молодому человѣку слово «переименовать» не понравилось.

— Чте же вы переименуйте? спросилъ Парамоновъ все болѣе и болѣе краснѣя.

— А тамъ... знаете, есть мѣста... гдѣ слишкомъ много чувственности... Редакторъ именно основательно намекалъ на творчество молодого человѣка въ то время, когда у него была любовная масляница.

— Дѣлайте, что хотите... печально сказалъ Парамоновъ. Только, пожалуйста, напечатайте и... и дайте впередъ деньги...

И лицо и голосъ молодого человѣка приняли такое просительное выраженіе, что геморроидальные господа съ участіемъ взглянули на него.

Редакторъ сухо отвѣтилъ: — Нѣтъ, ей Богу, не могу... это насъ сбиваетъ въ счетъ...

— Пожалуйста...

Редакторъ долго молчалъ.

— Сколько же вамъ дать? — спросилъ онъ отрывисто.

— Сколько хотите... съ какой-то покорностью отвѣтилъ Парамоновъ.

Редакторъ опять замолчалъ.

— Я вамъ больше не могу дать какъ... какъ по десяти рублей съ листа... а впередъ дамъ за пять листовъ...

Молодой человекъ подумалъ.

— Да вѣдь это дешевле переводовъ?...

— За то сочиненіе-то ваше первое... вотъ, когда будете знамениты, вамъ дадутъ двѣсти... И лицо редактора приняло опять насмѣшливое выраженіе.

— Давайте... чуть слышно протянулъ молодой человекъ.

Редакторъ медленно повернулся, подошелъ къ конторкѣ, отсчиталъ деньги и подаль молодому человекъ.

Парамоновъ сталъ откланиваться.

— А молодой человекъ должно быть очень бѣденъ, — отрывисто сказалъ одинъ изъ господъ, наклонившихся надъ журналами.

— Да, кажется... лѣниво отвѣтилъ редакторъ.

— А романъ-то его въ самомъ дѣлѣ не дурень... много еще литературной неопытности, но ничего... видна постепенность въ лицахъ и жизни... продолжалъ тотъ же самый господинъ, перебирая разбѣянно листы лежащаго передъ нимъ журнала.

— Да... еще лѣнивѣе говорилъ редакторъ: — не дурень... больше стоитъ этихъ денегъ... сдѣлка довольно выгодна. — И обернулся къ конторкѣ, и сталъ что то высчитывать на счетахъ.

А Парамоновъ шелъ домой съ пятидесятью рублями и думалъ: «вотъ такъ слава... вотъ такъ богатство... ну чѣмъ я теперь буду жить?..» И лицо молодого человека приняло злое, недовольное выраженіе. — «Нужно опять работать... вѣтъ, гораздо выгоднѣе переводить... Ахъ, Боже мой, Боже мой, неужели ужъ я такъ глупъ, что не могу своимъ трудомъ имѣть безбѣдное положеніе?..» «Паша хорошо дѣлаетъ, что умрастеть»... Молодой человекъ почти плакалъ. «А впрочемъ»... Завертѣлись опять въ головѣ молодого человека новыя мечты. «Впрочемъ... чтожъ я горюю?.. Ну, годъ, много два помучусь... а потомъ добьюсь таки своего!» И въ этомъ словѣ — «добьюсь таки своего» — голосъ молодого человека выказалъ много силы и энергіи. «За то меня... чисто вѣдь меня самого будутъ печатать... будутъ читать... и, ужъ разумеется, будутъ хвалить!» Бѣдный, онъ никакъ не предполагалъ, что если бы и дѣйствительно онъ стоилъ похвалы, то какъ бы часто ему во всѣхъ городахъ, во во всѣхъ деревняхъ, во всѣхъ комнатахъ, словомъ вездѣ, гдѣ только прочтется его романъ, какъ бы часто ему приходилось

разыгрывать смѣшную крыловскую басню: Осель и соловей. Этого онъ конечно не предполагалъ, иначе не заносился бы слишкомъ высоко своими мечтами. Но Парамоновъ идетъ и все таки продолжаетъ мечтать: «вотъ въ послѣдствіи и буду я знаменитъ... славенъ... а что изъ этого?... Вѣдь отъ всего этого горя и неудачъ сердце у меня сдѣлается похожимъ на высушенную лимонную корку... Много жолчи накопится на немъ!» — «И что всего досаднѣе и больнѣе...» продолжаетъ молодой человѣкъ: «не будетъ у меня теперь никого, никогда, съ кѣмъ бы я могъ подѣлиться своимъ горемъ... Эта Паша... бѣдная Паша составляетъ меня»... И въ глазахъ его была самая темная, самая невостная ночь, хотя на самомъ-то дѣлѣ былъ очень яркій и очень морозный полдень. Съ неприятнымъ, тяжелымъ чувствомъ вернулся Парамоновъ въ свою квартиру.

— Ахъ, Василій Васильичъ... закричала Саша, порывисто вбѣгая въ комнату Парамонова. — Голубушка-то наша... Паша-то... умираетъ... я за вами пріѣхала... Слезы душили бѣдную дѣвушку, она не могла говорить.

Парамоновъ все это предчувствовалъ и зналъ, онъ какъ будто въ это время даже былъ увѣренъ, что не только онъ самъ, но даже и тѣ, кто близки къ нему, будутъ несчастливы.

Молодой человѣкъ совершенно спокойно подошелъ къ Сашѣ, взялъ ее подъ руку и вышелъ на крыльцо.

Кто бы посмотрѣлъ теперь на Парамонова, тотъ бы положительно могъ заключить, что онъ ѣдетъ только на какой нибудь неприятный обѣдъ, а ужъ никакъ не для того, чтобы взглянуть, какъ умираетъ любимая дѣвушка.

Часовой маятникъ стучитъ и щелкаетъ въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная дѣвушка; сосѣдки хрипятъ и кашляютъ, и стараются приподнять свои ослабѣвшія головы, чтобы взглянуть на умирающую; щеголекъ—фельдшеръ наблюдаетъ и изучаетъ послѣдніе симптомы исхода болѣзни tuberculosis pulmonum.

Парамоновъ стоитъ у лица больной и все становится безсмысленнѣе и безсмысленнѣе, какъ будто очень давно уже сошелъ съ ума; и Саша все чаще и чаще крестится и молится у головы своей подруги и все тверже и тверже выговариваетъ: — Боже, возьми и меня... возьми и меня!...

— Вася... протянула едва слышно больная во время легкаго отдыха ѣдушихъ въ ея груди намазанныхъ телегъ. — Не... лю-

би... ты... послѣ... меня... ни кого... И глаза больной какъ-то зло впялись въ Пармонова.

Пармоновъ, какъ безумный, во всё свои широко открытые, большіе глаза смотрѣлъ на больную.

— А ужь... если... по-лю-би... Са... Послѣднее слово больная не окончила; телеги съ страшнымъ скрипомъ подкатились къ ея горлу, она стала судорожно метаться.

— Послѣдній исходъ, послѣдній исходъ, радостно залепеталъ фельдшеръ и жадно всматривался въ лицо умирающей.

И дѣйствительно, это былъ послѣдній исходъ.

Больная стала вытягиваться, вытягиваться; лицо, судорожно скривившееся во время послѣдняго исхода, стало сглаживаться, сглаживаться; и, черезъ нѣсколько секундъ, Паша, немного больше сумрачная, глядѣла какъ живая.

Пармонова вывели подъ руки изъ больницы.

XVI.

ПОХОРОНЫ И ОТЪѢЗДЪ.

Былъ праздникъ. Колокола тренькали и перезванивали съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ. Кареты быстро проносились изъ улицы въ улицу, заставляя проходящихъ по дорогѣ вздрагивать, останавливаться и потомъ бѣжать точно по игрѣ въ горѣлки. Извозчики и блишники особенно пронзительно поглядывали на спѣшащій въ разныя мѣста и въ разныя стороны людъ и съ особеннымъ счастьемъ соблазняли этотъ людъ своими лакомыми приманками. Щепетильныя бѣлошвейки были еще щепетильнѣе. Легкаго покроя шляпки и платочки какъ-то особенно нѣжно поглядывали и взадъ и впередъ и въ разныя стороны и особенно удачно выбирали себѣ цѣнителей натуральной развязности. Франты офицеры какъ-то особенно длинно распустили свои палаши и особенно пріятно позванивали ими по мерзлымъ тротуарнымъ плитамъ. Жизнь была видна во всегъ, даже и гостиннодворскіе кушцы смотрѣли какъ-то добросовѣстнѣе. Но вся эта широкая, скачущая жизнь нисколько не касалась больницъ, — тамъ вѣчно пахнетъ смертью!

Одиноко и уныло стоялъ послѣдній подарокъ Пармонова — розовенькій гробикъ Паша въ больничной часовнѣ. Старый, едва

передвигающій свои ноги сторожъ, обметая крыльцо часовни, зашелъ и въ часовню. И посмотрѣлъ этотъ старикъ на розовенькій гробикъ, какъ смотритъ ребенокъ на лакомую игрушку, — улыбнулся и почмокалъ губами. Вѣрно и ему захотѣлось отдохнуть отъ своей длинной жизни въ такомъ заманчивомъ гробикѣ. Подошелъ сторожъ къ закрытому полотномъ лицу умершей, открылъ его, и все съ той же завистливой улыбкой сталъ смотрѣть на него. Долго смотрѣлъ на молодое лицо сторожъ, и чѣмъ больше всматривался въ него, тѣмъ скорѣй и скорѣй сбѣгала съ лица старика улыбка. Ему самому, глядя на это страдальческое лицо, невольно припомнилась и его, точно такая же страдальческая жизнь. «Какая ты молоденькая...» протянулъ старикъ, нѣжно закрывая опять полотномъ лицо умершей. — «Счастливица... счастливица...» зашамкалъ онъ, подходя опять къ своей метлѣ. И снова взявъ сторожъ метлу и поплелся опять чистить ступеньки крыльца.

Но вотъ пришли въ часовню — Саша и Парамоновъ. Саша была вся заплакана, но во всей ея фигурѣ была видна все таки жизнь. Парамоновъ же смотрѣлъ совершенно помѣшаннымъ; онъ равнодушно взглянулъ и на сторожа, притащившагося за ними тоже въ часовню и съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ посматривавшаго на молодыхъ людей и, также равнодушно, посмотрѣлъ на открытое Сашей лицо Паши.

— Голубушка наша... оставила ты насъ... прошентала Саша, жадно цѣлуя стиснутыя губы умершей. — Василій Васильичъ! посмотрите-ка, она точно живая...

Но Василій Васильичъ, какъ только услышалъ свое имя, не захотѣлъ смотрѣть на Пашу и, нетерпѣливо отвернувшись къ стѣнѣ, сталъ внимательно смотрѣть на ползающихъ по мокрымъ кирпичамъ мокрицъ.

Пришла и сестра Паши, отиросившаяся для такого экстреннаго случая отъ своихъ, слишкомъ любившихъ ея услуги, господъ. Пришла и то же стала жадно цаловать умершую, и тоже какъ будто что-то въ родѣ сторожа шентала: счастливица... счастливица...

— Нужно сходить за священникомъ.... пера!.. сказала Саша, насмотрѣвшись вдоволь на умершую и понимая, что нужно же все это кончить.

— Да, сходи, Саша... отозвалась сестра Паши.

Парамоновъ ничего не сказалъ. Пришелъ священникъ, при-
шоль и дьячокъ. Послали дряхлаго сторожа за несильщиками.

И понесли бѣдную, умершую дѣвушку въ больничную цер-
ковь, чтобы дать ей послѣднюю подорожную несравненно по-
надежнѣе первой — латинской подорожной.

Парамоновъ, во все время отпѣванія умершей, стоялъ точно
такимъ же равнодушнымъ. Онъ какъ будто даже равнодушно
прислушивался и къ пѣнью дьячка, и также насмѣшливо посма-
тривалъ на проникнувшихъ даже и въ больничную церковь —
нищихъ.

Долго такимъ помѣшаннымъ стоялъ Парамоновъ; но вотъ мо-
нотонный, печальный голось старичка священника сталъ про-
буждать его вниманіе; священникъ читалъ Евангеліе:

И прислушивается Парамоновъ къ этому дряхлому, убѣжда-
ющему голосу, и невольно повторять священные слова Еванге-
лія — «Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи»...
читалъ священникъ, и Парамоновъ вслѣдъ же за нимъ повто-
рилъ... «вси труждающіеся и обремененніи»... «И Азъ упокою
вы»... началъ читать священникъ: «и Азъ упокою вы»... сказалъ
Парамоновъ и зарыдалъ на всю маленькую, больничную цер-
ковь...

Все завертѣлось въ глазахъ Парамонова; и священникъ, и ро-
зовый гробикъ, и близкіе къ умершей люди, и оборванные ма-
щія, — завертѣлась вся церковь; онъ порывисто выбѣжалъ вонъ...
«Я съ ума сойду!» крикнулъ онъ на улицѣ, и бросился въ пер-
вые извожичьи санки.

— Вези, вези скорѣй! крикнулъ онъ оторопѣлому извощику.

— Да куда же прикажете? — вытаращивъ глаза, спросилъ
извощикъ.

— Домой!!

Извощикъ больше не раздумывалъ и поскакалъ что было си-
лы въ первую попавшуюся на его глаза улицу.

Парамоновъ окутался воротникомъ пальто и плакалъ...

Слезы облегчили молодого человѣка, первы стали успоко-
ваться, онъ отнял воротникъ отъ своихъ мокрыхъ глазъ. «Нѣтъ,
я больше туда ни за что не поѣду»... прошепталъ онъ: — «не
выдержу!» И слезы снова полились градомъ.

— Куда же вѣтъ-то? спросилъ извощикъ, оборачивая черезъ
плечо свою голову и съ участіемъ смотря на молодого человѣка.
Онъ слышалъ его рыданія.

— Развѣ я тебѣ не сказалъ? сквозь слезы проговорилъ Парамоновъ.

— Нѣтъ, сударь, не сказали...

— Вези на Грачевку... и онъ, уже довольно покойно, растолковалъ ему свой адресъ.

Пріѣхалъ Парамоновъ на квартиру и сейчасъ же сталъ укладывать свои вещи. «Нужно уѣхать... уѣхать...» шепталъ молодой человѣкъ: — «уѣхать, чтобы мнѣ ничего о ней не напоминало!»... И онъ торопливо побѣжалъ расчитываться съ хозяйкой.

Въ два часа Парамоновъ катилъ уже въ Петербургъ и, по дорогѣ, былъ постоянно задумчивъ, часто плакалъ, и очень часто цаловалъ какіе-то завернутые въ бумажку волосы.

И опустился молодой человѣкъ въ омутъ петербургской жизни, чтобы усиленно нырять въ немъ, стараться вынырнуть и стараться забыть свою Пашу — какъ время давно прошлое и очень непріятное. Но вынырнетъ-ли онъ совсѣмъ изъ омута и за будетъ ли когда это время — давно прошлое и очень не пріятное? одному Богу извѣстно.

Н. СМЕРНОВЪ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Чуть только я пѣсню услышу,
Что пѣла когда-то она, —
И грудь моя хочетъ разбиться,
Стѣсненья и боли полна.

И мчить меня мрачное горе
Высоко, къ лѣснымъ вышнямъ.
Мое безконечное горе
Въ слезахъ разрѣшается тамъ.

2.

Мнѣ снилось царское дитя
Съ больными, блѣдными щеками...
Подъ липой мы сидѣли съ ней,
Полны любви, сплетясь руками.

— Не нуженъ мнѣ отцовскій тронъ,
Его держава золотая;
Я не хочу его вѣнца —
Тебя хочу я, дорогая!

— Нѣтъ, мнѣ отвѣтила она, —
Тому не быть: въ гробу лежу я.

И только по ночамъ къ тебѣ,
Любя такъ сильно, прихожу я.

3.

Когда разлучаются двое,
То руку другъ другу даютъ,
И громко вздыхать начинаютъ,
И слезы горючія льютъ.

А мы не рыдали съ тобою,
Безъ стонувъ прощанье снесли...
Тяжелые вздохи и слезы
Ужъ послѣ разлуки пришли!

4.

Вѣтви гнетъ осенній вѣтеръ,
Воздухъ холоденъ ночной;
Завернувшись въ плащъ свой сѣрый,
Бду чашкою лѣсной.

Бду, — и мои всѣ думы
Также скачутъ предомной
И меня легко, воздушно,
Мчатъ къ жилищу дорогой.

Лають псы, бѣжить прислуга,
Свѣтятъ факелы въ лицо,
Громко шпорами стучу я
И взбѣгаю на крыльцо.

Въ уголкѣ уютномъ, свѣтломъ,
Ждетъ красавица моя;
Тамъ тепло такъ и душисто,
Я въ объятіяхъ ея...

Вѣтеръ шепчетъ между листьевъ,
Слышенъ голосъ изъ вѣтвей:
«Что ты хочешь, глупый всадникъ,
«Съ глухой грезой своей?»

5.

Во снѣ я ночь каждую вижу :
Привѣтливо мнѣ ты киваешь, —
И громко, и горько рыдая,
Я милыя вожжи цадую.

Глядишь на меня ты уныло,
Качаешь прекрасной головкой.
Изъ глазъ твоихъ крадутся тихо
Жемчужныя слезныя капли.

Ты шепчешь мнѣ тихое слово,
Даришь кипарисную вѣтку...
Проснусь я, — и нѣтъ моей вѣтки,
И слово твое позабылъ я.

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

ВОЛЖСКІЕ ТАТАРЫ.

I.

ДЖИННЪ (*).

(Вмѣсто вступленія.)

Каждая татарская деревня имѣеть унылый видъ; проѣзжая, вы подумаете, что здѣсь чума и всѣ заперлись, опасаясь заразы: стая голодныхъ собакъ встрѣтитъ и проведитъ васъ своимъ не гармоническимъ концертомъ; кое-гдѣ увидите нѣсколько ребятишекъ, прижавшихся у забора или выглядывающихъ изъ подъ воротъ. Заборы всѣ испещрены нарочно прорубленными отверстіями, откуда блеститъ глазъ какой нибудь старой любопытной татарки и рѣдко въ половину окна отдернется занавѣсочка и изъ-за нея проглянетъ на васъ черный глазокъ, отгнѣенный азіатскою бровкой. Иногда, особенно подъ вечеръ, гдѣ нибудь на овицѣ или около ручейка, раздается заунывная татарская пѣсенка съ акомпаниманомъ гармоники.... все это производитъ на васъ самое грустное впечатлѣніе. Миновавши нѣсколько деревень съ подобною фізіономіею, вы скажете, что здѣсь

(*) Джиннъ—народный праздникъ, отправляемый всегда лѣтомъ въ свободное отъ страды время, но только не въ теченіе рузы—поста. Начинается онъ въ пятницу и оканчивается въ восресенье, слѣдовательно продолжается три дня. Нѣсколько сосѣдникъ между собою деревень празднуютъ разомъ, потому другія деревни и т. д.

нѣтъ жизни, нѣтъ веселья, разгула, и останетесь на-половину правы.

Кому веселиться въ лѣтнее время въ деревнѣ? Все работающее, начиная съ десятилѣтняго мальчика до шестидесятилѣтняго старика въ полѣ, на работѣ. Во время страды и сѣнокосовъ женщины и дѣвушки тоже въ полѣ, остальное время дома за работою въ четырехъ стѣнахъ. Онѣ даже стѣснены въ семействѣ; пророкъ лишилъ ихъ всѣхъ удовольствій на этомъ свѣтѣ, обѣщая самую ничтожную награду на небесахъ. Татарка—это мумія въ саркофагѣ. Ея общество—общество ей подобныхъ; кромѣ мужа, отца и роднаго брата, она лишена права даже показаться, не только поговорить съ женщиной. Все удовольствіе дѣвушекъ—сходить за ягодами, за орѣхами, за горохомъ, сидѣть въ избѣ и играть въ шамакъ (*), или тихонько мурлыкать пѣсенку, посматривать изъ-за косяка на проходящую молодежь, рассказывать небывалыя исторіи о привидѣніяхъ и сплетничать другъ на друга.

Подъ вечеръ деревня нѣсколько оживляется, возвращается молодежь съ поля, закутить, отдохнетъ дома и выходитъ переваливаясь на улицу себя позабавить. Составляются партіи, играютъ въ бабки, катаютъ шаръ или перекидываются старымъ лаптемъ (**). Но, вотъ слышится голосъ муэззина, онъ призываетъ правовѣрныхъ къ послѣдней молитвѣ: бредетъ мулла съ палочкой, идетъ старикъ на босую ногу въ лаптяхъ, начинаютъ показываться бѣлыя чапмы во всѣхъ концахъ деревни, въ мечети видѣются огоньки и затихаетъ все. Молодежь перестаетъ играть и, по окончаніи муэззинова призыва къ молитвѣ, складываетъ набожно руки, читаетъ молитву и нехотя расходится по домамъ. Черезъ полчаса во мракѣ снова слышится говоръ: это вышли правовѣрные изъ мечети и, медленно шагая за муллою, толкуютъ объ урожаѣ, рекрутскомъ наборѣ, недоимкахъ и проч. Но скрипнули тяжелые ворота муллы и пошли бѣлыя чапмы по деревнѣ; скрипъ калитокъ утихаетъ, на улицѣ остается какая нибудь юродивая полунагая дѣвка (***) и караульные мальчишки подъ навѣсомъ, гдѣ берегутся пожарныя, разохшіяся бочки на трехъ колесахъ, дразнить собравшіяся около нихъ стаи собакъ.

(*) Разрѣзываютъ прутки вдоль на двѣ части и каждую часть поперегъ на нѣсколько кусочковъ. Играютъ: — влявъ въ горсть нѣсколько такихъ кусочковъ, бросаютъ ихъ на какую нибудь гладкую поверхность, потомъ щелчкомъ пальца заставляютъ кусочекъ столкнуться съ другимъ, лежащимъ одинаковою съ нимъ поверхностію, ровною или полукруглою. Условія этой игры различны.

(**) Особеннаго рода игра, правилъ и порядка, которой я передать не умѣю.

(***) Юродивыхъ обоего пола можно встрѣтить почти въ каждой деревнѣ, а тѣмъ болѣе наканунѣ праздника.

Наконецъ и они засыпаютъ, исполняя свято свою обязанность, то есть караула нарочно положенныя съ этою цѣлію подъ себя полушубки и рассчитывая навѣрное, что, скорѣе бы могли покунуться на нихъ полушубки, чѣмъ на старую бочку или багоръ безъ конца. Итъ въ татарской деревнѣ ни кабака (*), ни хоровадовъ, а безъ этого что за жизнь русскому мужику, онъ бы со скуки умеръ. Поэтому нѣкоторые наши сельскіе остряки прозвали татарскія деревни скятами. Да, русскій имѣетъ болѣе поводовъ веселиться; у него есть Пасха, Троица, Вознесенье, Преполовенье, Срѣтеніе, Рождество, у него есть именины, крестины, родины — разгулъ да и только.

У татарина разъ въ годъ бываетъ общественный праздникъ и то оставшійся, какъ говорятъ, отъ временъ языческихъ, — это Джиннъ, которому и посвящается настоящая глава.

При восходѣ солнца тишина деревни нарушается призывомъ муэззина, который на этотъ разъ, то есть въ день Джинна старается подольше протянуть звуки своего голоса. Просыпается первымъ, по привычкѣ, мулла и вслѣдъ за муэззиномъ, проговоривъ «Аллагу-акбѣръ» (Богъ великъ), бѣжитъ творить умовеніе къ молитвѣ; — просыпается, почесываясь, мужичокъ-нахаръ и, лѣниво подымаясь со своего нероскошнаго ложа, торопится надѣтъ на себя чистое платье и спѣшить въ мечеть, надѣвая по дорогѣ вчера еще вымытую и свитую чалму.

«Аллагу-акбѣръ» снова кричитъ муэззинъ, «Аллагу-акбѣръ» вторяетъ бай (зажиточный богачъ), ворочаясь въ пуховикахъ. А какое спанье этимъ баямъ? прелесть! пуховикъ толстый, широкій, въ головахъ три-четыре подушки, подъ бокомъ подушка, у другихъ и подъ ухо кладется тоже маленькая продолговатая подушка, одѣло шелковое, стеганое и пологъ кисейный со всѣхъ четырехъ сторонъ, а возлѣ всегда молодая жена. Но несмотря на все это, бай непременно встанетъ, творитъ тѣгарѣтъ, то есть умовеніе, и идетъ къ молитвѣ. Ему нельзя не идти, потому что онъ себя ставитъ въ примѣръ всѣмъ татарамъ своей деревни, и непременно долженъ благодарить Бога за свой достатокъ и молить Его о помощи во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ и о продленіи его жизни на многія лѣта.

Во время молитвы поднимается вся деревня. Встанетъ парень-джигитъ (**) съ узенькими глазами, бѣжитъ въ баню (баня въ эту ночь у всѣхъ готова), моется со всѣмъ стараніемъ, какъ бы желая сте-

(*) Въ нѣкоторыхъ уже старавіяхъ откупщиковъ, они заводятся, несмотря на большое сопротивленіе со стороны муллъ и картовъ (стариковъ).

(**) Удаецъ.

реть съ себя свой загаръ, свою смуглость, надѣваетъ на себя самое лучшее одѣяніе: розовую ситцевую рубаху съ огромнѣйшимъ воротникомъ, широкіе ситцевыя полосатыя шаровары налицо подбираетъ въ складки и засовываетъ въ новые козмовые ичиги; шапка съ бобрѣмъ, или изъ мелкихъ барашковъ украшаетъ его голову вмѣстѣ съ шитой золотомъ или шелками тибетейкой, которую онъ выставлеть на затылкѣ изъ-подъ шапки. Просыпаются различныя бибн (*), которыя недавно только заснули, мечтая о предстоящемъ весельи; — просыпаются и бѣгутъ къ зеркальцу посмотрѣть ровно ли легла черная краска на ихъ зубки, и убѣдившись въ этомъ, осматриваютъ на ноготки свои, окрашенные въ красный цвѣтъ. Начинаются уборы: бѣлятъ свои личики свинцовыми бѣлилами, наводятъ румянецъ на всю щеку, насаждаютъ по родинкѣ на щеки, заплетаютъ косы и покрываютъ ихъ длинными лентами, украшенными въ два ряда позолоченными цѣлковыми, полтинниками, четвертаками и гривенниками; надѣваютъ на себя ситцевыя или шелковыя рубахи съ нятью оборками и широчайшими рукавами; грудь рубахи украшена лентами, позументомъ и монетами; шелковый колпакъ съ полтинниками и вышивными цвѣтами надѣвается на бекрень, а красныя, синія и пестрыя ичиги обтягиваютъ ихъ маленькія ножки.

Просыпается и русскій мужичокъ, пріѣхавшій на этотъ разъ съ пряниками, орѣхами, огурцами, яблоками, рожками и другими сластями, помоется, на востокъ помолится, чтобы Господь побольше барышей послалъ, и начинаетъ впрягать свою лошадку, чтобы выѣхать для торгу на улицу и кричать коверканнымъ татарскимъ языкомъ названіе своихъ товаровъ, и деревня принимаетъ праздничный видъ. Нѣтъ ни одного неумытаго мальчишки, всѣ они одѣты по состоянію, въ ситцевыя, или пестрядинныя новыя рубахи и въ новыя чапашки (ермолки), купленныя ими на свои деньги, которыя они получили за ягоды съ проѣзжаго барина. Даже юродивая дѣвка — и та одѣта въ новую рубаху, и той какой-то добрый мусульманинъ для спасенія души далъ подарокъ — милостыню. И прыгаетъ юродивая на босую ногу въ новой рубахѣ около воза съ пряниками, повторяя за мужикомъ его пѣсню и кусая конецъ рукава дареной рубахи.

Поднимаются хозяйки, надѣваютъ на себя фартуки и прѣютъ передъ очагомъ, готова запасы на праздники слобныхъ лепешечекъ и пироговъ. Давно уже началась для нихъ работа, за недѣлю до этого дня они готовили пиво, медъ, дѣлали сюзьму, каймакъ (***) и сливоч-

(*) Бибн — слово приходящее къ женскому имени, говорятъ, что происходитъ отъ арабскаго хабиби, что значитъ — любезная.

(**) Сюзьма — родъ сметаны; каймакъ — густыя варенныя сливки, сбитыя въ комокъ на подобіе сливочнаго масла.

ное масло. Для этихъ труженницъ и праздникъ не въ праздникъ, — суета суетъ; но онѣ не ропшутъ, значить и имъ хорошо.

Выходятъ изъ мечети правовѣрные, надѣваютъ галоши, подбираютъ кончикъ чалмы и идутъ гурьбами; впереди всѣхъ мулла, окруженный баями своей деревни и его гостями. Раздается въ толпѣ «и къ намъ милости просимъ», — это всѣ, начиная съ бая до послѣдняго бѣдняка просятъ муллу посѣтить его и, прочитавши молитву, почать готовое кушанье. Всѣ смотрятъ весело, а мулла всѣхъ праздничѣе, да и какъ ему не веселиться: не успѣетъ придти домой, какъ къ нему спѣшатъ мусульмане съ милостынею, кто въ три копейки, кто въ цѣлковый, а кто побогаче, тотъ кромѣ синенькой, приноситъ еще и матеріи на халатъ, и эти приношенія правовѣрныхъ продолжаются до полудня. Женѣ его татарки наносятъ муки, яицъ, крупъ, холста, что Богъ послалъ. Кромѣ того муллу ожидаютъ сотни домовъ откушать, и тамъ сыплются ему тоже деньги. Женщины въ этотъ день имѣютъ особенный столъ, и муллица, по нашему попадья, должна засѣдать въ каждой избѣ и собирать за попробованье кушанья — деньги, платки, холсты и нитки.

Все утро до полуденной молитвы посвящено чаю. Куда ни зайдете, въ домъ ли деревенскаго бая или въ лачугу бѣднаго татарина, вездѣ пьютъ чай, мало того — въ анбарахъ и сѣняхъ, наконецъ на дворѣ, на чистомъ воздухѣ, и тамъ чай, — съ тою однако разницею, что бай съ гостями—родственниками, привезшими богатыя куштаначи (*) пьютъ на нарахъ, покрытыхъ персидскими коврами, съ сахаромъ, медомъ, вареньемъ, баурсакомъ (**), куштили (***) кабартмой (****), сиропомъ, лимономъ, чухонскимъ масломъ и каймакомъ, а бѣдный купилъ себѣ на послѣднемъ базарѣ осьмушку кирпичнаго чаю, заварилъ его, за неимѣніемъ самовара, въ котлѣ и попиваетъ съ медкомъ, а можетъ быть и съ кой-какими приложеніями, но низшаго сорта; на дворѣ пьютъ кучера и прислуга хозяевъ и гостей. Въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ анбарахъ-холодникахъ начинается появляться пиво и довольно хмѣльное, которое, будучи запрещеннымъ напиткомъ, называется у нихъ квасомъ, чтобы брать меньше грѣха на душу; иногда появляется и водочка (аракы), которую, какъ они говорятъ, приготовили для русскихъ гостей, а если застанутъ ихъ съ рюмкой у рта, то оговариваются, что это не аракы, а арышь-ман (ржаное масло). Русскіе фабричныя и сосѣдніе му-

(*) Куштаначъ — гостинецъ.

(**) Баурсакъ — колобки изъ тѣста, варенныя въ маслѣ.

(***) Куштили — сходно съ кушаньемъ, извѣстнымъ у хозяекъ подъ именемъ хвороста или розанцевъ.

(****) Кабартма — малороссійскія пампушки или русскія пышки.

жики, погулявши по знакомымъ, отъ татарскаго гостепріимства начинаютъ ощупывать обѣими руками, и даже подь часть боками, крѣпки ли стѣны и заборы, когда вдругъ все это разгулявшееся мужское населеніе, заслышавъ голосъ соборнаго муэззина, слѣштитъ къ соборной мечети.

Въ маленькую соборную мечеть, толпа, съѣхавшаяся почти съ половины уѣзда, не помѣщается, по этому нерѣдко молитва совершается на открытомъ воздухѣ. Торжественна эта молитва, когда сотни падаютъ ницъ, встаютъ и кланяются въ одно время, тишина невѣроятная, и среди всего этого, безмолствующаго и какъ бы погруженнаго во что-то великое, скопища, едва долетаетъ до васъ мѣрное и тихое, нѣсколько въ носъ, протяжное чтеніе молитвы соборнаго имама.

Молитва кончилась, народъ разбрелся по домамъ, на улицѣ ходитъ только пестрая молодежь, навѣрное зная, что изъ каждой щелочки забора выглядываетъ нескромный глазокъ; и изрѣдка промелькнетъ, какъ тѣнь, мулла, или муллиха, обходящіе, съ набитыми туго желудками, своихъ прихожанъ. Солнце переходитъ на западъ, деревня пустѣетъ, только иногда увидишь гдѣ нибудь подь заборомъ русскаго мужичка отплеывающагося и бранящагося: «Господи прости меня грѣшнаго; ишь натрескался съ собаками, аки пѣсъ, какъ будто доселѣ и вина не видалъ.»

На часахъ деревенскаго бая пробило 7 часовъ и гости его, расположившіеся на отдыхъ послѣ шести-часовой работы зубами и языкомъ, просыпаются, и снова ихъ фигуры со свернутыми подь себя калачикомъ ногами рисуются полукружіемъ за самоваромъ. Откушавши полдюжины чашечекъ, вся эта сытая до нельзя компанія единогласно изъявляетъ желаніе ѣхать на джіннъ. Кибитки разныхъ величинъ и различныхъ вкусовъ набиваются подушками, покрываются коврами и нагружаются семействами гостей. Мужской полъ садится въ красивыя телѣжки и, самъ правя лошадыми, ѣдетъ отдѣльно.

Теперь приступаю къ описанію картины самаго праздника, — этого народнаго и полудикаго гульбища, гдѣ на небольшомъ пространствѣ толчется нѣсколько сотъ человекъ, занятыхъ различными удовольствіями и собравшихся съ различными цѣлями.

Я опишу вамъ картину джінна въ такомъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ самому удалось прослѣдить этотъ праздникъ въ одной деревнѣ Казанскаго уѣзда.

Представьте себѣ долину, посреди которой течетъ узенькій ручеекъ, окаймленный кустами тальника; по покатосямъ горъ кое гдѣ подымается одинокая сосна и вдали идетъ частый кустарникъ. Образны горъ усѣяны толпами умѣренныхъ любопытныхъ, кибитками

гостей и возами торгашей. Внизу въ одномъ концѣ густая толпа окружаетъ разгулявшуюся молодежь, которая, съ повязанными на шею красными платками, распѣваетъ подъ нѣсколько гармоній и скрипокъ татарскія пѣсни; невдалекѣ другая толпа окружаетъ двухъ борющихся двѣнадцати-лѣтнихъ мальчишекъ, которые выбиваются изъ силъ, не желая уронить себя предъ этимъ собраніемъ зрителей и, ободряемые криками джигитовъ чуть не грызутся, и потъ обильно выступаетъ на плотномъ ихъ тѣлѣ. Немного дальше происходитъ драка напившагося наемщика въ рекруты, — который ничѣмъ не дорожитъ, зная, что ему уже одна дорога въ солдаты, — со старостою и выборнымъ, жалкими блюстителями общественного порядка, окаймленная также толпою, которая по мѣрѣ хода дѣла начинаетъ принимать участіе въ дракѣ и выходитъ изъ арены, къ удовольствію хладнокровныхъ зрителей, съ подбитымъ глазомъ и съ разцарапанной бригай головою.

Пройдите нѣсколько подалеже — и вы увидите иной міръ и иной родъ веселья. Взору вашему представится смѣшанная толпа дѣвушекъ и парней, изъ которой, плавно какъ лебеди, выходятъ пары и, обходя непрерывающимися вереницами вокругъ недалеко отстоящихъ кустовъ, возвращаются обратно, мѣняются какъ въ мазуркѣ, и снова медленное круговое обхожденіе, которое медленностью своею напоминаетъ польскій. Здѣсь нѣтъ музыки, нѣтъ пѣсень, нѣтъ даже громкаго разговора, здѣсь какъ будто всѣ сосредоточились въ себѣ и совершаютъ что-то величественное. Нужно замѣтить, что всѣ играющія дѣвушки принадлежатъ къ низшему сословію; бай, или вообще болѣе или менѣе порядочный отецъ не пуститъ играть свою дочь, ей только дозволяется смотрѣть на эти игры; между тѣмъ ея же родной братъ, будто бы шутки ради, беретъ дѣвушку и становится въ толпу играющихъ.

Между мусульманами толкуются также толпы русскихъ фабричныхъ и безчисленное множество ребятишекъ, на лицахъ которыхъ вы читаете какое-то напряженное состояніе ожиданія. Эта пригуль разсыпана по всей аренѣ джінна. Дѣло идетъ къ вечеру. Купцы съ пряниками начинаютъ повышать цѣны на товаръ, нисколько не беспокоясь о сбытѣ, и часто поглядываютъ по направленію къ деревнѣ. Джигиты тоже очень часто бросаютъ взгляды на дорогу, и вы явно замѣчаете, что всѣ обратились въ ожиданіе и вся картина принимаетъ какой то унылый и усталый видъ.

Но вотъ показалась пыль по дорогѣ и высокимъ столбомъ понеслась по полю. «Байларъ (*)» кричитъ мальчишка на окраинѣ долины

(*) Богачи.

и, толкая другихъ съ какою-то бѣшеною радостью безъ всякой цѣли стремглавъ спускается въ долину. Вездѣ слышится «байларъ, байларъ» и все веселѣтъ; даже юродивая дѣвка, до сихъ поръ сидѣвшая на корточкахъ подъ телегою одного торгаша, и та выскакиваетъ оттуда и съ крикомъ «байларъ» кувырккомъ катится въ долину, къ общему удовольствію толпы.

Подъѣзжаютъ тележка, другая, третья, иногда можно ихъ насчитать до десяти и болѣе, — это дѣйствительно «байларъ» то есть самъ деревенскій бай, его родственники и гости. Не успѣютъ опорожниться тележки, какъ уже толпа густымъ конвоемъ окружить пріѣхавшихъ. Молодые бай съ легкостію франтовъ соскакиваютъ съ тележекъ, старики — съ важностію какого нибудь ревизора.

Посмотрѣли бы вы, что написано во взорѣхъ этой толпы, которыми она пожираетъ баевъ; это не взоръ зависти, не взоръ, которымъ встрѣчаютъ и провожаютъ толпы мужиковъ исправника, а взоръ какой-то привязанности, взоръ, какимъ надѣляютъ своихъ благодѣтелей. Хотятъ ли двинуться бай, толпа немедленно разступается и дѣлаетъ корридоръ; съ своей стороны и они стараются оказывать возможныя ласки: поглядятъ какого-нибудь маленькаго мальчугана, похвалятъ парня лѣтъ шестнадцати, спросятъ о здоровьи какую нибудь встрѣтившуюся старушку....

«Ну, ребята, времени мало, солнце на закатѣ; а кто хочетъ получить цѣлковый или два или платокъ шелковый?» — возгласитъ какой нибудь изъ баевъ постарше, когда они уже все обозрѣли и выбрались изъ долины, сопровождаемые толпою. Пѣсни и игры бросаются, всѣ бѣжать поглазѣтъ, кто въ самомъ дѣлѣ получитъ призъ. Вотъ очищается мѣсто, выходятъ съ двухъ сторонъ джигиты, медленно снимаютъ казакипъ, халатъ и праздничныя шапки, и остаются въ ситцевыхъ рубахахъ и тибитейкахъ. Оловясываются для большаго удобства кушаками гарусными, засучиваютъ рукава и принаравливаются миролюбиво, куда бы вцѣпиться другъ въ друга половчѣе. Скрещиваются ребята, составляютъ изъ себя не живописную позу и ходятъ, кружатся, выбирая удобную минуту, чтобы *словчить подъ ножку* или приподнять соперника и грянуть о землю. По ходу дѣла составляются между баями пари, то за одного, то за другого борца.

Маневръ, рѣшающій борьбу, бываетъ очень быстръ и неожиданъ, и чтобы примѣтить его, не нужно сводить глазъ съ борцовъ. Вдругъ движеніе, раздастся стукъ — и одинъ лежитъ. Неистовый крикъ толпы, аплодисменты служатъ тупемъ, подъ который побѣдитель, оправляясь, идетъ получить заслуженный цѣлковый, или другой призъ. На побѣжденномъ остается позорное пятно, которое

онъ имѣеть право смѣть или тутъ-же или на джѣинѣ въ другой деревнѣ.

Иногда борьба продолжается очень долго и утомленная толпа начинаетъ кричать «черезъ себя, черезъ себя!» Тогда одинъ изъ борцовъ приподымаетъ соперника, самъ падаетъ на землю и перекидываетъ его черезъ себя, тотъ летитъ и ушибаетъ себѣ подбородокъ, а иногда подвергается и вывиху. Подобный маневръ допускается только въ такомъ случаѣ, когда борцы, по равенству силъ, долго не могутъ рѣшить борьбы; въ противномъ случаѣ маневръ этотъ считается позорнымъ и призъ выдается побѣжденному.

Насмотрѣлись баи на борьбу, роздали подготовленные призы и, сопровождаемые толпой, идутъ къ торговцамъ, покупаютъ у нихъ пряники, финики, рожки, винныя ягоды и прочее. Толпа понемногу уменьшается, молодые люди возвращаются къ прежнимъ удовольствіямъ; остаются старые да малые.

Мальчишки засучиваютъ рукава, подбираютъ полы казакиновъ, крѣпче нахлобучиваютъ на голову свои шапки, — они знаютъ, что ихъ ожидаетъ. Щедрые баи берутъ фунтъ или два того, другаго, третьяго и кидаютъ въ долину на драку; будущее поколѣніе стремглавъ кидается внизъ и не взирая ни на какія препятствія, рветъ вмѣстѣ съ травою добычу, даже юродивая, кидается во всѣ стороны и не обращая вниманія на толчки и колотушки, быстро забираетъ пряники и финики себѣ въ ротъ. Эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока не надоѣтъ баямъ забавляться, или когда возы у торгашей опустѣютъ.

Но вотъ уже солнце дѣйствительно на закатѣ, приходитъ время молитвы и степенное поколѣніе готовится къ отъѣзду. Молодые же зная, что скоро конецъ играмъ, съ большою энергіею пускаются въ пляски и пѣніе, мальчишки жуютъ сласти, которыми они подѣлились съ своими маленькими сестрами.

Чѣмъ ниже опускается солнышко, чѣмъ темнѣе наступаютъ сумерки, тѣмъ веселѣе дѣлается молодежь, тѣмъ развязнѣе становятся дѣвушки. Но усталость и благоразуміе берутъ наконецъ свое и двѣ толпы направляются къ деревнѣ. Дѣвушки первыми расходятся по домамъ, полныя новыхъ ощущеній.... Наконецъ все затихаетъ, черезъ часъ храпитъ вся деревня, и прохрапитъ до тѣхъ поръ, пока не потревожитъ ее встающій вмѣстѣ съ ранними пѣтухами покойный муэззипъ.... и снова все оживаетъ, опять слѣдуютъ новыя варіаціи на вчерашнюю тему.

Многіе муллы подавали и подаютъ прошенія муфтію объ уничтоженіи этого обычая, которыя оставались и остаются безъ послѣдствій. Но это варварство — лишить народъ единственнаго гульбища,

можетъ придти въ голову только какихъ нибудь фанатиковъ, ханжей, которые желаютъ показать себя вѣрными и безкорыстными сынами Ислама. Миѣ думается, что какъ бы строго ни запрещать этого гульбища, все-таки оно просуществуетъ до тѣхъ поръ, пока татары не начнутъ праздновать Троицы, святокъ и не привыкнуть къ хороводамъ, слѣдовательно пока не переродятся во всемъ въ русскіихъ.

II.

ДЕРЕВЕНСКІЙ МУЛЛА.

Чтобы лучше понять, что такое мулла, нужно прослѣдить всю жизнь его и выставить его всѣми дурными и хорошими качествами. Впрочемъ не берусь за это, а, не стѣсняя себя никакою программой, напишу, что знаю и какъ умѣю.

Первыя лѣта его дѣтства пройдемъ молчаніемъ, потому что все это время онъ бѣгаетъ по улицамъ и роется въ грязи, наравнѣ съ другими мальчуганами, отличаясь отъ нихъ развѣ иногда ситцевой рубашкой, и перейдемъ къ его воспитанію, когда онъ поступаетъ въ мадрасу (*) и дѣлается шакирдомъ. (**)

Выучившись подъ родительскою кровлею пропѣтъ наизусть алифъ-би (азбуку), мальчикъ поступаетъ въ мадрасу. Тамъ первое время принимаютъ его не много лучше, чѣмъ у насъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е., не даютъ въ мордасы для испытанія, будетъ ли жаловаться, но за то для него предстоитъ искусь не менѣе непріятный, — онъ долженъ быть на побѣгушкахъ и прислуживать во всемъ безирекословно старшимъ шакирдамъ, изъ которыхъ одинъ назначается его воспитателемъ.

Почти каждая деревня имѣетъ подобное училище. Поѣзжайте въ лѣтній день по деревнѣ и вы тотчасъ можете узнать есть ли въ этой деревнѣ мадраса или вѣтъ.

Первое вашимъ взорамъ представится, недалеко отъ мечети, длинный, одноэтажный, деревянный домъ оконъ въ пять, шесть и болѣе, изъ которыхъ торчитъ множество любопытныхъ татарскихъ физиономій различнаго возраста, какой-то раздражительный концертъ,

(*) Есть училища, вмѣщающія въ себя до 150 и даже 200 учениковъ. Каждое училище содержится на иждивеніи какого нибудь богатаго лица (бая) и носить на себя его названіе: училище Юнусовское, Апапаевское, Усмановское и т. д.

(**) Шакирдъ — ученикъ.

ни на что непохожій, — это малолѣтняя учащаяся братія на всѣ голоса гнетъ святія слова Корана....

Посмотримъ на дворъ этого храма науки; на первомъ планѣ, то есть, на крылечкѣ подъ навѣсомъ, красуется нѣсколько ученой молодежи, которая вышла сюда съ различными цѣлями: побороться, потолковать, пошутить, посмѣяться, или просто поплевать внизъ на одну точку: и это своего рода наука, — плюнуть нѣсколько разъ съ растоянія двухъ-трехъ аршинъ на одну точку. Дворъ испещренъ группами бѣгающихъ семинаристовъ; кто вышелъ поставить, или вычистить самоварчикъ, кто совершить тѣгаретъ, или накачать воды изъ колодца. Задній планъ бываетъ различно обставленъ: въ одной мадрасѣ небольшой сарай, гдѣ эти мусульманскіе семинаристы покуриваютъ, за неимѣніемъ табаку, свернутую трубочкой бумагу и доставляютъ себѣ другія удовольствія. Будь же у мадрасы сзади ручеекъ, или просто лужаечка, о, здѣсь совсѣмъ иная картина: берегъ ручейка весь испещренъ черными кружками, остатками маленькихъ костровъ, — толпа маленькихъ шакирдовъ суетится за самоварами, нѣкоторые преспокойно щиплютъ пельмени, или готовятъ тукмачъ (въ родѣ лапши), не руководствуясь никакою поваренной книгой; далѣе на маленькомъ таганчикѣ съ озабоченной физиономіей какой нибудь черномазенькій татарчонокъ печетъ блины и алады для своей старшей братіи, которая преспокойно поплевываетъ въ это время на крыльцѣ, или сидитъ въ избѣ.

Не воображайте себѣ что нибудь похожее на наши уѣздныя, или даже сельскія школы, не думайте, чтобъ это было похоже на какую нибудь избу — на русскую или татарскую, — совсѣмъ нѣтъ; татарское училище ни на что не похоже.

Изба съ двойнымъ поломъ: одинъ какъ и должно быть, а другой почти наравнѣ съ окошками; поэтому, чтобы войти въ избу изъ сеней, должно подняться на три-четыре ступеньки. За тѣмъ, вся эта площадь раздѣлена досками и занавѣсами на небольшія кануры, такъ что не знаете сначала, куда вы попали; но откройте изъ любопытства одну занавѣсь, и вы тамъ увидите интересную живую картину: на главномъ планѣ засѣдаетъ, сложивши ноги подъ себя, на свернутомъ въ нѣсколько разъ стеганомъ одѣялѣ, или безъ церемоніи на подушкѣ, шакирдъ лѣтъ двадцати слишкомъ, въ тибетейкѣ надвинутой на самыя брови, въ одной длинной рубахѣ и часто на босу ногу; около него въ безпорядкѣ, на полу, на сундучкахъ, на корточкахъ расположены маленькіе шакирды съ книгами въ рукахъ и думою на челѣ. Старшій шакирдъ съ диктаторской важною толкуетъ имъ или арабскую грамматику, или переводитъ съ арабскаго на татарскій молитвы. Рядомъ, за ситцовой занавѣсочкой, оживленный хохоть.

Тамъ шакирдовъ пять—шесть распиваютъ съ заѣзжимъ гостемъ часекъ, кушаютъ блины и трактуютъ о томъ о семъ, безцеремонно отирая полотенцами текущій по всему тѣлу потъ. За перегородкою, плотно сколоченною изъ досокъ, сидитъ самый наибольшій шакирдъ; это личность уснѣвшая далеко перейти періодъ невозвратнаго юношества и давно выжидающая вакантнаго мѣста. Онъ или спитъ, или коршитъ съ ослинымъ терѣвнѣемъ надъ перепискою толстыхъ мусульманскихъ богословскихъ книгъ, и иногда, что очень рѣдко, пишетъ стихи.

Въ подобную мадрасу везутъ будущаго муллу, представляютъ муларису (муллѣ-учителю); тогъ, погладивъ его по головѣ, приметъ подарки, если они есть (рѣдко ихъ не бываетъ), и передастъ вновь поступившаго какомунибудь старшему шакирду въ ученіе и воспитаніе. Шакирдъ приметъ мальчика, приметъ всѣ его вещи, т. е., сундучокъ съ двумя—тремя смѣнами бѣлья, нѣсколько книгъ, праздничный казакниъ и двугривенныхъ два денегъ, приметъ подарки и ребенокъ поступилъ; — тутъ не нужно ни прошеній, ни свидѣтельствъ, ни протекцій.

Должность директора, инспектора и учителей занимаетъ одинъ мулла, и его воспитанники именуются его шакирдами, а школа его школою (*).

Но такъ какъ ему учить всѣхъ дѣтей нѣтъ времени, потому что въ иной мадрасѣ ихъ бываетъ отъ ста—пятидесяти до двухъ—сотъ—пятидесяти съ вольноприходящими (**); то онъ самъ дѣлится своею премудростію только со старшими, а маленькіе черпаютъ ковшомъ любознательности отъ своихъ воспитателей—старшихъ шакирдовъ. Срока ученія не положено; угодно, — завтра же выйдите безъ подачи прошенія, какъ и при поступленіи, или чрезъ годъ, чрезъ два, угодно, — можете провести всю жизнь въ мадрасѣ.

За нравственностью маленькихъ смотрятъ ихъ воспитатели, а сами они ведутъ себя, какъ слѣдуетъ мусульманамъ, и изъ соревнованія слѣдятъ другъ за другомъ. Первое дѣло—молись пять разъ въ сутки, твори при этомъ омовеніе, держи постъ и читай книгу, — вотъ три заповѣди для шакирда. Часовъ для ученія не назначено, а когда есть время у старшаго—учатся маленькіе. Вся лекція проходитъ въ толкованіи и толкованіяхъ, — уроки спрашиваются только отъ самыхъ юнѣйшихъ, а прочимъ довѣряется это на совѣсть.

(* Улѣ Хамидъ Хазратипынъ шакирди (т. е. онъ ученикъ муллы Хамидъ), или онъ учился въ мадрасѣ муллы Хамидъ.

(**) Дѣтомъ число ихъ много уменьшается, потому что дѣти хлѣбопашцевъ идутъ по своимъ деревнямъ помогать роднымъ на страдѣ и сѣвокося. Къ зимѣ снова всѣ приходятъ.

Вытерпѣвши безчисленныя колотушки и потасовки за невытверживаніе уроковъ и нарушеніе обрядовъ, шакирдъ ждетъ только пушка и старается нахвататься солидности, чтобы попасть въ старшіе шакирды. Наконецъ и этотъ переходъ, совершается: ему поручаютъ учить мальчиковъ! Съ этого дня фізіономія, фигура, даже самая походка у него мѣняется: вчера былъ дитя, сегодня скромный ученый труженикъ, съ постоянно нахмуренными бровями и глубокою думою на челѣ. Но удовольствіе не продолжительно, — все на свѣтѣ надоѣдаетъ; — свыкается шакирдъ съ новыми обязанностями, и начинаетъ закидывать свои мысли въ пріятное будущее, подумывать о мѣстѣ муллы, о семейной жизни.... Онъ уже увѣренъ, что онъ выгодный женихъ, и что за него никакая дѣвушка не прочь выдти.

Въ самомъ дѣлѣ, шакирдъ, — это прекрасный деревенскій кавалеръ, и сильно занимаетъ воображеніе дѣвушекъ, какъ въ провинціи заѣзжій студентъ или офицеръ. Каждая дѣвушка давно запримѣтила уже какого нибудь смуглаго юношу, имъ живетъ и дышетъ, но, о жестокий пророкъ! не можетъ сказать ему слова ласковаго, не можетъ даже показать своего алаго личика. Но наконецъ выведенная изъ терпѣнія, она нечаянно отпахнетъ свой платочекъ и подаритъ его улыбочкой и умильнымъ взглядомъ.

Пропалъ шакирдъ, забыты книги, младшіе воспитанники ему въ тягость, и чуть свободная минута засядетъ онъ въ уголокъ и запоетъ свою заунывную пѣсенку:

Какъ росли-то рядкомъ
Двѣ березы большихъ, —
Что побольше была,
Я на стрѣлы срубилъ.
Какъ прорѣзались
У меня два уса
Да и тѣ на чуги (*)
Къ дорогимъ колпакамъ
Просятъ дѣвнцы. (**)

И начинаетъ онъ строить куры красной дѣвущкѣ: мимо пройдетъ — пріосанится, а встрѣтится — поклонится; запоетъ свою пѣсенку громче прежняго, чтобъ и она услышала :

(*) Чугъ — кисточка.

(**) Переводъ какъ этой, такъ и слѣдующихъ пѣсень переложень на мѣру г. К. Н. Калачевымъ.

Тебѣ я кольцо щегольское
Изъ серебра, другъ, закаважъ
И, долго искавши, тебя я
Межъ яблонь въ саду отыскалъ.

Загорится сердце у бѣдной дѣвушки; и она, какъ наступать сумерки, задумается, бросить работу и по неволѣ запоетъ:

Я рубаху скрочила себѣ канифасную
Пусть оборкой своей она пола касается;
Я взростила себѣ талью прекрасную:
Пусть теперь на нее всѣ глядятъ и влюбляются.

И дѣйствительно любитъся юный обожатель ея стройнымъ станомъ, потому что лицо ея онъ можетъ только вспомнить, а увидить развѣ развѣ-два гдѣ нибудь не при людяхъ, или нечаянно. Что дѣлать шакирду, какъ выразить свою любовь? Подарка дать онъ не въ состояннн, да и нѣтъ возможности, — и начинается онъ писать стихи:

Ахъ! тебя сотворилъ
Краснымъ ахонтомъ Богъ,
А лицо тебѣ далъ
Краще полной луны!...
Щечки аленькія
Какъ рубины горять!
Наградилъ тебя Богъ
Бровью черной, какъ ночь,
Вворомъ полнымъ огня,
Страстью пламенною, и пр.

Каковы-бы результаты этихъ интригъ ни были, но пробивается у шакирда волосъ мудрости, и онъ видитъ, что это ни къ чему не ведетъ: онъ смотритъ уже съ матеріальной стороны. Онъ видитъ, что та не можетъ быть его женою, потому что отъ жены муллы требуется также нѣкоторая начитанность, другая—потому, что отецъ не выдастъ за бѣдняка, да притомъ нужно заботиться и о будущемъ, о мѣстѣ, а за той не дается мѣста (*).

Его занимаетъ въ это время также наука и товарищескій кружокъ, онъ всегда не прочь отъ богословскихъ и философскихъ споровъ, которые ведутъ по двумъ дорогамъ: или дѣлаютъ малаго не-

(*) Мулла имѣетъ право передать свое мѣсто сыну, брату, внуку, зятю, кому захочетъ; но для этого получающему мѣсто все-таки нужно выдержать экзаменъ и получить приговоръ отъ общества.

годяемъ, что часто случается, или воспроизводятъ въ немъ настоящій взглядъ на вещи, но послѣднее весьма рѣдко, какъ и слѣдуетъ ожидать. Поэтому большая часть остается фанатиками и ханжами. Но въ самомъ дѣлѣ пора подумать о будущемъ: вотъ слышитъ онъ, что у такого-то муллы одна дочь и за ней отдается мѣсто, наматываетъ это себѣ на усъ и всѣми силами старается достичь цѣли. Знакомится съ отцомъ, старается ему понравиться и посылаетъ сваху. Отецъ согласенъ, у дочери рѣдко спрашиваютъ, и шакирдъ женатъ. Чтобы быть муллою въ какой бы то ни было деревнѣ, нужно собрать приговоръ съ жителей, согласны ли они его имѣть муллою, а это очень просто: былъ бы только согласенъ бай той деревни. Приговоръ готовъ и скрѣпленъ подписью и тамгами безграмотнаго населенія. Остается теперь ѣхать держать экзаменъ въ Уфу въ духовное собраніе.

Нѣсколько указныхъ муллъ-засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ муфтія, оцѣниваютъ соискателей.

Необходимости ѣхать въ Уфу будущему муллѣ избѣгнуть никакъ нельзя. Поэтому разоряется бѣдвлага, занимаетъ гдѣ нибудь въ счетъ будущихъ благъ. Проситъ пособія у баевъ и наконецъ, сколотивши сотняги три-четыре, пускается въ дорогу. Экзаменъ, какъ слышно бываетъ не очень мудреный, и поэтому рѣдкій получаетъ отказъ, или, какъ принято говорить здѣсь въ заведеніяхъ, — проваливается.

Пріѣзжаетъ въ Казань изъ Уфы мулла съ удовольствіемъ въ сердцѣ и пустотою въ карманѣ. Здѣсь новые хлопоты о полученіи утвержденія, новые расходы, новые долги, благо теперь скорѣе дадутъ, потому что мулла уже хлопочетъ объ указѣ, а впереди предвидятся доходы.

Молодая уста-бия (*) ждетъ не дождется своего милаго дружка, который уже успѣлъ отпривить ей изъ города съ попутчиками нѣсколько писемъ, полныхъ татарской поэзіи....

Вступленіе въ должность муллы не сопровождается никакимъ особеннымъ волненіемъ, а тихо и спокойно. Только малолѣтніе тарчата задаютъ себѣ вопросъ: добръ ли будетъ новый мулла, ихъ будущій наставникъ?

Какъ только вступить новый мулла въ должность, на другой же день, ни свѣтъ ни заря, соберется къ нему вся босоногая школа и онъ, съ длиннымъ прутомъ въ рукахъ противъ шалуновъ и невнимательныхъ, начинаеть или азбуку или склады, ему вторить вся

(*) Въ переводѣ, ученая княгиня, барыня, госпожа; такимъ титуломъ пользуются жены татарскихъ муллъ.

компанія. Урокъ продолжается часъ и два, по волѣ учителя. Конечно этотъ трудъ вознаграждается весьма скудно: нѣсколько чашекъ муки со стороны матери, починка телеги со стороны родителя, если онъ плотникъ,—или что нибудь въ родѣ этого. Курсъ ученія начинается съ осени, когда уже нужно вставать при свѣчахъ, и оканчивается съ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ. Расходъ на освѣщеніе муллы ничуть не касается, потому что каждый человѣкъ обязанъ представить въ двѣ недѣли по свѣчкѣ и приносить известное количество сухой лучины.

Ученіе это нисколько не походитъ на школы сельскихъ нѣмецкихъ пасторовъ, которые толкуютъ дѣтямъ слово Божіе и учатъ ихъ нравственнымъ правиламъ; здѣсь другая цѣль: стараніе учителя обращено на то, чтобы мальчикъ умѣлъ читать коранъ и все печатное, (*) зналъ наизусть молитвы (**) и болѣе ничего.

Результатомъ этого выходитъ то, что почти каждый татаринъ знаетъ наизусть богослуженіе, хотя и не понимаетъ, что читаетъ, всякій почти можетъ читать печатное, а нѣкоторые и письменное. Нравственное воспитаніе отдается на волю родителей.

Маленькія татарочки тоже остаются не безъ вниманія. Въ одну пору съ мальчиками, и даже иногда въ одной избѣ съ ними, онѣ чинно сидятъ и учатся у татарской попадѣ всему тому, чему и ихъ братья. Мальчикъ, которому далась наука поступаетъ въ мактабъ и перѣдко достигаетъ ученой степени муллы, или муэззина. Способная дѣвушка тоже не покидаетъ науки и учится у своей устѣ-бикки до тѣхъ поръ, пока сама не выйдетъ замужъ за какого нибудь муллу и сама сдѣлается устѣ-бикою.

Дѣти баевъ учатся непремѣнно до тѣхъ поръ, пока не будетъ нѣсколько мороковать поарабски и поперсидски и пока понавыкаютъ скорониси и ариметикѣ, — болѣе для нихъ и не нужно.

Послѣ ученія мулла занимается или чтеніемъ корана и другихъ книгъ духовнаго содержанія, или приступаетъ къ работамъ по хозяйству, весьма разнообразнымъ. Склонность къ торговлѣ, свойственная каждому татарину, замѣчается также и въ муллахъ. Итѣй

(*) Вѣроятно читателю известно, что коранъ пишутъ на арабскомъ языкѣ, а азбука арабская принята татарами, какъ и всѣми другими мусульманскими народами.

(**) Богослуженіе мусульманъ совершается пять разъ въ сутки именно: на зарѣ—утренняя молитва; въ полдень—полуденная, третья—предъ закатомъ, четвертая—послѣ заката солнца, и пятая—ночная, часа черезъ два по закатѣ солнца; молитвы читаются почти одиѣ и тѣже съ нѣкоторыми переставками прибавленіями и сокращеніями.

онъ лишній грошъ — тотчасъ пускается въ торговлю. Но что это за торговля, иной разъ даже забавно: напримѣръ купить мулла фунта два чаю, сахару, соли, свѣтъ, меду, если нѣтъ своихъ пчель, купить ситцу, мишурнаго позументу, ленточекъ, дешевыхъ серегъ и колець серебряныхъ и продаетъ это у себя въ дому по мелочи, на разновѣску по золотникамъ, по аршину, а позументъ даже по вершкамъ, и смиренно благодарить Бога за сколоченный мѣдный рубль. Если онъ сколотитъ капитадецъ хоть во сто рублей, такъ отъ торгу и удержу нѣтъ: то на лошадку сбарышничаетъ, то муку и крупу, то шкурки бараньи везетъ въ городъ перепродать. А этого товара у него и дома бываетъ довольно, потому что всякій прихожанинъ одиннадцатую телѣгу съ поля завозитъ къ муллѣ на овинъ, благо у него на эту пору и ворота открыты.

Есть муллы, муллы-шарлатаны, добывающіе копѣйку лѣченіемъ отъ всѣхъ болѣзней однимъ средствомъ, которое, говорю навѣрное, не находится ни въ одномъ медицинскомъ руководствѣ, ни въ одномъ лѣчебникѣ и которое они составляютъ сами, потому что ни одна аптека не выдаетъ подобнаго средства, — это нашоптываніе, или заговариваніе болѣзни святыми словесами корана. Способовъ два: или приходитъ мулла къ больному, садится возлѣ него и начинаетъ читать краткіе суры (*), а между чтеніемъ троекратно или дуетъ или плюетъ на больнаго. Последнее отвратительно и вы даже быть можете не повѣрите, и немудрено: я самъ до тѣхъ поръ не вѣрилъ, чтобы ктонибудь позволилъ плевать на себя, пока не убѣдился въ этомъ на дѣлѣ. Второй способъ заочный: муллѣ, прославившемуся своимъ нашоптываніемъ присылаютъ воду иногда даже за сто и болѣе верстъ, чтобы онъ прочелъ надъ нею или кое-что изъ корана, или же весь коранъ отъ доски до доски; конечно, на подобныя глупости всего болѣе способны люди зажиточные.

Иной мулла, почувствовавъ въ себѣ вдохновеніе къ сутяжничеству и ходатайству по дѣламъ, дѣлается куштаномъ (**), но для этого нужно прежде всего самому выдти изъ подъ двухъ-трехъ казусныхъ слѣдствій, познакомиться слегка съ судопроизводствомъ, а въ особенности съ судопроизводителями, однимъ словомъ, надо быть,

(*) Коранъ дѣлится на 114 суръ, или главъ.

(**) Куштанъ-бойкій, проворный, провырливый. Слово это вкралось въ Казани въ русскій языкъ; тамъ каждого пройдоху называютъ «каштаномъ». Татарскіе куштаны, какъ духи, дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. Первые, это куштаны, держашіе сторону народа, словомъ душа общества и голова сходовъ. Вторые куштаны, шпионы при земскихъ властяхъ. Есть куштаны въ торговлѣ — это наши маклеры, и куштаны-ходатаи по дѣламъ. Вообще куштанъ долженъ знать русскій языкъ и быть человѣкомъ не изъ застѣчивыхъ.

какъ говорится, тертымъ калачемъ. Доходовъ муллы-куштана никто не знаетъ; всякій знаетъ только, что онъ богатъ и живетъ хорошо.

Кстати теперь замѣтить, что по законамъ нашимъ, мусульманское духовенство не составляетъ особеннаго сословія, а приписано или къ честному мѣщанству, или еще скромнѣе къ государственному крестьянству; слѣдовательно, у послѣдняго, о которомъ у насъ и рѣчь идетъ, есть свои повинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своя земля, которую оно, или сдаетъ какому либо баю, или же ему обрабатываютъ ее добрые поселяне, — послѣднее случается, впрочемъ, рѣдко; для этого нужно сильно расположить къ себѣ все населеніе.

За то есть муллы смиренники, говорящіе всегда въ полголоса, глаза опуская долу. Жизнь ихъ однообразна и тиха. Народъ любитъ такихъ муллъ, и питаетъ къ нимъ большое уваженіе. Не думайте, чтобы это были ханжи; ничуть не бывало, это поэты, это люди вполне чувствующіе свое положеніе и постоянно готовые на горячую и откровенную бесѣду.

Разъ свела судьба меня съ подобнымъ человѣкомъ и онъ мнѣ долгу былъ даже противенъ съ своею набожностью и цитатами корана, которые пестрили его разговоръ. Онъ меня скорѣе помялъ, чѣмъ я его, и искалъ случая высказаться.

Онъ показалъ мнѣ свои труды. Это были стихи. О достоинствахъ слога его говорить здѣсь лишнее. Что же касается содержанія, — содержаніе было разнообразное: были посланія его невѣстѣ, были стихи на различныя эпохи жизни деревенской: на рекрутчину, на подати, сатиры на различныхъ муллъ, на волостнаго писаря и т. п.

Между прочимъ, онъ описалъ въ стихахъ всѣ тягости, которыя народъ терпитъ отъ ближайшихъ властей, начиная со становаго и ниже. Поэма эта, или какъ хотите назовите ее, начинается тѣмъ, что онъ проситъ снисхожденія у читателя къ себѣ, потомъ сравниваетъ нашу жизнь съ нижегородской ярмаркой и доказываетъ старую истину: что посѣешь, то и пожнешь, или какъ у него выражено: «посѣявши ячмень, не соберешь пшеницы». Потомъ говорить, что мы въ этомъ мірѣ гости и всѣ умремъ:

«Будь ты бѣднякъ, или богатый,
А смерть для васъ равно одна,
Будь комендантомъ въ этомъ мірѣ,
Пусть всѣ солдаты чтутъ тебя.
Будь хоть министромъ, все равно,
Судьбой записанъ ты въ рѣестръ,
Будь хоть султаномъ всей земли

И покори востокъ и западъ
 Будь славенъ именемъ своимъ,
 Все жь попадешь ты въ когти смерти
 И такъ же, какъ и всѣ, умрешь».

«И потому», продолжаетъ онъ, «помни смертный свой удѣлъ, предъ судьбой мы всѣ равны».

«Быть можетъ судьба поставитъ тебя выше другихъ тебѣ подобныхъ, тогда старайся не давать власти жестокимъ тиранамъ (это онъ прямо мѣтитъ на становыхъ), потому что они, своими черными поступками, замазываютъ передъ народомъ тебя, котораго народъ никогда не видалъ. Помни, что если собака укуситъ, то отвѣчаетъ за нее хозяинъ и вся брань сыплется на него, а не на собаку».

«Не забывай о смерти и, повѣрь, какъ она легка чистому и непорочному сердцу, и какъ тяжелы послѣднія минуты того, кто всю жизнь помнилъ только о себѣ».

За этимъ онъ переходитъ къ горестному положенію сельскаго сословія, высчитываетъ различныя неправды и притѣсненія, оговариваясь при этомъ, что всего пересказать нѣтъ силъ, и смѣлости.

Потомъ онъ молитъ Бога, чтобы все это какъ нибудь дошло до свѣдѣнія сенаторовъ, министра и государя:

«Ахъ, пишетъ онъ, если бы знали это все сенаторы, эти крылья государя, если бы узналъ министръ, рука государя, и самъ государь!»

«Тогда бы мы были счастливы, потому что онъ непремѣнно обвинилъ бы этихъ притеснителей нашихъ и снялъ бы съ насъ всѣ эти бѣды, эти несчастія, этотъ гнетъ!»

«Но», продолжалъ онъ, «вѣрно уже судьба намъ мусульманамъ всегда терпѣтъ, потому что и святой коранъ повелѣваетъ покоряться волѣ Бога, пророка и властямъ, кои отъ нихъ, безъ всякаго ропота».

Тѣмъ и оканчивается эта пѣснь.

Есть муллы — любопытные. Это существа очень тяжелыя для каждаго. Для человѣка болѣе его знающаго, онъ тяжелъ своей любознательностью, онъ его преслѣдуетъ вопросами, иногда даже черезъ-чуръ оригинальными. Человѣку, стоящему ниже его по образованію и познаніямъ, онъ надоѣдаетъ сообщеніемъ приобретенныхъ имъ свѣдѣній. Это не педантъ; напротивъ, онъ готовъ сознаться передъ всякимъ встрѣчнымъ въ своемъ невѣжествѣ, но тотчасъ же готовъ и приступить или къ передачѣ всего того, что онъ знаетъ, или къ безконечнымъ вопросамъ о томъ, чтобы онъ желалъ узнать.

Подобный мулла очень, впрочемъ, рѣдокъ, какъ и мулла-ханжа, и поэтому заслуживалъ бы подробнаго разбора, но я не считаю себя способнымъ на описаніе этого типа, да я и не старался вглядываться въ него. Меня болѣе интересовали тетради его, гдѣ онъ записываетъ тщательно все то, что ему удастся услышать.

Въ одномъ изъ подобныхъ типовъ я нашелъ страсть къ географіи. У него цѣлая тетрадь исписана названіями государствъ и именами державныхъ особъ. Какъ составлены эти записки я привожу примѣръ: Напливанъ *яки Пеллеванъ* Банапаръ. Вотъ и переводъ этого слово въ слово: Наполеонъ, *то есть, богатырь* Бонапарте. Меня онъ просилъ продиктовать ему названія всѣхъ столицъ и какую религію исповѣдуетъ каждое государство.

Другіе занимаются исторіей. Вы у нихъ непременно найдете, кромѣ исторіи Аравіи, исторію Тимура Чингизхана, найдете исторію болгаръ и кое-какія записки изъ исторіи Россіи, отъ взятія Казани до Пугачева включительно. Конечно, все это переполнено вздоромъ.

Вы узнаете, что Казань сдалась русскимъ измѣною Хана ихъ Шейхали, который подмочилъ весь порохъ.

Или, что «въ тысяча-восемьдесятъ-девятомъ году появилась лучезарная звѣзда, блескъ которой въ продолженіе сорока сутокъ день ото дня увеличивался; восходила она съ запада, а заходила на востокъ и была трехъ цвѣтовъ: синяго, зеленого и красного. Народъ удивлялся и плакалъ, принимая ее за дурное предзнаменованіе. И старыи и малыи и мусульманинъ и невѣрный ясно видѣли эту звѣзду; а было это въ годъ обезьяны. Послѣ этого въ невѣрномъ русскомъ царствѣ начались различныя дурныя дѣла, то есть, всѣ невѣрные князья совѣтомъ положили поставить вездѣ караулы и всѣхъ завоеванныхъ мусульманъ обратить въ христіанство. И много мусульманъ отступилось отъ вѣры, много было притѣсненій: необходимость заставила защищаться и сражаться.... но конецъ концовъ Всемогущій Богъ по своей неизрѣченной милости наслалъ гибель на самихъ этихъ князей: явилась между ними неурядица и избили они другъ друга въ городѣ Москвѣ. А собравшій этотъ совѣтъ ханъ назывался Фодоромъ; и онъ то же по волѣ Всевышняго померъ въ молодыхъ лѣтахъ (*).

Петра Великаго называютъ добрымъ человѣкомъ, потому что онъ положилъ конецъ всѣмъ притѣсненіямъ, которыя до него претерпѣвалъ народъ башкирскій:

(*) Передаю слово въ слово изъ лѣтописи, служащей продолженіемъ исторіи Тимура и извѣстной всѣмъ оріенталистамъ по отрывкамъ напечатаннымъ Хальфивымъ.

«По волю Создателя, этотъ Петръ Алексѣевичъ, ханъ, на 56 году преставился, въ годъ зайца, изъ міра тлѣннаго въ міръ вѣчный. Тринадцати лѣтъ онъ возсѣлъ на престолъ и царствовалъ сорокъ три года».

Далѣе описывается съ нѣкоторыми подробностями царствованіе Анны Ивановны и потомъ даже упоминается объ Іоаннѣ Антоновичѣ:

«А въ 1152 году, въ годъ обезьяны, Иванъ Антоновичъ вступилъ на престолъ; потомъ въ годъ курицы, тысяча-сто-пятьдесятъ-четвертомъ или пятьдесятъ-третьемъ году Елисаветъ «императъ» Петровна вступила на престолъ своего отца и своихъ московскихъ предковъ. Да поможетъ ей Господь быть правосудною къ своимъ подданнымъ. Но одинъ Богъ всевѣдущъ. Аминь». Этимъ оканчивается татарская лѣтопись, найденная мною у одного изъ описываемыхъ мною типовъ.

У одного муллы-историка я нашелъ стихи, неизвѣстно кѣмъ и когда сочиненные, которые носятъ названіе: пѣснь дочери Абдуллы-Хаина.

Эта царевна наивно оплакиваетъ положеніе города во время осады, она поетъ:

Царь Иванъ Падишахъ приказалъ палить изъ пушекъ и разрушилъ крѣпость Абдуллы. А потомъ съ радости велѣлъ бить въ барабаны. Я буду рассказывать, а вы слушайте меня.

Пушки палили съ обѣихъ сторонъ и попались въ бѣду и правью и виноватые.

Семеро попало въ плѣнь, а трое изъ нихъ спаслось. Я буду рассказывать, а вы слушайте меня (*).

Далѣе она рассказываетъ о всеобщемъ горѣ, постигшемъ вѣкъ правовѣрныхъ, о томъ, что они пожелали съ горя, а Абдулла-Падишахъ безпеченъ; что уже нигдѣ не слышно ни звона чашекъ, ни кипѣнія котловъ, что весь городъ въ оцѣпенѣніи, а Абдулла все-таки безпеченъ и т. д.

Мулла-историкъ самый несчастный человѣкъ: ему нѣтъ рѣшительно никакой возможности удовлетворить своей любознательности. Отъ кого онъ узнаетъ что нибудь новое? писарь ничего ему передать не можетъ, не смотря на то, что умѣетъ читать русскія книги. Ко властямъ съ подобнымъ вопросомъ обращаться не ловко; остаются одни помѣщики... Но какъ обратиться къ помѣщику, не странно ли покажется ему вопросъ, отвѣтитъ ли онъ, не разсердится ли? и т. д., все это сдерживаетъ несчастнаго, а какъ бы ему хотѣлось

(*) Это припѣвъ, который повторяется послѣ каждаго трехстишія.

знать, напримѣръ: давно ли русскіе живутъ на занимаемомъ или теперь пространствѣ и откуда они пришли: изъ Сибири, или съ запада? или какъ широко простиралось царство Казанское и доходило ли оно, напримѣръ, хотъ до французской земли? Некому удовлетворить любопытства муллы-историка и съ горя онъ собираетъ преданія и вѣрить имъ болѣе, нежели другой печатному.

И вѣрить онъ, что въ старину живали великаны семи сажень ростомъ. Да и какъ не повѣрить, когда преданіе это подтверждается тѣмъ, что не далеко отъ деревни Ая-баши одинъ изъ такихъ великановъ отрясъ прахъ отъ лаптя и до сихъ поръ стоитъ тамъ на гладкой равнинѣ конусообразная горка сажени полторы вышиною, образовавшаяся изъ этого праха! Каковъ же былъ послѣ этого самый лапоть?

Другой мулла-историкъ, слѣдственно собратъ по страсти, не вѣрить ни въ такое происхожденіе горки, ни даже въ существованіе великановъ, несмотря на то, что ему приводятъ въ доказательство ихъ существованія мамонтову кость, найденную въ деревнѣ Айши. Споръ идетъ долго и кончается вмѣшательствомъ какой нибудь старой мулликхи, которая своимъ дребезжащимъ басомъ вдругъ изъ-за занавѣски, какъ бы громъ съ неба, поразить и скептика и легковѣрнаго: голосъ этотъ съ дѣтскою наивною расскажетъ имъ про эту горку исторію совершенно въ другомъ родѣ, что въ старину, дескать, молитвами какого нибудь святаго Абдуллы закрутило въ этой горѣ вихремъ нечистая джина (*), который и теперь часто по ночамъ показывается такимъ злымъ людямъ, какова была ея теща, въ видѣ чловѣка тощаго-разпретощаго на лучинныхъ ножкахъ.

Съ открытіемъ памятника Державину на дворѣ казанскаго университета явился мулламъ-историкамъ новый неисчерпаемый источникъ для споровъ и ученыхъ розысканій. Длинные зимніе вечера посвящались спорамъ, бессонныя ночи проводились въ соображеніяхъ и предположеніяхъ. Результатъ всѣхъ споровъ о памятникѣ былъ таковъ: одинъ говорилъ, что онъ воздвигнуть въ честь того татарскаго витязя, который убивши на своемъ вѣку и однимъ мечемъ до трехсотъ тысячъ русскихъ и не желая поддаться невѣрнымъ, кинулся въ пропасть не далеко отъ деревни Туркларъ. Другой возражалъ, и весьма резонно, что этого быть не можетъ, во первыхъ потому, что съ какой стати русскіе будутъ ставить памятникъ своему врагу; во вторыхъ же, — если бы и случилось такъ, то

(*) Дужь.

навѣрно посадилъ бы его въ чалмѣ, а на памягункѣ сидитъ какой-то лысый, но не бритый, какъ бы слѣдовало мусульманину, потому что на вискахъ и на затылкѣ остались еще волосы. Третій сильно отстаивалъ свое, что воздвигли, дескать, этотъ памятникъ одному русскому мирзѣ, который будто присланъ былъ въ Казань для построения церкви и другихъ каменныхъ зданій, и что это онъ достоверно знаетъ отъ какого нибудь своего родственника Рахматулки, оставшаго солдата, служащаго въ самомъ университетѣ, и тѣмъ побѣждаетъ всѣхъ, потому что противъ такого авторитета возражать уже трудно.

Но какъ бы долго ни засидѣлся мулла съ гостями, рѣшая какой нибудь исторической вопросъ, онъ хорошо помнитъ, что завтра чуть свѣтъ ему надо идти на молитву. А муллы-поэты, историки и географы строго исполняютъ свою обязанность, чтобы не заслужить нареканія отъ своей паствы. Муллы-торгаша и муллы-куштанъ, напротивъ, не боятся макировать своей службой. Имъ не до того, ихъ занимаютъ барыши, или какое нибудь тяжebное дѣло. Они смѣются надъ тѣми муллами, называютъ ихъ «дуракларь» (*), а сами и въ усь не дуютъ, понюхиваютъ себѣ табачокъ, не отказываются отъ водочки, любятъ живую бесѣду и новыя знакомства, въ особенности съ русскими, и живутъ себѣ припѣваючи, карманъ набиваячи, совершенно забывая старую татарскую пословицу: устадыбызъ якша, а улыбызъ якши (**). Не проспитъ, такъ и онъ пойдетъ въ мечеть, а то и безъ него обойдется. Не даромъ же муаззинъ будетъ хлѣбъ ѣсть (***)).

Вы никогда не бывали въ мечети и, конечно, васъ интересуютъ мусульманское богослуженіе? Удовлетворить любопытству, даже и въ Петербургѣ, очень легко, стоитъ только отправиться на Невскій проспектъ въ домъ Калугина, или къ Чернышеву мосту въ домъ Лыткина и спросить тамъ, гдѣ живетъ мулла, а въ квартирѣ муллы

(*) Дураки.

(**) Эту фразу услышите всегда, когда спросите: каково поживаютъ; вамъ отвѣчаютъ: слава Богу ладно живемъ. Мулла хорошъ и деревнѣ хорошо, или бай хорошъ и деревнѣ хорошо, смотря потому, кто приобрѣлъ болѣе влияния на населеніе.

(***) Муллу можетъ замѣнить въ мечети всякій, кто только въ состояніи прочитать намазъ. У мусульманъ нѣтъ никакихъ таинствъ, и поэтому нѣтъ посвященія въ духовное званіе. Но такъ какъ обязанность муллы состоитъ и въ обученіи дѣтей, смотрѣніи за нравственностью и соблюденіемъ обрядовъ, то отъ него требуется экзаменъ въ богословіи, догматикѣ, быть можетъ въ мусульманскомъ законовѣденіи и другихъ соприкасающихся наукахъ.

находится и мечеть. Совѣтую ѣхать въ пятницу; она у нихъ замѣняетъ наше воскресенье и еврейскую субботу, да кромѣ того въ пятницу вы можете выслушать иногда и проповѣдь на татарскомъ языкѣ. Натурально вы ничего не поймете, но для васъ покажется весьма неестественнымъ то, что мусульманскій проповѣдникъ поучаетъ свою паству, сидя на полу, ноги калачикомъ подъ себя. Въ деревнѣ проповѣди говорятся едва ли не рѣже, чѣмъ въ Петербургѣ; но зато, если вы попадетесь въ деревню, гдѣ ученый мулла, пожалуй, немножко поэтъ и историкъ, да гдѣ еще есть мактабъ, такъ тамъ, напротивъ, вамъ проповѣди надоѣдаютъ.

Проповѣдь татарскаго муллы, по большей части состоитъ въ толкованіи кикого нибудь кадиса (*) и оканчивается поученіемъ. Иногда, впрочемъ, проповѣдь сочиняется на текстъ, это въ казусныхъ случаяхъ, ради предстоящаго набора, сбора податей и проч. Миѣ привелось слышать одну проповѣдь: привожу здѣсь отрывокъ, чтобы нѣсколько познакомить васъ съ татарскими проповѣдниками:

«Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны побитаго камнями! Во имя Бога все милостиваго! Въ коранѣ Всевышній соизволилъ сказать: «я сотворилъ духовъ и челоуѣка для поклоненія миѣ». Слѣдовательно, необходимо нужно постоянно заботиться о поклоненіи Господу Богу и не быть безпечнымъ о томъ, для чего собственно мы сотворены. Въ коранѣ же Всевышній говоритъ: о, вѣрующіе, повинуйтесь Богу, посланнику его и начальникамъ, кои изъ васъ, слѣдовательно, все что Творцу угодно было приказать, исполняйте, а что запретить, отъ того бѣгите. Творите пять разъ въ день намазъ, держите постъ, любите всѣ творенія Божіи. Не дѣлайте того, что убиваетъ здоровье ваше и ближнихъ вашихъ, не пейте вина и водки, не прелюбоудѣствуйте, не дѣлайте никому притѣсненій и не жалуйте.»

«Повинуйтесь посланнику Божію и не отступайте отъ его приказаній.»

И прочее. Въ заключеніе перечисляются всѣ члены царской фамиліи по формѣ, рассылаемой мулламъ отъ Уфимскаго Муфтія, на татарскомъ языкѣ.

Нѣкоторые муллы такіа сочиняють проповѣди, что я думаю едва и сами понимаютъ ихъ, а про прихожанъ и говорить нечего. Особенно это водится за молодыми, незабывшими еще школы муллами, которые употребленіе арабскихъ и персидскихъ словъ принимаютъ за верхъ учености.

(*) Преданіе.

Но стоитъ иногда послушать другаго муллу не въ мечети, не во время проповѣди, а тогда, когда къ нему, какъ къ мусульманскому законовѣду, являются за рѣшеніемъ двѣ тяжущіяся стороны, болящіяся предать свою тяжбу въ руки земскаго правосудія. Стоитъ послушать муллу, когда онъ и силою убѣжденія и обаяніемъ краснорѣчія старается помирить стороны, увѣщиваетъ и ободряетъ павшаго духомъ бѣдняка. Конечно, мало тѣхъ избранныхъ, убѣжденія и вліяніе которыхъ ведутъ къ хорошимъ послѣдствіямъ, но въ той деревнѣ, гдѣ такой есть, населеніе гораздо нравственнѣе, меньше споровъ и тяжбъ, нежели тамъ, гдѣ мулла человѣкъ занятый или торговлею, или клаузыничествомъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ мулла нравственный невѣжда. А между тѣмъ, одинаково прибѣгаютъ какъ къ одному, такъ и къ другому, только результатъ бываетъ не одинаковъ: первый кончитъ дѣло по домашнему, по человѣчески, второй научитъ обѣ стороны какъ начать тяжбу, куда подать прошеніе, самъ пожалуй и напишетъ и втянетъ въ раззореніе и бѣду обѣ стороны.

Вообще же мулла имѣетъ большое вліяніе на поселянъ, но для этого мало краснорѣчія, мало ума, нужна сваровка, тактъ, а главное хорошій примѣръ. При этомъ слово муллы — законъ. Какъ не послушаться человѣка, ничѣмъ не запятнаннаго, божьяго человѣка: онъ знаетъ законъ, живетъ по закону, какъ и слѣдуетъ истинному мусульманину, къ кому же и обратиться за совѣтомъ, какъ не къ этому, въ глазахъ ихъ, святому человѣку? Конечно, если его попросятъ писать жалобу, подобрать два-три крючка, рельефнѣе выдать какія нибудь, идущія къ дѣлу, обстоятельства, то онъ откажется и даже, пожалуй, покажетъ къ кому съ этимъ нужно обратиться, сперва впрочемъ употребивъ всѣ свои силы, чтобы отклонить васъ отъ подобнаго дѣла. За то передъ начальствомъ этотъ же самый мулла, имѣющій такое нравственное вліяніе на свою паству, владѣющій такимъ даромъ слова, совершенно пастъ, потому что онъ не знаетъ по-русски, боится говорить, чтобы не проговориться и не втянуться въ дѣло, словомъ власти онъ боится, послѣ муки вѣчной, больше всего.

На дѣла съ начальствомъ мастера муллы-куштань, они на томъ стоятъ; это плоть и кровь ихъ, они этимъ дышутъ, — и деревня боится ихъ, угождаетъ имъ, работаетъ на нихъ, какъ на помѣщика, будучи въ полной увѣренности, что уже въ бѣдѣ неоставятъ: и прошенье сочинить и дѣло поведетъ, а пожалуй и выиграетъ, но во всякомъ случаѣ, все таки получитъ протори и убытки сполна. Начальство имъ ни почемъ. Они со всѣми близкими властями ведутъ хлѣбъ соль,

новюхиваютъ вмѣстѣ табакъ, попиваютъ водочку, напиваются, а подь часъ панибратски и побранятся, для нихъ все ни по чемъ. Со становымъ не поладилъ, —ничего: у него въ городѣ есть застѣдатели, есть исправникъ, окружной, всѣ друзья и братья—нужные люди, да и онъ—то имъ человекъ не лишній. Слѣдствіе ли произвести: онъ подь рукой все узнаеть, втянуть ли кого въ дѣло, —лучше его никто не съумѣеть, а при этомъ, сами знаете, «исправнику кубышка, окружному телушка, да и становому баранъ». Себя тоже онъ не забываетъ. Выпутать кого нибудь изъ бѣды онъ мастеръ: гдѣ по дружбѣ за понюшку табаку ему слѣзаютъ, гдѣ красенькая, гдѣ буренькая .. а у самаго все таки въ мошнѣ двойные казенные проценты останутся. Не даромъ проценты эти и достаются ему; по правдѣ сказать, чтобы добывать ихъ, нужно пройти и огонь и воду нашего уѣзднаго ключкотворства и навѣрное всякій мулла-куштанъ впервые познакомился съ настоящими друзьями пріятелями по своему дѣлу, когда его самаго таскали по судамъ да по расправамъ, пока не вытащили послѣдней копѣйки. Надо же воротить какъ нибудь свои потовые денежки, и пошла писать у нашего муллы и кривда и правда по одной тропинкѣ, ему одному извѣстной....

Мы уже сказали, что у насъ муллы не составляютъ особаго состоянія и всѣ принадлежать къ податному состоянію. Всѣ почти деревенскіе муллы или ясачные и лашманые татары, какъ я уже сказалъ выше. Но, не смотря на все это, они пользуются нѣкоторыми правами, данными имъ мусульманскими законами, многіе пользуются даже большимъ уваженіемъ и любовію всего населенія, смотря по личнымъ достоинствамъ. Вы не можете себѣ представить какъ мечтаютъ всѣ муллы получить хоть ничтожныя права, хоть освобожденіе отъ рекрутства; но напрасно, отъ рекрутства ихъ освобождаютъ только деньги на наемщика (*). Миѣ кажется, что это равенство правъ нисколько не вредитъ обществу, а напротивъ отчасти даже приноситъ пользу тѣмъ, что будучи равенъ по закону, онъ старается возвысить себя нравственнымъ превосходствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно же его и вознаграждать за то, что онъ кромѣ всѣхъ возложенныхъ на него подушныхъ, рекрутскихъ и земскихъ повинностей, обязанъ обучать все молодое въ своей деревнѣ и править должность

(*) Указанный мулла лично свободенъ отъ рекрутской повинности, но дѣти его, до получения званія, получаютъ жеребья, наравнѣ съ остальными; а такъ какъ, за немнѣишъ вакансін, иной шакирдъ живетъ въ училищѣ дѣтъ до тридцати пяти и болѣе, то часто случается, что, вмѣсто муллы, онъ уходитъ въ солдаты.

муллы; про доходы не говорите, — они рѣдко отвѣчаютъ труду, потому что не обязательны.

Если бы я описывалъ бытъ нашего священника, то конечно не было бы надобности упоминать о его женѣ, потому что она не имѣетъ прямого вліянія ни на кого, кромѣ своего супруга, занимается хозяйствомъ, стряпней и зовутъ ее матушкой изъ уваженія къ батюшкѣ, или просто по примѣру предковъ. Но, описывая духовенство мусульманское, необходимо сказать и о женѣ муллы, какъ самомъ первомъ и вліятельномъ лицѣ въ женскомъ татарскомъ мірѣ.

Вы уже нѣсколько знакомы съ муллихой, по крайней мѣрѣ знаете, что она во время джамы пользуется одинаковою почестью съ своимъ супругомъ; знаете, что муллиха должна быть образована по мусульмански и что на ней лежитъ обязанность обученія дѣвочекъ своего прихода. Прибавлю къ этому, что во время родовъ на ея долю приходится тоже исполненіе духовной обязанности. Не это все пустяки въ сравненіи съ ея ролью, которую она обязана выполнять каждую пятницу — ролью проповѣдницы, наставницы.

Каждую пятницу во время джумга намазы (пятничной молитвы въ полдень) калитка муллы проскрипитъ непременно ужъ разъ тридцать — это *minimum*. При первомъ скрипѣ, выглядываетъ изъ окна одно только любопытное лицо муллихи, при второмъ — два и такъ далѣе, пока не наберется въ избѣ татарокъ штукъ до пятнадцати. Здѣсь уже скрытъ нельзя услышать, потому что пойдетъ такая трескотня и плескотня, что за нею пожалуй не услышали бы даже полковой музыки.... колокольчикъ впрочемъ услышали-бы и всѣ бы кинулись къ окнамъ и забору, чтобы увидѣть, кто это ѣдетъ, засѣдатель или становой.

Въ какіе нибудь четверть часа паства уже вдвое увеличивается и уста-бикъ, не принимавшая до сихъ поръ почти никакого участія въ разговорахъ, садится на нары, — начинается суетня, разговоры оставляются и каждая прихожанка подноситъ муллихѣ чашку крупы или муки; та принимаетъ, воздымаетъ руки горѣ и читаетъ вмѣстѣ съ нею молитву на тѣму: всякое давнѣе благо и всякъ даръ совершенъ. Это продолжается добрыхъ полчаса, — впрочемъ смотря по числу пришедшихъ. Потомъ муллиха садится, придвигается поближе къ стѣнѣ, конечно ноги колачикомъ, ее окружаютъ знатныя міра сего, а остальные садятся какъ ни понало, — все обращается въ слухъ, нѣкоторые облакачиваются и, состроивши набожную физиономію, ждутъ начала, другія заранѣе зажимаютъ глаза, чтобы во время этой святой бесѣды, око не соблазнило ихъ. Наконецъ

раздается обычное агузу билляги, (*) вот и начало проповѣди. Дребезжающимъ голосомъ читаетъ мулликъ эпизодъ изъ жизни какого нибудь святаго по арабски, переводитъ это на татарскій языкъ и вздыхаетъ; или же читаетъ хадисъ о будущей жизни, объявляетъ съ увѣренностію очевидца всѣ наслажденія райской жизни и вкратцѣ научаетъ, какъ должно достигнуть ея. Вся бесѣда продолжается, по большей части, до двадцати минутъ не болѣе; но есть муллихи, особенно молоденькія, которыя бесѣду эту готовы вести отъ зари до зари; впрочемъ рвеніе ихъ обыкновенно ослабѣваетъ вполсѣдствіи.

Если же муллихъ не по силамъ эти бесѣды, она прибѣгаетъ къ хитрости, выдаетъ, напримѣръ, себя лекаркой и все это время убьетъ на исцѣленіе страждущихъ.... Способъ лѣченія одинъ—нашептываніе или надъ самимъ больнымъ, или надъ водою, которую больной пьетъ, или которою натираетъ больное мѣсто.

По окончаніи бесѣды обыкновенно творятъ молитву, встаютъ, каждая беретъ за свою чашку и всѣ подъ предводительствомъ муллиха идутъ въ амбаръ — опораживать ихъ, а потомъ и по домамъ.

Мулликъ, какъ видите, имѣетъ возможность принести пользу обществу, все зависитъ отъ ея воли и образованія. Впрочемъ всего вѣрнѣе то, что всѣ эти бесѣды не ведутъ ни къ чему болѣе, какъ только къ поддержанію суевѣрія, потому что будь муллиха разумница и не примѣшивай суевѣрія, или опровергай его, тотчасъ слушателей уменьшится, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшатся и доходы, — статья важная.

Во всякомъ же случаѣ, жена муллы непременно должна быть по мусульмански образована, иначе она и не попадетъ ему въ жены. Нравственность ея тоже должна служить примѣромъ для другихъ.

Впрочемъ если бы муллиха не въ состояніи была удовлетворить всѣмъ требованіямъ своего званія, то и это въ татарскомъ мірѣ исправно. Законъ мухаммеда, какъ вы знаете, допускаетъ многоженство въ извѣстной степени; поэтому мулла, видя что жена его, по недостаткамъ своимъ, упускаетъ изъ подъ рукъ много дохода, пріискиваетъ другую, съ обязанностию дѣлится неполамъ, относительно прихода; право же на взаимность имѣетъ каждая одинаковое; или поне-

(*) Прибѣгаю къ Богу....

дѣльно каждая жена ухаживаетъ за муллою и пользуется его ласками или же по-дѣнно: другая же въ это время преимущественно посвящаетъ себя хозяйству. Ревность поэтому, кажется, недолжна бы имѣть здѣсь мѣста; однако же бываетъ всегда напротивъ, старшая жена первая начинаетъ коситься на свою соперницу и нашептывать про нее своему супругу, который находится постоянно между двумя огнями, потому что угодить обѣимъ никакъ нельзя. На этотъ случай есть даже и анекдотъ: одинъ богатый мусульманинъ имѣлъ двухъ женъ, — одну звали Айни-ждемалъ (источникъ красоты) другую Айни-камелъ (источникъ совершенства) (*). Обѣ они были красавицы и умницы и вслѣдствіе этого обѣ были одинаково любимы. Мусульманинъ былъ богатый и подарками не одѣлялъ ни одну; не смотря на все это, онѣ ревновали другъ друга. Случись же на грѣхъ такъ, что обѣ онѣ померли въ одинъ часъ и даже въ одну минуту, чего на свѣтѣ не бываетъ, — чтобы не обидѣть покойницъ, искренно любившій ихъ вдовецъ приказалъ прорубить въ избѣ другія двери, чтобы вынести ихъ вмѣстѣ, а не одну за другой. Чтожъ бы вы думали, въ первую же ночь является одна ихъ ни къ горько тоскующему мужу и начинаетъ сыпать упреки, за то, что онъ другую любилъ гораздо больше ея.

— Съ чего-же ты это взяла, спрашиваетъ несчастный, которому уже надоѣло слушать незаслуженные упреки: — кажется, я васъ обѣихъ одинаково любилъ и ни одну ни въ чемъ не одѣлялъ?

— Какъ съ чего, со слезами отвѣчаетъ покойница, — ты ее приказалъ вынести въ новыя двери, а меня въ старыя?

Анекдотъ этотъ вы услышите отъ всякаго татарина, имѣющаго болѣе одной жены, если поинтересуетесь узнать о согласіи между двумя половинками его сердца.

Впрочемъ рѣдкій мулла прибѣгаетъ къ многоженству, — это даже и между татарами не совсѣмъ-то уважается, развѣ ради обстоятельствъ: такъ иногда одному муллѣ приписываются въ приходъ два или три выселка, гдѣ еще нѣтъ мечети, тогда для удобнѣйшаго сбора законнаго дохода онъ беретъ другую жену и поселяетъ ее въ тотъ выселокъ.

(*) Почти каждое мусульманское имя имѣетъ значеніе; особенной кудреватостью отличаются женскія имена. Вы можете дочь свою назвать какъ вамъ вдумается на арабскомъ или на персидскомъ языкѣ; назовите ее кипарисомъ красоты (Серви-ждемалъ) или ангельское лицо (Пери-руй) или просто плѣняющая сердце (Диль-афрузъ). Я зналъ одну дѣвушку, которую звали Невджера, что въ переводѣ значитъ «окно».

Доходы большею частію, кромѣ гушуръ, т. е. десятины съ пашни (*) и закята (**), приходятся на долю праздниковъ курбана и гаета.

На курбанъ мулла получаетъ бараньи и другія шкурки. Въ этотъ день всякій правовѣрный за счастье считаетъ разыграть роль Авраама и собственноручно заколоть барашка, потому что этотъ день есть воспоминаніе жертвоприношенія Исааила. Въ гаеть же ему съплюются одни деньги, исключая подарковъ, отъ баевъ. Муллиха тоже не остается въ эти праздники съ пустыми руками.

Мѣсяцъ Рамазанъ посвящается посту. Постъ мусульманъ состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіи тридцати дней отъ восхода до заката солнца не брать въ ротъ ни крошки хлѣба, ни капли воды. Послѣ заката начинается за то ѣда съ геркулесовскимъ аштитомъ. Трубы, начиная съ бѣдной лачуги до огромнаго дома бая, начинаютъ дымиться; вездѣ чувствуется запахъ снѣдимаго, кажется, даже и на улицѣ воздухъ пропитывается запахомъ вареной баранины. Въ подобныхъ удовольствіяхъ проводится сразу до тридцати ночей. На двадцать седьмую или осьмую ночь, посвященную названію *кадаръ-кичаси* или *лейлятуль-кадръ* (ночь ниспосланія корана), любопытный замѣчаетъ большое движеніе и хлопоты въ избѣ муллы. Нѣсколько услужливыхъ татарокъ помогаютъ своей муллихѣ готовить блины, аладыи и шурпу (***) . Хлѣбы давно уже испечены, дѣло остается только за кашей. Это муллиха празднуетъ ниспосланіе корана: подчуетъ все женское населеніе деревни, получаетъ за хлопоты сильное подаваніе и, въ заключеніе, передаетъ имъ легенду о томъ, какъ и какими судьбами Господь Богъ соблаговолилъ послать слово свое послѣднему изъ пророковъ.

Въ это же самое время мулла ведетъ рацею въ мечети на ту же самую поэму.

Весьма многіе муллы послѣ таравиха не выходятъ изъ мечети до утра и всю ночь проводятъ въ бѣднѣи и непрерывномъ чтеніи святаго слова. Муллиха несетъ ему туда кушанье и чай, потому что все таки, послѣ суточного голода, ни слово святое, ни воздухъ мечети не

(*) Каждый истинный мусульманинъ везетъ на дворъ муллы одиннадцатый возъ съ поля. Это впрочемъ оставляется на волю каждого.

(**) «Могаммеданскій законъ повелѣваетъ всякому давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, дабы чрезъ то очиститъ, оставшую часть имущества и снискалъ благословеніе Божье. (Парс. Хр. Болдырева Т. III стр. 204). Дать деньги: мулла считается дѣломъ богоугоднымъ и всякому муллѣ милостыни подають болѣе, нежели възятъ нищимъ деревни вѣстѣ.»

(***) Шурпа—супъ, бульонъ.

напитають и жадны не утолят и для бодрости духа нужно подкѣпить тѣло. Мевѣ же набожные муллы проводятъ ночь эту, какъ и всѣ другія ночи, дома, съ женами, во снѣ, на нуховикахъ.

Слѣдующіе вечера проводятся въ томъ, чтобы отыскать на небѣ новую луну. Кто первый увидитъ, тотъ будетъ счастливъ на весь годъ, все ему будетъ удаваться, чтобы онъ ни предпринялъ. Увидѣвъ луну, спѣшатъ въ мечеть на молитву и завтра праздникъ-разговенье. Во время гаета случается стоять ненастье и луны за облаками не видно, тогда разговорѣнье откладывается, потому что лучше опоздать, чѣмъ разговорѣться раньше, — это точно также какъ у кадетъ, которымъ приказано, встрѣчая карету при военномъ лакѣе, если нельзя разсмотрѣть кто въ ней сидитъ, отдавать честь, чтобы даже невинно не остаться неисполнителемъ формы. Иногда въ одной деревнѣ уже разговорѣлись, а въ другой по непастью еще жалутъ день и даже два, все зависитъ отъ того, до какой степени мулла ханжа.

Праздникъ этотъ проводится такъ же, какъ я описалъ празднованіе джина, съ тою разницею, что нѣтъ игръ въ полѣ; а все веселится въ пзбахъ и на улцѣ. Муллѣ съ женою предстоитъ такая-же работа желудкомъ и собираніе денегъ, ѣда переходитъ часто въ пьянство и на другой день празднуется уже похмѣлье. Конечно, пьянство рѣдко выходитъ наружу, а во многихъ деревняхъ совершенно не употребляются ни пиво, ни водка, — все зависитъ отъ вліянія муллы и обстоятельствъ мѣстныхъ: близости базара, русскихъ селеній и фабрикъ. Разумѣется, что вы не найдете пьянаго въ деревнѣ, гдѣ мулла ишанъ, потому что ни одинъ истинный мусульманинъ не рѣшится осквернить резиденцію ишана запахомъ запрещенаго напитка.

Личность ишана весьма интересна и играетъ не послѣднюю роль въ татарскомъ мірѣ. Онъ соотвѣтствуетъ, кажется, отчасти нашимъ затворникамъ (*): къ нему постоянно пріѣзжаютъ со всѣхъ концовъ

(*) Старообрядцы деревни Б. Казанскаго уѣзда тоже знаютъ слово ишанъ.

«Ишанъ—значитъ Божій человекъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, навѣмъ, то есть, починаетъ благодать Божова. Ему всяка тварь, не токма что человекъ, покаряется. Чудеса его великія, уму не постижимыя. Жизнь его вольная: не вьетъ онъ себѣ гвѣзда, неприпасааетъ хлѣбушка,—это, молъ, суета,—не пецытеса объ утрѣ. Одежа его убогая—ни грѣеть, ни холодитъ и не боится онъ ни стужи, ни простуды. На людѣ не гладитъ, бѣншитъ люду, а онъ самъ все къ нему да къ нему собирается, потому какъ онъ Божій человекъ есть, свѣтъ ишанъ. Устами его глаголетъ Богъ и по этому не всякъ грѣшный доступенъ словеса его уразумѣть.»

мусульмане съ богатою милостынею и просятъ его молитвы за нихъ съ твердою вѣрою, что Богъ все дѣлаетъ, что только ни попроситъ его ишанъ. Но у насъ затворники и вообще подобныя лица сами достигаютъ святости, а у мусульманъ какъ-то передается отъ отца сыну, или, если у него только дочь, то зятю, если же бездѣтенъ, то одному изъ его шакирдовъ, такъ что если перебирать эти переходы ишанства восходящей линіи, то дойдемъ до одного изъ асбабовъ (*) самаго мухаммеда.

Мнѣ привелось быть знакомымъ съ троицею ишанами. Всѣ они оказались людьми очень начитанными, серьезными и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ласковыми и гостепріимными, не смотря на то, что я клифиръ (**). Но я, по причинѣ короткаго времени, которое провелъ съ ними, ничего подробнаго о ихъ жизни сказать не могу. Я обращался съ вопросами ко многимъ другимъ мулламъ на счетъ ишановъ, но они не могли удовлетворить любопытству: нѣкоторые говорили, что это не совсѣмъ святой еще человекъ, но что его слѣдуетъ уважать, потому что ишанами вѣра держится; другіе — что всѣ ишаны «подлецъ-ларъ» и «мошенникъ-ларъ» и незаслуживаютъ ни вниманія, ни уваженія (***)).

Къ несчастію, не могу навѣрное сказать ни pro ни contra, однако кажется, что послѣднее мнѣніе о нихъ черезъ-чуръ строго. Ишанъ уже оправдывается и тѣмъ въ глазахъ нашихъ, что рамка его понятій очень тѣсна, потому что онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ вращался въ средѣ весьма невѣжественной и суевѣрной; другое дѣло еслибъ кто нибудь изъ татаръ образованныхъ въ университетѣ принялъ на себя ишанство, — это бы было забавно и онъ былъ бы уже кругомъ виноватъ!

Я знаю одного муллу въ Тетюшскомъ уѣздѣ, который когда-то слылъ ишаномъ, но, чувствуя въ себѣ мало силы исполнять всѣ обязанности, сложилъ съ себя эту благодать. Каждый ишанъ имѣетъ при себѣ мадрасу, съ большимъ противъ другимъ числомъ учениковъ, которые стараются подражать своему учителю во всемъ, даже въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, каждый ишанъ имѣетъ свою какую нибудь особенность, происшедшую въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ: одинъ носитъ на себѣ по возможности все бѣлое или зеленое,

(*) Асбабами называются первые послѣдователи Мухаммеда и первые распространители его религіи.

(**) Незѣрный.

(***) Ларъ—окончаніе множеств. числа.

начиная съ тибитойки на головѣ до ичиговъ изъ бѣдаго сафьяна; другой-все полупшелковое (*) даже до чалмы, и всѣ шакирды слѣдуютъ его модѣ; исполнять прихоти эти помогаетъ имъ онъ самъ. Вообще нужно замѣтить, что шакирды ишана ни въ чемъ не терпятъ нужды, какъ это часто случается въ другихъ учамницахъ, но за то они связываютъ себя исполненіемъ всевозможныхъ обрядовъ и выходить съ полнымъ лабиринтомъ познаній, часто совершенно безпольныхъ.

Жизнь ишана тяжела, скучна, однообразна. Намезъ и училище его прямыя обязанности. Дома пріемъ приношеній, чтеніе корана и н пустые разговоры о суетѣ, о развратѣ міра и тому под. По этому, зятянутый въ эти однообразныя занятія, онъ ничего кромѣ ихъ не знаетъ; сплетни и новости его не интересуютъ, развѣ случится гдѣ нибудь въ татарской деревнѣ пожаръ и вѣсть о немъ дойдетъ до его ушей, то запрыгается лошадка (если несчастіе случилось близко) и ѣдетъ онъ самъ утѣшать погорѣвшихъ словами и помогать по возможности деньгами. А молитва ишана сильно ободряетъ, упавшихъ духомъ, погорѣвшихъ.

Еще есть обстоятельство, разнообразящее иѣсколько быть ишана: это стараніе укрѣплять въ вѣрѣ такъ называемыхъ новокрещенцевъ, то есть татаръ, предки которыхъ были крещены еще въ прошедшемъ столѣтіи, а сами они хотя и православные, но, живя между мусульманами, не знаютъ ни одной молитвы, ни одного догмата и обряда. О нихъ забыли и вспоминаютъ только во время ревизій, или тогда, когда исправнику или становому приходится сдавать должность, поэтому они до сихъ поръ исповѣдуютъ въ тихомолку мухамеданство, исключая тѣхъ деревень, гдѣ есть церкви. Ишанъ наивно проповѣдуетъ исламъ новокрещенцамъ-черемисамъ и вотякамъ, нисколько не подозрѣвая, что у насъ безусловно воспрещено мусульманское миссіонерство. Одинъ изъ ишановъ велъ даже формальное дѣло объ обращеніи въ исламъ двадцати семействъ вотяковъ язычниковъ и о переселеніи ихъ въ его деревню. Когда ему сказали, что онъ преступникъ передъ закономъ и накликаетъ только бѣду на свою старую голову, такъ онъ до того испугался, что захворалъ и умеръ.

Вообще же ишанъ существо самое безвредное, даже пожалуй полезное, потому что онъ по возможности, вмѣстѣ съ предрасудками,

(*) Шелковое платье татары никогда не носятъ, потому что это будетъ лишнее, а все лишнее грѣшно; въ раю ихъ ожидаетъ невообразная роскошь и шелковыя парады съ тѣмъ, чтобы они были воздержны здѣсь на землѣ.

передаетъ окружающимъ его и правила нравственности. Наконецъ, и примѣръ его безукорыненной жизни благотворно дѣйствуетъ на простое населеніе.

При ишанѣ безотлучно находится его халкъ (*), который, по его смерти, занимаетъ его мѣсто и вступаетъ въ его права получать приношенія. Съ близкимъ начальствомъ ишаны знакомы и дѣлаютъ každогодно большіе подарки.

Послѣ смерти ишана, новому продолжаютъ дѣлать приношенія, а стараго причисляютъ къ лику святыхъ.

У мусульманъ память святыхъ (авлія) уважается. Мнѣ случилось видѣть у нѣкоторыхъ муллъ тетради, въ которыхъ были записаны мѣста могилъ различныхъ святыхъ, между которыми были и скончавшіеся еще во время самостоятельности болгаръ. Многія могилы, конечно, уже затерялись, да и въ описаніи-то онѣ не точно показаны, такъ напримѣръ: «на правомъ берегу рѣки Черемшана между такимъ-то и такимъ-то селеніемъ, на такой-то горѣ, подъ сосною похороненъ святой такой-то» и ищутъ набожные могилы, какъ будто имъ мало еще тѣхъ, которыя подъ носомъ находятся.

Мулла, на полѣ котораго находится могила святаго — новый доходъ. Лѣтъ пять тому назадъ былъ споръ между двонми муллами о томъ, кому принадлежитъ могила одного святаго: могила эта приходилась какъ разъ на межѣ двухъ полей сосѣднихъ селеній. Споръ этотъ былъ рѣшенъ, — конечно, не начальствомъ, — въ пользу того, на сторону котораго глядѣла надгробная надпись (**), однако и до сихъ поръ оба муллы ѣздятъ, съ пріѣхавшими на зіареть (***) на могилу, читать коранъ.

Между зажиточными татарами есть много ханжей, имѣющихъ обыкновеніе развѣзжать по могиламъ; нѣкоторыя, быть можетъ, дѣлаютъ это и съ умышленнымъ сердцемъ, а большинство — не думая. По крайней мѣрѣ, я знаю, что во время рамазана мѣсяца ино-

(*) Намѣстникъ.

(**) Намогильнымъ камнямъ, встрѣчающимся по Казанской губерніи, по большей части бывають аршина два вышиною, аршина шириною, въ поларшина толшины и оканчиваются заостреннымъ верхомъ. На одной сторонѣ вы встрѣтите выпуклые письмена: сперва какой нибудь текстъ, большею частію «вселии еси смерть», потомъ годъ, мѣсяць, число и даже иногда день кончины такого-то; «да помилуетъ его Богъ». На боку тоже иногда встрѣчаются разными цѣтатами изъ корана.

(***) Зіареть — поклоненіе святымъ: отъ этого и кладбище называется у татаръ зіаретомъ.

гіе, не желающіе держать поста, отправляются на зіреть, собственно потому, что въ пути мусульманинъ разрѣшается отъ поста, не беря грѣха на душу. Зіреть состоитъ, какъ я уже сказала, въ прочтеніи кое чего изъ корана на могилѣ усопшаго. Казавскаго, нажестя, уѣзда, въ помѣщичьемъ селеніи Хотивъ, въ саду, находится прекрасное озеро, поддерживаемое безчисленными родниками, омывающими его берега. Одинъ изъ этихъ родниковъ находится въ гротѣ, дно его красиво выложено камнями и передъ этимъ гротомъ вы непременно встрѣтите татарку, или татарина, сидящихъ на корточкахъ и творящихъ молитву, потому что этотъ родникъ, какъ они говорятъ, бьетъ изъ могилы какого-то святаго, имя котораго даже неизвѣстно.

Прежде, какъ я слышала, было огромное стеченіе къ этой мнимой могилѣ, такъ что предусмотрительные хозяева сада при входѣ прибили доску съ инструкціей на татарскомъ языкѣ, что всякій имѣетъ входъ свободный съ условіемъ, чтобы ходить по дорожкамъ, травы не мять, цвѣтовъ не рвать и т. д. Въ настоящее же время доходить съ могилы, по словамъ муллы близъ лежащаго татарскаго селенія, которому дано право приходить съ пилигримами на зіреть, не достигають даже и двадцати пяти рублей въ годъ.

Кстати, я встрѣтилъ въ домѣ владѣльцевъ с. Хотни, въ которомъ я имѣлъ удовольствіе пробыть нѣсколько дней, одного муллу, составляющаго особенный типъ. Съ татарами онъ былъ и ханжа и фанатикъ, съ русскими пилъ вмѣстѣ водку и ѣлъ говядину русскаго колютья (*), нюхалъ табакъ, пѣлъ пѣсни и готовъ былъ не только проплясать, но даже простоять на носу, еслибъ только это было дѣломъ не совсѣмъ невозможнымъ, изъ угожденія кому нибудь изъ членовъ этого прекраснаго семейства, которое онъ любилъ всею душою и уважалъ до работнпня. Онъ прекрасно пѣлъ фистулю «тучи черныя» и нѣсколько татарскихъ пѣсенъ въ какое угодно время, чтобы исполнить желаніе тѣхъ, которыхъ онъ уважалъ, не упуская, впрочемъ, изъ виду, что за потѣху имѣетъ право получить рюмку водки и приличную закуску. Подобныхъ муллъ можно встрѣтить вблизи уѣздныхъ городовъ и помѣщичьихъ усадебъ и вообще тамъ, гдѣ въ сосѣдствѣ находится много русскихъ селъ и деревень, или же гдѣ пролегаетъ большая торговая дорога.

(*) У мусульманъ запрещено ѣсть мясо животнаго заколотого во имя другаго бога. См. Сура корана, которая вся посвящена кушанью и называется *сура-тумль-наида*, то есть, сура о трапезѣ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я старался только обрисовать, насколько могъ, тѣ личности деревенскихъ муллъ, которыя заслуживаютъ хоть малѣйшаго вниманія; остальныхъ же можно подраздѣлить на двѣ категоріи: на плутоватыхъ и на сонныхъ, ничего не дѣлающихъ, которые по большинству своему служатъ представителями этой націи, духовно уснувшей, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, сномъ вѣчнымъ.

И. А. ИЦИНО.

НЕСНОСНЫЙ.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ записокъ отставнаго штабъ-лѣкаря.)

Главный докторъ Знаевского военного госпиталя, очень почтенный человекъ, по фамилии Такой-то, 13 октября 1856 года, за № 48,789, отдалъ по госпиталю такой приказъ: «честь имѣю покорнѣйше просить гг. ординаторовъ, осмотрѣвъ тщательно хроническихъ больныхъ въ своемъ отдѣленіи, обратить особенное вниманіе на неизличимыхъ нижнихъ чиновъ и составивъ имъ списки, съ обозначеніемъ противу каждаго названія и степени болѣзни, доставить таковыя въ самоскорѣйшемъ времени ко мнѣ, а въ извѣстности онаго росписаться на семъ же.»

Грамоту эту я прочелъ у себя вечеромъ на квартирѣ, а на другой день, явившись утромъ въ палату, перепугался не на шутку. Не только всѣ мѣста, оставшіяся вчера пустыми, были заняты, но смотритель долженъ былъ поставить еще нѣсколько кроватей по угламъ и возлѣ печки, — и на всѣхъ лежали больные. Что бъ это значило, подумалъ я? Погода, кажется, хорошая, въ атмосферѣ, по видимому, ничего такого болѣзненнаго, а прибыль ужасная, — и главное всѣ лежать, стало быть крѣико трудны!

— Откуда это такъ много больныхъ, спросилъ я у фельдшера, — команда что ли проходила какая?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Откуда же?

— Приставку, в. б—діе, послашали вчерась, вотъ и погѣзли на мѣсто....

Фельдшеръ былъ правъ. Открылась Силоамская купель, движеніе которой цѣлительно для всѣхъ солдатскихъ недуговъ, от ломоты и цинготы до физическаго истощенія. Все, что 25 лѣтъ прослужило, все поднялось и приползло къ этой купели, за которою, какъ рай Божій, видна свобода, родина, поля отеческія, сѣдой, какъ снѣгъ отецъ, согнувшійся надъ починаемымъ лаптемъ, морщинистая и смуглая какъ земля мать и, можетъ быть, даже сожигательница!

Я началъ осматривать больныхъ. Были тутъ всякіе. Одинъ говорилъ, что у него свело колѣно и безъ костылей не можетъ шагу ступить, — и дѣйствительно колѣно недвигалось и берцовая кость почти лежала подъ бедромъ, — но фельдшеръ взялся обѣими руками за стопу, потянулъ къ себѣ, что было силы: солдатъ закричалъ, ступилъ на ногу и сталъ ходить, какъ здоровый; другой жаловался на удущье отъ того, что 10 лѣтъ назадъ на работѣ упало на него бревно и поломало ребры: на мѣстѣ 6 мѣсяцевъ, ваше высокоблагородіе, лежалъ, — Ребры были цѣлы и въ груди ничего болѣзненнаго не оказалось. — У третьяго за сердце сосало уже лѣтъ 8 и будто такъ, словно дерливалось что-то съ живота подъ ложечку. — Сердце видимо здоровымъ и ложечка на своемъ мѣстѣ. Но были и истинно больные, особенно изъ прежде поступившихъ... Подхожу къ яловому Макарову; въ скорбномъ листѣ моей же рукой написано: органической пороки сердца... послушалъ еще: нѣтъ сомнѣній ставлю ему крестикъ, значить incurabilis, — и въ списокъ завести. Хотѣлъ отойти отъ него, но Макаровъ все жметса, подѣлъ подъ подушку и суетъ мнѣ въ руки какой-то запечатанный конвертъ.

— Что это такое, спросилъ я?

— Вашему высокоблагородію....

— Да что же это такое, отъ кого?. И начинаю ломать сургучъ...

— На фатеръ, ваше высокоблагородіе, опосля...

Я так встрял конвертъ: въ немъ 45 рублей старыми, помураворванными бумажками!

— Что это? спрашиваю я въ недоумѣнн, а у самого муравки по кожѣ пошла.

— Ваше высокоблагородіе! будьте отцы-покровители, заставьте вѣчно Бога молить!.. Пятнадцать лѣтъ маюсъ съ своей болѣзнію, — ужь мнѣ климантъ злѣшній, видно, не по нутру!...

Я бросилъ деньги на полъ, и красный отъ стыда выбѣжалъ изъ палаты. За порогомъ носъ-съ носомъ столкнулся съ главнымъ докторомъ. Онъ шелъ, важный и задумчивый, какъ и всегда, въ каскѣ, которую не снималъ и въ палатахъ, въ бѣлыхъ, длинныхъ и широкопалыхъ перчаткахъ, концами которыхъ обыкновенно шупалъ пульсъ у больныхъ, шелъ тихо, подуря голлову и глядя въ землю, а за нимъ, какъ китайскія тѣни, двигались цѣлой стаей и старшіе и младшіе и старые и юные ординаторы. Великій человекъ былъ нашъ главный докторъ Такой-то! Ужь одно то, что узнавалъ скорость и силу пульса не макишами пальцевъ, а просто рубцами перчатки. Или: бывало, изслѣдовалъ больного со всѣхъ сторонъ, до всѣхъ, и нѣмецкимъ и французскимъ способамъ, — покажешь ему; вотъ-модь, Доминикъ Францовичъ, кажется, водацца начинается, — колебаніе жидкости слышно въ животѣ... Онъ, великій человекъ, ткнетъ мизинцемъ въ пузо солдату и промолвить съ иронической улыбкой: *peque una quita*, — значить ни одной капли!.. Ротъ разинешь... О, великій Леннекъ и Скода! да и ихъ перещеголялъ, — и молчишь въ недоумѣнн, пока больного мѣсдца черезъ 3 не разопретъ горой...

— Что съ вами? сказалъ главный докторъ: — когда я, ничего не видя передъ собою, безцеремонно толкнулъ его лбомъ въ грудь въ корридорѣ... Что съ вами?

— Извините, Доминикъ Францовичъ, — я совсѣмъ сконфуженъ....

— Что жь такое?... продолжалъ Такой-то, когда ужь двери палаты предъ нимъ растворились настезь, точно волшебною силой.

— Да вотъ одинъ изъ больныхъ задумалъ предложить мнѣ, должно быть.... взятку.... 45 рублей.... говорилъ я въ слухъ, когда мы были уже по срединѣ палаты.

Главный докторъ хотъ бы слово на это. А старшіе ординаторы улыбнулись, глядя другъ на друга.

Въ молчаніи, математически точно, обошелъ Такой-то ихъ больныхъ и только при выходѣ остановился у порога и сказалъ:

— Какъ у васъ много людей накопилось!... Что вы отиѣтели неспособныхъ?

— Отиѣтели-съ.

— Много набралось?

— Порядочно! Вотъ этотъ, вотъ тотъ, вонъ еще, человекъ тридцать будетъ.

— Ну это ужъ слишкомъ. Вы еще молоды, не знаете ихъ; вѣдь это лодори.... Я васъ буду просить, Самсонъ Потапычъ, поруководить ихъ, сказалъ онъ, обращаясь къ одному изъ пожилыхъ медиковъ.

— Слушаю, слушаю, Доминикъ Францовичъ, слушаю, отозвался тотъ.

Такой-то ушелъ и всѣ за нимъ исчезли. Я кончилъ ординацію. Но намѣреніе Макарова меня крѣпко заняло.

Отправившись домой, позвалъ я на квартиру фельдшера. Фельдшеръ мой, по фамиліи Игнатьевъ, былъ парень расторопный и бывалый, зналъ солдатъ, какъ родныхъ братьевъ, частенько въ тихомолку бранилъ ихъ въ палатѣ и оставлялъ безъ обѣда. Онъ даже мало пилъ, вопреки обычаю большей части своихъ собратовъ по искусству. Одно только въ немъ было рѣшительно не выносимо: дня непроходило, чтобы онъ не жаловался на аптекаря и что хуже всего—всегда гласно, среди палаты, въ присутствіи всѣхъ больныхъ.

— Просто жить нельзя, ваше благородіе, говоритъ онъ: — бывало, вытянувшись въ струнку и глядя прямо мнѣ въ носъ,—ничего отпущать не хочеть: ты, говоритъ, все самъ приписываешь, ординаторъ и не знаетъ этого!... Сегодня вонъ всю даже морду за крематумъ разквасилъ, епистаксисъ два часа продолжался.... Ты, говоритъ, водку-то самъ потребляешь!... а извѣстно, ваше благородіе, что я не только что.... Вотъ и въ микстуры тоже ничего не кладеть.... И долго еще ворчалъ Игнатьевъ, хотя хорошо зналъ, что я ни слова не скажу на это, и я, дѣйствительно, молчалъ!... Аптекарь нашъ, Августъ Абельевичъ не уступалъ любому цаловальнику: жидкихъ дѣкарствъ едва отпускалъ на половину, а твердыя клалъ безъ вѣсу, вынимая ихъ изъ банки двумя, очень чувствительными пальцами своей руки.

Мы, молодые ординаторы, не любили его, а онъ насъ совсѣмъ знать не хотѣлъ, и вертѣлъ нашими рецептами, какъ сапожникъ старой подошвой, прилаживая ее по своему усмотрѣнію. Объ немъ, впрочемъ, я расскажу когда нибудь послѣ.

Игнатьевъ вошелъ ко мнѣ въ новомъ сюртукѣ съ блестящими пуговицами и козловыхъ сапогахъ. Волоса у него на головѣ лоснились и блестяли, пропитанные деревяннымъ масломъ, руки были довольно чисто вымыты пяти-копѣечнымъ мыломъ. Онъ сталъ у порога и вытянулся.

— Здравствуй, Игнатьевъ.

— Здравія желаю вашему благородію!

— Подойди-ка ближе.... Я позвалъ тебя... да стой свободно, невытягивайся.... Скажи, пожалуйста, съ какой стати этотъ Макаровъ сегодня мнѣ деньги давалъ, а?

— Извѣстно, ваше благородіе, на волю кому не хочется? Слабый человѣкъ, изболѣлся, приставку слышалъ, вотъ и думалъ того.... оно скорѣе пойдетъ....

— Гм... неужели онъ думалъ, что я возьму это?

— Видно, думалъ, ваше благородіе. Слыхалъ, значить, что иногда можно это дѣлать.

— Слыхалъ?... Развѣ кто нибудь беретъ съ солдатъ за эти вещи?

— Эхъ, ваше благородіе. Вы поглядите, ваше благородіе, какихъ здоровенныхъ выпускаютъ: вонъ извозомъ занимаются, дрова плавяты, торговлю ведутъ, а то въ кучера понанялись, — значить, было въ мошнѣ. Вонъ нашъ флигельный, изволите знать, какая силища-мужикъ, а и тотъ еще въ прошломъ году, выйду, говорить, въ отставку да и шабашъ, лошадей куплю, пойду въ извозъ.... Ну остался до нынѣшняго года, — можетъ, теперь что....

— Кто жъ это беретъ, скажи пожалуйста?

Игнатьевъ переминался, переступилъ съ ноги на ногу, поправилъ галстухъ и началъ басомъ:

— Какъ прикажете, ваше благородіе, вѣдь аптекаръ просто ничего отпускать не хочетъ. Иоду, говорить, со всѣмъ нѣтъ, а возьми вонъ нашатырь.... Я ему: нашатырь зачѣмъ, Иодъ выписанъ! Убирайся, говорить, къ чорту, — вотъ я тебѣ покажу Иодъ!... и лѣзетъ въ зубы....

— Ха, ха, ха!... онъ все свое!... Охота тебѣ, Игнатьевъ, все объ аптекарѣ толковать.

— Да что сдѣлаешь, натура у меня такая, не могу молчать....

— А лучше бы молчалъ. Вѣдь ни ты, ни я, ничего тутъ не сдѣлаемъ.... правда?

— Правда, ваше благородіе.

— Хуже всего, что ты при больныхъ это рассказываешь, что они станутъ думать?

— Ваше благородіе! а вы думаете, больные не знаютъ этого? Э!... Какъ принесешь это изъ аптеки микстуры всѣ одного цвѣта, они и подымутся: — ну, батюшка, Лукьянъ Силычъ, ты насъ всѣхъ, видно, опять одной Марьей Семеновной хочешь убоглотворить: закричать такъ-то, да иной и брать не хочетъ, насильно вольешь въ гортань.... Марьей Семеновной они называютъ микстуру Muriatis Ammonii.... Это передъ вашимъ благородіемъ былъ у насъ лѣкаръ, молоденькій тоже, шутникъ такой; солдаты его любили. Придетъ бывало вечеромъ, а покажи-ка, говоритъ, Игнатъевъ, микстуры, кто не кончилъ. Попробуетъ одну: Марья Семеновна! скажетъ; другую—тоже Марья Семеновна, третью—Марья Семеновна.... Такъ и пошла Марья Семеновна въ поговорку и солдаты переняли, передаютъ одинъ другому.... А то еще прежде, былъ тоже ординаторъ, старикъ тридцать пять лѣтъ никакъ на службѣ. Тотъ бывало, какъ только выйдетъ изъ палаты, покончивши визитацію, такъ всѣ больные и закричатъ на меня: — что брать, Лукьянъ Силычъ, на лѣво рвотное, на право слабительное, — все знаютъ, проклятые.... — Довольно, Игнатъевъ, ты, пожалуйста, по меньше говори объ аптекарѣ.... Да и не въ томъ дѣло.... У меня вотъ все Макаровъ не выходитъ изъ головы. Откуда онъ собралъ столько денегъ?

— Солдатъ, ваше благородіе, по копѣечкѣ вѣкъ своей собираетъ, все къ тому, чтобы на черныи дѣшъ, значить.... Да и нѣтъ уже и нѣтъ у него, ваше благородіе, уже взяты сегодня.... и дѣло будетъ сдѣлано....

— Взятъ? Кто же взялъ?... Да ну, говори, не переборщи.... видишь, я молодой, все хочу знать и выучиться, никому не скажу....

— Ужъ точно молодые вы, ваше благородіе, тотъ же Игнатъевъ, что помогать вашему благородію назначень, штабъ-лѣкаръ.... Игнатъевъ немножко покраснѣлъ и глядѣлъ на меня робко, точно жалѣя, что сказалъ всю правду....

— Вот какъ!... Ну, прощай, Игнатьевъ, спасибо тебѣ....
Да не рассказывай, пожалуйста, никому атого....

Зачѣмъ рассказывать, ваше благородіе, извѣстное дѣло....
Счастье оставаться!

— Прощай, мой другъ!...

Штабъ-лѣкаря, надворнаго совѣтника и кавалера св. Анны четвертой степени, Самсона Потапыча Чумакова я послѣ разкусилъ.

Къ стыду и прискорбію сказать, — большая часть нашихъ братьевъ-медиковъ, на третьемъ, много на четвертомъ году по выходѣ изъ университета дѣлаются, бывало, изъ людей думающихъ и занимающихся вросто чиновниками, не хуже нвыхъ подъячихъ временъ Очаковскихъ: Богъ знаетъ! или дѣйствительно

Въ насъ подь кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно, —

или ужь климатъ такой, что какъ ни посѣй и что ни посѣй, взойдутъ и выростутъ одни плевелы и заглушаютъ собою все доброе и свѣтлое.... Чего не дѣлаешь двадцати-лѣтней, студенческой головенкой, на какіе подвиги добра и знанія не готовишь себя, а выйдешь въ свѣтъ...

Итакъ Самсонъ Потапычъ Чумаковъ былъ прежде всего чиновникъ и чиновникъ, надо правду сказать, рѣдкостный. Всѣ госпитальныя писанныя и печатныя постановленія, все, что касается до представленія въ неспособные, награжденія за раны и увѣчья и т. п., все это онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ отлично владѣлъ перомъ и въ законахъ собаку съѣлъ и начальство, считая его полезнымъ и опытнымъ служакоюй, держало и терпѣло его. Дѣйствительно, какъ бы неразвлекался Чумаковъ, положимъ, вчера вечеромъ, сегодня онъ являлся на службу истиннымъ джентльменомъ своего рода: также правильно выставлялъ idem въ скорбныхъ билетахъ, также ловко подводилъ статейки, словомъ, все дѣлалъ, какъ надо быть, даже годовые отчеты по госпиталю за главнаго доктора писалъ, — значить и учености хватилъ.

Таковъ былъ штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ и кавалеръ Самсонъ Потапычъ Чумаковъ, вѣчная ему память, покой его косточкамъ!...

Но возвратимся къ Макарову....

На другой день еще я не начиналъ утренней визитацин, являясь ко мнѣ въ палату Чумаковъ. Онъ усѣлся у стола, потребовалъ списки кандидатовъ въ неспособные и началъ переключку. Я помѣстился съ боку, съ намѣреніемъ ничего не говорить, а только приглядываться и прислушиваться.

— Авдѣй Ивановъ!

— Здѣсь!

— Подойди!... Что у тебя?

— Ломота, ваше высокоблагородіе.

— Знаемъ мы эту ломоту!... Покажи ноги!... А еще молодой солдатъ.... наслужился много, на печь хочешь!... пошелъ вонъ!

— Петръ Колмыковъ!

— Здѣсь.

— Что у тебя?

— Сердцемъ боленъ, ваше высокоблагородіе.

— Что тамъ въ сердцѣ?

— Ноетъ, ваше высокоблагородіе, будь-какъ замираетъ и прыгаетъ какъ птица.

— Прыгаетъ, прыгаетъ, — а вотъ разложить бы тебя да лозовыми вѣвниками за такія штуки, вотъ бы ты попрыгалъ, такой да этакой.... пошелъ вонъ!

— Ваше высокоблагородіе!

— Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ!... Ахъ ты чортова кукла! еще разговариваетъ!...

— Фельдшеръ, поди-ка сюда, поди-ка сюда! Это что такое, а?... что это за грахва, ты линѣилъ.... что это за грахва: можно въ ней написать что нибудь, а?... и онъ началъ бранить бѣднаго фельдшера.... Мнѣ стало жаль до слезъ Игнатьева.

— Простите его Самсонъ Потапычъ, вѣдь это просто ошибка, — онъ не виноватъ.

— Вотъ вы его и балуете.... Эхъ! молоды вы, Еремѣй Ивановичъ!... поживите съ наше, узнаете что этому народу ни въ чемъ спуску не надо давать.... Ошибка! Я самъ вижу, что это ошибка, да за чѣмъ она здѣсь? Вѣдь это казенная бумага, документъ, вѣдь это пойдетъ въ руки самого главнаго доктора! У, у! Иродъ!... Убирайся къ чорту, не гляди на меня!

— Ну, Богъ съ нимъ....

— Нѣтъ вы ихъ не балуйте: посмотрите, примите мой советъ, сами скажете спасибо.... Алексѣй Чарный!

— Здѣсь!

— Что болитъ?

— Кашель, ваше высокоблагородіе, и кровью харкаю.

— Чахотка легкихъ въ первомъ періодѣ, досказалъ я.

— Ну, этого можно.... въ третій разрядъ, на годъ на родину, хочешь?

— Покорно благодарю, ваше высокоблагородіе.

— На годъ, сказалъ я, а послѣ?

— А послѣ опять на службу, отвѣчалъ Чумаковъ.

— Да нельзя ли, Самсонъ Потапычъ совсѣмъ въ отставку?...

— Нельзя, батюшка; видите статью: «Хроническій катарръ легкихъ съ расположеніемъ къ чахоткѣ, особенно у молодыхъ солдатъ въ третьемъ разрядѣ на годъ на родину».... А то вонъ: «полости въ легкихъ, печенѣніе, омертвѣніе, изпурительная лихорадка».... это въ четвертой, въ отставку.

— Покорно благодаримъ, подумалъ я.

— Ты откуда родомъ, спросилъ я Чарнаго?

— Новгородской губерніи, ваше высокоблагородіе!

— Вотъ видите, вѣдь это двѣ тысячи верстъ, какъ дойдетъ и отдохнуть нѣкогда, опять назадъ.

— Что дѣлать? Законы батюшка, законы. Оно дѣйствительно, земля наша велика и пространна, хе, хе, хе.... Антипъ Антоновъ!

— Здѣсь!

— Чѣмъ боленъ, показывай.... Глазами?... Э, да у васъ и внутреннія и наружныя! Знають къ кому поступать, молодой, думаютъ, всѣхъ запишетъ.... какъ бы не такъ!... Гмъ!... на правомъ глазу бѣльмо, на лѣвомъ — пятна, потемняющія зрѣніе.... Видишь что нибудь?

— Лѣвымъ, ваше высокоблагородіе, чуть-чуть, будто сквозь полотно, а на правый совсѣмъ слѣпъ....

— Нѣтъ статьи!... Ну, во второй, въ подвижныя инвалидныя роты.

— Какъ такъ, вмѣшался я опять, да вѣдь онъ слѣпой!

— Слепой да не совсѣмъ.... видите сказано: «совершенная потеря зрѣнія на оба глаза — въ четвертый разрядъ»; а то нѣтъ другой статьи: ослѣпнетъ совсѣмъ, тогда попадетъ.... Мы, батюшка, ужъ лѣтъ десять бьемся съ этими глазами — нѣтъ ста-

тей, а представить слѣдуетъ, почти ничего не видя. Ну и выдумашь какую нибудь внутреннюю бользнь.... Василій Кутый!...

Долго еще выкликалъ Самсонъ Потапычъ, долго ставилъ и кресты и нолики, маралъ и прищисывалъ. Дошло дѣло до Макарова.

— Нѣту его, отвѣчалъ фельдшеръ, выведенъ.

— Куда выведенъ, спросилъ я?

— Въ арестантскую, ваше благородіе.

— Какъ въ арестантскую, за что, кто вывелъ?

— Главный докторъ приказали.... Вчера вечеромъ сами были здѣсь, — вызвали Макарова на дворъ, что-то ему погрозили и приказали отправиться въ арестантскую, чтобъ сюда и не заходилъ.

— Господи! онъ такой слабый, нервный, — за что жъ это?

— Ну ничего, Еремѣй Ивановычъ, не безпокойтесь, мы его представимъ и запишемъ.... До свиданья!

Самсонъ Потапычъ ушелъ; я кончилъ визитацію и отправился домой, все думая о Макаровѣ....

Я пришелъ на квартиру, закурилъ трубку, но не могъ ни закусывать, ни читать.

— Бѣдный, бѣдный, Макаровъ, думалъ я, куда попалъ! И за что, по какимъ резонамъ, чѣмъ онъ виноватъ, что слышалъ отъ другихъ о возможности выкупиться, — и это подтвердилось даже на немъ самомъ, онъ и теперь иначе думать не будетъ!... И опять: что за секреты такіе, что за калейности? отчего не разобрать было дѣла, не спросить публично при всѣхъ на какомъ основаніи солдатъ осмѣлился предложить ординатору деньги, кто научилъ его, откуда онъ взялъ эту сумму? Почему было не изслѣдовать, нѣтъ ли тутъ кого нибудь болѣе и существеннѣй виноватаго, чѣмъ больной, жаждущій свободы и чистаго воздуха?... къ чему эти вызовы на дворъ.... Бѣдный, бѣдный Макаровъ!... но хорошъ и я, зачѣмъ я-то рассказалъ все вчера.... съ собой совладѣть не могъ!... Дуракъ, дуракъ!... Я рѣшился навѣстить Макарова вечеромъ. Кончивши вечернюю визитацію, я зашелъ въ арестантскую палату. Макаровъ лежалъ на кровати въ страшномъ положеніи. Лице желтое, какъ воскъ, рубашка на груди прыгаетъ отъ толчковъ сердца, глаза ввалились, нульъ полный и настыль, по щекамъ струятся крупныя слезы.

— Здравствуй, Макаровъ, сказалъ я.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, проговорилъ онъ тутъ слышнымъ голосомъ.

— Ну, какъ твое здоровье?

Макаровъ приподнялся, быстро схватилъ мою руку, сжалъ ее въ своей рукѣ, крѣпко поцаловалъ и заговорилъ :

— Ваше высокоблагородіе, отецъ ты нашъ родной! что это со мной приключилось: ума не приложу. Десять лѣтъ Богу и Государю выслужилъ, не только что другое, дурнаго слова ни отъ кого не слышалъ, а тутъ вотъ пришлось куда попасть!... И что моя за вина такая?... Да накажи меня Господь, коли что нибудь такое противное въ думкахъ было, на счетъ обиды вашей, али что.... Стали говорить товарищи, дай, говорятъ, возьми, ну, и сдѣлай такую глупость!... Ваше высокоблагородіе, кормилецъ мой! ослобоните отсюда: не привыкъ, душно мнѣ, больно тутъ, душенька вонь лѣзетъ.... Голосъ его прервался; онъ зарыдалъ какъ ребенокъ и положилъ голову на подушку....

Солдатъ нашъ мало плачетъ; натура у него вообще, правду сказать, не крѣпко впечатлительная. Но Макаровъ во-первыхъ былъ, какъ видно, глубоко честный человекъ, а во-вторыхъ, былъ боленъ сердцемъ, слѣдовательно нервный и впечатлительный въ высшей степени. Къ тому же общество солдатъ-арестантовъ, большею частью такая гадость и мерзость, что попавши въ него, надо или тотчасъ бѣжать или въ 2 дня переродиться въ ихъ натуру и сдѣлаться звѣремъ и негодяемъ.

— Полно, Макаровъ, вѣдь ты не баба какая, началъ я утѣшать, — выведутъ, завтра же выведутъ, — буду самъ просить, лежишь нѣкоторое время у меня опять, а тамъ гляди и отставка придетъ, домой пойдешь, — вѣдь ты будешь представленъ, знаешь это?

— Знаю, ваше высокоблагородіе, сказалъ Макаровъ, ободрившись и опираясь на лѣвый локоть, — дай Богъ и вамъ и имъ; штабъ-лѣкарю доброму человеку, — много лѣтъ здравствовать....

— Ну, полно же! Выпей водички и засни спокойно, а завтра все уладится.... Прощай!....

Макаровъ опять хотѣлъ схватить мою руку, но я поспѣшно ушелъ изъ палаты, слыша тамъ за собой уже восклицанія:

— Нѣженка, баба прокислая, разрюмился точно некруть передъ бритвой, а еще солдатъ презываешься!

Я ждалъ-недождался слѣдующаго дня и только что главный докторъ показался утромъ на биржѣ, я побѣжалъ къ нему. Биржей мы называли площадку подъ открытымъ небомъ между госпитальными флигелями, гдѣ всѣ ординаторы, по окончаніи визитацій ожидали Доминика Францовича, чтобы отсюда сопроводить его по всемъ палатамъ.

Тутъ мы разсуждали всегда о многихъ душеспасительныхъ и ученыхъ предметахъ, какъ-то: о дороговизнѣ и непрочности сапоговъ и фуражекъ, о развращеніи деньщицкихъ нравовъ и о различныхъ способахъ распеканій у разныхъ главныхъ докторовъ, — кому гдѣ пришлось наблюдать: большая часть изъ старыхъ эскулаповъ были люди бывалые и мыслящіе. Зачѣмъ мы его ждали тутъ и зачѣмъ онъ вообще ходилъ по госпиталю, про то зналъ одинъ Богъ, да еще развѣ смотритель госпиталя маіоръ армейской пѣхоты Лягушкинъ.

— Извините, пожалуста, Доминикъ Францовичъ, началъ я придерживая рукою козырекъ полу-поднятой фуражки, когда главный докторъ посмотрѣлъ на насъ привѣтливо (онъ никогда намъ не кланялся и на службѣ никому руки не подавалъ), извините, я имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу....

— Ну те.

— Ради Бога, Доминикъ Францовичъ, прикажите перевести изъ арестантской Макарова....

— Какого Макарова?

— Да больнаго моей палаты, который мнѣ.... деньги предлагалъ.

— Да вѣдь вы же сами на него жаловались.

— Я не то что жаловался, а такъ, сказалъ.... дѣйствительно странно показалось.

— Гмъ!... Странно показалось!... Коли только странно, такъ можно было и смолчать, а вѣдь вы публично формальную жалобу мнѣ принесли, — я не могъ этого дѣла такъ оставить.

— Виновать, Доминикъ Францовичъ.... значить и я и онъ, мы оба виноваты, простите жъ ему для меня, ради Бога!

— Да что за бѣда — арестантская?... посидитъ нѣсколько дней, умнѣе будетъ да и другіе узнаютъ.

— Онъ не можетъ высидѣть тамъ нѣсколько дней.

— Это почему?

— Слабъ, впечатлителенъ крѣпко.... Я вчера заходилъ къ нему, заливается слезами, проситъ освободить его.... Біеніе сердца.... Это можетъ имѣть пагубное вліяніе на его болѣзнь.

— Какое тамъ вліяніе?... Эхъ молоды вы что-ли, или упрямы: и то и другое скверно! пожалуйста, держите себя прилично. И за какимъ чортомъ вы пошли туда?... Солдатъ наказанъ за преступленіе, по вашимъ же жалобамъ, а вы его утѣшать ходите.... Это называется я нашимъ и вашимъ.... Какая же послѣ этого дисциплина будетъ!... вы народъ бунтуете!... Терпѣть не могу этого!... Слышите, терпѣть не могу и чтобы мнѣ это было въ первый и послѣдній разъ, слышите!!

— Доминикъ Францовичъ!... началъ было я довольно громко, но видя, что Такой-то разсердился не нашутку, замолчалъ ради Макарова....

Главный докторъ тоже прекратилъ разговоръ, но былъ гнѣвъ и золь и всѣмъ подчиненнымъ досталось въ это утро порядкомъ по моей милости, за что они, конечно, не были мнѣ благодарны.... Макарова однакожь выпустили....

Обошедши весь госпиталь, Такой-то приступилъ къ повѣркѣ списковъ неспособныхъ, составленныхъ ординаторами. Натура Доминика Францовича была желчная, онъ долго не могъ успокоиться, распекалъ медиковъ, особенно меня занеpravильно названные болѣзни и не точныя указанія на статьи закона и небрежность, и незнаніе.... Я все не говорилъ ни слова.... Дошло дѣло до Макарова.... Главный докторъ, молча, только посмотрѣвши въ лицо больному, провелъ толстую черту черезъ все его имя и фамилію... Я не выдержалъ.

— Доминикъ Францовичъ, началъ я по латыни, да вѣдь онъ дѣйствительно боленъ, онъ труднѣе всѣхъ въ моей палатѣ....

— Чѣмъ боленъ?

— Органическій порокъ сердца....

— Порокъ сердца?

— Да-съ, при выслушиваніи....

— При выслушиваніи?... Выслушиваніе груди было еще тогда дѣло новое: старики ординаторы смѣялись надъ нимъ, а главный докторъ ненавидѣлъ эту выдумку, хоть, изъ оффиціального уваженія къ наукѣ, не отвергалъ ее публично, тѣмъ болѣе,

что начальство видяло ему въ обязанность упражнять молодежь въ выслушиваніи и постукиваніи груди; къ тому же голосъ мой звучалъ должно быть рѣзко и грубо. Доминикъ Францовичъ посмотрѣлъ на меня — тигромъ.

— Не угодно ли пульсъ попробовать, сказали я громко, держа за руку Макарова.

— Гмъ!... Пульсъ, какъ пульсъ... полный, частый... разумѣется, человекъ волнуется... передъ нами... мысль, ожиданіе, вѣтъ и все... не слѣдуетъ!... Слупай!

— Доминикъ Францовичъ, закричалъ я уже вѣтъ себя нерусски, вѣтъ это... помилуйте!... вѣтъ это... безбожно!... незаконно!...

— Что-о-о такое?... Милостивый государь! что безбожно?... что незаконно?... Да какъ вы смѣете?... Господи! первый разъ въ жизни!... столько лѣтъ служу!...

Доминикъ Францовичъ былъ страшенъ, глаза его горѣли, волосы на головѣ подыались. Онъ бросилъ перо объ полъ, схватилъ каску и перчатки и ушелъ... убѣжалъ изъ госпиталя...

— Быть бѣдѣ, быть бѣдѣ для васъ, говорили мнѣ старшие, болѣе добрые сослуживцы!... Убирайтесь-ка вы лучше посмотрѣть; отсюда, по добру, по здорovu... Ищите къ штабъ-доктору, просите командирова... И охота вамъ была прогнать читать... видите человекъ отъ рожденья непривыкъ къ этому... Эхъ, молодость!...

— Бѣдный, бѣдный Макаровъ, думалъ я, — теперь онъ отъ меня уже жертвой за мои прогнанія... А деньги?... Вѣтъ Чумаковъ долженъ же возвратитъ ему ихъ... Нѣтъ, пусть лучше удержитъ, только бы сдѣлалъ дѣло, приписалъ бы какънибудь, сляпывалъ что ли, — говорить это возможно!...

Правда, Макаровъ человекъ не живущій; но все же дотъ бы послѣдніе дни его не омрачить оскорбленіемъ... а можетъ, какъ-нибудь и долетится до дому... тамъ и умереть легче, тамъ на святой землѣ отцевъ и дѣдовъ, среди знакомыхъ, среди крестовъ, подъ тѣнію имъ же самимъ посаженной въ дѣтствѣ елки, гдѣ тогда уже птичка чирикала и зеленѣли молодые побѣсы!...

Бѣда дѣйствительно разразилась надо мной, но я успѣлъ еще до конца досмотрѣть исторію Макарова.

Списки представленныхъ въ неспособные никогда никому въ госпиталь непоказывалъ, а хранились тщательно у старшаго писаря-фаворита и послѣ повѣрки и подписи, отсылались по-

сѣбно, къ кому слѣдуетъ, выше. Не солдатыки, разушются, веѣма слаши старалась узнать свою судьбу: послѣдніе полтяники и другивенные ихъ переходили къ шсарю, — и каждому было вѣвѣстно, чѣмъ надъ нимъ порѣшили.... Услышалаъ свою долю и Макаровъ. Извѣстіе это снверно подѣйствовало на его здоровье. Онъ упалъ духомъ и осунулся еще хунже, а я уже и глядѣть ему прямо въ глаза не могъ. Пошелъ я было къ Чуманову вечеромъ, но не добился толку. Онъ былъ какъ-то не въ духѣ: сначала меня выругалъ, потомъ посадилъ, занялаъ и объявилъ, что дѣло можно поправить, что хотъ онъ на войнѣ не былъ, а воевать умѣетъ и разныя этакия штуки можетъ выкинуть, что словомъ — Макаровъ будетъ дома....

Извѣстие, что военный начальникъ назначается для контроля медиковъ при представленіи солдатъ въ неспособные. Къ намъ на этотъ случай назначенъ былъ бригадиръ, представляемый впрочемъ въ генераль-майоры, Кузьма Фомичъ Воскобойниковъ....

Посчиталъ намъ, находившійся въ малерскомъ подвоевно глукомъ городишкѣ Зибевѣ, рѣдко видѣлъ зыскитѣ посѣтителей и потому можете себѣ представлять, какая буря поднялась у насъ, когда его превосходительство Воскобойниковъ увѣдомилъ о пріѣздѣ своемъ, съ такою-то цѣлю, въ такой-то день и въ такомъ-то часу. Доминикъ Францовичъ всталъ до зари и торопилъ сначала визитаціями, а послѣ — обѣдомъ для боманыхъ, ибо щи и говядина намъ нарочно и на этотъ день оказались крѣпко подозрительными. Онъ былъ облеченъ во всѣ регалии, и несмотря на грязный и сырой день, расхаживалъ по двору безъ калошъ и шинели. Ординаторы, въ новыхъ мундирахъ и чистыхъ перчаткахъ, при оружіи и крестахъ, кому Богъ послалъ, робко выглядывали изъ за угловъ, не смѣя подступиться къ Такому-то и спросить о времени пріѣзда: такъ много думы и сербѣзу было на почтенномъ лицѣ главнаго доктора. Майоръ армейской пѣхоты Лагушкинъ разставилъ нахальныхъ, всеунтеровъ, самъ сѣлъ верхомъ на лошадь, а вѣстовало своего посадивъ верхомъ на трубу главнаго госпитальнаго флигеля, куда тотъ благополучно и провалился, спустя полчаса времени, съ перепугу что ли. Назначенные къ приставкѣ собраны были въ одну, пустую комнату, гдѣ они то и дѣло крестились и шептали молитвы.... Ожиданіе длилось долго: бригадиръ опоздалъ четырьмя часами противъ назначеннаго имъ самимъ срока.... Наконецъ,

гдѣ-то кто-то крикнулъ: ѣдутъ!... Главный докторъ вздрогнулъ и откашлялся, ординаторы выбѣжали на площадку и вытянулись въ одну шеренгу; смотритель сталъ ногами на спяну лошади, чтобъ лучше видѣть, но поскользнулся и замаралъ штаны, въ чемъ остался виноватымъ ефрейторъ державшій лошадь. Штаны были мгновенно переѣнены и Лагушкинъ вышелъ уже пѣшкомъ къ главнымъ воротамъ съ рапортомъ о благополучіи. Воцарилось молчаніе — муха пролетитъ, услышишь, только изрѣдка кто нибудь глухо высмаркается, да вѣтеръ свиснетъ изъ за угла.... Опять кто-то крикнулъ: пріѣхали! и — явилось его превосходительство!

Смотритель отрапортовалъ о порядкѣ, главный докторъ представилъ ординаторовъ и всѣ вошли въ комнату засѣданія....

Засѣданіе началось рѣчью, которую произнесъ главный докторъ:

— Мы вотъ побезпокоили ваше превосходительство, — погода такая и время, ваше-превосходительство!

На что бригадиръ отвѣтилъ тоже рѣчью, въ такомъ родѣ:

— Что дѣлать?... Служба, долгъ.... Приступимъ... э-э-чи!..

— Желаемъ здравія вашему превосходительству, приговорили главный докторъ и смотритель....

— Благодарю васъ, благодарю!... Приступимъ!...

— Слушаю, ваше превосходительство.

Здѣсь я долженъ остановиться и сказать, что хотя я точно, слово въ слово передалъ вамъ рѣчь главнаго доктора и желаніе здравія и его слушаю, но я не выразилъ, не въ силахъ выразить той мимики, жеста, интонаціи голоса, съ какими были произнесены эти слова, уже и сами по себѣ глубокія и задушевные.... О, Гиппократъ, пророкъ нашей науки!... Что это была за прелесть! И какъ измѣнялся при этомъ нашъ лютый Такой-то въ кроткаго агнца, готоваго на закланіе....

Бригадиръ, главный докторъ и смотритель усѣлись; Чумаковъ прилѣпился тоже въ концѣ стола въ качествѣ секретаря.... Передъ бригадиромъ и Доминикомъ Францовичемъ лежали списки; Чумаковъ заглядывалъ въ нихъ и выкликалъ по порядку.

— Ивановъ Степанъ!

— Здѣсь!

— Что у него? вопросъ бригадира.

— Tuberculosis, отвѣчалъ Чумаковъ.

Онъ почему-то думалъ, что генералъ знаетъ по-латыни.

— Что такое?

— Чахотка, перевелъ шопотомъ главный докторъ.

— Гмъ! болѣзнь неизлѣчима.... вѣдь она неизлѣчима, господинъ докторъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!... То есть бываютъ случаи.... но.... точно такъ.... совершенно неизлѣчима, ваше превосходительство!...

— Куда его?

— Въ третій разрядъ, на родину, ваше превосходительство.

— Согласенъ!... Дальше!...

— Бондаревъ Григорій!

— Здѣсь!

— Болѣзнь?

— Nostalgia!

— Какъ?

— Тоска по родинѣ, ваше превосходительство!

— Тоска по родинѣ?... Законъ есть?

— Есть, ваше превосходительство, на родину, вотъ, ваше превосходительство!

— Да.... молодой солдатъ!... Жаль!... Въ чемъ болѣзнь?...

— Скучаетъ, ваше превосходительство, сохнетъ.... о родинѣ плачетъ, не ѣсть....

— Согласенъ!... Да.... Гмъ!... родина.... родина.... Этотъ физиологическій процессъ еще, я думаю, не объясненъ поря-
дочно?

— Точно такъ, ваше превосходительство, совсѣмъ необъясненъ....

— Гмъ!... Дальше!... Пошли дальше. Какой недугъ?

— Катарръ бронхій.

— Чтожъ это въ животѣ или въ мозгахъ?...

— Въ груди, ваше превосходительство!... Катарръ бронхій, то есть — извините, ваше превосходительство — ослизенье эта-
кое дыхательныхъ вѣточекъ....

— А-а!... согласенъ!

И такъ далѣе, все въ такомъ же родѣ. А въ наружныхъ генералъ даже вставлялъ глядѣть нѣкоторыя раны, при чемъ онъ морщился и приставлялъ платокъ къ носу.

— Что это ужъ антоновъ огонь? спросилъ онъ, глядя на черное пятно въ паху у одного солдата.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, — это углемъ липовымъ присыпано.

— Вотъ какъ! У васъ и уголь годится?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Все на пользу чело-вѣка....

— Хорошо: природа богата зельями, а ваше дѣло ихъ испыты-вать, — неправда ли?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Дальше!

Чумаковъ посмотрѣлъ въ списокъ главнаго доктора и хотѣлъ перемахнуть листикъ....

— Позвольте, сказалъ Доминикъ Францовичъ: — а этого чтожь?

Чумаковъ прищурился и произнесъ несмѣлю:

— Макаровъ Трофимъ!

— Это должна быть ошибка, сказалъ главный докторъ, глядя на Чумакова. — Извините, ваше превосходительство, обратилъ онъ къ генералу: — вѣрно, писарь какъ нибудь, по незнанію; солдатъ этотъ дѣйствительно у насъ за болѣзнію въ госпиталѣ, но ничего особеннаго.... такъ, маленькое біошіе сердца.... выпишемъ.... отдохнетъ на чистомъ воздухѣ и будетъ здо-ровъ.... А вотъ онъ, не угодно ли взглянуть вашему превосхо-дительству?

— Гмъ ... ну, такъ чтожь?... здоровъ, такъ зачѣмъ же?... выписать да сообщить въ команду, чтобъ, сколько надо, не упо-требляли на работу.

— Слушаю, ваше превосходительство, сказалъ главный док-торъ и опять замаралъ Макарова.

Засѣданіе кончилось. Бригадиръ вывелъ свой чинъ и фами-лію подъ списками, подержался за поясницу и уѣхалъ, а глав-ный докторъ потребовалъ билетъ Макарова и выписалъ его собственноручно изъ госпиталя въ полкъ, какъ совершенно здо-роваго, поглядѣвши на меня съ угрозой и презрѣніемъ.

Макаровъ получилъ одежду, нарядился, зашелъ ко мнѣ на квартиру совсѣмъ убитый, полупомѣшанный, кинулся къ ногамъ и заголосилъ.

— Что ты, Макаровъ? Богъ съ тобой!... Крѣпись какъ ни-будь, не думай, чтожь дѣлать? Дастъ Богъ все устроится, все получишь.

— Ваше благородіе, голубчикъ вы мой сизый! недоля моя, недоля.... Не жилецъ я, человекъ на свѣтѣ.... не дойду и до казармъ.... смерть идетъ!... Ваше благородіе!

И покатился въ ногахъ.

— Полно, Макаровъ, встань! Есть ли у тебя деньги хоть?

— Нѣтъ, ваше благородіе.... да на что они мнѣ? Какіе были, отдалъ на это дѣло....

— Былъ ты теперь у штабъ-лекаря?

— Заходилъ, ваше благородіе.

— Тоже говоритъ, чтобъ не тревожился, что все будетъ сдѣлано... что онъ не будетъ сидѣть, сложа руки, а особливо... коли не даромъ.... успокоиваетъ... да нѣтъ ужъ, не жилецъ я... Батюшка, матушка!... прощайте, родные!... И ты, Алёнушка, и ты, Андрюша, и ты, Мархонька!... Не дождайтесь вамъ яснаго сокола, воипа Христоваго.... а ужъ и писульку послалъ.... Ждутъ, горькіе, ждутъ, жалкіе... ох! не жилецъ я, не жилецъ!

— Довольно, Макаровъ! Встань!... вотъ тебѣ рубль.... извини, больше нѣтъ, послѣдній, — найми подводу, такъ и сходи въ полкъ....

— Покорно благодарю, ваше благородіе; нѣтъ, не надо!...

— Отчего?

— Не надо.... а ужъ коли милость ваша, пошлите на свѣчку старостѣ госпитальному.

— Да возьми, на свѣчку я послѣ дамъ.

Макаровъ не взялъ денегъ и ушелъ отъ меня, блѣдный, едва дыша, чуть переступая съ ноги на ногу.... Я не могъ глядѣть ему въ слѣдъ, кинулся на диванъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Господи! благодарю тебя за эти слезы!...

Послѣ нѣсколько разъ я просилъ такихъ же слезъ, но ихъ уже не было, не пришли — и одеревенѣлъ человекъ....

На другой день я былъ дежурнымъ. Изъ полиціи, при двухъ десятскихъ, доставили трупъ неизвѣстнаго человека въ солдатскомъ костюмѣ, найденнаго мертвымъ на дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ города. То былъ Макаровъ. Назначили слѣдствіе. Главный докторъ, вѣрно, въ пику приказалъ мнѣ вскрыть.... Я одинъ былъ въ часовнѣ съ Макаровымъ. Онъ лежалъ подъ ножемъ, уже совсѣмъ холодный, ни о чемъ не прося, ни на что не жалуясь; только на щекахъ засохли двѣ длинныя полосы отъ недавнихъ слезъ....

По вскрытіи оказался острый мгновенный отекъ легкихъ и мозга, вслѣдствіе органическаго порока сердца. Я тутъ же написалъ актъ и послалъ на разсмотрѣніе главному доктору, но мнѣ его уже не возвратили, и на другой день меня уже не было въ Зноевѣ.

Пославши актъ, я долго еще стоялъ въ часовнѣ и, глядя на красные куски мной же порѣзаннаго солдатскаго мяса, произносилъ мысленно стихъ поэта:

Такъ вотъ что, служба, вѣрь же мнѣ,
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки!

ЕР. В—ШЪ.

17 марта 1860 г.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ мы намѣрены сообщать рядъ извѣстій изъ различныхъ современныхъ сказаній объ основаніи Петербурга, общественной жизни его въ первые годы существованія, обычаяхъ и нравахъ, введенныхъ тамъ Петромъ Великимъ и т. п. Что бы ни говорили противники Петербурга, у этого города есть своя исторія, исторія — полная разнообразныхъ, часто драматическихъ событій, и до такой степени значительная для русской жизни XVIII и XIX столѣтій, что невозможно, говоря о Петербургѣ, не касаться въ тоже время исторіи всей Россіи.

Съ самыхъ первыхъ годовъ основанія, Петербургъ главнѣйшимъ образомъ имѣлъ двоякое назначеніе: во первыхъ, новый городъ, не связанный никакими историческими преданіями съ прошедшимъ Россіи, разумѣется скорѣе и легче усвоивалъ себѣ все то, что было до того добыто западною цивилизаціею и потому служилъ главнѣйшимъ проводникомъ просвѣщенія и знаній. Вотъ почему русскіе знатные и бояре, привыкшіе къ размахистому произволу, долго не свыкались съ Петербургомъ и еще во времена Елизаветы выискивали случаи, чтобы ускользнуть изъ Петербурга въ Москву и оставаться тамъ какъ можно долѣе. Съ другой стороны, Петербургъ оказывалъ вліяніе на Россію тѣмъ, что въ немъ укрѣпились и развились до крайностей нѣкоторыя начала, выработавшіяся, впрочемъ, не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ въ продолженія нѣсколькихъ столѣтій жизни всего русскаго народа. Эти начала въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе сближенія съ Западомъ, перемѣнили только форму, но не сущность и вообще наносили ущербъ народности и лишили самостоятельности даже самыя отдаленныя края Россіи. Извѣстно, что сосредоточенностью въ Петербургѣ началъ, о которыхъ здѣсь говорится, весьма довольны нѣкоторые классы петербургскаго люда, такъ какъ въ нихъ они видятъ личныя для себя выгоды...

Намъ кажется, что если когда нибудь будетъ писаться исторія Петербурга, то историкъ не можетъ обойти молчаніемъ этого двойственнаго, столь различнаго по своимъ результатамъ значенія Петербурга для Россіи. Чтобы облегчить будущимъ изслѣдователямъ, здѣсь собраны разныя извѣстія о петербургской старинѣ и о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ этотъ городъ. Быть можетъ, все это не будетъ безынтересно и для нынѣшнихъ читателей, которымъ знакомъ Петербургъ.

I.

Первый годъ существованія Петербурга. Состояніе страны, образъ жизни и обычаи жителей, обитавшихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ возникъ городъ. Петербургская крѣпость: причины быстроты сооруженія ея; извѣстія о рабочихъ и переселенцахъ въ Петербургъ.

На правомъ берегу Невы въ той части нынѣшняго Петербурга, которая называется охтенскою, около устья р. Большой Охты, гдѣ теперь корабельная верфь и принадлежащая ей зданія, стоялъ шведскій городъ Ніеншканцъ. На другой годъ послѣ взятія *Нотебурга*, окрещеннаго потомъ въ Шлюссельбургъ, именно въ апрѣлѣ 1703 г., русскія войска, подъ командою Шереметьева, обложили Ніеншканцъ. При этой осадѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Петръ Великій принималъ личное, непосредственное участіе: онъ самъ командовалъ лодками, когда онѣ спускались внизъ по Невѣ для рекогносцировки шведскаго флота, бросившаго якоря близъ устья рѣки. Шведскій гарнизонъ въ крѣпости не могъ долго держаться и 1 мая Ніеншканцъ сдался Шереметьеву на условіяхъ. Между тѣмъ, на шведскомъ флотѣ еще не знали объ этомъ, а потому, 2 мая, два корабля вошли въ Неву и дали знать о своемъ приходѣ крѣпости двумя выстрѣлами; въ отвѣтъ имъ, нашъ фельдмаршалъ приказалъ также выстрѣлить изъ шведскихъ пушекъ два раза и за тѣмъ повторяли это нѣсколько разъ съ цѣлью, чтобы не дознались о происшедшемъ. Непріятель дѣйствительно не догадался о взятіи Ніеншканца и послалъ туда ботъ за лодчанами. Едва посланные шведы вышли на берегъ, какъ русскіе, скрывавшіеся въ лѣсу, напали на нихъ, одного захватили въ плѣнъ, а другіе успѣли спастись на ботѣ. 6 мая, царь съ солдатами преображенскаго и семеновскаго полковъ, на тридцати лодкахъ, отправился по Невѣ къ возморью и тамъ увидѣлъ два помянутыхъ шведскихъ корабля. Извѣстно, что въ это время года ночи здѣсь бываютъ свѣтлы, однако русскіе не напали днемъ, скрываясь за островомъ, что тогда былъ противъ деревни Калинкиной (Kallina—она построена была около мѣстности, гдѣ теперь калинкинскій мостъ и больница) и назывался *Nigvi saagi* т. е. лосій островъ, иначе Васильевскій. Около полуночи нашла туча съ дождемъ, и Петръ, въ качествѣ бомбардирскаго капитана, съ Меншиковымъ («понеже, замѣчено въ журналѣ П. В., иныхъ, на морѣ ~~забытыхъ~~, никого между русскими не было»), распорядился о нападеніи на шведскіе корабли, хотя у русскихъ не было пушекъ и все вооруженіе состояло изъ ружей и ручныхъ гранатъ. Половина русскихъ лодокъ

попылки тихою греблею возлѣ острова *Nigvi saagi*, подѣ прикрытіемъ лѣса, заходя такимъ образомъ шведскимъ кораблямъ съ моря, а другая половина лодокъ кинулась на нихъ съ верховьемъ Невы. Непріятель развернулъ паруса и, вступивъ въ бой, старался пробиться къ своей эскадрѣ. Последняя также распустила паруса, чтобы выручить окруженные русскими кораблями, но напрасно: узкій фарватеръ мѣшалъ свободно лавировать. Оба корабля, послѣ абордажной рукопашной схватки, были взяты: изъ 77 человекъ бывшаго на немъ экипажа уцѣлѣло только 29, прочіе же всѣ были побиты. «И тѣ корабли, сказано въ современной русской реляціи, привели ко взятому городу Канцамъ по обычаю, какъ приводятъ полоненные суда»...

Вскорѣ послѣ взятія, «господинъ капитанъ бомбардирской, продолжаетъ та же реляція, изволилъ осматривать близъ къ морю удобное мѣсто для зданія новой фортеціи, и потомъ въ скоромъ времени изволилъ обыскать единый островъ, зѣло удобный положеніемъ мѣста, на которомъ вскорѣ, а именно мая въ 16 день, въ недѣлю пятьдесятницы, фортецію заложили и нарекли имя оной Санктъ Петербургъ....»

Въ журналѣ П. В., писанномъ и правленномъ имъ самимъ, добавлено, что по взятіи Ніеншканца былъ воинскій совѣтъ, на которомъ разсуждалось, начать ли снова укрѣплять эту крѣпость, или же выбрать для того новое мѣсто, такъ какъ ніеншканцскія укрѣпленія были не очень сильны, удалены отъ моря и недостаточно защищались природою. По этимъ уваженіямъ было рѣшено заложить новую крѣпость на островѣ, который у шведовъ слылъ подѣ названіемъ *Jänni saagi* (заячій), а въ журналѣ П. В. проименованъ Люстъ елантомъ, т. е. веселымъ островомъ.

Одинъ нѣмецкій авторъ, писавшій о Петербургѣ чрезъ десять лѣтъ послѣ его основанія (*), сообщаетъ, что царю особенно понравились окрестности Ніеншканца и онъ потому рѣшился заложить здѣсь крѣпость. Замѣтимъ, что Петръ узналъ впервые эти окрестности весною, когда онѣ дѣйствительно хороши; но если бы царю былъ извѣстенъ климатъ страны въ остальные девять мѣсяцевъ, то едва ли бы онъ былъ отъ нея въ восхищеніи. Сначала Петръ удивлялся, зачѣмъ шведы отдалили свой городъ отъ моря, а потому хотѣлъ основать укрѣпленія какъ можно ближе къ устью рѣки: однако впоследствии, по разнымъ важнымъ причинамъ, было найдено это неудобнымъ, такъ что наконецъ избрано для Петербурга мѣсто въ сре-

(*) *Exacte relation von der... neu erbaueten Vestung und Stadt st. Petersburg....* aufgezichnet von H. G. Leipzig 1713.

динѣ между бывшимъ шведскимъ городомъ и тою мѣстностью, гдѣ первоначально царю хотѣлось заложить крѣпость... Въ другомъ изданіи сочиненія того же автора (*) добавлено, что петербургская крѣпость построена на нынѣшнемъ ея мѣстѣ потому именно, что рѣка имѣетъ здѣсь значительную глубину (до 90 футовъ), а лежащая около окрестности возвышаются надъ болотами и потому представляютъ непрístupную мѣстность; такимъ образомъ, небольшой островъ избранъ для возведенія крѣпости, а другой (нынѣ петербургскій) и сосѣдственная прибрежная земля — для основанія города.

Что же касается до Ніеншканца, то его нарочно ѣздили осматривать, 11 лѣтъ спустя послѣ осады, мекленбургскій посланникъ Веберъ: (**) онъ нашелъ тамъ только нѣсколько развалинъ, глубокіе рвы, колодцы, подвальные ямы; всѣ же строительные матеріалы изъ разрушенныхъ домовъ пошли на постройку петербургскихъ зданій. До войны, жители города вели изрядную торговлю съ остъзейскимъ краемъ, но послѣ взятія Ніеншканца большая изъ нихъ часть уведены въ плѣнъ, а незамужнія женщины поступили въ услуженіе къ царицѣ и придворнымъ дамамъ, и впослѣдствіи времени выданы въ замужество.... Нѣкоторые признаки ніеншканцкихъ укрѣпленій и темныя преданія о существованіи шведскаго города у охтенскихъ старожиловъ сохранились и до настоящаго времени. 22 іюня 1703 г. гвардія и другіе полки, стоявшіе до того времени въ Ніеншкандѣ, перешли къ Петербургу. 29 іюня — праздникъ св. Петра и Павла — былъ отправленъ уже въ петербургской крѣпости: «банкетъ былъ въ новыхъ казармахъ, которыхъ тогда въ больверкѣ генераль губернатора Ал. Данил. Меншикова нѣсколько уже сдѣлано было...» (жур. Гизена).

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ закладки Петербурга, какъ Петръ ходилъ оттуда съ четырьмя конными и двумя пѣшими полками противъ шведскаго генерала Крапіорта, который стоялъ на р. Сестрѣ. Сраженіе было жестокое, но русскіе и здѣсь остались побѣдителями (**).

Въ ноябрѣ того же 1703 года, къ повостроющейся крѣпости пришелъ купеческій голандскій корабль съ винами и солью. За это неожиданное прибытіе, шкипера угощали за столомъ перваго петербургскаго губернатора, кн. Меншикова (домъ его, какъ видно изъ старинныхъ плановъ Петербурга, стоялъ на петербургской сторонѣ,

(*) *Eigentliche Beschreibung der... neu erbaueten russischen Residents Stadt St. Petersburg.... Frankfurt und Leipzig 1718.*

(**) *Das veränderte Russland. Th. I. 29.*

(***) *Вѣдомости московскія 1703 г. 18 іюля, стр. 1.*

нѣсколько выше вираво отъ доннынѣ существующаго домика Петра В.; впоследствии, Меньшиковъ имѣлъ дома въ другихъ мѣстахъ), и дано въ награду за приходъ къ Петербургу 500 золотыхъ, а матросамъ—по 30 ешиковъ; при этомъ обѣщалось, что второму, пришедшему къ городу кораблю будетъ выдано—300, а третьему—150 золотыхъ. Товары шкипера раскуплены «повольною цѣною» (*).

Нѣкоторые думаютъ, что первый голландскій корабль пришелъ къ Петербургу случайно, занесенный бурей, но это не вѣрно: Петръ еще въ Сардамѣ, подружился съ тамошними негоціантами Кальфами, которые даже переписывались съ нимъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ съ Россіею. Кальфы, когда узнали, что царь началъ строить приморскую крѣпость, захотѣли угодить ему нечаянно и снарядили туда фрисландское судно *flibot* (**), подъ командою шкипера *Anke Wybes de Hindeloopen*. Рассказываютъ, что царь былъ такъ обрадованъ приходомъ торговаго судна къ невскимъ берегамъ, что взялъ на себя должность береговаго кормчаго и на своей шлюбкѣ провелъ корабль между песочными отмелями къ самому дому Меньшикова. Только за обѣдомъ голландскій шкиперъ будто узналъ, что лоцманъ, такъ искусно проведшій его корабль, былъ самъ царь. Въ свою очередь, Петру сдѣлалось тутъ извѣстнымъ, что судно принадлежитъ его сардамскимъ пріятелямъ и снаряжено нарочно для него. Грузъ былъ проданъ, безъ платежа таможенныхъ пошлинъ, царю и приближеннымъ, и шкиперъ остался въ барышахъ. Есть картина извѣстнаго живописца Ходовецкаго, изображающая это событіе изъ исторіи Петербурга, но она ниже другихъ работъ этого художника; у него шкиперъ Вибесъ вышелъ какимъ-то господиномъ, выдержаннымъ въ танцмейстерской школѣ, а не морякомъ, который всю жизнь провелъ на фрисландскомъ суднѣ. Это участіе Петра въ проводѣ корабля несправедливо, такъ какъ онъ въ ноябрѣ былъ уже въ Москвѣ.

Второй торговый корабль, прибывшій къ Петербургу и получившій за то 300 золотыхъ, былъ англійскій, а третій, которому подарено по обѣщанію 150 золотыхъ, былъ опять голландскій, подъ названіемъ *Daas*. Первый изъ этихъ кораблей названъ былъ Петербургомъ и пользовался въ петербургскомъ портѣ значительными предъ прочими преимуществами. Лѣтъ 50 потомъ дѣлали на немъ рейсы въ Петербургъ, и если его не сохранили, то это должно приписать пожару или бурѣ (***)).

(*) Вѣдом. москов. 18 декабря, стр. 1.

(**) Судно съ объемистымъ дномъ и боками для перевозки припасовъ и товаровъ.

(***) *Anecdotes historiques sur Pierre le grand, par Schéltma, Lauzanne 1842, pp. 217—219.*

Таковы событія, которыя сохранились въ современныхъ извѣстіяхъ о первомъ годѣ существованія Петербурга.

Грунтъ земли, гдѣ построенъ Петербургъ, а также окрестностей его, холодный отъ множества водъ, болотъ, пустынныхъ мѣстъ и отъ положенія въ близкихъ къ сѣверу градусахъ. На ингерманландской сторонѣ поля лучше, нежели на финляндской (*).

До основанія Петербурга, въ здѣшнихъ мѣстахъ жилъ одинъ шведскій дворянинъ съ нѣсколькими финляндскими крестьянами и рыбаками. Повидимому они воздѣлывали землю, такъ какъ, еще около 1713 г., повсюду, гдѣ расположенъ былъ Петербургъ и даже въ окрестностяхъ его, ясно были примѣтны борозды плуговъ (**). Въ

(*) Къ Ингерманландіи принадлежала та часть Петербурга, которая находится на лѣвомъ берегу Невы. Правый берегъ рѣки и острова на ней причислялись къ Кареліи. Помѣщаемыя здѣсь извѣстія о странѣ и жителяхъ собраны однимъ иищемъ въ бытность его въ Петербургѣ въ первые годы существованія города и напечатаны въ Лейпцигѣ въ 1713 г. подъ титуломъ *Exacte Relation von der... neu erbaueten Vestung und Stadt St.-Petersburg*. Авторъ скрылъ свою фамилію подъ буквами H. G. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1718 г., это описаніе было снова издано въ Франкфуртѣ и Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: *Eigentliche Beschreibung der... neu erbaueten Russischen Residentz Stadt St.-Petersburg....* Здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описаніе распространено, въ другихъ дополнено и уже исключены буквы имени автора. Второе описаніе въ свою очередь перепечатано въ сочиненіи Вебера: *Das veränderte Russland*, ч. 1, и также съ нѣкоторыми измѣненіями.

(**) На старинномъ планѣ петербургской мѣстности 1700 года обозначено множество деревень на правомъ берегу Невы отъ вышней Лахты до Охты; кромѣ того, нѣсколько деревень, мызъ и отдѣльных хижинъ были разбросаны на островахъ Аптекарскомъ (близъ ботаническаго сада), Петербургскомъ (по берегу, около крѣпости), Васильевскомъ (по берегу же, около Тучкова моста). На лѣвомъ берегу Невы, нѣсколько ниже теперешняго Смольнаго, находилось русское село Спасское съ церковью; по берегу, противъ Выборгской стороны, были—деревня Себрена (*Säbrina-by*), мыза Сюврюна (*Suvguna hof*), мыза и деревня Враловщина (*Wralofzina hof u by*), деревня Кандуія (*Kanduiä by, Куан*); у устья Фонтанки, гдѣ нынѣ въ Лѣтнемъ саду дворецъ, была мыза Парушина или Кононова (*Parvuschina hof, Копонoffs-hof*); на Фонтанкѣ же, между Чернышевыми и Семеновскими мостами, было поселеніе *Usadit*; деревня Каллина (*Kallina*) около вышней моста того же названія и проч.

Извѣстно, что Ингерманландія досталась шведамъ только по столбовскому договору (1617 г.), а до того времени страна, гдѣ лежитъ Петербургъ, принадлежала русскимъ. Уцѣлѣла переписная окладная книга по Новгороду 1500 года: здѣсь, между прочимъ, описана водская пятнина, которая заключала въ себѣ земли отъ Волхова по обѣимъ сторонамъ р. Невы до границъ *Анолдіи* и *Финляндіи*, съ городомъ Орѣшкомъ (*Шлюссельбургомъ*) и лежащими къ томъ уѣздѣ селеніями. Во время русскаго владычества, оброкъ съ земель, находящихся вышѣ около Петербурга, шелъ по большей части въ пользу разныхъ новгородскихъ монастырей, особенно Волоколамскаго и Коневскаго. Кромѣ того, были «земли государевы оброчныя», доходы съ которыхъ поступали, на швед-

первые десять лѣтъ существованія Петербурга, тамъ невозможно было почти ничего достать, кромѣ рѣпы, капусты и травы для домашняго скота и то въ незначительномъ количествѣ. Коровъ, овецъ, свиней и т. п. прежде основанія города можно было купить за небольшую сумму, но когда началъ строиться Петербургъ, сюда переселено огромное количество народа, мѣстныхъ средства къ пропитанію скоро истощились и бѣдняки въ Петербургѣ рѣшительно не знали чѣмъ жить, довольствуясь капустой, рѣпой и почти вовсе не видя хлѣба. Легко поэтому догадаться, въ какомъ жалкомъ и плачевномъ состояніи находились здѣсь низшіе классы народа. При малѣйшемъ замедленіи въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, петербургскіе рабочіе должны были бы непременно умереть съ голоду. По временамъ, въ Петербургѣ дѣны вдругъ возвышались на все и это происходило оттого, что большая часть съѣстныхъ припасовъ и предметовъ доставлялись саннымъ путемъ только зимою за 200 и 300 миль (*).

Не только мѣстность самого города, но и окрестности его были низки и болотисты и сюда пролегала одна только дорога, которая не подалеку отъ Петербурга развѣтвлялась на двѣ и по нимъ одиѣмъ въѣзжали и выѣзжали жители (на старинныхъ планахъ Петербурга дорога эта обозначена почти по тому направленію, гдѣ нынѣ Лиговскій каналъ); но эти дороги такъ плохо содержались, что весною и осенью встрѣчались на нихъ десятками дохлыхъ лошади, павшія въ упряжи между трясинами. Около 1718 г., сдѣлана была плотина къ болѣе возвышенной части берега Невы (гдѣ нынѣ улицы Литейная, Сергѣевская и др., а также соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній), однако это не много помогло: плотина сооружена была кое-какъ и скоро пришла въ разрушеніе. Нѣсколько далѣе отъ первой, шла другая прямая (къ адмиралтейству), также довольно плохая дорога, которая простиралась на добрую четверть мили къ Ямской слободѣ (она пересѣкала

ни Новгородъ, въ пользу великаго князя Московскаго. Помѣстьями въ Орѣховскомъ уѣздѣ надѣлялись орѣховскіе намѣстники и служилые люди этого края. Въ незначительномъ количествѣ были также земли своеземцовъ, быть можетъ старинныхъ новгородскихъ вотчинниковъ. Въ переписной книгѣ 1800 года встрѣчаются названія, сохранившіяся неприкосновенными, несмотря на давность и шведское владѣтельство; такъ и въ 1800 году существовали деревни: Пороги, три Паркола (Парголовы), Рыбово Новое, Петрушино, Токсово Черное, на рѣчкѣ на Черной близъ города Орѣшка, Куйвоша (нынѣ Куйвора). Между рѣками и тогда были Тосна, Ижора, Мья, Охта. («С.-Петерб. Вѣдом.» 1853 г. № 107, стр. 439—440).

(*). Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ настоящей статьи, должно разумѣть нѣмецкую милю, которую въ Relation von St.-Petersburg 1713 года равняютъ 5 русскимъ верстамъ.

Фонтанку между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами); Веберъ, оставившій Россію около 1720 года, говоритъ, что она была уже въ его время вымощена.

Съ первыхъ годовъ основанія Петербурга, жители его уже стали испытывать бѣдствія отъ наводненій. Авторъ описанія Петербурга 1713 г. рассказываетъ, что въ бытность его въ этомъ городѣ два раза случались наводненія, при чемъ герцогъ курляндскій, жившій недалеко отъ берега Невы, едва могъ спастись съ своими людьми: всѣ острова тогда были покрыты водою и чтобы избѣгнуть опасности, необходимо было спастись на лодкахъ. Особенно было опасно, продолжаетъ тотъ же авторъ, когда буря, какъ одинъ разъ это и случилось, начиналась ночью; жители съ трудомъ вставали со сна и нужно было имѣть большое присутствіе духа при видѣ домовъ, уносимыхъ водою съ людьми и животными.

Три старыхъ рыбака, жившихъ до основанія Петербурга въ мѣстахъ, гдѣ возникъ потомъ городъ, рассказывали въ 1721 г. (*), что за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, было такое наводненіе, что вся страна до Невшканца была потоплена, и что подобныя бѣдствія повторялись почти каждые пять лѣтъ. По этому, первобытные жители прибрежья Невы никогда не строили тамъ прочныхъ жилищъ, но небольшія рыбацкія хижины. Какъ только по примѣтамъ ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски складывали, какъ плоты, и привязывали ихъ къ деревьямъ; сами же, въ ожиданіи убыли воды, спасались на Дудерову гору, въ шести миляхъ отъ ихъ обычнаго мѣстопробыванія. Эти рассказы доказываютъ, что наводненія Невы въ старину были сильнѣе и чаще. Впоследствии, не всѣ мѣста въ городѣ понимались водою и незамѣчено періодическаго возвышенія ея; впрочемъ и въ исторіи другихъ рѣкъ бывали примѣры, что наводненія ихъ съ теченіемъ времени или измѣняли свои періоды, или же вовсе прекращались.

Въ 1715 г., Петербургъ испыталъ большое наводненіе: тогда всѣ почти мосты и большерки были снесены водою; береговья укрѣпленія изъ бревенъ и фашичника (нынѣ замѣненные гранитомъ) повредились, а по улицамъ и около домовъ можно было ѣздить на судахъ.

5 ноября 1721 г., Нева снова произвела страшное опустошеніе въ Петербургѣ. Передъ тѣмъ, юго-западный вѣтеръ дулъ въ продолженіе девяти дней. Нева вышла изъ береговъ и затопила городъ; многіе дома при этомъ были разрушены до основанія; подвалы съ товарами были совершенно полны водою; всѣ сады затоплены и перепорчены. Крѣпостныя работы много пострадали тогда, также какъ

(*) Das veränderte Russland II, 19.

и Ладожскій каналъ, который опять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно засорился отъ песка. Убытки этого наводненія въ свое время цѣнили въ 7 миллионъ рублей. По разсказамъ очевидца, камеръ-юнкера Беркгольца, наводненіе это началось около 11 часовъ утра: вода проникала въ улицы и дома съ необыкновенною силою; рѣка представляла страшное зрѣлище: множество оторванныхъ судовъ, пустыхъ и съ людьми, неслись по водѣ, гонимые бурей. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ. Около половины втораго часа вода стала сбывать.

Въ наводненіе 2 октября 1723 года, вода была выше на 2 вершка, нежели въ предъидущее. Возвышеніе воды въ Невѣ 1726 года было измѣрено академикомъ Лейтманомъ, который нашелъ, что оно было на 8 англійскихъ футовъ и 2 десятичныхъ вершка выше обыкновеннаго уровня воды и что превышало наводненіе 1721 года на 8 вершковъ. Это указаніе даетъ возможность опредѣлить два предположенія наводненія, а именно: большое возвышеніе воды въ 1721 году было 7 фут. 4 вер.; 1723 г.—7 фут. 7 вер. (*).

Что касается до природы страны, то, если о ней имѣть настоящее понятіе, не надобно ни подъ какимъ видомъ сравнивать съ Германіею. Въ послѣдней встрѣчаются лѣса, обширныя поля въ нѣкихъ мѣстахъ на одну, двѣ мили; селенія, деревни смѣняются одни другими, всѣ они соединены между собою множествомъ дорогъ и путей; не правится путешественнику одна — онъ выбираетъ другую, или удобно пробирается черезъ поле, лѣсъ, рошу. Не такъ было въ началѣ XVIII столѣтія около Петербурга: здѣсь тоже лѣса, и даже въ большихъ размѣрахъ, нежели въ Германіи, за то нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ, и на всю страну приходится одинъ или два пути. Если покинуть ихъ, то, за немѣвнимъ околныхъ дорогъ, попадаешь въ болото. Куда ни помотришь, вездѣ кустарники и тундры: не видно воздѣланныхъ полей, тѣмъ менѣе селеній. Мызы и незначительныя фермы разбросаны тамъ-сямъ по опушкѣ лѣса; къ нимъ не проведено правильно устроенныхъ путей и крестьянинъ пробирается сегодня — одной, а завтра другой дорогой.

Отъ недостатка разработанныхъ полей, воздухъ около Петербурга сырой и суровый; южный и западный теплые вѣтры не оживляютъ и не согрѣваютъ земли, а потому неудивительно, что въ чащѣ болотистыхъ кустарниковъ гложутъ и не созрѣваютъ полевья ягоды. Даже и на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, образовав-

(*) О наводненіяхъ въ Петербургѣ XVIII столѣтія есть статья академика Крафта: *Notes et remarques sur les débordemens de la Neva à St. Pétersbourg* въ *Acta academiae petropolitanae pro anno 1777*. стр. 47—90.

шихся отъ избытка кустарника, земля покрыта болотами, а отъ всемишственной сырости заражаются и немногіе удобные клочки земли, которые, въ свою очередь, также дѣлаются бесплодными. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ хотя изрѣдка попадаются воздѣланныя поля, не трудно замѣтить, что не столько почва, сколько неимѣніе рачительныхъ хозяевъ (которые должны очищать свои поля, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными дѣйствию лучей), виновато въ безплодіи почвы.

Сначала въ устроенныхъ въ Петербургѣ садахъ, несмотря на всѣ старанія голландцевъ и нѣмцевъ, было мало произрастеній; почва очень холодна, а зима здѣсь продолжается гораздо долѣ лѣта. Все, что успѣвала природа произвести въ теченіе іюня, іюля и половины августа не могло въ пору выростать и созрѣвать, а потому на плоды не имѣли сперва никакой надежды. Однако, около 1718 года, примѣчено, что по ту сторону Невы въ садахъ князя Меншикова (на Васильевскомъ островѣ, гдѣ нынѣ кадетская линія) грунтъ земли теплѣе, нѣсколько песчаннѣе, а полуденное солнце грѣло сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, почему тамъ и произрастало все лучше; были даже отличныя дыни, а съ пересаженныхъ плодовыхъ кустарниковъ собирали прекрасныя ягоды.

Въ Ингерманландіи не было кабановъ, сернь и оленей, за то во множествѣ водились медвѣди, волки, лисицы, рыси. Особенно волковъ было такъ много, что не представлялось возможности проѣхать двухъ миль, не встрѣтивъ ихъ. Зимомъ они бродили цѣлыми стадами отъ 30 до 40 и болѣе вмѣстѣ; въ это время голодь дѣлалъ ихъ чрезвычайно смѣлыми, такъ что они часто нападали на людей и запряженныхъ лошадей, но всего болѣе терпѣли отъ нихъ собаки, которыхъ они растерзывали у воротъ и даже во дворахъ. Въ 1714 г., волки напали въ Петербургѣ на часового у литейнаго двора и свалили его съ ногъ; другой солдатъ прибѣжалъ было на помощь товарищу, но былъ тотчасъ же растерзанъ и съѣденъ; между тѣмъ первый успѣлъ уползти, но потомъ вскорѣ умеръ отъ ранъ. Нѣсколько времени спустя, одна женщина, посреди бѣлаго дня, была также заѣдена волками недалеко отъ дома князя Меншикова, и такіе случаи были здѣсь вовсе не рѣдкость. Во время чумы, въ Ингерманландіи (въ началѣ 700 годовъ), два волка забрела на одинъ крестьянскій дворъ, гдѣ были больные, зараженные чумою; волки хотя и видѣли тамъ скотъ, однако обошедъ кругомъ дворъ и обнюхавъ его, тотчасъ же побѣжали прочь, не трогая скота.

Одинъ священникъ близъ Ладоги, во время зимы, хотѣлъ поохотиться за волками; для этого; запрягъ въ сани лошадь, а сзади ихъ привязалъ салазки съ связаннымъ поросенкомъ, отчего этотъ, разу-

иѣтся, визжалъ на весь околѣдокъ. Охотникъ запасся заряженнымъ ружьемъ и такимъ образомъ выѣхалъ за деревню; визгъ поросенка не замедлилъ привлечь цѣлое стадо волковъ. Испуганная лошадь закусила удила и пескала, а у священника вдругъ прошла охота къ стрѣльбѣ; онъ уже только думалъ, чтобы не унестъ изъ савей. Лошадь достигла селенія въ сопровожденіи волковъ, бѣжавшихъ за нею въ догонку и когда она остановилась у двора, то священникъ едва только соскочилъ на землю, какъ волки напали на него и въ нѣсколько минутъ отъ несчастнаго не оставалось ничего, кромѣ нѣсколькихъ клочковъ шубы и одежды.

Изъ лѣсной дичи водились здѣсь въ большомъ изобиліи глухаря, тетерева, вкусные рябчики, кулики, дикія утки — ихъ ловили крестьяне силками и продавали за ничтожныя деньги. Въ Петербургѣ можно было ежедневно давать большіе обѣды, доставая въ разъ тетеревей и рябчиковъ отъ четырехъ до пяти сотъ штукъ. Зимомъ, большой тетеревъ здѣсь стоилъ 8 копѣекъ или два нѣмецкихъ гроша, пара рябчиковъ или тетеревъ — также около двухъ грошей, пара куликовъ — около четырехъ, пяти копѣекъ, или 1 грошъ 4 пфеннига. Авторъ описанія Петербурга 1718 г. видалъ тамъ зимою у одного знакомаго полковника въ погребѣ развѣшанными отъ двухъ до трехъ сотъ рябчиковъ, которыхъ его крѣпостные ловили и исподволь пересылали къ нему въ городъ для домашняго обихода; но большая часть этой дичи шла на людской столъ, такъ какъ она отъ избытка пріѣдалась и за господскимъ столомъ ее почти никто не ѣлъ.

Здѣшнія воды были наполнены вкусною рыбою разныхъ родовъ. Изъ рѣчныхъ рыбъ особенно замѣчательна называемая *hargius*, которая по своему вкусу, конечно, могла поспорить съ другими родами рыбъ. Замѣчательно, что въ рѣкахъ, которыя впадаютъ на сѣверъ и западъ, а также въ Балтійское и Бѣлое моря ловится множество лососины; въ тѣхъ же рѣкахъ, которыя текутъ на югъ къ Балтійскому морю, не встрѣчается ни лососины, ни форелей, но за то тамъ водятся прекрасныя стерляди, превосходящія своимъ вкусомъ все извѣстныя на свѣтѣ рыбы.

Несмотря на изобиліе повсюду рыбы, живую и свѣжую доставать было очень трудно и притомъ дорогою цѣною, что происходило отъ того, что не было, какъ въ другихъ государствахъ, садковъ, а привозили рыбу на рынки уснулою и не свѣжую, такъ что отъ нея запахъ слышался за сто шаговъ. Рынки наполнены такою рыбою круглый годъ: она, обыкновенно, продавалась уложенною въ бочечкахъ и бочкахъ соленая. Въ Петербургѣ везли этотъ товаръ изъ Ладоги и другихъ мѣстъ и, несмотря на непривлекательный запахъ,

русскіе, особенно изъ бѣдняковъ, ѣли подобную рыбу съ большою охотою—или просто сырую прямо изъ бочекъ, или же разваривъ въ водѣ и положивъ туда хлѣба.

Причиною, что въ Россіи много употребляли дранной рыбы, было множество постовъ, которыхъ приходится у русскихъ на годъ 30 недѣль (включая сюда среды и пятницы). Въ посты дозволялась только рыба и льняное и конопляное масло. Русскіе, побывавшіе за границею, начинали уже и въ началѣ XVIII вѣка не соблюдать посты, но шазніе классы народа и тѣ, которые заботились о спасеніи своей души, исполняли ихъ твердо и почитали скоромную ѣду во время постовъ за одинъ изъ тяжкихъ грѣшнѣе. Въ монастыряхъ говядина воспрещалась вовсе и тамъ, по правиламъ, надлежало поститься круглый годъ.

Страна не имѣла недостатка въ дѣсѣ, такъ какъ вся состояла изъ дѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстъ; при всемъ томъ строеваго дѣса было мало, да и тотъ сгнивалъ въ теченіе 10—11 лѣтъ, отчего дома, построенные въ Петербургѣ изъ мѣстнаго дѣса, скоро требовали подставокъ и подпорокъ, но и онѣ помогали мало. Около Петербурга дѣсѣ начиналъ значительно рѣдѣть уже около 1718 г. Поэтому издавъ былъ царемъ указъ, которымъ, подъ страхомъ тѣлесныхъ наказаній и даже смертной казни, воспрещалось въ окрестностяхъ Петербурга и особенно на островѣ Ретусари (гдѣ построенъ Кронштадтъ) рубить не только деревья, но и хворостъ. Веберъ рассказываетъ, что около 1720 года, одинъ полковникъ и до двадцати крестьянъ были наказаны шпицрутенами за нарушеніе этого указа, и что подобныя строгости имѣли послѣдствіемъ страшную дороговизну дѣса въ тогдшнемъ Петербургѣ, такъ что тому, у кого было большое хозяйство и не было заблаговременно заготовлено дровъ изъ Финляндіи, отопленіе обходилось отъ двухъ до трехъ талеровъ въ сутки.

Изъ обыкновенныхъ деревьевъ здѣсь росли ель, пихта, есена, береза и орѣшникъ. Съ послѣдняго окрестные крестьяне собирали очень много орѣховъ, которые потомъ въ мѣшкахъ носили на продажу въ Петербургъ. Дуба и бука не водилось. Только на островѣ Ретусари у взморья росли два древнихъ дуба (*), которые у цари, съ самаго начала построенія города, были въ большой чести: они были обнесены рѣшеткой и между ними выстроили небольшой увеселительный домикъ, откуда лѣтомъ Петръ любовался видами на море. Въ одномъ изъ этихъ дубовъ онъ велѣлъ вырубить поставецъ,

(*) О нихъ упоминается только въ описаніи Петербурга, изд. въ 1718 г.; въ послѣдующихъ двухъ изданіяхъ 1718 и 1721 г. объ этихъ дубахъ упоминаемо.

обить его клеенкой и закрывать дверцей, для храненія тамъ стаканы и другой посуды.

Авторъ описанія Петербурга 1718 г. видалъ, въ трехъ миляхъ отъ города, въ сентябрѣ мѣсяцѣ спѣлыя вишни, въ незначительномъ однако количествѣ и очень кислыя. Изъ другихъ плодовъ здѣсь водились только земляника, черника, клюква и очень рѣдко смородина и крыжовникъ. Изъ Москвы привозили хорошіе яблоки; между ними въ особенности обратили на себя вниманіе нѣмецкаго составителя описанія Петербурга такъ называемые наливки или сквозные яблоки, которые часто вѣсили до двадцати лотовъ и такъ прозрачны, что внутри ихъ можно было видѣть сѣмена.

Около Петербурга водилось также много разныхъ грибовъ, которые употреблялись въ пищу соленые или маринованные. Ихъ собирали осенью въ огромномъ количествѣ, потомъ очищали и солили въ бочкахъ, и въ такомъ видѣ привозили для продажи на рынки. Въ носты возбранялась всякая питательная пища, а потому русскіе, въ продолженіе ихъ, по необходимости довольствовались одними грибами, но такъ какъ это кушанье составляло тяжелую и неудобоваримую пищу, то обыкновенно употребляли при томъ водку, какъ могущественное желудочное лекарство. Веберъ рассказываетъ, что одна изъ вдовствующихъ царицъ (онъ называетъ — жена царя Ивана Алексѣевича, но это не вѣрно, потому что царица Прасковья Федоровна скончалась въ 1723 г., то есть черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Вебера; по всей вѣроятности у него рѣчь шла о женѣ царя Федора Алексѣевича, Марѣ Матвѣевнѣ, которая дѣйствительно умерла рождественскимъ постомъ въ 1716 г., за четыре года до отъѣзда Вебера изъ Россіи), умершая за четыре года передъ тѣмъ, во время поста, была послѣ смерти анатомирована и тогда убѣдились, что соленые грибы, которые она одни употребляла изъ благочестія въ пищу, болѣе всего способствовали ея смерти.

На островахъ и въ рощахъ около Петербурга расло множество различныхъ родовъ красивыхъ растений. Евангелическій пасторъ при флотѣ, Вильгельмъ Толле, составилъ каталогъ тѣмъ изъ нихъ, которыя ему попадались и имъ собраны; тамъ было занесено пасторомъ болѣе 300 растений.

До вторженія русскихъ, верелы и нигерманландцы принадлежали шведскому королю. Война и чума истребили многихъ изъ нихъ, а земли и владѣнія стали раздаваться русскимъ, которые населяли деревни и мызы отчасти своими крѣпостными, а отчасти удѣльными въ незначительномъ количествѣ финнами; потому въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія народонаселеніе Петербурга и

окрестностей его представляло смѣсь разныхъ національностей и не представлялось возможности положительно приурочить его къ какой либо націи; впрочемъ русскіе брали перевѣсъ надъ финнами, которые, въ силу обстоятельствъ, должны были уступать побѣдителямъ во всемъ.

Изъ дворянъ и помѣщиковъ, которымъ принадлежали поманутымъ земли до войны, послѣ вѣскаго не оставалось: они или умерли, или покинули родину, и такимъ образомъ не могли мѣшать новымъ пришельцамъ (*).

Ингерманландцы и карелы отъ природы очень крѣпкаго сложения, шутомимы и способны переносить все на свѣтѣ. Они ходили, какъ индѣйцы, въ лаптяхъ, одѣвались въ плохіе настаны домашняго сукна, выдѣланнаго изъ грубой шерсти, а подпоясывались широкими кожаными кушаками съ бляхами изъ жести, за которыми на спинѣ обыкновенно затыкался топоръ; на головѣ носили плоскія шапки безъ козырька, у всѣхъ на единъ образецъ. У всѣхъ безъ исключенія волосы бѣлые или желтоватые и остроконечныя бородки

(*) Въ 1711 г., вся Ингерманландія была расписана на участки: въ каждой, назначенной на 10 дворовъ, заключалось по 100 четвертей въ двухъ поляхъ; подъ дворами, огородами и гумнами 15 десят.; на выпускъ 30 десят.; сѣнныхъ покосовъ 30 десят.; лѣса вдоль верста, поперегъ — полверсты. Переведеннымъ: пашенщикамъ, кирпичникамъ и мастеровымъ, получавшимъ жалованье и проіантъ, имѣли право (каждая семья) только на 6 десят. всѣхъ угодій. Въ 1712 году, изъ этихъ участковъ, кромѣ взятыхъ къ дому царицы Екатерины Алексѣевны и отданныхъ александровско-невскому монастырю, пожаловано князю Меньшикову на 1,000 дворовъ земель около Ямбурга, въ Копорьѣ и на Ижерѣ; остальные же раздавались желающимъ по статьямъ въ 500, 400, 300, 100 и 50 четвертей въ двухъ поляхъ. На первую статью имѣли право служилые люди всякаго чина, владѣвшіе крестьянами не менѣе 700 дворовъ; на вторую — 500; на третью — 300; на четвертую — 200; на пятую — 100; на шестую — 50. Не имѣвшіе крестьянъ получали въ дачу по пятой статьѣ. Новгородскіе помѣщики вовсе не могли получать земель въ Ингерманландіи, такъ какъ ихъ помѣстья и бѣглыми были оттуда въ близости; исключеніе дѣлалось только для новгородцевъ, которые имѣли постоянную осѣдность въ Петербургѣ — они получали участки по шестой статьѣ. Въ 1714 г., подтверждалось заселить розданные участки въ теченіе трехъ лѣтъ, а въ 1715 г., объявлено, что только тѣ изъ нихъ останутся за владѣльцами, которые, по дознанію, окажутся заселенными русскими переселенцами.

Въ 1714 г., для отправленія почтовой гонимы, были переселены кнѣзья: изъ Петербурга 105 вытей во бѣльрей части изъ Мещовской губерніи, также изъ Ярославской, Рижской и Архангельской; на половинѣ до Волхова — изъ Базамской и Кіевской — 53 вытей, на Волховѣ — изъ Азовской 38 вытей (по 5 дворовъ въ каждой) и Кіевской 18. На обезпеченіе выдавалось имъ исповѣданіе изъ денегъ, собираемыхъ съ ящичковъ, которые содержались на прежнихъ мѣстахъ жительства. (Поля. Собр. Зап. Т. II, V и VI).

съ рыжеватымъ отгнѣннѣмъ. Дѣвочки, какъ зпмоу, такъ и гѣтомъ, ходили съ открытыми головами и коротко остриженными волосами, какъ у мальчиковъ, почему и отличались отъ мужчинъ только тѣмъ, что послѣднiе носили холстяное нижнее платье, а женщины, вмѣсто женскихъ юбокъ, одежду, поддерживаемую вверху крестообразно пришитыми помочками. По праздникамъ еще надѣвали на себя украшения изъ раковинъ, также всевозможныя жестяныя и мѣдныя цѣпочки, прищипки и т. п. У нихъ все служило украшенiемъ — лишь бы только блестяло.

Въ началѣ XVIII столѣтiя, Финскiй языкъ считали какимъ-то особеннымъ, не вычисляли ни малѣйшаго сродства съ другими, известными языками; по богатству же и разнообразiю словъ и выраженiй въ немъ, полагали, что онъ принадлежалъ къ разряду языковъ восточныхъ. Духовныя пѣсни и религiозныя гимны финновъ, составленные согласно стихотворнымъ правиламъ, съ соблюденiемъ размѣра и рима, стояли не ниже, если не выше, нѣмецкихъ произведенiй въ этомъ родѣ.

Финны по большей части были евангелическаго-лютеранскаго исповѣданiя и божественная ихъ служба отправлялась, какъ и у шведовъ. Авторъ описанiя Петербурга въ 1713 году замѣчалъ, однако, у финновъ склонность къ стариннымъ языческимъ преданiямъ и суевѣрiю.

Дома у нихъ строились по русскому образцу изъ бревенъ, положенныхъ на крестъ одно на другое, и состояли изъ одной комнаты съ большою печью, гдѣ варилось и жарилось все. Вмѣсто окошекъ, въ избѣ дѣлались два небольшiя четырехугольныя отверстiя, закрывавшіяся доской, которая свободно двигалась туда и сюда. Жители по зажиточнѣе, а равно болре и знатнѣе въ прежнiя времена, вставляли въ такія окошечки русское стекло (т. е. слюда), известное подъ именемъ марiинскаго (Marien-Glasz), или же просто вклеивали туда бумагу, свиной пузырь, а иногда ветошку изъ закоптѣлаго холста.

Въ селенiяхъ не знали постелей, а ночью прикрывались одеждою и разными лохмотьями. По обыкновенiю всѣхъ русскихъ изъ простаго званiя, жители въ окрестностяхъ Петербурга ложились спать, когда изба совсѣмъ нагрѣвалась, на большей печкѣ, похожей на тѣ, которыя устраивались въ пекарняхъ, или же на доскахъ, наѣлаченныхыхъ, амбо повѣшанныхъ на веревкахъ у потолка. Эти доски были не ниже одного фута, или много если 15—16 дюймовъ, такъ что можно было бы ожидать, что спящіе тамъ люди падали и ломали себѣ шею, однако этого не случалось: на узенькихъ доскахъ спали тамже благополучно, какъ и на широкихъ французскихъ постеляхъ.

Авторъ описанія Петербурга 1718 г., зимою, имѣлъ часто случаи проводить ночи въ крестьянскихъ избахъ и удивлялся, что на поминутыхъ доскахъ располагалось спать отъ 15 до 20 человекъ: они свѣшивали внизъ головы, но ни одинъ изъ нихъ, разъ забравшись на верхъ, не только не падалъ, но даже не ворочался и въ продолженіе сна оставался въ одномъ и томъ же положеніи. Между спящими всегда раздавалось такое храпленіе, что можно было воображать себя на какой нибудь шлифовальной мельницѣ. Спали совершенно раздѣвшись, какъ ни попало, не обращая вниманія, что находились вмѣстѣ мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, собаки, кошки, телята, свиньи и т. п. Избу въ ночное время можно было сравнить только съ коптыльней... Легко себѣ вообразить, какое отвращеніе возбуждало все это въ непривычномъ путешественникѣ, особенно если припомнить, что обыкновенно въ избѣ бывало такъ надымлено, что нельзя было различать бывшихъ въ ней людей. Насѣкомыя, водившіяся въ деревянныхъ стѣнахъ и щеляхъ, еще болѣе углубляли мученія новичка путешественника...

Вмѣсто свѣчей, употреблялась тонко расколота я лучина; она втыкалась одна за другою въ желѣзныя вилки, подъ которыми становилась иногда лохань съ водою. Случалось и такъ, что лучину втыкали въ первое появившееся отверстіе, немного заботясь — сгоритъ ли нѣтъ оттого домъ.

Нѣмцы обратили вниманіе и на колыбели, которыя видѣли они въ крестьянскихъ избахъ: обыкновенно брали шесть и прикрѣпляли его однимъ концомъ въ потолокъ, а къ другому на короткой веревкѣ или тесьмѣ привязывали продолговатый коробъ, куда и клали ребенка на ветошки, или сѣно, солому, перья. Если требовалось качать дитя, то коробъ нагибали къ полу, отчего шесть начинала колебаться и нѣкоторое время приводила въ движеніе и люльку. Когда мать хотѣла кормить ребенка, то наклонялась надъ люлькою и такимъ образомъ дитя доставало грудь.

При постройкѣ домовъ, кромѣ небольшого топора и верстака, не употреблялось другихъ инструментовъ. Вмѣсто струга, служилъ кривой заступъ, похожій на тѣ, которыми въ Германіи мясники рубили мясо или приготовляли колбасу. Несмотря на немногочисленность инструментовъ, здѣшніе плотники съ своими топорами не уступали нѣмецкимъ и даже превоследили ихъ въ ловкости и проворствѣ. Строя избу, плотники, и русскіе, и финны, клали бревна четвероугольникомъ одно на другое, а въ концахъ ихъ вырубали углубленія, связывавшія взаимно бревна между собою; оконечности ихъ не обрубались, отчего одно бревно было длиннѣе, другое короче. Когда срубъ доводился до желаемой высоты, то выбирались наверхъ

его и топоромъ прорубали мѣсто, гдѣ должно было быть двери, (а до того времени тамъ не дѣлалось никакого отверстія). Также поступали и съ окнами. Если кто желалъ имѣть внутреннія стѣны изъ глинины, то округлость бревень остругивалась топоромъ же, но снаружи они оставались всегда нетронутыми. Потомъ становили стропила, крыши ихъ досками или драбью — и домъ былъ готовъ. Полъ и потолокъ избы дѣлались изъ трехъ дюймовыхъ досокъ, тѣсно наставленныхъ одна къ другой безъ помощи гвоздей. Чтобы держалось въ избѣ тепло, на потолокъ насыпали песокъ; полъ же, когда по немъ ходили, колебался и поднимался то вверхъ, то внизъ, какъ педаль въ церковномъ органѣ. Двери въ избахъ дѣлались очень низки, такъ что входя въ нихъ, надобно было непременно сгибаться въ три погубели. Когда дверь отворялась, то чадъ и дымъ обдавали такъ сильно, что можно было лишиться чувствъ или задохнуться; при этомъ и говорить нечего о разныхъ нечистотахъ и гадахъ, которыя встрѣчались повсюду.

Послѣ этого описанія, не трудно угадать, что терпѣли здѣшніе жители, когда Господь посѣщалъ ихъ такими бѣдствіями, каковы были голодъ, война и, въ особенности, чума.

Авторъ описанія Петербурга 1713 года, проѣзжалъ страну около 1711 года и тогда еще встрѣчалъ по деревнямъ, тамъ-сямъ, живыхъ людей, но когда возвращался назадъ тою же дорогою, то иногда на пространствахъ 30, 40 и даже 60 миль не видалъ ни одного живаго человѣческаго существа — все вымерло отъ чумы. Когда царь овладѣлъ Ляляндію, то приказалъ, для себя собственно, построить по дорогѣ чрезъ Дерптъ до Риги, на протяженіи почти ста нѣмецкихъ миль, почтовые дома, гдѣ также могли останавливаться и значительныя проѣзжіе; если бы не было этого учреждено, то, въ жестокия стужи, зимнею порою, можно было бы легко совсѣмъ погибнуть въ дорогѣ. Война, голодъ и чума ужасно разорили бѣдную Ляляндію и Курляндію: можно было подумать, что тамошнія равнины не были населены: деревни и селенія обратились въ пустыни; рожь оставалась на поляхъ не сматую; скотъ бродилъ по окрестностямъ, дѣлалось добычею волковъ....

Замѣчательно, что чума проникла до Нарвы и даже Копорья, а въ Петербургъ ее не было: но тамъ и безъ нея бѣдные переселенцы со всѣхъ концовъ Россіи мерли, по свидѣтельству очевидцевъ Вебера и Беркгольца, какъ мухи....

Въ петровскихъ вѣдомостяхъ 1703 г. (октября 2), чрезъ четыре съ половиною мѣсяца послѣ закладки Петербурга, доводилось

до свѣдѣнія русскихъ читателей: «его царское величество, по взятіи Шлотбурга (такъ названъ былъ Ниешиканецъ, послѣ взятія его), въ одной милѣ оттуда, ближе къ восточному морю, на островѣ новую и зѣло удобную крѣпость построить велѣлъ; въ ней же есть шесть бастионовъ, гдѣ работали двадцать тысячъ человекъ подкопщиковъ и тое крѣпость на свое государское именованіе прозваніемъ Петербургомъ обновити указалъ»....

Въ журналѣ Гизена говорилось по случаю прибытія Петра къ петербургской крѣпости въ октябрѣ 1703 г. «Тогда Санктпетербургъ строили съ особеннымъ тщаніемъ къ великому удовольствію его величества и удивленію многихъ людей. Для онаго строенія много было собрано людей работныхъ съ новгородскаго и другихъ городовъ и уѣздовъ; такожъ и солдаты дѣлать помогали. А для посвѣщенія въ работѣ по большеркамъ надсматривали знатныя особы, къ чьимъ они и утѣху себѣ имѣли. На первомъ, для примѣру другихъ, самъ его царское величество своею высокою оубою, на второмъ — генераль-губернаторъ Ал. Д. Меньшиковъ, на третьемъ — оберъ-камергеръ Головинъ, на четвертомъ — Никита Моисеевъ Зотовъ, на пятомъ — князь Трубецкой, на шестомъ — Кирилла Александровичъ Нарышкинъ.

Крѣпость была окончена въ томъ же 1703 году, въ которомъ и заложена. Абрисъ ея, съ подписью «С. Петрополисъ 1703» явился въ первый разъ на листѣ, выгравированномъ въ Москвѣ на мѣди въ 1705 г.: «Новый способъ ариѳметики, теоріи или зрительныя». То же изображеніе крѣпостнаго шестигульничка повторено въ 1709 г. на второмъ листѣ стѣннаго календаря, извѣстнаго подъ названіемъ Брюсовскаго. Въ книгѣ польскихъ стиховъ, выгравированныхъ въ Москвѣ же 1706 г. (Триумфъ полскій музы—*Triumf polskiey muzy*), на заглавномъ листѣ есть также любопытное изображеніе петербургской крѣпости и самаго города, вмѣстѣ съ портретомъ Петра Великаго.

Петербургская крѣпость сооружена на небольшомъ островѣ, извѣстномъ на шведскихъ картахъ XVII вѣка подъ названіемъ Jännisvaari (то есть Заячій островъ). При наводненіяхъ, онъ покрывался совершенно водою; во время основанія крѣпости его нѣсколько возвысили и даже увеличили насыпвою землею, что, однако, не мѣшало водѣ проникать во внутренность за стѣны, когда дулъ упорный, юго-западный вѣтеръ.

Укрѣпленіе составляли продолговатый, исправильный шестигульничекъ о шести бастионахъ, съ кронверкомъ и рavelлинами на финскомъ берегу. Все это было сначала земляное, но въ 1710 г. землю съ прежнихъ бастионовъ стали раскдывать и, вмѣсто нихъ, возво-

дѣть массивныя стѣны изъ камня. Около 1718 г., укрѣпленія противъ финскаго берега были уже окончены и приступили къ перенесенію тѣхъ, которыя выходили на Неву, особенно средняго бастиона и двухъ куртинъ. Надъ бастионами противъ Васильевскаго Острова работали шведскіе военнопленные изъ гарнизона, попавшагося русскимъ во время Выборга.

Каменные стѣны возвышались до бруствера на 30 футовъ; на нихъ были разставлены металлическія пушки, числомъ около 300, (какъ полагали тогда иностранцы), но не въ амбразурахъ, которыя устроены впоследствии. Во фланкахъ были сдѣланы крѣпкіе казематы со сводами, соединенными сваружн и внутри перемычками.

Нѣкоторые изъ этихъ казематовъ первоначально занимали купцы, которые хранили тамъ вино и другіе товары. Съ февраля 1718 года (*), крѣпостные казематы стали наполняться разными политическими преступниками, замѣшанными въ дѣлѣ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. 2 мая того же года, царь былъ въ крѣпости въ застѣнкѣ (мѣсто для пытокъ), учрежденномъ въ казематѣ трубецкаго раската (или угловомъ бастионѣ, выходившемся на Неву къ Васильевскому Острову и Дворцовой набережной). Съ этого времени, въ записной книгѣ петербургской гарнизонной канцеляріи, встрѣчаются краткія, но тѣмъ не менѣе потрясающія въ наше время отмѣтки о пыткахъ, которыя производились по сказанному дѣлу въ присутствіи царя, сенаторовъ и министровъ. 25 мая привезена въ крѣпость царица Марья Алексѣевна, тетка царевича, а 14 іюня, и онъ самъ переведенъ въ трубецкой раскатъ. Съ 19 мая, начался розыскъ самимъ царевичемъ: этого числа застѣнокъ былъ учиненъ два раза; 20—одинъ разъ; 24 — два; 26—одинъ утромъ, а вечеромъ въ трубецкомъ раскатѣ скончался царевичъ.... На другой день, въ Петербургѣ праздновалось обычнымъ порядкомъ воспоминаніе о полтавскомъ сраженіи, а черезъ три дня спускали новый корабль «Львонъ», при чемъ «его величество и прочіе господа сенаторы и министры вѣселились довольно»....

Около 1713 г., внутри крѣпости стояло нѣсколько небольшихъ домовъ, крытыхъ дерномъ. Такія крыши дѣлались такъ: сначала покрывали, по-фински, гонтомъ или берестою, и на нихъ уже настлали крѣпко другъ къ другу слои дерна. Въ этихъ домахъ помещались коммандантъ съ офицерами и солдатами гарнизона, также хранились военные снаряды, припасы и т. п. При гаунтвахтѣ была площадь, которая называлась плясовою: здѣсь стояла деревянная лѣ-

(*) Исторія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. VI, приложеніа, стр. 600 и слѣд.

шадь съ острою спиною и былъ жованъ столбъ съ цѣпью, около котораго втыкались острыя спицы. Провинившихся солдатъ или сажли на лошадей, или замкнувъ руки въ цѣпь заставляли стоять на спицахъ.

Въ крѣпости же находилась главная аптека, считавшаяся лучшею во всей Россіи, какъ по обилію медикаментовъ, такъ и по богатству сосудовъ изъ тончайшаго китайскаго фарфора, стоиманаго многихъ тысячъ рублей.

Въ концѣ 1713 г., сенатъ перевели изъ Москвы въ Петербургъ. Здѣсь онъ помѣщался въ крѣпости, въ мазанковомъ зданіи объ одномъ жилѣ, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ главное казначейство. Чертежъ этого зданія, представленный сенату княземъ Черкасскимъ, дѣлалъ самъ царь. Большая растрочатая дверь вела съ улицы въ сѣки, раздѣляющія домъ на двѣ половины. Пять оконъ по лѣвой сторонѣ заняты были канцеляріею и архивомъ. На правой сторонѣ сѣней было двое дверей; чрезъ первыя входили прямо въ присутственную палату. Въ этомъ помѣщеніи сената были колоды росписныя; около дѣячаго мѣста перила токарыя; подъяческіе столы съ выдвигными ящиками нѣмецкаго мастерства; для хранения дѣлъ, около стѣнъ, стояли шкафы, а для денежной казны была казенка. Вносѣдствіи изъ этого помѣщенія сенатъ переведенъ былъ въ мазанковыя зданія на тронцкой площади (*).

По срединѣ крѣпости, вдоль острова, прорытъ былъ изъ Невы каналъ для того, чтобы живущіе тамъ не имѣли никогда недостатка въ водѣ (около 1718 г., хотѣли провести въ крѣпость другой каналъ, близъ воротъ, выходящихъ нынѣ къ Дворцовой набережной, для подѣзда къ Петропавловскому Собору водою). Уже въ 1703 году, на каналѣ стояла небольшая, но довольно красивая, по сказанію шведцевъ, деревянная церковь во имя апостола Петра и Павла, выкрашенная желтою краскою подъ мраморъ. Изображеніе ея можно видѣть на нѣкоторыхъ гравюрахъ въ вѣдомостяхъ и книгахъ, вышедшихъ изъ петербургской типографіи въ 1711 — 1713 годахъ. На высокой острокопечной колокольнѣ церкви, сдѣланной въ подражаніе голландскимъ постройкамъ этого рода, висѣло нѣсколько колоколовъ. Нарочно приставленный мастеръ вызванивалъ на нихъ (что также перенято у голландцевъ) музыкальную пьесу, а потомъ, за немѣніемъ часоваго механизма, ударялъ въ извѣстный колоколъ столько разъ, сколько надобно было, чтобы жители знали о времени.

(* Журналъ Министерства Юстиціи 1839 г. № 1, часть неоф. стр. 39—40.

Въ 1714 г., началъ постройкою каменный Петропавловскій Соборъ, существующій и до нынѣ, а изъ прежней деревянной церкви перенесенъ былъ въ описанный выше деревянный домъ, гдѣ первое время помѣщался сенатъ. Въ 1720 г., эта послѣдняя церковь снесена была на Петербургскую сторону въ солдатскія слободы и освящена, 31 января, во имя апостола Матѳіа, день празднованія котораго совпадалъ со взятіемъ Нарвы въ 1704 году; она стояла потому до 1806 г., а тогда разобрана за крайнею ветхостью, только иконостасъ ея петровскихъ временъ поставленъ въ сосѣдней Покровской церкви, переименованной по этому случаю въ Матѳѣевскую и существующей донинѣ.

Новый же каменный соборъ строился подъ надзоромъ архитектора Трезина, родомъ Итальянца и дѣятельнаго участника въ тогдашнихъ постройкахъ Петербурга: по его планамъ и указанію должны были строиться тамъ новые поселенцы; онъ же производилъ до самой смерти постройку каменныхъ укрѣпленій крѣпости. Соборъ обращалъ на себя вниманіе иноземцевъ своею архитектурою, необыкновенною тогда въ Россіи: колокольня была съ высокимъ шпигломъ, пилястрами и арками. Въ 1721 г., тамъ уже стояли выписанные изъ Голландіи часы съ курантами и Берггольцъ имѣлъ случай видѣть тогда соборъ. «7 августа, въ 12 часовъ утра, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, мы цѣлымъ обществомъ входимъ на колокольню въ крѣпости, чтобы послушать игру курантовъ и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая въ городѣ; чрезвычайно любопытно тамъ поглядѣть на игру музыканта, особенно тому, кто не видывалъ ничего подобнаго. Я, впрочемъ, не избралъ бы себѣ его ремесла, потому что для него нужны трудныя и сильныя тѣлодвиженія. Не успѣлъ онъ исполнить одной нѣсы, какъ уже потъ градомъ катился съ его лица. Онъ заставлялъ также играть двухъ русскихъ учениковъ, занимающихся у него не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но играющихъ уже сносно. Большіе часы играютъ сами собою каждые четверть и полчаса».... (*).

Недалеко отъ Петропавловскаго собора, на каналѣ же, съ 1704 года, стояла лютеранская церковь во имя св. Анны — это самый старинный изъ иновѣрческихъ храмовъ въ здѣшней столицѣ. Въ 1710 г., онъ перенесенъ былъ изъ крѣпости на Петербургскую сторону противъ Кронверка, около бывшаго мытнаго двора, гдѣ долго оставался недостроеннымъ; наконецъ, въ 1730 г. эту церковь перенесли въ Литейную часть и послѣ построили, вмѣсто деревянной, каменную.

(* Дневникъ Берггольца въ переводѣ г. Ашана, I ч. стр. 139.

Изъ крѣпости къ нарельскому берегу черезъ рѣку велъ длинный деревянный мостъ, шаговъ въ 300, съ двумя на немъ подъемными мостами. Крѣпостныя ворота на этотъ мостъ были (около 1713 г.) украшены деревянными изваяніями работы нѣмецкихъ мастеровъ. Вверху, на виѣшней сторонѣ изображенъ былъ въ человѣческой ростъ апостолъ Петръ, съ огромными двумя ключами въ рукахъ. На порталѣ, на правую руку отъ воротъ, былъ выставленъ 1703 г., и русская надпись объ основаніи крѣпости. (Впоследствии, именно 1717 г., надъ этими воротами поставлены каменныя изваянія апостола Петра и другихъ лицъ съ барельефами и арматурою). Внутри крѣпости, ворота были увѣнчаны русскимъ чернымъ орломъ, сдѣланнымъ довольно искусно изъ дерева. Нѣсколько ниже подъ нимъ, помѣщалось живописное изображеніе св. Николая, предъ которымъ русскіе, особенно по утрамъ, творили множество поклоновъ и крестныхъ знаменій, Около 1718 г., описываемыя ворота не имѣли еще опредѣленнаго названія, но впоследствии именовались Петровскими.

Рукава рѣки между крѣпостью и Кронверкомъ служили въ зимнее время безопасною гаванью для галеръ и другихъ небольшихъ судовъ.

До 1711 г., на верху государева бастиона (праваго на Неву, противъ петербургской стороны), а съ 1711 г. на бастионѣ Трубецкаго былъ водруженъ, по голландскому обычаю, на высокомъ крестообразномъ подножѣ, длинный шестъ съ развѣвающимся пестрымъ, крѣпостнымъ флагомъ. По праздникамъ, какъ напр. въ Срѣтскіа, Вербное воскресенье и т. п., его замѣнялъ другой, называемый воскреснымъ флагомъ; въ день рожденія государя, Вознесенье, день полтавскаго сраженія и др. поднимался штандартъ, который въ большія торжества, какъ-то тезоименитство царя, перемѣщался на соборную колокольню, что можно замѣтить и на гравюрахъ, гдѣ изображенъ Петербургъ время Петра. Штандартъ этотъ былъ желтый съ русскимъ орломъ, державшимъ въ когтяхъ четыре моря. На гравюрѣ 1705 г., «Новый способъ ариметики ѳеорикки», объяснено, что два моря, представляемыя около крымевъ орла, означали моря Бѣлое и Каспійское — древнее достояніе Россіи; моря же около когтей орла были Азовское и Балтійское, добытыя побѣдами и трудами царя.

Быстрота сооруженія крѣпости и самого города приводила въ свое время въ изумленіе европейцевъ; иные изъ нихъ даже думали, что Петербургъ былъ ни что иное, какъ распространенная и исправленная шведская крѣпость Неншканцъ. Выше видѣли, что по рус-

скимъ извѣстіямъ въ 1703 г. въ Петербургѣ уже работали 20,000 человекъ. Впослѣдствіи времени выходили безпрестанно новыя царскіе указы о немедленной высылкѣ на берега Невы рабочихъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи и, по царской волѣ, сюда собрались русскіе, татары, калмыки, казаки, финны и др. Много было вызвано этихъ людей, но за то и много трудовъ предстояло имъ. Переселенцы со всѣхъ концовъ Россіи приходили въ Петербургъ непривычные къ утомительной земляной работѣ, у нихъ не было при томъ ни лопатъ, ни заступовъ, ни досокъ, ни тачекъ. При возведеніи первоначальныхъ земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея по близости не находилось: кругомъ были только болотистыя и низкія мѣста, покрытыя тиною и мохомъ. Тогда, по свидѣтельству очевидца, стали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ, или даже просто въ полахъ платья.

Къ тяжелымъ работамъ присоединился еще недостатокъ въ содержаніи: для собраннаго во множествѣ народа не было возможности заготовить заблаговременно и въ нужномъ количествѣ сѣстные припасы, а между тѣмъ нерѣдко подвозъ ихъ прекращался за бурей на Ладожскомъ озерѣ и рабочіе оставались почти вовсе безъ хлѣба, котораго и за деньги трудно было достать въ этомъ пустынномъ краѣ (*). Надобно ли прибавлять къ тому, что переселенцы долгое время послѣ прибытія въ Петербургъ на работы оставались безъ пристанища, укрываясь въ шалашахъ, посреди болотъ, на сыромъ и зловредномъ воздухѣ. По примѣрнымъ вычисленіямъ современниковъ, сооруженіе петербургской крѣпости стоило жизни 100 тысячъ переселенцовъ. Поэтъ былъ правъ, сказавъ про Петербургъ:

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ...

Въ пѣсняхъ народа остались воспоминанія о временахъ, когда по царскимъ повелѣніямъ, матросы, солдаты, рабочіе стекались въ новозавоеванную страну. Такъ въ одной пѣснѣ, извѣстной по своему грустно-заунывному напѣву, выводится матросъ, строящій корабли въ Петербургѣ:

Какъ во городѣ, во Санктъпитерѣ,
какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,

(*) Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о количествѣ потреблявшихся въ Петербургѣ начала XVIII ст. хлѣбныхъ запасовъ, замѣтимъ, что здѣсь напр. въ 1714 г. для продовольствія войска и рабочихъ состояло на лицо муки 100,000 чехл., крупъ 6,250.; заподражено было сенатомъ муки 46,864 ч., крупъ 5,452 ч.; да сверхъ того, требовалось еще купить и подрядить муки 143,136 чет., крупъ 7,298 ч. въ городахъ Новгородѣ, Исковѣ, Ладогѣ, Нарвѣ и др. (Полн. собр. закон. V, № 2731).

на Васильевскомъ славномъ островѣ,
 молодой матросъ корабли снастилъ
 о двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 о двѣнадцати полотняныхъ.
 Что увидѣла красна дѣвица
 изъ високова нова терема.
 Выходила тутъ красна дѣвица
 на Неву рѣку по свѣжу воду.
 Почерпнувъ воды, остановилася;
 остановившись, думу думала,
 думу думавши, слово молвила:
 ахъ, душа моя, добрый молодецъ,
 ты къ чему рано корабли снастишь
 о двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
 о двѣнадцати полотняныхъ?
 Что ты, глупая, красна дѣвица,
 не разумная, дочь отецкая:
 не своей волей корабли снащу,
 не своею я охотою;
 по указу я государеву,
 по приказу то адмиральскому. (*)

Веберъ (**) рассказываетъ, что зимою 1716 г. прибыло въ Петербургъ до двухъ сотъ дворянскихъ семействъ, чтобы поселиться здѣсь. Разумѣется это было сдѣлано во исполненіе указовъ и съ великою неохотою: дворяне жаловались, что такое переселеніе лишило ихъ двухъ третей состоянія. Въ Петербургѣ имъ приходилось строить дома и за все платить чистыми деньгами, тогда какъ въ прочихъ краяхъ Россіи они могли бы получать припасы изъ своихъ деревень и тѣмъ существовать круглый годъ.

Состояніе крестьянъ, переселенныхъ въ Петербургъ, было самое ужасное, но несмотря на то, они, и взрослые, и дѣти, умѣли, какъ свидѣтельствуется тотъ же иностранецъ (***), съ невѣроятнымъ терпѣніемъ переносить всѣ бѣдствія, говоря только, что тягостная жизнь ихъ не на радость имъ и они готовы лучше умереть. Въ народныхъ пѣсняхъ петровскихъ временъ осталась одна черта, характеризующая русскаго простаго человѣка — это привязанность къ родному пепелищу и родной семьѣ: шелъ ли онъ въ солдаты, переселялся ли на работу Ладожскаго канала подъ Петербургъ, — всегда

(*) Изъ рукописнаго сборника первой половинны XVIII вѣка.

(**) Das veränderte Russland, I, 229.

(***) Ibid. 33.

его занимала мысль объ отцѣ, матери, женѣ, дѣтяхъ. Записали молодца «въ драгуны государевы», и онъ говорить :

Ой, не жаль мнѣ черныхъ кудрей,
только мнѣ жаль своей стороны.
На сторонушкѣ три зазнобушки:
ой, какъ первая зазнобушка —
разставался я съ отцемъ, съ матерью;
съ отцемъ, съ матерью
съ молодой женой;
съ сиротами, съ ребятами,
съ моими малыши дѣтями.

Тоже пѣли и низовые бурлаки:

По утру то было раннѣе рано,
на зарѣ то было на утренней,
на восходѣ красна солнышка,
что не гуси, братцы, и не лебеди
со лузей, озеръ подымалися —
подымалися добрые молодцы,
добрые молодцы, люди вольные,
все бурлаки понизовые,
на канавушку на Ладожску,
на работушку государеву.
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцовъ,
отцы, матери, молоды жены
и со малыши со дѣтками (*).

Иностранцевъ поражало въ русскомъ простонародѣ полнѣйшее равнодушіе къ жизни: когда кто нибудь изъ рабочихъ въ Петербургѣ дѣлался болѣнъ, то ложился на землю, немного заболѣлъ—выздоравливаетъ ли, умретъ ли, и не принимая никакихъ медицинскихъ пособій. Одинъ евангелическій пасторъ сказывалъ Веберу, что онъ испытывалъ и расширявалъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ крестьянъ о вѣрѣ и о томъ, какъ они должны поступать, чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства. Вопросыемые отвѣчали, что имъ неизвѣстно, будетъ ли имъ за гробомъ мѣсто на небѣ, которое, по наивному убѣжденію ихъ, предназначалось только для однихъ царей и бояръ.

Правительство, съ незапамятныхъ временъ, пользовалось правомъ завладѣвать, при разныхъ случаяхъ, имуществомъ бояръ; эти,

(*) Сказаніе русск. народа Сахарова, I, 234. Первый указъ о высылкѣ на работы къ Ладожскому каналу состоялся 18 сентября 1718 года.

въ свою очередь, были увѣрены, что имѣли подобное же право въ отношеніи своихъ крестьянъ. Отсюда происходило, что у крестьянъ заглохло наконецъ всякое прилежаніе, не было охоты къ улучшенію своего быта и вообще господствовало въ сильной степени недоувѣріе къ владѣльцамъ: если крестьянину и удавалось скопить какія нибудь деньги, то онъ тотчасъ же зарывалъ ихъ въ землю, ни подъ какимъ видомъ не рѣшаясь употребить ихъ на выгодные обороты. Владѣльцы, вытягивая изъ своихъ крестьянъ, то притѣсненіями, то хитростью, все соки и силу, въ тоже время никогда не показывали при дворѣ, что у нихъ были деньги, которыя, какъ и у крестьянъ, плесневѣли въ землѣ или сундукахъ. Дворяне по смышленію стали посылать свои капиталы въ банки Лондона, Венеціи и Амстердама (*).

Беркгольцъ свидѣтельствуетъ, что крестьянъ, которые умирали на работахъ въ петербургской крѣпости, тотчасъ же тамъ и зарывали. Веберъ сообщаетъ подъ 1718 годомъ, что въ Петербургѣ въ его время были запрещены вой и приговариванья надъ умершими и вообще весь обрядъ погребенія рабочихъ былъ самый не многосложный: если умиралъ крестьянинъ, то его клали гдѣ нибудь на видное мѣсто и зажигали восковую свѣчу, чтобы вызвать у проходящихъ подавнія на погребеніе; сострадательные прохожіе клали деньги у свѣчи и когда близкіе покойника или тѣ, кто взялся похоронить его, считали сборъ достаточнымъ на покрытіе издержекъ, то завертывали тѣло въ рогожу, завязывали его кругомъ веревками, какъ мѣшокъ, и клали на носилки, которыя двое носильщиковъ на плечахъ относили къ могилѣ. Веберу же случилось разъ самому видѣть въ Петербургѣ, что двое крестьянъ несли уже такимъ образомъ покойника, но видно, что еще не собрали достаточно денегъ, почему и положили тѣло на землю, зажгли свѣчу и, сдѣлавъ крестное знаменіе, произнеся обычное — Господи помилуй, стали выжидать подавній; однако ихъ не было, а между тѣмъ ночь приближалась: въ надеждѣ на бѣльшій сборъ завтрашній день, носильщики отложили погребеніе и, высмотрѣвъ подъ ближайшимъ мостомъ небольшое пространство, втиснули туда тѣло; головѣ покойника не оказалось мѣста, а потому все тѣло вталкивали и сгибали до тѣхъ поръ, пока оно не было все скрыто. Затѣмъ, рабочіе, помолясь, удалились а на другой день трупъ окончательно отнесли на кладбище.

Въ заключеніе свѣдѣній о русскомъ народѣ, работавшемъ въ Петербургѣ въ первые годы его основанія, замѣтимъ, что изъ официальныхъ источниковъ извѣстно, что въ 1709 и слѣдующихъ годахъ сюда высылались работниковъ по сорока тысячъ въ годъ, кромѣ ка-

(*) Das veränderte Russland, I, 131.

меньщиковъ, плотниковъ, кирпичниковъ и ямщиковъ, изъ которыхъ многіе переводились въ Петербургъ, по указамъ, на всегдашнее житье. Работавшіе здѣсь временно должны были съ собою брать на дорогу хлѣбъ и запасы до Петербурга, а по прибытіи туда имъ производились дачи хлѣба и денежное жалованье сначала по полтиннѣ, а впоследствии по рублю на человѣка. Нужныя на хлѣбъ и на жалованье деньги собирались съ семействъ, которыя не высматывали въ Петербургъ рабочихъ. Последніе раздѣлялись на двѣ половины: одни работали съ февраля по май, а другіе съ іюля по октябрь. Рабочіе неохотно шли въ новый край на трудную работу, вдали отъ семействъ и родины, а потому дорогой часто разбѣгались: чтобы предупредить это ихъ обязывали круговою порукою съ отвѣтственностью всѣхъ за каждого и, кромѣ того, приставлялись приказчики, надъ которыми еще «имѣли смотрѣніе добрые изъ отставныхъ дворянъ и воеводъ», обязанные сдавать рабочихъ сполна въ Петербургъ. Сначала основанія города туда посылали крестьянъ на работы даже изъ Сибири; но въ 1712 г. состоялось повелѣніе, съ сибирскихъ жителей, вмѣсто работъ въ Петербургъ, взыскивать за каждого, слѣдовавшаго съ нихъ работника, по 10 рублей.

Обязательная работа крестьянъ въ Петербургъ продолжалась еще въ 1717 году. Въ это время, комиссаръ кн. Алексій Черкасскій представилъ царю донесеніе, гдѣ объяснялось, что на многія работы въ Петербургъ являются подрядчики, «которыми они исправляются удобнѣе и скорѣе, нежели государственными работниками», и что гораздо выгоднѣе съ послѣднихъ взимать деньгами, на которыя «подрядомъ и наймомъ работы будутъ управляться удобнѣе и скорѣе, нежели нынѣ»; притомъ же до двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ (Черкасскій предлагалъ на первое время оставить по прежнему высылку въ нѣкоторомъ количествѣ рабочихъ на мелкія работы) «при своихъ домахъ останутся отъ работы крестьянской неотлучны». Любопытны въ этомъ случаѣ соображенія кн. Черкаскаго, которыми и при помощи цифръ доказывалъ онъ невыгоды принудительнаго труда.

«По указу царскаго величества, писалъ онъ на примѣръ, къ городскому строенію велѣно было выслать работниковъ въ 1714 году съ 14 дворовъ работникъ, итого 32,000 человѣкъ; по указу имъ на дачу жалованья велѣно собрать по три рубля на человѣка, итого 96,000 рублей. А по сказкамъ сотскихъ 1716 года на рабочихъ людей, на каждого человѣка, сверхъ указныхъ денегъ, собрано со крестьянъ по 8, 7 и 5 рублей; и буде положить въ счетъ самую малую дачу подмоги, итого, сверхъ указныхъ денегъ, со всего государства сойдетъ 16,000 р., а съ указными 256,000 р. Изъ вышеописаннаго числа лю-

ей надлежитъ быть кашеваровъ 3,200 человекъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, бывшихъ и умершихъ въ годъ 1000 человекъ, иногда и больше, больныхъ въ годъ по 1000 человекъ, иногда и больше, и оныя, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, денежное и хлѣбное жалованье емлютъ, а подмогу всѣ берутъ, а работы не работаютъ: итого не у работъ 5200 человекъ»...

Петръ Великій на донесеніе кн. Черкаскаго, о производствѣ въ Петербургѣ работъ подрядомъ и наймомъ, написалъ: быть по сему, и въ 1718 г. состоялось повелѣніе, чтобъ въ Петербургъ высылать только тѣхъ рабочихъ, которые назначены туда на мартовскую четверть года, «а впредь ихъ не высылать»...

Надобно признаться, что современныя извѣстія о положеніи русскаго простаго народа въ Петербургѣ, въ первые годы его основанія, покажутся не привлекательнымъ для тѣхъ изъ читателей, которые удостоиваютъ благосклоннымъ вниманьемъ своимъ только имѣющихъ ранги или владѣющихъ душами. Въ слѣдующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія будутъ помѣщены замѣтки объ избранномъ петербургскомъ обществѣ петровскихъ временъ... въ какой степени этотъ эпитетъ приличенъ русскимъ знатымъ и придворнымъ начала XVIII столѣтія, — оставляю на обсужденіе самихъ читателей.

И. ИККАРСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ПРОСВѢТЕННЫХЪ СЛѢДЫ.

(Объ антихристѣ, противъ раскольниковъ, соч. Нильскаго. 1859 г.

Le Raskol. Essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie. Paris. 1859 an. Съ эпиграфомъ: ordre et progrès).

Извѣстно всѣмъ, слѣдящимъ за современной литературой, — даже слѣдящимъ по издѣліямъ Аскоченско-Бурачковской компаніи, — что эта литература проповѣдуетъ безграничную гуманность, или, какъ выражается профессоръ Карповъ, *любкасть*, — что отъ всѣхъ и во всемъ она требуетъ гуманности. Не безъизвѣстно также, что литература, послѣ своего *renaissance*, почти радикально измѣнила прежнее отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ общественной и частной жизни и прежіе отзывы о дѣятеляхъ, распоразавшихся ходомъ и направленіемъ этихъ явленій.... Конечно, это прекрасно: гуманность, что бы ни говорили Аскоченскіе и Бурачки, вещь хорошая; пережіна прежінихъ взглядовъ и приговоровъ на взгляды и приговоры по совѣсти тоже стоить похвалы. Но... намъ кажется, будто современная литература не всегда вѣрна своимъ гуманнымъ принципамъ и дѣлаеть иногда поразительные промахи въ ихъ развитіи и примѣненіи къ частнымъ явле-

нїямъ и фактамъ. Можетъ быть, это такъ и слѣдуетъ, — мы не беремъ строго судить; но все-таки укажемъ на одинъ примѣръ.

Всѣ, конечно, помнятъ грозное ополченіе, составившееся въ нашей литературѣ для защиты евреевъ, для уничтоженія того презрѣнія, которому подвергалось это племя за свои религиозныя убѣжденія и за грѣхи своихъ отцевъ; литература горячо вступилась за отверженныхъ сыновъ Израиля и съ жаромъ защищала ихъ человѣческое достоинство и человѣческія права. Естественно было ожидать отъ литературы, такъ блистательно доказавшей свою гуманность, подобнаго же образа дѣйствій и въ отношеніи къ другимъ, — въ отношеніи, на примѣръ, къ нашимъ раскольникамъ. Положеніе раскольниковъ имѣетъ вѣдь нѣкоторую аналогію съ положеніемъ евреевъ, — и они при томъ еще гораздо ближе послѣднихъ къ нашему сердцу.... Литература, еслибъ она строго держалась своихъ принциповъ, должна была — если не защищать послѣдователей раскола, по крайней мѣрѣ слѣлаться ихъ безпристрастнымъ судьей, — пересмотрѣть исторію раскола, до сихъ поръ имѣющую видъ обвинительнаго акта, или донесенія слѣдственной комиссіи, найти въ ней какой нибудь смыслъ, вопреки общему взгляду на расколъ, какъ на странную аномалію, противную началамъ здраваго разума. Эта литература, защищающая права человѣческой личности и проповѣдующая свободу, должна была, слѣдуя своимъ гуманнымъ принципамъ, въ образѣ раскольника разглядѣть разумныя человѣческія черты, — признать за нимъ и здравый смыслъ, и хоть каплю добрыхъ нравственныхъ началъ, при отсутствіи которыхъ человѣкъ превратился бы въ діавола. Это было бы очень полезно для успѣшности самыхъ заботъ объ уничтоженіи раскола. Вѣдь онъ коренится въ убѣжденіи, и для его искорененія нужно измѣнить убѣжденія людей, держащихся его. А чтобы привести человѣка къ измѣненію прежнихъ его убѣжденій, тому, кто захочетъ просвѣтить его, необходимо расположить его къ себѣ, приобрѣсти его довѣріе, любовь. Можно ли возбудить эти чувства инымъ путемъ, какъ обнаруженіемъ искренняго доброжелательства къ нему? А можемъ ли мы имѣть доброжелательство къ человѣку, если не стараемся замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ добрыхъ качествъ, увидѣть въ немъ существо, достойное нашей любви, несмотря на его раскольническое заблужденіе? Потому для искорененія раскола необходимо не ограничиваться мыслями объ ошибочности и грубости раскола (кто изъ насъ сомнѣвается въ томъ, что расколъ — невѣжественное заблужденіе?) — нѣтъ, надобно вмѣстѣ съ этимъ смотрѣть добрыми глазами на жалкихъ людей, омрачаемыхъ имъ. Боритесь съ расколомъ, но любите раскольниковъ, — такъ слѣдуетъ потому, что

они тоже люди, какъ и мы, братья наши, — такъ нужно для того самаго, чтобы вывести ихъ изъ заблужденія, владѣющаго ими. Притомъ же человекъ, не имѣющій любви, впадетъ въ противорѣчія съ собою и тогда, когда защищаетъ истину и тогда, когда опровергаетъ ложь. Вотъ именно только съ этою цѣлью, съ цѣлью напомнить литературѣ о способѣ дѣйствованія, самомъ вѣрномъ и успѣшномъ въ борьбѣ противъ раскола, мы и говоримъ, въ какомъ духѣ должна была бы дѣйствовать литература, еслибъ она была послѣдовательна. Но какъ дѣйствовала она на самомъ дѣлѣ? — Вотъ явилось пресловутое сочиненіе г. Шапова о русскомъ расколѣ. За исключеніемъ предисловія и нѣкоторыхъ либеральныхъ фразъ, оно представляло собою новыя варіаціи на старую избитую тѣму: раскольники, это порожденіе невѣжества, злые плевелы, куколь душевредный, посѣянный лукавымъ врагомъ рода человѣческаго, люди буйные, противники всякаго порядка и благоустройства, хитрые интриганты, ставившіе безкорыстныхъ чиновниковъ въ жестокую необходимость брать взятки. Отважная «Иллюстрація» была къ жидамъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ г. Шаповъ къ раскольникамъ. Что же гуманная литература? Она не возстала на Шапова съ протестомъ, какъ возстала на «Иллюстрацію», — нѣтъ, напротивъ, — она встрѣтила его рукоплесканіями. Не считая непослѣдовательность дѣломъ предосудительнымъ, и мы по мѣрѣ возможности восхваляли сочиненіе г. Шапова, любовались его элоквенціею и съ удовольствіемъ анализировали мѣста, удовлетворявшія самымъ строгимъ требованіямъ красноречія. Но въ то же время мы осмыслились, однако, замѣтить, что «опытъ» г. Шапова не только далекъ отъ совершенства въ научномъ отношеніи, — не выполняетъ своей задачи и своихъ обѣщаній; но даже самое его направленіе, моральная и полемическая точка зрѣнія, на которую поставилъ себя авторъ, не обѣщаютъ ничего хорошаго для исторіи. Разбирая указанныя г. Шаповымъ причины происхожденія раскола, — нравственные недостатки русскаго общества въ XVI и XVII вѣкахъ, мы поставили на видъ то обстоятельство, что эти недостатки существовали во всѣ времена, и потому не объясняютъ происхожденія раскола. Наконецъ мы указали на враждебный тонъ книги, не совсѣмъ приличный ученому сочиненію, на худо скрытое презрѣніе, если не ненависть къ старообрядцамъ.... и за этотъ-то скромный образъ дѣйствій возстали на насъ литературные протестанты, угрожая все на свѣтѣ объявить вздоромъ, обвиняя насъ въ невнимательности къ труду г. Шапова, который, по ихъ мнѣнію, заслуживалъ «болѣе внимательнаго и осторожнаго разбора». Впрочемъ наши противники сами сознаются, что въ книгѣ г. Шапова есть таки довольно недо-

статковъ, что почтенный авторъ увлекается, неловко фразируетъ, приноситъ дань условнымъ формамъ, сильно неодобряемымъ въ последнее время, и что, наконецъ, общее направленіе книги не безукоризненно; но они оправдываютъ это влияніемъ «разныхъ обстоятельствъ» и утверждаютъ вообще, что г. Шаповъ все-таки не обскурантъ....

Оправданіе, очевидно, не сильное; и мы можемъ, несмотря на это оправданіе, назвать нашу литературу непослѣдательною за излишнюю, внимательную любовь и любезную внимательность къ опыту г. Шапова. Но мы теперь вовсе не намѣрены осуждать эту непослѣдательность, потому что недавно прочли книжку «Le Raskol», въ которой ясно доказано, что именно эта видимая непослѣдательность и спасла нашу литературу отъ униженія — быть гуманною защитницей людей презрѣнныхъ, отсталыхъ, въ своемъ ослѣпленіи не понимающихъ высокаго значенія реформы Петра I и проникнутыхъ духомъ допетровской Руси. Авторъ книжки «Le Raskol» — неизвѣстенъ, но по всему видно, что это человекъ почтенный, образованный и вполне заслуживающій довѣрія. О немъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе по даннымъ, представляемымъ его сочиненіемъ. Онъ прежде всего русскій человекъ, какъ видно изъ предисловія, и человекъ не изъ «простаго народа», а изъ числа людей, получившихъ привилегію на благородство, знатность и другія похвальныя качества, — что видно изъ тона и направленія всей книги. Потомъ, онъ человекъ образованный, получившій образованіе, вѣроятно, въ Александровскомъ Лицеѣ, или въ училищѣ Правовѣдѣнія; объ этомъ можно заключать по той чисто братской симпатіи, которую питаетъ онъ къ юношамъ, выходящимъ изъ этихъ двухъ заведеній; онъ даже прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, — такъ что можетъ стать на ряду съ лучшими нашими литераторами, писавшими по французски — Кокоревымъ и Соллогубомъ; онъ наконецъ либераль, защитникъ свободы совѣсти и издалъ свое сочиненіе за границу, куда не могутъ проникать разные пристрастные вліянія и вѣянія. Все это заставляетъ насъ особенно уважать его слова, и тѣмъ умильнѣе для насъ видѣть, что заграничный авторъ, вполне сходясь съ нашими домашними обличителями раскола, громитъ его окончательно, какъ величайшее изъ всѣхъ золъ на свѣтѣ. Незвѣстный авторъ недалеко ушелъ и почти вовсе не ушелъ отъ г. Шапова; такъ что по прочтеніи первой, исторической главы заграничнаго сочиненія, можно подумать, что или «Le Raskol» есть простое resumé «Русскаго раскола», или «Русскій расколъ» есть тотъ же «Le Raskol», умноженный и дополненный г. Шаповымъ. Сходство въ идеяхъ поразительное. Правда, авторъ «Le

Raskol'a» смотритъ на расколъ преимущественно съ политической точки, тогда какъ г. Щаповъ преимущественно съ религіозной; но несмотря на различіе точекъ зрѣнія, оба видятъ одно и то же. По г. Щапову раскольники — злые плевелы, душевредный куколь, порожденіе древняго змія, а по автору incogniti — страшилище, долженствующее всякаго привести въ трепетъ, «вулканъ, на которомъ мы стоимъ», — «стоглавая гидра». Совершенно одно и то же, только другими словами, или, пожалуй, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Куколь ли душевредный, или гидра стоглавая, все-таки выходитъ, что расколъ вещь скверная. Итакъ, благодаря благодѣтельной непослѣдовательности и общимъ усиліямъ русско-французскаго союза, мы убѣдились, что раскольники гораздо хуже жидовъ, — и что гуманность, покровительствующая послѣднимъ, не должна простираться на первыхъ. Это теперь для насъ очевидно; потому что зачѣмъ же любовь и милость къ тому, въ чемъ нѣтъ ничего добраго ни въ моральномъ, ни въ политическомъ отношеніи, что представляетъ собою одно только скотское безмысліе безъ всякихъ признаковъ разумности и дьявольскую грѣховность, исключаящую всякую возможность добра? Даже поэты пристали къ этому союзу и дѣйствовали къ раскрытію зловредности раскола. Напримѣръ извѣстный г. Розенгеймъ влагаетъ въ уста расколоучителя такія рѣчи:

Я грѣшникъ великій, неправды пророкъ,
Я сѣятель былъ озлобленья,
И многихъ, о, многихъ во тьму я увлекъ
Въ безумномъ моемъ ослѣпленіи.

Далѣе онъ говоритъ своимъ послѣдователямъ:

.... Простите, я васъ обманулъ;
Во тьмѣ пресмыкаюсь кромѣшной,
Во тьму эту, братья, и васъ я втянулъ,
Простите мнѣ, каюсь я грѣшный.

А что расколъ дѣйствительно такъ дурень, — эта истина, достаточно разъясненная нашими извѣстными изслѣдователями раскола, получаетъ для насъ новый свѣтъ, благодаря французскому творенію неизвѣстнаго автора. Основываясь на показаніяхъ этихъ господъ, мы постараемся выставить какъ можно ярче всю негодность раскола: можетъ, это смягчитъ нѣсколько строгость судей, порицающихъ насъ за г. Щапова.

Зловредность раскола доказывается тѣмъ уже самымъ, что онъ расколъ. «Обыкновенно, всего чаще, говоритъ г. Щаповъ, ереси и

расколы возникают и распространяются в царствъ тогда, когда народъ, входящій въ составъ ея, находится не совсѣмъ въ благоустроенномъ нравственномъ состояніи, когда въ обществѣ истинный и законный порядокъ находится въ борьбѣ съ ложнымъ, превратнымъ нравственнымъ направленіемъ» стр. 133. А худое дерево, конечно, можетъ приносить только худые плоды. — Эту общую мысль г. Щапова о происхожденіи расколовъ авторъ incessantly доказываетъ или старается доказать исторіею русскаго раскола, которая у него и излагается въ самомъ началѣ сочиненія. Предварительно впрочемъ онъ счелъ нужнымъ высказать цѣль своего сочиненія, которая состояла въ томъ, чтобы, представляя расколъ въ видѣ вулкана или гидры, по возможности сильнѣе наугать читателей. «Указать опасности, говорить неизвѣстный, которыми угрожаетъ расколъ обществу, и средства предупредить ихъ, такова цѣль этого сочиненія» (р. 3). Скромная и гуманная цѣль! — «Въ расколѣ подъ наружнымъ спокойствіемъ скрывается начало безпорядковъ, страстной ненависти къ обществу. Поэтому правительство должно постоянно бодрствовать, полиція, крѣпко (fortement) организованная, должна предупредить зло, или предпринять противъ него сильныя, энергическія мѣры» (р. 24). Заявивши такимъ образомъ свой основной взглядъ на расколъ и перепугавши имъ бѣдныхъ читателей, неизвѣстный авторъ переходитъ за тѣмъ къ исторіи раскола. Причина происхожденія раскола: совершенный недостатокъ умственнаго образованія, испорченность нравовъ, невниманіе правительства къ дѣламъ религіознымъ (у г. Щапова это называется гражданскими безпорядками русскаго общества), привязанность къ буквѣ писанія (у г. Щапова «къ мертвой буквѣ»). Никонъ предпринялъ исправленіе книгъ; и онъ успѣшно совершилъ бы свое дѣло, пользуясь благорасположенностію царя. Но бояре завидовали Никону, и постарались очернить его въ глазахъ царя: противъ него же составилась оппозиція изъ невѣжественныхъ людей, по привязанности къ буквѣ писанія не желавшихъ исправленія книгъ. Даже нѣкоторые бояре, les princes L.... f, S.... f и O.... f вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными стали во главѣ оппозиціи (р. 8). Никонъ палъ, оппозиція невѣжества и буквализма восторжествовала и открыто явилась въ формѣ раскола. Вотъ краткая, но вѣрная исторія происхожденія раскола. Теперь мы спросимъ у читателя, чего можно ожидать отъ невѣжества и мертваго буквализма, отъ противленія Никону, патриарху и другу царя, а потомъ и самому царю съ правительствомъ? Тогдашніе бояре сразу поняли, что подобная оппозиція къ добру не поведетъ и благополучно убралась по-добру по-здорову, какъ только она переродилась въ расколъ. «Расколъ сосредоточился въ низшихъ

классакъ народа, нѣтъ нѣдръ котораго выкопали самое вожди раскола....» (р. 12). И однакожь инопци не называютъ его религиозно-гражданскимъ демократизмомъ. Это видно произвольно отъ того, что онъ заимствовалъ понятіе о демократизмѣ отъ кого нибудь во Франціи, въ Англіи, или въ Америкѣ, а у г. Щапова, какъ утверждаетъ одинъ его критикъ, оно самородное, русское. А всякій знаетъ, что напр. у французевъ всѣ вещи называются другими словами, чѣмъ у насъ; у насъ говорятъ, напр., хлѣбъ, а у нихъ, какъ рассказываютъ ветераны 12 года, дуй сень. Но дѣло здѣсь не въ названіяхъ — хоть конечно хорошо бы было каждую вещь называть ея собственнымъ именемъ, — а въ самомъ фактѣ, что расколъ, какъ въ началѣ распространился между простымъ народомъ, такъ и теперь держится только въ этой презрѣнной, невѣжественной части нашего общества. На такой унижительный для раскола фактъ, кромѣ инопци и г. Щапова, указывали почти всѣ писавшіе о расколѣ. Напр. князь Щербатовъ говоритъ, что «раскольническую секту инопци дуетъ почти половина *подлаго народа*.» О. Андрей Іоанновъ тоже свидѣтельствуетъ, что «сія гнилая рана, которая ни ѣдкими строгостей властырями, ни мягкими милосердія средствами не пользуется, претворяется въ заразу въ *черномъ народѣ*» (стр. 50, изд. 1831 г.). Хорошо же должно быть расколъ, когда имъ гнушаются благородныя сословія, и между послѣдователями его нѣтъ ни одного, который бы по гражданскому праву украшался титуломъ благороднаго. Такимъ образомъ и исторія раскола, и его неблагородныя послѣдователи — все свидѣлствуютъ о его невѣжествѣ и безсмыслии. Желали бы мы знать, что возразить самый гуманный человѣкъ и оптимистъ противъ такихъ очевидныхъ доказательствъ злобности раскола!

Правда, авторъ *le Raskol'a*, разсматривающій свой предметъ преимущественно съ политической точки зрѣнія, въ одной главѣ смотритъ на него съ точки зрѣнія философской и какъ будто видитъ нѣсколько другихъ причины раскола, сообщая ему и нѣсколько другой видъ и значеніе. «Всѣ секты въ Россіи, говоритъ онъ, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія философской, суть не что иное, какъ протестъ противъ стѣсненія совѣсти и мысли. Этотъ свободный протестъ души облачается у насъ формою религиозною, потому что въ религіи заключается вся философія русскаго народа, и онъ не знаетъ другаго способа отстаивать священныя права человѣка.... Духовная дѣятельность въ нашемъ народѣ обнаруживается не отвлеченными сочиненіями, но непрерывнымъ рядомъ сектъ (pag. 121, 122)». Г. Щаповъ въ своемъ знаменитомъ предисловіи доподлинно и распространяетъ эту мысль, указывая на частнѣйшіе

виды этого протеста: «расколъ—это вошь противъ ничерин и правительства, сильный протестъ противъ недужныхъ переписей, подарковъ и даней многихъ, противъ рекрутства, крѣпостнаго права, областнаго начальства.» Если такъ смотрѣть на расколъ, то онъ уже является намъ не совсѣмъ гидрой, и гуманность можетъ прицѣпиться къ нему. Разумѣется, мы, сообразно своей цѣли указывая то, что и въ раскольникахъ надобно признать человѣческимъ, нисколько не думаемъ оправдывать ихъ хотя бы сколько нибудь смягчать факты ихъ религиозныхъ заблужденій. Но помимо этихъ заблужденій, все-таки можно видѣть, что невѣжество раскольниковъ замѣтно уменьшается: ихъ мысль и совѣтъ кажутся немъ развитыми до такой степени, что для нихъ уже становятся тѣсными тѣ формы, которыя представляла русская жизнь во время Никона, и они отстаиваютъ свое право на духовное освобожденіе отъ оковъ, наложенныхъ на нихъ этими формами. Слѣбое, фанатическое пристрастіе къ мертвой буквѣ становится живою, энергическою силою духа, достойною лучшаго употребленія, но получившею такой блестящій исходъ по условіямъ времени и по недостатку разумнаго руководства. Буйное противленіе правительству кажется возстаніемъ противъ безпорядковъ общественной жизни. Вы видите, какъ при такомъ образѣ возрѣнія на расколъ у стоголовой гидры падаетъ одна голова за другой, — какъ вулканъ погасаетъ, а на его мѣсто является почва безопасная, полная жизни и силы, способная въ хорошихъ рукахъ принести много добрыхъ и полезныхъ плодовъ. — Но все это ни болѣе ни менѣе, какъ иллюзіи, которыя неминуемо должны разрушиться при одномъ воспоминаніи, что мы въ этомъ случаѣ стоимъ на философской точкѣ зрѣнія и съ этой точки смотримъ на расколъ. Потому что философская точка зрѣнія, какъ и вообще всякая философія, съ точки зрѣнія людей, не любящихъ самаго скромнаго стремленія къ отчетливости понятій, есть гордыня, превозношеніе ума, воюющаго противъ истины, источникъ всякихъ заблужденій, чужествованій и проч. и проч., однимъ словомъ, какъ выражается г. Бурачекъ, «она любодѣвіе ума». Вслѣдствіе этого, мы вполне соглашаемся съ тѣми взглядами на расколъ, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнія раскола не съ философской точки зрѣнія и по которымъ онъ есть куколь душевредный, ~~чуждый~~; вулканъ и проч.

Последующая исторія раскола, его дальнѣйшая судьба и развитіе также убѣждаютъ всякаго благонамѣреннаго человѣка въ истинѣ и справедливости взгляда на расколъ, добытаго не философскимъ путемъ. Расколъ остановился и сосредоточился на безтоковой взаимности къ старинѣ; раскольники слѣпо держатся древле-ото-

ческихъ преданій и неразумно встають противъ всякихъ «новшествъ», какъ бы послѣднія ни были разумны и законны. Все это вѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что раскольники не убѣждаются многими прекрасными сочиненіями, необъятно оровергающими ихъ заблужденія, кажется, ясно показываетъ, что они тупы и ограниченны, что надъ ними безсильна власть логики и законы здраваго смысла.

Конечно какаѣ нибудь г-жа Простакова сказала бы на эти соображенія то, что она вѣкогда говорила Тришкѣ: «Еще онъ же и спорить. Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первый-то портной у кого же учился? Говори, скоты!» и тѣмъ порѣшила бы все дѣло. Но было бы и глупо и смѣшно довольствоваться рѣшеніемъ подобной госпожи. Тутъ необходимо нужно обратиться къ исторіи развитія раскола, къ фактамъ, представляемымъ ею, — что они скажутъ? А они говорятъ вотъ что: вскорѣ послѣ своего появленія расколъ распался на части — обыкновенная участь всѣхъ ложныхъ началъ и сектъ — и потомъ постоянно дробился и дробится на множество подраздѣленій; въ немъ непрерывно возникаютъ новыя секты и видоизмѣняются старыя, прежнія. Невѣжественные мужики, безтолковыя бабы, глупые бѣглые солдаты придумываютъ новыя вѣры, сочиняютъ догматы, проповѣдываютъ и распространяютъ ихъ съ полною увѣренностію найти себѣ послѣдователей и образуютъ цѣлое общество. И дѣйствительно имъ удается. Невѣжественные люди — странно — какъ то умѣютъ передавать свои мысли другимъ убѣдительно, находятъ средства дѣйствовать на слушателей и располагать ихъ къ себѣ. «Они потому весьма успѣшно проповѣдывали расколъ, что всегда умѣли искусно дѣйствовать на умы и сердца слушателей и приспособляться къ ихъ умственному и нравственному состоянію» (Шаповъ. 245 стр.). «Для распространенія раскола они не падали ни чести, ни имѣнія, ни самой жизни. «Нѣкоторые съ умиленіемъ, слезами и рыданіемъ преподавали ученіе раскола и умоляли православныхъ — *спасти свои души принятіемъ его*» (Тамъ же. 221). Должно быть, дорого же имъ было свое убѣжденіе и глубоко засѣло въ душу. И вотъ возникаютъ въ расколѣ Акулиновщины, Онуфриевщины и другіе толки, которыхъ самыя названія невыносимы для благовоспитаннаго уха. — Въ какомъ же свѣтѣ представляютъ намъ расколъ эти факты его исторіи? На первый, поверхностный взглядъ можетъ показаться — совершенно впрочемъ ложно, какъ докажемъ ниже — будто они говорятъ въ пользу раскола, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ противъ него. Вообще вѣдь принимаютъ, что разнообразіе идей, взглядовъ, мнѣній, ихъ дробленіе и борьба, множество философскихъ сектъ и расномовъ, являющихся

среди какого нибудь народа, служить дешифромъ доказательствомъ, что интересъ знанія еще существуетъ въ народѣ, что мысль его не оуплѣла, умъ не пришелъ еще въ оцѣпенѣніе, но живетъ и работаетъ. Подобнымъ образомъ и постоянное дробленіе и развѣтвленіе раскола повидимому свидѣтельствуетъ о томъ, что сила, вызвавшая расколъ — порываніе ума, совѣсти, всего человѣка къ свободѣ — еще живетъ и дѣйствуетъ, обстоятельства, произведшія расколъ, остаются, дѣйствуя расколовозбудительно, что вообще умъ и чувство не оуплѣли въ раскольникахъ, не заснули сомъ невробудимыхъ на первоначальныхъ догматахъ раскола и привязанность къ старинѣ у нихъ иногда уступаетъ требованіямъ смысла. Г. Ниддскій во вступленіи къ своему «Антихристу» показываетъ, что раскольники тотчасъ же видоизмѣнили свое первоначальное ученіе объ антихристѣ, какъ скоро замѣтили въ немъ несообразность и получили возможность «обсудить дѣло хладнокровнѣе» (стр. XXI), и не переставали развивать и дополнять его до тѣхъ поръ, пока оно не получило у нихъ той формы, въ какой оно проповѣдуется западными рационалистами. Но мы думаемъ, что у нихъ и на этомъ дѣло не остановится, что они еще измѣнятъ свое ученіе, вслѣдствіе безпощадной критики автора книги объ антихристѣ. Съ этой ложной точки зрѣнія непрерывное дробленіе раскола и многочисленность сектъ его можно было бы объяснить себѣ такимъ образомъ. Религіозное чувство и мысль еще живы въ раскольникахъ, и вслѣдствіе своей жизненности они не могутъ на вѣки остановиться на одномъ пунктѣ, на мертвой точкѣ, какъ говорятъ механики; то, что прежде ихъ удовлетворяло, становится теперь неудовлетворительнымъ, и они неуклонно ищутъ другаго, лучшаго, требуютъ новой пищи и съ радостію принимаютъ эту пищу, если только она приспособлена къ ихъ приемлемости, слушаютъ проповѣди мужика Онуфрія и бабы Акулины и фанатически привязываются къ ихъ ученію, потому что видятъ въ немъ указаніе, какъ *спасать свои души* и тѣла отъ житейскихъ невзгодъ и подавляющихъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, въ раскольникѣ повидимому замѣчается стремленіе уяснить для себя предметы вѣры, ввести ихъ въ свое сознаніе и поставить въ связи съ тѣмъ, что уже имѣется въ этомъ сознаніи. Какъ бы ни были нечлѣпы его *разсужденія*, но онъ все-таки разсуждаетъ, въ его головѣ совершается *человѣчскій процессъ мысли*; онъ не хочетъ слѣпо и безотчетно принимать все, что ему сообщаютъ, что придумано и измыслено безъ его участія, даже безъ его вѣдома и согласія, и предлагается ему для принятія и немедленнаго исполненія, безъ всякихъ убѣдительныхъ для него доказательствъ. Напротивъ, онъ

все подвергаетъ, хоть самой ограниченной, возможной по его силамъ критику, и сдается на то, что допускаетъ эта критика. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ не механическое только принятіе, но настоящій органическій процессъ усвоенія; усвоенныя истины претворяются въ плоть и кровь и имѣютъ живость и силу, оттого у нихъ дѣло, жизнь не противорѣчитъ убѣжденію, а служитъ всегда выраженіемъ его. Этимъ же, пожалуй, нѣкоторые станутъ объяснять удивительную, часто фанатическую стойкость раскольниковъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ставящую ихъ выше многихъ людей образованныхъ, которыхъ нерѣдко совершенно перерождаютъ — пустая суетность, мелкій бѣсъ честолюбія, одно поглаживанье по головкѣ, — стойкость, которой не могли поколебать самыя энергическія мѣры.

Но повторимъ, всѣ подобныя соображенія, благопріятныя для раскольниковъ и основанныя на фактахъ, заимствованныхъ изъ исторіи внутренняго развитія раскола, безусловно ложны, поверхностны и слишкомъ философичны. Конечно, на основаніи довѣрія, оказываемаго раскольниками безграмотнымъ Акулинамъ и Онуфриямъ, философъ неспециалистъ въ расколѣ можетъ предположить а priori, что и для образованнаго человѣка есть возможность съ успѣхомъ дѣйствовать на раскольниковъ при извѣстныхъ условіяхъ. Но это ошибка, жестокая ошибка. Опытъ, факты говорятъ совершенно противоположное. Мало ли у насъ было людей, высоко образованныхъ, хорошо понимавшихъ дѣло, которые старались дѣйствовать на раскольниковъ своими книжками, неопровержимо доказывавшими ошибочность и негѣдность раскольническихъ мнѣній, какъ всѣхъ вообще, такъ и cadaго въ частности? Примѣры каждый, думаемъ, знаетъ и видитъ. Однакожь раскольники не убѣждаются ясными доводами этихъ книжекъ, по прежнему упорствуютъ въ своихъ заблужденіяхъ, ученые доводы пристають къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ. Отчего же бы происходило такое странное, не нормальное явленіе, если бы раскольники не потеряли способности мыслить и рассуждать, убѣждаться очевидными доказательствами, однимъ словомъ, работать умомъ по-человѣчески? Предполагать, будто авторы этихъ прекрасныхъ сочиненій не дѣйствуютъ на раскольниковъ потому, что въ нихъ не замѣтно той глубины убѣденія, той самоотверженной любви къ неучаемымъ, того сердечнаго сочувствія и состраданія къ ихъ долѣ, которыя звучали почти въ каждомъ словѣ Онуфрія и Акулины и др., «съ умиленіемъ, слезами и рыданіями преподававшихъ свое ученіе,» — было бы негѣно, «нисколько не остроумно и ни мало не правдоподобно.» Потому мы и оставляемъ это предположеніе безъ опроверженія, котораго оно и не заслуживаетъ. Такъ же

точно мы считаемъ неосновательнымъ и другое, возможное въ этомъ случаѣ предположеніе—будто бы раскольники не убѣждаются направленными противъ нихъ полемическими сочиненіями, потому что эти сочиненія въ самомъ дѣлѣ не убѣдительно, что они не искусно дѣйствуютъ на умы и сердца раскольниковъ и вовсе не приспособлены къ ихъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Несообразность послѣдняго предположенія пойметъ всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ полемическими сочиненіями противъ раскола. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли положить руку на сердце утверждать, что напримѣръ сочиненіе г. Нильскаго не убѣдительно? И можно ли допустить въ раскольникахъ хоть каплю ума, если они не убѣдятся его доводами и умозаключеніями, построенными древнимъ, уже давно испытаннымъ способомъ, при которомъ употребляются слѣдующіе простые приемы: «Раскольники утверждаютъ то-то и ссылаются на слова такого-то. Конечно, эти слова, повидимому, благопріятствуютъ лжеученію, но ихъ нужно понимать не такъ, какъ они представляются, а вотъ какъ: это слово нужно принять въ смыслѣ буквальномъ, а это въ переносномъ; сіе изреченіе означаетъ одно, а оное совершенно другое, и авторъ приведенныхъ словъ долженъ былъ сказать не такъ, какъ онъ дѣйствительно сказалъ, а напротивъ вотъ такъ и такъ; потому что хотя онъ въ этомъ мѣстѣ и говоритъ такъ, но зато въ другомъ выражается иначе, а въ третьемъ даетъ поводъ понимать настоящія слова такъ, какъ мы ихъ понимаемъ, т. е. авторъ какъ бы такъ хотѣлъ сказать и неизвѣстно почему не сказалъ» («Современникъ», если помнятъ читатели, представилъ опытъ подобнаго рода толкованій при разборѣ стихотвореній фонъ-Лизандера)—и начинается перефразъ приведеннаго мѣста, уже дополненнаго, сокращеннаго, истолкованнаго и поневолю прилегающаго къ современнымъ обстоятельствамъ и къ частному, разсматриваемому вопросу. «Впрочемъ, даже и въ такомъ случаѣ, если понимать слѣніе антихриста въ церквахъ въ смыслѣ чувственномъ, нѣтъ ничего не возможнаго въ этомъ дѣлѣ. Очень можетъ быть, что сынъ погибели, находясь въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, будетъ ложно казаться и находящимся въ другихъ мѣстахъ. Что же касается до поклоненія антихристу всѣхъ людей, имѣющихъ жить въ то время во вселенной, то оно очень возможно было бы даже и въ томъ случаѣ, если бы человекъ беззаконія *въ прямомъ буквальномъ смыслѣ сидѣлъ* (1) въ одной какой либо церкви. Если же кто либо изъ усердныхъ почитателей антихриста захочетъ изъявить ему свое уваженіе *дѣйствительнымъ* поклоненіемъ, тотъ въ состояніи будетъ удовлетворить *своему* желанію, не предпринимая дальнѣйшихъ путешествій къ мѣсту жительства сына погибели. Наконецъ, если бы даже и допустить, что для

поклоненіа антихристу, какъ лицу, нужно будетъ отъ конецъ земли всѣмъ собраться, и въ такомъ случаѣ дѣло это не представляется слишкомъ невозможнымъ. А если еще допустить, что народы будутъ приходить къ нему на поклоненіе одинъ послѣ другаго, въ такомъ случаѣ дѣло это не представляется такимъ страннымъ и невозможнымъ, какъ думаютъ объ немъ раскольники» (стр. 68—70). Послѣ такихъ изворотовъ мысли, искусныхъ и быстрыхъ, умъ вашъ по-видимому чувствуетъ какую-то усталость и отяжелѣніе и рѣшительно отчаявается вывести какое нибудь общее сужденіе изъ всей этой хитросплетенной сѣти мыслей. Но вдругъ его озаряетъ яркій свѣтъ окончательнаго вывода — «слѣдовательно ученіе раскольниковъ совершенно произвольно и ложно». И это будто бы не убѣдительно?! По устраненіи двухъ указанныхъ предположеній возможно только одно объясненіе разсматриваемаго факта: мы должны видѣть въ немъ слѣпое невѣжество, постигать, съ г. Нильскимъ, только «непостижимое упорство». «Ложь раскольниковъ, говоритъ онъ, ясна какъ день и только непостижимое упорство можетъ проповѣдывать ее за истину» (стр. 362).

Пусть бы ложь, которую отстаиваютъ раскольники съ такимъ слѣпымъ ожесточеніемъ, касалась важныхъ предметовъ, — ихъ упорство было бы извинительно до нѣкоторой степени, по крайней мѣрѣ понятно. А то вѣдь они упорно лгутъ о сугубой аллилуйи, о жженіи по солонѣ, семипросфоріи, брадобритіи и подобныхъ вещахъ. Кодексъ теоретическихъ и практическихъ положеній раскола, — это просто глубина глупости; и куда дѣвалась у нихъ разумность человѣческая? Эти же самыя мысли, только гораздо умилительнѣе и краснорѣчивѣе, высказала нѣкто г. Полѣскій, послѣдователь г. Щапова, дебютировавшій въ «Странникѣ». Г. Щаповъ въ своей книгѣ часто называлъ расколъ мертво-обрядовымъ, фарисейскимъ направленіемъ, а раскольниковъ фарисеями. Г. Полѣскій, на основаніи такихъ воззрѣній, или фразъ, построилъ цѣлую теорію, по которой онъ раздѣлилъ все современное намъ общество на фарисеевъ и саддукеевъ, и восклицаетъ такъ: «а сколько вокругъ насъ жалкихъ братій (раскольниковъ), которые все благочестіе, всю православную вѣру заключили только въ религіозную обрядность, потерявшую у нихъ всякое благотворное значеніе, обезсмысленную, обезображенную, святотатственно оскверненную ихъ незаконными совершителями! И эти то люди имѣютъ такое вліяніе (какое?) на народъ, нерѣдко привлекаютъ къ себѣ новыя толпы!» (Стр. № 1, стр. 49). Да, очень прискорбно! Но еще прискорбнѣе то, что какой-нибудь философъ опять станетъ возражать намъ и г. Полѣскому, будетъ доискиваться разумнаго смысла въ фанатической привязан-

ности раскольниковъ къ «обезсмысленнымъ и обезображеннымъ» мелочамъ и поведеть такой лукавый силлогизмъ. «Коренной и общій догматъ раскола, скажетъ онъ, это энергическій, жизненный протестъ противъ стѣсненія свободы совѣсти въ области религіозной и противъ безпорядковъ гражданскихъ» и сошлетъ на г. Шапова. Когда Никонъ, будетъ продолжать онъ, началъ выправлять церковныя книги и обряды и строго требовалъ отъ всѣхъ принятія своихъ исправленій, энергически наказывая своихъ слушниковъ, — многіе, даже простые люди увидѣли, что имъ навязываютъ многое совершенно противъ ихъ воли и желанія, въ чемъ по крайней мѣрѣ они по своему состоянію не чувствовали большой нужды и необходимости. Въ преобразованіяхъ Никона они (конечно ошибочно) видѣли дѣло личнаго совершеннѣйшаго произвола, слѣдствіе полнаго самовластия въ дѣлѣ вѣры, въ области самой священной для нихъ; и вся реформа представлялась ихъ одностороннему понятію святотатственнымъ посягательствомъ на цѣлость вѣры, на святость народныхъ убѣжденій. За чѣмъ же все новое, думали они, зачѣмъ измѣненія, когда вся святая Русь считала старое годнымъ и нужнымъ для себя? Потому они возставали противъ реформы вообще, какъ реформы, по ихъ мнѣнію, насильственной и произвольной, а не собственно противъ какихъ нибудь мелочей. Если же они привязывались къ каждой самой незначительной поправкѣ, то это потому, что они ни къ чему больше и не умѣли придаться, что они не способны были отвлеченно формулировать и выразить свою оппозицію реформѣ, для которой тогда не существовало и слова въ русскомъ языкѣ — понятіе о реформѣ обозначилось у нихъ терминомъ новшества — и наконецъ потому, что эти поправки были болѣе наглядными и осязательными выраженіями того общаго принципа, противъ котораго они ратовали, и служили благовиднымъ предлогомъ къ возстанію. Это-то общее недовольство представителемъ іерархіи и его исправленіями, къ которымъ многіе не были приготовлены, а многіе и не чувствовали нужды въ нихъ, эта народная ярость и гнѣвъ на невнимательность и презрѣніе къ нуждамъ и къ голосу народа — осмысливаютъ для философа безразсудное возстаніе раскольниковъ повидимому изъ-за пустяковъ, — это говоримъ мы, конечно, не въ смыслѣ оправданія ихъ, а только въ томъ смыслѣ, что отыскиваются причины ихъ дѣйствій.

Тоже было съ расколомъ и въ области гражданской. Здѣсь возстали противъ преобразованій Петра, какъ тамъ противъ исправленій Никона. И здѣсь, какъ тамъ, раскольники напали на мелочи, потому что только они и были доступны ихъ пониманію, а самый смыслъ оппозиціи былъ гораздо глубже и разумнѣе. Хожденіе по солонѣ и

запрещеніе брадобритія срослись въ раскольникѣ съ духомъ оппозиціи, и онъ не можетъ отказаться отъ этихъ мелочей, пока живетъ въ немъ такой духъ, хоть бы всѣми возможными аргументами доказали ихъ безсмысліе и нелѣпость. Такимъ образомъ упорство, съ которымъ раскольники отстаиваютъ разныя мелкія погрѣшности и несообразности въ своемъ ученіи, происходитъ изъ опасенія ослабить свою общую систему, изъ боязни, какъ бы отъ уступокъ въ мелочахъ не перейти къ уступкамъ въ основныхъ взглядахъ, которые они считаютъ истинными и спасительными для себя. Ясно, какъ это все зловредно и нелѣпо. И къ несчастію, раскольническая привязанность къ мелочамъ нерѣдко заражаетъ даже умныхъ и образованныхъ людей, вовсе не держащихся раскола. Такъ одинъ охотникъ до споровъ говорилъ намъ, когда у насъ съ нимъ зашелъ споръ о брадобритіи, такія рѣчи: «такъ вы все это считаете дѣломъ безразличнымъ, пустяками, не стоящими вниманія? Хорошо. Да зачѣмъ же другіе-то такъ убиваются изъ-за этихъ пустяковъ? Пусть-ка напр. О. П., или О. Р., или О. С. сбръшетъ себѣ бороду, или Х, которому приказано бороду брить, волосы стричь, отпустить себѣ огромную бороду и длинные волосы;—что вы думаете, это имъ пройдетъ даромъ? Умные, образованные люди не обратятъ на себя вниманія? Какъ бы не такъ! Раскольники за подобныя беззаконія наказываютъ только тѣмъ, что надъ виновными запрещаютъ «сорокоустія пѣти,» а ваши образованные допекли бы подобныхъ господъ еще въ сей жизни». Скучно было бы рассказывать, какъ мы опровергали эти софизмы; но смѣемъ увѣрить читателя, —изъ нашихъ опроверженій ясно было, что расколъ нелѣпъ и зловреденъ.

Чтобы окончательно убѣдиться, что расколъ есть душевредный куколь и вулканъ,—мы взглянемъ еще на нравственность раскольниковъ. Не будемъ представлять подробную картину этого темнаго предмета, потому что, въ такомъ случаѣ, намъ придется, какъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ г. Нильскій, говорить много такого, о чемъ мы не желали бы никогда и подумать, придется коснуться такихъ предметовъ, о которыхъ лучше не говорить (стр. 287). Съ этой стороны раскола уже достаточно познакомили насъ его изслѣдователи, —о. Андрей Іоанновъ, авторъ «Раскола, обличаемаго своею исторіею», г. Щановъ и даже г. Нильскій, изъ усердія присоединившій свой голосъ къ дружному хору порицателей раскольнической морали, хотя ему нужно было собственно порицать только ложное ученіе раскольниковъ объ антихристѣ. Припоминая рассказы названныхъ и неназванныхъ нами писателей о нравахъ раскола, —мы съ своей стороны ограничимся только тѣмъ, что повторимъ здѣсь одно восклицаніе, вырвавшееся изъ глубины благородной души неизвѣстнаго

автора, оскорбленной этими нравами. *Ah! le coeur*, — русский язык неспособен выразить силу этого восклицания — *le coeur bondit d'indignation et la main se refuse à tracer le tableau des toutes ces horreurs!* (pag. 79.) Конечно, и тутъ могутъ возразить намъ; но, вооруженные *le Rascol'*омъ г. *inconnu*, мы не боимся возражений. Нравственность раскольниковъ, скажутъ намъ, представляется такою отвратительною оттого, что всѣ писавшіе о расколѣ, не стѣсняемые никѣмъ и ничѣмъ, вводили насъ въ самый сокровенный, такъ сказать семейный кругъ раскольниковъ дѣйствій; они свободно проникали туда, куда не осмѣливаются или считаютъ не деликатнымъ заглядывать цѣнители народной морали. Они подмѣчали самыя интимныя отношенія раскольниковъ, оглашали и предавали на судъ общественнаго мнѣнія такія дѣйствія и поступки, судьей которыхъ обыкновенно признается собственная совѣсть человѣка, и на которыя не указываетъ статистика при сужденіи о нравственности извѣстнаго народа. И собранные такимъ образомъ факты и свѣдѣнія они обобщали, придавая имъ значеніе дѣйствительныхъ выраженій собирательной нравственности огромной массы народа. При сужденіи о нашей собственной нравственности, ея цѣнители обыкновенно имѣютъ въ виду правила и законы, и только лишь въ видѣ исключеній изъ этихъ правилъ указываютъ на тѣ или другіе проступки частныхъ лицъ; между тѣмъ судьи раскольниковъ дѣлаютъ на оборотъ: они хватаются прямо за эти проступки и придаютъ имъ силу общихъ правилъ, а дѣйствія законныя представляютъ въ видѣ исключеній.... Еслибъ подобнымъ образомъ стали судить насъ самихъ, — немного оказалось бы между нами людей добродѣтельныхъ. Что же отвѣтить на подобное возраженіе?—отвѣтъ простъ. Если цѣнители нравственности судятъ не раскольниковъ такъ, а раскольниковъ иначе, то они имѣютъ, конечно, для этого достаточное основаніе. Насъ судятъ по нашимъ правиламъ, потому что мы, слава Богу, признаемъ вполнѣ обязательными правила, которыя даются; существуютъ между нами слабыя и прочныя, — они исключенія. А раскольниковъ какъ судить по правиламъ и гдѣ эти правила? Иной слушаетъ дьячка Феодосія, другой монаха Епифанія, третій какого-нибудь пастуха, четвертый никого не слушаетъ; бываютъ и между ними люди, помнящіе законы нравственнаго закона и уважающіе внушенія житейскаго благоразумія, — но это исключенія... Любители возраженій могутъ сказать еще, что вообще изслѣдователи раскола слишкомъ предубѣждены противъ него и, можетъ быть, невольно видятъ въ черномъ дѣлѣ и то, что вовсе не черно... Предубѣждены! — но откуда же это предубѣжденіе?—И можно ли въ безпристрастныхъ изслѣдователяхъ предполагать какое либо предубѣжденіе? Но положимъ даже, что и есть такое

предубѣжденіе, — оно нѣсколько не мѣшаетъ нашимъ православнымъ авторамъ видѣть и оцѣнивать то, что дѣйствительно хорошо въ раскольникахъ. Напр. г. неизвѣстный говоритъ, что между схизматиками, поповцами, которые многочисленнѣе другихъ, часто встрѣчаются добродѣтели, неизвѣстныя у остальной части народа, подчиненнаго церкви и государству. Даже между безпоповцами, доктрины которыхъ предоставляютъ человѣка во власть страстей, нерѣдко встрѣтишь чистоту нравовъ (pag. 99.)—Но это не помѣшало ему издать восклицаніе, которое мы привели на французскомъ діалектѣ, и опредѣлить расколъ, какъ стоголовую гидру... Равнымъ образомъ и г. Шаповъ, видящій въ расколѣ зловредныя плесели, свидѣтельствуесть, однакожь, что между раскольниками господствуетъ духъ братской любви и благотворительности, и что всѣхъ раскольниковъ, при всемъ различіи толковъ и сектъ, соединяетъ общинная связь, содѣйствующая развитію ихъ матеріальнаго благосостоянія, такъ что почти вездѣ въ Россіи лучшее и даже богатое гражданское состояніе (?) болѣе замѣчается въ старообрядческихъ общежительствахъ, чѣмъ въ православныхъ сословіяхъ.» (стр. 290—292.) Впрочемъ матеріальное благосостояніе еще ничего не говоритъ въ пользу раскольнической нравственности. Обличители раскольниковъ находятъ у нихъ и хорошія правила. Раскольники не всегда, напр., какъ обыкновенно говорятъ объ нихъ, принимаютъ въ свои секты людей, которыхъ вишнія неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ обращаться къ расколу; у нихъ есть правило: «приходящихъ отъ невѣрія допрашивать, не долгу ли ради?» — «Аще кто чужое захвативъ не возвратитъ, таково и отецъ духовный не можетъ простить. — Мѣра и вѣсы чтобъ были правдивыя. — Къ волхамъ ходящихъ, или къ себѣ призывающихъ въ дома своя или бобомъ ворожащихъ, и таковохъ духовнымъ отцемъ исправляти правильно.» (О. Іоанновъ, с. 140. 2 част. с. 39.) Но вѣдь нѣтъ зла безъ добра: и въ раскольникахъ, какъ они ни худы, можно отыскать нѣчто доброе — нѣсколько прѣсныхъ и вкусныхъ капелекъ въ цѣломъ морѣ горько — соленой, негодной воды. Вотъ общій взглядъ нашихъ писателей на расколъ, совершенно справедливый и необыкновенно проникательный.

Нѣкоторые впрочемъ, конечно, непонимающіе дѣла, не согласны съ такимъ мнѣніемъ о раскольникахъ; — это по большей части нѣмцы, должно быть чада по духу того Геймана, который, по свидѣтельству г. Шапова, безсовѣстно хвалилъ Петру I раскольниковъ. Таковъ, на примѣръ, баронъ Гакстгаузенъ; онъ долго разъѣзжалъ по Россіи, посѣщалъ раскольниковъ, не постыдился даже свести знакомство съ этими скверными мужиками, при одномъ воспоминаніи о

которыхъ вслѣдствіи образованный человѣкъ невольно произноситъ: «и, и, что всего хуже, сочинилъ книгу и въ слухъ всей образованной Европы сталъ выхвалять въ ней своихъ знакомыхъ. Мы не обратили бы вниманія на вздорнаго нѣмца; но его нѣсколько поддержало въ нашихъ глазахъ то обстоятельство, что онъ въ своихъ взглядахъ на расколъ сходится съ г. Шаповымъ, даже до тождества въ выраженіяхъ. Читатель, конечно, помнитъ знаменитое предисловіе, гдѣ расколъ именуется «окаменѣлымъ отколкомъ, апопесоною неподвижной, во вѣки неминуемой старины». Гакстгаузенъ тоже трактуетъ расколъ, какъ древнюю національность русскую окаменѣвшую, видитъ въ немъ принципъ неподвижности, неминуемости. На него же ссылается г. Шаповъ, раскрывая политическій элементъ раскола. Но и послѣ этого мы все еще недоумѣваемъ, можно ли вѣрить показаніямъ нѣмца. «Старовѣры, говоритъ на примѣръ онъ, вообще гораздо честнѣе, чѣмъ другіе крестьяне. Можно даже сказать, что чѣмъ болѣе какой-нибудь человѣкъ изъ простаго народа, по своимъ привычкамъ, правамъ и обычаямъ сближается съ раскольниками, тѣмъ онъ лучше (ну, ужъ нѣмецъ!). Большая часть старовѣровъ имѣютъ нѣкоторую степень образованія и въ этомъ отношеніи они выше другихъ крестьянъ. Почти всѣ они умѣютъ читать и писать. Каждый отлично знаетъ библію, такъ что, я думаю, можетъ прочесть ее наизусть отъ доски до доски. Въ частныхъ богословскихъ спорахъ они приобрѣли нѣкотораго рода краснорѣчіе, укрѣпили свой разумъ и мысль.» Одной изъ наиболѣе враждебныхъ и зловредныхъ раскольническихъ сектъ, — именно молоканской, — Гакстгаузенъ приписываетъ слѣдующее правило, очевидно сочиненное нѣмцемъ: «Въ сущности всѣ люди равны; ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію. Можно пользоваться услугами другихъ, имѣть у себя слугъ и работниковъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что тотъ, кто находится въ услуженіи у меня, есть мой рабъ, или существо ниже меня.» И вообще онъ такъ отзывался о морали этой зловредной секты: «мораль молоканъ строга, и доктрины безукоризненны. Они вообще характера спокойнаго, любятъ миръ и порядокъ; но встрѣчается иногда у нихъ религіозный фанатизмъ, которому трудно повѣрить среди такой терпимой и спиритуалистической секты». Такъ и хочется сказать: «послушай, ври, — да знай же мѣру!» Въ примѣръ благотворительности и житейскаго благоразумія раскольниковъ Гакстгаузенъ представляетъ одно изъ ихъ кладбищъ въ Москвѣ. «Число больныхъ и немощныхъ, призрѣваемыхъ здѣсь, говоритъ онъ, — простирается до 1000 человѣкъ; множество нищихъ кормится даромъ. Это заведе-

ніе, его устройство, помѣщеніе заставляютъ желать еще многого, особенно если сравнить все это съ подобнаго рода учрежденіями, существующими на западѣ, но нельзя не удивляться, когда подумаешь, что оно основано сектаторами, которые по своему умственному образованію стоятъ ниже германскихъ простолюдиновъ, и которые не получали никакого вспомошествованія отъ правительства. Мало того, на каждомъ шагѣ они должны были бороться съ разнаго рода препятствіями, и несмотря на то успѣли устроить заведеніе, которое своими колоссальными размѣрами превосходитъ все, что было сдѣлано въ этомъ родѣ частными лицами за границей». Потомъ онъ даже совѣтуетъ своимъ экономистамъ поучиться у нашихъ раскольниковъ. Авторъ incipit избавилъ насъ отъ труда придумывать опроверженія этихъ лжеумствованій, и вотъ какіе основательные резоны приводитъ онъ противъ показаній барона Гакстаузена. Во 1) говоритъ онъ, Гакстаузенъ иностранецъ и не знаетъ толку въ этихъ дѣлахъ; 2) цѣну и значеніе любви придаетъ прежде всего самоотверженіе и безкорыстіе, а раскольники, благотворя другимъ, имѣютъ въ виду распространять этимъ свои убѣжденія, — цѣль самая корыстная и низкая; 3) принимался за благотвореніе, они берутся не за свое дѣло, потому что только общество можетъ облегчать общественныя бѣдствія. «Благотворительность, въ извѣстныхъ пропорціяхъ, есть право, или лучше — обязанность, которая падаетъ на государство» (pag. 33. 29. 34). Наконецъ 4) вотъ еще что: «эти обширныя мастерскія, говоритъ incipit, въ которыхъ безчисленныя фаланги рабочихъ съ ревностію и удовольствіемъ трудятся надъ работою, достаточно вознаграждаемою; эти богатые госпитали, дающіе убѣжище столькимъ несчастнымъ, когда старость или болѣзнь парализировала ихъ силы, — не представляютъ ли они собою разрѣшенія одной изъ самыхъ труднѣйшихъ проблеммъ нашей промышленной эпохи, славной проблемы отношенія между работниками и ихъ хозяиномъ? Съ одной стороны ревность, дѣятельность, преданность; съ другой хорошее жалованье, отеческая заботливость и покровительство. Но этого мало, каждый день въ этихъ благотворительныхъ заведеніяхъ кормятъ безчисленное множество бѣдныхъ, взывающихъ о помощи. Что можетъ быть лучше, гуманнѣе и для филантропа утѣшительнѣе! Но всѣ эти работники общаго дѣла суть враги государства и церкви; но этимъ бѣднымъ, получающимъ копѣйку (obole) и кусокъ хлѣба, внушаютъ духъ революціи. Такимъ образомъ отравляется добро, которое для нихъ дѣлаютъ, и самая высокая добродѣтель становится преступнымъ дѣйствіемъ.» (р. 33).

Впрочемъ, несмотря на свои беззаконія и на свою безнравственность, раскольники, по мнѣнію добрыхъ и снисходительныхъ критиковъ раскола, имѣютъ нѣкоторое право на нѣкоторую долю свободы въ дѣлахъ совѣсти. Неизвѣстный авторъ такъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ. Совѣсть и разумъ суть способности по существу своему свободныя; они всегда должны сохранять эту законную свободу, иначе человѣкъ перестанетъ быть существомъ нравственнымъ и его добродѣтель не будетъ имѣть значенія. Основательно или нѣтъ наше убѣжденіе; произвольно ли оно, или плодъ нашихъ усилій, во всякомъ случаѣ никакая сила не можетъ запретить намъ думать и вѣровать такъ, какъ мы убѣждены; потому что для каждаго предметъ его вѣрованія есть несомнѣнная истина, и никакой земной власти не дано право распоряжаться нашими вѣрованіями и чувствами. (стр. 119). Дѣйствительно, нелѣпо было бы въ самомъ дѣлѣ навязывать человѣку и виѣшними насиліями принуждать его принимать то, что кажется ему совершеннѣйшей глупостью. Притомъ подобный образъ дѣйствій, не говоря уже о его безнравственномъ характерѣ, рѣшительно бесполезенъ и никогда не приводитъ къ цѣли. Убѣжденія, мысли, вѣрованія, чувствованія, объединенныя сознаніемъ, составляютъ душу человѣка, его психическую личность, и насильно, механически измѣнять эту личность, привести къ ней постороннее убѣжденіе также невозможно, какъ невозможно, напр., глазъ посадить на концѣ носа, а носу повелѣть расти на спинѣ; и самыя строжайшія приказанія, даже подъ страхомъ мучительной казни, не заставляютъ людей хину и сахаръ находить одинаково сладкими. На такое дѣйствіе въ психическомъ отношеніи своихъ приказаній могли рассчитывать только римскіе императоры, преслѣдовавшіе христіанъ за ихъ вѣрованія, звѣрская инквизиція, да ея подражатели. Авторъ Le Raskol'a и г. Щаповъ единогласно утверждаютъ, что всѣ строгія и насильственныя мѣры противъ раскола были безуспѣшны. Князь Щербатовъ говорилъ даже въ свое время: «ничто такъ не умножаетъ бѣсновѣрія (то есть раскола), какъ гоненіе на него; не считая, что уже и опасно воздвигнуть гоненіе на такую секту, которую почти половина народа исповѣдуетъ, иль ей доброжелательна (Отеч. Зап. 1858 г. апр., ст. 432).» Но, рассуждаетъ г. неизвѣстный, свобода совѣсти, даруемая раскольникамъ, должна имѣть границы разумныя и необходимыя; они должны развивать свою свободу въ сферѣ, отмежеванной имъ полиціею, которую онъ называетъ *chef d'oeuvre* цивилизаціи; они могутъ учить, вѣровать, выражать въ жизни свои вѣрованія какъ имъ угодно, но только все-таки подъ строгимъ и обязательнымъ надзоромъ той же полиціи, которая должна провѣщать

въ ихъ самыя сокровенныя мысли, тайныя желанія и намѣренія и слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Условіе это, конечно, самое законное и справедливое.

На основаніи этого разумнаго ограниченія, требуемаго г. неизвѣстнымъ, мы можемъ уже напередъ угадать, какъ онъ посмотритъ на разныя мѣры, употреблявшіяся правительствомъ противъ раскола. Исторія этихъ мѣръ съ Петра I до 1852 г. изложена у него во 2 главѣ. Раскольники противодѣйствовали преобразовательнымъ планамъ Петра I. «Но воля царя», говоритъ авторъ, «была столько же энергична, сколько и непоколебима; она не терпѣла сопротивленія, даже когда оно скрывалось въ глубинѣ сердца. Раскольниковъ преслѣдовали самымъ жестокимъ образомъ.» (р. 11.) «Но всѣ жестокія мѣры противъ раскола были внушены государю страхомъ и законнымъ гнѣвомъ.» (р. 12.) «И потому исторія несправедлива въ своихъ сужденіяхъ о Петрѣ. Въ политикѣ его относительно раскола она не хотѣла видѣть ничего, кромѣ дѣйствій царя, увлеченнаго къ религіознымъ преслѣдованіямъ своимъ властолюбивымъ и нетерпимымъ духомъ. Правда, безсмертный преобразователь сурово уничтожалъ встрѣчавшіяся ему препятствія, его царствованіе не было идилліею для сектаторовъ; но безпристрастное изслѣдованіе царствованія этого великаго человѣка показываетъ, что побужденія къ этимъ жестокостямъ заключались въ политической необходимости.» (р. 42.) Екатерина II скептикъ, другъ энциклопедистовъ — щадяла этихъ бѣдныхъ заблуждавшихся, какъ ихъ тогда называли, до того времени, когда возстаніе Пугачова заставило ее сдерживать излишекъ народныхъ страстей. «Въ первые годы своего царствованія Александръ I, государь съ характеромъ возвышеннымъ, благороднымъ и либеральнымъ, былъ обманутъ внѣшними знаками любви и благотворительности, которые скрывали отъ его взоровъ коварство сектаторовъ.» (р. 44.) Въ новѣйшее время, на основаніи рѣшеній разныхъ комитетовъ, приняты были противъ раскола энергическія, дѣйствительныя мѣры. Этими мѣрами недовольно было общественное мнѣніе, считая ихъ, совершенно не основательно, какъ увѣряетъ авторъ, религіозными преслѣдованіями. «Если бы, говоритъ онъ, недовольные узнали всѣ тайны нечестія (раскольническаго), то благородный гнѣвъ изгналъ бы всякое состраданіе изъ глубины ихъ сердець» (р. 80). Вѣроятно авторъ говоритъ это по собственному опыту. «Въ Россіи, и особенно въ Москвѣ, нѣкоторые профессора университета открыто объявляли себя въ пользу мѣръ, принятыхъ противъ раскола. Знаменитый поэтъ la comtesse Rostopchine написала даже на этотъ предметъ

очень известные стихи.» (р. 107.) Конечно, авторитеты сильные! Впрочемъ, говорятъ авторъ, бывали такі мѣры несправедливыя, бесполезная строгость и пр., но все это, *pour ainsi dire*, исключенія, и отвѣтственность за нихъ падаетъ на мѣстныхъ власти. Но и тутъ добрый и гуманный авторъ съ истинно-французскою любезностію старается успокоить общественное мнѣніе и утѣшить раскольниковъ, рисуя имъ картину преслѣдованій, которымъ подвергались протестанты во Франціи, особенно послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта. Не довольствуясь этимъ, предупредительный авторъ посвящаетъ цѣлую XI главу своего сочиненія обзорѣнью исторіи прогрессивной вѣротерпимости во Франціи. Трудно сказать, дойдетъ-ли по назначенію это благодареніе добросердечнаго автора, по совершенному невѣжеству раскольниковъ во французскомъ языкѣ.

Въ послѣдней главѣ авторъ *inconnu* критикуетъ разныя мѣры противъ раскола, предложенныя до него другими и находитъ ихъ бесполезными, недѣйствительными, и вмѣсто ихъ рекомендуетъ средства собственнаго изобрѣтенія, конечно полезныя и дѣйствительныя. Единственное спасеніе отъ раскола и всѣхъ вообще золъ онъ видитъ въ административныхъ реформахъ такого рода. «Начните съ того, что соберите въ канцеляріи умнѣйшихъ чиновниковъ департаментскихъ, поручайте имъ важнѣйшія дѣла, и пусть они ревностно и успѣшно занимаются ими. А дурныхъ чиновниковъ отставьте, но дайте имъ жалованье по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они не найдутъ себѣ новыхъ занятій; и въ продолженіе этого времени внушайте имъ любовь къ труду.» р. 167. Конечно темою этихъ внушеній должно быть изрѣченіе: трудъ полезенъ и похваленъ. «Впрочемъ у насъ въ этомъ отношеніи есть прогрессъ; чиновники улучшились. Этимъ благодареніемъ мы обязаны юношеству, выходящему изъ училища Правовѣднія, гдѣ оно проникается чувствомъ чести и справедливости.» р. 199. А если еще въ министерство внутреннихъ дѣлъ опредѣлять чиновниками молодыхъ людей, выходящихъ изъ Александровскаго Лицея, то все пойдетъ какъ нельзя лучше. Но только ужъ такимъ чиновникамъ нужно большое жалованье (*une plus large rétribution*). (р. 200.) Авторъ не говоритъ, откуда взять для этого суммы; мы думаемъ, что справедливѣе всего потребовать ихъ отъ раскольниковъ, такъ какъ это дѣлается для ихъ блага. Другія мѣры: не стѣснять свободы совѣсти, возвысить образованіе духовенства, посылать къ раскольникамъ ученѣйшихъ монаховъ. «Бѣдные священники разными средствами стараются пріобрѣсть благоволеніе богатыхъ; для отвращенія этого нужно дать духовенству значительное жалованье», (р. 235—6.). Заимствуя его, конечно, изъ того же источника,

какъ и для облагороженія чиновниковъ. Заимѣтъ и стати, что князь Щербатовъ для вразумленія раскольниковъ рекомендовалъ учить ихъ греческому языку. А недавно явился проектъ обращенія раскольниковъ — тоже новый и смѣлый. Въ последнее время въ нашей литературѣ поднятъ чрезвычайно трудный вопросъ, предложена великая проблема о томъ: «нужны ли у насъ училища для крестьянскихъ дѣвицъ?» «Есть люди, которые не хотятъ сознать», что они нужны, а есть — которые утверждаютъ, что они необходимы, и эту необходимость ихъ доказываютъ тѣмъ, что безъ этихъ училищъ невозможно бороться съ расколомъ, и безъ крестьянскихъ дѣвицъ, получившихъ въ нихъ образованіе, нельзя будетъ и сразить расколъ. Такъ рассуждаетъ нѣкто г. Б. въ «Русск. Вѣст.» (1859 г. Окт., книж. 2. Совр. Лѣт.). Расколъ увеличивается съ каждымъ годомъ; это не подлежитъ сомнѣнію (*). А между тѣмъ положительно можно сказать, что многие изъ тѣхъ, которые обязаны бороться съ нимъ, не жалѣютъ своихъ силъ въ этой борьбѣ; и словомъ печатнымъ и убѣжденіями устными всячески стараются противодѣйствовать ему. Почему жъ всѣ усилія ихъ остаются напрасны и бесполезны? Причинъ много, и вотъ одна изъ нихъ, самая простая: не на то они направляютъ свои дѣйствія, на что нужно и должно. Кѣмъ поддерживается и распространяется расколъ? Женщиной. Такъ называемыя «странницы» — грамотныя дѣвицы усиленнѣйшимъ образомъ разсѣиваютъ эту язву; первыя принимаютъ, неизгладимо усвоютъ себѣ и скоро передаютъ другимъ — матери семействъ. «Употребите же для добра то орудіе, которое употребляется и для зла, — женщину, образуйте ее, и она будетъ апостоломъ правовѣрія въ городахъ, въ деревняхъ, вездѣ, какъ теперь служитъ апостоломъ суетвѣрія. Не напрасно же провидѣніе всюду употребляло женщину первымъ и главнымъ орудіемъ распространенія вѣры Христовой. Вся мудрость человѣческая не придумаетъ лучшаго и надежнѣйшаго орудія для распространенія православія въ мѣстахъ зараженныхъ расколомъ, какъ женщина». Въ дополненіе къ этому дѣльному проекту прибавимъ, что въ училищахъ для крестьянскихъ дѣвицъ нужно не-

(*) Это не только подлежитъ сомнѣнію, но даже совершенно несправедливо; ссылаемся на оффиціальныя документы, достовѣрнѣйшіе изъ всѣхъ. Изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода видно, что расколъ не только не увеличивается, но еще уменьшается. Такъ въ 1857 году изъ раскола обратилось 11,034 души. Гдѣ же тутъ увеличеніе?

премѣнно ввести преподаваніе греческаго языка, знаніе котораго необходимо всякому, кто желаетъ бороться съ расколомъ....

Что старались мы показать всею нашею статьею?—конечно, только то, что самыя прекраснѣйшія наміренія, когда не оживлены духомъ любви, приводятъ къ неудовлетворительнымъ понятіямъ. Кажется, мы достигли этой цѣли.

НОВЫЯ КНИГИ.

Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. *Ор. Новицкаго*. Часть I. Религія и философія древняго востока. Кіевъ. Въ университетской типографіи. 1860 г.

При военныхъ походахъ однимъ изъ неизбѣжныхъ явленій бываютъ толпы отсталыхъ, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ армія съ генеральнымъ штабомъ подвигается все дальше и дальше впередъ. При быстромъ наступленіи дѣло доходитъ до того, что большинство солдатъ остается далеко назади. По счету эти толпы далеко превосходятъ ту часть войска, которая идетъ подъ знаменами; но онѣ не принимаютъ уже никакого участія въ битвахъ и служатъ только обремененіемъ для своихъ бывшихъ товарищей, на плечахъ которыхъ остается вся тяжесть борьбы, которые за то одни и получаютъ славу. Тоже самое бываетъ и въ умственномъ движеніи человѣчества въ завоеваніи истины. Сначала всѣ народы идутъ наравнѣ: предки Аристотеля жили нѣкогда въ такомъ же состояніи, какъ готтентоты, имѣли такія же понятія; но вотъ умственное движеніе ускоряется въ нѣкоторыхъ племенахъ и огромное большинство человѣскаго рода отстаетъ отъ нихъ. Греки, изображенные Гомеромъ, уже далеко опередили троглодитовъ, дестригоновъ и другія племена, о которыхъ *Иліада* и *Одиссея* говорятъ, какъ о жалкихъ дикаряхъ, свирѣпыхъ, вслѣдствіе самой своей нищеты, умственной и матеріальной. Еще нѣсколько переходовъ — и большинство самихъ гре-

ковъ отстаютъ отъ передовыхъ племенъ. Во времена Солона аѳиняне уже много ушли впередъ противъ положенія, въ какомъ были при Гомерѣ, а спартанцы не подвинулись почти ни на шагъ, другія племена не подвинулись вовсе. Еще нѣсколько переходовъ — и въ самомъ аѳинскомъ племени повторяется то же явленіе: мудрость Солона была понятна и доступна каждому аѳинскому гражданину, а Сократъ кажется уже вольнодумцемъ большинству своихъ соотечественниковъ: только немногіе понимаютъ его, остальные спокойно осуждаютъ на смерть, какъ безбожника. Тоже самое и въ новой исторіи. Дѣло начинается тѣмъ, что вся масса людей, населяющая провинціи бывшей западной Римской имперіи и составившаяся изъ смѣшенія германскихъ завоевателей съ прежними римскими подданными, имѣетъ одинаковый взглядъ на вещи: всѣ одинаково католики и всѣ отъ высшихъ до низшихъ одинаково понимаютъ католичество: папа въ VII или VIII вѣкѣ отличается отъ самаго необразованнаго французскаго или ирландскаго поселенина только тѣмъ, что больше его помнить текстовъ и молитвъ, а не тѣмъ, чтобы иначе разумѣлъ смыслъ ихъ. Наука существуетъ въ видѣ поговорокъ и простонародныхъ сказаній, которыя одинаково извѣстны всѣмъ людямъ всѣхъ сословій; поэзія состоитъ въ народныхъ пѣсняхъ, которыя равно извѣстны и близки каждому. Черезъ нѣсколько времени различіе сословій по матеріальному положенію производитъ разницу и въ ихъ умственной жизни. Церковныя богатства даютъ возможность образоваться теологамъ, изъ которыхъ большинство считается вѣрнымъ католическому преданію, но все-таки даетъ ему истолкованіе различное отъ понятій, сохраняющихся между простолюдинами. Немногіе особенно даровитые теологи доводятъ эту передѣлку до того, что ихъ понятія отвергаются большинствомъ другихъ специалистовъ, за то принимаются мірянами средняго и низшаго сословій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства особенно благопріятствуютъ развитію массы. Такъ изъ католическаго общества выдѣляются альбигойцы и другіе еретики. Наука такъ же постепенно принимаетъ форму незнакомую массѣ, развиваетъ въ себѣ содержаніе непонятное для неспециалистовъ. Изъ общихъ всѣмъ понятій о созвѣздіяхъ развивается нѣчто похожее на астрономію, и сама астрологія становится знаніемъ гораздо обширѣйшимъ простонародныхъ повѣрій, изъ которыхъ вышла. Эти успѣхи основаны на матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ духовенство и среднее сословіе; горожане участвуютъ и въ произведеніи новой поэзіи, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежнихъ сказкахъ и пѣсняхъ: въ городскихъ цехахъ составляются компании мастеровъ поэтовъ, мастерзингеровъ; но еще больше содействуютъ

этой перемены богатства феодалныхъ бароновъ, у которыхъ являлись придворные поэты—трубадуры. Еще нѣсколько времени, и разстояніе между массою и передовыми людьми еще увеличивается: то, что было ересью, представляется выгоднымъ для нѣкоторыхъ свѣтскихъ государей, и ученія различныя отъ католическихъ преданій объявляются въ нѣкоторыхъ странахъ господствующими. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всѣ государи помогали католическому духовенству преслѣдовать еретиковъ, въ началѣ второй половины среднихъ вѣковъ графы Тулузскіе уже покровительствуютъ альбигойцамъ, но еще не смѣютъ сами объявить себя альбигойцами и оказываются безсильными защитить еретиковъ и самихъ себя отъ гоненія, поднимаемого людьми прежнихъ понятій. Гуситы, въ концѣ среднихъ вѣковъ, уже могутъ удержаться противъ католическаго гоненія; а черезъ сто лѣтъ новыя понятія уже официально становятся на мѣсто католичества: многіе государи предпочитаютъ Лютера папѣ. Но черезъ это только увеличивается разстояніе между передовыми людьми и массою не только въ странахъ, удержанныхъ въ католическомъ порабощеніи, но даже и въ протестантской части Европы: за энтузіазмомъ простонародья, давшимъ свѣтской власти силу отложиться отъ папы, слѣдуетъ прежняя умственная летаргія, и почти весь народъ протестантскихъ земель снова впадаетъ въ умственную рутину, очень похожую на католичество. За то очень далеко уходятъ впередъ небольшія части народа: изъ лютеранства быстро развивается анабаптизмъ и другія ереси протестантства. Большинство протестантскихъ теологовъ также сохраняетъ духъ неподвижности, но которому уподобляется своимъ католическимъ соперникамъ; но немногіе особенно даровитые люди, какъ напримѣръ Социнъ, даютъ ученое развитіе понятіямъ, соответствующимъ потребности прогрессивнаго меньшинства простолюдиновъ. Свѣтская наука также развивается между специалистами съ замѣчательною быстротою, а громадное большинство населенія остается до сихъ поръ повсюду въ невѣжествѣ, очень близкомъ къ тому, что было въ какомъ нибудь IX или X вѣкѣ. Поэзія образованныхъ сословій развивается столь же быстро, а масса повсюду остается при искаженныхъ клочкахъ прежней общенародной поэзіи среднихъ вѣковъ.

Подобное отношеніе существуетъ также между массою специалистовъ и образованныхъ сословій съ одной стороны, и небольшимъ числомъ передовыхъ ученыхъ и незначительнымъ числомъ людей, приготовленныхъ къ принятію ихъ воззрѣній, съ другой стороны. Мы видимъ, что очень немногіе англійскіе поэты прошлаго вѣка понимали Шекспира и очень немногіе люди въ образованной публикѣ умѣли цѣнить этихъ поэтовъ и самаго Шекспира, а большинство англій-

ской публики и английскихъ поэтовъ очень долго продолжали держаться надутой реторики или холодной прилизанности, которая принадлежала степени поэтического развитія несравненно низшей, чѣмъ шекспировская натуральность. То же самое происходило и продолжаетъ происходить повсюду во всѣхъ направленіяхъ умственной жизни. У насъ, наиримѣръ, огромное большинство поэтовъ и публики продолжаетъ считать Пушкина лучшимъ представителемъ русской поэзіи, между тѣмъ какъ время Пушкина уже давно прошло. Въ Германіи во время Канта продолжала господствовать вольфгангская схоластика, и кантовская философія стала господствовать, когда наука въ школѣ трансцендентальной философіи уже далеко ушла впередъ отъ кантовской фазы своего развитія; большинство ученыхъ и образованной публики въ Германіи держатся теперь возрѣвѣвшей трансцендентальной философіи, между тѣмъ какъ наука уже давно покинула эту прежнюю форму своего развитія. Отсталость всегдашняя участь большинства.

Такъ было до сихъ поръ; такъ продолжаетъ быть и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ выводить, чтобы такое отношеніе осталось и навсегда. Возвратимся къ нашему прежнему сравненію. Только небольшая часть первоначальнаго состава арміи имѣетъ силы состоять отъ знаменъ въ быстромъ походѣ, только она участвуетъ въ битвахъ и совершаетъ завоеванія; остальные бывшіе товарищи этихъ воиновъ лежатъ по госпиталямъ или плетутся измученные далеко позади. Но вѣдь кончается когда нибудь эта разрозненность. Силою небольшой части первоначальнаго огромнаго войска рѣшается борьба, сдѣлано завоеваніе, враги приведены къ покорности, побѣдители отдыхаютъ; тутъ, чтобы раздѣлить съ ними плоды побѣды, ежедневно прибываютъ къ нимъ толпы, оставшіяся назадъ. Въ концѣ похода вся армія опять сплотилась подъ знаменами, снова была передъ началомъ похода. Тѣмъ же должно кончиться и умственное движеніе: завоеванная истина оказывается такъ проста, понятна каждому, такъ сообразна съ потребностями массы, что принести ее гораздо легче, чѣмъ хлопотать надъ ея открытіемъ. Переходныя ступени очень тяжелы, одностороннія проявленія истины очень трудны, но полная истина вовсе не такова: самые слабые имѣютъ довольно силъ, чтобы обнять ее, когда она, наконецъ, открыта. Мы видимъ, какъ упрощается теорія каждой науки по мѣрѣ ея совершенствованія. Тутъ происходитъ нѣчто подобное происходящему при достиженіи очень высокаго развитія поэзіею образованныхъ сословій: эта поэзія принимаетъ наконецъ формы доступныя простымъ людямъ. Корнель и Расинъ были понятны и извѣстны только небольшому классу людей, получившихъ очень хлопотливое воспитаніе.

тавіе. Самъ Руссо, доступный кругу въ десять разъ большому, былъ еще совершенно недоступенъ большинству грамотной массы: когда образованные люди читали «Новую Элоизу» и «Общественный Контрактъ», французскіе грамотные простолюдины еще читали лубочныя изданія искаженныхъ остатковъ средневѣковой литературы. Но пѣсни Беранже и Пьера Дюпона поются уже всѣмъ простонародьемъ французскихъ городовъ и все оно уже читаетъ Жоржа Занда. Правда, еще остаются во Франціи цѣлыхъ двѣ трети грамотныхъ людей, состоящія изъ поселянъ, не вовлекшіяся въ этотъ быстро расширяющійся кругъ единства понятій самыхъ передовыхъ людей и совершенно простыхъ людей; правда и то, что еще цѣлая половина французскаго населенія не выучилась грамотѣ. Но мы уже видимъ, къ чему идетъ дѣло. Можно уже по пальцамъ сосчитать, сколько лѣтъ остается до той поры, когда каждый французъ, каждая француженка будутъ людьми читающими и когда каждый читающій станетъ образовываться не по тѣмъ дряннымъ книгамъ, какими довольствуется большинство французскихъ поселянъ теперь, а по произведеніямъ первоклассныхъ людей науки и поэзіи. Перспектива еще довольно длинна, но уже виденъ конецъ ея. Даже у насъ, какъ ни малы наши успѣхи по сравненію съ передовыми странами, есть признаки того, что начинается проникновеніе высшихъ результатовъ нашего умственнаго развитія въ массу, которой были недоступны менѣе высокіе фазисы этого развитія. Ломоносовъ былъ понятенъ только людямъ высокаго школьнаго образованія. Стиховъ Державина народъ не могъ ни узнать, ни оцѣнить; да они и были таковы, что, по правдѣ говоря, ровно нечего было цѣнить въ нихъ. Но молодые люди средняго сословія уже могли восхищаться балладами Жуковскаго. Для простолюдиновъ баллады эти были слишкомъ хитры и приторны; но «Черная шаль» Пушкина пѣлась уже дѣвчушками изъ уѣзднаго простонародья. На дняхъ, прохода мимо столиковъ, на которыхъ продаются лубочныя картинки, мы видѣли листъ съ главными сценами изъ пѣсни Лермонтова о Калашниковѣ; подъ картинками были написаны отрывки пѣсни, соотвѣтствующіе имъ.

Дѣло начинается постепеннымъ выдѣленіемъ людей высшаго умственнаго развитія изъ толпы, которая все дальше и дальше отстаетъ отъ ихъ быстрого движенія. Но по достиженіи очень высокыхъ степеней развитія, умственная жизнь передовыхъ людей получаетъ характеръ все болѣе и болѣе доступный простымъ людямъ, все больше и больше соотвѣтствующій простымъ потребностямъ массы, и вторая высшая половина исторической умственной жизни состоитъ по своему отношенію къ умственной жизни простолюдиновъ въ постепенномъ возвращеніи того единства народной жизни,

которое было при самомъ началѣ и которое разрушалось въ первой половинѣ движенія.

Тѣ передовые люди, дѣятельностью которыхъ развивается наука, ведутъ ее и къ тому, чтобы проширилась результатами ея жизнь всего народа. Люди отсталые, служащіе только обремененіемъ для развитія науки, не приносятъ никакой пользы и ея распространенію въ массѣ; они бесполезны во всѣхъ отношеніяхъ и во многихъ прямо вредны. Кто думаетъ такъ, тотъ не имѣетъ никакого основанія быть снисходительнымъ къ нимъ. Онъ не имѣлъ бы никакихъ извиненій, если бы сталъ скрывать свое мнѣніе о нихъ, если бы сталъ говорить, что ихъ труды имѣютъ какую нибудь цѣну, когда самъ видитъ, что они не имѣютъ никакой, ни для науки, ни для ознакомленія хотя бы съ тѣмъ неудовлетворительнымъ фазисомъ ея развитія, къ которому принадлежатъ. Напримѣръ, еслибъ мы стали думать, что все же лучше человѣку познакомиться хотя съ отсталыми философскими воззрѣніями, чѣмъ совершенно не имѣть никакого понятія о философіи, мы все-таки не могли бы сказать, что книга г. Ор. Новицкаго будетъ сколько нибудь полезна русской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто прочтетъ ее? Навѣрное можно предвидѣть, что даже книгопродавческаго успѣха имѣть она не будетъ; никто не купитъ ея, кромѣ развѣ тѣхъ студентовъ, которые должны будутъ готовиться по ней къ экзамену, и самая покупка ея этими молодыми людьми была бы вовсе не признакомъ распространенія знакомства съ философіею въ молодомъ университетскомъ поколѣніи, а напротивъ только признакомъ того, что молодые люди, уже захотѣвшіе познакомиться съ философіею, принуждены отсталостью своихъ руководителей знакомиться съ нею въ той формѣ, которая не удовлетворитъ ихъ, возбудитъ въ нихъ скуку, отвращеніе и во многихъ изъ нихъ убьетъ философскую любознательность, которая была уже пробуждена независимо отъ этой книги, и безъ нея не получила бы такого печальнаго конца. Но да не подумаетъ кто нибудь, что мы этимъ отвергаемъ всякое историческое достоинство системы, отраженіе которой находимъ въ книгѣ г. О. Новицкаго, — сама по себѣ она была нѣкогда очень хороша; намъ кажется только, что она выразилась въ его книгѣ неудовлетворительнымъ образомъ; намъ кажется также, что и въ подлинномъ своемъ видѣ она уже непригодна для нашего времени, бывши плодомъ обстоятельствъ нынѣ измѣнившихся.

Характеръ книги г. Ор. Новицкаго вотъ каковъ: когда въ Германіи распространилось знакомство съ философіею Канта, большинство специалистовъ, всегда держащееся рутинны, осталось при своей рутинной схоластикѣ, при средневѣковыхъ понятіяхъ; но ради приличія стало прикрывать ихъ словами, заимствованными изъ кантов-

ской терминологии. Когда распространилась трансцендентальная философия, из этой смеси старых схоластических понятий съ новыми кантовскими терминами прибавилась въ рутинныхъ книгахъ еще новѣйшая примѣсь выраженій, взятыхъ изъ шеллинговской и гегелевской системъ. Новаго духа нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ этихъ рутинныхъ книгахъ, какъ нѣтъ никакого слѣда новыхъ общественныхъ идей въ реакціонныхъ газетахъ, щеголяющихъ выраженіями вошедшими въ моду послѣ Руссо. Г. Ор. Новицкій заимствовалъ основныя идеи своей книги изъ этихъ отсталыхъ нѣмецкихъ философъ, излагающихъ языкомъ Канта, Шеллинга и Гегеля средне-вѣковыя идеи. На сколько онъ самъ потрудился надъ перекраскою средневѣковыхъ идей въ кантовскій или гегелевскій цвѣтъ, мы не знаемъ, да и никому нѣтъ большой надобности знать, потому что если бы ктонибудь напечаталъ нынѣ оду въ державинскомъ вкусѣ, то отзывъ критики и мнѣніе публики объ этомъ произведеніи остались бы совершенно одинаковы, хотя бы ода была оригинальнымъ произведеніемъ, или только передѣлкою какойнибудь чужой оды, или наконецъ простымъ переводомъ съ нѣмецкаго. Наводить справки объ этомъ рѣшительно не стоило бы.

Въ похвалу г. Ор. Новицкому надобно сказать, что онъ пишетъ съ соблюденіемъ правилъ грамматики, умѣетъ ставить союзы и предлоги въ надлежащихъ мѣстахъ и основательно знаетъ ученіе о знакахъ препинанія. Но эта сторона еще не главное достоинство его книги. Онъ имѣетъ привычку къ употребленію множества философскихъ терминовъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже очень не дурны, когда употребляются не г. Ор. Новицкимъ, а Гегелемъ. Кромѣ того, однимъ изъ источниковъ для изложенія китайской философіи служила ему книга покойнаго Іоакима «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе», издаваная въ Санктпетербургѣ въ 1840 году. Читателю извѣстно, что эта книга написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, и вопросы въ ней имѣютъ такой видъ: «Какъ называется у китайцевъ губернское правленіе? Сколько ассессоровъ бываетъ въ китайскомъ губернскомъ правленіи? На какія должности опредѣляются въ Китаѣ коллежскіе регистраторы?» Въ отвѣтахъ очень точно объясняется все это.

Но пора намъ представить хотя одинъ примѣръ философствованій г. Ор. Новицкаго. Для примѣра мы выбираемъ ту часть введенія, которая излагаетъ отношеніе философіи къ религіи. Существенное содержаніе религіи и философіи одинаково, говоритъ Ор. Новицкій, но онѣ различаются между собою способомъ усвоенія себѣ этого содержанія, формою, подъ которою сознаютъ одну и ту же истину.

«Въ религіи безусловное открывается, какъ непосредственное присутіе Его въ человѣческомъ сознаніи, а въ филосоіи — какъ мысль о безусловномъ; религія преимущественно живетъ въ убѣжденіяхъ сердца, а филосоія въ понятіяхъ разума. Въ немногихъ словахъ (продолжаетъ Ор. Новицкій въ примѣчаніи), но глубоко вѣрно высказано это различіе филосоіи и религіи въ нашемъ православномъ Катихизисѣ (стр. 2): «Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце; вѣра принадлежитъ собственно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ»... Сходясь въ одномъ содержаніи (продолжаетъ онъ опять въ текстѣ), филосоія и религія различаются между собою не только своей формой, но своимъ значеніемъ и достоинствомъ. Каково бы ни было значеніе философскаго знанія и достоинство самой филосоіи, вѣра всегда выше этого знанія... Если филосоія (дальше говоритъ Ор. Новицкій) хвалится отчетливостью своихъ понятій въ свойственной ей области, за то эти понятія не имѣютъ той глубины и жизненности, которая принадлежитъ лишь религіи; изъ внутреннѣйшаго, глубочайшаго основанія жизни человѣчества исходитъ она, и потому есть выраженіе внутреннѣйшихъ ея тайнъ; и съ другой стороны, человѣческій духъ раскрывается различными проявленіями, — науками, искусствомъ, интересами политической жизни, но всѣ эти проявленія и дальнѣйшія сплетенія человѣческихъ отношеній, все, что имѣетъ значеніе и достоинство для человѣка, находятъ свое послѣднее средоточіе въ религіи, въ мысляхъ, сознаніи, чувствованіи Бога; всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются въ ней и животворятся ею; такъ филосоія и искусство, можно сказать, суть цвѣтъ народнаго сознанія; но живой ихъ корень, какъ и всякаго народнаго образованія, есть только религія; отторгнутое отъ этого корня, заключенное въ чисто-отвлеченныхъ понятіяхъ философское мышленіе мертвѣетъ и приноситъ плоды незрѣлые и горькіе; только въ религиозномъ чувствѣ филосоія всегда находила неизсякаемый источникъ высшихъ, животворныхъ помысловъ; правда, и филосоія можетъ оказывать религіи своего рода услугу, — можетъ очищать религиозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему примѣси ложнаго пониманія, суевѣрія, фанатизма и т. п.; но и это дѣлаетъ филосоія лишь тогда, когда внимааетъ голосу того же самаго чувства; она только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувствованіе. Наконецъ, филосоія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; и потому, если она болѣе или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать мира и успокоенія, — не можетъ удовлетворить сердца; она мыслитъ о безусловномъ, но только мыслитъ, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ, — чего непрестанно алчетъ духъ человѣка; между тѣмъ религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, успокаиваются всѣ печали и тревоги сердца, — есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира; только религія, а не мышленіе о ней, даруетъ человѣку

блаженство; и потому-то, — повторяемъ снова, — вѣра выше знанія, религія выше философіи.» (стр. 12, 13, 14 и 15.)

По различію формъ (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) философія и религія бывають въ разныхъ отношеніяхъ между собою. Въ религіи онъ видитъ два существенныя видоизмѣненія: религію естественнаго откровенія, или религію естественную, и религію высшаго, сверхъ-естественнаго откровенія.

«Религіозное и нравственное чувствованіе (говоритъ г. Ор. Новицкій), несмотря на первоначальное величіе и святость его, можетъ, какъ и все человѣческое, потемнѣться и извращаться страстями; и оно дѣйствительно помрачено и искажено грѣхомъ, — какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый не только исторіей естественныхъ религій и исторіей языческихъ дѣяній, но и безпристрастнымъ внутреннимъ опытомъ, — чего не отрицали даже языческіе мыслители. Поэтому *высшее, сверхъ-естественное* откровеніе, возможность котораго понимаетъ разумъ, сдѣлалось необходимою для человѣческаго рода и по божественному милосердію дѣйствительно дано людямъ. Многократно благоволилъ Господь вовзвѣщать людямъ свою волю черезъ избранныхъ имъ мужей, пока, наконецъ, воплощенный Сынъ Божій не принесъ на землю откровеніе божіе въ полнотѣ и совершенствѣ, и тѣмъ даровалъ человѣчеству *христіанскую, сверхъестественную откровенную религію.*» (стр. 16 и 17.)

Естественная религія (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) не могла дать человѣку истиннаго и спасительнаго богопознанія, а божественная религія «мало по малу очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добрѣ, преобразовала домашнюю и общественную жизнь людей, произвела новое, самое благотворное вліяніе на искусство и науку, а потому самому и на философію. Она открыла человѣку такія тайны о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, до которыхъ не только не доходилъ человѣческой разумъ въ мірѣ языческомъ, ни въ религіи, ни въ философіи, но до которыхъ никогда и не можетъ дойти своими собственными силами. При такомъ значеніи богооткровенной религіи, философія уже не можетъ противопоставляться ей безъ вреда для самой себя, а тѣмъ больше не можетъ пересилить ее и возбудить къ дальнѣйшему развитію, какъ въ мірѣ языческомъ: человѣческое не можетъ стать выше божественнаго; за то, на оборотъ, эта божественная религія самымъ величіемъ своихъ истинъ, ихъ высокою и глубиною, можетъ несравненно больше, чѣмъ естественная религія, возбуждать философскую мысль къ дальнѣйшему развитію, чтобы своимъ собственнымъ путемъ, путемъ чистаго мышленія, она могла мало по малу приближаться къ неисчерпаемому богатству содержанія, даннаго божественнымъ откровеніемъ, проникнуться имъ, возвыситься къ нему...»

Еще болѣе перемѣнъ въ отношеніяхъ между религіею и философіею производилось развитіемъ самой философіи. Сначала философія 1) заключается въ предѣлахъ религіи, потомъ, — по словамъ г. Ор. Новицкаго, — 2) отдѣляется отъ религіи, становится независимой отъ нея въ своемъ развитіи, получаетъ совершенно другую форму, форму отчетливыхъ и самостоятельныхъ соображеній разсудка и нерѣдко поставляетъ себя во враждебное отношеніе къ религіи, не хочетъ признавать своего знанія въ ея вѣрѣ; наконецъ, 3) философія снова обращается къ религіи, старается примириться съ нею, признавать разумомъ то, что религія признаетъ сердцемъ, соединить ея вѣру съ довѣріемъ къ самому разуму и опять является въ формѣ общности, но отчетливой и ясной.»

До появленія сверхъестественной религіи философія имѣла, — по словамъ г. Ор. Новицкаго, — первый свой періодъ на востокѣ, второй періодъ въ Греціи, гдѣ «противопоставляла себя религіи общественной.» Третьимъ періодомъ была Александрійская философія, которая «собрала религіозныя преданія и переплавилла ихъ въ одно умозрительное созерцаніе.» Послѣ появленія сверхъестественной религіи должны были, по словамъ г. Ор. Новицкаго, повториться тѣ же три періода.

•Тѣ же измѣненія философіи находимъ и въ мірѣ христіанскомъ. И здѣсь философская мысль сначала заключается въ предѣлахъ христіанской религіи, развивается подъ ея вліяніемъ и выражаетъ свое содержаніе въ общемъ видѣ: такова философія *Отцовъ Церкви* и *схоластическая*; такова же философія и *арабитамъ* въ ея отношеніи къ исламу. Потомъ философія отрѣшается отъ Религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно противопоставляетъ себя религіознымъ идеямъ: такова философія *новая*, — англичанъ, французовъ, итѣль. Наконецъ надобно ожидать еще третьяго періода, — возвращенія философіи къ христіанской религіи. Такое ожиданіе не есть предсказаніе будущаго недоступнаго для насъ; какъ скоро въ мірѣ христіанскомъ даны два періода, соотвѣтствующіе двумъ первымъ изъ трехъ періодовъ міра языческаго, то по здравой аналогіи слѣдуетъ ожидать и третьяго, — какъ изъ двухъ посылокъ — заключенія. И теперь уже чувствуется потребность сближенія Философіи и Религіи, и приближается время, когда убѣжденія религіозныя и созерцанія философскія сольются въ гармоническое единство по высшимъ требованіямъ разума и вѣры; во пока — это есть еще предметъ желаній и надеждъ».

Не будучи богословами, мы не станемъ разсматривать того, бывало ли для религіи полезно то смѣшеніе философіи съ религіею, котораго желаетъ г. Орестъ Новицкій. Намъ кажется, что каждый человѣкъ

долженъ дѣлать собственно то дѣло, которое дѣлаетъ (разумѣется, если это дѣло недурное само по себѣ); а если, дѣлая одно, станетъ думать, что дѣлаетъ другое, то онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ заблужденія, и вся его дѣятельность будетъ ошибочна. По словамъ г. Ореста Новицкаго, религія отличается отъ философіи и всякой другой науки по своему источнику и по способности, которая служить органомъ ея: она происходитъ изъ откровенія и состоитъ въ чувствѣ; философія, подобно другимъ наукамъ, основывается на наблюденіи, создается умомъ; религія состоитъ въ вѣрѣ, наука въ знаніи. Но будто бы въ этомъ состоитъ главная разница между нами? Нѣтъ, если мы обратимся за разъясненіемъ вопроса къ учителямъ, которые понимали откровенную религію наисправедливѣйшимъ образомъ, къ великимъ отцамъ церкви, мы услышимъ отъ нихъ, что откровенная религія различается отъ свѣтской науки и по самому предмету истинъ, которымъ научаетъ: откровенная религія отвергаетъ человѣку міръ духовный, недоступный внѣшнимъ чувствамъ, она говоритъ намъ о таинствахъ св. Троицы, о предвѣчномъ Божескомъ совѣтѣ искупленія людей смертію Бога-Сына, о чиновначалѣхъ ангеловъ, о паденіи злыхъ духовъ, о воскресеніи мертвыхъ, о Страшномъ Судѣ, о тайнахъ будущей жизни. Земное знаніе не касается этихъ великихъ истинъ, принадлежащихъ сферѣ, недостижимой для него, по своей возвышенности, — она можетъ сообщать намъ только свѣдѣнія о внѣшней и матеріальной природѣ и о человѣкѣ, какъ о существѣ земномъ, матеріальномъ. Божественное откровеніе вводитъ людей въ знаніе «премудрости Божіей, въ тайны сокровенной», сообщаетъ человѣку истины, которыхъ «глазъ не видѣлъ, и ухо не слышало», и которыя даже «на мысль человѣку не входили» до полученія откровеннаго свыше знанія о нихъ. Такъ учатъ отцы церкви, понимавшіе религію откровенія съ совершенною ясностью. По ихъ ученію, — ученію вѣрному и подтверждаемому нынѣшними философами, отрѣшившимися и отъ схоластическихъ заблужденій и отъ самообольщеній трансцендентальной априоричности Шеллинга и Гегеля, разница между религіею откровенія и земною наукою состоитъ не въ томъ, что религія даетъ только вѣру, а не даетъ знанія, между тѣмъ какъ наука даетъ знаніе, — нѣтъ, по ученію великихъ отцовъ церкви откровенная религія даетъ человѣку и знаніе, также какъ наука, но знаніе не о тѣхъ предметахъ, которые доступны земной наукѣ, а о совершенно иныхъ, несравненно высочайшихъ. Г. Орестъ Новицкій, слѣдуя заблужденію схоластиковъ, смѣшивавшихъ философію Аристотеля съ истинами христіанской религіи, слѣдуя примѣру трансцендентальныхъ философовъ, сливавшихъ откровенную религію съ наукою, затмилъ въ

себѣ, подобно имъ, истинныя понятія и о томъ и о другомъ: онъ не понимаетъ ни ученія отцевъ церкви, ни духа земной науки. Это замѣчаніе произведено тѣмъ, что онъ захотѣлъ быть специалистомъ по двумъ предметамъ, изъ которыхъ каждый довольно великъ, чтобы остаться не вполне объятымъ и тогда, когда человѣкъ на изученіе его одного употребить всѣ свои силы, всю свою жизнь: у г. Ореста Новицкаго не достало ни времени, ни силъ основательно изучить ни религію, ни земную науку.

Г. Ор. Новицкій воображаетъ, что онъ философъ; если такъ, онъ долженъ быть философомъ, а не богословомъ. То, что доступно одному, недоступно другому. Но изъ всего видно, что наука кажется ему неудовлетворительной, что онъ ставитъ религію выше философіи и по достовѣрности и по достоинству идей. Если такъ, ему слѣдовало бы бросить науку, перестать воображать себя философомъ и сдѣлаться преподавателемъ религіознаго ученія. Онъ самъ говоритъ, что оно приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ философія; зачѣмъ же онъ тратитъ свое время на дѣло очень мало полезное, не занимаясь дѣломъ несравненно полезнѣйшимъ? Онъ не правъ самъ передъ собою.

Предоставляя его собственному его порицанію, мы обратимся къ его книгѣ. Еслибъ онъ написалъ ее съ той точки зрѣнія, которая ему самому представляется справедливѣйшею, его книга могла бы удовлетворить собою людей, раздѣляющихъ его образъ мыслей. Съ богословской точки зрѣнія языческія ученія были грѣховными: порожденіями отца лжи, во власть котораго впали люди, отпавшіе отъ истиннаго Бога; отцы церкви находили частицы истины и въ ученіяхъ древнихъ философовъ, но это мерцаніе откровенной истины относили къ откровенію Бога-Слова. По своему образу разумнѣя отношеній между религією и философією, не совершенно согласную съ истинною, какую находимъ въ чистѣйшемъ источникѣ, г. Ор. Новицкому слѣдовало бы говорить о языческихъ религіяхъ и системахъ философіи въ этомъ тонѣ, избличать ихъ несогласія съ христіанствомъ въ роученіемъ, показывать, что всѣ онѣ безъ исключенія учиня чело- вѣка разврату и преступленіямъ, или, точнѣе выражаясь, грѣховнымъ бѣсовскимъ дѣламъ. Съ этой точки зрѣнія онъ выставлялъ бы дурную сторону и въ буддизмъ, обольщающемъ чело- вѣка своею кротостію и видимою нравственною чистотою, и въ ученіи Сократа, и даже въ философіи самаго Платона. Онъ видѣлъ бы тогда, что дѣсь эти системы были злоухищреніями сатаны, облекающаго дѣтей своихъ въ одежды овчія, чтобы тѣмъ легче разтерзать ему волчьиими зубами обольщенныя души язычниковъ. Г. Ор. Новицкій могъ бы очень послѣдовательно провести этотъ взглядъ, и въ его

книгъ была бы логика; но онъ вздумалъ поступить иначе, вздумалъ говорить о языческихъ ученiяхъ въ такомъ тонѣ, который отвергается его собственною точкою зрѣнiя, и книга его вышла ни для кого непригодною смѣсю грѣховныхъ философскихъ мыслей съ мыслями одобряемыми богословіемъ. Одна половина строкъ въ ней разногласить съ другою половиною.

Скажемъ болѣе: если бы г. Ор. Новицкiй поступалъ сообразно съ своими убѣжденiями, онъ вовсе и не выбралъ бы древнихъ языческихъ религиозныхъ и философскихъ ученiй предметомъ своего сочиненiя. Человѣкъ, находящiй безусловную истину въ религиѣ сверхъестественнаго откровенiя, не можетъ заниматься языческими ученiями съ холодною ученою цѣлью. Всѣ они для него плоды лжи и грѣха. Отношенiя къ лжи и грѣху возможны только двоякаго рода: или предаваться имъ, служить имъ, или бороться съ ними, опровергать ихъ. Но г. Орестъ Новицкiй уже позналъ суету лжи, душепагубность грѣха, стало быть не можетъ служить имъ; и такъ ему оставалось бы только изобличать ихъ, полемизировать противъ нихъ, искоренять ихъ. Но онъ не можетъ не видѣть, что это дѣло совершенно не нужное въ наше время въ цивилизованной Европѣ, къ которой принадлежитъ публика, читающая русскiя книги. Русскiе люди могутъ имѣть свои умственные и сердечные недостатки, но никто не скажетъ чтобы для русскихъ были опасны языческiя вѣроученiя древняго востока, Грециѣ, Рима; никто изъ нашихъ согражданинъ по племени не поклоняется ни Зевесу, ни Шивѣ, ни Ариману, ни Озирису; предостерегать насъ отъ такихъ заблужденiй дѣло совершенно излишнее. Это все равно, что предостерегать русскую публику отъ людоедства, отъ вденiя мухомора или жирной глины, отъ дурныхъ привычекъ существующихъ между дикарями острова Явы, чукчами и бушменами: мы, къ счастью, стоимъ уже гораздо выше такихъ привычекъ и никакъ не могли бы впасть въ нихъ даже безъ всякихъ предостереженiй. Говорить о язычествѣ съ богословской точки зрѣнiя надобно не съ русскими, а съ чувашами, бурятами, самоѣдами: вотъ они дѣйствительно нуждаются въ изобличенiяхъ лживости и грѣховности язычества. Но для нихъ нельзя писать книгъ на русскомъ языкѣ, потому что эти несчастные люди не умѣютъ читать книгъ ни на русскомъ, ни даже на своемъ собственномъ языкѣ. Разоблачать передъ ними язычество можно только однимъ способомъ: научиться ихъ языку, сдѣлаться миссiонеромъ и, странствуя по ихъ юртамъ, бесѣдовать съ ними. Если бы г. Ор. Новицкiй занялся этимъ, если бы онъ сдѣлался миссiонеромъ между бурятами или тунгузами, онъ сталъ бы заниматься дѣломъ но истинѣ полезнымъ и похвальнымъ, разумѣется при соблюденiи того условiя, чтобы

провозгласил его совершалась въ духѣ кротости. Но съ неяснотами, при которыхъ можно разсуждать о язычествѣ только съ самоѣдами, языкомъ кроткаго миссіонера, г. Ор. Новицкій вздумалъ писать о язычествѣ для русской публики тономъ ученаго. Мы боимся, что весь трудъ его пропалъ напрасну.

Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миеологій. Сочиненіе американскаго писателя *Патаніэла Готорна*. Санктпетербургъ. 1860 г.

Готорнъ писатель великаго таланта, и надобно было надѣяться, что онъ превосходно перескажетъ миеологическія преданія; въ его талантѣ есть особенность, дѣлавшая его необыкновенно способнымъ къ отличному исполненію взятой имъ на себя задачи. Послѣ Гофмана не было сказочника съ такой склонностью къ фантастическому, какъ Готорнъ. Съ фантастичностью счастливо соединяется въ немъ обыкновенная принадлежность таланта, главная сила котораго состоитъ въ богатствѣ фантазіи: онъ простодушенъ. Повидимому нельзя было бы найти лучшаго сказочника для дѣтей. Но вышло не то: книжка, переведенная теперь на русскій языкъ, написана очень талантливо, а все-таки оказывается плохую. Бѣда произошла оттого, что Готорнъ почелъ нужнымъ передѣлывать передаваемые имъ греческіе мифы. Впрочемъ, передѣлка передѣлкѣ рознь. Гёте передѣлалъ индійскій мифъ о «Магадевѣ и Балдеркѣ», греческое сказаніе о посѣщеніи, сдѣланномъ умершею невѣстою жениху, и разказы не стали хуже отъ передѣлки: «Магадева и Балдерка», «Коринфская невѣста», — вещи превосходныя. Гёте передѣлалъ также легенду о Фаустѣ и первая часть Фауста также вышла удивительно прекрасное созданіе. Хорошо вышло въ этихъ случаяхъ потому, что передѣлка совершалась по разумному основанію: поэтъ находилъ въ старинныхъ разказахъ намекъ на идею, которой самъ былъ проникнутъ, развивалъ этотъ намекъ, ярко выставлялъ тотъ смыслъ, какой могли видѣть въ старомъ преданіи люди ему современные. Бываютъ хорошія передѣлки и другаго рода: авторъ, имѣя въ виду, что читатели, которымъ онъ пересказываетъ преданія иной страны, иной эпохи, — люди не ученые, не успѣвшіе пріобрѣсти археологическихъ, историческихъ, этнографическихъ свѣдѣній, какія нужны для легкаго пониманія передаваемыхъ разказовъ, для вѣрной оцѣнки ихъ, для полнаго наслажденія, чувствуетъ надобность незамѣтно вмѣстѣ въ разказъ свѣдѣнія, какія нужны его читателямъ; если онъ чуждъ съ талантомъ и самъ получилъ достаточное образованіе, онъ исполнитъ эту надобность удачно, безъ педантства, безъ поученій

натяжекъ, такъ что читать его разсказъ будетъ очень легко, и для людей неученыхъ гораздо легче, чѣмъ читать преданія въ оригинальной формѣ. Такъ Гибуръ передавалъ дѣтямъ мнѣи классической древности въ разсказахъ, которые посвящалъ своему маленькому сыну. Но Готорнъ передѣлывалъ ихъ не по этимъ надобностямъ, не для того чтобы сдѣлать понятнѣе, и не для того чтобы развить ихъ смыслъ сообразно съ идеями своего вѣка: онъ ударился въ то, что обыкновенно называютъ художественностью людей, не имѣющіе понятія о художественности; въ добавокъ вообразилъ, что въ подлинныхъ разсказахъ много исприличнаго, могущаго развратить дѣтское воображеніе, что надобно уродовать ихъ для сглаженія въ нихъ того, что люди съ развращеннымъ воображеніемъ считаютъ безнравственностью. Онъ писалъ подъ вліяніемъ двухъ этихъ мыслей и результатомъ вышло — дрянъ.

Число дрянныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія такъ велико, что, разумѣется, не стоило бы много заниматься появленіемъ еще одной такого же достоинства; а эти многочисленные дрянныя книжки такъ плохи, что разсказы Готорна могутъ даже назваться очень сносными по сравненію съ другими (тѣмъ болѣе, что изданы не дурно и языкъ перевода довольно не дуренъ); стало быть не для чего было бы много заниматься доказываніемъ, что Готорнъ написалъ для дѣтей плохую книжку. Но намъ вздумалось произвести вивисекцію этой книжки на пользу и назиданіе нашимъ собственнымъ авторамъ такъ называемыхъ художественныхъ произведеній: авось кто нибудь изъ нихъ увидитъ, что урокъ можетъ относиться и къ нему съ его собратіями. Мы станемъ говорить о Готорнѣ, человѣкѣ постороннемъ, значить рѣчь наша будетъ безобидна для своихъ; а свои сдѣлаютъ не дурно, если поразмыслятъ надъ ней: вѣдь и за ними, между нами будь сказано, водятся тѣ самые грѣшки, благодаря которымъ такъ шлепнулся въ миеологическихъ разсказахъ Готорнъ, не смотря на свой огромный талантъ, — такой огромный, что изъ нашихъ художниковъ не найдется ни одного равнаго ему по таланту. А если человѣкъ, болѣе сильный, чѣмъ они, написалъ плохо оттого, что писалъ неблагоразумно, то, значить, имъ еще больше надобности въ благоразумныхъ мысляхъ.

Соблазвъ считать переработываемый матеріалъ нуждающимся въ моральной подчисткѣ былъ у Готорна извинительнѣе, чѣмъ у нашихъ художниковъ: вѣдь Готорнъ писалъ для дѣтей, а они хотятъ имѣть читателями взрослыхъ людей. Да и греческіе мнѣи составились подъ вліяніемъ обычаевъ, изъ которыхъ нынѣ были рѣшительно противны нынѣшнему развитію цивилизаціи, — наиримѣръ

отношенія, апотеозомъ которыхъ служатъ мифы о Ледѣ или о Ганимедѣ. Важность не въ томъ, что разсказываются тутъ пзвѣстные факты, а въ томъ, что разсказываемые факты выставляются явленіями законными, хорошими. Трудно рѣшить, какъ поступать съ подобными матеріалами писателю, публикою котораго должны быть люди того возраста или умственнаго развитія, которому совершенно чужда самая мысль о существованіи такихъ фактовъ, какъ отношенія Юпитера къ Ганимеду. Обыкновенно говорятъ, что благоразумнѣе всего оставлять ихъ въ незнаніи объ этихъ дурныхъ вещахъ, къ счастью неизвѣстныхъ имъ. Отвѣтъ совершенно справедливый въ примѣненіи къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствительно существуетъ въ нашихъ слушателяхъ или читателяхъ предполагаемое ими условіе незнанія фактовъ того рода, какіе мы сочтемъ полезнымъ скрывать отъ нихъ. Но въ томъ пѣда, что это условіе встрѣчается на самомъ дѣлѣ несравненно рѣже, чѣмъ предполагаютъ утаивающіе воспитатели и учителя, слишкомъ наивно забывающіе о собственномъ дѣтствѣ и о характерѣ житейскихъ событій и разговоровъ, среди которыхъ растутъ ребенокъ. Изъ тысячи дѣтей развѣ одно воспитывается такъ заботливо, что не видитъ и не слышитъ безпрестанно тѣхъ вещей, о которыхъ не говоритъ съ нимъ воспитатель или учитель, будто съ незнающимъ о нихъ. Предположимъ случай почти невозможный, — предположимъ, что вся семья и вся прислуга въ жилищѣ ребенка люди совершенно нравственные и въ поступкахъ и въ словахъ; но вѣдь ребенокъ прогуливается же иногда по улицѣ, а на улицѣ нельзя пробыть пяти минутъ, не услышавъ сквернословія. Положимъ, что онъ не видитъ грязныхъ сценъ между людьми (чего трудно ожидать, если онъ не содержится въ заперти): но вѣдь по двору и по улицѣ подъ его окнами бѣгаютъ куры, собаки, а въ его комнатѣ летаютъ мухи: на нихъ онъ довольно насмотрится того, чего по нашему предположенію не видалъ отъ людей. Разумѣется, мы дѣлаемъ предположеніе совершенно фантастическое, когда беремъ такую обстановку ребенка, чтобы разговоры и дѣйствія домашнихъ не разоблачали передъ нимъ очень часто тѣхъ вещей, которыхъ по нашему мнѣнію не слѣдовало бы знать ему. Мы все такъ неосторожны, привычка говорить о скандалахъ и несоблюдать деликатности въ собственной жизни такъ сильна въ насъ, что отъ насъ самихъ ребенокъ наглядится и наслушается всего того, что привлекаетъ къ Фоблазу извѣстныхъ читателей и читательницъ. Если бы самое знаніе фактовъ, самый звукъ словъ были такъ гибельны для нравственной чистоты, какъ обыкновенно полагаютъ, всѣ семилѣтнія дѣвочки и мальчики въ нашемъ обществѣ и во всякомъ другомъ вышнемъ обществѣ были бы до крайности раз-

вратны. Но этого нѣтъ. Кромѣ особенно несчастныхъ случаевъ, очень искусственной обстановки, дѣти сохраняютъ чистоту. Кто наблюдаетъ жизнь, безпрестанно встрѣчаетъ примѣры этой чистоты, рассказъ о которыхъ былъ бы изумителенъ, невѣроятенъ для людей, судящихъ по предубѣжденію, а не по изслѣдованію дѣйствительной жизни. Часто вы встрѣчаете взрослую дѣвушку, выросшую среди самаго грязнаго домашняго быта и сохранившую столь полную чистоту не только въ своихъ поступкахъ и чувствахъ, но и въ самой фантазіи, что хочется повторить о ней слова Гамлета объ Офеліи:

Съ этой чистой душой, среди этихъ людей,
Бѣлый голубъ она въ черной стаѣ грачей.

Часто вертепами цинизма бываютъ не то, что жилища несчастныхъ женщинъ, презираемыхъ порядочнымъ обществомъ, а жилища семействъ пользующихся почетомъ въ томъ же самомъ обществѣ; но и въ этихъ семействахъ дочери до очень поздней поры бываютъ обыкновенно невинны, чему не повѣрили бы мы сами, еслибы несчастія слѣдующей жизни этихъ дѣвушекъ не показывали, что даже и онѣ въ 16, въ 18 лѣтъ не были готовы къ той роли, какая достается имъ. О мальчикахъ и юношахъ нельзя сказать того же только по одному чисто физическому отношенію: большая часть изъ нихъ очень рано испытываютъ физическую любовь; но, — какътъ опять невѣроятный для людей, судящихъ по готовымъ предразсудкамъ и внѣшнимъ признакамъ, а не по наблюденію сущности дѣла, — эти мальчики испытывавшіе наслажденіе, которое по пошлости обыкновенныхъ отношеній слишкомъ часто сопровождается чѣмъ то похожимъ на развратъ, — даже и они до очень поздней поры обыкновенно сохраняютъ невинность души, и очень часто остается чисто даже ихъ воображеніе. Это доказывается чистотою чувства, какое испытываютъ почти всѣ они въ юношествѣ, встрѣчаясь съ порядочными женщинами: очень мало такихъ испорченныхъ юношей, которые, не смотря на свои прежнія физическія отношенія къ женщинамъ, не испытывали бы того, что называется первой любовью или платонической любовью, — названіе ошибочное, потому что дѣло не въ томъ, которая по счету женщина внушаетъ мужчинѣ благородное чувство, а платонизмъ говоритъ объ идеальной сентиментальности, которая очень приторна и скользка, — но мы указываемъ не на имена чувства, а на его характеръ. Съ 13 — 14 лѣтъ мальчикъ испытываетъ пріятныя любовныя шалости, но все-таки въ 18 или въ 20 лѣтъ проникается самымъ чистымъ чувствомъ къ женщинѣ: онъ ребенокъ съ

вою, застѣчивъ, краснѣть, блѣднѣть, готовъ пожертвовать жизнью для ея счастья, — не только для ея счастья, — для ея каприза или для того чтобы получить отъ нея пожатіе руки, ласковое слово... Какъ вы думаете, неужели красавицы не заманивали много разъ въ свои комнаты того пажу, о которомъ рассказываетъ Шиллеръ въ балладѣ, названной у Жуковского «Кубкомъ»? Наверное онъ зналъ ласки многихъ женщинъ; а посмотрите, что случилось съ нимъ, когда пришла пора ему испытать настоящую любовь. Зачѣмъ онъ бросился въ пучину первый разъ? Онъ самъ не смѣетъ подумать о наградѣ, которой ждетъ за свою смѣлость: онъ хочетъ того, чтобы царица подумала: «онъ лучше всѣхъ этихъ рыцарей». Онъ самъ боится отдать себѣ отчетъ въ этой надеждѣ, которую отваживается выразить лишь однимъ, самымъ неопредѣленнымъ намекомъ въ своемъ разсказѣ:

И былъ я одинъ съ неизбежной судьбой
Отъ взора людей далеко,
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой....

Слышите ли, онъ позволяетъ себѣ сказать лишь то, что любить, — кого любить, на это нѣтъ никакого намека; хоть бы взглянулъ онъ при этихъ словахъ на царицу, — нѣтъ, и того онъ не смѣетъ. — Онъ слишкомъ хорошо испыталъ ужасъ пучины: онъ не имѣлъ никакого понятія о немъ, пока не былъ въ ней самъ, и никто изъ окружающихъ не можетъ вообразить, какъ ужасна была судьба, на которую онъ обрекалъ себя. Тогда онъ содрогнулся, конечно въ первый разъ въ жизни, и самъ онъ говоритъ, что страшно ему и подумать о томъ, что испыталъ. А между тѣмъ онъ опять бросается на эту страшную смерть, лишь только увидѣлъ, что царица жаль его, что она не совсѣмъ холодна къ нему. Она проситъ отъ него посылать отважнаго юношу за кубкомъ во второй разъ, — этого довольно:

Въ немъ жизнью небесной душа важжена,
Отважность сверкнула въ очахъ.
Онъ видитъ, краснѣть, блѣднѣть она,
Онъ видитъ, въ ней жалость и страхъ, —
Тогда, неописанной радости полный,
На жизнь и погибель онъ бросился въ волны....

Что-же, отважился ли онъ попросить поцалуй у невесты, обѣщанной ему за подвиговъ, или хотъ поцаловать ей руку на прощаньи, или хотъ сказать ей слово?... Нѣтъ, ему это было трудно, чѣмъ умереть для нея. Кто наблюдаетъ жизнь, тотъ безпрестанно видитъ

правду Шиллерова рассказа, видят ее почти на каждомъ изъ молодыхъ людей, на которыхъ смотритъ. Всякая утрировка переходитъ въ обратную утрировку: неданты претендующіе на идеальное понятіе о высокихъ добродѣтеляхъ, къ какимъ способенъ человѣкъ, имѣютъ слишкомъ грязное понятіе о людяхъ, которыхъ видятъ въ дѣйствительной жизни. Они требуютъ, чтобы дѣвушка или молодой человѣкъ не слышалъ ни одного слова о вещахъ, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ знакомиться человѣку въ этомъ возрастѣ; за то чрезвычайно легко слѣзаться нравственно погибшимъ существомъ въ ихъ мнѣніи. Въ обоихъ отношеніяхъ они одинаково фантазеры: они хотятъ держать человѣка въ чистотѣ лишь потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ падохъ на грязь; они воображаютъ его зловоннымъ животнымъ и оттого льютъ на него дѣлыми ушатами эс-букетъ своихъ нравственныхъ рѣчей. Человѣкъ не нуждается въ такомъ избыткѣ косметическихъ средствъ, потому что онъ человѣкъ: грязь мерзка для него и потому развѣ отъ слишкомъ сильнаго и долгаго втаптыванія въ грязь получаетъ онъ привычку къ ней. Можете вовсе не беречь его нравственность, и онъ будетъ нравствененъ, если вы, поклонники нравственности, сами не принудите его къ разврату вашимъ безумнымъ обращеніемъ съ нимъ.

Дѣло въ томъ, что пока не пробудилась въ человѣкѣ органическая потребность извѣстнаго удовольствія, оно вовсе не составляетъ для него удовольствія, не тянетъ его къ себѣ, не привлекаетъ къ себѣ не только его чувства, даже его вниманія. Дѣти, видя, что старшіе каждый вечеръ по нѣскольку часовъ сидятъ за преферансомъ, все-таки любятъ не сидѣнье за ломбернымъ столомъ съ картами въ рукахъ, а любятъ бѣгать, шалить, рѣзвиться. Потребность, сажающая людей за копѣчный преферансъ — скука головы, требующей умственнаго труда и не находящей его; дѣти не чувствуютъ этой умственной пустоты, для нихъ шалости служатъ достаточнымъ занятіемъ и оттого они не сядутъ за карточный столъ, пока не станутъ взрослыми людьми и притомъ взрослыми людьми въ пустомъ обществѣ. Преферансъ не привлекателенъ для нихъ. Конечно, если старшіе позаботятся, то могутъ и въ десяти-лѣтнихъ мальчикахъ развить страсть къ преферансу: пусть разгорячатъ воображеніе дѣтей рассказами, что пріятнѣе всего выигрывать деньги у другихъ, пусть внушаютъ имъ презрѣніе къ дѣтскимъ играмъ, не дающимъ денежнаго выигрыша, и можетъ быть мальчики и дѣвочки начнутъ мечтать не объ игрушкахъ и бѣготѣ, а объ десяти въ червахъ. Впрочемъ этихъ моральныхъ раздраженій едва ли будетъ достаточно: вѣроятно понадобится прибѣгнуть къ физическимъ средствамъ. За-

прите дѣтей въ тѣсныхъ комнатахъ, отнимите у нихъ игрушки, не велите имъ шумѣть, велите сидѣть неподвижно. — тогда они возьмутся за карты. Подобной пыткой подвергаются тѣ бѣдныя дѣти, которыя раньше, чѣмъ слѣдуетъ, принимаются за физическую любовь или искусственные способы замѣнять ее. Имъ безпрестанно толкуютъ, чтобы они подражали старшимъ—вотъ они и подражаютъ. Имъ внушаютъ презрѣніе къ дѣтству, —хотятъ преждевременно сдѣлать ихъ взрослыми, —вотъ они и дѣлаются. Кто хочетъ, чтобы дѣти сохраняли нравственную чистоту, вовсе не нуждается въ обманываніи ихъ, въ утайкѣ отъ нихъ; онъ только не долженъ убивать въ нихъ самостоятельности, подавлять въ нихъ наклонностей, принадлежащихъ дѣтству: дѣтскія игры такъ будутъ наполнять ихъ воображеніе, что не останется имъ времени, не будетъ у нихъ охоты думать объ удовольствіяхъ, которыхъ еще не требуетъ ихъ организмъ. Если вы не испортили дѣтей принужденіемъ, то пусть они читаютъ какія хотятъ книги: они во всѣхъ книгахъ будутъ замѣчать лишь шумныя сцены сраженій, разныхъ геройскихъ подвиговъ, а любовныя интриги будутъ пропускать они безъ всякаго вниманія. Пусть каждый, чье дѣтство не было убито слишкомъ тяжелой стѣснительностью педагогическаго надзора, слишкомъ натянутой формалистикой, припомнитъ, какое впечатлѣніе оставляли въ его дѣтской головѣ романы, читанные въ 10, 12 или 14 лѣтъ: всѣ зротическія страницы онъ переворачивалъ съ пренебреженіемъ, отыскивая дуэлей, дракъ съ звѣрьми или съ разбойниками, страшныхъ приключеній; для него существовалъ только сказочный интересъ драматическихъ вѣдшихъ происшествій, и чѣмъ шумнѣе были они, тѣмъ лучше казалась книга. Мы помнимъ про себя, какъ въ дѣтствѣ съ восторгомъ перечитывали разъ двадцать въ Римской исторіи Роллена періодъ Самнитскихъ войнъ, по которому тянется непрерывный рядъ сраженій: никакой романъ не занималъ насъ такъ, какъ эти страницы, которыхъ не въ состояніи прочесть взрослый человекъ по ихъ невыносимой монотонности. Около того же времени попался намъ въ руки какой-то скандальнѣйшій романъ покойнаго Степанова, кажется «Тайна», а можетъ быть «Постоялый дворъ»: мы не прочли и половины первой части, такъ скучна показалась намъ эта книга. Черезъ нѣсколько времени было прочтено нами нѣсколько романовъ Поль-де-Кока. Насъ очень забавляли въ нихъ уморительныя приключенія въ родѣ того, какъ одинъ господинъ сталкивается другаго съ лѣстницы, или вышедши прогуливаться вдругъ замѣчаетъ среди многолюдной улицы, что на немъ нѣтъ галстука и что мальчишки бѣгутъ за нимъ, выдѣлывая разныя гримасы. Въ циническихъ сценахъ мы замѣчали только смѣшную сторону. Напримѣръ, входитъ дама въ

комнату, гдѣ живутъ три студента, у которыхъ только одинъ котенокъ, поочередно надѣваемый дежурнымъ счастливецемъ, между тѣмъ какъ двое другихъ сидятъ завернувшись въ простыни. У видѣвъ такую нелѣпую картину, дама въ ужасѣ кричитъ, студенты тоже кричатъ, и двое, которые въ простыняхъ, лѣзутъ подъ кровати, а дама бѣжитъ, падаетъ, разбиваетъ носъ, опять бѣжитъ, опять спотыкается—это ужасно смѣшно! Циническая сторона сцены совершенно не была замѣчена нами. Каждый можетъ провѣрить справедливость этихъ воспоминаній, если потрудится наблюдать впечатлѣнія и мысли ребенка, лишь бы ребенокъ былъ обыкновенный, не слишкомъ обезображенный постороннею заботливостью обратить его въ миниатюрную каррикутуру взрослого человѣка.

Готорнъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, что ребенокъ сосредоточить все свое вниманіе на эротической сторонѣ разсказа, будетъ даже доискиваться, нѣтъ ли какихъ нибудь любовныхъ отношеній тамъ, гдѣ прямо не говорится о нихъ; онъ воображаетъ дѣтей похожими на злоязычныхъ старухъ или пожилыхъ развратниковъ, которые не могутъ слышать женское имя безъ того, чтобы не приплести къ нему скандальныхъ сплетенъ или циническихъ грѣзъ. Потому онъ съ забавною щепетильностью, доходящею до совершенной нелѣпости, выпускаетъ изъ греческихъ мифовъ все похожее на любовь или передѣлываетъ ихъ самымъ пошлымъ образомъ, чтобы предохранить дѣтей отъ мысли, которая и безъ того не вошла бы въ ихъ маленькія головы. Очень потѣшна въ этомъ отношеніи его исторія о ящикѣ Пандоры. Мифъ говоритъ, что ящикъ былъ свадебнымъ подаркомъ Пандорѣ, которая выходила замужъ, — больше этого ничего не говорится, и кажется скандальнаго тутъ мало. Вѣроятно дѣти и безъ мифа знаютъ, что ихъ маменька жена ихъ папеньки (хорошо, если они знаютъ это, а не то, что ихъ маменька не жена ихъ папеньки, а жена у папеньки другая женщина, или, что у ихъ папеньки есть дѣти кромѣ ихъ, маменькиныхъ дѣтей—случай довольно частый и всегда извѣстный дѣтямъ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ бываютъ подобные случаи). Вѣроятно дѣти знаютъ, что взрослыя дѣвушки выходятъ замужъ или старшая сестрица—невѣста или скоро будетъ невѣста (хорошо, если они знаютъ только это, а не то, что вотъ такая-то вотъ взрослая дѣвушка, можетъ быть ихъ сестрица, дала падъ собой какому-то молодому человѣку сдѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать только послѣ свадьбы, и оттого всѣ бранятъ ее). Короче сказать, въ словахъ мифа, что когда Пандора выходила замужъ за Эпиметея, Меркурій принесъ ей вмѣсто свадебнаго подарка очень красивый ящикъ, — въ этихъ словахъ нѣтъ по видимому ровню ничего циническаго, скандальнаго или таково, знаніе о чемъ можно было бы

утаить отъ дѣтей. Но Готорнъ сообразилъ очень проникательно: «свадьба, невѣста, женихъ... Какія скандальныя слова! Къ какимъ соблазнительнымъ мыслямъ поведутъ они дѣтей!» Сообразно такому мудрому размышленію, онъ взялъ да и передѣлалъ начало мѣста слѣдующимъ образомъ:

«Въ древнее время, о! да вѣдь въ такое древнее, когда старій свѣтъ только-что еще рождался, жилъ мальчикъ, по имени Эпиметей, у котораго никогда не было ни отца, ни матери; а чтобъ ему не было скучно, то ему прислали изъ очень дальней стороны другого ребенка, тоже безъ отца и матери, чтобы имъ вмѣстѣ играть. Это была маленькая дѣвочка, которую звали Пандора.

«Первое, что бросилось ей въ глаза въ ту минуту, какъ она поставила ногу на порогъ хижины, гдѣ жилъ Эпиметей, — былъ большой ящикъ.»

Прелестно. Цѣль забавна; но посмотримъ, достигъ ли Готорнъ хотя своей жалкой цѣли. Мальчику скучно; чтобы развлечь его, нужна дѣвочка. Почему же дѣвочка? Зачѣмъ мальчику дѣвочка? Мальчику съ мальчикомъ веселѣй играть, чѣмъ съ дѣвочкой. Для чего же Эпиметею нужна дѣвочка? Вѣрно тутъ есть какая нибудь особенная забава, и вѣрно эта забава пріятнѣе тѣхъ игоръ, въ которыя играютъ мальчики съ мальчиками? Если фантазія дѣтей такъ загрязнена, что слова свадьба, женихъ, невѣста наводятъ ихъ на грезы о физической любви, то Готорнова передѣлка еще скорѣе привлечетъ ихъ къ этимъ грезамъ. Ужь если быть послѣдовательнымъ, такъ надобно было ему изгнать изъ своихъ разсказовъ либо слово мальчикъ, либо слова дѣвочка: онъ находитъ нужнымъ взрослыхъ людей обращать въ дѣтей, чтобы охранить отъ скандала, такъ ужъ надобно было всѣхъ дѣтей одѣть въ одинъ костюмъ, чтобы всѣ были мальчики. Для чтенія мальчиковъ это было бы хорошо. Но вотъ бѣда, если книгу станутъ читать дѣвочки: съ ними не годится говорить о мальчикахъ, это наведетъ ихъ на дурную мысль. Итакъ, будемъ писать для мальчиковъ особыя сказки, для дѣвочекъ особыя: изъ однихъ изгонимъ слова женщина, дѣвушка, дѣвочка; надобно уже для полнаго достиженія цѣли изгнать слова сестра и мать; не мѣшаетъ изгнать мѣстоимѣніе женскаго рода она, а то вѣдь и оно наведетъ на дурныя мысли; а чтобъ изгнать его, надобно будетъ избѣгать всякихъ существительныхъ женскаго рода: вмѣсто дверь будемъ писать ставень, вмѣсто рука будемъ писать глазъ, вмѣсто стѣна будемъ писать потолокъ. Изъ книгъ для дѣвочекъ, напротивъ, изгонимъ слова мальчикъ, мужъ, отецъ, братъ, онь; носъ замѣнимъ ногой, языкъ головой и т. д. Но слово мужчи-

на можно оставить: оно съ виду походить на женщину; только уж будемъ употреблять его въ женскомъ родѣ: «сія добрая мужчина».

Намъ съ Готорномъ хорошо; мы шутки шутимъ по своимъ глупостямъ. Но вообразите себѣ, какія вещи должны происходить на свѣтѣ, если бы нашлись люди, держащіеся подобныхъ правилъ, ослѣпленные подобными фантазіями въ серьезныхъ вещахъ. «Этого не говорите, это наведетъ на дурныя мысли; и вотъ этого не говорите, это тоже поведетъ къ дурнымъ мыслямъ; а говорите вотъ что, это не возбудитъ дурныхъ мыслей, и говорите еще вотъ что — это возбудитъ хорошія мысли». Ахъ вы чудачки, чудачки! Да развѣ вы въ самомъ дѣлѣ успѣете скрыть что нибудь такое, что захотятъ знать люди? Да развѣ то, что скрываете вы отъ нихъ, не видятъ и не слышатъ они на каждомъ шагу? Если они не дѣлаютъ того, что васъ пугаетъ, отъ мысли о чемъ думаете вы удержать ихъ вашими стараніями утаить шило въ мѣшкѣ, такъ это просто значить, что не пришло еще имъ время приняться за это дѣло, что они еще не хотятъ думать о немъ, что у нихъ еще не пробудилась потребность къ нему; а когда прійдетъ пора, замѣтятъ они шило въ мѣшкѣ, старайтесь или не старайтесь вы скрыть его, — да и какъ не замѣтить?—вѣдь оно колетъ ихъ; а если они еще не замѣчаютъ его, значить они еще такъ не привыкли думать, что не сообразятъ связи между своею болью и шиломъ. А пока еще такъ слабо въ нихъ соображеніе, вы безопасно могли бы допустить ихъ слушать, что угодно: вѣдь все равно, они ничего бы не поняли. Кромѣ шутокъ, если люди сами не умѣютъ знать того, что могли бы узнать отъ другихъ, это значить, что они еще не чувствуютъ надобности, не хотятъ знать; а когда захотятъ, никакими способами ничего не скроете отъ нихъ; потому всякая утайка совершенно напрасна.

Но оставимъ мысли объ историческихъ дѣлахъ, чтобы заняться литературными вопросами, которые, какъ извѣстно читателю, гораздо важнѣе и милѣе для насъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Иные люди могутъ имѣть свой расчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты, какъ Готорнъ искажаетъ греческіе мифы; но какая надобность можетъ заставлять художника исказять психологическую истину въ своихъ произведеніяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одинъ примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, героемъ которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало писавшему по русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмѣвавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія, — человѣку, не безславными чертами вписав-

шему свое имя въ исторіи, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человекъ могъ быть изображенъ какъ человекъ серьезный. Авторъ повѣсти кажется и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ ему вздумалось: «а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большаго наслѣдства? Человекъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родового имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ,—нѣтъ, такой человекъ не можетъ считаться серьезнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ». И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живаго человека рисовать карриатуру, — какъ будто левъ годится для карриатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человекомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высокій трагическій характеръ, посерьезнѣе Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышелъ винигретъ сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей.

Можно бы припомнить и еще нѣсколько повѣстей въ томъ же родѣ, — повѣстей прекрасныхъ, лучшихъ въ нынѣшней нашей литературѣ, но имѣющихъ только одинъ маленькій недостатокъ: авторъ боялся компрометировать себя или своихъ героев и героинь; онъ боялся, что скажутъ: «это безнравственно». Быть можетъ у него была и та боязнь, какъ у Готорна: читатели столь невинны и вмѣстѣ столь наклонны къ порчѣ, что грѣшно разсказывать имъ вещи такъ, какъ самъ ихъ знаешь: ну, неравно соблазнишь ихъ на что нибудь дурное, о чемъ они и не будутъ имѣть понятія, если я не скажу имъ этого? Нѣтъ-съ, пишите то, что знаете; никого изъ насъ не удивите, мы всѣ знаемъ не меньше вашего. И если мы еще не совсѣмъ испорчены, такъ это не потому, чтобы мы не знали какова жизнь, а потому, что не чужими словами портится человекъ, и не сценами, которыя видятъ, а только собственнымъ положеніемъ. Ради собственной вашей репутаціи не подражайте Готорну: вѣдь и для дѣтей смѣшно, когда онъ боится вымолвить слова женихъ и невѣста.

Но Готорнъ не удовлетворяется тѣмъ, что передѣлываетъ греческія мѣфы изъ безнравственныхъ въ нравственные. Онъ находитъ, что надобно придавать имъ привлекательность художественною отдѣлкою: безъ нея они были бы слишкомъ сухи, имѣли бы

слишкомъ мало картинности, лица не выходили бы рельефны. Вотъ онъ и придаетъ имъ художественность. Въ чемъ же состоитъ она? А вотъ въ чемъ. Въ подлинникѣ мнѣ разсказанъ на двухъ страничкахъ, онъ растягиваетъ его на пятьдесятъ страницъ. Если въ мнѣ сказано «поле», онъ размалевываетъ, что на этомъ полѣ растетъ трава, и какая трава, и какъ пріятно смотрѣть на траву; тутъ для красоты подвернется ему и корова, — вотъ она ходитъ по полю, щиплетъ траву: все описано, какая корова и какъ щиплетъ; къ коровѣ кстати приписанъ пастухъ, и пастухъ описанъ. Если въ мнѣ сказано «Пандоръ хотѣлось раскрыть ящикъ, а Эпиметей говорилъ, что это запрещено», — Готорнъ размалевываетъ изъ этихъ словъ длиннѣйшій разговоръ, очень мило, съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, съ ловко подмѣченными переходами рѣчей и переливами чувствъ, какія бываютъ при подобныхъ спорахъ. Это размазыванье и растягиванье чрезвычайно украшаетъ разсказываемую исторію, — по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Готорнъ.

Намъ было бы мало убытка, если бы такъ думалъ и дѣлалъ только Готорнъ. Но на бѣду припоминается намъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній отечественной литературы. Недавно мы читали на цѣлыхъ тридцати или пятидесяти страницахъ очень милое развитіе слѣдующаго положенія: бесѣдуетъ молодой человѣкъ съ молодой дамой; онъ говоритъ: «вамъ скучно», она говоритъ «нѣтъ»; онъ возражаетъ: «нѣтъ, вамъ скучно, потому что вы не живете, вы не наслаждаетесь жизнью», — положеніе очень хорошее и предметъ разговора прекрасный, но вѣроятно у Шекспира, — или куда ужъ намъ до Шекспира! — вѣроятно и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя такая сцена никакъ не заняла бы болѣе двухъ страницъ, и все было бы высказано на этихъ двухъ страницахъ: и характеры разговаривающихъ обрисованы очень рельефно, и съ полною живостью высказаны всѣ мысли, которыми обмѣнивались разговаривающіе. Такъ, но Лермонтовъ и Пушкинъ намъ не указъ: они не художники, а мы художники. У нихъ былъ талантецъ — отрицать нельзя, но пользоваться имъ они не умѣли. Разверните «Герой нашего времени»: просто жалость какъ скомканы, сбиты всѣ сцены; ничего развитаго, ничего художественнаго, — скажетъ нѣсколькими словами въ чемъ сущность дѣла, и идетъ дальше. Нѣтъ, мы сдѣлали бы не такъ. Растягивай, размазывай, повторяй, тверди одно и то же по двадцати разъ, все съ новыми (очень граціозными) варіаціями, переливами красокъ, модуляціями мыслей, оттѣнками чувства. У насъ, напримѣръ, если герой надѣваетъ туфли, надѣваніе занимаетъ по крайней мѣрѣ полторы страницы, а надѣваетъ онъ ихъ разъ десять и каждый разъ у насъ достанетъ искусства написать объ этомъ по

полуторы страницы: вотъ ужь подлинно художественность, — на то у меня и талантъ. Попробуйте-ко вы тянуть эту руладу, у васъ голова не достанетъ, а я тяну. Прекрасно, только искусство ваше пѣскожолко напоминаетъ процессъ, совершаемый за обѣдомъ беззубыми стариками: у кого зубы хороши, съ разу раскусываетъ кусокъ, а беззубый бѣдняжка жуе, жуе его, мамлетъ, мамлетъ, такъ что дивишься только: какъ это, Господи, достаетъ у человѣка тернѣня. По нашему ужь и не берись за такой кусокъ, котораго съ разу не раскусишь. — За то художественно, за то талантъ виденъ. Оно такъ, автору пріятно, и въ произведеніи сладость сахарная, только читать тяжеловато. Все равно, какъ слушаешь человѣка, который и очень умно говоритъ, только косноязыченъ: тянетъ, тянетъ, такъ душу изъ тебя и вытягиваетъ. О, мы умѣемъ пользоваться своими лицами и положеніями! Если, напримеръ, дѣвушка попадетъ намъ въ руки, мы ее всю по ниточкѣ размочалимъ: «она была очень граціозна», — и напишемъ страницу, какъ она была граціозна; «она улыбнулась ему въ отвѣтъ», — и опишемъ, какъ улыбнулась. Тютрюмовъ не умѣетъ такъ бровные воротники писать, какъ мы умѣемъ все описывать. Вы можете восхищаться Рафаэлемъ и Шекспиромъ, а по нашему мнѣнію мы съ Тютрюмовымъ выше Рафаэля и Шекспира. Хотите ли образчикъ нашей художественности? — вотъ онъ. Положимъ, молодой человѣкъ идетъ въ садъ, чтобы встрѣтить тамъ любимую дѣвушку и сказать ей, что любить ее. По вашему нехудожественному разсужденію дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы разсказать встрѣчу ихъ. Нѣтъ, возвольте... По нашему мнѣнію очень интересна была минута, когда герой причесывалъ голову.

«Вотъ и галстухъ повязанъ. Иванъ Андреевичъ сѣлъ передъ маленькимъ столикомъ орѣховаго дерева слегка растреснувшимся посрединѣ. «Вотъ она, неопрятность холостой жизни, подумалъ онъ. Федоръ не догадается, что надобно бы столикъ отодвинуть отъ окна въ простѣнокъ: вонъ какъ его перекоробило солнцемъ.» Иванъ Андреевичъ взялъ въ руки гребень и осмотрѣлъ его: одинъ зубъ расщепился: что же никому нѣтъ дѣла присмотрѣть, что гребень уже не годится: то ли дѣло, когда домъ озаренъ и оживленъ присутствіемъ милой женщины; при ней не будешь держать себя неряхой; при ней и Федоръ былъ бы расторопнѣй». Онъ взглянулъ въ зеркало, стоявшее на столикѣ. Оно было въ овальной рамкѣ краснаго дерева стариннаго фасона съ бронзовыми украшениями и инкрустациею: «что за безвкусица — на орѣховомъ столикѣ зеркало краснаго дерева. Неряха, дѣвчій, сопливецъ....» Онъ съ упрекомъ взглянулъ на лицо, отражавшееся передъ нимъ въ зеркалѣ. Живая мысль уже свѣтлѣлась на этомъ лицѣ, которое недѣлю тому назадъ помнилось ему та-

кимъ вальмиъ, такимъ соннымъ. Въ отворенное окно влетѣла бабочка; радужная пыль ея бархатныхъ крылышекъ искрилась на солнцѣ будто миллионы маленькихъ брильянтиковъ, изумрудиковъ, рубиновъ. Иванъ Андреевичъ съ минуту любовался на бабочку. Онъ сравнивалъ ее съ кѣмъ-то, съ другимъ существомъ, столь же легкимъ, столь же нѣжнымъ, — и сладко было ему мечтать... «Однако же пора, подумалъ онъ: — или еще нѣтъ»? Онъ зналъ, что давно пора, но онъ робѣлъ, ему было тяжело и сладко, онъ медлилъ, потому что ему было хорошо; «да, пора, пора», подумалъ онъ и коснулся гребнемъ волосъ. (Описание волосъ было уже сдѣлано семнадцать разъ, потому здѣсь они не описываются: они уже довольно рельефно рисуются передъ читателемъ). Онъ медленно, съ какою-то нѣгою два раза провелъ гребнемъ по своимъ шелковистымъ волосамъ и задумался: онъ самъ любовался своими бѣлокурными кудрями, кольца которыхъ вились такъ мягко; онъ въ первый разъ замѣтилъ, что на вискахъ у него показалось нѣсколько сѣдыхъ волосковъ. (О томъ, что на вискахъ у него было нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, читателю уже было сообщено четыре раза и въ послѣдствіи будетъ сообщено еще двадцать девять разъ). Гребень выпалъ изъ его руки, онъ задумчиво склонилъ лобъ на другую руку, которая прежде лѣниво лежала на столѣ. Ему припомнилось время, когда еще не было сѣдинъ въ его кудряхъ. Вотъ передъ нимъ широкая поляна съ пыльной дорогой, ведущей къ покачнувшемуся помѣщичьему дому.... (Начинается описаніе деревни, въ которой выросъ Иванъ Андреевичъ, разсказывается его дѣтство).

Какъ это вамъ нравится, читатель? Мило, очень мило, только скучновато и длинновато немного. Дѣвушка, начавшая читать, какъ собирался нашъ герой на свиданіе, можетъ выйти замужъ, можетъ сдѣлаться матерью и сынокъ ея (очень милый шалунъ, мы его вамъ опишемъ при случаѣ) можетъ, рѣзвясь, изорвать книжку, прежде чѣмъ бывшая барышня успѣетъ дочитать повѣсть до той главы, гдѣ герой уже беретъ за ручку двери, чтобы идти въ садъ на свиданіе.

А вѣдь покайтесь, читатель, вы восхищались такими разсказами? Или не восхищались, а только увѣрили, что восхищаетесь, потому что одни люди безъ художественной жилки въ душѣ (это техническое выраженіе «художественная жила» очень нравится людямъ ею одареннымъ) могли не восхищаться такою художественностью?

Это разведеніе водою — художественность? Какалъ тутъ художественности! — Художественность состоитъ въ томъ, чтобы каждое слово было не только у мѣста, — чтобы оно было необходимо, неизбѣжно и чтобы какъ можно было меньше словъ.

Безъ сжатости нѣтъ художественности. Поэзія тѣмъ и отличается отъ прозы, что беретъ лишь самыя существенныя черты и беретъ ихъ такъ удачно, что онѣ во всей полнотѣ рисуются передъ воображеніемъ читателя съ двухъ, съ трехъ словъ гениальнаго писателя. На пяти или десяти страницахъ описать лицо такъ, чтобы можно было знать всѣ его примѣты, — это сдѣлать самый бездарный прозаикъ. Нѣтъ, вы художникъ только тогда, когда вамъ нужно всего пять строкъ, чтобы возбудить въ воображеніи читателя такое же полное представленіе о предметѣ. Пустословіе можетъ быть очень мыльнымъ, изящнымъ пустословіемъ, но съ художественностью не имѣетъ оно ничего общаго. Поэзія и болтовня — вещи противоположныя. Сущность поэзіи въ томъ, чтобы концентрировать содержаніе; разведеніе водой убиваетъ ее.

Наши художники обращаются съ нами, какъ Готорнъ съ дѣтьми: одни утаиваютъ отъ насъ жизненную правду, чтобы не соблазнить, не испортить насъ; другіе занимаютъ насъ пустословіемъ, будто намъ, какъ дѣтямъ, пріятно слушать болтовню: лишь бы звучалъ воздухъ какими нибудь словами, лишь бы не было молчанія, а то намъ всё равно, съ удовольствіемъ слушаемъ всякіе пустяки. Хорошо было бы, еслибъ только художники обращались такъ съ нами, еслибъ только въ вымышленныхъ разказахъ давали намъ ложь вмѣсто правды, пустословіе вмѣсто дѣла. Нѣтъ, съ нами точно такъ же поступаютъ и въ вещахъ, отъ которыхъ прямо зависитъ вся наша жизнь. Насъ считаютъ дѣтьми. Хорошо, будемъ же брать примѣръ хоть съ дѣтей, если ужъ въ самомъ дѣлѣ мы такъ неразвиты, такъ неопытны, такъ легковѣрны, такъ слабы. Развѣ дѣти бываютъ довольны такими пустяками, какими угощаетъ ихъ Готорнъ? Посмотрите, любитъ ли ребенокъ растянутость, водянистость разказа? Нѣтъ, онъ безпрестанно понукаетъ васъ: «ну, что же дальше? ну, что же дальше? Говорите скорѣй; скорѣй ведите къ концу сказку; говорите только самое существенное». Развѣ ребенокъ любитъ хитрѣя умолчанія, двоедушную замѣну настоящихъ словъ другими несоотвѣтствующими дѣлу? Нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы съ нимъ говорили прямо, каждую вещь называли ея настоящимъ именемъ; онъ не потерпитъ смягченій и прикрасъ; если вы скажете ему: Медуза была добрая дѣвушка, Минотавръ не пожиралъ людей, а ласкалъ ихъ, ребенокъ прямо скажетъ вамъ: вы лжете, вѣдь чудовища злы и вредны людямъ; или вы хотите обольстить меня къ мягкому мнѣнію о нихъ? Если такъ, пойдите прочь отъ меня, мнѣ противно и скучно ваше живое пустословіе.

Но рѣчь наша идетъ собственно о литературѣ, о повѣстяхъ, о поэзіи. Мы затѣмъ только и взялись за книжку Готорна, что-

бы побесѣдовать съ нашими художниками, съ нашими лучшими беллетристами. Неужели мы такъ просты, что думаемъ своими замѣчаніями исправить высоко стоящихъ въ литературѣ людей, недостатки которыхъ указываемъ? Нѣтъ, имъ поздно исправляться: въ нихъ уже слишкомъ вѣлася привычка фальшивости и пустословія. Хорошо было бы, еслибъ не поддались ей хотя тѣ люди, которые только еще формируются теперь, только еще готовятся къ дѣятельности. На этихъ людей мы съ вами, читатель, еще могли бы имѣть вліяніе: пусть они по нашему недовольству ихъ предшественниками видятъ, что ничего хорошаго не дождутся отъ насъ, если не будутъ поступать лучше ихъ. Пусть они знаютъ, что будутъ отвергнуты нами, если вздумаютъ лгать и пустословить.

Историческая библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія Французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, *Ф. К. Шлоссера*, профессора исторіи при гейдельбергскомъ университетѣ. Восемь томовъ. Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. Санктпетербургъ. 1858—60 года.

Редакція «Исторической Библіотеки» сообщила намъ слѣдующее объясненіе о ходѣ своего изданія.

«Кончивъ выдачу томовъ «Исторической Библіотеки» за первые два года, мы считаемъ не лишнимъ представить публикѣ отчетъ о началѣ предпріятія, которое было новостью въ нашей литературѣ.

«Мы хотѣли знакомить публику съ классическими твореніями новой западно-европейской литературы по всеобщей исторіи, главнымъ образомъ по исторіи западной Европы и Америки въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ, думая, что эта часть исторіи наиболѣе важна и находя, что именно съ нею до сихъ поръ труднѣе всего было знакомиться намъ, по совершенному отсутствію на русскомъ языкѣ книгъ, относящихся къ ней. Мы уже имѣли переводы нѣсколькихъ недурныхъ сочиненій объ исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ; но чѣмъ ближе къ нашему времени событія, тѣмъ скуднѣе были источники, изъ которыхъ русскій читатель могъ получать правильное понятіе о нихъ. Сообразно этому плану мы избрали для начала своего изданія «Исторію восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій» Шлоссера, которая, обвиняя собою почти все время, составлявшее предметъ предполагаемаго изданія, служила бы общимъ фундаментомъ для разныхъ монографій, избранныхъ нами для перевода въ слѣдующихъ томахъ «Исторической Библіотеки». Намъ

казалось удобнѣе всего дать сначала связный рассказъ о всѣхъ частяхъ предмета, чтобы къ этой общей картинѣ могли примыкать подробнѣйшіе рассказы о разныхъ отдѣлахъ ея, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

«Мы не скрывали отъ себя, что такое начало, требуемое по нашему мнѣнію пользою самаго дѣла, представляетъ и особенныя затрудненія. Твореніе, переводъ котораго занялъ по нашему плану первые томы «Исторической Библіотеки», вовсе не таково, чтобы привлечь къ себѣ людей, цѣнящихъ книгу по внѣшнимъ достоинствамъ. Писатель суровый, враждебный всякимъ прикрасамъ, Шлоссеръ не похожъ на историковъ беллетристовъ, на Маколея или Тьера. У него нѣтъ ни анекдотовъ, ни поэтическихъ описаній, ни драматическихъ сценъ: онъ называетъ «дрянью» (diese Lappalien) всѣ эти красоты или по его выраженію «реторическіе цвѣтки» (Floskeln) и честитъ именемъ «балагуровъ» (Tändeleikrämer) знаменитыхъ историковъ, ставившихъ задачей себѣ нравиться даже тѣмъ людямъ, которые не читаютъ ничего кромѣ романовъ (Romanenleser). Доволя до крайности свое отвращеніе отъ прикрасъ, свое пренебреженіе къ внѣшней заманчивости изложенія, Шлоссеръ наконецъ создалъ въ себѣ привычку нарочно писать языкомъ сухимъ и даже страннымъ. У него часто бываетъ точка на срединѣ фразы, — пусть самъ читатель знаетъ, чѣмъ надобно окончить фразу. У него есть періоды, которыхъ не разберешь легко даже по нѣмецкой грамматикѣ, столь привычной къ перепутанности. Наконецъ, онъ ни мало не стѣсняется, не договоривъ объ одномъ предметѣ, заговорить о другомъ, потомъ опять возвратиться къ первому и опять не докончить его; десять разъ повторять одно и то же; оставлять разныя части своего рассказа совершенно безсвязными по внѣшней формѣ. Такую книгу не очень пріятно читать людямъ, привыкшимъ къ изящному изложенію. Мы полагали, что Шлоссеръ не будетъ имѣть и половины того числа читателей, какое имѣли «Рассказы изъ исторіи Англіи», взятые нами у Маколея. Но мы считали полезнымъ дать прежде всего общее обзорѣніе почти всего пространства времени, къ разнымъ частямъ котораго относились монографіи, назначенныя нами для слѣдующихъ томовъ. Еще драгоцѣннѣе для насъ было внутренній характеръ книги Шлоссера: мы не находили историка, который смотрѣлъ бы на вещи такъ разсудительно, какъ Шлоссеръ, который бы такъ заботился только объ одной правдѣ, отвергая всякое оболъщеніе. Мы полагали, что серьезная часть публики оцѣнитъ это достоинство, привязывавшее къ Шлоссеру всѣхъ мыслящихъ людей, отъ которыхъ случалось намъ слышать отзывы о немъ: всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что ни отъ кого не научились

такъ много, какъ отъ суроваро, тяжелаго автора «Исторіи восемнадцатаго вѣка». Это мнѣніе подтверждалось и нашимъ собственнымъ опытомъ. Мы думали: вѣроятно въ той части публики, которая читаетъ преимущественно русскія книги, найдется довольно много людей, расположенныхъ полюбить грубаго старика, den groben alten Mann, какъ онъ самъ себя называетъ.

«Въ этомъ мы не ошиблись. Такихъ людей оказалось даже гораздо больше, чѣмъ мы ожидали. Это хорошій признакъ. Въ немъ видно новое подтвержденіе тому, что люди серьезные составляютъ уже очень значительную часть въ нашей публикѣ.

«Шлоссеръ имѣлъ больше успѣха, чѣмъ на сколько мы рассчитывали. Публика поддерживала насъ лучше, чѣмъ мы ждали; но мы сами поступили съ ней не совсѣмъ хорошо: мы были несправны передъ ней. Въ 1858 году вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ томовъ мы успѣли издать только два, такъ что публика совершенно основательно поколебалась въ довѣрїи къ нашимъ обѣщаніямъ. Теперь, когда мы наконецъ исполнили ихъ, надобно объяснить, отчего произошла наша прежняя несправность. Дѣло вотъ въ чемъ: предпрїятіе, нами задуманное, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы рассчитывали, приступая къ нему, или, правдивѣе говоря, мы нашли, что распоряженія, сдѣланныя нами для исполненія труда, были неудовлетворительны. Намъ пришлось работать надъ изданіемъ въ десять разъ больше, чѣмъ мы думали. Мы рассчитывали, что намъ придется почти только читать корректуры; на это достало бы у насъ времени, чтобы аккуратно издавать по четыре тома въ годъ; но исполнять дѣло съ такою быстротою мы не могли при томъ размѣрѣ работы надъ изданіемъ, какой достался на нашу долю по неосновательности собственныхъ нашихъ распоряженій и ожиданій въ началѣ дѣла. Изъ лицъ, на содѣйствіе которыхъ мы рассчитывали, разныя обстоятельства помѣшали нѣкоторымъ работать вмѣстѣ съ нами: одинъ уѣхалъ, другой былъ заваленъ иною работою. Мы могли бы предусмотрѣть эти обстоятельства и виноваты передъ публикой за то, что не приняли ихъ въ соображеніе.

«Сказавъ о затрудненіяхъ, замедлявшихъ дѣло, надобно сказать и о томъ, въ какомъ видѣ оно исполнялось и какое довѣрїе могутъ имѣть къ нашему переводу тѣ читатели, которымъ нѣтъ времени и случая слѣдить его съ подлинникомъ. Переводъ вѣренъ, за это можно ручаться. По всей вѣроятности встрѣчаются въ каждомъ томѣ не нѣскольکو ошибокъ—дѣло неизбежное, но ошибокъ этихъ не слишкомъ много. Слогъ мы старались сохранять такой же, какой находится въ подлинникѣ. По всей вѣроятности, это было нерасчетливостью. Русская публика, болѣе привычная къ французской стилистикѣ, чѣмъ

къ нѣмецкой, гораздо щекотливѣе нѣмецкой публики въ дѣлѣ слога: то, что кажется лишь нѣсколько шероховато нѣмцу, кажется очень шероховато русскому. Безъ нарушенія вѣрности въ передачу мыслей можно было бы сгладить неровности подлинника въ языкѣ перевода. Но изъ этого легко могло возникнуть недоувѣріе къ переводу: кому охота внимательно слыхать по нѣскольку десятковъ страницъ, чтобы видѣть, измѣняются ли мысли отъ переменъ въ оборотахъ?— а каждый на слово вѣритъ, если слышитъ, что переводъ не совсѣмъ точенъ. Мы хотѣли скорѣе быть осуждаемыми за тяжеловатость языка, чѣмъ за невѣрность подлиннику. Итакъ, сколько зависѣло отъ насъ, мы переводили съ совершенной точностью. Но у Шлосера встрѣчаются мѣста не допускаемыя русскою печатью. Гдѣ можно было сохранить смыслъ замѣненіемъ однихъ словъ другими, въ сущности равносильными, мы слѣдовали такому обыкновенію; но были мѣста не поддававшіяся этой виѣшной передѣлкѣ, требовавшія или переменъ смысла, или совершеннаго выпуска, — въ такихъ случаяхъ мы предпочитали выпускать. Надобно сказать, много ли было въ подлинникѣ страницъ, подвергнувшихся виѣшной передѣлкѣ или выпуску.

«Ихъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Передѣлки скольконибудь значительныя ограничились почти только нѣкоторыми параграфами литературнаго отдѣла въ I, II и IV томахъ, а выпустить понадобилось еще меньшее число страницъ. Всего выброшено нами около двухъ съ половиною печатныхъ листовъ и произведена виѣшняя передѣлка въ другихъ пяти или шести печатныхъ листахъ, — пропорція очень небольшая на восемь томовъ, заключающихъ въ себѣ до 225 печатныхъ листовъ, особенно когда мы подумаемъ о содержаніи книги, многіе отдѣлы которой сообщаютъ публикѣ первый подробный разсказъ объ историческихъ событіяхъ, остававшихся до той поры почти совершенно чуждыми русскому изложенію.

«Поддержка, найденная нашимъ предпріятіемъ въ публикѣ, достаточна, чтобы мы могли продолжать изданіе «Исторической Библіотеки»: теперь первые два года ея уже окупилась или почти окупилась, этого для насъ уже довольно. Мы намѣрены продолжать изданіе, но не хотѣли бы снова быть неисправны въ срокахъ выпуска слѣдующихъ томовъ; потому въ концѣ прошлаго года мы повременили и теперь еще видимъ надобность нѣсколько повременить принятіемъ подписки на третій годъ «Исторической Библіотеки», отлагая объявленіе о ней до той поры, когда лучше прежняго обезпечимъ своевременный выходъ томовъ нашего изданія».

ИСТОРІЯ

ИЗЪ-ЗА Г-ЖИ СВѢЧИНОЙ.

Никто болѣе насъ не радовался блестящему успѣху «Русскаго Вѣстника» и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобы успѣхъ этотъ продолжался и возрасталъ. Еще не такъ далеко время, когда подобныхъ чувствъ не питалъ у насъ одинъ журналъ къ другому; замѣна прежней завистливости доброжелательствомъ составляетъ въ нашей литературѣ фактъ довольно новый, и, сколько мы помнимъ, передъ публикою еще не излагались причины, которымъ надобно его приписывать, — по крайней мѣрѣ не излагались во всей полнотѣ. Дѣло произошло отъ того, что расширился кругъ предметовъ литературнаго обсуждения. Журналамъ и писателямъ, занятымъ серьезными вопросами, не остается времени предаваться потѣхамъ самолюбія, которыя почти однѣ оставались для нихъ прежде. Съ расширеніемъ содержанія журналовъ измѣнилось и ихъ отношеніе къ публикѣ, даже съ матеріальной стороны. Прежде, когда въ нашей журналистикѣ не было ровно ничего интереснаго для общества, кругъ читателей оставался одинъ и тотъ же: литература была счастлива уже и тѣмъ, что сохраняли къ ней вниманіе люди привлеченные къ чтенію въ предшествовавшее время, въ эпоху Гоголя и Бѣлинскаго; расширить кругъ интересующихся ею она не могла по ничтожности, какой подверглась въ годы, слѣдовавшіе за кончиной Бѣлинскаго. Говоря коммерческимъ языкомъ, общій рынокъ не расширялся и успѣхъ одного журнала могъ увеличиваться только на счетъ другаго. Въ послѣдніе годы стало не то: число людей интересующихся журналами по-

стоянно возрастаетъ, — конечно не въ такой быстрой пропорціи, какъ можетъ быть полагають панегиристы настоящаго, но все-таки возрастаетъ на столько, что кругъ читателей того или другаго журнала увеличивается не на счетъ другихъ журналовъ. Итакъ, у журналовъ теперь въ матеріальныхъ интересахъ нѣтъ причинъ къ враждебности, — напротивъ, даже съ коммерческой стороны каждый сколько нибудь поддерживаемый публикою журналъ имѣетъ причину радоваться успѣхамъ другаго журнала: успѣхи одного журнала расширяютъ общее число читателей, то есть готовятъ новыхъ читателей и для другихъ. Еще важнѣе другое обстоятельство: главнѣйшія изъ затрудненій, съ которыми должна бороться наша литература, одинаковы для всѣхъ журналовъ; возрастаютъ или уменьшаются для всѣхъ, возрастая или уменьшаясь для одного какого бы то ни было; такъ что каждый журналъ, борясь противъ нихъ, оказываетъ прямую услугу всѣмъ другимъ. Прежде этого не было. Не то, чтобы прежде не существовали затрудненія, существующія теперь, — напротивъ, они были несравненно больше, чѣмъ теперь; но самая чрезмѣрность ихъ изолировала журналы по отношенію къ нимъ. Препятствія простирались до того, что получали уже характеръ личныхъ отношеній, такъ что у cadaго журнала были свои частныя затрудненія, еще чувствительнѣйшія препятствія общихъ всей литературѣ; успѣхи или неудачи одного журнала въ этихъ мелочныхъ дѣлахъ не имѣли никакого вліянія на судьбу другихъ журналовъ. Теперь и въ этомъ отношеніи стало иначе. Мелкія затрудненія потеряли свою силу, остались только трудности одинаковыя для всѣхъ; успѣхъ или непріятность cadaго бываетъ слѣдствіемъ отношеній общихъ для всѣхъ, одинаково относится ко всѣмъ. Каждое увеличеніе силы «Русскаго Вѣстника» увеличиваетъ силу и «Отечественныхъ Записокъ», и «Библиотеки для Чтенія», и «Московскихъ Вѣдомостей», и всякой другой газеты, и всякаго другаго журнала. Словомъ сказать, положеніе дѣлъ стало таково, что и матеріальные и нравственные интересы всѣхъ литературныхъ органовъ находятся въ самой тѣсной связи.

При такихъ обстоятельствахъ потеряло всякій смыслъ прежнее мелочное соперничество, уничтожились причины прежней личной враждебности одного журнала къ другому. Всѣ органы литературы чувствуютъ себя помогающими одинъ другому. Журнальныя ссоры, какія бывали прежде, совершенно прекратились; теперь если бываетъ полемика, она ведется уже изъ-за идей, а не изъ личныхъ расчетовъ, и обыкновенно представляетъ даже для ведущихъ се журналовъ и ихъ читателей меньше интереса, чѣмъ продолжающееся вмѣстѣ съ нею дружное дѣйствованіе по вопросамъ одинаково пони-

маемымъ всею публикою и всѣми литературными органами; потому и самая полемика бываетъ кратковременна. Мало того, что она скоро прекращается, — даже въ то время, какъ идетъ она, она не дѣлаетъ двумъ полемизирующимъ журналамъ дружно трудиться для достиженія результатовъ гораздо важнѣйшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, чѣмъ полемическій вопросъ, о которомъ они заспорили между собою. Укажемъ въ примѣръ на полемику о происхожденіи русской сельской общины, занимавшую года три съ половиною тому назадъ «Русскій Вѣстникъ» и «Русскую Бесѣду». Ведя споръ по этому вопросу, «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда» одинаково стремились къ разъясненію идеи самоуправленія, къ реформамъ судопроизводства, къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, — къ вещамъ въ миллионъ разъ важнѣйшимъ для нихъ самихъ, чѣмъ какой бы то ни было взглядъ на происхожденіе русской общины. Позволимъ себѣ указать также на полемику объ общинѣ, только рассматриваемой въ другомъ отношеніи, происходившую между «Экономическимъ Указателемъ» и нашимъ журналомъ. Мы защищали общинное землевладѣніе, «Экономическій Указатель» находилъ пользу замѣнить его обращеніемъ общинныхъ земель въ частную собственность. Мы считали очень полезнымъ дѣломъ рѣшеніе вопроса въ нашемъ смыслѣ, но еще несравненно больше дорожили тѣмъ, чтобы русскій поселянинъ сталъ изъ человѣка, подлежащаго обязательному труду, работникомъ дѣйствительно свободнымъ; навѣрное и «Экономическій Указатель» считалъ освобожденіе поселянина вещь во сто разъ важнѣйшею той подробности освобожденія, о которой спорилъ съ нами. Не говоримъ уже о томъ, что помимо всего, имѣющаго какую нибудь связь съ предпочтеніемъ общиннаго землевладѣнія частной поземельной собственности или наоборотъ, существуютъ десятки очень важныхъ вопросовъ, въ которыхъ мы совершенно сочувствовали «Экономическому Указателю» и о которыхъ нашъ журналъ постоянно говорилъ точно въ такомъ же смыслѣ, какъ и «Экономическій Указатель». Подобно ему, мы говорили о вредѣ стѣсненій, о необходимости строгой экономіи, о необходимости полнѣйшаго обезпеченія имущественныхъ и личныхъ правъ, о необходимости гарантій хорошаго судопроизводства, хорошей администраціи для экономическаго развитія и одинаково съ нимъ понимали, въ чемъ должны состоять эти гарантіи.

Если же случайные споры по какимъ нибудь двумъ или тремъ частнымъ вопросамъ не имѣютъ въ глазахъ самихъ спорящихъ и тысячной доли того громаднаго значенія, какое принадлежитъ безчисленнымъ вопросамъ, о которыхъ всѣ литературные органы говорятъ одно и то же; если всѣ литературные органы соединены оди-

наковостью матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, то натурально, что всѣ мелочныя несогласія между ними никакъ не могутъ нарушать кореннаго, сильнѣйшаго отношенія между ними, состоящаго во взаимномъ доброжелательствѣ. Пусть не обманывается никто: русскіе писатели, русскіе журналы и газеты могутъ по временамъ спорить между собою, ихъ мнѣнія могутъ расходиться во многомъ, но все это не мѣшаетъ имъ въ сущности стремиться къ однимъ и тѣмъ же важнѣйшимъ цѣлямъ и каждому изъ нихъ находить свою собственную выгоду въ выгодѣ всѣхъ другихъ.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о господствѣ доброжелательныхъ отношеній между всѣми литературными органами, мы должны прибавить: что касается въ частности нашихъ чувствъ къ «Русскому Вѣстнику», то есть у насъ еще особенныя причины желать ему всевозможнаго успѣха. «Русскій Вѣстникъ» и нашъ журналъ служатъ представителями двухъ различныхъ принциповъ, и надобно сказать теперь, какъ мы сами понимаемъ отношеніе между ними. Мы думаемъ, что воззрѣнія, излагаемыя «Русскимъ Вѣстникомъ», готовятъ людей къ принятію воззрѣній, излагаемыхъ нами. Ошибаемся или нѣтъ въ этой мысли мы, дѣло иного рода, но имѣемъ эту мысль и намъ кажется, что она подтверждается ходомъ общественнаго сознанія во всѣхъ историческихъ эпохахъ, имѣвшихъ сходство съ тою, какую переживаетъ теперь русское общество; намъ кажется, что справедливость этой мысли основывается и на логическомъ законѣ развитія общественныхъ стремленій. Когда человѣкъ долженъ идти отъ отсутствія всякой дѣльной мысли къ ясному сознанію своихъ дѣлъ и средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, онъ не можетъ съ разу сдѣлать окончательнаго вывода: полная истина была бы слишкомъ сурова для него, ея требованія показались бы ему превышающими его силы. Онъ идетъ къ ней постепенно, отдыхая на перепутьи. Намъ кажется, что такимъ перепутьемъ для мысли служатъ воззрѣнія, которыхъ держится «Русскій Вѣстникъ», что они хороши для пробужденія людей изъ совершенной летаргіи, для вовлеченія ихъ въ умственный процессъ. Степень сознанія, на которую ведетъ «Русскій Вѣстникъ», не такъ высока надъ уровнемъ нашей рутинны, чтобы очень трудно было восходить на нее. А когда человѣкъ взойдетъ на нее, ему уже не очень далеко остается подняться и на слѣдующую ступень, на которую прямо стать было бы ему трудновато. Пусть проститъ насъ «Русскій Вѣстникъ», но мы считаемъ его очень полезнымъ для насъ подготовителемъ серьезныхъ людей къ принятію нашихъ понятій: мы считаемъ его педагогическимъ учрежденіемъ, въ которомъ читается приготовительный курсъ.

При такомъ понятіи объ отношеніи возарфній «Русскаго Вѣстника» къ нашимъ, мы натурально должны дорожить его успѣхомъ въ публикѣ. Пусть приговорительный курсъ читается какъ можно лучше, пусть онъ привлекаетъ къ себѣ какъ можно больше слушателей: тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ большее количество людей почувствуетъ надобность къ дальнѣйшему изслѣдованію предметовъ, которое, какъ мы думаемъ, ведетъ мысль къ понятіямъ излагаемымъ нами. Понятно теперь, какое чувство возбуждается въ насъ обстоятельствами, отъ которыхъ предвидится вредъ для «Русскаго Вѣстника»: всякое ослабленіе столь полезнаго помощника было бы для насъ такою же потерей, какъ для него самаго. Система невмѣшательства въ чужія дѣла, проповѣдуемая «Русскимъ Вѣстникомъ», служить основаніемъ и нашей системы; но есть случаи крайней необходимости, когда невмѣшательство было бы уже дурною беззаботностью, когда не извинительно было бы не подать помощи. Нѣсколько разъ «Русскій Вѣстникъ» наносилъ себѣ вредъ и мы молчали, полагая, что онъ самъ замѣтитъ неразсчетливость поступковъ, вредившихъ ему. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе мѣсяцы онъ повторилъ прежнюю ошпбку, и мы полагаемъ, что надобно, наконецъ, сказать ему: остерегитесь, вы сильно вредите себѣ. Быть можетъ, онъ найдетъ нашъ совѣтъ неумѣстнымъ, обидится тѣмъ, что мы просимъ его подумать о послѣдствіяхъ его системы дѣйствій. Если бы случилось такъ, если бы вмѣсто признательности мы возбудили въ немъ лишь неудовольствіе, это послужило бы только сильнѣйшимъ доказательствомъ основательности нашего мнѣнія, что онъ нуждается въ доброжелательномъ совѣтѣ. Онъ можетъ сердиться на насъ, если ему угодно; но мы увѣрены, что, съ досадою или съ признательностью, онъ извлечетъ себѣ пользу изъ представляемыхъ нами соображеній, а его польза — наша польза.

Изложимъ дѣло, принудившее насъ напомнить «Русскому Вѣстнику» объ источникахъ его силы и надобности не изсушать ихъ.

Поводъ, изъ котораго возникло это дѣло, самъ по себѣ очень не важенъ, — такъ не важенъ, что нѣтъ особеннаго интереса даже и разбирать, чье мнѣніе объ спорномъ вопросѣ, о достоинствѣ характера и сочиненій покойной Свѣчины, — справедливѣе: мнѣніе г-жи Туръ, или редакціи «Русскаго Вѣстника». Пусть себѣ Свѣчина была превосходнѣйшая женщина, величайшая мыслительница, — изъ насъ никому отъ этого ни тепло, ни холодно: жила она не среди насъ, дѣйствовала не на насъ, читать ея произведеній русская публика не станетъ, пользы изъ нихъ не извлечетъ, хотя бы они и были полезны обществу и какому нибудь иному, которое можетъ ими заинтересоваться. Пусть, наоборотъ, она была очень дурная женщина и плохая писательница, —

нашъ—то какая оттого печаль или радость? Спорить объ этомъ все равно, что о томъ, храбрый ли воинъ былъ Мортагонъ, князь Болгарскій. Если случится охота, почему и не поспорить?—дѣло невинное; но принимать тутъ къ сердцу ровно нечего, браниться изъ-за такого спора не зачѣмъ, а у постороннихъ людей и желанія не будетъ разбирать, чье мнѣніе о качествахъ Мортагона основательнѣе. Но если покойная Свѣчина столь же близка сердцу русской публики, какъ Мортагонъ, князь Болгарскій, то тѣмъ не пріятнѣе, что поднятъ гвалтъ, возникли взаимныя обиды между полезными и почтенными людьми изъ-за такого неважнаго предмета. Мы не хотимъ разбирать, редакція ли «Русскаго Вѣстника» или г-жа Туръ основательнѣе судить о Свѣчинной; но если бъ и захотѣли разобрать, то не могли бы, по самый простой причинѣ: мы не видимъ большой разницы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ спорящими. На основные вопросы, отъ которыхъ зависитъ взглядъ на дѣло, смотрятъ они одинаково. Г-жа Туръ говоритъ: «Свѣчина достойна порицанія за то, что измѣнила родительской церкви»,—редакція «Русскаго Вѣстника» говоритъ то же самое. Редакція «Русскаго Вѣстника» прибавляетъ: «но существовали въ воспитаніи Свѣчинной обстоятельства, служащія ей извиненіемъ»,—г-жа Туръ уже и прежде говорила тоже самое. Г-жа Туръ высоко цѣнитъ благотворность христіанской религіозности,—редакція «Русскаго Вѣстника» цѣнитъ столь же высоко. Прискорбно, что люди, столь сходящіеся въ образѣ мыслей, разошлись по несоблюденію внѣшнихъ формъ. Воздавая должную похвалу религіозности образа мыслей одной изъ поднявшихъ споръ сторонъ, нельзя не воздать точно такой же похвалы и другой сторонѣ, столь же справедливой въ своей религіозности. Итакъ, если мы хотимъ разобрать дѣло, то не по его содержанію, а единственно по его формѣ и по тѣмъ послѣдствіямъ, какія порождены были формою дѣйствій, которой слѣдовала одна изъ вовлекшихся въ непріязнь сторонъ.

Въ № 7 «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ была напечатана статья г-жи Евгеніи Туръ «Госпожа Свѣчина». Сколько мы можемъ судить, эта статья ничѣмъ не отличалась отъ многочисленныхъ другихъ статей г-жи Евгеніи Туръ, помѣщавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и соответствовала направленію, господствовавшему въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но редакція «Русскаго Вѣстника» почла нужнымъ сдѣлать въ концѣ этой статьи слѣдующую прибавку:

«Печатаая эту интересную статью, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что не раздѣляемъ всѣхъ сужденій ея даровитаго автора. Намъ кажутся они нѣсколько односторонними и не совсѣмъ справедливыми. Можетъ быть они вызваны, какъ реакція, чрезвычрными восторгами поклонниковъ г-жи Свѣчинной; но если несправедлива одна крайность, то

также несправедлива и другая. Статья г-жи Туръ очень интересна, но едва ли даетъ совершенно вѣрное понятіе о предметѣ, ее вызвавшей. Жаль, что вмѣсто мелкихъ афоризмовъ, ваятыхъ изъ *Airelles*, и писанныхъ Свѣчиною еще въ 1811 году, на первой порѣ ея жизни, критикъ не выбралъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, изъ ея разсужденія: *Le progrès, la civilisation et le christianisme*. Вообще жаль, что критикъ выбиралъ изъ сочиненій автора только то, что казалось ему слабымъ и могло бросить тѣнь на автора, не касаясь другихъ сторонъ, которыя могли представить его въ лучшемъ свѣтѣ или по крайней мѣрѣ подать поводъ къ серьезному обсужденію. Религиозный интересъ, если онъ искрененъ и не соединяется съ фанатизмомъ, заслуживаетъ уваженія не только во мнѣніи людей религиозныхъ, хотя бы и другихъ вѣровсповѣданій, но и во мнѣніи тѣхъ, кто къ этому интересу равнодушенъ».

Надобно отдать справедливость тону этого замѣчанія: онъ не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Но тѣмъ не менѣе замѣчаніе должно было удивить г-жу Евгенію Туръ, которая, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣла, вовсе не была предупреждена редакціею «Русскаго Вѣстника» о надобности сдѣлать къ ея статьѣ такую оговорку. Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ никакихъ постановленій о правилахъ соблюдаемыхъ между редакціею журнала и постоянными его сотрудниками, но правила эти извѣстны каждому и постоянно соблюдаются. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ постоянными своими сотрудниками, редакторы имѣютъ много случаевъ переговорить съ ними обо всемъ, что пужно; отношенія между людьми, столь близкими какъ редакторы и постоянные сотрудники, не допускаютъ никакихъ непріятныхъ сюрпризовъ ни съ той, ни съ другой стороны: обо всемъ говорится заблаговременно, говорится откровенно. Редакція «Русскаго Вѣстника» сдѣлала ошибку, не предупредивъ г-жу Евгенію Туръ, что не совѣмъ согласна съ нѣкоторыми мѣстами ея статьи и думаетъ сдѣлать печатную оговорку о томъ. Отступленіе отъ обычнаго и совершенно удобнаго способа дѣйствій въ этомъ случаѣ конечно должно было оскорбить г-жу Туръ, показаться ей неделикатностью или даже пренебреженіемъ. Какая же польза обижать людей безъ всякой надобности, особенно если эти люди имѣютъ нѣкоторыя права на нашу признательность? Поступокъ, которымъ была оскорблена г-жа Евгенія Туръ, былъ сдѣланъ публично, и естественнымъ образомъ она должна была такъ же публично потребовать объясненія ему. Она прислала къ редактору «Русскаго Вѣстника» для нанечатанія письмо по поводу оговорки, сдѣланной къ ея статьѣ. Письмо написано умѣреннымъ тономъ, въ деликатныхъ выраженіяхъ. Г-жа Евгенія Туръ не позволяла себѣ въ немъ никакихъ колюостей, и если старалась показать, что оговорка, послужившая такимъ неловкимъ сюрпризомъ для нея, была непослѣдователь-

ностью со стороны самой редакціи или происходила отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ статьи, то, что же было дѣлать г-жѣ Евгеніи Туръ? Она была поставлена въ необходимость сказать это.

«М. Г. Вамъ угодно было,— писала г-жа Туръ,—сдѣлать примѣчаніе къ статьѣ моей о г-жѣ Свѣчиной, помѣщенной въ 7 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Въ примѣчаніи этомъ вы сперва выражаете мысль, что не согласны со мною во взглядѣ на г-жу Свѣчину (п т. д., г-жа Туръ перечисляетъ упреки, сдѣланныя редакціею ея статьѣ). Всѣ обвиненія эти, являющіяся къ тому, чтобы читатели заподозрили меня въ недобросовѣстности, какъ критика, вмѣшаютъ мнѣ въ ненабѣжную обязанность опять говорить о г-жѣ Свѣчиной, о которой, казалось, я уже достаточно подробно высказала свое мнѣніе. Приговоръ свой о г-жѣ Свѣчиной я продолжаю считать и справедливымъ и безпристрастнымъ; отъ замѣчанія редактора не можетъ внезапно измѣниться мнѣніе, составившееся благодаря внимательному чтенію біографіи и сочиненій женщины, о которой идетъ рѣчь. Мало того, я иду дальше, и утверждаю, что если бы вы, м. г., дали себѣ трудъ *внимательно прочесть* біографію г-жи Свѣчиной и серьезно познакомиться съ ея сочиненіями, вы не разошлись бы со мною во взглядѣ. Это предположеніе я основываю на данныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появился *Русскій Вѣстникъ*, я исключительно, до сего года, въ немъ одномъ имѣла честь помѣщать статьи мои, потому именно, что взглядъ и убѣжденія редакціи сходились какъ нельзя больше съ моими собственными. Какимъ же образомъ могли мы вдругъ разойтись въ воззрѣніи на лицо, характера не сложнаго, на сочиненія, насквозь пропитанныя такими убѣжденіями, на которыя всѣ образованные люди, кромѣ католическихъ фанатиковъ, не могутъ не смотрѣть одинаково? Это какое-то чудо. Что нибудь одно: или мои мнѣнія, безъ моего вѣдома, круто повернулись въ другую сторону, либо вы сами, чѣмъ еще страннѣе при званіи редактора, вступили на иную, совершенно противоположную дорогу. Посмотримъ, кто изъ насъ измѣнилъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ, достаточно извѣстнымъ публикѣ по нашей долготѣлнейшей дѣятельности на литературномъ полѣ.»

Вы отрицаете то, что я не сдѣлала выписокъ изъ трактата Свѣчиной *le Christianisme etc.*, говорить г-жа Туръ: — посмотримъ, что это за трактатъ.

«Мы должны во-первыхъ поставить на видъ читателямъ, что... разсужденіе *le Christianisme, le progrès et la civilisation* состоитъ всего только изъ 13½ страницъ весьма крупной печати.»

Но, говорить г-жа Евгеніи Туръ, быть можетъ, качествомъ вознаграждается количество, — и она очень подробно разбираетъ трактатъ въ 13½ страницъ, за невниманіе къ которому заслужила порицаніе редакціи «Русскаго Вѣстника»; оказывается, что всѣ эти странички слѣплены изъ обыкновенныхъ общихъ мѣстъ, повторенныхъ каж-

дѣль французскимъ ультрамонтанцемъ. По словамъ г-жи Евгеніи Туръ, обнаруживается, что эти 43½ странички — просто «ураженіе» французской пансіонерки на тему, заданную католическимъ «помощникомъ» заслужившее его одобреніе».

«Но, — продолжаетъ г-жа Евгеніа Туръ, — заслуживаетъ ли оно одобреніе редактора *Русскаго Вѣстника* — это другой вопросъ, и мы представляемъ его на судъ читателей. Что касается до насъ, намъ невозможно думать, чтобы мы расходились съ вами такъ резко въ своихъ убѣжденіяхъ: возникшее несогласіе мы готовы объяснить болѣе простыми причинами. Вѣроятно, м. г., вы не потрудились пронести сама этого прословутый трактатъ: *le Christianisme, le progrès et la civilisation*....»

«Что касается до обвиненія въ томъ, что мы не умѣли оцѣнить религіознаго чувства г-жи Свѣчиной, (такъ заключаетъ свое письмо г-жа Туръ) то обвиненіе это еще болѣе голословно. Искреннее религіозное чувство достойно несомнѣнно всякаго уваженія — это истина, которую излишне было бы доказывать въ наше время... Но вы сами говорите, что религіозное чувство, если оно предъ собой являетъ права на уваженіе, не должно быть соединено съ фанатизмомъ; а въ томъ то и дѣло, что въ г-жѣ Свѣчиной фанатизмъ умѣлъ какъ-то хитро ужиться съ тщеславіемъ. Г-жа Свѣчина не была только религіозная женщина; она была однимъ изъ корифеевъ, вѣрикадьной партіи: свобода, отечество, наука, прогрессъ для нея не существовали; интересы папской власти и той части французскаго духовенства, которая стоитъ во главѣ такъ-называемой ультрамонтанской партіи, были ея исключительными интересами. Отъ партіи этой давно уже отшатнулись во Франціи, какъ вамъ извѣстно, всѣ люди, которые, будучи искренними католиками, дорожатъ въ то же время и плодами современной цивилизаціи. Если, м. г., такіе люди, какъ Ламенне, искренніе католики, отступались съ ужасомъ отъ темнаго ученія, которымъ проникнута г-жа Свѣчина, то вы можете съ спокойною совѣстью не принимать на себя защиты ея памяти отъ совершенно справедливыхъ нареканій.»

Редакція «Русскаго Вѣстника» по всей вѣроятности не предвидѣла такого результата, когда дѣлала свое примѣчаніе къ статьѣ г-жи Туръ. Редакція конечно полагала, что не возникнетъ печатной полемики изъ-за этого примѣчанія, иначе она конечно справилась бы съ содержаніемъ трактата г-жи Свѣчиной, за невниманіе къ которому порицала г-жу Туръ; а письмо г-жи Туръ наводитъ на мысль, что редакція похвалила этотъ трактатъ по простой догадкѣ, не потрудившись заглянуть въ него. Послѣдующій документъ о томъ же дѣлѣ, напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», совершенно подтверждаетъ, какъ мы увидимъ, такую мысль: изъ него видимъ, что редакція порицала г-жу Туръ, не справившись хорошенько ни съ книгою, о которой писала, ни съ другими источниками, по которымъ

писала г-жа Туръ. Эта вторая неосмотрительность, прибавившись къ первой неосмотрительности, по которой была сдѣлана оговорка безъ предувѣдомленія г-жи Туръ, поставила редакцію «Русскаго Вѣстника» въ положеніе невыгодное. Но, какъ бы то ни было, вредъ, нанесенный редакціи двумя этими ошибками, не былъ еще неисправимымъ. Г-жа Туръ только считала нужнымъ защитить себя передъ публикой, и редакціи «Русскаго Вѣстника», обманувшейся въ своемъ предположеніи о томъ, что оговорка къ статьѣ г-жи Туръ останется безъ послѣдствій, и о томъ, что у г-жи Свѣчиной есть сочиненія дѣйствительно замѣчательныя, — редакціи «Русскаго Вѣстника» легко было бы загладить свою несправедливость относительно г-жи Туръ какимъ нибудь прямудушнымъ объясненіемъ, удовлетворительнымъ для сотрудника, понапрасну и неосновательно оскорбленнаго; тонъ письма г-жи Туръ показываетъ, что она готова была бы удовлетвориться самымъ безобиднымъ для редакціи прекращеніемъ непріятностей. Редакціи довольно было бы написать: мы не думали оскорблять г-жу Туръ; о предметахъ, которыхъ касалось наше замѣчаніе, каждый можетъ думать по своему; мы остаемся при своемъ мнѣніи, г-жа Туръ можетъ оставаться при своемъ, ссориться намъ съ нею изъ-за г-жи Свѣчиной рѣшительно не стоитъ. Если бы редакція «Русскаго Вѣстника» отвѣчала на письмо г-жи Туръ въ этомъ смыслѣ и деликатнымъ тономъ, тѣмъ дѣло и прекратилось бы, непріятность была бы забыта, хорошія отношенія восстановлены. Редакція «Русскаго Вѣстника» предпочла поступить иначе: она отвѣчала на письмо г-жи Туръ очень длиннымъ оскорбительнымъ разсужденіемъ, наполненнымъ колкостями, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень грубыми личными обидами уже не писательницы, а женщины. Какими побужденіями руководилась редакція «Русскаго Вѣстника» при такомъ поступкѣ, мы не хотимъ говорить теперь: соображенія объ этомъ представлены статьею «Московскихъ Вѣдомостей», отрывки изъ которой читатель найдетъ ниже. Теперь познакоимся пока съ вѣншимъ фактомъ, съ отвѣтомъ «Русскаго Вѣстника» на письмо г-жи Туръ. Письмо г-жи Туръ было напечатано въ 8 № «Русскаго Вѣстника» и въ томъ же номерѣ помѣщенъ длинный отвѣтъ на него, занимающій цѣлыхъ двадцать страницъ. Перепечатывать его весь мы не имѣемъ возможности; ограничимся нѣсколькими мѣстами.

«Г-жа Евгенія Туръ (говоритъ редакція «Русскаго Вѣстника») доставила намъ статью по поводу книги г. де-Фаллу: *Madame Swetchine*. Несмотря на безпокойство своего тона, несмотря на нѣкоторыя очевидныя излишества, статья эта, весьма интересно и живо написанная, не представляла, со стороны общаго образа мыслей, препятствій къ помѣщенію ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы дали слово напечатать ее

въ ближайшей книжкѣ; но прежде чѣмъ рѣшились окончательно написать эту статью къ печати, нашли не лишнимъ сравниться съ недавно-полученною въ Москвѣ книгою, по поводу которой статья написана и которой мы еще не имѣли въ рукахъ. Справка эта убѣдила насъ въ крайней невѣрности тона и многихъ сужденій статьи. Къ сожалѣнію, время не позволяло отложить ея печатаніе и замѣнить ее другою. Намъ осталось лишь заявить наше разногласіе съ авторомъ, что мы и сдѣлали въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ, совершенно неоскорбительныхъ, и даже, быть можетъ, слишкомъ уклончивыхъ.»

Какъ портится дѣло редакціи «Русскаго Вѣстника» самою редакціею. Развѣ нужна ей, пріятна ей была ссора съ сотрудникомъ, такъ долго и такъ много помогавшимъ ей? Къ чему же эти обидныя слова о «безпокойствѣ тона», къ чему объяснять дѣло такъ, что объясненіемъ напрасно увеличивается непріятность, нанесенная г-жѣ Туръ? «Время не позволяло замѣнить этой статьи другою...» Къ чему такія слова? Зачѣмъ дѣлала редакція «Русскаго Вѣстника» намекъ, что «Русскій Вѣстникъ» печаталъ статьи г-жи Туръ только по недостатку другихъ статей, по невозможности замѣнить ихъ чѣмъ нибудь лучшимъ, что онѣ составляли журнальный баластъ, печатались лишь для наполненія извѣстнаго числа листовъ въ книжкѣ?

«Но г-жа Евгенія Туръ, — продолжаетъ редакція «Русскаго Вѣстника», — прислала намъ для печатанія письмо, которое и напечатано нами въ этой книжкѣ. Она протестуетъ, она вызываетъ къ нашимъ убѣжденіямъ, грозитъ намъ отлученіемъ отъ общества образованныхъ людей, упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ. Она зоветъ насъ на судъ общественнаго мнѣнія. Мы являемся, но предупреждаемъ, что передъ судомъ всякая уклончивость была бы неумѣстна, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту.»

Опять спрашиваемъ, зачѣмъ все это? Зачѣмъ было говорить, «г-жа Евгенія Туръ упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ», когда она просто говорила: напрасно вы порицали меня, не справившись; если бы вы справились, вы согласились бы со мной, что сочиненія г-жи Свѣчиной плохи? Къ чему придавать размѣръ важныхъ взаимныхъ обвиненій несогласію, которое до сихъ поръ имѣло видъ невиннаго литературнаго, или, лучше сказать, библиографическаго спора? И къ чему эта громкая фраза: «она зоветъ насъ на судъ; мы являемся, но предупреждаемъ, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту?» Развѣ дѣло шло о преступленіяхъ, или о гнусностяхъ, низостяхъ? Дѣло пока шло только объ ошибкахъ людей, но вовсе не безчестящихъ никого. Зачѣмъ же повертывать его такъ, какъ будто подвергается безславію тотъ, кто окажется неправымъ? Горячность тѣмъ болѣе опрометчивая, что всѣ

щасы, уютиа въ спорѣ не изъ сторонѣ редакціи, такъ раздувающей его развѣры, бывшіе въ началѣ ничтожными.

«Редактору «Русскаго Вѣстника» (продолжаетъ редакція) очень пріятно узнать, что его убѣжденія сходились со взглядами и убѣжденіями г-жи Евгени Туръ, хотя онъ съ своей стороны и не беретоя съ точностію опредѣлить, въ какой мѣрѣ сходились. Но къ чему тутъ убѣжденія, когда дѣло вовсе не въ убѣжденіяхъ, а въ простой справедливости? Никакія убѣжденія не оправдываютъ несправедливости. Мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, есть, по нашему мнѣнію, или, если угодно, по нашему убѣжденію, то же, что и поступокъ, и мы искренно желаемъ, чтобы убѣжденія г-жи Евгени Туръ сходились съ нашими и въ этомъ отношеніи».

Опять какое ошибочное желаніе язвить противника безъ всякой пужды. Г-жа Туръ просто говорила: мы съ вами всегда сходились въ убѣжденіяхъ, посудите же, какая вѣроятность, чтобы я вдругъ написала статью, рѣзко противорѣчившую вашимъ убѣжденіямъ, — ей на это отвѣчаютъ: «очень пріятно узнать, что ваши убѣжденія сходились съ нашими, хотя мы, съ своей стороны, не беремъ съ точностію опредѣлить, на сколько сходились», — что это такое значитъ? Что это такое, если не колкій, презрительный намекъ на то, что убѣжденія г-жи Туръ всегда казались дурными редактору «Русскаго Вѣстника»? Къ чему это объявленіе, что вы напрашиваетесь въ сотоварищество со мной, но я отвергаю подобныхъ людей? Дальше еще лучше: «мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ». Къ чему это провозглашеніе, что статья г-жи Туръ была дурнымъ дѣломъ въ нравственномъ отношеніи? Что же это такое: воровство, разбой, поджогъ? За обвиненіями въ преступленіяхъ слѣдуютъ насмѣшки.

«Г-жа Евгени Туръ поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ мрака и зла — прекрасная цѣль. Она хочетъ всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, изобличать лжеученія панизма — въ добрый часъ» (стр. 470), —

гдѣ въ статьѣ г-жи Туръ или въ письмѣ ея мѣста, дающія право на такія насмѣшки? Этимъ тономъ проникнуть весь отвѣтъ редакціи. Чего тутъ нѣтъ! Главнымъ источникомъ насмѣшекъ служить тонкое противоположеніе похвальныхъ качествъ Свѣчковой съ качествами, которыя, какъ слѣдуетъ изъ намековъ, надобно чпувательно предполагать въ г-жѣ Туръ, — уловка очень легкая, но могущая только быть выраженіемъ наивности оскорбить г-жу Туръ, а въ самомъ дѣлѣ неразчетливая даже и въ этомъ отношеніи: сравненіе

съ Свѣчницей не можетъ не быть выгоднымъ не только для Г-жи Туръ, но и для какой женщины. Хвастство и фанатизмъ — это такіа качества, что быть уличеннымъ въ недостатки ихъ значить уже очень много выиграть во мнѣніи порядочныхъ людей. Вотъ изъ отвѣта редакціи «Русскаго Вѣстника» отрывки, могущіе дать понятіе о предметѣ, на который нападала статья г-жи Туръ и защиту котораго приняла на себя редакція «Русскаго Вѣстника».

«Свѣчина, никогда не отличалась фанатизмомъ; умъ ея былъ открытъ и знакомъ съ литературами всѣхъ образованныхъ народовъ, даже съ произведеніями древнихъ; она обладала высокимъ образованіемъ.... Напрасно также стади бы мы искуать этой черты (фанатизма) въ ея сочиненіяхъ.... въ этихъ писаніяхъ нѣтъ и признака религіозной нетерпимости, нѣтъ никакого мрачнаго ученія. Въ нихъ нѣтъ апологіи папизма какъ папизма, нѣтъ или почти нѣтъ сближеній съ другими вѣроисповѣданіями.... Писанія ея имѣють общій религіозный характеръ, и большая часть сказаннаго ею могла быть сказана всякимъ религіознымъ челоѣкомъ, православнымъ или протестантомъ.

«Упрекая Свѣчину въ фанатизмъ, критикъ въ то же время укоряетъ ее за какую-то холодность сердца, хотя все, что известно о жизни этой женщины и все, что ею написано, свидѣтельствуетъ объ удивительной горячности, съ какою она посвящала себя главному интересу своей жизни, религіи и дѣламъ милосердія. Правда, Свѣчина не занималась любовными дѣлами. Но неужели только въ одномъ этомъ можетъ проявляться горячность? Неужели для челоѣка, и даже для женщины, ни въ чемъ имомъ нельзя проявить горячность сердца?

«Молодая Софья Соймонова не знала ни какой религіи... Впервые заговорило въ ней религіозное чувство, когда она встрѣтилась съ де-Мэстромъ. Но не свидѣтельствуетъ ли въ пользу ея природы то, что среди пустоты и мелочей свѣтской жизни, она могла съ такою силой сосредоточиться въ интересѣ глубокомъ и внутреннемъ, къ какой бы сферѣ ни принадлежалъ этотъ интересъ? Не замѣчательное ли явленіе — эта молодая свѣтская женщина, принятая ко двору, съ напряженіемъ изучающая богословскіе фолианты? Можетъ быть, она могла бы лучше употребить свои силы, чѣмъ на чтеніе книгъ, которыя ей сообщалъ де-Мэстръ; но все-таки несравненно лучше употребила она ихъ, чѣмъ многія натуры, *широкія и узкія*, которыя вращались въ той средѣ, гдѣ она родилась и откуда ушла.»

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями отвѣта, напечатаннаго редакціею «Русскаго Вѣстника», да намъ и не нужно этого, потому что мы обращаемъ вниманіе не на содержаніе, а только на форму спора. Замѣтимъ только, что редакція очень подробно говоритъ о томъ, что г-жа Туръ «подбирала» только «маленькія черточки», которыя могли «выставить г-жу Свѣчину въ смѣшномъ

видѣ, тщательно избѣгая всего, что могло бы быть истолковано въ ея пользу». Одна изъ главныхъ рекомендацій уму и гуманности Свѣчиной представляется, по словамъ редакціи, тѣмъ, что Токвилль высоко цѣнилъ ея дружбу:

«Токвилль въ своихъ письмахъ относится къ Свѣчиной не просто какъ къ почтенной и доброй старушкѣ, онъ видитъ въ ней зрѣлое сильное разумѣніе, представляетъ на судъ ея свою мысль, подвергаетъ ея критикѣ свои идеи, тѣ самыя идеи, которыя такъ высоко отличали его между современными писателями Франціи, можно сказать Европы. Между прочимъ, онъ доказываетъ ей въ этихъ письмахъ необходимость, чтобы духовенство принимало болѣе живое и дѣятельное участіе въ интересахъ своей страны и въ вопросахъ политическихъ, соглашался съ ней, что вліяніе духовенства, равно какъ и вліяніе женщины, должно простираться преимущественно на общіе и внутренніе источники дѣйствій, не вмѣшиваясь въ ихъ внѣшнія и частныя проявленія...»

«Итакъ, мы не только имѣли полное право, но были обязаны сказать подъ статью г-жи Евгеніи Туръ, что она судила односторонне и несправедливо. Мы выразились уклончиво и мягко, мы сказали: *несколько односторонне и не совсемъ справедливо*; читатели имѣютъ полное право упрекнуть насъ теперь, зачѣмъ не сказали мы: *крайне односторонне и слишкомъ несправедливо*.»

Послѣ приводятся выписки изъ сочиненій Свѣчиной, въ доказательство тому, что г-жа Туръ не вѣрно переводила или пересказывала ихъ, а потомъ другія, очень длинныя выписки, доказывающія, по мнѣнію редакціи Русскаго Вѣстника, что въ сочиненіяхъ Свѣчиной есть глубокомысліе и религиозное чувство, заслуживающее большаго уваженія, и что вообще г-жа Туръ была несправедлива къ дамѣ, превозносимой французскими ультрамонтанцами. Длинное возраженіе заканчивается словами:

«Все это г-жа Евгенія Туръ называетъ упражненіемъ пансіонерки на тему, заданную католическимъ попомъ. Ударъ энергическій, — но на кого онъ падаетъ? Что доказывается этимъ сильнымъ словомъ?»

Да, хорошо было бы впередъ знать Редакціи «Русскаго Вѣстника», на кого упадетъ ударъ, — тогда она остереглась бы поднимать дѣло, которое вело къ удару, потому что онъ былъ долженъ упасть не на г-жу Туръ, какъ думала редакція, а на самую редакцію. Ударомъ этимъ была статья, напечатанная въ № 109 «Московскихъ Вѣдомостей». Тономъ своимъ она совершенно гармонируетъ съ тономъ отвѣта редакціи «Русскаго Вѣстника» на письмо г-жи Туръ. Самое заглавіе статьи подписанной псевдонимомъ «Май» (очевидно для напоминовенія о знаменитомъ нѣкогда псевдонимѣ Бай-Борода), говоритъ о ея жолчности: она называется «Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ «Русскаго Вѣстника». Она также длинна, какъ

отвѣтъ редакціи «Русскаго Вѣстника» на письмо г-жи Туръ, писана съ большими, вообще неудачными претензіями на остроуміе и но литературному достоинству гораздо слабѣе отвѣта редакціи Русскаго Вѣстника на письмо г-жи Туръ, а тѣмъ болѣе самого письма г-жи Туръ. Вотъ начало, по которому читатель можетъ видѣть, что неизвѣстный авторъ статьи не слишкомъ большой мастеръ острить, шутить и колоть.

«4-го мая нынѣшняго года на поляхъ «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника» произошла кровавая битва. Кичливый подданный дерзнулъ поднять противъ своего властителя знамя возстанія. Могучій властитель запылалъ гнѣвомъ и вывелъ противъ мятежника свои военныя силы, закаленные въ многихъ сраженіяхъ подобнаго рода. Офиціальныя извѣстія говорятъ о блистательной побѣдѣ. Гонимыя счастливаго властелина разносятъ на всѣ стороны молву о новомъ громоносномъ его подвигѣ. Полуофиціальныя сателиты его увѣряютъ, что строптивый мятежникъ совершенно *уничтоженъ*. Толпа, любящая всегда сильныя удары, рукоплещетъ и ликуетъ о побѣдѣ. Посреди этихъ всеобщихъ ликованій, среди поздравительныхъ адресовъ отъ разныхъ классовъ, побѣдитель покоится на лаврахъ и вкушаетъ сладкій нектаръ торжества. Онъ смотритъ съ гордостью на свое дѣло, увѣренный, что такое жестокое наказаніе упрочитъ навсегда его власть, послужитъ спасительнымъ примѣромъ для другихъ непокорныхъ подданныхъ, и что съ этихъ поръ въ государствѣ «Русскаго Вѣстника» царствовать будетъ тишина и порядокъ. Мы были далеко, когда дошли до насъ первые глухіе слухи объ этихъ важныхъ событіяхъ. Опытъ послѣднихъ годовъ, частое появленіе политическихъ и военныхъ *утокъ*, приучило насъ къ нѣкоторой недовѣрчивости насчетъ извѣстій о современныхъ событіяхъ, особенно насчетъ извѣстій о разныхъ побѣдахъ.»

Неизвѣстный авторъ статьи тяжеловатъ въ своихъ шуткахъ и полемизируетъ вообще неудачно. Но посмотрите, въ какое неловкое положеніе поставила себя редакція Русск. Вѣст.: даже отъ неискусной руки этого слабого противника «падаютъ» на нее тяжелые «удары».

«Съ нѣкотораго времени странныя дѣла совершаются въ этомъ почтенномъ журналѣ (говоритъ «Май»). Столкновеніе г-жи Евгени Туръ съ редакціею «Русскаго Вѣстника» есть только послѣднее явленіе въ длинномъ рядѣ фактовъ, изъ которыхъ многіе похоронены во мракѣ неизвѣстности, и только три доведены до общаго свѣдѣнія посредствомъ печати. Редакція «Русскаго Вѣстника»... обнаруживаетъ... оригинальный образъ дѣйствій... Безъ вѣдома и согласія авторовъ, она дѣлаетъ въ нихъ (въ статьяхъ) пропуски, руководясь въ этомъ совершенно загадочными соображеніями, или же снабжаетъ статьи своими собственными «олукубраціями» и навязываетъ сотрудникамъ разныя порожденія своей фантазіи. Почтенные авторы, получая книжки «Русскаго Вѣстника», не узнаютъ своихъ собственныхъ произведеній: одни изъ нихъ удивляются ихъ

презвычайно худощавому основанію, другіе съ наущеніемъ находятъ къ нимъ такіа вещи, о которыхъ и во снѣ не мечтали. Другой оригинальный приемъ редакціи состоитъ въ томъ, что она помѣщаетъ въ своемъ журналѣ статьи, и тутъ же сама пишетъ критики на эти статьи, протестуетъ противъ нихъ, доказываетъ автору, какъ сильно онъ ошибается и причисляетъ его къ той или другой категоріи отверженныхъ ею людей. Третій, еще болѣе оригинальный приемъ заключается въ томъ, что редакція печатаетъ въ концѣ статей замѣтки, въ которыхъ говоритъ автору разныя иррауоченія и дѣлаетъ злобные намеки. Словомъ, редакція становится какимъ-то особеннаго и еще небывалаго рода исправительнымъ домомъ и заведеніемъ для улучшения нравственности своихъ сотрудниковъ.»

Примѣромъ перваго приема выставляется исторія урѣзанной, безъ согласія автора, редакціею «Русскаго Вѣстника» статьи г. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ; примѣромъ втораго приема — примѣчанія, которыми исправляла редакція «Русскаго Вѣстника» статью г. Утина, «Очеркъ историческаго-образованія суда присяжныхъ въ Англіи» и выговоръ ему, отъ редакціи, напечатанный подъ заглавіемъ Nil admirari; примѣромъ третьяго приема — замѣчаніе, придѣланное къ статьѣ г-жи Туръ. Въ чемъ же причина столь оригинальнаго обращенія съ сотрудниками и статьями? — продолжаетъ «Май»:

«Причина всего этого довольно сложна и преимущественно психологическаго свойства. Описанныя нами явленія происходятъ большею частью отъ особеннаго мнѣнія редакторовъ «Русскаго Вѣстника» о самихъ себѣ и отъ особеннаго тоже мнѣнія ихъ о значеніи редакціи вообще. Большой успѣхъ «Русскаго Вѣстника»... произвелъ дурное вліяніе на редакторовъ этого журнала. Говоря простонароднымъ языкомъ — они очень зазнались... Мало по малу поселилось въ нихъ убѣжденіе, что они умнѣе, ученѣе, глубокомысленнѣе не только всѣхъ своихъ сотрудниковъ, но и всѣхъ . . . вообще. Они воображали себя единственными настоящими двигателями развитія въ Россіи, могучими и самостоятельными силами, съ которыми некому у насъ равняться, непотребительными мудрецами, которыхъ никто не удичитъ въ незнаніи; они глубоко убѣждены въ томъ, что, кромѣ нихъ, никто ничего не понимаетъ надлежащимъ образомъ.

«Но для пріобрѣтенія этого универсальнаго знанія, имъ вовсе не нужны книги. Они имѣютъ то, чего не имѣетъ никто въ нашей землѣ, — философское образованіе. Они долго купались въ морѣ философіи, просвѣтили свой умъ философіею и наконецъ пронакнулись философіею. А философія — такое знаніе, которое замѣняетъ собою и дѣлаетъ излишними всѣ другія....

«Согласно съ этимъ сложилось и особенное понятіе редакторовъ «Русскаго Вѣстника» о значеніи редакціи вообще. Изъ всего, что они дѣлаютъ, видно, что съ ихъ точки зрѣнія редакція есть не что иное, какъ

начальство, умственное начальство, а сотрудники—подчиненные: Редакторъ, какъ начальникъ, по необходимости умѣе своихъ сотрудниковъ, Начальство всегда бываетъ умѣе подчиненныхъ. Иначе быть не можетъ. Иначе былъ бы извращенъ естественный порядокъ вещей. Сотрудники обязаны уважать высоко авторитетъ редактора и съ почтениемъ принимать его замѣчанія.»

.. Каковы же результаты философскаго всевѣдѣнія, которымъ обла- даютъ редакторы «Русскаго Вѣстника?» Вотъ что отвѣчаетъ Май на этотъ вопросъ.

Она (редакція «Русскаго Вѣстника») защищаетъ англійскія учре- жденія, это ея специальность. Она имѣетъ претензію на самое глу- бокое и основательное знакомство съ ними... Мы скажемъ одна- кожь... что это глубокое знакомство со всѣмъ, что касается до Англій, есть не что иное, какъ чистый догматизмъ, высоконѣрный, са- модовольный и нетерпимый догматизмъ, лишенный научнаго содер- жанія. Всему міру извѣстно, какимъ образомъ сложились идеи и убѣжденія «Русскаго Вѣстника» насчетъ самоуправленія, децентра- лизаціи и т. д. Объ этомъ скажетъ всякій и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Казани, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ. Объ этомъ гово- рять даже за границею. Редакція «Русскаго Вѣстника» уяснила себѣ всѣ эти вопросы, вслѣдствіе спора съ г. Чичеринымъ и другими своими сотрудниками. До половины 1857 года незамѣтно было въ журналѣ никакого предпочтенія къ англійскимъ учрежденіямъ; напротивъ, въ немъ писались разныя милыя шутки надъ Англією и ея государствен- ными людьми. Обращеніе было внезапное. Разрывъ съ частью сотруд- никовъ утвердилъ мѣрніи и убѣжденія редакціи и далъ имъ определен- ную, окончательную форму. Съ тѣхъ поръ, въ очень скоромъ времени, она приобрѣла себѣ такое необыкновенное знаніе всего англійскаго быта, что стала авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ и не дастъ никому ска- зать о немъ своего слова. Она довела предпочтеніе къ англійскому устройству до какого-то безусловнаго, нетерпимаго поклоненія, и не позволяетъ никому коснуться ни одного англійскаго учрежденія. Она сдѣлалась англійскою богѣе, чѣмъ сами англичане, такъ что готова упрекать англичанъ въ непониманіи ими своихъ собственныхъ учре- жденій, и сердится, если они сами находятъ въ нихъ недостатки. Между тѣмъ всякій, кто прилежно читаетъ «Русскій Вѣстникъ», видитъ, что единственными источниками политической премудрости редакціи слу- жать—газета Times и извѣстное сочиненіе Гнейста объ англійскомъ устройствѣ,

Май доказываетъ это споромъ редакціи «Русскаго Вѣстника» съ г. Утинымъ за англійскихъ мировыхъ судей. Наконецъ, онъ берется за разборъ случая, бывшаго прамымъ поводомъ къ его статьѣ, за разборъ дѣла между г-жею Туръ и редакцією «Рус-

скаго Вѣстника». Онъ начинаетъ объясненіемъ, что замѣтки позволительно дѣлать въ началѣ или въ срединѣ статьи, но непозволительно дѣлать ихъ въ концѣ статьи, придавая чрезвычайную важность этой дистинкціи, напоминая знаменитое преніе въ Пассажѣ о томъ, что если бы г. Перрозио напечаталъ какую-то фразу простымъ шрифтомъ, онъ былъ бы правъ, а когда напечаталъ ее курсивомъ, то уже неправъ. Потомъ замѣчается, что замѣчали и мы, что приличіе требовало предупредить г-жу Туръ о намѣреніи сдѣлать примѣчаніе къ ея статьѣ.

Редакція оправдывается, argès cour, тѣмъ, что уже было поздно, что время не позволяло отложить печатаніе статьи. Странно! Статья о г-жѣ Свѣчиной стоитъ послѣдняя въ первомъ отдѣлѣ; она занимаетъ меньше двухъ листовъ печати; очень легко можно было выпустить ее совсѣмъ, книжка и безъ того была бы толста. Можно было даже замѣнить ее другою. Сколько намъ помнится, книжка опоздала тогда не болѣе такъ тремя или четырьмя днями. Извѣстно, что прежде книжки «Русскаго Вѣстника» являлись двадцатью днями позже срока. Публика охотно подождала бы и на этотъ разъ. Но зачѣмъ предаваться всѣмъ этимъ соображеніямъ. Мы узнаемъ теперь отъ редакціи, что статья г-жи Туръ совершенно плоха, негодна и противна ей, и она сожалеетъ, что не отдѣлала автора получше, что не усилила пріема; упрекаетъ себя въ томъ, что выразилась слишкомъ мягко. Если такъ, то тѣмъ болѣе становится непонятнымъ, зачѣмъ редакція помѣстила такую плохую, негодную и противную ей статью! Редакція просто хотѣлось сдѣлать г-жѣ Евгени Туръ непріятность и наказать ее за какую нибудь ея прежнюю, намъ неизвѣстную непокорность.»

Г-жа Туръ послала письмо въ редакцію «Русскаго Вѣстника», продолжаетъ И. Май, — это требовало большаго мужества, потому что редакція «Русскаго Вѣстника» считается непобѣдимою въ полемикѣ. Отвѣтъ г-жѣ Туръ написанъ съ увѣренностью, что онъ уничтожитъ г-жу Туръ, но къ несчастію, онъ вышелъ неудаченъ:

«Мы не станемъ разбирать, была ли она пристрастна къ г-жѣ Свѣчиной или безпристрастна. Пусть она сама защищаетъ свое мнѣніе, если хочетъ. Мы вообще ничего не будемъ говорить о г-жѣ Свѣчиной. Съ нашей стороны, мы предоставляемъ редакціи полное право находить въ ней «умъ сильный, замѣчательный и владѣющій собою, нравственное чувство и зрѣлость мысли и глубокое развитіе душевной жизни.» Пусть она любитъ всѣми этими высокими свойствами, сколько ей угодно.

«А мы между тѣмъ займемся отвѣтомъ редакціи съ другой точки зрѣнія. Въ началѣ этого отвѣта редакція дѣлаетъ великолѣпную profession de foi. Она извѣщаетъ насъ, что имѣетъ «наимысль не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, по ея мнѣнію и убѣжденію, есть тоже, что и поступокъ».

«Мы и будемъ разбирать отвѣтъ редакціи съ точки зрѣнія *наичиности*, и съ точки зрѣнія *гармоніи между поступкомъ и словомъ*.

«Не дальше какъ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ, что г-жа Евгенія Туръ «поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ мрака и зла... она хочетъ всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, изобличать лжеученія папизма.» Мы до сихъ поръ ничего этого не знали. Это что-то новое. Мы опять прочли внимательно статью г-жи Туръ и «Письмо» ея къ редактору, но нигдѣ не находимъ никакого указанія на подобныя намѣренія почтенной писательницы. Откуда цитуетъ редакція? Если въ самомъ дѣлѣ редакція приводитъ мѣста изъ другихъ какихънибудь писемъ г-жи Туръ, то полезно было бы знать, дѣлаетъ ли это съ согласія, по полномочию или требованію своей корреспондентки или просто по *наичиности*? Слово ли это или поступокъ?...

«Но дальше мы встрѣчаемъ въ отвѣтѣ нѣчто такое, чего ужъ никакъ нельзя назвать наивностью. Въ краткой замѣткѣ подъ статьею г-жи Туръ, редакція упрекала писательницу въ религиозномъ индифферентизмѣ. Теперь она перемѣняетъ тактику и упрекаетъ ее въ совершенно противоположномъ — именно въ религиозной нетерпимости, исключительности, фанатизмѣ. Редакція наша, что эта новая тактика гораздо для нея выгоднѣе... Аргументъ весьма силенъ, но тутъ между словомъ и поступкомъ редакціи такое разстояніе, какъ между небомъ и землею.»

Мы не имѣемъ ни надобности, ни охоты, приводить всѣхъ нападений Мая; ограничимся однимъ случаемъ: мы видѣли, что редакція ставитъ высокою рекомендаціею для ума Свѣчиной письма къ ней Токвиля. Что жъ такое эти письма, по объясненію Мая?

«Кто читалъ отвѣтъ редакціи, и не читалъ книги г. де-Фаллу, подумаетъ, что эта книга переполнена письмами Токвиля къ г-жѣ Свѣчиной, что онъ былъ неотступнымъ другомъ ея жизни, отводилъ съ ней свою душу, передавалъ ей содержаніе знаменитаго своего сочиненія: *l'ancien Regime et la Révolution*, совѣтовался съ нею, какъ писать это сочиненіе, подвергалъ ея оцѣнкѣ всѣ свои идеи. Мы находимъ, что редакція пускаетъ въ глаза публики слишкомъ много пыли. Она говоритъ, что переписка Токвиля съ г-жею Свѣчиной занимаетъ *значительное мѣсто* въ книгѣ г. де-Фаллу и служитъ лучшимъ украшеніемъ ея, и что въ ней все идетъ рѣчь только о политическихъ и общественныхъ предметахъ. Писемъ Токвиля всего семь, и они занимаютъ 12 страничекъ. Письма эти не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и украшаютъ книгу развѣ только ради одного имени Токвиля. Изъ всего видно, что онъ былъ знакомъ съ г-жею Свѣчиной только въ послѣдніе три года ея жизни, не состоялъ съ нею въ очень близкихъ сношеніяхъ и не видался съ нею часто. Мы не находимъ, чтобы онъ излагалъ г-жѣ Свѣчиной идеи своего знаменитаго труда и совѣтовался съ нею на счетъ его. Онъ говоритъ о немъ только въ одномъ письмѣ, менѣе страницы,

и еще извиняется, что распространился слишком много. Мы не видим въ перепискѣ особеннаго богатства политическихъ и общественныхъ предметовъ. Редакція пишетъ, что, между прочимъ, Токвилль толкуетъ съ г-жею Свѣчиной о необходимости живаго участія духовенства въ дѣлахъ страны. Дѣйствительно, этимъ вопросомъ заняты два письма его; да прочтено—то мы какъ-то не видимъ. Редакція выписываетъ изъ одного письма Токвилля комплименты его г-жѣ Свѣчиной; но для точности слѣдовало начать выписку не со середины письма, а перевести и первыя пять строчекъ его, изъ которыхъ публика увидала бы, что это воздравительное письмо, писанное, по старому обычаю, передъ Новымъ годомъ.»

Теперь спросимъ: разсчитливо ли было со стороны редакціи «Русскаго Вѣстника» раздувать дѣло, чтобы оно пришло къ такимъ результатамъ? Каждая опрометчивость со стороны редакціи подвергала ее непріятности гораздо сильнѣйшей, чѣмъ непріятность, какую надѣялась она нанести г-жѣ Туръ. Помѣщеніе оговорки безъ предвѣдомленія г-жи Туръ заставило г-жу Туръ доказать, что редакція дѣлала свое примѣчаніе наудачу, не будучи знакома съ предметомъ статьи. Мало того, г-жа Туръ принуждена была сказать, что редакція обнаружила эту оговоркою наклонность слѣдовать взгляду на вещи, различному отъ тѣхъ убѣжденій, какими прежде характеризовался «Русскій Вѣстникъ» и какимъ былъ онъ обязанъ своими успѣхами въ публикѣ. Въмѣсто того чтобы пожалѣть о сдѣланной ошибкѣ, поставившей редакцію въ непріятность выслушать такія замѣчанія, редакція «Русскаго Вѣстника» вздумала отвѣчать на письмо насмѣшками и оскорбленіями г-жѣ Туръ, полагая, что уничтожить ее. Эта новая неловкость вызвала статью «Московскихъ Вѣдомостей», написанную уже не въ томъ умѣренномъ духѣ, какъ письмо г-жи Туръ, а съ рѣзкою беспощадностью; статья безжалостно обнаружила слабыя стороны редакціи, которыхъ не хотѣла касаться г-жа Туръ. Чего тутъ не оказалось? Оказалась даже слабость знакомства редакціи съ Англіею, знаніе которой до сихъ поръ составляло гордость «Русскаго Вѣстника». Но прошедшаго не вернешь. Мы желали бы только одного: чтобы редакція «Русскаго Вѣстника» увидѣла безвыходность своего положенія въ полемикѣ, которую опрометчиво возбудила, чтобы она прекратила споръ, продолженіе котораго непремѣнно должно еще больше поколебать ея авторитетъ въ публикѣ. Редакція предполагаетъ въ себѣ чрезвычайныя полемическія силы, и дѣйствительно, отвѣтъ на письмо г-жи Туръ написанъ съ большою ловкостью. Но никакая ловкость не можетъ измѣнить сущности дѣла, которая вовсе не въ пользу редакціи: чѣмъ скорѣе прекратится оно, тѣмъ лучше для нея.

Но если мы желаемъ, чтобы прекратился споръ, невыгодный для редакціи «Русскаго Вѣстника», мы желаемъ этого не по заботливости о личной славѣ редакторовъ, — какое намъ дѣло до нихъ? Пусть бы они держали себя такъ, какъ имъ угодно, лишь бы не вредить своему журналу. Есть другая сторона въ изложенномъ нами дѣлѣ: система дѣйствій редакціи «Русскаго Вѣстника» вредитъ самому журналу, — вотъ это горько для насъ; вотъ именно только это и заставило насъ обратить вниманіе на исторію, которой мы ни мало не заинтересовались бы, еслибъ она касалась только личнаго спокойствія редакторовъ, а не вредила самому журналу. Въ чемъ состояла главная сила «Русскаго Вѣстника» въ первое блистательное время его существованія? Въ томъ, что онъ располагалъ силами гораздо большаго числа постоянныхъ хорошихъ сотрудниковъ, чѣмъ какой бы то ни было другой журналъ въ то время. Въ другихъ журналахъ было всего по три, по четыре человека постоянно помогавшихъ редактору; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» было такихъ людей человекъ пятнадцать или двадцать. При этомъ обилии силъ журналъ шелъ прекрасно. Къ несчастію, редакція не умѣла цѣнить своего положенія и повела дѣло такъ, что скоро отдѣлились отъ «Русскаго Вѣстника» довольно многіе изъ людей, на содѣйствіи которыхъ основывалось могущество «Русскаго Вѣстника»: вмѣстѣ съ г. Е. Коршемъ удалились отъ «Русскаго Вѣстника» г. Ѳ. Дмитріевъ, г. Чичеринъ и нѣкоторые другіе люди, бывшіе столь же полезными для журнала. Что хорошаго вышло для «Русскаго Вѣстника» или вообще для литературы изъ этого распаденія? Отдѣлившіеся люди основали новый журналъ; но оказалось, что у нихъ не достало средствъ вести его удовлетворительно, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ силы этихъ людей не приносятъ литературѣ той пользы, какую приносили до отдѣленія отъ «Русскаго Вѣстника»; а самъ «Русскій Вѣстникъ» замѣтно ослабѣлъ съ той поры: въ немъ уже не было столькохъ дѣльныхъ людей, чтобы каждая книжка по прежнему наполнялась живыми статьями. Пропорція журнальнаго баласта значительно возрасла въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Довольно часто редакція бывала принуждена выпускать книжки, не имѣвшія уже ни одной живой статьи, подобныя книжкамъ тѣхъ второстепенныхъ журналовъ, которые существуютъ, не обнаруживая никакого вліянія на публику. До отдѣленія г. Е. Корша и его друзей, каждый номеръ «Русскаго Вѣстника» производилъ впечатлѣніе на публику, возбуждалъ горячіе толки; бывало, куда ни прійдешь, повсюду васъ спрашиваютъ: читали вы послѣдній номеръ «Русскаго Вѣстника»? что вы думаете о такой-то статьѣ? неправда ли, что она хороша? — бывало, тотчасъ же начинаютъ читать вамъ равныя отрывки изъ этого

послѣдняго номера, если вы еще не видали его. Въ послѣдніе два года этого уже почти не было: «Русскій Вѣстникъ» не сохранилъ и половины прежняго интереса для публики; но все-таки онъ оставался однимъ изъ наиболѣе любимыхъ публикою журналовъ. Мы боимся, чтобы теперь онъ не утратилъ значительной части вліянія, уцѣлѣвшаго за нимъ послѣ этой первой потери. Г-жа Туръ удаляется отъ «Русскаго Вѣстника». Выѣстъ съ нею удаляются ея литературные друзья. Что хорошаго будетъ отъ этого для литературы и для самаго «Русскаго Вѣстника?» Говоря, что отдѣляющіеся сотрудники думаютъ основать новый журналъ или новую газету. Хорошо, если у нихъ достанетъ средствъ придать своему изданію сильный интересъ; но примѣръ «Атеней» служитъ невыгоднымъ предзнаменованіемъ. Всего скорѣе надобно полагать, что у новаго изданія не достанетъ силъ занять такое мѣсто, какое принадлежало «Русскому Вѣстнику». А самъ «Русскій Вѣстникъ» еще снова ослабѣлъ бы, если бы уже дѣйствительно нельзя было возвратитъ ему содѣйствія отдѣляющихся сотрудниковъ. Но мы думаемъ, что дѣло еще можетъ быть поправлено, если редакція «Русскаго Вѣстника» пойметъ надобность въ томъ. Тамъ, гдѣ ссора возникаетъ изъ личныхъ мелочныхъ непріятностей, прекратить ее всегда возможно, если люди, по несчастію вовлечшіеся въ нее, люди порядочные, люди преданные дѣлу, умѣющіе ставить его выше пустыхъ личныхъ непріятностей. Мы не имѣемъ права полагать, чтобы кто нибудь изъ лицъ, о которыхъ теперь говоримъ, не обладалъ благородными чувствами, не былъ готовъ броситъ самолюбивое раздраженіе для пользы своихъ убѣжденій. Притомъ же и самое положеніе спора благопріятствуетъ примиренію: каждая сторона вѣроятно уже находитъ, что выказала въ немъ довольно полемическихъ талантовъ, вѣроятно очень довольна своимъ остроуміемъ, — чего же больше: когда каждый доволенъ самимъ собой, взаимная снисходительность не бываетъ тяжела. Всѣ считаютъ себя побѣдителями, а побѣдители бываютъ великодушны. Но, разумѣется, первый шагъ къ примиренію лежитъ на обязанности той стороны, которая подала первая поводъ къ непріятностямъ. Если редакція «Р. В.» понимаетъ свои выгоды, она дастъ отдѣляющимся отъ нея сотрудникамъ возможность снова сойтись съ нею. Желать этого заставляютъ насъ выгоды литературы вообще и собственные наши интересы: мы уже говорили, что считаемъ «Русскій Вѣстникъ» очень полезнымъ подготовителемъ публики къ принятію идей, которыя мы защищаемъ. Нѣтъ нужды, что «Русскій Вѣстникъ» очень усердствуетъ доказывать нелѣпость и гибельность мнѣній, которыхъ держимся мы: онъ все-таки выводитъ людей изъ умственной летаргіи на дорогу, по которой каждый серьезный чело-

и́къ изъ пробуждаемыхъ имъ непремѣнно долженъ раньше или позже прійти къ образу мыслей, нами излагаемому; всякая потеря столь полезнаго для насъ помощника — наша собственная потеря, и вотъ почему редакція «Русскаго Вѣстника» не ошиблась бы, послушавшись нашего совѣта: одинаковость нашихъ собственныхъ интересовъ съ ея выгодами должна служить ей достаточнымъ ручательствомъ за искренность совѣта, даваемого нами ей.

Получивъ теперь 10-ю книжку «Русскаго Вѣстника», мы видимъ, къ сожалѣнiю, что исторiя, нами разсказанная на предъидущихъ страницахъ, обогатилась новымъ документомъ. Редакція Р. В. напечатала въ этомъ номерѣ своего журнала «Объясненiе», служащее отвѣтомъ на статью Мая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». «Объясненiе» столько же выше статьи Мая по литературному таланту, съ которыми написаны если не всѣ, то многiя его страницы, сколько уступаетъ ему убѣдительностью содержанiя. Прекраснымъ примѣромъ полемической ловкости служить самое начало «Объясненiя».

«Въ № 109 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья подъ заглавiемъ *Краткое сказанiе о послѣднихъ дѣлiяхъ* «Русскаго Вѣстника», и помѣщена, какъ замѣчено редакцiей газеты, въ интересѣ гласности. Побужденiе весьма естественное и весьма похвальное въ редакторѣ газеты, хотя бы и казенной. Гласность есть, безъ сомнѣнiя, дѣло полезное. Она выводитъ на свѣтъ клеветы и сплетни, которыя плодятся во всякой общественной средѣ, и даетъ такимъ образомъ возможность изобличать и опровергать ихъ. «Московскiя Вѣдомости» могли бы сказать въ своемъ примѣчанiи, что помѣщенiемъ этой статьи онѣ имѣли въ виду оказать услугу «Русскому Вѣстнику», и мы бы очень охотно повѣрили имъ, по крайней мѣрѣ вполнѣ согласились бы съ ними.

«Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего на свѣтѣ скольконибудь обращающаго на себя вниманiе, что не возбуждало бы неблагопрiятныхъ слуховъ, выдумокъ и клеветъ. Пока слухи остаются слухами и переходятъ изъ дома въ домъ, изъ устъ въ уста, нѣтъ предѣла ихъ развитiю. Печать, напротивъ, все отрезвляетъ, все приводитъ въ должные размѣры, и нечестная клевета, вздорная выдумка, иногда не требуетъ никакихъ опроверженiй и изобличается сама собою, появляясь въ печати, если только публика привыкла къ гласности, не пугается печатныхъ объясненiй какъ скандаловъ, и не предпочитаетъ имъ тихихъ разговоровъ, какъ бы ни были они дѣйствительно скандальны. Вотъ почему мы думаемъ, что редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» оказавъ намъ услугу, напечатавъ сказанiе о *нашихъ дѣлiяхъ*: всѣ обвиненiя, высказанныя въ печатной статьѣ, непремѣнно ходили бы въ обществѣ, въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ слуховъ, съ равными дополненiями и

украшениями; — говоримы: непременно, потому что, как оказалось, есть люди очень заинтересованные нами и нашими делами. Теперь эти обвинения собраны, тщательно сгруппированы, весьма игриво изложены, и сами подлежат суду как публики, так и обвиняемых лиц. То, что было бы для редакции «Русского Вѣстника» таинственным искомъ, становится теперь величиной опредѣленной, которую можно и взвѣсить, и разложить на составные элементы».

Оборотъ очень искусный. Можно замѣтить только, что у редакціи «Русскаго Вѣстника» не достало сдержанности, чтобы сохранить во всей статьѣ вѣрность этому ветугленію. Дальше попадаютъ выходы противъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», грубостью своею вовсе не соответствующія такому началу, очень сильному своею проницательною любезностью. Эти дальнѣйшія выходы ослабляютъ хорошее впечатлѣніе, имъ производимое.

Гласность очень хороша, между прочимъ и для уничтоженія сплетень, сказала редакція «Русскаго Вѣстника», и затѣмъ продолжаетъ: впрочемъ, главный, общій фактъ, выставляемый на видъ статьею Мая, такъ неправдоподобенъ, что и безъ помощи гласности никто бы ему не повѣрилъ. По словамъ Мая, редакторъ Русскаго Вѣстника обращается съ своими сотрудниками, какъ начальникъ съ подчиненными. Но, замѣчаетъ редакція, —

«Русскій Вѣстникъ» издается уже не первый годъ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» участвовали и участвуютъ своими трудами лица, принадлежащія къ числу лучшихъ дѣятелей нашей литературы, и не одни литераторы въ тѣнѣйшемъ смыслѣ, но и лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ сферамъ, отличающіяся и дарованиями, и самостоятельнымъ образомъ мыслей, и нравственнымъ достоинствомъ. Спрашивается, вѣроятно ли, чтобы эти лица не только согласились выносить подобныя отношенія къ какой бы то ни было редакціи въ продолженіе многихъ лѣтъ, или даже одного года, или одного мѣсяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобныхъ отношеній? Чтобы дать этой фантазіи какойнибудь смыслъ, надобно ограничить ея размѣры, надобно допустить, что не всѣ, а лишь нѣкоторые сотрудники «Русскаго Вѣстника» находятся въ томъ жалкомъ положеніи, какое изображаетъ широкая кисть автора статьи. Если бы нашлись такіе люди, то они дѣйствительно заслуживали бы сожалѣніе, или лучше сказать, они заслуживали бы такое жалкое положеніе. Всѣ выходы, всѣ обвиненія противъ редакціи, собранныя авторомъ статьи, падали бы собственно на этихъ несчастныхъ. Чѣмъ хуже деспотъ, тѣмъ презрѣннѣе подданные, которые несутъ его иго. Мы не судимъ собственной нашей личности. Но допустимъ, что мы, дѣйствительно, одержимы бѣсомъ властолюбія и исполнены самыхъ дурныхъ наклонностей: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто, совная это, негодуя и

рошца противъ насъ въ душѣ своей, поддерживалъ съ нами сношенія и оставался нашимъ сотрудникомъ. Чѣмъ могли мы прикрѣдять къ себѣ свободныхъ людей, чѣмъ могли дѣйствовать на нихъ и поработать ихъ нашему властолюбію и самоуправству? Какъ могли бы мы проявить наши деспотическія наклонности на людяхъ, которые намъ не подвластны? Редакція журнала не есть населенное имѣніе, не есть даже канцелярія. Здѣсь отношенія совершенно свободны, никто ни отъ кого не зависитъ, и люди, которые не могутъ сойтись между собою, могутъ разойтись безъ всякаго препятствія и затрудненія. Если свободный ведетъ и держитъ себя по обычаю невольника, то въ этомъ виновата его собственная добрая воля или его природа.

Опять очень искусный оборотъ. Но положеніе бываетъ иногда такъ невыгодно, что и величайшая полемическая ловкость остается напрасна. Такъ и тутъ. Май пустился въ неловкую утрировку, редакція «Русскаго Вѣстника» мастерски схватила эту слабую сторону своего порицателя, и повернула его мысли такъ, что выходитъ изъ нихъ ѣдкій намекъ противъ него самаго и защищаемой имъ стороны. Но кто не видитъ, что выставить слабость неловкаго адвоката не значитъ еще опровергнуть сущность дѣла, неудачно имъ излагаемаго? Каждому понятно, что отношенія, за любовь къ которымъ упрекаетъ Май редакцію, только названы имъ начальническими, по неумѣнью его сообразить, что этимъ словомъ онъ даетъ оружіе противъ себя; каждый чувствуетъ, что дѣло идетъ не о «деспотизмѣ», по ироническому выраженію редакціи «Русскаго Вѣстника», а просто о нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ деликатности, можетъ быть, и незначительныхъ въ сущности, но все-таки непріятныхъ для людей, подвергающихся имъ. Опять, кто не знаетъ, что при нашихъ привычкахъ люди очень почтенные, благородные, глубоко сознающіе свое достоинство, умѣющіе даже защитить его въ крайнихъ случаяхъ, часто бываютъ расположены считать неумѣстнымъ громко высказывать неудовольствіе, когда бываютъ оскорбляемы не слишкомъ уже тяжело? Вѣдь самъ «Русскій Вѣстникъ» прекрасно говоритъ объ этомъ общемъ нашемъ недостаткѣ: обижаться и однакоже молчать, чувствовать непріятность и переносить ее. Вѣдь у насъ желающій можетъ быть менѣе деликатнымъ, чѣмъ слѣдовало бы; вотъ объ этомъ слѣдовало бы подумать редакціи «Русскаго Вѣстника». О томъ, что она деспотствуетъ, нелѣпо и говорить. Но быть можетъ бесполезно было бы не забывать, что не слѣдуетъ пользоваться переносливостью, составляющею слабость почти каждаго воспитаннаго въ нашихъ обычаяхъ: во первыхъ, нехорошо пользоваться слабостями; во вторыхъ, это наконецъ приводитъ къ ссорамъ, пимало не нужнымъ ни для кого и очень вреднымъ для

тѣхъ самыхъ, которые (тоже безъ всякой нужды) пользуются слабостями до того, что люди теряютъ охоту имѣть съ ними дѣло.

Послѣ этого, въ «Объясненіи» прекрасно излагаются понятія редакціи «Русскаго Вѣстника» объ обязанностяхъ редакціи всякаго, а въ особенности Русскаго журнала, и о томъ, какія условія должно соблюдать, какими основаніями руководиться въ случаяхъ надобности передѣлывать статью. Эти понятія вообще справедливы, но значить, иногда они не соблюдались, если возникали неудовольствія. Кто не дѣлаетъ ошибокъ, опрометчивостей? Но вѣдь есть же средство поправлять ихъ; оно очень просто: не должно уходить въ нимбъ веногрѣпительности и самоувѣренности отъ дружелюбныхъ объясненій съ человѣкомъ, который думаетъ, что вы сдѣлали ошибку противъ него.

За тѣмъ объясняется очень подробно, что редакція «Русскаго Вѣстника» имѣла полное право поступать съ статьями гг. Благовѣщенскаго и Утина такъ, какъ поступала. Имѣла или не имѣла формальное право, вовсе не въ томъ дѣло; оно въ томъ, что гг. Благовѣщенскій и Утинъ остались недовольны поступками редакціи «Русскаго Вѣстника» относительно ихъ, а редакція остается довольна своими дѣйствіями въ этихъ случаяхъ. То и бѣда, что неумѣренность или неосторожность въ пользованіи правомъ, которое бесспорно имѣете вы, ведетъ иногда къ возбужденію неудовольствія въ людяхъ, съ которыми вовсе не нужно было бы имѣть непріятностей. Этого-то и нужно избѣгать, а не удовлетворяться повтореніемъ гордыхъ словъ: «я имѣю право»; не въ томъ сила, имѣли ли мы права, — сила въ томъ, благоразумны ли мы были. Вотъ и теперь на примѣръ: бесспорно, редакція «Русскаго Вѣстника» имѣла полное право излагать исторію того, на какомъ основаніи передѣлывала она статью г. Благовѣщенскаго; но благоразумно ли она дѣлаетъ, излагая ее? Вѣдь она этимъ наноситъ новое оскорбленіе г. Благовѣщенскому — къ чему же? Полезно ли это для нея самой? И чѣмъ заслужилъ г. Благовѣщенскій, чтобы ему наносили непріятности изъ-за того, что поссорились съ какимъ-то г. Маемъ, до чего г. Благовѣщенскому конечно не было и нѣтъ никакого дѣла? Если вы хотѣли ссориться съ нимъ (чего вы совершенно не хотѣли, это по всему видно; мы вѣримъ вамъ, ваши слова объ этомъ согласны съ фактами), то и ссорились бы прямо съ нимъ, прямо по его дѣлу, — это не было бы обидно ему; а то, что вы дѣлаете? Вяizzlyваете человѣка въ чужую непріятную исторію — это уже очень обидно. Неблагоразумно, неблагоразумно.

Идемъ далѣе, — вотъ добрались и до настоящаго предмета «Объясненія», до статьи г. Мал. Съ такимъ плохимъ бойцомъ сражаться

нетрудно: редакция очень ловко и вѣдно ловитъ его на собственныхъ его словахъ и доказываетъ, что напрасно онъ не хочетъ назваться партизаномъ г-жи Туръ, когда самъ проговаривается объ этомъ, что непохвальнымъ дѣломъ онъ занимался, собиравъ слухи и читая чужія письма, что очень смѣшно разсуждаетъ онъ о дозвоительности примѣчаній отъ редакціи въ началѣ или среднихъ и недозвоительности ихъ въ концѣ статей, что утрировкой выражений примѣчанія, сдѣланнаго къ статьѣ г-жи Туръ, онъ самъ бьетъ себя, и т. д., и т. д.—все очень хорошо, а все-таки за побіеніемъ Мая остается не разбитымъ основаніе дѣла. Редакция очень искусно обходитъ его, но вѣдь замѣтно, что она обходитъ его, и думается: значить, въ дѣлѣ этомъ есть что-то недокое, неудобное для оправданія, —какъ будто какія-то пустыя мелочи, изъ-за которыхъ не приходилось бы порядочнымъ людямъ начинать ссору съ сотрудникомъ, приносящимъ пользу ихъ журналу. Какъ тутъ все что-то не клеится съ оправданіями, замѣтимъ на двухъ, трехъ примѣрахъ. Май спрашивалъ, хорошо ли было бы, если бы редакция ввела въ печатную полемику нѣкоторыя выраженія изъ писемъ г-жи Туръ, не предназначавшихся для печати? Редакция отвѣчаетъ:

«Писала ли намъ чтонибудь подобное г-жа Евгенія Туръ, или не писала, какое ему до этого дѣло, и откуда можетъ онъ знать это, и какъ можетъ онъ дѣлать это заключеніе изъ нашихъ словъ, которыми мы ничего не цитуемъ, а только передаемъ наше собственное впечатлѣніе?»

Такъ, что за странная придирчивость! Но сама редакция черезъ двѣ страницы впадаетъ въ такую же излишнюю привязчивость:

«Она (г-жа Туръ) говоритъ, что мы можемъ съ спокойною совѣстію не защищать память Свѣчиной отъ заслуженныхъ нареканій. Если бы мы также были счастливы, какъ г-жа Евгенія Туръ, и нашли бы себѣ такого же защитника, какъ она, то защитникъ нашъ могъ бы спросить, откуда она взяла, что мы хотимъ защищать память Свѣчиной отъ нареканій? Въ краткой замѣткѣ редакціи, вызвавшей протестацію, ничего не говорится о защитѣ памяти Свѣчиной отъ нареканій. Ужъ нѣтъ ли тутъ чегонибудь третьяго, воскликнулъ бы можетъ быть нашъ защитникъ, тономъ торжественно-мрачнымъ, не отголосокъ ли это какогонибудь письма или какойнибудь частной бесѣды? А дѣйствительно, нѣчто подобное намъ случилось сказать частнымъ образомъ; но г-жа Евгенія Туръ, которая не цитовала нашихъ словъ, а говорила отъ себя, нѣбла бы полное право посмѣяться надъ нашимъ бѣднымъ защитникомъ, а за нею и нублика.»

Надобно даже сказать, что редакція въ этомъ отношеніи еще страннѣе самого Мая. Тотъ привязывался къ выраженіямъ, довольно многосложнымъ, сходство которыхъ съ какими нибудь выраженіями изъ непредназначенныхъ для печати писемъ г-жи Туръ не могло быть случайно; а редакція обижается употребленіемъ словъ «защитить память» — фразы самой простой, обыкновенной, которую каждому часто случается употреблять. Что за мелочное подражаніе мелочности, которую сами осудили! Но страннѣе всего то, что предполагаемая невозвратительная цитата не заключаютъ въ себѣ ровно ничего такого, чтобы можно или Маю претендовать на редакцію за одну, или редакцію на г-жу Туръ за другую.

Спѣшимъ къ концу «Объясненія». Многимъ показалось, будто редакція «Русскаго Вѣстника», въ отвѣтъ своемъ на письмо г-жи Туръ, не остереглась употребить выраженія, въ которыхъ заключались личности очень дурнаго тона. Намъ самимъ такъ показалось. Теперь редакція съ негодованіемъ отвергаетъ такое подозрѣніе:

«Наконецъ, защитникъ заноситъ на насъ самый тяжкій ударъ. По счастью, онъ не довершаетъ этого удара, и самъ готовъ оправдать насъ. Онъ говоритъ о какомъ-то мѣстѣ въ нашемъ отвѣтѣ, которое будто бы привело въ недоумѣніе самыхъ жаркихъ поклонниковъ «Русскаго Вѣстника». Онъ говоритъ о какомъ-то неосторожномъ словѣ, которое могло быть принято за намекъ, «годный только для составителей глянцетовъ». Мы благодаримъ его за то, что онъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, не приписалъ намъ никакого дурнаго умысла. Благодаримъ его также за совѣтъ быть осторожными, несмотря на то, что этотъ совѣтъ слишкомъ неопредѣленъ и также не совсѣмъ остороженъ. Никакая осторожность не поможетъ, если вы расположены къ подозрѣнію и склонны видѣть во всемъ намекъ. Впечатлѣніе, производимое словомъ, зависитъ не отъ одного говорящаго, а также и оттого, что на умѣ у слушающаго. Въ объясненіяхъ нашихъ съ г-жею Евгеніею Туръ мы ни о чемъ не говорили, кромѣ только того, что заключалось въ спорномъ предметѣ, и могли имѣть въ виду лишь возрѣніи этой писательницы, которыя она сама высказываетъ, которыя отчасти преглядываютъ даже въ статьяхъ напечатанныхъ у насъ, и съ которыми однако мы не можемъ согласиться. Вотъ почему мы и посѣщали отказаться отъ солидарности убѣжденій, на которую настаивала г-жа Евгенія Туръ. Говорить о мнѣніяхъ и взглядахъ писателей, оспаривать или даже осмѣивать ихъ можно и даже должно, если мы считаемъ ихъ ошибочными. Но мы считаемъ невозвратительнымъ и безчестнымъ всякій намекъ, годный для грязнаго пасквиля. Мы еще понимаемъ возможность полного и точнаго заявленія факта, который можетъ быть опровергаемъ, но намекъ въ этомъ случаѣ есть дѣло недостойное, болѣе позорящее того, кто употребляетъ его, нежели тѣхъ, противъ кого направлень. Каковы бы ни были наши недостатки и слабости, мы не

жемъ однако сказать, безъ опасенія, чтобы ктонибудь могъ уличить насъ въ противномъ, что мы не способны къ чемунибудь подобному, и объ этомъ свидѣтельствуемъ все наше прошедшее. Мы считали бы такой поступокъ недозволительнымъ и недостойнымъ даже относительно такихъ лицъ, которые чѣмънибудь дѣйствительно подавали бы поводъ къ намекамъ, годнымъ для пасквилей, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда не было и не могло быть никакого повода къ чемулибо подобному.»

Прекрасно. Отъ души вѣримъ. Но зачѣмъ же, дѣйствительно успокоивъ насъ столь благороднымъ оправданіемъ, редакція тотчасъ же впадаетъ въ самыя жалкія личныя намеки, — не такого дурного смысла, отъ какихъ торжественно отреклась, но все-таки очень, очень дрянныя, — посмотрите, какой жалкій конецъ имѣетъ статья, вообще написанная съ талантомъ :

«На этомъ остановимся. О разныхъ мелкихъ выходкахъ противъ насъ, которыми превозбуждаетъ статья, напечатанная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», мы распространяться не будемъ. Говорить о себѣ очень трудно, даже въ интересѣ гласности. Мы не можемъ не считать всего этого мелочами, не заслуживающими вниманія публики. Но если редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», движимый столь дорогимъ для него интересомъ гласности, захочетъ ближе ознакомиться съ бытомъ редакціи «Русскаго Вѣстника», то мы покорнѣйше просимъ его пожаловать къ намъ, осмотрѣть нашъ кабинетъ, наши книги, навести справки о нашихъ занятіяхъ редакціонныхъ и частныхъ, изслѣдовать наши познанія въ наукахъ. Такимъ образомъ онъ удовлетворитъ своей любознательности гораздо вѣрнѣе и проще, и извлечетъ для себя что нужно въ интересѣ гласности, не прибѣгая къ разнаго рода таинственнымъ сыщикамъ. Второго тома книги Гнейста онъ не найдетъ теперь въ нашемъ кабинетѣ. Кто-то выпросилъ его у насъ... Статьи о книгахъ. Не можетъ ли редакція «Московскихъ Вѣдомостей», черезъ этого господина, любителя осведомленій и розысковъ, отыскать, гдѣ теперь находится кѣмъ-то у насъ взятая книга венгерца Этвеша, о которой говорили мы выше въ статьѣ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ? Она крайне нужна намъ въ настоящую минуту для нѣкоторыхъ справокъ, а другаго экземпляра достать въ Москвѣ нѣтъ возможности.»

Что это такое? Помилуйте? Неужели объявленіе публикѣ, что нѣкто, написавшій подъ именемъ Мая статью противъ редакціи «Русскаго Вѣстника», бралъ прежде на просмотръ книги у одного изъ редакторовъ «Русскаго Вѣстника», и двухъ изъ этихъ книгъ не успѣлъ еще возвратитъ ему? На какой отвѣтъ напрашиваются эти слова? Какъ не вздумалось писавшему эти странныя слова, что вѣдь противники легко могутъ сочинить изъ нихъ объявленіе о подпискѣ для

вознагражденія редакціи «Русскаго Вѣстника» за убытокъ, понесенный ею отъ неаккуратности неизвѣстнаго въ возвращеніи двухъ изъ числа книгъ, которыя бралъ онъ изъ редакціи? Что за радость напрашиваться на осмѣяніе?

Странное дѣло, жалкое дѣло! И вотъ такими-то дѣлами занимаютъ литераторы публику, и вотъ такія ссоры и вотъ такъ могутъ еще вестись между нами! Удивительно.

Ссорятся люди почтенные изъ-за вздора, разгорячаются до того, что Богъ-знаетъ какими вещами колятъ глаза, — по ихъ предположенію противникамъ, а по нашему мнѣнію самимъ себѣ, забывая изъ-за этого жалкаго вздора и свои выгоды и пользу литературы. Неужели еще кажется не пора редакціи «Русскаго Вѣстника» прекратить эту странную исторію? Неужели ей уже невозможно примириться съ сотрудниками, содѣйствіе которыхъ было полезно для ея журнала? Кажется, еще можно заглядить въ эти дрязги благороднымъ сознаниемъ своей опрометчивости. А если уже нѣтъ, то убѣждаемъ редакцію «Русскаго Вѣстника» хотя впередъ быть осторожнѣе. Вѣдь если она будетъ продолжать такъ, то будетъ имѣть сотрудникомъ одного г. Ржевскаго.

Но публика и литераторы по прежней привычкѣ еще сохраняютъ столько уваженія къ редакціи «Русскаго Вѣстника», и въ столь многихъ еще такъ сильна прежняя горячая привязанность къ этому журналу, что для редакціи Русск. Вѣстника еще очень не трудно сохранить своему журналу средства быть однимъ изъ лучшихъ у насъ: ей стоитъ лишь нѣсколько повнимательнѣе нынѣшняго остерегаться той единственной слабости, на которую мы обратили ея вниманіе и которая во всякомъ случаѣ нисколько не мѣшаетъ намъ цѣнить ея достоинства.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Неудобства и дороговизна петербургской жизни. — Можно ли сравнивать Петербургъ съ другими европейскими столицами? — Нашъ образъ жизни. — Широкия русскія натуры. — Письмо моего знакомаго о переѣздѣ на дачу и о прелестяхъ дачной жизни. — Чай въ петергофскомъ воксалѣ «Velle-vue». — Успѣхи петербургскаго музыкальнаго общества. — Спускъ корабля «Императоръ Николай I». — Загородныя увеселенія. — Штраусъ и Бахъ. — Полявленіе Иалера и мужа Юліи Настраны. — Ученныя кинарейки и мыши. — Кавказскій горный козелъ или туръ. — Слонозъ, направляющійся въ Петербургъ изъ Бухары. — Воздушный шаръ г. Берга. — Еще о смерти юнкера барона Вреде. — Слухи о проектѣ общины заслуженныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. — Обѣдъ, 14 мая, въ честь членовъ редакціонныхъ комиссій.

Петербургъ превзошелъ всѣ европейскія столицы... дороговизною, но не имѣетъ и сотой доли тѣхъ удобствъ для жизни, которыя представляютъ Парижъ, Лондонъ и даже Берлинъ. Люди, получающіе десятки и сотни тысячъ дохода, вѣроятно, не замѣчаютъ этого; но тѣ, которымъ не выпало на долю такое счастье, тѣ семейные люди, доходы которыхъ не превышаютъ, напримѣръ, 5,000 р. с. съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе чувствуютъ тяготу, дороговизну и неудобства петербургской жизни. Я уже не говорю о людяхъ съ маленькими средствами или о людяхъ вовсе ничего неимѣющихъ и трудящихся для насущнаго хлѣба, — тѣмъ еще вездѣ дурно, при настоящемъ общественномъ устройствѣ. Петербургъ тщеславно величаетъ себя европейскимъ городомъ и ставитъ себя на ряду съ Па-

рижемъ и Лондономъ. Дѣйствительно, съ перваго поверхностнаго взгляда онъ мало чѣмъ уступаетъ европейскимъ городамъ. Его безчисленные дворцы, его громадныя зданія, гранитныя набережныя и прочее придаютъ ему великолѣпіе, но это не болѣе, какъ декорация, поражающая издали. Рассмотрите Петербургъ поближе и въ подробностяхъ, войдите въ его внутреннюю жизнь — тогда вы убѣдитесь, что его тщеславіе ставитъ себя на одну доску съ европейскими городами не имѣетъ никакого основанія, что ему очень еще далеко отъ того комфорта и отъ тѣхъ удобствъ, которыми давно уже пользуются большіе европейскіе города, что онъ нарядился и разукрасился до нѣкоторой степени по европейски и щеголяетъ своимъ нарядомъ, какъ щеголяетъ какой нибудь князекъ дикаго племени золочеными эполетами на голомъ тѣлѣ и трехъ-угольной шляпой съ султаномъ, не думая о томъ, что прежде эполетъ и трехъ-уголки съ султаномъ, надобно бы было прикрыть свое тѣло.

Не шутя. При неустройствѣ и неудобствѣ петербургской жизни, его великолѣпныя и громадныя палацы съ каріатидами — это золоченые эполеты на плечахъ голаго дикаря....

Неудобно ли проѣхаться по петербургскимъ мостовымъ — осенью, или особенно весною?

Но, что же дѣлать? — Говорятъ, что никакія мостовыя не выдержатъ на болотистомъ петербургскомъ грунтѣ. Неправда. Вѣрнѣе сказать, что ни на какомъ грунтѣ не удержатся мостовыя, устроенныя по нашему патріархальному способу. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ удержаться на какомъ бы то ни было грунтѣ неровный камень кое-какъ прилагаемый къ другому неровному камню и замазанный въ промежуткахъ грязью или землею, а сверху кое-какъ прикрытый щебнемъ и пескомъ?

Въ послѣднее время, правда, дѣлали опыты новаго мощенія, но тоже кое-какъ, безъ всякаго присмотра, на авось, какъ все еще дѣлается у насъ, и потому эти опыты не удавались.

Итакъ мостовая въ Петербургѣ или самая жалкая — за исключеніемъ Невскаго Проспекта и Большой Морской, въ которыхъ впрочемъ торцовая мостовая передѣлывается ежегодно въ теченіе цѣлаго лѣта, слѣдовательно по большей части загорожена рогатками, — или, какъ въ отдаленныхъ частяхъ города — на Выборгской и Петербургской сторонахъ, въ этихъ пріютахъ бѣдныхъ людей, гдѣ грязь и топь и нѣтъ не только никакого проѣзда, даже прохода, потому что деревянныя тротуары сгнили, покривились, въ однихъ мѣстахъ подвинулись, въ другихъ опустынились или провалились, обнаруживъ канавы со стоящею водою, покрытою плесенью....

Бѣдный челоѣкъ рискуеть, возвращаясь вечеромъ домой, а зимній петербургскій вечеръ начинается въ 4 часа, переломить себѣ ногу, или быть ограбленнымъ, потому что въ этихъ отдаленныхъ частяхъ Петербурга не существуетъ почти никакого освѣщенія. Нѣсколько масляныхъ фонарей стараго устройства нельзя же назвать освѣщеніемъ.

Да и что такое освѣщеніе всего Петербурга, за исключеніемъ немногихъ большихъ улицъ?...

Спиртовые маленькіе фонари, замѣнившіе старыя масляныя едва-едва освѣщаютъ набережную Фонтанки. Въ двухъ шагахъ отъ Невскаго Проспекта вправо и влево отъ Анничкина моста почти тьма. — Въ самомъ центрѣ города, на Михайловской площади, по аллеѣ ведущей къ Михайловскому замку, еще до сихъ поръ уныло мерцають старыя масляныя фонари, представляющіе смѣшной контрастъ рядомъ съ газовыми фонарями, которыми освѣщена Караванная улица.

И къ чему зажигаютъ эти несчастныя масляныя фонари? Для чего тратять на нихъ бесполезно масло? — Они даютъ только копоть и красноватое мерцанье.

Итакъ ни порядочныхъ мостовыхъ, ни порядочнаго освѣщенія — первыхъ городскихъ потребностей — еще въ великолѣпномъ Петербургѣ не существуетъ.

Воды также нѣтъ, несмотря на то, что Петербургъ весь въ водѣ, гордится прекрасною рѣкою и прорѣзанъ каналами. Бѣдные люди пьютъ гнилую и вонючую воду изъ каналовъ, куда проведены сточныя трубы для нечистотъ изъ равныхъ казенныхъ зданій, стоящихъ на набережныхъ, а для людей со средствами возятъ невскую воду патриархальнымъ образомъ въ бочкахъ.... Недавно только какой-то остроумнымъ господамъ пришла мысль о водопроводахъ.... Учредилось общество на акціяхъ, но когда проведется вода — это еще неизвѣстно.

Читатели наши знаютъ, какъ дѣйствовало правленіе общества. Послѣ перваго знаменитаго собранія акціонеровъ, о которомъ мы сообщили длинную выписку изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», говорить, было второе собраніе — и гг. Палибинъ и Веймарнъ отказались въ этомъ собраніи отъ директорства. Контрактъ заключенный правленіемъ съ г. Полетикою — героемъ знаменитаго диспута Перозіо съ Смирновымъ — не утвержденъ ревизіонною комиссіею, а нѣкоторыя распоряженія общества снисходительно приняты комиссіею... Когда же Петербургъ будетъ снабженъ водою?

Это еще вопросъ!

Въ Петербургѣ множество домовъ отдѣланныхъ съ большою роскошью и вкусомъ, но для средняго рода людей, какъ выражается г. Безобразовъ, почти нѣтъ удобныхъ квартиръ, доступныхъ по цѣнѣ. Квартиры, за которыя платили семь лѣтъ тому назадъ 1,200 р. с., теперь стоятъ 2,400 р., а цѣна на мелкія квартиры возрасла болѣе, чѣмъ вдвое. Хозяева домовъ не помышляютъ ни о порядкѣ, ни о чистотѣ содержанія, а заботятся только о томъ, какъ бы сбыть квартиры по дорожке. Во многихъ большихъ домахъ не болѣе двухъ дворниковъ, которыхъ никогда и отыскать нельзя; грязная дворницкая, въ которую не дай Богъ заглянуть никому, всегда почти заперта на замокъ. Управляющіе домами ссылаются на владѣтелей домовъ, владѣльцы на управляющихъ — и никакого толку не доберешься. Меблированныхъ квартиръ развелось въ послѣднее время много, но они или неслыханныхъ цѣнъ, или такъ грязно и плохо меблированы, что войти въ нихъ гадко. Я ужъ не говорю о расположеніи мелкихъ квартиръ: передняя съ кухней и три крошечныхъ проходныхъ комнаты — онѣ почти всѣ устроены на одинъ ходъ и такія квартиры въ лучшихъ частяхъ города безъ мебели, безъ воды, безъ дровъ, въ 4 этажѣ, стоятъ до 30 р. с. въ мѣсяцъ!... Хозяйственного пріюта въ нихъ ни малѣйшаго — никакого чуланчика, провизія должна стоять между дверей при входѣ въ квартиру, печки по большей части чугунныя, скоро раскаляющіяся и скоро охлаждающія, и потому въ комнатахъ то нестерпимый жаръ, то холодъ. На лѣстницахъ нечистота, грязь, удушающій запахъ. Дворы грязные, заставленные дровами.

И есть люди, которые восхищаются чистотою Петербурга и удивляются, вѣроятно, еще со словъ Карамзина и Фонъ-Визина, что Парижъ нестерпимо грязенъ!

А наемные петербургскіе экипажи? Засаленные и дребезжащіе дрожки, запряженные еле-движущимися клячами, извозчики въ оборванныхъ и грязныхъ кафтанахъ, четверомѣстныя колымаги, съ разбитыми стеклами, не поднимающимися и не опускающимися, съ дверьми не отворяющимися и не закрывающимися.... Можетъ ли чтонибудь быть безобразнѣе, неудобнѣе и грязнѣе петербургскихъ наемныхъ экипажей? И при томъ цѣны какія! менѣе 4 р. с. въ день нельзя найти карету, въ которую войдетъ меракъ. О таксѣ никто и слышать не хочетъ. Провѣкъ о таксѣ

..... «Ту пользу произвелъ,
Что въ дождь еще никто пролетокъ не нашелъ»....

Наемъ въ Петербургѣ скольконибудь сноснаго экипажа и пары лошадей стоитъ теперь отъ 175 до 120 р. въ мѣсяцъ.

Цѣна на всѣ жизненные припасы увеличивается съ каждымъ годомъ неизмѣрно.

Прислуга становится также дороже. Меньше 10 и 12 р. с. въ мѣсяцъ теперь невозможно достать ни порядочнаго человѣка, ни порядочную горничную. Да и за эту еще плату достать порядочныхъ людей трудно. Наша прислуга не привыкла ни къ дѣятельности, ни къ порядку, о чистотѣ она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Эта прислуга сестонуть или изъ вольноотпущенныхъ, еще не свыкшихся съ своимъ новымъ состояніемъ, еще не сознающихъ своей самостоятельности и необходимости серьезнаго труда, для поддержанія своего существованія, или изъ крѣпостной дворни — грязной, забитой и отупѣвшей отъ рабства.

Въ домѣ у однихъ моихъ знакомыхъ, года два тому назадъ, нанялась крѣпостная горничная за 10 р. с. въ мѣсяцъ, которая должна была платить ежемѣсячно оброку своей барынѣ 5 р. с. Барыня эта, у которой осталось только изъ 50 душъ четыре крѣпостныхъ души, которыми она себя питала, два раза въ недѣлю приходила въ гости къ своей горничной и заставляла сверхъ 5 р., получаемыхъ отъ нее, угощать себя кофеемъ.

Другая горничная, служившая нѣсколько лѣтъ въ одномъ домѣ и платившая аккуратно также значительный оброкъ господамъ, — вдругъ потребована была господами, прибывшими въ Петербургъ, которые приказали ей немедля оставить этотъ домъ, въ которомъ она уже свыклась, говоря, что они отыскали ей другое мѣсто у своихъ знакомыхъ, а для того, чтобы она не избаловалась, нававили на нее оброка лишнихъ 2 р. въ мѣсяцъ, распорядившись такъ, что оброкъ за нее они будутъ получать прямо съ своихъ знакомыхъ.

Такихъ фактовъ о крѣпостной прислугѣ, ходящей по оброку — тысячи.

Что же мудренаго послѣ этого, что порядочный лакей, или порядочная горничная въ Петербургѣ — рѣдкость?

За границей одна горничная дѣлаетъ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ нѣсколько лакеевъ и нѣсколько горничныхъ.

Крѣпостная дворня привыкла къ грязи, рабству и тунеядству и крѣпостной человѣкъ скорѣе согласится пойти на меньшее жалованье, чтобы только работать кое-какъ и немного, чѣмъ трудиться какъ слѣдуетъ и получать большое жалованье.

Эта страшная петербургская дороговизна и эти безчисленные неудобства петербургской жизни становятся еще невыносимѣе и тягостнѣе отъ нашихъ барскихъ, азіатскихъ и помѣщичьихъ привычекъ. Мы толкуемъ о прелести и удобствахъ заграничной жизни, а

еще не можемъ отстать отъ замашекъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Наши двери открыты для званыхъ и незваныхъ: задавать обѣды, вечера и *угощать* — наша страсть. Мы еще не шутя считаемъ *гостеприимство*, которымъ такъ гордится Москва, — добродѣтельно и глупо продаемъ и проживаемъ вдвое больше того, чѣмъ получаемъ. Въ нашихъ хозяйствахъ нѣтъ никакой отчетности, мы нисколько не заботимся о томъ, чтобы сводить концы съ концами, живемъ на *авось*, по пословицѣ нашихъ предковъ: *все, что въ печи, все на столѣ лежи*.

Пора бы ужъ раздѣлаться намъ съ такою жизнью, перестать хвататься своими *широкими* (то есть безпутными и безалаберными) *натурами*, и приступая къ различнымъ общественнымъ реформамъ... переформировать прежде всего собственную, домашнюю жизнь, подобно съ современными требованіями и потребностями.

Признаюсь, для меня нѣтъ ничего противнѣе этихъ такъ называемыхъ широкихъ русскихъ натуръ.

Я былъ близко знакомъ со многими изъ нихъ.

Отличительною чертою этихъ господъ — безпрестанное заніманіе денегъ у всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, несмотря на то, что эти широкія натуры могли бы жить очень порядочно и скромно своими средствами, безъ всякихъ займовъ.

Перехватывать деньжонки — и не платить, вслѣдствіе распущенной безрасчетливой и безалаберной жизни, вошло у нихъ въ привычку, доходящую до безстыдства, до униженія собственнаго человѣческаго достоинства, хотя эти господа безпрестанно толкуютъ о чувствіи человѣческаго достоинства. Нѣкоторые изъ нихъ, по временамъ даже созная то унижительное положеніе, въ которое они себя ставятъ, восклицаютъ въ оправданіе:

— Чтожь дѣлать? — Удержаться-то не можешь. Видишь, натура-то у меня русская — широкая натура!

Заглянуть въ домашнюю жизнь широкихъ натуръ — страшно. Жена и дѣти часто сидятъ дома голодныя и безъ платья, а широкая натура, занявъ 10 или 20 цѣлковыхъ, кутитъ съ пріятелями у Дюссо, у Бореля, у Шотана, на Минеральныхъ водахъ, или въ *Monde Brillant*...

Одна изъ такихъ натуръ, во время оно, часто забѣгала ко мнѣ. Натура эта принадлежала человѣку неглупому, даровитому и образованному, имѣвшему обо-всемъ свѣтлыя и совершенно современныя понятія, любившему искусства, но увлекавшемуся до крайности и безпрестанно впадавшему въ восторженность.

Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Къ дѣтямъ онъ былъ повидимому привязанъ, потому что любилъ иногда возиться и нянчиться съ ними, жену онъ также любилъ, но періодически. По временамъ онъ находилъ въ ней поэтическую натуру и называлъ своею *Ундиночкой*—и тогда обнаруживалъ къ ней обыкновенно большую нѣжность и дарилъ ей шелковыя платья и разныя галантерейныя украшенія, не принимая въ соображеніе, что у нея нѣтъ ни бѣлья, ни чулокъ. По временамъ онъ вдругъ изъ пустяковъ придерется къ ней и ожесточится противъ нея. Прочтетъ ей какое нибудь стихотвореніе съ экстазомъ и покажется ему, что она приняла его холодно, не поняла его глубины и прелести. Онъ тотчасъ же надуется—и мгновенно Ундиночка превратится для него въ самую прозаическую, пошлую женщину. Оскорбленный и непонятый, онъ убѣжитъ изъ дому размыкать свое горе, займетъ денегъ и предастся нѣсколько дней самому отчаянному разгулу, отыщетъ какую нибудь Мину, Луизу, Машу или Катю, восторгается ею нѣсколько дней, даже пишетъ стихи къ этому *погибшему, но милому созданью* и возводитъ въ это время въ апоэеозу всѣхъ такого рода женщинъ... Потомъ погибшее, но милое созданіе опротивѣетъ ему, онъ клянеть свое легкомысліе и увлеченіе, возвращается къ своей голодной Ундиночкѣ, падаетъ къ ногамъ ея, — нѣсколько дней не отходитъ отъ своихъ малютокъ, которые также голодали, и дѣлается на время примѣрнымъ мужемъ и отцомъ до новаго охлажденія къ семейному быту.

Въ минуты такого покаянія, онъ занимаетъ деньги для того, чтобы загладить какъ нибудь свое увлеченіе и доставить Ундиночкѣ всѣ возможныя удовольствія: нанимаетъ экипажъ, возитъ ее въ театръ, покупаетъ ей подарки, дѣтямъ игрушки, и прочее. Но убѣгая изъ дому и предаваясь разгулу, онъ не всегда проклинаетъ себя и не всегда падаетъ къ ногамъ своей Ундиночки, какъ раскаявающійся грѣшникъ.—Очень часто онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что для артистическихъ, широкихъ натуръ нестерпимо однообразіе,—тишина, дрязги и мелочи домашней жизни, что такимъ натурамъ, какъ его, необходимо по временамъ освѣжаться и обновляться въ разгулѣ...

Господинъ съ широкой натурой нѣсколько разъ занималъ у меня и у общихъ нашихъ знакомыхъ отъ 200 до 5 рублей и менѣе, съ обѣщаніемъ отдать черезъ полгода, черезъ мѣсяць, черезъ недѣлю, черезъ день, но проходили послѣ этого годы, а о деньгахъ поминка не было.

Однажды онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ волненіи.

— Бога ради, спасите меня,—сказалъ онъ опускаясь въ кресло и закуривая сигару,—голосъ его дрожалъ,—мнѣ до зарѣзу нужно 100 рублей. Я рассчитывалъ на полученіе денегъ, которыя мнѣ слѣду-

югъ отъ N и до сихъ поръ не получилъ ихъ, а между тѣмъ мы три дня—жена, дѣти и я сидимъ—повѣрите-ли? почти голодными... Мы пытались тюрей изъ чая, да и чаю-то мнѣ изъ жалости прислалъ одинъ добрый человѣкъ... у меня рѣшительно нѣтъ полушки... Къ вамъ я прибѣгаю, какъ къ человѣку съ благородными убѣжденіями и горячимъ сердцемъ... Я увѣренъ, что вы войдете въ мое положеніе... Я вамъ долженъ, я виноватъ передъ вами, но я отдамъ вамъ все... погодите немного. Будь я одинъ—я бы перенесъ все это и не прибѣгнулъ бы ни къ чьей помощи, но дѣти, жена — и еще какая жена! Существо кроткое, нѣжное, благородное... и я, нестойкій праха ногъ ея, заставляю ее томиться съ голода... Это ужасно! ужасно!

На глазахъ его дрожали слезы и онъ схватилъ себя за голову...

У меня неостало духу отказать ему—и я далъ ему деньги.

Онъ схватилъ меня за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

— Я этого никогда не забуду, повѣрите. Не за себя, а за моихъ бѣдныхъ малютокъ и за мою несчастную жену я благодарю васъ.

На другой день я получилъ отъ него слѣдующую записку:

«Если вы сегодня вечеромъ ничего особеннаго не дѣлаете, пріѣзжайте ко мнѣ. Вы этимъ насъ глубоко, искренно обяжете, у насъ будетъ сегодня кое-кто изъ нашихъ общихъ пріятелей; отведемъ душу въ умномъ и пріятномъ разговорѣ за бутылкой добраго вина. Мы будемъ нетерпѣливо ждать васъ».

Я нашелъ у господина съ широкой натурой человѣкъ до пятнадцати разныхъ лицъ. Жена его была разодѣта, онъ самъ былъ необыкновенно живъ и любезенъ. Когда, послѣ чая, я хотѣлъ отправиться, онъ спряталъ мою шляпу и удержалъ меня.

— Послѣ ужина, какъ хотите, говорилъ онъ, — а ужъ до ужина я не пушу васъ ни за что!

Ужинъ былъ отличный съ различными винами и шампанскимъ.

Хозяинъ, съ беззаботнымъ видомъ и веселыми прибаутками, дѣлалъ гостямъ вино черезъ край.

Кажется, что всѣ мои сто рублей пошли на этотъ вечеръ.

И еще еслибы въ этомъ угощеніи была какая-нибудь цѣль, если бы онъ имѣлъ какіе-нибудь виды на котораго-нибудь изъ угощаемыхъ!—Нисколько.—Всѣ эти люди были собраны имъ случайно, со многими изъ нихъ господинъ съ широкой натурой былъ даже мало знакомъ.

На слѣдующій день у него не осталось ни копѣйки — и онъ вѣроятно принужденъ былъ снова бѣжать къ кому-нибудь призвать, ссылаясь на голодъ жены и дѣтей.

Сначала еще долги безпокошли его, до тѣхъ поръ покуда онъ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе возвращать ихъ, но потомъ, совершенно запутавшись, онъ махнулъ рукой и сталъ занимать у всѣхъ безъ разбора, почти съ сознаниемъ, что онъ беретъ безъ отдачи... Я говорю почти, потому что онъ все-таки успокоивалъ свою совѣсть тѣмъ, что онъ современемъ можетъ быть сойдется съ какимъ нибудь практическимъ человѣкомъ, вступить съ нимъ въ какое нибудь коммерческое предпріятіе, разбогатѣть — и тогда расплатится со всѣми.

Онъ избобрѣлъ тысячи способовъ выпрашиванія денегъ.

— Душенька, говорилъ онъ своему пріятелю, — голубчикъ, дай мнѣ 25 р. до послѣ завтра. Я клянусь тебѣ, что послѣ завтра ровно въ 3 часа деньги твои будутъ возвращены.

— Откуда же ты возьмешь послѣ завтра деньги? спрашивалъ пріятель.

Широкая натура нѣсколько оскорблялась этимъ вопросомъ.

— Ужь если я тебѣ говорю, такъ это свято, а мое дѣло знать откуда я возьму.

— Но, любезный другъ, возражалъ пріятель, — у меня нѣтъ ни гроша. Я послѣдніе вчера отдалъ Р. (Р. такъ широкая натура). Онъ чуть не на колѣняхъ у меня выпросилъ и я принужденъ былъ дать ему, хотя я знаю, что онъ не отдастъ ихъ мнѣ никогда.

— Но вѣдь я, братецъ, не Р., съ достоинствомъ восклицаетъ широкая натура, — я возьму у тебя, такъ ужь я, вѣрно, отдамъ.

— Я тебѣ говорю, что у меня нѣтъ денегъ. Вотъ послѣдніе десять рублей...

И пріятель вынимаетъ бумажникъ и показываетъ десятирублевую депозитку.

— Ну, Богъ съ тобой, восклицаетъ широкая натура, вздыхая и отдуваясь, — дай мнѣ до завтра хоть 5 р. Вѣдь тебѣ будетъ довольно остальныхъ 5 р. до завтра.

Пріятель отдаетъ 5 р. и широкая натура бѣжитъ къ другому своему знакомому, который въ это мгновеніе приходитъ ему въ голову.

— Батюшка, отецъ родной! говоритъ онъ знакомому, — вы можете спасти меня отъ позора. Завтра ворвется ко мнѣ полиція описывать все. жена моя больна—это ее убьетъ, маленький мой боленъ... мнѣ не на что купить лекарства. Дайте мнѣ Христа ради 75 р. на двѣ недѣли. Я какъ нибудь устрою съ полиціей и куплю малюткѣ лекарства.

— Мнѣ очень жаль, отвѣчаетъ знакомый, — но я переѣзжаю на дачу; мнѣ теперь нужны деньги, лишнихъ у меня нѣтъ...

— Въ такомъ случаѣ до послѣ завтра, смѣло перебываетъ широкая натура, — я вамъ послѣ завтра непременно отдамъ.

— Да я ѣду сегодня...

— Ну такъ я вамъ сегодня вечеромъ пришлю съ кухаркой...

— Да я ѣду сейчасъ, сію минуту... видите ли комнаты мои пусты, мой sac de voyage готовъ...

Широкая натура схватываетъ себя за волосы и произноситъ отчаяннымъ голосомъ:

— Ну такъ я пропалъ!

Съ нимъ почти дѣлается дурно.

Знакомый смущается и даетъ ему 25 рублей.

Иногда онъ объявляетъ просто знакомому, что онъ не выйдетъ изъ его квартиры, если онъ не дастъ ему прескромныхъ денегъ и знакомый, чтобы отвязаться отъ него, поневолѣ даетъ ему.

Широкая натура нерѣдко вдругъ обращается къ какому нибудь господаину, съ которымъ она познакомилась за два часа передъ тѣмъ...

— Ахъ скажите, — нѣтъ ли у васъ 20 рублей... я забылъ взять съ собой бумажникъ... позвольте вашъ адресъ. Я вамъ пришлю завтра.

И такія продѣлки широкихъ натуръ иногда удаются.

Широкая натура, о которой я веду рѣчь, познакомилась однажды на вечерѣ у одного очень богатаго человѣка съ пожилымъ, очень почтеннымъ и небогатымъ человѣкомъ. Пожилой, почтенный и небогатый человѣкъ былъ въ восхищеніи отъ ума, начитанности и свѣдѣній широкой природы. Они разстались почти по пріятельски и почтенный человѣкъ просилъ широкую натуру къ себѣ.

Широкая натура была у него черезъ два дня послѣ этого съ визитомъ и не застала его дома.

Черезъ двѣ недѣли почтенный человѣкъ получаетъ отъ нее слѣдующее письмо:

«Я обращаюсь къ вамъ прямо и довѣрчиво, не принимая въ соображеніе никакихъ свѣтскихъ условій и приличій. Эти два часа, которые я провелъ съ вами у Д., никогда не изгладятся изъ моей памяти. Ваши глубоко человѣческія убѣжденія въ эти два часа сблизили меня съ вами такъ, что я уже не могу считать васъ чуждымъ мнѣ. Передъ вами я выскажусь откровенно, безъ стыда, какъ высказался бы передъ самымъ близкимъ мнѣ человѣкомъ... Мое положеніе...

(Здѣсь излагается стѣсненное, бѣдственное положеніе... голодающая жена, дѣти и прочее...) Письмо заключается слѣдующими словами:

«Одолжите мнѣ 500 р. на два мѣсяца. Ровно черезъ два мѣсяца я возвращу вамъ эти деньги, съ чувствомъ глубочайшей признательности, какъ къ человѣку спасшему меня отъ гибели»...

Почтенный человѣкъ не имѣлъ 500 р., онъ досталъ ихъ съ величайшими затрудненіями на два мѣсяца и немедленно послалъ ихъ широкой натурѣ.

Черезъ два мѣсяца почтенный человѣкъ возвратилъ собственныя деньги тому, у кого занялъ, и написалъ нѣсколько писемъ къ широкой натурѣ, на которые не получилъ никакого отвѣта. Съ тѣхъ поръ онъ и не видалъ широкой природы, потому что даже при видѣ почтеннаго человѣка на улицѣ, широкая натура мгновенно скрывается отъ него подъ ворота.

— Ничего не можетъ быть ужаснѣе такого рода жизни, но люди съ широкой натурой свыкаются съ нею и даже не тяготеютъ ею. Прятаться подъ ворота, сносить чуть не ежемѣсячные визиты полиціи для описыванія движимости, терпѣть ироническія улыбки пріятелей—имъ ни почемъ.

Почти всю жизнь они висятъ на волоскѣ надъ пропастью, а между тѣмъ не срываются съ волоска и живутъ себѣ, утѣшая себя различными фантазіями и надеждами и даже по временамъ, какъ мы видѣли, задаютъ вечера. И никто не рѣшается сказать въ глаза правду этимъ людямъ, да и за чѣмъ, впрочемъ, говорить? Вѣдь ихъ не образумишь. Строгіе пріятели, которые посматриваютъ на нихъ съ ироническими улыбками, приходятъ въ справедливое негодованіе и ужасъ за глаза отъ ихъ поступковъ, называютъ ихъ людьми безсовѣстными, очень спокойно посѣщаютъ ихъ вечера, съ большимъ аппетитомъ кушаютъ и пьютъ вино добытое, по выраженію этихъ строгихъ пріятелей, на безчестно занятія безъ отдачи денеги, вымоленные именемъ голодной жены и дѣтей.

Но о широкихъ натурахъ я только хотѣлъ замѣтить мимоходомъ, заговоривъ о дороговизнѣ и неудобствахъ петербургской жизни. Впрочемъ, широкія природы принадлежатъ также къ неудобствамъ этой жизни, — потому что въ послѣднее время ихъ что-то очень много развелось въ Петербургѣ, и каждый разсчетливый человѣкъ, съ не совсѣмъ твердымъ характеромъ, долженъ въ числѣ своихъ ежегодныхъ расходовъ опредѣлить, смотря по своему состоянію, ежегодно отъ 25 до 200 рублей и болѣе на удовлетвореніе широкихъ натурѣ....

Въ дополненіе о неудобствахъ петербургской жизни, я сообщу моимъ читателямъ письмо, полученное отъ моего знакомаго, большаго охотника писать длинныя письма о переѣздѣ его на дачу и о дачной жизни въ маѣ мѣсяцѣ.

«29 мая 1860 г.»

«Вотъ уже двѣ недѣли, любезный другъ, какъ я дрожу отъ холода и сырости на дачѣ, я простудился, у меня насморкъ, кашель.... но я готовъ бы примириться со всѣмъ этимъ.... Когда нибудь наступятъ же теплые дни, кашель и насморкъ пройдетъ.... А на дачѣ все-таки, по крайней мѣрѣ, дышешь свѣжимъ воздухомъ; но переѣздъ на дачу.... это одна изъ невыносимыхъ вещей въ жизни петербургскаго жителя — и я до сихъ поръ не могу еще оправиться и образумиться отъ этого проклятаго переѣзда. При переѣздѣ на дачу только можно убѣдиться и ужаснуться, до какой степени хваленый Петербургъ отсталъ еще во всемъ отъ европейскихъ городовъ: никакихъ удобствъ, ничего для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей.... все дѣлается кое-какъ, все на авось, на патріархальный манеръ. Вотъ объ этомъ-то безобразіи и неудобствахъ петербургской жизни должны были бы безъ умолку кричать петербургскіе фельетонисты. Это ихъ дѣло....

«Только тѣ, которые черезъ край могутъ пользоваться благами міра сего, не страдаютъ отъ петербургскихъ неудобствъ и воображаютъ, что Петербургъ малымъ чѣмъ уступаетъ Парижу и Лондону. Имъ только стоитъ сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, или на пароходъ, чтобы переселиться изъ своихъ городскихъ домовъ на дачи. Имъ не нужно перетаскивать мебель, посуду, весь домашній скарбъ, а попробовали бы они переселяться на дачи такъ-какъ переселяется каждую весну большинство многотерпѣливыхъ петербургскихъ жителей, что бы они заговорили тогда о Петербургѣ! Куда намъ до Парижа и до Лондона; великолѣпная Сѣверная Пальмира имѣетъ развѣ немного побольше удобствъ къ жизни, чѣмъ какою нибудь Усть-Сысольскъ или Царевкокшайскъ!

«Я рѣшился переѣхать на дачу 10 мая, помышляя впрочемъ заранее съ ужасомъ о переѣздѣ.

«Наканунѣ человекъ мой отправился нанимать роспуски для перевозки мебели и домашняго скарба. Роспуски эти нанимаются или просто, или съ какими-то вельпыми, безобразными и тяжелыми ящиками, сколоченными изъ досокъ, которыя однако все-таки предохраняютъ вещи отъ дождя. Роспуски съ ящиками стоятъ отъ 1 р. до 50 к., дороже простыхъ роспусковъ. Я вельгъ нанять съ ящиками.

«Я переселялся за Ораніенбаумъ, то есть за 40 слишкомъ верстъ отъ Петербурга. На пароходахъ и на желѣзной дорогѣ перевозить вещи неудобно, потому что ни въ Петергофѣ, ни въ Ораніенбаумѣ нельзя достать ни лошадей, ни людей для перевозки ихъ отъ дебаркадера желѣзной дороги и отъ паромной пристани на дачи, да и

едва ли парходная петергофская компанія принимаетъ громоздкія вещи.

«Остается слѣдовательно одинъ способъ перевозки — роспуски или такъ называемые *ломовые* извозчики, название очень удачное, если только оно происходитъ отъ глагола *ломать*?»

«Человѣкъ мой явился ко мнѣ съ печальнымъ видомъ, который всегда раздражительно дѣйствуетъ на мои нервы и промзнесъ, закладывая руки назадъ, глухимъ голосомъ:

«— Не ѣдутъ-съ менѣе 7 рублей. Я кажется всѣ биржи проишло-шелъ, да еще съ ящичками просятъ 8 рублей — такіе мошенники!

«— Ну что жь дѣлать, любезный, сказалъ я со вздохомъ: — коли нельзя меньше, такъ найдемъ и за восемь.

«Человѣкъ мой съ упрекомъ покачалъ головою.

«Надобно замѣтить, что онъ служитъ у меня нѣсколько лѣтъ, что онъ боленъ, раздражителенъ, честенъ и помѣшанъ на моей экономіи.

«— Да вѣдь у насъ выйдетъ воза четыре.

«— Ну такъ что жь?

«— Какъ что жь? Такъ вѣдь имъ придется разбойникамъ по 8-ми рублей — 32 рубля — шутка!

«— Да коли дешевле не ѣдутъ. Не оставаться же намъ изъ-за этого въ городѣ.

«— Нѣтъ ужь воля ваша, а эдакую цѣну дать невозможно. Я скожу еще. Можетъ и дешевле найду.

«— Ну какъ хочешь, только поскорѣй....

«— Да для чего торопиться-то. Еще и дача надоѣстъ. Лучше экономію соблюсти.

«Часа черезъ три онъ явился и объявилъ мнѣ съ торжествомъ, что нанялъ роспуски съ ящичками по 6 рублей.

«Онъ хотѣлъ непремѣнно отправиться при возахъ, какъ онъ выражался, но я не допустилъ его до этого....

«— Куда тебѣ большому тащиться съ возами цѣлую ночь, замѣтилъ я.

«— Да я нокрайности сохранию все въ цѣлости.... Позвольте ужь мнѣ, сударь, отправиться съ возами.

«Когда я рѣшительно объявилъ, что этого не будетъ, онъ нахмурился и вышелъ ворча:

«— Ну пусть же все переломають, вамъ же хуже.

Возы отправились часовъ въ семь вечера. Въ десять пошелъ проливной дождь.

«Человѣкъ мой стоналъ и охалъ.

«— Вотъ торопились, говорилъ онъ, смѣясь на меня и качая головою съ упрекомъ:—теперь все добро изгадать и погубить. Вишь какой ливень!

«И онъ съ злобой указывалъ на окно.

«Онъ отправился на дачу на другой день для того, чтобы все устроить къ моему прїѣзду. Передъ отъѣздомъ, онъ былъ въ очень дурномъ расположеніи и все ворчалъ про себя: «что-то наша бѣдная мебель?»

«Черезъ день я прїѣхалъ на дачу. Вѣтеръ былъ свирѣпый и холодный. Небо сѣрое, дождь накрапывалъ безпрестанно. Зелень еще едва показалась на деревьяхъ.

«Дача казалась ужасно мрачною и печальною.

«По срединѣ двора стоялъ мой человѣкъ совершенно убитый надъ развалинами какого-то шкафа.

«— Вотъ, сударь, полюбуйтесь, — сказалъ онъ, — я говорилъ вамъ. Разбойники! Разбойники! повторялъ онъ. — Да это еще что! Ни одной вещи не осталось цѣлой.

«И онъ ввелъ меня въ комнаты.

«— Стулья всѣ потерты, — вотъ изволите видѣть, — говорилъ онъ, — а четыре стула изъ той дюжины рѣшетчатой, что мы купили въ гостинномъ дворѣ, совсѣмъ развалились... Ну да это гостинно-дворская мебель только переводъ деньгамъ. Это ужъ извѣстные мошенники! Ужъ этой мебели не жалко, а вотъ на вашемъ на большомъ-то диванѣ всю матерію изгадили... какъ дождь шель, такъ и остались на немъ ручки, тюфякъ одинъ оборвали... Сколько убытку на дѣлали! Я за то этимъ подлымъ извощикамъ ничего не далъ на водку, какъ они не конючили и не ругались.

«— Да чѣмъ же виноваты извощики, что дождь шель, что на ихъ роспускахъ можно возить муку и овесъ, а не мебель?

«— Какъ чѣмъ? перебилъ онъ меня съ досадою, — они должны за все отвѣтствовать.

«— Нѣтъ, любезный другъ, продолжалъ я, — виноваты не извощики, а мы сами, потому что у насъ еще нѣтъ никакихъ удобствъ для жизни, никакого порядка. Для перевозки вещей и мебели въ большихъ городахъ за границей существуютъ особые компаніи. Мебель и вещи перевозятся на удобныхъ и большихъ дрогахъ на рессорахъ и подъ навѣсомъ, такъ что ни одна вещь не можетъ изломаться на такихъ дрогахъ и ни одна капля дождя не можетъ смочить мебели, хотъ бы во время переѣздки шель ливень. А если у насъ до сихъ поръ нѣтъ другаго способа для перевозки мебели, какъ роспуски, на которыхъ нѣтъ возможности въ цѣлости довозить вещь,—

то это ужь не вина ломовыхъ извозчиковъ. Спасибо имъ еще за то, что они берутся не за свое дѣло, безъ нихъ намъ и на дачи переѣзжать не было бы возможности.

«Человѣкъ мой задумался.

«— Это точно что такъ, замѣтилъ онъ черезъ минуту, — какъ бы размышляя. А за границей-то вы изволите говорить на крытыхъ дрогахъ перевозятъ мебель? Вотъ это умно... Нечего сказать, тамъ хитрый народъ... Отчегожь, сударь, мы-то не перейдемъ этого?

«— Да потому, братецъ, что мы лѣнны и привыкли жить кое-какъ, на авось.

«— Правда ваша... Крытые дроги да еще на лесорахъ! повторилъ мой человѣкъ.

«Эти крытые дроги чрезвычайно понравились ему и онъ долго качалъ головою и пріятно улыбался.

«Несмотря на то, что человѣкъ мой истоилъ всѣ печи (къ счастью, дача моя съ печами), въ комнатахъ нахло гнилью и сыростию.

«Дача, которую занимаю я, отдается въ лѣто за 300 рублей; но она уже лѣтъ десять не исправлялась — и потому полы въ ней съ огромными щелями, двери и окна плохо запираются, ступенки на балконѣ подгнили и едва держатся оттого, что на нихъ льетъ дождь съ крыши: — крыша безъ жолобовъ, сквозь доски на полу балкона показывается травка, мостикъ черезъ кававку, ведущую съ улицы въ садъ, съ одной стороны провалился, перила также рухнули.

«— Это надобно исправить, сказалъ я хозяину, показывая на мостикъ.

«— Исправить-то это мы исправимъ, отвѣчалъ онъ, — да вотъ бѣда, здѣсь лѣсу трудно достать, да и рабочихъ еще не отыщешь. Надобно подрядить въ праздничный день плотниковъ, которые работаютъ тутъ по близости.

«Наступилъ праздникъ. Плотники дѣйствительно явились. Покопались утромъ часа четыре, кое-какъ поправили доски на мосту и недокончивъ работу ушли.

«— Что съ ними мошенниками будешь дѣлать, говорилъ хозяинъ дачи, — деньги берутъ большіе, а дѣла не дѣлаютъ. Обѣщались прійти да и не пришли. Ужь видно надобно будетъ подождать до слѣдующаго праздника.

«Дня черезъ четыре я кое-какъ устроился и думалъ, что все вошло въ надлежащую колею.

«Вдругъ человѣкъ мой является передо мною съ печальнымъ видомъ...

«— Что еще? спросилъ я въ испугѣ.

«— Да какъ же, сударь, на счетъ воды?

«— Чтожь вода?

«— Вѣдь безъ воды нельзя. Эхъ, сударь, вамъ надобно-бы было ужь дачу-то напимать съ водою, а теперь что будешь дѣлать?

«— Очень просто. Платить за воду помѣсячно, какъ это обыкновенно водится.

«— Хозяинъ говоритъ, что онъ возить не будетъ менѣе 8 р. с. въ мѣсяцъ.

Надобно замѣтить, что до колодца, изъ котораго возить воду четыре минуты ходьбы.

«— Вотъ не подрядились заранѣе, ворчалъ мой человекъ, — такъ теперь и заплатите слишкомъ 30 рублей за одну воду. Вѣдь это развореніе.

«— Позови хозяина.

«Хозяинъ явился и началъ говорить, что ему воду возить невыгодно, что ему наплевать на 8 рублей въ мѣсяцъ, а что онъ для своего удовольствія можетъ порѣшить это дѣло полюбовно, не требуя съ меня ни копѣйки; что одинъ день онъ будетъ возить мнѣ воду на своей лошади, а другой день мой кучеръ на моей лошади.

«— Я нанимаю коляску и пару лошадей за 120 р. с. въ мѣсяцъ, кромѣ того кормлю кучера и плачу ему 5 р. въ мѣсяцъ на водку. Выѣзжаю я только вечеромъ и то не надолго. Кучеръ почти цѣлый день свободенъ и ничего не дѣлаетъ и не хочетъ дѣлать.

«Я призвалъ кучера.

«— Тебѣ надобно черезъ день возить воду, — сказалъ я, — лошадь не можетъ утомиться, потому что вода въ двухъ шагахъ. — Бочку, хомутъ для лошади и прочее дасть тебѣ хозяинъ.

«— Воля ваша, — сказалъ кучеръ въ раздумьи и почесываясь, — это никакъ невозможно. Оно конечно, что близко, но наши лошади къ этому непривычны. Ну, сохрани Богъ, испортится лошадь — я отвѣчаю хозяину. Безъ хозяина я не смѣю.

«— Ты просто лѣнтяй и ничего не хочешь дѣлать.

«— Да помилуйте. У меня гибель и безъ того работы.

«— Чтожь ты дѣлаешь?

«— Экипажъ мыть, сбрую чистить — мало ли что!

«Дѣлать было нечего. Я прогналъ кучера и вопросъ о водѣ остался еще до сихъ поръ неразрѣшеннымъ.

«Навимаая экипажъ и лошадей, я объявилъ хозяину его, что за платою 120 р. ему и 5 р. кучеру, я уже не хочу знать ничего.

«— Само собой разумѣется, подтвердилъ хозяинъ.

«Между тѣмъ, послѣ моего перехода, кучеръ безпрестанно является ко мнѣ и проситъ деньги то на мазь, то на починку дышла,

то на новку лошадей, говоря, что хозяинъ денегъ ему не давалъ, такъ ему нечего дѣлать, а на неподкованныхъ лошадяхъ ѣздить нельзя.

«Кучеръ ссылается на хозяина, хозяинъ на кучера — ничего не разберешь: во всемъ неурядица и путаница.

«И вся наша домашняя жизнь еще до сихъ поръ состоитъ изъ этихъ раздражающихъ путаницъ и неурядицъ.

«Кухарка ссорится съ лакеемъ, лакей съ горничной, одинъ обвиняетъ одного, другой другаго — распутать, кто правъ и кто виноватъ, нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ за этими ссорами хозяйство идетъ кое-какъ и на авось.

«Ко всѣмъ этимъ мелочнымъ домашнимъ дразгамъ, выводящимъ изъ всякаго терпѣнія — несносная, раза три въ день измѣняющаяся погода: какой-то сумасшедшій вѣтеръ, дождь, грязь.... Руки и носъ холодѣютъ на воздухѣ, надобно бѣгать, чтобы согрѣться. Деревья въ концѣ мая еще не совсѣмъ распустились. Сегодня 29 мая, а цвѣты на сирени еще едва начинаютъ обнаруживать почки. Ко всѣмъ тревогамъ и неудобствамъ петербургской жизни еще эдакій варварскій климатъ! Восемь мѣсяцевъ задыхаемся въ комнатахъ за двойными стеклами, какъ къ тюрьмѣ, ждемъ весны, тепла, солнца и жмѣмъ глупость радостно повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

«Весна идетъ, весна идетъ!»

«А она приходитъ только по календарю — и весною сидишь у печки съ запертými дверями и окнами.

«Петербургская жизнь, петербургскій климатъ, петербургская прислуга, петербургскія дачи—все это нестерпимо.

«Ко всему этому на такой отдаленной дачѣ еще по недѣлямъ не получаешь газетъ и журналовъ, а казалось бы получать ихъ не трудно: стоило бы только отдать ихъ въ пароходную контору, пароходная контора могла бы передать ихъ кондуктору дилижансовъ, идущихъ въ Ораніенбаумъ, а контора дилижансовъ могла бы хранить ихъ до присылки за ними. Я такъ было и распорядился, но оказалось, что контора пароходства не принимаетъ никакихъ посылокъ ни за какія деньги, а можно отдавать кому нибудь изъ пароходныхъ служителей, если онъ согласится взять и то *на страхъ*, можетъ быть дойдутъ, а можетъ и нѣтъ.

«Такимъ образомъ на страхъ былъ отправленъ ко мнѣ пакетъ съ журналами и газетами. Меня увѣдомили объ этомъ изъ города. Я отыскивалъ дней пять этотъ пакетъ: въ пароходной конторѣ мнѣ

объявили, что ничего не знают; кондукторъ Ораніенбаумскихъ дилижансовъ объявилъ, что кажется какой-то пакетъ былъ на дняхъ переданъ парходнымъ служителемъ одному изъ кондукторовъ и что онъ вѣрно находится въ конторѣ дилижансовъ. Я отправляюсь туда. Оказывается, что конторы дилижансовъ не существуетъ, а есть только дворъ, на которомъ стоятъ дилижансы, а надобно спросить о пакетѣ у буфетчика Ораніенбаумскаго трактира «Франкфуртъ на Одерѣ,» — того самого трактира, въ которомъ почевалъ Александръ Дюма и о которомъ онъ, къ удивленію, ничего не упомянулъ въ своихъ знаменитыхъ запискахъ о Россіи...

«Я отправился къ буфетчику «Франкфурта на Одерѣ».

«Полупьяный буфетчикъ стоялъ за грязнымъ прилавкомъ.

«Я объявилъ ему, что я такой-то, и что на мое имя переданъ пакетъ съ газетами кондуктору дилижансовъ, и что этотъ пакетъ по всей вѣроятности долженъ находиться тутъ.

«— Ничего не знаемъ, никакого пакета у насъ нѣтъ, отвѣчалъ буфетчикъ. — Это не наше дѣло.

Я уже выходилъ изъ трактира, какъ буфетчикъ закричалъ мнѣ:

«— Да вотъ какой-то пакетъ подъ прилавкомъ.— Не вашъ ли?

«Пакетъ дѣйствительно былъ мой...

«На дняхъ я отправился отъ скуки въ Петергофъ, перезабъ страшно, зашелъ въ «Belle-vue» и спросилъ себѣ чаю.

Трактиръ въ «Belle-vue» содержитъ какой-то русскій купецъ.

«Мнѣ подали... что-то невѣроятное, какія-то блѣдныя помои, отзываются чѣмъ-то прѣлымъ.

«— Это чортъ знаетъ что, этой гадости пить нельзя... сказалъ я буфетчику.

«— Всѣ пьютъ-съ, никто не жалуется, отвѣчалъ хладнокровно буфетчикъ, — отчего-съ? чай хорошій, а только-что блѣднѣе, такъ это не отъ насъ. Ужъ здѣшняя вода такая.

«Я объявилъ, что чай этотъ я пить не буду и платить за него не намѣренъ; что за такія мошенничества слѣдуетъ опубликовать его хозяина... Я чуть было не началъ моей угрозы знаменитыми словами: знаешь ли ты, что въ настоящее время, когда гласность, и прочее... да остановился при мысли, что буфетчикъ не пойметъ моего краснорѣчія.

«Хозяинъ явился и успокоилъ меня, объявивъ, что такой чай подашь мнѣ по ошибкѣ и что онъ велитъ подать другаго перваго сорта и на другой водѣ,

«Черезъ полчаса принесли точно такого же сквернаго чая. Я чуть отхлебнулъ, выплюнулъ и въ этотъ разъ, не произнеся ни одного слова, заплатилъ 60 к. с.

«И такимъ образомъ какъ нибудь и на авось угощая своихъ посѣтителей, этотъ добродушный русскій человекъ думаетъ разжиться!

«Если ты прїѣдешь въ Петергофъ и проголодаешься, бѣги, ради Бога, подальше отъ этого прелестнаго «Belle-vue», стоящаго такъ живописно — у самаго залива...

«Хоть бы погода установилась, хотя бы стало немножко потеплѣе, а то холодъ и еще комары кусаютъ при этомъ. Эти подмыя, отвратительно жужжащія мошки являются видно также только по календарю... Я не зову тебя теперь на дачу, хотя умираю отъ тоски, я не вхоистъ...» и такъ далѣе.

Послѣ этого письма нечего кажется говорить о переѣздахъ на дачу, о дачномъ житьѣ, — и прочее.

Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ и, за неимѣніемъ другихъ радостей, порадуемся хоть успѣху Петербургскаго Музыкальнаго Общества.

Надобно сказать, что это общество, только подъ другимъ названіемъ, существовало въ Петербургѣ съ 1840 до 1850 года. Въ 1851 г. оно, за неимѣніемъ средствъ, должно было временно прекратить свои собранія, рѣшивъ опять возобновить ихъ при первой возможности.

Въ началѣ прошлаго года члены этого общества собрались, по приглашенію графа Матвѣя Юрьевича Вьельгорскаго, и рѣшились 27 января возобновить общество. Графъ Вьельгорскій, гг. Каншинъ, Кологривовъ, Рубинштейнъ и Л. Стасовъ избраны были директорами. Имъ поручено было пересмотрѣть и передѣлать уставъ. Проектъ ихъ былъ Высочайше утвержденъ 1 Мая 1859.

Великая Княгиня Елена Павловна приняла возобновившееся общество подъ свое покровительство и пожертвовала въ пользу его 1000 р. с. Государь Императоръ пожертвовалъ по 500 р. сжегодно, а Государыня 150 р. Другіе члены Императорской фамилии приняли званіе почетныхъ членовъ.

Помощниками директоровъ избраны были гг. Шубертъ, Лаго-ніусъ, Шустовъ и Щедковъ. Гг. директора, на основаніи устава, пригласили князя Одоевскаго, гг. Дорогомыжскаго, Ламакина, Шуберта и Т. М. Толстаго для совѣщательнаго комитета.

Обязанности комитета назначать конкурсы и разсматривать произведенія русскихъ композиторовъ для выполненія ихъ.

Музыкальные вечера общества открылись 23 ноября. Мы говорили въ свое время объ этихъ вечерахъ. Еще за нѣсколько времени до открытія этихъ вечеровъ любители собирались въ залъ дворца В. К. Елены Павловны для приготовленія къ нимъ. Дирижировалъ ими г. Рубинштейнъ.

Для концертовъ избирались замѣчательныя сочиненія въ музыкальномъ или историческомъ отношеніи. Общество приняло за правило, чтобы въ каждомъ концертѣ выполнить по крайней мѣрѣ хоть одно русское сочиненіе.

Если на этихъ вечерахъ немного выполнялось произведеній русскихъ композиторовъ, то это уже не вина общества. Много ли у насъ замѣчательныхъ русскихъ произведеній?

Общество получило между прочимъ нѣсколько произведеній изъ провинціи отъ одного композитора-самоучки, не получившаго ни малѣйшаго музыкальнаго образованія и послало ему нѣсколько теоретическихъ и практическихъ музыкальныхъ сочиненій.

Общество объявило, что оно будетъ давать уроки музыки бесплатно и пригласило для этого г-жу Ниссенъ-Саломонъ, гг. Лоди и Пиччиди (Piccidi). На вызовъ общества явилось 63 дамы и 36 мужчинъ, такъ что оно за неимѣніемъ такого количества учителей не могло уже болѣе принимать учениковъ. Принявъ въ соображеніе, что въ числѣ желающихъ брать уроки пѣнія, многіе не имѣли самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ музыкѣ, общество нашло необходимымъ основать на свой счетъ безплатный классъ, для преподаванія первоначальныхъ музыкальныхъ правилъ.

Совѣщательный комитетъ занимался пріемомъ тѣхъ, которые желали поступить въ классъ пѣнія и, по предложенію г. Дорогомыжскаго, предложили для конкурса кантату на тему «Пиръ Петра Великаго» Пушкина. За лучшее сочиненіе общество назначило золотую медаль въ 200 руб., за второе по достоинству—серебряную медаль и денежное награжденіе въ 125 р.

Изъ Москвы пишутъ, что г. Верстовскій написалъ кантату, предложенную для конкурса.

Комитетъ, по соглашенію со многими московскими жителями, рѣшилъ съ согласія своей покровительницы открыть свои дѣйствія въ Москвѣ.

Эти дѣйствія начинаютъ уже приводиться въ исполненіе. Любители пѣнія обоого пола образовали хоръ и собирались для упражненій, подъ руководствомъ г. Рубинштейна. Упражненія эти только прекратились на время, по случаю отъѣзда г. Рубинштейна за грани-

ду. Музыкальные вечера въ Москвѣ начнутся вѣроятно съ ноября мѣсяца.

Общество имѣетъ въ настоящую минуту 20 почетныхъ членовъ, 111 членовъ-исполнителей и 479 номинальныхъ членовъ. Въ теченіе 1859 г. его доходы дошли до 15, 285 р. и за всѣми расходами въ кассѣ общества находится 5, 633 р. Нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ общества увеличатся и его средства и что на музыкальное образованіе оно будетъ имѣть у насъ полезное вліяніе.

18 мая былъ спущенъ изъ Новаго Адмиралтейства сто-одинадцати пушечный корабль «Николай».

На это великолѣпное зрѣлище собрались смотрѣть тысячи народа и между прочимъ члены рѣчного Яхтъ-клуба въ своихъ мундирахъ (кстати о рѣчномъ клубѣ, онъ уже открылся). У спуска была устроена пристань для Царской фамиліи. Тутъ стояло нѣсколько катеровъ, двѣ винтовыя канонерскія лодки, нѣсколько пароходовъ и въ право отъ спуска посреди Невы пароходъ «Александрія».

Государь въ морскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи Генералъ-Адмирала и членовъ Царской фамиліи прибылъ въ часъ. Они спустились тотчасъ на катеръ, который направился къ пароходу «Александрія». Когда Государь взошелъ на пароходъ, начались приготовленія къ спуску корабля... Топоры зазвучали... Когда стукъ топоровъ прекратился, при крикахъ ура!... корабль началъ спускаться. Корма его взволновала и вспѣнила воду и черезъ минуту онъ былъ уже въ водѣ, бросилъ свой огромный якорь и поднялъ штандартъ. Въ эту минуту всѣ суда покрылись флагами. Государь объѣхалъ корабль на катерѣ и возвратился на пристань Адмиралтейства.

Вотъ свѣдѣнія объ этомъ кораблѣ, взятыя нами изъ газетъ:

«Винтовой сто-одинадцатый-пушечный корабль «Императоръ Николай I-й» одинъ изъ самыхъ большихъ въ Русскомъ флотѣ, и самый большой изъ кораблей съ паровыми двигателями. Къ строенію его было приступлено 24-го ноября 1854 года: постройка окончена 18-го мая 1860; строился онъ, слѣдовательно, пять съ половиною лѣтъ. Онъ имѣетъ въ длину 234 фута, въ ширину 58 ф. 3 $\frac{1}{2}$ д; глубина трюма — 24 ф. 11 д; водоизмѣщеніе — 5,426 тоннъ. Механизмъ въ 600 силъ.

«На постройку употреблено: дубу—324,127 кубическихъ футовъ, лиственницы — 93,233 куб. ф., сосновыхъ бревенъ — 1,369 штукъ, сосновыхъ досокъ—8,722, орѣховаго дерева—415 пудовъ, мѣди — 4,909 пудовъ, чугуна—353 пуда, желѣза—27,026 пудовъ, свинцу — 225 пудовъ, угля древеснаго — 13,500 четвертей, угля каменнаго — 29,250 пудовъ, пеньки — 3,900 пудовъ, масла коноплянаго — 504 пуда.

«Мастеровыхъ при постройкѣ корабля употреблено: плотниковъ, брызгасовъ и чистодѣловъ—291,373 человѣка, кузнецовъ—16,600, конопатчиковъ—19,680, всѣхъ прочихъ мастерствъ и валовыхъ—118,088,—всего 445, 141 человѣкъ.

«Стоимость корабля, до спуска на воду, простирается до 800,000 рубл. сер.

«Теперь еще предстоитъ оснащениe, вооружениe и окончательная отдѣлка корабля, которыя будутъ произведены въ Кронштадтѣ.

«Постройкою завѣдывали полковникъ Чернявскій и поручикъ Михайловъ.

«Командиръ корабля капитанъ 1-го ранга Панафидишъ.

«Помощникъ командира, капитанъ-лейтенантъ Энквистъ, родомъ финляндецъ.

«Экипажъ корабля принадлежитъ къ 1-му флотскому экипажу.

«Когда кончилась церемонія, на Невѣ появилось множество янчиковъ и началась ловля сала, покрывшаго салазки, по которымъ скатился корабль въ рѣку, увлекая сало за собою. Эти сцены повторяются каждый разъ, при спускѣ на воду новаго корабля».

Наконецъ всѣ загородныя увеселительныя заведенія, съ болѣе или менѣе различными передѣлками и украшеніями, открыты.

Въ Павловскѣ по прежнему г. Штраусъ съ своимъ оркестромъ.

Павловскій вокзалъ улучшился. Къ его залѣ присоединена часть галлерей, отчего зала увеличилась. Садъ передъ вокзаломъ принялъ также другой видъ. Передъ вокзаломъ теперь большая площадь, уставленная скамейками; клумбы срыты, бѣсъдка по срединѣ, въ которой играла музыка, перенесена въ сторону.

Новая дирекція Царскосельской желѣзной дороги также, по видимому, предпринимаетъ нѣкоторыя улучшенія: вагоны подновлены, кое гдѣ подчищено и подкрашено. Это очень похвально, посмотримъ ея дальнѣйшія дѣйствія.

Мы сказали *новая* дирекція. Старая — увыл — удалась и уже г. инженеръ полковникъ *Фонъ-Таубе* не оживляетъ болѣе дебаркадеровъ Петербургскаго и Павловскаго своею расторопностію, любезностію, граціею, находчивостію и не подсаживаетъ съ пріятною улыбкою въ вагоны людей значительныхъ. Это грустно, г. *Фонъ-Таубе* незамѣнимъ, и безъ него какъ будто чего-то недостаетъ на Царскосельской желѣзной дорогѣ...

Въ зданіи знаменитыхъ полуразрушенныхъ минеральныхъ водъ, прославленныхъ г. Излеромъ, въ *его садахъ*, по прекрасному выраженію одного изъ домашнихъ его поэтовъ (у г. Излера были нѣкогда

и домашніе поэты!) раздаются теперь звуки новаго оркестра, подъ управленіемъ Эммануэла Баха, который соединяетъ, если вѣрить афишѣ, съ благовидною наружностью отмынное образованіе и сочиняетъ также музыкальныя пьесы.

Просвѣщенная администрація этого увеселительнаго заведенія прислала въ «Сѣверную Пчелу» даже протестъ (противъ кого, неизвѣстно). Въ этомъ протестѣ между прочимъ говорится, что *составъ благородныхъ удовольствій въ заведеніи минеральныхъ водъ будетъ состоять перво на перво въ оркестръ г. Баха, который при благовидной наружности и прочее, что кромѣ оркестра благовиднаго г. Баха будутъ на минеральныхъ водахъ четыре французскія и двѣ венгерскія дамы, съ однимъ кавалеромъ при каждой нации; цыганскіе хоры; что цѣна на напитки и кушанья уменьшена, что сводъ въ малой залѣ поправленъ, что столбы въ большой залѣ выпрямлены и потолокъ, грозившій разрушеніемъ, исправленъ....*

Все это пріятно слышать, потому что послѣ этихъ улучшеній и исправленій, вѣроятно, потолоки не обрушатся уже на публику. Мы прибавимъ отъ себя, что при вѣздѣ на дворъ минеральныхъ водъ выстроены какія-то безобразныя будки, на которыхъ развѣваются флаги.

Въ Новой деревнѣ устроена еще новая пристань рѣчнаго Яхтъ-Клуба....

Говорятъ еще, что супругъ знаменитой Пастраны, такъ трагически окончившей свое существованіе, переселится также на увеселительныя минеральныя воды, гдѣ онъ будетъ показывать публикѣ ученыхъ кивареекъ и мышей, исполняющихъ восхожденіе по канату, стрѣльбу изъ пушекъ, церемоніальныя прогулки въ экипажахъ, и прочее. Онъ также выписалъ восемь танцующихъ негровъ.

Г. Гебгардъ выписалъ несгораемаго господина, который въ огнѣ, какъ рыба въ водѣ, и о которомъ нѣкогда говорила лондонская иллюстрація, — и шотландскихъ музыкантовъ, играющихъ на шестидесяти колокольчикахъ.

Эти рѣдкости будутъ показываться въ петровскомъ воксалѣ. Оркестромъ петровскаго воксала дережируетъ г. Лундъ.

Г. Излеръ появился снова на публичную арену, выѣстѣ съ комами, какъ обыкновенно онъ появляется. Онъ будетъ распоряжаться въ Monde Brillant и для поддержанія своей увядающей славы, предпринимаетъ чудеса, по увѣренію фельетонистовъ.

Нынѣшнее лѣто, какъ видно, вообще будетъ много чудесъ и рѣдкостей въ Петербургѣ: кромѣ несгораемыхъ людей, удивительныхъ итицъ и прочаго, въ Петербургъ ѣдетъ изъ Бухары рѣдкій

бѣлый слонъ, подаренный русскому двору Эмиромъ Бухара, а два извѣстные царскосельскіе слона пожалованы г. Кройцбергу, для украшенія его звѣринца.

На дачѣ великаго князя Николая Николаевича (въ Знаменскомъ, близъ Петергофа) находится весьма рѣдкій звѣрь. Это туръ, или кавказскій горный козель.

Вотъ что говоритъ о немъ «Сѣверная Пчела»: «до сихъ поръ живой туръ былъ явленіемъ невиданнымъ въ Европѣ. Туръ, какъ называемъ его мы, русскіе, и *дживини*, какъ онъ извѣстенъ между туземцами, водится на нѣкоторыхъ склонахъ Кавказскихъ горъ, напримѣръ, Казбека и также въ Оссетіи. Встарину онъ встрѣчался гораздо чаще, и охота за нимъ была въ большомъ почетѣ, хотя ловля его очень затруднительна, и мясо нисколько не сочно. Въ турѣ съ общимъ складомъ тѣла, бороною и формою черепа козла, соединяется система роговъ, свойственная по большей части баранамъ, и такимъ образомъ онъ составляетъ какъ бы посредствующее звено между этими животными. Первый описалъ это животное знаменитый путешественникъ Гюльденшtedтъ въ запискахъ с.-петербургской академіи наукъ, подъ названіемъ кавказскаго козла, а другой ученый назвалъ его даже, какъ совершенно новый видъ, палласовымъ козломъ; вскорѣ послѣ этого академическій музей пріобрѣлъ два экземпляра туровъ, наконецъ г. Морницъ прислалъ изъ Тифлиса замороженнаго тура, безъ внутренностей, и этотъ рѣдкій остовъ украшаетъ теперь академическій петербургскій музей. Козель этотъ, нисколько въ настоящее время не дикій, издавна былъ знакомъ жителямъ города Воронежа; во время перехода одного казацкаго отряда, онъ шелъ за этимъ отрядомъ чрезъ весь городъ, нисколько не пугаясь народа, а потомъ находился въ Москвѣ, у покойнаго профессора Рулье, на дворѣ, гдѣ онъ былъ на привязи и сердито бросался на людей и собакъ».

Шаръ г. Берга, о которомъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, поднялся при благоприятной погодѣ, при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Гдѣ и какъ опустился онъ? Говорятъ гдѣ-то между Ораніенбаумомъ и Красной Горкой, но дѣло въ томъ, что онъ опустился благополучно. Говорятъ, что кромѣ г. Берга, его сыновей, г. Дикарева, въ числѣ охотниковъ воздухоплаванія, находился г. К., владѣтель одного изъ фотографическихъ заведеній въ Петербургѣ и преподаватель въ одномъ изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній.

Мы сообщали нашимъ читателямъ свѣдѣнія, сообщенныя полиціею о смерти юнкера барона Вреде въ екатерингофскомъ воксалѣ.

Послѣ этого полицейская газета объявила, что по слѣдствію оказалось, что предпамѣреннаго посягательства противъ жизни юнкера Вреде не было, но происшествіе это случилось не такъ, какъ оно было первоначально объявлено въ полицейскихъ вѣдомостяхъ. — Вотъ новыя свѣдѣнія объ этомъ, сообщаемыя полиціей:

6 марта юнкеръ Вреде, князь Витгенштейнъ, вышедшій изъ пажескаго корпуса, коллежскій секретарь Райскій и мѣщанинъ Федотовъ, проведя вечеръ въ екатерингофскомъ воксалѣ, послѣ полуночи отправились въ бильярдную залу и начали играть на бильярдѣ. Вреде сначала не принималъ участія въ игрѣ, онъ вступилъ въ игру послѣ. Федотовъ предложилъ подбрасывать того, кто не сдѣлаетъ ни одного шара въ теченіе партіи. Всѣ и между прочимъ Вреде согласились на это.

Товарищи по условію начали подбрасывать его, но во время подбрасыванія шашка Вреде выпала изъ ноженъ въ минуту, когда его опустили на землю и онъ попалъ на выпавшую шашку, которая острымъ своимъ концомъ и проколола ему бокъ. Онъ едва могъ произнести слова: «Я умираю, шашка прошла мнѣ насквозь»....

Вотъ что замѣчаетъ между прочимъ по этому «Наше время».

«Полиція, вѣроятно, устыдившись перваго своего сочиненія, заимствованнаго слово въ слово изъ разсказа одного дуелиста, въ водевилѣ «Les lundis de Madame», объявила потомъ, что это неправда. Но такъ какъ Вреде все-таки умеръ, то смерть его, на этотъ разъ приписывается уже другому обстоятельству. Въ справедливости этого новаго показанія, полиція удостовѣряетъ тѣмъ, что при этомъ находился даже квартальный надзиратель, не присутствовавшій при первомъ родѣ смерти г. Вреде.»

Это несчастное происшествіе въ Екатерингофскомъ воксалѣ, не смотря на двукратное противорѣчащее разъясненіе полиціей, — темновато.

Окончимъ наши замѣтки на этотъ разъ слухами, которые мы заимствуемъ изъ «Сѣверной Пчелы»:

«Къ числу прочихъ слуховъ о разныхъ полезныхъ предположеніяхъ можно присоединить то, что много начали говорить о новомъ проэктѣ учредить «Общину заслуженныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ», цѣль которой будетъ состоять въ доставленіи служившимъ, всѣхъ чиновъ по обоимъ вѣдомствамъ, дешеваго и удобнаго квартирванія. Право этого убѣжища предоставляется лицамъ холостымъ или вдовымъ, а также бездѣтнымъ, или хотя и имѣющимъ дѣтей но только такихъ, которыя находятся уже на мѣстахъ и не

требуютъ родительскихъ попеченій. Для того, чтобъ быть принятымъ въ эту предполагаемую общину, необходимо *пятидесятилѣтній* возрастъ, *conditio, sine qua non*. Принятые общиной будутъ пользоваться особенною комнатою, прислугой, чаемъ, кофеемъ, обѣдомъ въ какое угодно время, отопленіемъ, освѣщеніемъ и кромѣ всего этого, еще возможностью поиграть въ карты, билліардъ и шахматы въ особенныхъ залахъ. Для меломановъ предположено завести нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ, для любителей чтенія—библіотеку русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ книгъ, газетъ и журналовъ. Гостей въ свое помѣщеніе каждый членъ воленъ принимать сколько угодно и даже, въ случаѣ большаго общества, предоставляется членамъ пользоваться бесплатно особенными комнатами, и съ этимъ вмѣстѣ — за умѣренную цѣну столомъ, десертомъ, винами и проч. При зданіи общины будутъ существовать церковь, лазаретъ, ванны, садъ, особый врачъ и нѣсколько фельдшеровъ, а для разсылокъ — нѣсколько людей, которые будутъ исполнять всѣ порученія также бесплатно. Первоначальное число членовъ положено въ триста пятьдесятъ человекъ, а за наемъ квартиръ, смотря по ихъ расположенію, условлено взимать отъ 350 до 500 рублей серебромъ въ годъ. Взносъ квартирной суммы долженъ будетъ обезпечиваться или получаемою пенсіей, или капиталомъ, проценты котораго равняются суммѣ, слѣдующей за содержаніе, или наконецъ единовременнымъ взносомъ, размѣры котораго будутъ зависѣть отъ лѣтъ желающихъ поступить въ члены общины. Административная и хозяйственная части сосредоточатся въ правленіи, члены котораго будутъ избираться по балотировкѣ.

Въ дополненіе къ помѣщенному въ прошлыхъ замѣткахъ описанію обѣдовъ послѣдняго времени, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, помѣщаемъ доставленное намъ извѣстіе объ обѣдѣ, данномъ 14 мая, въ честь членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, херсонскимъ губернскимъ предводителемъ Е. А. Касиновымъ, находящимся въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ члена отъ губернскаго комитета.

«Въ числѣ членовъ редакціонныхъ коммиссій на обѣдѣ были: П. А. Булгаковъ, Н. А. Милютинъ, А. К. Гирсъ, кн. С. П. Голицынъ и др. Гг. члены отъ губернскихъ комитетовъ и нѣсколько лицъ, трудившихся по крестьянскому вопросу, или принимавшихъ въ немъ просвѣщенное участіе, также не отказались отъ приглашенія на этотъ обѣдъ. Послѣ перваго тоста за здоровье Государя Императора, хозяинъ обратился къ своимъ гостямъ съ слѣдующими словами: «Позвольте мнѣ, господа, сказать нѣсколько словъ, въ лицѣ вашемъ обращаясь къ дѣятелямъ современной эпохи; позвольте мнѣ,

ради настоящаго привести на память прошедшее. Въ то время, когда цѣлая Европа, опередившая насъ во многомъ, еще вела фанатическія войны и не признавала неприкосновенной собственности иноземцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, отечество наше Россія, уже не чужда была терпимости: князя русскіе вступали въ договоры съ греками относительно святости имущества лицъ, испытавшихъ несчастіе.

«Мы старались въ великомъ вопросѣ, предложенномъ намъ, слѣдовать примѣру, завѣщанному нашими предками. Будемъ стараться въ сферѣ дѣятельности, для каждаго изъ насъ предоставленной, — какъ бы ѳи были противоположны наши мнѣнія, найти для нихъ примирительный исходъ и такимъ путемъ сдѣлать, какъ можно болѣе плодотворною свободу, указанную Державною рукою нашего Государя.

«Предлагаю второй тостъ за здоровье передовыхъ, гуманныхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу, всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ гг. членовъ редакціонныхъ комиссій!»

«П. А. Булгаковъ отвѣчалъ на это: «Считаю пріятнымъ долгомъ, отъ имени всѣхъ членовъ комиссій, искренно благодарить за оказанное намъ вниманіе и отъ ихъ же имени предложить тостъ за здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ гг. членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, такъ сильно содѣйствующихъ комиссій, въ общемъ нашемъ дѣлѣ, прямымъ и безпристрастнымъ на него воззрѣніемъ».

«Не забыты были и труды губернскихъ комитетовъ: Я. А. Соловьевъ сказалъ: «Мы пили за здоровье депутатовъ, пили за здоровье членовъ редакціонныхъ комиссій, но у насъ еще остался тостъ за тѣхъ, которые прежде насъ трудились по крестьянскому дѣлу, которые проложили намъ дорогу. Я говорю о членахъ губернскихъ комитетовъ. По моему служебному положенію, я могъ наблюдать работы ихъ во всѣхъ комитетахъ; я видѣлъ ихъ неутомимыя усилія къ разъясненію многосторонняго вопроса, ихъ напряженные труды на пользу общаго намъ дѣла. Предлагаю, господа, тостъ за здоровье членовъ губернскихъ комитетовъ».

«Членомъ отъ калужскаго комитета кн. А. В. Оболенскимъ былъ предложенъ тостъ за здоровье всѣхъ, трудившихся по крестьянскому вопросу, при чемъ поименованы были нѣкоторыя лица, своими литературными трудами старавшіяся принести пользу общему дѣлу.

«Обѣдъ былъ оживленъ непрерываемою рѣчью, непринужденной веселостію и островами, и во всемъ этомъ незамѣтно просвѣчивалось гуманное желаніе успѣха великому дѣлу. Обѣдъ кончился то-»

стомъ, предложеннымъ хозяиномъ, за скорѣйшее окончаніе реформы.

«Одушевленная занимательная бесѣда не прекратилась и съ окончаніемъ обѣда. Въ ней принялъ участіе и кн. Черкасскій, въ тотъ день приглашенный къ обѣду великой княгини Екатерины Михайловны. Только въ 12-мъ часу гости оставили гостепріимнаго хозяина».

ПОЛИТИКА.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАЛЕРМО ВЪ ГАЗЕТУ «Times».

Въ Times'ѣ появились наконецъ письма корреспондента ея, отправившагося въ Сицилію. По обыкновенію, эта корреспонденція далеко превосходитъ полнотою своею всѣ тѣ свѣдѣнія, какія получала публика изъ другихъ источниковъ. Объемъ корреспонденціи довольно великъ, потому мы только въ нѣсколькихъ словахъ перескажемъ содержаніе двухъ первыхъ ея писемъ; за то будемъ вполне переводить слѣдующія письма, начиная съ того, которое было писано 27 мая, подъ грохотомъ бомбардированія, — въ немъ излагается и ходъ предъидущихъ событій, отъ высадки Гарибальди до того дня, когда корреспондентъ проѣхалъ въ лагерь инсургентовъ, вмѣстѣ съ которыми вступилъ въ Палермо. О своемъ участіи въ дѣлахъ, историкъ ничего не говоритъ; но видно, что если онъ не сражался самъ, то водилъ въ бой другихъ.

Очень живо описавъ видъ Мессины въ послѣднихъ числахъ мая и разказавъ извѣстныя нашимъ читателямъ дѣйствія, которыми отпраздновали въ мирномъ городѣ пасху неаполитанцы (первое письмо), корреспондентъ во второмъ письмѣ разказываетъ о своемъ приѣздѣ изъ Мессины въ Палермо. Городъ былъ, подобно Мессинѣ, покинутъ почти половиною жителей, ждавшихъ отъ неаполитанцевъ именно того образа дѣйствій, какой они и дѣйствительно употребили. Но полицейскіе, предвидѣвшіе, что скоро власть ихъ кончится, стали уже любезными, короткими. Превосходно описываетъ корреспондентъ

тревожное состояніе жителей, не имѣвшихъ средствъ удалиться за своими болѣе счастливыми согражданами, ночные огни Гарибальдѣвскихъ отрядовъ по горамъ, картину сраженія, которое онъ видѣлъ еще съ корабля, и къ которому возвращается въ первомъ изъ переводимыхъ нами писемъ. Не останавливаясь на всемъ этомъ, беремъ прямо за переводъ письма, съ котораго начинается настоящее изложеніе хода событій.

Палермо. 27 мая.

Теперь 2 часа по полудни, и я пишу вамъ подъ бомбами, летающими надъ моею головою. Когда высадка Гарибальди произвела первый припадокъ ужаса въ Неаполѣ, юный Бурбонъ послалъ своему храброму флоту, сосредоточенному въ палермской гавани, приказаніе бомбардировать его вѣрныхъ палермцевъ и обратить городъ ихъ въ пепель, если они осмѣлятся возстать противъ его отеческой власти. Съ палермцами разъ уже было поступлено этимъ отеческимъ способомъ, по распоряженію достославнаго родителя нынѣшняго короля, — родитель, если вы припомните, прозывается въ исторіи *Re Bomba* — «король бомба» за то, что далъ эти сувениры своей любви каждому большому городу своего королевства. Каждый бывавшій въ бомбардируемомъ городѣ скажетъ вамъ, что это вещь очень непріятная, особенно если вы не имѣете средствъ отвѣчать на нее сообразнымъ манеромъ, — однакоже Палермо возсталъ нынѣ утромъ. Вчера официальный бюллетень правительства объявлялъ палермцамъ, что разбитыя шайки Гарибальди бѣгутъ по направленію къ Корксоне, преслѣдуемыя побѣдоносными войсками короля, что шайки, присоединившіяся къ Гарибальди, постепенно и спокойно расходятся по домамъ, и что въ скоромъ времени все это дѣло кончится. Нынѣ на разсвѣтѣ Гарибальди явился передъ восточными воротами Палермо и послѣ борьбы, не слишкомъ кровопролитной, вошелъ въ нихъ. Къ 10 часамъ утра большая часть города была въ его рукахъ. Неаполитанцы были отгѣснены въ нѣсколько крѣпкихъ пунктовъ около королевскаго дворца, на юго-западный конецъ города, и на сѣверо-западный конецъ его, къ молу на пристани; а корабли, не находя себѣ возможности сдѣлать ничего полезнаго, открыли по городу огонь — это всегдашнее послѣднее лекарство. Флоты почти всѣхъ цивилизованныхъ націй имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Въ лагерь Гарибальди говорили вчера вечеромъ, что Британскій адмиралъ протестовалъ противъ такого дѣйствія. Бомбы, летающія по воздуху во всѣхъ направленіяхъ, ясно доказываютъ одно изъ двухъ: или нашъ адмиралъ не протестовалъ, или неаполитанцы не послушали его протеста.

Но я долженъ спѣшить къ фактамъ, потому что рассказывать мнѣ будетъ много. Въ своемъ прежнемъ письмѣ отсюда, 25 мая, я старался дать очеркъ здѣшняго положенія, но не могъ сообщить вамъ ничего, кромѣ догадокъ о томъ, что происходило за стѣнами Палермо. Теперь могу пополнить этотъ пробѣлъ, и изъ самаго лучшаго источника сообщить вамъ обо всемъ, что случилось со времени высадки до вчерашняго дня; о событіяхъ со вчерашняго дня могу рассказать какъ очевидецъ. Они покажутъ вамъ, что звѣзда Гарибальди не меркнетъ, и что если Сицилія освободится, то освобожденіемъ будетъ обязана ему.

Онъ, какъ вы припомните, отплылъ изъ окрестностей Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая. Онъ хотѣлъ отплыть наканунѣ, но одинъ изъ пароходовъ, выбранныхъ для экспедиціи, не пришелъ въ тотъ день, потому надобно было на сутки отложить отъѣздъ. Нечего и говорить, что щекотливая часть дѣла была заранѣе улажена съ владѣльцами пароходовъ, и что Гарибальди только согласился принять на себя отвѣтственность за то, чтобы увести эти пароходы (*). Капитаны, машинисты и матросы заблаговременно получили приказаніе сойти съ пароходовъ, — храбрый генералъ самъ хороший морякъ, и у него было довольно своихъ людей для управленія пароходами. 7 числа онъ выходилъ на берегъ у Таламоне въ Тосканѣ (**), а 8 въ Орбителло (***), гдѣ экспедиція провела слѣдующій день. Вече-

(*) Читатель конечно знаетъ, что дѣлу приданъ былъ такой видъ, какъ будто Гарибальди, внезапно подѣхавъ на лодкахъ къ двумъ пароходамъ одного итальянскаго акціонернаго общества, стоявшимъ на взморьѣ около Генуи, насильно овладѣлъ ими; онъ написалъ потомъ и директорамъ этой компаніи письмо, въ которомъ извинялъ свое мнимое насиліе необходимою.

(**) Тутъ между прочимъ его помощникъ, венгерецъ полковникъ Турръ, явился, говорятъ, къ мѣстному военному начальнику, Джорджини, и потребовалъ именемъ Виктора-Эммануэля, чтобы онъ далъ ему боевыхъ снарядовъ и оружія изъ запасныхъ магазиновъ. Джорджини не рѣшился; Турръ сказалъ: «если вы не вѣрите, что такова воля короля, пойдемте со мною къ генералу.» — Гарибальди показалъ Джорджини дневникъ своей экспедиціи и сказалъ: «я посылаю этотъ журналъ похода къ королю; я сношусь не съ министерствомъ, а прямо съ нимъ; хотите вы, чтобы въ моей депешѣ было написано, что вы не исполняете приказаній, даваемыхъ вамъ именемъ короля?» Джорджини убѣдился и далъ все, чего у него требовали. Теперь онъ арестованъ и преданъ суду за это.

(***) Таламоне лежитъ верстахъ въ 20 отъ границы папскихъ владѣній, Орбителло верстахъ въ 10, такъ что цѣлыхъ двое сутокъ маленькая эскадра Гарибальди простояла почти неподвижно у южной оконечности Тосканскаго берега, — это между прочимъ развлекло мысли неаполитанскаго правительства: нѣсколько времени оно думало, какъ мы говорили въ прошлый разъ, что Гарибальди переимѣнилъ планъ дѣйствій и хочетъ уже не плыть въ Сицилію, а идти черезъ папскія земли въ Абрुццо.

ромъ 9 мая экспедиція пошла прямо къ сицилійскому берегу. Неаполитанское привѣтельство очень хорошо знало о ней, и флотъ его крейсировалъ во всѣхъ направленіяхъ, кромѣ того, по которому пошелъ Гарибальди. Маленькія эскадры изъ двухъ или больше пароходовъ были разставлены по главнымъ пристанямъ острова, и старались крейсировать такъ, чтобы содержать кордонъ вокругъ острова. Особенными предметами ихъ вниманія были южный и югозападный берега потому, что нѣкоторые неаполитанскіе пароходы доносили, что видѣли экспедицію, направляющуюся къ Тунису (*). Два парохода, «Капри» и «Стромболи» стояли въ Марсалѣ; они всего часа за два или меньше до прибытія экспедиціи ушли на крейсеровку. Мѣсто высадки не было опредѣлено заранее: вдохновеніе минуты внушило Гарибальди выбрать наиболѣе посѣщаемую кораблями часть острова, а звѣзда его привела его къ гавани именно въ промежутокъ между отходомъ и возвращеніемъ крейсеровъ (**). Если бы не это, высадка могла бы кончиться неудачно. Одинъ изъ пароходовъ Гарибальди натолкнулся на скалу у входа въ гавань, а другой подошелъ какъ можно ближе къ берегу. По прежнимъ свѣдѣніямъ, Гарибальди зналъ, что въ Марсалѣ находится гарнизонъ изъ 600 человекъ; онъ уже дѣлалъ распоряженія, чтобы высадить небольшой отрядъ, который прогналъ бы гарнизонъ и уже тогда начать настоящую высадку, — но лодки, пришедшія отъ берега, привезли извѣстіе, что въ Марсалѣ нѣтъ ни одного солдата. Потому высадка стала дѣломъ довольно легкимъ. Къ пароходамъ были подведены баржи и перевезли все на берегъ; а когда все

(*) Кромѣ причины, указываемой корреспондентомъ Times'a, еще и по тому, что эти берега, лишенные большихъ гаваней, имѣютъ множество маленькихъ пристаней, которыя такъ уединенны, что представляютъ большія удобства для тайныхъ высадокъ (потому черезъ нихъ ведется и контрабанда); а главное, въ этихъ частяхъ острова было мало войскъ, потому и полагалось, что Гарибальди предпочтетъ какой нибудь пунктъ на нихъ, боясь скоро встрѣчи съ сильными неаполитанскими отрядами, занимавшими сѣверную часть острова и въ особенности сѣверо-западную оконечность его, гдѣ Палермо, Трапани, Марсала. Читатель знаетъ, что послѣ Палермо и Мессины, городъ Трапани, лежащій очень близко отъ Марсалы, служилъ стоянкою сильнѣйшаго неаполитанскаго отряда. Предугадавъ, что непріятель будетъ руководиться этими соображеніями о нестрѣтности высадки на сѣверо-западномъ берегу, Гарибальди направился къ нему, и опаснѣйшее мѣсто оказалось безопаснѣйшимъ, потому что непріятель слишкомъ полагался на его недоступность.

(**) По другимъ извѣстіямъ, предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ было заранее сообщено, гдѣ будетъ высадка, — эти разныя свѣдѣнія можно согласить такимъ образомъ: Гарибальди заранее опредѣлилъ сдѣлать высадку на сѣверо-западномъ концѣ острова, но не опредѣлилъ, въ какомъ именно пунктѣ берега, протягивающагося отъ Трапани до Шьякки верстъ на 150. Марсала лежитъ въ срединѣ этого берега, представлявшаго на выборъ ему нѣсколько пристаней.

уже было перевезено, явились неаполитанцы и начали стрѣлять въ душевное свое наслажденіе, не сдѣлавъ никакого вреда, кромѣ того, что нанесли легкія раны двоимъ людямъ (*). Первою заботою Гарибальди было перервать телеграфическую проволоку; но она уже успѣла сообщить въ Палермо извѣстіе о высадкѣ. Послѣднія двѣ депеши, ею посланныя, были: «Показались два парохода, идущіе въ гавань. Подозрительно, потому что нѣтъ на нихъ никакого флага». Черезъ нѣсколько времени: «Два парохода, поднявъ сардинскій флагъ, вошли въ гавань и высаживаютъ солдатъ».

Прибытіе Гарибальди совершенно измѣнило характеръ сицилійскаго возстанія. До той поры разныя *squadre dei picciotti* (шайки молодежи) вели партизанскую войну, почти не имѣя связи между собою. Какойнибудь землевладелецъ, подъзвущійся вліяніемъ, или какойнибудь простодушнѣе, особенно энергическій, собиралъ всѣхъ, кто хотѣлъ пристать къ нему и имѣлъ какоенибудь оружіе. Тактика ихъ была въ томъ, чтобы являться и исчезать по разнымъ мѣстамъ и тревожить, бросаясь изъ безопасныхъ убѣжищъ, королевскія войска, проходившія внутрь острова; но никто не имѣлъ ни мысли, ни мечты составить общій планъ или сразиться съ королевскими войсками въ открытомъ полѣ. Гористая мѣстность и отсутствіе большихъ дорогъ очень облегчали такой родъ войны, а отсутствіе опасности и извѣстности привлекало къ ней и тѣхъ, которыхъ не привлекала бы одна ненависть противъ неаполитанцевъ. Страна между Палермо, Трапани, Марсалою и Корлеоне (**) была главнымъ мѣстомъ этихъ *squadre*, изъ которыхъ многіе тогда находились въ цѣпи горъ, возвышающихся надъ Палермо.

(*) Читатель конечно помнитъ, что неаполитанскіе крейсера (два парохода и одинъ парусный фрегатъ) настигли экспедицію еще до начала высадки, но держались въ отдаленіи, пока всѣ волонтеры сошли на берегъ, — крейсера побоялись напасть, хотя каждый изъ ихъ трехъ кораблей могъ бы легко одинъ справиться съ обоими пароходами Гарибальди. Читатель знаетъ также, что въ извиненіе, неаполитанскій командиръ написалъ, будто-бы англійскіе военные пароходы помѣшали ему стрѣлять, ставъ между ними и пароходами Гарибальди; что потому была доказана лживость этой отговорки и неаполитанское правительство принуждено было формально принести извиненіе англійскому за клевету. Но еще любопытно вотъ что: неаполитанскій флотскій командиръ, не отваживаясь самъ приблизиться на пушечный выстрѣлъ къ пароходамъ Гарибальди, не имѣвшимъ и вооруженія (это были торговые пароходы, безъ пушечныхъ люковъ), просилъ англійскаго капитана, чтобы онъ напалъ на эти пароходы; англійскій капитанъ отговчалъ, что это не его дѣло, а пусть нападаютъ на нихъ сами неаполитанцы, если хотятъ.

(**) Относительное положеніе Палермо, Трапани, Марсалы извѣстно читателю. Корлеоне лежитъ въ глубинѣ острова, верстахъ въ 35 почти прямо на востокъ отъ Палермо, образуя четвертый уголъ параллелограмма, ширина котораго 30—35 верстъ, длина — 100—110 и который занимаетъ сѣверозападную часть Сициліи.

Имя и авторитетъ Гарибальди и привезенное имъ подкрѣпленіе стали связью между этими разными толпами, соединившимися подъ его начальство. Лишь только разнеслась вѣсть о его высадкѣ, толпы инсургентовъ изъ окрестностей Трапани, Корлеоне и еще двухъ — трехъ городовъ присоединились къ нему. Противъ этихъ силъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ, былъ посланъ по направленію къ Марсалѣ и Трапани бригадный генералъ Ланди. Дорога въ эти города одна и таже до Калата-Фими, лежащаго на вершинѣ высокой террасы, а далѣе она раздѣляется на двѣ вѣтви; потому корпусъ, ставшій въ этомъ узлу, отрѣзываетъ сообщеніе по всѣмъ настоящимъ путямъ изъ Палермо въ Трапани и Марсалу. Генералъ Ланди занялъ позицію на нижнихъ уступахъ этой террасы; у него было 4 батальона, въ томъ числѣ одинъ стрѣлковый, и 4 горныя орудія. Дорога изъ Марсалы, пройдши черезъ Салеми, спускается одной изъ тѣхъ длинныхъ террасъ, которыя составляютъ характеристическую черту мѣстности въ этой части Сициліи, и перерѣзавъ небольшую долину, поднимается на другую террасу, на которой стоитъ Калата-Фими. Такимъ образомъ это позиція, которую взять чрезвычайно трудно. Подобно всѣмъ солдатамъ подобныхъ имъ армій, неаполитанцы, имѣя превосходные штуцера, полагаются всего больше на свой огонь, особенно если перестрѣлку можно вести съ дальняго разстоянія. Потому они встрѣтили Гарибальди и его воиновъ такъ жарко, что сицилійскіе инсургенты скоро стали искать убѣжища, гдѣ только могли, оставивъ все дѣло на плечахъ однихъ тѣхъ волонтеровъ, которыхъ привезъ съ собою Гарибальди. Альпійскіе стрѣлки оправдали свою репутацію и несмотря на знойность дня, на выгоду позиціи, на превосходство числа, штыками погнали неаполитанцевъ съ одной позиціи на другую. Одинъ студентъ изъ Павіи, юноша, имѣющій никакъ не больше 18 лѣтъ, первый ворвался въ ряды непріятели. Меньше чѣмъ въ два часа неаполитанцы были прогнаны со всѣхъ своихъ позицій и бѣжали по пути къ Палермо. Въ деревнѣ было найдено письмо, написанное генераломъ Ланди. Онъ проситъ палермскаго коменданта прислать ему подкрѣпленіе, говоря, что не можетъ держаться противъ Гарибальди. Онъ также извиняется въ томъ, что потерялъ одно орудіе, говоря, что мулъ, на которомъ оно было навьючено, былъ убитъ, — ложь, потому что орудіе взято съ лафетомъ и двумя запряженными мулами, которые остались въ добромъ здоровьѣ.

Бригада, потерпѣвшая значительныя потери, сначала не была тревожима на своемъ отступленіи и прошла черезъ Алькамо (*), не

(*) Верстахъ въ 10 за Калата-Фими, по дорогѣ въ Палермо.

подвергаясь нападению. Но въ Партенико (*), гдѣ неаполитавцы принялись грабить, жечь и рѣзать жителей безъ всякаго разбора, бросая женщинъ и дѣтей въ огонь, народъ возсталъ, зашлъ въ домахъ и началъ стрѣлять изъ нихъ по солдатамъ, которые тутъ уже совершенно разстроились въ своемъ бѣгствѣ. Гарибальди не такой человекъ, чтобы терять время. Но необходимость согласить свой планъ дѣйствій съ толпами инсургентовъ, бывшими около Палермо, не допустила его занять монреальскую позицію въ расплохъ.

Чтобы дать вамъ понять важность этой позиціи и дальнѣйшій ходъ дѣйствій, я долженъ сказать нѣсколько словъ о топографіи Палермскаго бассейна. Подъѣзжая къ Палермо съ моря, вы очень издалека уже видите крутую глинистую гору, которая стоитъ особо, и нѣсколько напоминаетъ гibraltarскую скалу, только не такъ высока. Эта масса составляетъ сѣверный край Палермскаго залива и Золотой раковины (Conca d'Oro), плодородной равнины, на которой лежитъ городъ. Равнина идетъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ томъ же направленіи тянется полукругомъ и горная цѣпь. Сколько я могу сообразить, равнина имѣетъ всей длины миль 12 (верстъ 20), а всей ширины мили 4 или миль 5 (верстъ 7 или 8). Въ промежуткѣ этой одинокой горы (Monte Pellegrino) и остальной цѣпи, равнина проходитъ къ ла-Фаворитѣ, черезъ которую идетъ дорога въ Карини (**); въ противоположной (***) сторонѣ равнины, вдоль по морскому берегу, идетъ шоссе въ Мессину, черезъ Бацарию, мимо развалинъ Соленто. Эти два мѣста легчайшіе выходы изъ равнины, — во всѣхъ другихъ пунктахъ непрерывная цѣпь горъ отрѣзываетъ, повидимому, всякое сообщеніе съ нею. Подлѣ самой ла-Фавориты плохая горная дорога идетъ прямою линіею черезъ Санъ-Мартино на Карини. Влѣво отъ этой дороги поднимается утесистая великолѣпная гора, похожая на погасшій кратеръ; она нѣсколько выступаетъ впередъ въ равнину и отъ нея тянется высокій отрогъ по одному направленію съ главнымъ хребтомъ. Этотъ отрогъ—Монреале; изъ Палермо виденъ знаменитый монреальскій монастырь, видна и большая часть села. Черезъ эту террасу идетъ шоссе въ Трапани. Позади отрога и террасы, гдѣ стоитъ Монреале, гора образуетъ родъ амфитеатра колоссальныхъ размѣровъ; гора вспахана уступами, которые, возвышаясь одинъ надъ другимъ, содѣйствуютъ

(*) Верстахъ въ 20 далѣе за Алькамо, уже на половинѣ разстоянія отъ Калата-Фими до Палермо.

(**) Городъ верстахъ въ 15 на западъ отъ Палермо, бывший театромъ неаполитанскихъ неистовствъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшемъ обзорѣнн.

(***) Юго-восточной.

ей походить на амфитеатръ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ амфитеатръ кончается и гора начинается снова выступать впередъ въ равнину, видны на спускахъ ея два бѣлыя села, Парко и Madonna delle Grazie; черезъ проселочную дорогу ведетъ въ Piana dei Greci и въ Корлеоне (*), двѣ древнія альбанскія колоніи, основанныя, подобно многимъ поселеніямъ въ этой части Сициліи, альбанцами, эмигрировавшими послѣ смерти Скандербега. Другой отрогъ идетъ въ равнину, образуя другой амфитеатръ, еще обрывистѣе и живописнѣе монреальскаго; надъ нимъ возвышается Джебель-Россо. Тутъ по глубокому ущелью идетъ тропинка, по которой можно ѣхать только верхомъ: это Piazza della Mazzagna, маццанскій проходъ, ведущій въ деревню Мисильмери (**), лежащую на единственномъ шоссе, ведущемъ въ глубину острова и доводящемъ до Катаніи. Джебель-Россо выѣтъ пологость къ морю и къ Цаффаранскому мысу (***), и по нижней части его спуска ведетъ шоссе изъ Палермо въ Катанію; оно идетъ почти параллельно съ приморскою (****) дорогою до Абате, а потомъ сворачиваетъ къ югу. — Изъ этого описанія вы видите, что неаполитанцы, владѣя моремъ, имѣли всѣ выгоды концентрическаго положенія, особенно важныя въ дѣлѣ съ врагомъ, слабымъ артиллеріею и страшнымъ преимущественно только въ горахъ. Мѣстность явно указывала имъ, что надобно сосредоточить всѣ ихъ силы въ равнинѣ, и кромѣ равнины занимать монреальскую террасу, которая сама по себѣ сильная позиція, господствующая на довольно далекое пространство надъ дорогами, ведущими къ Палермо изъ глубины острова. Невыгода атакующаго значительно увеличивалась трудною гористою мѣстностью, — горы уничтожаютъ почти всякую возможность боковаго сообщенія между расходящимися отъ Палермо дорогами, такъ что всякая перемѣна пункта атаки требуетъ длиннаго обхода. Неаполитанцы, много лѣтъ изучавшіе мѣстность, хорошо знали всѣ эти выгоды и сосредоточили всѣ свои силы въ равнинѣ, еще занявъ только монреальскую террасу.

Гарибальди не могъ соединить своихъ силъ къ такому времени, чтобы прійти въ Монреале прежде, чѣмъ неаполитанцы заняли его

(*) Piana dei Greci лежитъ почти на половинѣ пути изъ Палермо въ Корлеоне.

(**) Дорога въ Piana dei Greci и въ Корлеоне идетъ изъ Палермо почти прямо на югъ, а дорога въ Мисильмери на юго-востокъ, почти въ одинакомъ разстояніи отъ корлеонской и отъ мессинской (прибрежной) дороги. Мисильмери лежитъ верстахъ въ 18 отъ Палермо.

(***) Цаффаранскій мысъ—юго-западная оконечность Палерискаго залива и равнины, сѣверо-западную оконечность которыхъ образуетъ Monte Pellegrino.

(****) Мессинскою.

большими силами, и когда онъ, черезъ четыре дня послѣ казата-финской побѣды, подошелъ къ этой позиціи, онъ увидѣлъ, что нельзя было бы взять Монреале безъ большихъ потерь. Потому онъ рѣшился измѣнить свои планы. Первымъ его дѣломъ было окружить Палермо и занять всѣ выходы изъ него; для этого разные отряды инсургентовъ заняли позиціи вдоль всей цѣпи горъ, опоясывающихъ заливъ. Когда ночью они разложили огни, красное зарево которыхъ сливалось съ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, картина была великолѣпная. Палермцы наблюдали за ними съ такою внимательностью, какъ персы за своимъ священнымъ огнемъ; какъ будто единственнымъ ихъ занятіемъ въ послѣднюю недѣлю было или наблюдать ихъ, истолковывать ихъ значеніе. Вотъ огни кажется становятся ярче на одномъ мѣстѣ, вотъ они растягиваются длиннымъ, какъ будто непрерывнымъ рядомъ по спуску другой горы, и горожане, непосвященные въ тайну, жили надеждами, разговарившими отъ этихъ огней. Палермо былъ въ невыразимомъ волненіи, въ такомъ сильномъ волненіи, что не удерживалось оно и осаднымъ положеніемъ, объявленнымъ въ городѣ. Тайный комитетъ, сохранявшійся невредимымъ, несмотря на бдительность и подозрительность полиціи, постоянно находилъ средства своситься съ Гарibaldi, какъ ни старалось перервать ихъ военное начальство. Было извѣстно, что тайный комитетъ существуетъ; почти ежедневно онъ распускалъ по городу печатныя прокламаціи; но онъ былъ такъ организованъ, что полиція, хотя и знала о его существованіи, никакъ не могла открыть его членовъ. Это было нѣчто въ родѣ масонской организаціи, съ разными степенями посвященія. Никто изъ людей, не бывшихъ его членами, не зналъ больше, какъ только одного изъ его членовъ. Мѣсто засѣданій безпрестанно измѣнялось, переносясь изъ одного дома въ другой. Но всѣ безусловно повиновались комитету.

Онъ уведомилъ Гарibaldi, что Палермо готовъ возстать, но требовалъ того условія, чтобы Гарibaldi явился передъ воротами города. Гарibaldi принялъ условіе, и составилъ свой планъ сообразно съ нимъ. Видя, что опоздалъ занять Монреале, онъ оставилъ часть сицилійскихъ инсургентовъ поддерживать огни и затрогивать неаполитанцевъ, а самъ съ главными силами ушелъ, и слѣлавъ почти неизмовѣрный переходъ по горному хребту, гдѣ пушки надобно было вестн людямъ на плечахъ, онъ вдругъ 23 мая явился въ Парко, лежащемъ по дорогѣ въ Piana dei Greci (*). Какъ только неаполи-

(*) То есть, онъ, подступивъ къ Палермо сначала съ западной стороны, перешелъ теперь на южную сторону, а потомъ, какъ увидимъ, перешелъ на восточную, когда неаполитанцы двинулись за нимъ на югъ.

танцы замѣтили свою ошибку, они съ торопливою горячностью послали за нимъ всѣ свои силы, какія только могли отправить въ погоню, не подвергая опасности своихъ городскихъ позицій. Но имъ показалось, что у нихъ все-таки силы недостаточны, а послѣ нѣсколькихъ стычекъ, бывшихъ въ этотъ день, они опять вернулись на свои позиціи на двухъ нижнихъ террасахъ, *Piana Borazzo* и *Santa Teresa*. На слѣдующій день они привели нѣсколько войскъ изъ Монреале и, усилившись ими, произвели вторую атаку, — ту самую, которую видѣлъ я съ корабля. Цѣль была достигнута; они дались во второй обманъ. Гарибальди ушелъ отъ нихъ, оставивъ за собою противъ нихъ лишь нѣсколько сицилійскихъ отрядовъ, которые скоро также пошли за нимъ. *Regii*, какъ называютъ неаполитанскихъ солдатъ, вошли въ тотъ же вечеръ въ *Madonna delle Grazie* и въ Парко, разграбили и сожгли эти селенія, убили нѣсколько мирныхъ жителей, и обнародовали на другой день блестящій бюллетень, объявляя о разбитіи шаекъ Гарибальди и о скорости возвращенія бунтовщиковъ къ покорности. Неаполитанскимъ бюллетенямъ вообще не очень вѣрили, но у многихъ палермцевъ похолодѣла кровь въ жилахъ, когда они увидѣли, что Гарибальди отступаетъ во второй разъ.

Мало знали они, мало знали и неаполитанцы человѣка, съ которымъ имѣли дѣло, хотя слѣдовало бы имъ помнить Велетри. Онъ *regulait pour mieux sauter*. Чтобы лучше обмануть неаполитанцевъ, онъ отступилъ до *Piana dei Greci*, свою артиллерію уславъ еще дальше назадъ, а самъ съ отборнымъ отрядомъ снова пошелъ по горамъ, и пока неаполитанцы шли за нимъ къ *Piana*, онъ вчера утромъ вышелъ на Катанійское шоссе въ Мисильмери, гдѣ былъ имъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ капитанамъ (какъ они называются) инсургентовъ въ той сторонѣ горъ.

Я измучился невѣрными слухами, которые одни только можно было имѣть въ городѣ и которые оставляли бы вашихъ читателей во мракѣ относительно истиннаго положенія дѣлъ. Я мало зналъ тактику храбраго генерала; кромѣ того, я чувствовалъ, что готовятся такія вещи, которыя лучше увидишь, выѣхавъ изъ города, чѣмъ оставаясь въ немъ; потому рѣшился попробовать, не удастся ли мнѣ пробраться за городъ. Нѣкоторые англійскіе и американскіе офицеры ѣздили въ этомъ направленіи и видѣли одного капитана инсургентовъ, простолюдина изъ здѣшнихъ мѣстъ, ла-Маццу. Я рѣшился попытать своего счастья. Нѣкоторые изъ городскихъ друзей показали мнѣ дорогу и я поѣхалъ въ экипажѣ одного изъ нихъ. Дорога въ Мессину, выходя съ приморья изъ *Villa Giulia*, идетъ по берегу до Абате, гдѣ пересѣкается шоссе, ведущимъ въ Мисильмери и Катанію. Мнѣ посоветовали

ѣхать по этому шоссе, которое меньше тревожить солдаты. Отчасти от надежды на свой флотъ, отчасти отъ обмана, въ какой ввела ихъ стратегема Гарибальди, неаполитанцы обращали мало вниманія на эту дорогу и вообще на юго-восточную сторону. Двое часовыхъ при выѣздѣ изъ Villa Giulia, и пикетъ изъ двухъ десятковъ человекъ нѣскольکو подальше, въ сторожевомъ домѣ городской таможни — вотъ единственные солдаты, которыхъ я встрѣтилъ въ окрестностяхъ города. Одинокіе домики тянутся, съ промежутками одинъ отъ другаго, до моста черезъ рѣчку или горный потокъ Орвето, впадающій въ море, отъ котораго дорога въ одной четверти мили (200 сажень). По всему этому ряду домовъ была цѣпь часовыхъ, а у моста пикетъ человекъ изъ 80, изъ котораго и посылались эти часовые.

Я проѣхалъ мимо нихъ безъ допросовъ, и очутился на свободѣ. Неаполитанскіе пароходы ежедневно крейсировали вдоль этого берега, потому неаполитанцы и не находили надобности въ другихъ предосторожностяхъ. Пара калабрійскихъ лошадей везли меня довольно быстро; я проѣхалъ мимо нѣсколькихъ американскихъ офицеровъ, вѣроятно ѣхавшихъ въ Саленто. У самыхъ воротъ города жители присоединялись къ инсургентамъ. Между ними и королевскими войсками было что-то въ родѣ нейтральной полосы, кончавшейся въ деревнѣ за Абате, имени которой я не могу припомнить. Если были безпечны Regii, то не были инсургенты. У входа въ эту деревню одинъ изъ ихъ вооруженныхъ людей попросилъ позволенія быть моимъ проводникомъ, — въ чемъ я и нуждался. Когда мы ѣхали по деревнѣ, народъ подбѣжалъ къ намъ и ловилъ мои руки, чтобы цаловать ихъ, прося у меня оружія. Всѣ жители готовы были пристать къ инсургентамъ, но не имѣли оружія, что однако не мѣшало имъ кричать виваты Италіи, Виктору Эмануэлю и Гарибальди. Намъ должно было пустить лошадей въ скачь, чтобы не быть останавливаемыми на каждомъ шагу. Проскакавъ полчаса по легкому спуску въ очень красивую долину, опоясываемую великолѣпными горными видами, мы пріѣхали въ Мисильмери, маленькій и плохой городокъ безхарактерной архитектуры. На одной сторонѣ небольшой площади засѣдалъ комитетъ, образовавшій родъ временнаго правительства; на другой сторонѣ, на деревянномъ крыльцѣ, выступавшемъ на площадь, возсѣдалъ въ обстановкѣ первобытной простоты начальникъ штаба гарибальдіевской экспедиціи, полковникъ Сиртори. Онъ въ эту минуту выдавалъ двумъ молодымъ американскимъ офицерамъ съ военнаго парохода «Ирокезецъ» паспортъ, безъ котораго никого не впускаютъ въ лагерь. Онъ кромѣ того далъ имъ въ проводники офицера; я присое-

двинулся къ нимъ и мы поѣхали къ высотамъ, ведущимъ на Джебель-Россо и въ Меццанскій проходъ. Скоро остались налѣво позади насъ послѣдніе домики города и феодалнаго замка, бѣлыя глиняныя стѣны котораго имѣли въ себѣ что-то напоминавшее скелетъ. Вся окрестность засажена оливковыми деревьями, виноградниками, разными хлѣбами, и все росло роскошно, несмотря на каменистую почву. Генералъ расположился лагеремъ на довольно обширную террасу, прямо надъ развалинами; она съ одной стороны нависла надъ равниною и холмами, гряда которыхъ кончается Цаффаранскимъ мысомъ; а съ другой стороны, видѣлись скалы Джебель-Россо и Меццанскій проходъ, отдѣляясь отъ лагерной террасы ложбиною, которая походила на угасшій кратеръ, и теперь отчасти была подъ водою, собравшеюся отъ сильныхъ дождей, бывшихъ въ послѣдніе дни. Панорама эта была одна изъ тѣхъ, которыя невольно внушаютъ вамъ мысль раскинуть тутъ вашу палатку, если у васъ есть палатка. Это слово вычеркнуто изъ военнаго словаря Гарибальди. Но популярный генералъ долженъ по временамъ дѣлать уступку своимъ солдатамъ, и теперь онъ позволилъ, чтобы они воткнули для него въ землю четыре штуки изъ тѣхъ пикъ, которыми вооружены отряды, не имѣющіе ружей, и накинули на нихъ коверъ. Въ этой палаткѣ лежало въ должности подушки гуачосское сѣдло на черной овчинѣ, служившей постелью. А для другихъ людей отряда были оливковыя деревья, дающія хорошую тѣнь, были для изголовья камни, и на одного изъ десятирехъ былъ плащъ или коверъ. Кругомъ были поставлены лошади, — почти всѣ безъ привязей, но держали онѣ себя чинно. Когда мы пріѣхали, самого генерала не было въ лагерѣ, онъ отправился въ одинъ изъ своихъ утреннихъ объѣздовъ; но передъ его палаткою были всѣ его вѣрные спутники: полковникъ Турръ, венгерецъ, еще страдающій отъ прошлогодней раны въ рукѣ, но всегда готовый явиться туда, гдѣ есть опасность; полковникъ Биксіо, другой надежный спутникъ, извѣстный офицеръ корпуса альпійскихъ стрѣлковъ; полковникъ Карини, храбрѣйшій изъ сицилійцевъ, также офицеръ этого корпуса, и много другихъ, подобныхъ ему храбростью, въ числѣ ихъ сынъ Гарибальди, юноша съ полученною при Калата-Фими раною въ рукѣ, и сынъ Даніэля Манини, съ раною въ ногѣ. Тутъ стоялъ и бывшій священникъ Гуцмароли, романъіолецъ, восторженно преданный своему герою, слѣдующій за нимъ повсюду, какъ тѣнь, заботящійся объ его удобствахъ, охраняющій его въ минуту опасности. Тутъ былъ и небольшой отрядъ колонновожатыхъ, большею частью людей изъ почетныхъ ломбардскихъ фамилій—они должны были ѣздить верхомъ, но ходили пѣшкомъ первые въ атаку. Не менѣе другихъ тутъ замѣчательна личность сицилійскаго монаха,

«брата» Панталеоне, походяго на тѣхъ монаховъ, которыхъ видимъ на средневѣковыхъ картинахъ. Полный пламеннаго патриотизма и никому не уступающій мужествомъ, онъ присоединился къ инсургентамъ въ Салеми (*), сильно воодушевляя ихъ. Тутъ было также много вліятельныхъ людей изъ Палермо и его окрестностей, было нѣсколько священниковъ и монаховъ, принадлежащихъ къ самымъ искреннимъ и энергическимъ дѣятелямъ возстанія. Они составляли странность въ этой не слишкомъ усердной къ католичеству арміи; но, увѣрляю васъ, они держатъ себя такъ, что самыя кипучіе изъ юношей-волонтеровъ чтятъ и уважаютъ ихъ и въ нихъ санъ ихъ.

Вся эта пестрая толпа, увеличившаяся теперь двумя молодыми офицерами американскаго и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ нихъ, тремя офицерами британскаго флота, вобрались около центра — дымящагося котла съ лежавшею въ немъ четвертью теленка и обильною приправою лука; а подлѣ котла стояла большая корзина съ хлѣбомъ и боченокъ марсальскаго вина. Каждый угощался самымъ коммунистическимъ манеромъ, работая ножомъ и пальцами и торопливо опоражнивая единственный на всю компанію оловянный стаканъ. Только на такой нерегулярной войнѣ вы можете видѣть эти сцены въ полномъ ихъ совершенствѣ. Долгіе марши и контрмарши, дожди, битвы, ночлеги на голой землѣ сдѣлали почти каждого достойнымъ явиться хорошою фигурою въ картинѣ Мурильо, въ обстановкѣ, имѣющей своимъ фономъ громадныя сицилійскія горы, которыхъ не воспроизведетъ никакая кисть.

Вскорѣ по приѣздѣ явился Гарибальди, и принялъ своихъ иноземныхъ поѣздителей съ тою очаровательною, спокойною простотою, которая характеризуетъ его; съ большою мягкостью онъ исполнялъ неизмѣнно повторяемую каждымъ гостемъ просьбу дать автографъ и отвѣчалъ на множество вопросовъ, которыми натурально осыпали его. Только по отъѣздѣ гостей онъ снова принялся за свои занятія. Вопросъ шелъ, ни больше, ни меньше, какъ о томъ, чтобы въ ту же ночь сдѣлать попытку внезапной атаки на Палермо. По всѣмъ полученнымъ извѣстіямъ не оставалось сомнѣнія, что неаполитанцы пошли на брошенную имъ удочку, что они приняли притворное отступленіе за пораженіе, а отправленіе пушекъ въ глубину острова за признакъ отчаянія инсургентовъ. Они по видимому не имѣли даже и предчувствія о фланговомъ движеніи къ Мисильмери: люди, приходившіе изъ Piana dei Greci, говорили, что главныя неаполитанскія силы находятся тамъ, а другой сильный отрядъ въ Парко и по дорогѣ дальше за Парко. Извѣстія говорили также, что въ Монреале находится нѣсколько тысячъ неаполитанцевъ. Дѣйствительно, под-

(*) То есть предъ битвою при Калата-Финья.

ступы къ Монреале и Парко, образуемые деревьями Piana di Borazzo и Тереза, которыя обѣ стоятъ подлѣ королевскаго дворца, на юго-западной сторонѣ города, были пунктами сосредоточенія неаполитанцевъ, а подступы къ южной и юговосточной частямъ города остались мало защищены. Пренія событія заставили неаполитанцевъ обратить вниманіе на топографію Палермо, чтобы оставаться владыками его, въ случаѣ народнаго возстанія. Это не легко въ Палермо, городѣ истинно южной постройки, составляющемъ лабиринтъ узкихъ, извилистыхъ улицъ, по которымъ идутъ дома, всѣ снабженные балконами. Такая постройка очень затруднительна для войскъ въ уличной битвѣ; неаполитанцы, какъ только могли, старались уменьшить эту невыгоду. Главными путями сообщенія въ городѣ служатъ двѣ улицы, очевидно испанскаго происхожденія: первая называющаяся Толедскою, выходя съ моря у Porta Felice, проходитъ по городу прямой линіею съ сѣверовостока на югозападъ мимо собора св. Розаліи и оканчивается на обширѣйшей изъ Палермскихъ площадей, королевской площади (Piazza Reale), въ противоположномъ концѣ города, гдѣ входятъ въ него дороги изъ Монреале и Парко. Кромѣ королевскаго дворца, построеннаго, какъ говорятъ, на мѣстѣ древняго дворца сицилійскихъ эмировъ, на этой площади стоятъ еще нѣсколько большихъ общественныхъ зданій: одинъ уголь ея образуетъ Архіепископскій дворецъ, а другой уголь—большой монастырь Св. Елизаветы. Мѣстность слегка возвышается по направленію къ этой части города, господствующей надъ всеѣми остальными. Подъ прямымъ угломъ перерѣзываетъ Толедскую улицу другая такая же прямая улица, называющаяся Макерадскою; она, выходя отъ Сантъ-Антонинскихъ воротъ и прорѣзывая весь городъ, выводитъ на дорогу къ ла-Фаворитѣ и къ молу въ гавани. Двѣ эти улицы пересѣкаются въ самомъ центрѣ города на осьмиугольной площади, называющейся Боловскою (Piazza Bologni). Нижняя половина города отъ моря до этой площади была почти покинута жителями или, лучше сказать, оставлена ими нѣжному попеченію неаполитанскихъ матросовъ и цитадели, возвышающейся на прибрежномъ холмѣ близъ сѣверовосточнаго угла города. Нѣсколько карауловъ у воротъ этой части города, — карауловъ, собныхъ почти только стеречь, а не оборонять ворота, и около роты солдатъ въ зданіи финансоваго управленія, находящемся въ этой части города, — вотъ всѣ войска, которыя были у неаполитанцевъ въ нижней части Палермо.

Для поддержанія сообщеній съ верхнею половиною города, бывшею настоящимъ центромъ обороны, и съ морскимъ берегомъ, неаполитанцы устроили за городомъ двѣ большія военныя дороги или улицы (Stradoni); обѣ они выходятъ отъ королевскаго дворца; одна

идеть къ морю мимо Villa Giulia, большого публичнаго сада, выходящаго на морской кварталъ; другая идетъ черезъ кварталъ Quatri Venti на моль. Эта вторая военная улица всегда считалась линіею отступленія къ кораблямъ; по ней построены большія зданія: политическая тюрьма, нѣсколько казармъ, уголовная тюрьма и наконецъ верки мола.

Сображая все это расположеніе дѣлъ, Гарибальди составилъ планъ внезапно напасть на караулы въ нижней, слабо защищенной части города, сбить ихъ, ворваться въ городъ и потомъ постепенно прокладывать себѣ путь изъ улицы въ улицу. Двѣ дороги, ведущія къ этой части города, идутъ почти параллельно и близко другъ отъ друга. Та, которая идетъ по самому морскому берегу, охранялась слабѣе другой: ее занимала всего кака я нибудь одна рота, совершенно отрѣзанная отъ всякихъ сообщеній. Достичь своей цѣли по ней было бы легче; но слѣдовало опасаться, что движеніе длинной колонны будетъ замѣчено и будутъ предувѣдомлены о нападеніи главныя силы неаполитанцевъ. Потому операціонной линіей была выбрана другая дорога. Эта дорога — шоссе, идущее изъ Палермо въ глубину острова; перерѣзывая въ половинѣ мили ($\frac{3}{4}$ версты) отъ города Адмиралтейскую дорогу (Del Ammiraglio), она черезъ широкую открытую улицу ведетъ на ту военную улицу (Stradone), которая лежитъ съ этой стороны города, а потомъ входитъ въ городъ у Терминскихъ воротъ. Подлѣ этихъ воротъ неаполитанцы сдѣлали баррикады изъ мѣшковъ, насыпанныхъ пескомъ; онѣ были заняты двумя ротами. Военная улица передъ баррикадами обстрѣливалась нѣсколькими горными орудіями, поставленными у Санъ-Антонинскихъ воротъ. Подступъ къ военной улицѣ по шоссе обстроены маленькими фортами, идущими вдоль дороги до самаго моста, а аванпосты стояли по другую сторону моста.

Съ тѣмъ вѣрнымъ стратегическимъ тактомъ, которымъ безспорно владѣеть Гарибальди, онъ выбралъ этотъ пунктъ, какъ самый удобный для атаки. За исключеніемъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, у него были только недисциплинированные, непривычныя къ войнѣ партизаны; потому онъ рассчиталъ, что лучший шансъ успѣха для него — сосредоточить всѣ силы, чтобы внезапно сбить противника. Всеобщее возстаніе горожанъ должно было помогать его операціямъ.

Составивъ этотъ планъ, онъ созвалъ партизанскихъ капитановъ и объяснялъ имъ свое намѣреніе. Онъ сказалъ имъ, что не въ его обычай собирать военные совѣты, но что теперь онъ почелъ нужнымъ посоветоваться съ ними, потому что отъ рѣшенія, какое теперь будетъ принято, зависитъ судьба Сициліи и можетъ быть всей

Итали. Надобно теперь выбрать, сказалъ онъ, одно изъ двухъ: или попытаться овладѣть Палермо посредствомъ неожиданнаго нападенія, или отступить и начать организовать регулярное войско въ глубинѣ острова. Я съ своей стороны, сказалъ онъ, считаю лучшимъ сдѣлать внезапную атаку, которая разомъ рѣшитъ судьбу острова. Высказавъ это, онъ просилъ ихъ быть краткими въ своихъ замѣчаніяхъ и не тянуть совѣщанія. Почти всѣ были изумлены отважностію этого плана; нѣкоторые заговорили, что ихъ отряды имѣютъ мало боевыхъ зарядовъ. Онъ сказалъ имъ въ сотый разъ, что неаполитанскихъ хорошо вооруженныхъ солдатъ нельзя поборотъ долгою перестрѣлкою, а надобно опрокидывать ихъ стремительною атакою, что не надобно тратить боевыхъ зарядовъ, не дѣлать даромъ ни одного выстрѣла и что имъ раздадутъ всѣ патроны, какіе только есть въ запасѣ. Когда такимъ образомъ возраженіе было устранено, всѣ съ большею или меньшею горячностію одобрили планъ. Гарибальди отпустилъ ихъ, съ просьбой воодушевить инсургентовъ и поддерживать ихъ мужество.

Первою мыслию Гарибальди было произвести атаку среди ночи: неаполитанцы по ночамъ не любятъ беспокоиться, и была почти полная вѣроятность, что они подвергнутся паническому страху. Но и для сицилійскихъ инсургентовъ такая атака была бы трудна; потому Гарибальди разсудилъ распорядиться такъ, чтобы войска его подошли къ городскимъ воротамъ на разсвѣтѣ. По первоначальному и лучшему плану самаго генерала и его генералъ-адъютанта полковника Турра, полагалось двинуться по шоссе изъ Мисильмери: оно такъ широко, что можно на немъ довольно развернуть силы, и вообще представляетъ всѣ удобства. Но сицилійскіе капитаны рекомендовали идти черезъ Меццанскій проходъ, спускающійся въ на-лермскую равнину съ высотъ, находящихся за Джебель-Россе. Но ихъ словамъ, путь этотъ гораздо короче и вовсе не труденъ. Ихъ словамъ повѣрили и всѣмъ силамъ было приказано съ наступленіемъ ночи сосредоточиться у верхняго конца прохода, гдѣ стоитъ церковь.

По первоначальной диспозиціи, въ авангардѣ слѣдовало идти волонтерамъ, пріѣхавшимъ съ Гарибальди, а сицилійскимъ инсургентамъ слѣдовать за ними. Но нѣкоторые капитаны просили, какъ милости, чтобъ ихъ отрядамъ было позволено первымъ войти въ городъ, — требованіе такое, отказать въ которомъ было неловко. Потому планъ былъ измѣненъ. Колонновожатые и по три человѣка изъ каждой роты альпійскихъ стрѣлковъ были сведены въ маленькій авангардъ, который вѣренъ былъ майору Тюкёрн, венгерскому офицеру, отличившемуся подъ командою генерала Кмети 29 сентя-

бря въ Карсѣ. За этимъ передовымъ отрядомъ шли сицилійцы, которыми командовалъ Ла-Мага, эмигрантъ пріѣхавшій съ Гарибальди. Во второй линіи были генуэзскіе стрѣлки, всѣ вооруженные швейцарскими штуцерами и превосходно ими владѣющіе. За ними шли два батальона альпійскихъ стрѣлковъ, а потомъ остальные сицилійцы.

По этимъ распоряженіямъ разные отряды стали одинъ за другимъ подвигаться къ верхнему концу дефиле; генеральному штабу немного нужно было времени, чтобъ собраться; онъ скоро снялся съ своего лагеря и послѣдовалъ за войсками. Меня посадили на истиннаго Росинанта, поводья котораго были просто обернуты около морды; сѣдло мое было какъ будто нарочно сдѣлано по спиннымъ позвонкамъ моего коня. Но заблаговременно нашелся коверъ и вообще я не могу жаловаться. Дорога къ верхнему концу дефиле извивается между гигантскими кактусовыми изгородами, дающими совершенно восточный характеръ мѣстности. Мы прибыли на вершину въ ту самую минуту, какъ садилось солнце; намъ былъ виденъ Палермо со своимъ заливомъ, казавшійся скорѣе волшебною декорациею, чѣмъ дѣйствительнымъ пейзажемъ. Всѣ горы съ своими обрывистыми пиками красноватаго цвѣта тонули въ лучахъ заходящаго солнца, принимая отъ нихъ тотъ розовый оттѣнокъ, который прежде считалъ я исключительною принадлежностію Аттики. Очаровательна была сцена, простиравшаяся передъ нами; оглядываясь назадъ въ глубину горъ, мы видѣли одну изъ картинѣйшихъ мѣстностей, какія только встрѣчались мнѣ: вся страна блистала весенними цвѣтами, благоуханіе которыхъ повесело съ удвоенною силою, когда солнце закатилось. Этотъ горный проходъ оказался дурною дорогою для экспедиціи, но видъ его былъ очень милъ.

Для поддержанія неаполитанцевъ въ той мысли, что они совершенно безопасны съ этой стороны, были разложены по прежнему большіе костры на вершинахъ горъ; и, долго послѣ нашего отхода, огни поддерживались нарочно оставленными для того людьми. Гарибальди взѣхалъ на самую вершину, чтобы обозрѣть позицію, или быть можетъ, чтобы предаться мечтамъ, которыя овладѣваютъ имъ въ такіа торжественныя минуты и кончаются сосредоточеніемъ всѣхъ его способностей на цѣли, лежащей передъ нимъ.

Вечерняя пушка цитадели давно была повторена эхомъ горъ; мѣсяцъ ясно сталъ надъ нашими головами, придавая новую очаровательность живописной сценѣ; наконецъ мы пустились въ походъ.

Передъ началомъ похода «молодцы» (Picciotti), какъ называются инсургенты, были приведены въ нѣкоторый порядокъ; вы конечно повѣрите мнѣ, что не совсѣмъ легко было исполнить это дѣло

ночью: капитанъ не узнавалъ своихъ солдатъ, солдаты не узнавали своего капитана, каждый становился на чужое мѣсто, никто не откликнулся на призывъ. За исключеніемъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ Гарибальди, все остальное войско казалось безпорядочною массой, которую почти невозможно устроить; но постепенно люди каждой команды собрались по своимъ мѣстамъ и въ десять часовъ вечера начался походъ. Сицилійскіе капитаны или никогда не осматривали Меццанскаго дефиле или должны имѣть странныя понятія объ удобныхъ дорогахъ. Весь этотъ проходъ — просто тропинка среди огромныхъ камней, безпрестанно переходящая черезъ русло горнаго потока, часто идущая по самому руслу, въ другихъ мѣстахъ идущая черезъ кучи мелкихъ камней и по самымъ страшнымъ ущельямъ; прибавьте къ этому, что спускъ имѣетъ крутизну 25 градусовъ и что по такому пути надобно было идти ночью. Солдаты могли проходить только поодиночкѣ; отъ этого наша колонна страшно растягивалась и безпрестанно происходили остановки. Генералъ клялся, что уже никогда не повѣритъ сицилійскимъ доносеніямъ о какойнибудь горной дорогѣ. Но какъ бы то ни было, мы достигли наконецъ равнины, вошли въ оливковыя рощи, растущія внизу. Наши лошади, кованныя на шипахъ, рѣдко падали. Мы остановились, пока кончатъ спускъ всѣ отряды, и во время этой остановки произошелъ случай, непредвѣщавшій ничего особеннаго хорошаго отъ нашихъ «молодцовъ». Лошади въ Сициліи вѣдаютъ большею частію безъ узда; потому онѣ безрерывно били; неудобство это было такъ чувствительно въ ночной экспедиціи, что нѣкоторыхъ самыхъ упрямыхъ нужно было отослать назадъ. Но одна изъ нихъ осталась и начала свои продѣлки; всадникъ ея потерялъ терпѣніе и она стала бить хуже прежняго. Сосѣднія лошади шарахнулись назадъ и встревожили сицилійцевъ, бывшихъ позади нихъ. Изъ этихъ «молодцовъ» многіе уже съѣли-было на землю и начали дремать; въ просонкахъ они вѣроятно приняли деревья за неаполитанцевъ, звѣзды за гранаты, а мѣсяцъ за колоссальную бомбу; какъ бы то ни было, но большая часть ихъ однимъ прыжкомъ очутились въ кустарникахъ по обѣимъ сторонамъ дороги; многіе въ испугъ начали стрѣлять изъ ружей и еслибъ еще немного, распространился бы общій паническій страхъ. Каждый дѣлалъ все, что могъ для восстановления порядка, но испугъ былъ произведенъ и его дѣйствіе отражалось потомъ, какъ вы увидите. Случилось и другое приключеніе, которое могло повести къ разстройству всего предпріятія. Сицилійскіе проводники, бывшіе въ передовомъ отрядѣ, сблизясь съ дорогой и вмѣсто тропинки, выводящей на большую дорогу, въ которую мы хотѣли идти, они продолжали вести насъ по проселочной

дорогъ вдоль косогора, которая привела бы насъ именно къ тому пункту, гдѣ находились главныя силы неаполитанцевъ. Ошибка была во время замѣчена и исправлена, но не безъ большой потери времени. Наконецъ колонна нынѣ на большую дорогу, широкое шоссе, ополсанные высокими заборами садовъ. Мы потеряли много времени во всѣхъ этихъ проволочкахъ, и приближалось время разсвѣта. Поэтому надобно было спѣшить. Но отъ усталости, или отъ вліянія прежняго испуга, наши «молодцы» никакъ не могли идти быстро. Занималась заря, когда мы миновали первые дома, выходяшіе по атому направленію далеко за городъ. Инсургентны, которымъ слѣдовало бы лучше знать мѣстность, начали кричать свевива, какъ будто мы уже дошли до городскихъ воротъ. Еслибъ не эта ошибка, нашъ авангардъ застигъ бы въ распахъ караулъ на Адмиралтейскомъ мосту и вѣроятно проникъ бы въ городъ, не потерявъ ни одного человѣка. Но крики нашихъ «молодцовъ» не только подняли караулъ на мосту, а даже доставили неаполитанцамъ возможность подкрѣпить отрядъ, оберегавшій терминскія ворота, и приготовиться къ оборонѣ мѣстности съ фланга.

• Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы захватить въ распахъ мостовой караулъ, нашъ авангардъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, не только съ фронта, но и съ фланговъ, изъ домовъ по дорогѣ. При первомъ залпѣ, почти вся «молодежь» перескочила черезъ садовыя стѣны, но не съ тѣмъ, чтобы стрѣлять изъ-за нихъ, оставивъ 30 или 40 человѣкъ, составлявшихъ авангардъ, однихъ подъ огнемъ на широкой улицѣ, ведущей къ мосту. Былъ посланъ впередъ первый батальионъ альпійскихъ стрѣлковъ; онъ не могъ въ одну минуту взять позицію; потому скоро былъ посланъ и второй батальионъ. Пока они прогоняли неаполитанцевъ, офицеры всячески старались повести впередъ «молодежь». Это было не очень легко, особенно въ началѣ, когда съ фронта несливался громъ пушекъ, хотя и не оказывалъ онъ замѣтнаго дѣйствія. Впрочемъ, «молодцы» могутъ быть ведены въ дѣло, когда пройдетъ въ нихъ первое непріятное впечатлѣніе, особенно когда они видятъ, что не каждый ружейный выстрѣлъ убиваетъ или ранитъ, что даже и не каждое пушечное ядро дѣлаетъ вредъ, хотя и страшно шумитъ. Они могли вполне убѣдиться въ этомъ нынѣшнимъ утромъ, потому что никогда я не видѣлъ такой безвредности такого сильнаго огня, какъ нынѣ отъ неаполитанцевъ, хотя у нихъ превосходные штуцера. Всѣ хлопотали, чтобы вывести впередъ «молодцовъ», ободряли ихъ, натакивали ихъ изъ ихъ убѣжищъ всѣми хитростями и способами, часто толчками и силою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, почти всѣ они благополучно перебрались черезъ открытое мѣсто къ мо-

сту; но общая наклонность у нихъ была проходить лучше подъ мостомъ, чѣмъ по мосту, который, подобно всѣмъ мостамъ черезъ горные потоки, поднять высоко, и въ это время обстрѣливался сильнымъ перекрестнымъ огнемъ съ Piana di Bogazzo, гдѣ неаполитанцы пробили въ стѣнѣ амбразуры и поставили нѣсколько пушекъ, сдѣлавшихъ нѣсколько дурно-направленныхъ выстрѣловъ. Пока самъ генералъ и многіе офицеры его штаба хлопотали, чтобы вывести «молодцовъ» изъ ихъ убѣжищъ и двинуть ихъ впередъ, авангардъ прогналъ неаполитанцевъ на военную улицу (stradone), которая идетъ къ морю передъ самыми термидскими воротами. Неаполитанскій фортъ у этихъ воротъ, значительно усиленный въ послѣдніе дни, открылъ жаркій огонь, подъ которымъ была вся длинная линія домовъ, ведущая къ мосту; а въ тоже время двѣ пушки и отрядъ пѣхоты, стоявшія у санъ — антонинскихъ воротъ, открыли по атакующимъ перекрестный огонь. Но все это не было задержкою для храбрыхъ, бывшихъ впередъ. Они не стали тратить времени на перестрѣлку, а бросились въ штыки. Командиръ авангарда, венгерецъ майоръ Тюгѣри, съ троими изъ вожатыхъ, первые перебѣжали черезъ баррикаду изъ песочныхъ мѣшковъ въ городъ; но ихъ предводитель былъ раненъ пулею, раздробившею ему лѣвое колѣно. Другихъ убитыхъ или раненыхъ тутъ почти не было въ авангардѣ и у стрѣлковъ. Пока они гнали неаполитанцевъ съ позиціи на позицію, палерицы также начали подниматься, но, для соблюденія правды, надобно сказать: только въ кварталахъ, покинутыхъ войсками.

Таже самая сцена, какъ у моста, повторилась при переходѣ «молодцовъ» черезъ военную улицу: они шли впередъ неохотно. А надобно было скорѣе войти въ городъ, чтобы не подвергнуться нападенію съ фланговъ или въ тылъ: въ Piana di Bogazzo стояли неаполитанцы. Чтобы предупредить эту опасность, нѣсколькимъ отрядамъ инсургентовъ было приказано зайти за садовые заборы, опоясывающіе дорогу, по которой неаполитанцы могли бы прійти въ лѣвый флангъ намъ. Эта диверсія и по всей вѣроятности неохота неаполитанцевъ сражаться на открытой мѣстности, были достаточны для отвращенія опасности: почти всѣ медлившіе «молодцы» прошли въ городъ. Тутъ же построили атакующіе для защиты своего тыла баррикаду изъ всего, что только попадалось подъ руки. Это дѣло такъ понравилось «молодцамъ», что они начали строить баррикаду и во фронтъ передъ собою, — прежде, чѣмъ успѣли остановить ихъ, они завалили часть дороги, по которой надобно было идти.

Но самымъ критическимъ дѣломъ рѣшительно былъ переходъ черезъ военную улицу, которая обстрѣливалась перекрестнымъ огнемъ, и всевозможныя хитрости были употреблены, чтобы заста-

вить «молодцовъ» совершить этотъ подвигъ, казавшійся для нихъ смертельнымъ. Я съ однимъ изъ товарищей Гарибальди насильно вывелъ одного изъ нихъ подъ огонь, и не пускалъ назадъ, — это скоро заставило его перебѣжать черезъ улицу. Здѣсь-то особенно обнаруживалось, какъ дурно направляли свой огонь неаполитанцы. Я смотрѣлъ нѣсколько времени, и не видѣлъ ни одного человѣка раненнаго. Для ободренія «молодцовъ», одинъ изъ генуэзскихъ стрѣлковъ взялъ нѣсколько стульевъ, поставилъ на одномъ изъ нихъ трехцвѣтное знамя, сѣлъ самъ, и просидѣлъ нѣсколько времени. Это наконецъ подѣйствовало, и «молодцы» ободрились до того, что останавливались на переходѣ черезъ военную улицу, чтобы выстрѣлить изъ ружья.

Прямо подлѣ терминскихъ воротъ находится старыи рынокъ (Vecchia Fiera), — онъ былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ Гарибальди сдѣлалъ остановку. Надобно знать сицилійцевъ, чтобы понять, какой бѣшеный крикъ, шумъ, гвалтъ они подняли: всѣ хотѣли цаловать его руки, обнимать его колѣна. Каждая минута приводила новыя массы, поочередно входившія на площадь и нетерпѣливо ждавшія своей очереди. Когда волонтеры Гарибальди постепенно очистили нижнюю часть города, почти всѣ жители сошлись на площадь, посмотрѣть на освободителя Палермо и Сициліи, прокричать привѣтствіе ему. Онъ вошелъ въ городъ около половины 5 часа утра, а къ 12 часамъ дня болѣе половины города было очищено отъ войскъ. Но за два часа передъ тѣмъ цитатель открыла по городу огонь, сначала довольно умѣренный, но скоро очень усилившійся. Она стрѣляла 13-дюймовыми бомбами, калеными ядрами и всяческими другими снарядами, наносящими большое разрушеніе. Часовъ около 12 открыли огонь и корабли стоявшіе въ гавани; вмѣстѣ съ цитателью они успѣли разрушить множество домовъ въ нижней части города. Множество людей обоого пола и всѣхъ возрастовъ было убито и ранено. Двѣ большія бомбы были брошены прямо на госпиталь и разорвались на одномъ изъ его дворовъ. Повсюду мы видѣли разрушеніе и пожары, убитыхъ и раненыхъ; кромѣ этихъ людей, многіе другіе, конечно, погибли подъ развалинами домовъ. Особенно пострадала часть города около Болонской площади и нѣкоторыя изъ улицъ, сошедшихъ съ нею. Если цѣлью неаполитанцевъ было внушить ужасъ, они достигли этой цѣли. Кто только могъ, скрывался въ мѣсто, казавшееся ему безопаснѣйшимъ отъ бомбъ, а тѣ, которые не находили себѣ такого убѣжища, плакали, молились на улицахъ, ломая руки. Да, это было печальное зрѣлище, и бомбардированье больше вредило людямъ безоружнымъ, чѣмъ тѣмъ, которымъ могли бы хотѣть мстить неаполитанцы. Передъ открытіемъ огня съ флота,

командиръ неаполитанской эскадры неслалъ учтивое извѣщеніе всѣмъ стоявшимъ на дорогѣ иностраннымъ военнымъ кораблямъ, чтобы они посторонились, а всѣмъ судамъ, бывшимъ между молотъ и берегомъ, чтобы они вышли въ море за шель. Они такъ и сдѣлали.

Вечеръ.

Бомбардированіе еще продолжается, съ небольшими интервалами. Особенно силенъ огонь цитадели, гдѣ царствуетъ намѣстникъ короля Бомбы П—Ланца. Нѣтъ сомнѣнія, что адмиралъ Мэнди сдѣлалъ командиру неаполитанской эскадры сильныя представленія по поводу бомбардированія; но ихъ не послушались. Нѣкоторыя части города надобно строить совершенно вновь: большія бомбы, пролетая насквозь отъ кровли до фундамента, потрясли непрочныя палермскія зданія. Нѣкоторыя церкви также пострадали. Но все это бесполезное бомбардированіе не помѣшало инсургентамъ постепенно выгнать королевскія войска изъ всѣхъ ихъ позицій въ городѣ, за исключеніемъ одной той части, которая лежитъ около королевскаго дворца, и линіи сообщенія ихъ съ молотъ. Въ нижней части города они владѣютъ только Амарскимъ фортомъ (Castello Amare) и зданіемъ финансоваго управленія, въ которомъ находится около роты солдатъ. Почти всѣ иностранные подданные переѣхали на свои военные корабли; переѣхали на нихъ и всѣ консулы, за исключеніемъ нашего, мистера Гудуина, который, какъ истинный бригадиръ, не покидаетъ флага, поставленнаго надъ его домомъ. Но всѣмъ расскажемъ, нѣтъ и сравненія между нынѣшнимъ бомбардированіемъ и тѣмъ, какое было въ 1848 году. Тогда неаполитанцы довольствовались бросаніемъ одной или двухъ бомбъ въ полчаса, а теперь бросаютъ ихъ такъ часто, какъ только позволяетъ время, нужное мортирамъ на то, чтобы остыть.

Всѣ прошедшіе съ Гарибальди измучились до послѣдней степени: всю прошлую ночь они не спали, а весь день была имъ порядочная работа. Самъ генералъ теперь отдыхаетъ на террасѣ, которая окружаетъ большой фонтанъ на Piazza del Pretorio, гдѣ открылъ непрерывное засѣданіе комитетъ, — тотъ самый, который съ самаго начала руководилъ всѣмъ движеніемъ. Теперь онъ обратилъ себя во временное правительство подъ диктатуру Гарибальди. Комитетъ назначилъ нѣсколькихъ специальныхъ комиссаровъ по разнымъ отраслямъ своихъ дѣйствій и по возможности удовлетворяетъ многочисленнымъ надобностямъ, ежеминутно представляющимся. По угнетенію, въ которомъ находился здѣсь народъ, мало было можно сдѣлать приготовленій къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, все надобно устроить и доставать въ одну минуту, нетерпящую отсрочки; все

надобно теперь: оружіе, сколько можно достать его, боевые снаряды, продовольствіе для войскъ, госпитальныя принасы; все надобно устроить. Много такта нужно для того, чтобы удовлетворить каждому, кому нужно или кому кажется, по его мнѣнію, что нужно то или другое; чтобы выслушать наждого, у кого есть что сообщить или кому кажется, что у него есть, что сообщить. У комитета очень много доброй воли, но я долженъ сказать, что намерцы не содѣйствуютъ его усиліямъ такъ энергически, какъ слѣдовало бы ожидать отъ ихъ энтузіазма. Въ нихъ есть какое-то полу-восточное *laissez aller*, производящее только порывы къ дѣятельности, несовершенне удовлетворяющіе требованію обстоятельствъ.

При первомъ нашемъ вступленіи въ городъ, они очень торопливо принялись строить баррикады; но по мѣрѣ того, какъ мы овладѣваемъ новыми кварталами, нужно строить безпрестанно все новыя баррикады, и довольно трудно удерживать ихъ за неотступной работой. Они много кричатъ *evviva*, но бѣганье по улицамъ предпочитаютъ тяжелому труду. Даже колокольный набатъ, звукъ самый деморализующій для арміи въ многолюдномъ городѣ, производитъ въ нихъ, при всѣхъ увѣщаніяхъ, только порывы. Это южная безпечность, скоро побѣждающая всякое доброе намѣреніе.

Городъ иллюминированъ, и въ промежутки между бомбардированіемъ представляетъ оживленное зрѣлище. Но всѣ лавки еще заперты. Иллюминація стеклянными шкаликами, висящими съ балконовъ, производитъ очень живописный эффектъ, — онъ еще усиливается отъ бомбъ, летающихъ по ясному небу.

Палермо. 28 мая. Утро.

Отъ усталости, я проспалъ всю ночь. Но люди неславшіе увѣряютъ меня, что бомбардированіе и съ кораблей и съ цитатели производилось ночью еще яростнѣе, чѣмъ днемъ. Если бъ не это, ночь могла бы пройти довольно спокойно; тишину ея мало нарушали рѣдкіе и пустые выстрѣлы на аванпостахъ. Только что проснулся я, мое вниманіе было привлечено шумомъ людей, бѣжавшихъ съ крикомъ по улицѣ. Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ человекъ, которые бѣжали по улицѣ, размахивая платками съ восклицаніями: *viva la libertà!* Сначала не могъ я понять ихъ запоздалого энтузіазма; но потомъ сказали мнѣ, что они изъ числа людей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ за политическія преступленія, и только — вотъ освобожденныхъ теперь: — тутъ я понялъ неожиданный взрывъ ихъ восклицаній, разумѣется, возбуждавшій достаточное количество отголосковъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько сотъ такихъ освобожденныхъ бѣжали по улицамъ, служа громкою характеристикой бурбонскаго правитель-

ства. Войска, занимавшія тюрьму намістничества (vicariato) и сосѣднія съ нею казармы, удалились, сѣли на лодки и переѣхали въ цитадель. Связаніе между войсками находящимися въ цитадели и занимающими Piazza Reale было такимъ образомъ прервано.

Второю новостью было то, что войска, стоявшія въ Монреале, отступили къ городу. Горожане рано поутру могли видѣть, какъ они спускаются по дорогѣ къ королевскому дворцу, увеличивая въ-сколькими тысячами силу расположенныхъ въ немъ войскъ. Раздробить силы королевскихъ войскъ было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Гарибальди, когда онъ дѣлалъ свои эволюціи. Неаполитанцы, зная ненависть народа и многочисленность инсургентскихъ отрядовъ, готовыхъ вредить имъ, не отваживались никуда являться иначе, какъ большими корпусами. Желая удержать за собою монреальскую позицію, они послали туда отъ 4 до 5 тысячъ человекъ. Отрядъ такой силы былъ у нихъ по дорогѣ изъ Парко въ Піану, — онъ, какъ они воображали, преслѣдовалъ Гарибальди. Въ цитадели и по дорогѣ къ молу также нуженъ былъ имъ сильный гарнизонъ, такъ что на защиту самого города оставалась у нихъ только уже не очень большая часть силъ.

Нынѣ поутру пришелъ неаполитанскій пароходъ «Капри» еще съ другимъ пароходомъ; оба они наполнены войсками, и надобно думать, хотятъ высадить ихъ гдѣ нибудь на берегъ. Эти войска были посланы изъ Неаполя, когда тамъ еще не могло быть извѣстій о катастрофѣ. Они повидимому колеблются, что имъ дѣлать при такомъ неожиданномъ обстоятельстве, потому что, если бъ они хотѣли высадиться, высадка была бы имъ легка, подъ прикрытіемъ огня изъ цитадели. Утро нынѣ идетъ довольно тихо. Съ кораблей не дѣлается ни одного выстрѣла; цитадель умѣреннѣе прежняго въ своей дѣятельности.

12 часовъ дня.

Сейчасъ я возвратился изъ главной квартиры, находящейся на Piazza del Pretorio, гдѣ тайна молчанія кораблей объяснена мнѣ. Адмиралъ Мѣнди каждый день три раза посылаетъ на берегъ своего флагъ-лейтенанта, мистера Уильмота, говорить съ нашимъ консуломъ, мистеромъ Гудуиномъ, и узнавать, что происходитъ въ городѣ. Нынѣ поутру мистеръ Уильмотъ былъ отправленъ съ другимъ порученіемъ. Командиръ неаполитанской эскадры рано поутру приѣхалъ на нашъ корабль «Ганнибалъ» просить услугъ адмирала, чтобы черезъ него выпросить у Гарибальди перемиріе и кромѣ того позволеніе двумъ генераламъ войскъ, находящихся около королевскаго дворца, переѣхать черезъ городъ на свиданіе съ адмираломъ. Адми-

ралъ Мѣнди отвѣчалъ, что не согласится быть посредникомъ ни въ какихъ переговорахъ, пока не прекратится огонь съ кораблей и съ цитадели: неаполитанскій командиръ обѣщалъ немедленно прекратить огонь съ кораблей, но сказалъ, что не можетъ ручаться за прекращеніе огня съ цитадели, потому что ею командуетъ генералъ, не только не подчиненный ему, а напротивъ, старшій его по чину. Онъ прибавилъ однакоже, что употребить всѣ усилія склонить коменданта цитадели, чтобы онъ, послѣдовавъ его примѣру, прекратилъ огонь. Тогда адмиралъ обѣщалъ передать просьбу командира генералу Гарибальди. Командиръ сдержалъ слово, и его корабли не сдѣлали послѣ того ни одного выстрѣла. Но кажется, его убѣжденія оказались безсильны надъ комендантомъ цитадели, который продолжаетъ отъ времени до времени бросать бомбы, впрочемъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ вчера. Просьба командира эскадры, по моему, еще яснѣе, чѣмъ оставленіе войсками позиціи у мола и оставленіе госпиталя съ 700 больныхъ, показываетъ, что положеніе дѣлъ не обѣщаетъ успѣха неаполитанцамъ по ихъ собственному мнѣнію. Однакоже, генералъ Гарибальди, съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ, тотчасъ же согласился заключить перемиріе, остановиться на пути побѣды и пропустить генераловъ черезъ городъ; мало того: онъ, не дожидаясь распоряженій со стороны непріятеля, разослалъ приказанія тотчасъ же прекратить непріязненные дѣйствія по всей линіи атаки и черезъ адмирала увѣдомилъ объ этомъ командира неаполитанской эскадры. Это значило слишкомъ далеко заходить въ великодушій. Но въ характерѣ Гарибальди — вѣрять въ свое дѣло и быть великодушнымъ даже къ врагамъ.

Кромѣ неаполитанскихъ командировъ, и другимъ также кажется, что побѣда на сторонѣ Гарибальди. Написавъ поутру нѣсколько строкъ, я пошелъ ходить по городу. Первою моею цѣлью была, разумѣется, главная квартира. Самъ я живу въ гостинницѣ «Тринакрія», прямо противъ французскаго консульства. Выходя изъ своихъ дверей, я увидѣлъ что джентльменъ въ синемъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, украшенными французскимъ императорскимъ орломъ, разговариваетъ съ моимъ хозяиномъ, который, немедленно представивъ мнѣ джентльмена съ мѣдными пуговицами, какъ дѣлопроизводителя французскаго консульства, сказалъ, что онъ желаетъ видѣть генерала Гарибальди и узнать, что я иду къ нему, попросилъ взять этого господина съ собою. Я согласился, и мы отправились. Во все продолженіе дороги, дѣлопроизводитель обнаруживалъ очень пытлиное расположеніе ума, спрашивалъ меня о числѣ войска у Гарибальди, о томъ, владѣетъ ли онъ городомъ, хорошо ли онъ снабженъ боевыми запасами, и предлагалъ множество подобныхъ нескромныхъ вопро-

совъ, на которые я отвѣчалъ, какъ только могъ дипломатичнѣе. Онъ увѣдомилъ меня, что нѣтъ сообщити генералу нѣчто очень важное, а я сталъ занимать его подробностями о бомбардированіи, показывая ему слѣды его. Такъ мы добрались на Piazza Pretorio и нашли генерала на террасѣ большого фонтана. Я представилъ ему своего спутника, который отвелъ генерала въ сторону, и долго говорилъ съ нимъ, бѣгая великимъ краснорѣчіемъ, которое, полагаю, мало по-дѣйствовало на прямодушнаго солдата въ красной фланелевой рубашкѣ: онъ хотъ и не дипломатъ, но очень зорко понимаетъ людей.

Взятіе Палермо рѣшительно по-дѣйствовало на окружающую страну. Нѣтъ конца «отрядамъ» инсургентовъ, сходящимся со всѣхъ сторонъ и нападающимъ на неаполитанцевъ. Лишь только неаполитанцы сошли съ Монреале, сосѣдніе инсургенты заняли его и Санъ-Мартино. Они цѣлыми роями нападаютъ на неаполитанцевъ около Шидды и Корлеоне, такъ что колонна изъ 1,500—1,600 человекъ, посланная по этому направленію, находится въ большой опасности. Она надѣялась уничтожить Гарибальди, но судьба, которую она готовила ему, можетъ постичь ее саму.

Но если общій ходъ событій рѣшительно благопріятенъ для Гарибальди, то я долженъ сказать, что палермцы едва ли исполняютъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ. Чувства у нихъ у всѣхъ хороши, но они страшно бездѣйственны, у нихъ нѣтъ общности въ дѣйствіяхъ, которою всего больше обезпечивается успѣхъ. У нихъ нѣтъ никакой инициативы, никакой энергіи; единственное, кажется, ихъ занятіе—выдумывать и распространять слухи. Четверти часа не пройдетъ безъ того, чтобы кто нибудь не прибѣжалъ, запыхавшись, съ извѣщеніемъ, что двинулись на городъ королевскія войска, то съ той, то съ другой стороны. Лошади и кавалерія въ особенности кажутся страшилищами палермцевъ. Единственный полкъ неаполитанской кавалеріи видится имъ повсюду. Напрасно они тычутся носами въ баррикалы, которыми кругомъ загороженъ городъ,—они видятъ вездѣ кавалерію. Но хотя и преслѣдуетъ ихъ призракъ королевскихъ войскъ, немногіе изъ нихъ думаютъ, что сами должны помогать своему охраненію, приготовляя къ оборонѣ свои дома и улицы, будучи всегда сами готовы отражать нападеніе. Имъ не приходитъ на мысль поступать, какъ поступали ломбардцы въ прошломъ году: день и ночь заботиться объ облегченіи страданій тѣхъ, которые пролили свою кровь за нихъ. Это не то, что недостатокъ добраго желанія,—нѣтъ, это непривычка дѣйствовать безъ приказанія. Безъ приказанія они умѣютъ дѣлать только одно—кричать *evviva*, да бродить по улицамъ, собирая новости и сплетни.

Иррегулярные отряды рѣшительно улучшаются. У нихъ развивается вкусъ къ баррикадной и уличной войнѣ. Они еще тратятъ свои заряды медвѣнымъ образомъ, но начинаютъ держаться на мѣстѣ и даже двигаться впередъ, если перекрестный огонь не слишкомъ силенъ. Вотъ наша выгода отъ уличныхъ битвъ: чѣмъ больше они длятся, тѣмъ больше укрѣпляется духъ иррегулярныхъ войскъ, а дисциплина регулярныхъ войскъ падаетъ.

Каждый часъ даетъ новыя доказательства тому въ видѣ пѣвниковъ и дезертировъ изъ неаполитанскихъ силъ. Считаю тутъ и взятыхъ въ госпиталѣхъ, ихъ должно быть больше 1,000 человекъ. Есть приказаніе генерала обращаться съ ними хорошо, да и въ народѣ нѣтъ общаго ожесточенія противъ нихъ; за то тѣмъ сильнѣе ожесточеніе на сбирровъ, шпионовъ и солдатъ d'armii compagni, городской полиціи, совершавшихъ ужаснѣйшія дѣла. Ихъ отыскиваютъ повсюду, и приводятъ человекъ по пяти, шести вдругъ къ комитету, трепещущихъ за свою жизнь. Но до сихъ поръ убитъ былъ изъ нихъ только одинъ, схваченный въ ту самую минуту, какъ стрѣлялъ людей, хотѣвшихъ арестовать его.

Прекращеніе или скорѣе ослабленіе бомбардировки опять вызвало людей на улицы.

Вечеръ.

Когда пришелъ я послѣ обѣда въ главную квартиру, я нашелъ тамъ всѣхъ въ сильномъ негодованіи. Бомбардированіе съ цитадели продолжалась много времени послѣ того, какъ Гарибальди послалъ извѣстіе, что соглашается на перемиріе. Неаполитанцы даже продолжали ружейную стрѣльбу съ аванпостовъ, хотя строгія приказанія Гарибальди удерживали патриотовъ отъ отвѣта на нее. Воспользовавшись прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, неаполитанцы зажгли нѣсколько домовъ и овладѣли нѣсколькими баррикадами, бывшими во флангѣ баррикадъ, устроенныхъ ими на Piazza Reale. Нѣсколько гарибальдѣевскихъ стрѣлковъ были убиты или ранены. Генералъ писалъ письмо къ адмиралу Мѣнди, жалуюсь ему на это вѣроломство, когда (въ 6 часовъ вечера) снова явился къ нему отъ адмирала лейтенантъ Уильмотъ, говоря, что отъ командира эскадры не получено никакого отвѣта и потому адмиралъ считаетъ генерала освобожденнымъ отъ даннаго обѣщанія. Тогда былъ данъ приказъ отбить у неаполитанцевъ потеряныя позиціи. Выброшено нѣсколько орсиніевскихъ гранатъ, — они скоро прогнали роялистовъ. Черезъ полчаса лейтенантъ Уильмотъ явился снова. Командиръ эскадры прислалъ свой отвѣтъ, состоявшій въ просьбѣ о принятіи двухъ генераловъ подъ покровительство британскаго флага при ихъ проходѣ черезъ городъ. Адмиралъ категорически от-

казалъ, и послѣ того командиръ неаполитанской эскадры объявилъ, что всѣ переговоры кончены. Этимъ отвѣтомъ усилилось мнѣніе, что всѣ переговоры были только хитростью для выигрыша времени и для подготовленія какой нибудь атаки. Ежеминутно приходятъ новыя рапорты, что весь неаполитанскій флотъ въ движеніи, кромѣ одного фрегата *Egoli*, вчера бомбардировавшаго городъ. Два парохода съ войсками, высадивъ цѣлыхъ пять шлюбокъ своего груза въ цитадель, ушли; одинъ изъ нихъ повелъ на буксирѣ канонирскую лодку, а другой два купеческія судна. Общее мнѣніе то, что они думаютъ высадить остатокъ своего груза гдѣ нибудь въ другомъ пунктѣ и произвести общую атаку. Я долженъ сказать, что напротивъ, все это кажется мнѣ болѣе похожимъ на приготовленія къ отъѣзду войскъ. Какъ бы то ни было, но патріоты приготовились къ встрѣчѣ ихъ, если они попытаются напасть.

Мая 29. Утро.

Ночь прошла спокойно, — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажутся, потому что самъ я проспалъ ее мертвымъ сномъ. Весь неаполитанскій флотъ вышелъ ночью изъ гавани въ море по прямому пути къ Неаполю; во утромъ корабль командира эскадры явился къ востоку, по направленію къ Термини, гдѣ неаполитанскія войска сѣли на корабли въ 1848 году.

Бастіонъ *Монтальто*, стоящій подлѣ королевскаго дворца, очищенъ неаполитанцами, покинувшими въ немъ большую 32-фунтовую пушку. Отрядъ, занимавшій зданіе финансоваго управленія, прислалъ одного изъ офицеровъ своихъ парламентаромъ, съ предложеніемъ, что онъ готовъ удалиться. *Гарибальди* соглашался отпустить солдатъ съ тѣмъ, что они положить оружіе. Они отказались, и 32-фунтовой пушкой готовятъ показать имъ необходимость слатся. Кромѣ того, фортъ ихъ отрѣзанъ отъ полученія воды и продовольствія, такъ что безъ сомнѣнія они скоро уступятъ.

Съ каждою минутою подтверждается предположеніе, что эволюціи неаполитанскаго флота имѣютъ цѣлью оградить цѣлостъ неаполитанскихъ войскъ, а не вредить патріотамъ. Когда я пришелъ на *Piazza Pretorio*, одинъ изъ инсургентскихъ капитановъ рапортовалъ, что неаполитанцы отрѣзаны отъ всѣхъ сообщеній—и съ окрестностями города и съ моремъ. *Санъ-Мартино*, *ла-Фаворита*, *Монреале*, *Парко* и округи приморской стороны наполнены партизанами, день и ночь тревожащими неаполитанцевъ, которые стоятъ большими силами въ *Бораццо* и *Санта-Терезѣ*, и пыгались вчера, потому опять нынѣ по утру пройти впередъ къ *Оливуццо*, по пути къ *Санъ-Мартино* и *ла-Фаворитѣ*. Вѣроятно, это движеніе было

хитростью, а истинное намерение ихъ — пробиваться въ противоположномъ направленіи, по которому они стрѣляли.

Пока я былъ съ генераломъ, пришло письмо изъ Корлеоне, уведомлявшее его, что полковникъ, командующій посланною туда неаполитанскою колонною, расположенъ перейти на сторону инсургентовъ, если они признаютъ его въ полковничьемъ чинѣ. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ партизанами, пути отступленія ему отрѣзаны, а передъ нимъ инсурденты находятся въ большомъ числѣ. Отвѣтомъ было, разумѣется, принятіе его предложенія, полученнаго косвеннымъ путемъ.

Это предложеніе не удивляетъ меня. Вчера нѣсколько неаполитанскихъ солдатъ пришли въ статскомъ платьѣ и передались патриотамъ. Я видѣлъ вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, человекъ 60 или 70 плѣнныхъ и дезертировъ, которые всѣ желали получить оружіе и стать воинами итальянской независимости.

Но при всемъ томъ надобно бы желать, чтобы палермцы, да и инсургентскіе отряды дѣлали больше, чѣмъ они дѣлаютъ. Палермцы занимаютъ какъ будто только своими *cuviva*, а инсурденты только тратятъ свои заряды.

6 часовъ вечера.

Часовъ около 3 дня снова произошелъ одинъ изъ паническихъ испуговъ, повторяющихся ежеминутно, и больше всего деморализующихъ населеніе и инсургентовъ. Ушедшіе вчера пароходы вернулись и разнесся слухъ, что они высаживаютъ на берегъ войска у греческихъ воротъ (*Porta dei Greci*), — началась бѣготня, беспорядочная тревога. Вся эта исторія была произведена столбомъ пыли на дорогѣ, идущей къ морю. Вечеромъ было нѣсколько сильныхъ перестрѣлокъ около *Piazza Reale* и на лѣвой рукѣ отъ нея, гдѣ неаполитанцы занимаютъ бастионъ, которымъ фланкируется дворецъ и который самъ защищается цитаделью. Весь вчерашній и нынѣшній день цѣлью борьбы въ этой сторонѣ города было овладѣть группою домовъ, стоящихъ около бастиона, чтобы изолировавъ его, заставить солдатъ бросить его и бастионъ св. Агаты. Городъ такъ обширенъ, а у Гарибальди такъ мало собственныхъ своихъ солдатъ, что нельзя имъ поспѣть повсюду и надобно беречь ихъ: они такъ нужны, что употреблять ихъ въ дѣло можно только при крайней необходимости. Потому почти во всѣхъ пунктахъ главныя силы составляютъ сицилійскіе инсурденты. Пока зарядовъ достаетъ у нихъ, дѣло идетъ хорошо. Но, къ несчастію, они такъ торопливо стрѣляютъ, что и нѣсколькихъ сотъ патроновъ было бы мало каждому изъ нихъ. Всѣ патроны были уже выпущены на воздухъ инсурдентами въ то время, когда королевскія войска двинулись впе-

речь, — отрядъ «молодцовъ» отступилъ въ соседнюю улицу и реалисты могли ворваться въ другую улицу, гдѣ другой отрядъ изъ еще держался.

Гарибальди обѣдалъ, когда пришло это извѣстіе. Слуховъ о наступленіи королевскихъ войскъ разносилось въ тотъ день сталъ много, что первое впечатлѣніе было — почестъ новое извѣстіе одною изъ этихъ пустыхъ тревогъ. Но капитанъ Нива, принесшій его, былъ изъ числа гарибальдѣевскихъ волонтеровъ, и потому въ справедливости извѣстія не оставалось сомнѣнія. Одна какая нибудь улица или какой нибудь домъ — не важная вещь въ такомъ городѣ, какъ Палермо, гдѣ ихъ такое множество, что не достанетъ силъ оборонять всѣ. Но важно было нравственное впечатлѣніе, какое произведетъ потеря того, что разъ уже взято. Съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ, который начинается мнѣ казаться похожимъ на вдохновеніе, Гарибальди понялъ это. Онъ вскочилъ со стула со словами: «хорошо, такъ вѣрно надобно мнѣ явиться туда самому». Онъ видѣлъ, что это одна изъ тѣхъ минутъ, когда командиръ долженъ быть впереди войскъ, чтобы ободрить ихъ. Онъ сошелъ внизъ, взялъ съ собою людей, попавшихся на дорогѣ къ мѣсту потери, и пошелъ брать отбитый пунктъ.

Его появленіе скоро остановило реалистовъ; они быстро потеряли и ту выгоду, которую только что приобрѣли. Благодаря удивительному нравственному вліянію, какое оказываетъ онъ на всѣхъ окружающихъ его, Гарибальди скоро успѣлъ достичь того, что «молодцы» стали сражаться, и даже одушевили жителей, остававшихся въ домахъ.

Не слушая настоятельныхъ требованій своихъ спутниковъ, чтобы онъ не подвергалъ себя опасности, онъ оставался на улицѣ, безъ всякаго прикрытія, убѣждая и ободряя своихъ солдатъ. Видя это, непріятель бросился на него изъ домовъ и изъ-за баррикады. Одинъ изъ «молодцовъ» получилъ рану пулею въ голову, когда стрѣла, подлѣ самаго Гарибальди. Гарибальди поддержалъ его. Молковидка Турра пуля рикошетомъ ударила въ ногу, когда онъ, слѣдствіемъ генерала, насильно сталъ уводить его съ открытаго мѣста. Но впечатлѣніе было произведено. Однимъ прыжкомъ «молодцы» подбѣжали такъ близко къ непріятелю, что могли бросить орскиевскую гранату, повалившую 7 или 8 человекъ; неаполитанцы подбѣжали.

Два парохода, на которыхъ были войска, пристали къ берегу и начали высаживать ихъ у дитадела, подъ прикрытіемъ восьми миноубойныхъ бомбардировщиковъ, стоящихъ бортомъ къ городу и готовыхъ бомбардировать его. Это показываетъ, что неаполитанцы не отказались отъ мысли о борьбѣ, а еще надѣются возвратить потерянное. Эти солдаты, вѣ

неаполитанцы, — они говорятъ по нѣмецки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это баварцы. Посмотрѣвъ, обратятся ли отъ ихъ присутствія неаполитанцы, упавшіе духомъ.

30 мая. Утро.

Войска, высадившіяся въ эту ночь, вышли изъ цитадели къ молу, и потомъ, сдѣлавъ обходъ, кажется присоединились къ войскамъ на другомъ концѣ города. Это походитъ на то, какъ будто они хотятъ только держаться въ позиціяхъ въ королевскомъ дворцѣ и около него, а не нападать на городъ.

Извѣстія изъ глубины острова такъ хороши, что лучшихъ и желать нельзя: Повсюду народъ возстаетъ и войска удаляются. Вечеромъ 23-го генералъ Альфанъ де-Гейсла удалился изъ Джирдженти, оставивъ гражданское начальство на произволь судьбы. Какъ только войска вышли, народъ поднялъ итальянскій флагъ. Составился комитетъ, образовалась національная гвардія. И тутъ, какъ повсюду, крики были: *viva l'Italia! viva Vittorio Emmanuele! и viva Garibaldi!* Гражданскія начальства не были оскорбляемы, и хотя были выпущены арестованные, числомъ до 200 человекъ, но беспорядковъ не произошло. Вся Джирджентская провинція слѣдуетъ примѣру своего главнаго города (*). Тоже повторяется и въ другихъ провинціяхъ: народъ возстаетъ, выбираетъ комитеты, вооружается. Катанійская провинція возстала вся, кромѣ только своего главнаго города, который еще держится въ повиновеніи войсками, также какъ и Трапани. Все это произошло еще до взятія Палермо, извѣстіе о которомъ еще не имѣло времени произвести полное свое дѣйствіе. Если неаполитанцы когданибудь снова овладѣютъ Сициліею, сицилійцы будутъ заслуживать того, чтобы вѣчно правилъ Король *Vom-bino*.

Неаполитанскій флотъ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла со вчерашняго утра, когда адмиралъ Мѣнди высказалъ неаполитанскому командиру свое мнѣніе о бомбардированіи; такимъ образомъ, палермцы избавлены отъ половины бѣдствій, которымъ могли подвергнуться. Но цитадель неисправна. Какъ только послышатъ она шумъ или увидятъ движеніе въ какойнибудь части города, тотчасъ

(*) Сицилія раздѣляется на 7 провинцій, положеніе которыхъ слѣдующее: сѣверо-восточный уголъ острова, ближайшій къ неаполитанскому матерку, — Мессанская провинція; южнѣ по восточному берегу — Катанійская; юго-восточный уголъ — Сиракузская. Далѣе, по южному берегу, начиная съ востока, за Сиракузскою провинціею слѣдуетъ Кальтанисеттская, входящая далеко въ глубину острова, потомъ Джирджентская; западная сторона занята Трапанскою провинціею (въ ней лежитъ Марсала). Среднюю сѣвернаго берега занимаетъ Палермская провинція.

бросает бомбу. Если бы возможно было бомбамъ этимъ не попадать ни во что, навѣрное онѣ и не попадали бы, — но въ этихъ узкихъ улицахъ нельзя имъ не попасть во чтонибудь. Почти всѣ дома построены такъ плохо, что одной бомбы довольно для обращенія цѣлаго зданія въ груды развалинъ, которая хоронитъ подъ собою его жителей. Цѣлыя семейства исчезли такимъ образомъ, сотни мирныхъ людей убиты и ранены. Флотъ бросилъ въ первый день бомбъ 70 или 80. Цитадель бросила ихъ навѣрное больше 300.

Въ первый день Гарибальди послалъ командирамъ иностранныхъ военныхъ кораблей протестъ противъ этого подлога безчеловѣчія. Но они не могли безъ инструкцій рѣшиться на прямое вмешательство. Апеллировать на это надобно къ общественному мнѣнію Европы.

9 часовъ утра.

Сейчасъ прибылъ въ городъ изъ Королевскаго Дворца парламентаръ съ слѣдующимъ письмомъ къ генералу Гарибальди:

Квартира главнокомандующаго сухопутными и морскими силами за проливомъ. Палермо. 30 мая, 1860.

«Его превосходительству генералу Гарибальди

«Генераль,

«Британскій адмиралъ извѣстилъ меня, что съ удовольствіемъ прійметъ на своемъ кораблѣ двухъ моихъ генераловъ для начатія съ вами переговоровъ, въ которыхъ онъ будетъ посредникомъ, если вы позволите имъ проѣхать черезъ городъ. Прошу васъ извѣстить меня, согласны ли вы, и если согласны, то назначить мнѣ часъ, въ который должно начаться перемиріе. Хорошо было бы также, чтобы вы позволили этимъ двумъ генераламъ имѣть съ собою конвой отъ королевскаго дворца до карантина, гдѣ они сѣли бы въ шлюбку.

«Въ ожиданіи отвѣта, имѣю честь быть

«Ланца».

Отвѣтъ на это письмо былъ, что генераль Гарибальди согласенъ видѣться съ неаполитанскими генералами на адмиральскомъ кораблѣ, что онъ разошлетъ по всей линіи приказанія прекратить перестрѣлку, что перемиріе должно начаться въ 12 часовъ, и что въ часъ по полудни онъ будетъ на адмиральскомъ кораблѣ. Полковникъ Турръ, генераль-инспекторъ національныхъ силъ, послалъ письмо Ланцы на «Ганнибалъ» черезъ г. Уильмота, британскаго флаг-лейтенанта.

Половина перваго по полудни.

Если увидать, что какойнибудь человѣкъ среди суматохи надѣлъ чужой плащъ, это можетъ почтеться ошибкою; но если при слѣду-

ищемъ случаѣ тотъ же человекъ окажется дѣлающимъ тоже, всѣ закричатъ: «держите вора!» Когда неаполитанцы попросили перемирія и генераль Гарибальди, уступая ихъ просьбѣ, послалъ по всей линіи приказъ остановить огонь, неаполитанцы продолжали бомбардированіе, — и попытались воспользоваться перемиріемъ, чтобы захватить выгоднѣйшія позиціи. Нынѣ они не только сдѣлали такую же попытку, но и дѣйствительно успѣли пріобрѣсти значительную выгоду отъ нея. Чтобы прекратить огонь въ 12 часовъ, Гарибальди началъ разсылать по линіи извѣстіе о перемирії за часъ до этого. Въ это время явилась неаполитанская колонна на той самой дорогѣ, по которой вошелъ въ городъ Гарибальди. При колоннѣ находилась артиллерія. Колонна эта, стоявшая у Адмиралтейскаго моста, двинулась къ Терминскимъ воротамъ. Напрасно выставили бѣлый флагъ, означающій перемиріе, — колонна продолжала огонь и цитадель начала бросать бомбы въ томъ же направленіи. Нѣсколько офицеровъ, взошедши на баррикаду, старались объяснить неаполитанцамъ, что заключено перемиріе. Они были приняты ружейными выстрѣлами, и въ числѣ другихъ былъ раненъ полковникъ Карини. Но гарибальдѣевскіе волонтеры все еще держались приказанія, не отвѣчали на огонь. Посолъ за посломъ являлся къ Гарибальди, объявляя, что войска его должны стрѣлять или оставить свою позицію. Генераль уже готовился объявить, что перемиріе нарушено, когда явились къ нему парламентарями два неаполитанскіе офицера. Они извиняли дѣло недоразумѣніемъ, говоря, что колонна не была извѣщена о перемирії. Они были посланы впередъ прекратить огонь и оставить колонну. Довольно любопытно то, что во все это время продолжалось бомбардированіе съ цитадели, — а навѣрное нельзя было предположить, что въ цитадели не знали о перемирії! Ровно въ 12 часовъ пришло извѣстіе, что колонна проникла въ городъ. Гарибальди, какъ наканунѣ, тотчасъ же собралъ резервы и пошелъ впередъ. Извѣстія были совершенно справедливы, и британскій лейтенантъ мистеръ Уильмотъ, пріѣхавшій на берегъ объявить о согласіи адмирала, чтобы свиданіе происходило на его корабль, увидѣлъ себя на срединѣ между наступающею неаполитанскою колонною и отрядомъ Гарибальди. Бомба, брошенная изъ цитадели, разорвалась подлѣ мистера Уильмота, неаполитанцы прикладывались стрѣлять, и съ большою опасностью онъ успѣлъ наконецъ дойти до Гарибальди. Тогда было 5 минутъ 1-го. Мистеръ Уильмотъ привезъ согласіе адмирала, чтобъ переговоры были на его корабль, а черезъ нѣсколько минутъ неаполитанскіе офицеры пріѣхали сказать, что все дѣло было недоразумѣніемъ, что колонна не была извѣщена.

Шлюбки адмирала были у берега въ четверть 1-го. Я долженъ сказать, что будучи на мѣстѣ Гарибальди, не сталъ бы слушать никакихъ предложеній, пока колонна не оставила бы позицію, занятую штыроломствомъ. Но Гарибальди несправившъ въ своемъ великодушии. Я дожидаясь, чтобы узнать о результатахъ свиданія, — надеюсь, что успѣю сообщить вамъ ихъ прежде, чѣмъ кончится пріемъ корреспонденціи на англійскомъ кораблѣ *Intrepid*, готовящемся къ отплытію.

4 часа по полудни.

Конференція на кораблѣ еще не кончилась, и всѣ шлюбки стоятъ подлѣ «Ганнибала». Городъ въ самомъ взволнованномъ состояніи. Распространялась молва, что неаполитанцы предлагаютъ Гарибальди заключить капитуляцію, на томъ условіи, что они дозволяютъ ему свободно удалиться изъ города. Въ такія-то минуты бываетъ видно, каковъ духъ народа. И безспорно оказывается, что духъ палерискаго народа не тотъ, который производитъ героевъ и мучениковъ. Въмѣсто того, чтобы броситься въ дома, ближайшіе къ позиціямъ непріятеля, жители бѣгаютъ по улицамъ, наводя уныніе другъ на друга.

Половина 6-го.

Конференція кончилась. Гарибальди вышелъ на берегъ и отправился въ свой дворецъ съ двумя неаполитанскими генералами. Отходитъ французская почта, и я долженъ отправить письмо, во время времени сообщить вамъ подробности конференціи. Но рассказываютъ, что заключено перемиріе до 12 часовъ завтрашняго дня, и что неаполитанцы просили его главнымъ образомъ для того, чтобы перевезти на корабли своихъ раненыхъ, которыхъ у нихъ очень много.

Какъ бы то ни было, недолго вамъ ждать окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ: оно должно совершиться черезъ нѣсколько дней. Ни та, ни другая партія не можетъ долго выдержать своего нынѣшняго положенія. Можно было бы написать эпическую поэму о томъ, что сдѣлали 1062 человекъ итальянцевъ и 5 венгерцевъ въ эти три недѣли, какія они совершали битвы, какіе дѣлали переходы, какое переносили утомленіе. Если бы каждый сицилиецъ готовъ былъ исполнить хотя тысячную долю того, что дѣлали они, теперь уже не было бы надобности ни въ какой борьбѣ. О жалованьи они и не думаютъ, — у нихъ нѣтъ въ мысли и слова «жалованье»: они всѣ пріѣхавшіе съ Гарибальди имѣютъ собственныя средства содержать себя, никогда не спрашиваютъ ничего, кромѣ патроновъ, продовольства — тѣмъ, что могутъ сами купить, и кажется забыли, что такое значить сонъ. Плохо у нихъ лишь одно то, что ихъ высадило на

беречь всего только 1062 человека, и что люди, считающие себя великими двигателями итальянского дѣла, тутъ считаютъ своею обязанностью сильнѣйшимъ образомъ препятствовать прибытію всякихъ подкрѣпленій къ нимъ. Злорѣчивому человеку показалось бы, что они почли это дѣло благопріятнымъ случаемъ сбить съ рукъ Гарибальди; но они можетъ быть ошиблись въ расчетѣ.

Палермо 31 мая.

Кто ищетъ сильныхъ впечатлѣній, тому лучше всего немедленно ѣхать въ Палермо. Какимъ бы blasé онъ ни былъ, или какая бы рыба кровь ни была въ немъ, — онъ, ручаюсь, расшевелится. Онъ будетъ увлеченъ потокомъ народнаго чувства, или стремительностью и перемѣчивостью этого потока произведетъ въ немъ такую сильную реакцію, какую онъ рѣдко испытывалъ.

Народная пословица говоритъ, что день на день не походить. А здѣсь почти каждый часъ измѣняетъ положеніе дѣлъ, и съ положеніемъ дѣлъ чувства 200,000 человекъ мѣняются изъ одной крайности въ другую почти безъ малѣйшей постепенности. Вотъ все торжествуютъ и полны надеждъ, — черезъ минуту все въ ужасѣ и уныніи. Вотъ городъ оглашается радостными криками, — черезъ минуту тысячи повергаются передъ образами Мадонны и святыхъ, стоящими тутъ на всѣхъ перекресткахъ. Иногда между двумя пароксизмами бываетъ штиль, родъ утомленія, но за нимъ быстро слѣдуетъ другой припадокъ надежды или страха.

Эта постоянная тревога — вѣриѣйшее отраженіе народныхъ мнѣній. Вотъ баварцы (такъ называютъ здѣсь иностранныхъ наемныхъ солдатъ) перешли впередъ за свою линію и грозятъ нападеніемъ; вотъ народный страхъ видитъ, какъ въ ужасномъ свѣѣ, конницу, скачущую черезъ баррикады; вотъ наступаютъ войска изъ королевскаго дворца. Пока въ одной улицѣ народный голосъ разноситъ эти вѣсти, въ другой несется противоположный потокъ, громкими криками разглашающій, что цѣлые батальоны непріятельскіе передались намъ, что непріятель покинулъ свои крѣчайшія позиціи, бѣжитъ въ разстройство, куда попало. Обыкновенно и тѣ и другія новости одинаково несправедливы, порождаются только напряженнымъ состояніемъ фантазіи. Но въ нынѣшній день было достаточное основаніе перемѣнѣ чувствъ, которой подвергался городъ съ утра до ночи.

Во вчерашнемъ нисемѣ я только успѣлъ кратко упомянуть о конференціи на «Ганнибалѣ» между Гарибальди и двумя неаполитанскими генералами. Первые предложенія были сдѣланы неаполитанцами на другой же день послѣ нашего вступленія; но они не привели ни

къ чему, потому что неаполитанцы не хотѣли обратиться прямо къ самому Гарибальди. Они просили конференціи съ адмираломъ Мѣнди, ожидая, что онъ возмется быть посредникомъ между ними и генераломъ Гарибальди. Конечно, полномочному намѣстнику короля Бомбы II было унижительно обращаться съ просьбою къ «Флибустьеру Гарибальди». Но адмиралъ Мѣнди полагалъ, что если неаполитанцы попали въ бѣду, и если Гарибальди захочетъ быть великодушнѣе, то и должны они воздать ему надлежащую честь. Принуждаемые вступить въ переговоры прямо съ «его превосходительствомъ генераломъ Гарибальди», они уже никакъ не могли бы и потомъ называть его Флибустьеромъ, должны были признать его полководцемъ. Командиръ находящейся въ Сициліи эскадры британскаго флота не могъ вступать въ сношенія съ Гарибальди, если онъ считается Флибустьеромъ, но готовъ былъ принять на себя посредничество, если онъ — главнокомандующій національныхъ сицилійскихъ силъ. Колесавшись два дня, генералъ Ланца увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить и послалъ Гарибальди письмо, просившее о свиданіи.

Странное недоразумѣніе, по которому иностранные наемники вступили въ городъ въ ту самую минуту, какъ началось перемиріе, повело ко множеству извиненій съ неаполитанской стороны. Конференція была назначена въ половинѣ 1-го; противники разными дорогами пришли къ тому мѣсту, гдѣ ждали ихъ шлюбки «Ганнибала». Офицеръ, посланный отъ Гарибальди въ королевскій дворецъ, проводилъ оттуда на берегъ генерала Летицію (бывшаго либераломъ въ революцію 1820 г.); при Летиціи находились командиръ стоявшаго въ гавани неаполитанскаго флота, и нѣсколько адъютантовъ. Съ Гарибальди были полковникъ Турръ и также адъютанты. Британскій адмиралъ, съ большимъ политическимъ тактомъ, пригласилъ французскаго и американскаго командировъ эскадръ присутствовать при конференціи. Генералъ Летиція возражалъ противъ этого, говоря, что имѣетъ дѣло только съ британскимъ адмираломъ и съ Гарибальди; но Гарибальди тотчасъ же отвѣчалъ ему, что не имѣетъ никакихъ секретовъ и будетъ очень радъ присутствію французскаго и американскаго командировъ, которые потому и остались при конференціи.

Генералъ Летиція подалъ бумагу, въ которой были письменно опредѣлены шесть основаній, на которыхъ онъ желаетъ вести переговоры. Вотъ они:

- «1. Должно быть заключено перемиріе на срокъ, о какомъ согласятся договаривающіяся стороны.
- «2. Во время перемирія обѣ стороны должны оставаться на своихъ позиціяхъ.

«3. Транспорты раненыхъ изъ королевскаго дворца и семейства королевскихъ чиновниковъ должны быть свободно пропускаемы чрезъ городъ для переправы на королевскія суда.

«4. Королевскимъ войскамъ во дворцѣ и семействамъ, скрывшимся въ монастыряхъ, должно быть позволено снабжаться дневнымъ продовольствіемъ.

«5. Муниципальныя власти обратятся къ его величеству королю съ вѣрноподданническою просьбою, излагая передъ нимъ истинныя желанія города; эта просьба будетъ сообщена его величеству.

«6. Войскамъ (неаполитанскимъ), находящимся въ городѣ, будетъ дозволено получать продовольствіе изъ цитадели».

Одни эти условія уже показывали, въ какомъ положеніи находятся неаполитаацы, обремененные множествомъ раненыхъ, которыхъ въ одномъ королевскомъ дворцѣ было больше 500, не имѣвшіе продовольствія, искавшіе только предлога для примиренія и уступокъ. Каждый, кромѣ Гарибальди, или отказалъ бы въ этихъ условіяхъ, или потребовалъ бы въ вознагражденіе за нихъ разныхъ выгодъ. Но Гарибальди не таковъ: онъ великодушно согласился на пять изъ шести условій. Онъ отвергъ только пятый пунктъ, говорившій о просьбѣ, и составлявшій признаніе въ пораженіи, тогда какъ всѣ выгоды были на его сторонѣ. Но, — фактъ, лучше всего характеризующій его, — когда конференція кончилась, Гарибальди, говоря съ Летиціею, сказалъ ему, что если бы король неаполитанскій далъ сицилійцамъ конституцію и обѣщался слѣдовать истинно итальянской политикѣ, согласной съ политикою Виктора Эммануэля, то онъ готовъ примириться на этомъ основаніи.

По первому пункту было рѣшено, что перемиріе заключается до 12 часовъ слѣдующаго дня. По второму пункту былъ нѣкоторый споръ, и въ немъ явилось на сцену наступленіе, слѣланное наемными войсками; но Гарибальди привялъ извиненія, состоявшія въ томъ, будто эта колонна не успѣла передъ тѣмъ временемъ получить инструкцій.

Конференція кончилась уже въ 6 мѣ часу вечера. По возвращеніи Гарибальди въ городъ, всѣ силы были обращены на приведеніе Палермо въ состояніе защищаться. Четыре комиссара, назначенные по четыремъ частямъ города, занялись усиленіемъ построенныхъ и постройкою новыхъ баррикадъ. Народъ былъ возбуждаемъ къ дѣятельности, объяснялось ему его положеніе, оставившее только одинъ выборъ: сражаться или погибнуть, и при такой дилеммѣ палермцы, надобно сознаться, выказали больше дѣятельности и энергии, чѣмъ я ожидалъ. Священники, женщины, дѣти, — всѣ работа-

ам надъ баррикадами; таскали на кровли и верхніе этажи домовъ камни и другія вещи, чтобы бросать ихъ на непріятеля въ случаѣ нападенія. Гарибальдѣевскіе стрѣлки и инсургентскіе отряды были собраны, размѣщены по пунктамъ, назначеннымъ для каждаго. По всѣмъ колокольнямъ были поставлены люди, съ приказаніемъ бить въ набатъ, какъ только начнется сраженіе. Ко всѣмъ инсургентскимъ отрядамъ, находящимся за городомъ, были разсланы приказанія, чтобы на слѣдующій день одинъ изъ нихъ вошелъ въ городъ, другіе напали на королевскія войска съ тылу. Комитету было сообщено, чтобы онъ собралъ какъ можно больше снарядовъ для дѣланія орснѣевскихъ гранатъ; пушки, взятыя въ городѣ, были поставлены на позицію на разныхъ баррикадахъ; войскамъ были розданы патроны и продовольствіе. Словомъ сказать, до поздней ночи дѣятельно велись распоряженія, обѣщавшія хорошиіи успѣхъ слѣдующему дню.

Нынѣшнее утро дѣятельность не только не ослабѣла, а напротивъ, были самымъ полезнымъ образомъ употреблены немногіе оставшіеся часы. Нынѣ годовщина битвы при Палестро, которою начался рядъ побѣдъ, создавшій нынѣшнее положеніе верхней Италіи, — это было хорошимъ предзнаменованіемъ. Городъ проснулся очень рано. Первый взглядъ на улицы былъ не ободрителенъ. Кажется, будто идетъ полная эмиграція: толпы женщинъ и дѣтей, сопровождаемые мужчинами, несущими на себѣ разное имущество и провизію, пробирались черезъ баррикады. Приказано было пропускать только женщинъ и дѣтей, которымъ лучше быть за городомъ, когда возобновится битва и съ нсю, по всей вѣроятности, бомбардированіе. Именно та часть населенія, которая оставалась въ домахъ, особенно пострадала отъ варварскаго бомбардированія, и жестокостію было бы снова подвергать ее другому, еще болѣе суровому. Но эта эмиграція была возможна только для зажиточныхъ классовъ, которые могли взять съ собою кошельки наполненные деньгами и платить за свое помѣщеніе на купеческихъ судахъ, или найти его на военныхъ корабляхъ. Британскій адмиралъ отдалъ приказаніе принимать на корабли каждаго, кто только прійдетъ. Командиры кораблей другихъ націй послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ къ 2 часамъ корабли переполнились людьми, — къ этому времени были переправлены на нихъ почти всѣ, хотѣвшіе покинуть городъ.

Мистеръ Гудуинъ, все еще, несмотря на ежедневныя приглашенія адмирала, не хотѣвшій покинуть свой постъ, принялъ къ себѣ въ домъ всѣхъ женщинъ и дѣтей изъ небогатыхъ англійскихъ семействъ.

Вопросъ былъ только въ томъ, захотятъ ли сражаться оставшіеся въ городъ? Священники и монахи, почти всѣ безъ исключенія явившіеся истинными патриотами, ходили по улицамъ съ крестами, ободряя народъ надѣяться на Бога и сражаться за жизнь и собственность. Отряды стали на своихъ позиціяхъ; во всѣхъ была видна такая готовность и рѣшимость, что если бы данъ былъ сигналъ, результатъ не былъ бы сомнителенъ, — я убѣжденъ въ томъ. Но пока дѣлалось это въ городѣ, уже произошло перемѣна въ преторскомъ дворцѣ (*). Рано утромъ Ланца прислалъ парламентаря, прося конвой для генерала Летиціи, который желаетъ въ 10 часовъ утра имѣть свиданіе съ генераломъ Гарибальди. Видно было, что онъ хочетъ просить новаго перемирія. Мнѣ случилось быть въ комнатѣ Гарибальди, когда явился Летиція. Его тонъ былъ уже совершенно не таковъ, какъ наканунѣ; не могло быть ничего любезнѣе и мягче словъ, которыми онъ высказалъ свою просьбу. Онъ объяснилъ, что до 12 часовъ невозможно перевезти всѣхъ раненыхъ, и что потому цѣль перемирія не достигнется, если не продолжитъ его. Онъ сначала просилъ пролѣть перемиріе безсрочно, выражая надежду, что, быть можетъ, не понадобится возобновлять войну. Гарибальди не согласился на безсрочное перемиріе и предложилъ одни сутки; Летиція находилъ, что этого мало, и наконецъ Гарибальди оиредѣлилъ продолжить перемиріе на трое сутокъ.

Какъ только ушелъ Летиція, были посланы приказанія не начинать нападенія въ 12 часовъ. Городъ былъ такъ воодушевленъ, что общее мнѣніе осталось рѣшительно недовольно продолженіемъ перемирія, въ которомъ почти всѣ видѣли выгоду только для неаполитанцевъ. Говорили, что они хотятъ освободиться отъ раненыхъ, снабдить себя провизією и получить подкрѣпленія изъ Неаполя. Никто не хотѣлъ видѣть другой стороны вопроса, — того, что есть въ перемирія выгоды и для національныхъ войскъ. Около того самаго времени, какъ Летиція былъ у Гарибальди, пришло изъ Кальяри письмо отъ 28 мая, говорившее, что идетъ въ Сицилію пароходъ съ 100 человекъ гарибальдѣвскихъ волонтеровъ, отборныхъ людей, съ 2,000 ружей, съ большимъ количествомъ патроновъ и другихъ военныхъ запасовъ, и что онъ прійдетъ къ берегу утромъ 31 мая. Это было важнымъ подкрѣпленіемъ, и немедленно были сдѣланы распоряженія, чтобы начальники отрядовъ, находящихся по сосѣдству Каstellамаре, ждали этого парохода и приготовились къ выгрузкѣ снарядовъ. Къ тому же времени успѣли прибыть пушки, оставленныя

(*) Главною квартирѣ Гарибальди.

въ Корлеоне. Вы помните, что отправка этихъ пушекъ съ отрядомъ человекъ изъ 100 заманила неаполитанцевъ къ преслѣдованію и повела къ взятію Палермо. Приказъ былъ данъ отступать до Сант-Джуліано. По затруднительности пути, а можетъ быть и по небрежности посланныхъ въ это отступление, они не успѣли сдѣлать дѣла такъ быстро, какъ слѣдовало бы, и результатъ былъ тотъ, что пришлось имъ бросить назадъ двѣ пушки (одна изъ нихъ была та, которую взяли при Калата-Фими). Потеря эта теперь не важна, потому что въ уличной палермской битвѣ пушки не принесутъ большой пользы, а взятіе Палермо не слишкомъ дорого было бы куплено и потерю всѣхъ пушекъ.

Кромѣ подвоза остальныхъ пушекъ, трехдневное перемиріе давало время сойтись въ Палермо отрядамъ изъ глубины острова, — это будетъ подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрядовъ находятся уже въ аррьергардѣ колоннъ, пришедшихъ вчера къ терминскимъ воротамъ.

Но важнѣе всего то, что эта трехдневная отсрочка дастъ время распространиться деморализаціи, и между неаполитанскими, и между наемными иностранными солдатами. Три изъ числа неаполитанскихъ полковъ, — 6-й, 8-й и 10-й, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выказывали такое неудовольствіе и такую непокорность, что пришлось совершенно раскассировать и переформировать ихъ. Уличные битвы послѣднихъ дней, когда неудача была на сторонѣ войскъ, конечно произвели не такое дѣйствіе, чтобы укрѣпить ихъ дисциплину или ободрить ихъ духъ. Притомъ же, положеніе солдатъ не таково, какъ положеніе сборровъ полиціи, родомъ сицилійцевъ. Сборры эти знаютъ, что не должны ожидать пощады; но противъ солдатъ нѣтъ никакого ожесточенія. Цѣлый день нынѣ они во множествѣ ходятъ по городу, и очень многіе приходятъ вовсе передаться намъ, другіе фратернизировать съ народомъ, а всѣ горятъ желаніемъ увидѣть Гарибальди, поцаловать его руки. Нѣсколько неаполитанскихъ офицеровъ, родомъ изъ Сициліи, пріѣзжали повидаться съ родными, находящимися въ городѣ. Немногіе изъ нихъ вернулись назадъ. Да и вернушіеся будутъ въ непріятельскомъ станѣ еще полезнѣе Гарибальди, чѣмъ когда бы остались здѣсь. Я самъ видѣлъ капитана, цаловавшаго руки Гарибальди, со слезами просившаго его предотвратить кровопролитіе между собратами итальянцами и общавшаго всѣми силами склонять къ тому же своихъ солдатъ.

Въ числѣ проѣзжавшихъ черезъ городъ находился майоръ Боско, сициліецъ, командующій однимъ изъ тѣхъ стрѣлковыхъ ба-

талійонувъ, которые обѣщали королю неаполитанскому принести голову Гарибальди. Онъ былъ задержанъ потому, что неаполитанскіе аванпосты не хотѣли пропустить транспорта съ мукою въ городъ. Въ концѣ своего ареста онъ сталъ какъ есть либераломъ.

Между дезертирами находился швейцарецъ, принадлежащій къ наемнымъ войскамъ. Онъ былъ сержантомъ и разжалованъ въ рядовые, по его словамъ, за мелкій проступокъ. Онъ рассказывалъ, что швейцарцевъ между наемными солдатами всего одна пятая часть, а всѣ остальные — сбродъ разной сволочи изъ Австріи, въ особенности изъ Кроаціи, самыя величайшіе негодяи, какихъ только можно набрать, что у нихъ одна цѣль — грабежъ, и что ихъ командиръ, фонъ-Мехель, обѣщалъ имъ разрѣшеніе грабить.

Скоро представились доказательства словамъ швейцарца. Эти наемные солдаты ворвались во всѣ дома, сосѣдніе съ ихъ позиціею, разграбили въ нихъ все, насиловали женщинъ и зажгли самыя дома. Въ одномъ анбарѣ нашли они множество хлѣба и продали его по низкой цѣнѣ тѣмъ, кто былъ расположенъ воспользоваться несчастіемъ ближняго. Они устроили настоящую ярмарку. Когда были слѣданы объ этомъ представленія командиру генералу, онъ сначала сталъ извинять грабежъ тѣмъ, будто онъ слѣланъ вчера въ первой горячности нападенія, а другія подробности просто отрицалъ. Наконецъ, однакоже, неаполитанскіе офицеры принуждены были сами сознаться, что эти солдаты — дурной народъ. Самъ батальонный командиръ Боско называетъ ихъ такъ: «шайка разбойниковъ, которую нельзя удержать въ порядкѣ». Разумѣется, нельзя. Ихъ съ самаго начала возстанія поощряли къ грабежу, и скорѣе хвалили, чѣмъ наказывали за всѣ неистовства. Кроатовъ довольно одинъ день продержатъ такъ, и уже никакая сила не удержитъ ихъ въ дисциплинѣ. Они сражаются для грабежа. Очень замѣтна ненависть между неаполитанцами, и офицерами и солдатами, и между этими кондоттьери; еслибъ неаполитанцы не боялись, они первые начали бы сраженіе съ наемниками. Эти разбойники хороши съ обѣихъ сторонъ: если надежда на грабежъ можетъ заставить ихъ сражаться, то трудно будетъ удержать ихъ въ строю, когда сраженіе начнется и имъ можно будетъ грабить.

Даже изъ наемныхъ солдатъ тѣ, которые лучше своихъ товарищей, гнушаются ими; около 100 человекъ швейцарцевъ уже предлагали перейти къ Гарибальди, если имъ дадутъ хорошее жалованье. Посмотримъ, приведутъ ли къ чему нибудь переговоры, начатыя объ этомъ.

Вечеромъ Гарибальди обошелъ городъ, осматривая положеніе дѣлъ. Я былъ съ нимъ, и не могу дать вамъ даже слабаго понятія о

томъ, какъ его встрѣчали повсюду. Это былъ одинъ изъ тѣхъ триумфовъ, которые, кажется, возносятъ человѣка выше людей. Самою удивительною изъ видѣнныхъ мною сценъ такого рода, была встрѣча Наполеона и Виктора Эммануэля въ Миланѣ, годъ тому назадъ, и мнѣ кажется, что вчерашняя сцена была еще поразительнѣе. Въѣздъ императора и короля былъ нѣсколько формалистичнѣе, что мѣшало полному выраженію народнаго энтузіазма. Они были верхами, окружены своею гвардіею. А кумиръ народа, Гарибальди, въ своей красной фланелевой рубашкѣ, съ полуразвязавшимся носовымъ платкомъ вмѣсто галстука, въ изношенномъ плащѣ, пѣшкомъ ходилъ между этихъ тысячъ кричащихъ, смѣющихся, съ ума сходящихъ отъ радости людей, и нѣсколько человѣкъ, сопровождавшихъ его, едва успѣвали только защищать его, чтобы народъ не схватилъ его на руки. Народъ тѣснился цѣловать его руки, или хотя коснуться полы его платья, какъ будто въ немъ исцѣленіе, награда всѣхъ прошедшихъ и быть можетъ будущихъ страданій. Матери несли къ нему дѣтѣй, на колѣняхъ просили его благословить ихъ,—а предметъ ихъ поклоненія все оставался такимъ же спокойнымъ, улыбающимся, какимъ бываетъ подъ смертоноснѣйшимъ огнемъ, старался утѣшить толпу, останавливался на каждомъ шагу выслушивать долгую жалобу о домахъ, сожженныхъ, объ имуществѣ, разграбленномъ отступавшими солдатами, давалъ совѣты, утѣшалъ, общалъ, что всѣ убытки будутъ уплачены.

Я не имѣлъ времени обозрѣть всѣ пункты, съ которыхъ прегнаны солдаты, но только посѣтивъ ихъ всѣ, можно бы составить себѣ полное понятіе, какой уронъ они должны были потерпѣть, и на сколько превосходить ихъ гарибальдиевскіе волонтеры въ уличномъ бою. Эти юноши какъ будто находили себѣ наслажденіе въ томъ, чтобы выбивать солдатъ изъ ихъ позицій, занимались этимъ съ любовью, обнаруживая удивительные тактическіе таланты: ни разу не услышала отъ нихъ выгода обойти солдатъ съ фланга, зайти въ тылъ ихъ позицій. Каждый большой домъ, а въ особенности монастырь, становился для нихъ цитаделью, въ которой быстро пробивались амбразуры, извергавшія убійственный огонь на головы солдатъ. Только этимъ способомъ могли они дойти до самаго королевскаго дворца, почти безъ потерь.

Когда Гарибальди возвратился домой, явился неаполитанецъ съ возраженіями противъ того, что постройка баррикадъ продолжается во время перемирія. Отвѣтъ былъ тотъ, что въ своихъ границахъ каждая сторона можетъ дѣлать что ей угодно и что если неаполитанцы могутъ перевозить своихъ раненыхъ и получать провизію, то городу не годится не строить баррикадъ.

Пока неаполитанскій офицеръ еще ждалъ отвѣта, произошло формальное вѣщаніе австрійскихъ и американскихъ флотскихъ офицеровъ, получившихъ отпускъ на берегъ: каждый изъ нихъ разумѣется желалъ видѣть Гарибальди. Командиръ американскаго корабля пріѣхалъ вмѣстѣ съ американскимъ консуломъ; швейцарскій консулъ также пріѣхалъ. Гарибальди теперь уже не Флибустьеръ, онъ главнокомандующій сицилійскихъ національныхъ силъ. Каждый кто пріѣзжалъ, навѣрное захочетъ пріѣхать во второй разъ, потому что каждый принимается съ ласковымъ словомъ и каждому видно, что ему рады.

Мнѣ кажется, что Гарибальди скоро съ избыткомъ вознаградитъ бы свои потери, если бы ему позволили принимать желающихъ съ австрійскихъ и американскихъ кораблей. Хорошо, что неаполитанскіе офицеры были тутъ, чтобы видѣть эту сцену: она покажетъ имъ, какъ думаютъ о нихъ иноземные народы.

Вскорѣ послѣ того явился парламентаръ изъ зданія финансоваго управления, которое еще занято роялистами, предлагая сдать эту позицію съ находящимися въ зданіи суммами, — всего, говорятъ, 4,000,000 таровъ или 2,000,000 франковъ. Это большею частью частная собственность, положенная туда для безопасности. Условія были приняты.

Извѣстіе о продленіи перемирія въ мигъ измѣнило фізіогномію города. Многіе изъ переѣхавшихъ на корабли возвратились, потому что отсрочка позволяла имъ привести свои дѣла въ порядокъ, чего не успѣли они сдѣлать при торопливомъ отъѣздѣ. Лихорадочное состояніе миновалось, веселость стала господствующею чертою города, который былъ иллюминированъ, какъ и во все дни съ нашего прибытія. До поздней ночи множество народа расхаживало по улицамъ съ пѣснями и радостными криками. Разнощики вяленой рыбы, которая здѣсь главное продовольствіе, появились на улицахъ—это я считаю признакомъ возвращенія къ болѣе нормальному состоянію. Явились похоронныя процессіи съ крестами, образами (особенно образами св. Розаліи), восковыми свѣчами. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и каждый возвращается домой не съ тѣми чувствами, съ какими всталъ нынѣ по утру.

Іюня 4.

Въ эту ночь ушелъ одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ; на немъ уѣхалъ, говорятъ, и самъ генералъ Ланца. Пароходъ пошелъ въ Неаполь, и надобно полагать, что уѣхавшій на немъ генералъ, кто бы онъ ни былъ, отправился туда изложить необходимость уступокъ. Я уже говорилъ вамъ, что Гарибальди согласенъ на миръ, если будетъ возвращена сицилійцамъ конституція, въ особенности

подъ гарантию Англии, и король неаполитанскій обѣщается слѣдовать истинно итальянской политикѣ. Посредничество адмирала Мёнди, которое до сихъ поръ приводило къ такимъ хорошимъ результатамъ, устраняетъ всѣ затрудненія. Если неаполитанцы думаютъ, что могутъ повестъ дѣло инымъ путемъ, черезъ другое посредничество или вовсе безъ посредничества, они ошибаются: Гарибальди никого не слушается и ни на кого не полагается, кромѣ адмирала Мёнди. Адмиралъ принудилъ неаполитанцевъ вести переговоры прямо съ Гарибальди и тѣмъ самымъ признать его: Гарибальди не такой человекъ, чтобы забыть это.

Неаполитанцы очень дѣятельно перевозятъ раненыхъ на корабли, привозятъ въ королевскій дворецъ провіантъ и, вѣроятно, боевые снаряды. Дезертиры продолжаютъ приходить къ Гарибальди десятками. Кромѣ того, новостей нѣтъ.

«Меандръ» уходитъ въ 3 часа въ Мессину и успѣетъ быть въ Марсели въ субботу, ко времени отхода англійской почты.

Съ каждымъ часомъ приходятъ новыя извѣстія о распространеніи возстанія. Вчера прибылъ изъ Трапани неаполитанскій пароходъ съ извѣстіемъ, что ежеминутно ждутъ нападенія инсургентовъ на этотъ городъ. Говорятъ, что Мессина была бомбардирована (*). Пора неаполитанцамъ подумать о примиреніи.

Юни 2.

Вчера вечеромъ зданіе финансоваго управленія, большой домъ на Толедской улицѣ, было сдано роялистами. Переговоры шли четыре дня. Первое предложеніе не было принято Гарибальди, настаивавшимъ, чтобы солдаты положили оружіе, на что они не соглашались. По заключеніи перемирія, предложеніе было возобновлено со стороны войскъ; обнаружилось обстоятельство, склонявшее принять его. Никто не предполагалъ, чтобы въ этомъ домѣ были оставлены деньги, — оказалось, что онѣ были тамъ оставлены. Неаполитанцы были такъ увѣрены въ своихъ силахъ, что не подумали принять мѣры на случай потери Палермо, и такимъ образомъ осталось въ кассѣ болѣе 5,000,000 дукатовъ, или 1,200,000 фунтовъ, — по точному счету, 5,444,444 дукатовъ (болѣе 8,000,000 р. сер.). Изъ этой суммы только 100,000 дукатовъ принадлежатъ правительству; остальное — частныя вклады. Г. Криспи, государственный секретарь, отправился туда съ кассирами и контролерами финансоваго управленія; составили протоколъ; эти чиновники и капитанъ отряда, занимавшаго зданіе, подписали его. Въ отрядѣ было до 125 человекъ; нѣтъ

(*) Читатель знаетъ, что слухъ этотъ былъ несправедливъ.

позволили удалиться съ оружіемъ и багажемъ. У нихъ былъ только одинъ раненный; это легко объясняется выгодностью ихъ позицій и тѣмъ, что правильнаго нападешя не было дѣлано на нихъ. Занимая свой постъ, они забавлялись тѣмъ, что стрѣляли во всѣхъ прохожихъ. Говорятъ, что даже по заключеніи перемирія ихъ выстрѣлами были убиты два человѣка у Porta Felice. По найденнымъ бумагамъ видно, что изъ правительственнаго фонда было взято 792,000 дукатовъ на военныя издержки, которыя очень значительны, потому что съ самаго начала волненій солдаты получаютъ двойное жалованье.

Нынѣ утромъ получено извѣстіе, что вчера рано утромъ пароходъ Utile пришелъ въ Марсалу, высадилъ около 100 человѣкъ волонтеровъ и выгрузилъ 2,000 ружей съ большимъ количествомъ боевыхъ снарядовъ, безъ всякаго препятствія: всѣ неаполитанскія суда были тогда въ Палермо, Мессинѣ, Трапани и Катаніи, — единственныхъ четырехъ пунктахъ, гдѣ еще нѣсколько держатся королевскія войска. Волонтерами начальствуетъ уроженецъ Трапани, эмигрантъ Фрателли. Колонна эта должна была нынѣ утромъ идти на Трапани, жители котораго каждую минуту ждутъ, что городъ ихъ будетъ сожженъ и разграбленъ солдатами. Но я полагаю, что она будетъ призвана сюда, на тотъ случай, если завтра возобновятся военныя дѣйствія.

Ждутъ не одного этого подкрѣпленія. Есть вѣрное извѣстіе, что пароходъ «Блекуэлль» 26 мая вышелъ изъ Ливорно съ 1,500 или 1,800 волонтеровъ. Одинъ изъ неаполитанскихъ фрегативъ, посланныхъ искать его, нынѣшнею ночью вернулся, послѣ напраснаго поиска. Пришедшій вчера изъ Гибралтара купеческій пароходъ сообщаетъ, напротивъ, что у западнаго берега Сициліи видѣлъ большой винтовой пароходъ, наполненный людьми, идущій по направленію къ Марсалѣ. Любопытно было бы, если бъ и эта высадка, подобно двумъ первымъ, произошла въ Марсалѣ.

Въ послѣдніе трое сутокъ не было перестрѣлки; но перемиріе все-таки не было временемъ мира и согласія между противниками. Изъ лагеря въ лагерь почти непрерывно ходятъ одинъ за другимъ парламентары для объясненія недоразумѣній, успокоенія опасеній, проверки фактовъ. То роялисты останавливаютъ транспорты, то тѣ же роялисты врываются въ дома и грабятъ, унося все, что могутъ захватить. Многія изъ такихъ жалобъ подтвердились изслѣдованіемъ дѣла; но я думаю, что эти нарушенія перемирія производятся настолько вѣроломствомъ неаполитанскихъ генераловъ, сколько совершеннымъ недостаткомъ дисциплины въ ихъ войскахъ. Такъ, несмотря на нѣсколько приказаній главнокомандующаго, ко-

лонна, стоящая у терминскихъ воротъ, не хотѣла пропустить транспортъ съ мукою. Дѣло довольно натуральное со стороны солдатъ: они устроили за городомъ родъ ярмарки, на которой торгуютъ всѣческими награбленными вещами, продаютъ ихъ по дешевой цѣнѣ, и не хотѣли пропустить такого хорошаго случая къ снабженію своего рынка товаромъ. Надобно было прибѣгнуть къ возмездію. Одинъ изъ ихъ транспортовъ также былъ задержанъ. Пока его держали, солдаты, его конвоировавшіе, дезертировали почти цѣлымъ своимъ отрядомъ, взявъ съ собою и лишніе муловъ. На другомъ концѣ города солдаты усиливались ворваться въ женскій монастырь; всей власти генерала Ланцы и многочисленныхъ пословъ отъ него оказалось едва достаточно для остановки ихъ. Въ третьемъ концѣ города они увели дѣвушекъ изъ монастыря Oblati, служащаго пріютомъ для дѣвицъ сиротъ. Матери этихъ дѣвушекъ въ слезахъ пришли жаловаться. Самаго факта неаполитанскія начальства не отрицали, но объясняли, что монахини ушли съ солдатами добровольно. Не проходитъ минуты, чтобы не явился ктонибудь съ жалобой на неистовство солдатъ. Еслибъ не удивительная нравственная власть Гарибальди надъ его войскомъ и надъ всѣмъ населеніемъ, невозможно было бы сохранить перемиріе. Во все время, сколько мы находимся, не было ни одного слѣда проступка противъ дисциплины или законнаго порядка въ гарибальдѣвскихъ войскахъ. Несмотря на одушевленіе и волненіе теперь въ Палермо такой порядокъ, какого не было даже во время величайшаго стѣсненія.

Только въ одномъ жителѣ неумолимы: это — преданіе сбировъ смерти; они гоняются за ними, какъ за дикими звѣрями, и разстрѣливаютъ, какъ только найдутъ. Особенно въ первые дни формально производились систематическія облавы на сбировъ, особенно извѣстныхъ народу, и многіе изъ нихъ были убиты прежде, чѣмъ офицеры успѣвали спасти ихъ. Кто вспомнить, какими бѣдствіями подвергался отъ нихъ народъ, тотъ не удивится народной ярости противъ нихъ.

Дезертиры продолжаютъ являться; странно сказать, они большею частью унтеръ-офицеры, сержанты и капралы, а не простыя рядовые (*). Всѣ они просятъ служить у Гарибальди; того же просятъ челоувѣкъ 300 или 400 изъ плѣнныхъ. Начинаютъ переходить къ инсургентамъ даже иностранные наемные солдаты, — то есть, лучшіе изъ нихъ, гнушающіеся своими товарищами и своимъ родомъ службы. Почти каждого офицера, приходящаго отсюда парла-

(*) Конечно потому, что унтеръ-офицеры развѣтѣ рядовыхъ.

менгеромъ къ неаполиганцамъ, разсиранивають о жалованьѣ у Гарибальди, и еслибъ не нашъ неумѣстный патриотизмъ, отвергшій всякую мысль о жалованьѣ, безъ сомнѣнія, баварцы приняли бы предложеніе. Вѣроятно, еще и теперь было бы не поздно сдѣлать имъ предложеніе. Въ домѣ финансоваго управленія нашлось довольно денегъ на эту и на другія надобности.

Если бы Гарибальди и горожанамъ нужно было только сражаться съ войсками, дѣло было бы нетрудное. Но бомбардированіе дѣлаетъ положеніе затруднительнымъ. По образцу, какой мы имѣли въ первый день, можно видѣть, чего надѣлаетъ оно, если будетъ продолжительно. Можетъ исполниться угроза обратить городъ въ груды развалинъ и похоронить подъ ними тысячи мирныхъ гражданъ, — особенно, если солдаты по прежнему обычаю будутъ жечь каждый домъ, который разграбятъ.

Можно было бы написать цѣлыя томы о вандальствахъ, уже совершенныхъ ими, потому что каждая изъ развалинъ, считаемыхъ сотнями, имѣетъ свою исторію грубаго безчеловѣчія. Если не было на это у меня столькожъ свидѣтелей, офицеровъ британской эскадры, ходившихъ по городу и своими глазами видѣвшихъ факты, я боялся бы сказать объ этихъ вандальствахъ, — такъ они кажутся невѣроятны. Особенно въ кварталахъ на правой и на лѣвой рукѣ отъ королевскаго дворца, населенныхъ по большей части бѣдными людьми и наполненныхъ монастырями, производились ужасы, въ которыхъ можетъ удостовѣриться каждый, кто пойдетъ туда. Слѣды ихъ увидитъ онъ своими глазами. Тамъ стоятъ черные остовы сожженныхъ домовъ. Населеніе въ нихъ очень тѣсно набито даже въ обыкновенныя времена. Страхъ бомбардированія переполнилъ ихъ людьми еще больше прежняго. Бомбы, упавшей на одинъ изъ нихъ, разтерзавшей и похоронившей его жильцовъ, бывало достаточно, чтобы жители сосѣдняго дома, бросая его, прятались въ погреба. Солдаты, отступая, зажигали дома, уцѣлѣвшіе отъ бомбъ, и такимъ образомъ множество людей было сожжено въ этихъ убѣжищахъ. По всему околадку Альберджеріа воздухъ наполненъ запахомъ труповъ, проникающимъ сквозь развалины, и жирнымъ чадомъ, происходящимъ отъ горѣнія тѣла. Если вы можете вынести этотъ запахъ, попробуйте войти въ развалины, потому что только тамъ вы увидите, что это такое за вещь. Не долго вамъ придется искать, — скоро вы споткнетесь о за жарившіеся остатки человѣческаго тѣла, — тутъ о ногу, тамъ о руку, черезъ нѣсколько шаговъ о голову. Вамъ послышится шорохъ, — вы осмѣтритесь: десятокъ разлѣзшихся крысъ бѣжитъ во всѣ стороны, или собака старается убѣжать черезъ развалины; тучи

мухъ взлетаютъ при вашемъ приближеніи, и вы спѣшите вонъ, чтобы уйти отъ ихъ отвратительнаго и ядовитаго прикосновенія.

Я дивлюсь только тому, что видъ этихъ сценъ не обращаетъ каждаго палермца въ тигра, каждую палермитянку въ фурию. Но эти люди были такъ долго затаптываемы, деморализируемы, что ихъ натура какъ будто потеряла всю силу реакціи. А все-таки послѣдніе дни навели на нихъ убѣжденіе, что невозможно имъ было ожидать никакой пощады, что еще во сто разъ большіе ужасы произошли бы, если бы неаполитанцы снова овладѣли городомъ. Эта грозившая опасность сильнѣе всего содѣйствовала тому, что народъ нѣсколько пробудился отъ своей апатіи, и надобно сказать: приготовленія къ встрѣчѣ войскъ стали теперь производиться не по прежнему. Посмотримъ, удержится ли эта бодрость, когда бомбы опять начнутъ летать по городу.

Гарибальди думаетъ представить протестъ всѣмъ командирамъ стоящихъ здѣсь военныхъ судовъ, съ просьбою, чтобы они своимъ вліяніемъ предотвратили мѣру, вредящую только беззащитной части населенія. Если всѣ консулы и командиры иностранныхъ военныхъ судовъ будутъ дѣйствовать единодушно, я думаю, неаполитанцы не осмѣлятся возобновить бомбардированія. Разкажъ, что нѣкоторые изъ консуловъ и иностранныхъ командировъ протестовали, столь часто повторявшійся и опровергавшійся, оказывается однако же справедливымъ. Когда было сообщено, что въ случаѣ народнаго возстанія городъ будетъ бомбардированъ, адмиралъ Мѣнди пріѣхалъ къ Ландцѣ и спросилъ, намѣренъ ли онъ исполнить эти инструкціи. Услышавъ, что онъ исполнить ихъ, адмиралъ подалъ ему письменный протестъ, который привезъ съ собою. Когда онъ уходилъ отъ Ландцы, вошелъ командиръ французской эскадры съ такимъ же протестомъ, а вскорѣ послѣ того командиръ американской. Ихъ не послушали, какъ вамъ извѣстно.

3 іюля, утро.

Вчера въ 9 часовъ вечера на неаполитанскомъ почтовомъ пароходѣ «Саэтта» пріѣхалъ изъ Неаполя генералъ Летиція. Мнѣ сообщали за достовѣрное, что онъ привезъ съ собою инструкціи: биться до послѣдняго человѣка, для этого призвать сюда гарнизонъ изъ Трапани и войска, идущія изъ Джирдженти, приготовиться какъ можно лучше, а до окончанія приготовленій занять Гарибальди переговорами. Изъ Неаполя прислано большое количество орсиніевскихъ гранатъ и конгревовыхъ ракетъ, съ приказаніемъ не жалѣть ничего, жечь и истреблять всѣ дома. Посмотримъ, до какой степени это справедливо.

Нынѣ рано поутру генераль Летиція пріѣхалъ къ Гарибальди съ просьбою о безсрочномъ продленіи перемирія. Они говорили между собою совершенно наединѣ, и никто не знаетъ, какія гарантіи даны неаполитанцами Гарибальди, и какими соображеніями объяснено перемиріе. Но вѣрно то, что Гарибальди удовлетворился. Пусть онъ не слишкомъ полагается на слова неаполитанскаго генерала — вотъ самое горячее желаніе каждаго приверженца защищаемаго имъ дѣла.

Между тѣмъ положительно извѣстно, что гарнизону Трапани велѣно готовиться къ отплытію, взять съ собою какъ можно больше пушекъ и истребить остальные. Два парохода и парусный корветъ посланы перевезти эти войска, — куда, неизвѣстно. У всѣхъ здѣсь мысли разстросны всѣми этими тайнами, всѣ недоумѣваютъ, что такое значить это перемиріе.

При извѣстїи о продленіи перемирія стали возвращаться уѣзжавшіе изъ города, двинувшіеся было изъ него съ самаго разсвѣта въ опасеніи битвы и бомбардированія.

4 іюня.

Вчера, тотчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, неаполитанскій генераль Летиція снова отправился въ Неаполь. Ожидаютъ, что онъ скоро вернется. Говорятъ, что онъ просилъ у Гарибальди честнаго слова никому не рассказывать объ извѣстіяхъ, привезенныхъ имъ изъ Неаполя, такъ что никто не знаетъ ничего положительнаго. Но изъ этихъ разѣздовъ отсюда въ Неаполь надобно заключать, что неаполитанскій генераль привозилъ сюда мирныя условія и поѣхалъ назадъ съ отвѣтомъ. Изъ Неаполя пишутъ, что король требовалъ вмѣшательства иностранныхъ державъ; потому неаполитанское правительство, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ думаетъ о переговорахъ.

Вы не удивитесь, услышавъ, что здѣсь мало вѣрятъ неаполитанцамъ, и потому господствуетъ мнѣніе, видящее во всѣхъ этихъ свиданіяхъ только попытки обмануть Гарибальди.

Вчера я писалъ вамъ, что изъ хорошаго источника слышалъ, будто генераль Летиція привезъ изъ Неаполя инструкціи вовсе не мирнаго, а напротивъ самаго воинственнаго характера, и что переговоры начаты единственно съ цѣлью обманывать Гарибальди до той поры, когда кончатся всѣ приготовленія. Несомнѣнно одно: съ пріѣздомъ генерала Летиція даны были новыя инструкціи неаполитанскимъ кораблямъ. До его возвращенія, они заняты были нагрузкою всѣхъ тяжелыхъ вещей изъ цитадели и изъ дворца. По пріѣздѣ Летиція, это немедленно было прекращено; боевые снаряды стали выгружаться опять на берегъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ парусный корветъ, буксируемый двумя пароходами, пошелъ въ Трапани, перевезти

войска оттуда въ Палермо. Онъ теперь возвратился и привезъ эти войска.

Перевозка раненыхъ изъ королевскаго дворца продолжается. Надобно считать, что ихъ перевезено уже больше 800 человекъ. Но ввозъ провiанта во дворецъ значительно уменьшился. Или войска уже достаточно снабжены, или уже не осталось лишнихъ запасовъ въ цитадели.

Поутру нынѣ люди, имѣющіе запасы вяленой рыбы въ частяхъ города, занятыхъ войсками, пришли съ жалобой, что ихъ магазины разбиты, а товаръ перевезенъ на военныхъ шлюбкахъ на корабли. Разныхъ разказовъ такъ много, что я только повторяю факты, доказанные повѣркой, и объ этомъ упоминаю только потому, что самъ видѣлъ бочки, перевозимыя на корабли изъ кварталовъ, занятыхъ наемными войсками.

Надежда на переговоры нисколько не ослабила дѣятельность приготовленій къ оборонѣ. Сначала баррикады строили повсюду, гдѣ нужно и гдѣ ненужно, не было времени позаботиться о систематическомъ планѣ этой работы. Теперь составленъ общій планъ обороны. Всѣ ненужныя баррикады срыты, другія поправлены, третьи перестроены съ-изнова. Силою усердныхъ заботъ, болѣе десяти пушекъ (почти все флотскихъ) приспособлены къ дѣлу и поставлены на лафеты. Составлена команда къ нимъ, приготовлены заряды изъ картечи и пуль. Орсиневскія гранаты дѣлаются въ большомъ количествѣ, неуспынно готовятся пули и порохъ. Послѣдній неаполитанскій бюллетень говоритъ, что Гарибальди окруженъ въ Палермо и скоро будетъ уничтоженъ. Нынѣ утромъ колонна, стоящая у терминскихъ воротъ, прислала жалобу, что расположенные въ тылу ея отряды инсургентовъ стрѣляли по ней. Взглянувъ на цѣпь горъ, окружающихъ Палермо, вы каждую ночь увидите на нихъ повсюду огни инсургентовъ, оставшихся за городомъ. Если о комъ можно сказать «они окружены», то конечно ужъ о неаполитанцахъ.

Волонтеры и военные запасы, прибывшіе въ Марсалу, направляются сюда. Два дня тому назадъ, они были въ Партенико; рассчитываютъ, что нынѣ вечеромъ или завтра поутру они будутъ здѣсь.

Еще нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о второй, болѣе значительной экспедиціи, отпавшей изъ Ливорно 26 мая. Вѣроятво, она отправилась куда нибудь дальше. Препятствій не могла она встрѣтить, потому что всѣ неаполитанскія военныя суда сосредоточены въ трехъ или четырехъ пунктахъ, отъ которыхъ не отходятъ никуда.

Извѣстіе, что Мессина была бомбардирована, несправедливо. Но теперь канонерская лодка изъ Мальты, заходившая въ Италію, по-

вѣстила, что инсургенты напали на войска, стоящія въ городѣ, нанесли имъ большой уронъ — до 400 или 500 человекъ — но не могли выбить ихъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ королевскомъ дворцѣ и каедральномъ соборѣ.

Слухи о войскахъ, ушедшихъ изъ Джирдженти, различны. Одни говорятъ, что они въ Трапани, другіе — что они на южномъ берегу, въ Террановѣ. Самымъ лучшимъ примѣромъ трудности устроить, чтобы комитеты разныхъ провинцій и городовъ дѣйствовали по надлежащему плану, можетъ служить то обстоятельство, что хотя вся страна въ рукахъ инсургентовъ, но нѣтъ правильнаго сообщенія между провинціями и Палермо. Народъ здѣсь не привыкъ управлять своими дѣлами, и не имѣетъ никакой инициативы. Назначены въ провинціи новые губернаторы; надобно надѣяться, что они внесутъ нѣкоторое единство въ дѣйствія всѣхъ провинцій.

У меня было такъ много другихъ извѣстій, что прежде я не имѣлъ времени сказать вамъ, какъ устраивается новая организація провинцій. Въ нынѣшнемъ, какъ и во всѣхъ прочихъ сицилійскихъ движеніяхъ, главною бѣдою былъ недостатокъ единства. Какъ только высадили Гарибальди и нѣсколько прошелъ въ глубину острова, всѣ важнѣйшіе члены аристократіи и городскихъ обществъ просили его принять диктатуру отъ имени Виктора Эммануэля, короля итальянскаго, и главное начальство надъ всѣми національными силами.

Первою заботою было, разумѣется, организованіе военныхъ силъ. До той поры, какъ вы знаете, дѣло ограничивалось тѣмъ, что волонтеры собирались около какогонибудь человека, пользующагося вліяніемъ въ ихъ округѣ или городѣ; отряды эти оставались независимыми другъ отъ друга, люди оставались вмѣстѣ или расходились, какъ случится.

Декретъ 19 мая, изданный въ Салеми, учреждаетъ милицію, къ которой принадлежатъ всѣ мужчины отъ 17 до 50 лѣтъ. Люди отъ 17 до 30 лѣтъ поступаютъ въ дѣйствующее войско и должны служить въ дѣйствіяхъ по всему острову; люди отъ 30 до 40 лѣтъ служатъ въ своихъ провинціяхъ, а отъ 40 до 50 — въ своихъ общинахъ.

Офицеры дѣйствующей арміи назначаются главнокомандующимъ по предложенію батальонныхъ командировъ; офицеры второй и третьей категорій, несущихъ только мѣстную службу, выбираются самими отрядами.

Но вы поймете, что трудно приводить въ исполненіе этотъ декретъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, въ Палермо дѣло подвигается впередъ. Отряды инсургентовъ, смотря по своей численности, преобразованы въ роты и батальоны; ихъ на-

чальникамъ даны чины, соотвѣтствующіе числу людей въ отрядѣ. Каждому назначенъ свой постъ, и постепенно они привыкаютъ къ правильнѣйшей организаціи по продовольствованію и управленію. Но ввести въ что подобное порядку въ этотъ хаосъ и приучить этихъ людей не слѣдуетъ одѣвать своимъ фантазіямъ, — геркулесовскій трудъ.

Теперь эти отряды инсургентовъ получаютъ правильное жалованье; и я не полагаю, чтобы они долго прослужили безъ него. Они называются этническими стрѣлками *Cacciatori dell'Etna*, — имя хорошо идущее людямъ, довольно похожимъ на этотъ курящійся, но очень безвредный вулканъ.

Любопытно то, что сицилійскіе патриоты берутъ жалованье, между тѣмъ какъ энтузіасты сѣверной Италіи, пришедшіе на помощь имъ, не получили ни одной копѣйки и не рассчитываютъ получить ничего.

Очень хлопчатъ о томъ, чтобы снабдить ихъ чѣмъ нибудь похожимъ на обмундировку. Сдѣлано довольно много красныхъ флаanelовыхъ рубашекъ, и почти всѣ гарибальдѣевскіе волонтеры имѣютъ теперь этотъ мундиръ. Туземные милиціонеры еще остаются въ своемъ платьѣ изъ темной бумажной матеріи, которое носятъ здѣсь всѣ и которое такъ однообразно, что служить очень хорошимъ мундиромъ до приобрѣтенія лучшаго.

Если подумать, что не прошло еще двухъ мѣсяцевъ послѣ того времени, какъ въ послѣдній разъ было отобрано у всѣхъ сицилійцевъ оружіе, надобно дивиться, сколько ружей еще осталось въ странѣ. Это большею частью короткія ружья, болѣе похожія на одноствольные охотничьи карабины, чѣмъ на боевыя ружья. Но почти всѣ они пистонныя; старыхъ кремневыхъ мало. Судя по виду, почти всѣ они еще изъ 1820 года или раньше, и только пистонные замки придѣланы къ нимъ позже, — вѣроятно въ 1848 — 1849. Желаніе имѣть ружье доходитъ до страсти. Строжайшія приказанія были отданы доставлять въ главную квартиру всѣ ружья, отбываемыя у неаполитанцевъ. Но все-таки ихъ доставляется очень мало. «Молодцы» овладѣваютъ ими, нѣсколько срѣзывая прикладъ и стволъ, чтобы трудно было узнать ихъ. Никакой бѣднякъ не можетъ жаднѣе желать денегъ, чѣмъ «молодецъ» патроновъ. Но разница та, что «молодецъ» не бережетъ ихъ такъ, какъ бѣднякъ деньги. Во время уличной войны, какъ только отряду инсургентовъ давали патроны, они тотчасъ же уходили, занимали дома на безопасной дистанціи, начинали бить по стѣнамъ и на воздухъ. Разумѣется, скоро оставались они безъ патроновъ, и возвращались съ похвалюбою, какъ дрались они съ неаполитанцами. Впрочемъ, неудивительно, что эта сума-

шедшая стрѣльба пугала солдатъ, а инсургенты ободрялись шумомъ, какой дѣлали. Въ первые дни, бывало, даже когда стоятъ они въ своемъ лагерѣ, трудно было удержать ихъ отъ выпусканiя зарядовъ на воздухъ, черезъ минуту послѣ того, какъ они жаловались на недостатокъ патроновъ. Теперь это случается очень рѣдко. Они стали нѣсколько поумнѣе и научились цѣнить заряды.

Кромѣ военной, начала устанавливаться также и гражданская организація. Для этого назначенъ государственный секретарь (*), контрасигнирующий всѣ декреты диктатора. Въ каждую провинцію назначенъ губернаторъ, управляющій при содѣйствiи совѣта, избираемаго народомъ. Губернаторы въ сосѣднія провинціи почти всѣ уже назначены, и чѣмъ скорѣе они назначаются, тѣмъ лучше. Въ такія времена каждою областью долженъ править отвѣтственный человѣкъ, имѣющій полномочіе. Комитеты много говорятъ, но мало дѣлаютъ.

Городъ принялъ почти мирный видъ. Лавки начинаютъ открываться, — но лишь по немногу. Я уже говорилъ вамъ, что когда Гарибальди вступилъ въ Палермо, почти на всѣхъ лавкахъ и домахъ были надписи, объявлявшія, что они принадлежатъ иностранцамъ: *Interessi francesi, или inglesi, или americani* — было написано почти повсюду. Это должно было служить огражденіемъ отъ солдатскаго грабежа, — не думаю, чтобы въ самомъ дѣлѣ оградило даже и противъ него (и дѣйствительно не оградило въ частяхъ занятыхъ солдатами); а противъ бомбъ и огня вовсе не помогало. Пошедши по Толедской или другой улицѣ, вы изумитесь множеству «англійскаго» и «французскаго» имущества съ громадными пробоинами отъ бомбъ. Если иностранныя державы потребуютъ вознагражденія за всѣ эти убытки, понесенныя ихъ подданными, расплачиваться будетъ тяжело; но это было бы должнымъ возмездіемъ за неуваженіе къ протесту командировъ иностранныхъ эскадръ.

У насъ здѣсь есть уже двѣ газеты: *Giornale Officiale*, официальная газета временнаго правительства, и *Unita Italiana*; онѣ продаются по улицамъ вмѣстѣ съ ужасною вяленою рыбою, которая составляетъ главное продовольствіе всего населенія.

На этомъ останавливается корреспонденція въ тѣхъ нумерахъ *Times'a*, которые получены нами. Для ознакомленія читателей съ подробностями дальнѣйшаго хода дѣлъ, лучше будетъ подождать продолженія этого разсказа, чѣмъ передавать извѣстія газетъ, часто про-

(*) Криспи.

творѣщія между собою и несообразныя съ тѣмъ, что положительно извѣстно о положеніи дѣлъ въ дни, предшествовавшіе времени, къ которому они относятся. Потому, удерживаясь пока отъ подробностей, напомнимъ читателю только главныя черты, извѣстныя ему и по газетамъ.

Неаполитанскія войска всѣ вышли изъ Палермо. Гарибальди въ этотъ промежутокъ времени занимался организаціею арміи и гражданскаго управленія. У неаполитанцевъ остается теперь въ Сициліи только одинъ важный пунктъ, Мессина. Гарибальди, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ, перенесъ войну на итальянскій материкъ: отрядъ его волонтеровъ уже явился въ Калабринъ.

По сравненію съ тѣми событіями, подробности которыхъ рассказъ намъ палермскій корреспондентъ Times'a, всѣ другіе факты и слухи, относящіеся къ прошлымъ тремъ недѣлямъ, кажутся такъ мелки, рутинны, что читатель быть можетъ не осудитъ насъ за то, что мы не чувствуемъ охоты говорить о нихъ въ нынѣшній разъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Джулія. (Съ итальянскаго). Стихотв. <i>Д. Л. Михаловскаго</i>	5
Дядюшка. Разказъ. <i>Е. Н. Колбасина</i>	9
Гаранщина. Разказъ. <i>Подоліна</i>	63
Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ. — II. — <i>М. Л. Михайлова</i>	89
Изъ человѣческой правды и нравственности. <i>Ю. И. Жуковскаго</i> . . .	107
Іюльская монархія. — IX. Процессъ Менильмонтанскаго семейства. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	127
«Давнымъ давно тебя похоронилъ я». Стихот. <i>К. К. Случевскаго</i> . . .	160
Тяжелый трудъ. Повѣсть. — I. Наемъ квартиры. — II. Сны Паши. — III. Парамоновъ. — IV. Знакомство двухъ комнатъ. — V. Ли- хорадочно-рабочая жизнь обѣихъ комнатъ. — VI. Знакомство обѣихъ комнатъ упрочивается. — VII. Дѣловой визитъ хозяй- ки. — VIII. Разговоръ двухъ подругъ. — IX. Школьный другъ. — X. Праздникъ. — XI. Трудъ подвигается къ концу. — XII. Бо- лѣзнь Паши. — XIII. Трудъ конченъ и относится на оцѣнку. — XIV. Больница. — XXV. Трудъ оцѣненъ. — XVI. Похороны и отъѣздъ. <i>Н. Смирнова</i>	163
Изъ Гейне. Стихотв. <i>П. Вейнберга</i>	252

Волжскіе татары. <i>П. А. Шино.</i>	Стр. 255
Неспособный. Разсказъ. (Изъ записокъ отставнаго штабъ-лѣкаря). <i>Ер. В—ша.</i>	291
Петербургская старина. <i>П. Пекарскаго.</i>	311

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Основанія политической экономіи, Милля, переводъ *Н. Г. Чернышевскаго*, дополненный замѣчаніями переводчика (стр. 161—208).
Исповѣдь Дженетъ. Романъ *Джорджа Элиота*.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

май.

Русская литература. — Антропологическій принципъ въ философіи. (Очерки вопросовъ практической философіи. Соч. П. Л. Лаврова. I. Личность). Статья II.	1
Новыя книги: Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемые Николаемъ Тихонравовымъ. Книжка первая, вторая и третья (47). — Дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. Изданіе Александра Марковича. 2 части (53). — Пермскій Сборникъ, повременное изданіе. Книжка II (62). — Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. Исмаилова.	67
Послѣднее слово г. Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей. <i>Н. И. Костомарова.</i>	73
Замѣчаніе на «послѣднее слово г. Погодину», г. Костомарова. <i>Н. Г. Чернышевскаго.</i>	84
Петербургская жизнь. Замѣтки <i>Новаго Поэта</i> . (Петербургская весна и фразы по ея поводу. — Цвѣточная выставка. — Дачная мебель на выставкѣ. — Журналъ «Садоводства». — Опять мой увлекающійся другъ. — Мой разговоръ съ нимъ подъ тѣнью банана. — Воспоминаніе о графѣ Хвостовѣ. — Нѣсколько словъ объ обществахъ любителей словесности, академіяхъ, и прочее. — Протоколы общества въ рѣчи г. Хомякова. — Шумскій. — Открытіе англійскаго клуба въ новомъ помѣщеніи и обѣдъ 6 мая. — Сипко. — О частныхъ объявленіяхъ въ газетахъ и журналахъ. — Чтеніе г. Тургенева о Пушкинѣ. — Биржа и биржевыя лавки. — Воздухоплаватель Бергъ. — Перестройка Публичной Библіотеки. — Пятипроцентные билеты. — Городской общественный банкъ. — Отправленіе за границу. — Почтмейстеръ-стихотворецъ).	89
ПОЛИТИКА. (Сицилійскія дѣла. — Конституція, полученная Австріею. — Либерализмъ французскаго сената. — Парламентская реформа въ Англіи)	119

Внутреннее обозрѣніе. (Воскресныя школы. — Новыя распоряженія о казенныхъ воспитанникахъ въ некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. — Измѣненія въ некоторыхъ статьяхъ Рекрутскаго Устава. — Введеніе оброчнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ. — Иностранцы колонисты въ Россіи. — Нѣсколько печальныхъ фактовъ изъ жизни рабочаго и земледѣльческаго сословія въ Россіи. — Нѣжинскіе греки. — Еще объ откупахъ и откупныхъ командахъ). 165

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

5.

Оговорка.	1
Опыты отученія людей отъ пищи.	4
Юное дарованіе, обещающее поглотить всю современную поэзію. Семь стихотвореній Аполлона Капелькина. 1) Первая любовь, 2) Родина великая, 3) Куда дѣваться, 4) Причина мерцанія звѣздъ, 5) Существенность и поэзія, 6) Общественный дѣятель и 7) Рыцарь безъ страха и упрека.	28
Отъѣзжающимъ за-границу.	35
Кюрье — въ видѣ Чацкина и Горвица.	38
Развязка диспута 19 марта (съ новымъ романсомъ г-ну Погдину).	39
Еще произведеніе Пруткова: Черепословъ, сирѣчь Френологъ. Оперетта въ трехъ картинахъ.	41

июнь.

Русская литература. — Матеріалы для исторіи простонародныхъ суевѣрій. (Объ антихристѣ, противъ раскольниковъ, соч. Нильскаго. — Le Raskol. Essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie).	193
Новыя книги: Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. Ор. Новицкаго. Часть I. Религія и философія древняго востока (217). — Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ міеологіи. Сочиненіе американскаго писателя Натаніэля Готорна (230). — Историческая бібліотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія Французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, Ф. К. Шлоссера, профессора исторіи при гейдельбергскомъ университетѣ. Восемь томовъ. Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія.	245
Исторія изъ-за г-жи Свѣтцовой.	249

Петербургская жизнь. Забѣтки <i>Новаго Поэта</i> . (Неудобства и дороговизна петербургской жизни. — Можно ли сравнивать Петербургъ съ другими европейскими столицами? — Нашъ образъ жизни. — Широкія русскія натуры. — Письмо моего знакомаго о переѣздѣ на дачу и о прелестяхъ дачной жизни. — Чай въ петергофскомъ воксалѣ «Veltvие». — Успѣхи петербургскаго музыкальнаго общества. — Спускъ корабля «Императоръ Николай I». — Загородныя увеселенія. — Штраусъ и Бахъ. — Появленіе Излера и мужа Юліи Пастраны. — Ученныя каварейки и мыши. — Кавказскій горный козель или туръ. — Слозь, направляющійся въ Петербургъ изъ Бухары. — Воздушный шаръ г. Берга. — Еще о смерти юнкера барона Вреде. — Слухи о проэктѣ общины заслуженныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. — Обѣдь 14 мая въ честь членовъ редакціонныхъ комиссій).	279
ПОЛИТИКА. (Письма изъ Палермо въ газету «Times»).	307

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 15 дня 1860 года.

Ценсуръ *Ф. Размакиновъ*.